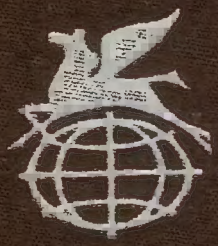


Библиотека
всемирной литературы

Серия третья ***

Литература XX века

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
БИБЛИОТЕКИ
ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абашидзе И. В.
Айтматов Ч.
Алексеев М. П.
Благой Д. Д.
Брагинский И. С.
Бровка П. У.
Бурсов Б. И.
Ванаг Ю. П.
Гамзатов Р.
Грабарь-Пассек М. Е.
Егоров А. Г.
Елистратова А. А.
Емельяников С. П.
Жирмунский В. М.
Ибрагимов М.
Кербабаев Б. М.
Конрад Н. И.
Косолапов В. А.
Лупан А. П.
Любимов Н. М.
Марков Г. М.
Межелайтис Э. Б.
Неупокоева И. Г.
Нечкина М. В.
Новиченко Л. Н.
Нурпеисов А. К.
Пузиков А. И.
Рашидов Ш. Р.
Реизов Б. Г.
Рюриков Б. С.
Самарин Р. М.
Семпер И. Х.
Сучков Б. Л.
Тихонов Н. С.
Турсун-заде М.
Федин К. А.
Федосеев П. Н.
Хапзадян С. Н.
Храпченко М. Б.
Черноуцан И. С.
Шамота Н. З.

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР

АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА · 1969

Вступительная статья

Я. Засурского

И(Амер)
Д72

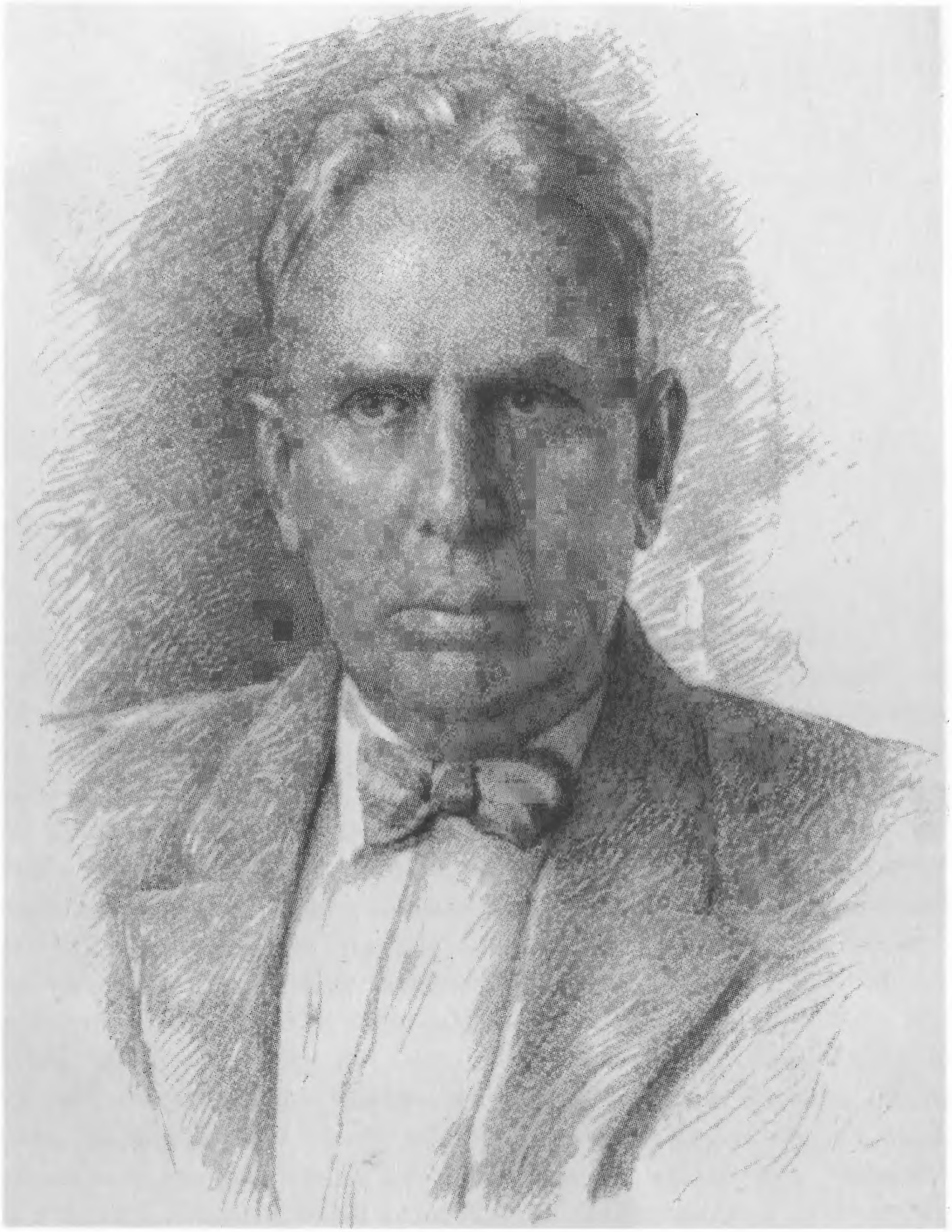
Перевод

З. Вершининой и Н. Галь

Иллюстрации

В. Горяева

7—3—4
Подп. изд.



«АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ» ТЕОДОРА ДРАЙЗЕРА

«Американская трагедия» — вершина творчества американского писателя Теодора Драйзера. В ней наиболее полно воплотился талант художника, гуманиста, правдоискателя, пролагавшего новые пути и в литературе и в жизни.

«Ноги Теодора протаптывают дорогу, тяжелые грубые ноги. Он продирается сквозь чащу лжи, прокладывая путь вперед»,— писал друг и последователь Теодора Драйзера, замечательный мастер американской литературы Шервуд Андерсон. Драйзер раздвинул горизонты американской реалистической литературы, несмотря на все трудности и барьеры, которые возводила на его пути буржуазная Америка, несмотря на шантаж и угрозы, преследовавшие его всю сознательную творческую жизнь.

Известный американский критик и публицист Генри Менкен писал после смерти Драйзера в 1945 году: «Он был великий художник, ни один другой американец его поколения не оставил такого прочного и прекрасного следа в нашей национальной словесности. Американская литература до и после его времени отличается почти так же, как биология до и после Дарвина. Он был человеком огромной оригинальности, глубокой отзывчивости и непоколебимой храбрости. Всем нам, кто пишет, легче оттого, что он жил, работал и надеялся».

В произведениях Драйзера получили развитие многие лучшие традиции американской литературы девятнадцатого века — традиции романтиков Фенимора Купера, Натаниела Готорна, Германа Мелвилла, борцов за освобождение негров Генри Дэвида Торо и Гарриет Бичер-Стоу.

Острое неприятие мира бизнеса роднит Драйзера с Купером, с которым его также объединяет обстоятельная манера повествования. Осуждение пуританского ханжества и практицизма, себялюбия и стяжательства с ранних лет привлекло внимание Драйзера к Готорну — одному из его любимых писателей; не менее близок Драйзеру в этом отношении и Мелвилл,— не случайно американский критик Дэнфорт Росс сравнивал повесть Мелвилла «Писец Бартльби» с полотнами Драйзера. Страстный пафос обличения всех форм и проявлений социальной несправедливости сближает Драйзера с аболиционистами. Особенно близок ему непримиримый уолденский отшельник, борец против рабства Генри Дэвид Торо. В разгар своей активной антифашистской публицистической деятельности в тридцатые годы Драйзер выпустил книгу избранных произведений этого американского писателя и философа «Живые мысли Торо», к которой написал теплое и проникновенное предисловие. Острый критик «позолоченного века» Марк Твен и поэт свободного труда и человеческого разума Уолт Уитмен явились непосредственными предтечами Драйзера.

Литературному процессу США было свойственно некоторое отставание в девятнадцатом веке, поздний расцвет романтической школы и более позднее, чем в большинстве европейских стран, развитие реализма. В убыстрении этого развития в двадцатом веке особенно велика заслуга Теодора Драйзера.

Драйзер вернул американской литературе живое дыхание жизни, он «ворвался в спертую и затхлую атмосферу Америки, как порыв неукротимого ветра, и впервые со времен Марка Твена и Уитмена внес в наш пуританский обиход струю свежего воздуха» [1],— сказал в 1930 году Синклер Льюис.

Суровой и непреклонной борьбой за правду жизни Драйзер открыл двадцатый век американской литературы, проложил путь плеяде крупнейших американских писателей нашего времени — Синклеру Льюису и Шервуду Андерсону, Уильяму Фолкнеру и Эрнесту Хемингуэю.

* * *

Теодор Драйзер родился воскресным утром 27 августа 1871 года в небольшом городке Терре-Хот в штате Индиана. Он был двенадцатым ребенком Сары Драйзер, происходившей из семьи чехов — выходцев из Моравии, и рабочего местной фабрики Джона Пауля Драйзера, приехавшего в Америку в 1844 году из Германии. Детство писателя прошло в нужде и лишениях. «В моей памяти встают долгие, мрачные, серые, хо-

---

[1] Синклер Льюис, Кингсблад, потомок королей. Рассказы. Очерки, Л. 1966, стр. 700—701.

лодные дни. Скудная пища — одна картошка, иногда каша. Ребенком я не раз голодал»,— вспоминал он впоследствии.

Очень рано Драйзер начал самостоятельную жизнь. Шестнадцати лет он уехал в Чикаго,— убирал и мыл посуду в ресторане, развозил белье из прачечной, выполнял и многие другие низкооплачиваемые работы. И в каждом романе он возвращался в той или иной форме к эпизодам юношеских скитаний и невзгод.

Драйзеру удалось поступить, правда, очень ненадолго, и в настоящий университет в Блумингтоне, штат Индиана, туда ему помогла попасть его школьная учительница. В университете он много читал. Особенно сильное впечатление на него произвел Л. Н. Толстой, под влиянием которого у семнадцатилетнего Драйзера появилась «как будто совершенно новая мысль,— как замечательно быть писателем. Уметь писать подобно Толстому, чтобы слушал тебя весь мир».

Литературные склонности Драйзера обнаружились во время его работы в газете «Чикаго дейли глоуб», куда ему удалось устроиться в 1892 году. Драйзер-журналист сотрудничал в девяностые годы во многих газетах и журналах, где публиковал и свои первые очерки и рассказы. В 1897 году он бросил службу в журналах и целиком посвятил себя писательской деятельности.

Молодой Драйзер остро ощущал ту стену, которая отделяла буржуазную журналистику и литературу от подлинной жизни. «Ничто меня так не смущало, как противоречие между тем, что я наблюдал, и тем, что я читал. В книгах все было красиво, безмятежно и никогда ни намека на жестокость жизни, ее грубость и пошлость»,— вспоминал он впоследствии. И в первом своем романе — «Сестра Керри» (1900) — он попытался рассказать о подлинной жизни так, как она ему рисовалась.

Героиня романа Каролина Мибер, или сестра Керри, как звали ее дома, родилась в рабочей семье. Бедная работница обувной фабрики, она становится сначала любовницей коммивояжера Друэ, а затем состоятельного Герствуда, который, бросив семью, увозит Керри в Нью-Йорк, где обеспечивает ей карьеру артистки Нью-Йоркского музыкального театра. Поднявшись по социальной лестнице, Керри бросает Герствуда, который утратил для нее всякую привлекательность, когда оказался не в состоянии содержать ее. Отчаявшийся найти работу, Герствуд совершает самоубийство.

В основу сюжета писатель положил факты, очень хорошо ему знакомые,— одна из его старших сестер, Эмма, стала прототипом героини романа; долгие и безуспешные поиски работы Драйзер хорошо познал сам в девяностые годы, и это придало особую жизненность блужданиям безработного Герствуда по Нью-Йорку.

«Сестра Керри», однако, сразу же оказалась фактически под запретом. Дело в том, что издатель Даблдей, согласившийся выпустить книгу по совету известного уже к тому времени писателя Фрэнка Норриса, прочитав этот роман, нашел его безнравственным и напечатал лишь в тысяче экземпляров, из которых триста были разосланы Норрисом различным критикам и журналистам, а остальные в продажу так и не поступили. Только в 1907 году книга была переиздана в США, после того как она с успехом разошлась в Англии, где была опубликована с помощью того же Норриса.

«Сестра Керри» — произведение программное для творчества Драйзера. Глубокое сочувствие вызывают его герои — Керри, которой удалось стать актрисой лишь ценой утраты лучших своих человеческих качеств, разоряющийся и гибнущий на нью-йоркском дне Герствуд,— вся книга проникнута тревогой за судьбу простого человека, за судьбу человеческой личности в Америке.

К проблемам, затронутым в этом романе, Драйзер снова и снова обращается в последующих своих произведениях. Судьбе простой и благородной женщины из трудовой семьи в Америке посвящен второй роман писателя — «Дженни Герхардт» (1911). В монументальной «Трилогии желания» — в «Финансисте» (1912), «Титане» (1914) и «Стоике» (опубликован посмертно, в 1947 г.) — воссоздан облик американского бизнесмена; герой трилогии финансист Каупервуд не только «титан без души и сердца, стремящийся заковать народ в цепи рабства», но и фигура трагическая: человек, впустую растрачивающий свой недюжинный талант. Схватка художника с буржуазной Америкой обрисована в «Гении» (1915). Проблема гибели личности, уродуемой и развращаемой американским обществом, поставлена во всех крупнейших произведениях писателя и прежде всего в его «Американской трагедии» (1925).

* * *

«Американская трагедия» вышла в свет в середине двадцатых годов, прошедшей под знаком пресловутого «процветания» — «просперити». Златоусты американской пропаганды вещали на весь мир о наступлении в США «золотого века».

«Разве все мы не стали богачами?» — спрашивал заглавием статьи журнал «Кольерс» и отвечал: «Беден только тот, кто хочет быть бедным или пострадал от несчастного случая или болезни, да и таких у нас имеется ничтожное количество».

В эту пору безудержного славословия появилась книга Драйзера, рассказавшая правду о том, что скрывалось за фасадом показного благополучия. Она называлась сурово и просто: «Американская трагедия». В ней Драйзер по-новому изобразил горести и печали жизни простого

человека, которые ему всегда были близки. Впервые гибель человеческой личности в Америке предстала перед писателем-гуманистом как неотвратимый результат действия законов американского общества, как проявление глубочайшей национальной болезни, национального бедствия, национальной катастрофы США, как американская трагедия. Гуманизм Драйзера в «Американской трагедии» становится более активным и социально осознанным,— недаром Драйзер назвал свой роман «своего рода классовым эпосом, в котором отражен классовый антагонизм, охватывающий в наши дни весь мир».

Сюжет, который лег в основу романа «Американская трагедия», заинтересовал Драйзера в самом начале его литературной деятельности, вскоре после опубликования романа «Сестра Керри». Тогда он работал над романом «Повеса», сюжет которого в некоторых моментах совпадал с «Американской трагедией». Непосредственно созданию «Американской трагедии» Драйзер посвятил почти пять лет — с 1920 по 1925 год. Замыслом «Американской трагедии», по словам Драйзера, было «не морализировать — да простит бог,— а дать, если возможно, фон и психологию действительности, которые если не оправдывают, то как-то объясняют, как случаются такие убийства, а они встречаются в Америке с поразительной частотой и так давно, как я только могу помнить» [1].

Элен Драйзер вспоминает, что у писателя были заметки, озаглавленные «Американские трагедии». В них содержалось описание пятнадцати случаев, подобных тому, который изображен в романе.

В основу романа Драйзер положил историю убийства в 1906 году Честером Джиллетом своей возлюбленной Грейс Браун. Процесс по этому делу в свое время получил широкую огласку, и в «Американской трагедии» использованы документы и факты, сообщавшиеся в газетах того времени.

Драйзер полемически направил свое произведение против апологетических бульварных романов, которые с благословения властей заполняли американский книжный рынок. В подобных книгах описывалась обычно история бедного юноши, который разбогател, женившись на девушке из состоятельной семьи. Такого рода романы внушали ложные идеи о возможности для каждого американца легко изменить свою судьбу и прославляли стремление к обогащению.

Драйзер, строя сюжет романа на тех же мотивах, развенчал эту идею погони за легким счастьем и создал подлинную панораму американского общества. О своем стремлении к всестороннему охвату действительности писал сам Драйзер в апреле 1927 года: «Я долго раздумывал над этим происшествием, ибо мне казалось, что оно не только отражает

---

[1] Th. Dreiser, Letters, v. II, p. 458.

каждую сторону нашей национальной жизни — политику, общество, религию, бизнес, секс,— это была история, столь обычная для каждого парня, выросшего в небольших городах Америки. Это была исключительно правдивая история о том, что жизнь делает с личностью и как бессильна личность против нее» [1]. Поклонение культу доллара привело к трагической гибели героев романа, двух молодых людей — Роберты Олден и Клайда Грифитса.

Клайд Грифитс существенно отличается от героев предыдущих произведений писателя своей обыденностью, обычностью, заурядностью. Керри обладала актерским дарованием, Дженни Герхардт поражала душевным богатством, Каупервуда писатель даже уподобил Люциферу, у Витлы был талант художника. У Клайда нет талантов Витлы или Керри, нет изворотливости и силы Каупервуда, нет душевной красоты и чистоты Дженни. Он самый обычный и заурядный американский юноша, «средний молодой американец с типично американским взглядом на жизнь». Трагедия Клайда похожа и не похожа на трагедию Витлы или Дженни. Буржуазная Америка растаптывает душевную чистоту Дженни, глумится над ее самыми сокровенными и искренними чувствами; буржуазная Америка губит талант Витлы; судьба же Клайда трагична именно потому, что он усваивает законы буржуазной Америки и по мере своих сил и возможностей следует им, и оттого страшнее его трагедия, трагедия простого американца, американская трагедия.

Клайд — само олицетворение обычности, и в этом смысле он так же типичен. Иллюзии и мечты, привитые ему в детстве, определяют и дальнейшую судьбу молодого человека, охваченного непреодолимым желанием во что бы то ни стало добиться легкой жизни.

В образе Клайда писатель акцентировал неустойчивость, податливость влияниям среды. Повествование строится таким образом, что Клайд все время в центре внимания, и вместе с тем четко видны силы, формирующие его характер. «Одних только разговоров в вестибюле,— пишет Драйзер,— не говоря уже о сценах в баре, в ресторанах и номерах, было достаточно, чтобы внушить каждому неопытному и не очень разборчивому существу, будто главное занятие в жизни для всякого, у кого есть кой-какие деньги и положение в обществе,— это ходить в театры, летом посещать стадион, танцевать, кататься в автомобиле, угощать друзей обедами и ездить для развлечения в Нью-Йорк, Европу, Чикаго или Калифорнию».

Так раскрывается социальная обусловленность поведения Клайда, который проникается стремлением попасть в этот мир роскоши и богатства. Эти мечтания определяют и его отношение к Роберте Олден. «Пусть эта девушка бедна и ей, по несчастью, пришлось стать простой работ-

---

[1] Th. Dreiser, Letters, v. II, p. 458.

нцей,— размышляет Клайд,— он все равно был бы очень счастлив с нею, но только при одном условии: чтобы не нужно было жениться. Что касается брака, тут честолюбивый Клайд был словно под гипнозом: он женится на девушке из круга Грифитсов!» Брак с богатой девушкой казался Клайду путем к исполнению его сокровенных желаний. Карьера для него дороже тех чувств, которые он испытывал к Роберте,— в его сознании любовь неотделима от пышности, удовольствий, богатства, видного положения в обществе. Так создаются предпосылки для трагедии Клайда и Роберты.

В «Американской трагедии» достигается та удивительная художественная цельность, которая отличает истинные произведения искусства. И заглавие романа, и его композиция, и пейзаж, и авторские отступления, и логика развития характеров, и их психология в «Американской трагедии» раскрывают ответственность американского буржуазного общества за трагедию Клайда Грифитса.

Широта социального замысла «Американской трагедии» выявляется и в композиции романа. Драйзер писал о композиции «Американской трагедии» в апреле 1931 года: «Этот роман должен представлять в трех различных социальных и экономических сферах карьеру очень чувствительного, но умственно не очень развитого парня, который обнаруживает, что жизнь его в самом начале затруднена бедностью и низким социальным положением, из которых, повинуясь различным искомым для него и служащим побудительной силой желаниям, он и пытается вырваться» [1]. Разъясняя затем свою мысль, Драйзер отмечает, что первая часть книги была посвящена изображению таких социальных невзгод, какие могут естественно подавить, сдержать и расстроить, а следовательно, и преувеличить эмоции и желания очень чувствительного парня, плохо приспособленного для великой жизненной борьбы, с которой сталкивается любая юность.

Часть вторая, по словам Драйзера, была специально предназначена, чтобы показать, что такой темперамент может случайно быть поставлен лицом к лицу с гораздо более удачливым миром, который разовьет в нем стремление к роскоши и любви, и проследить, как в неравном состязании между бедностью, неграмотностью и великими соблазнами мира он может легко и действительно без всякого участия со своей стороны оказаться побежденным и даже обвиненным в убийстве, как это и происходит с Грифитсом.

Часть третья была тщательно спланирована Драйзером таким образом, чтобы продемонстрировать, как такой слабый человек — пленник сначала своих мечтаний, а потом закона — может легко стать жертвой

---

[1] Th. Dreiser, Letters, v. II, p. 528.

одержимых предрассудками и мстительных провинциальных политиканов, которые, в свою очередь, по причине своей социальной и религиозной ограниченности никак не могут воспринять смягчающие обстоятельства преступления и поэтому, как отмечает Драйзер, судят его куда более жестоко, чем люди более проницательные и умственно одаренные.

Итак, первая книга — экспозиция романа — посвящена формированию характера Клайда, вторая — трагической гибели Роберты, третья — гибели Клайда. В основу сюжета положено развитие характера и личности Клайда в его взаимоотношении с обществом. Клайда водит за нос ветреная продавщица Гортензия Бригс. Развлечения в Канзас-Сити кончаются для Клайда печально,— во время возвращения с вечеринки автомобиль, в котором находились Клайд и его друзья, сбил девочку, а потом, когда напуганные молодые люди пытались скрыться от полиции, произошла автомобильная катастрофа. До смерти перепуганный Клайд бежит из Канзас-Сити. Так заканчивается юность Клайда, который, покинув родительский дом, вступает в самостоятельную жизнь.

Во второй книге Клайд после мытарств и лишений, которые ему пришлось претерпеть во время странствий по различным городам Америки, попадает под опеку богатого дяди-фабриканта. Клайду кажется, что он может наконец сделать карьеру. На его пути оказывается Роберта Олден, которая работает под его началом и зависит от него, и хотя Роберта отнюдь не относится к числу девушек нестрогих правил, Клайду удается достигнуть того, чего он не мог добиться от многоопытной Гортензии Бригс ни ухаживаниями, ни щедрыми подарками.

Клайд не собирался жениться на Роберте с начала их знакомства. Встреча же с богатой Сондрой Финчли внушила Клайду мысль о возможности вступить в столь желанный для него мир и заставила искать пути отделаться от мешавшей теперь ему Роберты. Подчеркивая расчетливость Клайда, Драйзер отмечает, что «Роберта больше нравилась ему. Она была нежнее, мягче, добрее, не такая ледяная». В то же время Сондра «воплощала и неизмеримо увеличивала в его глазах значение своего круга», и Клайд относился к ней иначе,— «в отличие от того, что он с самого начала испытывал к Роберте, его мысли о Сондре не были чувственными». Если отношения Клайда к Роберте диктовала страсть, то к Сондре его влекли расчет, мысль о богатстве, преклонение перед тем, что он считал высшим светом. Страсть к Роберте была убита страстью выбиться в мир богатых.

Драйзер подчеркивает сходство характеров Клайда и Роберты. Клайд для наивной Роберты олицетворяет мир роскоши и богатства. «Встретив Клайда, Роберта увлеклась им и притом вообразила, что он принадлежит к некоему высшему обществу. И в душу ей проник тот же яд беспокойного тщеславия, который отравлял и Клайда». Поэтому она

так настойчиво добивалась, чтобы Клайд женился на ней, и пошла даже на связь с ним, хотя и считала, что это нехорошо, не принято, безнравственно.

Клайд и Роберта неопытны в житейских делах, даже инфантильны. «Клайд по своему характеру,— отмечает Драйзер,— неспособен был когда-либо стать вполне взрослым человеком». Их отношения заканчиваются трагической гибелью Роберты.

Скрупулезно, как бы под увеличительным стеклом рассматривая все обстоятельства трагедии на озере Большой Выпи, Драйзер мотивирует все поступки, которые совершил Клайд, стремясь избавиться от Роберты.

Клайд читает газетное сообщение о несчастном случае на озере Пасс, где утонули мужчина и девушка, причем тело девушки обнаружили, а тела мужчины не нашли. Далее Драйзер передает ход мысли Клайда, который привел его к роковому выходу: «Итак, он и Роберта плывут в лодке, и лодка опрокидывается... и как раз теперь, когда его так терзают все эти ужасные осложнения. Вот и выход! Как просто разрешилась бы эта головоломная, мучительная задача! Однако... стоп!.. не спешить. Может ли человек, хотя бы в мыслях, допустить для себя такой выход из тупика, не совершая преступления в своем сердце — поистине ужасного, чудовищного преступления? Нет, нельзя даже и думать об этом. Это скверно... очень скверно, ужасно! И, однако, если бы — разумеется, нечаянно — несчастье все же случилось? Ведь это был бы конец всем его тревогам из-за Роберты...»

Внешний повод, вызвавший такое смятение в мыслях Клайда, как будто и не очень значителен, но он ведет за собой цепь событий, завершающихся гибелью Роберты и осуждением Клайда.

Драйзер не стремится превратить Клайда в законченного злодея, негодяя, убийцу и вместе с тем не оправдывает его. Он хочет показать истинных виновников смерти Роберты, показать степень морального падения Клайда, который, впитывая индивидуалистический дух американского буржуазного общества, становится преступником, еще не совершив преступления. Ведь Клайд понимает, что если он избавится от Роберты, утопив ее в озере, то превратится в убийцу. Он колеблется, размышляя о возможных последствиях своего поступка. В Клайде Гриффитсе происходит внутренняя борьба, свидетельствующая о его душевном смятении. И Драйзер выносит приговор не столько Клайду, сколько тем, кто морально подготовил его к преступлению.

Из описания гибели Роберты нельзя сделать вывод, что юридически Клайд совершил убийство, или установить степень его вины. О том, насколько запутаны события на озере Большой Выпи, говорил известный американский юрист Кларенс Дарроу, заявивший, что вину Клайда определить невозможно. В американских юридических школах спе-

циально изучалось убийство Роберты как трудный случай в правовой практике.

Клайд виновен в гибели Роберты, и в то же время он не убивал ее сам,— на этом строится дальнейшее развитие сюжета «Американской трагедии». Размышления Клайда передают его внутреннее смятение и страхи, укоры совести.

Анализ мыслей и поступков Клайда делают особенно очевидной неправильность и предвзятость решений, принятых судом, который рассматривал дело Клайда Грифитса. Описание событий на озере — кульминационный пункт романа.

Над сценой на озере Большой Выпи Драйзер работал особенно упорно. Он специально поехал на озеро Большого Лося, где Джиллет убил Грейс Браун, разговаривал с очевидцами убийства, сам плавал на лодке по озеру. Эта сцена стоила Драйзеру больших душевных переживаний. Он признавался, что плакал, описывая смерть Роберты.

В третьей, заключительной, книге идет судебное разбирательство дела Клайда. Вновь проходят перед читателем обстоятельства, при которых было совершено преступление. Вновь устанавливается виновность общества, но американское правосудие выносит приговор Клайду, вину которого трудно установить и доказать. То общество, которое толкнуло Клайда на преступление, посадило его на электрический стул.

Трагедия Клайда состоит не только в том, что он совершил преступление, но и в том, как его судят. Судьба Клайда была предрешена задолго до начала суда. Он стал игрушкой в предвыборной борьбе двух буржуазных партий. Продажность американского правосудия, его пристрастность, приверженность узкогрупповым интересам олицетворяют образы прокурора Мейсона, следователя Хейта, многочисленных адвокатов.

Среди романов Драйзера «Американская трагедия» выделяется глубиной и всесторонностью охвата явлений американской жизни. «Роман Драйзера широк и безбрежен, как Гудзон; необъятен, как сама жизнь»,— писал советский кинорежиссер С. Эйзенштейн, готовивший фильм «Американская трагедия» и не сумевший его поставить из-за сопротивления кинокомпании «Парамаунт». Если для более ранних романов писатель использовал в качестве эскизов свои рассказы, очерки, зарисовки, то для «Американской трагедии» такими эскизами были сами эти романы.

Описание трудного детства и юности Клайда напоминает первые главы «Гения», посвященные мытарствам юного Витлы; образы богатых Грифитсов заставляют вспомнить о «Трилогии желания»; родители Клайда и родители Роберты вызывают в памяти образы отца и матери Дженни Герхардт.

«Американская трагедия» развивает те глубокие гуманистические чувства и мысли, которыми были проникнуты предыдущие романы Драйзера,— это ощущение трагизма жизни простого американца, воплощенное в судьбах Герствуда и Дженни Герхардт, это осуждение духа стяжательства, составляющее пафос «Трилогии желания», это, наконец, отстаиваемое в «Гении» кредо реалистического искусства, призывающее писателя изображать и те стороны жизни, которые вследствие своей обыденности и будничности считаются темой, недостойной художника.

Реалистичны в романе и пейзаж, и те символы и сравнения, к которым прибегает писатель. Книга начинается и кончается сценой сумерек. Глубоко символична сцена гибели Роберты на озере Большой Выпи. Со встречи на озере началась их близость. И теперь все ему напоминает о той прогулке,— «над головой плывет такое же пушистое облачко, как то, что плыло над ним в тот роковой день на озере Крам». Он собирается «поискать здесь водяные лилии, чтобы убить время, прежде чем...» — эти лилии вновь напоминают ту первую, случайную встречу на озере Крам, когда счастливый Клайд «рвал цветы с длинными влажными стеблями и бросал к ее ногам». Эта деталь усугубляет драматизм ситуации, в которую попали Клайд и Роберта.

Драйзер-романист обращает пристальное внимание на психологию своего героя. С той же скрупулезностью, которая была характерна для пейзажа, портрета, для обрисовки деталей, Драйзер передает и анализирует душевные переживания Клайда в ожидании смертной казни. Драйзер специально посетил в тюрьме Синг-Синг Дом смерти, где разговаривал с приговоренными к смертной казни.

Драйзер часто использует внутренний монолог, особенно для воспроизведения смятенного состояния духа Клайда. Газетное сообщение наталкивает Клайда на мысль о возможности отделаться от Роберты. И его внутренний монолог передает всю путаницу и смятение чувств Клайда, загнанного и замученного, пытающегося выкарабкаться из пропасти, в которую его увлекают мысли об убийстве. Пристальное рассмотрение психологии Клайда неразрывно связано с раскрытием социальных причин тех потрясений, которые он переживает.

Большую смысловую нагрузку в романе несет и его заглавие, к которому Драйзер пришел не сразу. В первых вариантах книга носила название «Мираж», оттенявшее призрачность внушаемых американскому народу представлений о жизни. Тема американских иллюзий наиболее полно передана в образах родителей Клайда. Это в их доме на стене висят два десятка изречений и текстов, клеймящих пороки. Узнав о проступке Клайда в Канзас-Сити, мать заклинает его помнить афоризм: «Вино — обманщик; пить — значит впасть в безумие; кто поддается обману — тот не мудр», просит не поддаваться дьявольским искушениям.

Люди, подобные родителям Клайда и Роберты, живут в иллюзорном, далеком от реальности мире, они «рождаются, живут и умирают, так ничего и не поняв в жизни. Они появляются, бредут наугад и исчезают во мгле». В этом Драйзер видит и суть американизма: «Родители Роберты были классическими представителями того исконного типа американизма, который отрицает факты и чтит иллюзии». Золотой мираж губит Клайда, губит человеческую личность, но смысл романа был шире,— за распространение и поддержание этих губительных иллюзий ответственно американское общество. Окончательное название — «Американская трагедия» — отлично передавало пафос романа, но было не по душе издателям, которые считали, что своей резкостью оно не понравится американской публике, и пытались заставить Драйзера вынести в заглавие фамилию главного героя, но Драйзер и здесь не сделал уступки.

«Американская трагедия» завершила очень важную главу в истории борьбы за реалистическое искусство в США, против ограничений, которых требовали буржуазная критика и издатели. Эти требования в конце девятнадцатого века признавал даже такой теоретик реализма, как американский писатель и литературный критик, друг Марка Твена Уильям Дин Хоуэллс.

В 1891 году Хоуэллс утверждал, что в Америке невозможны книги с сюжетом, подобным тому, который лег в основу «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского. Хоуэллс писал: «...одна из мыслей, на которую меня навело чтение романа Достоевского «Преступление и наказание»,— это то, что если кто-нибудь возьмет ноту столь глубоко трагическую в американской литературе, то он совершит ложный и ошибочный шаг... Наши романисты поэтому занимаются более улыбчатыми аспектами жизни, которые являются и более американскими, ищут универсальное в личности скорее, чем в социальных интересах» [1].

Драйзер своим романом опроверг Хоуэллса,— недаром многие критики называли «Американскую трагедию» американским «Преступлением и наказанием», недаром в этом романе можно найти и черты влияния Достоевского, а о своем интересе к Достоевскому и к роману «Преступление и наказание» неоднократно говорил и сам Драйзер, который наперекор Хоуэллсу показал, что трагическая судьба человеческой личности — неотъемлемое свойство американского общества и что «трагическое» и «американское» — близкие понятия.

Драйзер выразил то стремление американских писателей к большим обобщениям, которое отличает литературу США в двадцатые и тридцатые годы. Оно проявилось в творчестве Эптона Синклера и Синклера Льюиса, Шервуда Андерсона и Уильяма Фолкнера, Эрнеста Хемин-

---

[1] W. D. Howells, Criticism and Fiction, N. Y. 1891, p. 110.

гуэя и Френсиса Скотта Фицджеральда и продолжено в книгах современных писателей Джеймса Болдуина и Сола Беллоу, Альберта Мальца и Джона О. Килленса. Каждый из них создал свою «Американскую трагедию» — по-своему рассказал о трагической судьбе американцев. Особенно показательна в этом отношении документальная повесть Трумена Капоте «Обыкновенное убийство», которая через сорок лет после выхода в свет романа Драйзера вновь выдвигает столь острую для американского общества проблему преступления и наказания.

В этом смысле «Американская трагедия» стала знаменем критического реализма в американской литературе двадцатого века. Она определила основную магистраль дальнейшего развития американской литературы. С появлением «Американской трагедии» связан расцвет критического реализма в США.

Правда, «Американская трагедия» не смогла избежать стандартных для враждебной Драйзеру части американской критики обвинений в тяжеловесности стиля. Этим критикам ответил Герберт Уэллс: «Это гораздо больше, чем простое и жизненное описание типичного бедного уголка американской действительности, освещенного вспышкой печальной трагедии... Она передает большую, суровую реальную правду с силой, которой не может достигнуть никакая грамматическая точность».

Драйзер, писатель-гуманист, видевший враждебность капиталистического строя развитию человеческой личности, не мог не искать путей, которые позволили бы личности действительно свободно развиваться. И Драйзер задумывается над путями создания таких социальных условий, которые сделают невозможными американские трагедии. Во время работы над «Американской трагедией» Драйзер не видел возможности найти разрешения этих острых проблем развития общества. Он говорил: «Я не имею никаких теорий относительно жизни или какого-либо средства разрешить экономические или политические проблемы».

Поиски ответов на вопросы, затронутые в «Американской трагедии», пробудили у Драйзера интерес к победе Октябрьской революции в России. Поездка писателя в СССР, о которой он рассказал в книге «Драйзер смотрит на Россию» (1928), способствовала коренным сдвигам в его мировоззрении. Писатель сблизился с революционным рабочим движением в США, написал боевые публицистические книги — «Трагическая Америка» (1931) и «Америку стоит спасать» (1941). В июле 1945 года Драйзер вступил в Коммунистическую партию США. «Вся логика моей жизни и работы,— писал он в июле 1945 года,— побуждает меня вступить в ряды компартии». И по сей день автор «Американской трагедии» остается крупнейшим мастером реалистической литературы Америки двадцатого века. Не случайно в шестидесятые годы возрос интерес к творчеству Драйзера. Поход против него конформистской критики,

начатый сразу же после смерти писателя, последовавшей в 1945 году, литературоведом Лайонелем Триллингом, провалился. О своем уважении к Драйзеру заявил Фолкнер.

Жизненность традиций Драйзера, открывшего новую эпоху американской литературы, отмечена крупнейшими американскими писателями двадцатого века. Это традиции реалистического искусства, благодаря которым были созданы шедевры американской литературы двадцатого века — «Американская трагедия», «Прощай, оружие!», «Гроздья гнева». Несмотря на запреты и заклинания реакционной критики, они продолжают жить и в тех произведениях современной американской литературы, которые отстаивают идеалы подлинной человечности.

Я. ЗАСУРСКИЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

Летний вечер, сумерки.

Торговый центр американского города, где не менее четырехсот тысяч жителей, высокие здания, стены... Когда-нибудь, пожалуй, станет казаться невероятным, что существовали такие города.

И на широкой улице, теперь почти затихшей, группа в шесть человек: мужчина лет пятидесяти, коротенький, толстый, с густой гривой волос, выбивающихся из-под круглой черной фетровой шляпы,— весьма невзрачная личность; на ремне, перекинутом через плечо, небольшой органчик, какими обычно пользуются уличные проповедники и певцы. С ним женщина, лет на пять моложе его, не такая полная, но крепко сбитая, одетая очень просто, с некрасивым, но не уродливым лицом; она ведет за руку мальчика лет семи и несет Библию и книжечки псалмов. Вслед за ними, немного поодаль, идут девочка лет пятнадцати, мальчик двенадцати и еще девочка лет девяти; все они послушно, но, по-видимому, без особой охоты следуют за старшими.

Жарко, но в воздухе чувствуется приятная истома.

Большую улицу, по которой они шли, под прямым углом пересекала другая, похожая на ущелье; по ней сновали толпы людей, машины и трамваи, которые непрерывно звонили, прокладывая себе путь в стремительном потоке общего движения. Маленькая группа казалась, однако, равнодушной ко всему и только старалась пробраться между захлестывавшими ее встречными потоками машин и пешеходов...

Дойдя до угла, где путь им пересекала следующая улица,— вернее, просто узкая щель между двумя рядами высоких зданий, лишенная сейчас всяких признаков жизни,— мужчина поставил органчик на землю, а женщина немедленно открыла его, подняла пюпитр и раскрыла широкую тонкую книгу псалмов. Затем, передав Библию мужчине, стала рядом с ним, а старший мальчик поставил перед органчиком небольшой складной стул. Мужчина — это был отец семейства — огляделся с напускной уверенностью и провозгласил, как будто вовсе не заботясь о том, есть ли у него слушатели:

— Сначала мы пропоем хвалебный гимн, и всякий, кто желает восславить господа, может присоединиться к нам. Сыграй нам, пожалуйста, Эстер.

Старшая девочка, стройная, хотя еще и не вполне сложившаяся, до сих пор старалась держаться возможно более безразлично и отчужденно; теперь она села на складной стул и, вертя ручку органчика, стала перелистывать книгу псалмов, пока мать не сказала:

— Я думаю, мы начнем с двадцать седьмого псалма: «Как сладостен бальзам любви Христовой».

Тем временем расходившиеся по домам люди разных профессий и положений, заметив группу с органчиком, нерешительно замедляли шаг и искоса оглядывали ее или приостанавливались, чтобы узнать, что происходит. Этой нерешительностью, истолкованной как внимание, человек у органчика немедленно воспользовался и провозгласил, словно публика специально собралась здесь послушать его:

— Споем же все вместе: «Как сладостен бальзам любви Христовой».

Девочка начала наигрывать на органчике мелодию, извлекая слабые, но верные звуки, и запела; ее высокое сопрано слилось с сопрано матери и весьма сомнительным баритоном отца. Другие детишки — девочка и мальчик, взяв по книжке из стопки, лежавшей на органе, слабо попискивали вслед за старшими. Они пели, а безликая и безучастная уличная толпа с недоумением глазела на это невзрачное семейство, возвысившее голос против всеобщего скептицизма и равнодушия. В некоторых возбуждала интерес и сочувствие застенчивая девочка у органа, в других — непрактичный и жалкий вид отца, чьи бледно-голубые глаза и вялая фигура, облаченная в дешевый костюм, выдавали неудачника. Из всей семьи одна лишь мать обладала той силой и решительностью, которые — как бы ни были они слепы и ложно направлены — способствуют если не

успеху в жизни, то самосохранению. В ней, больше чем в комлибо из остальных, видна была убежденность, хотя и невежественная, но все же вызывающая уважение. Если бы вы видели, как она стояла с книгой псалмов в опущенной руке, устремив взгляд в пространство, вы сказали бы: «Да, вот кто при всех своих недостатках, несомненно, стремится делать только то, во что верит». Упрямая, стойкая вера в мудрость и милосердие той всевидящей, могущественной силы, к которой она сейчас взывала, читалась в каждой ее черте, в каждом жесте.

Любовь Христа, ты мне опорой будь,
Любовь Иисуса — праведный мой путь,—

звучно и немного гнусаво пела она — едва заметная среди громадных зданий.

Мальчик, опустив глаза, беспокойно переминался с ноги на ногу и подпевал не очень усердно. Высокий, но еще не окрепший, с выразительным лицом, белой кожей и темными волосами, он казался самым наблюдательным и, несомненно, самым чувствительным в этой семье; ясно было, что он недоволен своим положением и даже страдает от него. Его больше привлекало в жизни языческое, чем религиозное, хотя он и не вполне сознавал это. Безошибочно пока о нем можно было сказать только одно: у него не было призвания к тому, что его заставляли делать. Он был слишком юн, душа его — слишком отзывчива ко всякому проявлению красоты и радости, столь чуждых отвлеченной и туманной романтике, владевшей душами его отца и матери.

И в самом деле, материальная и духовная жизнь семьи, членом которой он был, не убеждала его в реальности и силе того, во что, видимо, так горячо верили и что проповедовали его мать и отец. Напротив, их постоянно тревожили всякие заботы, и прежде всего материальные. Отец всегда читал Библию и выступал с проповедями в различных местах, а главным образом в «миссии», расположенной неподалеку отсюда,— он руководил ею вместе с матерью. В то же время, насколько понимал мальчик, они собирали деньги от разных деловых людей, интересующихся миссионерской работой или склонных к благотворительности и, видимо, сочувствовавших деятельности отца. И все же семье приходилось туго: всегда они были неважно одеты, лишены многих удобств и удовольствий, доступных другим людям. А отец и мать постоянно прославляли любовь, милосердие и заботу бога о них и обо всех людях. Тут явно что-то не так. Мальчик не умел разобраться в этом, но

все же относился к матери с невольным уважением; он ощущал внутреннюю силу и серьезность этой женщины так же, как и ее нежность. Несмотря на тяжелую работу в миссии и на заботы о семье, она умела оставаться веселой или, по крайней мере, не теряла бодрости; она часто восклицала с глубоким убеждением: «Господь позаботится о нас!» или: «Господь укажет нам путь!» — особенно в такие времена, когда семья уж слишком нуждалась. И, однако,— это понимали и он, и другие дети,— бог не указывал им никакого выхода даже тогда, когда его благодетельное вмешательство в дела семьи было крайне необходимо.

В этот вечер, бродя по большой улице вместе с сестрами и братишкой, мальчик горячо желал, чтобы все это кончилось раз и навсегда или, по крайней мере, чтобы ему самому не приходилось больше в этом участвовать. Другие мальчики не занимаются такими вещами, есть в этом что-то жалкое и даже унизительное. Не раз, еще прежде чем его стали вот так водить по улицам, другие ребята дразнили его и смеялись над его отцом за то, что тот всегда во всеуслышание распространялся о своей вере и убеждениях. Отец всякий разговор начинал словами: «Хвала господу»,— и все ребята по соседству с домом, где они жили, когда мальчику было семь лет, кричали, завидев отца:

— А вот идет старый «хвала господу» Гриффитс!

Или кричали вслед мальчику:

— Вон у этого сестра играет на органчике! А еще на чем она играет?

И зачем только отец твердит повсюду свое «хвала господу»! Другие так не делают.

В нем, как и в дразнивших его мальчишках, говорило извечное людское стремление к полному сходству, к стандарту. Но его отец и мать были не такие, как все; они всегда слишком много занимались религией, а теперь, наконец, сделали ее своим ремеслом.

В этот вечер, на большой улице с высокими домами,— шумной, оживленной, полной движения,— он со стыдом чувствовал себя вырванным из нормальной жизни и выставленным на посмешище. Великолепные автомобили проносились мимо, праздные пешеходы спешили к занятиям и развлечениям, о которых он мог лишь смутно догадываться, веселые молодые пары проходили со смехом и шутками, малыши глазели на него,— и все волновало его ощущением чего-то иного, лучшего, более красивого, чем его жизнь, или, вернее, жизнь его семьи.

В праздной и зыбкой уличной толпе, непрерывно переливавшейся и менявшейся около них, иные, казалось, чувствовали, что в отношении этих детей допускается психологическая ошибка: некоторые подталкивали друг друга локтем, более искушенные и равнодушные поднимали бровь и презрительно улыбались, а более отзывчивые или опытные говорили, что присутствие детей здесь излишне.

— Я вижу здесь этих людей почти каждый вечер — два-три раза в неделю, уж во всяком случае.— Это говорит молодой клерк. Он только что встретился со своей подругой и ведет ее в ресторан.— Наверно, какое-нибудь шарлатанство под видом религии,— прибавляет он.

— Старшему мальчишке не по душе это. Видать, что он чувствует себя не в своей тарелке. Не годится такого мальчонку выставлять напоказ, коли ему неохота. Он же ничего не смыслит в этих делах,— говорит праздный бродяга лет сорока, один из своеобразных завсегдатаев торгового центра города, обращаясь к остановившемуся рядом добродушному на вид прохожему.

— Да, я тоже так думаю,— соглашается тот, заинтересованный оригинальным лицом мальчика. Смущение и неловкость видны были на этом лице, когда мальчик поднимал голову; нетрудно было понять, что бесполезно и бессердечно принуждать существо с еще не установившимся характером, неспособное постичь психологический и религиозный смысл происходящего, к участию в подобных публичных выступлениях, более подходящих для людей зрелых и вдумчивых.

И все же ему приходилось подчиняться.

Двое младших детей — девочка и мальчик — были слишком малы, чтобы по-настоящему понимать, чем они тут занимаются, и им было все равно. Старшей же девочке у органчика, видимо, даже нравилось внимание зрителей и их замечания о ее наружности и пении, так как не только посторонние люди, но даже отец и мать не раз уверяли, будто у нее прелестный, милый голосок, хотя это было не совсем верно. Голос был не так уж хорош, но все они плохо разбирались в музыке. Девочка была слабенькая, худенькая, ничем особенно не выделялась,— в ней не заметно было и признаков духовной силы или глубины. Не удивительно, что пение было для нее единственной возможностью хоть немного выделиться и обратить на себя внимание.

А родители твердо решили способствовать, насколько возможно, духовному очищению общества, и, когда первый

псалом был окончен, отец начал разглагольствовать о той радости, которая нисходит на грешников, освобождающихся от тяжких мук совести по воле господа, благодаря его милосердию и любви Христовой.

— Все люди — грешники перед лицом господа,— провозгласил он.— Доколе они не покаялись, доколе не приняли Спасителя, его любовь и всепрощение, не ведать им счастья, душевной чистоты и непорочности. Друзья мои! Если б вы знали, какой мир и покой нисходят на того, кто всем сердцем постигает, что Христос жил и умер ради всех нас, что он сопровождает нас ежедневно и ежечасно, при свете и во мраке, на рассвете и на закате дня, дабы поддержать и укрепить нас для трудов и забот, вечно стоящих перед нами. Да, всех нас на каждом шагу подстерегают западни и ловушки! Но как утешительно сознание, что Христос всегда с нами, дабы советовать нам и помогать, ободрять нас, исцелять наши раны и облегчать наши муки! Благая мысль,— какой она дарит покой и довольство!

— Аминь! — торжественно заключила жена.

И старшая дочь Эстер — домашние звали ее Эста,— чувствуя, как важно им привлечь внимание публики, эхом повторила за матерью:

— Аминь!

Клайд, старший мальчик, и двое младших детей смотрели в землю и лишь изредка взглядывали на отца; может быть, думалось им, все, о чем он говорит, и верно и важно, но все же не столь значительно и привлекательно, как многие другие вещи в жизни. Они уже наслушались всего этого, и их юный и пылкий ум ждал от жизни большего, чем вот эти проповеди на улице и в миссии.

В конце концов после второго псалма и после небольшой речи, в которой миссис Грифитс упомянула о руководимой ими миссии, помещавшейся на ближайшей улице, и об их служении заветам Христа вообще, публика была осчастливлена третьим псалмом и одарена брошюрками о спасительных трудах миссии, а Эйса Грифитс, глава семьи, собрал кое-какие доброхотные даяния. Органчик закрыли, складной стул сложили и вручили Клайду, Библию и книжечки псалмов собрала миссис Грифитс, и, когда органчик был перекинут на ремне через плечо Грифитса-старшего, семейство направилось к миссии.

Все это время Клайд говорил себе, что больше он не желает заниматься этим, что он и его родные смешны и не похожи на других людей; «уличные паяцы» — сказал бы он, если бы мог полностью выразить свою досаду на вынужденное участие в

этих выступлениях; он постарается никогда больше не участвовать в них. Чего ради они таскают его за собой? Такая жизнь не по нем. Другим мальчикам не приходится заниматься подобными вещами. Решительнее, чем когда-либо, он помышлял о бунте, который помог бы ему отделаться от всего этого. Пусть старшая сестра ходит по улицам с органом,— ей это нравится. Младшие сестренка и братишка слишком малы, им все равно. Но он...

— Кажется, сегодня вечером публика была несколько внимательнее, чем обычно,— заметил Грифитс, шагая рядом с женой. Очарование летнего вечера подействовало на него умиротворяюще и заставило благоприятно истолковать обычное безразличие прохожих.

— Да, в четверг только восемнадцать человек взяли брошюры, а сегодня двадцать семь.

— Любовь Христа совершит свое дело,— сказал отец, столько же стараясь подбодрить себя, как и жену.— Мирские утехи и заботы владеют великим множеством людей, но, когда скорбь посетит их, иные из посеянных ныне семян дадут всходы.

— Я уверена в этом. Мысль эта всегда поддерживает меня. Скорбь и тяжесть греха в конце концов заставят некоторых понять, что путь их ложен.

Они повернули в узкую боковую улицу, из которой ранее вышли, и, миновав несколько домов, вошли в желтое одноэтажное деревянное здание, широкие окна которого и два стекла входной двери были покрыты светло-серой краской. Поперек обоих окон и филенок двойной двери было написано: «Врата упования. Миссия диссидентов. Молитвенные собрания по средам и субботам от 8 до 10 часов вечера. По воскресеньям — в 11, 3 и 8 часов. Двери открыты для всех». Под этой надписью на каждом окне были начертаны слова: «Бог есть любовь», а еще ниже помельче: «Сколько времени ты не писал своей матери?»

Маленькая группа вошла в желтую невзрачную дверь и скрылась.

ГЛАВА II

Вполне можно предположить, что у семьи, которая так бегло представлена читателю, должна быть своя, отличная от других, история; так в действительности и было. Семья эта представляла собой одну из психических и социальных аномалий,— в ее побуждениях и поступках мог бы разобраться только

самый искусный психолог, да и то лишь при помощи химика и физиолога. Начнем с Эйсы Грифитса — главы семьи. Это был человек неуравновешенный и не слишком одаренный — типичный продукт своей среды и религиозных идей, неспособный мыслить самостоятельно, но восприимчивый, а потому и весьма чувствительный, к тому же лишенный всякой проницательности и практического чутья. В сущности, трудно было уяснить, каковы его желания и что, собственно, привлекает его в жизни. Жена его, как уже говорилось, была тверже характером и энергичнее, но едва ли обладала более верным или более практичным представлением о жизни.

История этого человека и его жены интересна для нас лишь постольку, поскольку она касается их сына, двенадцатилетнего Клайда Грифитса. Скорее от отца, чем от матери, этот подросток унаследовал некоторую чувствительность и романтичность; при этом он отличался пылким воображением и стремлением разобраться в жизни и постоянно мечтал о том, как он выбился бы в люди, если бы ему повезло, о том, куда бы поехал, что повидал бы и как по-иному мог бы жить, если бы все было не так, а эдак. До пятнадцати лет Клайда особенно мучило (и ему еще долго потом было мучительно вспоминать об этом), что призвание или, если угодно, профессия его роди-

телей была в глазах других людей чем-то жалким и недостойным. Родители проповедовали на улицах и руководили диссидентской миссией в разных городах — в Грэнд-Рэпидсе, Детройте, Милуоки, Чикаго, а в последнее время в Канзас-Сити; и всюду окружающие,— по крайней мере мальчики и девочки, которых он встречал,— с явным презрением смотрели и на него, и на его брата и сестер — детей таких родителей! Не раз — к неудовольствию родителей, которые никогда не одобряли подобных проявлений характера,— он вступал в драку с кем-нибудь из мальчишек. Но всегда, побежденному или победившему, ему ясно давали понять, что другие не уважают труд его родителей, считают их занятие жалким и никчемным. И он непрерывно думал о том, что станет делать, когда получит возможность жить самостоятельно.

Родители Клайда оказались совершенно неспособными позаботиться о будущности своих детей. Они не понимали, что каждому из детей необходимо дать какие-то практические или профессиональные знания; наоборот, поглощенные одной идеей — нести людям свет евангельской истины, они даже не подумали устроить детей учиться в каком-нибудь одном городе. Они переезжали с места на место, часто в разгар учебного года,

в поисках более широкого поля для своей религиозной деятельности. Порою эта деятельность вовсе не приносила дохода, а поскольку Эйса был не в состоянии заработать много, работая садовником или агентом по продаже новинок,— только в этих двух занятиях он кое-что смыслил,— в такие времена семья жила впроголодь, одевалась в лохмотья, и дети не могли ходить в школу. Но что бы ни думали о таком положении сами дети, Эйса и его жена и тут сохраняли неизменный оптимизм; по крайней мере, они уверяли себя в том, что сохраняют его, и продолжали непоколебимо верить в бога и его покровительство.

Семья Грифитсов жила там же, где помещалась миссия. И квартира и миссия были достаточно мрачны, чтобы вызвать уныние у любого юного существа. Они занимали весь нижний этаж старого и неприглядного деревянного дома в той части Канзас-Сити, что лежит к северу от Бульвара Независимости и к западу от Труст-авеню; дом стоял в коротком проезде под названием Бикел, ведущем к Миссури-авеню,— улице подлиннее, но такой же невзрачной. И все по соседству очень слабо, но все же мало приятно отдавало духом деловой коммерческой жизни, центр которой давно передвинулся к юго-западу от этих мест. Миссия Грифитсов находилась кварталов за пять от того перекрестка, где дважды в неделю эти энтузиасты выступали под открытым небом со своими проповедями.

Другой стороной дом выходил на мрачные задние дворы таких же мрачных домов. С улицы дверь вела в обширный зал размером сорок на двадцать пять футов: здесь были расставлены рядами штук шестьдесят складных деревянных стульев и перед ними кафедра; стены украшала карта Святой земли — Палестины и десятка два отпечатанных на картоне изречений и текстов, как, например:

«Вино — обманщик; пить — значит впасть в безумие; кто поддается обману — тот не мудр».

«Возьми щит и латы и восстань на помощь мне». Псалом 34, 2.

«И что вы — овцы мои, овцы паствы моей; вы — человеки, а я бог ваш, говорит господь бог». Книга пророка Иезекииля, 34, 31.

«Боже! Ты знаешь безумие мое, и грехи мои не сокрыты от тебя». Псалом 68, 6.

«Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «Перейди отсюда туда»,— и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас». От Матфея, 17, 20.

«Ибо близок день господень...» Книга пророка Авдия, 1, 15.
«Злой не имеет будущности». Притчи, 24, 20.
«Не смотри на вино, как оно краснеет... как змей, оно укусит и ужалит, как аспид». Притчи, 23, 31—32.

Эти всесильные заклинания были развешаны на грязных стенах, точно серебряные и золотые скрижали.

Остальная часть квартиры представляла собою сложную и хитроумную комбинацию комнат и комнатушек; тут были три маленькие спальни, гостиная, выходящая окнами на задний двор и деревянные заборы других таких же дворов, затем кухня, она же и столовая, размером ровно в десять квадратных футов, и маленькая кладовая, где было сложено имущество миссии: брошюры, книжечки псалмов, сундуки, ящики и всякие другие вещи, которые могли понадобиться не каждый день, но представляли в глазах семьи известную ценность. Эта комнатка-кладовая примыкала непосредственно к залу, где происходили молитвенные собрания, и сюда удалялись мистер и миссис Гриффитс для размышления и для молитвы перед проповедью, или после нее, или в тех случаях, когда им надо было о чем-либо посовещаться.

Часто Клайд, его сестры и младший брат видели, как мать, или отец, или оба вместе увещевали здесь какую-нибудь заблудшую или полураскаявшуюся душу, пришедшую просить совета или помощи (чаще помощи). И здесь же во времена наибольших финансовых затруднений отец и мать сидели и размышляли или, как иногда беспомощно говорил Эйса Гриффитс, молили бога указать им выход из положения. Как позже стал думать Клайд, это плохо помогало им найти выход.

И все вокруг было так мрачно и уныло, что Клайду стала ненавистна самая мысль о том, чтобы жить здесь и впредь, а еще ненавистнее — заниматься делом, служителям которого приходилось постоянно прибегать к кому-то за помощью, вечно молиться и выпрашивать подачки.

Эльвира Гриффитс, прежде чем выйти замуж за Эйсу, была просто полуграмотной девушкой с фермы и очень мало задумывалась над вопросами религии. Но, влюбившись в Эйсу, она заразилась от него ядом евангелизма и прозелитизма и восторженно и радостно последовала за ним, разделяя все его рискованные затеи и причуды. Ей льстило сознание, что она может проповедовать, петь псалмы, что она способна убеждать и подчинять себе людей силою «слова божия». Это давало ей известное нравственное удовлетворение и укрепляло желание работать вместе с мужем.

Изредка иные слушатели шли за проповедниками до их миссии или, услышав о ее существовании, приходили туда позже — странные, морально неуравновешенные и неустойчивые люди, каких можно найти повсюду. Все годы, пока Клайд не мог еще сам распоряжаться собою, он был обязан помогать родителям во время этих собраний. И всегда его больше раздражали, нежели умиляли, все эти приходившие в миссию мужчины и женщины; чаще это были мужчины: отбившиеся от дела рабочие, бродяги, пропойцы, неудачники, беспомощные и уродливые, которые, казалось, сходились сюда потому, что им больше некуда было идти. И всегда они возвещали о том, как бог, или Христос, или божественное милосердие спасли их от того или иного несчастья, и никогда не говорили о том, как сами спасли хоть кого-нибудь. И всегда отец и мать говорили «аминь» и «слава господу» и пели псалмы, а после собирали у присутствующих деньги на расходы по содержанию помещения; сборы, как догадывался Клайд, были скудные: их едва хватало на то, чтобы поддерживать жалкое существование миссии.

Лишь одно по-настоящему интересовало Клайда в связи с его родителями: насколько он понимал, где-то на Востоке — в маленьком городке под названием Ликург, близ Утики — существовал его дядя, брат отца, живший совсем по-иному. Этот дядя — его звали Сэмюэл Грифитс — был богат. Из случайных замечаний, оброненных родителями, Клайд понял, что дядя многое мог бы для него сделать, если б только захотел, что он прижимистый, оборотистый делец, что у него в Ликурге великолепный дом и большая фабрика воротничков и рубашек, на которой работает не менее трехсот рабочих; у дяди есть сын, примерно одного возраста с Клайдом, и дочери — кажется, две. Все они жили в роскоши в этом далеком Ликурге,— воображал Клайд. Эти сведения, по-видимому, так или иначе доходили на Запад через людей, знавших и Эйсу, и его брата, и их отца. Клайд представлял себе дядю каким-то Крезом, живущим в довольстве и роскоши там, на Востоке; а здесь, на Западе, в Канзас-Сити, он, его родители, его брат и сестры кое-как перебивались со дня на день: их вечным уделом была жалкая, безысходная нужда.

Но ничто ему не поможет, если только он сам не сумеет помочь себе,— Клайд рано понял это. Лет в пятнадцать, даже немного раньше, Клайд начал понимать, что к его воспитанию, как и к воспитанию его сестер и брата, родители отнеслись, к сожалению, очень небрежно. Теперь ему трудно будет наверстать упущенное, поскольку даже в более состоятельных семьях

мальчиков и девочек специально учат, готовя к той или иной профессии. С чего он мог начать при таких условиях? С тринадцати лет он стал просматривать газеты (в дом Грифитсов они не допускались, так как чтение их считалось уж слишком «мирским» занятием) и из объявлений узнал, что всюду требуются либо уже квалифицированные работники, либо мальчики для обучения таким профессиям, которые ничуть его не интересовали. Как всякий средний молодой американец с типично американским взглядом на жизнь, он считал, что простой физический труд ниже его достоинства. Вот еще! Стоять у станка, укладывать кирпичи, стать плотником, штукатуром или водопроводчиком, когда такие же, как он, мальчики становятся клерками или помощниками фармацевтов, или бухгалтерами и счетоводами в банках и различных конторах! Что за жалкая, унизительная жизнь, ничуть не лучше той, какую он вел до сих пор: ходить в старом платье, и так рано подыматься по утрам, и выполнять всю ту нудную работу, которой приходится заниматься людям физического труда!

Да, Клайд был столь же тщеславен и горд, как и беден. Он был из тех людей, которые считают себя особенными, не похожими на других. Он никогда не чувствовал себя неотделимой частицей своей семьи и не сознавал по-настоящему, что чем-то обязан тем, благодаря кому появился на свет. Наоборот, он был склонен осуждать своих родителей,— правда, не слишком резко и сурово, с полным пониманием их качеств и способностей. Но, умея столь здраво судить о других, он, однако, до шестнадцати лет не был способен составить какой-то план действий для самого себя и хватался то за одно, то за другое.

К этому времени в нем заговорил голос пола: его влекла и волновала красота девушек, и ему хотелось знать, может ли он тоже нравиться им. И, естественно, в связи с этим он теперь был немало озабочен собственной внешностью и костюмом: какой у него вид и какой вид у других юношей? Он мучился, сознавая, что плохо одет, не так красив и интересен, как мог бы быть. Что за несчастье родиться бедным, ниоткуда не ждать помощи и быть не в силах помочь самому себе!

Стараясь изучить себя во всех зеркалах, какие только ему попадались, Клайд убеждался, что он вовсе не урод: прямой, точеный нос, высокий белый лоб, волнистые блестящие черные волосы и глаза черные, порою печальные. Однако сознание, что его семья так жалка и что из-за профессии и связей его родителей у него никогда не было и не будет настоящих друзей, все больше и больше угнетало его и порождало меланхолию, кото-

рая не обещала для него в будущем ничего хорошего. Порою он пробовал взбунтоваться, а затем впадал в оцепенение. Поглощенный мыслью о родителях, он забывал о своей внешности — он был в самом деле очень недурен и привлекателен — и истолковывал не в свою пользу заинтересованные, пренебрежительные и в то же время манящие взгляды, которые бросали на него девушки совсем другого круга, стараясь узнать,— нравятся они ему или нет, смел он или труслив?

Однако еще прежде чем он стал хоть что-то зарабатывать, он вечно мечтал: ах, если бы у него были, как у некоторых юношей, хороший воротничок, тонкая рубашка, изящная обувь, хорошо сшитый костюм, щегольское пальто! О, красивая одежда, комфортабельная квартира, часы, кольца, булавки... столько юношей щеголяют всем этим! Многие мальчики в его возрасте — уже настоящие денди! Некоторые родители дарили своим сыновьям — его ровесникам — автомобили в полную собственность. Клайд видел, как они, словно мухи, летали взад и вперед по главным улицам Канзас-Сити. И с ними были хорошенькие девушки. А у него ничего нет. И никогда не было.

А мир так богат возможностями, и столько вокруг счастливых, преуспевающих людей. За что же ему взяться? Какой путь избрать? Какое изучить дело, которое дало бы ему возможность выдвинуться? Он не мог ответить. Он не знал. А эти странные люди — его родители — сами не были достаточно сведущими и ничего не могли ему посоветовать.

ГЛАВА III

Одно событие, удручающе подействовав на всю семью Гриффитсов, усилило и мрачное настроение Клайда как раз в то время, когда он пытался прийти к какому-то практическому решению: его сестра Эста (он был к ней очень привязан, хоть и имел с нею мало общего) убежала из дому с актером, который приезжал на гастроли в местный театр и мимоходом увлекся ею.

Нужно сказать, что Эста, хоть и получила строгое нравственное воспитание и бывала порой преисполнена религиозного пыла, была все же просто чувственной и безвольной девушкой, которая еще сама не знала, чего хочет. Обстановка, в которой жила Эста, была ей глубоко чужда. Подобно огромному большинству, исповедующему религию только на словах, она затвердила все догматы веры в раннем детстве, сама того не

замечая, а смысл этих ежедневно повторяемых слов и поныне оставался ей непонятен. От необходимости думать самостоятельно она была избавлена родительскими наставлениями, законом или «откровением», и до тех пор, пока со всем этим не столкнулись другие теории, другие положения, внешние или даже внутренние побуждения, она была достаточно защищена. Но можно было заранее сказать, что, едва лишь такое столкновение произойдет, религиозные верования, не основанные на ее собственном убеждении и не вытекавшие из особенностей ее характера, не выдержат и первого толчка. Мысли и чувства Эсты, как и ее брата Клайда, постоянно вертелись вокруг любви, приятной и легкой жизни — вещей, вряд ли совместимых с религиозными идеями самоотречения и самопожертвования. Весь ее внутренний мир и все ее мечты противоречили этим требованиям религии.

Но у нее не было ни силы Клайда, ни его сопротивляемости. Она была пассивной натурой, со смутным влечением к красивым платьям, шляпкам, туфелькам, лентам и к прочему в том же роде, а религия запрещала ей мечтать об этом. По утрам и днем после школы или вечером она проходила по длинным оживленным улицам. Ей нравились девушки, гуляющие под руку и шепотом поверяющие друг другу какие-то секреты; нравились юноши,— под их дурачествами и забавной неугомонностью, свойственной молодому животному, чувствовались сила и значение того настойчивого, инстинктивного стремления найти себе пару, которое таится за всеми мыслями и поступками молодого существа. И когда Эста порою замечала где-нибудь на углу или в подъезде влюбленную пару или встречала страстный, испытующий взгляд какого-нибудь искателя приключений, в ней самой поднималось смутное волнение, нервный трепет, громко говоривший в пользу всех видимых и осязаемых радостей земной жизни, а не в пользу бесплотных радостей неба.

И взгляды юношей пронизывали ее, как невидимые лучи, потому что она была хороша собою и с каждым часом становилась все привлекательнее. И настроение молодых людей пробуждало в ней отклик, вызывало те преобразующие химические реакции, которые лежат в основе всей нравственности и безнравственности мира.

Однажды, когда она возвращалась домой из школы, какой-то фатоватый молодой человек заговорил с нею, потому что она, казалось, всем своим видом вызывала на это. И мало что могло бы остановить ее, потому что она была хоть и не страст-

ной, но податливой натурой. Однако дома ее так муштровали, внушая, сколь необходимо блюсти скромность, сдержанность, чистоту и тому подобное, что, по крайней мере в данном случае, не было опасности немедленного падения. Но за этой первой атакой последовали другие, она стала принимать ухаживания или не так быстро убегала, и постепенно была разрушена та стена сдержанности, которую воздвигло данное ей воспитание. Она стала скрытной и утаивала от родителей свои похождения.

Случалось, молодые люди, не слушая ее протестов, провожали ее, заговаривали с ней. Они победили ту чрезмерную робость, которая вначале помогала ей отстранять их. Она стала желать новых встреч, мечтать о какой-то радостной, чудесной, беззаботной любви.

Так медленно, но неудержимо росли в ней эти настроения и желания,— и тут наконец появился этот актер, один из тех тщеславных, красивых и грубых мужчин, у которых только и есть что уменье одеваться да внешний лоск, но ни морали, ни вкуса, ни учтивости, ни хотя бы подлинной нежности; зато в нем было много мужского обаяния, и он сумел за одну неделю, после нескольких встреч, так вскружить голову Эсте, что она оказалась вполне в его власти. А он, в сущности, был почти равнодушен к ней. Для этого пошляка она была просто одной из многих девчонок — довольно хорошенькая, явно чувственная и неопытная дурочка, которую можно взять несколькими нежными словами,— надо лишь притвориться влюбленным и пообещать ей в будущем, когда она станет его женой, счастливую, привольную жизнь, поездки по новым местам.

Но ведь те же слова твердил бы и настоящий влюбленный, который остался бы верен навсегда. Она должна сделать только одно, уверял он: уехать с ним и стать его женой сейчас же, не медля. К чему промедления, когда встречаются люди, созданные друг для друга. Здесь, в этом городе, есть препятствия к их браку,— он не может объяснить, какие именно, это касается его друзей; но в Сент-Луисе у него есть друг пастор, который их обвенчает. У нее будут новые красивые платья, каких она еще никогда и не видела, восхитительные приключения, любовь. Она будет путешествовать с ним и увидит огромный мир. У нее не будет никаких забот и тревог, ей придется заботиться только о нем... Для нее все это было правдой — словесным выражением искренней страсти; для него же это был старый и удобный способ обольщения, которым он часто пользовался и раньше, и не безуспешно.

И за одну неделю, в течение которой они встречались урывками — то утром, то днем, то вечером, это нехитрое колдовство увенчалось успехом.

Как-то в апреле, в субботу вечером, Клайд довольно поздно вернулся домой после дальней прогулки (он предпринял ее, чтобы избежать обычных своих обязанностей во время субботнего молитвенного собрания) и нашел отца и мать встревоженными исчезновением Эсты. Она, по обыкновению, играла на органе и пела во время этого собрания и казалась такой же, как всегда. Потом она ушла в свою комнату, сказав, что чувствует себя не совсем хорошо и рано ляжет в постель. Но в одиннадцать часов, как раз перед возвращением Клайда, мать случайно заглянула в комнату Эсты и обнаружила, что ее нет ни там, ни где-либо поблизости. Какая-то перемена в комнате — не видно было платьев и некоторых мелочей, исчез старый чемодан — привлекла внимание матери. Обыскали весь дом и убедились, что Эсты нигде нет; тогда Эйса вышел на улицу и прошел по ней из конца в конец. Эста иногда гуляла одна или просто выходила в свободное время посидеть под окнами миссии.

Но и эти поиски были тщетны. Тогда Клайд и отец прошли до угла и дальше по Миссури-авеню. Эсты нигде не было. В полночь они вернулись, и тогда, разумеется, волнение в доме еще более возросло.

Сперва предположили, что Эста, ничего не сказав, отправилась куда-то на прогулку; но когда часы пробили половину первого, потом час, потом половину второго, а Эсты все не было, они уже хотели дать знать в полицию. Но тут Клайд, войдя в комнату сестры, увидел на ее узенькой деревянной кровати приколотую к подушке записку — послание, ускользнувшее от глаз матери. Он кинулся к ней, охваченный предчувствием; он ведь часто спрашивал себя, каким способом известит родителей, если решится тайно уехать от них: он знал, что они по доброй воле никогда не позволят ему уехать, если только сами не предусмотрят все до мелочей. И вот теперь исчезла Эста, и вот записка от нее,— конечно, такая же, какую мог бы оставить и он. Клайд нетерпеливо схватил ее, спеша прочитать, но в это мгновение в комнату вошла мать и, увидев у него в руках листок бумаги, воскликнула:

— Что это? Записка? От нее?

Он протянул ей записку, мать развернула ее и быстро прочла. Клайд заметил, как широкое строгое лицо матери, всегда красновато-смуглое, побелело, когда она повернулась к две-

рям. Крупный рот сжался в резкую прямую линию. Большая сильная рука, державшая на весу маленькую записку, чуть-чуть дрожала.

— Эйса! — позвала она, входя в соседнюю комнату, где ждал муж; курчавые седеющие волосы на его круглой голове растрепались.— Прочти это!

Клайд, последовавший за матерью, увидел, как отец нервно схватил записку пухлой рукой, и его всегда вялые, уже старчески сморщившиеся губы странно задвигались. Всякий, кто хорошо знал его, сказал бы, что именно с таким видом Эйса и прежде принимал суровые удары судьбы.

— Тц! Тц! Тц! — только это он сначала и произнес — звук, показавшийся Клайду весьма мало выразительным. Новое: «Тц! Тц! Тц!» — и Эйса стал покачивать головой из стороны в сторону. Затем со словами: «Как ты думаешь, почему она это сделала?» — он повернулся и уставился на жену, а та в ответ беспомощно смотрела на него. Затем он принялся расхаживать взад и вперед по комнате, заложив руки за спину, делая короткими ногами неестественно большие шаги и покачивая головой, и снова издал бессмысленное: «Тц! Тц! Тц!»

Миссис Грифитс всегда сильнее чувствовала, живее на все отзывалась, чем ее муж,— и теперь, в этом тяжелом испытании, она вела себя иначе, естественнее. Какое-то возмущение, недовольство судьбой вместе с видимым физическим страданием, казалось, тенью прошло по ней. Как только муж встал, она протянула руку и, взяв у него записку, уставилась на нее; на лице ее появилось жесткое, но в то же время страдальческое выражение. У нее был вид крайне взволнованного и раздосадованного человека, который силится и не может распутать какой-то узел, старается сохранить самообладание и не жаловаться и все-таки жалуется горько и гневно. Позади были долгие годы слепой веры и служения религии, и потому ее ограниченному уму представлялось, что она по справедливости должна быть избавлена от такого горя. Где же был ее бог, ее Христос, в час, когда совершалось столь очевидное зло? Почему он ей не помог? Как он это объяснит? Где его библейские обеты? Его вечное руководство? Его прославленное милосердие?

Клайд видел, что перед лицом такого огромного несчастия ей было трудно найти ответ,— по крайней мере, сразу. Но в конце концов — Клайд знал это заранее — ей, несомненно, удастся это. Ибо и она и Эйса, как и все фанатики, в каком-то ослеплении упорно отделяли бога от зла, ошибок и несчастий, хотя и признавали за ним, несмотря ни на что, высшее могуще-

ство. Они будут искать корень зла в чем-то другом — в какой-то коварной, предательской, лживой силе, которая наперекор божественному всеведению и всемогуществу соблазняет и обманывает людей, и в конце концов найдут объяснение в греховности и испорченности человеческого сердца — сердца, которое создал бог, но которым он не управляет, ибо не хочет управлять.

Но сейчас только боль и гнев бушевали в матери; и все же ее губы не кривились судорожно, как у Эйсы, и в глазах не было такого глубокого отчаяния, как у него. Она отступила на шаг, снова почти сердито перечитала письмо и сказала Эйсе:

— Она сбежала с кем-то, но не сообщает...

Она вдруг остановилась, вспомнив о присутствии детей: Клайд, Джулия и Фрэнк — все были здесь, и все напряженно, с любопытством и недоверием смотрели на мать.

— Поди сюда,— сказала она мужу,— мне нужно поговорить с тобой. А вы все шли бы спать,— прибавила она, обращаясь к детям,— мы сейчас вернемся.

Вместе с Эйсой она быстро прошла в маленькую комнатку, примыкавшую к залу миссии. Дети услышали, как щелкнул выключатель, как родители заговорили вполголоса, и все трое многозначительно переглянулись, хотя Фрэнк был слишком мал (ему было всего десять лет), чтобы понять толком, что произошло. Даже Джулия вряд ли вполне понимала значение случившегося. Но Клайд, больше знакомый с жизнью, услышав фразу матери: «Она сбежала с кем-то»,— прекрасно все понял. Эсте опостылело все это так же, как и ему. Может быть, она убежала с одним из тех франтов, которых он видел на улицах с красивыми девушками? Но куда? И что это за человек? В записке что-то сказано, но мать не позволила прочитать ее. Слишком быстро отняла. Жаль, что не удалось втихомолку первому в нее заглянуть.

— Как ты думаешь, она совсем убежала? — с сомнением спросил он Джулию, когда родители ушли. Джулия казалась бледной и растерянной.

— Откуда я знаю! — ответила она с досадой: горе родителей и вся эта таинственность взволновали ее не меньше, чем поступок Эсты.— Она мне ничего не говорила. Я думаю, ей было совестно.

Джулия, более сдержанная и спокойная, чем Эста и Клайд, всегда была ближе к родителям и потому теперь огорчилась больше других детей. Правда, она не вполне понимала, что произошло, но кое-что подозревала, потому что и она иногда раз-

говаривала с другими девочками, но только сдержанно и осторожно. Больше всего ее сердило, что Эста выбрала такой способ оставить семью: убежала из дому тайком от родителей, от братьев, от нее, причинила родителям такое страшное горе! Это ужасно! Воздух был насыщен несчастьем.

Родители совещались в маленькой комнатке, а Клайд сидел, глубоко задумавшись: напряженно и пытливо он размышлял о жизни. Что же сделала Эста? Неужели это, как он со страхом предполагал, один из тех ужасных побегов, одна из тех не слишком красивых любовных историй, о которых постоянно шептались мальчишки на улицах и в школе? Какой позор, если так! Она, пожалуй, никогда не вернется. Сбежала с каким-то мужчиной. В этом, конечно, кроется что-то позорное и дурное для девушки, так как он постоянно слышал, что все приличные отношения между юношей и девушкой, между мужчиной и женщиной всегда приводят к одному — к браку. И вот, вдобавок ко всем прочим несчастьям их семьи, Эста пошла на такое! Конечно, их жизнь, и без того достаточно мрачная, станет теперь еще мрачнее.

Вскоре вернулись родители. В лице миссис Грифитс, все еще напряженном и расстроенном, что-то изменилось: быть может, в нем было теперь меньше отчаяния, больше безнадежной покорности.

— Эста решила уехать от нас, во всяком случае на время,— сказала она, видя, что дети с любопытством ждут объяснений.— Вы не должны о ней тревожиться и много думать об этом. Я уверена, что она через некоторое время вернется. Пока, по некоторым причинам, она пошла своим путем. Да будет воля господня! («Благословенно имя господа»,— вставил Эйса.) Я думала, что она была счастлива среди нас, но, по-видимому, я ошибалась. Как видно, она должна сама узнать жизнь. (Здесь Эйса опять издал свое: «Тц! Тц! Тц!») Но мы не должны думать о ней плохо. Это ни к чему. Да руководит нами лишь любовь и доброта.

Однако она сказала это с некоторой суровостью, противоречившей смыслу ее слов; голос ее звенел.

— Мы можем только надеяться, что она скоро поймет, как безумен и легкомыслен ее поступок, и вернется домой. Она не может быть счастлива на том пути, на который вступила. Это не путь господа и не его воля. Она слишком молода и впала в заблуждение. Но мы ее прощаем. Мы должны простить. Наши сердца всегда должны быть открыты для нее, должны быть преисполнены любви и нежности.

Она говорила, словно обращаясь к большой аудитории, но голос ее звучал сурово и печально, лицо было холодное, застывшее.

— Теперь идите спать. Нам остается лишь уповать на милость божию и молиться утром, в полдень и вечером, чтобы никакое зло не постигло ее. Да, хотела бы я, чтобы она этого не делала,— прибавила она без всякой связи со всей предыдущей речью, очевидно думая не о стоящих перед нею детях, а только об Эсте.

Но Эйса!

«Что это за отец!» — часто думал впоследствии Клайд.

Кроме собственного горя, он, казалось, еще способен был заметить более глубокое горе жены,— но ничего больше! Все это время он бессмысленно стоял, склонив голову набок,— коротенький, седой, курчавый, ничтожный.

— Да будет благословенно имя господне,— вставлял он время от времени.— Мы не должны закрывать перед нею наши сердца. Да, да, мы не должны осуждать. Мы должны лишь уповать на лучшее. Да, да! Хвала господу! Восхвалим господа! Аминь! О да! Тц! Тц! Тц!

— Если кто-нибудь спросит, где Эста,— после паузы продолжала миссис Грифитс, даже не взглянув в сторону своего супруга и обращаясь к обступившим ее детям,— мы должны будем сказать, что она уехала к моим родным в Тонаванду. Это не совсем так, но мы ведь и сами не знаем правды, не знаем точно, где она... к тому же она может скоро вернуться. Значит, мы не должны говорить о ней ничего плохого, пока не узнаем всего.

— Да, хвала господу,— слабо откликнулся Эйса.

— Значит, если кто-нибудь спросит о ней, пока нам самим ничего не известно, надо отвечать так, как я сказала.

— Конечно,— сказал Клайд услужливо, а Джулия прибавила:

— Хорошо.

Миссис Грифитс замолчала и строго, но в то же время как бы виновато, посмотрела на детей. Эйса снова издал: «Тц! Тц! Тц!» — и детей отправили спать.

Клайду очень хотелось узнать, что же было в письме Эсты, но он на долгом опыте убедился, что мать ничего не скажет ему, если не сочтет нужным; и он ушел в свою комнату, чувствуя, что устал. Почему родители больше не ищут Эсту, если есть надежда ее найти? Где она теперь, вот в эту минуту? Где-нибудь в пути, в поезде? Очевидно, она не желает, чтобы ее нашли. Наверно, ей было здесь так же невыносимо, как и ему.

Еще так недавно он сам думал уйти куда-нибудь из дому, представлял себе, как отнеслась бы к этому семья, и вот сестра опередила его. Как это повлияет на его решение и на его поступки в будущем? По правде говоря, несмотря на горе отца и матери, Клайд не мог считать уход сестры таким уж несчастьем,— во всяком случае, не самый уход. Это просто лишнее доказательство, что в доме не все благополучно. Вся деятельность миссии ничего не значит. Во всех этих религиозных чувствах и разговорах тоже мало толку. Они не спасли Эсту. Очевидно, она, так же как и он, не особенно верила во все это.

ГЛАВА IV

Придя к такому заключению, Клайд стал упорнее, чем когда-либо, думать о своем будущем. Он решил, что должен сам предпринять что-то, и притом поскорее. До сих пор ему удавалось найти только такую работу, какая обычно достается мальчикам двенадцати — пятнадцати лет: как-то летом он помогал газетчику разносить газеты; другое лето (а по субботам и зимой) работал на складе магазина стандартных цен: открывал ящики и распаковывал товары, за что получал щедрое вознаграждение — пять долларов в неделю,— сумму, казавшуюся ему тогда целым состоянием. Он чувствовал себя богачом и, наперекор родителям, которые считали и театр и кино делом не только мирским, но и греховным, изредка бывал в этих запретных местах, где-нибудь на галерке. Такие развлечения приходилось скрывать от родителей. Но это не удерживало Клайда. Он считал, что имеет право распоряжаться своими деньгами и даже брать с собой младшего брата Фрэнка, который рад был пойти с ним и ни разу не проговорился.

Несколько позже, в тот же год, Клайд решил оставить школу, так как уже сам чувствовал, что слишком отстал; он устроился помощником продавца содовой воды в аптекарском магазине средней руки; магазин находился рядом с театром и был как бы под его покровительством. Клайд случайно увидел объявление: «Требуется мальчик» (он проходил мимо по дороге в школу). Затем он поговорил с молодым человеком, помощником которого ему предстояло сделаться и который готов был обучить его новой профессии, если Клайд будет понятлив и услужлив; из этой беседы Клайд понял, что если он усвоит это искусство, то сможет зарабатывать пятнадцать и даже восемнадцать долларов в неделю. По слухам, столько получают двое

служащих в магазине Струда на углу Четырнадцатой и Балтимор-стрит. Магазин, куда хотел поступить Клайд, платил, однако, только двенадцать долларов — обычную ставку в таких заведениях.

Но чтобы постичь это искусство, как сообщили ему, нужно время и дружеская помощь опытного человека. Если он желает поступить сюда и работать для начала за пять долларов (лицо Клайда вытянулось),— ну, скажем, за шесть,— он скоро овладеет искусством составлять сладкие напитки и сдабривать сиропами всевозможные сорта мороженого. Но сперва Клайд будет учеником, а значит, он должен мыть и чистить сифоны и всю посуду на стойке и, само собой, в половине восьмого открывать магазин, подметать его, стирать пыль, а также исполнять всякие поручения, которые может дать ему хозяин. В такие минуты, когда его непосредственное начальство мистер Зиберлинг — самоуверенный и болтливый двадцатилетний франт — будет перегружен заказами, он передоверит Клайду приготовление несложных коктейлей, состоящих из лимонада, кока-кола и тому подобного.

И вот Клайд, посовещавшись с матерью, решил принять это выгодное предложение. Во-первых, рассчитывал он, здесь можно будет бесплатно полакомиться мороженым,— немалое преимущество. Во-вторых, как он думал в то время, это откроет ему путь к какой-то профессии, чего ему очень не хватало. Затем — и это тоже большое преимущество — ему придется задерживаться на работе поздно, до двенадцати ночи, а взамен у него будут свободные часы днем. И, значит, по вечерам он не будет дома и не будет посещать вечерних классов в десять часов. От него уже не смогут требовать помощи на молитвенных собраниях, разве только в воскресенье, да и по воскресеньям он тоже будет занят после обеда и вечером.

Кроме того, продавец содовой воды регулярно может получать контрамарки от администратора соседнего театра, фойе которого соединено боковой дверью с магазином,— эта близость восхищала Клайда. Так интересно работать в магазине, который тесно связан с театром.

Но самое главное,— к удовольствию, а порой и к отчаянию Клайда,— перед каждым спектаклем, а в дни утренних представлений и после спектакля здесь собирались статистки; они приходили в одиночку или группами, усаживались у прилавка, болтали, смеялись, поправляли перед зеркалом прическу, подкрашивались и пудрились. И Клайд, неопытный птенец, незнакомый с обычаями света, с привычками и манерами женщин,

не уставал любоваться красотой этих посетительниц, их смелостью, самоуверенностью и грацией.

Перемывая стаканы, накладывая мороженое, наливая сиропы, укладывая на подносах лимоны и апельсины, он впервые в жизни мог вблизи наблюдать этих девушек. Они — просто чудо! Почти все так хорошо, нарядно одеты,— кольца, брошки, меха, восхитительные шляпки, красивые туфли! И как часто он слышал разговоры об интереснейших вещах: о пикниках, танцах, обедах, виденных ими спектаклях, о прогулках по окрестностям Канзас-Сити, о том, чем отличается нынешняя мода от прошлогодней и как очаровательны некоторые актеры и актрисы,— главное, конечно, актеры! — которые играют сейчас в городе или скоро приедут на гастроли. Дома Клайд ни о чем таком не слыхивал.

И очень часто то одну, то другую из этих юных красавиц сопровождал какой-нибудь молодой человек во фраке, в крахмальной манишке, в цилиндре, галстуке бабочкой, белых лайковых перчатках, лакированных ботинках,— в костюме, который в то время казался Клайду последним словом хорошего тона, красоты, изящества и благополучия. Носить такой костюм и с таким же непринужденным видом! Разговаривать с девушкой так же свободно и хладнокровно, как эти франты! Вот верх совершенства! Ни одна красивая девушка, казалось тогда Клайду, и смотреть на него не станет, если у него не будет такого костюма. Это совершенно необходимо, это главное! И если только Клайд достигнет этого,— сумеет вот так одеться,— разве это не будет означать, что он твердо стал на путь, ведущий к блаженству? Все радости жизни, конечно, раскроются перед ним. Ласковые улыбки! Тайные пожатия рук, и, может быть, его рука вокруг девичьей талии... поцелуй... обещание жениться... и потом, потом...

И все это — как внезапный луч света после долгих лет, когда надо было без конца ходить с отцом и матерью по улицам, сидеть на молитвенных собраниях, выслушивать неописуемых, нелепых чудаков — опустившихся и сбившихся с пути людей,— рассказывающих, как Христос спас их и что бог сделал для них. Будьте уверены, теперь он от всего этого избавится. Он будет работать и копить деньги — и станет человеком... Поистине, этот несложный, но образцовый набор банальностей сиял, как чудо духовного перерождения! Это был мираж, возникший перед жаждущим путником — жертвой пустыни.

Однако Клайд быстро убедился, что одно плохо в его новом положении: хотя здесь и можно было научиться составлять

различные фруктовые напитки и зарабатывать двенадцать долларов в неделю,— это отнюдь не разрешало снедавших его честолюбивых надежд и стремлений. Альберт Зиберлинг, его непосредственное начальство, твердо решил сохранить для себя одного как секреты ремесла, так и наиболее приятную часть работы. И притом он, заодно с их хозяином аптекарем, полагал, что Клайд должен не только помогать ему, Зиберлингу, в приготовлении напитков, но еще и бегать по всяким поручениям хозяина, а это отнимало у Клайда чуть ли не весь его рабочий день.

Словом, Клайду было мало толку от этой работы: он никак не мог одеться лучше, чем прежде. Хуже того,— Клайда угнетало, что у него очень мало денег, почти нет знакомых и связей. В сущности, вне своей семьи он был совсем одинок,— и едва ли менее одинок в семье.

Бегство Эсты неблагоприятно отразилось на миссионерской деятельности в Канзасе. И так как Эста не вернулась, родители Клайда стали подумывать о переезде, за неимением лучшего, в Денвер, штат Колорадо. Но Клайд решительно не хотел с ними ехать. «Что пользы в этом? — спрашивал он себя.— Там просто будет еще одна миссия, точно такая же, как и здесь».

Он всегда жил с родителями — в квартире при миссии на улице Бикел, и терпеть не мог эту жизнь. С одиннадцати лет, с тех пор как семья приехала в Канзас-Сити, он стыдился приводить знакомых мальчиков к себе домой. Поэтому он никогда не имел друзей, а гулял и играл почти всегда один или с братом и сестрами.

Но теперь ему уже шестнадцать лет, он достаточно взрослый, чтобы жить по-своему, и должен избавиться от такой жизни! Однако он слишком мало зарабатывал — недостаточно, чтобы прожить одному, и ему не хватало еще уменья и смелости для того, чтобы устроиться лучше.

Тем не менее, когда родители заговорили о переезде в Денвер и, не допуская и мысли, что Клайд не захочет поехать с ними, упомянули о возможности для него получить там работу, Клайд стал исподволь намекать, что ему лучше остаться здесь. Он любит Канзас-Сити. Что толку от перемен? У него здесь есть работа, а может быть, он найдет и что-нибудь получше. Но родители, помня о судьбе Эсты, были в большом сомнении. Что может выйти из его попытки так рано начать самостоятельную жизнь? Где он будет жить после их отъезда? С кем? С какими влияниями столкнется в жизни и кто будет рядом, чтобы помочь ему, дать добрый совет, направлять его по стезе добро-

детели, стезе, которой следовали они сами? Обо всем этом надо подумать.

Клайд был сильно напуган: переезд в Денвер казался неизбежным и приближался с каждым днем; вдобавок как раз в это время мистер Зиберлинг из-за своей чрезмерной любезности по отношению к прекрасному полу потерял место; в аптекарском магазине появился новый старший продавец, костлявый и мрачный; он, видимо, не желал иметь Клайда своим помощником. И Клайд решил уйти оттуда, но не сразу: сначала, бегая по городу со всякими поручениями, он попробует подыскать себе другое место. И вот во время этих поисков ему однажды пришла в голову мысль обратиться к продавцу прохладительных напитков в большом аптекарском магазине при главном отеле города; отель этот, великолепное двенадцатиэтажное здание, казался Клайду квинтэссенцией роскоши и комфорта. Его окна всегда были плотно завешены, главный вход (Клайд не решался заглянуть дальше) был вычурным сочетанием стекла и металла; за дверями виднелся мраморный коридор, уставленный пальмами. Клайд часто проходил мимо, с мальчишеским любопытством размышляя о том, что за жизнь там, внутри? У подъезда всегда ожидало столько такси и частных автомобилей!

В этот день, подгоняемый необходимостью что-то предпринять, Клайд вошел в аптекарский магазин, занимавший в здании отеля угловое помещение, выходившее на Четырнадцатую и Балтимор-стрит. Увидев кассиршу в маленькой стеклянной будке у входа, Клайд спросил, кто у них здесь ведает продажей содовой воды.

Заинтересованная его робкими и неуверенными манерами, а также его глубокими, словно умоляющими глазами, кассирша сразу угадала, что мальчик ищет работу.

— Да вот мистер Сикор, управляющий магазином,— сказала она.

Она кивнула в сторону невысокого, строго одетого человека лет тридцати пяти, который устраивал на стеклянном прилавке выставку туалетных новинок. Клайд подошел к нему и, еще не вполне понимая, как надо действовать, когда хочешь чего-то добиться в жизни, но видя, однако, что этот человек поглощен своим занятием, остановился, переминаясь с ноги на ногу, и стоял до тех пор, пока наконец управляющий не почувствовал, что кто-то находится сзади, и не обернулся.

— В чем дело? — спросил он Клайда.

— Скажите, пожалуйста, вам не нужен помощник для продажи содовой воды?

И Клайд посмотрел на него глазами, которые красноречиво говорили: «Если у вас есть место, я так хотел бы, чтоб вы взяли меня! Мне так нужна работа!»

— Нет, нет, нет,— ответил тот.

Этот крепкий блондин был по натуре несколько раздражителен и сварлив. Он уже собирался отвернуться от просителя, но, увидев по лицу Клайда, как глубоко тот разочарован и огорчен, спросил еще:

— А вы когда-нибудь работали в таком месте?

— Не в таком прекрасном магазине, сэр,— ответил Клайд, пораженный окружающим великолепием.— Я работаю теперь в магазине мистера Клинкла, на углу Седьмой и Бруклин-стрит, но это совсем не то, что у вас, и мне хотелось бы найти что-нибудь получше.

— Мгм,— пробормотал его собеседник, слегка польщенный этой невинной данью превосходству его магазина.— Что ж, это вполне разумно. Но как раз сейчас я ничего не могу предложить вам. Мы не часто меняем служащих. А вот если вы хотите поступить рассыльным, я скажу вам, где можно устроиться. Здесь, в отеле, как раз хотят взять мальчика. Начальник рассыльных говорил мне, что ему нужен еще один. Я думаю, это ничуть не хуже, чем помогать продавцу воды.

Затем, увидев, как просияло лицо Клайда, он прибавил:

— Но не говорите, что это я послал вас, ведь я вас не знаю. Просто разыщите там, под лестницей, мистера Скуайрса и поговорите с ним.

При одной мысли, что он может получить работу в столь внушительном учреждении, как отель «Грин-Дэвидсон», Клайд широко раскрыл глаза и весь задрожал от волнения; потом он поблагодарил советчика за его доброту и направился к выкрашенному под мрамор проходу в глубине магазина, который вел в вестибюль отеля. Выйдя из этого коридора, Клайд оказался в вестибюле. Ничего подобного он никогда еще не видел: до сих пор бедность и робость мешали ему хотя бы издали заглянуть в этот мир. Какая всюду расточительная роскошь! Под ногами пол, как шахматная доска с квадратами черного и белого мрамора; над головой потолок, украшенный бронзой, росписью и позолотой. Его подпирает целый лес черных мраморных колонн,— таких же зеркально гладких и отполированных, как и пол. Ряды колонн ведут к трем отдельным входам — правому, левому и центральному, на Дальримпл-авеню, а между колоннами — лампы, статуи, пальмы, кресла, диваны и диванчики, ковры — масса всякой всячины. Словом, вестибюль этот был

воплощением той пошлой роскоши, назначение которой, как саркастически заметил кто-то, «вносить изысканность в массы».

Действительно, для солидного отеля в большом и процветающем американском торговом городе здесь была почти чрезмерная роскошь. Номера, и холл, и вестибюли, и рестораны были обставлены слишком богато — тут не было ни облагораживающей простоты, ни изящества, ни целесообразности.

Клайд остановился, растерянно осматривая вестибюль и собравшееся здесь большое общество,— тут были и женщины и дети, но больше всего мужчин; они прогуливались взад и вперед, или стояли и беседовали, или отдыхали в креслах, группами и в одиночку. За тяжелыми драпировками, в роскошно обставленных глубоких нишах стояли письменные столы с комплектами газет, в одном углу вестибюля — почтовое отделение, в другом — галантерейный киоск и киоск цветочницы, и здесь тоже было людно. В это время в городе происходил съезд дантистов, и многие из них со своими женами и детьми собрались сегодня в отеле «Грин-Дэвидсон». Но Клайду, который ничего не знал об этом и вообще не представлял себе, что такое «съезд», казалось, что это и есть обычная, повседневная картина жизни отеля.

В почтительном, пугливом изумлении Клайд смотрел на все вокруг; потом, вспомнив о Скуайрсе, отправился искать его в контору «под лестницей». Лестница оказалась справа от Клайда — огромная, черно-белая, мраморная, с двумя разветвлениями, которые широкими плавными изгибами вели во второй этаж. Между этими двумя большими крыльями лестницы и находилась, должно быть, контора отеля, поскольку там толпилось много служащих. За ближайшим крылом, у той же стены, в которой был проход из аптекарского магазина, помещалась высокая конторка, и за ней стоял юноша примерно одних лет с Клайдом, одетый в коричневый форменный костюм со множеством блестящих пуговиц. На голове у него была маленькая круглая шапочка, точно коробочка от пилюль, лихо сдвинутая на одно ухо. Он карандашом делал записи в лежавшей перед ним книге. Тут были и еще мальчики того же возраста и в такой же форме: одни сидели на длинной скамье, рядом с конторкой, другие стрелой проносились во всех направлениях; порою они возвращались к стоящему за конторкой, передавали ему то какую-нибудь квитанцию, то ключ, то счет, а потом снова садились на скамью, ожидая, очевидно, другого поручения, и им как будто не приходилось долго ждать. Почти беспрерывно трещал телефон, и юноша за конторкой, выслушав поручение,

звонил в стоявший перед ним маленький колокольчик или произносил: «Очередной» — на что отзывался первый сидевший с краю мальчик. Вызванные тотчас бежали к одной из лестниц, или к одной из входных дверей, или к лифтам и после этого почти всегда появлялись, неся вслед за входящими саквояжи, чемоданы, пальто, палки для гольфа. Другие мальчики исчезали в глубине вестибюля и возвращались с бутылками на подносах или с какими-нибудь пакетами, которые они несли в один из номеров наверх. Очевидно, такую работу пришлось бы выполнять и Клайду, если бы ему посчастливилось и его приняли на службу в этом отеле.

И все это делалось так бойко, кругом царило такое оживление, что ему очень захотелось оказаться счастливцем и попасть сюда. Но удастся ли это? И где этот мистер Скуайрс? Он подошел к юноше за конторкой и спросил:

— Вы не можете сказать, где мне найти мистера Скуайрса?

— А вот он идет,— ответил юноша, испытующе взглянув на Клайда живыми серыми глазами.

Клайд посмотрел в указанном направлении и увидел, что к ним стремительно приближается щеголеватый и, несомненно, видавший виды человек лет двадцати девяти — тридцати. Он был так строен, энергичен и превосходно одет, и у него было такое жесткое, колючее лицо, что Клайд почувствовал не только смущение, но даже благоговейный страх: видно, это очень хитрый, коварный человек,— у него такой длинный тонкий нос, тонкие губы, такой пронзительный взгляд и острый подбородок...

— Только что вышел высокий седой человек с шотландским пледом, видели? — спросил он своего помощника, остановившись у конторки.

Тот кивнул.

— Так вот, мне сказали, что это лорд Ландрэйл. Он приехал сегодня утром с четырнадцатью сундуками и четырьмя слугами. Подумать только! Важная персона в Шотландии. Впрочем, он путешествует под вымышленным именем. Записан здесь как мистер Блант. Вот они, англичане,— видали? Умеют показать класс, а?

— Совершенно верно, мистер Скуайрс,— почтительно ответил юноша за конторкой.

Только теперь Скуайрс обернулся и бросил беглый взгляд на Клайда. Юноша за конторкой пришел Клайду на помощь.

— Этот паренек хочет с вами поговорить,— объяснил он.

— У вас ко мне дело? — спросил Скуайрс, оборачиваясь к Клайду и окидывая его зорким, изучающим взглядом; не остался незамеченным и дешевый костюм мальчика.

Клайду не очень понравился этот человек, но он решил произвести на него возможно лучшее впечатление.

— Джентльмен из аптекарского магазина сказал мне...— начал Клайд,— то есть он посоветовал обратиться к вам... может быть, на мое счастье, вам нужен рассыльный. Я работаю помощником в аптекарском магазине Клинкла, на углу Седьмой и Бруклин-стрит, но хочу уйти оттуда, и тот джентльмен сказал, что вы можете... то есть он думал... может быть, у вас есть свободное место...

Клайд был так смущен и сбит с толку холодным, испытующим взглядом мистера Скуайрса, что едва мог перевести дыхание и с трудом глотал слюну.

В первый раз в жизни он подумал, что, если хочешь добиться успеха, надо расположить к себе людей, сделать или сказать что-то такое, что понравилось бы им. Итак, собравшись с духом, Клайд заискивающе, вкрадчиво улыбнулся Скуайрсу и прибавил:

— Если только вы разрешите мне попробовать, я буду стараться изо всех сил.

Человек, стоявший перед Клайдом, в ответ только холодно посмотрел на него; но так как он сам был хитер и умел достигать своей цели разными окольными путями, то ему нравился всякий, кто обладал ловкостью, изворотливостью, уменьем разговаривать с людьми. И, отказавшись от своего первого побуждения отрицательно покачать головой, он заметил:

— Но ведь у вас нет никакого опыта в этом деле?

— Нет, сэр, но я быстро научусь, я буду очень стараться.

— Ну хорошо, я подумаю,— сказал начальник рассыльных, с сомнением почесывая висок.— Сейчас мне некогда. Приходите в понедельник. Тогда поговорим.

Он повернулся на каблуках и пошел прочь.

Клайд, оставшись один и не вполне понимая, что все это значит, растерянно озирался. Неужели ему и вправду назначили прийти в понедельник? Неужели возможно, что он... Клайд повернулся и выбежал на улицу, от волнения его била дрожь. Вот это удача! Он попросил, чтобы его взяли на работу в самый лучший отель Канзас-Сити, и ему назначили прийти в понедельник! Вот как?! Что бы это значило? Неужели его могут впустить в этот великолепный мир — и так быстро! Неужели и вправду так будет?

ГЛАВА V

Как в связи со всем этим разыгралась фантазия Клайда, какие мечты о будущем связаны были у него с работой в столь замечательном учреждении, об этом можно лишь догадываться: его представления о роскоши были в целом сильно преувеличены, ошибочны и нелепы,— просто смутные бредни, плод постоянно подавляемого неудовлетворенного воображения, которое доныне питалось одними выдумками.

Клайд вернулся к своим обязанностям в аптекарском магазине; после работы он шел домой, ел и спал; но в сущности все эти дни — пятницу, субботу, воскресенье и понедельник до вечера — он витал где-то в облаках. Он не сознавал, что делает, и не раз его начальник в магазине предлагал ему «проснуться». А после работы он шел не прямо домой, а снова туда, на угол Четырнадцатой и Балтимор-стрит, и смотрел на великолепный отель. Там даже в полночь перед каждым из трех главных подъездов, выходивших на три улицы, стоял швейцар в длинной коричневой ливрее со множеством пуговиц и в высокой коричневой фуражке с большим козырьком. А внутри, за тонкими шелковыми шторами, все еще сияли огни в большом зале ресторана и в баре, помещавшемся в нижнем этаже. У подъездов — множество такси и частных машин. И откуда-то всегда доносится музыка.

Клайд разглядывал это здание в пятницу вечером, и в субботу, и утром в воскресенье, а в понедельник, во второй половине дня, как велел мистер Скуайрс, снова явился в отель; этот субъект встретил Клайда довольно неприветливо, так как успел уже о нем забыть. Но ему действительно нужен был еще один рассыльный, и Клайд как будто годился на эту должность; поэтому Скуайрс провел Клайда в свою маленькую контору под лестницей, где величественно и с полнейшим равнодушием стал расспрашивать его о родителях, о том, где он живет, где и чем раньше занимался, чем зарабатывает на жизнь отец. Последний вопрос особенно смутил Клайда. Он был горд, и ему было стыдно признаться, что его родители руководят миссией и проповедуют на улицах. И он ответил (ведь так иногда бывало), что отец его работает в одной фирме агентом по распространению стиральных машин, а по воскресеньям проповедует религиозное обновление; это понравилось начальнику мальчишек, которые меньше всего были склонны к чинному и благочестивому образу жизни. Может ли Клайд представить рекомендацию с места его теперешней службы? Да, может.

Мистер Скуайрс принялся объяснять, что порядки в отеле очень строгие. Многие мальчики, наблюдая жизнь отеля и соприкасаясь с чрезмерной, непривычной для них роскошью (Скуайрс, впрочем, говорил другими словами), теряют голову и сбиваются с пути. Ему постоянно приходится увольнять мальчиков, которые, заработав немного лишних денег, начинают дурно себя вести. Ему нужны мальчики услужливые, воспитанные, расторопные, учтивые. Они должны быть опрятными и одеваться чисто и аккуратно; на работу каждый день должны являться без опозданий, минута в минуту, и в надлежащем виде. А тот, кто вообразит, что, заработав немного денег, уже можно позволить себе дерзко отвечать или заводить интрижки и участвовать в ночных кутежах, а потом опаздывать на службу или являться утомленным, вялым и неповоротливым,— тот пусть не рассчитывает остаться здесь надолго. Такого выставят в два счета. Он, Скуайрс, не потерпит никаких глупостей. Это надо усвоить теперь же, раз и навсегда.

Клайд кивал в знак согласия и время от времени вставлял с готовностью: «Да, сэр» или: «Нет, сэр»; под конец он заверил мистера Скуайрса, что и подумать не может о том, чтобы столь неприлично себя вести, да и по своему характеру просто не способен на такие проступки, о которых говорит мистер Скуайрс.

Затем Скуайрс объяснил, что мальчики получают в отеле только пятнадцать долларов в месяц, а также стол (в подвальном этаже находится специальная столовая для служащих). Но — и это сообщение было самым удивительным открытием для Клайда — каждый гость за любую услугу,— если мальчик принесет чемодан, или кувшин воды, или выполнит еще какое-нибудь поручение,— дает на чай, и порой довольно щедро: десять, пятнадцать, двадцать пять центов, иногда больше. И эти чаевые составляют в среднем от четырех до шести долларов в день, не меньше, а иногда и больше,— огромные деньги, подумал Клайд. Сердце его подпрыгнуло, он чуть не задохнулся, услыхав о такой громадной сумме. От четырех до шести долларов в день! Да ведь это значит двадцать восемь или даже сорок два доллара в неделю! Он с трудом верил своим ушам. И это сверх пятнадцати долларов в месяц и питания. И, кроме того, пояснил мистер Скуайрс, из жалованья ничего не удерживают за красивую форму, которую носят рассыльные в отеле. Но ее можно носить только на работе. Затем мистер Скуайрс объяснил, что по понедельникам, средам, пятницам и воскресеньям Клайд должен работать от шести утра до полудня и затем,

после шестичасового перерыва, с шести вечера до полуночи; по вторникам, четвергам и субботам он будет занят только от полудня до шести; таким образом, у него будут свободными то вторая половина дня, то вечер; но завтракать и обедать он должен в свои свободные часы. Наконец, вместе с другими мальчиками, он обязан пунктуально, в форменной одежде являться на поверку, Скуайрс производит ее ровно за десять минут до начала каждой смены.

Мистер Скуайрс думал еще и о других вещах, но умолчал о них: он знал, найдутся люди, которые скажут за него. А пока он продолжал что-то объяснять и вдруг, совершенно неожиданно для Клайда, слушавшего все это, как во сне, спросил:

— Полагаю, вы можете приступить к работе сейчас же?

— Да, сэр! Конечно, сэр! — ответил Клайд.

— Отлично!

Скуайрс поднялся и распахнул дверь.

— Оскар! — позвал он ближайшего из сидевших на скамье рассыльных, и к нему поспешно подошел рослый, плечистый юноша, затянутый в чистенькую форменную курточку.— Отведите этого молодого человека — Клайд Грифитс, не так ли? — на двенадцатый, в гардеробную, чтобы Джекобс подобрал ему форменный костюм. Если не найдется подходящего, пусть подгонит какой-нибудь к завтрашнему дню. Но, я думаю, ему будет впору тот, что носил Силсби.

Затем, обращаясь к своему помощнику, глядевшему из-за конторки на Клайда, мистер Скуайрс пояснил:

— Беру его на пробу. Пусть кто-нибудь из мальчиков натаскает его сегодня вечером или когда он там начнет. Ступайте, Оскар,— сказал он юноше, которому поручил Клайда.— Он новичок в этом деле, но, я думаю, справится,— прибавил мистер Скуайрс, снова обращаясь к помощнику, когда Клайд и Оскар направились к одному из лифтов.

И он пошел сказать, чтобы имя Клайда внесли в платежную ведомость.

Тем временем Клайд, идя на буксире за своим новым ментором, выслушивал ряд таких сведений, какие еще никогда не достигали его ушей.

— Тут нечего трусить, даже коли никогда и не работал в таком месте,— начал этот юнец.

Как позже узнал Клайд, его звали Хегленд, он был родом из Джерси-Сити, штат Нью-Джерси, откуда и привез свой экзотический жаргон и размашистые жесты. Он был высокий, креп-

кий, рыжеволосый, весь в веснушках, добродушный и болтливый.

Они вошли в лифт с надписью «для служащих».

— Это штуковина нетрудная,— продолжал спутник Клайда.— Вот когда я впервой стал работать в Буффало, три года назад,— так ни бум-бум не смыслил. Ты только гляди, что да как другие делают, понял?

Клайд, гораздо более образованный, чем его спутник, мысленно с неодобрением отмечал неправильности его произношения и жаргонные словечки, но был в эту минуту так благодарен за малейший знак внимания, что охотно простил бы своему благодушно настроенному наставнику все что угодно за его дружелюбие.

— Сперва гляди, кто что делает да как, тогда и сам навостришься. Вот как звякнет звонок, а ты сидишь крайним на скамейке, значит, твой черед,— вскакивай и беги. Они тут любят, чтоб поживей, понял? Коли кто войдет в подъезд или вылезет из лифта с чемоданом, а ты тут крайний на скамейке — беги и хватай чемодан, все равно — звал старшóй или нет. Не жди, пока он позовет,— он иногда занят, не видит. Тут надо и самому не зевать. Не ухватишь чемоданы — не получишь на чай, понял? У кого в руках чемодан или что другое, тому, ясно, надо помочь, разве что он сам захочет тащить свой багаж. Всегда надо быть поближе к конторке, потому что, кто входит, все первым делом записываются и спрашивают номер,— трещал он дальше, пока они подымались в лифте.— Потом клерк даст тебе ключ,— тогда волоки весь багаж прямо в номер. Потом, если номер с ванной и с уборной, зажги всюду свет, чтоб они видели, где что, понял? Потом подними занавески, коли день, а коли вечер,— опусти и погляди, есть ли в номере полотенца, а коли нет,— скажи горничной, а потом, коли не дадут на чай, уходи. Только сперва покрутись там еще, повозись с ключом у двери, проверь форточку, в общем, застрянь малость, понял? Тогда, коли они чего смыслят, так дадут монетку, а уж коли не дадут, значит — крышка, надо уходить. И нельзя подавать виду, что недоволен, ничего такого, понял? А потом, коли не попросят воды со льдом или еще чего, значит — крышка. Иди вниз и живо на скамейку. Штука несложная. Только поворачивайся поживей, да не зевай, когда кто входит или выходит. В этом вся соль. А как получишь форму да начнешь работать, не забывай отдавать начальнику доллар после каждой смены, когда уходишь, понял? А когда две смены в день — так два доллара. Такой уж порядок. Все мы так делаем, и тебе при-

дется, коли хочешь тут зацепиться. Но уж это все. Остальное — твое.

Клайд понял.

Очевидно, из его двадцати четырех или тридцати двух долларов часть ускользает,— примерно долларов одиннадцать или двенадцать. Ну, не беда! Ведь у него останется еще двенадцать или пятнадцать, а может, и больше. И сверх того еда и форма. Господи боже! Да это же сущий рай! Предел всех желаний!

Мистер Хегленд из Джерси-Сити проводил его на двенадцатый этаж, в комнату, где они застали сморщенного седого человечка, неопределенного возраста и характера; он тотчас подобрал Клайду костюм, оказавшийся настолько впору, что никаких переделок не потребовалось. Примерив несколько шапочек, Клайд нашел такую, которая оказалась ему впору, и лихо сдвинул ее набекрень; оставалось только постричься: «Волосы у тебя длинноваты, надо бы сзади подрезать»,— заметил Хегленд. Клайд и сам подумал об этом, еще раньше чем Хегленд заговорил. Его волосы действительно были длинноваты для такой шапочки, и Клайд сразу их возненавидел.

Когда они вернулись вниз, к мистеру Уиплу, помощнику мистера Скуайрса, тот сказал:

— Отлично. Костюм в самый раз, правда? Ладно, приступай в шесть часов. Придешь к половине шестого и явишься в форме на поверку без четверти шесть.

После этого, выслушав соответствующие наставления Хегленда, Клайд отправился в гардеробную, запер свою форменную одежду в шкафчик, указанный гардеробщиком, и, взволнованный, выбежал из отеля — сперва подстричься, а потом домой, сообщить родным о своем счастье.

Он будет рассыльным в великолепном отеле «Грин-Дэвидсон»! Он будет носить форму, да еще такую красивую. Он будет получать... но он не сказал матери точно, сколько будет получать. Для начала, вероятно, около одиннадцати или двенадцати долларов, он еще не знает наверно. В перспективе он вдруг увидел некоторое материальное благополучие если не для всей семьи, то хотя бы для себя одного, и ему не хотелось осложнять дело, назвав действительную сумму своего будущего заработка: конечно, родители предъявят ему тогда большие требования. Он сказал, однако, что будет бесплатно столоваться в отеле,— значит, ему незачем приходить домой к обеду, а как раз этого он и хотел. И вдобавок он будет жить и дышать в атмосфере этого великолепного отеля... Он сможет, при желании, возвращаться домой не раньше полуночи... сможет хорошо одеться...

и завести интересные знакомства... И, пожалуй, немного развлечься... Ого!

И пока он бегал по всяким делам, ему пришла на ум еще одна лукавая и восхитительная мысль: он может не приходить домой в те вечера, когда захочет пойти в театр или еще куда-нибудь. Он просто останется в городе, а после скажет дома, что ему пришлось работать. И к тому же даровой стол и форменная одежда! Подумать только!

Все это было так поразительно, так увлекательно, что он даже боялся слишком много об этом думать. Лучше подождать и посмотреть. Просто — подождать и посмотреть, чего он может достигнуть здесь, в этом чудесном, чудесном царстве!

ГЛАВА VI

Крайняя неопытность Грифитсов — Эйсы и Эльвиры — во всех экономических и социальных вопросах помогла Клайду осуществить свои мечты. Ибо ни Эйса, ни Эльвира не имели представления об истинном характере работы, на которую поступал Клайд,— едва ли они знали об этом больше, чем он сам; они не представляли себе, как эта работа может повлиять на его воображение и нравственность, на его материальное положение и на многое другое. Никогда в жизни ни Эйса, ни его жена не останавливались в отеле выше четвертого разряда; никогда не бывали в ресторанах, где обедают люди более состоятельные, чем они сами. Им совершенно не приходило в голову, что для мальчика в возрасте Клайда и с его характером возможна какая-то другая работа и иные формы общения с людьми, помимо переноски чемоданов от дверей отеля к конторке и обратно. И оба они наивно полагали, что плата за такую работу должна быть очень невысокой, скажем, пять или шесть долларов в неделю, в сущности меньше, чем заслуживал Клайд по своим годам и способностям.

Поэтому миссис Грифитс, которая была все же практичнее, чем муж, и больше заботилась о материальном благополучии Клайда и других детей, недоумевала: почему вдруг Клайд так радуется новой службе, которая, по его же словам, будет отнимать больше времени и даст едва ли больше денег, чем прежняя. Правда, Клайд уже намекнул, что в отеле можно и повышение получить, например стать клерком,— но он и сам не знал, когда это будет, а на прежнем месте он скорее мог бы добиться чего-то лучшего, по крайней мере в отношении заработка.

Но когда в понедельник он примчался домой и объявил, что получил место и что ему надо поскорее сменить галстук и воротничок, подстричься и бежать назад, на поверку, она, глядя на него, успокоилась. Никогда прежде она не замечала, чтобы он так увлекался чем-либо; ему же будет лучше, если он почувствует себя увереннее в жизни и станет повеселее.

Он отдавал этой работе все свое время с шести часов утра до полуночи; лишь изредка он возвращался раньше, в какой-нибудь не занятый работой вечер, когда ему вдруг приходило в голову пойти домой,— и тогда он спешил объяснить, что его отпустили немножко раньше времени. В манерах его появилось что-то резкое, беспокойное; если только он не спал и не переодевался, он тотчас старался убежать из дому... Все это вместе взятое сильно озадачивало и мать Клайда и Эйсу. Отель! Отель! Вечно он торопится в этот отель, но из его слов можно лишь понять, что ему там очень нравится и что с делом своим он как будто справляется. Работа эта куда приятнее, чем возня с содовой водой, и он надеется, что сможет зарабатывать здесь больше, и очень скоро, но когда — точно не знает... Однако сверх этого он ничего не хотел или не мог рассказать.

Отец и мать Грифитсы все время чувствовали, что из-за истории с Эстой им следует уехать из Канзас-Сити и поселиться в Денвере. А Клайд упорнее чем когда-либо хотел остаться в Канзас-Сити. Они могут ехать, но у него здесь хорошая работа, и он намерен держаться за нее. Если они уедут, он найдет себе комнату, и все будет хорошо. Но этот план совсем не нравился Грифитсам.

А какая огромная перемена произошла в жизни Клайда! В тот первый вечер, ровно в пять сорок пять, он явился к мистеру Уиплу, своему ближайшему начальнику, и был им одобрен,— не только за то, что на нем хорошо сидел форменный костюм, но за свой вид в целом,— и с этой минуты весь мир для него преобразился. Клайд и еще семеро юношей выстроились перед мистером Уиплом в служебном помещении, которое примыкало к бюро по обслуживанию, и начальник осмотрел их; после этого, как только часы пробили шесть, весь отряд промаршировал по вестибюлю мимо главного бюро и большой лестницы к конторке Уипла и дальше, к длинной скамье. Здесь все восемь мальчиков уселись (Клайд — последним в ряду) в ожидании вызова, готовые броситься выполнять любое поручение; сменившаяся команда мистера Уипла была отведена в помещение для служащих и там отпущена. Пост Уипла за конторкой занял сменивший его мистер Барнс.

Дзинь!

Зазвонил звонок у конторки номерного клерка, и первый мальчик убежал.

Дзинь! — прозвенело снова, и вскочил второй мальчик.

— Очередной! К центральному входу! — крикнул мистер Барнс, и третий мальчик заскользил по мраморному полу к двери и подхватил чемоданы входящего гостя, чьи белые бакенбарды и не по возрасту светлый шерстяной костюм даже неопытный глаз Клайда различил за сто шагов. Таинственное и священное видение — чаевые!

— Очередной! — снова позвал мистер Барнс.— Узнай, чего желает девятьсот тринадцатый. Воды со льдом, наверно.

И четвертый мальчик исчез.

Клайд, все время передвигавшийся по скамейке вслед за Хегленд ом, которому было поручено подучить его немного, весь обратился в зрение и слух. Нервы его были так натянуты, что он с трудом дышал, то и дело вздрагивал и никак не мог усидеть спокойно; Хегленд наконец сказал ему:

— Брось ты трусить. Держи крепче вожжи, понял? Все будет в порядке. Меня сперва тоже трясло, с новичками всегда так. Но это не дело. Полегче надо, вот что. И нечего таращиться по сторонам — смотри прямо перед собой, будто тебе и дела нет ни до кого.

— Очередной! — опять крикнул мистер Барнс.

Клайд едва соображал, о чем говорит Хегленд.

— Сто пятнадцатый требует бумаги и перьев.

Пятый мальчик скрылся.

— Где вы берете бумагу и перья, когда надо? — умоляюще, тоном приговоренного к смертной казни, спросил Клайд своего наставника.

— Я же говорил тебе — у клерка, где ключи выдают. Вон, налево. Он даст и бумаги и перьев. А воду со льдом берешь в том зале, где мы сейчас строились на поверку. Вон там, в углу, маленькая дверь, видишь? Парню, который наливает воду, иной раз дашь десять центов,— его тоже надо задобрить.

Дзинь! — звонок номерного клерка.

Шестой мальчик, не говоря ни слова, отправился выполнять какое-то поручение.

— И еще запомни,— продолжал Хегленд, видя, что подходит его очередь и спеша дать Клайду последние наставления,— коли захотят чего выпить, напитки получишь вон там, за столовой. Да не путай названий, а то гости разозлятся. А коли вечером будешь показывать номер, спусти шторы да открой свет,

а коли надо что в столовой, разыщи там старшóго да сунь ему в руку — понял?

— Очередной!

Хегленд вскочил и исчез.

Теперь Клайд был первым номером. Четвертый номер уже снова сел около него, зорко поглядывая — не понадобятся ли где-нибудь его услуги.

— Очередной! — возглас Барнса.

Клайд вскочил и стал перед ним, радуясь, что никто не входит с чемоданами, но терзаясь страхом, что не поймет поручения или выполнит его недостаточно быстро.

— Узнай, чего хочет восемьсот восемьдесят второй.

Клайд помчался к лифтам с надписью «для служащих», помня, что именно этим путем он поднимался с Оскаром на двенадцатый этаж; но другой мальчик, выходивший из лифта для гостей, указал ему на его ошибку.

— Вызвали в номер? — окликнул он.— Тогда иди к лифту «для гостей». А эти два для служащих и для тех, кто с вещами.

Клайд поспешил исправить свой промах.

— На восьмой,— сказал он.

В лифте больше никого не было, и маленький негр-лифтер заговорил с Клайдом:

— Новенький, да? Не видал вас раньше.

— Да, я только что поступил,— ответил Клайд.

— Ну, вам тут понравится,— дружелюбно сказал мальчик.— Тут, знаете, всем нравится. Вам какой этаж, восьмой?

Он остановил кабину лифта, и Клайд вышел. От волнения он забыл спросить, в какую сторону ему идти, и теперь, начав искать нужный номер, быстро убедился, что попал не в тот коридор. Пушистый коричневый ковер под ногами, светлые, окрашенные в кремовый цвет стены, мягкий свет, льющийся сквозь белоснежные шары, вделанные в потолок,— все это казалось ему атрибутами наивысшего социального благополучия, почти неправдоподобного совершенства,— так далеко это было от всего, что он знал.

Наконец, отыскав номер 882, он робко постучал и через мгновение в приоткрывшуюся дверь увидел кусок синей в белую полоску пижамы и выше — соответствующую часть круглого румяного лица и один глаз, окруженный морщинками.

— Вот тебе доллар, сынок.— Казалось, что это говорил глаз, и сейчас же появилась рука, державшая бумажку в один доллар. Рука была толстая и красная.— Сбегай к галантерей-

щику и купи мне пару подвязок. Бостонские подвязки, шелковые. Да поскорее!

— Слушаю, сэр,— ответил Клайд и взял доллар.

Дверь захлопнулась, а Клайд уже мчался по коридору к лифту, гадая про себя, что такое «галантерейщик». Хотя Клайду было уже семнадцать лет, он не знал этого слова,— никогда прежде не слышал его или, может быть, слышал, но не обращал внимания. Если б ему сказали «магазин мужского белья», он бы сразу понял. Но ему велели пойти к «галантерейщику», а он не знал, что это такое. Холодный пот выступил у него на лбу. Колени подгибались. Черт! Как теперь быть? Что, если он спросит у кого-нибудь, даже у Хегленда, и его сочтут...

Он вошел в лифт, и кабина пошла вниз. Галантерейщик... Галантерейщик... И вдруг его осенило. Допустим, он не знает, что это такое. Но в конце концов нужна пара шелковых бостонских подвязок. Где же достать шелковые бостонские подвязки? Ясно, там, где вообще покупают принадлежности мужского туалета. Ну конечно! Магазин мужского белья. Надо сбегать в магазин. И по дороге вниз, заметив, что и этот негр-лифтер смотрит приветливо, он спросил:

— Не знаете, где тут поблизости магазин мужского белья?

— В этом же здании, как раз около южного входа,— ответил негр, и Клайд, испытывая величайшее облегчение, поспешил туда.

Он все еще чувствовал себя неловко и странно в туго затянутой форменной куртке и в этой забавной круглой шапочке. Ему все казалось, что она вот-вот слетит с головы, и он исподтишка то и дело старался поплотнее надвинуть ее. Вбежав в ярко освещенный магазин, он торопливо сказал:

— Мне надо пару шелковых бостонских подвязок!

— Отлично, сынок, пожалуйста! — елейным тоном сказал галантерейщик, невысокий, румяный человек с блестящей лысиной и в золотых очках.— Наверно, для кого-нибудь в отеле? Ну вот, это стоит семьдесят пять центов, а вот десять центов для тебя, сказал он, завертывая покупку и опуская доллар в кассу.— Я всегда рад услужить мальчикам из отеля: знаю, что вы и в другой раз ко мне придете.

Клайд взял десять центов и пакет. Он не знал, что и думать. Подвязки стоят семьдесят пять центов — так сказал галантерейщик. Значит, вернуть нужно только двадцать пять центов сдачи. Выходит, десять центов остаются ему. А теперь... может быть, и гость тоже даст ему на чай.

Он побежал назад в отель, к лифту.

Где-то играл струнный оркестр, и чудесные звуки наполняли вестибюль. Неторопливо проходили люди — такие нарядные, самоуверенные, так непохожие на тех, кого он встречал на улицах и вообще вне стен отеля.

Дверца лифта распахнулась. Несколько человек вошли в кабину, после всех — Клайд и другой рассыльный, поглядевший на него с любопытством. На шестом этаже этот мальчик вышел. На восьмом вышли Клайд и пожилая дама. Он поспешил к двери номера 882 и постучал. Дверь приоткрылась; обитатель номера успел уже сменить пижаму на брюки и побриться.

— А, уже! — воскликнул он.

— Да, сэр,— ответил Клайд, протягивая пакет и сдачу.— Он сказал, что подвязки стоят семьдесят пять центов.

— Он просто грабитель! А сдачу все равно возьми себе,— ответил тот, протянул Клайду двадцать пять центов и закрыл дверь.

Мгновение Клайд стоял, как завороженный. «Тридцать пять центов,— думал он,— тридцать пять центов! За одно пустячное поручение! Неужели тут всегда так? Не может быть! Это невозможно!» Ноги его тонули в мягком ковре, а рука сжимала в кармане деньги; в эту минуту он готов был завизжать или громко расхохотаться. Шутка — тридцать пять центов за такой пустяк! Один дал ему двадцать пять центов, другой — десять, а ведь он ничего не сделал!

Внизу он поспешно выскочил из кабины. В вестибюле его снова пленили звуки оркестра, а нарядная толпа, сквозь которую он пробирался обратно к скамье рассыльных, привела его в трепет.

Затем его послали отнести три чемодана и два зонтика пожилой супружеской чете,— видимо, фермерам, снявшим номер с гостиной, спальней и ванной на пятом этаже. По дороге, как заметил Клайд, супруги внимательно разглядывали его, хотя ни слова не сказали. Как только они вошли в номер, Клайд быстро повернул выключатель около двери, опустил шторы и разместил чемоданы; и тут пожилой и неуклюжий супруг, все время наблюдавший за Клайдом,— весьма солидная личность в бакенбардах,— изрек наконец:

— А вы как будто юноша исполнительный и проворный. Нам попадались и похуже, скажу я вам.

— Я вообще считаю, что отель — не место для мальчика,— прощебетала его любезная супруга, пышная, круглая, как шар, особа, занятая в эту минуту осмотром смежной комнаты.— Не

хотела бы я, чтобы который-нибудь из моих сыновей работал в отеле... Как тут люди ведут себя!

— Вот что, молодой человек,— продолжал фермер, снимая пальто и роясь в кармане брюк.— Сбегайте-ка вниз и купите мне три или четыре вечерние газеты — сколько найдется, и захватите кувшин со льдом, а когда вернетесь — получите пятнадцать центов на чай.

— Этот отель лучше, чем в Омахе, папочка,— объявила его супруга.— Здесь ковры и занавеси лучше.

Как ни был наивен Клайд, он не мог не улыбнуться про себя. Однако лицо его сохраняло торжественную неподвижность, словно маска, лишенная всяких признаков мысли. Он взял мелочь и вышел. А через несколько минут принес воду и вечерние газеты и удалился, улыбаясь, с пятнадцатью центами в кармане.

Но то было лишь начало этого необыкновенного вечера. Едва Клайд снова сел на скамью, как его позвали в 529-й номер. Надо было сбегать в бар за двумя бутылками фруктовой воды и двумя сифонами содовой. Когда дверь приоткрыли, чтобы передать Клайду заказ, он успел увидеть в зеркале над камином компанию франтоватых молодых людей и девиц; они весело болтали и смеялись; миловидная девушка в белом сидела на ручке кресла, в котором развалился молодой человек, обнимавший ее за талию.

Клайд загляделся на эту сценку, хотя и старался делать вид, что не смотрит. Для него сейчас это было все равно, что заглянуть во врата рая. В номере собрались девушки и молодые люди не намного старше его самого; они смеялись, болтали и даже пили — не какую-нибудь содовую воду с мороженым, но, конечно, такие напитки, которые, по словам его родителей, неминуемо ведут к гибели, а молодые люди, как видно, ничуть об этом не беспокоились.

Клайд сбежал вниз, в бар, взял напитки и счет и, вернувшись в номер, получил плату — полтора доллара за напитки и двадцать пять центов для себя. И еще раз бросил взгляд на заманчивую картину. Теперь одна пара танцевала, а остальные напевали или насвистывали мотив.

Было так интересно забегать в номера и украдкой, торопливо разглядывать их обитателей. Не меньше занимала Клайда изменчивая панорама главного вестибюля: он наблюдал клерков за главной конторкой — один клерк ведал номерами, другой багажом приезжих, третий выдавал корреспонденцию; были тут и кассир, и помощник кассира. И различные киоски вокруг:

с цветами, газетами, сигарами, отделение телеграфа, бюро по обслуживанию такси. И на всех, кто здесь работал, казалось Клайду, самая атмосфера отеля наложила какой-то особый отпечаток. А вокруг разгуливали и сидели такие важные мужчины и женщины, юноши и молодые девушки, все так богато и модно одетые, такие довольные, с таким прекрасным цветом лица. А в каких автомобилях и экипажах многие приезжали сюда в обеденное время и вечером! Он мог хорошо рассмотреть их при ярком свете фонарей у подъезда. А какие накидки, меха и прочие вещи были на этих людях! Какие чемоданы несли за ними мальчики, а иногда и сам Клайд, к машинам или к лифтам! И все на них сшито из превосходного материала. Такое великолепие! Так вот что значит быть богатым, быть влиятельным человеком в обществе! Вот что значит иметь деньги! Это значит — можешь делать все, что душе угодно, а другие люди, такие, как он, Клайд, будут тебе прислуживать. И вся эта роскошь — твоя. И можешь в любую минуту пойти и поехать куда заблагорассудится.

ГЛАВА VII

Итак, из всех благотворных или вредных для его развития влияний, каким в то время мог подвергнуться Клайд, быть может самым опасным при его характере было как раз влияние отеля «Грин-Дэвидсон»: на всем пространстве между двумя великими цепями американских гор вряд ли можно было найти место, где полновластнее царило бы все материальное и безвкусно-показное. Здешнее кафе, уставленное мягкой мебелью и слабо освещенное, как будто даже сумрачное, однако все в веселых огнях цветных фонариков, было идеальным местом свиданий и встреч — и не только для неопытных и восторженных девчонок, которых можно подкупить показной роскошью, но также и для более опытных и, может быть, слегка поблекших красавиц, которым надо помнить о своем цвете лица и о преимуществах мягкого, не яркого освещения. «Грин-Дэвидсон», как и все отели такого рода, посещался людьми известного сорта: тут бывали главным образом тщеславные мужчины неопределенного возраста и неопределенных занятий, жаждавшие легкого успеха и рассчитывавшие своим появлением здесь раз, а то и два в день, в часы наибольшего оживления, укрепить за собой репутацию светского человека, или прожигателя жизни, или богача, или человека со вкусом, или покорителя сердец, или всего сразу.

И едва Клайд поступил сюда, как эти странные юноши, его новые товарищи, бок о бок с которыми он проводил немало времени на скамье в вестибюле, поспешили просветить его относительно многого, что происходит в отеле: рассказали, что здесь бывают определенного типа извращенные, безнравственные, отверженные обществом мужчины (Клайду указали на нескольких), которые ищут сближения с такими вот мальчиками, чтобы вступить с ними в некие недозволенные отношения. Клайд сперва не понимал, что это значит; его тошнило при одной мысли об этом. И все же некоторых мальчиков в отеле (особенно одного, работавшего не с Клайдом, а в другой смене) подозревали в том, что они «попались на эту удочку», как выразился один из юнцов.

Одних только разговоров в вестибюле, не говоря уже о сценах в баре, в ресторанах и номерах, было достаточно, чтобы внушить каждому неопытному и не очень разборчивому существу, будто главное занятие в жизни для всякого, у кого есть кой-какие деньги и положение в обществе,— это ходить в театры, летом посещать стадион, танцевать, кататься в автомобиле, угощать друзей обедами и ездить для развлечения в Нью-Йорк, Европу, Чикаго или Калифорнию. А существование почти всех этих мальчиков настолько лишено было всякого подобия комфорта и вкуса, не говоря уже о роскоши, что они, как и Клайд, не только преувеличивали значение увиденного в отеле, но и считали, будто эта внезапная перемена судьбы дает им счастливую возможность самим приобщиться к такой жизни. Кто они, эти люди с деньгами, и что сделали они для того, чтобы наслаждаться всей этой роскошью, тогда как у других, по-видимому точно таких же людей, нет ничего? И чем именно обойденные так сильно отличаются от преуспевающих? Клайд не мог этого понять. И такие мысли приходили в голову всем мальчикам.

А вдобавок — комплименты и даже прямое заигрывание со стороны дам и девиц определенного типа, которые, вероятно, были очень сдержанны в своем кругу, но благодаря своему богатству имели доступ в этот отель и здесь кокетством, улыбками и деньгами добивались расположения наиболее красивых юношей. Об этом часто говорили сослуживцы Клайда.

Так, на второй же день службы Клайда в отеле паренек по фамилии Ретерер, сидевший рядом на скамье, подтолкнул его локтем и едва заметным кивком головы указал на закутанную в меха нарядную, хорошо сложенную блондинку лет тридцати, входившую в вестибюль с маленькой собачкой на руках.

— Видал? — шепнул он.— Ловкая птичка! Я тебе про нее потом расскажу. Ну и штучки выкидывает!

— А что такое? — с жадным любопытством спросил Клайд, так как женщина показалась ему необыкновенно красивой, очаровательной.

— Да ничего, просто за то время, что я тут работаю, она приходила сюда с восемью разными мужчинами. Она было спуталась с Дойлом (один из рассыльных, очень красивый и изящный мальчик, с приятными манерами, которого Клайд уже отметил как образец, достойный подражания), а теперь нашла другого.

— Неужели правда? — воскликнул Клайд, очень удивленный, мысленно спрашивая себя, не выпадет ли когда-нибудь и на его долю такое счастье.

— Верней верного,— ответил Ретерер.— Это уж такая птица — ей все мало. У ее мужа, говорят, большое лесное дело где-то в Канзасе, но теперь она с ним не живет. У нее здесь лучшие комнаты на шестом, но она половину времени не бывает дома. Мне горничная говорила.

Этот Ретерер, маленький, коренастый, но миловидный и улыбающийся, был так приветлив, мягок и приятен в обращении, что Клайд сразу почувствовал симпатию к нему и захотел познакомиться с ним поближе. И Ретерер платил Клайду тем же, так как заметил, что Клайд наивен и неопытен и охотно окажет ему любую дружескую услугу.

Разговор о белокурой женщине был прерван вызовом на работу и больше не возобновлялся, но на Клайда он произвел сильное впечатление. Женщина была хороша собой, выхолена, с прекрасной кожей и блестящими глазами. Неужели правда то, что сказал Ретерер? Она такая хорошенькая! Клайд смотрел в пространство, и перед ним возникало смутное, щекочущее нервы видение, в значении которого он даже сам себе не хотел признаться.

А нравы и философия всех этих юнцов!.. Кинселла, низенький, толстый, добродушный и глуповатый, как казалось Клайду, но довольно красивый и мужественный, по рассказам — отчаянный картежник, первые три дня отдавал все свободное время обучению новичка, начатому Хегленом. Он был вежливее и говорил правильнее, чем Хегленд, но показался Клайду не таким привлекательным и симпатичным, как Ретерер.

И этот Эдди Дойл, который с самого начала очень заинтересовал Клайда и которому Клайд немало завидовал, так он был хорош собой — с изящной фигурой, красивыми, грациозными

движениями и мягким, приятным голосом. Необычайно обаятельный, он мгновенно пленял всякого, с кем сталкивался,— как служащих отеля, так и посторонних, которым случалось обратиться к нему с вопросом. Ботинки его и воротничок ослепительно блестели, волосы были подстрижены, причесаны и напомажены по последней моде, точно у киноактера. Клайда сразу же покорили его вкус и уменье одеваться — его изящнейшие коричневые костюмы, кепи, его галстуки и носки, подобранные в тон. Он будет носить коричневое пальто такого же покроя, с поясом, думал Клайд. И точно такую же коричневую кепку. И так же хорошо сшитый, изящный костюм.

Примерно такое же впечатление произвел на Клайда и тот паренек, который первым знакомил его с работой,— Хегленд. Один из самых старших по возрасту и наиболее опытных рассыльных в отеле, Хегленд оказывал большое влияние на других своим веселым, беззаботным отношением ко всему, что выходило за пределы его прямых служебных обязанностей. Он не был так образован или миловиден, как некоторые другие, но он очень заинтересовал Клайда, очаровал его своим пылким, энергичным характером, своей щедростью, когда дело касалось денег и развлечений, наконец храбростью, силой, смелостью,— тут с ним не могли сравняться ни Дойл, ни Ретерер, ни Кинселла,— он был силен и смел подчас до безрассудства.

Как он сам позднее рассказал Клайду, он был сыном шведа, подмастерья пекаря, который несколько лет назад бросил его мать в Джерси-Сити на произвол судьбы. Поэтому ни Оскар, ни его сестра Марта не могли получить сносного воспитания или завести сколько-нибудь приличные знакомства. Четырнадцати лет Оскар бежал из Джерси-Сити в товарном вагоне и с тех пор сам пробивал себе дорогу в жизни. Он, как и Клайд, безрассудно стремился броситься в водоворот наслаждений, которым казалась ему окружающая жизнь, и готов был на любые приключения, но при этом не знал свойственного Клайду нервного страха перед последствиями. У него был друг по фамилии Спарсер, немного постарше его, который служил шофером у одного богача в Канзас-Сити; иногда он тайком брал машину и предоставлял ее Хегленду для коротких загородных прогулок. Эта любезность приятеля, хотя и не вполне честная и законная, придавала Хегленду в глазах других юнцов особый, хотя и далеко не оправданный блеск и возвышала его в собственном мнении.

Хегленд был не так красив, как Дойл, и ему было куда трудней завоевать внимание девиц, а те, у которых он доби-

вался успеха, были далеко не так очаровательны. Все же он чрезвычайно гордился приключениями подобного рода и немало хвастал ими, причем Клайд по своей неопытности больше всех верил этим рассказам. Быть может, поэтому, чувствуя в Клайде благожелательного слушателя, Хегленд чуть не с первого дня привязался к нему.

Когда им случалось сидеть на скамье рядом, Хегленд продолжал поучать Клайда. Канзас-Сити — прекрасное место, если только умеешь жить. Он работал прежде в других городах: в Буффало, Кливленде, Детройте, Сент-Луисе, но нигде ему так не нравилось, как в Канзас-Сити... главным образом потому,— но об этом он тогда не счел нужным сообщить,— что дела его всюду шли не столь блестяще, как здесь. Он был «судомойкой», уборщиком вагонов, помощником водопроводчика... брался за всякую работу, пока, наконец, в Буффало не поступил на службу в отель. А потом один малый, который теперь не служит здесь, уговорил его переехать в Канзас-Сити. Зато здесь...

— Понимаешь,— говорил он,— чаевые в этом отеле — таких нигде не получишь, уж я знаю, а главное — народ тут хороший. Ты будь с ними по-хорошему, и тебя не обидят. Я тут уже год, и жаловаться не на что. Этот парень Скуайрс — ничего, сойдет, коли не причинять ему беспокойства. Строг, но ведь надо ж ему о себе позаботиться. А зря никого не выставит. Это я знаю. Остальное все просто. Кончил работу — и сам себе хозяин. Ребята у нас хорошие и повеселиться умеют. Не подведут и не наябедничают. Коли что где затевается — вечеринка или что другое,— все тут как тут. И не ворчат и не распускают нюни, коли что не ладится. Уж я знаю, ведь у нас тут всякое бывало!

Из его болтовни Клайд понял, что все мальчики в отеле живут очень дружно — все, кроме Дойла, который держится несколько обособленно, хоть и не высокомерно. («Слишком много женщин бегает за ним, вот и все».) Всей компанией ходят в гости, в дансинг, на обеды, в одно место, где можно сыграть в карты, и еще в некое местечко под названием «Кэт Суини», где есть премиленькие девочки, и так далее, и так далее — масса сведений, каких никогда раньше не слыхивал Клайд. Эти рассказы заставляли его задумываться, мечтать, сомневаться, тревожиться и спрашивать себя — умно ли это и действительно ли в этом столько прелести, да и позволительны ли для него эти удовольствия? Ведь его всю жизнь учили как раз обратному. Во всем, к чему он теперь так внимательно прислушивался, таилось что-то глубоко волнующее, но и неясное, нерешенное.

А Томас Ретерер! С первого же взгляда видно было, что вряд ли он может повредить кому-нибудь, стать чьим-то врагом. Ростом он был не выше пяти футов четырех дюймов, толстый, черноволосый и оливково-смуглый, с веселыми ясными глазами. Он тоже, как впоследствии узнал Клайд, был из совсем бедной семьи и не имел в жизни никаких материальных или социальных благ. Но он был самостоятельный, и все товарищи любили его и всегда с ним обо всем советовались. Он был родом из Уичиты и только недавно переселился в Канзас-Сити. Он и его сестра были главной поддержкой для матери-вдовы, которую оба очень любили. В детстве они видели, как унижал, оскорблял и обманывал их добрую, доверчивую мать ее вероломный супруг. Бывали дни, когда семья оставалась без куска хлеба. Не раз их выгоняли из квартиры, когда им не удавалось вовремя за нее заплатить. Ни в одной школе Томми и его сестра не могли оставаться долго. Наконец, четырнадцати лет от роду Ретерер переселился в Канзас-Сити, где брался за всякую случайную работу, пока ему не удалось попасть в «Грин-Дэвидсон»; позже к нему переехали из Уичиты мать и сестра.

Но даже больше, чем роскошью отеля или этими юнцами,— их-то он довольно быстро раскусил,— Клайд восхищался потоком мелких подачек, который изливался на него, все увеличивая приятную тяжесть в правом кармане его брюк: монетки в пять, десять, двадцать пять центов и даже полудоллары — их становилось все больше и больше, и уже в первый день к девяти часам накопилось свыше четырех долларов, а к двенадцати, когда кончилось дежурство Клайда, у него было больше шести с половиной долларов — столько, сколько он раньше зарабатывал в неделю.

И из всей этой суммы нужно только отдать доллар Скуайрсу — один доллар, не больше, так сказал Хегленд, а остальное — пять с половиной долларов за один вечер интересной, восхитительной, изумительной работы — принадлежит ему! Он едва мог этому поверить. Право же, как в сказке! «Тысяча и одна ночь»! И, однако, ровно в двенадцать часов этого первого вечера где-то прозвучал гонг, послышалось шарканье ног, и появились три мальчика: один занял место Барнса за конторкой, двое других должны были исполнять поручения. И по команде Барнса восемь мальчиков его смены поднялись, выстроились в ряд и направились к двери. В служебном помещении, как только его отпустили, Клайд подошел к мистеру Скуайрсу и вручил ему доллар серебром.

— Правильно,— сказал мистер Скуайрс.

Только и всего. Затем Клайд вместе с другими спустился в гардеробную к своему шкафчику, переоделся и вышел на темную улицу. Он счастлив, и в будущем счастье зависит только от него самого! Это ощущение было таким волнующим, что он весь дрожал и даже голова у него кружилась.

Подумать только, что он добился такого места! Каждый день получать столько денег! Он направился было домой, решив хорошенько выспаться перед завтрашней работой. Но, вспомнив, что на следующий день ему нужно явиться в отель только в половине двенадцатого, зашел в ночное кафе и спросил чашку кофе и кусок пирога. И теперь он думал только о том, что завтра надо работать всего лишь с двенадцати дня до шести вечера, а потом он будет свободен до шести часов следующего утра. И заработает еще денег. И немалую часть истратит на себя.

ГЛАВА VIII

Больше всего занимала Клайда мысль, как сохранить для себя львиную долю денег, которые он зарабатывал. С тех пор как он впервые начал работать, установился такой порядок, что большую часть своего заработка — по крайней мере три четверти — Клайду приходилось вкладывать в общее хозяйство. Но если он теперь сообщит, что получает по меньшей мере двадцать пять долларов в неделю,— и это не считая пятнадцати долларов жалованья в месяц и дарового стола,— родители, конечно, захотят, чтобы он давал им в неделю долларов десять — двенадцать.

Однако его слишком долго томило желание выглядеть не хуже любого изящного и хорошо одетого юноши, и теперь, когда представлялся счастливый случай, он не мог устоять перед искушением прежде всего хорошо одеться — и поскорее. Поэтому он решил сказать матери, что все его чаевые не превышают доллара в день. А чтобы иметь возможность распоряжаться своим свободным временем по собственному усмотрению, он заявил, что нередко ему приходится, вдобавок к обычным рабочим часам, заменять других мальчиков, когда кто-либо из них болен или занят другой работой. Он сообщил также, что администрация отеля требует, чтобы у служащих был приличный вид не только в отеле, но и вне его. Ему нельзя будет долго ходить в отель в том платье, которое он носит теперь, сказал он. Мистер Скуайрс уже намекал на это. Но, прибавил Клайд, чтобы смяг-

чить удар, один из мальчиков указал ему место, где можно купить все необходимые вещи в рассрочку.

И мать была так наивна во всех этих делах, что поверила ему.

Но это было еще не все. Клайд постоянно находился теперь в обществе юнцов, которые, работая в отеле, приобрели немалый жизненный опыт, познакомились здесь и с излишествами и с пороками и были уже посвящены в некоторые формы разврата, до сего времени совершенно неведомые Клайду. Он только рот раскрывал от удивления, а вначале также и от пугливого отвращения. Хегленд, например, сказал ему, что определенный процент заработка компании, к которой принадлежал теперь Клайд, шел на кутежи, которые устраивались вскладчину раз в месяц — обычно в вечер после получки. Эти кутежи, в зависимости от настроения компании и от наличных денег, начинались иногда «шикарным» ужином с выпивкой в одном из двух довольно известных, но не слишком респектабельных ночных ресторанов. Потом все гурьбой отправлялись в танцевальный зал попроще, чтобы подцепить там какую-нибудь девчонку, или, если этого казалось мало, шли в какой-нибудь известный, по их мнению, публичный дом (обычно замаскированный под «комнаты с пансионом»), где за небольшие деньги можно было, как они часто хвастали, получить «любую девочку на выбор». И так как они были очень юны и, в сущности, наивны, щедры, веселы и недурны собой, они встречали в этих домах самый радушный прием у «мадам» и у девиц, старавшихся — из коммерческих соображений, конечно,— понравиться им и заставить прийти снова.

И настолько скудна была до сих пор жизнь Клайда, его так тянуло ко всяким развлечениям, что теперь он жадно ловил каждый намек на приключения и удовольствия. Не то чтобы он одобрял похождения такого рода. Правду говоря, вначале такие рассказы оскорбляли и угнетали его: они слишком противоречили всему, что он слышал с детства и во что его заставляли верить много лет. И, однако, эта жизнь была таким резким контрастом, таким облегчением после безрадостных, гнетущих занятий, к которым Клайда приучали дома, что его неудержимо влекло к этим соблазнительным похождениям, казалось, обещавшим столько разнообразия и блеска. Он слушал внимательно и жадно даже тогда, когда внутренне не одобрял слышанного. Видя, что он всегда приветлив и весел, товарищи один за другим стали приглашать его то в театр, то в ресторан, то к себе домой — сыграть в карты, а то в один из тех непристойных до-

мов, куда Клайд вначале наотрез отказывался идти. Но постепенно он все больше сближался с Хеглендом и Ретерером — оба они ему очень нравились,— и, когда, собираясь устроить кутеж в ресторане Фриссела, они позвали его, Клайд согласился.

— Завтра вечером мы устраиваем у Фриссела очередной кутеж,— сказал ему Ретерер.— Хочешь пойти, Клайд? Ты еще ни разу с нами не пировал.

К этому времени Клайд уже освоился с атмосферой отеля и почти избавился от своей прежней нерешительности. Старательно и не без пользы для себя подражая Дойлу, он обзавелся новым коричневым костюмом, кепкой, пальто, носками, булавкой для галстука и ботинками, по возможности такими же, как у его ментора. И костюм очень шел к нему, чрезвычайно шел,— он казался теперь привлекательнее, чем когда-либо: не только его родители, но и младший брат и сестра были удивлены и даже потрясены происшедшей с ним переменой.

Как сумел Клайд так великолепно одеться и так быстро? Сколько все это стоило? Не наделал ли он ради этого преходящего великолепия слишком больших долгов в надежде на будущий заработок и благоразумно ли это? Ему могут потом понадобиться деньги. И другие дети тоже во многом нуждаются. Да и подходящая ли моральная и духовная атмосфера в этом отеле, где его заставляют работать так много и задерживают каждый вечер так поздно, а платят так мало?

На все это Клайд отвечал (довольно умело), что все идет хорошо, что работа не слишком тяжелая. Его костюм вовсе не так уж хорош,— посмотрела бы мать на других мальчиков. Он тратит не слишком много. И, во всяком случае, все это куплено в рассрочку, и он может расплачиваться постепенно.

Но ужин! Это уже совсем другое дело. Пирушка, вероятно, затянется допоздна, и как он тогда объяснит матери и отцу свое долгое отсутствие? Ретерер говорил, что веселье кончится не раньше трех-четырех часов ночи; впрочем, Клайд, конечно, может уйти в любое время. Но хорошо ли расстраивать компанию? Да, но, черт возьми, большинство из них не живет в семье, как Клайд, а если и живут, то родителей — например, мать Ретерера — мало беспокоит, что делают дети. Но все же благоразумное ли это дело — такая поздняя пирушка? Все его новые друзья — и Хегленд, и Ретерер, и Кинселла, и Шил — выпивают и не видят в этом ничего дурного. Глупо с его стороны думать, что это так опасно — выпить немножко, как все они делают в таких случаях. И потом ведь он может не пить, если не захочет. Он

пойдет, а если дома спросят, он скажет, что пришлось задержаться на работе. Почему бы ему когда-нибудь и не прийти поздно домой? Разве он теперь не взрослый человек? Разве он не зарабатывает больше всех в семье? Пора бы ему вести себя так, как хочется.

Он начал ощущать всю прелесть личной свободы, уже предвкушал восхитительные приключения, и теперь никакие материнские предостережения не могли его удержать.

ГЛАВА IX

И вот настало время веселой пирушки с участием Клайда. Как и говорил Ретерер, она должна была состояться у Фриссела. И Клайд, уже успевший подружиться с товарищами по работе, был ужасно доволен и весел. Ведь для него настала новая жизнь. Всего несколько недель назад он был совсем одинок: ни одного друга, почти никаких знакомых среди сверстников! И вот — так быстро — он собирается на шикарный ужин в такой интересной компании!

Клайду, верному иллюзиям юности, ресторан показался гораздо более привлекательным, чем он был на самом деле. Этот ресторан был немногим лучше хорошей американской закусочной доброго старого времени. Стены были густо увешаны старыми афишами и портретами актеров и актрис с их автографами. Здесь прекрасно кормили, притом хозяин отличался радушием, и потому ресторан стали охотно посещать заезжие актеры, политические деятели, местные дельцы, а за ними и все, кого тянет ко всему новому, хоть немного не похожему на то, что уже приелось.

И мальчишки-рассыльные, которые не раз слышали от возчиков и шоферов такси, что ресторан Фриссела — один из лучших в городе, выбрали его для своих ежемесячных пирушек. Отдельные блюда стоили здесь от шестидесяти центов до одного доллара. Кофе и чай подавались только целыми кофейниками и чайниками. Можно было получить здесь любые напитки. Налево от главной залы находилась полуосвещенная комната с низким потолком и большим камином, куда обычно удалялись мужчины: после обеда они садились здесь у огня, курили и читали газеты; эта комната больше всего восхищала мальчишек из «Грин-Дэвидсон». Здесь они чувствовали себя как-то старше, более опытными, более значительными — настоящими светскими людьми. Ретерер и Хегленд, к которым Клайд очень при-

вязался, равно как и большинство остальных, считали, что во всем Канзас-Сити и впрямь не найти лучшего места.

И вот в назначенный день Хегленд, Ретерер, Пол Шил, Дэвис Хигби (тоже мальчик из отеля), Артур Кинселла и Клайд, получив свой месячный заработок и освободившись в шесть часов вечера, собрались на углу подле аптекарского магазина, где Клайд вначале искал работу, и веселой, шумной компанией отправились к Фрисселу.

— Слыхали, какую штуку сыграл вчера с нашей конторой один парень из Сент-Луиса? — спросил Хегленд, обращаясь ко всем сразу, когда они двинулись в путь.— В субботу заказывает по телеграфу из Сент-Луиса номер для себя и для жены — гостиную, спальню и ванную, и велит поставить в комнаты цветы. Мне сейчас рассказал Джимми, номерной клерк. Потом он приезжает сюда со своей девочкой, и они записываются как муж и жена,— понятно? А девчонка премиленькая, я видел. Нет, вы слушайте! Прожил он в отеле три дня, наши уж стали коситься на него — понимаете, обеды в номер и все такое. Потом в среду приходит он в контору и говорит, что его жена едет назад в Сент-Луис и что ему теперь не нужен такой номер — хватит и одной комнаты, и чтоб перенесли его сундук и ее вещи в новую комнату, пока жене не пора будет на поезд. А сундук-то вовсе не его, а тоже ее,— понятно? И никуда она не едет и знать ничего не знает. А едет-то он. Натянул всем нос, понятно? И бросил ее с сундуком и без единой монетки. Понятно? А теперь они ее не выпускают с ее сундуком, а она плачет да друзьям шлет телеграммы. А платить-то уйму надо. Видали вы этакое? Цветы в комнату! Розы! И по шесть раз еду в номер носили, ну и пил он тоже, ясное дело!

— Я знаю, кто это! — воскликнул Шил.— Я носил ему вино. Так я и знал, что тут что-то неладно. Уж очень он был вежливый и говорил чересчур громко. А на чай только и дал, что десять центов.

— И я его помню,— сказал Ретерер.— Он велел мне принести все чикагские газеты за понедельник и тоже дал только десять центов. Он мне сразу показался пройдохой.

— Да, сели они с ним в калошу,— сказал Хегленд.— А теперь стараются вытянуть деньги из нее. Ловко?

— Мне она показалась лет восемнадцати — двадцати, не больше,— вставил молчавший до сих пор Артур Кинселла.

— А ты их видел, Клайд? — спросил Ретерер; он вообще покровительствовал Клайду и теперь старался ободрить его и втянуть в общий разговор.

— Нет, не помню,— ответил Клайд.— Наверно, меня к ним не посылали.

— Ну, значит, ты упустил случай поглядеть на редкую птицу. Он такой высокий, в длинном черном английском пальто, котелок надвинут на глаза, и светло-серые гетры. Видали бы вы, как он разгуливает, да еще с тросточкой! Я сперва думал, что это какой-нибудь английский герцог. Нужно только вырядиться во все английское да говорить погромче, да всеми вокруг командовать,— и клюнет: кто угодно поверит.

— Это верно,— заметил Дэвис Хигби.— Хорошая штука английский стиль. Я бы и сам не прочь так приодеться.

Они дважды завернули за угол, пересекли одну за другой две улицы и, наконец, всей компанией вошли к Фриссслу. Клайда ослепил яркий свет, отражавшийся на фарфоре, на серебре, на лицах обедающих, он был оглушен жужжанием голосов и звоном посуды. Никогда еще, если не считать отеля «Грин-Дэвидсон», он не был в таком месте. Да еще с такими сведущими, опытными ребятами!

Они прошли к столикам, которые были расставлены перед длинным кожаным диваном, тянувшимся вдоль стены. Метрдотель, узнав завсегдатаев — Ретерера, Хегленда и Кинселлу, распорядился сдвинуть вместе два столика и подать стаканы, хлеб и масло. Компания расселась: Клайд с Ретерером и Хигби — на диване у стены, Хегленд, Кинселла и Шил — напротив них.

— Я начну с доброго старого манхэттенского,— объявил с жадностью Хегленд, оглядывая публику за столиками и чувствуя себя поистине важной персоной. Красновато-смуглый, с живыми голубыми глазами, с темно-рыжими волосами ежиком, он походил на большого задорного петуха.

И Артур Кинселла, попав сюда, тоже, как и Хегленд, разом оживился и, казалось, наслаждался собственным величием. Он демонстративно поддернул рукава, взял в руки меню и, просматривая прейскурант вин, напечатанный на обороте, воскликнул:

— Ну, на мой вкус, для начала недурно сухое мартини.

— А я предпочитаю шотландское виски с содовой,— торжественно произнес Пол Шил, изучая тем временем перечень мясных блюд.

— Увольте меня сегодня от ваших коктейлей,— весело, но решительно заявил Ретерер.— Я сказал, что не буду сегодня много пить,— и не буду. С меня довольно стакана рейнвейна с сельтерской.

— Нет, вы только послушайте! — негодующе воскликнул Хегленд.— Он начнет с рейнвейна! И это он, старый любитель манхэттенского! Что с тобой стряслось, Томми? Ты ведь, по-моему, хотел повеселиться?

— Я и хочу,— возразил Ретерер.— Но разве нельзя веселиться, пока не вылакаешь все, что только тут найдется выпить? Сегодня я хочу быть трезвым, не хочу больше получать выговоры по утрам, и не получу, если буду понимать, что делаю. В прошлый раз я насилу выполз на работу.

— Верно! — поддержал Артур Кинселла.— Я тоже не хочу напиваться так, чтоб терять голову. Но пока еще рано об этом беспокоиться.

— А ты, Хигби? — обратился Хегленд к глазастому пареньку.

— Мне тоже манхэттенского,— сказал тот и, взглянув на официанта, стоявшего рядом, спросил: — Как делишки, Дэннис?

— Не могу пожаловаться,— ответил официант.— Последние дни совсем хорошо. А как дела в отеле?

— Прекрасно, прекрасно,— весело ответил Хигби, изучая меню.

— А ты, Грифитс? Что ты будешь пить? — спросил Хегленд.

Он был избран церемониймейстером, чтобы следить за выполнением заказов, заплатить по счету, дать чаевые, и теперь исполнял свою роль.

— Кто? Я? О, я...— воскликнул Клайд, немало смущенный этим вопросом.

Ведь он еще никогда до этой минуты не прикасался к чему-либо крепче кофе или мороженого с содовой водой и теперь был немного испуган веселой развязностью, с какою остальные заказывали коктейли и виски. Конечно, он не может зайти так далеко... однако он давно знал из их разговоров, что в такие вечера они все пьют, и не представлял себе, как можно отстать от остальных. Что они подумают о нем, если он откажется выпить? Попав в эту компанию, он с самого начала старался казаться таким же искушенным светским человеком, как и они. И все же он ясно чувствовал за плечами те годы, когда ему непрерывно твердили об ужасах пьянства и дурной компании. В глубине души Клайд давно уже восставал против всех этих текстов и изречений, на которые всегда ссылались его родители, и глубоко презирал за тупость и никчемность оборванную толпу бездельников и неудачников, которых в миссии Грифитсов пытались спасать,— и все же теперь он заколебался. Пить или не пить?

Он колебался лишь какую-то долю секунды, когда в нем заговорило прошлое, потом сказал:

— Что ж, я... я тоже выпью рейнвейна с сельтерской.

Он понимал, что такой ответ — самый легкий и безопасный. Невинный характер этой смеси — рейнвейна с сельтерской — уже был подчеркнут Хегленом и остальными. И все же Ретерер заказал себе именно рейнвейн,— это обстоятельство, как чувствовал Клайд, делало и его собственный выбор не столь заметным и смешным.

— Что делается! — в притворном отчаянии воскликнул Хегленд.— Он тоже хочет пить рейнвейн с сельтерской! Давайте чего-нибудь делать, а то, видать, наша вечеринка кончится к полдесятому.

Дэвис Хигби, гораздо более резкий и шумный, чем можно было предполагать по его приятной внешности, повернулся к Ретереру:

— Чего это ты спозаранку завел эту муру насчет рейнвейна с сельтерской, Том? Не хочешь повеселиться сегодня?

— Я же сказал почему,— ответил Ретерер.— И потом, когда мы в прошлый раз зашли в тот притончик, у меня было сорок долларов, а вышел я оттуда без единого цента. На этот раз я хочу знать, что со мной творится.

«Тот притончик»,— подумал Клайд, слушая разговор. Значит, после ужина, когда все порядком выпьют и поедят, они отправятся в одно из тех мест, которые называются притонами, в *такой* дом. Тут не могло быть никаких сомнений. Он понимал, что это значит. Там будут женщины... дурные женщины... развратные женщины... Но как же он? Неужели он тоже...

Впервые в жизни Клайду представлялась возможность, которой он давно жаждал: узнать наконец великую, соблазнительную тайну, что так давно влекла его и сбивала с толку, манила, но и пугала. Хотя он много думал обо всем этом и о женщинах вообще, он никогда еще не был близок ни с одной. А теперь... теперь...

Он вдруг почувствовал, что его бросает то в жар, то в холод. Лицо и руки стали горячими и влажными, он ощущал, как пылают его щеки и лоб. Странные, быстрые, заманчивые и тревожные мысли проносились в его мозгу. Мороз пробегал по коже. Он невольно рисовал себе соблазнительные вакхические сцены — и тотчас пытался выбросить их из головы, но напрасно: они возвращались снова. И ему хотелось, чтобы они возвращались,— и не хотелось... И за всем этим скрывался испуг. Но неужели же он такой трус? Остальных все предстоящее ничуть не

тревожило. Они были очень веселы. Они смеялись и подшучивали друг над другом, вспоминая кое-какие забавные истории, которые произошли с ними во время последнего кутежа.

Но что подумала бы его мать, если б узнала? Мать! Он не смел сейчас думать ни о ней, ни об отце и поспешил прогнать мысль о них.

— А помнишь, Кинселла, ту маленькую, рыженькую, в доме на Пасифик-стрит? — воскликнул Хигби.— Она еще упрашивала тебя бежать с ней в Чикаго?

— Конечно, помню,— усмехнулся Кинселла, наливая себе мартини: ему как раз подали вино.— Она даже хотела, чтобы я бросил отель. Обещала, что поможет мне взяться за какое-нибудь дело. Говорила, что мне вовсе не придется работать, если я останусь с ней.

— Да, тогда у тебя была бы только одна работа! — заметил Ретерер.

Официант поставил перед Клайдом бокал рейнвейна с сельтерской. Глубоко взволнованный, заинтересованный, восхищенный всем слышанным, Клайд поднял бокал, пригубил вино, нашел, что оно нежно и приятно, и залпом выпил. Он был так занят своими мыслями, что сам не заметил, как это произошло.

— Молодчина,— сказал Кинселла самым дружеским тоном.— Эта штука тебе понравится.

— Да, это совсем неплохо,— ответил Клайд.

А Хегленд, видя, как быстро идет дело, и понимая, что Клайд — совсем еще новичок в этой компании и нуждается в поддержке и одобрении, подозвал официанта:

— Послушай, Джерри! — И прибавил так, чтобы не слышал Клайд: — Того же самого, да побольше...

Ужин продолжался. Было уже около одиннадцати часов, когда они наконец исчерпали все интересные темы — рассказы о прежних приключениях, о прежней работе, о разных ловких и дерзких проделках. У Клайда было достаточно времени поразмыслить над всем этим, и теперь он склонен был думать, что сам он вовсе не такой уж желторотый, как кажется его приятелям. А если даже и так... Зато он хитрее большинства из них, умнее... Кто они такие и к чему стремятся? Хегленд, как стало ясно Клайду, тщеславен, глуповат, криклив, и его легко подкупить пустячной лестью. Хигби и Кинселла — интересные и славные юноши — чванились тем, чем Клайд не стал бы очень гордиться: Хигби хвастал, что понимает кое-что в автомобилях (его дядя имел какое-то отношение к этому делу), а Кинселла — умением играть в карты и даже в кости. А Ретерер и Шил — он

еще раньше заметил это — были вполне довольны своей работой в отеле, готовы были заниматься ею и впредь и ни о чем другом не мечтали. А Клайд уже теперь не мог себе представить, чтобы должность рассыльного осталась пределом всех его желаний.

В то же время он с некоторой тревогой думал о той минуте, когда все отправятся туда, где он никогда еще не бывал, чтобы делать то, чем он никогда не предполагал заниматься в таких условиях. Не лучше ли ему извиниться, когда все выйдут из ресторана? Или, может быть, пойти вместе с ними, а там тихонько скользнуть за первый же угол и вернуться домой? Он слышал, что в таких вот местах можно схватить самую страшную болезнь и что люди умирают потом жалкой смертью от низменных пороков, которые там приобретают. Его мать произносила немало речей на эту тему, хотя вряд ли толком что-нибудь об этом знала. И, однако, вот перед ним довод, опровергающий все эти страхи: его новые товарищи, ничуть не обеспокоенные тем, что они собирались делать. Наоборот, для них это очень веселое и забавное приключение — только и всего.

И действительно, Ретерер, искренне привязавшийся к Клайду — больше за его манеру смотреть, спрашивать и слушать, а не за то, что Клайд делал или говорил,— то и дело подталкивал его локтем и, смеясь, спрашивал:

— Ну как, Клайд? Сегодня посвящение? — и широко улыбался. Или, видя, что Клайд совсем затих и задумался, он говорил: — Не бойся, тебя не съедят, самое большее — укусят.

А Хегленд время от времени прерывал свои самовосхваления и, подхватывая намеки Ретерера, прибавлял:

— Нельзя всю жизнь таким оставаться. Так не бывает. Но в случае чего — мы за тебя постоим.

Клайд, нервничая, наконец оборвал с досадой:

— Да отстаньте вы! Хватит насмехаться! Для чего это вам нужно хвалиться, что вы знаете больше меня?

Ретерер подмигнул Хеглепду, чтобы тот оставил Клайда в покое, а сам шепнул:

— Не сердись, старина, все в порядке. Мы просто пошутили малость, ты ж понимаешь!

И Клайд, которому очень нравился Ретерер, быстро смягчился и пожалел, что так глупо себя выдал.

Наконец около одиннадцати часов, когда все уже вдоволь наговорились, наелись и напились, вся компания под предводительством Хегленда вышла из ресторана. Бесстыдные и темные намерения не заставили их призадуматься, не вызвали в

них стремления к умственному и нравственному самоисследованию и самобичеванию,— напротив, они так весело смеялись и болтали, словно их ожидала просто милая забава. С изумлением и отвращением слушал Клайд, как они вспоминали свои прежние похождения. По-видимому, всех особенно забавлял случай в притоне под названием «Дом Беттины», где они однажды побывали. Их привел туда один бесшабашный малый по прозвищу Малыш Джонс, служащий из другого отеля. Этот Малыш и еще один паренек, по имени Бирмингэм, вместе с Хеглендом, который отчаянно напился, позволили себе такие выходки, что их чуть не арестовали. Клайд слушал и с трудом верил, что эти мальчики, внешне такие порядочные и опрятные, могли проделывать подобные вещи: выходки были так грубы и отвратительны, что Клайда даже немного затошнило.

— А помните, как девчонка со второго этажа окатила меня водой из кувшина, когда я выходил! — громко хохотал Хегленд.

— А тот толстяк во втором этаже! Как он подошел к двери посмотреть, помните? — смеялся Кинселла.— Он наверняка решил, что тут пожар или бунт!

— А ты с той маленькой толстушкой Пигги! Помнишь, Ретерер? — визжал Шил, захлебываясь от хохота и еле выговаривая слова.

— У него даже ноги подкашивались, так было тяжело! — вопил Хегленд.— А как они оба под конец скатились с лестницы!

— Это все ты был виноват, Хегленд! — крикнул Хигби.— Если б ты не затеял эту историю с поркой, нас бы не выставили.

— Говорю вам, я был пьян,— возражал Ретерер.— У них там дьявольски крепкое виски.

— А тот длинный тощий техасец с большими усами? Помните, как он хохотал? — прибавил Кинселла.— Он не хотел никому помогать, кто был против нас. Помните?

— Еще чудо, что нас всех не выкинули на улицу и не арестовали. Ну и ночка была! — вспоминал Ретерер.

Все эти разоблачения ошеломили Клайда. «Порка»! Это могло значить только одно!

И они воображают, что он примет участие в чем-либо подобном? Этого не будет. Он не такой. Что подумали бы его мать и отец, если б услышали все эти ужасные истории... И все-таки...

Болтая, они подошли к какому-то дому на темной широкой улице; у тротуаров, вдоль целого квартала или даже больше, стояла вереница кебов и автомобилей. Неподалеку на углу оста-

повились, разговаривая, несколько молодых людей. На другой стороне — еще мужчины. А через полквартала компания Клайда прошла мимо двух мирно беседовавших полисменов. И хотя нигде, ни в одном окне не было света, но, как ни странно, всюду чувствовалась яркая, кипучая жизнь. Она ощущалась даже в темноте улицы. То и дело раздавались гудки мчащихся мимо такси, прокатили две старомодные закрытые кареты со спущенными занавесками. И двери то хлопали, то тихо открывались и закрывались. И тогда из домов вырывался яркий свет, прорезывал мглу улицы и снова исчезал. Над головой в эту ночь было много звезд.

Наконец, не говоря ни слова, Хегленд, в сопровождении Хигби и Шила, поднялся по лестнице и позвонил. Почти мгновенно дверь открыла молодая негритянка в красном платье.

— Добрый вечер! Заходите, пожалуйста,— приветливо пригласила она, и все шестеро прошли за тяжелые бархатные драпри, отделявшие маленькую переднюю от остальных комнат.

Клайд очутился в ярко освещенной и довольно безвкусно обставленной гостиной; на стенах висели картины в золоченых рамах, изображавшие обнаженных и полуобнаженных женщин, и огромные зеркала. На полу лежал толстый ярко-красный ковер; по всей комнате было расставлено множество золоченых стульев, в глубине на фоне ярко-красных портьер — пианино, тоже золоченое. Но ни гостей, ни обитательниц дома здесь не было,— никого, кроме негритянки.

— Присядьте, пожалуйста,— сказала она.— Будьте как дома. Сейчас позову мадам.

И она побежала по лестнице налево, крича:

— Мэри! Сэди! Каролина! В гостиной молодые джентльмены.

В эту минуту из двери в глубине комнаты вышла высокая, стройная и бледная женщина лет тридцати восьми или сорока — очень прямая, изящная и, видимо, очень властная и умная, в полупрозрачном и все же скромном платье.

— Хэлло! Это вы, Оскар? — заговорила она со слабой, ободряющей улыбкой.— И Пол тут? Хэлло, Дэвис! Пожалуйста, располагайтесь все как дома. Фанни сейчас придет. Она принесет вам чего-нибудь выпить. У меня теперь новый тапер — негр из Сент-Джо. Хотите послушать? Прекрасно играет!

И она позвала:

— Сэм!

В это время по боковой лестнице в глубине залы сбежали девять девушек, разных по возрасту и по внешности, но, по-

видимому, не старше двадцати четырех — двадцати пяти лет, — все в таких нарядах, каких Клайд еще никогда ни на одной женщине не видал. Они смеялись и болтали, как видно, очень довольные собой, и ничуть не стыдились своей внешности, так поразившей Клайда; между тем их одеяния были необычны: от легчайшего неглиже, пригодного разве что для будуара, до несколько более пристойного как будто, но не менее откровенного бального туалета. И какие разные были все эти девушки: тут были и худые, и толстые, и средние, высокие и маленькие, брюнетки, блондинки и рыжие. И все они казались очень юными, и все ласково и восторженно улыбались гостям.

— Хэлло, милый! Как поживаешь? Потанцуем?

Или:

— Хочешь чего-нибудь выпить?

ГЛАВА X

Клайду, которого воспитывали в большой строгости, прививая ему понятия, не допускавшие ничего подобного, то, что он увидел, должно было бы показаться отвратительным. Однако от природы он был таким чувственным и романтичным и в нем так настойчиво звучал давно подавляемый голос пола, что теперь он был не возмущен, а, наоборот, очарован. Его занимала сейчас телесная пышность почти всех этих фигур, хотя бы ими и управлял тупой и лишенный романтики ум. В конце концов здесь все же была красота: бесстыдная, чисто плотская, обнаженная и доступная. И не нужно было преодолевать какие-то настроения, нарушать какие-то запреты, чтобы сблизиться с любой из этих девушек... Одна из них, очень миленькая брюнетка, одетая в черное с красным и с красной лентой на лбу, держалась совсем запросто с Хигби и уже танцевала с ним в глубине комнаты под джазовый мотив, который кто-то бестолково барабанил на пианино.

И Ретерер, к удивлению Клайда, уже сидел в позолоченном кресле, а на коленях у него полулежала высокая девица с очень светлыми волосами и голубыми глазами. Она курила папиросу и притопывала золочеными туфельками в такт мотиву. Поразительное, сказочное зрелище — казалось Клайду! А перед Хегленом стояла, подбоченясь и расставив ноги, пухлая, миловидная девица немецкого или скандинавского типа. И Клайд слышал, как она спрашивала высоким пискливым голосом: «Поухаживаешь за мной сегодня?» Но на Хегленда, по-видимому,

не очень действовали эти заигрывания: он равнодушно покачал головой, и девушка отошла к Кинселле.

Пока Клайд глядел и размышлял, хорошенькая блондинка лет двадцати четырех — ему она показалась моложе — придвинула стул и села рядом с ним.

— Вы не танцуете? — спросила она.

Клайд первно покачал головой.

— Хотите, научу?

— У меня все равно не получится.

— Да это же совсем нетрудно! Пошли!

Но Клайд решительно отказался, хотя ее любезность была ему приятна.

— Ну, может, выпьете? — предложила она тогда.

— Непременно,— любезно согласился он.

Девица сделала знак негритянке, и через минуту перед ними оказался столик, а на нем бутылка виски и содовая. Клайд едва не онемел от испуга. У него в кармане всего сорок долларов, а он слышал от других, что здесь каждый бокал стоит не меньше двух долларов. Подумать только, что он тратит такие деньги! И угощает такую женщину! А дома у него мать, сестра, братишка, и они едва сводят концы с концами... И все же он заказывал и платил, чувствуя, что он ужасно, невозможно расточителен, прямо устроил какую-то оргию... Но раз уж он здесь, надо держаться до конца.

Притом Клайд заметил, что девушка и в самом деле хорошенькая. На ней было вечернее платье из голубого бархата, туфли и чулки того же цвета, в ушах голубые серьги. Открытые плечи, шея и руки были полные и нежные. Особенно смущали Клайда глубокий вырез ее платья — он едва осмеливался смотреть в ту сторону — и ее накрашенные щеки и губы — вернейшие приметы продажной женщины. Однако она не казалась слишком навязчивой, наоборот,— держалась очень просто и с интересом смотрела в его глубокие, темные глаза, полные тревоги.

— Вы тоже работаете в «Грин-Дэвидсон»? — спросила она.

— Да,— ответил Клайд, всячески стараясь показать, что все это для него не ново и что он уже не раз бывал в таких местах, в такой же обстановке.— А откуда вы знаете?

— Я знаю Оскара Хегленда. Он здесь бывает. Он ваш друг?

— Да. То есть мы вместе работаем в отеле.

— Но вы раньше здесь не бывали?

— Нет,— быстро ответил Клайд и тут же мысленно спросил себя, откуда она знает, что он не был здесь раньше.

— Я так и думала. Я уже видела почти всех остальных, а вас ни разу не видала. Вы недавно в отеле, правда?

— Да,— сказал Клайд не без досады. Он поминутно то морщил лоб, то сунил брови в непроизвольной гримасе: это бывало с ним всегда, когда он первничал или глубоко задумывался.— Ну и что же?

— Да ничего. Просто я сразу догадалась. Вы не похожи на них, совсем другой.

Она улыбнулась странно и ласково. Клайд не понял ни этой улыбки, ни настроения девушки.

— Чем же я другой? — хмуро и сердито спросил он, отпивая из бокала.

— Одно я знаю наверняка,— продолжала она, не обратив внимания на его вопрос,— вы не очень-то любите таких девушек, как я. Правда?

— Нет, почему же...— сказал он уклончиво.

— Нет, не любите. Я вижу. Но вы мне все равно нравитесь. Мне нравятся ваши глаза. Вы не такой, как все эти ребята,— благороднее, добрее. Я уж вижу, что вы другой.

— Ну, не знаю,— ответил Клайд, очень довольный и польщенный.

Он все продолжал морщить лоб. Возможно, эта девушка не такая уж плохая, как он думал. Она умнее других, как-то утонченнее. И костюм ее не такой бесстыдный. И она не набросилась на него, как другие на Хегленда, Хигби, Кинселлу и Ретерера. Теперь почти все его товарищи сидели на стульях или диванах, держа на коленях девиц. Перед каждой парой стоял столик с бутылкой виски.

— Смотрите-ка, кто пьет виски! — крикнул Кинселла тем, кто еще мог обратить внимание на его слова, и указал глазами на Клайда.

— Не надо меня бояться,— говорила девушка, в то время как Клайд, испуганный и очарованный, смотрел на ее руки, шею, на слишком открытую грудь.— Я не очень давно этим занимаюсь, и не была бы я здесь, да вот не везло мне в жизни. Мне бы хотелось жить дома с родными, но теперь они меня не возьмут.

Она с серьезным видом опустила глаза, думая главным образом о том, какой неопытный и глупый этот Клайд — совсем желторотый птенец. И еще думала о деньгах, которые он у нее на глазах вынимал из кармана,— изрядная пачка... И еще о том, что он и правда миленький: не то чтобы очень красивый или сильный, но славный.

А Клайд в эту минуту думал об Эсте, о том, куда она уехала и где она теперь? Кто знает, что с ней? Что могло с ней произойти? Может быть, и с этой девушкой случилось такое же несчастье, как с его сестрой? В нем росло искреннее, хотя и немного презрительное сочувствие, и он смотрел на сидящую рядом девушку, словно желая сказать: «Бедняжка». Но сейчас он не решался вымолвить ни слова, не решался ни о чем спросить.

— Вот вы, молодые люди, приходите в такие дома, как наш, и всегда думаете о нас очень плохо, я ведь знаю. А мы вовсе не такие скверные.

Клайд все морщил лоб. Может быть, и в самом деле она не такая уж скверная? Она падшая женщина, конечно... испорченная, но хорошенькая. Время от времени он посматривал на остальных девиц, и ни одна ему не нравилась так, как эта. И она находит, что он лучше других, благороднее,— так она сказала. Комплимент попал в цель.

Она наполнила бокал Клайда и заставила его выпить вместе с ней.

Тем временем явилась новая группа гостей, и новые девушки вышли из загадочных глубин дома им навстречу.

Клайд заметил, что Хегленд, Ретерер, Кинселла и Хигби таинственно скрылись куда-то по задней лестнице, отделенной от зала тяжелыми портьерами. И когда появились новые гости, девушка предложила Клайду перейти на диван в глубине комнаты, где было меньше света.

Здесь она придвинулась к нему вплотную, погладила по руке и, наконец, взяв его под руку и тесно прижимаясь к нему, спросила, не хочет ли он посмотреть, как мило обставлены комнаты во втором этаже.

И Клайд, видя, что он остался здесь один из всей компании и никто за ним не наблюдает, позволил льнувшей к нему девушке увлечь его по занавешенной лестнице наверх, в маленькую розово-голубую комнату. И все время он твердил себе, что делает преступный и опасный шаг и что это может кончиться для него большой бедой. Вдруг он схватит какую-нибудь ужасную болезнь. Или девушка потребует с него больше, чем он может заплатить. Он боялся девушки, себя, всего на свете... безмерно волновался и чуть не потерял дар речи, одолеваемый страхами и сомнениями. И все же он шел, и, как только дверь закрылась за ним, эта прелестная, грациозная Венера с округлыми формами обернулась и обняла его; потом спокойно стала перед большим зеркалом, в котором он мог видеть ее всю, и начала раздеваться...

Приключение это подействовало на Клайда так, как оно только и могло подействовать на новичка, глубоко чуждого всему этому миру. Правда, острое любопытство и непреодолимое желание привели его сюда и заставили поддаться соблазну, но строгие моральные правила, которые ему издавна внушали, и характерное для него отвращение ко всему грубому, не эстетическому, заставляли его смотреть на все, что произошло, как на нечто, несомненно, унизительное и греховное. Наверно, родители были правы, когда утверждали в своих проповедях, что это низменно и постыдно.

Все же это приключение и мир, в котором оно произошло, теперь, когда все было уже позади, приобретали в глазах Клайда какую-то грубую языческую красоту, своеобразное вульгарное очарование. И пока другие, более яркие впечатления не заставили побледнеть это воспоминание, Клайд, против воли, возвращался к нему с большим интересом и даже удовольствием.

К тому же он повторял себе, что теперь, зарабатывая так много денег, он может ходить, куда угодно, и делать, что угодно. Ему незачем идти снова в тот дом, если не хочется,— он может найти другие места, возможно не такие бесстыдные, более утонченные. Ему не хотелось бы идти опять вместе со всей компанией. Лучше бы просто найти себе какую-нибудь девушку, вроде тех, с которыми он видел Зиберлинга и Дойла. Таким образом, несмотря на все тревожные мысли, мучившие Клайда в ту ночь, он быстро освоился с новым источником удовольствия, если и не с первоначальной обстановкой, в которой его познал. Он должен, как Дойл, найти себе девушку нестрогих правил и тратить на нее деньги. И Клайд с нетерпением ждал удобного случая, чтобы осуществить свои планы.

Интересам и желаниям Клайда в это время вполне отвечало то обстоятельство, что и Хегленд и Ретерер, хотя втайне и чувствовали его превосходство, а может быть, именно поэтому, стали относиться к нему с особенным вниманием: ухаживали за ним, вовлекали его во все свои дела и развлечения. Так, вскоре после того первого приключения Ретерер пригласил Клайда к себе, и Клайд с первого же взгляда понял, что семья Ретерера жила совсем иначе, чем его собственная.

У Грифитсов все было строго и степенно: всегда чувствовалась сосредоточенность людей, живущих под давлением религиозных догм и убеждений. В доме у Ретерера было как раз наоборот. Мать и сестра его не чужды были известных если не рели-

гиозных, то моральных убеждений, однако смотрели на жизнь довольно свободно,— а моралист, пожалуй, сказал бы «беспринципно». Тут никогда и речи не было о каких-либо строгих нравственных устоях, о твердой линии поведения. И потому Ретерер и его сестра Луиза (она была на два года моложе его) поступали так, как им нравилось, и не слишком задумывались на этот счет. Но Луиза обладала достаточным умом и характером, чтобы не броситься на шею первому встречному.

Любопытней всего, что Клайд, несмотря на некоторую утонченность, заставлявшую его смотреть косо на большую часть того, что его окружало, был пленен безыскусственностью и свободой открывшейся перед ним жизни. По крайней мере, среди этих людей он волен был поступать так, как ему доныне никогда еще не приходилось, и мог держаться непринужденнее, чем когда-либо. Особенно приятно было ему, всегда нервному и неуверенному в обращении с девушками, что теперь он почти освободился от сомнений в своей привлекательности. До сих пор, несмотря на свой недавний первый визит в храм любви, куда Хегленд и остальные показали ему дорогу, Клайд был убежден, что у него нет ни ловкости, ни обаяния, необходимых, чтобы нравиться девушкам. Стоило какой-нибудь девушке оказаться рядом или хотя бы направиться в его сторону, как он уже чувствовал себя совсем подавленным: его бросало в холод, в нервную дрожь, он глупел и окончательно терял способность разговаривать или шутить, как другие молодые люди. Но теперь, бывая у Ретереров, он получил полную возможность испытать, сумеет ли он побороть свою застенчивость и нерешительность.

В этом доме постоянно собирались друзья самого Ретерера и его сестры Луизы, более или менее одинаково смотревшие на жизнь. Здесь танцевали, играли в карты, беззастенчиво флиртовали. До сих пор Клайд не представлял себе, что родители могут быть такими снисходительными или равнодушными в вопросах поведения и нравственности, как миссис Ретерер. Он не представлял себе, чтобы какая-либо мать могла одобрять такие свободные товарищеские отношения между юношами и девушками, какие существовали в доме Ретереров.

Но очень скоро, благодаря дружеским приглашениям Ретерера, он почувствовал себя частью этой компании; на членов ее он смотрел несколько свысока за их распущенность, за не слишком правильную речь, но, с другой стороны, его привлекала их непринужденность, общительность, уменье веселиться. В этой компании он наконец-то может выбрать себе подругу, лишь бы хватило смелости! И Клайд вскоре попытался осуществить это

при поддержке Ретерера, его сестры и всех их знакомых; случай представился в первое же его посещение Ретереров.

Луиза Ретерер служила в мануфактурном магазине и часто опаздывала домой к обеду. В этот день она не могла прийти раньше семи часов, и обед поэтому отложили. Тем временем к Луизе зачем-то зашли две ее подруги и, застав вместо нее Ретерера и Клайда, расположились как дома, заинтересованные Клайдом и его новым костюмом. Но Клайд, одновременно и жаждавший общества девушек, и робевший перед ними, держался нервно и отчужденно, а подругам Луизы показалось, что он высокомерен и заносчив. Обиженные, они решили показать себя во всем блеске и вскружить ему голову — никак не меньше. Клайду очень понравилась их грубоватая веселость, и его быстро очаровала одна из них — Гортензия Бригс, хорошенькая и крайне самоуверенная брюнетка, которая, подобно Луизе, была всего лишь простой продавщицей в большом магазине. И все же Клайд сразу увидел, что она довольно вульгарна и грубовата и совсем не похожа на девушку, о какой он мечтал.

— Как, она еще не пришла? — воскликнула Гортензия, поздоровавшись с Ретерером и взглянув на Клайда, который стоял у окна и смотрел на улицу.— Какая досада! Ну, мы чуточку подождем, если вы не возражаете.

Эти слова сопровождались кокетливыми ужимками, ясно говорившими: «Кто же будет возражать против нашего присутствия!»

Она подошла к зеркалу, любуясь собой, и стала перед ним охорашиваться. А ее подруга, Грета Миллер, прибавила:

— Конечно, подождем. Надеюсь, нас не выгонят до ее прихода. Мы не обедать пришли. Мы думали, вы уже покончили с едой.

— С чего это вы взяли, что вас отсюда выгонят? — развязно ответил Ретерер:— Кто же вас отсюда выгонит, раз вам тут нравится? Садитесь, заведите граммофон, вообще делайте, что хотите. Скоро будем обедать, и Луиза вот-вот явится.

Познакомив девушек с Клайдом, он вернулся в столовую дочитывать газету. А Клайд под их взглядами сразу почувствовал себя брошенным в утлой шлюпке на произвол судьбы среди неведомого моря.

— Не говорите мне про еду! — воскликнула Грета Миллер, спокойно разглядывая Клайда, как будто решая про себя, стоит ли он внимания, и решив, что стоит, пояснила: — Сколько нам сегодня придется съесть: и мороженое, и пирог, и пирожные, и сандвичи. Мы как раз пришли предупредить Луизу, чтобы она

не очень наедалась. Знаешь, Том, Китти Кин справляет день рожденья. У нее будет огромный пирог и много всякой всячины. Ты ведь придешь туда потом, правда? — закончила она, подумав, что, может быть, с Ретерером придет и Клайд.

— Вряд ли,— спокойно ответил Ретерер.— Мы с Клайдом надумали после обеда пойти в театр.

— Ну и глупо,— вставила Гортензия Бригс главным образом для того, чтобы привлечь к себе внимание, центром которого до сих пор была Грета. Она все еще стояла у зеркала и теперь обернулась, чтобы послать обольстительную улыбку всем и особенно Клайду, в чью сторону, как ей казалось, уже закинула удочку ее подруга.— По-моему, глупость — идти в театр, когда можно пойти с нами к Китти и потанцевать.

— Конечно, вы только о танцах и думаете — и вы обе, и Луиза,— заметил Ретерер (он умел иногда быть весьма здравомыслящим человеком).— Прямо удивительно, как вам только не хочется иной раз отдохнуть. Вот я целый день на ногах и подчас не прочь посидеть.

— Не говорите мне про отдых! — заявила Грета Миллер с надменной улыбкой и сделала па влево, словно готовясь заскользить в танце.— У нас эта неделя сплошь занята. Жуть! — Она закатила глаза и трагически сжала руки.— Просто ужас, сколько нам придется танцевать этой зимой,— правда, Гортензия? По четвергам, по пятницам, по субботам и воскресеньям. Ну и ну! Вот ужас, правда?

Она кокетливо отсчитывала дни по пальцам и улыбалась Клайду, точно ища у него сочувствия.

— Угадай, Том, где мы на днях были,— Луиза с Ральфом Торпом, Гортензия с Бертом Гетлером и я с Вилли Бэсиком?! У Пэгрена на Уэстер-авеню. Видел бы ты, сколько там было народу! Мы танцевали до четырех утра. Я думала, у меня ноги отвалятся. Даже не помню, когда я так уставала.

— Да уж! — вмешалась Гортензия, трагически воздев руки к небесам.— Я думала, что не смогу работать на следующее утро. У меня до того слипались глаза, я насилу различала покупателей. А мама как волновалась! Просто ужас! Она до сих пор не может прийти в себя. По субботам и по воскресеньям еще ничего, но теперь мы танцуем и на неделе, а мне наутро в семь часов вставать, и уж тут мне от мамы так достается — ну и ну!

— Я ее хорошо понимаю,— сказала миссис Ретерер, которая как раз вошла с блюдом картофеля и хлебом.— Вы захвораете, если не дадите себе передышки, и Луиза тоже. Я все

говорю ей, что она не сможет работать и потеряет место, если будет так мало спать. Но она все равно как Том: сколько я ни говорю — ни капельки не слушается.

— Ну, мама, ты же знаешь, какая у меня работа, не могу я рано приходить домой,— только и ответил Ретерер.

— Да я умерла бы с тоски, если б мне пришлось просидеть вечер дома! — воскликнула Гортензия Бригс.— Целый день работаешь, надо же и повеселиться немножко.

Как у них приятно в доме, думал Клайд. Как легко, свободно! И как задорно и весело держатся эти девушки. Очевидно, их родители не находят в этом ничего дурного. Вот если бы у него была такая хорошенькая подруга, как эта Гортензия Бригс, с маленьким чувственным ротиком и блестящими дерзкими глазами...

— Хватит с меня, если я два раза в неделю отосплюсь,— заявила Грета Миллер.— Отец думает, я сумасшедшая, а мне просто вредно много спать.

Она весело рассмеялась. А Клайд слушал ее с восхищением, хоть она и пересыпала свою речь неправильными и вульгарными оборотами. Вот воплощение юности, веселья, свободы и любви к жизни!..

В эту минуту входная дверь распахнулась, и быстро вошла Луиза Ретерер, стройная крепкая девушка среднего роста, в накидке на красной подкладке и в мягкой голубой фетровой шляпе, надвинутой на глаза. Луиза была подвижнее и энергичнее своего брата, мягче обеих своих подруг, и притом не менее хорошенькая.

— Вот у нас кто! — воскликнула она.— Эти две девчонки и домой прилетели раньше меня! А я сегодня застряла из-за путаницы в отчетной книжке. Пришлось объясняться в конторе. И совсем я не виновата, можете поверить. Просто они не разбирают мой почерк.— И тут только заметив Клайда, она воскликнула: — Держу пари, что я знаю, кто это! Вы — мистер Грифитс! Том много про вас говорил. Я все удивлялась, почему он вас раньше не привел.

И Клайд, крайне польщенный, пробормотал, что он рад был бы познакомиться раньше.

Обе гостьи вместе с Луизой удалились в маленькую спальню, чтобы о чем-то посовещаться, но вскоре снова появились и после настойчивых уговоров, в которых, в сущности, не было надобности, решили остаться. Клайд благодаря их присутствию очень оживился, повеселел и всячески старался произвести приятное впечатление и завязать дружбу с девушками. А все три

девушки, находя его симпатичным, так усиленно старались понравиться ему, что он первый раз в жизни почувствовал себя свободно в женском обществе, и к нему вернулся дар речи.

— Мы пришли предупредить тебя, чтобы ты не слишком много ела, а сами уселись обедать,— со смехом говорила Грета Миллер Луизе.— А у Китти будут и пироги, и пирожные, и всякие вкусные вещи.

— Да, и после всего этого надо будет танцевать! — прибавила Гортензия.— Помоги нам боже, одно могу сказать!

Ее рот и особенно улыбка казались Клайду прелестными; он был вне себя от восторга. Удивительная, очаровательная девушка! Она так поразила его, что он чуть не захлебнулся кофе. Он рассмеялся в приступе неудержимого веселья.

В этот миг она обернулась к нему и воскликнула:

— Смотрите, что я с ним сделала!

— Вы еще гораздо больше сделали! — сказал Клайд, ощущая внезапный прилив вдохновения и храбрости. В обществе Гортензии он вдруг почувствовал себя дерзким и смелым, хотя и немного поглупевшим, и прибавил: — Знаете, тут столько красивых девушек, что у меня голова кружится!

— Ну, не сдавайся так быстро,— добродушно предостерег Ретерер.— Они зацапают тебя и заставят водить их, куда им вздумается. Лучше не связывайся.

И в самом деле, Луиза Ретерер, нисколько не смущаясь тем, что сказал брат, обратилась к Клайду:

— Вы, конечно, танцуете, мистер Гриффитс?

— Нет, я не умею,— ответил Клайд, мгновенно отрезвленный этим вопросом: в эту минуту он от души пожалел, что не обладает столь необходимым качеством.— Но сейчас мне ужасно хотелось бы уметь,— галантно прибавил он и почти умоляюще взглянул сначала на Гортензию, а затем на Грету Миллер и Луизу.

Все сделали вид, что не заметили этого предпочтения, хотя оно приятно пощекотало самолюбие Гортензии. Она еще не была уверена, так ли уж ее интересует Клайд, но столь легко и с таким блеском восторжествовать над подругами — это уже кое-что! И подруги это почувствовали.

— Да, плохо дело.— Теперь, уверенная, что Клайд предпочитает ее остальным, она говорила с ним равнодушно и несколько свысока.— Если бы вы танцевали, вы и Том могли бы пойти с нами. У Китти почти все время будут танцевать.

Клайд был уничтожен. Подумать только: эта девушка, к которой его влечет сильнее, чем ко всем остальным, так легко

отталкивает его со всеми его мечтами и желаниями только потому, что он не умеет танцевать. И во всем виновато его проклятое воспитание. Он чувствовал себя разбитым, обманутым. Каким простофилей они его считают! Вот и Луиза смотрит удивленно и равнодушно.

Но тут Грета Миллер, которая нравилась ему меньше, чем Гортензия, пришла к нему на помощь:

— Можно и научиться,— это не так уж трудно. Если хотите, я после обеда в пять минут вас обучу. Надо только запомнить несколько па. И тогда вы сможете пойти с нами, если хотите.

Клайд обрадовался и стал благодарить. Он непременно научится танцевать — здесь или в другом месте, при первом же удобном случае. Почему он раньше не пошел в школу танцев, спрашивал он себя. Но особенно огорчало его видимое равнодушие Гортензии — и это после того, как он ясно показал, что она ему нравится. Может быть, он потому и не интересует ее, что существует этот Берт Гетлер, которого тут поминали и с которым она ходила танцевать. Ну до чего ему всегда не везет в этих делах!

Но когда обед кончился и все еще разговаривали, сидя за столом, именно Гортензия завела граммофон и первая предложила дать ему урок танцев: она и тут не хотела позволить сопернице одержать над нею верх. Клайд ее вовсе не интересовал, во всяком случае не так, как Грету. Но если подруга намерена добиться успеха таким способом, то почему бы ее не опередить? И вот, пока Клайд удивлялся перемене в поведении Гортензии и вообразил уже, будто она относится к нему лучше, чем ему казалось, она взяла его за руки, думая при этом, что он чересчур застенчив. Она обвила его руку вокруг своей талии, другую руку вложила в свою, держа ее на уровне плеча, и, приказав ему внимательно следить за каждым движением ног, начала показывать основные па танца. Но как ни был он усерден и благодарен, почти смешон в своем напряженном усердии, Гортензии он не очень нравился: она находила, что он простоват и слишком юн. И все же было в нем что-то милое, что вызывало у нее желание помочь ему. Скоро он уже танцевал с ней совсем легко, а потом танцевал и с Гретой и с Луизой, но все время думал только о Гортензии. В конце концов все признали, что он достаточно наловчился и может идти с ними, если хочет.

Клайду непременно хотелось оставаться возле Гортензии и еще потанцевать с нею. И хотя в это время появились три молодых человека, в том числе пресловутый Берт Гетлер, готовые

сопровождать девиц к Китти, и хотя он еще раньше уговорился с Ретерером пойти в театр,— Клайд не мог скрыть горячего желания пойти с остальными, так что Ретерер в конце концов согласился оставить мысль о театре. Вскоре вся компания вышла из дома, и Клайд, огорченный тем, что он не может идти с Гортензией, которую сопровождал Гетлер, немедленно возненавидел соперника; все же он старался быть любезным с Луизой и Гретой, которые оказывали ему достаточно внимания, чтобы он мог чувствовать себя свободно. Ретерер заметил его увлечение Гортензией и, улучив удобную минуту, когда они остались вдвоем, шепнул ему:

— Ты не очень бегай за этой Гортензией Бригс. По-моему, она просто кокетка. Вертит и Гетлером и другими. Ты только будешь плясать под ее дудку и ничего от нее не добьешься.

Но это честное дружеское предупреждение уже не могло образумить Клайда. Колдовство улыбки, магическая прелесть и сила юности, чувствовавшаяся в каждом ее движении,— все это окончательно вскружило ему голову, и он готов был отдать и сделать все что угодно еще за одну улыбку, за один взгляд, за пожатие руки. А ведь перед ним была девушка, которая не больше мотылька знала, к чему она стремится, и лишь недавно поняла, как удобно и выгодно использовать юношей ее возраста или немного старше для того, чтобы получать любые развлечения и наряды, какие она только пожелает.

Вечеринка оказалась обычным сборищем молодежи, где бурно проявляется стремление девушек и юношей подыскать себе пару. Китти Кин жила в простеньком домишке на бедной улице, где стояли голые декабрьские деревья. Но Клайду, внезапно охваченному страстью к хорошенькому личику, все вокруг казалось ярким, веселым и романтичным. Девушки и юноши, которых он встретил там,— девушки и юноши типа Ретерера, Хегленда, Гортензии,— все еще были для него истинным воплощением силы, непринужденности и самоуверенности, а он готов был душу отдать, лишь бы самому обладать этими качествами. Любопытно, что Клайд, хотя и нервничал немного, но благодаря новым друзьям быстро освоился и принял участие в общем веселье.

Для него это был случай наблюдать, как ведут себя и как развлекаются известного типа девушки и юноши,— зрелище, какого он не видел раньше, к своему счастью или несчастью, как вам угодно. Здесь, например, были в ходу особенно чувст-

венные танцы, и Луиза, Грета и Гортензия предавались им с величайшей беспечностью. Многие молодые люди принесли с собой виски в карманных флягах и не только потягивали сами, но и угощали других — и юношей и даже девушек.

Общая веселость от этого немало усилилась, отношения между юношами и девушками стали интимнее, флирт смелее. Гортензия, Луиза и Грета тоже принимали в этом участие. Иногда вспыхивали ссоры. И, очевидно, здесь считалось самым обычным делом, если молодой человек обнимал девушку где-нибудь за дверью, или держал ее у себя на коленях, сидя на стуле в каком-нибудь укромном уголке, или полулежал с ней на диване, нашептывая интимные и, несомненно, приятные ей признания. Правда, Клайд ни разу не заметил, чтобы Гортензия лежала в подобной позе на диване, но и она, как он видел, преспокойно усаживалась на колени к разным юношам и шепталась с ними за дверьми. И это так обескураживало и злило его, что он решил больше не иметь с ней дела: слишком она доступна, вульгарна и безрассудна! Чтобы не показаться менее светским и опытным человеком, чем другие, Клайд пробовал все напитки, которые ему предлагали, пока наконец не набрался необычайной для него храбрости и дерзости,— тут он осмелился, не то умоляя, не то упрекая, заговорить с Гортензией о ее слишком вольном поведении:

— Вы кокетка, вот что. Вам все равно, кому кружить голову, да?

Он сказал это, танцуя с ней после часу ночи. Юнец по фамилии Уилкинс играл на изрядно расстроенном пианино, а Гортензия с добродушным и кокетливым видом показывала Клайду новые па и смотрела на него томно и весело.

— Что вы хотите сказать? Не понимаю.

— Ах, не понимаете? — сказал Клайд сердито, но все же с натянутой улыбкой, за которой он пытался скрыть свое подлинное настроение.— Я уже слышал о вас. Вы всем кружите головы.

— Вот как? — воскликнула она с досадой.— Ну, вам-то я, кажется, не очень старалась вскружить голову?

— Да ну, не сердитесь,— сказал он просительно и вместе с тем ворчливо, опасаясь, что, пожалуй, зашел слишком далеко и может совсем потерять ее.— Я не хотел сказать ничего обидного. Ведь вы же позволяете многим парням за вами ухаживать. Во всяком случае, вы им нравитесь.

— Ну да, конечно, нравлюсь. Но что же я могу поделать?

— Так вот что я вам скажу,— хвастливо, с азартом выпа-

лил он,— я могу тратить на вас куда больше, чем любой из них. У меня денег хватит.

Только за минуту перед тем он подумал о пятидесяти пяти долларах, которые уютно лежали у него в кармане.

— О, не знаю,— возразила она, очень заинтересованная этим, так сказать, денежным предложением и в то же время очень гордая своей способностью так воспламенять чуть ли не всех молодых людей.

Гортензия была не слишком умная девушка, очень легкомысленная и самовлюбленная; она не могла спокойно пройти мимо зеркала: каждый раз восхищалась своими глазами, волосами, шеей, руками и практиковалась в особенно пленительных улыбках.

Притом Гортензия не осталась равнодушна к тому, что Клайд был красив, хотя и очень юн. Она любила поддразнивать таких желторотых. С ее точки зрения, он был глуповат. Но он служил в «Грин-Дэвидсон», хорошо одевался и, наверно, как он сказал, у него достаточно денег, и он охотно будет тратить их на нее. Иные юнцы, которые особенно нравились ей, имели в своем распоряжении не слишком много денег.

— Найдется сколько угодно таких, кто с удовольствием потратит на меня свои деньги!

Она тряхнула головой, взмахнула ресницами и снова улыбнулась своей самой пленительной улыбкой.

Лицо Клайда сразу омрачилось. Он был слишком слаб пред ее чарами. Лоб его покрылся морщинами, затем снова разгладился. Глаза горели, в них было страстное желание и горечь, давняя досада на жизнь и раздражение обойденного и обиженного. Конечно, Гортензия сказала правду. Найдутся люди, у которых денег больше, чем у него, и которые могут больше на нее тратить. Он смешон со своим хвастовством, и она насмехается над ним. Помолчав, он прибавил уныло:

— Наверно, вы правы. Но никто не любит вас так, как я!

Бескорыстная искренность этих слов польстила Гортензии. В конце концов, он не так уж плох. Они грациозно скользили под звуки неумолкавшей музыки.

— О, я не всегда так флиртую,— сказала она.— Ведь тут мы все свои, все хорошо знаем друг друга, всюду бываем вместе. Вы не должны осуждать нас.

Это была только искусная ложь, но все-таки она успокоительно подействовала на Клайда.

— Я бы отдал все на свете, только бы вы лучше относились ко мне,— молил он в отчаянье и восторге.— Я никогда не видел

девушки лучше вас! Вы замечательная! Я от вас без ума! Давайте как-нибудь пообедаем вместе, а потом сходим в театр. Хорошо? Хотите завтра вечером или в воскресенье? Эти вечера у меня свободные, а в остальные я работаю.

Она сначала колебалась, потому что даже теперь не была уверена, что захочет продолжать это знакомство. Ведь есть еще Гетлер, не говоря уже о многих других, и все они ревнивы и внимательны. Хотя Клайд и готов тратить на нее деньги, но, может быть, лучше с ним не связываться. Он и сейчас уже слишком пылок, и, пожалуй, с ним будет много хлопот. Но в то же время кокетство — вторая натура Гортензии — не позволяло ей оттолкнуть Клайда. Вдруг он попадет в руки Греты или Луизы! И поэтому в конце концов она согласилась встретиться с ним в следующий вторник. Но он не должен приходить к ней домой и не должен провожать ее сегодня: у нее есть провожатый — мистер Гетлер. А во вторник в половине седьмого она будет около отеля «Грин-Дэвидсон».

Он обещал ей обед у Фриссела, а затем они посмотрят «Корсара», музыкальную комедию в театре Либби, всего в двух кварталах от ресторана.

ГЛАВА XII

Каким бы пошлым и заурядным ни показалось многим это знакомство, для Клайда оно было преисполнено значительности. До сих пор никогда ни одна девушка, да еще такая очаровательная, не удостаивала его даже взглядом,— так он, по крайней мере, воображал. А теперь он встретил красивую девушку, и она настолько им заинтересовалась, что согласилась пообедать с ним и пойти вместе в театр. Пожалуй, она и вправду кокетка и ни с кем не бывает искренней, и маловероятно, что она так быстро подарит ему свое расположение, но — кто знает, кто может сказать?..

Верная своему обещанию, Гортензия действительно пришла во вторник на угол Четырнадцатой и Вайандот-стрит, неподалеку от «Грин-Дэвидсон». Клайд был так взволнован, польщен, обрадован, что с трудом мог привести в порядок свои мысли и чувства.

Стараясь показать, что он достоин Гортензии, он особенно тщательно позаботился о своей внешности: напомадил волосы, надел галстук бабочкой, новое шелковое кашне, шелковые носки, чтобы заметней были ярко-коричневые ботинки, купленные специально для этого случая. Но когда они встретились, он так

и не понял, обратила ли она на все это хоть малейшее внимание. В конце концов, она интересовалась только своей собственной внешностью. К тому же — это была ее обычная уловка — она заставила Клайда прождать почти до семи часов, и за это время он успел впасть в глубочайшее уныние. А что, если она за эти дни потеряла всякий интерес к нему и не хочет больше с ним встречаться? Что ж, тогда придется обойтись без нее. Но это доказало бы, что он не интересен такой красивой девушке, как она, несмотря на свой нарядный костюм и на все свои деньги. Он решил, что его подруга — если это не будет Гортензия — непременно должна быть красивой. Некрасивая ему не нужна. Ретереру и Хегленду как будто все равно, хороши ли собой их знакомые девушки, но для него это страшно важно! От одной мысли о том, чтобы удовольствоваться менее привлекательной девушкой, чем Гортензия, Клайда чуть не тошнило.

И вот он стоит на улице, в тени подъезда, а вокруг сияние огней, вывесок и реклам, сотни пешеходов спешат во всех направлениях, и почти на всех лицах — мысль о предстоящих развлечениях и встречах, а он — он один, и, возможно, сейчас ему придется повернуться и пойти куда-то: обедать — одному, в театр — одному, и домой он вернется один, а завтра утром опять на работу. Клайд уже почти решил, что его постигла неудача, как вдруг неподалеку в толпе увидел Гортензию. Она была изящно одета: в черном бархатном жакете с красновато-коричневым воротником и обшлагами и в большой круглой бархатной шляпе с красной кожаной пряжкой сбоку. Щеки и губы были слегка подкрашены. Глаза блестели. И, как всегда, она была, видимо, очень довольна собой.

— Хэлло, я опоздала, да? Но я никак не могла поспеть вовремя. Понимаете, я забыла, что обещала увидеться с одним парнишкой — это мой друг, тоже чудный мальчик,— и только в шесть часов вспомнила, что у меня назначено два свидания. Вышло так неприятно. Мне надо было предупредить кого-нибудь из вас. Я совсем уже собралась позвонить вам и уговориться на другой вечер, да вспомнила, что вас нет на службе после шести. Том никогда не задерживается после шести. А Чарли всегда на работе до половины седьмого и даже позже иногда, и он очень милый мальчик — никогда не дуется и не ворчит. Он тоже хотел сегодня повести меня в ресторан и потом в театр. Он работает в табачном киоске в «Орфии». Ну вот, я ему позвонила. Он был не очень-то доволен. Но я сказала, что мы встретимся в другой вечер. Ну, что же, вы рады? Вы понимаете, что ради вас я огорчила Чарли, такого красивого мальчика?

Она уловила тревожное, ревнивое и в то же время робкое выражение, мелькнувшее в глазах Клайда, пока она говорила о другом своем поклоннике. Мысль, что можно заставить его ревновать, привела Гортензию в восторг. Итак, она окончательно покорила его! И она тряхнула головой и улыбнулась, идя с ним в ногу.

— Еще бы, так мило с вашей стороны, что вы пришли.

Клайд заставил себя сказать это, хотя от ее слов о Чарли, «чудном мальчике», у него перехватило горло и сердце сжалось. Ну разве сможет он удержать такую красивую и такую своевольную девушку!

— А у вас сегодня шикарный вид,— продолжал он, заставляя себя поддерживать разговор и сам немного удивляясь, что ему это удается.— Вам идет эта шляпка, и жакет тоже.

Он не отрываясь смотрел на нее, и в глазах его светилось восхищение и жадная, голодная страсть. Он хотел бы поцеловать ее прямо в губы, но не смел здесь, на улице, да и нигде пока не осмелился бы.

— Не удивительно, что все вас приглашают. Вы такая красивая!.. Хотите приколоть к жакету розы?

Они проходили в эту минуту мимо цветочного магазина, и у Клайда явилась мысль поднести ей цветы. Он слышал от Хегленда, что женщины любят мужчин, которые делают им подарки.

— Да, конечно, от роз я не откажусь,— ответила Гортензия, входя в магазин.— Или, пожалуй, лучше букетик фиалок. Они такие милые. И они, кажется, больше подойдут к моему жакету.

Ей понравилось, что Клайд подумал о цветах. И он говорил ей такие приятные вещи. В то же время она была убеждена, что он очень мало знает девушек, а может быть, и вовсе не знает. А она предпочитала мужчин и юношей более опытных, которые не так легко покорялись бы ей, которых было бы не так легко удержать. Однако она не могла не думать, что Клайд чем-то лучше мужчин, к которым она привыкла, тоньше, благороднее. И потому, несмотря на всю его неуклюжесть (с ее точки зрения), она готова была оставить его около себя и посмотреть, как он будет вести себя дальше.

— Вот эти шикарные! — воскликнула она, выбрав довольно большой букет фиалок и прикладывая их к жакету.— Эти мне нравятся!

И пока Клайд расплачивался, она вертелась перед зеркалом, пристраивая фиалки по своему вкусу. Наконец, довольная эффектом, она обернулась к Клайду с возгласом:

— Ну вот, я готова! — и взяла его под руку.

Клайд, немало напуганный ее развязными манерами, не знал, что сказать. Но напрасно он тревожился — Гортензия всецело была поглощена собственной персоной.

— Ну, скажу я вам, и неделька же у меня выдалась! Каждый вечер танцы. Возвращалась домой в три часа. А в воскресенье танцевали почти до утра. Да, скажу я вам, последний вечер был самый трудный. Вы были когда-нибудь у Бэркета? Это у перевоза Гиффорда, знаете? Очень модное место, замечательное, немного дальше «Биг-блю» на Тридцать девятой улице. Летом дансинг, а зимой тут же каток и можно танцевать на льду. И очень милый маленький оркестр.

Клайд любовался игрой ее губ, блеском глаз и живостью жестов, очень мало задумываясь над тем, что именно она говорит.

— С нами был Уоллес Трон... Ну и мальчишка! Когда мы стали есть мороженое, он пошел в кухню, вымазал лицо сажей, взял у официанта куртку и передник и стал нам прислуживать. Смешной мальчишка! А какие фокусы он проделывал с тарелками и ложками!

Клайд вздохнул: он отнюдь не отличался такими талантами, как этот Трон.

— А потом, в понедельник утром, мы все вернулись домой около четырех часов, а в семь мне уже нужно вставать. Я была как вареная рыба. Меня бы уволили, если б не славный народ в магазине и не мистер Бек. Это, знаете, заведующий в моем отделе. По правде говоря, я его так мучаю, беднягу. В магазине я делаю, что хочу. Раз я очень опоздала после завтрака; одна подруга взяла мою карточку и отбила за меня время на контрольных часах, понимаете? А тут вошел мистер Бек и увидал ее. А после, уже часа в два, он мне говорит: «Послушайте, мисс Бригс (он всегда называет меня мисс Бригс; я не позволяю называть себя по-другому. Он еще стал бы вольничать, если бы я позволила). Этот номер не пройдет — передавать карточку. Надо бросить эти штучки». А я только расхохоталась. Он иногда так брюзжит на нас! Но я все равно поставила его на место. Он, понимаете ли, немножко неравнодушен ко мне — кто-кто, а он меня ни за что на свете не уволит. Я и говорю ему: «Послушайте, мистер Бек, вы со мной не разговаривайте таким тоном. Я не часто опаздываю, у меня нет такой привычки. И потом, я могу найти себе и другую службу в Канзас-Сити. Если уж так повелось, что стоит мне в кои-то веки опоздать, как сразу начинают-

ся разговоры,— так, пожалуйста, увольняйте меня, и все». Не могла же я позволить, чтобы он говорил со мной таким тоном. Как я думала, так и вышло,— он сразу сдался. Он только сказал: «Ну, все равно, я вас предупредил. В другой раз вас может увидеть мистер Тирни, и тогда вы попробуете, каково служить в другом месте». Конечно, он сказал это все ради смеха и знал, что я тоже дурачусь. Я расхохоталась. А через две минуты он смеялся с мистером Скоттом, я видела. Но, черт возьми, я иногда выкидываю там штучки!

Наконец они подошли к ресторану Фриссела, и Клайд, не сказавший за всю дорогу и двух слов, вздохнул с облегчением. В первый раз в жизни он мог гордиться тем, что угощает девушку в таком шикарном месте. Теперь он и в самом деле кое-чего добился. У него — настоящий роман! Гортензия так высоко ценила себя, так настойчиво подчеркивала свои приятельские отношения с множеством девушек и молодых людей, весело проводящих время, что Клайду казалось, будто до сих пор он вовсе и не жил. Он быстро вспоминал, о чем она рассказывала: Бэркет, катанье на коньках и танцы на льду... Уоллес Трон... молодой продавец из табачного киоска, с которым она должна была встретиться сегодня... мистер Бек, ее начальник в магазине, настолько влюбленный, что не в силах ее уволить... И, глядя, как она, совсем не думая о состоянии его кошелька, заказывает обед по своему вкусу, Клайд любовался ее лицом, фигурой, формой кисти, по которой можно судить об изяществе и красоте всей руки, высокой, вполне сформировавшейся грудью, изгибом бровей, нежной округлостью щек и подбородка. Притом Клайда волновал ее мягкий, вкрадчивый голос. Он был восхищен. Вот если бы такая девушка принадлежала ему!

А она и здесь, как на улице, продолжала болтать о себе, и на нее, видимо, не производило никакого впечатления, что она обедает в таком месте, которое Клайду казалось совершенно замечательным. В те минуты, когда Гортензия не смотрелась в зеркало, она изучала меню и выбирала, что ей нравится: барашек в мятном желе... нет, омлет она не любит и ростбиф тоже... Ах, вот что: филе-миньон с грибами... В конце концов она прибавила к этому сельдерей и цветную капусту. И ей хотелось бы коктейль. Да, да, Клайд слышал от Хегленда, что обед ничего не стоит без маленькой выпивки, и потому нерешительно предложил коктейль. А Гортензия, выпив коктейль, потом другой, стала еще оживленнее, веселее и болтливее, чем прежде.

Но Клайд заметил, что она продолжает держаться с ним несколько отчужденно, безразлично. Когда он робко пытался перевести разговор на их отношения, на свое чувство к ней, выяснить, не влюблена ли она в кого-нибудь другого, она обрывала его, заявляя, что ей нравятся все молодые люди, все одинаково. Они все так милы, так внимательны к ней. Да так и должно быть! Иначе она не станет вести с ними знакомство. Тогда они ей ни к чему! Ее живые глаза сверкали, и она вызывающе встряхивала головой.

И Клайд был пленен всем этим. Ее жесты, позы, гримаски, все ее движения были чувственными и многообещающими. Казалось, ей нравилось дразнить, обещать, делать вид, что она готова сдаться, а затем отказываться от всех обещаний, притворяясь целомудренно-сдержанной, словно у нее и в мыслях не было того, что ей приписывали.

Клайда возбуждало и приводило в трепет уже одно то, что она была здесь, рядом. Это была пытка, но сладкая пытка. Он был полон мучительных мыслей о том, как было бы чудесно, если бы Гортензия позволила ему обнять ее, поцеловать, даже укусить. Прижаться губами к ее губам! Задушить ее поцелуями и ласками! По временам она бросала на него умышленно томный взгляд, и он ощущал болезненную слабость, до головокружения. Он мечтал только об одном: что когда-нибудь упорным ухаживанием или деньгами он заставит ее полюбить себя.

Но и после того, как они побывали в театре, а затем он доставил ее домой, Клайд не достиг сколько-нибудь заметного успеха. Так как Гортензия мало интересовалась Клайдом, она во время представления «Корсара» в театре Либби с искренним интересом следила за спектаклем, говорила только о пьесах, которые видела раньше, высказывала свое мнение об актерах и актрисах, вспоминала, кто именно из поклонников водил ее на ту или иную пьесу. И Клайд, вместо того чтобы соперничать с ней в остроумии и высказывать собственные суждения, был вынужден только поддакивать ей.

А она все время думала об одержанной ею новой победе. И так как она давно уже перестала быть добродетельной и поняла, что у него есть кое-какие деньги и он готов тратить их на нее, она решила, что будет в меру мила с ним — ровно настолько, чтобы удержать его, не больше. В то же время она, по своему обыкновению, будет как можно больше развлекаться с другими, а Клайда заставит покупать ей разные вещи и занимать ее в те дни, когда у нее не будет других достаточно интересных приглашений.

ГЛАВА XIII

Так продолжалось по меньшей мере четыре месяца. После того первого вечера Клайд значительную часть своего свободного времени посвящал Гортензии, пытаясь заинтересовать ее в такой же мере, в какой она, видимо, интересовалась другими молодыми людьми. А между тем он не мог бы сказать, способна ли она по-настоящему привязаться к кому-нибудь одному, но и не мог поверить, чтобы у нее были со всеми только невинные товарищеские отношения. Однако она была так соблазнительна, что он с ума сходил: если его худшие подозрения справедливы, быть может, в конце концов она окажется благосклонной и к нему. Он был так одурманен чувственной атмосферой, окутывавшей Гортензию, ее изменчивостью, желанием, явственно сквозившим в ее жестах, настроениях, голосе, манере одеваться, что и подумать не мог отказаться от нее.

Словом, он глупо бегал за ней. А она, видя это, не подпускала его близко, порой избегала, заставляла его довольствоваться жалкими крохами своего внимания и вместе с тем милостиво посвящала в подробности своих увеселений в обществе других молодых людей. Он чувствовал, что не в силах больше вот так бегать за нею, и в ярости давал себе слово прекратить эти встречи. Право, ничего хорошего у него с нею не выйдет. Но при новом свидании, видя то же холодное равнодушие в каждом ее слове и каждом поступке, он терял мужество и не в силах был порвать свои оковы.

И при этом Гортензия не стеснялась говорить ему, что из вещей ей нужно и что хотелось бы иметь; сперва это были мелочи: новая пуховка для пудры, губная помада, коробка пудры или флакон духов. Потом она осмелела и в разное время, под разными предлогами говорила Клайду о сумках, блузках, туфельках, чулках, шляпе, которые она с удовольствием купила бы, будь у нее деньги; и при этом она не шла на уступки, отделываясь уклончивыми, мимолетными ласками, изредка с томным видом разрешая обнять себя; эта томность много обещала, но обещанное никогда не сбывалось. И Клайд, чтобы снискать ее расположение и доверие, покупал все эти вещи, хотя подчас из-за того, что происходило у него в семье, эти траты были ему не под силу. Однако к концу четвертого месяца он стал понимать, что очень мало продвинулся вперед: благосклонность Гортензии так же далека от него сейчас, как и в начале их знакомства. Словом, он жил в лихорадочной, мучительной погоне за нею без сколько-нибудь определенной надежды на награду.

А тем временем в доме Грифитсов по-прежнему царили органически присущие всем членам этой семьи беспокойство и подавленность. С исчезновения Эсты начался период уныния, и ему не видно было конца. Для Клайда положение осложнялось мучительно дразнящей, больше того — раздражающей таинственностью, ибо ни одни родители не могли бы проявить большую щепетильность, чем Грифитсы, в тех случаях, когда в семье происходило что-либо, связанное с вопросами пола. И особенно это относилось к тайне, с некоторых пор окружавшей Эсту. Она сбежала. И не вернулась. И, насколько знали Клайд и остальные дети, от нее не было никаких вестей. Однако Клайд заметил, что после первых недель ее отсутствия, когда и мать и отец чрезвычайно тревожились, мучаясь вопросами — где она и почему не пишет, они вдруг перестали волноваться и как будто примирились с тем, что произошло: по крайней мере, они уже не так терзались положением, которое прежде казалось совершенно безнадежным. Он не мог этого понять. Перемена была очень заметна, и, однако, никто не сказал ни слова в объяснение. Немного позже Клайд заметил, что мать с кем-то переписывается, а это бывало не часто: у нее почти не было знакомств и деловых связей, и письма она получала или писала очень редко.

Однажды, вскоре после того как Клайд стал работать в отеле «Грин-Дэвидсон», он пришел домой раньше обычного и застал мать, склонившуюся над письмом, очевидно только что полученным и очень важным для нее. И, как видно, оно было связано с чем-то, что надо было скрывать, так как при виде Клайда мать тотчас прекратила чтение, торопливо и нервно встала и отложила письмо, ничего не объясняя. Но Клайд почему-то — может быть, чутьем — понял, что это письмо от Эсты. Он не был уверен. Он стоял далеко и не мог узнать почерка. Но как бы то ни было, мать ничего потом не сказала ему об этом письме. Выражение ее лица говорило, что она не желает расспросов, и столько сдержанности было в их отношениях, что Клайду и в голову не пришло расспрашивать. Он просто удивился, а потом почти забыл об этом случае.

Через месяц или немного больше, когда он уже неплохо освоился с работой в отеле и увлекся Гортензией Бригс, мать вдруг обратилась к нему с очень странным вопросом. Однажды, когда он только что вернулся с работы, она позвала его в зал миссии. Не объясняя, для чего ей это нужно, и не говоря прямо, что теперь Клайд, по ее мнению, более или менее в состоянии помочь ей, мать сказала, пристально и с волнением глядя на него:

— Клайд, ты не знаешь, как бы мне достать сейчас сто долларов?

Клайд был так удивлен, что едва мог поверить своим ушам: всего несколько недель назад заговорить с ним о сумме большей, чем четыре-пять долларов, было бы совершенной нелепостью. Мать это знала. А теперь она обращалась к нему, словно подозревая, что он может достать для нее такие большие деньги. И правильно, ведь его одежда и весь его вид говорили, что для него наступили лучшие дни.

Прежде всего он подумал об одном: конечно, мать заметила, как он одет и какой образ жизни ведет, и пришла к убеждению, что он обманывает ее относительно размеров своего заработка. И отчасти это было верно; но поведение Клайда в последнее время так изменилось, что матери тоже пришлось совсем изменить свое с ним обращение: она теперь сомневалась, удастся ли ей в дальнейшем сохранить свою власть над ним. В последнее время — с тех пор как он поступил на новое место — ей почему-то казалось, что он стал благоразумнее, увереннее в себе, меньше поддается сомнениям и намерен жить по-своему и сам за себя отвечать. Это ее немало тревожило, но, с другой стороны, нравилось ей. Чувствительная и беспокойная натура Клайда всегда была загадкой для матери, и видеть его наконец самостоятельным — это уже кое-что; правда, замечая, каким он становится франтом, она порою тревожилась и с недоумением спрашивала себя: в какую компанию он попал? Но, поскольку работа в отеле отнимала у него так много времени, а весь свой заработок он, очевидно, тратил на одежду, она считала, что у нее нет оснований жаловаться. Еще одно опасение мелькало у нее: не ведет ли он себя слишком эгоистично, не чересчур ли заботится о собственном благополучии. Но, зная, как долго он был лишен всяких удовольствий, она не могла слишком сурово порицать его теперь за желание развлечься.

Клайд смотрел на мать, не вполне понимая, что у нее на уме.

— Но где же я достану сто долларов, мама?! — воскликнул он.

Он уже видел мысленно, как в результате таких вот неслыханных и необъяснимых требований иссякает только что обретенный им источник богатства, и на его лице отразились огорчение и недоверие.

— Я и не думала, что ты можешь достать для меня всю эту сумму,— деликатно ответила миссис Грифитс.— У меня есть план, я надеюсь сама достать большую часть денег. Я только

хочу, чтобы ты посоветовал мне, как добыть остальное. Я не хотела бы обращаться к твоему отцу, если этого можно избежать, а ты становишься уже достаточно взрослым, чтобы немного помочь мне.— Она с интересом и одобрением смотрела на Клайда.— Отец не силен в деловых вопросах,— продолжала она,— и у него без того много забот.

Она устало провела широкой ладонью по лбу; Клайд видел, что она попала в очень затруднительное положение, и ему стало жаль ее, хоть он и не знал, в чем дело. Притом, помимо нежелания расстаться с деньгами, в нем заговорило любопытство: для чего все это? Сто долларов! Вот так номер!

— Я тебе скажу, какой у меня план,— после паузы прибавила мать.— Мне необходимы сто долларов, но я не могу сейчас сказать тебе, да и никому другому, для чего, и ты меня не спрашивай. Вот здесь, в столе, старые золотые часы отца и мое золотое кольцо и булавка. Если их продать или заложить, за все должны дать двадцать пять долларов, не меньше. Потом есть еще мои серебряные ножи и вилки, и серебряное блюдо, и кувшин. (Клайд хорошо знал эти сувениры.) Одно это блюдо стоит двадцать пять долларов. Я думаю, за них тоже дадут долларов двадцать или двадцать пять. Если бы ты нашел где-нибудь по соседству с твоим отелем хороший ломбард и заложил бы все это и если бы потом ты некоторое время давал мне лишних пять долларов в неделю... (Лицо Клайда вытянулось.) Я могла бы попросить одного моего друга — мистера Мерча, ты его знаешь, он бывает у нас в миссии,— одолжить мне столько, сколько не хватит до сотни, а потом я смогу отдавать ему из тех денег, которые ты будешь мне давать. И у меня самой есть еще долларов десять.

Она посмотрела на Клайда так, словно хотела сказать: «Надеюсь, ты не оставишь меня в беде»,— и Клайд смягчился, хотя все это и значило, что теперь он не сможет, как рассчитывал, тратить на себя весь свой заработок. Он согласился отнести вещи в ломбард и давать матери на пять долларов в неделю больше до тех пор, пока не будет выплачен долг. И все же он не мог подавить невольное раздражение. Так недавно он стал прилично зарабатывать — и вот мать требует все больше и больше. Уже десять долларов в неделю! Вечно у них что-нибудь не ладится, думал Клайд, вечно им что-нибудь нужно, и нет никакой уверенности, что потом не будет еще новых требований.

Он взял вещи, снес их в самый солидный ломбард, какой только мог найти, и взял предложенные ему за все сорок пять долларов. Стало быть, с десятью долларами матери получается

пятьдесят пять, еще сорок пять она займет у мистера Мерча — и будет сотня. Это значит, что в течение девяти недель ему придется отдавать ей по десять долларов вместо пяти. Теперь, когда ему так хотелось жить совсем иначе, чем прежде, хорошо одеваться и не отказывать себе в удовольствиях, это открытие очень мало радовало его. Тем не менее он решил выполнить просьбу матери. В конце концов, он кое-чем ей обязан. Она принесла в прошлом немало жертв ради него и остальных детей, и он не решался быть слишком большим эгоистом. Это было бы непорядочно.

И еще одна мысль упорно приходила ему на ум: если мать и отец будут рассчитывать на его денежную помощь, они станут больше с ним считаться. Прежде всего ему должны позволить поздно возвращаться домой по вечерам. Притом он одевался за свой счет и столовался в отеле,— а это, как он понимал, значительно сокращало расходы родителей.

Однако вскоре перед Клайдом возникла новая задача. Вот как это было.

Как-то после истории со ста долларами он случайно встретил мать на Монтроз-стрит, одной из беднейших улиц в городе; Монтроз-стрит тянулась к северу от улицы Бикел, где жили Грифитсы, и представляла собой два ряда деревянных двухэтажных домишек: тут сдавались внаем квартиры без мебели. Даже Грифитсы, при всей своей бедности, сочли бы унижением поселиться на такой улице. Мать спустилась с крыльца одного из домишек, несколько менее ветхого, чем другие; в окне нижнего этажа была выставлена бросавшаяся в глаза табличка: «Меблированные комнаты». Потом, не оборачиваясь и не замечая Клайда, шедшего по другой стороне улицы, она направилась к другому такому же дому, в нескольких шагах от первого: тут тоже было вывешено объявление о сдаче меблированных комнат. Мать внимательно оглядела дом, потом поднялась на крыльцо и позвонила.

Клайду сперва показалось, что мать разыскивает кого-то, не зная точно адреса. Но, перейдя улицу как раз в ту минуту, когда хозяйка приоткрыла дверь, он услышал, как мать спросила:

— У вас есть свободная комната?

— Да,— был ответ.

— С ванной?

— Нет, но ванна есть во втором этаже.

— Какая цена?

— Четыре доллара в неделю.

— Можно посмотреть?

— Пожалуйста, войдите.

Миссис Грифитс как будто колебалась. А Клайд в это время стоял внизу, в нескольких шагах от нее, и смотрел вверх, ожидая, когда она обернется и узнает его. Но она вошла в дом, не обернувшись. Клайд с любопытством смотрел ей вслед. Конечно, тут нет ничего необычайного,— вероятно, мать ищет комнату для какой-нибудь девушки... но почему здесь, на этой улице? Обычно она в таких случаях обращалась в Армию спасения или в «Союз молодых христианок». Первым его побуждением было подождать ее и расспросить, что она здесь делает, но ему предстояло еще несколько собственных дел, и он ушел.

Вечером, зайдя домой переодеться, он застал мать в кухне.

— А я видел тебя сегодня утром на Монтроз-стрит, мама,— сказал он.

— Да? — чуть помедлив, отозвалась миссис Грифитс.

Клайд заметил, что она вздрогнула, словно его сообщение застигло ее врасплох. Продолжая чистить картошку, она испытующе посмотрела на сына.

— Ну и что же? — прибавила она спокойно, но при этом покраснела, чего с нею никогда не случалось в разговорах с сыном. И, конечно, ее волнение и испуг сильно заинтересовали Клайда.

— Ты заходила в один дом,— наверно, искала комнату для кого-нибудь,— сказал он, внимательно глядя на мать.

— Да,— ответила миссис Грифитс теперь уже довольно просто.— Мне нужна комната для одного человека,— он болен, и у него не очень много денег. Но подходящую комнату не так-то легко найти.

Она отвернулась, словно не желая больше говорить на эту тему, и хотя Клайд почувствовал это, он, однако, не удержался и прибавил:

— Ну, не такая это улица, чтобы снимать там комнату.

Служба в «Грин-Дэвидсон» быстро научила его совсем по-иному рассуждать о том, где и как следует жить. Мать ничего не ответила, и он ушел в свою комнату переодеваться.

Примерно через месяц, проходя поздно вечером по Миссурн-авеню, Клайд снова невдалеке заметил мать, шедшую ему навстречу. При свете, падавшем из окна какой-то лавчонки,— такие маленькие лавочки тянулись вдоль всей этой улицы,— Клайд увидел в руках матери довольно тяжелый старомодный саквояж, который давным-давно лежал в доме без употребления. Неожиданно она остановилась (потому что заметила его,

как решил потом Клайд) и быстро вошла в подъезд трехэтажного кирпичного дома. Когда же Клайд подошел к этому дому, дверь его оказалась плотно прикрытой. Открыв ее, он увидел плохо освещенную лестницу; вероятно, мать поднялась по ней. Однако он не стал производить дальнейших расследований, он не был вполне уверен в своих догадках,— быть может, она зашла сюда просто навестить кого-нибудь,— все произошло слишком быстро. Но, подождав на ближайшем углу, он наконец увидел, как она вышла. С возрастающим любопытством Клайд следил, как она осторожно осматривалась, прежде чем пойти дальше. Это навело его на мысль, что она, видимо, прячется от него. Но почему?

Клайда так поразило странное поведение матери, что он готов был пойти за ней следом. Но потом решил, что, раз она не хочет, чтобы он знал о ее делах, пожалуй, лучше не вмешиваться. В то же время ее настороженные движения возбудили в нем острое любопытство. Почему мать не хотела, чтобы он видел, как она идет куда-то с саквояжем? Уклончивость и скрытность были не в ее характере (в противоположность его собственному). Почти тотчас же он мысленно связал эту встречу с другой, возле меблированных комнат на Монтроз-стрит, и с тем случаем, когда он застал ее за чтением письма, и с ее усилиями достать вдруг понадобившиеся ей сто долларов. Куда же она ходила? Что скрывала?

Размышляя об этом, он не мог решить, действительно ли все это как-то связано с ним или с кем-либо из родных. Но примерно через неделю, проходя по Одиннадцатой улице, он вдруг увидел Эсту или, по крайней мере, девушку, чрезвычайно похожую на нее: тот же рост, та же походка; Клайду показалось только, что она старше сестры. Но она так быстро прошла и исчезла в толпе, что он не мог проверить, действительно ли то была Эста. Это было лишь мимолетное видение — такое яркое, что он повернулся и бросился вслед, но она уже скрылась. Все же он был убежден, что не ошибся, и потому тотчас пошел домой. Найдя мать в миссии, он объявил ей, что видел Эсту. Она вернулась в Канзас-Сити, он готов в этом поклясться. Он видел ее на Одиннадцатой, недалеко от Балтимор-стрит. Мать ничего не знает?

И тут Клайд с удивлением заметил, что мать приняла это известие не так, как он ожидал. В нем самом внезапное исчезновение, а теперь внезапное появление Эсты вызывало смесь удивления и радости, любопытства и сочувствия. Может быть, сто долларов нужны были матери для того, чтобы вернуть Эсту?

Клайд не мог бы объяснить, откуда у него взялась эта мысль. Он терялся в догадках. Но если так, почему же Эста не явилась домой, хотя бы затем, чтобы известить семью о своем приезде?

Он ожидал, что мать будет так же удивлена и озадачена, как и он сам, и поспешит расспросить его о подробностях. Вместо этого она казалась явно смущенной, застигнутой врасплох, словно услышала нечто ей уже известное и теперь не знала толком, как ей держаться.

— Ты видел ее? Где? На Одиннадцатой улице? Только что? Вот странно! Нужно сказать об этом Эйсе. Странно, что она не приходит сюда, если она вернулась.

В глазах матери Клайд увидел не удивление, а замешательство и тревогу. Ее рот, как всегда, когда она была смущена и расстроена, странно двигался,— вздрагивали не только губы, но и подбородок.

— Вот так та́к! — прибавила она, помолчав.— Странно. Может быть, это была просто какая-нибудь девушка, похожая на Эсту?

Но Клайд, искоса наблюдавший за матерью, не мог поверить ее притворному удивлению. Вскоре пришел Эйса, и Клайд, собираясь в отель, слышал, что они обсуждали новость как-то равнодушно, без всякого интереса, словно это событие вовсе не было столь поразительным, как казалось Клайду. Его так и не позвали рассказать о подробностях.

Потом, как будто нарочно для того, чтобы он мог разгадать эту тайну, мать встретилась ему однажды на Спрус-стрит; на этот раз она несла небольшую корзинку. С недавних пор он заметил, что она ежедневно по утрам и перед вечером стала уходить из дому. На этот раз, задолго до того, как мать могла увидеть его, он заметил ее характерную массивную фигуру в неизменном старом коричневом пальто и свернул за угол; спрятавшись за газетным киоском, он подождал, пока она пройдет, а затем пошел следом, держась поодаль, на расстоянии полуквартала. Она шла все дальше, вдоль ряда очень старых домов — бывших особняков, где теперь сдавались дешевые меблированные комнаты, и Клайд увидел, как она подошла к одному из этих домов и исчезла за дверью, но перед тем испытующе посмотрела по сторонам.

Когда мать скрылась в подъезде, Клайд подошел ближе и с интересом осмотрел дом. Что ей здесь делать? К кому она ходит? Он с трудом мог бы объяснить себе свое неугомонное любопытство. Но с тех пор как ему показалось, будто он видел Эсту, у него явилось смутное чувство, что все это должно быть

связано с ней: письма, сто долларов, меблированные комнаты на Монтроз-стрит.

На углу, наискось от дома, стояло большое дерево, с которого зимний ветер давно сорвал все листья, и рядом, почти вплотную к широкому стволу,— телеграфный столб. Клайд спрятался за ними и с этого наблюдательного пункта, сам оставаясь незамеченным, следил за окнами дома. И вот в одном из окон второго этажа он увидел мать, которая расхаживала по комнате, словно у себя дома, а минутой позже с удивлением увидел Эсту: она подошла к одному из двух окон комнаты и положила на подоконник какой-то пакет. На ней было светлое домашнее платье или светлый платок на плечах. На этот раз нельзя было ошибиться. Клайд вздрогнул, поняв, что это в самом деле Эста и с ней мать. Но что она такое сделала? Из-за чего ей пришлось вернуться и почему она теперь прячется? Быть может, ее муж, человек, с которым она бежала, бросил ее?

Его так мучило любопытство, что он решил подождать, пока не уйдет мать, а потом повидаться с Эстой. Ему так хотелось снова увидеть ее и узнать, что тут за тайна... Он ждал и думал о том, как он всегда любил Эсту и как странно, что она так таинственно прячется здесь.

Час спустя мать вышла из дому; ее корзинка, по-видимому, была пуста,— она совсем легко держала ее в руке. И точно так же, как раньше, она осторожно оглянулась, и на лице ее застыло прежнее упрямое и все же озабоченное выражение: смесь упорной веры и тревожного сомнения.

Клайд видел, как она пошла по направлению к миссии, и провожал ее глазами, пока она не скрылась из виду. Тогда он повернулся и вошел в дом. Как он и думал, это были меблированные комнаты: на многих дверях виднелись таблички с фамилиями жильцов. Клайд заранее рассчитал, где находится комната Эсты, и теперь прямо прошел к ее двери и постучал. Изнутри послышались легкие шаги, и после минутной задержки,— очевидно, были необходимы какие-то поспешные приготовления,— дверь приоткрылась и выглянула Эста. В первую секунду она недоверчиво смотрела на Клайда, потом вскрикнула от удивления и немного смутилась; настороженность исчезла: Эста поняла, что перед нею в самом деле Клайд, и распахнула дверь.

— Клайд, ты? Как ты отыскал меня? А я только что о тебе думала!

Клайд обнял ее и поцеловал. Он тут же с неудовольствием и огорчением заметил, что она сильно изменилась: похудела, по-

бледнела, глаза ввалились, а одета ничуть не лучше, чем перед бегством. Она явно была чем-то взволнована и удручена. Клайд спрашивал себя, где же ее муж? Почему его здесь нет? Куда он девался? Клайд видел, что Эста рада свиданию с ним, но вместе с тем уловил в ее взгляде смущение и неуверенность. Губы ее приоткрылись, готовые улыбнуться ему и вымолвить слова привета, но по глазам было видно, что она старается решить какую-то нелегкую задачу.

— Я не ожидала, что ты придешь,— прибавила она быстро, когда он выпустил ее из объятий.— Ты не видел...— Она остановилась на полуслове, явно боясь проговориться.

— Да, конечно, я видел маму,— сказал он.— Поэтому я и узнал, что ты здесь. Я видел, как она вышла только что, и потом увидел тебя в окне (он не признался, что проследил, как мать пришла сюда, и подстерегал ее около часу). Но когда же ты вернулась? — продолжал он.— Почему ты никому из нас не давала о себе знать? Смотри, это просто значит задирать нос: исчезла на столько времени и никому ни звука! Все-таки ты могла бы написать мне два слова. Мы ведь всегда отлично ладили, правда?

Он смотрел весело, пытливо и настойчиво. Сестра старалась увернуться от ответа и не знала, что ей думать и что говорить. Наконец она сказала:

— А я не могла понять, кто это стучит. У меня здесь никто не бывает. Но как ты мило выглядишь, Клайд! У тебя прекрасный костюм. И ты очень вырос. Мама сказала мне, что ты работаешь в отеле «Грин-Дэвидсон».

Она с восхищением смотрела на него, и Клайд был очень тронут. Но в то же время он продолжал думать о ее состоянии. Он упорно разглядывал ее лицо, глаза, похудевшую фигуру. Взглянув еще раз на ее талию и осунувшееся лицо, он ясно понял, что с нею неладно. Она ожидает ребенка. И вновь подумал: где же ее муж, тот человек, с которым она сбежала? В своей первой записке она сообщала, по словам матери, что выходит замуж. Однако теперь он ясно понимал, что замуж она не вышла. Она покинута, брошена в этой жалкой комнате, одинока. Он видел это, чувствовал, понимал.

И тут же он подумал: в их злосчастной семье всегда так! Вот он только начинает жить самостоятельно, старается чего-то добиться, выйти в люди и приятно проводить время. И Эста тоже сделала такую попытку: она тоже старалась добиться чего-то лучшего — и вот чем все это кончилось! Он почувствовал тоску и обиду.

— Давно ты вернулась, Эста? — повторил он нерешительно, не зная, что говорить.

Он начал понимать, что, раз Эста оказалась в таком положении, встреча с нею грозит ему новыми расходами, волнениями и несчастиями,— и почти раскаивался в своем любопытстве. Зачем ему понадобилось прийти сюда? Теперь, конечно, придется помочь.

— Не так давно, Клайд, кажется, около месяца, не больше.

— Я так и думал: я видел тебя с месяц назад на углу Одиннадцатой и Балтимор-стрит. Верно? Конечно, это была ты,— прибавил он уже не так весело; эту перемену в его тоне сразу заметила Эста. Она кивнула в подтверждение.— Я был уверен, что это ты. Я сразу сказал маме, но она тогда не согласилась со мной. Впрочем, она вовсе не так удивилась, как я думал. Теперь я понимаю почему. Она вела себя так, словно не хотела, чтобы я говорил с ней об этом. Но я знал, что не ошибся.

Он посмотрел на сестру, гордый своей проницательностью, и замолчал, не зная, о чем еще говорить, и не совсем уверенный — был ли какой-нибудь смысл и значение в том, что он уже сказал. Вряд ли это могло помочь Эсте.

И она тоже не знала, как быть: промолчать о своем положении или признаться во всем. Надо что-то сказать, ведь Клайд и сам может понять, как ужасно ее состояние. Ей трудно было выносить его испытующий взгляд. И, думая не столько о матери, сколько о том, чтобы самой как-то выйти из затруднения, она наконец сказала:

— Бедная мама! Ты должен понять ее, Клайд. Она просто не знает, что делать. Конечно, это я виновата. Если б я не убежала, я бы не доставила ей столько хлопот. Она не привыкла иметь дело с такими вещами, и ей так трудно живется...

Эста вдруг отвернулась, плечи ее вздрагивали. Она низко опустила голову и закрыла лицо руками, и Клайд понял, что она беззвучно плачет.

— Ну, что ты, сестренка! — воскликнул Клайд, подходя ближе; в эту минуту ему было бесконечно жаль Эсту.— Что с тобой? Почему ты плачешь? Разве тот человек, с которым ты уехала, не женился на тебе?

Она покачала головой и зарыдала еще сильнее. И тут Клайд понял все психологическое, общественное и биологическое значение того, что произошло с сестрой. С ней случилась беда: она беременна, без денег и без мужа. Вот почему мать искала комнату, вот почему пыталась занять у него сто долларов! Она

стыдилась Эсты и ее положения, стыдилась не только того, что подумают посторонние, но и того, что подумает он сам, Джулия и Фрэнк, как может повлиять на них положение сестры,— ведь в глазах людей оно безнравственно, незаконно. И потому она от всех старалась скрыть историю с Эстой, рассказывала всякие небылицы,— это для нее, конечно, самое необычное и самое трудное. И все-таки она не достигла своей цели, ей явно не повезло.

Клайд был снова смущен и озадачен — не только положением сестры и тем, как оно может отразиться на нем и на других членах семьи в таком городе, как Канзас-Сити, но еще и поведением матери, не вполне безупречным и даже отчасти безнравственным, ибо она решилась пойти на обман. Она уклонилась от прямого ответа, если и не просто солгала: ведь она все время знала, что Эста здесь. И, однако, он не был склонен осуждать ее за это, вовсе нет. Ложь в этом случае, конечно, была необходимостью даже для такого набожного и правдивого человека, как его мать. Просто нельзя было допустить, чтобы это стало всем известно. Он, конечно, не хотел бы, чтобы посторонние узнали, что случилось с Эстой, и если бы мог — помешал бы этому. Что могут подумать люди? Что станут говорить о ней, да и о нем? Положение семьи и без того достаточно унизительно. И вот Клайд стоял растерянный и озабоченный и смотрел, как плакала Эста. Понимая, что это из-за нее он так озабочен и пристыжен, она плакала еще сильнее.

— Скверно,— помолчав, с беспокойством, но и не без сочувствия сказал Клайд.— Ты не убежала бы с ним, если бы не любила, правда? (Он думал о себе и Гортензии Бригс.) Мне очень жаль тебя, Эсс! Право, жаль. Но ведь слезами ничему не поможешь. Свет на нем клином не сошелся. Подожди, все будет хорошо.

— Ах, знаю,— всхлипывала Эста.— Но я была так глупа. И мне было так трудно. А теперь у мамы и у всех вас столько забот из-за меня...— Она всхлипнула. Потом, помолчав, прибавила: — Он уехал и оставил меня одну в Питсбурге, в отеле, совсем без денег. Если б не мама, не знаю, что бы я стала делать. Она прислала мне сто долларов, когда я ей написала. Одно время я работала в ресторане, пока могла. Я не хотела писать домой про то, что он меня бросил. Мне было стыдно. Но под конец мне ничего другого не оставалось,— я так скверно стала себя чувствовать...

Она опять заплакала, и Клайд, поняв, сколько мать делала для Эсты и как старалась помочь ей, жалел теперь мать почти

так же, как и сестру, и даже больше: ведь об Эсте заботится мать, а у матери, в сущности, нет никого, кто мог бы ей помочь.

— Я еще некоторое время не смогу работать,— продолжала Эста,— а мама не хочет, чтобы я теперь вернулась домой. Она не хочет, чтобы вы узнали — Джулия, или Фрэнк, или ты... Она права, я знаю, конечно права... но у нее ничего нет и у меня тоже... А мне здесь так одиноко иногда! — Ее глаза наполнились слезами, и она опять начала всхлипывать.— Я была такая глупая...

Клайд на мгновение почувствовал, что и сам готов заплакать. Жизнь порою бывает такая странная, такая тяжелая. Подумать только, как он мучился все эти годы! До самого последнего времени не видел ничего хорошего и всегда мечтал сбежать. А Эста сбежала — и вот что с ней случилось. Почему-то он вспомнил: на улице в центре города, среди огромных высоких зданий, перед отцовским органчиком сидит Эста и поет, и лицо у нее такое хорошее и невинное. Да, трудная штука жизнь! Как все-таки жестоко устроен мир! Как странно все складывается!

Клайд посмотрел на сестру, на эту комнату, сказал Эсте, что теперь она не будет одинока,— он будет приходить к ней, только пусть она не говорит матери, что он был здесь, и если ей что-нибудь понадобится, пусть позовет его, хотя он зарабатывает не так уж много... и, наконец, ушел. И по пути в отель, на работу, он продолжал думать о том, как все это печально и как жаль, что он пошел за матерью,— лучше бы ему ничего не знать. А впрочем, это все равно открылось бы. Мать не могла бы скрывать без конца. Наверно, ей опять пришлось бы просить у него денег. Но что за негодяй этот тип — удрал и оставил Эсту в чужом городе без единого цента! И он вдруг вспомнил о девушке, которую ее спутник бросил в отеле «Грин-Дэвидсон» несколько месяцев назад с неоплаченным счетом за комнату и за пансион. Тогда и ему, и его товарищам все это казалось таким смешным, возбуждало особый, чувственный интерес.

Но теперь это касается его сестры. С нею поступили так же, как и с той девушкой. И, однако, все это уже не кажется ему таким ужасным, как немного раньше, у Эсты, когда он слышал ее плач. Вокруг оживленный, сияющий город, полный людей, насыщенный энергией, а впереди — веселый отель, где он работает. Жизнь не так уж плоха. Кроме того, у него роман с Гортензией и всякие развлечения. Эста как-нибудь устроится. Она опять будет здорова, и все пойдет хорошо. Но подумать только, что у него такая семья! Вечно нужда, и ни малейшей предусмо-

трительности,— а потом получаются вот такие вещи — не одно, так другое... Проповедуют на улицах, и никогда не платят вовремя за квартиру, и отец продает коврики и часы, чтобы как-нибудь просуществовать... И Эста убегает из дому и потом возвращается в таком виде... Ну и ну!

ГЛАВА XIV

Вся эта история заставила Клайда серьезнее, чем когда-либо, задуматься над проблемой пола, и притом решать ее отнюдь не в общепринятом плане. Хотя он и осуждал возлюбленного Эсты, так безжалостно ее бросившего, но и сестру вовсе не считал безупречной. Она сбежала с ним. Как он теперь от нее узнал, этот человек за год до ее бегства провел неделю в Канзас-Сити и тогда-то с нею и познакомился. А через год, когда он снова приехал сюда на две недели, она сама его отыскала,— так, по крайней мере, подозревал Клайд. И не ему с его увлечением Гортензией Бригс и с его планами было думать, что отношения между полами сами по себе являются чем-то преступным и недозволенным.

Как он видел теперь, осложнения были вызваны не самим поступком, а последствиями легкомыслия или незнания. Ведь если бы Эста больше знала о человеке, которым увлекалась, и о том, что означает такая связь, она не очутилась бы теперь в таком жалком положении. Конечно, Гортензия Бригс, Грета и Луиза никогда не могли бы попасть в такую беду, как Эста. Или могли бы? Нет, они слишком предусмотрительны. И по сравнению с ними она проигрывала в его глазах. Она должна была бы устроиться умнее. И постепенно он начинал строже судить сестру, хотя и сочувствовал ей.

Но только одно теперь по-настоящему волновало, мучило, преображало Клайда — его безумное увлечение Гортензией; ничто не могло бы сильнее захватить юношу его возраста и его темперамента. После нескольких встреч Гортензия стала казаться Клайду воплощением всего, что он всегда мечтал найти в девушке. Она была такая живая, гордая, обаятельная и такая хорошенькая. В ее глазах, казалось ему, плясали огоньки. У нее была необыкновенно соблазнительная манера сжимать и вновь раскрывать губы, равнодушно глядя прямо перед собой, словно вовсе и не думая о Клайде, а его от этого бросало в жар и дрожь. В такие минуты он испытывал слабость и головокружение; по жилам, жестоко обжигая, пробегали огненные струйки,— это

было осознанное желание, мучительное и безысходное. Ибо в отношениях с Гортензией Клайд не мог пойти дальше объятий и поцелуев,— ему мешали сдержанность и уважение — как раз то, что Гортензия, в сущности, презирала в тех самых своих поклонниках, которым старалась внушить эти чувства. По-настоящему нравились ей молодые люди другого типа: способные, невзирая на ее напускную скромность и неприступность, принудить ее уступить, хотя бы даже против воли.

Гортензия все время колебалась в своем отношении к Клайду: он то нравился ей, то не нравился. Поэтому Клайд все время испытывал неуверенность,— и это доставляло Гортензии истинное наслаждение; она не давала Клайду возможности убедиться в ее равнодушии, чтобы он не мог окончательно от нее отказаться. Во время какой-нибудь вечеринки, обеда или спектакля, куда она позволяла ему повести себя, Клайд, как правило, держался особенно тактично, почти ничего не требуя,— и Гортензия вдруг становилась такой уступчивой и обольстительной, что это порадовало бы даже самого требовательного влюбленного. Так продолжалось до конца вечера. И вдруг у двери своего дома или дома какой-нибудь своей подруги, где она должна была ночевать, она поворачивалась и без всяких поводов и объяснений отсылала его после простого рукопожатия или небрежного поцелуя. И если в такие минуты Клайд бывал настолько сумасброден, что старался силой добиться от нее ласки, которой он так жаждал, она оборачивалась к нему с бешенством разъяренной кошки и вырывалась от него, испытывая в этот миг острую враждебность, происхождение которой сама едва ли понимала. Ей, видимо, была ненавистна мысль, что Клайд может ее к чему-то принудить. А он, без памяти влюбленный, не решался действовать энергичнее, так как слишком боялся потерять ее, и потому покорялся и уходил обычно в мрачном и подавленном настроении.

Но его так сильно влекло к ней, что он не мог долго оставаться вдали от нее и снова шел туда, где скорей всего можно было ее встретить. В самом деле, почти все эти дни, несмотря на странное напряжение, которое породила в нем встреча с Эстой, он жил острыми, сладкими и чувственными мечтами о Гортензии. Если бы только она и вправду полюбила его... Ночью, в постели, он думал о ней: ее лицо... выражение ее рта, глаз... линии ее тела, все ее движения, когда она идет или танцует... она мелькала пред ним, как на экране. В своих снах он ощущал ее восхитительную близость, она прижималась к нему, все ее дивное тело принадлежало ему, а затем, в последнее мгно-

венье, когда она, казалось, готова была уступить, он просыпался, и она исчезала... только призрак!

И, однако, некоторые обстоятельства, казалось бы, предвещали ему успех. Прежде всего, как и он сам, Гортензия была из бедной семьи — дочь машиниста, который едва-едва зарабатывал на жизнь. С детства у нее ничего не было, если не считать мишурных пустяков и безделушек, которые она сама себе добывала. Она принадлежала к такому низкому общественному слою, что до последнего времени не могла завести знакомства ни с кем, кроме мальчишек-подручных мясника или булочника, самых обыкновенных сорванцов из окрестных кварталов. Но даже и тут она быстро поняла, что может и должна извлекать выгоды из своей внешности и очарования,— и это ей вполне удавалось. Многие юнцы не останавливались даже перед воровством, лишь бы добыть денег для ее развлечений.

Когда она стала достаточно взрослой, чтобы поступить на службу, она завела знакомства с юношами и мужчинами того типа, который нравился ей, и скоро поняла, что, не идя на слишком большие уступки и действуя осторожно, может одеться куда лучше, чем прежде. Однако она была слишком чувственна и слишком любила наслаждения, а потому ей не всегда хотелось отделять выгоду от удовольствия. Напротив, часто ее по-настоящему влекло к тем, кого она просто собиралась выгодно использовать, и наоборот: она не могла заставить себя кокетничать с теми, кто ей не нравился.

Клайд почти не нравился ей, но она не могла противиться желанию его использовать. Ей было приятно, что он с такой готовностью покупал ей каждую мелочь, к которой она обнаруживала интерес: какую-нибудь сумочку, шарф, кошелек, перчатки — все, что она могла спокойно попросить или принять, не давая взамен никаких особых прав на себя. И, однако, с самого начала чутье подсказывало ей, что, если она, рано или поздно, не уступит, не даст ему той последней награды, которой он жаждет, она не сможет бесконечно его удерживать.

Одна мысль особенно не давала ей покоя: Клайд с такой готовностью тратит на нее деньги, что, пожалуй, можно получить от него и действительно ценные вещи,— скажем, красивое дорогое платье, или шляпу, или даже меховой жакет, вроде тех, какие стали теперь носить в городе, не говоря уже о золотых серьгах или ручных часиках,— она всегда с такой жадностью заглядывалась на все это, останавливаясь перед витринами магазинов.

Однажды, вскоре после того как Клайд нашел сестру, Гортензия проходила в обеденный час по Балтимор-стрит, недалеко

от того места, где ее пересекает Пятнадцатая улица и где находятся лучшие в Канзас-Сити магазины. С ней была Дорис Трайн, продавщица из того же универсального магазина, где служила и она. В окне небольшого и не первоклассного магазина меховых вещей Гортензия увидела жакет из недорогого бобра. Она сразу решила, что это — вещь, идеально подходящая к ее фигуре и цвету лица и совершенно необходимая для обогащения ее весьма скромного гардероба. Это был не такой уж дорогой жакет — возможно, около ста долларов, но зато именно такого фасона, который давал ей основание полагать, что он наилучшим образом подчеркнет все достоинства ее наружности. Взволнованная этой мыслью, она остановилась и воскликнула:

— Ну что за прелестный жакетик! Я никогда не видела ничего прелестнее! Нет, ты только посмотри на рукава, Дорис! — Она стиснула руку подруги.— Смотри, какой воротник! А подкладка! А карманы! Ах, боже мой! — Она даже слегка дрожала от волнения и восторга.— Он такой прелестный, что я и сказать не могу. Ну точно о таком жакете я мечтаю уж не знаю сколько времени. Ах ты, моя прелесть! — воскликнула она с нежностью, думая при этом столько же о том, как она выглядит в этой позе перед витриной и какое впечатление производит на прохожих, сколько и о самом жакете.— Вот бы мне такой жакет!

Она в восхищении всплеснула руками. Немолодой сын владельца магазина, Айсидор Рубинстайн, стоявший в эту минуту так, что она не могла его видеть, все это заметил и решил, что, если восторженная девица справится о цене жакета, можно будет набавить двадцать пять — пятьдесят долларов лишних. В магазине жакет был оценен в сто долларов. «Так, так»,— бормотал он. Но это был человек чувственный, склонный к романтике, а потому он стал размышлять о том, какой же может быть, мягко выражаясь, практическая стоимость этого жакета. На что способна пойти понуждаемая бедностью и тщеславием эта хорошенькая девушка, лишь бы получить такую обновку?

А тем временем Гортензия пожирала глазами жакет и потратила на это весь обеденный перерыв; потом пошла дальше, упиваясь честолюбивыми мечтами о том, как неотразима была бы она в таком наряде. Но она не зашла в магазин спросить о цене.

Поэтому на следующий день, чувствуя, что должна еще раз взглянуть на жакет, она снова пришла сюда, на этот раз одна; у нее и в мыслях не было, что она сама его купит. Она только спрашивала себя, как бы добыть эту вещь, если цена окажется

не очень высокой, и пока не могла ничего придумать. Но снова увидев в окне жакет, а также и мистера Рубинстайна-младшего, который смотрел на нее с самым любезным и добродушным видом, она рискнула войти.

— Вам понравился этот жакет, правда? — любезно спросил Рубинстайн, как только она открыла дверь.— Ну, значит, у вас хороший вкус. Это одна из самых благородных вещей, какие только бывали в нашем магазине. Что за красота! А как он будет выглядеть на такой хорошенькой девушке! — Он снял жакет с выставки и высоко поднял его.— Я видел вас вчера, когда вы стояли у витрины.

Глаза его блеснули жадным восхищением.

Заметив это, Гортензия почувствовала, что сдержанностью, но не суровостью, она добьется большего уважения и любезности, чем непринужденностью.

— Да? — только и ответила она.

— Да, конечно. Я сразу сказал себе: «Вот девушка, которая знает толк в вещах».

От этой лести Гортензия невольно смягчилась.

— Посмотрите-ка, посмотрите! — продолжал коммерсант, вертя перед нею шубку.— Где в Канзас-Сити вы найдете сейчас что-нибудь подобное? Взгляните на эту подкладку! Настоящий меллинсоновский шелк! А косые карманы! А пуговицы! Вы думаете, все эти мелочи не имеют значения? Другого такого жакета нет в Канзас-Сити. И не будет. Мы сами придумали этот фасон, а мы никогда не копируем наших моделей. Мы охраняем интересы наших покупательниц. Но пройдите сюда, прошу вас! — Он подвел ее к тройному зеркалу в глубине магазина.— Такой жакет должна носить красивая женщина,— вот тогда он будет выглядеть всего эффектнее. Позвольте примерить!

И при ярком искусственном освещении Гортензия убедилась, что она действительно очаровательна в этой шубке. Она вскидывала голову, изгибалась, поворачивалась во все стороны, прятала маленькое ухо в мех, а мистер Рубинстайн стоял рядом, глядя на нее с восхищением и чуть ли не потирая руки.

— Ну вот! — продолжал он.— Посмотрите! Ну, что вы теперь скажете? Я же говорил, что это как будто специально для вас сшито! Прямо находка! Настоящая удача. Второго такого жакета не найти во всем городе. Если найдете — я подарю вам этот.

Он подошел к ней совсем близко, протягивая толстые руки ладонями вверх.

— Да, признаюсь, он шикарно выглядит на мне,— сказала

Гортензия. Ее тщеславная душа изнывала от желания получить эту вещь.— Впрочем, мне любая шубка пойдет.— Она снова и снова поворачивалась перед зеркалом, совсем позабыв о Рубинстайне и о том, что ее откровенное восхищение жакетом может повлиять на цену. Потом прибавила: — А сколько он стоит?

— Ну, видите ли, настоящая цена этому жакету двести долларов,— хитро начал мистер Рубинстайн, но, заметив тень безнадежности, промелькнувшую на лице Гортензии, поспешно прибавил: — Это кажется огромной суммой, но мы и не запросим так дорого. Наша цена — полтораста. Вот если бы вы нашли такой жакет у Джерика, там вы заплатили бы все двести. Тут у нас маленькое помещение, не приходится платить большой аренды... А жакет стоит все двести, до последнего цента.

— Нет, это ужасная цена, просто жуткая! — печально воскликнула Гортензия и начала снимать жакет. Ей казалось, что у нее отнимают чуть ли не все самое дорогое в жизни.— У Бигса и Бека за эту цену сколько угодно жакетов — и бобровые и из норки, и тоже шикарные.

— Может быть, может быть. Но это все не то,— упрямо повторял мистер Рубинстайн.— Только взгляните на него еще раз. Взгляните на воротник! Неужели вы думаете, что найдете там такой жакет? Если найдете, я сам куплю его и отдам вам за сто долларов. Это совершенно исключительная вещь: копия одного из шикарнейших жакетов, которые продавались в Нью-Йорке перед началом сезона. Первоклассная вещь. Вам нигде не найти такого.

— Все равно, сто пятьдесят долларов я не могу заплатить,— грустно протянула Гортензия, надевая свой старый суконный жакет с меховым воротником и манжетами и направляясь к двери.

— Подождите! Вам нравится этот жакет? — рассудительно сказал Рубинстайн, решив, что и сто долларов непосильная цена для ее кошелька, если только его не пополнит какой-нибудь поклонник.— По-настоящему он стоит двести долларов. Я вам это прямо говорю. Наша цена — полтораста. Но раз уж вам так хочется получить эту вещь — ладно, я вам уступлю ее за сто двадцать пять. Это все равно что даром. Такая замечательная девушка, конечно, без труда может найти дюжину молодых людей, которые с радостью купят эту шубку ей в подарок. Я бы сам ее вам подарил, если б знал, что вы будете милы со мной.

Он весь расплылся в приятнейшей улыбке, и Гортензия, поняв смысл предложения и вознегодовав (потому что оно исходило именно от этого человека), слегка попятилась. В то же

время ей вовсе не был неприятен так ловко ввернутый комплимент. Но все же она не так вульгарна, чтобы позволять каждому встречному делать ей подарки. Ни в коем случае. Это можно позволить только тому, кто ей нравится, или, по крайней мере, тому, кто в нее влюблен.

Но с той самой минуты, как Рубинстайн заговорил об этом, она стала мысленно перебирать всех знакомых молодых людей, стараясь определить, кто из них под влиянием ее чар скорее всего мог бы купить для нее этот жакет. Чарли Уилкинс, например, из табачного киоска в «Орфии», по-своему, конечно, очень предан ей, но нипочем не сделает ценного подарка, не получив взамен дорогой награды.

Есть еще Роберт Кейн, очень высокий, очень веселый и очень внимательный молодой человек, служащий в местном отделении одной электрокомпании; но у него не очень-то доходная должность: он простой клерк. И к тому же он слишком бережливый и вечно думает о будущем.

Потом Берт Гетлер — тот самый, что сопровождал ее на танцы в вечер ее первой встречи с Клайдом; но это просто ветреный малый: он хорош для танцев, но на него нельзя положиться в таком трудном случае. Он только приказчик в магазине обуви, получает, вероятно, не больше двадцати долларов в неделю и рассчитывает каждый пенни.

Но есть еще Клайд Грифитс, у которого как будто в самом деле водятся деньги и который, кажется, готов, не раздумывая, тратить их на нее. Мысль Гортензии работала быстро. Как же ей сразу, без подготовки, выманить у Клайда такой дорогой подарок? — спрашивала она себя. Она была не слишком благосклонна к нему, чаще всего обращалась с ним холодно. Поэтому теперь она вовсе не была в нем уверена. И все же, пока она стояла здесь, в магазине, и размышляла о цене и красоте жакета, мысль о Клайде не покидала ее. А мистер Рубинстайн все смотрел на нее, смутно догадываясь о том, какого рода задача стоит перед ней.

— Вот что, крошка,— сказал он наконец.— Я вижу, вам хочется иметь этот жакет,— прекрасно... Я тоже хочу, чтобы он был у вас. И я вам сейчас скажу, что я могу для вас сделать. Этого я не сделал бы ни для одного человека во всем Канзас-Сити. Принесите мне сто пятнадцать долларов в ближайшие дни — в понедельник, среду или пятницу, и если жакет еще не будет продан, я отдам его вам. Даже больше того: я приберегу его для вас. Что вы на это скажете? До следующей среды или пятницы. Никто другой не сделал бы для вас этого.

Он самодовольно улыбался, пожимал плечами и показывал всем своим видом, что делает ей огромное одолжение. И Гортензия, уходя из магазина, была убеждена, что если... если только ей удастся получить этот жакет за сто пятнадцать долларов — это будет замечательно выгодная сделка! И вне всякого сомнения, она будет одета шикарней всех девушек в Канзас-Сити. Только бы ей как-нибудь достать сто пятнадцать долларов не позже ближайшей пятницы.

ГЛАВА XV

Гортензия хорошо знала, что Клайд все сильнее и сильнее жаждет добиться от нее той высшей благосклонности, которая,— в чем она никогда бы ему не созналась,— была привилегией двух других ее знакомых. Теперь при каждой встрече Клайд требовал, чтобы Гортензия сказала, как же она на самом деле к нему относится. Почему, если он хоть немножко нравится ей, она отказывает ему то в том, то в другом: не позволяет целовать себя, сколько он хочет, вырывается из его объятий. Она всегда держала слово, когда назначала свидания другим, и не являлась на свидания или вовсе отказывалась точно назначить день встречи, когда это касалось Клайда. В сущности, что у нее за отношения с другими? Может быть, кто-нибудь из них в самом деле нравится ей больше, чем Клайд? При каждом свидании возникал все тот же, лишь едва завуалированный, но самый важный вопрос об их сближении.

И Гортензии нравилось, что она заставляет Клайда непрестанно страдать от неудовлетворенных желаний, что она мучает его и что всецело в ее власти облегчить его страдания: некоторый садизм, основой для которого послужил мазохистский характер любви Клайда.

Однако теперь, когда ей непременно хотелось приобрести жакет, значение Клайда в ее глазах и ее интерес к нему стали возрастать. Лишь накануне утром Гортензия сообщила ему самым решительным тоном, что не может встретиться с ним раньше следующего понедельника, так как все вечера у нее заняты. Но теперь, когда перед ней встала проблема жакета, она начала старательно обдумывать, как бы ей немедленно устроить свидание с Клайдом и при этом не обнаружить своего нетерпения: она уже окончательно решила, что постарается, если будет возможно, уговорить его купить ей этот жакет. Конечно, ей для этого придется в корне изменить свое обращение с

ним: придется быть поласковее, пособлазнительнее. Хотя она еще и не призналась себе в том, что теперь, пожалуй, готова даже уступить его мольбам, именно такая мысль сверлила ее мозг.

Сперва она никак не могла придумать, что ей делать. Как повидаться с ним сегодня же или, самое позднее, завтра? Как внушить ему, что он должен сделать ей этот подарок или «дать взаймы», как она в конце концов назвала это про себя? Она намекнет ему, чтобы он дал ей взаймы сумму, нужную для покупки жакета, и пообещает постепенно выплатить долг. (Она прекрасно знала, что если только жакет будет у нее в руках, ей никогда не придется возвращать этот долг.) Или, если у Клайда не окажется сразу таких денег, она постарается убедить владельца магазина согласиться на рассрочку платежа, с тем чтобы Клайд уплатил эту сумму по частям. И ее мозг тотчас начал работать в новом направлении: как кокетством и лестью заставить мистера Рубинстайна согласиться на рассрочку на выгодных для нее условиях. Она вспомнила, как он сказал, что с радостью купил бы для нее жакет, если б знал, что она будет к нему благосклонна.

Сначала Гортензии пришел в голову такой план: она предложит Луизе Ретерер позвать сегодня вечером брата, Клайда и еще юношу по имени Скэл, который ухаживал за Луизой, в один дансинг, куда она обещала пойти с самым приятным своим поклонником — продавцом сигар. Теперь она не взяла бы его, а пошла бы одна с Луизой и Гретой, заявив, что ее кавалер заболел. Она могла бы уйти пораньше вместе с Клайдом и пройти с ним мимо магазина Рубинстайна.

Но у Гортензии был хитрый нрав паука, расставляющего для мух свои сети, и она сообразила, что Луиза может сказать Клайду или Ретереру, чья была затея позвать их сегодня в дансинг. И может случиться, что Клайд когда-нибудь упомянет при Луизе о жакете, а этого, конечно, никак нельзя допустить. Гортензия совсем не желала, чтобы ее друзьям стало известно, как она устраивает свои дела. Вот почему она решила не обращаться ни к Луизе, ни к Грете.

Она уже начала по-настоящему тревожиться, не зная, как устроить свидание с Клайдом, как вдруг увидела его самого. Возвращаясь домой с работы, он случайно проходил мимо магазина, где она служила, и зашел, чтобы условиться с нею о встрече в ближайшее воскресенье. К его величайшей радости, Гортензия приветствовала его самой очаровательной улыбкой и помахала рукой. В эту минуту она была занята с покупатель-

ницей. Но скоро она освободилась и, подойдя поближе и косясь на контролера своего отдела, не одобрявшего таких визитов, воскликнула:

— Я только что думала о вас. А вы? Вы не думали обо мне? О покупке потом.— И прибавила тихо: — Не подавайте виду, что говорите со мной: вон там наш контролер.

Пораженный необычной нежностью в ее голосе и ласковой улыбкой, которой она его встретила, Клайд сразу ожил и воспрянул духом.

— Думал ли я о вас? — весело сказал он в ответ.— Как будто я могу думать о ком-нибудь другом! Знаете, Ретерер говорит, что я на вас помешался.

— А, этот...— сказала Гортензия, сердито и презрительно надув губы, так как — странное дело! — Ретерер был одним из тех, кто ею не слишком интересовался, и она это знала.— Он воображает, что неотразим,— прибавила она.— А я знаю сколько угодно девушек, которым он не нравится.

— Нет, Том славный,— вступился Клайд, как и подобало верному другу.— Просто у него такая манера разговаривать. И вы ему нравитесь.

— Ну, уж нет,— возразила Гортензия.— Но я не желаю о нем говорить. Что вы делаете сегодня в шесть часов?

— Вот так раз! — с огорчением воскликнул Клайд.— Неужели вы сегодня свободны? Какая обида! Я думал, у вас заняты все вечера. Я сегодня работаю.

Он вздохнул, очень расстроенный мыслью, что Гортензия, как видно, хотела провести с ним вечер, а он не может воспользоваться этим счастливым случаем. Гортензия с удовольствием заметила, что он очень огорчен.

— Да, я обещала встретиться с одним человеком, но мне не хочется,— сказала она с презрительной гримаской.— Я должна встретиться с ним, но не пошла бы, если б вы были свободны.

Сердце Клайда учащенно забилось от восторга.

— Эх, если бы мне сегодня не работать! — сказал он, глядя на нее.— А вы не можете освободиться завтра вечером? Завтра я свободен. А сейчас я зашел вас спросить — хотите в воскресенье поехать с нами за город на автомобиле? Один друг Хегленда может достать «пакард», и в воскресенье днем мы все свободны. Хегленд хочет, чтобы я подобрал компанию, и мы съездим в Экселсиор-Спрингс. Он славный парень (это было сказано потому, что Гортензия как будто не слишком заинтересовалась этой идеей). Вы его мало знаете, но он в самом деле

славный. Ну ладно, я расскажу вам о нем как-нибудь после. А вот как насчет завтрашнего вечера? Я буду свободен.

Делая вид, будто показывает Клайду носовые платки (контролер снова проходил по отделу), Гортензия думала о том, как досадно, что нужно ждать еще двадцать четыре часа, прежде чем она сможет показать ему жакет и приняться за исполнение своего хитрого замысла. В то же время она дала понять, что ей очень трудно будет освободиться завтра, труднее, чем он может себе представить. Она даже притворилась, что не совсем уверена, захочет ли освободиться.

— Делайте вид, что выбираете платки,— тихо сказала она Клайду, опасаясь, как бы контролер не прервал их.— У меня на завтра уже есть приглашение. Не знаю, удобно ли отказаться,— продолжала она озабоченно.— Дайте подумать.

Она притворилась, что погружена в глубокое раздумье.

— Ну, ладно, кажется, я это устрою,— сказала она наконец.— Во всяком случае, постараюсь, так и быть, один раз можно. Приходите на угол Пятнадцатой и Главной в четверть седьмого,— нет, лучше в половине, хорошо? Я тоже постараюсь прийти. Не обещаю, но постараюсь; думаю, что мне удастся это устроить. Вы довольны?

Она подарила Клайду одну из самых обольстительных своих улыбок, и он был вне себя от счастья. Подумать только: наконец-то она ради него нарушает обещание, данное кому-то другому! Ее глаза ласково сияли, на губах играла улыбка.

— Верней верного! — воскликнул он, пуская в ход жаргон рассыльных из «Грин-Дэвидсон».— Конечно, приду, можете не сомневаться. А теперь попрошу вас об одном одолжении.

— О чем это? — спросила она, настораживаясь.

— Наденьте ту маленькую черную шляпку, знаете, с красными лентами... вы еще завязываете их под подбородком. Ладно? Вы просто восхитительны в ней!

— Ах вы, льстец вы этакий...— засмеялась Гортензия. До чего легко провести Клайда! — Хорошо, надену,— прибавила она.— А теперь уходите. Вот идет эта старая рыба. Я уж знаю, он будет ворчать. Только меня это мало трогает. Значит, в половине седьмого? Ну, пока!

Она повернулась к пожилой покупательнице, которая терпеливо ждала, чтобы спросить, где продают кисею. А Клайд, дрожа от счастья, что его неожиданно удостоили такой милости, в наилучшем настроении двинулся к ближайшему выходу. Он не проявил излишнего любопытства, не стал дознаваться, чем вызвана эта внезапная благосклонность.

А на следующий вечер, ровно в половине седьмого, освещенная дуговыми фонарями, дождем льющими свой яркий свет, на условленном месте появилась Гортензия. Клайд сразу же заметил, что на ней шляпка, которая ему так нравилась. И никогда еще он не видел ее такой обольстительной, оживленной, приветливой. Он хотел сказать ей, как она прелестна и как он счастлив, что она надела эту шляпку, но она уже начала:

— Ну, скажу я вам, похоже, что я намерена влюбиться в вас по уши! Нарушаю свои обещания, да еще надеваю для вашего удовольствия старую нелюбимую шляпу. И чем только это кончится?

Клайд просиял, точно одержав великую победу. Неужели она и впрямь наконец полюбит его?

— Если б вы только знали, Гортензия, до чего вы хороши в этой шляпке, вы бы никогда ее не снимали,— сказал он с восхищением.— Вы и не представляете себе, как вы в ней прелестны.

— Ну да? В этом старье? Вас нетрудно очаровать,— усмехнулась она.

— А ваши глаза — совсем как мягкий черный бархат,— с жаром продолжал он.— Удивительные глаза! — Он подумал о черных бархатных занавесях в одном уютном уголке в «Грин-Дэвидсон».

— Как у вас сегодня ловко выходит,— смеялась она, поддразнивая Клайда.— Придется что-то с вами сделать.

И прежде чем он успел ответить хоть слово, она стала рассказывать совершенно фантастическую историю о том, что она еще раньше обещала провести сегодняшний вечер с одним молодым человеком из общества по имени Том Кири, который давно ходит за ней по пятам, упрашивая пообедать и потанцевать с ним, и лишь сейчас вечером решила «отставить» его ради Клайда (на сей раз, по крайней мере). Она позвонила Кири по телефону и сказала, что не может встретиться с ним сегодня: просто отменила свидание — и конец. И все-таки, когда она уходила после работы, кто, по-вашему, ждал ее у служебного входа? Том Кири, собственной персоной, великолепно одетый, в светло-сером пальто реглан и в гетрах, и тут же стояла его закрытая машина. И он повез бы ее обедать в «Грин-Дэвидсон», если бы она только захотела. Вот это мужчина! Но она не захотела. Во всяком случае, не сегодня. Однако, если бы ей не удалось пройти мимо незамеченной, он, конечно, задержал бы ее... Но она первая увидела его и убежала другой дорогой.

— Видели бы вы, как я бежала! Мои ножки так и мелькали! — самовлюбленно описывала она свое бегство.

И Клайд был так ослеплен этой картиной и великолепием мистера Кири, что принял эту жалкую выдумку за чистую монету.

А затем они пошли по направлению к ресторану Гаспи, который, как совсем недавно узнал Клайд, считался лучше Фриссела. Гортензия то и дело останавливалась и заглядывала в витрины магазинов: ей необходимо подыскать себе зимний жакет, сказала она. Тот, что на ней, уже совсем износился, ей нужен новый. Это рассуждение заставило Клайда призадуматься: не намекает ли она, что именно он должен купить ей жакет? И не станет ли она уступчивей, если он купит для нее вещь, которая ей так необходима?

Вот и магазин Рубинстайна, и ярко освещенная витрина, и шубка во всей ее красе. В соответствии с заранее обдуманным планом Гортензия остановилась.

— Ах, посмотрите, что за прелесть этот жакетик! — воскликнула она, разыгрывая такое восторженное изумление, словно впервые увидела эту вещь и была внезапно поражена ею.— Видали вы когда-нибудь такую миленькую, прелестную, изящную шубку? — продолжала она, причем ее актерские таланты возрастали вместе с желанием получить жакет.— Вы только взгляните, какой воротник, рукава! А какие карманы! Просто поразительно! Мне ужасно хочется погреть в них руки!

Она исподтишка покосилась на Клайда, стараясь подметить, производит ли это на него должное впечатление.

А Клайд, возбужденный ее восторгом, с любопытством разглядывал жакет. Бесспорно, хорошенькая шубка, даже очень. Да, но сколько может стоить такая вещь? Может быть, Гортензия так расхваливает этот жакет для того, чтобы Клайд его купил? Но ведь это же, наверно, долларов двести, не меньше. Клайд понятия не имел, сколько стоят такие вещи. Ему это, конечно, не по карману. Особенно теперь, когда мать берет значительную часть его доходов для Эсты. Но что-то в тоне Гортензии убеждало его, что именно этого она от него ждет. Сначала он похолодел и чуть не лишился дара речи. И в то же время он с грустью говорил себе, что, если Гортензия захочет, она, конечно, найдет кого-нибудь, кто купит ей жакет,— хотя бы этот Том Кири, о котором она только что рассказывала. К несчастью, она именно из таких девушек. Если он не купит ей эту вещь, так купит кто-нибудь другой, и тогда она станет презирать Клайда за то, что он не смог сделать это для нее.

К его великому смущению и ужасу, она воскликнула:

— Чего бы я только не дала за такой жакет!

Она не собиралась в эту минуту прямо ставить вопрос: ей хотелось возможно тактичнее внушить Клайду мысль, которая глубоко засела в ее мозгу.

И как ни был Клайд неопытен и неискушен, он все же прекрасно понял значение ее слов. Это значит... это значит... в ту минуту он даже в мыслях не хотел точно формулировать, что это значит. Теперь... Теперь... если б только узнать цену этой вещи! Он понимал, что Гортензия обдумывает способ добыть жакет. Но как ему это устроить? Как? Если б только он мог купить этот жакет или хотя бы пообещать, что купит его, скажем, к определенному сроку (лишь бы он стоил не слишком дорого!). Но что тогда? Хватит ли у него храбрости намекнуть ей сегодня или, скажем, завтра, после того как он узнает цену жакета, что, если она согласится... тогда... ну тогда он купит ей этот жакет или что-нибудь еще, что ей только захочется. Но он должен быть уверен, что она не оставит его в дураках, как бывало в менее важных случаях. Нет, он не желает потратить деньги на жакет и ничего не получить взамен! Ни за что!

Эти мысли так волновали его, что он холодел и дрожал, стоя рядом с Гортензией. А она, глядя на жакет, думала, что если у Клайда не хватит ума так или иначе сделать ей этот подарок и догадаться, как именно она намерена расплатиться за него,— ну, тогда с ним будет покончено. Пусть не воображает, будто она станет тратить зря время с человеком, который не может или не хочет сделать это для нее. Ни за что!

Они пошли дальше, к Гаспи. И во время обеда Гортензия почти ни о чем больше не говорила, только об этой шубке: какая она миленькая и как великолепно она будет выглядеть на Гортензии.

— Можете мне поверить,— сказала она вызывающе, чувствуя, что Клайда одолевают сомнения,— уж я найду способ его приобрести, этот жакет. Они, верно, согласятся на рассрочку, если я поговорю с самим Рубинстайном и если первый взнос будет достаточно большой. Одна продавщица из нашего магазина именно так и купила пальто,— быстро сочинила она, надеясь, что это убедит Клайда ей помочь.

Но Клайд, в страхе перед непомерным расходом, не решался сказать ей, что же он намерен делать. Он совершенно не представлял себе, сколько стоит этот жакет: пожалуй, двести, даже триста долларов,— и боялся взять на себя обязательства, которых потом не сумеет выполнить.

— А вы не знаете, сколько может стоить такая вещь? — спросил он нервно, думая при этом, что если он даст ей деньги, не получив одновременно никакой гарантии с ее стороны,— какие у него будут основания ожидать взамен чего-то большего, чем все, что он получал до сих пор? Ведь она так умеет подъехать к нему, когда хочет получить какую-нибудь вещицу, а потом не позволяет даже поцеловать себя! Он краснел и внутренне негодовал, думая о том, как она уверена, что может играть им. И, однако, вспоминал он, ведь она сейчас сказала, что готова сделать все для того, кто поможет ей получить этот жакет,— кажется, так и было сказано.

— Н-не знаю.— Она сперва поколебалась, спрашивая себя, назвать ли настоящую цену жакета или немножко прибавить.

Если она попросит о рассрочке, мистер Рубинстайн может поднять цену. А если назвать слишком большую сумму, не откажется ли Клайд помочь?

— Но, конечно, не больше, чем сто двадцать пять долларов,— прибавила она.— Больше я бы не заплатила.

Клайд вздохнул с облегчением. Все-таки это не двести и не триста. Он подумал, что если она сумеет добиться посильных условий рассрочки,— скажем, первый взнос в пятьдесят или шестьдесят долларов,— то он как-нибудь соберет такую сумму в две-три недели. Но если надо уплатить сразу все сто двадцать пять долларов, Гортензии придется подождать, а кроме того, нужно точно и определенно знать, получит ли он настоящую награду.

— Прекрасная мысль! — воскликнул он, не объясняя, однако, чем она ему так нравится.— Почему бы и нет? Почему бы вам не узнать сперва, сколько они хотят за жакет и на каких условиях дадут рассрочку? Пожалуй, я мог бы вам помочь!

— Ох, это было бы просто чудесно! — Гортензия захлопала в ладоши.— Правда, поможете? Вот шикарно! Ну, теперь я знаю, что у меня будет жакет. Я знаю, мне дадут рассрочку, я уж сумею уговорить кого надо.

Как предвидел и опасался Клайд, она уже совершенно забыла, что сможет купить жакет только благодаря ему. Теперь все пойдет так, как он и думал. Он заплатит за жакет, а она примет это как должное.

Но через минуту, заметив, что он помрачнел, Гортензия прибавила:

— Вы ужасно милый, вы — душенька, что хотите помочь мне! Будьте уверены, я этого не забуду. Вот подождите и увидите. Вы не пожалеете! Только подождите!

Ее глаза искрились весельем и благосклонностью. Хоть он и слишком юн и мягок, зато не скряга, и она вознаградит его; это решено. Как только она получит жакет, через неделю, самое позднее через две — она будет очень мила с ним... кое-что для него сделает. И чтобы Клайд лучше понял, о чем она думает, она остановила на нем многообещающий взгляд, придав глазам самое нежное и томное выражение. От этой ее игры в романтику Клайд растерялся и стал нервничать. Он даже испугался немного, вообразив, что этот взгляд выдает бурную страстность, на которую он, возможно, не сумеет ответить. Теперь он чувствовал себя слабым перед Гортензией и немного трусил, представляя себе, что же такое ее настоящая любовь.

Тем не менее он заявил, что если жакет стоит не дороже ста двадцати пяти долларов и можно будет уплатить их в три срока (первый взнос двадцать пять долларов и затем два взноса по пятидесяти), то он возьмет это на себя. А Гортензия, со своей стороны, ответила, что завтра же все это выяснит. Может быть, мистер Рубинстайн согласится отдать ей жакет, как только она внесет первые двадцать пять долларов; или хотя бы в конце второй недели, когда будет уплачено почти все.

И когда они выходили из ресторана, Гортензия, по-настоящему благодарная Клайду, с кошачьим мурлыканьем шепнула ему, что она этого никогда не забудет,— он сам увидит... а жакет она наденет в первый раз для встречи с ним. Если он будет свободен, они пойдут куда-нибудь пообедать. И уж наверно жакет будет у нее ко дню прогулки в автомобиле; Клайд, или, вернее, Хегленд, как будто назначил эту прогулку на следующее воскресенье, но, может быть, ее еще отложат?

Гортензия предложила отправиться в дансинг и, танцуя, так недвусмысленно льнула к нему, что Клайд, чувствуя ее настроение, начал слегка дрожать и путаться в танце.

Наконец он пошел домой, в душе заново переживая весь этот день и радуясь, что сможет без труда уплатить первый взнос за жакет, даже если потребуется и пятьдесят долларов: подстрекаемый обещанием Гортензии, он решил занять двадцать пять долларов у Ретерера или Хегленда и вернуть этот долг после того, как за жакет будет уплачено сполна.

Но, ах, как хороша Гортензия! Что за прелесть, какое безграничное, неотразимое, покоряющее очарование от нее исходит! И подумать только, что наконец — и уже скоро — она будет принадлежать ему. Поистине осуществление грез — невероятное становится реальным!

ГЛАВА XVI

Верная своему обещанию, Гортензия на следующий день снова заглянула в магазин Рубинстайна и с присущей ей хитростью, со многими оговорками объяснила, что за трудная задача стоит перед нею. Нельзя ли ей как-нибудь получить жакет за сто пятнадцать долларов в рассрочку, на не слишком тяжелых условиях? Мистер Рубинстайн торжественно покачал головой. Здесь не продают в рассрочку. Если б он хотел вести дело таким образом, он оценил бы жакет в двести долларов и без труда получил бы их.

— Но я могу сразу же заплатить пятьдесят долларов, если вы дадите мне жакет.

— Очень хорошо. Но где гарантия, что я получу остальные шестьдесят пять, и когда я их получу?

— Через неделю вы получите двадцать пять, еще через неделю следующие двадцать пять и на третью неделю пятнадцать.

— Прекрасно. Но, предположим, вы возьмете у меня жакет, а на другой день вас задавит автомобиль. Что тогда? Как я получу мои деньги?

На это трудно было возразить. В самом деле, как она докажет, что кто-нибудь заплатит за ее жакет? И потом надо еще возиться с письменным обязательством и найти солидного человека,— скажем, банкира,— который за нее поручится. Нет, нет, в магазине Рубинстайна не торгуют в кредит. Здесь надо платить наличными. Вот почему ей уступают жакет за сто пятнадцать долларов, но — ни на доллар меньше. Ни на доллар!

Мистер Рубинстайн вздыхал и говорил, говорил. В конце концов Гортензия спросила: что, если она принесет ему семьдесят пять долларов наличными, а остальные сорок обязуется уплатить через неделю? Отдаст ли он ей тогда жакет, позволит ли забрать его?

— Но неделя... неделя... Ну что такое одна неделя? — убеждал мистер Рубинстайн.— Раз вы можете принести мне семьдесят пять долларов на следующей неделе или завтра, а следующие сорок через неделю или через десять дней, так почему бы вам не подождать неделю и не принести сразу все сто пятнадцать? Тогда жакет ваш — и никакого беспокойства. Оставьте жакет за собой. Заплатите мне завтра двадцать пять — тридцать долларов в счет суммы, и я сниму жакет с выставки и отложу его для вас. Никто даже не увидит его. Через неделю или две принесите мне остальное — тогда он ваш.

Мистер Рубинстайн объяснял все это как некий сложный процесс, едва доступный пониманию. Но его доводы были довольно основательны. Гортензии нечего было возразить. И она совсем приуныла. Подумать только, что она не может получить жакет сразу. Но, едва выйдя из магазина, она приободрилась. В конце концов, это время пройдет быстро, и, если Клайд сдержит свое обещание, жакет будет у нее. Главное теперь получить от Клайда эти двадцать пять — тридцать долларов и тем самым скрепить замечательную сделку с Рубинстайном. Только теперь ей к новому жакету нужна и новая шляпа, поэтому она скажет Клайду, что жакет стоит не сто пятнадцать долларов, а сто двадцать пять.

Результат разговора был сообщен Клайду, и он, обдумав эту сделку в целом, нашел ее вполне благоразумной. Он сразу вздохнул с облегчением: после предыдущего разговора с Гортензией он был серьезно озабочен, так как не видел никакой возможности достать на первую неделю больше тридцати пяти долларов. Следующая неделя будет несколько легче, уверял он себя, так как он постарается занять двадцать или двадцать пять долларов у Ретерера, еще двадцать или двадцать пять дадут ему чаевые, и в целом этого будет достаточно для второго платежа. А на третьей неделе он попробует занять хотя бы десять или пятнадцать долларов у Хегленда, может быть и больше, а если этих денег не хватит,— заложит за пятнадцать долларов свои часы, купленные несколько месяцев назад. За них, конечно, дадут не меньше пятнадцати: они стоили пятьдесят.

Да, но ведь есть еще Эста, которая сидит в этой жалкой комнатенке и ожидает несчастного исхода своего единственного романа. Как она справится со всеми расходами, невольно спрашивал он себя, хоть и боялся, что его втянут в денежные затруднения Эсты и всей семьи. Отец не способен помочь матери в денежных делах, да и никогда не помогал. Что, если эту нелегкую задачу попробуют взвалить на него, Клайда? Как он выпутается? И почему отец вечно канителится с торговлей часами и ковриками и проповедует на улицах? Почему родители не откажутся, по крайней мере, от затеи с миссией?

Но он знал, что семья не выпутается без его помощи. Подтверждение явилось в конце второй недели его соглашения с Гортензией. Он как раз одевался у себя в комнате, и в кармане у него лежали пятьдесят долларов, которые он хотел передать Гортензии в воскресенье; в это время к нему заглянула мать.

— Мне нужно поговорить с тобой, Клайд, прежде чем ты уйдешь,— сказала она.

Он заметил, что она очень озабочена. Правда, последние дни он чувствовал, что у нее какие-то серьезные огорчения. Однако в то же время он говорил себе, что у него сейчас слишком много обязательств и ему нечем помочь матери. Помочь ей — значит потерять Гортензию. Он не может на это пойти!

Но какие разумные оправдания можно привести, отказывая матери в небольшой помощи, тем более, что он так хорошо одет и так упорно исчезает по вечерам из дому? Он постоянно ссылается на неотложную работу в отеле, но, вероятно, мать не очень обманывается на этот счет. Правда, только два месяца назад он обязался платить в течение девяти недель по десять долларов в неделю вместо пяти, и платит. Но это, наверно, только доказало матери, что у него есть лишние деньги, хотя он и пытался объяснить ей тогда, насколько этот расход для него стеснителен. А теперь он и хотел бы пойти навстречу матери, но не может,— препятствует неодолимое влечение к Гортензии.

Немного спустя Клайд вышел в гостиную, и мать, как обычно в таких случаях, повела его к одной из скамей в помещении миссии, холодном и мрачном в те дни.

— Я не думала, что мне придется говорить с тобой об этом, Клайд, но у меня нет другого выхода. Мне не на кого больше положиться, а ты теперь взрослый мужчина. Только ты должен обещать, что никому ничего не скажешь,— ни Фрэнку, ни Джулии, ни отцу. Я не хочу, чтобы они знали. Эста вернулась в Канзас-Сити, она в очень печальном положении, и я просто не знаю, как с ней быть. У меня так мало денег, а отец мне уже почти не помощник.

Она устало и озабоченно провела рукой по лбу, и Клайд уже знал, что за этим последует.

Сперва он хотел сделать вид, что не знает о возвращении Эсты, раз уж он так долго притворялся. Но теперь, выслушав признание матери и зная, что, если он хочет лгать и дальше, надо притвориться удивленным, он вдруг сказал:

— Да, я знаю.

— Знаешь? — с удивлением переспросила мать.

— Да, знаю,— повторил Клайд.— Я видел, как ты раз утром зашла в дом на Бодри-стрит, я случайно проходил там,— объяснил он довольно спокойно.— А потом я увидел Эсту; она выглянула из окна. И когда ты ушла, я зашел к ней.

— Когда же это было? — спросила миссис Гриффитс просто для того, чтобы выиграть время.

— Месяца полтора назад, если не ошибаюсь. Я потом еще раза два к ней заходил. Но Эста не хотела, чтобы я об этом рассказывал.

Миссис Грифитс сокрушенно вздохнула.

— Значит, ты знаешь, в чем ее несчастье? — спросила она.

— Да,— ответил Клайд.

— Что ж, чему быть, того не миновать,— сказала она покорно.— Ты ничего не говорил Фрэнку и Джулии?

— Нет,— успокоил ее Клайд, думая о том, как неудачно окончилась попытка матери скрыть случившееся.

Она, как и отец, совсем не умела лгать. Клайд полагал, что сам он куда хитрее их обоих.

— Ты и не говори им,— строго предупредила мать.— Им, по-моему, не следует знать об этом. И без того плохо,— прибавила она, и рот ее искривила горькая гримаса.

А Клайд слушал ее и думал о себе и о Гортензии.

— Подумать только,— прибавила мать, помолчав, и глаза ее затуманились печалью,— что Эста навлекла на себя и на всех нас такое горе. Разве есть тут наша вина? Разве не дано ей было совсем иное воспитание? «Путь грешника...»

Она покачала головой и крепко стиснула руки, а Клайд смотрел прямо перед собой, думая о тяжелом положении семьи и о том, как все это может отразиться на нем самом.

Мать сидела, угнетенная и смущенная своей странной ролью в этой истории. Да, она лгала, как лгут многие. И вот Клайду известны все ее хитрости и обманы, и она чувствует себя такой фальшивой и глупой. Но разве она не старалась оберечь Клайда от всего этого — и его и остальных? Клайд уже достаточно взрослый, чтобы ее понять. Однако она продолжает объяснять, почему она так поступила, как ужасно все это для нее. И к тому же, поясняет она, эти прискорбные события вынуждают ее теперь обратиться к нему за помощью.

— Эста скоро будет очень больна,— сказала мать отрывисто, с чувством неловкости: она, видимо, не могла или не хотела смотреть в лицо Клайду, но в то же время решила быть по возможности откровенной.— Ей понадобится доктор и кто-нибудь, кто сможет побыть с ней в часы, когда меня не будет. Мне необходимы деньги, по крайней мере, пятьдесят долларов. Ты не достанешь где-нибудь? Попроси у кого-нибудь из твоих новых друзей в долг, на несколько недель. Ты ведь мог бы скоро вернуть этот долг. Пока не расплатишься, можешь ничего не давать мне за комнату.

Она таким неотступным, таким требовательным взглядом смотрела на Клайда, что он был потрясен силой и убедительностью этой просьбы. И, прежде чем он успел усугубить тревожную печаль, омрачавшую ее лицо, она прибавила:

— Те, другие деньги, были тоже для нее, понимаешь, чтобы она могла приехать сюда, после того как ее... ее...— Она колебалась в выборе слова, но потом докончила: — муж оставил ее в Питсбурге. Должно быть, она рассказала тебе об этом?

— Да, рассказала,— медленно и печально ответил Клайд. Конечно, положение Эсты совершенно критическое, раньше он просто не хотел об этом думать.— Но как же быть, мама! — воскликнул он. Его мучила мысль о лежавших в кармане пятидесяти долларах (как раз та сумма, которая нужна матери) и о том, для чего они предназначены.— Не знаю, смогу ли я что-нибудь сделать. На работе я всех еще так мало знаю, мне не у кого просить взаймы. Да они и зарабатывают не больше моего. Я мог бы занять немного, только это не очень удобно.

Он запнулся, в горле у него пересохло. Нелегко ему было солгать матери. Ему никогда еще не случалось лгать в таком серьезном деле — и лгать так низко. Ведь пятьдесят долларов в эту минуту здесь, у него в кармане. С одной стороны Гортензия, с другой — мать и сестра, и деньги эти могут выручить мать, точно так же как Гортензию, но насколько было бы достойнее помочь матери! Как ужасно — не помочь! И как он мог отказать ей? Клайд нервно облизнул губы и провел рукой по лбу: от волнения лицо его покрылось потом. Он чувствовал себя измученным, низким, беспомощным перед тем, что произошло.

— А у тебя самого сейчас не найдется немного денег для меня? — Мать почти умоляла.— Эсте в ее положении необходимы разные вещи, а купить не на что.

— Нет, мама, у меня ничего нет,— сказал он, взглянул на мать, сгорая от стыда, и тотчас отвел глаза; и если бы мать не была так рассеянна в эту минуту, она увидела бы по его лицу, что он лжет.

Клайд ощутил острую боль: он и жалел себя, и вместе с тем презирал, потому что мучился за мать. О том, чтобы отказаться от Гортензии, нечего и думать. Она должна принадлежать ему. Но мать так одинока и беспомощна. Это постыдно. Он в самом деле низок, подл. Не будет ли он впоследствии за это наказан?

Он пытался придумать что-то, какой-нибудь способ достать еще немного денег сверх этих пятидесяти долларов. Если бы только у него было чуть больше времени, еще недели две-три! Если бы Гортензия не затеяла покупку этого жакета как раз теперь!

— Вот что я могу сделать,— сказал он, бессмысленно и тупо глядя на мать, которая только горестно вздыхала.— Пять долларов тебе хоть немного помогут?

— Что ж, и это пригодится,— ответила она.— Все-таки лучше, чем ничего.

— Ладно, пять долларов я могу дать,— сказал Клайд, думая возместить эти деньги из новых чаевых и надеясь, что неделя будет удачной.— На той неделе я, может быть, достану еще десять. Сейчас не могу обещать наверняка. Мне пришлось занять часть тех денег, которые я дал тебе в тот раз, и я еще не все вернул. Если я начну опять просить взаймы, могут подумать... ты же знаешь, как смотрят на такие вещи.

Мать вздохнула. Какое несчастье, что приходится взваливать на сына такую обузу! И как раз в такое время, когда он старается выбиться в люди. Как он будет вспоминать об этом впоследствии? Что подумает о ней, об Эсте, о всей семье? Несмотря на все свое честолюбие, смелость и упорное стремление к самостоятельности, Клайд всегда казался ей недостаточно крепким физически, недостаточно устойчивым морально и умственно. И он так нервен и чувствителен, что порою кажется, будто пошел скорее в отца, чем в нее. Обычно он так легко возбуждается, так быстро устает... все это не слишком полезно и хорошо. И вот она сама — из-за Эсты, из-за мужа, из-за всей их неудачной жизни — заставляет его напрягать силы и нервы.

— Ну, что же... на нет и суда нет,— сказала она.— Постараюсь найти какой-то другой выход.

Но в эту минуту она не видела выхода.

ГЛАВА XVII

В планах относительно поездки на автомобиле, которую Хегленд при помощи своего друга шофера думал устроить в воскресенье, произошли перемены. Машину — великолепный дорогой «пакард», не что-нибудь — нельзя было взять в условленный день. Ею можно будет воспользоваться только в ближайший четверг или пятницу, или уж придется совсем отказаться от поездки.

Всем еще раньше объяснили,— это была только часть истины,— что машина принадлежит некоему мистеру Кимбарку, старому и очень богатому джентльмену (он в это время путешествовал по Азии). Но истина заключалась в том, что приятель Хегленда, Спарсер, был вовсе не шофером, а просто бездельни-

ком, беспутным сыном управляющего одной из молочных ферм мистера Кимбарка. Этому молодцу очень хотелось изобразить из себя нечто большее, чем сына простого управляющего фермой; временно заменяя сторожа и потому имея доступ в гараж, он решил взять самую лучшую машину и покататься на ней.

Хегленд подал мысль устроить вместе с друзьями по отелю какую-нибудь веселую прогулку. Но когда все уже были приглашены, пришло известие о скором приезде мистера Кимбарка; и Уиллард Спарсер, опасаясь, как бы хозяин не застал его врасплох, решил, что, пожалуй, больше не стоит пользоваться машиной. Когда же он рассказал о неожиданном препятствии Хегленду, нетерпеливо мечтавшему об этой поездке, тот отверг все доводы Спарсера. Почему бы не воспользоваться автомобилем еще разок? Он уже взбудоражил всех своих друзей, и ему не хотелось бы их разочаровывать. И поездку назначили на пятницу, когда Хегленд и его друзья будут свободны от полудня до шести вечера. А так как у Гортензии были теперь свои расчеты, она согласилась сопровождать Клайда, который, разумеется, тоже был в числе приглашенных.

Но, как пояснил Хегленд Ретереру и Хигби, машину берут без согласия владельца, поэтому лучше встретить ее где-нибудь подальше, на одной из тихих улиц вблизи Семнадцатой и Западного проспекта; оттуда они направятся к месту, где удобнее встретить девушек, а именно к Двадцатой и Вашингтон-стрит. Дальше поедут по Западной парковой дороге через мост Ганнибала в направлении на северо-восток к Гарлему, Северному Канзас-Сити, Майнавилу и через Либерти и Мосби к Эксельсиор-Спрингс. Главной целью их поездки была маленькая, открытая круглый год гостиница «Вигвам», что в миле или двух от Экселсиора; «Вигвам» был одновременно и рестораном, и дансингом, и отелем. Тут можно было танцевать под граммофон и пианолу. Сюда нередко приезжали компании молодежи; Хегленд и Хигби уже не раз бывали в «Вигваме» и уверяли, что это превосходное местечко. Кормят хорошо, дорога прекрасная. Около дома протекает маленькая речка: летом там можно кататься на лодке и удить рыбу, а зимой, когда речка замерзает,— бегать на коньках. Правда, сейчас — в январе — дорога засыпана снегом, но проехать не трудно, и кругом очень красиво. Неподалеку от Экселсиора есть маленькое озеро, замерзающее в это время года, и, по мнению неуемного фантазера Хегленда, там можно покататься.

— Послушайте только, что он предлагает: тратить драгоценное время на какие-то коньки! — цинично заметил Ретерер:

с его точки зрения, смысл прогулки заключался отнюдь не в спортивных развлечениях, а только в ухаживании за спутницами.

— А ну, к черту! Никакой хорошей идеи нельзя предложить, сразу зубы скалят,— возмутился автор идеи.

Единственный из всей компании, кто, кроме Спарсера, терзался опасениями, как бы поездка не кончилась плохо, был Клайд. С самого начала, узнав, что машина принадлежит не Спарсеру, а его хозяину, Клайд расстроился и даже возмутился. Он против того, чтобы брать чужую вещь, хотя бы даже только на время! Мало ли что может случиться. Их могут изобличить.

— А ты не думаешь, что нам опасно ехать на этой машине за город? — спросил Клайд Ретерера за несколько дней до прогулки, когда окончательно понял, каким путем они получают автомобиль.

— А что тут такого? — ответил Ретерер; он уже привык к таким проделкам, и они его мало беспокоили.— Ведь не я беру машину и не ты. Если Спарсер хочет взять ее, так это его дело,— верно? Раз он пригласил меня прокатиться, я поеду. Почему бы нет? Мне нужно только одно — вернуться вовремя. Остальное меня мало трогает.

И Хигби, подошедший к ним в эту минуту, высказался в том же духе. Но Клайд все-таки беспокоился. Вдруг из этой затеи выйдет что-нибудь неладное, тогда его еще, пожалуй, уволят. Но прокатиться вместе с Гортензией и другими девушками и приятелями в такой прекрасной машине было слишком соблазнительно: он не мог устоять перед искушением.

В пятницу, тотчас после полудня, все приглашенные собрались в условленных местах: Хегленд, Ретерер, Хигби и Клайд — на углу Семнадцатой и Западного проспекта; Майда Акселрод — подружка Хегленда, Люсиль Николас — подружка Ретерера и Тина Когел — подружка Хигби, которая привела с собой Лору Сайп (Лора предназначалась в дамы Спарсеру),— на углу Двенадцатой и Вашингтон-стрит. А Гортензия в последнюю минуту известила Клайда, что ей нужно зайти домой, и просила заехать за ней на угол Сорок девятой и Дженеси-стрит; компания согласилась на это не без воркотни.

Стоял конец января; день был серый, низкие облака грозили снегопадом, а так приятно и интересно смотреть на падающий снег, когда сидишь в закрытой машине, и потому всем очень хотелось полюбоваться этим зрелищем.

— Вот бы хорошо! — воскликнула Тина Когел, когда кто-то сказал, что может пойти снег.

— О, я обожаю смотреть, как падает снег! — подхватила Люсиль Николас.

Машина понеслась по Уэст-Блаф-Роуд, Вашингтон-стрит и Второй, переехала через мост Ганнибала, миновала Гарлем и понеслась дальше берегом реки,— извилистой дорогой, вдоль которой, точно на страже, стояли холмы,— к Рэндолфским высотам, а затем мимо Мосби и Либерти. Здесь дорога стала лучше. Мелькали живописные домики и покрытые январским снегом холмы.

Клайд, который за всю свою жизнь в Канзас-Сити ни разу не ездил дальше Канзаса, расположенного к западу от Канзас-Сити, или дальше девственных лесов Суоп-парка на востоке, равно как и не ездил вдоль рек Канзас или Миссури дальше местечка Аргентина или дальше Рэндолфских высот,— был в восторге; эта поездка казалась ему настоящим путешествием. Это было так не похоже на привычные будни. И Гортензия была весела, благодушно настроена. Она уютно устроилась рядом с ним и не запротестовала, когда Клайд, видя, что остальные обняли своих спутниц, тоже обвил ее стан рукой и привлек поближе к себе. Наоборот, взглянув на Клайда, она сказала:

— Кажется, мне придется снять шляпу.

Все засмеялись. В Гортензии была какая-то пикантная живость, порою очень забавная. Кроме того, она причесалась по-новому, это ей очень шло, и ей не терпелось показать всем свою новую прическу.

— А потанцевать там где-нибудь можно? — спросила она, не обращаясь ни к кому в отдельности.

— Верней верного! — сказал Хигби, который уже убедил Тину Когел тоже снять шляпу и крепко прижал девушку к себе.— Там есть пианола и граммофон. Жаль, я не сообразил взять свой кларнет. Я умею играть «Дикси».

Машина с головокружительной скоростью неслась по заснеженной дороге, среди белых полей. Спарсер, воображая себя опытным шофером, а также в данную минуту и подлинным владельцем машины, хотел испытать, с какой скоростью он может вести ее по такой дороге.

Темные виньетки лесов мелькали справа и слева. Проносились мимо поля, стражи дороги — холмы вздымались и спадали, как волны. Мелькнуло пугало, стоявшее у самого края дороги: широкие рукава его трепал ветер, полусгнивший цилиндр съехал набок. С поля поднялась стая ворон и полетела к дальнему лесу — его темные неровные очертания едва виднелись на фоне снежных просторов.

Спарсер сидел за рулем с таким видом, словно вести эту великолепную машину для него самое обычное дело; рядом с ним сидела Лора Сайп. Он, в сущности, больше интересовался Гортензией, но пока что считал своим долгом оказывать некоторое внимание Лоре. Чтобы не уступить остальным в галантности, он одной рукою обнял ее, а другой продолжал править — фокус немало испугавший Клайда, который все еще сомневался, благоразумно ли было вообще брать чужую машину. При такой быстрой езде все они рискуют погибнуть. Гортензию занимало лишь одно: что Спарсеру она явно нравится, хоть он пока и должен волей-неволей ухаживать за Лорой. И когда он обнял Лору и свысока спросил ее, часто ли она каталась на автомобиле по окрестностям Канзас-Сити, Гортензия только улыбнулась про себя.

Но Ретерер, заметив жест Спарсера, подтолкнул локтем Люсиль Николас, а та, в свою очередь, толкнула Хигби, чтобы привлечь его внимание к лирической сценке на переднем сиденье.

— Ну, что, Уиллард, вы там недурно устроились? — дружелюбно окликнул Ретерер Спарсера.

— Очень даже,— весело ответил Спарсер, не оборачиваясь.— Тебе хорошо, детка?

— Великолепно,— ответила Лора.

А Клайд подумал, что Гортензия красивее всех этих девушек,— ни одна не может сравниться с нею. В этот день на ней было красное платье с черной отделкой и темно-красная, в тон платью, шляпа с большими полями. А на левой щеке, как раз под маленьким накрашенным ртом она прилепила крошечную черную мушку в подражание какой-то кинокрасавице. Собираясь на эту прогулку, она решила затмить всех девушек и теперь чувствовала, что ей это удалось. И Клайд был совершенно согласен с нею.

— Вы здесь лучше всех,— прошептал он, нежно обнимая ее.

— А вы, милый мальчик, тоже умеете подмазываться, когда захотите,— сказала она громко, и все засмеялись.

Клайд слегка покраснел.

За Майнавилом через шесть миль дорога свернула в лощину; тут была деревенская лавка, и Хегленд, Хигби и Ретерер вышли из машины, чтобы купить конфет, папирос, мороженого и фруктовой воды. Затем проехали Либерти и в нескольких милях от Экселсиор-Спрингс увидели «Вигвам», оказавшийся просто старым двухэтажным коттеджем, прижавшимся к небольшому холму. Правда, к старому дому примыкала новая, более вместительная одноэтажная пристройка; тут помещались сто-

ловая, зал для танцев и в конце его за перегородкой — бар. В большом камине весело пылал огонь. Внизу, в лощине по ту сторону дороги, виднелась речка Бентон, попросту ручей, теперь покрытый прочным льдом.

— Вот вам и речка! — весело крикнул Хигби, помогая Тине Когел выйти из машины. По дороге он несколько раз прикладывался к своей фляжке и заметно повеселел.

Компания приостановилась, чтобы полюбоваться ручьем, застывшим в извилистых, поросших деревьями берегах.

— Говорил я, что надо захватить коньки и покататься,— вздохнул Хегленд.— Не послушали меня. Ну, да уж ладно...

В это время Люсиль Николас увидела отблеск огня в маленьком окошке «Вигвама» и закричала:

— Смотрите, там у них камин!

Машину отвели в гараж и затем всей гурьбой вошли в гостиницу; Хигби тотчас пустил в ход большой, грохочущий и дребезжащий граммофон-автомат, бросив в него пятицентовую монету. Соперничая с ним, Хегленд подбежал к другому граммофону, стоявшему в углу, и поставил первую попавшуюся пластинку — «Серый мишка».

При первых звуках хорошо знакомой мелодии Тина Когел крикнула:

— Давайте скорее танцевать! Только пусть замолчит вторая шарманка!

— Замолчит, когда кончится завод,— смеясь, ответил Ретерер.— Эту штуку можно остановить только одним способом: не кормить ее пятицентовиками.

Вошел официант, и Хигби стал спрашивать, кто что будет есть. Тем временем Гортензия, желая покрасоваться перед всеми, вышла на середину комнаты и прошлась, подражая походке медведя, поднявшегося на задние лапы, как того требовал танец. Она проделала это очень забавно и грациозно. Спарсеру давно уже хотелось привлечь ее внимание, и теперь, видя ее одну посреди комнаты, он пошел за нею, повторяя ее движения. Гортензия оценила его ловкость, притом ей не терпелось потанцевать; она быстро оставила свою забаву, обернулась к Спарсеру — и они заскользили в уанстепе.

Клайд, которого никак нельзя было назвать хорошим танцором, мгновенно ощутил жгучую ревность. Он так страстно стремился к Гортензии, а она покинула его в самом начале веселья,— это просто нечестно! Но Гортензия уже заинтересовалась Спарсером,— он-то, по-видимому, не такой неискушенный новичок,— и, не обращая внимания на Клайда, продолжала танцевать с но-

вым поклонником, чьи движения так приятно гармонировали с ее собственными. Остальные не пожелали отстать. Хегленд тотчас пригласил Майду, Ретерер танцевал с Люсиль, Хигби — с Тиной Когел. Клайду осталась Лора Сайп, которая ему не особенно нравилась. Она была далеко не красавица: толстая, с широким невыразительным лицом и маленькими слащавыми голубыми глазками. Клайд не был искусным танцором, и они с Лорой танцевали простой уанстеп, тогда как другие выделывали сложные фигуры.

Клайд с тоскливым бешенством заметил, что Спарсер, продолжая танцевать с Гортензией, крепко прижал ее к себе и смотрит ей прямо в глаза. И она это позволяет. Клайд почувствовал вдруг свинцовую тяжесть под ложечкой. Неужели она флиртует с этим мальчишкой-выскочкой, который только тем и хорош, что достал автомобиль! А ведь она обещала быть ласковой с ним. Клайд начал догадываться, что она ветрена и совершенно к нему равнодушна. Ему хотелось что-то предпринять: оставить Лору, увести Гортензию от Спа́рсера... но ничего нельзя было сделать, пока не кончится пластинка.

В это время появился официант с подносом и расставил на трех сдвинутых вместе столиках коктейли, фруктовую воду и сэндвичи. Все перестали танцевать и направились к столам,— все, кроме Спарсера и Гортензии. Клайд мгновенно отметил это. Бессердечная кокетка! Она вовсе и не думает о нем! А ведь совсем недавно она старалась уверить его в противном и заставила помочь ей с этим жакетом. Пусть отправляется к дьяволу. Он ей покажет! А он-то старался услужить ей... Но всему есть границы.

Наконец, видя, что все уже собрались вокруг столов, придвинутых к камину, Спарсер и Гортензия тоже перестали танцевать и присоединились к остальным. Клайд, бледный и угрюмый, стоял в сторонке, притворяясь равнодушным. Лора, которая давно уже заметила его ярость и догадалась, в чем дело, оставила его, подошла к Тине Когел и рассказала, почему Клайд так зол. Тогда и Гортензия заметила наконец мрачный вид Клайда и подошла к нему все той же танцующей «медвежьей» походкой.

— Вот весело, правда? — начала она.— Ужасно люблю танцевать под такую музыку.

— Вам-то, конечно, весело,— ответил Клайд, терзаясь завистью и досадой.

— А в чем дело? — спросила она негромко и почти обиженно, притворяясь, будто не понимает, хотя прекрасно знала, почему он злится.— Неужели вы сходите с ума потому, что я танцевала со Спарсером? Как глупо! Почему вы не подошли

раньше и не пригласили меня? Не могла же я отказать ему, когда он уже был рядом!

— Ну конечно, не могли,— ответил Клайд язвительно, но тоже понизив голос: он, как и Гортензия, не хотел, чтобы остальные слышали их разговор.— А зачем вы прижимались к нему и смотрели ему в глаза? — Он был взбешен.— Не спорьте, я все видел.

Гортензия удивленно взглянула на него, не только потому, что поразилась его резкостью, но и потому, что он впервые заговорил с ней так. Видно, стал слишком уверен в себе. Она была чересчур мила с ним. Но сейчас не время показывать ему, что он вовсе не так интересует ее, как она уверяла,— ведь ей хочется получить жакет, и они уже обо всем условились.

— Ну, знаете, это невыносимо,— сказала она сердито. Больше всего ее злило, что он прав.— Вы еще и ворчите. Чем я виновата, что вы вздумали ревновать! Я только потанцевала с ним немножко. Я не знала, что вы станете беситься.

Она уже собиралась отойти, но снова подумала об их уговоре; нужно как-то задобрить Клайда, иначе дело не выгорит. Она потянула его за лацкан пиджака, чтобы отвести подальше, так как остальные уже наблюдали за ними и прислушивались.

— Ну, поймите же. Не надо так ворчать и дуться. Я ничего плохого не сделала. Честное слово. Теперь все так танцуют, и это ничего не значит. Разве вы не хотите, чтобы я была мила с вами? Помните, что я вам говорила?

И она посмотрела ему прямо в глаза рассчитанно-нежно и многообещающе, точно он был здесь единственным, кто ей по-настоящему нравился. И обдуманно, с совершенно определенным намерением, она сделала свою обычную гримаску, приоткрыв рот и чуть выпятив губы, как будто хотела поцеловать его. Эта гримаска доводила Клайда до безумия.

— Ну, ладно,— сказал он, глядя на нее покорно и просительно.— Наверно, я глуп. Но я ведь все видел. Вы же знаете, Гортензия, я с ума схожу, я просто вне себя! И ничего не могу поделать. Иной раз мне хочется от этого избавиться. Не быть таким дураком.

Он печально смотрел на нее. А она, ясно представляя себе, как велика ее власть над Клайдом и как легко им вертеть, сказала:

— Ну... не надо, не надо так, будьте паинькой,— я вас поцелую, когда на нас не будут смотреть.

И в то же время она чувствовала на себе взгляд Спарсера и сознавала, что его влечет к ней и что он нравится ей больше всех, с кем она встречалась за последнее время.

ГЛАВА XVIII

Но веселье достигло высшей точки, когда Хегленд опять напомнил о речке и о связанных с нею возможностях,— к этому времени все уже вдоволь натанцевались и немало выпили. Выглянув в окно, он вдруг воскликнул:

— Что же это такое? Почему лед остается без внимания? Смотрите, какой шикарный лед! Пошли кататься!

И они всей гурьбой вышли на улицу. Ретерер схватил за руку Тину Когел, и они пустились бежать; за ними Спарсер с Люсиль Николас (они только что танцевали вместе), Хигби с Лорой Сайн, которой он решил пока заняться для разнообразия, и Клайд с Гортензией. Едва компания очутилась на льду, на узкой, вьющейся среди безлистных рощиц полоске, с которой ветер кое-где дочиста сдул снег, как все они стали похожи на юных сатиров и нимф древности. Они бегали взад и вперед, спотыкались и скользили; Хигби, Люсиль и Майда сразу упали, но тут же с хохотом вскочили на ноги.

Гортензия сначала осторожно семенила, опираясь на руку Клайда, но скоро начала бегать и скользить по льду, точно на коньках, взвизгивая в притворном страхе. И теперь не только Спарсер, но и Хигби, не считаясь с Клайдом, начали ухаживать за ней. Они скользили по льду рядом с ней, догоняли ее, притворялись, что подставляют ей ногу, и подхватывали ее, когда она падала. Потом Спарсер схватил Гортензию за руку и, не обращая внимания на остальных, будто против ее воли, потащил за собой вверх по ручью, к повороту, за которым они и скрылись. Решив не проявлять больше подозрительности и ревности, Клайд остался позади. Но в глубине души он опасался, что Спарсер может воспользоваться случаем и назначить Гортензии свидание, даже поцеловать ее. Она вполне способна позволить ему это, хотя бы и притворяясь, что все это против ее желания. Мучительно!

Клайд невольно поддался неотступной тревоге. Он ощущал свое бессилие, ему хотелось бы видеть их. Но тут Хегленд, держа за руку Люсиль Николас, стал созывать всех в цепь; Клайд тоже взял Люсиль за руку и протянул другую руку Майде Акселрод, а та, в свою очередь, протянула свободную руку Ретереру. Хигби и Лора Сайн уже готовы были стать в конце цепи, когда появились Спарсер и Гортензия, скользя по льду и держась за руки. Они стали последними в цепи. Тогда Хегленд быстро побежал, увлекая за собой остальных; он поворачивал, бросался то туда, то сюда, пока все, кто был позади Майды, не попадали на лед.

И Клайд заметил, что Гортензия и Спарсер, падая, скользили и катились вместе, толкая друг друга к берегу, пока не наткнулись на кучу снега, сухих листьев и веток. Юбки Гортензии сбились, открывая колени. Но вместо того чтобы смутиться, как того ждал и хотел Клайд, она сидела так несколько мгновений, ничуть не стыдясь, и даже весело смеялась, а Спарсер был рядом и все еще держал ее за руку. Лора Сайп упала так, что сбила с ног Хигби, и он повалился на нее, и они тоже продолжали лежать, заливаясь хохотом, в весьма двусмысленной позе, как подумалось Клайду. Он заметил, что у Лоры платье тоже задралось выше колен. Спарсер, который успел уже подняться и сесть, показывал на ее красивые ноги и громко хохотал, выставляя чуть не все зубы. Кругом раздавались визг и взрывы смеха.

«Черт знает что! — думал Клайд.— И какого дьявола он все время вертится около Гортензии? Должен был сам привезти для себя девушку, если хотел повеселиться. Какое они имеют право уходить туда, где их никто не видит! И она думает, я поверю, будто это ничего не значит. Она никогда не смеялась со мной так весело, как с ним. За кого она меня принимает? Воображает, что меня можно водить за нос?» Он сердито нахмурился; но тут цепь восстановили. Люсиль Николас все еще держала его за руку. Спарсер и Гортензия снова оказались в хвосте. Но Хегленд, не подозревая о настроении Клайда и поглощенный веселой игрой, закричал: «Пускай теперь кто другой идет в конец!» Ретерер и Майда Акселрод, Клайд и Люсиль Николас послушно передвинулись в конец цепи, а Хигби с Лорой Сайп и Гортензия со Спарсером оказались впереди. Гортензия не выпускала руки Спарсера. Но теперь она стояла рядом с Клайдом (он был справа от нее) и взяла его за руку, а Спарсер, который стоял слева от нее, крепко сжимал другую ее руку, и это приводило Клайда в бешенство. Почему он не занимается Лорой Сайп? Ведь ее пригласили ради него! А Гортензия его поощряет!

Клайд теперь совсем приуныл и был так обижен и раздосадован, что с трудом участвовал в игре. Ему хотелось бросить все и затеять ссору со Спарсером. Но Хегленд, стремительный и нетерпеливый, увлек за собой всю цепь, раньше чем Клайд успел на что-либо решиться.

И как он ни старался сохранить равновесие, все-таки он, Люсиль, Ретерер и Майда оторвались от цепи и волчком завертелись на льду. В критическую минуту Гортензия выпустила руку Клайда, явно предпочитая держаться за Спарсера. Все

упавшие одним клубком катились футов сорок по гладкому зеленоватому льду, пока не докатились до засыпанного снегом берега. Люсиль Николас лежала у Клайда на коленях, лицом вниз, в такой удобной для порки позе, что он не мог не рассмеяться. А Майда упала на спину рядом с Ретерером, высоко подняв ноги. «Нарочно»,— подумал Клайд. Он считал, что она слишком груба и нахальна. И тут, конечно, начался восторженный визг, крик, хохот — такой громкий, что, наверно, было слышно за полмили.

Хегленд, вообще очень смешливый, теперь согнулся чуть ли не вдвое, хлопал себя по бедрам и уже не хохотал, а ревел. Спарсер, разинув огромный рот, фыркал и гримасничал. Веселье было так заразительно, что на время Клайд забыл о ревности. Он тоже смотрел и смеялся. Но настроение его, в сущности, не изменилось. Он все-таки чувствовал, что Гортензия ведет себя нечестно.

Под конец Люсиль Николас и Тина Когел устали и вышли из игры. Гортензия тоже. Клайд немедленно подошел к ней. Ретерер последовал за Люсиль. Разошлись в разные стороны и все остальные. Хегленд скользил по льду, толкая Майду Акселрод перед собой, и вскоре они скрылись за поворотом. Хигби подхватил идею Хегленда и таким же способом повез Тину Когел вверх по реке, а Ретерер и Люсиль, словно заметив что-то интересное в ближней роще, направились к ней, смеясь и болтая. Даже Спарсер и Лора, предоставленные самим себе, отправились куда-то, и Клайд остался наедине с Гортензией.

Они подошли к бревну, лежавшему на берегу, и Гортензия села. Но Клайд, страдая от воображаемых ран, молча стоял подле; почувствовав его состояние, Гортензия схватила его за пояс пальто и потянула к себе.

— Но-но-о, лошадка! — весело воскликнула она.— Но-но-о! Вперед! Лошадка, прокати меня по льду!

Клайд хмуро посмотрел на нее; внутренне взбешенный, он не собирался так легко забыть свои обиды.

— Зачем вы позволяете этому Спарсеру все время липнуть к вам? — спросил он.— Я видел, как вы уходили с ним туда, за поворот. Что он вам говорил?

— Ничего не говорил.

— Ну ясно, ничего,— сказал он горько и насмешливо.— Может быть, он и не целовал вас?

— Конечно, нет,— сказала Гортензия решительно и зло.— Хотела бы я знать, за кого вы меня принимаете? Я не позволяю целовать себя людям, которых вижу в первый раз, имейте это в виду, мой милый. Вам-то я не позволила.

— Да, конечно... Но вы к нему лучше относитесь, чем ко мне.

— Вот как? Ну что ж, может быть! Но все равно, какое вы имеете право говорить, что я к нему хорошо отношусь? Что же, мне и повеселиться нельзя, так я и буду у вас под надзором? Надоели вы мне, вот что я вам скажу!

Гортензия не на шутку рассердилась: ей показалось, что Клайд говорит с ней слишком по-хозяйски.

А Клайд, получив так внезапно суровый отпор, был несколько ошеломлен и тотчас решил, что, пожалуй, ему лучше изменить тон. В конце концов, она никогда не говорила, что любит его, даже тогда, когда давала свое неопределенное обещание.

— Ладно,— заметил он, помолчав, угрюмо и не без грусти.— Я знаю только одно: вы иногда говорите, что интересуетесь мною, так вот, если б я интересовался кем-нибудь, я не стал бы флиртовать с другими.

— Ах, вы не стали бы?

— Да, не стал бы.

— А кто же здесь флиртует, хотела бы я знать?

— Вы.

— Я не флиртую и, пожалуйста, уходите отсюда и оставьте меня в покое. Вы только и умеете придираться. Если я танцевала с ним в ресторане, это еще не значит, что я флиртую. Вы мне надоели, вот и все.

— Надоел?

— Да, надоели.

— Ну что же, может быть, мне лучше уйти и больше вас вообще не беспокоить,— сказал Клайд.

В нем пробудилось нечто, напоминавшее мужество его матери.

— Да, так будет лучше, раз вы не можете вести себя иначе,— заметила Гортензия, раздраженно постукивая ногой по льду.

Но Клайд уже чувствовал, что не в силах вот так от нее уйти... он слишком пылко стремился к ней, был слишком ею порабощен. Воля его слабела; он с тревогой смотрел на Гортензию. А она вновь подумала о жакете и решила, что надо стать любезнее.

— А вы разве не смотрели ему в глаза? — спросил он неуверенно, опять вспомнив, как она танцевала со Спарсером в ресторане.

— Когда?

— Когда танцевали с ним.

— Не смотрела, во всяком случае, не помню. Ну а если бы и смотрела, что за беда? Это ничего не значит. Подумаешь! Неужели нельзя посмотреть в глаза человеку?

— Так, как вы смотрели, нельзя, если вам на самом деле нравится кто-то другой.

Лицо у Клайда стало и недовольное и растерянное.

Гортензия нетерпеливо и негодующе прищелкнула языком.

— Вы просто несносный.

— А там, на льду, когда вы вернулись с ним,— продолжал Клайд решительно, но все же волнуясь.— Вы не подошли ко мне, вы пошли с ним в конец цепи. Я видел. И всю дорогу держали его за руку. А когда вы упали, а потом сидели там с ним, он опять держал вашу руку. Хотел бы я знать, что это такое, по-вашему,— не флирт, нет? А что еще? Будьте уверены, Спарсер думает то же самое.

— Ну и пусть, а я все равно не флиртовала с ним, и можете говорить, что вам угодно. Хотите, чтобы все шло так, как сейчас,— хорошо, пожалуйста. Я не могу вас остановить. Это все ваша проклятая ревность; по-вашему, и того нельзя, и этого нельзя. Как же играть на льду, если не держаться за руки, хотела бы я знать? Вот еще, подумаешь! А вы сами с этой Люсиль Николас? Я видела, как она лежала у вас на коленях, а вы сидели и хохотали, но я ничего такого не подумала. Что же мне надо было делать, по-вашему? Приехать сюда и сидеть, как приклеенной, вот тут, на бревне? Или бегать за вами хвостом? Или чтоб вы бегали за мной? За кого вы меня принимаете? Что я — дура?

Она считала, что Клайд оскорбил ее, и вышла из себя. Она подумала о Спарсере,— он действительно привлекал ее сейчас больше, чем Клайд. Спарсер не романтик — он проще, практичнее.

Клайд отвернулся, снял кепи и мрачно потер голову, а Гортензия смотрела на него и думала о нем и снова о Спарсере. Спарсер мужественнее, не такая плакса. Он не стоял бы вот так и не жаловался, будьте уверены. Он, вероятно, сразу распростился бы с нею, увидев, что тут не будет толку. А все-таки Клайд на свой лад интересен и полезен. Кто еще сделает для нее то, что делает он? И, во всяком случае, он сейчас не принуждает ее уйти с ним куда-нибудь подальше, как ушли остальные. А она боялась, что он тоже сделает такую попытку, опережая ее планы и желания. Их ссора предотвратила это.

— Ну, подумайте,— снова заговорила она, решив, что лучше умаслить Клайда и что, в конце концов, справиться с ним не так уж трудно.— Так мы и будем ссориться? Стоит ли? Для

чего вы меня сюда привезли? Неужели, чтобы ворчать на меня все время? Я бы не поехала, если б знала.

Она отвернулась, постукивая по льду узким носком ботинка, а Клайд, снова поддавшись очарованию этой девушки, схватил ее в объятия, прижимаясь губами к ее губам, стараясь удержать ее и подчинить своим ласкам. Но Гортензия,— отчасти потому, что ее теперь влекло к Спарсеру, отчасти потому, что Клайд раздражал ее,— оттолкнула его, злясь и на него и на себя. С какой стати подчиняться ему, делать то, чего ей не хочется,— сейчас, по крайней мере? Она не обещала, что именно сегодня будет с ним так мила, как ему хочется. Такого уговора не было. Во всяком случае, сейчас она не желает, чтобы он так обращался с нею, она этого не позволит — и все тут! Клайд, понимая теперь, как она на самом деле к нему относится, отступил и только смотрел на нее мрачными и жадными глазами. И она ответила пристальным взглядом.

— Вы, кажется, говорили, что хорошо относитесь ко мне,— сказал Клайд почти злобно, видя, что все его мечты об этом дне, о счастливой прогулке развеялись как дым.

— Да, хорошо отношусь, когда вы бываете милым,— ответила она лукаво и уклончиво, думая о своих прежних обещаниях и стараясь как-нибудь уладить дело.

— Ну да, хорошо,— сказал он ворчливо.— Вижу я ваше хорошее отношение. Вы даже не позволяете мне до вас дотронуться. Хотел бы я знать, что вы имели в виду, когда говорили со мной в тот раз.

— А что я такое говорила? — возразила Гортензия только для того, чтобы выиграть время.

— Как будто вы не знаете!

— Ах да. Но ведь все это не сейчас, правда? Кажется, мы говорили...— Она замолчала в нерешительности.

— Я помню, что вы говорили,— продолжал Клайд.— Но теперь я вижу, что вы совсем не любите меня, в этом все дело. Если б вы в самом деле меня любили, какая вам была бы разница — теперь, или через неделю, или через две? Как видно, это зависит от того, что я для вас делаю, а не от вашей любви ко мне. Вот так ловко!

Страдание сделало его дерзким и смелым.

— Ничего подобного! — огрызнулась она, разозленная тем, что он угадал правду.— И я не желаю, чтобы вы так со мной разговаривали. Мне совсем не нужен этот несчастный жакет, если хотите знать. И можете получить назад ваши несчастные деньги, не нужны они мне. И оставьте меня в покое раз и на-

всегда. У меня и без вашей помощи будут жакеты, сколько угодно!

Сказав это, она повернулась и пошла прочь. Но Клайд, уже думая, как всегда, только о том, чтобы ее умилостивить, бросился за ней.

— Не уходите, Гортензия,— просил он.— Подождите минутку. Я ничего такого не думал, честное слово. Я без ума от вас, честное слово. Разве вы не видите? Ну, пожалуйста, не уходите. Я совсем не для того даю вам деньги, чтобы получить что-то взамен. Возьмите их просто так, если хотите... Я никого на свете так не люблю, никогда не любил. Возьмите все деньги, не надо мне их. Но только я думал, что и вы немножко любите меня. Неужели я совсем, совсем вам безразличен, Гортензия?

Он казался покорным и испуганным, и она, почувствовав свою власть над ним, немного смягчилась.

— Нет, конечно,— заявила она.— Но все равно, это не значит, что вы можете обращаться со мной так, как сейчас. Вы, кажется, не понимаете, что девушка не всегда может сделать все, чего вы от нее хотите, как раз тогда, когда вам хочется.

— О чем это вы? — спросил Клайд, не вполне уловив смысл ее слов.— Я не совсем понял.

— Ну, уж, наверно, поняли.

Она не могла поверить, что он не знает.

— Ах, вот что! Мне кажется, я знаю, что вы хотите сказать. Теперь понятно,— продолжал он разочарованно.— Это старая история, все так говорят, я знаю.

Клайд, в сущности, повторял теперь слова и интонации других юнцов из отеля — Хигби, Ретерера, Эдди Дойла,— которые объяснили ему, в чем тут дело, и рассказали, что девушки, ссылаясь на это, выкручиваются иной раз из трудного положения. И Гортензия поняла, что он разгадал ее уловку.

— Как не стыдно! — воскликнула она, притворяясь обиженной.— Вам ничего нельзя сказать, вы все равно никогда ничему не верите. Но хотите — верьте, хотите — нет, а это правда.

— Я теперь знаю, какая вы,— сказал он печально, но и чуточку высокомерно, как будто все это было ему давно знакомо.— Вы меня совсем не любите, вот и все. Теперь я понял.

— Как не стыдно! — повторяла Гортензия с видом оскорбленной добродетели.— Уверяю вас, это правда. Хотите — верьте, хотите — нет, но я клянусь вам, честное слово.

Клайд стоял смущенный. Он просто не знал, что сказать в ответ на эту жалкую хитрость. Он не может ее ни к чему принудить. Если она хочет лгать и притворяться, он тоже притворится,

что верит ей. И все же он был глубоко опечален. Никогда ему не добиться ее любви, это ясно. Он повернулся, чтобы уйти, и Гортензия, не сомневаясь, что ее ложь разгадана, сочла своим долгом что-то сделать, снова как-то забрать его в руки.

— Ну, Клайд, пожалуйста,— начала она, пуская в ход всю свою хитрость.— Ведь это же правда. Уверяю вас. Вы не верите? Право, на будущей неделе. Честное слово! Не верите? Я сделаю все, что обещала. Я знаю, что говорю. Честное слово! И вы мне нравитесь... очень! Неужели вы и этому не верите?

Это была артистическая игра,— и Клайд, дрожа с головы до ног, ответил, что верит. Он снова повеселел и улыбался. И пока они шли к автомобилю (Хегленд уже сзывал всех — пора было ехать), он держал Гортензию за руку и несколько раз поцеловал ее. Он был совершенно уверен, что мечта его исполнится. О, какое это будет блаженство!

ГЛАВА XIX

На обратном пути в Канзас-Сити вначале ничто не нарушало приятного заблуждения, в котором пребывал Клайд. Он сидел рядом с Гортензией, и она склонила голову к нему на плечо. Спарсер, ожидавший, пока все усядутся, чтобы самому сесть за руль, сжал руку Гортензии выше локтя и получил в ответ многообещающий взгляд, но Клайд этого не заметил.

Час был уже поздний, Хегленд, Ретерер и Хигби подгоняли Спарсера, и тот, повеселев от взгляда Гортензии и от выпитого вина, так погнал машину, что впереди скоро блеснули огни предместий. Машина неслась с головокружительной скоростью. И вдруг пришлось остановиться: здесь, вблизи города, проходила восточная линия железной дороги, и они долго, волнуясь, ждали на переезде, пока пройдут два длинных товарных поезда. Когда подъехали к северной окраине Канзас-Сити, повалил мокрый снег; большие хлопья сразу таяли, дорога покрылась слоем скользкой грязи, и теперь ехать нужно было очень осторожно. Часы показывали уже половину шестого. В обычных условиях при большой скорости хватило бы восьми минут, чтобы добраться до ближайших к отелю кварталов, где они могли бы остановить машину. Но произошла новая задержка у моста Ганнибала,— и, когда они переехали мост и добрались до Вайандот-стрит, было без двадцати шесть. Четверо молодых людей уже потеряли всякий вкус к поездке и больше не радовались близости своих спутниц. Теперь они могли думать только о том, удастся ли им по-

пасть вовремя в отель. Перед ними неотступно маячила строгая, педантичная фигура мистера Скуайрса.

— Ну, если мы не поедем скорее, нам не добраться вовремя,— сказал Ретерер Дэвису Хигби, беспокойно вертевшему в руках часы.— Едва ли мы успеем переодеться.

Клайд, услышав его слова, воскликнул:

— Ну, это не годится! Нельзя ли двигаться побыстрее? Напрасно мы сегодня поехали. Беда, если не попадем к поверке.

А Гортензия, заметив его волнение и тревогу, спросила:

— Вы думаете, мы не доедем вовремя?

— При такой скорости не доедем,— сказал он.

Хегленд, который внимательно всматривался в то, что делалось за окном,— в глазах рябило, словно весь мир был заполнен клочками непрерывно падавшей ваты,— крикнул Спарсеру:

— Эй, Уиллард, нельзя ли побыстрей? Нам зарез, коли опоздаем.

А Хигби, разом выведенный из своего наглого спокойствия — спокойствия азартного игрока, прибавил:

— Нас наверняка выгонят, если мы не соврем чего-нибудь в оправдание. Кто придумает, что бы нам сказать?

Клайд только прерывисто вздохнул.

И, как нарочно, почти на каждом перекрестке они наталкивались на скопление экипажей и должны были мучиться ожиданием. На пересечении Девятой и Вайандот-стрит раздосадованный Спарсер, увидев новое препятствие — предостерегающе поднятую руку полисмена,— нетерпеливо воскликнул:

— Опять задержка! Ну что тут будешь делать! Я могу свернуть на Вашингтон-стрит. Только не знаю, выйдет ли быстрее.

Прошла целая минута, прежде чем был дан сигнал ехать дальше. Тогда Спарсер быстро повернул вправо, и через три квартала машина вышла на Вашингтон-стрит.

Но и тут было не лучше. Два сплошных потока машин двигались в противоположных направлениях, и на каждом перекрестке несколько драгоценных мгновений терялось на то, чтобы пропустить поперечный поток. Затем автомобиль устремлялся дальше до следующего перекрестка, пробираясь среди других экипажей, стараясь их обогнать. На углу Пятнадцатой и Вашингтон-стрит Клайд сказал Ретереру:

— Может, сойдем у Семнадцатой и пойдем пешком?

— Никакого смысла,— отозвался Спарсер.— Если я сумею свернуть там, выйдет гораздо быстрее.

Они теснили другие машины, стараясь выиграть лишний

дюйм пространства. На углу Шестнадцатой и Вашингтон-стрит Спарсер увидел слева, как ему показалось, довольно свободный квартал и свернул туда, чтобы этим проездом снова выехать на Вайандот-стрит. Как раз в то мгновенье, когда он, ведя машину вплотную вдоль тротуара, приближался к углу и готовился свернуть, не уменьшая скорости, девочка лет девяти, бежавшая к перекрестку, очутилась прямо перед автомобилем. Спарсер не мог ни остановиться, ни объехать ее: девочку сбило с ног и протащило несколько шагов, прежде чем машину удалось остановить. И тотчас раздался крик десятка голосов: пронзительные вопли женщин и возгласы мужчин — свидетелей несчастья.

Все они мгновенно бросились к упавшей девочке; колеса переехали через нее. Спарсер, выглянув, увидел кучку людей вокруг неподвижного тела, и его охватила непередаваемая паника: он представил себе полицию, тюрьму, отца, владельца автомобиля, суровую кару... И хотя все, кто был в автомобиле, вскочили с криками: «О, боже! Он сбил девочку! Он убил ребенка! Какой ужас! Господи! Что же теперь делать?» — Спарсер обернулся и крикнул:

— Полиция! Надо удирать!

И, не ожидая согласия остальных (они привстали в машине, но ни слова не могли вымолвить от страха), он рванул рычаг, и «пакард» на предельной скорости понесся к следующему перекрестку.

Но там, как и на каждом углу, стоял полисмен, который, увидев, что за квартал от него возникло какое-то смятение, уже приготовился покинуть свой пост, чтобы узнать, в чем дело. В эту минуту крики: «Задержите эту машину! Задержите эту машину!» — достигли его ушей. А мужчина, бежавший вслед за автомобилем с места несчастья, кричал: «Держите их, держите! Они убили ребенка!»

Полисмен сейчас же повернулся к автомобилю и поднес к губам свисток. Но Спарсер, услышав крики и увидев идущего навстречу полисмена, метнулся мимо него на Семнадцатую улицу и помчался по ней со скоростью почти сорока миль в час. На ходу он задел колесо какого-то грузовика, поцарапал крыло другой машины; он проскакивал мимо экипажей и пешеходов на расстоянии дюйма, а то и какой-нибудь четверти дюйма. А позади него в «пакарде» все сидели с застывшими лицами, напряженно вытянувшись, стиснув руки, широко раскрыв глаза и плотно сжав губы; только Гортензия, Люсиль Николас и Тина Когел непрерывно повторяли: «Господи, господи! Что теперь будет!»

Но от полиции и от всех тех, кто начал преследовать машину, было не так-то просто отделаться. Полисмен, не успев рассмотреть номер автомобиля, но убедившись, что водитель не намерен остановиться, дал резкий и продолжительный свисток. Полисмен на следующем углу, увидев быстро мчавшуюся машину и поняв, что это может значить, тоже дал свисток, вскочил на подножку проезжавшего мимо открытого автомобиля и приказал шоферу догнать беглецов. Еще три автомобилиста — охотники до происшествий, видя, что случилось что-то неладное, тоже пустились в погоню, то и дело давая громкие гудки.

Но «пакард» был быстроходнее всех своих преследователей; на протяжении нескольких кварталов крики: «Задержите эту машину! Задержите эту машину!» — еще были слышны, но он мчался слишком быстро, и они постепенно замерли где-то позади; оттуда доносились теперь только долгие, отчаянные вопли далеких автомобильных рожков.

Спарсер выиграл довольно большое расстояние; понимая, что прямой путь наиболее удобен для преследователей, он быстро свернул в сравнительно спокойную улицу Мак-Джи и промчался по ней несколько кварталов до поворота на широкую извилистую аллею Гилхэм. Но, проехав небольшой кусок ее с ужасающей быстротой, он решил у Тридцать первой улицы снова повернуть: ему казалось, что в северных предместьях будет легче скрыться от преследователей. Поэтому он повернул налево по Тридцать первой, надеясь в этих тихих кварталах замести следы и оторваться от погони, чтобы можно было высадить где-нибудь пассажиров и вернуться в гараж.

И Спарсеру удалось бы это, если бы, свернув в одну из отдаленных улиц предместья, где дома были редки и совсем не было видно пешеходов, он не вздумал потушить фары, чтобы машина была менее заметна. Он ехал дальше, ежеминутно сворачивая то вправо, то влево,— и вот, когда он проехал несколько сот футов по какой-то тихой улице, мостовая вдруг окончилась. Но впереди, в каких-нибудь ста футах, виднелся перекресток. Спарсер, вообразив, что за поворотом он снова попадет на мощеную улицу, направился туда и, круто свернув налево, наскочил на груду булыжника, который заготовили здесь, собираясь мостить улицу. Двигаясь с незажженными фарами, он не разглядел препятствия. А наискось от этой груды, вдоль будущего тротуара, были сложены бревна для постройки дома.

Автомобиль на полном ходу налетел на кучу камней — его отбросило, и, едва не опрокинувшись, он наскочил правым бо-

ком на бревна; бревна слегка подались, правые колеса, наехав на них, высоко поднялись, машина опрокинулась влево и рухнула боком на обочину дороги, на засыпанную снегом землю. Среди звона разбитых стекол всех, кто сидел в автомобиле, швырнуло вперед и влево, и они кучей повалились друг на друга.

Дальнейшее осталось загадочным и неясным не только для Клайда, но и для всех остальных. Спарсер и Лора Сайп, сидевшие впереди, с силой ударились о ветровое стекло и о крышу и потеряли сознание; у Спарсера были вывихнуты плечо, бедро и левое колено, и пришлось оставить его в автомобиле: вытащить его через дверцу, находившуюся теперь над ним, так как автомобиль лежал на боку, было невозможно до приезда Скорой помощи. На втором сиденье ближе всех к левой двери был Клайд, рядом с ним сидели Гортензия, Люсиль Николас и Ретерер,— и теперь Клайд, оказавшийся под ними, был придавлен и не мог шевельнуться. Его не раздавило потому, что Гортензия при падении перелетела через него и ударилась о крышу «пакарда», которая оказалась теперь левой стенкой. Ее соседка Люсиль упала так, что вся ее тяжесть пришлась только на плечи Клайда. Ретерер — верхний в этой груде тел,— падая, перелетел через переднее сиденье. Он схватился за баранку руля, которую выпустил из рук Спарсер, и, повиснув на ней, несколько задержал свое падение. Но все же у него были изрезаны руки и лицо, а плечо и бедро слегка вывихнуты, но не настолько, чтобы он не в силах был помочь другим. И как только Ретерер осознал положение и услышал крики и стоны спутников, он тотчас попытался выбраться наружу через дверцу, которая была теперь над его головой; цепляясь за других, он с трудом дотянулся до дверцы; наконец ему удалось ее открыть.

Выбравшись наружу, Ретерер вскарабкался на раму опрокинутой машины, нагнулся над дверцей и схватил за руку Люсиль. Она беспомощно барахталась и стонала и, как и остальные, тщетно пыталась выбраться наружу. Напрягая все свои силы и уговаривая: «Спокойно, дорогая, я держу тебя. Все в порядке, сейчас вытащу»,— он поднял девушку, усадил на край дверцы, а затем спустил на снег. Она ощупывала голову и руки и плакала. Потом Ретерер помог выбраться Гортензии; ее левая щека, лоб и руки были сильно разбиты и залиты кровью: серьезных повреждений не было, но в ту минуту Гортензия еще не знала этого. Она всхлипывала, вздрагивая; ее трясло в нервном ознобе, которым сменилось первоначальное полуобморочное оцепенение.

В эту минуту из машины высунулась голова Клайда. Он сильно ушиб плечо, руку и левую щеку, мысли его еще путались, но он уже думал о том, как бы поскорее отсюда выбраться. Убит ребенок; украдена и разбита машина; место в отеле наверняка потеряно; полиция преследует их и может в любую минуту захватить здесь. А под ним в автомобиле распростерт Спарсер, к которому уже склонился Ретерер. И рядом Лора, тоже без сознания. Клайд чувствовал, что должен что-то сделать, помочь Ретереру, который теперь старался поднять Лору, не причинив ей вреда. Однако он был так оцепенелен, что еще долго стоял бы без движения, но тут Ретерер в сердцах прикрикнул:

— Да помоги же, Клайд! Попробуем ее вытащить. Она в обмороке.

И Клайд, вместо того чтобы самому выбираться из автомобиля, обернулся к Лоре; стоя на разбитом стекле бокового окна, он попытался высвободить ее из-под неподвижного тела Спарсера и затем вытащить наверх, но не смог. Она была слишком безвольна и тяжела. Клайд сумел только оттащить ее назад, подальше от Спарсера, и оставил лежать в автомобиле между передним и вторым сиденьем.

Тем временем на заднем сиденье очнулся оказавшийся наверху Хегленд, который был лишь слегка оглушен падением; он добрался до ближайшей дверцы и открыл ее. Затем благодаря своей атлетической силе он без особого труда подтянулся на руках и вылез наружу, восклицая:

— Ух, бог ты мой! Вот так приехали! Вот это попались! Надо поскорей удирать отсюда, пока не явились фараоны!

Но, увидев тех, кто лежал внизу в машине, и услышав их стоны, Хегленд забыл и думать о бегстве. Ближе всех к нему была Майда, и он крикнул ей:

— Ради всего святого, давай руку. Нам нужно в два счета удрать отсюда.

Он помог Майде вылезть и тотчас оставил ее. Она опустилась на землю, ощупывая сильно разбитую голову, а Хегленд снова взобрался на раму шасси, наклонился над дверцей и схватил за плечи Тину Когел, упавшую на Хигби. Она была оглушена и теперь с трудом пыталась сесть. А Хигби, освободившись от тяжести чужих тел, сразу поднялся на колени и начал ощупывать голову и лицо.

— Давай руку, Дэв! — крикнул ему Хегленд.— Живее, ради бога! Нельзя терять время. Ты ранен? Черт возьми, говорю, надо удирать отсюда. Вон уже кто-то идет — не фараон ли!

Он схватил Хигби за левую руку, но тот оттолкнул его.

— Оставь, не тяни меня! Я цел, сам выберусь. Помогай другим.

Хигби встал, и голова его оказалась над дверцей. Он поискал глазами — не найдется ли внутри автомобиля чего-нибудь, на что можно поставить ногу, и заметил под ногами кожаную подушку, слетевшую с заднего сиденья. Он встал на подушку, подтянулся на руках до уровня дверцы, сел на нее и перекинул ноги наружу. Потом огляделся и, увидев, что Хегленд, Ретерер и Клайд пытаются вытащить Спарсера, пошел им помогать.

А тем временем Гортензия, которая выбралась из автомобиля раньше Клайда, стала ощупывать свое лицо и обнаружила, что ее левая щека и лоб не только исцарапаны, но и кровоточат. Она подумала, что случившееся могло навсегда обезобразить ее, и разом ее охватил эгоистический страх; у нее все вылетело из головы — и страдания и раны других, и даже опасность, что их всех поймает полиция, и убитый ребенок, и разбитая дорогая машина,— словом, она помнила только о себе и о том, что, быть может, ее красота потеряна безвозвратно.

Она заплакала, ломая руки.

— О, господи, господи! — воскликнула она в отчаянии.— Какой ужас, какая жуть! Лицо у меня все изрезано! О, какой ужас!

И, чувствуя, что нужно сейчас же что-то предпринять, она, не сказав никому ни слова (в это время Клайд помогал Ретереру в автомобиле), вдруг бросилась бежать вдоль Тридцать шестой улицы по направлению на юг — к центру города, к ярко освещенным людным улицам, подгоняемая единственной мыслью: как можно скорее добраться домой и позаботиться о себе.

О Клайде, о Спарсере, Ретерере и о своих подругах она не думала ни секунды. Что они ей? Лишь изредка среди мыслей о своей погибшей красоте она мельком вспоминала об убитом ребенке... Ужас всего случившегося, преследование полиции, то, что разбитый «пакард» не принадлежал Спарсеру и что всех их теперь могут арестовать,— все это мало ее трогало. О Клайде она вспомнила лишь потому, что это он пригласил ее на злополучную прогулку, значит, он и виноват во всем. Безмозглые мальчишки... втянули ее в историю... не могли справиться получше...

Другие девушки, кроме Лоры Сайп, серьезно не пострадали, а только перепугались сначала. Теперь же их охватила настоящая паника: что, если полиция схватит их, арестует, их разоблачат, будут судить... И они стояли подле машины, восклицая:

— Ох, поскорее, ради бога!

— Ах, какой ужас! Давайте скорее уйдем отсюда!

Наконец Хегленд не выдержал.

— Ради всего святого, замолчите! — крикнул он.— Вы ж видите, мы делаем все, что можем. Из-за вашего крика сюда сбежится вся полиция.

И, словно в ответ на это, к ним подошел один из обитателей предместья, живший квартала за четыре отсюда: он услышал грохот, крики и принялся посмотреть, что случилось. С любопытством разглядывая разбитую машину и людей вокруг нее, он подошел поближе.

— Что случилось? Авария, а? — спросил он довольно добродушно.— Может, кто ранен? Вот беда! А машина-то какая шикарная! Может, вам помочь?

Услышав это, Клайд выглянул из машины: Гортензии нигде не было видно; Спарсера он уложил на дно и больше ничем не мог ему помочь. Он тоскливо озирался по сторонам — его мучила мысль, что полиция неизбежно будет их преследовать. Надо спасаться! Его не должны захватить здесь. Подумать только, что будет с ним, если его захватят! Его опозорят и, вероятно, накажут... отнимут у него его прекрасный мир, прежде чем он слово вымолвит... Узнает мать... мистер Скуайрс... Все узнают! Его наверняка посадят в тюрьму... Ужасная мысль! Она терзала его, точно самая страшная пытка... Они больше ничего не могут сделать для Спарсера; оставаться здесь дольше — значит рисковать, что их схватят. Поэтому, спросив: «А где же мисс Бригс?» — он выбрался из автомобиля и стал всматриваться в темноту, надеясь увидеть Гортензию. Он подумал, что прежде всего надо помочь ей и проводить ее.

Но в эту самую минуту он услыхал сигнальные рожки и треск двух мотоциклов, мчавшихся к месту катастрофы; жена того человека, который подошел к ним, услышав в отдалении треск разбившейся машины и стоны, по телефону сообщила в полицию о несчастье с автомобилем, и теперь этот человек объяснил:

— Вот они. Я сказал жене, чтоб она вызвала Скорую помощь.

При этих словах, поняв, чем грозит им появление полиции, все участники поездки вскочили, готовые бежать. В темноте уже показались огни приближавшихся мотоциклов: машины вместе дошли до угла Тридцать первой и Кливленд-авеню, потом одна повернула по Кливленд-авеню к месту катастрофы, а другая продолжала свой путь по Тридцать первой, обследуя окрестности.

— Бегите скорей, ради бога,— возбужденно прошептал Хегленд,— все врассыпную!

И, схватив за руку Майду Акселрод, он бросился бежать по направлению к дальним восточным предместьям; но тут же сообразил, что едва ли удастся ускользнуть от преследования по Тридцать пятой, той самой, где лежал разбитый автомобиль, и, повернув на северо-восток, кинулся прямо в поле, прочь от города.

Теперь и Клайд, словно впервые поняв, к чему приведет арест,— все его мечты о приятной жизни окончатся позором и, вероятно, тюрьмой! — тоже пустился бежать. Но вместо того чтобы последовать за Хеглендом или за кем-нибудь из остальных, он повернул к югу, по Кливленд-авеню, к южной окраине города. Однако он, как и Хегленд, сообразил, что на улице преследователям легко будет догнать его, и тоже решил свернуть в поле. Только вместо того чтобы бежать прочь от города, он повернул на юго-запад, к тем улицам, что лежат южнее Сороковой. Ему предстояло пересечь открытое пространство, но позади уже шарил свет от фонарей мчавшегося мотоцикла, и Клайд поспешно бросился в придорожные кусты и притаился за ними.

Один лишь Спарсер и Лора остались в автомобиле; к Лоре начало возвращаться сознание. Местный житель в полнейшем изумлении стоял подле.

— Вот так штука! — вдруг догадался он.— Они, верно, украли машину. Похоже, что это вовсе не их автомобиль!

Тут подъехал первый мотоциклист. Сидя в своем не слишком далеком убежище, Клайд услышал слова:

— Ну что, не удалось вам удрать после всего, что натворили? Думали ловко вывернуться, да не вышло. Вас-то нам и нужно. А где же остальная шайка, а? Где они?

Житель предместья сейчас же заявил, что он тут ни при чем и что все, кто ехал в автомобиле, разбежались, но полиция еще может захватить их, если угодно. Услышав это, Клайд торопливо, на четвереньках, стал отползать по снегу, направляясь к далеким юго-западным улицам; он все время видел перед собой слабый отблеск их фонарей; там он надеялся скрыться от преследователей, если его прежде не схватят; он затеряется там и, если только судьба будет милостива к нему, избегнет несчастья, и наказания, и бесконечного разочарования, и отчаяния — всего, что теперь ждет его впереди.

ГЛАВА I

Дом Сэмюэла Грифитса в Ликурге (город с двадцатью пятью тысячами жителей, расположенный в штате Нью-Йорк, на полпути между Утикой и Олбани). Недалек обеденный час, и постепенно семья собирается к трапезе. В этот день обед приготовляется тщательнее обычного, потому что глава семьи, мистер Грифитс, только что возвратился после четырехдневного отсутствия: он был в Чикаго, на съезде фабрикантов воротничков и рубашек. Внезапное понижение цен, объявленное выскочками-конкурентами на Западе, заставило фабрикантов восточных штатов в свою очередь прийти к какому-то соглашению насчет цен. Сегодня после полудня Сэмюэл Грифитс сообщил по телефону, что вернулся и отправляется прямо в свою контору на фабрике, где пробудет до обеда.

Миссис Грифитс давно привыкла к поведению своего энергичного супруга, который всегда непоколебимо верил в себя и, за редкими исключениями, считал каждое свое суждение и решение непогрешимым, почти безапелляционным; не удивилась она и на этот раз. В надлежащее время он явится домой и поздоровается с ней.

Миссис Грифитс посовещалась со своей экономкой, миссис Трюсдейл, безобразной, но очень дельной, и, зная, что муж многим иным блюдам предпочитает баранью ногу, заказала барашка. А когда был закончен выбор соответствующих овощей и десерта, миссис Грифитс снова предалась своим мыслям: она думала о старшей дочери Майре, которая уже несколько лет назад окончила колледж Смита, но до сих пор не вышла замуж. Причину этого мать хорошо понимала, хотя никогда не признавалась себе в этом: Майра была некрасива. Нос у нее был слишком длинный,

глаза поставлены слишком близко друг к другу, подбородок не настолько округлый, как того требует приятная девичья внешность. Обычно Майра казалась чересчур задумчивой и серьезной и почти не интересовалась жизнью местного общества. Она не обладала также и умением держать себя, не говоря уже о способности привлекать к себе мужчин, которой отличаются некоторые даже некрасивые девушки. Мать понимала, что Майра обладает слишком острым, слишком критическим умом и в интеллектуальном отношении стоит выше своей среды.

Майра выросла среди роскоши, ей не приходилось заботиться о средствах к существованию, но перед нею стояла другая трудная задача: завоевать себе положение в обществе и любящего мужа — две цели, достигнуть которых без красоты и очарования почти так же трудно, как нищему стать миллионером. Вот уже двенадцать лет (с тех пор как ей исполнилось четырнадцать) наблюдала она, как весело и беззаботно живут юноши и девушки ее круга, а сама только читала, занималась музыкой, вечно была озабочена тем, как бы одеться возможно более к лицу, да навещала знакомых в надежде где-нибудь, как-нибудь встретить кого-то, кто заинтересовался бы ею: это и сделало ее печальной, почти ожесточило, хотя в материальном отношении жизнь ее и ее семьи была на редкость благополучной.

Только что Майра прошла к себе через комнату матери с видом полнейшего равнодушия ко всему на свете, и мать раздумывала о том, как бы вывести ее из этого состояния, как вдруг в комнату влетела младшая дочь Белла: она вернулась от Финчли — богатых соседей, к которым заходила по дороге из школы.

Белла была совсем не похожа на свою сестру — высокую, болезненно бледную брюнетку. Она была ниже ростом, но грациознее и в то же время крепче. У нее были густые, темные, почти черные волосы, смуглый оливковый цвет лица с горячим румянцем, веселые карие глаза, сверкавшие жадным интересом ко всему на свете, гибкое тело и красивые ловкие руки и ноги. Жизнь била в ней ключом. Она попросту любила все вокруг, наслаждалась жизнью такой, как она есть, и поэтому, в отличие от сестры, неудержимо привлекала к себе всех — мужчин, и юношей, и женщин, старых и молодых,— что, конечно, прекрасно замечали ее родители. Тут не приходилось опасаться: в свое время не будет недостатка в женихах. Мать считала, что вокруг Беллы уже теперь увивается слишком много юношей и взрос-

лых мужчин, и потому вставал вопрос о выборе подходящего для нее мужа. Белла быстро завязывала дружбу не только с отпрысками старинных и добропорядочных семейств, представлявших собою сливки местного общества, но также, к великому неудовольствию своей матери, с сыновьями и дочерьми семей, лишь недавно выдвинувшихся и потому значительно менее почтенных,— с детьми фабрикантов бекона или консервных банок, пылесосов, деревянных и плетеных изделий, пишущих машинок; все это были очень богатые люди, но в Ликурге их считали выскочками. По мнению миссис Грифитс, Белла со всей этой компанией слишком много танцевала, слишком часто посещала кабаре и носилась на автомобиле из города в город без должного присмотра. Но какой контраст с Майрой, насколько легче с младшей дочерью! И только потому, что надо же было наблюдать за Беллой, пока она солидно и с благословения церкви не выйдет замуж, миссис Грифитс тревожилась и даже протестовала против многих ее знакомств, увлечений и развлечений: она оберегала дочь.

— Где же ты была? — спросила миссис Грифитс, когда дочь вбежала в комнату, бросила книги и подошла к пылавшему камину.

— Подумай только, мама,— весело начала Белла, не обращая внимания на вопрос матери.— Финчли хотят отказаться от своей дачи на Лесном озере. Они собираются летом на Двенадцатое озеро, около Соснового мыса, и будут строить там новую дачу. Сондра говорит, что теперь дача будет у самой воды, не так далеко, как старая. И там будет огромная веранда с паркетным полом. И огромный лодочный сарай,— знаешь, мистер Финчли собирается купить Стюарту моторную лодку в тридцать футов длиной. Чудесно, правда? И Сондра говорит, что, если ты позволишь, я могу приехать к ней на сколько захочу, даже на все лето. И Гил тоже, если захочет. Это как раз напротив Эмери Лодж и отеля «Ист-Гейт», на другой стороне озера. А дача Фэнтов — знаешь, Фэнты из Утики? — немного подальше, около Шейрона. Вот чудесно, правда? Просто великолепно! Хорошо бы, вы с папой тоже надумали построить там дачу. По-моему, сейчас все сто́ящие люди туда едут.

Она говорила без умолку и вертелась то у камина, где пылал огонь, то возле окон, выходивших на лужайку перед домом; за лужайкой тянулась Уикиги-авеню,— там в зимних сумерках уже зажигались фонари. Мать не могла вставить ни слова, пока Белла не исчерпала потока своего красноречия; тогда она сказала:

— Да? Вот как! Ну, а как же Энтони, и Николсоны, и Тэйлоры? Я что-то не слыхала, чтобы они собирались покинуть Лесное озеро.

— Ну конечно, ни Энтони, ни Тэйлоры не переезжают. Разве они могут сдвинуться с места? Они слишком старомодны. Не такие это люди, чтобы переехать куда-нибудь. Никто от них этого и не ждал. Но все равно Лесное озеро не Двенадцатое, ты сама знаешь. И все, кто хоть что-нибудь значит в обществе, наверно, переселятся на Двенадцатое. Сондра говорит, что Крэнстоны переезжают в будущем году. А тогда, конечно, Гарриэты тоже переедут.

— И Крэнстоны, и Финчли, и Гарриэты, и Сондра! — воскликнула мать Беллы, полусмеясь, полусердито.— Я только и слышу все эти дни о Крэнстонах, о тебе, о Бертине и о Сондре.

Крэнстоны и Финчли, недавно разбогатевшие выскочки, хоть и пользовались некоторым успехом в ликургском обществе, но в то же время, более чем кто-либо другой, постоянно служили предметом самых недоброжелательных пересудов. Это они перевели сюда из Олбани «Крэнстоновскую компанию плетеных изделий», а из Буффало — «Электрические пылесосы Финчли» и выстроили огромные фабрики на южном берегу реки Могаук, грандиозные особняки на Уикиги-авеню и летние коттеджи на Лесном озере, милях в двадцати к северо-западу от Ликурга. Они жили на широкую ногу, слишком напоказ, и это не нравилось богатым старожилам Ликурга. Эти выскочки одевались по последней моде, вводили всякие новшества в автомобильный спорт и в развлечения, и с ними было нелегко тягаться тем, кто доныне, обладая меньшими средствами, считал свое положение и свой уклад жизни достаточно прочными и приятными и не желал лучшего. Словом, Крэнстоны и Финчли чересчур задавали тон и были слишком напористы, а потому стали бельмом на глазу для остальной части ликургского «света».

— Сколько раз я тебе говорила, Белла, что мне не нравится твоя дружба с Бертиной и с этой Леттой Гарриэт и ее братом. Они слишком дерзкие, вечно суетятся, слишком много говорят и слишком любят выставляться напоказ. И твой отец относится к ним так же, как я. А Сондра Финчли напрасно думает, что можно дружить сразу со всеми. Если она не перестанет дружить с Бертиной, тебе придется с ней расстаться. И потом, я не уверена, что отец позволит тебе поехать куда-нибудь без старших. Ты еще недостаточно взрослая, а что касается дачи Финчли на Двенадцатом озере, то либо мы поедем туда все вместе, либо никто из нас не поедет.

Миссис Грифитс были больше по душе образ жизни и манеры семейств, издавна живущих в Ликурге, хотя и не таких богатых, как все эти недавние пришельцы, и теперь она укоризненно смотрела на дочь.

Однако Белла нисколько не была смущена или раздосадована этими замечаниями. Она знала мать, знала, что та безумно любит ее, гордится ее красотой и очень довольна ее успехами в обществе, так же как и отец: он считал Беллу совершенством и никогда не мог устоять перед ее улыбкой, чем она часто пользовалась.

— Недостаточно взрослая, недостаточно взрослая,— с упреком повторила Белла.— Не угодно ли! В июле мне будет восемнадцать. Хотела бы я знать, когда вы с папой сочтете наконец, что я достаточно взрослая и не нуждаюсь в няньках? До каких пор вы меня не будете никуда пускать одну? Неужели, если вы едете куда-нибудь, мне непременно надо ехать с вами, а если я захочу поехать куда-нибудь, так и вы должны ехать со мной!

— Белла! — предостерегающе воскликнула мать. Наступило короткое молчание; Белла нетерпеливо ждала; затем миссис Грифитс прибавила: — Ну, а что же нам, по-твоему, делать? Вот когда тебе исполнится двадцать один или двадцать два года,— если ты к тому времени еще не выйдешь замуж,— тогда мы подумаем, как отпускать тебя одну. А пока об этом и говорить нечего.

В эту минуту Белла приподняла свою хорошенькую головку и прислушалась: внизу хлопнула дверь, и на лестнице послышались шаги Гилберта Грифитса, единственного сына в семье ликургских Грифитсов,— лицом и сложением (но не манерами и не характером) он очень походил на Клайда, своего двоюродного брата, живущего на Западе.

Это был крепкий двадцатитрехлетний юноша, тщеславный и себялюбивый. Он казался более жестким, чем сестры, и куда более практичным. Вероятно, он был сообразителен и энергичен в делах — область, к которой его сестры не питали ни малейшего интереса. Он был резок и нетерпелив. Свое положение в обществе считал незыблемым и относился с полнейшим презрением ко всему, кроме делового успеха. И, однако, он очень интересовался жизнью местного общества, причем считал себя и свою семью важнейшей его частью. Никогда не забывая о достоинстве и общественном положении своей семьи, он тщательно взвешивал каждый свой шаг, каждое слово. Случайного наблюдателя обычно поражали в нем надменность и резкость, отсутствие юно-

ческой веселости, казалось бы свойственной его возрасту. И все же он был молод, интересен и недурен собой, притом обладал острым языком и умел подчас вставить если не блестящее, то злое и меткое словцо. В Ликурге, благодаря положению семьи и своему собственному, он считался одним из самых завидных женихов. Но он был настолько поглощен собственной особой, что вряд ли в его внутреннем мире нашлось бы место для тонкого, подлинного понимания другого человека.

Услышав, что он поднялся по лестнице и вошел к себе,— его комната находилась в глубине дома, рядом с ее комнатой,— Белла выбежала от матери и постучалась к нему.

— Гил, можно к тебе? — окликнула она.

— Конечно.

Весело посвистывая и, очевидно, собираясь куда-то, он доставал фрак.

— Ты куда собираешься?

— Никуда. Переодеваюсь к обеду. Вечером поеду к Вайнантам.

— Ах, Констанция, конечно.

— Нет, не Констанция, конечно. С чего ты взяла?

— Как будто я не знаю!

— Перестань. Ты для этих разговоров пришла?

— Вовсе нет. Ты подумай, Финчли собираются на будущее лето построить дачу на Двенадцатом озере, на самом берегу, рядом с Фэнтами, и мистер Финчли покупает для Стюарта моторную лодку длиной в тридцать футов и строит для нее сарай и солярий. Вот номер, а?

— Что за выражения у тебя! Неужели ты не можешь отучиться от жаргона? Говоришь, как девчонка с фабрики. Это все, чему вас учат в школе?

— Ну, уж не тебе говорить о жаргоне! А ты сам? По-моему, ты первый подаешь пример!

— Во-первых, я старше тебя на пять лет. Во-вторых, я мужчина. Лучше бы ты брала пример с Майры — разве она когда-нибудь так разговаривает?

— Ах, Майра!.. Ну, хватит. Ты лучше подумай, они выстроят дачу, и летом у них будет так весело. Хочешь, мы туда поедем? Мы можем поехать, если захотим... только если папа и мама согласятся.

— Ну, не знаю, так ли уж это замечательно,— ответил брат, хотя на самом деле его очень заинтересовала эта новость.— Мало ли мест, куда можно поехать, кроме Двенадцатого озера.

— Да, конечно, но только не для тех, кого мы знаем. Скажи, пожалуйста, куда еще едут лучшие семьи из Олбани и Утики? Сондра говорит, что на Двенадцатое озеро съедется все лучшее общество, на западном берегу будут самые лучшие дачи. Во всяком случае, Крэнстоны, и Ламберты, и Гарриэты очень скоро туда поедут,— прибавила Белла решительно и вызывающе.— На Лесном озере почти никого не останется из нашего общества, даже если Энтони и Николсоны не двинутся с места.

— А кто сказал, что Крэнстоны переселяются на Двенадцатое? — с живым интересом спросил Гилберт.

— Ну конечно, Сондра.

— А ей кто сказал?

— Бертина.

— Да, эти семейства стали весело жить,— странным тоном и не без зависти заметил Гилберт.— Скоро им станет тесно в Ликурге.— Он резким движением дернул галстук бабочкой, который ему никак не удавалось приладить, и слегка поморщился — воротничок был тесен.

Хотя Гилберт и вошел недавно в дело своего отца в качестве главного контролера над производством, а вскоре рассчитывал стать во главе всего предприятия, он все же завидовал молодому Грэнту Крэнстону, своему ровеснику, юноше очень красивому и привлекательному, который был гораздо смелее в обращении с девушками и пользовался у них большим успехом. Молодой Крэнстон, видимо, считал, что помощь отцу на предприятии можно прекрасно сочетать с некоторой долей светских развлечений,— Гилберт с этим не соглашался. В сущности, молодой Грифитс, если б мог, с удовольствием обвинил бы молодого Крэнстона в распущенности, но тот до сих пор не выходил за рамки благоразумия. И «Крэнстоновская компания плетеных изделий» явно выдвигалась в ряд крупнейших предприятий Ликурга.

— Да,— прибавил Гилберт, помолчав,— они слишком быстро расширяют дело, я бы на их месте вел себя осторожнее. В конце концов, они не самые богатые люди на свете.

При этом он подумал, что Крэнстоны не похожи на него и на его родителей: они в самом деле смелее, хотя, может быть, и не больше гонятся за успехом в обществе. Он им завидовал.

— И знаешь,— восторженно заявила Белла,— Финчли еще устраивают над сараем для яхты веранду с паркетным полом для танцев. И Сондра говорит, Стюарт хотел бы, чтобы ты этим летом погостил у них подольше.

— Да неужели? — сказал Гилберт саркастически и не без зависти.— Вернее сказать, он надеется, что это ты погостишь у них подольше. Я буду занят все лето.

— Ничего подобного он не говорил. И потом, ничего с нами не случится, если мы туда съездим. На Лесном, как я понимаю, хорошего будет мало. Там останутся одни мокрые курицы!

— Вот как! Маме будет очень приятно это слышать.

— А ты, конечно, ей скажешь?

— Нет, не скажу. Только я не думаю, чтобы мы так сразу взяли и поехали за Крэнстонами и Финчли на Двенадцатое озеро, по крайней мере, сейчас. Но ты можешь погостить у них, если тебе так хочется и если папа позволит.

В эту минуту внизу снова раздался стук входной двери, и Белла, забыв о споре с братом, побежала встречать отца.

ГЛАВА II

Родоначальник ликургской ветви Грифитсов был с виду гораздо примечательнее, чем отец семейства Грифитсов в Канзас-Сити. В противоположность своему коротенькому и мешковатому брату из миссии «Врата упования», которого он не видел лет тридцать, Сэмюэл Грифитс был выше среднего роста, крепок и строен, с пронизывающим взглядом, резкими манерами и речью. Давно уже он привык считать себя человеком незаурядной проницательности, обладателем выдающихся деловых качеств — не случайно же он столь многого достиг! — и подчас бывал нетерпим к тем, кого нельзя было назвать незаурядными людьми. Он не был груб или неприятен в обращении, но всегда старался сохранять спокойный и бесстрастный вид.

И, оправдывая эту свою манеру держаться, он говорил себе, что просто ценит себя так, как все окружающие ценят его и тех, кто, подобно ему, преуспевает в жизни.

Сэмюэл Грифитс переселился в Ликург лет двадцать пять назад с небольшим капиталом и с решением вложить его в новое предприятие — фабрику воротничков; успех превзошел самые смелые его ожидания, и, естественно, он этим гордился. Теперь, спустя двадцать пять лет, ему принадлежал бесспорно один из самых лучших и со вкусом построенных особняков в городе. Грифитсы занимали видное место среди здешней аристократии, они были если не старейшей, то, во всяком случае, одной из самых солидных, самых уважаемых и преуспевающих семей в Ликурге. Старшая дочь Сэмюэла Грифитса, как известно,

держалась обособленно, но двое младших его детей играли видную роль в кружке богатой и веселой ликургской молодежи, и до сих пор не случалось ничего такого, что могло бы поколебать его положение или бросить тень на его имя.

В этот день, возвратившись домой из Чикаго, где ему удалось заключить несколько сделок, обеспечивших благополучие и процветание фабрики по меньшей мере на год, Сэмюэл Грифитс был настроен весьма благодушно и очень доволен собой и всем светом. Ничто не омрачило его путешествия. В его отсутствие дела на фабрике шли не хуже, чем при нем. Заказов было много.

Войдя в дом, он бросил на пол тяжелый саквояж, скинул модное пальто и, обернувшись, увидел, как и ожидал, бегущую к нему Беллу. Разумеется, она была его любимицей. Он считал ее очаровательной, несравненной, своего рода произведением искусства, лучшим, что подарила ему жизнь: юность, здоровье, веселье, ум и любовь — все воплощалось в образе прелестной дочери.

— Это ты, папочка? — нежно и радостно крикнула Белла.

— Как будто я, кто же еще! Ну, как поживает моя дочурка?

Он открыл объятия, и Белла кинулась ему на шею.

— Что за славная, крепкая, здоровая девочка! — провозгласил он после нежного поцелуя.— А как вела себя негодница, пока меня не было дома? Только говори правду!

— О папочка, я была паинькой. Спроси кого хочешь. Вела себя как нельзя лучше.

— А мама здорова?

— Здорова, папочка! Она у себя наверху. Наверно, она не слышала, как ты вошел.

— А Майра? Она уже вернулась из Олбани?

— Да. Она у себя. Я сейчас слышала, как она играла. Я сама только что пришла.

— Ай-ай! Опять бегала по гостям. Знаю я тебя.

Он весело погрозил ей пальцем, а Белла уже повисла у него на руке и, стараясь шагать с ним в ногу, начала подниматься по лестнице.

— И вовсе я никуда не бегаю,— лукаво и ласково ворковала она.— Ты ко мне просто придираешься, папочка! Я только на минутку забежала к Сондре. И знаешь, Финчли больше не поедут летом на Лесное озеро. Они собираются строить большую красивую дачу на самом берегу Двенадцатого. И мистер Финчли купит Стюарту большую моторную лодку. Они будут жить там все лето, с мая до октября. И Крэнстоны, наверно, тоже.

Мистер Грифитс давно уже привык к уловкам своей младшей дочери, и его в эту минуту мало интересовало то, что ему

хотела внушить Белла,— что Двенадцатое озеро стало более модным местом, нежели Лесное; куда существеннее, думал он, что Финчли могут позволить себе такой большой и неожиданный расход только ради светских развлечений.

Не отвечая Белле, он поднялся по лестнице и вошел в комнату жены. Он поцеловал миссис Грифитс, заглянул к Майре, которая подошла к двери, чтобы поцеловать его, и стал рассказывать о своей удачной поездке. По тому, как он поздоровался с женой и дочерью, было ясно, что супруги живут в полном согласии и взаимопонимании и что, хотя отцу, быть может, не совсем по душе характер и взгляды старшей дочери, все же он и на нее щедро изливает свою нежную привязанность.

Пока супруги беседовали, появилась миссис Трюсдейл и возвестила, что обед подан, и в то же время вошел Гилберт, уже успевший переодеться.

— Послушай, папа,— сказал он,— я бы хотел завтра утром поговорить с тобой по одному интересному вопросу. Можно?

— Разумеется. Я буду на фабрике. Приходи к двенадцати.

— Пойдемте вниз, обед простынет,— строго напомнила миссис Грифитс, и Гилберт немедленно направился к лестнице.

За ним двинулся мистер Грифитс под руку с Беллой и, наконец, миссис Грифитс и Майра, только что вышедшая из своей комнаты.

Как только все уселись за стол, завязалась оживленная беседа на злободневные темы ликургской жизни. Главным источником всяких сплетен была Белла: она собирала их в школе Снедекер, куда все светские новости проникали с поразительной быстротой; и теперь она вдруг объявила:

— Послушай, мама, что я расскажу про Розету Николсон. Это племянница миссис Дистон Николсон, она приезжала сюда прошлым летом из Олбани, помнишь? Она еще приходила на наш школьный праздник... такая, с желтыми волосами и раскосыми голубыми глазами. У ее отца оптовый бакалейный магазин в Олбани. Ну, так вот, она обручена с Гербертом Тикхэмом из Утики. Знаешь, который прошлым летом гостил у миссис Ламберт. Ты не помнишь его, а я помню. Такой высокий, темноволосый и немножко нескладный. Ужасно бледный, но очень красивый — прямо как герой из кино!

— Вот, обратите внимание, миссис Грифитс,— колко и насмешливо вставил Гилберт.— Воспитанницы Образцовой школы сестер Снедекер иной раз тайком бегают в кино, чтобы освежить свои познания о героях.

Но тут заговорил Грифитс-старший.

— В Чикаго со мной произошел любопытный случай,— сказал он.— Я думаю, всем вам будет интересно.

Два дня назад в Чикаго он неожиданно встретился с юношей, который оказался старшим сыном его младшего брата Эйсы; сейчас мистер Грифитс хотел рассказать домашним об этой встрече и о решении, которое он принял в связи с нею.

— А что такое, папа? Расскажи скорее! — тотчас же заторопила Белла.

— Выкладывай свои великие новости,— прибавил Гилберт: он знал, что отец очень привязан к нему, и поэтому держался с ним свободно и на равной ноге.

— Ну, так вот,— начал мистер Грифитс.— В Чикаго я остановился в клубе «Юнион лиг» и там встретил одного молодого человека, нашего родственника; это ваш двоюродный брат, дети,— старший сын моего брата Эйсы, который теперь живет в Денвере. Я не видел его уже лет тридцать и ничего о нем не слышал...— Он замолчал, задумавшись, словно в нерешительности.

— Это тот, который где-то проповедником? — спросила Белла, взглянув на отца.

— Да, тот самый. По крайней мере, насколько я знаю, он был проповедником некоторое время, после того как ушел из дому. Но его сын сказал мне, что теперь он это оставил. У него какое-то дело в Денвере, отель как будто.

— А какой у него сын? — спросила Белла.

Ей были знакомы только те щеголеватые, внешне степенные юноши и мужчины, с которыми ей позволяли встречаться ее положение в обществе и родительский надзор, и поэтому новый родственник, сын владельца отеля где-то на Западе, живо заинтересовал ее.

— Двоюродный брат? А сколько ему лет? — вставил Гилберт; его интересовало, что представляет собой этот родственник, каковы его положение и способности.

— По-моему, он очень приятный молодой человек,— отвечал мистер Грифитс не слишком уверенно, так как до сих пор, в сущности, не составил себе определенного мнения о Клайде.— У него привлекательная внешность, хорошие манеры; он примерно твоих лет, Гил, и похож на тебя, очень похож: те же глаза, рот, подбородок.— Грифитс внимательно посмотрел на сына.— Он немного выше тебя и, кажется, худощавее, а может быть, я и ошибаюсь.

Мысль о двоюродном брате, который похож на него, носит ту же фамилию и, быть может, обладает теми же достоинствами,

была малоприятна Гилберту. До сих пор здесь, в Ликурге, он был хорошо известен как единственный сын, будущий глава фирмы и наследник по меньшей мере трети всего отцовского состояния. И вдруг теперь в обществе узнают, что у него есть родственник, двоюродный брат, такого же возраста и даже похожий на него... При одной мысли об этом Гилберта передернуло.

Он тут же решил (психологическая реакция, которой он сам не понимал и с которой не мог совладать), что этот двоюродный брат ему не нравится и никогда не понравится.

— Чем же он занимается? — отрывисто и довольно кислым тоном спросил Гилберт, хотя и старался скрыть досаду.

— Ну, положение его не из завидных, надо сказать,— с улыбкой ответил Сэмюэл Грифитс.— Он сейчас всего-навсего рассыльный в клубе «Юнион лиг» в Чикаго, но производит впечатление весьма приятного и воспитанного юноши. Мне он очень понравился. Он сказал, что там у него нет никакой возможности выдвинуться и что ему хотелось бы поработать на таком месте, где можно чему-то научиться и выйти в люди. Я предложил ему приехать сюда. Пусть попытает счастья, если хочет. Мы могли бы для него кое-что сделать. По крайней мере, дадим ему возможность показать, на что он способен.

Мистер Грифитс не намерен был сразу сообщить, что так близко принял к сердцу судьбу племянника: он хотел подождать некоторое время, обсудить свой план с женой и сыном. Но ему показалось, что представился удобный случай заговорить об этом, и он был рад, что так вышло: сходство Клайда с Гилбертом поразило его, и ему захотелось немного помочь племяннику.

Гилберт выслушал все это хмуро и с досадой; миссис Грифитс, всегда принимавшая сторону сына, предпочла бы, чтобы рядом с ним не было ни единокровных, ни каких-либо иных соперников; но Майра и Белла живо заинтересовались планами отца. Итак, у них есть двоюродный брат, тоже Грифитс, красивый, одних лет с Гилбертом, и притом, по словам отца, симпатичный и с хорошими манерами. И Майре и Белле это понравилось. Но миссис Грифитс заметила, как омрачилось лицо Гилберта, и потому не слишком обрадовалась. Гилберту будет неприятно появление этого двоюродного брата; но из уважения к авторитету и рассудительности своего супруга она пока промолчала. Зато Белла не могла молчать.

— Ты дашь ему место на фабрике, папочка? — воскликнула она.— Ой, как интересно! Надеюсь, он красивее других наших двоюродных братьев.

— Белла! — с упреком сказала миссис Грифитс, а Майра многозначительно улыбнулась, вспомнив, как несколько лет назад их навестили неуклюжие дядя и двоюродный брат из Вермонта.

Тем временем Гилберт, сильно раздосадованный, мысленно восстал против всей этой затеи. Он просто не мог понять отца.

— Разумеется, мы никогда не отказывали тем, кто хотел бы работать на фабрике и изучить наше дело,— сказал он резко.

— Нет, отказывали,— возразил отец,— но только не двоюродным братьям и не племянникам. Кроме того, он, по-моему, очень неглуп, у него есть честолюбие. Что плохого, если мы дадим нашему родственнику возможность приехать сюда и показать, на что он способен? Не понимаю, почему бы нам не взять его на службу, как и всякого другого.

— А я знаю, Гилу не хочется, чтобы в Ликурге появился второй молодой Грифитс, да еще похожий на него! — лукаво и не без ехидства сказала Белла, стараясь отплатить брату за его постоянные придирки и поучения.

— Какая чушь! — раздраженно фыркнул Гилберт.— Хоть бы ты раз в жизни сказала что-нибудь разумное. Не все ли мне равно, как его фамилия и похож он на меня или нет.

Он был очень зол.

— Гилберт! — с упреком воскликнула миссис Грифитс.— Как ты говоришь с сестрой!

— Ну, я не стану ничего делать для этого молодого человека, если из-за него тут разгораются страсти,— сказал Грифитс-старший.— Но его отец никогда не был практичным человеком, и я подозреваю, что у Клайда до сих пор не было никакой возможности выйти в люди. (Гилберта передернуло, когда отец так дружески и фамильярно назвал двоюродного брата по имени.) Я предложил ему перебраться сюда просто потому, что хотел помочь ему сделать первый шаг. Понятия не имею, выйдет ли из него толк. Может быть, он сумеет работать, а может быть, и нет. Если нет...— И он сделал жест рукой, как бы желая сказать: «Если нет, мы, разумеется, от него избавимся».

— Что ж, по-моему, это очень великодушно с твоей стороны,— любезно и дипломатично заметила миссис Грифитс.— Надеюсь, он выдержит испытание.

— И вот еще что,— многозначительно прибавил отец семейства.— Я вовсе не желаю, чтобы к этому молодому человеку, пока он будет служить у меня на фабрике, относились иначе, чем ко всем служащим, только потому, что он мой племянник. Он приезжает сюда работать, а не развлекаться. И, пока он будет здесь на испытании, вам незачем завязывать с ним

светские отношения,— ни в коем случае. Мне кажется, он не из навязчивых и не вообразит, что мы здесь примем его как равного. Это было бы глупо. Позже, если он докажет, что действительно стоит того, способен сам позаботиться о себе, знает свое место и не выскакивает вперед, и если кому-нибудь из вас захочется оказать ему немножко внимания,— ну что ж, тогда посмотрим... но не раньше!

Тем временем служанка Аманда, помощница миссис Трюсдейл, убрала со стола остатки обеда и подала десерт. Глава семьи редко ел сладкое и обычно, если не было посторонних, просматривал в это время биржевые и банковские бюллетени, которые хранились у него в маленькой конторке в библиотеке; так и сегодня — он отодвинул стул, встал и, извинившись перед женой и детьми, ушел в библиотеку, которая помещалась рядом со столовой. Остальные принялись за десерт.

— Хотела бы я посмотреть, какой он, этот двоюродный брат,— сказала Майра.— А ты, мама?

— Я тоже. Надеюсь, он постарается оправдать ожидания вашего отца. Было бы нехорошо с его стороны, если бы он этого не сделал.

— Я все-таки не понимаю,— заметил Гилберт,— зачем нам выписывать еще людей, когда мы с трудом можем дать работу своим, здешним. И потом, вообразите, какие тут пойдут разговоры, когда все узнают, что наш двоюродный брат до приезда сюда был всего-навсего рассыльным.

— Но как об этом узнают? — сказала Майра.

— Как узнают? А как мы можем помешать ему рассказывать о себе? Тогда придется специально предупредить его. И потом, сюда может приехать кто-нибудь, кто видел его там.— В глазах Гилберта вспыхнул недобрый огонек.— Впрочем, я надеюсь, что он не станет болтать. Это, конечно, не принесло бы нам ничего хорошего.

— А я надеюсь, что он не такой скучный, как сыновья дяди Аллена. По-моему, это самые неинтересные молодые люди на свете.

— Белла! — снова остановила ее миссис Грифитс.

ГЛАВА III

Клайд, которого Сэмюэл Грифитс встретил в чикагском клубе «Юнион лиг», был уже не тем юнцом, что бежал из Канзас-Сити три года назад. Ему теперь исполнилось двадцать лет:

он стал выше, крепче, хотя вряд ли намного сильнее, и, конечно, приобрел немалый жизненный опыт. После того как он бросил дом и службу в Канзас-Сити, ему пришлось столкнуться с многими жизненными трудностями: он узнал, что значит выполнять тяжелую, унизительную работу, ютиться по жалким углам, не иметь ни близких, ни друзей и самому пробивать себе дорогу в жизни. И постепенно в нем развилась известная уверенность в себе, вкрадчивость и такт, на какие за три года перед тем никто не счел бы его способным. Он теперь одевался далеко не так элегантно, как во время работы в «Грин-Дэвидсон», зато у него выработалось благородство манер, которое производило хорошее впечатление, хотя и не бросалось сразу в глаза. Но главное,— и это особенно отличало его от Клайда прежних дней, удравшего из Канзас-Сити в товарном вагоне,— он стал гораздо осторожнее и сдержаннее. Ибо с тех пор как он бежал из Канзас-Сити и должен был пускаться на всяческие ухищрения, чтобы просуществовать, он понял, что его будущее зависит только от него самого. Его родные — в этом он окончательно убедился — ничем не могли ему помочь. Все они — и мать, и отец, и Эста — были слишком непрактичны и слишком бедны.

Но в то же время, несмотря на все их затруднения, его сейчас тянуло к ним, особенно к матери, и ко всей старой домашней жизни, которая была привычна ему с детства,— к брату, к сестрам, даже к Эсте; теперь он хорошо понимал, что она, как и он сам, стала жертвой обстоятельств, не зависевших от ее воли. Часто он с мучительной болью вспоминал о прошлом: как он обращался с матерью, как внезапно прервалась его карьера в Канзас-Сити, каким ударом была для него потеря Гортензии Бригс... Сколько тяжелого перенес он с тех пор и сколько горя, должно быть, доставил матери и Эсте!

Через два дня после своего бегства из Канзас-Сити он добрался до Сент-Луиса; на полпути двое кондукторов нашли его, спрятавшегося в товарном вагоне, и в серое зимнее утро он оказался на снегу, в ста милях от Канзас-Сити, избитый, оглушенный падением; кондукторы избавили его от часов и теплого пальто. В Сент-Луисе ему попался номер канзасской газеты «Стар», и тут он узнал, что его худшие опасения оправдались. Газета посвящала полтора столбца на первой странице под крупным заголовком подробному описанию случившегося: убита одиннадцатилетняя девочка, дочь состоятельных, хорошо известных в Канзасе родителей (она была сбита с ног, попала под колеса и через час умерла); Спарсер и мисс Сайп находятся в госпитале под арестом; при них, в ожидании их выздоровления,

дежурит полицейский; великолепный автомобиль серьезно поврежден; отец Спарсера, служивший у владельца машины, в гневе и отчаянии из-за сумасбродного и явно преступного поведения сына.

Хуже того: злополучный Спарсер, которому уже предъявили обвинение в краже и убийстве, желая, без сомнения, уменьшить свою вину в этой катастрофе, не только назвал имена всех участников поездки и дал адрес отеля, где служили молодые люди, но и заявил, что все они наравне с ним виноваты в случившемся, так как вынуждали его, вопреки его желанию, ехать быстрее,— вполне справедливое обвинение, как знал Клайд. А в отеле Скуайрс сообщил полиции и газетам имена родителей всех, кто у него служил, и их домашние адреса.

Это было самым тяжким ударом. Далее следовало волнующее описание того, как были потрясены все родные, узнав об их проступке.

Миссис Ретерер, мать Тома, расплакалась и заявила, что ее сын — хороший мальчик и, конечно, не хотел сделать ничего дурного, она в этом уверена. А миссис Хегленд — пожилая женщина, любящая мать Оскара,— сказала, что ее сын — честнейший и благороднейший юноша в мире и что его, наверно, напоили.

А в доме Грифитсов, как описывала «Стар», мать стояла бледная, очень испуганная и расстроенная, ломая руки, и, казалось, не понимала, что произошло: она не хотела верить, что ее сын участвовал в этой прогулке; тут какое-то недоразумение, утверждала она, сын, конечно, скоро вернется и все объяснит.

Но Клайд не вернулся. И больше он ничего не слышал об этом деле, потому что из страха и перед полицией, и перед самой матерью (он боялся ее скорбных, полных отчаяния глаз) он несколько месяцев не писал домой. Потом один раз написал, сообщил, что жив и здоров и просит мать не тревожиться о нем, но не назвал ни своего нового имени, ни адреса.

Он переезжал с места на место в поисках работы: был в Сент-Луисе, в Пеории, Чикаго, Милуоки. Он мыл посуду в ресторане, продавал содовую воду в маленькой захудалой аптеке, пробовал работать приказчиком в магазине обуви и в бакалейной лавке,— словом, брался за что попало, но все неудачно: либо ему давали расчет, либо сам он бросал работу, потому что она ему не нравилась. Как-то он отложил из своих заработков и послал матери десять долларов и в другой раз — еще пять. Года через полтора он решил, что розыски его, вероятно, прекратились и его участие в преступлении уже забыто или признано не

настолько значительным, чтобы продолжать преследование. И когда ему удалось в Чикаго получить сносный заработок (он работал возчиком, разъезжал с фургоном, доставляя товары на дом, и это давало ему пятнадцать долларов в неделю), он решился написать матери: теперь он мог сообщить ей, что у него приличное место и что он давно уже ведет себя хорошо, хотя и скрывает свое настоящее имя. В это время он снимал койку в западной части города на Полина-стрит, и вот тогда-то он и написал такое письмо:

«Дорогая мама!

Не знаю, живете ли вы еще в Канзас-Сити. Напиши мне, пожалуйста, где вы и как живете. Мне очень хочется узнать все о вас и рассказать о себе. Честное слово, мама, я с радостью буду тебе писать, если только ты хочешь. Я здесь так одинок. Но ты все-таки будь осторожна и никому не говори, где я. Из этого могут выйти большие неприятности, а я так старался начать новую жизнь и сейчас только что устроился. Поверь мне, я ничего плохого не сделал, правда, ничего, что бы там ни говорили газеты,— я только поехал вместе со всеми. Но я боялся, что меня накажут за то, чего я не делал. Я просто не мог тогда вернуться домой. Я совсем не виноват, но я боялся, что подумаешь ты и отец. Меня пригласили, и я поехал, но он сказал, что я просил его взять машину и подгонял его на обратном пути,— это неправда. Он сам взял машину и пригласил всех нас. Может быть, мы все виноваты, что сбили девочку, но мы ведь этого не хотели. Это вышло нечаянно. И мне ужасно жалко, что так случилось. Сколько горя я тебе причинил! И как раз в то время, когда тебе так нужна была моя помощь! Просто ужас! Но я все-таки надеюсь, что ты простишь меня, мама,— правда?

Я очень хочу знать, как вы все живете. Как Эста, Джулия, Фрэнк, отец? Где вы и что делаете? Ты же знаешь, как я люблю тебя, мама. Теперь я кое-чему научился и лучше все понимаю. Я хотел бы добиться какого-то положения в жизни. Надеюсь, что мне повезет. У меня теперь довольно хорошее место, правда, не такое, как в Канзас-Сити, но все-таки вполне приличное, хотя и в другом роде. Но я хочу добиться чего-нибудь лучшего. Только я постараюсь больше не работать в гостиницах. Это не подходящее дело для таких, как я. По-моему, не стоит забираться так высоко. Видишь, я теперь поумнел. Там, где я служу, мною довольны, но я хочу достигнуть лучшего положения. Кроме того, зарабатываю я не так много, хватает только на самое необходимое: комната, стол, одежда. Но я все-таки стараюсь

понемножку откладывать, потому что хочу найти себе какое-нибудь подходящее занятие, чтобы можно было чему-нибудь научиться. В наше время каждый человек должен иметь специальность, теперь я это понимаю.

Напиши мне, мама, обо всем, я очень хочу знать, как вы все живете и что делаете. Передай привет Фрэнку, Джулии, отцу и Эсте, если все они еще живут с тобой. Я люблю тебя по-прежнему и надеюсь, что ты все-таки тоже немножко любишь меня. Правда? Я не подписываюсь настоящим именем, потому что это может быть еще рискованно (я не называл себя так с тех пор, как уехал из Канзас-Сити). Подписываюсь другим именем, но надеюсь, что очень скоро смогу отказаться от него и снова носить настоящую фамилию. Хотел бы сделать это теперь, но пока еще боюсь. Если захочешь написать мне, адресуй письма Гарри Тенету, до востребования, Чикаго.

Буду ждать скорого ответа. Подписываюсь так, чтобы не доставить ни вам, ни себе еще новых неприятностей, понимаешь? Но как только буду вполне уверен, что с той историей покончено, я, конечно, снова возьму свое настоящее имя.

Твой любящий сын».

Вместо подписи он провел черту, написал под нею «ты знаешь» и отправил письмо.

И так как мать, не зная, где он находится, непрестанно тревожилась о нем, он очень скоро получил ответное письмо: на конверте стоял почтовый штемпель Денвера, это очень удивило Клайда, так как он думал, что семья все еще живет в Канзас-Сити.

«Дорогой сын!

Я очень удивилась и обрадовалась, когда получила письмо от моего мальчика и узнала, что он жив и здоров. Я все время надеялась и молилась, чтобы ты вновь вернулся на стезю добродетели — единственный путь, который может привести тебя к успеху и счастью,— и чтобы господь позволил мне получить известие от тебя и узнать, что ты жив и здоров и трудишься и живешь честно. И вот бог услышал мои молитвы. Я знала, что он меня услышит. Да будет благословенно его святое имя!

Я не осуждаю тебя за то страшное несчастье, которое постигло тебя, и за те страдания и позор, которые ты навлек на себя и на всех нас, ибо я хорошо знаю, как дьявол искушает и преследует всех нас, смертных, и особенно такое дитя, как ты. Если бы ты знал, мой сын, как должно остерегаться, чтобы из-

бегнуть сетей дьявола! Ведь перед тобой лежит долгий путь. Будешь ли ты всегда бдителен и постараешься ли оставаться верным учению нашего Спасителя, которое я старалась запечатлеть в умах и сердцах моих дорогих детей? Остановишься ли ты и прислушаешься ли к голосу нашего господа, который всегда с нами и направляет наши стопы по каменистому пути, что ведет в царство небесное, более прекрасное, чем мы в нашей земной жизни можем себе представить? Обещай мне, дитя мое, что ты будешь твердо следовать наставлениям, полученным тобою в детстве, и всегда будешь помнить, что сила — в справедливости, и никогда, никогда, мой мальчик, не прикасайся к вину, кто бы тебе его ни предлагал. Вот где дьявол царит во всей своей славе и всегда готов восторжествовать над слабым. Помни всегда то, что я тебе так часто говорила: «Вино — обманщик, пить — значит впасть в безумие, кто поддается обману — тот не мудр». Моя самая горячая молитва теперь о том, чтобы эти слова раздавались в ушах твоих всякий раз, как тебя посетит искушение, ибо я убеждена, что именно вино было истинной причиной того страшного несчастья.

Я много перестрадала тогда из-за тебя, Клайд, и все это произошло как раз в то время, когда мне пришлось вынести такое страшное испытание из-за Эсты. Я едва не потеряла ее. Она была так плоха. Бедное дитя, она дорого заплатила за свой грех! Нам пришлось наделать долгов и потом долго работать, чтобы их выплатить. Но теперь мы наконец расплатились, и наши дела уже не так плохи, как прежде.

Как видишь, мы теперь в Денвере. У нас здесь собственная миссия: она помещается в большом доме, так что всем нам хватает места, и мы еще сдаем несколько комнат,— этим ведает Эста. Кстати, она теперь миссис Никсон. У нее прелестный мальчик, он очень напоминает нам с отцом тебя, когда ты был ребенком. Глядя на его проказы, мы так часто вспоминаем тебя, что нам даже кажется, будто ты снова стал маленьким и вернулся к нам. И это нас немного утешает.

Фрэнк и Джулия очень выросли и стали настоящими моими помощниками. Фрэнк разносит газеты и кое-что зарабатывает — это тоже помощь. Эста хочет, чтобы они оба, пока у нас хватит сил, продолжали учиться в школе.

Отец не совсем здоров, но это понятно: ведь он уже не молод. Все-таки он делает все, что может.

Я очень рада, Клайд, что ты так стремишься выйти в люди. Вчера вечером мы с отцом опять говорили о твоем дяде Сэмюэле Грифитсе из Ликурга: он очень богат, и если бы ты написал ему

и попросил его взять тебя в свое дело, чтобы ты научился чему-нибудь, я думаю, он сделал бы это для тебя. Сомневаюсь, чтобы он отказал. В конце концов, ведь ты ему родной племянник. Ты знаешь, у него большая фабрика воротничков в Ликурге, и, говорят, он очень богатый человек. Почему бы тебе не написать ему? Мне кажется, он найдет для тебя место, и тогда тебе откроется какая-то будущность. Если ты ему напишешь, дай мне знать, что он тебе ответит.

Я хочу, чтобы ты почаще сообщал о себе, Клайд. Пожалуйста, пиши о себе и о своей жизни. Я буду ждать. Все мы, конечно, по-прежнему любим тебя и всегда готовы помочь тебе советом. От всей души желаем тебе успеха и желаем также, чтобы ты был хорошим мальчиком и жил чистой и праведной жизнью. Помни, дитя мое: какая польза человеку, если он весь мир приобретет, а душу свою погубит?

Пиши мне, Клайд, и не забывай, что любовь твоей матери всегда с тобой, она руководит тобой и наставляет на путь истинный во имя господне.

Любящая тебя мать».

Вот как случилось, что Клайд начал думать о дяде Сэмюэле и его фабрике задолго до встречи с ним. В то же время Клайд почувствовал огромное облегчение, узнав, что его родители уже не испытывают такой тяжелой нужды, в какой он их оставил, и живут благополучно: очевидно, эта новая миссия связана с чем-то вроде отеля или, по крайней мере, меблированных комнат.

Прошло два месяца с тех пор, как он получил от матери первое письмо, и почти каждый день он говорил себе, что надо немедленно что-то предпринять. И вот однажды ему надо было доставить из магазина, где он служил, пакет с галстуками и носовыми платками какому-то приезжему, остановившемуся в клубе «Юнион лиг» на бульваре Джексона. Войдя в клуб, Клайд вдруг столкнулся не с кем иным, как с Ретерером, одетым в форму служащего клуба: его обязанностью было давать справки входящим и принимать багаж. В первое мгновение оба совсем опешили. Первым пришел в себя Ретерер.

— Клайд! — воскликнул он, схватив товарища за рукав, и прибавил радостно, но все же из осторожности понизив голос: — Черт! Вот так встреча! Клади пакет сюда. Откуда ты взялся?

И Клайд, тоже взволнованный, воскликнул:

— Вот так штука! Да это ж Том! Как дела? Ты здесь работаешь?

Ретерер, так же как и Клайд, забывший в эту минуту печальную тайну, которая их связывала, ответил:

— Да, конечно, верней верного. Я уже почти год здесь.

Но тотчас он дернул Клайда за руку, как бы призывая к молчанию, и торопливо отвел в сторону, чтобы их не слышал мальчик, с которым Ретерер говорил, когда вошел Клайд.

— Шш... тише! — продолжал он.— Я работаю здесь под своей фамилией, но никто не должен знать, что я из Канзас-Сити, понимаешь? Все думают, что я из Кливленда.

Он еще раз дружески сжал руку Клайда и оглядел его с головы до ног. И Клайд, тоже взволнованный, сказал:

— Да, конечно. Понимаю. Это правильно. Я рад, что ты меня узнал. А меня теперь зовут Тенет, Гарри Тенет, не забудь!

И оба сияли от радости, вспоминая прошлое.

Но тут Ретерер заметил, что на Клайде форменная одежда служащего по доставке товаров.

— Развозишь товары по домам? — спросил он.— Вот забавно! Клайд — возчик! Подумать только! Прямо глазам не верю. Чего ради ты за это взялся?

Впрочем, он сразу понял по лицу Клайда, насколько тому неприятен разговор о его теперешнем положении, а когда Клайд коротко ответил: «У меня у самого душа не лежит к этой работе»,— Ретерер прибавил:

— Послушай, нам надо встретиться и поболтать как следует. Где ты живешь? (Клайд дал свой адрес.) Вот и хорошо. Я освобождаюсь в шесть часов и зайду к тебе, когда ты кончишь работать. Или вот что... давай лучше встретимся в кафе «Энричи» на Рэндолф-стрит. Ладно? Скажем, в семь часов. Я освобождаюсь в шесть и могу быть там к семи, если тебе это удобно.

Клайд весело кивнул в знак согласия: он был просто в восторге оттого, что встретился с Ретерером.

Взобравшись на козлы своего фургона, он продолжал развозить товары, но все время, оставшееся до окончания работы, думал только о предстоящем свидании. В половине шестого он поспешил в конюшню, а затем к себе домой, в дешевые меблированные комнаты с пансионом в западной части города; переодевшись в выходной костюм, он быстро пошел к «Энричи». Не простоял он на углу и минуты, как появился Ретерер, веселый, дружески приветливый и одетый лучше прежнего.

— Ну до чего ж я рад тебя видеть, старина,— начал он.— Знаешь, с тех пор как я удрал из Канзас-Сити, я встречаю тебя первого из всей нашей компании. Вот как! Сестра писала мне, что никто ничего не знал тогда ни про Хигби, ни про Хегленда,

ни про тебя. А этого Спарсера засадили на год, слыхал? Скверно, правда? И больше не за то, что задавил девочку, а за то, что взял чужую машину, и ездил, не имея шоферских прав, и не остановился по свистку полисмена. Вот за это его и упрятали. И знаешь,— тут Ретерер многозначительно понизил голос,— нам всем было бы то же самое, если бы нас поймали. Ну и трусил же я! А как удирал! Только пятки сверкали! — И он снова засмеялся, на этот раз немного истерическим смехом.— А как мы бросили его с этой девчонкой в машине, подумать только! Скверно, а? Но что тут было делать? Ведь не стоило же всем лезть в лапы полиции, верно? Как бишь ее звали... Да, Лора Сайп. А ты смылся так быстро, что я и не заметил. И эта твоя девчонка, Бригс — тоже. Ты ее провожал, что ли?

Клайд покачал головой.

— Нет, я ее не провожал,— признался он.

— Куда же ты девался? — спросил Ретерер.

Клайд объяснил. И после того как он подробно описал все свои странствия, Ретерер снова заговорил:

— Значит, ты не знаешь, что малютка Бригс сразу после этого случая укатила с одним парнем в Нью-Йорк? С каким-то продавцом из табачного магазина, мне Луиза написала. Она видела эту девчонку перед отъездом, в новом меховом жакете, ну и вообще. (Клайд болезненно поморщился.) Ну и глуп же ты был, что бегал за нею! Она вовсе не думала о тебе, да и вообще ни о ком. А ты, по-моему, здорово в нее врезался, верно?

Он состроил забавную гримасу и толкнул Клайда в бок, поддразнивая его по старой привычке.

Потом Ретерер рассказал о себе: его история была не столь богата приключениями, и, в отличие от истории Клайда, тут речь шла меньше о волнениях и тревогах, а больше об упорном мужестве, о вере в свое счастье и способности. В конце концов он «подцепил» свою нынешнюю работу, потому что, как он выразился, в Чикаго всегда можно что-нибудь поймать.

Так он и живет здесь,— «совсем смирно, конечно»,— зато никто ни в чем не может его упрекнуть.

И сразу же он стал объяснять, что как раз сейчас в клубе «Юнион лиг» нет мест, но если Клайд хочет, он поговорит с мистером Хейли, управляющим; может быть, мистер Хейли узнает, не найдется ли где-нибудь вакансия, тогда Клайду можно будет устроиться получше.

— И не вешай ты нос,— сказал он Клайду в конце вечера.— Никакого толку в этом нет.

Всего через два дня после этого весьма ободряющего разговора, в то время как Клайд все еще раздумывал, не отказаться ли ему от службы, не назваться ли опять настоящим именем и не пойти ли по здешним отелям в поисках работы, рассыльный из клуба «Юнион лиг» принес ему на дом записку. В записке говорилось: «Повидайся завтра утром с мистером Лайтолом в «Большом Северном». Там есть вакансия. Место не очень хорошее, но потом легче будет найти что-нибудь получше».

Поэтому Клайд сообщил по телефону своему непосредственному начальнику, что заболел и не может сегодня выйти на работу, а затем, облачившись в свой лучший костюм, отправился в указанный отель. Здесь на основании представленных им рекомендаций он был принят на службу, и притом, к большому своему облегчению, под настоящим именем. Доволен он был и тем, что ему назначили двадцать долларов жалованья в месяц и, кроме того, обед. Правда, чаевые, как он уже знал, здесь составляли не более десяти долларов в неделю, однако, утешал он себя, если считать питание, он все-таки будет зарабатывать гораздо больше, чем до сих пор, и притом это куда легче, чем ездить с фургоном. Его смущало только, что он опять возвращается к службе в отеле и что его могут узнать и арестовать.

Но вскоре после этого — месяца через три, не больше — открылась вакансия в клубе «Юнион лиг». Ретерер к тому времени получил повышение и был назначен помощником заведующего всем персоналом отеля; они были в хороших отношениях, и Ретерер сказал заведующему, что может порекомендовать на освободившееся место очень подходящего человека: это некий Клайд Грифитс, он служит в «Большом Северном». Затем Ретерер вызвал Клайда, тщательно растолковал ему, как надо представиться новому начальству и что говорить, и Клайд получил работу в клубе.

Он сразу же увидел, что это — заведение более высокого разряда, чем «Большой Северный» и даже «Грин-Дэвидсон», предназначенное для людей состоятельных, с именем и положением; здесь он снова получил возможность близко наблюдать тот строй жизни, который, на беду Клайда, задевал в его душе струнки тщеславия и подстегивал его стремление выдвинуться. В этот клуб постоянно съезжались люди, каких он прежде никогда не встречал,— по-видимому, выдающиеся во всех отношениях представители избранного общества; Клайду казалось, что здесь собирается все лучшее не только со всех концов его

родной страны, но из всех стран, со всех континентов. Тут бывали американские политические деятели с севера и юга, с востока и запада, выдающиеся политики и дельцы, а также ученые, хирурги, прославленные доктора, генералы, литераторы и общественные деятели не только Америки, но и всего света.

И еще одно поразило Клайда: с любопытством, даже с благоговейным изумлением он убедился, что в здешней атмосфере нет и следа той эротики, которой отличалась жизнь в «Грин-Дэвидсон», а совсем недавно — в «Большом Северном». В самом деле, насколько он мог припомнить, дух сексуальности чувствовался во всем, был основой чуть ли не всего, что ему до сих пор приходилось видеть в отелях. Здесь не было ничего подобного. Женщины вообще не допускались в клуб. Все эти выдающиеся личности приезжали и уезжали, как правило, в одиночестве, без всякой шумихи, энергичные и сдержанные, что характерно для людей, достигших исключительного успеха. Обычно они обедали в одиночку, негромко беседовали, сходясь по двое, по трое, читали газеты и книги или разъезжали по городу на быстроходных машинах и, казалось, не ведали, что такое страсть,— по крайней мере, на них, видно, не действовало это чувство, которое, как доныне представлялось незрелому уму Клайда, всем движет и все будоражит в жизни простых смертных — таких, как он сам.

Вероятно, достигнуть видного положения и сохранить его в этом замечательном мире можно, только если будешь равнодушен к женщинам, освободишься от постыдной страсти к ним. Поэтому, думал Клайд, в присутствии таких людей и у них на глазах нужно держаться так, словно тебе и в голову не приходят мысли, которые на самом деле иной раз выводят тебя из всякого равновесия.

И, поработав здесь короткое время, под влиянием этого учреждения и различных его посетителей, Клайд стал с виду настоящим джентльменом. В стенах клуба он чувствовал себя совсем другим человеком: более сдержанным и практичным, не таким романтиком. Он был уверен, что теперь ему следует вновь попытать свои силы: подражая этим людям трезвого ума и только им, он в один прекрасный день добьется успеха,— быть может, не головокружительного, но, во всяком случае, значительно большего, чем до сих пор. Кто знает? Если он будет упорно работать, заводить только хорошие знакомства и вести себя очень осторожно, быть может, кто-нибудь из этих замечательных людей — посетителей клуба — заинтересуется им, предложит ему где-нибудь какое-нибудь видное место и поможет

подняться до уровня того общества, доступ в которое до сих пор был для него закрыт.

Надо сказать правду: Клайд по своему характеру неспособен был когда-либо стать вполне взрослым человеком. Ему недоставало ясности мышления и внутренней целеустремленности — качеств, которые присущи большинству людей и позволяют им среди всех дорог и возможностей в жизни выбрать для себя самую подходящую.

ГЛАВА IV

Однако сам Клайд объяснял все свои жизненные неудачи тем, что ему не хватало образования. Когда он был мальчиком, непрерывные переезды семьи из города в город помешали ему учиться, накопить достаточно практических знаний в какой-либо области, чтобы он тоже мог стать членом высшего общества, к которому принадлежали все эти люди — посетители клуба «Юнион лиг». А между тем он всей душой стремился быть в их числе. Эти джентльмены жили в прекрасных домах, останавливались в роскошных отелях, и люди вроде Скуайрса или здешнего начальника рассыльных служили им и заботились об их удобствах. А он, Клайд, всего только рассыльный. И ведь ему уже двадцать первый год! Порою это его очень огорчало. Он все время мечтал найти какую-то другую работу, на которой он мог бы выдвинуться и сделать карьеру. Не оставаться же ему всю жизнь рассыльным! — мысль о такой возможности немало пугала его в иные минуты.

Придя к такому заключению, он стал размышлять, как бы ему обеспечить свое будущее, и в это время в Чикаго приехал его дядя Сэмюэл Грифитс. У него были здесь связи и знакомства, ему любезно предложили карточку в клуб, и он поселился здесь и в течение нескольких дней встречался со множеством людей, приходивших побеседовать с ним, или разъезжал по городу, занятый переговорами с различными людьми и фирмами, которые он считал нужным посетить.

Не прошло и часа после его приезда, как Ретерер, ведавший записью прибывших и только что записавший на доске в вестибюле фамилию «Грифитс», подозвал Клайда.

— Послушай, ты, кажется, говорил, что у тебя есть какой-то дядя или родственник по фамилии Грифитс, фабрикант воротничков где-то в штате Нью-Йорк?

— Конечно,— ответил Клайд,— Сэмюэл Грифитс. У него

большая фабрика воротничков в Ликурге. Это его объявления печатаются во всех газетах. Ты, наверно, видел его светящуюся рекламу на Мичиган-авеню.

— А ты его узнаешь, если встретишь?

— Нет, я его никогда в жизни не видел.

— Пари держу, что это он и есть,— сказал Ретерер, рассматривая маленький регистрационный листок.— Вот погляди: «Сэмюэл Грифитс, Ликург, штат Нью-Йорк». Он самый, верно?

— Наверняка! — подтвердил Клайд, очень заинтересованный и даже взволнованный, потому что с этим самым дядей ему уже давно хотелось встретиться.

— Он только что прошел наверх,— продолжал Ретерер.— Дэвид понес его чемоданы. Шикарный мужчина. Ты гляди в оба, не прозевай его, когда он опять спустится сюда. Может, это и впрямь твой дядюшка. Он среднего роста, довольно худой, седые усики и светло-серая шляпа. Симпатичный малый. Я тебе его покажу. Если это правда твой дядя, ты уж постарайся ему понравиться. Может, он что-нибудь сделает для племянника... подарит пару воротничков,— прибавил он со смехом.

Клайд тоже засмеялся, как будто оценив удачную шутку, но втайне он был очень взволнован. Дядя Сэмюэл здесь, в клубе! Вот удобный случай познакомиться. Клайд ведь собирался написать ему еще до того, как стал здесь работать, а теперь дядя сам приехал сюда, и с ним можно поговорить.

Но стоп! Что дядя подумает о нем, если Клайд осмелится с ним заговорить? Как он отнесется к племяннику, который служит в этом клубе всего лишь рассыльным? И как вообще относится дядя к юношам, которые работают в качестве рассыльных, да еще если они в возрасте Клайда? Ведь ему уже двадцать первый год! Многовато для «мальчика на посылках», если только он не собирается оставаться в этой роли всю жизнь. Такой богатый и высокопоставленный человек, как Сэмюэл Грифитс, может счесть должность рассыльного унизительной, особенно, если рассыльный окажется его родственником. Весьма вероятно, что он не пожелает иметь с таким родственником ничего общего, не захочет даже разговаривать с ним... Целые сутки Клайд провел во власти этих сомнений.

Однако на следующий день Клайд успел увидеть дядю раз шесть, и тот произвел на него самое приятное впечатление: живой, подвижный, деловитый, он нисколько не походил на своего брата — отца Клайда, и притом он был так богат и все относились к нему с таким уважением... И минутами Клайд не без страха спрашивал себя — неужели же упустить такой случай?

В конце концов, дядя вовсе не кажется недобрым человеком, как раз наоборот,— у него очень приветливый вид... Когда Клайд, по совету Ретерера, отправился в комнату дяди за письмом, которое нужно было отправить с нарочным, дядя почти не взглянул на него, но вместе с письмом вручил ему полдоллара.

— Проследите, чтобы рассыльный немедленно отнес письмо, а деньги возьмите себе,— сказал он.

Волнение Клайда было в эту минуту так велико, что он удивился, как дядя не угадал в нем своего племянника... Но мистер Грифитс явно ни о чем не догадывался. И Клайд ушел, немного приуныв.

Спустя некоторое время на имя Сэмюэла Грифитса пришло с полдюжины писем, и Ретерер обратил на них внимание Клайда.

— Вот тебе еще случай пойти к нему, если хочешь,— сказал Ретерер.— Снеси ему письма. По-моему, он сейчас у себя.

И Клайд, после некоторого колебания, взял письма и пошел в комнату дяди. Тот что-то писал, сидя за столом, и в ответ на стук Клайда крикнул:

— Войдите!

Клайд вошел и, загадочно улыбаясь, сказал:

— Вам письма, мистер Грифитс.

— Большое спасибо, сынок,— ответил дядя и полез в жилетный карман за мелочью.

Но Клайд, воспользовавшись случаем, воскликнул:

— Нет, нет, мне ничего не нужно! — Дядя все еще протягивал деньги, но прежде чем он успел что-либо сказать, Клайд прибавил: — Кажется, я ваш родственник, мистер Грифитс. Ведь вы Сэмюэл Грифитс, владелец фабрики воротничков в Ликурге, правда?

— Да, как будто я имею некоторое отношение к этой фабрике. А вы кто? — спросил дядя, пытливо разглядывая Клайда.

— Меня зовут Клайд Грифитс, я сын Эйсы Грифитса. Он ведь, кажется, ваш брат?

При упоминании об этом брате, который слыл в семье жалким неудачником, лицо Сэмюэла Грифитса несколько омрачилось. Он долгие годы не встречал Эйсу и теперь без особого удовольствия вспоминал приземистую и невзрачную фигуру младшего брата, каким он видел его в последний раз в доме их отца около Бертуика, штат Вермонт,— молодым человеком примерно в возрасте Клайда. Но какая разница! Отец Клайда был тогда толстый, несуразный, вялый и умственно и физически, что называется размазня; у него были водянистые голубые глаза,

вьющиеся волосы, безвольный подбородок. Напротив, сын его — аккуратный, живой и красивый юноша с хорошими манерами и, по-видимому, неглуп (насколько замечал мистер Грифитс, мальчики-рассыльные вообще народ смышленый). Племянник ему понравился.

Сэмюэл Грифитс, унаследовавший вместе со старшим братом Алленом скромное отцовское состояние, так как отец не любил младшего сына, всегда чувствовал, что Эйса стал жертвой несправедливости. Обнаружив, что сын не способен к практической деятельности и не слишком сообразителен, отец сначала пытался заставить Эйсу работать, потом просто не замечал его и, наконец, когда ему было примерно столько же лет, сколько теперь Клайду, выгнал из дому; впоследствии он завещал все свое состояние — около тридцати тысяч долларов — поровну двум старшим сыновьям, оставив Эйсе жалкую тысячу долларов.

Все эти воспоминания заставили Сэмюэла Грифитса с любопытством всмотреться в Клайда. Он видел, что племянник совсем не похож на его младшего брата, который столько лет назад был изгнан из отцовского дома. Клайд скорее напоминал его собственного сына Гилберта,— теперь он заметил это сходство. И к тому же, вопреки опасениям Клайда, на Сэмюэла Грифитса произвело хорошее впечатление, что Клайд служит в таком фешенебельном клубе, хотя бы всего только рассыльным. Сэмюэлу Грифитсу, деятельность которого ограничивалась Ликургом и ликургским обществом, клуб этот, с его особым положением и характером, внушал почтение. Молодые люди, служащие в подобных учреждениях, обычно толковы и скромны. И поэтому он благожелательно посмотрел на Клайда, который стоял перед ним с видом прекрасно воспитанного молодого человека, опрятный и подтянутый в своем сером с черным форменном костюме.

— Что вы говорите! — воскликнул он.— Значит, вы сын Эйсы! Ну и ну! Вот так сюрприз! Знаете, ведь я не видел вашего отца по меньшей мере лет двадцать пять и ничего о нем не слыхал. В последний раз, когда я слышал о нем, он жил в штате Мичиган, в Грэнд-Рэпидс, насколько я помню. А где он теперь? Здесь, в Чикаго?

— О нет, сэр! — Клайд был рад, что может ответить отрицательно.— Моя семья живет в Денвере. Я здесь один.

— И отец и мать живы, надеюсь?

— Да, сэр, оба живы.

— И отец все еще... проповедует?

— Да, сэр,— ответил Клайд с запинкой; он по-прежнему

был убежден, что из всех возможных видов деятельности занятие его отца — самое жалкое и самое бесполезное в глазах общества.— Но теперь,— продолжал он,— миссия отца связана с меблированными комнатами; в доме, кажется, около сорока комнат. Отец и мать управляют этим домом и руководят миссией.

— А, понятно.

Клайду так хотелось произвести на дядю наилучшее впечатление, что, описывая положение отца, он кое-что приукрасил.

— Ну, я очень рад, что они хорошо устроились,— продолжал Сэмюэл Грифитс, которому все больше нравилась полная изящества и энергии внешность Клайда.— А вы довольны своей работой здесь?

— Не совсем... нет, мистер Грифитс, я недоволен,— поспешно ответил Клайд, обрадованный этим вопросом.— Конечно, заработок неплохой. Но мне не нравится этот способ зарабатывать деньги. Я хотел бы совсем другого. Но я пошел сюда работать, потому что у меня не было возможности получить какую-нибудь специальность и мне не удавалось поступить на работу в такое место, где можно было бы по-настоящему выдвинуться. Мать советовала мне написать вам и спросить, не найдется ли на вашей фабрике работы для меня, чтобы я мог с чего-то начать. Но я боялся, что это вам не понравится, и потому не писал.

Он замолчал, улыбаясь, но во взгляде его был вопрос.

Сэмюэл Грифитс с минуту серьезно смотрел на него: ему понравилось выражение лица Клайда и то, как он изложил свою просьбу.

— Да, это очень похвально,— сказал он.— Разумеется, вам следовало написать мне...

И он умолк, так как привык к осторожности во всяких деловых разговорах. Клайд заметил, что дядя не решается его обнадежить и, чуть помедлив, спросил напрямик:

— Может быть, у вас на фабрике найдется какое-нибудь место для меня?

Сэмюэл Грифитс в раздумье смотрел на племянника. Ему и нравилась и не нравилась такая прямая просьба. Однако Клайд показался ему очень подходящим человеком. По-видимому, он способен и честолюбив,— совсем как Гилберт,— и, ознакомившись с фабрикой, вполне мог бы под руководством Гилберта справиться с должностью заведующего одним из цехов или хотя бы помощника заведующего. Во всяком случае,

можно дать ему попробовать. Риска тут никакого. И кроме того, ведь это сын Эйсы, младшего брата, по отношению к которому и у Сэмюэла, и у старшего брата Аллена есть кое-какие обязательства, если даже оставить в стороне вопрос о восстановлении в правах наследства.

— Вот что,— заговорил Сэмюэл после минутного молчания.— Я должен немного подумать. Я не могу так сразу сказать, найдется ли у нас подходящая работа. Начать с того, что мы не можем платить вам столько, сколько вы получаете здесь,— предупредил он.

— Ну конечно! — воскликнул Клайд, которого прежде всего прельщал не заработок, а сама возможность служить у дяди.— Я не могу надеяться на большое жалованье, пока не сумею его заслужить.

— Кроме того, может случиться, что вам не понравится работа на нашем предприятии, или мы найдем, что вы нам не подходите. Надо сказать, не всякий способен к такой работе.

— Что же, тогда вы уволите меня, вот и все,— сказал Клайд.— Но я всегда думал, что подойду вам,— с первого раза, как услышал о вас и о вашем огромном предприятии.

Это последнее замечание польстило Сэмюэлу Грифитсу. Очевидно, он сам и его успехи — идеал для этого юноши.

— Ну хорошо,— сказал он.— Сейчас я не могу уделить вам больше времени. Но я пробуду здесь еще дня два и все обдумаю. Может быть, я и сумею что-нибудь для вас сделать. Пока ничего обещать не могу.

И он вернулся к своим письмам.

А Клайд, чувствуя, что произвел настолько хорошее впечатление, насколько было возможно при данных обстоятельствах, и что из этого может выйти толк, горячо поблагодарил дядю и поспешно вышел.

На следующий день, обдумав все и решив, что Клайд при его живости и сообразительности может быть полезен на фабрике не хуже всякого другого, а также продумав надлежащим образом значение этого шага для своего семейства, Сэмюэл Грифитс сообщил племяннику, что, как только у него на фабрике появится какая-нибудь вакансия, он охотно его известит. Но он не может обещать, что такая возможность появится немедленно. Клайду придется подождать.

Итак, Клайд был предоставлен своим размышлениям о том, скоро ли для него найдется местечко на дядиной фабрике и найдется ли вообще.

А тем временем Сэмюэл Грифитс вернулся в Ликург и, по-

совещавшись с сыном, решил, что Клайду следует изучить дело, начиная с самых основ или, во всяком случае, с подвала фабрики: там декатировались ткани, необходимые для выделки воротничков, и именно в этот подвал прежде всего попадали новички, желавшие изучить технику производства в целом. Но так как Клайд должен был существовать только на свои средства и притом не слишком бедствовать (это было бы несовместимо с положением семейства Грифитс в Ликурге), порешили назначить ему щедрое вознаграждение — для начала пятнадцать долларов в неделю.

Разумеется, и Сэмюэл Грифитс и его сын Гилберт понимали, что плата эта невелика (не для обыкновенного ученика, а для Клайда как родственника), но оба они были люди деловые, вовсе не склонные к благотворительности по отношению к тем, кто на них работал, и полагали, что, чем ближе к границе нужды и лишений стоит новичок на их фабрике, тем лучше. И тот и другой относились нетерпимо к социалистической теории о капиталистической эксплуатации. Оба считали необходимым существование социальной лестницы, чтобы по ступеням ее стремились подняться люди низших классов. Касты неизбежно должны существовать. Пытаться сверх меры помогать кому-либо, хотя бы даже и родственнику,— значит безрассудно подрывать самые основы общества. Когда имеешь дело с личностями и классами, которые в общественном и материальном отношении стоят ниже тебя, надо обращаться с ними согласно привычным для них нормам. И лучшие нормы — те, которые заставляют ниже стоящих ясно понимать, как трудно достаются деньги и как необходимо для всех, кто участвует в единственно важном, с точки зрения обоих Грифитсов, деле — в производстве материальных ценностей,— полное, подробнейшее и практическое знакомство с техникой данного производства. Поняв это, они должны приучить себя к трезвой жизни и к самой строгой экономии во всем. Это благотворно скажется на их характере. Именно так закаляются умы и души людей, которым суждено подняться по ступеням общественной лестницы. А те, что на это не способны, должны оставаться на своем месте, внизу.

Итак, примерно через неделю было решено, какую именно работу предложить Клайду, и Сэмюэл Грифитс сам написал ему в Чикаго и сообщил, что он может, если пожелает, приехать в ближайшее время. Но он должен заранее, дней за десять, письменно известить о своем приезде, чтобы можно было вовремя все подготовить. В Ликурге он должен явиться на фабрику, в контору к мистеру Гилберту Грифитсу, и тот о нем позаботится.

Это письмо очень взволновало Клайда, и он тотчас написал матери, что место у дяди ему обеспечено и что он отправляется в Ликург. Вот теперь он постарается добиться настоящего успеха. Мать ответила ему длинным письмом, убеждая его тщательно следить за своим поведением и быть очень, очень осторожным в выборе друзей. Плохие знакомства — корень почти всех заблуждений и падений у таких честолюбивых юношей, как он. А если он будет избегать общества легкомысленных и развращенных юношей и девушек, все будет хорошо. Молодому человеку с внешностью и характером Клайда так легко сбиться с пути под влиянием какой-нибудь дурной женщины. Он и сам знает, что случилось с ним в Канзас-Сити. А он еще молод и теперь собирается работать у такого богатого и влиятельного человека, который может, если пожелает, многое для него сделать. И пусть он почаще пишет ей о том, как складывается его новая жизнь.

Итак, известив дядю, как тот просил, Клайд наконец выехал в Ликург. Но, прибыв туда, он не пошел сразу на фабрику, поскольку дядя не назначил ему определенного часа; вместо этого он снял комнату в единственном крупном отеле города, носящем название «Ликург».

Ему не терпелось посмотреть, что же это за город, где ему предстоит жить и работать, и какое положение занимает здесь его дядя; он рассчитал, что располагает достаточным количеством свободного времени,— такой случай, пожалуй, не скоро представится после того, как он приступит к работе,— и решил пройтись. Он вышел на Сентрал-авеню — подлинное сердце Ликурга; тут ее пересекало несколько наиболее оживленных улиц: эти кварталы составляли деловой и торговый центр — здесь сосредоточена вся жизнь и все развлечения Ликурга.

ГЛАВА V

Но, пройдя по этой улице, Клайд сразу увидел, как не похоже все это на мир, к которому он привык за последнее время. Все здесь было гораздо меньших размеров. Вокзал, откуда он вышел всего полчаса назад, был мал и скучен, и ясно было, что его покой не нарушается слишком большим движением. Фабричный район, расположенный как раз напротив центральной части города на другом берегу реки Могаук, оказался просто-напросто скоплением красных и серых зданий, над которыми то тут, то там возвышалась фабричная труба; этот район соединяли

с городом два моста, их отделяло друг от друга примерно с полдюжины кварталов; один мост был у самого вокзала — на нем было довольно большое движение,— и тут же проходила трамвайная линия, которая затем следовала всем изгибам Сентрал-авеню.

Но сама Сентрал-авеню, с ее невысокими домами и разбросанными там и сям магазинами, оказалась улицей очень оживленной, заполненной пешеходами и автомобилями. Наискосок от отеля,— на Сентрал-авеню выходили его широкие зеркальные окна, за которыми виднелись пальмы, колонны и расставленные между ними кресла,— возвышался большой мануфактурный магазин «Старк и К⁰», солидное четырехэтажное здание из белого кирпича, длиною не менее ста футов; в ярко освещенных витринах были выставлены самые модные новинки. А дальше — другие большие магазины, еще один отель, автомобильная выставка, кинематограф.

Клайд все шел и шел вперед — и вдруг очутился за пределами торгового центра, на широкой, обсаженной деревьями улице; по обе стороны ее стояли красивые особняки; любой из них казался гораздо просторнее, удобнее, спокойнее и даже величественнее, чем все дома, какие когда-либо видел Клайд в своей жизни. Словом, ему достаточно было беглого взгляда, чтобы понять, что хоть это и улица небольшого города, но она совсем особенная — улица богатства и даже роскоши. Сколько здесь внушительных, кованого железа оград, окаймленных цветами дорожек, расположенных группами деревьев и кустов, сколько дорогих, красивых автомобилей ожидают у входов или мчатся по улице! А в магазинах по соседству, близ Сентрал-авеню и торговых кварталов, где начинается эта просторная и красивая улица, выставлены такие дорогие, шикарные вещи! Они, конечно, предназначены для состоятельных людей с изысканным вкусом: автомобили, драгоценности, тонкое белье, кожаные изделия, мебель...

Но где живет дядя и его семья? На какой улице? В каком доме? Может быть, его дом еще больше, еще красивее?

Нужно сейчас же вернуться, решил Клайд, и отправиться к дяде. Надо найти фабрику,— наверно, она в той части города, за рекой. Как ему держаться, что говорить? Какое место даст ему дядя? В письме дядя упомянул о своем сыне Гилберте. Что за человек этот Гилберт, его двоюродный брат? Что он подумает о нем, Клайде?

Клайд вернулся на Сентрал-авеню, дошел до вокзала и скоро нашел фабрику Сэмюэла Грифитса. Это было огромное ше-

стиэтажное здание из красного кирпича, около тысячи футов длиною. Оно чуть ли не все состояло из окон, по крайней мере та часть, которая была недавно пристроена специально для производства воротничков. Старая часть, как узнал впоследствии Клайд, соединялась с новой несколькими крытыми переходами. Южные стены обоих этих зданий выходили на берег реки Могаук. С этой стороны вдоль Ривер-стрит было несколько дверей, примерно через каждые сто футов, и у каждой стоял сторож в форменной одежде. Все входы в здание были пронумерованы; под первым, вторым и третьим номерами стояла надпись: «Только для служащих», под номером четвертым — «Контора», двери под номерами пять и шесть, по-видимому, были предназначены для вывоза и приема товаров.

Клайд подошел к входу в контору; никто здесь не задержал его; он прошел через две вращающиеся двери и оказался перед барьером; по ту сторону барьера, рядом с небольшой дверью, очевидно ведущей в главную контору, сидела телефонистка — некрасивая женщина лет тридцати пяти, низенькая и толстая.

— Что вам? — окликнула она Клайда.

— Я хотел бы видеть мистера Гилберта Грифитса,— начал Клайд, стараясь не выдать волнения.

— Зачем?

— Видите ли, я его двоюродный брат. Меня зовут Клайд Грифитс. У меня письмо от дяди, мистера Сэмюэла Грифитса. Он, вероятно, примет меня.

Клайд протянул ей письмо и при этом заметил, что суровое, равнодушное лицо ее сразу изменилось и приняло выражение, если не любезное, то куда более почтительное. На эту женщину явно произвели впечатление не только слова Клайда, но и его внешность, и она стала исподтишка с любопытством рассматривать его.

— Сейчас я узнаю, здесь ли он,— сказала она гораздо более вежливым тоном и соединилась с кабинетом мистера Гилберта Грифитса.

Очевидно, ей сообщили по телефону, что мистер Гилберт в данную минуту занят и его нельзя беспокоить, так как она в ответ сказала:

— Здесь двоюродный брат мистера Гилберта, мистер Клайд Грифитс. У него письмо от мистера Сэмюэла Грифитса.— И, обратившись к Клайду, прибавила: — Присядьте, пожалуйста. Наверно, мистер Гилберт Грифитс примет вас через минуту. Сейчас он занят.

Клайда поразила необычайная почтительность ее обраще-

ния: до сих пор еще никогда за всю его жизнь с ним не разговаривали так почтительно. Подумать только! Он близкий родственник такой богатой и влиятельной семьи! Какая огромная фабрика! Какое громадное здание — целых шесть этажей! Только что, проходя по другому берегу реки, через открытые окна он видел огромные помещения и в них множество женщин, погруженных в работу. И невольное волнение охватило его. Высокие кирпичные стены здания были словно воплощением энергии, подлинного материального успеха — едва ли не высшего успеха в глазах Клайда.

Он смотрел на серые оштукатуренные стены этой приемной, на надпись на внутренней двери, гласившую: «Акционерное общество Грифитс. Воротнички и рубашки. Председатель Сэмюэл Грифитс, секретарь Гилберт Грифитс», и спрашивал себя, что он увидит там, за дверью, и каков этот Гилберт Грифитс, и как он его примет — холодно или приветливо, дружески или враждебно?

Так он сидел и размышлял, как вдруг телефонистка вновь обратилась к нему.

— Теперь вы можете войти,— сказала она.— Кабинет мистера Гилберта Грифитса в самом конце этого этажа, с той стороны, которая выходит на реку. Вам каждый служащий покажет.

Она привстала, словно собираясь открыть ему дверь, но Клайд поспешил предупредить ее.

— Спасибо, не беспокойтесь! — от души сказал он.

Открыв стеклянную дверь, он увидел большой зал; здесь находилось свыше сотни служащих,— в большинстве молодые люди и молодые женщины. Все они казались погруженными в лежащие перед ними бумаги. У многих над глазами торчали зеленые козырьки. На мужчинах были короткие рабочие куртки из сатина или нарукавники, защищавшие рукава рубашек. Почти все молодые женщины были в опрятных красивых платьях из бумажной ткани или в рабочих халатах. По обе стороны, отделенные от центральной части зала перегородками, находились кабинеты различных должностных лиц фирмы, и на дверях виднелись таблички с их именами: Смилли, Летч, Гетбой, Беркн.

Так как телефонистка сказала ему, что кабинет мистера Грифитса находится в глубине здания, Клайд довольно уверенно прошел через весь зал и в конце его увидел полуоткрытую дверь с табличкой: «Гилберт Грифитс, секретарь». Он помедлил минуту, не решаясь войти, потом слегка постучал. Сейчас же

резкий пронзительный голос крикнул: «Войдите». Клайд вошел и увидел перед собой молодого человека, который казался немного ниже его ростом, чуть старше и, несомненно, гораздо сдержаннее и проницательнее; словом, это был как раз такой молодой человек, каким мечтал стать сам Клайд: знающий свое дело, властный и энергичный. Поскольку приближалась весна, на нем был, как сразу заметил Клайд, светло-серый костюм в яркую полоску. Его блестящие волосы были несколько светлее, чем у Клайда, и гладко зачесаны назад; светлые серо-голубые глаза впились в Клайда, едва он успел перешагнуть порог. На молодом человеке были большие очки в роговой оправе, которые он надевал только во время работы; через круглые стекла он быстро и внимательно осмотрел Клайда с головы до ног, заметив все — от ботинок до коричневой фетровой шляпы, которую Клайд держал в руке.

— Вы — мой двоюродный брат? — сказал Гилберт ледяным тоном, со слабой и далеко не доброжелательной улыбкой, когда Клайд остановился посреди комнаты.

— Да, это я,— сказал Клайд, смущенный и несколько испуганный таким холодным приемом.

Он мгновенно понял, что не может относиться к своему двоюродному брату с тем же уважением, какое внушал ему дядя, чьими талантами создано это замечательное предприятие. Где-то в глубине души он чувствовал, что этот молодой человек, пожалуй, здесь только наследник — не больше, и если бы не способности отца, сумевшего создать громадную фабрику, сын не мог бы напускать на себя такую важность и принимать высокомерный вид.

Но уж очень беспочвенны и ничтожны были права Клайда на какое-либо уважение здесь, очень благодарен он был за все, что могут для него сделать, и потому он заранее чувствовал себя глубоко признательным и старался улыбнуться возможно приветливее. А Гилберт Грифитс, видимо, сразу же счел эту улыбку признаком самонадеянности; этого он не намерен был терпеть в каком-то двоюродном брате, да еще в таком, который нуждается в покровительстве со стороны самого Гилберта и его отца.

Однако, поскольку отец соизволил заинтересоваться этим родственником, Гилберту не оставалось выбора, и, продолжая криво улыбаться и мысленно изучать двоюродного брата, он сказал:

— Мы так и думали, что вы явитесь сегодня или завтра. Приятная была поездка?

— Да, очень,— ответил Клайд, несколько смущенный этим вопросом.

— Итак, вы хотите ознакомиться с производством воротничков? — продолжал Гилберт.

И тон и манеры его были исполнены величайшей снисходительности.

— Да, я очень хотел бы изучить дело, в котором потом можно будет как-то выдвинуться,— добродушно сказал Клайд, стараясь по мере сил и возможности заслужить расположение двоюродного брата.

— Отец говорил мне о своей беседе с вами в Чикаго. Но, как я понял из его слов, у вас нет практического опыта ни в какой области. Вы незнакомы с бухгалтерией?

— К сожалению, нет,— ответил огорченный Клайд.

— И не знаете стенографии или еще чего-нибудь в этом роде?

— Нет, сэр.

Говоря это, Клайд остро чувствовал, как сильно недостает ему хоть каких-нибудь практических знаний. Гилберт смотрел на него теперь, как на совершенно бесполезное для фабрики приобретение.

— В таком случае,— продолжал Гилберт, как будто он только сейчас решил это, а не получил заранее определенных указаний от отца,— я думаю, лучше всего направить вас в декатировочную. Там, собственно, и начинается все производство, так что вы сможете изучать его с самых основ. Мы испробуем вас там, а потом видно будет, что еще можно для вас сделать. Будь вы хоть как-то подготовлены к конторской работе, можно было бы использовать вас здесь. (Лицо Клайда омрачилось, и это было приятно Гилберту.) Но раз вы хотите изучить практическую сторону дела, с таким же успехом можно начать и там,— прибавил он холодно, вовсе не для того, чтобы утешить Клайда, а просто устанавливая факт. И так как Клайд молчал, он продолжал: — Я полагаю, прежде чем приступить к работе, вам следует где-нибудь устроиться. Вы еще не нашли себе комнаты?

— Нет, я приехал с двенадцатичасовым поездом и хотел немножко почиститься с дороги, так что остановился в отеле. Я думал, что после подыщу себе комнату.

— Ну и прекрасно. Искать ничего не надо. Я скажу нашему управляющему, чтобы он указал вам какой-нибудь хороший пансион. Он знает город лучше, чем вы.

Гилберт подумал, что, как-никак, Клайд все же их близ-

кий родственник, и не годится, чтобы он поселился где попало. В то же время он вовсе не желал, чтобы Клайд вообразил, будто семью Грифитс очень трогает, где и как он живет,— сам Гилберт считал, что их это ничуть не касается. В конце концов он решил, что ему нетрудно будет поставить Клайда в такие условия и так следить за ним, чтобы он не мог приобрести какое-то значение в их семье, в глазах его отца или людей, работающих на фабрике.

Он протянул руку и нажал кнопку звонка. Вошла очень строгая и сдержанная на вид девушка в зеленом бумажном платье.

— Попросите мистера Уигэма.

Она исчезла, и тотчас в кабинет вошел служащий лет сорока, среднего роста, довольно полный, но нервный и как будто чем-то крайне встревоженный. У него был вид человека подавленного и скрытного, и он пытливо, подозрительно осматривался, словно стараясь понять, откуда грозит новая неприятность. Он не поднимал головы и, казалось, предпочитал не глядеть на собеседника.

— Уигэм,— властно заговорил Грифитс-младший,— это Клайд Грифитс, наш родственник. Помните, я говорил вам о нем?

— Да, сэр.

— Так вот, его нужно поместить для начала в декатировочный цех. Вы покажете ему, что он должен делать. А потом пусть миссис Брейли укажет ему, где он может достать себе комнату. (Все это было решено и сказано Уигэму уже неделю назад, но сейчас Гилберт говорил так, словно он сам только что это решил.) И пусть табельщик внесет его имя в списки. Он начинает работать с завтрашнего утра. Понятно?

— Понятно, сэр.— Уигэм почтительно поклонился.— Это все?

— Да, все,— важно заключил Гилберт.— Вы пойдете вместе с Уигэмом, мистер Грифитс; он вам все объяснит.

Уигэм повернулся к Клайду.

— Прошу пожаловать за мной, мистер Грифитс,— сказал он очень почтительно, несмотря на то, что двоюродный брат явно смотрел на Клайда сверху вниз; Клайд отметил это про себя, выходя из кабинета вслед за Уигэмом.

Гилберт тотчас вернулся к своим бумагам, но при этом покачал головой. Он решил, что в умственном отношении Клайд, вероятно, ничуть не выше любого рассыльного в большом отеле. Иначе зачем бы он явился сюда? «Хотел бы я знать, на какую

работу он рассчитывает? — думал Гилберт.— Чего он собирается достигнуть?»

А Клайд, идя за Уигэмом, размышлял о том, какой завидный пост занимает мистер Гилберт Грифитс. Уж наверно он приходит и уходит, когда ему вздумается,— является в контору поздно, уходит рано, живет где-то в этом запятном городе, конечно, в прекрасном доме, вместе со своими родителями и сестрами. А вот он, двоюродный брат Гилберта, племянник богача Сэмюэла Грифитса, отправляется теперь на самую унизительную работу, какая только есть на этой огромной фабрике.

Тем не менее, выйдя из кабинета и оказавшись вне поля зрения мистера Гилберта Грифитса, Клайд сразу отвлекся от невеселых мыслей, пораженный видом и шумом гигантского предприятия. На том же этаже, за громадной конторой, через которую он проходил к Гилберту, находилось другое, еще большее помещение, уставленное рядами полок; между рядами оставались только узкие, не шире пяти футов, проходы; полки были заставлены небольшими картонными коробками с воротничками разных размеров, и то пополнялись новыми коробками (их подвозили мальчики со склада на широких деревянных тачках), то вновь быстро опустошались конторщиками, которые, толкая перед собой маленькие тележки, выполняли заказы, все время сверяясь с дубликатами накладных.

— Вы, должно быть, никогда не работали на фабрике воротничков, мистер Грифитс? — спросил Уигэм, который несколько оживился, выйдя из поля зрения Гилберта.

Клайд снова отметил, что его величают «мистером».

— Нет,— быстро ответил он,— мне никогда не приходилось работать в таком месте.

— Хотите постепенно изучить все производство, надо полагать? — продолжал Уигэм.

Он быстро шел по длинному проходу, но Клайд заметил, что его хитрый взгляд шныряет во всех направлениях.

— Да, я хотел бы изучить это дело,— ответил Клайд.

— Ну, это не так легко, как кажется, хотя часто говорят, что тут учиться нечему.

Мистер Уигэм открыл еще одну дверь, пересек мрачный вестибюль и вошел в новое помещение, также уставленное полками, на которых громоздились кипы белой ткани.

— Обратите внимание на это помещение, раз вы начинаете работать в декатировочной,— посоветовал Клайду Уигэм.— Здесь хранится материал, из которого выкраиваются воротнички и подкладка к ним. Эти куски называются «штуками». Отсюда

мы их отправляем в подвальное помещение и прежде всего декатируем материю. Если кроить воротнички из полотна или бумажной ткани в том виде, как она поступает к нам, они потом сядут при стирке. Поэтому мы до кройки вымачиваем ткань и затем сушим ее. Впрочем, вы сами увидите.

Он торжественно шагал впереди, и Клайд еще раз почувствовал, что в глазах этого человека он отнюдь не обыкновенный служащий. Поминутное «мистер Грифитс», предположение, что Клайд желает изучить всю практическую сторону дела, обстоятельные объяснения насчет штук ткани — все это убедило Клайда, что мистер Уигэм смотрит на него как на человека, которому, во всяком случае, нужно оказывать некоторое, хотя бы небольшое, уважение.

Раздумывая, что бы это значило, Клайд шел за Уигэмом, и вскоре, спустившись по лестнице, которая вела сюда из третьего вестибюля, они оказались в огромном подвале. Здесь при свете четырех длинных рядов электрических ламп он разглядел большие фаянсовые чаны или желоба, расположенные рядами во всю длину помещения; они, очевидно, были наполнены горячей водой, и в них, под облаками пара, поднимавшегося над водой, мокли те самые штуки ткани, которые Клайд видел наверху. По обе стороны этих желобов, параллельно им, во всю длину помещения — сто пятьдесят футов — стояли огромные сушилки в виде решетчатых подвижных платформ, со всех сторон окруженных паровыми трубами; между ними на особых валиках были развешены размотанные мокрые штуки таким образом, что, провисая фестонами, они касались горячих труб и медленно двигались на валиках через весь подвал из конца в конец. Это движение сопровождалось ужасающим грохотом и лязгом рычагов, которые автоматически встряхивали развешенное для просушки полотно и передвигали штуки все дальше из восточной части подвала в западную. Там материя, за время движения успевшая высохнуть, вновь автоматически наматывалась на громадную деревянную шпульку; а стоявший рядом молодой рабочий снимал со шпульки готовые штуки. Тем временем другой рабочий, по виду ровесник Клайда, стоя в восточной стороне подвала, одним концом прикреплял штуку еще влажной ткани к движущимся крючкам и следил, чтобы она постепенно и аккуратно разматывалась во всю длину и ложилась на сушилку; как только одну штуку снимали с сушилки, к крючкам прикрепляли новую.

Посреди подвала, между каждыми двумя рядами чанов, стояли огромные вертящиеся сепараторы, или выжималки,—

сюда полотно клали после того, как его вынимали из чанов, где оно мокло не менее суток. Механические выжималки отделяли почти всю влагу,— столько, сколько можно удалить центробежным движением машины,— и лишь после этого штуки развешивались на сушилках для окончательной просушки.

Вначале до сознания Клайда дошли чисто физические свойства этого помещения: шум, жара, пар, напряженная работа мужчин и мальчиков, стоявших у машин. На всех рабочих были только рубашки без рукавов, старые стянутые поясом штаны и парусиновые туфли на резиновой подошве, надетые на босу ногу. Очевидно, одеваться так заставляли вода, жара и сырость, царившие в помещении.

— Вот это и есть декатировочный цех,— заметил Уигэм, когда они вошли.— Правда, здесь не так приятно, как в других цехах фабрики, но именно здесь начинается производственный процесс. Кемерер! — позвал он.

К нему подошел невысокий коренастый широкогрудый человек с бледным полным лицом и белыми мускулистыми руками, одетый в грязные, измятые штаны и фланелевую рубашку без рукавов. Он держался так же подобострастно и почтительно в присутствии Уигэма, как сам Уигэм в присутствии Гилберта.

— Это Клайд Грифитс, двоюродный брат Гилберта Грифитса. Я говорил вам о нем на прошлой неделе, помните?

— Да, сэр.

— Он будет сначала работать здесь. Приступит завтра утром.

— Слушаю, сэр.

— Внесите его имя в табель. Он будет работать в обычные часы.

— Слушаю, сэр.

Мистер Уигэм, как заметил Клайд, держал голову выше и говорил решительнее и авторитетнее, чем до сих пор. Теперь он казался начальником, а не подчиненным.

— Работа здесь начинается в половине восьмого,— продолжал он, обращаясь к Клайду.— Но все рабочие приходят хотя бы минут на десять раньше, чтобы было время переодеться и подойти к машинам. А теперь, если хотите, мистер Кемерер покажет вам, что вы должны делать завтра. Это сбережет немного времени. Но можете отложить на завтра, если хотите. Это не имеет значения. И вот что: если по дороге отсюда вы подойдете примерно в половине шестого к главному входу,— знаете, где сидит телефонистка,— я пришлю туда миссис Брейли; она ука-

жет вам, где можно снять комнату. Я сам не могу быть в это время, но вы просто спросите у телефонистки, где миссис Брейли, она будет знать. А теперь мне надо идти,— прибавил он и, кивнув на прощанье, быстро пошел к выходу.

— Очень вам благодарен, мистер Уигэм...— начал вслед ему Клайд.

Вместо ответа Уигэм махнул жилистой рукой и прошел между чанами к двери. И как только он вышел, мистер Кемерер, все еще первничая, почтительно начал давать объяснения:

— Насчет своей работы вы не беспокойтесь, мистер Грифитс. Надо будет только притащить сверху отрезы, с которых вы завтра начнете. Но лучше наденьте какой-нибудь старый костюм, если у вас найдется. Такое платье не годится здесь.— И он посмотрел на элегантный, хотя и недорогой костюм Клайда.

В его обращении с Клайдом, так же как перед тем в обращении Уигэма, странно смешивались неуверенность и робость, крайняя почтительность и некое затаенное сомнение, которое могло разрешиться лишь с течением времени. Очевидно, здесь немало значило быть Грифитсом, даже если этот Грифитс — только двоюродный брат и, может быть, не очень приятен своим могущественным родственникам.

В первую минуту, взглянув на этот подвал, так непохожий на все, о чем он мечтал и что надеялся найти на фабрике дяди, Клайд готов был возмутиться. Не в такую компанию он рассчитывал попасть,— люди, работавшие здесь, сразу показались ему гораздо более грубыми и примитивными, чем служащие в клубе «Юнион лиг» или в отеле «Грин-Дэвидсон». А главное, они казались ему приниженными, скрытными, невежественными — просто машины какие-то! Клайд заметил, что, когда он вошел сюда с Уигэмом, рабочие притворились, будто не смотрят в их сторону, а на самом деле все время недоверчиво и подозрительно наблюдали за ними. И к тому же вид их жалкой одежды разом нанес смертельный удар его мечте о том, что, работая на фабрике, он сможет стать изысканнее. Какое несчастье, что он ничему не обучался и не может теперь работать где-нибудь наверху, в конторе!

Он шел за Кемерером, и тот объяснял ему, как отрезы ткани укладываются на ночь в чаны для вымачивания, как работают выжималки, сушилки. Затем Клайду было сказано, что он свободен.

Было только три часа. Через ближайшую дверь Клайд вышел на улицу и поздравил себя с поступлением на службу в столь солидное предприятие. Но сумеет ли он удовлетворить

мистера Кемерера и мистера Уигэма? Вдруг нет? Вдруг он не сможет вынести все это? Дело совсем не легкое. Ну что же, думал он, в самом худшем случае можно вернуться в Чикаго или, скажем, поехать в Нью-Йорк и найти там работу.

Но почему Сэмюэл Грифитс не соизволил его принять? Почему Гилберт Грифитс улыбался так скептически? И что за женщина эта миссис Брейли? Умно ли он поступил, приехав сюда? Захочет ли эта семья хоть чем-нибудь помочь ему теперь, когда он уже здесь?

Занятый этими мыслями, он шел на запад по Ривер-стрит, потом свернул по какой-то улице на север; здесь всюду было множество различных предприятий: фабрики жестяных и плетеных изделий, ковров, большой завод пылесосов. Наконец он забрел в такие жалкие трущобы, каких не видал ни в Чикаго, ни в Канзас-Сити. Клайд был возмущен и подавлен этим зрелищем,— все здесь говорило о нищете, о грубости и жалком положении жителей, все казалось воплощением бедности и несчастья,— и поспешно повернул обратно. Он перешел по мосту через реку Могаук и сразу попал в совсем иную обстановку — в район таких же домов, какими он восхищался, прежде чем пойти на фабрику. А затем он вышел на ту красивую, обсаженную деревьями улицу, которой любовался утром: по одному ее виду ясно было, что именно здесь живет высшее общество Ликурга. Она была такая широкая, хорошо вымощенная, по обе ее стороны стояли такие великолепные дома. И Клайд вдруг ужасно заинтересовался населением этой улицы, так как ему пришло в голову, что скорее всего именно здесь живет его дядя. Почти все особняки были выдержаны в стиле лучших образцов французской, итальянской и английской архитектуры, но Клайд этого не понимал.

Он шел все дальше, глядя по сторонам, его поражали размеры и красота этих домов; он был глубоко взволнован видом такого богатства и спрашивал себя, где же именно живет его дядя. С каким чувством собственного превосходства выходит, должно быть, по утрам его двоюродный брат Гилберт из такого дома.

Перед одним из особняков он остановился. Вокруг были посажены деревья, проложены дорожки, разбиты клумбы для цветов, хотя цветов еще не было; в глубине двора стоял большой гараж; слева от дома виднелся фонтан и в центре его статуя — мальчик с лебедем в руках, а справа — группа, отлитая из чугуна: олень, преследуемый собаками. Клайд был восхищен и очарован спокойным благородством этого особняка, выстроен-

ного в староанглийском стиле; мимо как раз проходил плохо одетый человек средних лет, по-видимому рабочий, и Клайд обратился к нему:

— Скажите, мистер, вы не знаете, кто здесь живет?

И прохожий ответил:

— Как не знать! Сэмюэл Грифитс; тот самый, у которого большая фабрика воротничков на том берегу...

И Клайд вздрогнул, точно его облили холодной водой. Дом дяди! Его особняк! Значит, это его автомобиль стоит перед гаражом, а через открытые ворота гаража виден еще другой.

И незрелую и, в сущности, слепую и темную душу Клайда вдруг охватило странное настроение, подобное тому, какое вызывают розы, блеск огней, духи и музыка. Какая красота! Какая роскошь! Никому из членов его собственной семьи и не снилось, что дядя живет так! Какое великолепие! А его родители так несчастны, так бедны,— они, конечно, и сейчас проповедуют где-нибудь на улицах Канзас-Сити или Денвера. Руководители миссии! И хотя ни один из этих богатых родственников, кроме сухаря-кузена (да и то только на фабрике), не потрудился повидаться с ним, хотя его с таким равнодушием назначили на самую черную работу, он все же повеселел и воспрянул духом. В конце концов, он ведь тоже Грифитс, двоюродный брат и родной племянник важных персон в Ликурге, и, как бы то ни было, теперь он начинает у них работать. И разве это не означает, что его ждет гораздо лучшее будущее, чем все, на что он мог надеяться до сих пор? Нужно только вспомнить, что значат Грифитсы здесь и что «значат» Грифитсы в Канзас-Сити или, скажем, в Денвере. Какой потрясающий контраст! Но это нужно скрывать как можно тщательнее. Клайд снова приуныл. Что, если здешние Грифитсы — его дядя, или двоюродный брат, или кто-нибудь из их друзей или служащих — станут наводить справки о его родителях и о его прошлом? Какой ужас! Эта история с убитым ребенком в Канзас-Сити! Жалкое существование родителей! Эста! И снова лицо его вытянулось, и мечты померкли. Вдруг они догадаются! Вдруг почувствуют!

О, дьявольщина! Кто он, в конце концов? Что он, в сущности, собой представляет? Чего он может ожидать от этого великолепного мира, если узнают, почему он сюда явился?

Клайд повернул назад; он был угнетен и даже противен самому себе, ибо разом почувствовал себя совершеннейшим ничтожеством.

ГЛАВА VI

Комната, которую при помощи миссис Брейли Клайд снял в тот же день, находилась на Торп-стрит — улице, по своим достоинствам, да и по расстоянию, очень далекой от той, где жил его дядя. Разница была вполне достаточная, чтобы сдержать возрастающее стремление Клайда считать себя как-никак человеком, близким Сэмюэлу Грифитсу. Дома здесь были невзрачные, выкрашенные коричневой, серой или бурой краской, изрядно закопченные и ветхие; деревья стояли обнаженные под зимним ветром и все же, наперекор дыму и пыли, словно обещали совсем скоро новую жизнь — листья и цветы мая. Свернув вместе с миссис Брейли на эту улицу, Клайд увидел унылую, бесцветную толпу: с различных фабрик за рекой возвращались после работы мужчины, девушки и старые девы, похожие на его спутницу. В дверях дома Клайда и миссис Брейли встретила не слишком вежливая женщина в чистом переднике поверх коричневого платья; она провела их на третий этаж, в довольно просторную и прилично обставленную комнату, и назначила за нее четыре доллара без стола и семь с половиной со столом; миссис Брейли сказала, что он не найдет ничего лучшего за эту цену, и Клайд решил согласиться. Здесь он и остался, поблагодарив миссис Брейли, и вскоре уже сидел за обеденным столом в обществе нескольких служащих с товарных складов и фабрик — людей вроде тех, с которыми он вначале имел дело на Полина-стрит в Чикаго, прежде чем попал в лучшую обстановку клуба «Юнион лиг». После обеда он пошел пройтись по главным улицам Ликурга; тут во множестве бродили неопределенного вида рабочие; судя по тому, как выглядели эти улицы днем, он никак не ожидал, что вечером их заполняет такого рода толпа. Здесь были девушки и юноши, мужчины и женщины различных национальностей и типов: американцы, поляки, венгры, французы, англичане; и в большинстве, если не во всех, чувствовалось что-то общее,— они были невежественные, грубые, неотесанные, им недоставало вкуса, живости или смелости; все это свидетельствовало об их принадлежности к тому низшему миру, с которым сегодня столкнулся Клайд. Однако на некоторых других улицах и в магазинах поближе к Уикиги-авеню он встретил девушек и молодых людей иного типа, нарядных и оживленных. Несомненно, это были конторские служащие предприятий, расположенных на том берегу.

Клайд бродил по городу с восьми до десяти часов; в десять, точно по уговору, толпа стала редеть и самые людные улицы вдруг совсем опустели. На каждом шагу он сравнивал все, что видел здесь, с Чикаго и с Канзас-Сити. (Что сказал бы Ретерер, если б увидел его теперь, и особняк его дяди, и фабрику!) И, может быть, потому, что Ликург был так мал, он понравился Клайду: понравились и отель «Ликург», нарядный, сияющий огнями, очевидно, центр жизни местного общества, и здание почты, и церковь, украшенная шпилем, и старое кладбище, бок о бок с выставкой автомобилей; и тут же за углом новый кинематограф. И флиртующая молодежь на улицах. И над всем, как смутное предчувствие, юношеский пыл и надежды... Юношеский пыл и надежды — основа всякой созидательной деятельности во всем мире. Наконец он возвратился в комнату на Торп-стрит, окончательно уверенный, что город нравится ему и он рад здесь остаться. Как красива Уикиги-авеню! Какая огромная фабрика у дяди! Сколько хорошеньких, бойких девушек на улицах!

А в это время Гилберт Грифитс (отец его находился по делам в Нью-Йорке, о чем Гилберт не потрудился сообщить Клайду) решил рассказать матери и сестрам, что он видел Клайда и что это если не скучнейшая, то, уж конечно, и не самая интересная личность на свете. В тот день, когда приехал Клайд, Гилберт вернулся домой в половине шестого и, встретившись с Майрой, произнес небрежно:

— Ну, наш чикагский родственник сегодня объявился.

— Вот как? — сказала Майра.— Какой же он?

Так как, по словам отца, Клайд был воспитан и неглуп, она заинтересовалась им; впрочем, зная Ликург, условия работы и жизненные возможности рабочих на таких предприятиях, как фабрика ее отца, она недоумевала, почему Клайд сюда приехал.

— Не вижу в нем ничего особенного,— ответил Гилберт.— Довольно развит и недурен собой, но сам признает, что у него нет никакой подготовки для работы на большом предприятии. Ничем не отличается от любого парнишки, который служит в гостинице. По-моему, он считает, что главное в жизни — это одежда. На нем был светло-коричневый костюм, коричневый галстук, и шляпа под цвет, и коричневые башмаки. Галстук слишком яркий, и рубашка в ярко-розовую полоску — такие носили года четыре назад. И притом костюм плохого покроя. Я не хочу теперь ничего говорить, раз он уже здесь, к тому же неизвестно, удержится ли он. Но если удержится и если он собирается изображать здесь нашего близкого родственника, так

ему придется сбавить тон, или я посоветую папаше сказать ему пару слов. А вообще, я думаю, из него может получиться толк в качестве начальника цеха... пожалуй, попозже можно будет даже торгового агента из него сделать. И все-таки не понимаю, чего ради он сюда приехал. Наверно, папаша не растолковал ему, как мало здесь шансов выдвинуться. Для этого надо быть настоящим чародеем по меньшей мере.

Гилберт стоял спиной к большому камину.

— Да, но ты слышал, что мама говорила на днях про его отца? Как видно, ему всегда очень не везло. Наверно, папа решил все равно помочь этому Клайду, пригодится он на фабрике или нет. Папа считает, что наш дед был несправедлив к отцу Клайда,— так мне мама сказала.

Майра замолчала, а Гилберт, который тоже слышал от матери такой намек, предпочел не придавать ему значения.

— Ну, меня это мало трогает. Если отец захочет оставить этого молодца на фабрике, не глядя, годится он на что-нибудь или нет,— его дело. Но ведь он сам всегда говорит, что в каждом цехе нужны только умелые люди и что мертвый груз надо выкидывать за борт.

Позже, увидевшись с матерью и Беллой, Гилберт и им в таком же духе преподнес новость о приезде Клайда и свои соображения на этот счет. Миссис Грифитс вздохнула: в таком городке, как Ликург, при таком положении в обществе, какое занимает семья Грифитс, всякий, кто состоит с ними в родстве и носит их имя, должен быть крайне осмотрительным и иметь соответствующие манеры, склонности и взгляды. Пожалуй, муж поступил не совсем благоразумно, выписав сюда молодого человека, который никак не отвечает этим требованиям.

Но Белла, выслушав такую характеристику Клайда, не поверила брату. Она не знала Клайда, зато знала Гилберта, и ей было известно, что он очень легко может найти в человеке всевозможные недостатки, которых у того никогда и не было. И, выслушав за обедом еще какие-то его замечания по адресу Клайда, она сказала:

— Ну, знаешь, если папа захочет, так он все равно оставит его на фабрике или еще как-нибудь его устроит...

От этих слов Гилберта передернуло, как от пощечины; он очень ревниво оберегал свой авторитет на отцовской фабрике, всячески старался укрепить и расширить его, и младшая сестра хорошо это знала.

А Клайд, явившись на следующее утро на фабрику, заметил, что его имя и внешность — его сходство с Гилбертом Гри-

фитсом — были своеобразным преимуществом, которое он еще не мог по-настоящему оценить. Когда он подошел к фабрике, сторож у входа № 1 посмотрел на него в изумлении.

— Вы, верно, мистер Клайд Грифитс? — спросил он.— Вы будете работать у мистера Кемерера? Так, так, знаю. Вон тот человек выдаст вам табель.— И он указал на грузного угрюмого старика, которого, как позже узнал Клайд, звали «старик Джефф». Он стоял у контрольных часов в глубине того же помещения и выдавал табели и после отметки получал их обратно между семью тридцатью и семью сорока.

Когда Клайд подошел к нему со словами:

— Меня зовут Клайд Грифитс, я буду работать внизу, у мистера Кемерера,— старик удивился, потом сказал:

— Да, конечно, слушаю, сэр. Значит, вы и есть мистер Грифитс. Мистер Кемерер вчера говорил мне про вас. Ваш номер будет семьдесят первый. Я даю вам старый номер мистера Дювени.

А когда Клайд спустился по лестнице, ведущей в декатировочный цех, старый табельщик повернулся к сторожу, который тем временем подошел поближе, и воскликнул:

— Ну, до чего же этот малый похож на мистера Гилберта! Вылитый портрет! Он что же, брат или родственник?

— Ничего не знаю,— ответил сторож.— Никогда его раньше не видал. Но уж, конечно, он из их семьи, сразу видно. Я сперва подумал, что это мистер Гилберт. Я уж собирался снять фуражку, да разглядел, что это не он.

Войдя в декатировочную, Клайд увидел Кемерера, такого же почтительного и уклончивого, как и накануне, потому что Кемерер, так же как и Уигэм, все еще не мог определить настоящее положение Клайда на фабрике. Правда, как Кемерер знал от Уигэма, Гилберт ни словом не дал понять, что Клайда нужно поставить в какие-то особые, более легкие или более тяжелые условия. Напротив, мистер Гилберт сказал: «Он должен работать так же, как все служащие. Никаких исключений». И, однако, знакомя Клайда с Уигэмом, он сказал также: «Это мой двоюродный брат, он хочет изучить наше дело»,— и это, наверно, означает, что Клайд не останется здесь надолго, а будет переходить из одного цеха в другой, пока не изучит всего производства. Поэтому, когда Клайд ушел, Уигэм шепнул Кемереру и нескольким другим служащим, что хозяин, видно, покровительствует Клайду,— и соответственно они решили держать ухо востро, пока не выяснится, каково же его положение на фабрике.

А Клайд, заметив их почтительность, воспрянул духом и невольно подумал, что, как бы там ни относился к нему двоюродный брат Гилберт, это хороший знак и, пожалуй, предвещает какие-нибудь милости со стороны дяди. И потому, когда Кемерер стал объяснять, что работа у него будет не слишком тяжелая и ему не придется пока работать чересчур много, Клайд выслушал его с несколько снисходительным видом. А Кемерер поэтому стал еще почтительнее.

— Теперь повесьте шляпу и пальто вот сюда, в один из шкафчиков,— продолжал он мягко и даже подобострастно.— Потом возьмите вон там тележку, поднимитесь в первый этаж и привезите несколько штук ткани. Вам покажут, где их взять.

Для Клайда наступили интересные, но нелегкие дни. По временам непривычная рабочая среда и его собственное положение здесь вызывали в нем растерянность и тревогу. Людей, окружавших его на фабрике, он вряд ли когда-нибудь выбрал бы себе в товарищи. Все они по своему развитию были значительно ниже мальчиков-рассыльных, возчиков или клерков; он видел, что они неповоротливы, грубы и неотесаны. Одевались они как рабочие самого низшего разряда,— так обычно одеваются люди, для которых собственная внешность — последнее дело: все их мысли были о работе и тяжелых материальных условиях жизни. Кроме того, не зная, кто такой Клайд и как может отразиться его появление здесь на их собственном положении, рабочие относились к нему недоверчиво и подозрительно.

Правда, недели через две, когда стало известно, что Клайд — племянник председателя правления и двоюродный брат секретаря и, значит, вряд ли останется надолго на низших ролях, рабочие стали относиться к нему лучше; но теперь они смотрели на него снизу вверх и стали подозрительными и завистливыми на другой лад. В конце концов, Клайд не был и не мог в этих условиях быть для них своим. Пусть он улыбается, пусть он вполне вежлив, а все-таки он всегда будет связан с теми, кто стоит выше их,— по крайней мере, так они думали. Он был в их глазах частью высшего класса — класса богатых, а каждый бедняк знает, что это значит. Бедняки должны всегда держаться вместе.

А Клайд, съедая в одиночестве свой завтрак, удивлялся, как эти люди могут интересоваться тем, что ему кажется таким скучным и неинтересным, приходящей к ним в подвал тканью, какими-нибудь мелкими недостатками в ее весе или качестве, тем, что последние двадцать штук не так сильно сели, как пре-

дыдущие шестнадцать... или тем, что «Компания Крэнстон» в этом месяце сократила число рабочих, а «Компания Энтони» объявила, что суббота будет считаться неполным рабочим днем только после первого июня, а не с середины мая, как в прошлом году. Все они, казалось, были поглощены своей работой, скучными, будничными мелочами.

И все чаще Клайд мысленно возвращался к прошлым, более счастливым временам. Порою ему хотелось снова оказаться в Чикаго или в Канзас-Сити. Он вспоминал Ретерера и его сестру Луизу, Хегленда, Хигби, Эдди Дойла, мистера Скуайрса, Гортензию — всю свою молодую, беззаботную компанию, и думал: что с ними сталось? Где теперь Гортензия? Все-таки она в конце концов получила тот меховой жакет,— наверно, от продавца сигар, и уехала с ним... а еще уверяла Клайда в своих чувствах, маленькая каналья! И вытянула у него все деньги! При одной только мысли о ней и о том, чем бы она стала для него, если бы все сложилось по-другому, Клайду подчас становилось не по себе. С кем она теперь любезничает? Как устроилась, уехав из Канзас-Сити? И что сказала бы она, если бы увидела его здесь и узнала о его высоких связях? Это заставило бы ее призадуматься! Его теперешняя должность не очень бы ей понравилась, это ясно. Но все-таки она стала бы больше уважать его, если б увидела его дядю и двоюродного брата, и эту фабрику, и их большой особняк. Тогда бы она опять стала мила с ним,— это на нее похоже. Ну, если только они еще когда-нибудь встретятся, он ей покажет! Уж конечно, он тогда сумеет натянуть ей нос.

ГЛАВА VII

Меблированные комнаты миссис Каппи оказались не особенно приятным местом для Клайда. Это был самый обыкновенный дешевый пансион; тут обычно селились благонамеренные дельцы и служащие, которые считали, что их работа, их заработок и религиозные воззрения средних слоев местного общества — это и есть необходимая основа порядка и благополучия в мире. В общем это был очень скучный дом, о веселье, о развлечениях здесь нечего было и думать.

И все-таки жизнь здесь оказалась для Клайда не совсем лишенной интереса благодаря Уолтеру Дилларду, легкомысленному юнцу, недавно приехавшему из Фонды. Этот Диллард был ровесник Клайда и такой же честолюбец, но он не обладал

тактом Клайда и уменьем разбираться в людях и в жизни; он служил у «Старка и К⁰», в магазине мужского платья. Диллард был очень бойкий и алчный, довольно смазливый, с очень светлыми волосами и жидкими светлыми усиками; у него были деликатные манеры и повадки провинциального сердцееда. У Диллларда никогда не было никаких средств, и он никогда не занимал сколько-нибудь значительного положения в обществе,— его отец когда-то имел галантерейную лавку в маленьком городишке и давно разорился,— но в силу каких-то атавистических побуждений он страстно жаждал выдвинуться.

До сих пор Диллард ничего не достиг и потому с особым интересом относился к тем, кому это удалось; эти чувства были в нем даже сильнее, чем в Клайде. На него произвела огромное впечатление деятельность видных семейств Ликурга и роскошь, в которой жили все эти Николсоны, Старки, Гарриэты, Грифитсы, Финчли и прочие. Узнав через несколько дней после приезда Клайда, что он хоть и косвенно, а все же связан с этим миром, Диллард всполошился. Как! Грифитс, племянник богача Сэмюэла Грифитса,— здесь, в пансионе? Рядом с ним за одним столом? И Уолтер тотчас решил поскорее завязать знакомство с этим приезжим. Вот удача стучится в его двери, открывая ему доступ в одну из лучших семей Ликурга! К тому же Клайд молод, красив и, вероятно, честолюбив, как и он сам,— подходящая компания, когда хочешь весело проводить время. Диллард просто не верил своему счастью и сразу же стал ухаживать за Клайдом.

Прежде всего он предложил Клайду пройтись. Тут недалеко, около реки, превосходный кинематограф — просто шикарный. Не хочет ли Клайд пойти туда?

Хорошо одетый, щеголеватый Диллард был совсем не похож ни на скучных, чересчур практически мыслящих людей, окружавших Клайда на фабрике, ни на остальных обитателей пансиона и потому понравился Клайду.

Но тут же Клайд подумал о своих важных родственниках. Здесь, в Ликурге, он должен следить за каждым своим шагом. Кто знает, может быть, это большая ошибка — так легко и свободно завязывать новые знакомства? Грифитсы, как и весь тот круг, к которому они принадлежат, должно быть, держатся особняком от простых смертных: он догадывался об этом по поведению всех, с кем ему приходилось сталкиваться. Следуя скорее инстинкту, нежели рассудку, Клайд тоже не сближался с окружающими и смотрел на всех свысока, и за это все вокруг, начиная с того же Диллларда, на котором он упражнялся

в этом тоне превосходства, казалось, только больше уважали его. Уступая горячим просьбам и даже своего рода мольбам Диллларда, Клайд все же пошел с ним, но держался очень осторожно. А Диллард сразу же счел сдержанные и надменные маперы Клайда признаком «класса» и «связей». Подумать только, что он встретился с таким человеком в этих мрачных, унылых меблированных комнатах! И как раз после его приезда, в самом начале его карьеры!

И Диллард вел себя с Клайдом как истый льстец, хотя занимал лучшее положение, чем Клайд, и зарабатывал больше: двадцать два доллара в неделю.

— Вы, вероятно, будете проводить большую часть времени со своими родственниками и друзьями? — сказал между прочим Диллард во время их первой совместной прогулки.

Он старался вытянуть из Клайда побольше сведений о нем, но тот отмалчивался, тогда как Диллард успел уже ввернуть в разговор кое-какие изрядно приукрашенные подробности собственной биографии. У его отца *теперь* галантерейный магазин. Сам он приехал сюда, чтобы изучить нововведения в этом деле. Его дядя служит здесь у «Старка и К⁰». У него уже есть в Ликурге приятные знакомые,— правда, пока еще немного: ведь он сам здесь недавно — всего четыре месяца.

Но родственники Клайда!

— Скажите, ваш дядя, наверно, сто́ит больше миллиона? Говорят, что да. Эти дома на Уикиги-авеню — лакомый кусочек! Шикарнее не найти ни в Олбани, ни в Утике, ни даже в Рочестере. Так вы родной племянник Сэмюэла Грифитса? Да что вы! Это здесь много значит. Хотел бы я иметь такие связи! Будьте уверены, я бы их использовал.

Он с восхищенной улыбкой посмотрел на Клайда, и тот еще яснее почувствовал, как в самом деле важны его родственные связи. Подумать только, какое значение придает им этот странный молодой человек.

— Ну, не знаю,— уклончиво ответил Клайд; все же он был очень польщен предположениями о такой его близости со здешними Грифитсами.— Я приехал сюда, чтобы изучить производство воротничков. Я не собираюсь развлекаться. Дядя хочет, чтобы я всерьез занялся этим делом.

— Ну, конечно, конечно. Это мне знакомо,— ответил Диллард.— Мой дядюшка тоже так настроен. Он хочет запрячь меня в работу и требует, чтобы я не тратил время зря. Он, знаете ли, служит у Старка закупщиком. Но нельзя же работать без передышки. Надо и развлечься когда-нибудь.

— Да, вы правы,— сказал Клайд впервые в своей жизни несколько снисходительным тоном.

Некоторое время они шли молча; потом Уолтер спросил:

— Вы танцуете?

— Да,— ответил Клайд.

— Я тоже. Здесь сколько угодно дешевых дансингов, но я туда не хожу. Нельзя бывать в таких местах, если хочешь поддерживать знакомство с порядочными людьми. Говорят, в этом городе хорошее общество держится ужасно замкнуто. Если не принадлежишь к их кругу, с тобой просто не желают иметь дела. И в Фонде то же самое. Вы должны «принадлежать к свету», а иначе вам некуда деваться. Да, пожалуй, это и правильно. Но тут все-таки найдутся девушки, с которыми можно и повеселиться и потанцевать,— очень милые девушки и из хороших семей,— конечно, не из высшего общества, но все же о них ничего дурного не говорят. И они не такие уж тихони. Иногда даже совсем наоборот. И вы не обязаны вступать в законный брак.

Клайд подумал, что, пожалуй, это слишком легкомысленное знакомство для его новой жизни в Ликурге. В то же время Диллард ему нравился.

— Кстати,— продолжал Диллард,— что вы делаете в это воскресенье, после обеда?

— Ничего особенного как будто,— ответил Клайд, чувствуя, что перед ним возникает новая задача.— Просто я пока еще не знаю, как у меня все сложится.

— Ну, а если вы будете свободны? Может, проведем вечер вместе? Я здесь познакомился с несколькими девушками. Очень милые! Сначала, если хотите, мы зайдем к моему дяде. У него семья, все очень милые люди. А потом я тут знаю двух девушек... прелесть! Одна работала в магазине, но теперь ушла оттуда и нигде не служит. А другая — ее подруга. У них дома есть граммофон, и обе танцуют. Правда, здесь не полагается танцевать по воскресеньям, но об этом никто не узнает. Девушкам родители позволяют. А после мы можем пойти с ними куда-нибудь в кино, если вы захотите. Не в какую-нибудь киношку на окраине, а туда, где получше. Согласны?

И перед Клайдом встал вопрос, как поступить, как ответить на такое предложение. В Чикаго, после того, что случилось в Канзас-Сити, он старался вести себя очень скромно и осторожно. Попав на службу в клуб «Юнион лиг», он решил, что будет строить свою жизнь в соответствии с идеалами, какие внушало ему это, по всей видимости, столь строгое учреждение:

держаться солидно, усердно работать, копить деньги, одеваться элегантно, но без франтовства, по-джентльменски. Это был этакий рай без Евы.

Но как ни скромно было теперь его непосредственное окружение, казалось, самый воздух этого города будил в нем жажду удовольствий, о которых говорил сейчас его спутник: хотелось повеселиться немного, пожалуй, даже самым невинным образом, но все-таки в женском обществе. Улицы по вечерам так оживленны, полны хорошеньких девушек и молодых людей... Но что подумают его вновь обретенные родственники, если он позволит себе развлекаться в таком духе, как намекает Диллард? И ведь он сам говорит, что в Ликурге нравы строгие и всем все известно друг о друге. Клайд молчал, обуреваемый сомнениями. Надо было решать. Но он слишком стосковался в одиночестве и потому, наконец, ответил:

— Ну, хорошо, я, пожалуй, согласен.— Потом прибавил немного неуверенно: — Знаете, мои здешние родственники...

— Конечно, я понимаю,— быстро ответил Диллард.— Вам надо быть поосторожнее. Да и мне тоже.

Только бы ему появиться где-нибудь с одним из Грифитсов, даже с этим приезжим, который здесь еще почти ни с кем не знаком. Это наверняка подымет и его самого во мнении окружающих.

И Диллард предложил купить Клайду папирос и спросил, не хочет ли он выпить содовой воды. Но Клайд все-таки чувствовал себя неловко и неуверенно; извинившись, он вскоре простился: ему наскучило самодовольство Дилларда и это преклонение перед «высшим обществом». Клайд вернулся домой. Он давно обещал написать матери и теперь решил исполнить обещание, а заодно подумать, стоит ли поддерживать новое знакомство.

ГЛАВА VIII

Назавтра была суббота, работа закончилась рано (на фабрике Грифитсов суббота круглый год была наполовину свободным днем), и Уигэм явился с платежными конвертами.

— Вот, пожалуйста, мистер Грифитс,— сказал он таким тоном, будто Клайд был на фабрике важной особой.

С удовольствием выслушав это «мистер», Клайд взял конверт и, подойдя к своему шкафчику, разорвал бумагу и переложил деньги в карман. Потом оделся и отправился домой завтракать. Но, оказавшись в своей комнате, он почувствовал себя

очень одиноко; Дилларда не было, он еще работал, и Клайд решил проехаться на трамвае в Гловерсвил — соседний городок тысяч на двадцать жителей, по слухам, очень оживленный, хотя и не такой красивый, как Ликург. Эта поездка очень развлекла Клайда: он увидел действительно интересный город, совсем непохожий на Ликург по своей социальной структуре.

Но следующий день — воскресенье — Клайд скучал, в одиночестве бродя по Ликургу. Дилларду пришлось уехать по каким-то делам в Фонду, и он не мог выполнить свое обещание. Зато, встретясь с Клайдом в понедельник вечером, он объявил, что в ближайшую среду на Дигби-авеню состоится собрание прихожан конгрегационной церкви; туда стоит пойти, так как будет угощение.

— Мы забежим туда на минутку,— объяснял Диллард.— Поболтаем с девушками. Я познакомлю вас с дядей и теткой,— очень славные люди. И девушки милые, не недотроги. Мы можем удрать оттуда часов в десять и пойти к Зелле или к Рите. У Риты много хороших граммофонных пластинок, зато у Зеллы просторнее, удобней танцевать. Кстати, вы не захватили из Чикаго свой фрак?

Дело в том, что Диллард в отсутствие Клайда уже обследовал его комнату (Клайд жил как раз над ним, на третьем этаже) и нашел там один только чемодан; не видно было ни сундука, ни фрака. Поэтому Диллард решил, что, хотя отец Клайда и содержит отель, а сам Клайд работал в Чикаго в клубе «Юнион лиг», он, должно быть, очень равнодушен к одежде и к тому, как принято одеваться в обществе. Или же он хочет жить на собственный счет, не пользуясь чьей-либо помощью, и вырабатывает в себе твердый характер. Все это не особенно нравилось Дилларду. Человек не должен пренебрегать требованиями общества. Однако Клайд был *Гриффитс*, и этого было достаточно, чтобы Диллард на все смотрел сквозь пальцы,— по крайней мере, первое время.

— Нет, фрака не привез,— ответил Клайд, все еще не вполне уверенный, несмотря на свое одиночество, стоит ли ему участвовать в этой авантюре.— Но я достану.

Он уже не раз думал, что в Ликурге фрак ему необходим, и хотя за последнее время деньги доставались ему тяжелым трудом и откладывать было нелегко, он решил истратить тридцать пять долларов на покупку вечернего костюма.

Диллард болтал о Зелле и Рите: родители Зеллы Шумэн небогаты, но живут в собственном доме, и у нее часто бывают подруги — прелестные девушки. У Риты Дикермен тоже много

подруг. У отца Зеллы есть еще маленькая дача на озере Экерт, близ Фонды. Летом — если только Рита понравится Клайду — туда можно будет иной раз съездить во время отпуска или на субботу и воскресенье, так как Рита и Зелла почти неразлучны. И обе хорошенькие. Зелла брюнетка, а Рита светлая, прибавил он с восторгом.

Клайд заинтересовался: девушки хорошенькие! И как это на него в его одиночестве свалился, точно с неба, этот Диллард и носится с ним... Но еще вопрос — благоразумно ли сближаться с Диллардом? Ведь, в конце концов, Клайд ничего о нем не знает. Сейчас он видел по манерам и легкомысленной восторженности Дилларда, что тому куда интереснее сами девушки, вольность или даже некоторая распущенность их поведения, а вовсе не то, к какому обществу они принадлежат. А разве не это привело Клайда к катастрофе в Канзас-Сити? Здесь, в Ликурге, отнюдь не следует забывать об этом, если он хочет чего-то добиться в жизни.

Тем не менее в среду, в половине девятого, Клайд вышел из дому вместе с Диллардом, преисполненный всяческих ожиданий. В девять часов они были уже на месте, в самой гуще одного из тех отчасти религиозных, отчасти светских, отчасти благотворительных собраний, какие устраиваются формально для того, чтобы собрать некоторые средства для нужд местной церкви, а по существу больше затем, чтобы дать пожилым случай встретиться и посплетничать, а молодежи — покритиковать старших и пофлиртовать под шумок. Тут были киоски, торговавшие чем угодно — от пирожков, печенья и мороженого до кружев, кукол и всевозможных безделушек. Все это было пожертвовано прихожанами и продавалось в пользу церкви. Гостей принимали пастор, преподобный Питер Изрилс, и его жена. В числе гостей были дядя и тетка Дилларда, общительная, но неинтересная чета, явно не игравшая никакой роли в здешнем обществе. Они были очень добродушны и чересчур — до фамильярности — приветливы, хотя дядя Дилларда, Гровер Уилсон, будучи агентом по закупкам фирмы «Старк и К⁰», пытался иногда принять серьезный и важный вид. Этот невысокий, коренастый человек, по-видимому, не умел прилично одеваться или не имел для этого средств. В противоположность своему племяннику, одетому почти безукоризненно, он был облачен в плохо сидящий, не совсем чистый и невыутюженный костюм. Галстук был под стать костюму. Держался Уилсон как истый клерк: потирал руки, хмурил брови, почесывал в затылке, точно собираясь сказать нечто весьма важное, требующее от него крайнего

умственного напряжения,— и, однако, изрекал лишь одни банальности.

Под стать ему была и его толстуха жена; пока супруг старался придать себе важный вид, чтобы казаться достойным своего собеседника, миссис Уилсон стояла рядом, расплываясь в сияющей жирной улыбке. Грузная, с розовыми щеками и уже заметным двойным подбородком, она все улыбалась и улыбалась, потому что вообще была от природы веселой и доброй женщиной, а в частности, и потому, что Клайд был племянником *такого человека.* Ибо, как понял Клайд, Диллард не терял времени и постарался втолковать своим родственникам, что Клайд — из Грифитсов и что он, Диллард, уже подружился с этим новым Грифитсом и теперь вводит его в местное общество.

— Уолтер сказал нам, что вы приехали работать на фабрике вашего дяди. Значит, вы поселились у миссис Каппи? Я не знакома с ней, но слышала, что у нее очень приличный, очень порядочный пансион. Там живет мистер Парсли,— когда-то мы с ним вместе ходили в школу, но теперь я редко его вижу. Вы еще не знакомы с ним?

— Нет, не знаком,— ответил Клайд.

— А знаете, в прошлое воскресенье мы ждали вас к обеду. Но Уолтеру пришлось съездить домой. Непременно приходите к нам поскорее. В любое время. Я буду вам очень рада.

Она улыбнулась, и ее карие глазки весело блеснули.

Клайд видел, что благодаря репутации своего дяди он — настоящая находка для этой четы. Но и все остальные — старые и молодые — отнеслись к нему так же: пастор Изрилс и его жена, Майк Бампас — местный торговец типографскими красками и его жена и сын; Максимилиан Пик — торговец сеном, зерном и кормовыми травами оптом и в розницу и его жена; мистер Уитнэс — торговец цветами, мистер Троп — агент по продаже земли. Все много слышали о Сэмюэле Грифитсе и его семье и были крайне заинтересованы и удивлены тем, что среди них оказался племянник такого богача. Им только не нравилось, что Клайд держался очень мягко, нисколько не важничая — не слишком заносчиво и пренебрежительно; в большинстве это были люди того типа, что уважают заносчивость, даже если на словах осуждают ее. Особенно заметно это было по поведению молодых девушек.

Диллард считал своим долгом каждому сообщить о важных родственных связях Клайда.

— Это Клайд Грифитс, племянник Сэмюэла Грифитса,

двоюродный брат Гилберта Грифитса. Он приехал в Ликург, чтобы изучить производство воротничков на фабрике своего дяди.

И Клайду, знавшему, как далеко это от истины, все-таки было очень приятно видеть, какое впечатление эти слова производили на слушателей.

Но какова наглость Дилларда! Найдя в Клайде опору, он осмелел и со всеми разговаривал покровительственным тоном. Он не покидал Клайда ни на минуту и подводил его то к одному, то к другому. Он явно решил показать всем своим знакомым девушкам и молодым людям, кто такой Клайд, и внушить, что именно он, Диллард, вводит его в здешнее общество. Но с теми, кого он не любил, он Клайда не знакомил. «Она не заслуживает внимания,— предостерегал он.— Ее отец всего-навсего содержит маленький гараж. На вашем месте я не стал бы тратить время на такое знакомство». Или: «Он ничего не стоит — просто приказчик из нашего магазина». В то же время, говоря о тех, кто был ему симпатичен, он рассыпался в улыбках и комплиментах или, на худой конец, старался извинить перед Клайдом их недостаточно высокое положение.

Наконец Клайд был представлен Зелле Шумэн и Рите Дикермен, которые по каким-то своим соображениям явились с некоторым опозданием. Скорее всего им хотелось показать, что они здесь самые искушенные в светских обычаях и не похожи на других. И в самом деле, как несколько позже убедился Клайд, они выделялись среди остальных девушек, с которыми познакомил его Диллард: были не так скромны и чопорны, менее тверды в правилах религии и морали. Сами себе в этом не признаваясь, они были совсем не прочь доставить себе далеко не благочестивые удовольствия,— разумеется, они старались при этом не повредить своей репутации. И Клайда уже в первые минуты знакомства поразили манеры и обращение этих девушек, отличавшие их от всех других молодых прихожанок: Зелла и Рита держались не то чтобы распущенно, но гораздо свободнее, не так чопорно и церемонно, как остальные.

— А! так вы — мистер Клайд Грифитс! — сказала Зелла Шумэн.— Как вы похожи на вашего двоюродного брата! Я часто вижу его, когда он проезжает по Сентрал-авеню. Уолтер нам все о вас рассказал. Как вам нравится Ликург?

Она произнесла «Уолтер» особым тоном, с какой-то собственнической, интимной ноткой в голосе, и Клайд почувствовал, что они с Диллардом гораздо более близки, чем говорил сам Диллард.

Узкая, с маленьким бантом, красная бархотка на шее, маленькие гранатовые серьги в ушах и очень нарядное, плотно облегающее стан черное платье с пышными оборками внизу свидетельствовали, что Зелла не прочь показать свою фигуру и очень ценит ее, и если бы не подчеркнуто холодное выражение лица и сдержанные манеры, все это, несомненно, вызвало бы неодобрение в таком собрании.

Рита Дикермен, толстенькая, беленькая, розовощекая девушка, со светло-каштановыми волосами и серо-голубыми глазами, была не так вызывающе бойка, как Зелла Шумэн, но и в ней, как в ее подруге, под внешней сдержанностью чувствовалось что-то очень вольное. В ее обращении было меньше скрытой бравады, но больше податливости, и она, видимо, хотела, чтобы Клайд это понял. Между подругами было решено, что Рита должна его заинтересовать. Рита была очарована Зеллой, рабски во всем ей подражала; подруги были неразлучны. Когда Клайда представили Рите, она улыбнулась ему многообещающей улыбкой, немало его смутившей. Он все время внушал себе, что здесь, в Ликурге, он должен очень осторожно сходиться с людьми. Но, на его несчастье, Рита, как в свое время Гортензия Бригс, вызвала у него мысль о близости, хотя бы и мало вероятной и сомнительной, и это его испугало. Надо быть осторожнее! Вот такое свободное поведение, какое, видимо, свойственно Дилларду и этим девушкам, и было причиной его несчастья в Канзас-Сити.

— Ну, теперь надо полакомиться мороженым и пирожными,— сказал Диллард, когда новые знакомые обменялись несколькими беглыми фразами.— А потом мы удерем отсюда. Но вам, пожалуй, нужно сперва пройтись по залу и поздороваться с кем полагается,— прибавил он, обращаясь к девушкам.— Встретимся у киоска с мороженым, а потом, если вы согласны, сбежим. Что вы на это скажете?

Он посмотрел на Зеллу Шумэн, как бы говоря: «Вы лучше знаете, что нам делать». И она, улыбнувшись ему, ответила:

— Правильно, мы не можем сразу уйти. Вон там моя двоюродная сестра Мэри, и мама, и Фред Бракнер. Мы с Ритой сперва походим здесь, а после встретимся с вами, ладно?

А Рита Дикермен при этих словах нежно и влюбленно улыбнулась Клайду.

Минут двадцать Диллард с Клайдом слонялись по залу; затем Зелла подала Дилларду какой-то знак, и они направились к киоску, где продавали мороженое. Через минуту к ним, как бы случайно, присоединились Зелла и Рита, и все вместе

принялись за мороженое и пирожные. А так как официальная часть вечера закончилась и многие уже расходились, Диллард сказал:

— Ну, давайте удирать. Можно пойти к вам, Зелла?

— Конечно, конечно,— шепнула Зелла, и они направились в гардеробную.

Клайд все еще немного сомневался, следует ли ему отправляться с этой компанией, и был молчалив. Он еще не знал, нравится ли ему Рита. Но как только они очутились на улице, вне поля зрения ханжей и сплетников, он оказался рядом с Ритой, а Зелла и Диллард пошли вперед. Клайд счел своим долгом взять ее под руку, но она высвободила руку и мягко и ласково сама взяла его под руку. И тотчас тесно прижалась плечом к его плечу и стала весело болтать о жизни в Ликурге.

Что-то ласкающее, мягкое появилось в ее голосе. Клайду это нравилось. В теле Риты была какая-то томность, которая словно электризовала Клайда и влекла помимо его воли. Ему хотелось погладить ее руку, и он чувствовал, что может это сделать, может даже обнять ее. И все это так скоро! Но ведь он — Грифитс, ликургский Грифитс, сообразил он, вот почему девушки на собрании интересовались им и были так любезны! Он все же тихонько сжал руку Риты, и она не протестовала.

Дом семейства Шумэн оказался большим старомодным квадратным зданием с квадратным куполом; он стоял в глубине двора, окруженный деревьями. Компания расположилась в большой, красиво обставленной гостиной; Клайд еще никогда не видел в частном доме такой хорошей обстановки. Диллард сейчас же стал разбирать пластинки и быстро свернул два больших ковра, под которыми оказался паркетный пол,— видно было, что все это для него дело привычное.

— Дом стоит очень удачно, вокруг деревья, и потом... эти иголки замечательные, они дают совсем тихий звук,— объяснил он Клайду; он все еще считал, что Клайд — человек очень хитрый и следит за каждым его шагом.— Поэтому с улицы не слышно, когда здесь играет граммофон. Правда, Зелла? И во втором этаже тоже ничего не слышно. Мы здесь играли и танцевали несколько раз до трех, до четырех утра, а наверху никто и не знал об этом. Правда, Зелла?

— Да, это верно. Надо сказать, папа немножко туговат на ухо. И мама, когда заберется с книжкой в свою комнату, тоже ничего на свете не слышит. Но и вообще отсюда не слышно.

— А что, разве тут у вас все так настроены против танцев? — спросил Клайд.

— Ну, служащие на фабрике вовсе не против,— сказал Диллард.— Но набожные люди против этого. Вот, например, мои дядя и тетка. Да почти все, кто был сегодня на собрании, кроме Зеллы и Риты.— Он с одобрением поглядел на девушек.— Они не так глупы, чтобы волноваться из-за пустяков. Правда, Зелла?

И девушка, не на шутку влюбленная в него, засмеялась и кивнула:

— Ну конечно, я не вижу в этом ничего плохого.

— И я тоже,— прибавила Рита.— И мои папа и мама. Только они не любят говорить об этом и не хотят, чтобы я уж слишком увлекалась танцами.

Диллард поставил пластинку «Карие глаза», и сейчас же Клайд и Рита, Диллард и Зелла начали танцевать, и Клайд почувствовал, что между ним и Ритой возникает какая-то близость, некая что предвещающая. Рита танцевала с увлечением, с пылом, ее гибкие движения, казалось, выдавали сдержанный восторг. Танцуя, она улыбалась мечтательной улыбкой, говорившей о жажде романтических приключений. Она была прелестна.

«Очаровательная девушка,— думал Клайд,— хотя и слишком податливая. В конце концов, я танцую вовсе не лучше других, но, как видно, я ей нравлюсь, потому что она воображает, будто я важная персона».

И, точно отвечая на его мысли, Рита сказала:

— Ужасно приятно танцевать, правда? И вы очень хорошо танцуете, мистер Грифитс.

— Ну нет,— возразил он, улыбаясь и глядя ей в глаза.— Это вы великолепно танцуете. Я хорошо танцую потому, что танцую с вами.

Он почувствовал, что у нее полные, мягкие руки, а грудь очень пышна для такой молодой девушки. Опьяненная танцем, Рита одурманивала его, движения ее стали почти вызывающими.

— Теперь поставим «Ладью любви»,— объявил Диллард.— Вы потанцуйте с Зеллой, а я поверчусь немного с Ритой. Ладно, Рита?

Он был так восхищен своим искусством танцора, испытывал от этого такое живейшее удовольствие, что даже не мог дождаться новой пластинки: нетерпеливо схватив Риту за руки, он начал выделывать замысловатые фигуры, которые были не под силу Клайду, и все признали Дилларда самым ловким танцором. Наконец он крикнул Клайду, чтобы тот поставил «Ладью любви».

Однако, потанцевав раз с Зеллой, Клайд понял, что этот вечер был задуман для удовольствия двух пар, и они не должны мешать друг другу. Зелла танцевала хорошо, оживленно болтала, но Клайд все время чувствовал, что она занята одним только Диллардом и предпочитает быть с ним. После нескольких танцев Клайд и Рита уселись на диван поболтать и отдохнуть немного, а Диллард и Зелла ушли в кухню напиться. Однако Клайд заметил, что оставались они там гораздо дольше, чем нужно для того, чтобы выпить воды.

А тем временем Рита, оставшись с Клайдом вдвоем, так и прильнула к нему. Выбрав минуту, когда разговор оборвался, она поднялась и потянула его за руку: ни с того ни с сего, даже без музыки, ей захотелось еще потанцевать с ним. Она будто бы хотела показать ему несколько па, которые перед тем выделывали они с Диллардом и которых Клайд не знал. Она стала рядом с Клайдом и тесно прижалась к нему, показывая эти па, которые требовали особенной близости; лицо Риты почти касалось его лица, и это было слишком для самообладания Клайда: он не выдержал и прижался щекою к ее щеке. Она в ответ улыбнулась и ободряюще посмотрела на него. Мгновенно вся его выдержка исчезла, и он поцеловал ее в губы, потом еще и еще. И вместо того чтобы вырваться от него, как он ожидал, она преспокойно позволяла себя целовать.

Чувствуя, как ее горячее тело прижимается к нему и губы отвечают на его поцелуй, Клайд вдруг понял, что позволил вовлечь себя в такие отношения, которые не так-то легко будет изменить или порвать. И ему трудно будет устоять, раз она ему нравится, а он, очевидно, нравится ей.

ГЛАВА IX

Эта волнующая и сладостная минута заставила Клайда вновь задуматься над тем, как ему следует держаться. Девушка так откровенно ведет себя с ним и, очевидно, готова на еще большую близость. И все это так быстро, а ведь совсем недавно он пообещал и сам себе, и своей матери, что здесь все будет иначе... Никаких связей и отношений вроде тех, что довели его до беды в Канзас-Сити. А все-таки... все-таки...

Его одолевало искушение: он чувствовал, что Рита ждет от него дальнейших шагов... и скоро. Но как и где? Не в этом же большом, незнакомом доме. Здесь есть и еще комнаты, кроме кухни, куда будто бы ушли Диллард и Зелла. Да, но

даже если у них установятся такие отношения... Что потом? Придется поддерживать эту связь — или столкнуться со всякими осложнениями, если он ее оборвет. Он танцевал с Ритой и дерзко ласкал ее, а в то же время думал: «Не надо бы этого делать. Это ведь Ликург. Я здесь один из Грифитсов. Ясно, чего хотят от меня эти девушки... и даже их родители. Так ли уж я влюблен в эту Риту? Пожалуй, она слишком быстро и легко поддается. Может, это и не опасно для моего будущего, а все-таки неприятно... Уж очень быстро все получается». И он почувствовал нечто похожее на то, что пережил в Канзас-Сити в публичном доме: Рита и влекла его, и вместе с тем отталкивала. Теперь он уже довольно сдержанно целовал и ласкал ее; наконец явились Диллард и Зелла, и вся эта интимность стала невозможной.

Где-то часы пробили два, и Рита забеспокоилась: ей нужно идти, дома будут недовольны, что она возвращается так поздно. Диллард не проявлял ни малейшего желания расставаться с Зеллой, и Клайду, естественно, пришлось провожать Риту домой. Это не доставило большого удовольствия ни ей, ни ему: оба испытывали смутное разочарование. Он не оправдал ее ожиданий, думал Клайд. У него явно не хватает смелости воспользоваться ее уступчивостью,— так объясняла себе его поведение Рита.

Разговор по дороге был пересыпан намеками на то, что они могут встретиться опять, более удачно; и даже когда они прощались у дверей Риты, жившей неподалеку, она держалась многообещающе. Но когда они расстались, Клайд продолжал твердить себе, что их отношения развиваются слишком уж быстро. Вряд ли следует поддерживать такое знакомство. Где же его благие решения, принятые перед приездом сюда? Как теперь поступить? И в то же время чувственное обаяние Риты заставляло его злиться на свою сдержанность и свои опасения.

Но тут произошло событие, которое заставило Клайда решиться. Оно было связано с Грифитсами. Все они, за исключением Гилберта, не были ни враждебны, ни вполне равнодушны к Клайду; но при этом ни Сэмюэл Грифитс, ни остальные члены семейства не подумали, что им следует проявить хоть немного внимания к нему, помочь ему время от времени добрым советом, иначе он окажется в ненормальном положении, едва ли не в полном одиночестве. Сэмюэл Грифитс, который всегда был очень занят, весь первый месяц почти не вспоминал о Клайде. Он слышал, что Клайд устроен в приличном

пансионе, в дальнейшем о нем позаботятся, а пока чего же еще надо?

Таким образом, прошел месяц, и, к удовольствию Гилберта Грифитса, для Клайда ничего не было сделано; ему предоставляли пребывать в обществе своих товарищей по подвалу и размышлять о том, что с ним будет дальше. Отношение к нему окружающих, в том числе Дилларда и девушек, делало его положение совсем странным.

Однако через месяц после приезда Клайда (и главным образом потому, что Гилберт, казалось, не желал о нем говорить) Грифитс-старший спросил однажды:

— Ну, как там твой двоюродный брат? Что он поделывает?

И Гилберт, несколько встревоженный тем, что́ может предвещать этот вопрос, ответил:

— С ним все в порядке: я устроил его в декатировочную. Ведь это правильно?

— Да, начать он мог и с декатировочной, это ничем не хуже любого другого места. А теперь какого ты о нем мнения?

— Не очень высокого,— ответил Гилберт с тем уверенным и независимым видом, который всегда восхищал его отца.— Он может работать. Но, я полагаю, он не из тех, кто способен выдвинуться. У него нет никакого образования, ты же знаешь, и это сразу видно. Кроме того, похоже, что он не особенно настойчив и энергичен. Слишком мягок, по-моему. Я не говорю, что он никуда не годится,— может быть, он и не так уж плох. Тебе он нравится, а я могу ошибаться. А все-таки, мне кажется, когда он ехал сюда, он рассчитывал главным образом на то, что ты ему поможешь просто как родственнику.

— Ты думаешь? Ну, если он рассчитывал на это, так он ошибся! — сказал Грифитс-отец и тут же прибавил с добродушной улыбкой: — А может быть, он не так непрактичен, как тебе кажется? И вообще он еще слишком недавно здесь, чтобы мы могли что-нибудь сказать. В Чикаго он произвел на меня другое впечатление. Кроме того, у нас ведь найдется не одно местечко, куда его можно посадить без особого риска, и он справится, даже если он и не самый талантливый парень на свете. А если он хочет довольствоваться в жизни скромным местом, так это его дело. Я тут ни при чем. Во всяком случае, я пока не собираюсь отсылать его и не хочу ставить на сдельную работу. Это не годится. В конце концов, ведь он наш родственник. Пусть еще поработает немного в декатировочной, а ты посмотри, на что он способен.

— Слушаю,— ответил сын в надежде, что отец, по рассеянности, оставит Клайда там, где он был сейчас,— на самой низкой должности, какая только существовала на фабрике.

Но Сэмюэл Грифитс, к большому разочарованию сына, прибавил:

— Надо как-нибудь на днях пригласить его к обеду. Я уже думал об этом, но мне все некогда поговорить с мамой. Он ведь еще не был у нас?

— Нет, сэр, насколько мне известно,— ответил Гилберт угрюмо. Ему это вовсе не нравилось, но он был слишком тактичен, чтобы сразу же запротестовать.— Мы ждали, пока ты сам об этом заговоришь.

— Ну, и прекрасно,— продолжал Сэмюэл.— Узнай, где он живет, и пригласи его. Можно в будущее воскресенье, если мы свободны.

И, заметив тень сомнения и недовольства в глазах сына, прибавил:

— Послушай, Гил, ведь он все же мой племянник и твой двоюродный брат, и мы не можем совсем от него отмахнуться. Так не годится, ты сам понимаешь. Поговори сегодня же вечером с мамой, или я поговорю, и устроим это.

Он закрыл ящик стола, в котором искал какие-то бумаги, встал, взял пальто и шляпу и вышел из конторы.

В результате этой беседы Клайду было послано приглашение на следующее воскресенье к семейному ужину, в половине седьмого. Обыкновенно по воскресеньям в половине второго у Грифитсов бывал торжественный обед, на который приглашались местные или приезжие друзья и знакомые; в половине седьмого почти все гости уже разъезжались, обычно уезжали куда-нибудь и Белла и Гилберт, а для мистера и миссис Грифитс и для Майры подавался холодный ужин.

Но на этот раз миссис Грифитс, Майра и Белла порешили, что все они будут дома; только Гилберт, вообще недовольный этой затеей, заявил, что он приглашен в другое место и может в этот час заехать домой всего на несколько минут. Таким образом, к большому удовольствию Гилберта, Клайд будет принят в тесном семейном кругу и не встретится ни с кем из обычных посетителей дома Грифитсов, которые могут заехать днем,— не придется представлять его знакомым, как-то объяснять его присутствие... К тому же это удобный случай присмотреться к Клайду и составить себе представление о нем, не беря при этом на себя никаких обязательств.

А к этому времени отношения с Диллардом, Ритой и Зеллой превратились для Клайда в трудную задачу, и тут-то на него серьезно повлияло решение Грифитсов. После вечера у Зеллы Шумэн, несмотря на уклончивость Клайда, Диллард, Зелла и Рита решили, что он должен быть и будет покорен чарами Риты. Клайду не раз намекали, что им следует снова встретиться, и наконец Диллард прямо предложил ему тесной компанией (они с Клайдом и обе девушки) съездить куда-нибудь на субботу и на воскресенье — лучше всего в Утику или Олбани. Девушки, конечно, согласятся. Если у Клайда есть какие-либо сомнения или опасения, Диллард сам через Зеллу сговорится с Ритой.

— Вы же сами знаете, что вы ей понравились,— прибавил Диллард.— Она считает, что вы просто прелесть, мне Зелла говорила. Дамский угодник, а?

И Диллард весело и развязно подтолкнул Клайда локтем. Прежде Клайда не покоробила бы эта фамильярность, но теперь она ему не понравилась: он уже считал себя причастным к новому, более высокому кругу и помнил, кем его считают в Ликурге. Да, можно сказать, усердствуют люди, когда им кажется, что ты стоишь немного выше их!

Предложение Диллардa, конечно, очень заманчиво, но, с другой стороны, не грозит ли оно ему бесконечными неприятностями? Прежде всего у него нет денег. Он все еще получает пятнадцать долларов в неделю, и дорогие поездки ему не по карману. Железнодорожные билеты, еда, счет в гостинице, может быть, поездка вдвоем на автомобиле... И, кроме того, обязательная близость с Ритой, которую он едва знает. Пожалуй, Рита захочет, чтобы эта интимность продолжалась потом и здесь, в Ликурге... чтобы он приходил к ней домой... бывал с ней всюду... ну и ну! А если Грифитсы узнают,— если, скажем, его двоюродный брат Гилберт услышит об этом... или увидит их! Ведь вот Зелла говорила, что часто встречает Гилберта на улице; легко может случиться, что они как-нибудь всей компанией натолкнутся на Гилберта, и он решит, что Клайд дружит с этим ничтожеством Диллардом, с этим приказчиком! Как бы из-за этого не оборвалась его карьера в Ликурге! Кто знает, к чему это приведет...

И Клайд закашлялся и стал извиняться. Сейчас он очень занят. И вообще надо подумать... Родственники, знаете ли... Кроме того, и в ближайшее и в следующее воскресенье у него на фабрике много срочной работы; он должен быть в городе. А дальше видно будет.

Но минутами вспоминалась ему очаровательная Рита, и тогда, с обычной своей непоследовательностью, он обдумывал план, прямо противоречащий его прежнему решению: может быть, в ближайшие две-три недели как-нибудь сократить свои расходы и все-таки поехать? Он уже кое-что отложил на покупку фрака и складного цилиндра. Может быть, израсходовать часть денег... хотя он и понимал, что весь этот план никуда не годится.

Ах, эта белокурая, пухленькая, пылкая Рита!

И вот в эту пору пришло приглашение от Грифитсов. Как-то вечером Клайд вернулся с работы очень усталый, в сотый раз обдумывая соблазнительное предложение Диллларда, и нашел у себя на столе письмо на очень плотной красивой бумаге, принесенное в его отсутствие слугой Грифитсов. Клайд заметил выпуклые инициалы «Э. Г.» в углу конверта; он тотчас вскрыл письмо и с волнением прочитал:

«Дорогой племянник!

Мы хотели видеть вас раньше, но с тех пор как вы приехали, муж почти все время был в разъездах, и мы решили подождать, пока он будет немного свободнее. Теперь он не так занят, и мы будем очень рады, если вы придете поужинать с нами в ближайшее воскресенье в шесть часов. Мы ужинаем запросто, в семейном кругу, так что, если что-либо помешает вам, не затрудняйте себя предупреждением ни письменно, ни по телефону. Фрак не обязателен. Итак, приходите, если можете. Мы будем рады вас видеть.

С искренним приветом ваша тетя *Элизабет Грифитс*».

Клайд читал, и им снова овладели самые романтические мечты и надежды. Все это время, исполняя ненавистную работу в декатировочной, он все больше тяготился мыслью, что попытка его была напрасной: важные родственники, как видно, решили не поддерживать с ним никаких отношений. И вот перед ним изумительное письмо со словами: «будем рады вас видеть». Значит, они, наверно, думают о нем не так уж плохо. Сэмюэл Грифитс все это время был в отъезде. Вот в чем дело. А теперь Клайд увидит свою тетку и двоюродных сестер, побывает в этом великолепном доме. Замечательно! Может быть, теперь они займутся его судьбой, кто знает? И как удачно, что о нем вспомнили как раз теперь, когда он готов был потерять всякую надежду.

Его слабость к Рите, не говоря уже об интересе к Зелле и

Диллярду, мгновенно испарилась. Как! Поддерживать знакомство с людьми, стоящими настолько ниже его, Грифитса, на общественной лестнице, да еще рисковать тем самым испортить отношения с важными родственниками? Никогда! Это было бы огромной ошибкой. Письмо пришло как раз вовремя, чтобы его предостеречь. Счастье, величайшее счастье, что у него хватило здравого смысла не согласиться на эту поездку. Теперь он должен постепенно, без особого шума, прекратить близость с Диллардом,— если понадобится, он даже переедет от миссис Каппи... скажет, что дядя сделал ему замечание... словом, все, что угодно, но он больше не будет иметь дела с этой компанией. Это не годится. Он не может рисковать своим будущим и надеждами, которые связаны с приглашением тетки. И вместо того чтобы мечтать о Рите и Утике, он теперь стал представлять себе частную жизнь Грифитсов: прекрасные места, куда они, должно быть, ездят, интересных людей, которые их окружают. Тут же он подумал, что для этого визита ему необходимо купить фрак или, по крайней мере, смокинг и брюки. И потому на следующее утро он попросил Кемерера отпустить его в одиннадцать часов и до часу успел купить на скопленные деньги смокинг, брюки, лакированные ботинки и белое шелковое кашне. После этого он успокоился: в таком наряде он, конечно, произведет хорошее впечатление.

И все время, вплоть до воскресного вечера, он уже не думал ни о Рите, ни о Диллярде и Зелле, а только о предстоящем визите. Это действительно событие — попасть в такие высокие сферы!

Единственная помеха всему — этот Гилберт Грифитс, который при встрече всегда смотрит на Клайда такими суровыми, холодными глазами. Он, возможно, будет дома и, наверно, примет надменный вид, чтобы заставить Клайда почувствовать себя ничтожеством (Клайд порою признавался себе, что Гилберту это удается). Несомненно, если Клайд попробует держаться с достоинством в доме Грифитсов, Гилберт потом постарается как-нибудь отплатить ему на фабрике. Он может, например, сообщать своему отцу о Клайде только плохое. Ясное дело, если человека держат в этом гнусном подвале и не дают никакой возможности проявить себя,— как надеяться на успех, на карьеру? И всегда ему так не везет: надо же было, приехав сюда, наткнуться на этого Гилберта, который так на него похож и неизвестно почему терпеть его не может.

Однако, несмотря на все свои сомнения, Клайд решил возможно лучше использовать счастливый случай и в воскресенье,

в шесть часов, направился к дому Грифитсов; ему предстояло трудное испытание, и нервы его были натянуты. Он подошел к большим железным воротам, приподнял тяжелую щеколду и зашагал по широкой, выложенной кирпичом дорожке к главному входу, ощущая внутреннюю дрожь, словно на пороге какого-то опасного приключения. Он шел, и ему казалось, что на него уже устремлены испытующие, критические взгляды. Может быть, мистер Сэмюэл, или мистер Гилберт, или какая-нибудь из его сестер глядят на него из-за этих тяжелых занавесей. Из окон нижнего этажа лился мягкий, приветливый свет.

Впрочем, тревога Клайда была непродолжительна. Слуга открыл дверь, взял у него пальто и пригласил пройти в большую гостиную, которая произвела на Клайда сильное впечатление. Она показалась ему, даже после отеля «Грин-Дэвидсон» и клуба в Чикаго, необыкновенно красивой: такая прекрасная мебель, стенные часы, огромный стол, пышные ковры и драпировки. Огонь пылал в большом камине, перед которым стояли полукругом стулья и кресла; в разных концах комнаты горели лампы. В гостиной в эту минуту никого не было, но пока Клайд беспокойно оглядывался по сторонам, в глубине комнаты, где находилась большая лестница, ведущая наверх, зашуршал шелк, и Клайд обернулся: к нему приближалась миссис Грифитс. Это была кроткая, худая, поблекшая женщина, двигалась она быстро, разговаривала любезно, хотя, по своему обыкновению, немного сдержанно, и через несколько минут Клайд уже чувствовал себя в ее присутствии легко и спокойно.

— Мой племянник, не так ли? — улыбнулась она.

— Да,— ответил Клайд просто и, благодаря волнению, с необычным для него достоинством.— Я — Клайд Грифитс.

— Очень рада видеть вас у себя,— начала миссис Грифитс с известным светским апломбом, который она приобрела наконец за годы, проведенные в местном высшем обществе.— И мои дети, конечно, тоже будут рады. Беллы и Гилберта как раз нет дома, но, я думаю, они скоро вернутся. Муж сейчас отдыхает, но я уже слышала шаги в его комнате, значит, он скоро будет здесь. Не присядете ли? — Она указала на большой диван.— По воскресеньям мы почти всегда ужинаем одни, и я думала, что будет очень приятно, если мы с вами встретимся в тесном семейном кругу. Как вам нравится Ликург?

Она опустилась на диван перед камином, и Клайд довольно неловко уселся на почтительном расстоянии от нее.

— Город мне очень понравился,— ответил он с улыбкой, стараясь попасть ей в тон.— Конечно, я видел еще слишком

мало, но то, что я видел, мне понравилось. И я нигде никогда не видел такой красивой улицы, как ваша,— прибавил он восторженно.— Такие большие дома, такие прекрасные сады!

— Да, мы все очень гордимся нашей улицей,— улыбаясь, ответила миссис Гриффитс; она всегда с величайшим удовольствием думала о том, как красив и роскошен ее дом на Уикигиавеню. Они с мужем так долго добивались всего этого! — Наша улица, кажется, всем нравится. Она была проложена давно, еще когда Ликург был просто деревней. Но обстроилась она и стала такой красивой только за последние пятнадцать лет... А теперь вы должны рассказать мне о своих родителях. Вы знаете, мне никогда не приходилось с ними встречаться, хотя, конечно, муж часто говорил о них, то есть о своем брате,— поправилась она.— Мне кажется, он не встречался с вашей матушкой. Как поживает ваш отец?

— Спасибо, он здоров, и мама тоже,— просто ответил Клайд.— Они живут теперь в Денвере. Раньше мы жили в Канзас-Сити, но года три назад они оттуда переехали. На днях я получил письмо от мамы. Она пишет, что у них все благополучно.

— Так вы с ней переписываетесь? Это очень хорошо.

Миссис Гриффитс улыбнулась Клайду; он все больше интересовал ее: ей понравилась его наружность. Он так изящен, так хорошо держится и, главное, так похож на ее собственного сына... вначале она даже испугалась немного, а потом заинтересовалась. Пожалуй, Клайд был несколько выше, лучше сложен и поэтому казался красивее Гилберта, но она никогда бы этого не признала. Да, Гилберт порою нетерпим и высокомерен даже с матерью, и в его обращении больше привычного притворства, чем подлинной нежности,— зато он энергичный, способный юноша, он умеет отстаивать себя и свои мнения. Клайд мягче, неопределеннее, неувереннее. Ее сын, должно быть, унаследовал свою энергию от отца и родственников по ее линии, а Клайд, вероятно, получил некоторую слабость характера в наследство от этих незначительных людей — своих родителей.

Решив, таким образом, этот вопрос в пользу сына, миссис Гриффитс собиралась расспросить Клайда о его сестрах и братьях, но тут как раз вошел Сэмюэл Гриффитс. Окинув Клайда, который встал при его появлении, проницательным взглядом и найдя, что он вполне приличен, по крайней мере внешне, Гриффитс-старший сказал:

— А, вот и вы! Надеюсь, вас и без меня устроили здесь как следует?

— Да, сэр,— ответил Клайд почтительно, с легким поклоном. Он чувствовал, что находится в присутствии одного из великих мира сего.

— Ну, вот и прекрасно. Садитесь, садитесь! Очень рад, что все в порядке. Я слышал, вы теперь в декатировочной? Не очень приятное место, но начинать хорошо именно оттуда, снизу! Иной раз и лучшие люди так начинают.— Он улыбнулся и прибавил: — Меня не было в городе, когда вы приехали, а то бы я с вами повидался.

— Да, сэр,— ответил Клайд; он не решался сесть до тех пор, пока мистер Грифитс не погрузился в широкое кресло около дивана.

В смокинге и крахмальной сорочке с черным галстуком — костюме, так не похожем на форму чикагского клуба,— Клайд еще больше понравился Сэмюэлу, чем при первой встрече, и совсем не показался незначительным и ничтожным, каким изображал его Гилберт. Однако Сэмюэл Грифитс почувствовал, что Клайд недостаточно напорист, ему не хватает деловых качеств, которые необходимы молодому человеку; хотелось бы видеть племянника более сильным и энергичным. Это было бы более по-грифитски и, вероятно, больше пришлось бы по душе Гилберту.

— Нравится вам ваша работа? — снисходительно спросил Грифитс-старший.

— Да, сэр, то есть, вернее сказать, не особенно,— откровенно ответил Клайд.— Но это не важно. Для начала, по-моему, всякая работа хороша.

Он думал в эту минуту, что хорошо бы произвести на дядю впечатление человека, способного на нечто лучшее, и, так как Гилберта здесь не было, нашел в себе смелость ответить откровенно.

— Вот это правильная мысль,— сказал Сэмюэл Грифитс, очень довольный.— Я знаю, это не очень приятная часть нашего производственного процесса, но для начала необходимо с ней познакомиться. И, конечно, в наши дни ни в одном деле нельзя выдвинуться сразу, на это нужно время.

Тут Клайд мысленно спросил себя, надолго ли еще его оставят в мрачном подвале под лестницей.

Пока он раздумывал об этом, вошла Майра; она с любопытством взглянула на него и очень обрадовалась, что он совсем не такой неинтересный, каким его изображал Гилберт. Она уловила во взгляде Клайда какое-то беспокойство, выражение не то мольбы, не то тревожного испуга, и это ее сразу

заинтересовало; может быть, она почувствовала в нем что-то близкое, свое: она ведь и сама пользовалась не слишком большим успехом в обществе.

— Это твой двоюродный брат Клайд Грифитс, Майра,— сказал небрежно Сэмюэл, когда Клайд встал.— Тот самый молодой человек, о котором я тебе говорил. Моя дочь Майра,— прибавил он, обращаясь к Клайду.

Клайд поклонился и, пожимая холодную, несколько вялую руку Майры, почувствовал, что она отвечает ему более искренним, дружеским пожатием, чем все остальные.

— Надеюсь, вы не жалеете, что приехали сюда,— приветливо начала она.— Мы все любим наш Ликург, но после Чикаго, я думаю, он показался вам довольно жалким.— Она улыбнулась.

Клайд, чувствовавший себя несколько официально и натянуто в присутствии своих именитых родственников, ответил ей церемонным «благодарю вас» и уже готов был сесть, но в это время открылась дверь, и вошел Гилберт Грифитс. (Перед этим на улице был слышен шум мотора, замолкший как раз у главного входа.)

— Одну минуту, Додж! — крикнул он кому-то в дверь.— Я сейчас! — Затем, повернувшись к своим, прибавил: — Простите, я сейчас вернусь.— И быстро направился к лестнице, ведущей наверх.

Через минуту он вернулся и, по обыкновению, бросил на Клайда ледяной, пренебрежительный взгляд, от которого Клайду и на фабрике всегда становилось не по себе. На Гилберте было светлое в яркую полоску пальто для автомобильной езды, перехваченное поясом, черное кожаное кепи и большие кожаные перчатки с крагами, которые делали его похожим на военного. Холодно поклонившись Клайду и сказав: «Здравствуйте»,— он подошел к отцу и покровительственно положил руку ему на плечо:

— Привет, папа. Добрый вечер, мама! Очень жаль, но я не могу посидеть с вами. Мы с Доджем и Юстисом только что приехали из Амстердама за Констанцией и Жакелиной и сейчас едем к Бриджменам. Но я вернусь к утру. Во всяком случае, буду завтра в конторе. Надеюсь, у вас все в порядке, мистер Грифитс? — прибавил он, обращаясь к отцу.

— Да, мне не на что жаловаться,— сказал отец.— А ты, кажется, намерен веселиться всю ночь?

— Совсем нет,— ответил Гилберт, не обращая никакого внимания на Клайда.— Я просто хотел сказать, что если не

смогу вернуться к двум, то переночую где-нибудь, вот и все.

Он снова ласково похлопал отца по плечу.

— Пожалуйста, не езди так быстро, как всегда,— попросила миссис Грифитс.— Это вовсе не безопасно.

— Пятнадцать миль в час, мама, пятнадцать миль в час, я знаю правила! — Гилберт надменно улыбнулся.

Клайд не мог не заметить, каким снисходительным и авторитетным тоном Гилберт разговаривает с родителями. Ясно, что и здесь, как на фабрике, он — важная персона, с которой все считаются. По-видимому, он ни к кому, кроме отца, не питает особого уважения. «До чего высокомерен»,— подумал Клайд.

Должно быть, это великолепно — быть сыном богатого человека и без труда, без всякого усилия занять вот такое положение, держаться так гордо, пользоваться такой властью и таким авторитетом. Да, конечно, этот молодой человек смотрит на Клайда свысока и говорит с ним пренебрежительно. Но подумать только: такой молодой и обладает такой властью!

ГЛАВА X

В эту минуту горничная доложила, что ужин подан, и Гилберт тотчас простился. Все встали; миссис Грифитс спросила у горничной:

— Белла не звонила?

— Нет еще, сударыня,— ответила та.

— Тогда скажите миссис Трюсдейл, чтобы она позвонила к Финчли и вызвала Беллу. Пусть она сейчас же едет домой.

Горничная вышла, а все общество проследовало в столовую, находившуюся в том же этаже, рядом с гостиной. Клайд увидел еще одну великолепно обставленную комнату, всю в светло-коричневых тонах; посредине стоял длинный стол орехового дерева, очевидно предназначавшийся для особо торжественных случаев. Стол был окружен стульями с высокими спинками и освещен канделябрами, расставленными на нем на равном друг от друга расстоянии. В глубине комнаты, в просторной полукруглой нише с окнами в сад, был накрыт для ужина небольшой стол на шесть персон. (Клайд почему-то представлял себе это совсем иначе.)

За столом Клайду пришлось отвечать на множество вопросов, главным образом о его семье, о том, как его родные жили прежде и как живут теперь. Сколько лет его отцу? А матери?

Где они жили до переезда в Денвер? Сколько у него братьев и сестер? Сколько лет его старшей сестре, Эсте? Чем она занимается? А остальные дети? Доволен ли отец своим делом — ведь он теперь содержит отель? А чем именно он занимался раньше, в Канзас-Сити? Сколько времени они там жили?

Клайд не на шутку смутился и растерялся под градом этих вопросов, которые с важным видом задавали ему Сэмюэл Грифитс и его жена. По сбивчивым ответам Клайда оба они поняли, что вопросы эти — особенно о жизни семьи в Канзас-Сити — ставят его в затруднительное положение. Они, разумеется, приписали это чрезвычайной бедности своих родственников. Когда Сэмюэл Грифитс спросил: «Кажется, вы начали работать в отеле еще в Канзас-Сити, когда окончили школу?» — Клайд густо покраснел, вспомнив об истории с украденным автомобилем и о том, как мало, в сущности, пришлось ему ходить в школу. Больше всего ему не хотелось, чтобы здесь узнали что-нибудь о его жизни в качестве рассыльного в Канзас-Сити и, особенно, чтобы его имя связали с отелем «Грин-Дэвидсон».

К счастью, в это время дверь отворилась, и вошла Белла в сопровождении двух девушек, которые, как сразу понял Клайд, также принадлежали к этому избранному обществу. Какой контраст между ними и Ритой и Зеллой, о которых он еще совсем недавно думал с таким волнением! Он узнал Беллу по ее фамильярному обращению с Грифитсами. Одна из ее спутниц была Сондра Финчли, о которой так часто говорили Белла и ее мать. Клайд никогда еще не видал такой изящной, красивой и гордой девушки,— она была совсем особенная, никто не мог сравниться с нею! Английский костюм плотно облегал ее гибкую фигуру и прекрасно гармонировал с маленькой темной кожаной шапочкой, кокетливо надвинутой на глаза. На кожаном ремешке она вела за собой французского бульдога; через руку у нее было перекинуто элегантное пальто в черную и серую клетку, модного, почти мужского покроя. Клайду показалось, что он в жизни своей не встречал такой очаровательной девушки. Она сразу произвела на него необычайное, потрясающее впечатление, точно его пронизал электрический ток, и он с жгучей болью ощутил, что значит жаждать недостижимого, мечтать о любви и мучительно чувствовать, что ему не суждено добиться от этой девушки хотя бы ласкового взгляда. Это и терзало и пьянило его. Ему до боли хотелось то закрыть глаза и больше не видеть ее, то смотреть на нее без конца, не отводя глаз,— так она его пленила.

А Сондра сначала ничем не показала, что заметила его; она была занята только своей собакой:

— Ну же, Биссел, веди себя как следует, а то я выведу тебя отсюда и привяжу у лестницы. О, боюсь, мне придется сейчас же уйти, если он не будет вести себя прилично! (Биссел увидел кошку и старался до нее добраться.)

Вторая девушка далеко не так сильно поразила Клайда, хотя она была по-своему не менее изящна, чем Сондра, и многим, наверно, показалась бы столь же прелестной. У нее были белокурые, почти льняные волосы, миндалевидные серо-зеленые глаза, маленькая, грациозная фигурка и вкрадчивые, кошачьи манеры. Едва войдя, она скользнула через комнату к столу, склонилась над миссис Грифитс и замурлыкала:

— Как вы себя чувствуете, миссис Грифитс? Я так рада вас видеть! Как давно я у вас не была! Знаете, я уезжала с мамой. Сегодня они с Грэнтом поехали в Олбани, а я как раз встретила Беллу и Сондру у Лэмбертов. А вы, я вижу, сегодня ужинаете в семейном кругу?.. Как поживаете, Майра? — спросила она и, протянув руку из-за плеча миссис Грифитс, слегка, просто по долгу вежливости, дотронулась до руки Майры.

Тем временем Белла, которая показалась бы Клайду самой очаровательной из этих девушек, не будь Сондры, воскликнула:

— Ах, я опоздала! Мамочка, папочка, прошу прощения! Ну, пожалуйста, простите меня на этот раз!

Потом, как будто только сейчас заметив Клайда, хотя он поднялся, когда девушки вошли в комнату, и все еще стоял, она, как и ее подруги, замолчала с притворно скромным видом.

А Клайд, всегда чрезмерно чувствительный к подобным оттенкам в обращении и к разнице в материальном положении, ждал, пока его представят, и с мучительной остротой сознавал свое ничтожество. Юность и красота, стоящие столь высоко на общественной лестнице, казались ему высшим торжеством женщины. Его слабость к Гортензии Бригс (не говоря уже о Рите, далеко не такой привлекательной, как любая из этих трех девушек) показала, что он не в силах устоять перед женским изяществом, даже если у его победительниц нет иных достоинств.

— Белла,— сказал внушительно Сэмюэл Грифитс, видя, что Клайд все еще стоит,— это твой двоюродный брат Клайд.

— Вот как,— сказала Белла; она сразу заметила, до чего Клайд похож на Гилберта.— Здравствуйте! Мама мне говорила, что вы на днях приедете.— Она протянула ему два пальца, по-

том обернулась к своим спутницам и представила: — Мои подруги — мисс Финчли и мисс Крэнстон.

Обе девушки сухо и чопорно кивнули, внимательно и довольно бесцеремонно разглядывая Клайда.

— Как похож на Гила! — шепнула Сондра подошедшей к ней Бертине.

И Бертина ответила:

— Я никогда не видела подобного сходства. Но только он гораздо красивее, правда?

Сондра кивнула. Она в первое же мгновенье с удовольствием заметила, что Клайд красивее брата Беллы (она не любила Гилберта) и что он явно восхищен ею. Она приняла это как должное,— ведь она всегда покоряла молодых людей с первого взгляда. Но, увидев, что глаза Клайда неотступно и беспомощно следят за ней, она решила, что пока не стоит обращать на него внимания. Слишком это легкая победа.

Миссис Грифитс, не ожидавшая этого визита, немного сердилась на Беллу: привела с собой подруг, когда здесь Клайд, и теперь придется упомянуть о том, что он не принадлежит к хорошему обществу.

— Может быть, вы обе положите пальто и присядете? — предложила она.— Я скажу, чтобы поставили еще два прибора. Белла, садись рядом с отцом.

— Нет, нет, нам пора домой! Мы не можем оставаться ни минуты,— в один голос заявили Сондра и Бертина.

Однако теперь, когда они увидели Клайда и убедились, что он хорош собой, им непременно хотелось узнать, будет ли он блистать в обществе. Гилберт Грифитс не пользовался особым успехом, и они обе не любили его, хотя очень дружили с его сестрой: для самовлюбленных красавиц он был слишком самоуверен и упрям, держался порой чересчур высокомерно. А Клайд, насколько можно судить по внешности, гораздо мягче и податливее. Остается только узнать, какое положение он занимает и что думают о нем Грифитсы: если в этом доме он принят как равный, то почему бы и местному обществу не принять его? А главное, интересно знать, богат ли он... На это они почти немедленно получили ответ, так как миссис Грифитс решительно и с умыслом сказала Бертине:

— Мистер Грифитс — наш племянник, он приехал с Запада; он пробует работать на фабрике моего мужа. Этот молодой человек вынужден сам пробивать себе дорогу, и муж мой так добр, что дал ему возможность испытать свои силы.

Клайд вспыхнул: ему ясно указывали, что по сравнению с Грифитсами или этими девушками он — ничто. Он заметил, как на лице Бертины Крэнстон любопытство мгновенно сменилось полнейшим равнодушием: ее интересовали только молодые люди со средствами. Но Сондра Финчли не отличалась такой практичностью, как подруга, хотя и была популярнее в своем кругу (она была гораздо красивее Бертины, а ее родители — еще богаче Крэнстонов). Она снова взглянула на Клайда, и на лице ее ясно отразилось, что она огорчена услышанным. Такой красивый и симпатичный юноша!

В это время Сэмюэл Грифитс, который был особенно расположен к Сондре (Бертину он не любил, как не любила ее и миссис Грифитс, считавшая ее слишком хитрой и неискренней), позвал:

— Идите-ка сюда, Сондра! Привяжите собаку к креслу. Пальто бросьте на тот стул и садитесь вот здесь.— Он указал ей место рядом с собой.

— Никак не могу, дядя Сэмюэл,— немного рисуясь, воскликнула Сондра таким фамильярно-ласковым тоном, словно ее с Сэмюэлом Грифитсом связывала самая нежная дружба.— Уже поздно, да и с Бисселом никак не сладишь. Правда же, нам с Бертиной пора домой.

— Знаешь, папа,— вдруг вмешалась Белла,— лошадь Бертины наступила вчера на гвоздь и теперь хромает. И ни Грэнта, ни мистера Крэнстона нет дома. Бертина хотела с тобой посоветоваться.

— Которая нога? — спросил заинтересованный Грифитс. (Во время этого разговора Клайд продолжал украдкой рассматривать Сондру. «Какая очаровательная,— думал он.— Носик такой маленький и чуть вздернутый, а верхняя губа так лукаво изогнута».)

— Левая передняя,— пояснила Бертина Грифитсу.— Вчера я ездила по Ист-Кингстонской дороге. Джерри потерял подкову и, наверно, занозил ногу, но Джон не может найти занозу.

— А вы долго ехали после этого?

— Весь обратный путь. Миль восемь, я думаю.

— Ну, скажите Джону, пусть смажет ногу какой-нибудь смягчающей мазью и забинтует. И надо позвать ветеринара. Ничего страшного. Я уверен, что лошадь скоро поправится.

А Клайд, на время предоставленный самому себе, все думал о том, какой приятной, легкой жизнью живут люди этого круга. Как видно, ни у кого из них нет никаких забот. Они

только и говорят, что о своих домах и лошадях, о встречах с друзьями, прогулках и развлечениях. Его двоюродный брат Гилберт только что укатил куда-то с приятелями на автомобиле. Белла и ее подруги легкомысленно и весело живут в великолепных домах на красивой улице, а он, Клайд, заперт в комнатушке на третьем этаже в пансионе миссис Каппи, и ему некуда пойти, и он получает всего пятнадцать долларов в неделю — и на это должен существовать! И завтра утром он снова будет работать в подвале, а эти девушки встанут с мыслью о новых развлечениях. А в Денвере его родители с их жалкими меблированными комнатами и миссией живут так, что он даже не смеет здесь рассказать о них правду.

Внезапно обе девушки спохватились, что им пора идти. Клайд и Грифитсы остались одни, и Клайд ясно почувствовал, что ему здесь совсем не место: и сам Грифитс, и его жена, и Белла — все, кроме Майры, своим небрежным обращением показывали, что ему позволено только мельком заглянуть в общество, к которому он не принадлежит. Он понимал, что бедность помешает ему войти в это общество, сколько бы он ни мечтал ближе познакомиться с этими очаровательными девушками. Ему сразу стало очень грустно, и взгляд и настроение его так омрачились, что не только Сэмюэл Грифитс, но и его жена и Майра это заметили. Если бы только как-нибудь проникнуть в их мир! Но из всех Грифитсов одна только Майра почувствовала, как он одинок и подавлен. И когда все снова перешли в большую гостиную (Сэмюэл на ходу отчитывал Беллу за то, что она всегда опаздывает к ужину и заставляет себя ждать), Майра подошла к Клайду и сказала:

— Мне кажется, когда вы еще немного поживете в Ликурге, вам здесь больше понравится. Кругом столько красивых мест! Вам надо съездить посмотреть наши озера. И Адирондакские горы тоже не так далеко — семьдесят миль к северу. А летом, когда мы переедем на Лесное озеро, мама и папа, наверно, захотят, чтобы вы у нас бывали.

Она далеко не была уверена, что родители пригласят Клайда на дачу, но чувствовала, как нужно сказать сейчас Клайду что-нибудь в этом роде. И действительно, он приободрился и до конца вечера разговаривал больше всего с нею, стараясь только не казаться слишком невежливым в отношении остальных членов семейства. Наконец, около половины десятого, вдруг снова почувствовав себя совсем посторонним и одиноким, Клайд поднялся и сказал, что ему пора идти: завтра он должен встать очень рано. Сэмюэл Грифитс проводил его к

выходу. В эту минуту он, как раньше Майра, почувствовал симпатию к Клайду, подумал о том, что и он сам, и его семья будут и дальше пренебрегать этим юношей, потому что он беден, и, чтобы как-то вознаградить Клайда, решил сказать ему на прощанье несколько ласковых слов.

— Как хорошо на улице,— сказал он приветливо.— Подождите, весной наша Уикиги-авеню покажет себя во всей красе.— Он испытующе взглянул на небо и вдохнул свежий апрельский воздух.— Вот придете к нам через некоторое время, когда все тут будет в цвету, тогда сами увидите, как здесь мило. Доброй ночи!

Он улыбнулся, голос его звучал тепло и дружески, и Клайд еще раз почувствовал, что, как бы ни вел себя Гилберт,— Грифитс-старший, безусловно, не совсем равнодушен к своему племяннику.

ГЛАВА XI

Шли дни за днями, и, хотя от Грифитсов больше не было писем, Клайд все еще преувеличивал значение единственного визита к богатым родственникам и по временам мечтал о новых встречах с этими очаровательными девушками и о том, какое было бы счастье, если бы одна из них полюбила его. Они живут в прекрасном мире, среди роскоши и блеска. Какой контраст с его собственной жизнью, с его окружением! Диллард! Рита! Они для него больше просто не существуют. Ему нужно совсем другое — или ничего. И он держался как можно дальше от Диллларда. В конце концов и тот отстранился от Клайда, считая его снобом, да Клайд и стал бы самым настоящим снобом, если бы достиг того положения, о котором мечтал. Но время шло, а он по-прежнему оставался на той же работе... Невеселая и нелегкая жизнь, скудный заработок и малоинтересное общество соседей по декатировочной приводили его в уныние. И постепенно он начал думать не о том, чтобы возобновить знакомство с Ритой и Диллардом — он больше не хотел иметь с ними дела,— а о том, чтобы оставить надежду устроиться здесь: надо вернуться в Чикаго или поехать в Нью-Йорк, где он в крайнем случае наверняка найдет работу в каком-нибудь отеле. Но тут, словно для того, чтобы оживить его мужество и прежние мечты, произошло событие, заставившее Клайда подумать, что он, несомненно, начинает подниматься во мнении отца и сына Грифитсов, хотя они и не вводят его в свое общество. Как-то весной, в одну из суббот,

Сэмюэл Грифитс в сопровождении Джошуа Уигэма отправился в обход по фабрике. К полудню они дошли до декатировочной, и Грифитс впервые, с некоторым смущением, увидел Клайда в грубых штанах и рубашке без рукавов, работавшего у одной из двух сушилок (за это время его племянник научился достаточно ловко загружать и разгружать сушилки). И, вспомнив, каким изящным и представительным выглядел Клайд, когда его пригласили на ужин всего несколько недель назад, Сэмюэл Грифитс был совершенно потрясен контрастом. При прежних встречах — и в Чикаго, и в тот вечер в доме Грифитсов — на Сэмюэла произвела наибольшее впечатление аккуратность и приятная внешность Клайда. А Грифитс-старший почти так же ревниво, как и его сын, относился к впечатлению, производимому на служащих фабрики и на всех жителей Ликурга не только именем Грифитсов, но и вообще их престижем. И теперь, увидя Клайда, так похожего на Гилберта, здесь, в декатировочной, в неприглядной одежде, среди этих людей, он почувствовал острее чем когда-либо, что Клайд — его племянник и не должен больше оставаться на такой черной работе. Иначе другие служащие подумают, что Сэмюэл Грифитс неподобающе равнодушен к значению столь близкого родства.

Однако он не сказал ни слова Уигэму или кому-либо другому, а подождал, пока сын не вернулся в понедельник утром из загородной поездки.

— В субботу я осматривал фабрику и видел, что наш Клайд все еще внизу, в декатировочной,— сказал он Гилберту, вызвав его к себе в кабинет.

— Ну и что же, отец? — спросил Гилберт, не понимая, почему отец вдруг заговорил о Клайде.— Очень многие работали там до него, и это им не повредило.

— Правильно, но они не приходились мне племянниками. И не были похожи на тебя. (Это замечание сильно задело Гилберта.) Так не годится, вот что я тебе скажу. Боюсь, что мы поступили с Клайдом несправедливо, наверно и другие тоже так думают,— ведь все видят, как вы похожи, и знают, что он твой двоюродный брат и мой племянник. Я этого сначала не сообразил, потому что не заходил в подвал, но теперь мне ясно, что его нельзя там держать. Так не годится. Нужно положить этому конец. Переведем его куда-нибудь на другое место, где он будет выглядеть приличнее.

Он нахмурился, глаза его потемнели. Впечатление, которое произвел на него Клайд в старом платье и с каплями пота на лбу, было не из приятных.

— Видишь ли, в чем дело, отец,— попытался возразить Гилберт (он органически не выносил Клайда и хотел во что бы то ни стало оставить его на прежнем месте),— я не уверен, что смогу найти для него подходящую должность в каком-нибудь другом цехе. Придется перемещать тех, кто давно уже у нас работает и кто с таким трудом добивался своего места. А у Клайда нет никакой подготовки, он пока только и может стоять у сушилки.

— Ну, меня все это мало интересует,— сказал Грифитс-старший, чувствуя, что сын боится соперника и потому не вполне справедлив к Клайду.— В подвале ему не место, и я не хочу, чтобы он там оставался. Достаточно он там побыл... До сих пор в Ликурге имя Грифитс означало выдержку, энергию, способности и здравый смысл, и я не могу допустить, чтобы кто-либо из Грифитсов вызывал у людей другие мысли. Это плохо для дела. Устроить Клайда лучше — по меньшей мере наш долг. Ты меня понял?

— Отлично понял, отец.

— Значит, сделай, как я сказал. Потолкуй с Уигэмом. Сообразите, куда его можно перевести, чтобы он не был простым рабочим. С самого начала было ошибкой посылать его в этот подвал. Уж наверно у нас в каком-нибудь цехе найдется для него подходящее местечко. Можно его сделать помощником заведующего отделением,— скажем, даже вторым или третьим помощником,— чтобы он мог прилично одеваться и выглядеть как человек. В крайнем случае отправь его на некоторое время домой и полностью сохрани за ним его жалованье, пока не подыщешь для него подходящего места. Но я хочу, чтобы он был переведен. Кстати, сколько он сейчас получает?

— Кажется, долларов пятнадцать,— покорно ответил Гилберт.

— Маловато для того, чтобы всегда иметь приличный вид. Надо дать ему двадцать пять. Я знаю, он этого не стоит, но тут ничего не поделаешь. Пока он здесь, он должен иметь средства на жизнь. Я предпочитаю платить ему двадцать пять долларов — зато никто не сможет сказать, что мы поступаем с ним несправедливо.

— Хорошо, хорошо! Пожалуйста, не волнуйся из-за этого,— сказал Гилберт просительным тоном, видя, что отец рассердился всерьез.— Я не так уж виноват. Ты же сам сначала согласился, когда я предложил отправить его в декатировочную. Но теперь я думаю, что ты прав. Предоставь это мне. Я подыщу для него приличное место.

И он немедленно послал за Уигэмом, думая в то же время, как бы устроить все так, чтобы Клайд не вообразил, будто он что-то значит для Грифитсов; наоборот, пусть думает, что ему оказывают милость, никак не соответствующую его заслугам.

И, когда явился Уигэм, Гилберт завел с ним дипломатический разговор о Клайде; Уигэм тотчас притворился ужасно озабоченным, стал потирать лоб, потом вышел из комнаты. Через некоторое время он вернулся и заявил, что в состоянии предложить единственный выход: поскольку у Клайда нет никакой технической подготовки, его можно устроить только помощником мистера Лигета, заведующего пятью большими швейными отделениями на пятом этаже. Под его началом, кроме того, было еще одно маленькое вспомогательное отделение, и для надзора за ним Лигету требовался специальный помощник или помощница.

Это была штамповочная — особая комната, где штемпелевали перед шитьем выкроенные воротнички; ежедневно сюда из закройной, находившейся этажом выше, доставляли от семидесяти пяти до ста тысяч дюжин непрострочeнных воротничков всех фасонов и размеров. Здесь девушки-работницы ставили на каждый воротничок клеймо, в соответствии с прикрепленным к каждой пачке ярлыком, указывающим размер и фасон. Обязанности помощника заведующего в этой комнате, как хорошо знал Гилберт, были несложны: наблюдать за порядком и за тем, чтобы работа шла без перерывов. Кроме того, надо следить, чтобы все эти семьдесят пять или сто тысяч дюжин воротничков были должным образом проштемпелеваны и переданы в находящийся по соседству швейный цех и чтобы в приходной книге была сделана соответствующая запись. И, наконец, нужно аккуратно записывать, сколько дюжин воротничков проштемпелевала каждая работница, так как плата тут сдельная.

Итак, здесь имелась небольшая конторка и на ней книги для всех этих записей. Кроме того, сюда же попадали нанизанные для удобства на специальные наколки те самые ярлыки, которые при раскройке прикреплялись к каждой пачке воротничков: штамповщицы снимали их и передавали помощнику заведующего для учета. Словом, это была самая несложная конторская работа; в прошлом эту должность занимали юноши, девушки, старики или пожилые женщины, смотря по тому, кто оказывался в данный момент под рукой.

Уигэм опасался, что Клайд по своей молодости и неопытности не сумеет на первых порах быть достаточно требовательным и авторитетным, как подобает начальнику, и поспешил

указать на это Гилберту. В отделении работают одни только молодые девушки, и некоторые очень хороши собою. Благоразумно ли назначать к ним молодого человека такого возраста и такой наружности? Если он влюбчив, а это естественно в его годы, он, пожалуй, будет держаться слишком снисходительно, без должной строгости. Девушки станут пользоваться этим, и тогда невозможно будет оставить его здесь. Но в данную минуту это единственное свободное место на фабрике. Почему бы пока не направить туда Клайда, просто для пробы? Через некоторое время выяснится, годен ли он для этой работы,— а там, может быть, Лигет или сам Уигэм найдут для него другое место — и тогда можно будет его перевести.

И вот в тот же понедельник, около трех часов, Гилберт вызвал к себе Клайда, заставил его прождать с четверть часа (таков был метод Грифитса-младшего) и наконец принял его с самым суровым видом.

— Как идет ваша работа? — спросил он холодным, инквизиторским тоном.

И Клайд, которого неизменно подавлял уже один вид двоюродного брата, ответил с вымученной улыбкой:

— Все так же, мистер Грифитс! Не могу пожаловаться. В общем, я доволен. Мне кажется, я кое-чему научился.

— Вам кажется?

— Нет, я, конечно, знаю, что научился кое-чему,— поправился Клайд, слегка покраснев.

В глубине души он был страшно возмущен и все же улыбался заискивающей, виноватой улыбкой.

— Ну, это немного лучше. Вряд ли найдется человек, который, проведя там столько времени, не знал бы, научился он чему-нибудь или нет.— Затем, решив, что он, пожалуй, слишком суров, Гилберт слегка изменил тон и прибавил: — Но я не для этого послал за вами. Я хочу поговорить о другом. Скажите, вам никогда не приходилось руководить другими и отвечать за их работу?

— Боюсь, что я не совсем понимаю вас,— ответил Клайд; он смутился и от волнения не уловил смысл вопроса.

— Я спрашиваю, не приходилось ли вам распоряжаться людьми — руководить работой в каком-нибудь маленьком отделе или что-нибудь в этом роде? Может быть, вы были где-нибудь старшим? или помощником мастера?

— Нет, сэр, никогда,— ответил Клайд.

Теперь он так нервничал, что чуть не заикался: очень уж сурово, холодно и, главное, презрительно говорил с ним Гил-

берт. Но в то же время Клайд сообразил, к чему ведет этот вопрос. Несмотря на всю суровость двоюродного брата и его обидное недоброжелательство, хозяева явно намерены сделать его старшим, поручить ему командовать какими-то людьми. Конечно, так! И, чувствуя, что у него от волнения вспыхнули уши и вспотели ладони, Клайд поспешно прибавил:

— Но я видел, как распоряжаются старшие в клубах и в отелях. Я думаю, что справился бы с этим, если бы мне дали попробовать.

Он сильно покраснел, глаза его заблестели.

— Ну, это не одно и то же. Совсем не одно и то же,— резко заметил Гилберт.— Видеть и делать — это совершенно разные вещи. Человек, не имеющий никакого опыта, может очень много думать о себе, а дойдет до дела — окажется, что он ни к чему не пригоден. Во всяком случае, наше производство требует людей знающих.

Он смотрел на Клайда критически и насмешливо. А Клайд решил, что ошибся, что речь идет, должно быть, вовсе не о повышении его в должности,— и стал спокойнее. Щеки его вновь стали, как всегда, матово-бледными, блеск в глазах погас.

— Да, сэр, мне кажется, это верно,— сказал он.

— Но в данном случае вам ничего не должно казаться,— подчеркнул Гилберт.— Вы должны знать. Что за мученье с людьми, которые ничего не знают,— всегда им все кажется.

Надо сказать, что Гилберта слишком раздражала необходимость дать место двоюродному брату, который ничем этого не заслужил, и он не мог скрыть свое желчное настроение.

— Да, вы правы,— примирительно сказал Клайд.

Он все-таки надеялся, что речь идет о повышении.

— Дело в том,— заявил Гилберт,— что я мог бы с самого начала поместить вас в учетный отдел, если бы вы были технически натасканы. (Выражение «технически натасканы» повергло Клайда в благоговейный трепет: он плохо понимал, что это должно означать.) Мы сделали для вас все возможное,— небрежно продолжал Гилберт.— Мы знали, что декатировочная — не очень приятное место, но ничего другого тогда не могли вам предложить.— Он забарабанил пальцами по столу.— Теперь я вызвал вас, чтобы поговорить с вами вот о чем. У нас сейчас оказалось свободное место в одном отделении наверху. Мы с отцом задавали себе вопрос, можете ли вы справиться с этой работой. (Клайд воспрянул духом.) Мы с отцом давно уже думаем о том, чтобы сделать что-нибудь для вас, но, как я уже сказал, это оказалось для нас очень трудной задачей,

потому что у вас нет никаких практических знаний. У вас нет ни технического, ни коммерческого образования, и это вдвойне усложняет дело.

Он сделал длинную паузу, чтобы придать особую силу своим словам и заставить Клайда понять, что он бессовестно втерся туда, где ему не место.

— Но поскольку мы вообще сочли нужным вызвать вас сюда,— заключил Гилберт,— мы решили испытать, не справитесь ли вы с работой на лучшем месте. Нельзя же без конца оставлять вас в подвале. Теперь слушайте, что я имею в виду.— И он стал объяснять, какого рода работа предстоит Клайду на пятом этаже.

Затем был вызван Уигэм, и, когда он поздоровался с Клайдом, Гилберт сказал:

— Уигэм, я только что рассказал двоюродному брату о нашем утреннем разговоре и сообщил ему то, что я вам уже говорил о нашем плане испробовать его в качестве заведующего штамповочным отделением. Так что, пожалуйста, проводите его к мистеру Лигету, и пусть сам Лигет или кто-нибудь еще объяснит ему характер работы.— Гилберт повернулся к столу.— А потом пришлите его обратно ко мне, я хочу еще поговорить с ним.

Он встал с важным видом и отпустил обоих. А Уигэм, все еще сомневаясь в успехе этого опыта, но в то же время очень стараясь быть приятным Клайду (кто знает, кем он станет впоследствии!), повел его на пятый этаж к мистеру Лигету. Среди оглушительного жужжания машин Клайд прошел за Уигэмом в небольшое отделение в западном крыле здания, отгороженное от главного зала невысоким барьером. Здесь двадцать пять девушек-штамповщиц и их подручные, носившие корзины, старались справиться с непрерывным потоком непростроченных воротничков, которые спускались с верхнего этажа по особым деревянным скатам.

Клайда представили мистеру Лигету и тотчас провели к отгороженной барьером конторке, за которой сидела маленькая, толстенькая и не особенно красивая девушка примерно его возраста; она поднялась им навстречу.

— Это мисс Тодд,— представил ее Уигэм.— Она последние дни заменяет миссис Энджир. Будьте любезны, мисс Тодд, объясните мистеру Грифитсу как можно быстрее и понятнее, в чем заключаются ваши обязанности. А потом будете помогать ему, пока он не освоится с работой и не начнет справляться сам,— сделаете?

— Конечно, мистер Уигэм, с удовольствием! — ответила мисс Тодд и, разложив книги на конторке, тотчас же стала объяснять Клайду, как учитывается прием и выпуск товара, как штемпелюются воротнички, как подносчицы собирают в корзины спускающиеся по скатам связки воротничков и поровну распределяют их среди штамповщиц, а потом другие девушки выносят уже проштемпелеванные воротнички в швейный цех. Клайд с интересом слушал, понимая, что легко справится с этой работой. Но он чувствовал себя странно среди такого множества женщин. Их было здесь очень много — несколько сотен. Они сидели и шили — и длинные ряды их тянулись в дальний конец огромного помещения с белыми стенами и белыми колоннами. Через высокие, от пола до потолка, окна вливались потоки света... Далеко не все девушки были красивы. Клайд исподтишка разглядывал их, пока мисс Тодд, а затем Уигэм и даже Лигет давали ему подробнейшие объяснения.

— Самое важное,— сказал под конец Уигэм,— следить, чтобы не было ошибок при подсчете тысяч дюжин воротничков, которые поступают сюда на штамповку, и чтобы их штемпелевали и передавали швеям без задержки. И надо аккуратно записывать, сколько вырабатывает каждая девушка, чтобы не было ошибок при оплате.

Наконец Клайд сообразил, что́ именно от него требуется, и сказал, что все понял. Он очень волновался, но быстро решил, что раз такую работу может выполнять эта девушка, значит, сможет и он. А Уигэм и Лигет, помня о его родстве с Гилбертом, держались очень доброжелательно и уверяли, что он прекрасно справится. Потом Клайд вместе с Уигэмом вернулся в кабинет Гилберта, который, едва увидев их, спросил:

— Ну, что скажете? Да или нет? Как по-вашему, справитесь вы с этим делом?

— Я считаю, что справлюсь,— сказал Клайд с необычайной для него решительностью, но втайне опасаясь, что может и сплоховать, если судьба не будет милостива к нему. От столь многого зависит благожелательное отношение тех, кто стоит над ним, и тех, кто его окружает,— а всегда ли они будут к нему благосклонны?

— Прекрасно,— продолжал Гилберт.— Присядьте на минутку. Я хочу еще немного поговорить с вами об этой работе. Она вам кажется простой, не так ли?

— Нет, я не могу сказать, чтобы она показалась мне

очень простой,— ответил Клайд, взволнованный и немного бледный: по своей неопытности он воображал, что это назначение — огромное событие и что тут понадобятся все его способности и мужество.— Но все-таки я думаю, что справлюсь. Я даже уверен в этом и хотел бы попробовать.

— Ну, вот это звучит уже лучше! — ответил Гилберт более милостиво.— А теперь я хочу вам сказать еще несколько слов. Вы, вероятно, не думали, что у нас тут есть целый этаж, переполненный женщинами?

— Нет, сэр, я об этом не думал; я знал, что здесь работают женщины, но не знал, где именно.

— В сущности,— сказал Гилберт,— всю фабрику сверху донизу обслуживают женщины. В производственном отделе на одного мужчину приходится десять женщин. Поэтому мы доверяем ответственные места на нашей фабрике только тем лицам, чьи нравственность и религиозность нам хорошо известны. Вы наш родственник, и поэтому мы вам доверяем, а если бы не это, мы никак не могли бы возложить на вас такую ответственность, пока не узнали бы вас лучше. Но не думайте, что, раз вы наш родственник, вам не придется отвечать за все, что происходит у вас в отделении, так же как и за ваше собственное поведение. Наоборот, мы будем особенно строги и требовательны к вам именно потому, что вы — наш родственник. Вы поняли, что я хочу сказать? Вы представляете себе, что значит здесь имя Грифитс?

— Да, сэр,— ответил Клайд.

— Очень хорошо,— продолжал Гилберт.— Прежде чем ставить человека на какой-то ответственный пост, мы должны быть вполне уверены, что этот человек всегда будет вести себя как джентльмен, всегда будет соблюдать приличия в отношениях с нашими работницами. Недолго у нас продержится такой служащий — молодой или даже старый,— который вообразит, что раз тут кругом женщины, значит, можно пренебрегать работой и позволять себе всякие вольности, флирт и прочее. Все, кто у нас работает,— и мужчины и женщины,— должны помнить, что они всегда и прежде всего наши служащие, они должны чувствовать это и вне стен фабрики. А если мы узнаем, что кто-нибудь об этом забыл,— с таким человеком будет все кончено. Такие нам не нужны. Мы с ними расстаемся сразу и навсегда.

Он замолчал и посмотрел на Клайда, как бы говоря: «Кажется, я достаточно ясно выражаюсь: мы не желаем никаких неприятностей из-за вас». И Клайд ответил:

— Да, я понимаю. Думаю, что это правильно. Только так и может быть.

— И должно быть,— прибавил Гилберт.

— И должно быть,— как эхо, повторил Клайд.

В то же время он спрашивал себя, вправду ли дело обстоит так, как говорит Гилберт. Он уже не раз слышал, что фабричные работницы ведут себя довольно свободно. Впрочем, в ту минуту он не думал, что возможны какие-то внеслужебные отношения между ним и кем-либо из этих девушек. Клайду теперь казалось, что его интерес к женщинам чрезмерен, ненормален, а потому лучше совсем не иметь с ними дела, даже не разговаривать, держаться неприступно и холодно — вот как Гилберт держит себя с ним. Это необходимо, если хочешь остаться на новом месте. А Клайд твердо решил остаться и всегда вести себя так, как того требует двоюродный брат.

— Ну, так вот,— продолжал Гилберт, точно желая дополнить мысль Клайда,— я хотел бы знать одно. Предположим, я назначу вас на это место хотя бы временно. Могу ли я быть уверен, что вы будете помнить о своих обязанностях и что у вас не закружится голова среди такого количества женщин?

— Да, сэр, можете быть уверены,— ответил Клайд: краткое наставление двоюродного брата сильно подействовало на него, хотя, помня о Ритс, он был не совсем уверен в своей выдержке.

— Если это не так, вам следует именно сейчас сказать прямо,— настаивал Гилберт.— Вы связаны кровными узами с нашей семьей, и здесь, на фабрике, а тем более в такой должности, вы — представитель семьи. Поэтому ни в коем случае ничто не должно бросать на вас тень. Я хочу, чтобы вы с этого дня тщательно следили за собой, за каждым своим шагом. Даже в мелочах не должно быть ничего такого, что могло бы вызвать нежелательные разговоры на ваш счет. Понимаете?

— Да, сэр,— торжественно ответил Клайд,— я понимаю. Я буду вести себя как следует, или меня уволят.

В эту минуту Клайд всерьез думал, что сумеет выполнить свое обещание. Сотни девушек наверху казались ему сейчас чем-то очень далеким и незначительным.

— Прекрасно! Теперь вот что. Не приступайте сегодня к работе. Отправляйтесь домой и обдумайте хорошенько все, что я вам сказал. И если не передумаете, тогда приходите завтра утром и принимайтесь за работу. С сегодняшнего дня вы будете получать двадцать пять долларов, и я хотел бы, чтобы вы были всегда одеты чисто и прилично и подавали хороший пример другим заведующим отделениями.

Он встал, холодный и надменный; но Клайд, обрадованный тем, что его заработок вдруг повысили и что теперь можно одеваться прилично, был бесконечно благодарен за все своему двоюродному брату и потому искренне хотел сойтись с ним поближе. Конечно, Гилберт суров, холоден и заносчив, а все-таки, видимо, он, как и дядя, не забывает о Клайде, иначе они не перевели бы его на лучшее место, да еще так быстро. Если бы только подружиться с ним, завоевать его симпатию! Вот тогда Клайд мог бы занять действительно великолепное положение, тогда у него появились бы и знакомства и успех в свете.

В отличном настроении, шагая бодро и уверенно, он вышел из огромной фабрики; он строил всевозможные планы на будущее, в частности, твердо решил испытать себя: на что он годен в жизни и в работе? Что бы ни случилось, он будет именно таким, каким явно хотят его видеть дядя и двоюродный брат: с работницами своего отделения он будет равнодушен, холоден и даже суров, если понадобится. И никаких отношений с Диллардом, с Ритой, с кем бы то ни было в этом роде,— во всяком случае, на ближайшее время.

ГЛАВА XII

Получать двадцать пять долларов в неделю! Заведовать отделением, где работают двадцать пять девушек! Снова прилично одеваться! Сидеть за служебной конторкой в углу у окна, откуда открывается прекрасный вид на реку! — и, наконец, после двух месяцев тяжелой работы в жалком подвале чувствовать себя довольно значительной особой на этой огромной фабрике. И так как он — родственник Гриффитсов и к тому же получил повышение, Уигэм и Лигет время от времени заходят к нему и любезно дают ему советы и указания. И некоторые заведующие других отделений и даже кое-кто из главной конторы — ревизор или агент по рекламе, проходя мимо, задерживаются, чтобы с ним поздороваться. Теперь, когда он достаточно освоился с новой работой, у него есть время осмотреться, узнать кое-что о фабрике в целом, о производственных процессах и снабжении. Он узнал, откуда берется это огромное количество полотна и бумажной ткани; узнал, что этажом выше, в огромном закройном цехе, сотни опытных высокооплачиваемых закройщиков выкраивают из этой ткани воротнички; узнал, что на фабрике есть особое бюро по найму рабочих и

служащих, есть свой врач и своя больница, есть в главном здании своя столовая, где могут обедать одни только служащие фабрики,— теперь и Клайд, в качестве начальника отделения, мог бы завтракать здесь, если бы захотел и если бы решился тратить на это деньги. Скоро он узнал также, что в нескольких милях от Ликурга, на берегу реки Могаук, вблизи поселка Вантроун, находится общий клуб для служащих ликургских фабрик; членами этого клуба состоят почти все начальники цехов окрестных фабрик,— но, увы, хозяева «Грифитс и К⁰» относятся неодобрительно к общению своих служащих со служащими других компаний — и мало кто решается пренебречь их неодобрением. Впрочем, как сказал однажды Лигет, Клайд — член семейства Грифитс — вероятно, мог бы записаться в клуб. Но, помня о строгих наставлениях Гилберта и о своих высоких родственных связях, Клайд решил, что самое лучшее — держаться подальше от всех. И вот, неизменно любезный и приветливый с окружающими, он все же оказался теперь гораздо более одиноким, чем мог бы быть при других условиях; избегая Дилларда и ему подобных, он после работы одиноко сидел у себя в комнате, а в субботу и воскресенье вечерами бродил по улицам и бульварам Ликурга или соседних городов. Думая, что это будет приятно его дяде и двоюродному брату и подни-
мет его в их мнении, он даже начал посещать пресвитерианскую церковь, которую, как он узнал, посещали обычно Грифитсы. Однако он ни разу не встретил их там, потому что с июня до сентября они проводили субботы и воскресенья на Лесном озере, куда обычно перебиралось на лето все высшее общество Ликурга.

В сущности, летом вся светская жизнь в Ликурге замирала. В самом городе в это время не происходило ничего интересного; а несколько раньше, в мае, все было по-другому. Клайд читал в местных газетах, а иногда и наблюдал издали, как развлекаются Грифитсы и их друзья: состоялся выпускной вечер и бал в школе Снедекер, где училась Белла; потом были устроены танцы у Грифитсов: над площадкой перед их домом был натянут полосатый тент, и на деревьях развешаны китайские фонарики. Клайд случайно увидел это, когда вечером, бродя в одиночестве по городу, дошел до их особняка. И снова он с жадным любопытством стал думать о Грифитсах, об их высоком положении и о своем родстве с ними. Но Грифитсы, удобно устроив его на незначительной и нетрудной должности, забыли и думать о нем. Ему теперь неплохо, а когда-нибудь после они, может быть, и пожелают снова его увидеть.

Спустя некоторое время он прочел в ликургской газете «Стар», что 20 июня состоится традиционный праздник цветов и автомобильные состязания между соседними городами (Фондой, Гловерсвилом, Амстердамом и Скенэктеди); в этом году праздник состоится в Ликурге, и это будет — писала «Стар» — последнее значительное событие в светской жизни города перед ежегодным переселением на озера и в горы всех тех, кто имеет возможность уехать в такие места. В числе участников состязания, которые должны защищать честь славного города Ликурга, были упомянуты Белла, Бертина, Сондра и, разумеется, Гилберт. Так как этот праздник пришелся на субботу, то Клайд (он был в своем лучшем костюме, но при этом старался остаться незамеченным в толпе зрителей), снова увидел девушку, пленившую его с первого взгляда. Она плыла в челне по волнам белых роз, держа в руках весло, обвитое желтыми нарциссами,— все это изображало какую-то индейскую легенду, связанную с рекой Могаук. В волосах Сондры, убранных, как у индианки, красовалось желтое перо; она была так хороша, что не только завоевала приз, но и вторично поразила воображение Клайда. Что за счастье принадлежать к такому обществу!

Затем Клайд увидел Гилберта в сопровождении очень красивой девушки: он правил одной из четырех машин, представлявших четыре времени года. Машина Гилберта изображала зиму, и девушка, закутанная в горностаи, стояла среди сплошной массы белых роз, заменявших снег. Следом шла другая машина, где Белла Грифитс была олицетворением весны: задрапированная в прозрачные ткани, она притаилась за целым водопадом темных фиалок. Эффект был поразительный, и Клайдом овладели сладостные, но и мучительные мечты о любви, юности, любовных приключениях. В конце концов, быть может, напрасно он расстался с Ритой...

А между тем жизнь Клайда шла по-прежнему, только у него теперь было больше времени предаваться своим мыслям. Когда ему повысили жалованье, он прежде всего подумал о том, чтобы найти себе комнату в каком-нибудь частном доме, хотя бы и дальше от фабрики, но на лучшей улице. Переехав от миссис Каппи, он окончательно расстанется с Диллардом. И, кроме того, теперь, когда его повысили в должности, может случиться, что кто-нибудь из приближенных Сэмюэла Грифитса или Гилберта зайдет к нему по делу. Что они скажут, если увидят, в какой комнатушке он живет?

И через десять дней после нового назначения ему удалось благодаря своему звучному имени получить комнату в одном из лучших домов на Джефферсон-авеню — улице, которая шла параллельно Уикиги-авеню на расстоянии всего нескольких кварталов. Дом принадлежал вдове управляющего одной фабрики; ей приходилось сдавать две комнаты, чтобы справиться с расходами по дому, которые превышали ее скромные средства. Миссис Пейтон давно жила в Ликурге, много слышала о Грифитсах и сразу же заметила сходство Клайда с Гилбертом. Очень заинтересованная им и его приятной внешностью, она предложила ему прекрасную комнату всего за пять долларов в неделю, и он тотчас согласился.

Шла своим чередом и его работа на фабрике; но хотя Клайд твердо решил не обращать внимания на подчиненных ему работниц, ему не всегда удавалось сосредоточиться на своих механически однообразных обязанностях и не замечать всех этих девушек, тем более, что некоторые из них были очень хорошенькие. Стояло жаркое лето — конец июня. К двум-трем часам дня на фабрике все уставали от бесконечного однообразия работы, и тогда всех охватывала слабость, какая-то почти чувственная истома. Тут были молодые женщины и девушки всех типов, с самыми разными характерами и настроениями, и все они, лишенные мужского общества, досуга, каких-либо развлечений, были, в сущности, заперты здесь наедине с Клайдом. Воздух в помещении почти всегда был душный и расслабляющий, а за раскрытыми огромными окнами виднелся Могаук, сверкающий мелкой рябью; берега его зеленым ковром устилала трава, кое-где росли группы тенистых деревьев. Казалось, все говорило о радостях, которые ждут тех, кто бродит по этим берегам. А так как работа была чисто механическая, то девушки могли размышлять о разных приятных вещах; большей частью они думали о себе и о том, что они стали бы делать, если бы не были прикованы к этой работе.

Нередко их живое и пылкое воображение устремлялось на ближайший объект. А кроме Клайда, они здесь почти не видели мужчин, притом в эти летние дни он появлялся в лучшем своем костюме,— и потому девушки склонны были сосредоточивать свое внимание на нем. Их головы были полны фантастических представлений о том, в каких он отношениях с Грифитсами и с подобными им людьми, где и как он живет, какими девушками интересуется. В свою очередь, и Клайд, когда его не слишком угнетало воспоминание о наставлениях Гилберта, склонен был помечтать об этих девушках, особенно

о некоторых из них,— и это были почти чувственные мечты. Вопреки всем пожеланиям «Компании Грифитс» и несмотря на разрыв с Ритой, а может быть, именно из-за этого, он постепенно заинтересовался тремя работницами. Они были не слишком набожны и нравственны, любили удовольствия и находили Клайда очень красивым. Вот каково было это трио.

Руза Никофорич, американка русского происхождения, рослая чувственная блондинка с влажными темными глазами, вздернутым толстым носом и пухлым подбородком, сильно увлеклась Клайдом. Но он всегда держался так строго, что она даже самой себе не смела признаться в этом увлечении. Клайд, с его гладко причесанными на пробор волосами, в светлой в полоску рубашке, рукава которой он из-за жары засучивал до локтей, казался ей почти сверхъестественно красивым. Она восхищалась его начищенными до блеска коричневыми ботинками, черным кожаным поясом со сверкающей пряжкой, свободно и изящно завязанным галстуком.

Была еще Марта Бордалу, крепкая, живая канадская француженка, хорошо сложенная, хотя, пожалуй, слишком полная; у нее были медно-рыжие волосы, зеленовато-голубые глаза, полные розовые щеки и маленькие пухлые руки. Невежественная и распущенная, она была бы в восторге, если бы Клайд пришел к ней хоть на час. При этом, дикая и хищная по натуре, она ненавидела всех, кого подозревала в нежных чувствах к Клайду, и потому не выносила Рузу Никофорич. Она видела, что Руза пыталась задеть Клайда локтем или прислониться к нему, когда он подходил ближе. Между тем сама она пускала в ход все известные ей уловки: расстегивала блузку так, что видна была грудь, во время работы вздергивала юбку чуть не до колен, до плеч открывала полные круглые руки, стараясь показать Клайду, что на нее стоит потратить время. Ее лукавые вздохи и томные взгляды, которые она бросала на Клайда, когда тот оказывался поблизости, заставили Рузу однажды воскликнуть: «Вот французская кошка! Станет он смотреть на нее!» Руза так ревновала, что ей ужасно хотелось ударить Марту.

И, наконец, веселая толстуха Флора Брандт, типичная американская работница с вульгарным, но миловидным лицом; у нее были черные волосы, влажные черные глаза, затененные густыми ресницами, вздернутый нос, большой чувственный, но красивый рот и крупное, сильное и все же по-своему грациозное тело. Она изо дня в день смотрела на Клайда взглядом, который говорил: «Как! Я не нравлюсь тебе? Да как ты мо-

жешь меня не замечать? А ведь многие парни были бы в восторге, если бы им так повезло...»

И, глядя на этих трех работниц, Клайд постепенно стал думать, что они совсем не похожи на других девушек: они проще, не так сдержанны и осторожны, не так связаны условностями в выборе знакомств,— а потому он, пожалуй, мог бы, не опасаясь впоследствии разоблачения с их стороны, позабавиться с одной из них — и даже со всеми тремя по очереди, если его интерес к ним под конец зашел бы так далеко. И все осталось бы в тайне, особенно если заранее дать им понять, что он оказывает им великую милость, удостаивая их хотя бы взглядом. Уж конечно, насколько можно судить по их поведению, они охотно вознаградят его и многое разрешат, и не будут в обиде, если он, чтобы сохранить свое место на фабрике, потом снова перестанет их замечать. Но он дал слово Гилберту Грифитсу и пока не собирался его нарушать. Все это были только мимолетные мысли, возникавшие потому, что Клайд оказался в слишком трудном положении. По натуре он был крайне чувствителен к женской красоте, всегда готов вспыхнуть, увлечься. Нелегко ему было противиться голосу пола. И заигрывания этих девушек порою, конечно, искушали его, особенно в эти жаркие, томительные летние дни, когда ему некуда было пойти и не с кем поговорить. Временами он не мог удержаться, чтобы не подойти к тем девушкам, которые с ним особенно кокетничали; впрочем, встречая их взгляды и замечая плохо замаскированные подчас попытки прикоснуться к нему, он сохранял непринужденный вид и поистине удивительное при его характере напускное равнодушие.

В это время на фабрику поступило очень много заказов, и Уигэм и Лигет посоветовали Клайду взять дополнительно несколько девушек «на пробу»: речь шла о еще не обученных работницах, которые соглашались на очень низкую плату, поскольку, работая сдельно и не освоившись с техникой производства, они были не в состоянии зарабатывать больше. В отдел найма постоянно приходили люди, желавшие получить работу; в период затишья им отказывали или просто вывешивали объявление: «Рабочая сила не нужна».

Так как Клайд все еще был сравнительно новичком в этом деле и ему до сих пор не приходилось кого-либо нанимать или рассчитывать, Уигэм и Лигет решили посылать ему только тех девушек, которых предварительно проверит сам Лигет; Лигету нужны были также добавочные швеи, и когда среди девушек, присланных к нему из отдела найма, он находил подхо-

дящих для штамповочной, то направлял их к Клайду на испытание. Лигет заранее объяснил ему установленный для этих случаев порядок: при найме и увольнении временных работниц новеньким, как бы они хорошо ни работали, нельзя давать понять, что ими довольны, пока не выяснится окончательно, на что они способны. Надо держать их в уверенности, что они работают только удовлетворительно, так как иначе из них не получится хороших сдельных работниц, которые постоянно стремились бы достигнуть наилучших результатов. В период, когда фабрика перегружена заказами, можно нанять таким образом сколько угодно девушек, а когда надобность минет, можно так же спокойно их рассчитать,— разве что какая-нибудь из них окажется особенно быстрой и ловкой работницей: такую всегда желательно сохранить на фабрике; для этого можно уволить какую-нибудь работницу похуже или перевести кого-нибудь из постоянных служащих на другую работу, чтобы дать место новому, усердному и энергичному человеку.

На другой день после того, как было вывешено объявление, что на фабрике нужны работницы, Лигет в разное время привел к Клайду четырех девушек, каждый раз поясняя: «Вот мисс Тиндэл,— может быть, подойдет. Поставьте ее на испытание», или: «Посмотрите, может быть, эта девушка справится у вас с работой». Клайд задавал им обычные вопросы о том, где они работали раньше, какую именно исполняли работу, живут ли они здесь с семьей или одни (фабрика неохотно принимала одиноких девушек), объяснял, что представляет собой работа в штамповочной и как она оплачивается; затем подзывал мисс Тодд, и та вела девушек в гардеробную, указывала каждой шкафчик, куда можно повесить пальто, а потом подводила к рабочему столу и объясняла, что нужно делать. В дальнейшем Клайд и мисс Тодд должны были определить, стоит ли оставить ту или другую девушку на работе.

До сих пор, если не считать тех трех девушек, которые определенно привлекали его, Клайду совсем не нравились здешние работницы. В большинстве они были неуклюжи и туповаты, и Клайд подумывал о том, что надо бы нанять хоть несколько хорошеньких. Почему бы нет? Неужели в Ликурге нет ни одной красивой работницы? А у всех этих штамповщиц такие широкие лица, большие, толстые руки и ноги! Многие работницы — польки по происхождению, дочери польских эмигрантов, живущих в трущобах к северу от фабрики,— даже говорят неправильно. Наверно, у них и мыслей никаких нет — разве лишь о том, чтобы найти себе «паренька» и ходить с

ним на танцы... Американки, как заметил Клайд, были другого типа,— более нервные, худощавые, и держались они в большинстве чопорно и сдержанно: расовые, моральные и религиозные предрассудки не позволяли им, видимо, сближаться ни с другими девушками, ни с кем-либо из мужчин.

Но среди новых работниц, взятых на испытание в эти последние дни, появилась одна, которая заинтересовала Клайда больше всех девушек на фабрике. Она сразу показалась ему умнее и милее всех остальных, более одухотворенной; изящно и пропорционально сложенная, она, видимо, физически была не слабее других. Увидев ее впервые, Клайд решил, что в ней есть какое-то особенное очарование, не свойственное ни одной из этих девушек. В ней чувствовалась какая-то вдумчивость и пытливость и вместе с тем определенная смелость и решительность и вера в себя — черты человека с сильной волей и твердыми убеждениями. Тем не менее она призналась, что у нее нет опыта в подобной работе и она не знает, сумеет ли справиться с делом.

Ее звали Роберта Олден; раньше она работала на маленькой трикотажной фабрике в городке Трипетс-Милс, в пятидесяти милях к северу от Ликурга. На ней была далеко не новая коричневая шляпка, низко надвинутая на лоб, совсем простой костюм, довольно поношенные туфли на толстой подошве. Небольшое миловидное лицо с правильными чертами окружал золотистый ореол светло-каштановых волос. У нее были очень ясные серо-голубые глаза. Она казалась деловитой и серьезной и в то же время такой веселой, чистой и искренней, так была полна надежды и энергии, что сразу понравилась Клайду, как и Лигету, который говорил с нею первым. По своему развитию она явно была выше работниц штамповочной. Во время разговора с нею Клайда удивило ее волнение: она так беспокоилась, словно для нее было страшно важно поступить сюда.

Она сказала, что до сих пор жила со своими родителями вблизи маленького городка Бильца, а теперь живет здесь у своих друзей. Она говорила так откровенно и просто, что Клайд почувствовал симпатию к ней и решил ей помочь. Но при этом он подумал, что она заслуживает лучшего, чем работа в штамповочной. У нее такие умные большие голубые глаза, а рот и нос, уши и руки такие маленькие и славные.

— Значит, вы будете жить в Ликурге, если получите у нас работу? — сказал он просто для того, чтобы еще немного поговорить с нею.

— Да,— ответила она, открыто и прямо глядя на него.

— Стало быть, как вас зовут? — Клайд раскрыл блокнот.

— Роберта Олден.

— Ваш здешний адрес?

— Тэйлор-стрит, двести двадцать восемь.

— Я даже не знаю, где это,— заметил Клайд: ему нравилось разговаривать с ней.— Знаете, я тоже недавно в Ликурге.— Он сам удивился, почему ему вздумалось сразу же заговорить с нею о себе. Потом прибавил: — Не знаю, все ли вам объяснил мистер Лигет. У нас тут сдельная работа, надо штемпелевать воротнички. Пойдемте, я вам покажу.— И он провел ее к ближайшему столу, за которым работали штамповщицы.

Он дал ей понаблюдать за ними, а затем, не прибегая к помощи мисс Тодд, взял со стола воротничок и подробно объяснил, что и как надо делать,— все это еще недавно объясняли ему самому.

Она слушала так серьезно, так напряженно следила за каждым его движением, что он даже смутился немного и взволновался. Ее взгляд был странно проницателен и пытлив. Когда Клайд снова повторил, сколько платят за каждую пачку воротничков, и как много вырабатывают некоторые штамповщицы, и как мало успевают другие, она захотела попробовать; он подозвал мисс Тодд, и та отвела девушку в гардеробную, чтобы она повесила в шкафчик пальто и шляпу. Вскоре она вернулась; пушистые светлые волосы обрамляли ее лоб, щеки слегка зарумянились, глаза смотрели внимательно и серьезно. По совету мисс Тодд, она засучила рукава, обнажив до локтя красивые руки. И по первым же ее движениям Клайд понял, что она будет быстрой и аккуратной работницей. Видно было, что ей страстно хочется получить это место.

Немного погодя он подошел к ней и стал смотреть, как она один за другим берет воротнички из лежащей рядом стопки, ставит штамп и потом быстро откладывает их в сторону. Она действительно работала проворно и аккуратно. И когда, обернувшись на мгновение, она наивно, но смело и весело улыбнулась ему, он ответил улыбкой, очень довольный.

— Ну, я вижу, вы отлично справитесь,— отважился он сказать, чувствуя, что она и в самом деле справится.

Она снова мельком улыбнулась ему, и Клайд невольно ощутил глубокое волнение. Она мгновенно пленила его, но его положение здесь и обещание, данное Гилберту, обязывали воздерживаться от проявления симпатий к своим подчиненным, даже и к такой очаровательной девушке. Иначе нельзя. Он

должен быть так же осторожен с нею, как и со всеми остальными,— но это уже казалось ему страшным, так сильно его влекло к ней. Она такая милая и хорошенькая! И, однако, она всего лишь работница,— фабричная девчонка, сказал бы Гилберт,— а он, Клайд, ее начальник... и все-таки она очень милая и хорошенькая.

Он поспешно отошел к другим девушкам, принятым в тот же день, а затем попросил мисс Тодд поскорее дать ему отзыв о мисс Олден: он хочет знать, справляется ли она с работой.

В ту самую минуту, когда он обратился к Роберте и та в ответ улыбнулась ему, Руза Никофорич, работавшая от нее через два стола, подтолкнула локтем свою соседку и незаметно, взглядом и легким кивком, показала на Клайда и Роберту. Ее подруга внимательно посмотрела на них. А когда Клайд отошел и Роберта вновь принялась за работу, эта девушка наклонилась и шепнула Рузе:

— Он уже уверен, что она справится! — Она подняла брови и поджала губы.

И Руза ответила так тихо, что больше никто не мог услышать:

— Быстро пошло дело! А раньше он и смотреть ни на кого не хотел.

И обе понимающе улыбнулись, уязвленные выбором Клайда. Руза Никофорич была ревнива.

ГЛАВА XIII

Совсем особые причины заставили Роберту Олден искать места на фабрике «Гриффитс и К°», да еще столь скромного. Подобно Клайду, недовольная своей семьей и своей жизнью, она думала о собственной судьбе с чувством глубокого разочарования. У ее отца Тайтуса Олдена была ферма неподалеку от Бильца — городка в округе Маймико, милях в пятидесяти к северу от Ликурга. С самого детства Роберта не видела ничего, кроме бедности. Ее отец, младший из трех сыновей Эфраима Олдена, такого же фермера, был неудачником; в сорок восемь лет он жил все в том же доме, который достался ему от отца и еще тогда был стар и требовал ремонта, а теперь пришел в полную ветхость. Дом этот был некогда прелестным образцом превосходного вкуса, создавшего очаровательные домики с остроконечными крышами — украшение небольших городов Новой Англии, но стены его были давным-давно не крашены,

недоставало многих черепиц на крыше и каменных плит на дорожке, ведущей от калитки к дверям, и весь он теперь выглядел так плачевно, словно готов был сказать со старческим кашлем: «Да, плохи мои дела!»

Внутренность дома соответствовала его внешнему виду. Полы и ступени лестницы расшатались и отчаянно скрипели; далеко не на всех окнах уцелели ставни. Мебель — и старинная, и более позднего происхождения — вся обветшала и была перемешана в неописуемом беспорядке, который, впрочем, и нет нужды описывать.

Родители Роберты были классическими американцами старого склада — из тех, что отвергают факты и чтут иллюзии. Тайтус Олден был одним из множества людей, которые рождаются, живут и умирают, так ничего и не поняв в жизни. Они появляются, бредут наугад и исчезают во мгле. Подобно своим двум старшим братьям — людям с весьма смутными, туманными понятиями и представлениями,— Тайтус жил словно вслепую; фермером он стал только потому, что и отец его был фермер. Жил он на этой ферме потому, что она досталась ему по наследству, и оставаться и кое-как работать здесь было проще, чем искать счастья где-то в другом месте. Он состоял в республиканской партии, потому что до него республиканцем был его отец и потому что весь их округ стоял за республиканцев. Ему и в голову не приходило, что может быть иначе. Свои политические и религиозные воззрения, все представления о том, что хорошо и что плохо, он заимствовал от окружающих. Никогда ни одному члену этой семьи не довелось прочесть ни одной серьезной, умной и правдивой книги. Но все же, с точки зрения религиозных и моральных условностей, это были превосходные люди, честные, прямые, почтенные и богобоязненные.

Дочь таких родителей, хоть и одаренная от природы качествами, возвышавшими ее над окружающей средой, не могла не быть в значительной мере продуктом этой среды; в ее сознании отразились преобладавшие здесь религиозные и нравственные понятия — взгляды местных пасторов и их прихожан. Но при этом она отличалась пылким темпераментом и живым воображением, и уже лет с пятнадцати ею овладела старая, как мир, мечта всех дочерей Евы от самых безобразных до самых прекрасных: что ее красота и обаяние когда-нибудь — и скоро — с колдовской и неодолимой силой поразят некоего мужчину или мужчин. И хотя все годы детства и юности ей пришлось провести среди тяжкой бедности и лишений, она всегда

мечтала о чем-то лучшем. Кто знает, быть может, где-то там, впереди — большой город вроде Олбани или Утики... и новая, прекрасная жизнь!

Какие мечты! Когда ей было четырнадцать, пятнадцать, восемнадцать лет, она любила выйти весенним утром в фруктовый сад; раннее майское солнце зажигало розовые огоньки на каждом старом дереве, землю розовым ковром устилали душистые опавшие лепестки, а она стояла, глубоко дыша, и порой смеялась или вздыхала, широко раскрывая объятия навстречу жизни. Она живет! Она молода — и перед ней весь мир! Она вспоминает глаза и улыбку юноши, что живет по соседству,— он случайно проходил мимо и взглянул на нее и, может быть, никогда больше не взглянет, а все же он пробудил столько грез в ее душе...

И, однако, она была очень застенчива, а потому и необщительна; она побаивалась мужчин — особенно заурядных, грубых местных жителей, и они, в свою очередь, избегали ее: их отталкивала ее застенчивость и сдержанность, а ее красота казалась в этих краях слишком утонченной. Правда, шестнадцати лет она переехала в Бильц и начала служить в мануфактурном магазине Эплмена за пять долларов в неделю, и здесь стала встречать молодых людей, которые ей нравились. Но она была слишком невысокого мнения о своей семье, и ее неопытному глазу казалось, что положение этих юношей куда лучше ее собственного, а потому они не могут ею интересоваться,— и она своим поведением сама отпугивала их. Все же она работала у Эплмена почти до девятнадцати лет, все время сознавая, что ничего не может для себя сделать, потому что слишком тесно связана с родными, которые нуждаются в ее помощи.

А потом произошло событие, которое для этого уголка означало чуть ли не революцию. Так как в этой сугубо земледельческой местности был очень дешев труд, то в городке Трипетс-Милс открылась маленькая трикотажная фабрика. И хотя Роберта, следуя общепринятым здесь понятиям и нормам, воображала, будто такого рода труд — ниже ее достоинства, все же ее соблазнили слухи, что на фабрике хорошо платят. Итак, она переехала в Трипетс-Милс, поселилась там у одной знакомой, жившей раньше в Бильце, и каждую субботу приезжала домой; она мечтала скопить немного денег, чтобы затем пройти курс в коммерческой школе где-нибудь в Ликурге или Гомере, изучить счетоводство или стенографию, словом — занятие, которое откроет перед нею какое-то лучшее будущее.

В этих мечтах и попытках отложить немного денег прошло два года. Роберта зарабатывала все больше (под конец двенадцать долларов в неделю), но ее родные во многом нуждались, а ей хотелось по возможности уменьшить их лишения, от которых она сама так страдала, и потому почти весь ее заработок уходил на семью.

Здесь, как и в Бильце, большинство молодых людей, которые были ближе ей по развитию и по характеру, смотрели на фабричных работниц свысока, словно на существа второго сорта. И, хотя Роберта отнюдь не была работницей обычного типа, все же, постоянно общаясь с этими девушками, она усвоила их психологию, их пренебрежение к самим себе. Именно тогда она прониклась убеждением, что никто из молодых людей, которые ей нравятся, не заинтересуется ею, а если и заинтересуется, то, уж во всяком случае, не с серьезными намерениями.

Два события заставили ее всерьез задуматься не только о браке, но и о будущем вообще, независимо от того, выйдет ли она замуж. Ее двадцатилетняя сестра Агнесса (она была тремя годами моложе Роберты) вновь встретила недавно молодого учителя, который преподавал раньше в школе по соседству с фермой Олденов; теперь он пришелся ей больше по вкусу, чем во времена, когда она была школьницей, и она решила выйти за него замуж. И Роберта поняла, что, если она тоже не выйдет в ближайшее время замуж, ее станут считать старой девой, а пока она раздумывала об этом, фабрика в Трипетс-Милс внезапно и окончательно закрылась, и Роберта вернулась в Бильц, чтобы помогать матери по хозяйству, а заодно помочь сестре в приготовлениях к свадьбе.

Но тут произошло еще и третье событие, изменившее планы и мечты Роберты. Грейс Марр, девушка, которую она знала по Трипетс-Милс, уехала в Ликург, через несколько недель устроилась там на фабрике Финчли и стала зарабатывать пятнадцать долларов в неделю. Она написала Роберте, что в Ликурге можно получить работу — фабрика «Грифитс и К⁰», мимо которой она проходит каждый день, вывесила объявление «Требуются работницы». Из расспросов выяснилось, что там девушкам на первых порах платят девять или десять долларов, но быстро обучают какой-нибудь специальности, и тогда, работая сдельно, можно заработать от четырнадцати до шестнадцати долларов в неделю, смотря по способностям. На стол и на комнату нужно только семь долларов, и Грейс ра-

зумно предлагала Роберте, к которой была очень привязана, приехать и поселиться с ней вместе.

Роберта к этому времени почувствовала, что жизнь на ферме стала для нее невыносима, надо как-то устраивать свою судьбу; в конце концов она уговорила мать отпустить ее,— ведь, работая на фабрике, она сумеет помогать семье.

Поселившись в Ликурге и получив место под начальством Клайда, Роберта под влиянием такой огромной перемены испытала короткую вспышку эгоистической радости; но очень скоро оказалось, что вся ее жизнь здесь — и материальное положение, и круг знакомств — так же скудны, как в Бильце и Трипетс-Милс. Правда, к ней была искренне привязана Грейс Марр: эта бесцветная девушка надеялась, что красивая и веселая Роберта (чья веселость была несколько наигранной) внесет в ее жизнь то, чего ей так недоставало,— оживление и дружбу; но среда, в которой оказалась здесь Роберта, не отличалась ни бо́льшим разнообразием, ни большей свободой мысли, чем та, из которой она вышла.

Начать с того, что Ньютоны — сестра и зять Грейс, у которых она жила,— люди, несомненно, добрые, были все же самыми заурядными рабочими из маленького провинциального городка, даже еще более религиозными и ограниченными, чем те, с кем Роберта постоянно сталкивалась раньше в Бильце и в Трипетс-Милс. Джордж Ньютон — это всякому бросалось в глаза — был славный малый, отнюдь не чувствительный и не романтик. Свои дела и планы на будущее он ставил превыше всего на свете. Он служил на фабрике Крэнстонов и откладывал из своего заработка все, что мог, рассчитывая скопить достаточно, чтобы открыть когда-нибудь собственное дело. Ради этой цели, чтобы как-то пополнить свои скудные сбережения, чета Ньютонов решила снять старый дом на Тэйлор-стрит, где можно было сдавать несколько комнат; это приносило кое-какой доход и даже позволяло сносно кормить и семью, и пятерых постояльцев,— а собственный труд и хлопоты, связанные со сдачей комнат, Ньютоны не ставили ни во что. Жена Ньютона Мэри, да и сама Грейс Марр принадлежали к очень распространенному типу женщин, чьи интересы ограничены самыми узкими рамками: они вполне удовлетворены, если им удалось создать свой маленький семейный очаг, заслужить уважение незначительных, ограниченных соседей, и смотрят на жизнь и на людей сквозь призму чисто сектантских верований.

Поселившись у Ньютонов, Роберта скоро убедилась, что если не во всем Ликурге, то, по крайней мере, в этой семье

царят та же узость и ограниченность, как и во многих знакомых ей семьях в Бильце. Есть рамки, которые, по мнению Ньютонов и им подобных, необходимо строго соблюдать. Нарушение их ни к чему хорошему не ведет. Если ты работаешь на фабрике, тебе следует полностью приспособиться к жизни и обычаям лучшей, добропорядочной части фабричных рабочих... Итак, поселившись здесь, Роберта каждое утро в обществе Грейс и других постояльцев — двух работниц с фабрики Крэнстона и молодого монтера с городской электростанции — наспех глотала в столовой Ньютонов весьма посредственный завтрак и тотчас, выйдя на улицу, присоединялась к нескончаемой процессии, которая день за днем в этот час направлялась за реку, в фабричный район. Едва переступив порог, она неизменно попадала в поток рабочих и работниц примерно своего возраста, не говоря уже о множестве пожилых, изможденных женщин, куда больше похожих на привидения, чем на живые существа; они выходили из всех соседних домов, из всех близлежащих улиц. Ближе к Сентрал-авеню толпа густела, так как со всех сторон в нее вливались новые людские потоки, и всегда в этой толпе находились охотники завести знакомство с девушками покрасивее; Роберта замечала их взгляды и понимала, что они ищут легких развлечений, чтобы не сказать хуже. А иные девушки,— далеко не отличавшиеся строгостью права, присущей тем, кого она встречала до Ликурга,— отвечали на заигрыванья хихиканьем и глупыми улыбками. Какой стыд!

А вечером, когда кончалась работа на фабриках, такая же толпа пускалась в обратный путь через мост у вокзала. И таково было воспитание Роберты и усвоенная ею мораль, что, несмотря на свою красоту, решительный вид и пылкий нрав, она оставалась одинокой и никем не замеченной. А как это грустно, когда все вокруг веселы, а ты живешь одиноко. Она всегда возвращалась домой в седьмом часу, а после обеда просто нечего было делать: изредка они с Грейс шли куда-нибудь в кино; иногда Роберта даже заставляла себя пойти вместе с Грейс и Ньютонами на собрание прихожан методистской церкви.

И все же, войдя в эту семью и работая у Клайда, она радовалась перемене в своей жизни. Какой большой город! Как красива Сентрал-авеню с ее магазинами и кинематографом! И эти огромные фабрики! И мистер Гриффитс — такой молодой, красивый, улыбающийся. И она ему нравится.

ГЛАВА XIV

И Клайд тоже волновался при встрече с Робертой. Отношения его с Диллардом, Ритой и Зеллой оборвались, приглашение в дом Грифитсов, где ему удалось лишь мельком увидеть настоящих светских девушек — Беллу, Сондру Финчли и Бертину Крэнстон,— было, видимо, случайным и не имело последствий, и теперь он чувствовал себя очень одиноким. Ах, этот высший свет! Но Клайду явно закрыт доступ туда. А между тем в тщеславной надежде на это он порвал все другие знакомства. Для чего он это сделал? Никогда еще он не был так одинок. Общество миссис Пейтон! Только и остается по дороге на работу или с работы перекинуться иной раз ничего не значащими приветливыми словами с кем-нибудь из владельцев магазинов на Сентрал-авеню, если им заблагорассудится окликнуть его, или раскланяться с кем-нибудь из работниц; но они его не интересовали, да он и не решался познакомиться с ними ближе. Но ведь это все равно, что ничего! Да, но зато он — Грифитс, и уже по одному этому вправе рассчитывать на уважение и почтительность всех этих людей. Ну и неразбериха! Что же делать?

Тем временем Роберта Олден немного привыкла к новой обстановке, лучше поняла, каково положение Клайда на фабрике и какой он привлекательный, заметила и его, робкий, но все же несомненный интерес к ней,— и начала с тревогой думать о будущем. Живя в семье Ньютонов, она поняла, что принятые в Ликурге нормы поведения, видимо, раз и навсегда запрещают ей проявлять какой-либо интерес к Клайду или к кому бы то ни было из фабричного начальства: по местным понятиям, работница не имеет права влюбиться в начальника или допустить, чтобы начальник увлекся ею. Богобоязненные, порядочные и скромные девушки не позволяют себе этого. Она вскоре поняла, что граница, разделяющая в Ликурге бедных и богатых, столь резка, словно одни отделены от других взмахом ножа или высокой стеной. Было и еще одно «табу», касавшееся работниц и рабочих из иммигрантских семей: все они невежественны, безнравственны, люди низшей породы — неамериканцы! С ними ни в коем случае нельзя иметь ничего общего!

Роберта узнала также, что в том мелкобуржуазном кругу, к которому принадлежала она сама и ее друзья, в среде религиозной и строго нравственной,— такие развлечения, как танцы, прогулки по улицам, посещение кино, тоже под запре-

том. А она как раз в это время стала интересоваться танцами. Хуже того: молодые люди и девушки — прихожане той церкви, которую начали посещать Роберта и Грейс,— не склонны были относиться к ним, как к равным; все это была молодежь из сравнительно более зажиточных семей — старожилов Ликурга. Роберта и Грейс некоторое время посещали церковные богослужения и собрания, но жизнь их от этого не изменилась: они были безупречны, и их допускали в это общество, но не приглашали в гости и на вечера, и они не участвовали ни в каких развлечениях, доступных другим прихожанам, занимавшим лучшее положение.

Встретив Клайда, Роберта увлеклась им и притом вообразила, что он принадлежит к некоему высшему обществу. И в душу ей проник тот же яд беспокойного тщеславия, который отравлял и Клайда. Каждый день на фабрике она невольно чувствовала на себе его спокойный, пытливый и все же неуверенный взгляд. Но она чувствовала также, что он не решается сделать попытку к сближению, боясь встретить отпор. Уже две недели она работала здесь, и теперь ей часто хотелось, чтобы он с нею заговорил, чтобы стал предприимчивее, но в другие минуты она пугалась: нет, он не должен приближаться к ней. Это ужасно! Невозможно! Другие девушки сразу заметят. Они явно считают, что он слишком хорош для них и слишком им чужд,— а если он станет относиться к ней иначе, чем ко всем остальным, они истолкуют это по-своему. Роберта знала — эти девушки найдут всему только одно объяснение: решат, что она безнравственна.

А Клайд слишком хорошо помнил правила, о которых говорил ему Гилберт. До сих пор, строго соблюдая их, Клайд держался так, словно не замечал девушек и ни одной из них не оказывал предпочтения, но теперь, когда появилась Роберта, он часто, почти бессознательно, подходил к ее столу и смотрел, как быстро и ловко она работает. Как он и ожидал, она оказалась хорошей, толковой работницей, очень скоро, без чьих-либо советов и наставлений, сама поняла все хитрости и приемы работы и стала зарабатывать не меньше других — пятнадцать долларов в неделю. И по ней всегда было видно, что работа здесь для нее — удовольствие, счастье и что ее радует малейший знак внимания со стороны Клайда.

Она казалась ему утонченной, совсем непохожей на других, и он с тем большим удивлением заметил в ее поведении вспышки своеобразной веселости, не только эмоциональной, но на особый, поэтический лад даже чувственной. Несмотря на

свою сдержанность, она была в дружеских отношениях с девушками-иммигрантками, так непохожими на нее, и, видимо, прекрасно находила с ними общий язык. Прислушиваясь к ее разговорам о работе с Леной Шликт, Одой Петканас, Анжелиной Питти и другими девушками, которые быстро стали заговаривать с нею, Клайд решил, что она далеко не так строга и надменна, как остальные американки. Но и они, видимо, относились к ней с уважением.

Как-то в полуденный перерыв, вернувшись из столовой раньше обычного, он увидел, что Роберта, несколько девушек-иммигранток и четыре американки окружили польку Марию; эта бойкая, бесшабашная особа довольно громко рассказывала, как парень, с которым она познакомилась накануне, подарил ей бисерную сумочку и с какой целью.

— Он хочет, чтоб я взяла эту вещичку и стала его милкой,— хвастливо объявила она, размахивая сумочкой перед глазами заинтересованных слушательниц.— Надо об этом подумать. А славная сумочка, верно? — Она подняла ее и повертела во все стороны, затем прибавила вызывающе, с напускной серьезностью махнув сумочкой в сторону Роберты: — Как мне быть, скажи? Взять сумку и стать его милкой или отдать ее назад? Мне ужасно нравится эта сумка, ей-богу!

Клайд ожидал, что, в полном соответствии с правилами, в которых она воспитывалась, Роберта возмутится. Ничуть не бывало! Судя по ее лицу, она просто от души забавлялась.

— Все зависит от того, красивый ли он, Мария,— ответила она, весело улыбаясь.— Если он очень славный, я бы немножко поводила его за нос, а пока что подержала бы сумочку у себя.

— Но он не хочет ждать,— лукаво заявила Мария, явно сознавая пикантность положения (при этом она подмигнула Клайду, который подошел ближе).— Я должна отдать ему сумочку или сегодня же стать его милкой, а сама я никогда не смогу купить такую шикарную сумку! — Она с лукавым и озорным видом смотрела на сумочку, комически наморщив нос.— Как же мне быть?

«Пожалуй, это слишком для такой скромной провинциалочки, как мисс Олден. Это ей не понравится»,— подумал Клайд.

Но Роберта оказалась на высоте: она притворилась встревоженной.

— Ох, трудно тебе приходится,— сказала она.— Не представляю, что ты будешь делать!

Она широко раскрыла глаза и изобразила на лице вели-

чайшую озабоченность. Клайд видел, что она только играет, но играет превосходно.

И тут кудрявая голландка Лена заявила:

— Ей-богу, я возьму сумку и парня тоже, если он тебе не нужен. Где его найти? У меня сейчас нет милого.

Она протянула руку, словно собираясь взять у Марии сумочку; та столь же поспешно отступила, и почти все девушки, которые слышали все это и от души потешались над грубой шуткой, завизжали от восторга. Даже Роберта громко засмеялась, и Клайду это было приятно: ему нравился грубый юмор, пока дело ограничивалось невинной забавой.

Когда послышался гудок и в соседнем помещении зажужжали сотни швейных машин, он услышал, как Роберта сказала:

— Пожалуй, ты права, Лена. Хорошего человека встречаешь не каждый день.

Ее голубые глаза блестели, соблазнительные губы раскрылись в улыбке. Клайд понимал, что она поддразнивает и шутит, а не говорит всерьез, но чувствовал также, что она совсем не такая ограниченная, как он опасался. Оказывается, она и человечная, и веселая, и снисходительная, и добродушная, и чувство юмора у нее есть. И хотя она бедно одета и ходит все в той же коричневой шляпке и синем платье, в которых пришла на работу в первый день, она красивее всех остальных работниц. И ей незачем красить губы и щеки, как это делают девушки-иммигрантки, чьи лица иной раз походят на расписные пряники. А как хороши ее руки и шея, полные и изящные, и с какой грацией и увлечением она работает, словно это доставляет ей истинное удовольствие. От напряженной работы в самые жаркие часы у нее на верхней губе, на лбу и на подбородке выступают капельки пота; прервав на мгновенье работу, она вытирает их платком, а Клайду кажется, что они, как жемчужины, только делают ее еще очаровательнее.

То были для Клайда удивительные дни. Снова — и в таких условиях, что он целыми днями мог быть вблизи нее — в его жизни появилась девушка, о которой он думал, которой восхищался и к которой постепенно стал стремиться со всей страстностью, на какую был способен,— как стремился прежде к Гортензии Бригс, но с более приятным чувством, так как он видел, что Роберта гораздо проще, добрее и порядочнее. И хотя на первых порах она довольно долго казалась (или притворялась) совершенно равнодушной и словно не замечала его, на самом деле все это с самого начала было неправдой. Она просто не знала, как себя вести. Он красивый, думала она, и у него

красивые руки, мягкие темные волосы, а черные глаза такие грустные и нежные. Он привлекателен — даже очень! Настоящий красавец!

Однажды в отделение зашел Гилберт Грифитс и заговорил о чем-то с Клайдом — и поэтому Роберта вообразила, что Клайд человек гораздо более состоятельный и с лучшим положением в обществе, чем она думала раньше. К тому же, едва появился Гилберт, ее соседка Лена Шликт, наклонясь к ней, сказала:

— Это мистер Гилберт Грифитс. Вся фабрика принадлежит его отцу, и, говорят, когда отец умрет, все перейдет к нему. Они двоюродные братья,— прибавила она, кивнув в сторону Клайда.— Очень похожи, правда?

— Да, очень,— сказала Роберта, украдкой рассматривая обоих молодых людей.— Только мне кажется, мистер Клайд красивее,— как по-твоему?

Ода Петканас, сидевшая по другую сторону Роберты и слышавшая ее слова, рассмеялась:

— Это всем так кажется! И он не такой гордый, как мистер Гилберт.

— А он тоже богатый? — спросила Роберта, думая о Клайде.

— Не знаю. Говорят, что нет.— На лице Оды выразилось сомнение. Она, как и остальные девушки, живо интересовалась Клайдом.— Он прежде работал в декатировочной. По-моему, он просто работал поденно, как и все. Но, говорят, он только недавно приехал сюда, чтобы познакомиться с делом. Может быть, он здесь ненадолго.

Роберта вдруг огорчилась, услышав это; до сих пор она старалась уверить себя, что не думает о Клайде как о человеке, которого могла бы полюбить, но теперь, представив себе, что он в любой день может неожиданно уехать и она никогда больше его не увидит, она почувствовала странное волнение. Он такой молодой, красивый, обаятельный. И ведь она ему нравится, это ясно. Нет, об этом не следует думать. И она не должна пытаться ни взглядом, ни движением привлечь его внимание. Ведь он здесь такая важная персона, настолько выше ее...

Услыхав о высоких родственных связях Клайда и о его предполагаемом богатстве, верная своим понятиям, Роберта решила, что он, конечно, не может интересоваться ею с серьезными намерениями. Ведь она — бедная работница. А он — племянник такого богача... Конечно, он не женится на ней. А какие же другие отношения могут быть между ними? Нет, осторожность прежде всего.

ГЛАВА XV

В эти дни мысли Клайда о Роберте и его собственном положении в Ликурге были путаны и тревожны. Разве Гилберт не предупреждал его, чтобы он не заводил никаких знакомств с работницами? С другой стороны, у него все еще нет ни знакомых, ни какого-либо положения в обществе и по-прежнему он очень одинок. Правда, поселившись у миссис Пейтон, он оказался на лучшей улице, в лучшем районе,— но, в сущности, ему здесь даже хуже, чем у миссис Каппи. Там он, по крайней мере, встречался с молодежью вроде Дилларда и не скучал бы, если бы позволил себе сблизиться с нею. А здесь, кроме брата миссис Пейтон, холостяка примерно одних с нею лет, и ее тридцатилетнего сына, болезненного и замкнутого, служащего в одном из ликургских банков, он не видит никого, кто бы мог и хотел его развлечь. Как и все, с кем ему приходилось встречаться, его новые хозяева думают, что он не нуждается в их обществе: у него есть родные и знакомые, и было бы некрасиво ему навязываться.

С другой стороны, хотя Роберта и не принадлежит к тому высшему обществу, к которому он теперь стремится, она прелестна! Клайда неудержимо влекло к этой девушке. День за днем полное одиночество, а еще больше властный инстинкт толкали его к ней; его то и дело тянуло посмотреть на нее, а ее — на него. Их взгляды на мгновение встречались исподтишка, напряженные, лихорадочные. И от одного беглого взгляда, который Роберта бросала на него украдкой, вовсе не желая, чтобы Клайд это заметил, его порой охватывали лихорадка и слабость. Какой у нее прелестный рот, большие ласковые глаза, сияющая и в то же время часто застенчивая и боязливая улыбка! А какие прелестные руки, какая гибкая фигурка, быстрые и ловкие движения! Если бы подружиться с ней, заговорить, встретиться где-нибудь... если б только она захотела, а он осмелился!

Смущение. Страстное желание. Долгие часы жгучего томления. Что и говорить, Клайда не только озадачивали, но и возмущали нелепые, ненормальные противоречия, которыми была полна здесь его жизнь: он одинок и заброшен, а между тем все окружающие полагают, что он вращается в веселом и приятном обществе.

И чтобы развлечься немного — так, как подобает ему в его теперешнем положении, и своим отсутствием поддержать общее заблуждение, будто он приятно проводит время в хорошем

обществе, он стал уезжать на субботу и воскресенье в Гловерсвил, Фонду, Амстердам или на озера Серое и Крам: там были купальни, хорошие пляжи и можно было брать напрокат купальные костюмы и лодки.

Клайд всегда думал, что на случай, если Грифитсы когда-нибудь приблизят его к себе, ему следует приобрести манеры и привычки светского человека; случайный знакомый — отличный спортсмен — научил его прекрасно плавать и нырять, но особенно увлекся он греблей. Он с удовольствием сознавал, что выглядит очень живописно, когда в рубашке с открытым воротом, в парусиновых туфлях выплывает на середину озера Крам в ярко-красной, зеленой или синей байдарке,— их давали напрокат по часам. Во всем этом было что-то воздушное, сказочное, особенно если высоко над головой таяли в синеве два-три облачка. И Клайд среди бела дня начинал грезить о том, как бы он чувствовал себя, став членом одной из тех богатых компаний, которые посещают более модные северные окрестности Ликурга — озера Рэкет или Скрун, или Джордж и Чемплейн. Он представлял себе танцы, игру в гольф и теннис, катание по озеру на лодках в обществе самых богатых людей Ликурга — тех, кто может позволить себе ездить по таким местам.

Примерно в это же время Роберта и ее подруга Грейс открыли существование озера Крам и выбрали его, с одобрения четы Ньютон, как лучшее и самое тихое местечко для купанья за городом. Им тоже понравилось приезжать сюда по субботам и воскресеньям после полудня; они шли по протоптанной пешеходами тропинке вдоль западного берега, на котором там и сям стояли отдельные группы деревьев, садились под деревом и смотрели на воду: они не умели ни грести, ни плавать. Вокруг росли полевые цветы и было вдоволь ежевики. Кое-где, пробравшись по топкому болотистому берегу, можно было дотянуться до белых водяных лилий с их нежными желтыми сердечками. Они были ужасно соблазнительны, и девушки уже два раза приносили миссис Ньютон целые охапки полевых и водяных цветов.

В третье воскресенье июля Клайд, сняв пиджак и шляпу, по-прежнему одинокий и недовольный, скользил в темно-синей байдарке вдоль южного берега озера в полутора милях от купален; он чувствовал себя неудовлетворенным и обиженным и предавался тщеславным мечтам о жизни, какую ему хотелось бы вести. На озере там и сям виднелись байдарки и неуклюжие, по сравнению с ними, большие лодки, и до Клайда порою

долетали обрывки разговора и веселый смех юношей и девушек, мужчин и женщин. Иной раз Клайд замечал вдалеке байдарку с другим таким же мечтателем и всегда решал, что это — счастливый влюбленный... Не то что он в своем одиночестве!

Уже один вид других молодых людей и их подруг будил в Клайде страстные желания, подавленные и мятежные. И тогда воображение рисовало ему иную картину: если бы только судьба была благосклоннее к нему, если бы он родился в другой семье, теперь он плыл бы в байдарке по озеру Скрун, или Рэкет, или Чемплейн с какой-нибудь девушкой вроде Сондры Финчли и любовался более красивыми берегами. И разве он не мог бы кататься верхом, играть в теннис, танцевать по вечерам, разъезжать повсюду вместе с Сондрой на мощной быстроходной машине? Он чувствовал себя таким отверженным и одиноким, что не находил покоя; окружающее терзало его: ему казалось, кругом, куда ни глянь, повсюду любовь, романтика, довольство. Что же делать? Куда деваться? Не может же он вечно жить в одиночестве. Он слишком несчастен. Его мысли и память обращались к прошлому, к немногим счастливым веселым дням, которые он провел в Канзас-Сити перед тем страшным несчастьем... Он вспоминал Ретерера, Хегленда, Хигби, Тину Когел, Гортензию, сестру Ретерера Луизу — словом, ту веселую компанию, с которой он начинал сживаться как раз перед катастрофой. А потом перед ним вставали Диллард, Рита, Зелла,— с ними, конечно, было веселее, чем одному. Вдруг Грифитсы больше ничего для него не сделают? Неужели он приехал сюда только для того, чтобы Гилберт глумился над ним? Неужели дети его богатого дяди и все это блестящее общество никогда его не признают? По тысяче примет он видел, какой благополучной, беззаботной и, конечно, счастливой жизнью живут эти люди. Даже теперь, в этот мертвый сезон, местные газеты чуть ли не каждый день сообщают о том, как они веселятся, разъезжают по окрестностям... Иногда кто-нибудь из них ненадолго заглянет в город — и тогда веселую компанию светской молодежи можно увидеть у входа в отель «Ликург» или перед одним из прекрасных особняков на Уикиги-авеню.

В дни, когда отец или сын Грифитсы бывали в городе, у подъезда главной конторы останавливались их дорогие роскошные машины. Гилберт и Сэмюэл появлялись в великолепных летних костюмах и, сопровождаемые высшими служащими фирмы, делали торжественный, прямо королевский обход огромного предприятия, выслушивая доклады и отдавая распоряжения. А вот он, двоюродный брат этого самого Гилберта, племянник

знаменитого Сэмюэла, предоставлен самому себе просто потому,— теперь это ясно,— что он, на их взгляд, слишком мелкая сошка. Его отец не такой способный делец, как этот важный дядя, мать (храни ее бог!) не такая светская дама, как холодная, надменная, безразличная тетка. Не лучше ли бросить все это? В конце концов, пожалуй, он сделал глупость, приехав сюда. Может быть, его богатые родственники вовсе и не собираются больше помогать ему?

Одиночество, обида и разочарование заставляли его мечтать уже не о Грифитсах и их обществе (с особенно жгучим волнением он всегда вспоминал о красавице Сондре Финчли), но о Роберте и о той среде, которая окружала его здесь так же, как и ее. Конечно, Роберта просто бедная работница, но она гораздо привлекательнее всех других девушек, которых он каждый день видит на фабрике.

Как несправедливо и нелепо со стороны Грифитсов требовать, чтобы человек в положении Клайда не знакомился с такими девушками, как, например, Роберта, только потому, что она работает на фабрике! Из-за этого запрещения он не может даже просто подружиться с нею, съездить вдвоем куда-нибудь на озеро или пойти к ней в гости. И в то же время он не может завязать других, более подходящих, знакомств, потому что у него нет денег и он ни с кем не встречается. А Роберта так хороша, неотразимо обаятельна... Он представлял себе ее за работой — быстрые, грациозные движения ее точеных рук, ее гладкую кожу, сияющие глаза, когда она ему улыбается. Его снова охватило чувство, которое теперь постоянно владело им на фабрике. Пусть эта девушка бедна и ей, по несчастью, пришлось стать простой работницей, он все равно был бы очень счастлив с нею, но только при одном условии: чтобы не нужно было жениться. Что касается брака, тут честолюбивый Клайд был словно под гипнозом: он женится на девушке из круга Грифитсов! И все же он пламенно стремился к Роберте. Если бы только решиться... если бы поговорить с нею, проводить ее как-нибудь домой после работы, привезти сюда, на озеро, в субботу или воскресенье, покатать ее на лодке — просто чтобы отдохнуть и помечтать вместе.

Байдарка Клайда огибала мыс, поросший деревьями и кустарником и скрывавший мелкую бухточку,— здесь было множество водяных лилий, их широкие листья покоились на глади озера. На берегу стояла девушка и смотрела на цветы. Она была без шляпы и, прикрывая рукой глаза, потому что солнце светило ей прямо в лицо, смотрела на воду. Губы ее приоткрылись

в гримаске легкого недоумения. Она показалась Клайду очень хорошенькой, и, перестав грести, он стал смотреть на нее. Рукава ее голубой блузки доходили только до локтей; темно-синяя юбка облегала стройную фигуру. Неужели это Роберта? Нет, не может быть! Да, это она!

И, не успев даже подумать о том, что он делает, Клайд оказался совсем рядом с нею, в каких-нибудь двадцати футах от берега; он смотрел на нее, сияющий, с видом человека, чьи грезы внезапно, сверх всяких ожиданий, стали явью. И как будто он сам был чудесным видением, вдруг возникшим из небытия, плодом напряженного воображения, обретшим живую форму,— она тоже стояла и неподвижно смотрела на него, невольно улыбаясь той очаровательной улыбкой, которая всегда появлялась на ее губах в минуты радостного волнения.

— Как, мисс Олден! Неужели это вы? — воскликнул он.— Я не был уверен. Никак не мог оттуда разглядеть, вы ли это!

— Ну да, я,— засмеялась она, удивленная и чуточку растерянная.

Она явно была рада видеть его, хотя в первые мгновения слегка сдерживала свою радость,— и, однако, сразу встревожилась, предвидя, сколько осложнений может повлечь за собою эта встреча. Завяжется знакомство, может быть дружба, и ей вовсе не хочется больше противиться этому,— пусть люди думают о ней что угодно. Но все же ведь с нею подруга, Грейс Марр. Нужно ли говорить Грейс о Клайде и о том, как он нравится ей, Роберте? Все это волновало ее. И все-таки она не могла подавить радостную улыбку и смотрела на него открыто и приветливо. Она столько думала, столько мечтала о нем — это были мирные, скромные и радостные мечты. И вот он здесь! Разве может кто-либо поставить им в вину, что они оба случайно оказались здесь, на озере?

— Гуляете? — сказал наконец Клайд, хотя от радости и из-за своих страхов он изрядно смутился, когда она оказалась перед ним. Но, тут же вспомнив, как она только что смотрела на воду, прибавил: — Хотите лилий? Мне показалось, вы хотели достать их.

— Да-а,— ответила Роберта, все еще улыбаясь и пристально глядя на него, потому что Клайд со своими темными волосами, растрепавшимися на ветру, в бледно-голубой рубашке с открытым воротом и засученными рукавами, с желтым веслом в руках, поднятым над красивой синей лодкой, казался ей неотразимым.

Если бы завоевать этого юношу, чтобы в целом мире никто,

кроме нее, не имел на него права... Это было бы величайшим счастьем, больше ей ничего на свете не нужно. И вот он здесь, у самых ее ног — в ярко-синей байдарке, весь освещенный сияющим солнцем июля,— такой необыкновенный и милый. Он смеется и смотрит на нее с восхищением. А Грейс где-то далеко, собирает маргаритки... Но можно ли?.. Имеет ли она право?..

— Я смотрела, нельзя ли как-нибудь до них дотянуться,— продолжала она, сдерживая волнение, и голос ее едва не задрожал.— До сих пор я не видела лилий у этого берега.

— Я нарву их вам сколько угодно! — весело воскликнул Клайд.— Стойте здесь, сейчас я их вам доставлю.— Но тут же он подумал, что еще приятнее взять ее к себе в байдарку, и прибавил: — А почему бы вам не прокатиться со мной? Здесь достаточно места для двоих, и я отвезу вас, куда хотите. Вон там, немного подальше, за островком, лилии гораздо красивее; да и на другой стороне озера их сколько душе угодно.

Роберта посмотрела на озеро. Мимо как раз проплывала другая байдарка — в ней сидели юноша одних лет с Клайдом и девушка не старше, чем она сама. На девушке было белое платье и розовая шляпа, а лодка была зеленая. А вдалеке, у того островка, о котором говорил Клайд, еще одна лодка, ярко-желтая, и в ней тоже парочка. Роберта предпочла бы покататься в лодке без подруги. Ей так хотелось побыть с ним вдвоем... Как жаль, что она здесь не одна! Если сейчас позвать Грейс в лодку и если потом Грейс когда-либо услышит что-нибудь про нее и Клайда, она, пожалуй, начнет болтать об этом катанье и выдумывать лишнее... А ответить Клайду отказом тоже страшно: он может потерять к ней всякий интерес, и это будет ужасно.

Она стояла и думала, а Клайд, взволнованный и огорченный ее нерешительностью, своим одиночеством и неудержимым стремлением к ней, вдруг воскликнул:

— Нет, пожалуйста, не отказывайтесь!.. Садитесь сюда! Мне очень хочется вас покатать. Вам понравится, вот увидите! И мы наберем лилий, сколько хотите. И потом я в десять минут отвезу вас в любое место, куда только пожелаете.

Она отметила про себя: «Мне очень хочется вас покатать» — и это успокоило ее и придало решимости. Он не собирается как-нибудь дурно воспользоваться ее согласием.

— Но я здесь с подругой,— сказала она неуверенно, почти горестно: ей хотелось покататься с Клайдом вдвоем, и меньше всего на свете ей в эту минуту нужна была Грейс. И зачем только она взяла ее с собой? Грейс некрасивая, может

не понравиться Клайду, и тогда все будет испорчено.— И потом,— прибавила Роберта без всякого перехода, обуреваемая самыми противоречивыми мыслями,— пожалуй, мне лучше не садиться. Может быть, это опасно?

— Ну нет, пожалуй вам лучше сесть! — засмеялся Клайд, видя, что она уступает.— Это ни капельки не опасно,— с жаром прибавил он. Затем, подведя байдарку к берегу, возвышавшемуся на целый фут над водой, и ухватившись за корень дерева, сказал: — Право же, вам нечего бояться. Зовите свою подругу, если хотите, и я покатаю вас обеих. Места хватит и для троих, а там всюду водяных лилий сколько угодно.

Он кивком указал на восточный берег озера.

Роберта больше не в силах была противиться; она ухватилась за свисающую над водой ветку, чтобы легче было спуститься, и громко позвала:

— Грейс, Грейс, где ты?

Она наконец решила, что лучше взять с собой подругу.

Издали послышался голос:

— Да-а! В чем дело?

— Иди сюда. Иди скорей, мне нужно тебе кое-что сказать.

— Нет, лучше ты иди сюда. Здесь просто изумительные маргаритки.

— Нет, ты иди сюда. Нас хотят покатать на лодке.

Она хотела крикнуть это громко, но почему-то голос ей изменил, и Грейс продолжала собирать цветы. Роберта нахмурилась. Она не знала, что делать. И вдруг решилась:

— Ну, ладно, тогда мы подплывем туда, к ней,— хорошо?

И Клайд воскликнул в восторге:

— Вот и прекрасно! Конечно, подплывем. Идите сюда. Мы сперва нарвем тут лилий, а потом, если она не придет, подъедем к ней. Шагайте прямо на середину, тогда байдарка не качнется.

Он смотрел на нее снизу вверх, и Роберта тревожным и вместе ласковым взглядом встретила его взгляд. Ей казалось, что радость окутала ее всю розовым туманом.

Она уже совсем приготовилась было шагнуть в байдарку.

— А это не опасно? — опять спросила она.

— Нет, конечно,— убеждал Клайд.— Я удержу байдарку, а вы хватайтесь покрепче за ветку и шагайте.

Она прыгнула, и байдарка, которую Клайд удерживал на месте, едва заметно накренилась; Роберта слегка вскрикнула и упала на мягкую скамейку. Она показалась Клайду совсем девочкой.

— Ну вот, все хорошо,— успокаивал он ее.— Теперь сядьте как раз посредине. Байдарка не перевернется... Вот забавно — я все еще не могу опомниться... Ведь я как раз перед этим думал о вас. Думал, что вам, наверно, понравилось бы здесь, на озере. И вдруг вы здесь, и мы с вами встретились, и все вышло совсем просто,— вот так!

И он прищелкнул пальцами, показывая, как просто это вышло.

А Роберта, обрадованная и немного испуганная его признанием, сказала смущенно:

— Это правда?

Она вспомнила, что и сама думала о нем.

— Да, и больше того,— продолжал Клайд.— Я весь день думал о вас. Правда, правда! Мне очень хотелось встретить вас сегодня утром и привезти сюда.

— Ну, что вы, мистер Грифитс! Не надо так говорить,— умоляюще сказала Роберта, опасаясь, что эта неожиданная встреча может слишком быстро сблизить их.

Разговор становился чересчур интимным, и это ей не нравилось: она боялась и Клайда, и самой себя; теперь она старалась смотреть на него холодно или, по крайней мере, равнодушно, но это была не слишком успешная попытка.

— Все равно это правда,— настаивал Клайд.

— А тут в самом деле очень красиво,— сказала Роберта.— Мы с подругой были здесь уже несколько раз.

— Вот как! — Клайд опять пришел в восторг. Она так чудесно улыбалась! Он стал рассказывать о том, как ему нравится здесь и как он учился плавать и грести.— И подумать только! Поворачиваю сюда байдарку и вдруг вижу: вы стоите и смотрите на лилии. Правда, странно? Я чуть не свалился в воду. Вы стояли там, на берегу, такая хорошенькая,— я никогда еще не видел вас такой!

— Ну, что вы, мистер Грифитс! — снова попыталась остановить его Роберта.— Не надо так говорить. Видно, вы ужасный льстец,— начинаете сразу говорить такие вещи!

Клайд снова покорно взглянул на нее, а она улыбнулась ему и подумала, что он никогда еще не был так красив. Но что бы он сказал, мелькнула у нее мысль, если бы она призналась ему, что как раз перед тем, как он появился на своей байдарке из-за этого мыса, она тоже думала о нем и хотела, чтобы он был здесь с нею вместо Грейс. И в своих мечтах она видела, как они сидят рядом, разговаривают, может быть даже держась за руки. В своих мечтах она даже позволяла ему обнять себя за

талию. Конечно, многие люди сказали бы, что это ужасно. И он никогда не узнает об этом, никогда. Это слишком большая интимность, это бесстыдство. А все-таки она мечтала об этом. Но что подумали бы в Ликурге, если бы увидели, как Клайд катает ее по озеру? Он — заведующий отделением, ее начальник, а она — простая работница. Что об этом скажут! Может даже подняться скандал! Но ведь Грейс Марр скоро будет с ними. Конечно, Роберта ей все объяснит. Он плыл мимо, узнал ее и помог ей нарвать цветов. Что тут такого? Правда же, почти невозможно было не согласиться.

Клайд направил байдарку так, что они плыли теперь среди водяных лилий. Отложив в сторону весло, он рвал цветы с длинными влажными стеблями и бросал к ее ногам. Она полулежала, откинувшись на сиденье, опустив одну руку в воду, как делали другие девушки. На время она успокоилась и любовалась Клайдом — его лицом, руками; растрепавшиеся волосы падали ему на глаза. Какой он красивый!

ГЛАВА XVI

Все следующие дни и Клайд и Роберта были под впечатлением этой прогулки и не переставали думать о том, как романтично свел их счастливый случай; однако оба понимали, что им не следует быть знакомыми ближе, чем полагается начальнику и подчиненной.

Тогда, на озере, они поболтали несколько минут,— Клайд говорил о том, как красивы лилии и как ему приятно собирать их для нее,— потом взяли в байдарку Грейс и возвратились к пристани.

И, оказавшись на берегу, оба снова растерялись: они не знали, как быть дальше. Возвращаться в Ликург вместе? Роберта понимала, что это будет неосторожно: еще пойдут всякие толки. И Клайд, со своей стороны, думал о Гилберте и о других знакомых по Ликургу. Могут выйти неприятности. Что скажет Гилберт, если это дойдет до него? Поэтому и Роберта, и Клайд, и даже Грейс сомневались, благоразумно ли возвращаться вместе. Грейс беспокоилась за свою репутацию и вдобавок была обижена тем, что Клайд нисколько не интересовался ею. И Роберта, заметив настроение подруги, спросила:

— Как нам быть, по-твоему? Может, извинимся и попрощаемся?

Она старалась сообразить, как бы выйти из затруднитель-

ного положения, не оскорбив Клайда. Сама она была точно околдованная,— не будь здесь Грейс, она бы поехала с ним. Но с Грейс, которая к тому же так нервничает, это невозможно. Надо придумать какое-то извинение.

И Клайд тоже думал, как ему поступить: поехать ли с девушками, рискуя, что кто-нибудь из знакомых увидит его и сообщит об этом Гилберту, или под каким-нибудь предлогом расстаться с ними. Однако он не мог ничего придумать и уже готов был вести их к трамваю, как вдруг их окликнул Шерлок, молодой электромонтер, живший в доме Ньютонов. Он как раз собирался обратно в город вместе с приятелем, у которого был маленький автомобиль.

— Вот так встреча! — воскликнул он.— Как поживаете, мисс Олден! Здравствуйте, мисс Марр. Если вы собираетесь домой, мы можем вас подвезти.

Не только Роберта, но и Клайд слышал это приглашение. И Роберта сейчас же сказала, что уже поздно, а они с Грейс должны быть сегодня в церкви вместе с Ньютонами, поэтому им было бы удобнее вернуться на машине. Роберта, впрочем, надеялась, что Шерлок пригласит и Клайда и что Клайд согласится. Шерлок действительно предложил Клайду ехать с ними, но Клайд решительно отказался. Он объяснил, что хочет побыть здесь еще немного. И Роберта простилась с ним, бросив ему взгляд, ясно говоривший, как она благодарна и счастлива. Они так приятно провели время! А Клайд, несмотря на все свои сомнения и угрызения совести, подумал: как грустно, что он и Роберта не могли остаться здесь дольше. И сразу после их отъезда он один вернулся домой.

На следующее утро он с особенным нетерпением ждал встречи с Робертой. Во время работы, на глазах у всех, он не мог проявить свои чувства, но все же по беглой восхищенной улыбке, которая играла на его лице и вспыхивала во взгляде, Роберта поняла, что он настроен так же восторженно, как и накануне. И хотя она чувствовала, что надвигается какой-то серьезный перелом в их отношениях, и понимала, как необходимо (хоть это и очень неприятно) хранить все в тайне,— она, в свою очередь, не могла не ответить ему нежным и покорным взглядом. Подумать только, что он увлекся ею! Как странно и как тревожно!

Клайд тотчас решил, что его ухаживание принимают благосклонно и надо воспользоваться первым же удобным случаем, чтобы заговорить с Робертой. Выбрав минуту, когда ее соседки отошли, он подошел к ней и, взяв в руки один из воротничков,

которые она штемпелевала, сказал с таким видом, словно речь шла о ее работе:

— Вчера мне было ужасно жаль, что нам пришлось так быстро расстаться! Я очень хотел бы сегодня опять поехать с вами на озеро, вместо того чтобы сидеть здесь. А вы?

Роберта повернулась к нему, сознавая, что настала минута, когда нужно решить, будет ли она поощрять его ухаживание. В то же время она почувствовала, что не может оттолкнуть его, чем бы это ей ни грозило. Какие у него глаза! А волосы! А руки! И вместо того чтобы ответить ему холодно или укоризненно, она только подняла на него беспомощные и ласковые глаза, полные такой растерянности и покорности, что Клайд понял: она так же не в силах бороться с влечением к нему, как и он с влечением к ней. Он тут же решил, как только будет удобно, заговорить с нею о том, где бы им встретиться без свидетелей; ясно, что ей, как и ему, не хочется, чтобы их видели... Сегодня отчетливее, чем когда-либо раньше, он понимал, что вступает на опасный путь.

Он начал делать ошибки в подсчетах, чувствуя, что вблизи Роберты не в состоянии сосредоточиться на работе. Она слишком очаровательна, слишком влечет его к себе — такая живая, веселая, милая... Если бы ему добиться ее любви, он стал бы счастливейшим человеком на свете. Да, но это правило, о котором говорил Гилберт... Только накануне, на озере, Клайд пришел к выводу, что в его положении на фабрике нет ничего хорошего. Но теперь, когда есть надежда на сближение с Робертой, гораздо приятнее остаться. Разве он не может еще хотя бы некоторое время сносить равнодушие Грифитсов? А там,— как знать! — может быть, они все-таки заинтересуются им и сочтут возможным ввести его в свое общество, если только он ничем перед ними не провинится. Однако сейчас его мучит искушение сделать как раз то, что запрещено. Но что значит этот запрет, которым связал его Гилберт? Если б только сговориться с ней,— может быть, они могли бы встречаться тайно, чтобы избежать пересудов.

И Клайд, сидя за своей конторкой или расхаживая по штамповочной, обдумывал, как поступить. Даже здесь, на работе, он был занят почти исключительно Робертой и не мог думать ни о чем другом. Он решил предложить ей встретиться в маленьком парке на берегу реки Могаук — это было место загородных прогулок к западу от Ликурга. Но за весь день ему не удалось с ней поговорить. Во время перерыва он спустился в столовую, торопливо позавтракал и вернулся пораньше в наде-

жде, что сумеет шепнуть ей о своем желании встретиться. Но она была окружена девушками, и он не мог сказать ей ни слова.

В конце дня, выходя с фабрики, он подумал, что хорошо бы встретить ее одну на улице,— тогда он мог бы подойти к ней и заговорить. Он знал, что и ей хочется этого, хотя бы она и стала уверять его в противном. Нужно сделать так, чтобы и ей, как всем, эта встреча показалась совершенно случайной и, значит, невинной. Но когда после гудка Роберта вышла на улицу, ее провожала другая девушка, и Клайду пришлось выдумывать что-то еще.

В тот же вечер, вместо того чтобы скучать в доме миссис Пейтон или пойти в кино, как он теперь часто делал, или одиноко бродить по улицам, стараясь побороть свою тоску и тревогу, он решил поискать дом на Тэйлор-стрит, где жила Роберта. Дом этот оказался не слишком приятным, далеко не таким симпатичным, как дом миссис Каппи или тот, где Клайд жил теперь. Это было побуревшее от старости здание, и все здесь по соседству было старым и косным и уж слишком бесцветным. Однако, несмотря на ранний час, в окнах тут и там уже виднелся свет,— и это придавало дому уютный и приветливый вид. И несколько деревьев перед домом понравились Клайду. Что делает сейчас Роберта? Почему она не подождала его около фабрики? Почему не чувствует, что он здесь, и не выходит к нему? Вот если бы как-то дать ей почувствовать, что он здесь, и заставить ее выйти на улицу... Но Роберта не показывалась. Из дому вышел только Шерлок и быстро пошел в сторону Сентрал-авеню. А потом еще и еще люди выходили из соседних домов и скрывались в том же направлении. Клайд поспешно отошел подальше от дома Роберты, чтобы не обратить на себя внимание. Он то и дело вздыхал: вечер был так хорош... Около половины десятого взошла полная луна и повисла над дымовыми трубами, тяжелая и желтая. Он был так одинок!

В десять часов свет луны стал слишком ярок, а Роберта все не появлялась, и Клайд решил уйти. Было бы неблагоразумно оставаться здесь дольше. Однако в такой прекрасный вечер ему противно было думать о возвращении домой, и он стал расхаживать взад и вперед по Уикиги-авеню, глядя на красивые дома, среди которых был и дом его дяди Сэмюэла. Все обитатели этих домов выехали на дачи. В окнах нигде ни огонька. А Сондра Финчли, Бертина Крэнстон и вся эта компания — что они делают в такой вечер? Где танцуют? Куда спешат?

С кем флиртуют? Как тяжко быть бедняком, без денег, без положения в обществе и не иметь возможности жить так, как хочешь.

На следующее утро, более нетерпеливый чем когда-либо, он вышел из дому без четверти семь: ему хотелось поскорее снова встретить Роберту, попытаться с ней заговорить. По Сентрал-авеню в сторону фабричного района двигался поток рабочих — и, конечно, Роберта в самом начале восьмого присоединится к этой толпе. Но по пути на фабрику Клайд ее не встретил. Проглотив чашку кофе в ресторанчике неподалеку от почты, он прошел по всей Сентрал-авеню в сторону фабрики, постоял у табачной лавочки, надеясь увидеть Роберту одну,— и был вознагражден лишь тем, что увидел ее опять с Грейс Марр. Что за нелепый, сумасшедший мир! — подумал Клайд.— Как трудно в этом несчастном городишке встретиться с кем-нибудь наедине! Чуть ли не все здесь знают друг друга. Но ведь Роберта должна понимать, что он ищет случая поговорить с ней. Неужели она не могла пойти на фабрику одна? Он достаточно выразительно смотрел на нее вчера. И все же она идет с Грейс Марр и, по-видимому, довольна. Что же это значит?

На фабрику он пришел в самом мрачном настроении. Но вид Роберты, садившейся на свое место, ее приветливое: «Доброе утро!» — и ее веселая улыбка утешили его, и он почувствовал, что еще не все потеряно.

К трем часам дня всех охватила сонливость: утомляли летний зной, непрерывная однообразная работа, слепил отблеск солнечных лучей,— их отражала текущая под самыми окнами река.

Тук-тук-тук — металлические печатки одновременно опускались на десятки воротничков. Этот звук, обычно едва различимый в жужжании и гуле швейных машин за барьером, сегодня слышался еще слабее, чем всегда. Кто-то из штамповщиц затянул песню — Руза Никофорич, Ода Петканас, Марта Бордалу, Анжелина Питти и Лена Шликт подхватили. Роберта, все время чувствуя на себе взгляд Клайда и понимая его настроение, спрашивала себя, скоро ли он подойдет и заговорит с нею. Ей очень этого хотелось, и, вспоминая слова, которые он шепнул ей накануне, она была уверена, что он недолго сумеет противиться желанию подойти к ней. Она прочла это во взгляде, каким он смотрел на нее вчера. Однако тут столько препятствий... Она знала, что ему нелегко придумать способ сказать ей хоть слово. Но минутами она радовалась, чувствуя себя в безопасности среди девушек.

Занятая этими мыслями, она в то же время, как и все остальные работницы, продолжала быстро штемпелевать лежавшие перед ней воротнички — и вдруг заметила, что проштемпелевала номером «16» пачку воротничков меньшего размера. Она с огорчением посмотрела на испорченную пачку и решила, что остается только одно: отложить ее в сторону и ждать замечания от кого-нибудь из начальства, может быть, от Клайда... или можно сейчас же отнести бракованные воротнички прямо к нему — это, пожалуй, лучше всего: тогда никто из мастеров не увидит их до Клайда. Так делали все девушки, когда ошибались. И все опытные работницы должны были сами следить за подобными ошибками.

Но сейчас, как ни хотелось ей пойти к нему, она не решалась: это даст ему желанную возможность заговорить с нею, а самое страшное, что и для нее это желанная возможность. Она колебалась: с одной стороны, долг перед Клайдом как заведующим, с другой — верность прежним правилам поведения, столь противоположным этому новому властному стремлению к Клайду и подавленному желанию услышать, что он ей скажет... Наконец она взяла испорченную пачку воротничков и положила к нему на конторку. Руки ее дрожали, лицо побледнело, она задыхалась. А Клайд в это время тщетно пытался подсчитать по талонам выработку штамповщиц: мысли его были далеки от этих подсчетов. Потом он поднял голову. Перед ним, наклонившись, стояла Роберта. Нервы его натянулись, горло и губы пересохли: вот удобный случай, о котором он мечтал. Он видел, что Роберта едва не задыхается от волнения: она понимала, что поступает слишком смело и сама себя обманывает.

— Там, наверху, ошиблись с этой пачкой,— начала она, путаясь в словах,— а я не заметила, пока почти все не проштемпелевала. Это размер пятнадцать с половиной, а я почти на всех воротничках поставила шестнадцать. Простите меня, пожалуйста.

Клайд заметил, что она пытается улыбнуться и казаться спокойной, но щеки ее совсем побелели, а рука, державшая воротнички, дрожала. Он сразу понял, что, хотя она пришла к нему с этой ошибкой как добросовестная работница, знающая фабричные порядки, все же здесь кроется нечто большее. Слабая, испуганная и все же движимая любовью, она давала ему случай, которого он искал, и хотела, чтобы он этим воспользовался. И Клайд, в первую минуту смущенный и взволнованный ее внезапным появлением, тут же приободрился и осмелел чуть не до дерзости: он никогда еще не был так реши-

телен по отношению к ней. Ее влечет к нему, это ясно. Он ей нравится, и она достаточно умна, чтобы дать ему возможность с ней поговорить. Замечательно! Как мила эта смелость!

— Ну, это ничего,— сказал Клайд, притворяясь спокойным и уверенным, хотя даже сейчас робел перед нею.— Я отправлю их вниз, в прачечную, а потом посмотрим, нельзя ли будет поставить новый штамп. Это ведь, в сущности, не наша вина.

Он ласково улыбнулся ей, и она, готовясь уже отойти, ответила ему сдержанной улыбкой, опасаясь, не слишком ли ясно показала, что привело ее сюда.

— Нет, не уходите,— прибавил он быстро.— Я хочу вас кое о чем спросить. Я с воскресенья ищу случая поговорить с вами. Нам надо где-нибудь встретиться, хорошо? Правда, по здешним правилам заведующий не должен иметь ничего общего с работницей своего отделения — я хочу сказать, за пределами фабрики. Но мне все-таки хочется с вами встретиться, хорошо? Знаете,— и он улыбнулся ей нежно и вкрадчиво,— с тех пор как вы здесь работаете, я прямо без ума от вас, а после воскресенья стало еще хуже. И я не хочу, чтобы между нами стало какое-то глупое правило. А вы?

— Право, не знаю...— ответила Роберта; теперь, когда все вышло, как она хотела, она была в ужасе от своей смелости. Она тревожно оглядывалась, и ей казалось, что глаза всех, кто есть в штамповочной, следят за нею.— Я живу у мистера и миссис Ньютон — это сестра и зять моей подруги, и они очень строгие. Другое дело, если бы...— Она хотела прибавить: «Если бы я была дома»,— но Клайд прервал ее:

— Только, пожалуйста, не отказывайтесь! Пожалуйста! Мне необходимо с вами поговорить! Я не хочу причинять вам никаких неприятностей, иначе я с радостью пришел бы к вам домой.

— Нет, нет, это невозможно,— предостерегла Роберта.— Во всяком случае, пока нельзя.

В своем смущении она бессознательно дала Клайду понять, что когда-нибудь позже хотела бы принять его у себя.

— Ну хорошо,— улыбнулся Клайд, видя, что она отчасти уступает.— Тогда просто пройдемся, хотя бы по вашей улице, если хотите, в конце ее, там почти нет домов. Или давайте погуляем в маленьком парке, что на берегу Могаука, знаете? Приезжайте туда, я встречу вас у остановки. Согласны?

— Но я боюсь... я боюсь ехать так далеко. Я никогда ничего такого не делала.— Она посмотрела на Клайда открытым, невинным взглядом. Он был в восторге: она такая милая, и у

них будет свидание! — Знаете,— продолжала Роберта,— я просто боюсь ездить куда-нибудь одна. Здесь так любят сплетничать. Кто-нибудь, конечно, меня увидит. Но...

— Но... что?

— Боюсь, что я слишком долго стою здесь около вас. Как по-вашему?

Она чуть не задохнулась, сказав это. И Клайд, поняв, как откровенны ее слова, хотя в них, в сущности, не было ничего необычного, сказал быстро и настойчиво:

— Ну, тогда давайте встретимся в конце той улицы, где вы живете. Выходите сегодня вечером на несколько минут,— скажем, на полчаса, хорошо?

— Нет, сегодня я не могу... Не так быстро. Я должна сперва посмотреть... устроить... Как-нибудь в другой раз...— Взволнованная и смущенная этим необычайным событием в ее жизни, она, как иногда бывало и с Клайдом, то улыбалась, то хмурилась, сама того не замечая.

— Тогда, может быть, в среду вечером, в половине девятого или в девять? Вы придете? Ну пожалуйста!

Роберта тревожно обдумывала, что ответить. В эту минуту она бесконечно нравилась Клайду: она оглядывалась, видимо, сознавая, что на нее смотрят и что она стоит около него слишком долго для первого разговора.

— Мне пора вернуться на место,— сказала она, не отвечая на его вопрос.

— Еще минутку,— просил Клайд.— Мы с вами не сговорились, в котором часу в среду. Ведь вы придете? Выходите в девять или в половине девятого,— словом, когда хотите. Я буду ждать начиная с восьми. Придете?

— Ну хорошо. Скажем, в половине девятого или между половиной девятого и девятью, если я смогу. Хорошо? Если смогу, я приду. А если что-нибудь случится, я скажу вам с утра.

Она покраснела и опять оглянулась смущенно и тревожно, потом быстро направилась к своему месту; она вся дрожала с головы до ног и выглядела такой виноватой, словно ее уличили в страшном преступлении. А Клайд за своей конторкой едва не задохнулся от волнения. Не чудо ли, что он так говорил с ней и что она согласилась? Она решилась на свидание с ним здесь, в Ликурге, где его все хорошо знают! Потрясающе!

А Роберта думала, как чудесно будет погулять и поговорить с ним при свете луны, ощущать пожатие его руки и слушать его нежный, ласкающий голос.

ГЛАВА XVII

Было совсем темно, когда Роберта в среду вечером украдкой выскользнула из дому, чтобы встретиться с Клайдом. Но перед этим сколько сомнений и борьбы с самой собою! Ей не только трудно было преодолеть собственные внутренние колебания,— вызывала немало тревог и душная, пошлая и ханжеская атмосфера, окружавшая ее в доме Ньютонов. С тех пор как она приехала сюда, она никуда не выходила без Грейс Марр. А тут еще в эту среду,— Роберта совсем забыла об этом, разговаривая с Клайдом,— она условилась отправиться вместе с Ньютонами и Грейс в баптистскую церковь, где должна была состояться проповедь, а затем вечер для прихожан с разными играми, чаем, пирожными и мороженым.

И она не знала, как быть, как ей освободиться в этот вечер, но потом вспомнила, что дня за два перед тем Лигет, заметив, как хорошо и быстро она работает, предложил ей поучиться шить у миссис Брейли, в соседнем со штамповочной швейном цехе. Теперь, когда приглашение Клайда совпало с собранием в церкви, Роберта решила сказать Ньютонам, что в этот вечер она должна явиться на дом к миссис Брейли. Она скажет это в среду вечером, перед обедом. Таким образом, она сможет встретиться с Клайдом. И успеет вернуться домой до возвращения Ньютонов и Грейс. Так сладко будет слушать его... снова услышать, как тогда, в лодке, что она показалась ему самой красивой девушкой на свете, когда стояла на берегу и смотрела на водяные лилии. Много, много мыслей — смутных, пугающих, ярких — осаждало ее: как и куда они пойдут и как потом станут встречаться, если она сумеет сделать так, чтобы они стали друзьями и чтобы это не повредило ни ей, ни ему. Если будет нужно, она уйдет с фабрики и поищет какое-нибудь другое место,— таким образом, с Клайда будет снята всякая ответственность за нее.

Еще одно волновало ее: как одеться? Роберта видела, что в Ликурге многие работницы одеваются лучше, чем в Бильце и Трипетс-Милс. Но она значительную часть своего заработка посылала матери,— если бы не это, она тоже могла бы прекрасно одеться. Теперь, когда Клайд завладел всеми ее мыслями, она забеспокоилась о своей внешности; вечером, после того как они условились о встрече, она пересмотрела весь свой скромный гардероб и выбрала синюю шляпку, которую Клайд еще ни разу не видел, платье из дешевого сукна в белую и синюю клетку и

белые парусиновые туфли, купленные прошлым летом в Бильце. Она решила дождаться, пока Ньютоны и Грейс уйдут в церковь, а затем быстро переодеться и выйти.

В половине девятого, когда наконец совсем стемнело, она пошла по направлению к Сентрал-авеню, а оттуда кружным путем вернулась на условленное место в конце Тэйлор-стрит. Клайд был уже там. Он стоял, прислонясь к старому деревянному забору, окружавшему пятиакровое кукурузное поле, и смотрел на городок, огни которого светились сквозь листву деревьев. Воздух был насыщен пряными ароматами трав и цветов. Легкий ветерок шелестел в высоких стеблях кукурузы позади Клайда, в листве деревьев над его головой. А далеко в вышине сверкали звезды — Большая и Малая Медведица и Млечный Путь: созвездия, которые когда-то ему показывала мать.

И Клайд думал о том, как изменилось его положение здесь по сравнению с Канзас-Сити. Там он робел перед Гортензией Бригс, да и перед любой другой девушкой, боялся им слово сказать. А здесь, особенно с тех пор как его назначили заведующим штамповочной, он убедился, что не так уж неинтересен, как ему казалось раньше. Девушки на него заглядываются, и он теперь уже не так боится их. Глаза Роберты сказали ему, как сильно он ей нравится. Вот и у него есть подруга. Когда она придет, он обнимет ее и поцелует. И она не сможет сопротивляться.

Он стоял, прислушивался, мечтал и смотрел вдаль; шорох кукурузы за его спиной будил в нем какое-то воспоминание. И вдруг он увидел Роберту. Нарядная, оживленная и тем не менее встревоженная, она остановилась в конце улицы, озираясь, как пугливый, осторожный зверек. Клайд тотчас поспешил к ней навстречу и тихонько окликнул ее:

— Привет! Как мило, что вы пришли! Трудно было выбраться? (Он подумал, что она гораздо лучше Гортензии Бригс или Риты Дикермен: одна была такая расчетливая, а другая — чувственная и неразборчивая.)

— Еще бы не трудно!

И она стала подробно и красочно рассказывать о том, как неловко вышло с Ньютонами: она совсем забыла о своем обещании пойти с ними в церковь, а тут еще и Грейс заявила, что не пойдет без нее. И ей пришлось солгать, ужасно солгать: будто она идет к миссис Брейли учиться шить. Клайд ничего не знал о предложении Лигета и сразу же стал расспрашивать Роберту: у него явилась мысль, не хочет ли Лигет перевести ее от него. Он не дал ей вернуться к рассказу о Ньютонах, пока не выслу-

шал всех подробностей насчет Лигета, и Роберте было очень приятно, что он так живо этим заинтересовался.

— Но, знаете, я ведь пришла ненадолго,— быстро и ласково сказала она при первом удобном случае, когда Клайд, сжимая ее руку, повернул к реке, совсем безлюдной в этих местах.— Собрания в баптистской церкви почти всегда кончаются к половине одиннадцатого, и я должна быть дома раньше Ньютонов и Грейс.

Она привела множество доводов, объясняя, почему ей нельзя задерживаться позже десяти часов, и Клайд, хотя и раздосадованный, не мог не согласиться, что она рассуждает благоразумно. Сначала он надеялся удержать ее дольше. Но, видя, что времени у него мало, он старался теперь скорее добиться большей близости; он стал расхваливать ее шляпу, жакет — они ей так к лицу! И тут же попытался обнять ее за талию, но Роберта, считая, что он слишком спешит, отвела его руку, вернее, пыталась отвести, ласково убеждая:

— Ну не надо! Это нехорошо! Разве вам недостаточно вести меня под руку? Или давайте я возьму вас под руку.

Высвободившись из его объятий, она сразу крепко взяла его под руку и прижалась к его плечу, стараясь идти с ним в ногу. И Клайд подумал, как просто и естественно держится она теперь, когда лед между ними сломан.

А как она щебетала! Ей нравится Ликург, но только она никогда еще не жила в таком строгом и набожном городе — тут в этом смысле даже хуже, чем в Бильце или Трипетс-Милс... И она стала рассказывать о Бильце и Трипетс-Милс, говорила и о своем доме, но мало: об этом ей не хотелось рассказывать. И снова — о Ньютонах и Грейс Марр, о том, как они следят за каждым ее шагом.

А Клайд слушал и думал, что она совсем не похожа на Гортензию Бригс или Риту, да и ни на одну из девушек, которых он встречал: она гораздо проще и доверчивее, ей совершенно не свойственны ни распущенность Риты, ни тщеславие, резкость и самомнение Гортензии, но она такая же красивая и при этом гораздо симпатичнее. А как мило она выглядела бы, если бы была лучше одета... Что бы она подумала, если бы узнала, как он вел себя с Гортензией,— тогда все было по-другому, совсем по-другому...

— Знаете,— сказал Клайд, когда Роберта на мгновенье замолчала,— мне хотелось заговорить с вами с самого начала, как только вы стали работать на фабрике. Но вы сами видите, тут все вечно следят друг за другом. Это возмутительно! Мне

заявили, когда я получил это место, что я не должен заводить знакомство ни с одной девушкой на фабрике, и я старался соблюдать это правило. Но теперь я просто не могу сладить с собой.— Он крепко сжал ее руку, потом вдруг остановился и обнял ее.— Знаете, Роберта, я от вас без ума. Правда! Вы самая милая, самая очаровательная девушка на свете. Послушайте, вы не сердитесь, что я так говорю? С тех пор как я увидел вас, я почти потерял сон. Честное слово, правда! Я все думаю и думаю о вас. У вас такие дивные глаза и волосы! Вы сегодня ужасно красивая! Ах, Роберта!

И он вдруг привлек ее к себе и поцеловал, прежде чем она успела уклониться. Он продолжал держать ее в объятиях, а она, хотя это было и очень трудно, сопротивлялась, чувствуя, что ей хочется самой обнять его и прижаться к нему еще крепче,— это поразило и испугало ее. Какой ужас! Что подумают, что скажут люди, если узнают? Конечно, она дурная девушка, но ей хочется быть с ним вот так — совсем рядом... никогда еще ей так этого не хотелось.

— Не надо, мистер Грифитс,— умоляла она.— Правда, не надо! Ну пожалуйста! Нас могут увидеть. Кажется, кто-то идет.

Она оглянулась, видимо, очень испуганная, но Клайд только рассмеялся. Он был в восторге: наконец-то жизнь порадовала его таким восхитительным подарком!

— Я никогда в жизни не делала ничего подобного,— продолжала она.— Честное слово! Пустите меня. Это только потому, что вы сказали...

Но Клайд, не отвечая, крепко прижал ее к себе; его бледное лицо и темные жадные глаза были совсем близко от ее лица. Он целовал ее снова и снова, несмотря на ее протесты; ее маленький рот, подбородок, щеки были так прелестны, что невозможно было устоять, и он, слишком взволнованный, чтобы говорить более мужественным тоном, шептал умоляюще:

— Роберта, дорогая, ради бога, ну скажите, что вы меня любите! Скажите! Я знаю, что любите, Роберта! Я знаю! Я с ума схожу по вас! Скажите! У нас так мало времени!

И он снова целовал ее щеки и губы. И вдруг почувствовал, что она слабеет. Она стояла безвольная и покорная в его объятиях; он смутно понял, что с ней творится что-то странное. Внезапно по лицу ее потекли слезы; ее голова упала ему на плечо, и он услышал шепот:

— Да, да, да, я люблю вас! Да, люблю, люблю!

В ее голосе послышалось рыдание, то ли от горя, то ли от блаженства, и Клайд это услышал. Он был так тронут ее

искренностью и простотой, что и у него на глазах выступили слезы.

— Роберта, дорогая, все будет хорошо. Не надо плакать. Вы такая милая. Правда, правда, Роберта!

Он поднял глаза и увидел на востоке, над низкими крышами домов, тоненький светящийся краешек восходящей июльской луны. И в это мгновение ему показалось, что жизнь дала ему все — все, чего только можно пожелать.

ГЛАВА XVIII

Это свидание, как поняли и Клайд и Роберта, было только прелюдией к новым бесчисленным встречам и радостям, которые ждали их впереди. Они обрели любовь. Они были восхитительно счастливы, несмотря на все затруднения и препоны. Но как быть дальше, как найти способ видеться чаще? Уже само по себе положение Роберты в доме Ньютонов было серьезной помехой в ее отношениях с Клайдом, и особо приходилось задуматься над тем, как быть с Грейс Марр. Грейс была еще больше скована, чем Роберта, и своей внешней непривлекательностью и, главное, мещанскими предрассудками и строгими правилами сектантски-религиозного воспитания. Однако и она хотела повеселиться и почувствовать себя свободной. Роберта, веселая и подчас даже дерзкая, в сущности, была скована теми же условностями, что и Грейс, но Грейс воображала, будто ее подруга несравненно более свободна. Поэтому она очень льнула к Роберте, которую это несколько утомляло. Грейс воображала, что они с Робертой могут обмениваться признаниями, шутками, мыслями обо всем, что касается любви, могут безбоязненно поверять друг другу свои мечты. Это было единственным развлечением в ее довольно безрадостной жизни.

Но Роберте, даже до того как в ее жизнь вошел Клайд, совсем не нравилась эта навязчивость. Ей это надоедало. А затем она почувствовала, что не может говорить с Грейс о Клайде,— и не только потому, что Грейс, конечно, будет возмущаться и ревновать, но и потому, что Роберта не решалась даже наедине с собой разбираться в тех неожиданных мятежных чувствах, которые теперь ею завладели. Встретив и сразу полюбив Клайда, она боялась и думать, до чего она дойдет в своем отношении к нему. Ведь подобная близость между богатыми и бедными здесь под запретом. И она вовсе не желала говорить о Клайде с Грейс.

И когда в понедельник вечером, на другой день после поездки на озеро, Грейс весело и фамильярно спросила Роберту о Клайде, Роберта мгновенно решила притвориться, что она вовсе не так уж им интересуется, как Грейс, может быть, думает. Поэтому она сказала только, что он был очень любезен и спрашивал о Грейс,— услышав это, Грейс недоверчиво покосилась на подругу. Правду ли она говорит?

— Он был так мил, что я подумала, не влюблен ли он в тебя.

— Вот глупости,— слукавила Роберта, немного встревоженная.— Да он и не смотрит на меня никогда. И потом, на фабрике такое правило, что ему нельзя познакомиться со мной ближе, пока я там работаю.

Это лучше всего успокоило подозрения Грейс: по самому складу своего ума она не представляла себе, как можно нарушить правила, установленные владельцами фабрики. Но Роберта, опасаясь, как бы ее имя в сознании Грейс не осталось связанным с именем Клайда, решила быть вдвойне осторожной и притворяться, будто она глубоко равнодушна к нему.

Затем возникли новые трудности, новые огорчения, тревоги и страхи, не имевшие ничего общего с прежними. После того как они с Клайдом объяснились и окончательно поняли, что любят друг друга, Роберта все же не видела возможности встречаться с ним иначе, как тайком, очень редко и настолько случайно, что она никогда не могла наверняка назначить день следующей встречи.

— Понимаете,— объясняла она Клайду через несколько дней (ей удалось вечером ускользнуть на час из дому, и теперь они вышли по Тэйлор-стрит к реке; перед ними открывался низкий берег и расстилались поля),— Ньютоны никуда не ходят, не пригласив меня с собой. И даже если бы они сами не приглашали, Грейс никуда без меня не пойдет. Мы с нею очень долго дружили, когда жили в Трипетс-Милс, и она привыкла ко мне, как к родной. Но теперь все по-другому, и я просто не знаю, какой найти выход. Что мне сказать — куда я иду, с кем?

— Понимаю, милая,— нежно и ласково ответил Клайд.— Все это верно. Но как же нам быть? Или вы думаете, что мне достаточно видеть вас на фабрике?

Он смотрел на нее так серьезно и умоляюще, что она, растроганная, захотела утешить его и поспешно прибавила:

— Нет, я так не думаю, милый. Вы ведь знаете. Но что же делать? — Она нежно погладила его тонкую, нервную руку с

длинными пальцами.— Вот что,— прибавила она, подумав: — Моя сестра живет в Гомере, это тоже в штате Нью-Йорк, тридцать пять миль к северу отсюда. Я как-нибудь скажу, что поеду к ней в субботу после обеда или в воскресенье. Она давно писала и звала меня, но раньше я не думала ехать. А теперь я могла бы съездить... то есть... я могла бы...

— Ну конечно! — с жаром воскликнул Клайд.— Великолепно! Прекрасная мысль!

— Надо подумать,— продолжала она, не обращая внимания на его возгласы.— Если не ошибаюсь, сперва нужно доехать до Фонды, там пересадка. Отсюда я могу поехать на трамвае в любое время, а из Фонды по субботам идут только два поезда — в два часа и в семь. Значит, я могу выехать в любое время до двух, а потом, понимаете, я просто могу опоздать на двухчасовой поезд, вот и все. Тогда можно ехать семичасовым, правда? А вы будете там или встретите меня по дороге, чтобы здесь никто не видел нас вместе. В семь часов я поеду к сестре, а вы вернетесь в Ликург. С Агнессой я все устрою, я уверена. Я напишу ей.

— А до тех пор как же? — спросил он недовольным тоном.— Ведь это еще не скоро!

— Я постараюсь что-нибудь придумать, милый, но не знаю, выйдет ли. И вы тоже подумайте. А теперь я должна идти,— прибавила она беспокойно.

Она тотчас встала, заставила и Клайда подняться и посмотреть на часы; оказалось, что уже около десяти.

— Но как же нам быть? — настаивал он.— Разве вы не можете сказать Ньютонам в воскресенье, что идете в какую-нибудь другую церковь? А вместо этого встретиться где-нибудь со мной. Откуда они узнают?

Сказав это, Клайд тотчас заметил, что лицо Роберты омрачилось: он вторгался в область, которую она, верная своим убеждениям и воспитанию, пока еще считала неприкосновенной.

— Ну нет, я так не хочу,— ответила он очень серьезно.— Я чувствовала бы себя виноватой. И это в самом деле нехорошо.

Клайд сразу понял, что вступил на опасный путь, и забил отбой: он совсем не хотел ее оскорбить или испугать.

— Да, вы правы. Я подумал об этом только потому, что вы, кажется, не находите другого выхода.

— Ничего, милый,— ласково сказала Роберта, заметив, что он боится, не обиделась ли она.— Все хорошо, только мне не хотелось бы поступать так. Я не могу.

Клайд кивнул. Он ведь и сам несколько лет назад чтил всякие правила. Пожалуй, нехорошо было предлагать Роберте кривить душой.

Ничего не придумав, кроме поездки в Фонду, они повернули обратно к Тэйлор-стрит. Клайд только сказал, целуя ее на прощанье, что им надо постараться придумать, как бы увидеться поскорее. А Роберта на мгновенье порывисто охватила руками его шею — и побежала домой, и Клайд видел, как мелькала в лунном свете ее маленькая фигурка.

Но если не считать еще одного краткого свидания вечером, которое Роберте удалось устроить под предлогом второго визита к миссис Брейли, они больше не встречались до следующей субботы, когда Роберта отправилась наконец в Фонду. Клайд выехал из Ликурга немного раньше и присоединился к ней на первой же остановке. С этой минуты до самого вечера, когда ей пришлось сесть на семичасовой поезд, они пробыли вместе, несказанно счастливые, блуждая по окрестностям почти незнакомого обоим городка.

Не доезжая нескольких миль до Фонды, они увидели небольшой парк под названием «Звездный»; тут были всевозможные дешевые развлечения: подвесные аэропланы, воздушное колесо, карусель, старая мельница и площадка для танцев, а кроме того, маленькое озеро и лодки. Это было в своем роде идиллическое местечко: почти посредине озера, на островке — раковина для оркестра, а на берегу, в клетке — мрачный медведь. За время жизни в Ликурге Роберта ни разу еще не решалась побывать в каком-нибудь из здешних увеселительных мест,— все они были похожи на это, только гораздо вульгарнее. При виде «Звездного парка» оба воскликнули в один голос: «Смотрите!» И Клайд сейчас же предложил:

— Давайте сойдем здесь, хотите? Это ведь почти что Фонда. И тут нам будет веселее.

Они быстро вышли из трамвая. Сдав на хранение чемоданчик Роберты, Клайд направился прежде всего к стойке, где продавали сосиски. Потом его внимание привлекла безостановочно кружившаяся карусель: Роберта должна непременно прокатиться с ним! В самом веселом настроении они взобрались на карусель; Клайд посадил Роберту на зебру и стал рядом, одной рукой обнимая и поддерживая ее; при этом оба пытались ухватиться за медный поручень. Все это было банально, вульгарно, безвкусно — и, однако, уже просто потому, что они были наконец вдвоем и никто за ними не следил, оба пришли в полный восторг, который никак не соответствовал пустячной де-

шевой забаве. Круг за кругом неслись они на громоздкой, трескучей машине, и перед ними мелькали другие любители развлечений — катающиеся на лодках по озеру, кружащиеся над землей на аляповатых бело-зеленых подвесных аэропланах, взлетающие на качелях.

Клайд и Роберта глядели на деревья, на небо над озером. На большой площадке под взглядами зевак мечтательно и страстно кружились пары. И вдруг Клайд спросил:

— Вы танцуете, Роберта?

— Нет, не танцую,— ответила она не без грусти. В эту минуту, глядя на счастливых танцоров, она слегка завидовала им. Как жаль, что ей никогда не позволяли танцевать! Может быть, это не совсем хорошо, не совсем нравственно,— так учит церковь,— но все-таки... ведь они здесь, и так любят друг друга... и все эти пары кажутся такими веселыми и счастливыми, и так красив этот водоворот красок в своем непрерывном кружении на фоне деревьев... Все это не казалось ей таким уж плохим. Они с Клайдом молоды, почему бы им и не потанцевать? Ее младшие брат и сестра, несмотря на взгляды родителей, уже заявили, что при первом удобном случае начнут учиться танцевать.

— Вот досада! — воскликнул Клайд, представляя себе, как было бы восхитительно, танцуя, держать Роберту в объятиях.— До чего было бы весело, если б вы умели. Я научу вас в несколько минут, хотите?

— Ну не знаю, что из этого получится,— шутливо сказала она, но по ее глазам было видно, что предложение ей нравится.— Я, наверно, буду не слишком способной ученицей. Знаете, в наших краях не очень одобряют танцы. И церковь их осуждает. И мои родители тоже были бы недовольны.

— Чепуха! — беспечно и весело воскликнул Клайд.— Это вздор, Роберта. Ведь теперь все танцуют, или почти все. Как вы можете думать, что это плохо?

— Да, я знаю,— странным, несколько натянутым тоном возразила Роберта.— Может быть, в вашем кругу это так. Правда, я знаю, многие работницы тоже танцуют. Конечно, если человек богат и у него хорошее положение в обществе, тогда все можно. Но для девушки вроде меня — другое дело. И потом, я думаю, ваши родители не такие строгие, как мои.

— Вы думаете? — засмеялся Клайд, который сразу отметил ее слова о «вашем круге» и о богатом человеке с положением в обществе.— Но ведь вы ничего не знаете о моих родителях,— продолжал он,— они такие же строгие, как ваши,

наверняка даже строже. А все-таки я танцую. В этом нет ничего дурного, Роберта! Давайте я вас научу. Право же, это замечательно. Хотите, дорогая?

Он обнял ее и посмотрел ей в глаза,— и она почти сдалась, слабея от страстного влечения к нему.

Карусель остановилась, и они, не раздумывая, направились к огороженной площадке, где кружились в танце немногочисленные, но неутомимые пары. Довольно большой оркестр играл фокстроты и уанстепы. У турникета сидела хорошенькая билетерша: с каждой пары взималось десять центов за танец. Это красочное зрелище, музыка и ритмические, скользящие движения танцующих совсем заворожили обоих.

Оркестр умолк, танцующие выходили с площадки. Но не успели все они выйти, как кассирша стала продавать пятицентовые билетики на новый танец.

— Нет, я не сумею,— говорила Роберта, когда Клайд вел ее к турникету.— Боюсь, что я слишком неуклюжая. Ведь я никогда не танцевала.

— Вы неуклюжая, Роберта? — воскликнул он.— Какая чепуха! Вы такая грациозная, такая прелестная! Вот увидите, вы будете замечательно танцевать.

Он заплатил, и они вошли.

Клайда охватил порыв самоуверенности, которая на три четверти объяснялась убеждением Роберты, что он богат и принадлежит к сливкам ликургского общества. Он отвел Роберту в уголок и показал основные несложные па; такой изящной и грациозной девушке они дались без труда. Когда оркестр заиграл и Клайд привлек ее к себе, она легко попала в такт и безотчетно следовала каждому движению своего партнера. Какое это было блаженство — чувствовать себя в его объятиях, послушно скользить туда, куда он увлекал ее, ощущать, как в едином, чудесном ритме движутся их тела.

— Милая,— шепнул Клайд.— Вы великолепно танцуете! Вы уже все поняли. Нет, вы просто удивительная, даже не верится!

Они сделали второй круг, потом третий, и Роберту охватило такое блаженство, какого она еще никогда в жизни не испытывала. Подумать только — она танцует! Это так чудесно! Танцует с Клайдом! Он такой ловкий, грациозный,— красивее всех молодых людей здесь, думала она. И он, в свою очередь, думал, что никогда еще не встречал такой очаровательной девушки. Она такая веселая, милая и послушная. Она не заставит его томиться понапрасну. Ну, а что до Сондры Финчли, так ведь она

не обращает на него внимания, и он с таким же успехом может вовсе не думать о ней... Однако даже здесь, с Робертой, он не мог окончательно ее забыть.

Они танцевали до половины шестого, когда оркестр замолк, так как больше не было желающих танцевать, и на площадке вывесили объявление: «Следующий концерт в 7.30»; тогда они выпили содовой воды, поели мороженого, потом зашли в ресторан закусить, и так быстро прошло время, что оказалось, надо ближайшим же трамваем ехать в Фонду, чтобы Роберта могла попасть на вокзал до семи часов.

По пути они выработали план на завтрашний день. Роберта постарается пораньше уехать от сестры, а Клайд снова приедет из Ликурга, они встретятся в Фонде и проведут вместе весь день, до одиннадцати часов, когда приходит последний поезд из Гомера. И если в трамвае, идущем в Ликург, не окажется никого из знакомых, они смогут возвратиться вместе.

И они встретились, как было условлено. Они бродили по темным окраинам городка, болтали, строили планы, и Роберта рассказала Клайду кое-что — не очень много, впрочем — о своей жизни дома, в Бильце.

Но больше всего, если не считать их взаимной любви, объятий и поцелуев, занимал их вопрос о том, где и как встречаться впредь. Нужно было что-то придумать, и Роберта уже поняла, что придумывать придется ей — и поскорее. Хотя Клайд явно был очень нетерпелив и хотел видеть ее возможно чаще, он все же не мог ничего предложить,— по крайней мере, ничего приемлемого.

Но придумать что-нибудь реальное было нелегко, это тоже понимала Роберта. О второй поездке к сестре или к родителям в Бильц нельзя было и думать раньше, чем через месяц. А какой другой предлог она могла изобрести? Новые подруги на фабрике или почта... библиотека... «Ассоциация молодых христианок»... Все это придумал Клайд. Но все это давало Роберте свободу в лучшем случае часа на два, а Клайд мечтал о таких свиданиях, как это. И как мало уже оставалось летних суббот и воскресений!

ГЛАВА XIX

Роберта и Клайд думали, что их возвращение в Ликург и вся их совместная поездка прошли совершенно незамеченными. По дороге из Фонды в Ликург они не видели в трамвае ни одного знакомого. А когда Роберта пришла домой, Грейс была

уже в постели. Она проснулась только для того, чтобы задать Роберте несколько случайных и равнодушных вопросов о ее поездке: как поживает сестра? Пробыла ли Роберта у нее весь день, или ездила в Бильц, или в Трипетс-Милс? (Роберта ответила, что она все время провела у сестры.) Грейс сказала, что ей надо вскоре съездить в Трипетс-Милс, повидаться с родителями, и быстро уснула.

Но на следующий вечер девушки, жившие у Ньютонов, Опал Фелис и Олив Поп (утром они не выходили к завтраку, так как накануне поздно вернулись из Фонды, из тех же мест, где Роберта была в субботу), сидя за обеденным столом, встретили вошедшую Роберту веселыми и добродушными, но очень неприятными ей возгласами:

— А, вот и вы! Сразу видно, что побывали в «Звездном парке»! Как вам понравилось танцевать там, мисс Олден? Мы видели вас, а вы нас и не заметили.— И прежде чем Роберта успела придумать какой-нибудь ответ, мисс Фелис прибавила: — Мы старались поймать ваш взгляд, но вы, кажется, никого не видели, кроме вашего кавалера. Могу вас поздравить, вы шикарно танцуете.

Роберта была мало знакома с этими девушками, и к тому же ей всегда не хватало смелости и находчивости, чтобы быстро и ловко отшутиться, выпутаться из неожиданно трудного положения; она вспыхнула и минуту не могла вымолвить ни слова. Ведь она вчера сказала Грейс, что провела весь день у сестры! А Грейс сидела напротив и глядела ей прямо в лицо, приоткрыв рот, точно хотела воскликнуть: «Вот оно что! Танцы! Кавалер!» А на хозяйском месте за столом сидел Джордж Ньютон — тощий, дотошный, любопытный,— и его колючие глаза, тонкий нос и заостренный подбородок повернулись в сторону Роберты.

Но она быстро поняла, что надо что-то ответить.

— Да, я была там,— сказала она.— Я ездила туда с друзьями сестры.

Она чуть не прибавила: «Мы пробыли там недолго!» — но сдержалась. В эту минуту на помощь ей пришло упорство, унаследованное от матери. В конце концов, почему она не могла поехать в «Звездный парк», если ей захотелось? И какое право имеют Ньютоны, или Грейс, или кто-либо другой требовать у нее отчета? Она живет на свои средства и сама за себя отвечает. Но в то же время она поняла, что уличена во лжи,— и все потому, что она живет здесь, где ее постоянно обо всем расспрашивают и следят за каждым ее шагом.

— Мне кажется, этот молодой человек не из Ликурга, я его здесь не встречала,— с любопытством прибавила мисс Поп.

— Да, он не отсюда,— кратко и холодно сказала Роберта.

Она с ужасом думала, что ее уличили во лжи перед Грейс и та будет возмущена ее скрытностью и изменой их дружбе. Ей хотелось встать из-за стола и уйти, чтобы больше не возвращаться. Но она постаралась сдержать себя и твердо посмотрела в глаза обеим девушкам. Потом вызывающе взглянула на Грейс и мистера Ньютона. Если бы ее продолжали расспрашивать, она назвала бы каких-нибудь выдуманных друзей своего зятя или даже вовсе отказалась бы отвечать. С какой стати!

В тот же вечер ей пришлось убедиться, что такой отказ неизбежен. Как только они после обеда вернулись в свою комнату, Грейс сказала с упреком:

— Ты, кажется, говорила, что была все время у сестры?

— Ну и что же? — вызывающе и даже резко ответила Роберта.

Она не пыталась оправдываться, потому что знала: Грейс только делает вид, будто возмущается ее безнравственным поступком, а на самом деле она просто раздражена и обижена тем, что Роберта ускользнула без нее и, значит, пренебрегает ею.

— Ладно, больше тебе не придется лгать мне: можешь ходить без меня куда угодно и видеться с кем угодно. Я больше никуда с тобой не пойду и даже не хочу знать, куда ты ходишь и с кем. Но я не желаю, чтобы ты ставила меня в такое положение перед Джорджем и Мэри. Ты мне говоришь одно, а потом оказывается, что это все неправда и ты просто хотела сбежать от меня, а они могут подумать, что я сама лгу им. Я не хочу!

Она была очень обижена, огорчена и рассержена, и Роберта подумала, что ей ничего не остается, как уехать отсюда. Грейс прилипчива, как пиявка; у нее нет личной жизни, и она не умеет создать ее. Пока они вместе, Грейс будет требовать, чтобы Роберта посвятила себя ей, делилась с нею каждой своей мыслью, каждым чувством. Но если рассказать ей о Клайде, Грейс будет возмущена и шокирована и, несомненно, начнет упрекать и бранить ее или даже выдаст. Поэтому Роберта сказала только:

— Как хочешь, пожалуйста. Мне все равно. Я и не собираюсь ничего говорить, пока сама не найду нужным.

Из этого ответа Грейс поняла, что Роберта не желает больше дружить с нею и вообще не хочет иметь с нею ничего общего. Она сейчас же встала и вышла из комнаты, прямая как палка, с высоко поднятой головой. А Роберта поняла, что от-

ныне Грейс — ее враг, и ей захотелось оказаться подальше отсюда. Все они тут слишком ограниченные: они никогда не поймут и не допустят ее тайных отношений с Клайдом. А соблюдать тайну ему необходимо — так он объяснил Роберте. Для нее это трудно и даже унизительно, и все же она безмерно дорожит этими отношениями. Она любит его, очень любит. И теперь она должна найти какой-то способ оградить себя и его от посторонних взглядов. Надо переехать.

Но это требовало едва ли не больше мужества и решимости, чем было у Роберты. Как это неестественно и даже страшно: жить в доме, где тебя никто не знает! Не сочтут ли это странным? Возможно, впоследствии придется объясняться с матерью и сестрой. Но и оставаться здесь после всего, что произошло, тоже невозможно. Грейс и Ньютоны — особенно миссис Ньютон — будут относиться к ней, как ранние пуритане к сестре или брату, уличенным в тяжком грехе. Она танцевала! И тайно! Тут замешан какой-то молодой человек,— поездка к сестре не совсем объясняет его присутствие, а тем более посещение «Звездного парка».

Кроме того, Роберта понимала, что теперь за ней будут тщательно следить, и это, не говоря уже о диктаторском поведении Грейс, конечно, помешает ей встречаться с Клайдом так часто, как она жаждет.

Она провела два дня в тяжком раздумье, посовещалась с Клайдом,— он всей душой был за то, чтобы она немедленно переехала в новую комнату, где она ни от кого не будет зависеть, где никто не будет знать ее и шпионить за ней,— и, получив разрешение уйти на два часа с работы, отправилась на поиски. Она выбрала юго-восточную часть города,— здесь ей, вероятно, не придется сталкиваться с Ньютонами и с теми, кого она у них встречала. После недолгих поисков она нашла то, что ей понравилось: старый кирпичный дом на Элм-стрит; тут жил обойщик с женой и двумя дочерьми — одна была портниха, другая еще ходила в школу. Комната, которую предложили Роберте, находилась в первом этаже, направо от маленькой передней, с окнами на улицу. Из передней одна дверь вела в большую гостиную, которая отделяла сдающуюся комнату от всей остальной части дома, это позволяло приходить и уходить незаметно. А так как Роберта все еще предполагала встречаться с Клайдом тайно, то для нее это было очень важно.

Кроме того, как она поняла из беседы с самой миссис Гилпин, хозяева в этом доме не были так строги и назойливо любопытны, как Ньютоны. Миссис Гилпин, полная, опрятная жен-

щина лет пятидесяти, несколько вялая и не слишком сообразительная, сообщила Роберте, что вообще-то она не сдавала комнат и не держала пансионеров, потому что муж и дочь зарабатывают достаточно. Но так как комната рядом с передней совершенно отдельная и всегда пустует, то наконец она, с согласия мужа, решила ее сдать. И ей как раз хотелось впустить жилицу вроде Роберты, а не мужчину,— девушку-работницу, которой удобно было бы столоваться вместе со всей семьей. Миссис Гилпин ничего не спросила ни о родных Роберты, ни о ее знакомствах, а только с интересом поглядывала на нее и, видимо, осталась довольна; Роберта поняла, что здесь не придерживаются таких строгих правил, как у Ньютонов.

И все же сколько сомнений вызвала у нее мысль об этом переезде! Во всей этой таинственности, казалось ей, есть что-то недозволенное, даже греховное, и вершина всего — ссора и разрыв с Грейс Марр, ее единственной подругой, а значит, и с Ньютонами; а ведь только благодаря Грейс она вообще попала в Ликург. Что, если ее родители или сестра в Гомере узнают обо всем через знакомых Грейс и найдут странной ее одинокую жизнь в Ликурге? Хорошо ли это? Как может она решиться на такой шаг — и так скоро после приезда сюда? Она чувствовала, что ее доныне безупречные нравственные устои рушатся. Но как же Клайд? Можно ли отказаться от него?

После мучительных колебаний Роберта решила, что это невозможно. И потому, уплатив задаток и предупредив, что переедет в ближайшие же дни, она вернулась на работу, а вечером заявила миссис Ньютон, что хочет выехать. Она заранее придумала объяснение: она собирается вскоре выписать к себе младшего брата и сестру и должна устроиться так, чтобы они могли поселиться вместе с нею.

И Ньютоны, как и Грейс, почувствовали, что переезд Роберты связан с новыми знакомствами, разъединившими ее с подругой, и были довольны, что она уходит от них. Она явно вступает на путь сомнительных приключений, которых они не могут одобрить. Теперь она не может быть полезной Грейс, как они сначала ожидали. Возможно, она и знает, что делает. Но еще вероятней, что ее здесь сбили с толку всякие развлечения и удовольствия, несовместимые со скромной жизнью, какую она вела в Трипетс-Милс.

Да и сама Роберта, оказавшись после переезда в новой обстановке, хотя и могла теперь свободнее встречаться с Клайдом, все же сомневалась, правильно ли она поступает. Может быть... может быть, она слишком поспешила, погорячилась, ма-

жет быть, еще придется об этом пожалеть. Но дело сделано, и теперь ничего не изменишь. Надо посмотреть, что получится...

Главным образом для того, чтобы успокоить свою совесть, она сейчас же написала матери и сестре, довольно правдоподобно объясняя, почему ей пришлось уехать от Ньютонов. Грейс стала слишком требовательной и эгоистичной, слишком командовала ею. Это стало невыносимо. Но пусть мать не беспокоится: она поселилась в очень приличном доме. У нее отдельная комната, и теперь она может принять у себя Тома и Эмилию, мать или Агнессу, если им захочется ее навестить. И тогда она познакомит их с Гилпинами, которых она подробно описала.

И все же, думая о Клайде и об их взаимной страсти, Роберта в глубине души сознавала, что играет с огнем и может оказаться опозоренной. В то время она едва ли отдавала себе отчет в том, что эта комната с первой же минуты привлекла ее именно своей обособленностью, но бессознательно все же чувствовала, что это так. Да, она вступила на опасный путь — и знала это. Но что же делать, часто спрашивала она себя в минуты, когда ее охватывали желания, противоречащие всем ее понятиям о допустимом и благопристойном, что же ей делать?

ГЛАВА XX

В течение нескольких недель Роберта и Клайд встречались то здесь, то там, в парках и садах, куда легко можно добраться пригородным поездом. Однако между ними теперь бывали столкновения, главным образом из-за комнаты Роберты: Клайд считал, что это самое удобное место для их встреч, но Роберта не позволяла ему приходить к ней. Клайд никогда не признавался себе, что у него по отношению к Роберте далеко не такие намерения, какие должен питать молодой человек к девушке, которую он уважает, и, однако, теперь, когда она переехала в эту комнату, в нем пробудилось неодолимое желание, может быть непохвальное, но естественное и почти неизбежное,— желание все большей и большей близости, все большей власти над Робертой, над всеми ее мыслями и поступками; в конце концов она должна всецело принадлежать ему. Но как? Будет ли это брак и, следовательно, самое обычное благопристойное существование? До сих пор он вовсе не думал жениться на Роберте. Он мог ухаживать за нею или за любой другой девушкой, стоявшей на общественной лестнице гораздо ниже здешних Грифитсов, Сондры Финчли или Бертины Крэнстон, но счел бы невозмож-

ным жениться на ней — главным образом из-за взглядов своих вновь приобретенных родственников и из-за их высокого положения в Ликурге. Что они подумают, если узнают? Теперь уже ясно: здесь считают, что он занимает иное, более высокое положение, чем Роберта и ей подобные. Хорошо бы этим воспользоваться. И потом, здесь слишком многие его знают, хотя бы в лицо. Но, с другой стороны, его так влечет к Роберте... Что ж, может быть она его и достойна... как знать, может быть, он и был бы счастлив с нею, если бы мог и решил жениться.

Возникало и еще одно осложнение: наступала осень с ледяными ветрами и холодными ночами. Приближался октябрь, и почти все загородные парки, где можно было развлекаться на безопасном расстоянии от Ликурга, закрылись. Закрыты были и дансинги, кроме больших зал в соседних городах, но сюда Роберта отказывалась ходить. Оставались, правда, церкви, кинематографы и рестораны в самом Ликурге, но там они не могли бывать из-за двусмысленного положения Клайда в городе. И, таким образом, теперь, когда Роберта освободилась от надзора Ньютонов, им некуда было пойти,— разве что, изменив как-то их отношения, Клайд сможет посещать Роберту у Гилпинов. Но он знал, что она не допускает и мысли об этом, а главное — у него не хватало мужества ей это предложить.

Однажды вечером в начале октября, через полтора месяца после переезда Роберты в новую комнату, они гуляли по одной из дальних улиц. Ярко блестели звезды. Было холодно. Листья кружились в воздухе. Роберта уже надела свое зимнее пальто, зеленое в кремовую полоску; коричневая шляпа, отделанная кожей, очень ей шла. Снова и снова поцелуи, все тот же лихорадочный жар, что неотступно владел ими с первой встречи, а теперь стал еще сильнее.

— Становится холодно, правда? — сказал Клайд.

Было около одиннадцати часов, подмораживало.

— Да, не жарко. Скоро придется думать о более теплом пальто.

— Не знаю, что мы будем делать дальше? Больше нет ни одного места, где мы могли бы посидеть, а разгуливать каждый вечер по улицам в такой холод не очень приятно. Как вы думаете, нельзя ли мне иногда заходить к вам? Ведь у Гилпинов не то что у Ньютонов.

— Да, конечно. Но по вечерам они всегда сидят в гостиной до половины одиннадцатого, даже до одиннадцати. И, кроме того, обе девушки все время бегают взад-вперед до двенадцати часов или просто сидят дома. Не знаю, как это устроить. Вы

ведь сами говорили, что не хотите, чтобы вас видели со мной. А если вы придете, мне надо будет познакомить вас с Гилпинами.

— Нет, я совсем не это имел в виду,— решительно ответил Клайд. Он подумал, что Роберта слишком щепетильна: пора бы ей держаться с ним свободнее, если она на самом деле так его любит.— Почему бы мне иногда и не зайти к вам ненадолго? Гилпинам вовсе незачем об этом знать.— Он вынул часы и чиркнул спичкой: оказалось, что уже половина двенадцатого; он показал часы Роберте.— Теперь в гостиной никого нет, верно?

Она покачала головой. Эта мысль не только ужаснула, но и возмутила ее. Клайд стал слишком смел: как он решается предлагать ей такое? И притом в его словах воплотились все тайные страхи и владевшие ею настроения, в которых она до сих пор не хотела себе признаться. Тут есть что-то греховное, низменное, пугающее. Нет, она не пойдет на это. Ни за что. И в то же время в глубине ее существа все громче звучал голос долго подавляемого, страшного для нее желания,— теперь оно властно заявляло свои права.

— Нет, нет, я не могу согласиться! Это нехорошо. Я не хочу. Нас могут увидеть. Вас могут узнать.

В эту минуту отвращение к тому, что она с детства привыкла считать безнравственным, было так сильно, что Роберта бессознательно пыталась высвободиться из объятий Клайда.

Он почувствовал, как искренне ее внезапное сопротивление. И оно только еще больше подхлестнуло в нем жажду обладать тем, что в эту минуту казалось почти недостижимым. Вкрадчивые речи полились из его уст:

— Ну, кто может нас увидеть в такое время? Кругом нет ни души. Почему бы и не зайти к вам в комнату на несколько минут, раз нам хочется? Никто нас не услышит. Мы будем говорить тихо. Даже на улице никого нет. Пройдем мимо и посмотрим,— наверно, в доме уже все спят.

До сих пор она никогда не позволяла ему близко подходить к дому и теперь горячо и взволнованно запротестовала. Но на этот раз Клайд заупрямился, и Роберта, всегда смотревшая на него с робким почтением,— не только как на возлюбленного, но как на человека, стоящего выше ее,— не могла ему помешать. Они остановились в нескольких шагах от дома. Нигде не слышно ни звука, только лает собака. В окнах ни огонька.

— Вот видите, все уже спят,— успокаивал Роберту Клайд.— Почему бы нам не войти на минутку? Кто об этом

узнает? Нам незачем подымать шум. Да и что в этом дурного? Многие так делают. Нет ничего страшного, если девушка на минуту впустит друга к себе в комнату.

— Вы думаете? Ну, может быть, в вашем кругу так принято. Но я знаю, что хорошо и что нет, а это, по-моему, нехорошо, и я так не сделаю.

И, однако, сердце Роберты при этих словах больно сжалось. Она никогда еще не позволяла себе такой самостоятельности, даже дерзости в отношениях с Клайдом и никак не думала, что это возможно. Она сама испугалась. Вдруг он ее разлюбит, если она будет с ним так говорить?

Клайд мгновенно помрачнел. Почему она не хочет исполнить его просьбу? Она слишком осторожна, слишком боится всего, что доставляет малейшую радость и удовольствие. Другие девушки не похожи на нее,— например, Рита или работницы на фабрике. А ведь она уверяет, что любит его. Она позволяет ему обнимать и целовать себя на улице. А когда ему хочется немножко большей близости, она никак не соглашается. Что же это за девушка? Что толку за ней ухаживать? Может быть, это все опять уловки и хитрости, как было тогда с Гортензией? Правда, она ничуть не похожа на Гортензию, но уж очень упряма.

Роберта не видела его лица, но знала, что он очень рассердился,— так случилось впервые.

— Ну, не хотите — не надо,— холодно сказал он.— Мне и без того есть куда пойти. Я вижу, вы никогда ни в чем не хотите мне уступить. Интересно знать, как мы, по-вашему, будем видеться дальше. Нельзя же каждый вечер ходить по улицам.

Клайд сказал это мрачным тоном, не предвещавшим ничего хорошего,— никогда еще он не говорил с нею так резко и раздраженно. И его намек на другие места, куда он может пойти, так потряс и испугал Роберту, что ее настроение тотчас переменилось. Ну конечно, встречается же он время от времени с девушками своего круга! И девушки на фабрике вечно строят ему глазки! Сколько раз она видела, как они на него поглядывали. Эта Руза Никофорич — такая грубая, но все-таки хорошенькая! А Флора Брандт! А Марта Бордалу! Бр-р! Подумать только, что такие негодницы бегают за таким красавцем! Она испугалась, что Клайд сочтет ее слишком несговорчивой, неопытной и робкой,— в высшем обществе он к этому не привык,— и оставит ее ради кого-нибудь из них. И тогда она его потеряет. Эта мысль ужаснула ее. Вся ее храбрость тотчас исчезла, и она стала жалобно уговаривать:

— Ну, Клайд, ну пожалуйста, не сердитесь. Вы же знаете, я бы согласилась, если б могла. Но я никак не могу. Неужели вы не понимаете? Вы же знаете сами. Конечно, Гилпинам все станет известно. Что с вами будет, если нас увидят и кто-нибудь узнает вас? — Она умоляюще взяла его за руку, потом обняла, и он почувствовал, что, несмотря на все свое недавнее сопротивление, она мучительно огорчена и расстроена.— Ну пожалуйста, не просите меня об этом,— добавила она умоляюще.

— Зачем тогда было переезжать от Ньютонов? — спросил он угрюмо.— Не знаю, где еще мы можем теперь видеться, если вы не позволите мне иногда приходить к вам. Нам некуда больше пойти.

Роберта не знала, что ответить. Очевидно, чтобы их отношения могли продолжаться, надо нарушить общепринятые правила поведения. И все же она не представляла себе, что можно согласиться. Это нехорошо, не принято, безнравственно.

— Мне казалось, что нам достаточно ездить куда-нибудь по субботам и по воскресеньям,— сказала она мягко, стараясь его успокоить.

— Да куда же теперь поедешь? Все закрыто.

Роберта опять почувствовала, что находится во власти неразрешимых противоречий, которые завели их обоих в тупик.

— Господи, если бы я знала, что делать! — воскликнула она в отчаянии.

— Все очень просто, стоит вам только захотеть. Но в том-то и беда, что вы не хотите.

Они стояли рядом. Ночной ветер кружил сухие шуршащие листья. Роберта ломала голову над задачей, которая давно ее пугала. Разве так ее учили поступать? Можно ли послушаться Клайда? В ней боролись могучие противоречивые силы и желания. Она то готова была уступить, как ни было это мучительно для нее при ее понятиях о нравственности и приличии, то порывалась наотрез, раз и навсегда отвергнуть это, на ее взгляд, дерзкое и противоестественное предложение. Но все же, наперекор ее негодованию, любовь к Клайду заставляла ее по-прежнему говорить с ним нежно и просительно.

— Нет, Клайд, не могу, не могу! Я бы согласилась, если б могла, но это просто невозможно. Ведь это нехорошо! Я никак не могу!

Она вглядывалась в его лицо — бледный овал среди мрака,— стараясь увидеть на нем признаки сочувствия, понимания. Но он, обозленный этим, видимо окончательным, отказом, не склонен был смягчиться. Все это напоминало ему бесконеч-

ные неудачи, которыми сопровождалось его ухаживание за Гортензией Бригс. Но будьте уверены, теперь он не потерпит ничего подобного. Если она хочет вести себя так — пожалуйста, но только не с ним. У него теперь большой выбор, найдется сколько угодно девушек, которые будут обращаться с ним куда лучше. Он сердито пожал плечами и отвернулся.

— Ну что ж, как вам угодно,— бросил он через плечо.

Роберта стояла ошеломленная, охваченная ужасом.

— Не уходите, Клайд! Пожалуйста, не уходите,— вдруг жалобно воскликнула она; вся ее решимость и мужество исчезли, глубокая печаль охватила ее.— Я не хочу, чтобы вы ушли, я так люблю вас, Клайд! Я все сделала бы, если б могла. Вы же знаете!

— Да, конечно, знаю, можете не говорить мне об этом.— Он действовал так, как подсказывал ему опыт отношений с Гортензией и Ритой. Резким движением он высвободился из ее объятий и быстро пошел по улице в темноту.

Роберта, пораженная этой внезапной переменой в их отношениях, такой мучительной для обоих, крикнула: «Клайд!» — и побежала было за ним, надеясь, что он остановится и она еще сможет его смягчить. Но он не обернулся. Он быстро уходил. Нет, это невозможно, она должна хотя бы силой удержать своего Клайда! Она побежала, но вдруг остановилась, потрясенная; впервые за всю свою жизнь она оказалась в таком жалком, постыдном, недостойном положении. Все ее воспитание, все прочно усвоенные представления и традиции требовали, чтобы она оставалась твердой и не унижала себя, а жажда любви, дружбы, понимания заставляла ее бежать за Клайдом, пока еще не поздно, пока он еще не ушел. Он так красив, у него такие красивые руки... А глаза... Еще слышалось эхо его шагов. И все же так сильны были связывающие ее условности, что, хотя она мучительно страдала, ни одна из сил, боровшихся в ней, не могла взять верх, и она остановилась в нерешительности. Она не могла ни идти дальше, ни оставаться на месте. Почему, почему вдруг оборвалась их чудесная дружба?

Сердце ее разрывалось, губы побелели. Она стояла оцепеневшая и молчаливая, не в силах произнести хоть слово, хотя бы позвать Клайда,— его имя замерло на ее устах. Она только мысленно молила: «Не уходи, Клайд, пожалуйста, не уходи!» — а он был уже далеко и все равно не услышал бы. Он быстро, неумолимо уходил, звук шагов доносился все слабее и слабее.

Это была первая в жизни Роберты жгучая, ослепляющая, кровоточащая сердечная рана.

ГЛАВА XXI

Душевное состояние Роберты в эту ночь нелегко описать: она была охвачена настоящей жгучей любовью, а в юности трудно выдержать настоящую жгучую любовь. Притом к любви примешивались еще и ослепительные иллюзии относительно материального и общественного положения Клайда,— иллюзии эти возникли не столько благодаря словам или поступкам самого Клайда, сколько из-за догадок и сплетен, которые ходили о нем на фабрике и вовсе от него не зависели. А ее дом, семья и ее собственное положение были так жалки и не сулили ничего впереди,— все ее надежды были связаны только с Клайдом. И вдруг она поссорилась с ним, и он ушел рассерженный. Но, с другой стороны, он ведь настаивал на таких ужасных, чересчур коротких и вольных отношениях, с какими не могла примириться ее совесть, воспитанная в строгих нравственных правилах. Что ей делать теперь? Что сказать ему?

В темноте своей комнаты Роберта медленно, задумчиво разделась и бесшумно забралась в широкую, старомодную кровать. «Нет, я не соглашусь,— говорила она себе.— Я не должна. Я не могу. Это было бы очень, очень нехорошо, я не послушаю его, хотя бы даже он грозил расстаться со мной навсегда. Стыдно ему просить меня об этом». А через мгновение она уже спрашивала себя, что еще им остается делать. Безусловно, Клайд отчасти прав: им некуда больше пойти, всюду они рискуют быть узнанными. Как несправедливы фабричные правила! Но, и не будь этого правила, Грифитсы, конечно, все равно решили бы, что она недостойна Клайда, и Ньютоны и Гилпины тоже, если бы услышали и узнали, кто он. И если они узнают, это может повредить обоим. А она не хочет делать ничего такого, что может повредить Клайду... Никогда!

Потом ей пришло в голову, что, если она найдет работу в другом месте, вопрос будет разрешен,— вопрос, который как будто имел мало общего с другим, более неотложным и волнующим: с желанием Клайда приходить к ней, в ее комнату. Но это решение означало, что она по целым дням не будет видеть его, они будут встречаться только вечером. И, конечно, не каждый вечер. Нет, о том, чтобы искать другую работу, нечего и думать.

Тут ее поразила другая мысль. Настанет утро — и она увидит Клайда на фабрике. Что, если он не заговорит с нею? Она ведь тоже не сумеет с ним заговорить? Невозможно! Нелепо! Ужасно! При одной мысли об этом Роберта поднялась и села

на постели, и перед нею всплыло равнодушное, холодное лицо Клайда.

Мгновенно она вскочила и зажгла единственную лампочку, висевшую посреди комнаты. Она подошла к зеркалу над старым ореховым комодом в углу и пристально посмотрела на себя. Ей почудилось, что под глазами у нее уже легли темные круги. Она вся оцепенела и застыла от холода; в отчаянии она беспомощно качала головой. Нет, нет, он не может быть так низок и так жесток с ней. Если бы он знал, как трудно, как невозможно то, чего он от нее требует! Скорей бы наступил день, тогда она снова его увидит! Скорей бы наступил завтрашний вечер, тогда можно будет взять его руки в свои, почувствовать его объятия!

— Клайд! Клайд! — воскликнула она чуть не вслух.— Ты не должен так поступать со мной, ты не можешь...

Роберта опустилась в старое выцветшее и расшатанное мягкое кресло,— оно стояло посреди комнаты около маленького столика, на котором лежало с полдюжины малоинтересных книг и журналов: «Садовые семена», «Сэтердэй ивнинг пост», ежемесячник «Наука для всех» и прочее,— и, опершись локтями о колени, сжала подбородок ладонями. Она старалась уйти от мучительных, беспорядочных мыслей, но они не оставляли ее. Почувствовав озноб, она взяла с кровати одеяло, закуталась, потом раскрыла каталог садовых семян и тотчас отбросила его.

«Нет, нет, он не может, он не захочет так поступить со мной!» Она этого не допустит. Ведь Клайд столько раз повторял, что с ума сходит по ней, влюблен в нее до безумия, и они ездили вместе по разным чудесным местам!

Почти не сознавая, что делает, Роберта то садилась в кресло или на край кровати и сидела, опершись локтями на колени и подбородком на руки, то стояла перед зеркалом, то тревожно вглядывалась в темноту за окном — не начинает ли светать. Настало шесть часов, потом в половине седьмого забрезжил рассвет и скоро уже надо было одеваться, а она все бродила от кресла к кровати, от кровати к зеркалу. Она приняла только одно твердое решение: как-то удержать Клайда. Только бы он не покидал ее. Это не должно случиться. Что-то нужно сказать или сделать, чтобы он любил ее по-прежнему, если даже... если даже придется позволить ему навещать ее иногда — здесь или где-нибудь еще... Может быть, переехать в другое место, на квартиру, где она могла бы принимать Клайда, сказав, что он ей брат... да, хотя бы так...

Но Клайд был настроен совсем по-иному. Чтобы вполне понять его несговорчивость и внезапно овладевшее им злобное упрямство, следует вспомнить Канзас-Сити и то время, когда он попусту ходил на задних лапках перед Гортензией Бригс, а затем и то обстоятельство, что ему пришлось отказаться от Риты — и притом понапрасну. Правда, теперь положение было совсем другое, и он не имел права обвинять Роберту в том, что она ведет себя с ним нечестно и мучает его, как это было с Гортензией; но ведь это факт, рассуждал он, что девушки — все девушки вообще — упрямы, и чересчур заботятся о себе, и всегда ставят себя выше мужчины, и стараются заставить его всячески им угождать, и ничего не желают дать взамен! Притом Ретерер всегда говорил ему, что с девушками он ведет себя глупо: он слишком податлив, слишком быстро выдает себя и показывает, что влюблен. А между тем, как объяснял Ретерер, у Клайда есть козырь: он недурен собой. С какой же стати ему бегать за девушками, которые не слишком в нем нуждаются? Это соображение и комплимент Ретерера тогда произвели большое впечатление на Клайда. Потерпев фиаско в отношениях с Гортензией и Ритой, он был теперь настроен гораздо серьезнее. И, однако, ему вновь грозит такая же неудача, как и тогда с Гортензией и Ритой.

В то же время он не мог не уличить себя мысленно в том, что его ухищрения явно ведут к отношениям незаконным, которые могут впоследствии оказаться опасными. Неопределенно и хмуро он думал о том, что, добиваясь связи, на которую Роберта в силу своих предрассудков и воспитания не может смотреть иначе, как на грех, он дает ей известное право рассчитывать на его внимание в будущем — право, с которым, пожалуй, трудно будет не считаться... Ведь в конце концов, зачинщик тут он, а не она, и поэтому, как бы там все ни сложилось дальше, она, пожалуй, сможет требовать от него больше, чем он захочет дать. Разве он собирается на ней жениться? В глубине его души звучал тайный голос, который даже сейчас подсказывал ему, что он никогда не захочет жениться на Роберте — да и не сможет, принимая во внимание его высокие родственные связи в Ликурге. А если так, следует ли ее добиваться? Ведь тогда он едва ли сможет впоследствии избежать претензий с ее стороны?

Клайд далеко не столь отчетливо высказывал сам себе свои сокровеннейшие чувства, но в основном они были именно таковы. И, однако, его слишком неудержимо влекло к Роберте, и вопреки предчувствиям и настроениям, которые, казалось, под-

сказывали, как опасно ему упорствовать в своем требовании, он твердил себе, что расстанется с нею, если она не позволит ему приходить к ней домой, прекратит с нею всякое знакомство: в нем побеждало желание ею обладать.

Борьба двух воль, которая всегда связана с первым сближением мужчины и женщины, будь то брак или нет, разыгралась на следующий день на фабрике. И, однако, ни слова не было сказано ни с той, ни с другой стороны. Хотя Клайд и воображал, что очень влюблен в Роберту, на самом деле чувство его было не столь глубоким,— свойственные ему эгоизм, тщеславие и стремление поставить на своем определяли все его поступки и побуждения. И он решил принять позу оскорбленного, не сохранять добрых отношений с Робертой и не идти ни на какие уступки, если она, со своей стороны, ему не уступит.

Итак, в это утро он пришел в штамповочную с видом человека, поглощенного вопросами, не имеющими отношения к тому, что случилось накануне вечером. Однако он вовсе не был уверен, что такой образ действий не кончится для него новой неудачей, и был подавлен и встревожен. Правда, Роберта была бледна и рассеянна, но все же очаровательна, как всегда, и работала с обычной энергией, и вид ее не давал оснований рассчитывать на близкую или даже отдаленную победу. Зная ее,— а Клайд воображал, будто знает ее неплохо,— он очень мало надеялся, что она уступит.

Он то и дело посматривал на нее, когда она не глядела в его сторону. А она, в свою очередь, посматривала на него; сначала, когда он не смотрел на нее; потом она убедилась, что его глаза, то прямо, то исподтишка следят за нею, но словно не узнавая. К горькому разочарованию Роберты, Клайд решил не только пренебрегать ею, но впервые с тех пор, как они увлеклись друг другом, стал довольно ясно и как бы не намеренно оказывать внимание другим девушкам, которые всегда восхищались им, всегда только и ждали (так воображала Роберта) малейшего знака, чтобы сделать для Клайда все, что он пожелает.

Вот он смотрит через плечо Рузы Никофорич; она кокетливо повернула к нему свое широкое лицо с вздернутым носом и мягким подбородком, и Клайд что-то объясняет ей; вряд ли это непосредственно касается работы, так как оба беззаботно улыбаются. А немного позже он подошел к Марте Бордалу и наклонился над нею, едва не касаясь ее полных плеч и обнаженных рук; в этой пышной француженке было что-то непривычное, чуждое американскому глазу, но все-таки она могла нравиться. И Клайд пытался с нею шутить.

Он не обошел своим вниманием и Флору Брандт, очень чувственную и миловидную американку; Роберта замечала, что он и раньше на нее посматривал. Но, как бы то ни было, она *не могла поверить, чтобы он*, Клайд, *мог заинтересоваться* кем-нибудь из этих девушек. Не может этого быть!

А на нее он и не смотрит! Хоть бы улучил минутку, хоть слово сказал бы! Однако для других у него находится и шутка, и веселый взгляд. О, как горько, как жестоко! И как ненавидела она всех этих девушек, которые откровенно заигрывали с ним и старались отнять его у нее! Ужасно! Конечно, он теперь враждебно относится к ней, иначе он не мог бы вести себя так... после всего, что было между ними... после их любви, поцелуев...

Часы тянулись мучительно и для Клайда и для Роберты. Он всегда был лихорадочно нетерпелив в своих желаниях и болезненно переносил отсрочки и разочарования: это свойственно людям самого различного склада, когда они одержимы какими-либо честолюбивыми мечтами. Его ежечасно мучила мысль, что он должен либо потерять Роберту, либо подчиниться ее желаниям, чтобы ее вернуть.

А ее мучил сейчас не столько вопрос, уступить ли на этот раз (это теперь было самой малой из ее тревог), сколько сомнение: удовлетворится ли Клайд тем, что она позволит ему зайти к ней в комнату? Между ними должны сохраниться строго приличные дружеские отношения — и только, на большее она не согласится. Никогда! И все же эта неизвестность... Его мучительное равнодушие... Невыносимо медленно шли минуты, часы. Наконец, около трех часов, негодуя, что сама навлекла на себя такую пытку, она ушла в гардеробную и, подобрав на полу клочок бумаги, написала огрызком карандаша короткую записку:

«Клайд, прошу вас, не сердитесь! Пожалуйста! Посмотрите на меня и поговорите со мной. Я очень жалею о вчерашнем, страшно жалею, правда! Я хочу встретиться с вами сегодня в 8.30 в конце Элм-стрит, если вы сможете. Мне нужно кое-что сказать вам. Пожалуйста, приходите. Посмотрите на меня и скажите, что придете, даже если сердитесь. Вы не пожалеете! Я так люблю вас, вы это знаете!

Ваша печальная *Роберта*».

С чувством больного, который мучительно ищет успокоительного лекарства, она свернула бумажку и, возвращаясь в штамповочную, прошла вплотную мимо конторки Клайда. В это

время он как раз сидел, склонившись над какими-то бумагами. Быстрым движением она бросила записку ему в руки. Клайд взглянул на нее, и взгляд его темных глаз, до этой минуты суровых и недовольных, полных тревоги, боли и решимости, вдруг смягчился; увидев записку и удалявшуюся Роберту, он сразу успокоился, удивление, довольство и радость охватили его и отразились на его лице. Он развернул записку и прочитал ее. И мгновенно почувствовал, словно все его тело обняли теплые и расслабляющие лучи.

А Роберта вернулась к своему столу и, опасаясь, что кто-нибудь наблюдал за нею, настороженно и беспокойно огляделась. Клайд смотрел прямо на нее торжествующим и все же покорным взглядом; улыбка играла на его губах; он радостно кивнул ей в знак согласия. И Роберта внезапно почувствовала головокружение, как будто ее судорожно сжатое сердце и натянутые нервы вдруг ослабли и кровь снова свободно потекла по жилам. И все иссохшие болота, и потрескавшиеся и обожженные берега ее души, пересохшие ручьи, потоки, озера горя, казалось заполнявшие все ее существо, мгновенно были залиты щедрой, бьющей ключом силой жизни и любви.

Он придет! Они снова будут вместе сегодня вечером. Он обнимет ее и будет целовать, как раньше. Она снова сможет глядеть в его глаза. Никогда больше они не будут ссориться,— никогда, если только она сумеет этому помешать!

ГЛАВА XXII

Необычайное счастье нового, более тесного сближения, сломленного протеста, побежденных сомнений! Дни, когда оба они после напрасной борьбы против большей близости — желанной обоим — с пугливым, лихорадочным нетерпением ожидали приближения ночи. Какие муки, какие протесты со стороны Роберты и какая решимость — однако не без сознания, что все это грех, совращение, обман,— со стороны Клайда! Когда же все совершилось, дикая, судорожная радость охватила обоих. Но еще прежде Роберта все же потребовала обещания, что Клайд никогда не покинет ее, что бы ни случилось (ее преследовала мысль о естественных последствиях этого безумного сближения), так как без него она беспомощна. Однако о браке ничего прямо сказано не было. И Клайд, совершенно порабощенный своим желанием, необдуманно дал слово, что никогда не оставит ее, никогда,— в этом, по крайней мере, она может

на него положиться. Но и тут мысли о браке у него не было. На это он не пошел бы. И вот, откинув на время все сомнения, сколько бы ни терзалась и ни упрекала себя Роберта днем, они ночь за ночью предавались своей страсти. А потом безрассудно мечтали о новой блаженной ночи и жадно ждали, когда же кончится длинный день и наступит все скрывающая, за все вознаграждающая лихорадочная ночь.

И Клайд чувствовал то, в чем была твердо, мучительно убеждена Роберта: что это грех, великий, смертный грех; не раз он слышал речи матери и отца о соблазнителе, прелюбодее, что подстерегает жертву вне священных пределов брака. А Роберта, тревожно всматриваясь вперед, в безвестное будущее, гадала, что станет с нею, если Клайд охладеет или оставит ее. Но приходила ночь, ее настроение снова менялось — и она, как и он, спешила на условленное место встречи, чтобы позже, в полуночной тишине проскользнуть вместе с ним в эту темную комнату, которая казалась им таким раем, какой обретаешь лишь однажды в жизни: безумный жар юности неповторим.

А Клайда одолевало еще немало всяких сомнений и страхов, но благодаря тому, что Роберта так внезапно покорилась его желаниям, он порой, впервые за все эти лихорадочные годы, чувствовал себя наконец настоящим опытным мужчиной, который теперь и вправду знает женщин. Весь его вид, его манеры яснее слов говорили: «Смотрите, я уже не тот неопытный, ничтожный простачок, каким был несколько недель назад: я теперь важная особа, я знаю кое-что о жизни. Чем могут удивить меня все эти самодовольные молодые люди и веселые, вкрадчивые, кокетливые девушки? И если б я захотел, если б я был не таким верным и постоянным,— чего бы я только не добился!» Случай с Робертой доказал ему, что он ошибался, думая (это убеждение сложилось у Клайда после истории с Гортензией Бригс, а более поздняя неудача с Ритой его укрепила), будто он обречен злосчастной судьбой на всегдашний неуспех у девушек. В сущности, наперекор всевозможным неудачам и запретам, он настоящий донжуан, неотразимый сердцеед!

Если Роберта добровольно жертвует собой, отдаваясь ему, то почему бы этого не сделать и другим?

И хотя Грифитсы, видимо, совсем забыли о нем, он теперь важничал, как никогда прежде. Ни они, ни кто-либо из их знакомых не признавали его, но он нередко смотрел на себя в зеркало с уверенностью и восхищением, что раньше ему вовсе не было свойственно. Этому способствовала и Роберта: чувствуя,

что все ее будущее зависит теперь от его воли и прихоти, она непрерывно льстила ему и восхищалась им. Ведь согласно своим воззрениям она теперь принадлежала ему, только ему, как всякая жена всецело принадлежит своему мужу, и должна была во всем покоряться его воле.

И Клайд на время забыл о пренебрежении своих родственников и охотно посвятил себя Роберте, не слишком задумываясь о будущем. Лишь одно порою тревожило его: мысль о возможных последствиях их отношений; этого с самого начала очень боялась Роберта; она так сильно привязана к нему, что это может оказаться очень неприятным осложнением. Однако Клайд не слишком углублялся в эти размышления. У него есть Роберта. Их отношения, насколько оба могут судить,— тайна для всех. Радости их не совсем законного медового месяца были в полном разгаре. И последние теплые, часто солнечные дни ноября и первые дни декабря прошли как во сне: райские восторги среди условностей мелкого мирка и мизерной, плохо оплачиваемой работы.

А Грифитсы, уехавшие в середине июня, все еще не возвратились в город: за это время Клайд часто думал о них, о том, какую они играют роль в его жизни и жизни Ликурга. Их большой дом, запертый и безмолвный (проходя мимо, можно было увидеть только садовников, да изредка шофера или слугу), казался Клайду чуть ли не священным ковчегом, символом той высоты, которой и он еще думал достигнуть благодаря какому-нибудь повороту судьбы. Он никак не мог отказаться от надежды каким-то образом приобщиться в будущем ко всему этому величию.

Но пока о жизни Грифитсов он узнавал только из заметок, которые печатались в двух местных газетах, в разделе, отведенном светской хронике, где почти подобострастно описывался каждый шаг самых знаменитых семейств Ликурга. Порою, прочитав эти отчеты (даже если они с Робертой в это время были вдвоем где-нибудь в скромном загородном парке), Клайд представлял себе, как разъезжает в своем большом автомобиле Гилберт Грифитс, как Белла, Бертина и Сондра танцуют, играют в теннис, катаются на лодке при луне или скачут верхом в фешенебельной дачной местности, о которой упоминали газеты. Сравнения были горьки, мучительны, почти невыносимы, и порой совсем в особом свете, с уничтожающей ясностью представали перед Клайдом его отношения с Робертой. В конце концов, что такое Роберта? Фабричная работница! Ее родители живут и работают на ферме, и она должна сама зарабатывать свой хлеб.

Тогда как он... он... если б только судьба улыбнулась ему! Неужели же конец всем его мечтам о блестящем будущем?

Такие мысли посещали его в минуты мрачного настроения, особенно с тех пор, как Роберта ему отдалась. В самом деле, она девушка не его круга, во всяком случае — не круга Грифитсов, к которому он все еще жадно стремился. Однако, какое бы настроение в нем ни пробуждали статьи в «Стар», он все-таки находил Роберту милой, очаровательной, в нее стоило влюбиться за ее красоту, нежность, веселый нрав — свойства и прелести, с которыми отождествляется всякий источник наслаждения.

Но Грифитсы и их друзья вернулись в город, и Ликург снова стал оживленным, полным кипучей деятельности, каким он всегда бывал не менее семи месяцев в году. И Клайда все больше влекла жизнь ликургского высшего общества. Как красивы дома на Уикиги-авеню и в ближайших к ней кварталах! Как необычна и заманчива жизнь их обитателей! О, если б ему быть среди них!

ГЛАВА XXIII

В один ноябрьский вечер Клайд шел по Уикиги-авеню, неподалеку от Сентрал-авеню,— с тех пор как он переселился к миссис Пейтон, он всегда проходил по этому фешенебельному кварталу, идя на работу и с работы; и тут случилось нечто, повлекшее за собой ряд важных для Клайда и для Грифитсов событий, которых никто из них не мог предвидеть. В эти дни Клайд был очень жизнерадостен,— таков удел честолюбивой юности в пору умирания старого года. У него хорошее положение. Его здесь все уважают. И зарабатывает он достаточно: после расходов на комнату и на стол у него остается не меньше пятнадцати долларов в неделю, которые он может истратить на себя и Роберту. Это, конечно, гораздо меньше, чем он зарабатывал в отеле «Грин-Дэвидсон» или в клубе «Юнион лиг», но зато здесь он не связан с вечно нуждающейся семьей, как было в Канзас-Сити, и не страдает от одиночества, как в Чикаго. У него есть Роберта, ее тайная любовь. И, к счастью, Грифитсы ничего об этом не знают и не должны знать. Впрочем, он не давал себе труда подумать, как сохранить это в тайне, если возникнут осложнения. Ему вовсе не хотелось утруждать себя какими-либо заботами, разве что самыми неотложными.

Правда, Грифитсы и их друзья не желали вводить его в свой круг, но все чаще другие видные люди, хотя и не при-

надлежащие к сливкам здешнего общества, оказывали ему внимание. Как раз в этот день (наверно, потому, что Клайд с весны стал начальником отделения, и к тому же Сэмюэл Гриффитс недавно при всех немного поговорил с ним) к нему подошел сам Рудольф Смилли, один из вице-председателей компании, и любезно спросил, не играет ли он в гольф, и если играет, то не запишется ли весной в клуб «Эймоскинг», один из двух широко известных здешних гольф-клубов, находящихся в нескольких милях от города. Это могло значить только одно: что мистер Смилли начинает видеть в нем будущую величину и, подобно многим другим, начинает смотреть на него как на человека не безразличного для Грифитсов, хотя и не очень высоко стоящего на фабрике.

Клайд радовался, думая об этом и еще о том, что сегодня он снова увидится с Робертой у нее дома, и притом скоро — в одиннадцать или даже раньше, и его походка и движения стали по-новому быстры, легки и веселы. Вообще, привыкнув немного к своим тайным встречам, и Клайд и Роберта, сами того не сознавая, стали смелее. Не разоблаченные до сих пор, они решили, что и не будут разоблачены. Если их увидят вдвоем, Роберта представит его как своего брата или кузена — в ту минуту этого будет достаточно, чтобы избежать скандала. А потом, решили они, во избежание сплетен и разоблачения Роберта могла бы переехать на другую квартиру, и там все пойдет по-старому. Это легче или, во всяком случае, лучше, чем вовсе не иметь возможности встречаться. И Роберте пришлось согласиться.

Однако как раз в этот вечер произошла встреча, которая направила мысли Клайда совсем в другую сторону. Проходя мимо первого из самых великолепных особняков на Уикиги-авеню (он не имел ни малейшего представления о том, кто здесь живет), Клайд с любопытством поглядел сквозь высокую чугунную решетку ограды на лужайку перед домом, слабо освещенную уличными фонарями и покрытую сухими опавшими листьями, которые шуршали и кружились под порывами ветра. Все здесь казалось непоколебимо строгим, спокойным, замкнутым и прекрасным, и Клайд был поражен благородством и богатством этого особняка. Когда он подошел к главному входу, над которым сияли два фонаря, отбрасывая широкий круг света, у самых ворот вдруг остановился большой закрытый автомобиль. Шофер соскочил и открыл дверцу, и Клайд мгновенно узнал выглянувшую из автомобиля Сондру Финчли.

— Ступайте к боковому входу, Дэвид, и скажите Мирнам, что я не могу ее ждать, потому что еду на обед к Трамбалам, но вернусь к девяти. Если ее нет дома, оставьте эту записку — да поскорее, слышите?

В ее голосе и манерах было что-то властное и все же чарующее, что так поразило его прошлой весной.

А Сондре в это время показалось, что по тротуару идет Гилберт Грифитс.

— Привет! — окликнула она.— Гуляете? Если подождете минутку, я могу вас подвезти. Я послала Дэвида с запиской, он сейчас вернется.

Сондра Финчли дружила с Беллой, признавала богатство и престиж семьи Грифитс, но отнюдь не питала симпатии к Гилберту. Он с самого начала был к ней равнодушен и остался равнодушным, хотя она и пробовала с ним кокетничать. Ее гордость была уязвлена. Тщеславная и самовлюбленная, она не могла простить ему оскорбления. Она не выносила эгоизма в других и особенно не терпела тщеславного, холодного и самовлюбленного брата Беллы. Уж слишком он высокого мнения о себе, слишком надут и высокомерен, только о себе и думает. «Фу, какой гордый! И что он только из себя строит? Воображает, что он ужасно важная персона... Прямо Рокфеллер или Морган! И, по-моему, он ни чуточки не интересный. Мне нравится Белла. Она очень мила. Но этот фат!.. Ему, наверно, хочется, чтобы девушки ухаживали за ним. Ну, от меня он этого не дождется!» Так заявляла Сондра всякий раз, как с ней заговаривали о Гилберте.

А Гилберт, выслушивая от Беллы рассказы о выходках и затеях Сондры, обыкновенно говорил: «Что? Эта самоуверенная девчонка? Что она только из себя строит? И откуда такая самонадеянность!»

Но так узки были рамки ликургского общества и так немногочисленны великие мира сего, что немногим избранным поневоле приходилось встречаться и поддерживать дружеские отношения. Вот почему Сондра сейчас окликнула Гилберта,— вернее, того, кого принимала за Гилберта. Она подвинулась немного, давая ему место в автомобиле, и Клайд, который сперва чуть не окаменел от неожиданности и совершенно растерялся, не зная, верить ли своим ушам, подошел к машине, всем своим видом напоминая породистого пса, ласкового и немного грустного.

— Добрый вечер,— сказал он, снимая шляпу и кланяясь.— Как поживаете?

Он понял, что это действительно та самая прелестная Сондра, которую он встретил весной у дяди и о чьих светских успехах читал летом в газетах. И вот она здесь, перед ним, как всегда очаровательная, сидит в великолепном автомобиле и, видимо, обращается к нему... Однако Сондра тотчас сообразила, что ошиблась и что это не Гилберт; на мгновенье она смутилась, не зная, как выйти из неловкого положения.

— Ах, простите! — наконец сказала она.— Теперь я узнала вас, вы — мистер Клайд Грифитс. Я приняла вас за Гилберта. Вы стояли в тени...

Она говорила сбивчиво, запинаясь; Клайд заметил ее замешательство и понял, что Сондра ошиблась и это — ошибка, неприятная ей самой и не слишком лестная для него. В свою очередь, он смутился, ему хотелось поскорее уйти.

— Простите! Это ничего... Я не хотел навязываться... Я думал...

Он покраснел и сделал шаг назад, очень огорченный.

Но Сондра сразу заметила, что Клайд гораздо привлекательнее своего двоюродного брата, несравненно почтительней и что на него явно производит сильное впечатление ее красота и положение в обществе. Она быстро овладела собой настолько, чтобы сказать с очаровательной улыбкой:

— Нет, нет, что вы! Позвольте, я подвезу вас, куда вам нужно. Пожалуйста, садитесь! Мне будет очень приятно!

Как только Клайд понял, что с ним заговорили просто по ошибке, приняв его за другого, его манеры сразу изменились, и Сондра увидела, что он огорчен, смущен и разочарован. Глаза его омрачились, на губах дрожала извиняющаяся, печальная улыбка.

— Отчего же, я с радостью — сбивчиво начал он,— то есть, если вам угодно. Я понимаю, как это вышло. Это ничего, вы, пожалуйста, не беспокойтесь, если вам не хочется... я думал...

Он хотел уже уйти, но его так влекло к ней, что он невольно замешкался, и Сондра повторила:

— Ну пожалуйста, садитесь, мистер Грифитс! Очень вас прошу. И мне очень жаль, что вышло так неловко. Понимаете, мне ничего не стоит вас подвезти, и я совсем не хочу, чтобы вы думали, что раз вы не Гилберт...

Помедлив, Клайд в растерянности шагнул к автомобилю и сел рядом с Сондрой. А она сразу же с интересом стала его рассматривать, очень довольная, что это оказался не Гилберт. Чтобы лучше разглядеть его, а заодно и показать себя (она не сомневалась, что ее чары неотразимо действуют на Клайда),

она включила лампочку на потолке машины. Когда вернулся шофер, она спросила Клайда, куда его отвезти, и он не без колебания назвал свой адрес,— его улица была так мало аристократична по сравнению с той, где жила Сондра. Когда автомобиль помчался, Клайда охватило лихорадочное желание воспользоваться этим кратким случаем и произвести на Сондру хорошее впечатление,— кто знает, быть может, ей захочется еще как-нибудь встретиться с ним... Он так страстно хотел войти в это избранное общество.

— Так мило с вашей стороны, что вы пожелали подвезти меня,— сказал он с улыбкой.— Я не знал, что вы приняли меня за моего двоюродного брата, а то бы не подошел.

— Ах, это все равно, не стоит об этом говорить,— кокетливо и томно ответила Сондра (она находила теперь, что плохо рассмотрела Клайда в первый раз).— Это моя ошибка, не ваша. Но теперь я рада, что ошиблась,— прибавила она решительно, с чарующей улыбкой.— Мне гораздо приятнее подвезти вас, чем Гилберта. Знаете, мы с ним не очень ладим, каждый раз ссоримся при встрече.

Она улыбнулась, вполне оправившись теперь от своего минутного смущения, и грациозно откинулась назад, с интересом рассматривая правильные черты его лица. «У него такие ласковые, улыбающиеся глаза,— думала она.— И, в конце концов, ведь он двоюродный брат Беллы и Гилберта и не кажется бедняком».

— Вот как? Очень жаль,— чопорно сказал Клайд; он хотел в ее присутствии казаться самоуверенным и смелым, но это ему плохо удавалось.

— Но это, конечно, несерьезно. Просто мы иногда спорим из-за всяких пустяков, вот и все.— Сондра видела, что он нервничает и теряется в ее присутствии, и ей нравилось смущать его и кружить ему голову.— Вы все еще работаете у своего дяди?

— О да,— с живостью ответил Клайд, словно сообщая весьма важную для Сондры новость,— я теперь заведую отделением.

— Вот как, я не знала. Я ведь ни разу не видела вас с тех пор, помните? Вы нигде не бываете, вам, наверно, некогда? — Она многозначительно посмотрела на него, как бы собираясь сказать: «Ваши родственники не слишком вами интересуются». Но он определенно начинал ей нравиться, и потому она спросила только: — Вы все лето оставались в городе, да?

— Да, пришлось! — просто и весело ответил Клайд.— Ви-

дите ли, меня удерживала работа. Но я часто встречал ваше имя в газетах, читал о ваших экскурсиях, о теннисных состязаниях и видел вас в июне во время праздника цветов. Вы были прекрасны, прямо как ангел!

В его глазах светилось такое восхищение, что она была совсем очарована. Какой милый молодой человек, совсем не то что Гилберт! Подумать только, он так явно и безнадежно увлечен ею, а у нее он может вызвать лишь мимолетный интерес! Ей стало немножко грустно и жаль Клайда. А что подумал бы Гилберт, если бы узнал, что она совершенно покорила его двоюродного брата? Как бы он разозлился... он ведь считает ее пустой девчонкой. Для него было бы хорошим уроком, если бы кто-нибудь помог Клайду и проявил к нему такое внимание, на какое самому Гилберту нечего и рассчитывать. Эта мысль привела ее в восторг.

На беду, в эту минуту автомобиль остановился у двери миссис Пейтон. Интересное для обоих приключение, по-видимому, окончилось.

— Ужасно мило, что вы так говорите! Я этого не забуду.

Она лукаво улыбнулась, шофер открыл дверцу, и Клайд выскочил из автомобиля; он был глубоко взволнован столь важной и необычной встречей.

— Так вот где вы живете... Вы собираетесь всю зиму пробыть в Ликурге?

— Да, безусловно. Во всяком случае, надеюсь,— прибавил он мечтательно, и глаза его ясно выразили его мысль.

— Ну, тогда, может быть, мы с вами еще встретимся как-нибудь? Во всяком случае, надеюсь!

Она кивнула ему и с самой очаровательной и лукавой улыбкой протянула руку, а он, до безумия обрадованный, воскликнул:

— Я тоже!

— Всего хорошего! — крикнула она, когда автомобиль уже тронулся.

А Клайд, глядя вслед, спрашивал себя, увидит ли он ее когда-нибудь снова так близко, наедине? Неужели они еще когда-нибудь встретятся, как сегодня! И она говорила с ним теперь совсем не так, как в первый раз,— он хорошо помнил, что тогда она не проявила к нему никакого интереса.

Задумчивый, полный надежд, он направился к своей двери.

А Сондра... Почему это,— старалась она понять, пока автомобиль мчал ее по улицам Ликурга,— почему Грифитсы, видимо, так мало интересуются своим родственником?..

ГЛАВА XXIV

Влияние этой нечаянной встречи во многих отношениях оказалось поистине гибельным. Как ни много удовлетворения и радости давала Клайду близость с Робертой, перед ним теперь снова в упор встал волнующий вопрос: может ли он добиться положения в обществе? И странно, это произошло благодаря встрече с девушкой из высшего света, которая воплощала и неизмеримо увеличивала в его глазах значение своего круга. Что за красавица эта Сондра Финчли! Какое прелестное лицо, как изящно одета, как непринужденно держится... Если бы только он сумел заинтересовать ее при первой встрече или хотя бы теперь!

Своими новыми отношениями с Робертой Клайд не настолько дорожил, чтобы они могли удержать его теперь, когда его со всей силой темперамента и воображения влекло к такой девушке, как Сондра, и ко всему, что она собой олицетворяла. Ведь фабрика электрических пылесосов Уимблинджера Финчли была одним из крупнейших местных предприятий. Ее высокие стены и трубы были частью ломаной линии, вычерченной на фоне неба по ту сторону Могаука. Особняк Финчли на Уикигивеню, неподалеку от особняка Грифитсов, был одним из самых внушительных в этом ряду изысканных домов, созданных по последней архитектурной моде: в стиле итальянского ренессанса, из кремового мрамора в сочетании с песчаником. А сами Финчли принадлежали к тем семьям, о которых больше всего говорили в городе.

Ах, познакомиться бы поближе с этой необыкновенной девушкой! Завоевать ее расположение и, может быть, благодаря ей войти в блестящее общество, к которому она принадлежит. Разве он не Грифитс? И разве по внешности он хуже Гилберта? Он был бы не менее привлекателен, будь у него столько денег, сколько у Гилберта, или хотя бы часть. Если бы он мог одеваться, как Гилберт, разъезжать в прекрасной машине! Тогда — будьте уверены! — даже такая девушка, как Сондра, с радостью обратила бы на него внимание... и может быть, даже влюбилась бы в него. Прямо сказка! Но теперь, сумрачно думал он, ему остается только надеяться, надеяться и надеяться.

О, черт! Он не пойдет сегодня вечером к Роберте. Выдумает какое-нибудь извинение... скажет ей завтра, что дядя или двоюродный брат вызвали его по какому-нибудь делу. Он не хочет и не может идти к ней теперь, он слишком взволнован.

Таково было влияние богатства, красоты, видного положения в обществе, к которому так стремился Клайд, на его характер, текучий и непостоянный, как вода.

А Сондра, со своей стороны, после этой встречи всерьез увлеклась Клайдом, особенно потому, что его обращение с ней оказалось полной противоположностью обидному поведению его двоюродного брата. Его манеры, костюм, а также мимоходом брошенные слова о том, что он заведует на фабрике каким-то отделением,— все как будто говорило, что его положение лучше, чем она думала. Но она вспомнила также, что, хотя чуть не все лето провела с Беллой и часто встречалась с Гилбертом, Майрой и их родителями, они никогда ни словом не обмолвились о Клайде. В сущности, она знала о нем лишь то, что при первой встрече сказала миссис Грифитс: что Клайд бедный племянник, которого ее муж выписал сюда, желая немного ему помочь. Однако на этот раз Клайд вовсе не показался ей таким уж незначительным, жалким бедняком,— он очень интересен, красив, хорошо одет и явно хотел бы ей понравиться. А это лестно: ведь он тоже Грифитс, двоюродный брат Гилберта!

Приехав к Трамбалам (глава семьи, вдовец Дуглас Трамбал, преуспевающий местный адвокат, благодаря знакомствам своих детей, а также собственным изысканным манерам и талантам опытного юриста сумел проникнуть в высшие сферы Ликурга), Сондра тотчас сообщила Джил Трамбал, старшей из двух дочерей адвоката, какое с ней случилось забавное недоразумение, и подробно рассказала обо всем, что произошло. А так как Джил нашла эту историю ужасно интересной, Сондра после обеда повторила ее Гертруде и Трейси Трамбалам.

— А знаете,— заметил Трейси Трамбал, единственный сын адвоката, изучающий право в конторе своего отца,— я уверен, что раза три-четыре встречал этого парня на Сентрал-авеню. Он очень похож на Гила, правда? Только не так важничает. Я раза два даже принимал его за Гила и кланялся ему.

— Да, я его тоже видела,— прибавила Гертруда Трамбал.— Он ходит в кепи и в пальто с поясом, совсем как Гилберт. Мне показала его Арабелла Старк, а потом мы с Джил видели его в субботу вечером: он проходил мимо дома Старков. По-моему, он гораздо красивее Гила.

Это укрепило мнение Сондры о Клайде, и она сказала:

— Как-то весной мы с Бертиной Крэнстон встретили его у Грифитсов. Тогда он показался нам слишком застенчивым. А видели бы вы его теперь — он прямо красивый, у него такие мягкие глаза и премилая улыбка.

— Однако, Сондра! — воскликнула Джил Трамбал (они вместе учились в школе Снедекер, и Джил, так же как Бертина и Белла, была близкой подругой Сондры).— Я знаю кое-кого, кто стал бы ревновать, если бы слышал это.

— А кстати, вряд ли Гилу Грифитсу было бы приятно слышать, что двоюродного брата считают красивее его самого,— вставил Трейси Трамбал.

— Ну и пусть,— раздраженно фыркнула Сондра.— Гилберт слишком много о себе думает. Держу пари, что это из-за него Грифитсы так невнимательны к своему родственнику. Теперь я просто уверена в этом. Белла, конечно, ничего не имеет против знакомства с ним,— она еще весной говорила мне, что считает его красивым. Майра никогда никого не обидит... А знаете, хорошо бы кому-нибудь из нас взять его под свое покровительство. Тогда его станут приглашать в разные дома! Любопытно посмотреть, как он будет себя держать и как это понравится Грифитсам! Уж конечно, ни мистер Грифитс, ни Белла, ни Майра не будут против, а Гил наверняка разозлится. Мне самой неудобно, я слишком близка с Беллой, но я знаю, кто может это устроить.— Она подумала о Бертине Крэнстон: Бертина не любит Гила и миссис Грифитс.— Не знаю только, умеет ли он танцевать, ездить верхом, играть в теннис и все такое...

Поглощенная этой затеей, она умолкла и задумалась; остальные наблюдали за ней. Джил Трамбал, такая же порывистая и беспокойная, как Сондра, но далеко не такая хорошенькая, воскликнула:

— Вот будет забавно! А как по-твоему, Грифитсы будут очень недовольны?

— Не все ли равно? — сказала Сондра.— В крайнем случае, не будут обращать на него внимания. Кого это огорчит, спрашивается! Уж наверно, не тех, кто его пригласит.

— Вы что же, хотите устроить в городе скандал? — спросил Трейси Трамбал.— Держу пари, что этим все и кончится. Гил Грифитс будет недоволен, это наверняка. Да и я был бы недоволен на его месте. Если вы хотите разжечь страсти — ваше дело, но я готов держать пари, что кончится скандалом.

Сондре Финчли при ее характере очень понравилась эта затея. Однако вряд ли из этого что-нибудь вышло бы, если бы после всех ее разговоров с Бертиной Крэнстон, Джил Трамбал, Патрицией Энтони и Арабеллой Старк слухи об этом вместе с язвительными замечаниями по адресу Гилберта не дошли до его ушей через Констанцию Вайнант, с которой, как сплетничали в городе, он собирался обручиться. Констанцию, которая

надеялась, что Гилберт в самом деле на ней женится, возмутила прихоть Сондры: чего ради Сондра вздумала говорить всем, будто Клайд красивее Гилберта? В надежде как-нибудь отплатить Сондре и заодно облегчить свою душу, она рассказала обо всем Гилберту; он в ответ сказал несколько резкостей по адресу Клайда и Сондры. Его замечания, приукрашенные Констанцией, были, в свою очередь, переданы Сондре и произвели желанный эффект. Сондра решила во что бы то ни стало отплатить Гилберту. Стоит ей только захотеть, и она станет очень любезна с Клайдом и других заставит делать то же. А это значит, что Гилберт найдет своеобразного соперника в лице собственного двоюродного брата, который хоть и беден, но может нравиться больше, чем Гилберт. Вот будет забавно! И она нашла легкий способ ввести Клайда в общество так, чтобы не выдать своего участия в этом и не скомпрометировать себя, если вся затея кончится неудачей.

Дело в том, что младшие члены видных ликургских семейств — молодежь, которая воспитывалась в школе Снедекер,— устроили что-то вроде клуба под названием «Сейчас и после». У него не было ни определенной организации, ни своего помещения. Каждый, кто по своему положению в обществе мог состоять в этом клубе, имел право приглашать к себе членов клуба на обед, танцы или чай.

Как это было бы просто, думала Сондра, подыскивая удобный способ ввести Клайда в свет, если бы кто-нибудь пригласил его на такой вечер. Можно, например, подсказать эту мысль Джил Трамбал: пусть она устроит вечеринку для членов клуба и пригласит Клайда. Эта хитрость даст Сондре случай снова увидеть его и определить, насколько он интересен и что собой представляет.

И вот на первый четверг декабря был назначен обед для членов клуба и их друзей с Джил Трамбал в роли хозяйки. На обед были приглашены Сондра и ее брат Стюарт, Трейси и Гертруда Трамбал, Арабелла Старк, Бертина и ее брат, еще несколько человек из Утики и Гловерсвила — и Клайд.

Но чтобы не дать Клайду сделать какой-либо промах и оберечь его от недоброжелательных замечаний, решили, что не только Сондра, но и Бертина, Джил и Гертруда будут внимательны и любезны с ним. Они позаботятся о том, чтобы он всегда имел партнершу для танцев, ни за столом, ни во время танцев не оставался один,— словом, они искусно будут передавать его с рук на руки, пока вечер не кончится. Таким образом, и другие могут заинтересоваться им, и не будет разговоров о

том, что Сондра единственная из лучшего общества Ликурга любезна с ним, и все это будет вдвойне неприятно если не Белле и другим членам семьи Грифитс, то уж Гилберту во всяком случае.

И этот план был приведен в исполнение.

Итак, однажды, в начале декабря, недели через две после встречи с Сондрой, Клайд, вернувшись с фабрики, с удивлением увидел на комоде у зеркала кремовый конверт. Адрес был написан крупным и небрежным незнакомым почерком. Клайд взял конверт и с недоумением оглядел его, не понимая, от кого бы это могло быть. На обратной стороне были инициалы «Б. Т.» или «Д. Т.» — он не мог разобрать: буквы были переплетены в замысловатой монограмме. Распечатав конверт, он вынул карточку, на которой было написано:

Клуб «Сейчас и после»
в четверг 4 декабря
даст свой первый зимний обед
с танцами
в доме Дугласа Трамбала,
Уикиги-авеню, 135,
куда вас просят пожаловать.
Просьба ответить мисс Джил Трамбал.

На обороте карточки тем же небрежным почерком, что и адрес на конверте, было написано:

«Дорогой мистер Грифитс, думаю, что вам это доставит удовольствие. Все будет совсем запросто, и я уверена, что вам понравится. Если согласны, напишите Джил Трамбал.

Сондра Финчли».

Совершенно ошеломленный, Клайд стоял и смотрел на приписку. После второй встречи с Сондрой он упорнее, чем когда-либо раньше, мечтал о том, чтобы как-то проникнуть в высшее общество, выбраться из своего теперешнего жалкого окружения. Право же, он слишком хорош для этого будничного мира. И вот перед ним приглашение светского клуба, о котором он, правда, никогда не слыхал, но, очевидно, это что-то исключительное, раз в него входят такие видные лица. И на обороте карточки — собственноручная приписка Сондры! Не чудо ли это!

Он был так изумлен, что с трудом мог справиться со своей радостью: стал ходить взад и вперед, рассматривая себя в

зеркале, вымыл руки, лицо и, решив, что галстук на нем недостаточно хорош, переменил его. Мысли его неслись то вперед, к предстоящему визиту (как ему одеться для этого случая?), то назад, к встрече с Сондрой. Как она смотрела на него, как улыбалась! В то же время он невольно спрашивал себя, что подумала бы Роберта, если бы каким-нибудь чудом увидела его в эту минуту, увидела, как он радуется этой записке. Да, конечно, не следуя больше моральным правилам своих родителей, он позволил себе вступить в такие отношения с Робертой, что она, несомненно, страдала бы, если бы открыла причину его теперешнего настроения. Мысль эта сильно смутила его, но нисколько не уменьшила его восхищения Сондрой.

Удивительная девушка!

Такая красавица!

И так богата, и такое видное положение занимает в обществе!

Мышление Клайда всегда было языческим, чуждым всяких условностей; и теперь он всерьез спрашивал себя, почему бы ему не перенести свое внимание с Роберты на Сондру, раз мечты о ней доставляют ему больше удовольствия. Роберта не должна об этом знать. Она не может прочитать его мысли, не может узнать о том, что с ним происходит, если он сам ей не скажет, а он, разумеется, ничего не собирается говорить. Да и что тут плохого, если он, бедняк, стремится попасть в высший свет? Ведь бывали случаи, когда такие же бедняки женились на таких богатых девушках, как Сондра.

Несмотря на то, что произошло между ним и Робертой,— он ясно помнил это,— он никогда не обещал на ней жениться. Он, пожалуй, женился бы только в одном случае... Но такой случай, думал он, полагаясь на познания, приобретенные в Канзас-Сити, вряд ли возможен.

Новая встреча с Сондрой, так внезапно ставшей на его пути, подстегнула его и без того пылкое воображение. Эта безмерно восхищавшая Клайда богиня в своем украшенном позолотой и мишурой храме соблаговолила вспомнить о нем и так открыто и прямо предложила его пригласить. И она сама, несомненно, будет там,— мысль эта волновала его безумно.

Что подумают Гилберт и все Грифитсы, если услышат, что он будет на этом обеде,— а они, конечно, услышат... или встретят его еще где-нибудь, ведь Сондра может пригласить его и в другой раз... Подумать только! Рассердятся они или будут довольны? Станут думать о нем хуже или лучше? В конце кон-

цов, он здесь ни при чем. Его пригласили люди того же круга, что и сами Грифитсы,— люди, которых Грифитсы не могут не уважать. И тут не было никаких уловок с его стороны — все это чистая случайность, он никому не навязывался. И, как ни плохо разбирался Клайд в оттенках человеческих отношений, все же втайне он с насмешливым удовольствием думал о том, что теперь Гилберт и все Грифитсы должны будут волей-неволей признать его и даже пригласить к себе. В самом деле, если другие его приглашают, то как могут они, родственники, избегать его? О, радость! И это — наперекор презрению Гилберта. Клайд расхохотался при одной мысли об этом, чувствуя, что, как бы ни негодовал Гилберт, дядя и Майра вряд ли будут недовольны, и, значит, нечего бояться тайного желания Гилберта ему отомстить.

Но что за чудо это приглашение? Что может значить приписка Сондры? Если бы она не интересовалась им хоть немного, она не написала бы ему,— конечно, нет! Мысль эта так взволновала Клайда, что он почти не мог есть за обедом. Он вынул карточку из конверта и поцеловал строки, приписанные Сондрой. И вместо того чтобы отправиться, как обычно, к Роберте, он решил, как и после памятной поездки в автомобиле, немного пройтись, а затем вернуться домой и рано лечь спать. Завтра, как и в тот раз, он выдумает какое-нибудь извинение,— скажет Роберте, что его вызывали к Грифитсам или к кому-нибудь из начальства, чтобы выслушать доклад о работе. Подобные совещания бывали нередко. После того, что произошло, ему вовсе не хотелось в этот вечер видеть Роберту и говорить с ней. Он не мог. Другая мысль — о Сондре, о том, что она интересуется им,— была слишком заманчива.

ГЛАВА XXV

Клайд ни слова не говорил Роберте о Сондре, а между тем и вблизи Роберты, на фабрике и даже у нее дома, невольно продолжал мечтать о Сондре и о высшем свете, в котором она вращалась. Роберта порою чувствовала в нем какую-то рассеянность и отчужденность, словно он минутами совершенно забывал о ней, и спрашивала себя, что же так сильно занимает его в последнее время. А он в свою очередь, когда Роберта не смотрела на него, думал... взвешивал... да, взвешивал (ведь Сондра сама напомнила ему о себе)... вдруг такая девушка заинтересуется им! Как тогда с Робертой? Как? Ведь они теперь стали

так близки... (Проклятие! Черт!) И ведь Роберта нравится ему, да, очень,— впрочем, теперь, купаясь в лучах нового светила, он едва мог смотреть на Роберту, так сильны были невидимые лучи той, другой. Неужели он такой испорченный? Не грешно ли быть таким? Его мать сказала бы, что грешно! И отец тоже, и, может быть, все, кто правильно рассуждает о жизни. И Сондра Финчли, может быть, и Грифитсы — все.

И все же... все же!..

Падал легкий, первый в этом году снежок, когда Клайд, в новом цилиндре и белом шелковом кашне (и то и другое ему посоветовал приобрести дружески расположенный к нему владелец небольшого галантерейного магазина Орин Шорт, с которым Клайд недавно познакомился), с новым шелковым зонтиком для защиты от снега, направлялся к своеобразному, хотя и не особенно внушительному особняку Трамбалов на Уикиги-авеню. Это было странное невысокое здание, без определенного стиля, и свет, пробивавшийся сквозь шторы, делал его похожим на рождественскую открытку. Перед домом даже сейчас — Клайд пришел точно к назначенному часу — уже стояло с полдюжины красивых автомобилей различных марок и цветов. Вид этих машин, осыпанных хлопьями снега, заставил Клайда остро почувствовать, как много ему недостает... вряд ли у него в скором времени будет достаточно денег для того, чтобы обзавестись столь необходимой вещью, как автомобиль.

Подойдя к двери, он услышал голоса, смех и обрывки разговоров.

Высокий худощавый слуга взял у него шляпу, пальто и зонтик, и Клайд оказался лицом к лицу с Джил Трамбал, которая, видимо, поджидала его: это была нежная кудрявая блондинка, не очень красивая, но живая и изящная, в белом атласном платье, с открытыми плечами и руками; лоб ее украшала диадема.

— Не трудитесь называть себя,— сказала она весело, подходя к Клайду и протягивая ему руку.— Я Джил Трамбал. Мисс Финчли еще не приехала, но я постараюсь выполнить обязанности хозяйки не хуже ее. Пройдите сюда, здесь собрались почти все.

Она провела его через несколько комнат, которые, казалось, примыкали одна к другой под прямым углом.

— Вы страшно похожи на Гила Грифитса, правда? — сказала она.

— Разве похож? — храбро сказал Клайд, очень польщенный этим сравнением.

Потолки здесь были низкие. Красивые лампы с разрисованными абажурами ласкали мягким светом темные стены. Камины в двух смежных комнатах бросали розовый отблеск на мягкую удобную мебель. Всюду были картины, книги, изящные безделушки.

— Трейси, где ты? Иди сюда! — позвала Джил.— Мой брат Трейси Трамбал — мистер Грифитс. Мистер Клайд Грифитс — и все прочие,— прибавила она, обращаясь ко всему обществу, и все взгляды устремились на Клайда, пока Трейси Трамбал пожимал ему руку.

Клайд, сконфуженный тем, что его внимательно рассматривают, все же старался приветливо улыбаться. Тут он заметил, что разговоры смолкли.

— Прошу не прерывать из-за меня беседы,— осмелился он сказать улыбаясь; и почти все присутствующие решили, что он привык бывать в обществе и находчив.

— Я не буду вас подводить к каждому,— сказал Трейси.— Мы постоим здесь, и я постараюсь вам всех показать. Вот моя сестра Гертруда, она разговаривает со Скоттом Николсоном.

Клайд увидел маленькую темноволосую девушку в розовом платье, с хорошеньким, дерзким и пикантным личиком; она кивнула ему. Стоявший рядом с нею очень корректный, хорошо сложенный розовощекий юноша тоже кивнул Клайду. В нескольких шагах от них в глубокой оконной нише стояла высокая изящная девушка со смуглым некрасивым лицом и разговаривала с широкоплечим молодым человеком немного ниже ее ростом. Это были Арабелла Старк и Фрэнк Гарриэт.

— Они спорят о недавнем футбольном матче,— пояснил Трейси.— А это Бэрчард Тэйлор и мисс Фэнт из Утики, и Перли Хайнс и мисс Ванда Стил,— продолжал он так быстро, что Клайд почти ничего не успевал запомнить.— Ну, пока, пожалуй, это все. Нет, вот еще идут Грэнт Крэнстон и Нина Темпл.

Клайд увидел высокого молодого человека, щегольски одетого, с резкими чертами лица и мрачными серыми глазами; он вел под руку нарядную полную девушку в золотисто-коричневом платье; вокруг ее головы была тщательно уложена светло-каштановая коса. Молодой человек прошел на середину комнаты, восклицая: «Привет, Джил! Привет, Ванда! Хэлло, Вайнет!» Под эти возгласы Клайд был представлен вновь вошедшим; оба они почти не обратили на него внимания.

— Мы не думали, что приедем,— продолжал Крэнстон, обращаясь ко всем сразу.— Нина не хотела ехать, но я обещал Бертине и Джил быть здесь, а то я тоже не приехал бы.

Мы были у Бэгли. Угадай, Скотт, кто там был? Ван Петерсон и Рода Халл. Они приехали на один день.

— Что ты говоришь! — воскликнул Скотт Николсон, судя по внешности, весьма решительный и самоуверенный молодой человек (Клайда поражали уверенные и непринужденные манеры всех этих людей).— Почему вы не привезли их сюда? — продолжал Скотт.— Я с удовольствием повидал бы их обоих.

— Нельзя было. Они сказали, что им надо рано вернуться. А может, они потом и заедут сюда на минутку. Ну, а что же обед? Я рассчитывал сразу сесть за стол.

— Да ведь ты в доме адвоката,— а разве ты не знаешь, что они вообще едят не часто? — заявил Фрэнк Гарриэт, невысокий, но плечистый улыбающийся юноша, очень красивый и симпатичный, с ровными белыми зубами.

Он понравился Клайду.

— Ну, едят адвокаты или нет, а мы должны есть, иначе я ухожу... Слышали вы, кто будет в команде Корнуэла в будущем году?

Студенческая болтовня о спортивных состязаниях, в которой приняли участие Гарриэт, Крэнстон и другие, была совершенно непонятна Клайду. Он очень мало слышал о различных колледжах, с которыми была тесно связана жизнь этой молодежи. Он был достаточно умен, чтобы не вмешиваться в разговоры на эти темы, но именно поэтому сразу почувствовал себя здесь чужим. Эта молодежь куда больше знает, чем он, все они учились в колледжах. Может быть, сказать, что он тоже был в какой-нибудь школе? Когда-то он слышал о Канзасском университете,— это недалеко от Канзас-Сити. Есть еще университет в Миссури. И он слышал, что в Чикаго тоже есть университет. Нельзя ли сказать, что и он учился в одном из них, например в Канзасском, хотя бы недолго? Он решил, что так и скажет, если его спросят. Но что дальше? Вдруг его спросят, что он там изучал? Он кое-что слышал о математике. Предположим, что он изучал математику,— почему бы нет?

Но скоро он заметил, что все эти юноши и девушки слишком заняты собой и мало интересуются им. Он может быть Грифитсом, и это может иметь большое значение где-то в другом месте, но не здесь: здесь это нечто само собою разумеющееся — и только. А так как в эту минуту Трейси Трамбал отвернулся, чтобы сказать несколько слов Вайнет Фэнт, Клайд почувствовал себя одиноким, заброшенным и беспомощным. Ему не с кем было поговорить. Но тут к нему подошла маленькая черноволосая Гертруда.

— Наши не могут не опаздывать. Вечная история. Если назначить в восемь, они соберутся в половине девятого или в девять. Так всегда бывает, правда?

— Да, конечно! — ответил благодарный Клайд, стараясь держаться возможно веселее и непринужденнее.

— Я Гертруда Трамбал,— вновь отрекомендовалась она,— сестра вон той хорошенькой Джил,— она смотрела на него с дерзкой и веселой улыбкой.— Вы поклонились мне, но вы меня не знаете. А мы много слышали о вас.— Она поддразнивала Клайда, ей хотелось немного смутить его, если удастся.— Таинственный Грифитс в Ликурге, которого никто нигде не встречает. А я один раз видела вас на Сентрал-авеню, но вы этого не знали. Вы входили в кондитерскую Рич. Вы любите сладости?

— Да, люблю, а что? — спросил Клайд; на мгновенье он смутился и встревожился, потому что конфеты он покупал для Роберты. И в то же время он невольно чувствовал себя с этой девушкой несколько проще и увереннее, чем с остальными: она дерзкая и не очень привлекательная, зато веселая, и сейчас она спасает его от чувства одиночества и заброшенности.

— Ну, вы это просто так говорите! — Гертруда засмеялась и лукаво взглянула на Клайда.— А я думаю, что вы покупали конфеты для какой-нибудь девушки. Ведь у вас, наверно, есть подружка?

— Как?..

На какую-то долю секунды Клайд растерянно замолчал, у него мелькнула мысль о Роберте, и он с тревогой спросил себя, не видел ли его кто-нибудь с нею. И в то же время подумал: что за смелая, насмешливая и умная девушка эта Гертруда, он таких никогда еще не встречал! Но уже в следующее мгновенье он ответил:

— Нет, у меня никого нет. Почему вы спрашиваете? — И опять у него промелькнула мысль: что подумала бы Роберта, если бы слышала его? — Но какой вопрос! — продолжал он, немного волнуясь.— Вы любите дразнить людей, да?

— Кто? Я? О нет. Я никогда никого не дразню. Но я убеждена, что угадала. Мне нравится иногда задавать такие вопросы: любопытно послушать, что скажет человек, когда он не хочет показать, о чем на самом деле думает.— Она насмешливо и вызывающе улыбалась в лицо Клайду.— Все равно, я знаю, у вас есть приятельница, как у всех красивых молодых людей.

— А разве я красивый? — Он слегка улыбнулся, заинтересованный и польщенный.— Кто это говорит?

— Будто вы сами не знаете? Разные люди. Я, например. Сондра Финчли тоже думает, что вы красивый. Она интересуется только красивыми мужчинами. И моя сестра Джил тоже. Я в этом отношении не похожа на них, потому что я и сама не очень красивая.

Прищурясь, она смотрела ему в глаза вызывающим, дразнящим взглядом, и Клайд растерялся: он не знал, что отвечать, как держаться с этой девушкой, но в то же время она его занимала, и ее слова ему льстили.

— Вы не думаете, что вы красивее вашего двоюродного брата? — продолжала она резко, почти властно.— Есть люди, которые считают, что это так.

Клайд был не только польщен, но и слегка ошеломлен ее вопросом: он хотел бы и сам верить в свое превосходство над Гилбертом, притом его интриговало, что эта девушка так интересуется им; однако он и думать не смел о том, чтобы утверждать что-либо подобное, даже если бы был в этом уверен. Слишком живо он представлял себе энергичное, решительное, подчас даже угрожающее лицо Гилберта; он, конечно, сразу же уволил бы Клайда, если бы узнал, что тот говорит такие вещи.

— Ну, что вы, я никогда не думал ничего подобного! — засмеялся он.— И не думаю, честное слово!

— Что ж, может быть, вы и не думаете, но вы и в самом деле красивее его! Только это вам мало поможет, если вы хотите бывать в обществе тех, у кого есть деньги.— Она внимательно посмотрела на него и прибавила почти ласково: — Люди любят деньги даже больше, чем красивую внешность.

«Какая умная девушка,— подумал Клайд,— и какие жестокие, холодные слова». Они больно резнули его, хотя у нее и не было такого намерения.

Но в эту минуту вошла сама Сондра с неизвестным Клайду молодым человеком, высоким, угловатым, но великолепно одетым. Вслед за ними появились Бертина и Стюарт Финчли.

— Вот и она,— сказала Гертруда не без досады: ей было неприятно, что Сондра красивее и ее самой, и ее сестры и явно интересуется Клайдом.— Она сейчас посмотрит на вас, проверит, заметили ли вы, какая она сегодня хорошенькая. Смотрите, не разочаруйте ее.

Это замечание, вполне справедливое, было излишне: Клайд и без того внимательно и даже жадно смотрел на Сондру. Она пленяла его не только своим положением, богатством, тонким вкусом в одежде и манерами,— она принадлежала к тому типу женщин, который особенно привлекал его: может быть, более

утонченная, не такая необузданная, хотя вряд ли менее эгоистичная, она чем-то походила на Гортензию Бригс. В своем роде это была маленькая, но упрямая Афродита: она стремилась во что бы то ни стало доказать каждому сколько-нибудь привлекательному мужчине гибельную силу своих чар и в то же время старалась не связывать себя какими-либо узами и обязательствами. Однако по разным причинам, которые она и сама не вполне понимала, ее влекло к Клайду. У него не было ни денег, ни положения в обществе, но он ей нравился.

Итак, она прежде всего проверила, тут ли он, затем постаралась не дать ему заметить, что она первая его увидела, и, наконец, приложила все усилия, чтобы его ослепить,— словом, вела себя в духе Гортензии (именно эта тактика всего сильнее действовала на Клайда).

Клайд не отрываясь смотрел, как она переходила с места на место; ее прозрачное вечернее шифоновое платье отливало всеми оттенками от бледно-желтого до густо-оранжевого, и это необыкновенно шло к ней: к ее глазам и волосам. Обменявшись приветствиями и замечаниями почти со всеми в комнате, она наконец соблаговолила заметить и Клайда.

— А, вот и вы! Решились наконец показаться? Я не была уверена, что вы сочтете это интересным. Вас уже, конечно, со всеми познакомили? — И она посмотрела кругом, как бы желая сказать, что, если это еще не сделано, она сама познакомит его с остальными.

А те, не слишком интересуясь самим Клайдом, были очень заинтересованы тем, что к нему так внимательна Сондра.

— Кажется, я знаком уже почти со всеми.

— Кроме Фредди Сэлса: он только что пришел со мной. Послушайте, Фредди,— окликнула она затянутого во фрак высокого стройного юношу с мягким овалом лица и явно завитыми волосами; он подошел и посмотрел на Клайда сверху вниз, как забияка-петух на воробья.

— Это Клайд Грифитс, я вам о нем говорила, Фред,— быстро начала Сондра,— посмотрите, как он похож на Гилберта.

— Очень похож! — воскликнул этот любезный юноша; он, должно быть, страдал близорукостью и потому близко нагнулся к Клайду.— Я слышал, вы двоюродный брат Гила? Я хорошо его знаю. Мы с ним вместе учились в Принстоне. Я жил здесь прежде, чем поступил в «Дженерал электрик» в Скенэктеди. Но я тут часто бываю. Вы, кажется, служите на фабрике?

— Да, служу,— сказал Клайд, изрядно робея перед этим, как видно, очень образованным юношей.

Клайд побаивался, что этот молодой человек заговорит с ним о таких вещах, в которых он, не получивший никакого специального технического образования, ничего не понимает.

— Вы, вероятно, заведуете каким-нибудь отделением?

— Да, заведую,— настороженно и беспокойно ответил Клайд.

— Знаете,— оживленно продолжал мистер Сэлс (он очень интересовался коммерческими и техническими вопросами),— я никогда не мог понять, что хорошего в этом производстве воротничков, если, конечно, не говорить о прибыли. Мы с Гилом часто спорили об этом, когда учились в колледже. Он уверял меня, что изготовлять и распространять воротнички — дело большой социальной значимости, это придает некоторую шлифовку и приличные манеры тем людям, которые не могли бы приобрести их, если бы не было дешевых воротничков. Я думаю, он это где-нибудь вычитал. Я всегда над ним смеялся.

Клайд пытался найти какой-то ответ, но все это было выше его понимания. «Социальная значимость»... что Сэлс хотел этим сказать? Вероятно, это связано с серьезными науками, которые он изучал в колледже. Клайд ответил бы как-нибудь уклончиво или вовсе невпопад, если бы его не выручила Сондра; даже не подозревая о том, в какое трудное положение он попал, она воскликнула:

— Пожалуйста, без споров, Фредди! Это совсем неинтересно. И потом, я хочу познакомить его с моим братом и с Бертиной. Вы помните мисс Крэнстон? Тогда, весной, мы с ней вместе были у вашего дяди.

Клайд обернулся. А Фред, получив щелчок, молча, влюбленными глазами посмотрел на Сондру.

— Помню, конечно,— начал Клайд; он давно уже наблюдал за этой парой: после Сондры Бертина казалась ему самой привлекательной из всех девушек, хотя он ее совершенно не понимал. Скрытная, лукавая и неискренняя, она вызывала в нем тревожное сознание собственного ничтожества, растерянности перед нею и перед тем миром, который она олицетворяла.

— А, здравствуйте! Очень приятно снова увидеть вас,— протянула она, окинув его улыбающимся и в то же время равнодушно-насмешливым взглядом серо-зеленых глаз. Она нашла, что он недурен, но предпочла бы видеть его более энергичным и уверенным в себе.— Вы, кажется, страшно заняты, много работаете? Но теперь, когда первый шаг сделан, я думаю, мы будем видеть вас чаще?

— Да, надеюсь,— ответил он, показывая в улыбке свои ровные зубы.

Ее глаза, казалось, говорили, что она сама не верит собственным словам, да ведь и Клайд тоже не верит в то, что сказал, но это необходимо, и, пожалуй, забавно — говорить такие вещи.

Примерно в том же духе держал себя с Клайдом и брат Сондры, Стюарт.

— Здравствуйте,— сказал он,— рад с вами познакомиться. Сестра говорила мне о вас. Предполагаете надолго остаться в Ликурге? Это было бы очень приятно. Надеюсь, мы с вами будем встречаться время от времени.

Клайд совсем не был в этом уверен, но ему очень нравился легкий, беззаботный смех Стюарта — он смеялся громко, весело и равнодушно, показывая свои ровные белые зубы. С восторженным удивлением смотрел Клайд, как непринужденно Стюарт повернулся и взял за руку проходившую мимо Вайнет Фэнт.

— Одну минуту, Вайн. Я хочу вас спросить кое о чем.

И он пошел с нею в другую комнату, наклоняясь к ней и оживленно беседуя. Клайд отметил превосходный покрой его костюма.

«Как у них тут весело,— думал он,— какие они все оживленные».

В это время Джил Трамбал стала звать:

— Идите все к столу! Я не виновата. Что-то не ладилось у повара, да и вы все собрались очень поздно. Покончим с обедом и будем танцевать.

— Вы сядете между мною и мисс Трамбал, когда она усадит всех остальных,— успокоительно сказала Сондра.— Вот мило будет, правда? А теперь ведите меня в столовую.

Она взяла Клайда под руку, и ему показалось, что он медленно, но верно возносится прямо в рай.

ГЛАВА XXVI

Во время обеда шла болтовня о различных местах, лицах, планах, совершенно незнакомых Клайду. Однако присущее Клайду обаяние помогло ему отчасти победить пренебрежение и равнодушие окружающих, особенно девушек, заинтересованных тем, что он нравится Сондре. Джил Трамбал, сидевшая рядом с ним, пожелала узнать, откуда он приехал, как жил дома, с какими людьми встречался, почему решил переехать в

Ликург? Вопросы эти, заданные вперемежку с пустыми шуточками по адресу присутствующих здесь девушек и их поклонников, нередко ставили Клайда в тупик. Он понимал, что не может сказать правду о своей семье. Поэтому он сообщил, что его отец управляет отелем в Денвере,— не очень большим, но все же отелем, а сам он приехал в Ликург, потому что дядя, встретясь с ним в Чикаго, предложил ему познакомиться с производством воротничков. Он еще не уверен, что дело в целом интересует его и что стоит этим заниматься дальше; просто он хочет выяснить, что эта работа может дать ему в будущем. Услышав это, Джил и Сондра сделали вывод, что, вопреки слухам, исходящим от Гилберта, у Клайда имеются кое-какие собственные средства и занятие, к которому он сможет вернуться, если потерпит неудачу в Ликурге.

Это было очень важно не только для Сондры и Джил, но и для всех остальных. Как бы красив и симпатичен ни был Клайд и каковы бы ни были его родственные связи, неприятно было думать, что он просто ничто, человек без всякого положения в обществе, и только старается, как утверждала Констанция Вайнант, примазаться к семье своего двоюродного брата. К простому служащему или бедному родственнику, независимо от его кровных связей, можно относиться разве что с сочувствием,— но если у него есть хоть какие-то средства и там, откуда он родом, он принят в обществе, это совсем другое дело.

И Сондра, успокоившись на этот счет и видя, что Клайд более приемлем в обществе, чем она предполагала, решила быть внимательней к нему.

— Могу я надеяться, что вы согласитесь танцевать со мной после обеда? — это было чуть ли не первое, что сказал ей Клайд, поймав ее приветливую улыбку, когда за столом зашла речь о каком-то танцевальном вечере.

— Конечно, если хотите,— кокетливо ответила она: ей хотелось, чтобы он еще больше увлекся ею.

— Один танец?

— А сколько же вам нужно? Здесь, как видите, есть еще с десяток молодых людей. Вы получили программу танцев, когда пришли?

— Нет, я не видел никакой программы.

— Ну, ничего. После обеда достанете. Вы можете записать для меня третий и восьмой, так что у вас останется время и для других.— Она чарующе улыбнулась.— Вы должны быть любезны со всеми, понимаете?

— Конечно, понимаю.— Он не спускал с нее глаз.— Но с тех пор, как я увидел вас у дяди, я все время мечтал встретить вас снова. Я всегда искал ваше имя в газетах.

Он посмотрел на нее вопросительно и умоляюще, и Сондра против воли была тронута этим наивным признанием. Ясно, он не мог бывать там, где бывала она, и все-таки следил за ней и за всем, что она делала, по газетам. Она не могла отказать себе в удовольствии поговорить еще на эту тему.

— Неужели? Как это мило. Но что же вы читали обо мне?

— Что вы были на Двенадцатом озере и на Лесном, что вы участвовали в состязаниях по плаванию на озере Шейрон и были у Пола Смита. И что вы интересуетесь кем-то, кто живет на озере Скрун, и, по-видимому, собираетесь выйти за него замуж.

— Разве об этом писали? Как глупо. В газетах всегда пишут разные глупости.

По ее тону Клайд понял, что позволил себе слишком много. Он смутился, и это смягчило Сондру: через минуту она возобновила разговор с прежним оживлением.

— Вы любите ездить верхом? — спросила она ласково и примирительно.

— Никогда не пробовал. Знаете, просто не приходилось. Но я думаю, что сумел бы, если бы попробовал.

— Конечно, это не так трудно. Вам надо бы взять один-два урока, и тогда,— прибавила она, несколько понизив голос,— мы могли бы с вами иногда покататься вместе. У нас на конюшне масса лошадей, я уверена, что они вам понравятся.

Клайда бросило в жар. Сондра приглашает его кататься! Да еще предлагает пользоваться одной из своих лошадей.

— О, я был бы в восторге! — сказал он.— Это будет просто замечательно!

Молодежь вставала из-за стола. Никто больше не интересовался обедом, потому что в соседней комнате уже появился камерный квартет и послышались звуки первого фокстрота; из этой и без того просторной комнаты была вынесена вся мебель, которая могла бы помешать танцам, оставались только стулья вдоль стен.

— Вам надо позаботиться о программе и о первом танце: пригласите кого-нибудь, пока не поздно,— предупредила Сондра.

— Да, я сейчас все сделаю. Но неужели вы обещаете мне только два танца?

— Ну хорошо, запишите третий, пятый и восьмой в первой половине.— Она весело махнула ему рукой, и он поспешно пошел доставать программу.

Танцевали только модные, очень быстрые фокстроты, и танцоры, в соответствии со своим темпераментом и настроением, вносили в них новые на собственного изобретения. Клайд весь прошлый месяц много танцевал с Робертой и теперь был в превосходной форме; притом его безмерно возбуждало сознание, что наконец-то он находится в обществе такой удивительной девушки, как Сондра, и даже может высказать ей свое восхищение.

И хотя он старался казаться любезным и внимательным, танцуя с другими девушками, он не мог отвести глаз от Сондры. У него едва не кружилась голова, когда Сондра, мечтательно и томно скользя мимо в объятиях Грэнта Крэнстона, бросала как бы случайный взгляд в его сторону и всем своим видом давала ему понять, как она грациозна, романтична и поэтична всегда и во всем — поистине прекраснейший цветок жизни. И вдруг Нина Темпл, с которой он танцевал, заметила:

— Она очень грациозна, правда?

— Кто? — спросил Клайд с невинным видом, но тут же покраснел до ушей.— Я не знаю, о ком вы говорите.

— Не знаете? А почему же вы покраснели?

Он понял, что выдал себя и что его попытка ускользнуть от прямого ответа просто смешна. Он отвернулся, но в эту минуту музыка смолкла, и танцоры направились к стульям. Сондра ушла с Грэнтом Крэнстоном, а Клайд подвел Нину к мягкому креслу в нише окна, в библиотеке.

Следующий танец он танцевал с Бертиной и был слегка задет холодным, откровенным равнодушием, с каким она принимала его любезности. Клайд интересовал ее лишь постольку, поскольку им, видимо, интересовалась Сондра.

— Вы хорошо танцуете,— сказала она ему.— Наверно, вы много танцевали там, где жили раньше. Вы ведь, кажется, приехали из Чикаго?

Она говорила медленно и небрежно.

— Да, я жил в Чикаго до того, как приехал сюда, но там я не так уж много танцевал: мне приходилось работать.

Он подумал, что у таких девушек, как эта, есть все, чего они могут пожелать, а у таких, как Роберта, нет ничего. И все же в это мгновение Роберта больше нравилась ему. Она была нежнее, мягче, добрее, не такая ледяная...

Музыка заиграла снова; то и дело мелодию прерывал том-

ный голос одинокого саксофона; Сондра подошла к Клайду, вложила правую руку в его левую, позволила ему обнять себя — и все это так легко, свободно, весело, что Клайд, застигнутый врасплох среди своих грез о ней, затрепетал от восторга.

Она смотрела ему в глаза с обычным лукавым кокетством и улыбалась нежной, обманчивой и все же многообещающей улыбкой, от которой его сердце забилось быстрее, а горло судорожно сжалось. Тонкий свежий аромат ее духов щекотал его ноздри, точно благоухание весны.

— Приятно проводите время?

— Да, любуюсь вами.

— Здесь еще много хорошеньких девушек, которыми можно любоваться!

— Но ни одна не может сравниться с вами!

— И я танцую лучше всех, и я гораздо красивее, чем все остальные девушки. Ну вот, все это я сказала за вас. А что вы теперь скажете?

Она посмотрела на него насмешливо, и Клайд, поняв, что говорить с ней совсем не так легко, как с Робертой, смутился и покраснел.

— Понимаю,— сказал он серьезно,— вам все говорят одно и то же, и вы не хотите слышать это еще раз от меня.

— Ну, нет, далеко не все. Очень многие вовсе не считают меня красивой.

Простота его ответа и заинтересовала Сондру, и сбила ее с толку.

— Не считают вас красивой? — переспросил он весело, увидев, что она уже не смеется над ним.

Но все же он побоялся сказать ей еще какой-нибудь комплимент. Он поискал другую тему и решил вернуться к начатому за столом разговору о верховой езде и теннисе.

— Вы, наверно, любите всякий спорт на свежем воздухе, правда? — спросил он.

— Еще как! — быстро и горячо ответила она.— Люблю больше всего на свете. До безумия люблю ездить верхом, плавать, грести, кататься на моторной лодке и на акваплане. А вы плаваете?

— Ну конечно! — гордо сказал Клайд.

— Играете в теннис?

— Немного, только начинаю,— ответил он, боясь признаться, что совсем не играет.

— Я обожаю теннис. Мы с вами как-нибудь сыграем.

После этого Клайд совсем воспрянул духом. Легкая, как

пушинка, Сондра кружилась с ним под заунывные звуки популярной любовной песенки и продолжала разговор:

— Белла Грифитс, Стюарт, Грэнт и я отлично сыгрались. Прошлым летом мы всех победили на Лесном озере и на Двенадцатом тоже. А видели бы вы, как я ныряю с вышки! У нас, то есть у Стюарта, самая быстроходная моторная лодка: шестьдесят миль в час!

Клайд сразу понял, что он коснулся того предмета, который не только занимал, но и волновал ее. И не только потому, что всякие физические упражнения доставляли ей удовольствие, но и потому, что она выходила победительницей в тех видах спорта, которыми особенно увлекались все ее друзья и знакомые, и упивалась успехом. И, наконец (это он понял только позднее), ее восхищала возможность часто переодеваться, показываться в обществе в самых необычайных нарядах,— а это для нее значило очень много. Как она выглядела в купальном костюме! А в костюме для верховой езды, или для тенниса, или для танцев, или для экскурсий в автомобиле!

Они продолжали танцевать, взволнованные ощущением, что их одинаково влечет друг к другу; они пытливо и весело заглядывали друг другу в глаза — и в этих взглядах сквозили нежность и восхищение; Сондра намекала, что если в ее кругу Клайда сочтут подходящим человеком в спортивном, финансовом и во всех прочих отношениях, то она, пожалуй, сможет ввести его в дома своих друзей. И Клайд, который был в приподнятом настроении, почти поверил, что это возможно, что так и будет. Но под его напускной обманчивой уверенностью и спокойствием таилось недоверие к себе; это сказывалось в нетерпеливом и в то же время печальном блеске его глаз; и хотя голос Клайда звучал как будто мужественно и твердо, но если бы Сондра умела в этом разбираться, она различила бы в нем нотки, очень далекие от подлинной уверенности.

— Как жаль, что танец кончился,— сказал он печально.

— Пускай сыграют еще раз! — сказала Сондра и зааплодировала.

Оркестр вновь заиграл тот же мотив, и они опять заскользили по паркету, наклоняясь и покачиваясь, всецело отдаваясь ритму музыки, словно две щепочки, уносимые бурным, но дружелюбным морем.

— Я так рад, что я снова с вами... танцевать с вами... это так чудесно, Сондра...

— Вы не должны меня так называть! Мы с вами еще недостаточно знакомы.

— Я хотел сказать «мисс Финчли». Но вы не рассердитесь на меня опять? Нет?

Он сильно побледнел, лицо у него снова стало грустное. Сондра это заметила.

— Нет. Разве я сердилась на вас? Право, нет. Вы мне нравитесь... немного... когда не впадаете в сентиментальность.

Музыка прекратилась. Кончился легкий, стремительный танец.

— Пойдем посмотрим, идет ли еще снег. Хотите? — спросила Сондра.

— Конечно, хочу!

Скользя между прогуливающимися парами, они побежали к боковой двери в бесшумный мир, сплошь окутанный мягким пушистым снегом. Воздух был полон тихо кружащихся и падающих хлопьев.

ГЛАВА XXVII

Следующие дни декабря принесли Клайду несколько приятных, но в то же время тревожных и осложнивших его жизнь событий. Сондра Финчли, найдя в нем приятного поклонника, не собиралась упускать его из виду. Однако она занимала видное положение в обществе и потому не знала, как быть: Клайд был слишком беден и слишком явно пренебрегали им сами Гриффитсы, чтобы она рискнула открыто проявить свой интерес к нему.

Вначале Сондра интересовалась Клайдом лишь по одной причине: ей хотелось позлить Гилберта дружбой с его двоюродным братом. Теперь к этой причине прибавилась другая. Клайд ей нравился. Он был обаятелен и преклонялся перед нею и ее положением,— это и занимало ее, и льстило ей. По своему характеру она жаждала именно такого обожания, искреннего и романтического. К тому же Клайд воплощал в себе внешние и внутренние качества, которые всегда ей нравились: он был влюблен, но без излишней смелости, которая досаждала бы ей; он поклонялся ей, но так, как можно поклоняться живой женщине; и в нем чувствовалась та же живость души и тела, какая была свойственна и ей самой.

И потому Сондра упорно думала о том, как бы продолжить знакомство с Клайдом, не привлекая слишком большого внимания и не вызывая неблагоприятных толков: мысль эта заставляла ее хитрый маленький мозг напряженно работать каждую ночь, когда она возвращалась домой. Однако на тех,

кто видел Клайда в тот вечер у Трамбалов, произвели такое впечатление его мягкие, приятные манеры и интерес, который проявляла к нему Сондра, что все они, особенно девушки, готовы были принять его в свою компанию.

Вот почему через две недели, когда Клайд, выбирая в магазине Старка недорогие рождественские подарки для матери, отца, сестер, брата и Роберты, встретил Джил Трамбал, тоже занятую покупками, она пригласила его на вечер с танцами, который устраивала Ванда Стил на следующий день — в канун рождества — у себя в Гловерсвиле. Джил собиралась туда с Фрэнком Гарриэтом, однако не знала точно, будет ли там Сондра: ее приглашали куда-то в другое место, но она все же предполагала приехать в Гловерсвил, если сможет. Но, прибавила Джил, ее сестра Гертруда будет рада, если Клайд согласится ее сопровождать. Это был вежливый способ обеспечить Гертруде кавалера. Кроме того, Джил знала: если Сондра услышит, что Клайд будет у Стилов, она постарается как-нибудь отделаться от другого приглашения.

— Трейси охотно заедет за вами,— продолжала она,— или...— она поколебалась,— может быть, вы пообедаете у нас перед поездкой? Запросто, по-семейному. Мы будем вам очень рады. У Ванды начнут танцевать не раньше одиннадцати.

Танцы были назначены на пятницу — именно этот вечер Клайд еще раньше обещал провести с Робертой, так как в субботу она уезжала на три дня рождественских праздников к своим родителям,— до сих пор они с Клайдом еще не расставались на такой долгий срок. Она приготовила ему подарок — самопишущую ручку и «вечный» карандаш,— и потому ей особенно хотелось, чтобы он пришел к ней в этот последний вечер, о чем она ему не раз говорила. И он, со своей стороны, хотел в этот вечер сделать ей сюрприз: подарить туалетный прибор.

Но теперь он слишком обрадовался возможности вновь встретиться с Сондрой и потому решил нарушить свое обещание, хотя и понимал, что это будет нелегко и непорядочно по отношению к Роберте. Как ни захватило его увлечение Сондрой, все же он был привязан к Роберте и ему не хотелось ее огорчать. Он знал, как она будет разочарована! И в то же время он был так польщен и восхищен этим внезапным, хотя и запоздалым признанием общества, что ему и в голову не приходило отказаться от приглашения Джил. Пренебречь возможностью побывать в гостях у семейства Стил, да еще в обществе Трамбалов и без всякой помощи Грифитсов! Пусть это нехорошо,

жестоко, пусть это предательство по отношению к Роберте, но зато он увидит Сондру!

Итак, он заявил, что принимает приглашение, и тут же решил зайти к Роберте и извиниться перед нею: он придумает какое-нибудь объяснение, скажет, например, что Грифитсы пригласили его на обед. Для нее это достаточно веский и неотразимый довод. Но он не застал ее дома и решил, что объяснится с нею завтра утром на фабрике,— напишет записку, если понадобится. Чтобы утешить Роберту, Клайд решил, что он пообещает проводить ее в субботу до Фонды, и тогда передаст ей подарок.

Но в пятницу утром на фабрике, вместо того чтобы поговорить с нею серьезно и показать, что он очень огорчен, Клайд только шепнул:

— Я не могу прийти к тебе сегодня, дорогая. Я приглашен к дяде, мне непременно надо быть у него. Не знаю, сумею ли забежать после. Постараюсь, если будет не очень поздно. Но если мы сегодня не увидимся, я провожу тебя завтра до Фонды. Я хочу тебе кое-что подарить. Ты не сердись. Понимаешь, я только утром получил приглашение, а то я предупредил бы тебя раньше. Ты не будешь сердиться, правда?

Он грустно посмотрел на нее, делая вид, что очень огорчен. Роберта покачала головой, как бы говоря: «Нет, я не сержусь»,— но она была очень расстроена и подавлена тем, что Клайд с такой легкостью пренебрег и ее подарками, и возможностью провести с нею счастливый вечер. Это случилось впервые — и она спрашивала себя, что может предвещать такое внезапное бегство? До сих пор Клайд всегда был чрезвычайно внимателен к ней; свое увлечение Сондрой он скрывал под напускной неизменной нежностью, которой было вполне достаточно, чтобы обмануть Роберту. Может быть, он сказал правду, и ему нельзя было отказаться от приглашения. Но она так мечтала об этом вечере! А теперь они не увидятся целых три дня! На фабрике, а потом и дома она предавалась горестным сомнениям. Если бы Клайд, по крайней мере, зашел к ней от дяди, чтобы она могла отдать ему свои подарки... но он сказал, что обед скорее всего кончится поздно. Он не уверен, что сумеет освободиться. Возможно, что после обеда они все вместе еще куда-нибудь поедут.

Между тем Клайд отправился сначала к Трамбалам, потом к Ванде Стил и везде встречал такое внимание, о котором месяц назад не мог и мечтать. В доме Ванды Стил его сразу познакомили со множеством людей, которые, видя, что он приехал с

молодыми Трамбалами, и узнав, что он Грифитс, немедленно пригласили его к себе или дали понять, что скоро пригласят. В заключение он был самым любезным образом приглашен на новогодний вечер к Вендэмам в Гловерсвиле и на обед и танцы в сочельник к Гарриэтам в Ликурге; на этот вечер были приглашены Гилберт и Белла, а также Сондра, Бертина и другие.

Наконец около полуночи появилась и сама Сондра в сопровождении Скотта Николсона, Фредди Сэлса и Бертины; сперва она притворялась, что не подозревает о его присутствии, но наконец удостоила его приветственным: «А, это вы! Не ожидала встретить вас здесь!» Она была обольстительна в живописно накинутой на плечи темно-красной испанской шали. Но Клайд с самого начала чувствовал, что она знала о его присутствии здесь, и, выбрав первую удобную минуту, подошел к ней и спросил вкрадчиво:

— Вы согласны танцевать со мной сегодня?

— Да, конечно, если вы меня пригласите. Я думала, что вы, может быть, уже меня забыли,— пошутила она.

— Разве я могу забыть вас! Я только потому и приехал сюда, что надеялся увидеть вас снова. После нашей последней встречи я не мог думать ни о ком и ни о чем, кроме вас.

В самом деле, он так слепо восхищался ею, каждым ее шагом, каждой ужимкой, что и это ее притворное равнодушие не возмущало, а только еще больше привлекало его. И теперь сила и искренность его чувства совсем покорили Сондру. Его глаза сузились и горели такой страстью, что она почувствовала необычайное волнение.

— О, вот какие милые вещи вы умеете говорить! И как это у вас мило получается! — Она смотрела на него, улыбаясь, поправляя большой испанский гребень, который был в этот вечер у нее в волосах.— Вы говорите так, точно в самом деле это чувствуете.

— Вы хотите сказать, что не верите мне, Сондра? — спросил он пылко, и то, что он вторично назвал ее по имени, теперь взволновало ее так же, как и его. На этот раз она не стала сердиться, его дерзость была ей приятна.

— Нет, конечно, я верю,— впервые она говорила с ним нерешительно, без прежнего спокойствия. Она почувствовала, что теперь ей труднее находить правильную линию поведения и более или менее сдерживать Клайда.— Ну, говорите же, какой танец вам оставить, а то, я вижу, за мной идут.— И она с лука-

вой и вызывающей улыбкой протянула ему маленькую программу.— Хотите одиннадцатый? Это уже скоро, сейчас будет десятый.

— И это все?

— Ну, еще четырнадцатый, если вы такой жадный,— засмеялась она, глядя прямо в глаза Клайду, и этот смеющийся взгляд совсем его покорил.

Танцуя затем с Фрэнком Гарриэтом, она узнала, что Клайд уже приглашен к Гарриэтам на сочельник и что Джессика Фэнт пригласила его в Утику на встречу Нового года; и Сондра решила, что он теперь на пути к настоящим успехам и, очевидно, совсем не будет такой обузой в обществе, как она боялась. В нем есть какое-то обаяние, это несомненно. И он так ей предан! Вполне возможно, думала она, что теперь, когда Клайд принят в семьях, занимающих видное положение, и другие девушки тоже настолько заинтересуются и даже увлекутся им, что пожелают зачислить его в свою свиту. Тщеславная и надменная, она решила, что не допустит этого. Поэтому, во второй раз танцуя с Клайдом, она сказала:

— Вы, кажется, в сочельник приглашены к Гарриэтам?

— Да, и всем этим я обязан вам! — горячо воскликнул он.— Вы тоже там будете?

— Нет, и мне ужасно жаль. Я туда приглашена, и теперь мне очень хотелось бы пойти, но, понимаете, я еще раньше уговорилась поехать на праздники в Олбани и потом в Саратогу. Я уезжаю завтра и вернусь накануне Нового года. Но друзья Фредди устраивают в Скенэктеди грандиозную встречу Нового года, там будет ваша кузина Белла, и мой брат Стюарт, и Грэнт, и Бертина. Если хотите, можете поехать с нами.

Она чуть было не сказала «со мной», но сдержалась. Она решила показать всем подругам свою власть над ним: они убедятся в этом, когда он ради нее откажется от приглашения мисс Фэнт. А Клайд тотчас согласился, в восторге, что можно будет снова встретиться с нею.

В то же время его удивило и почти испугало, что она так небрежно, мимоходом и, однако, решительно устраивает его встречу с Беллой. Та, конечно, сразу сообщит дома, что он появляется в обществе Сондры и ее друзей. Что-то из этого выйдет? Как-никак Грифитсы до сих пор не приглашали его к себе — даже на рождество. А ведь им стало известно, что Сондра подвезла его в своей машине и что он был затем приглашен в клуб «Сейчас и после», но они ничего не предприняли. Гил-

берт был взбешен, его родители озадачены — и, не зная, как следует поступать дальше, пока отмалчивались.

Но компания, в которую Сондра пригласила Клайда, должна была остаться в Скенэктеди до следующего утра,— обстоятельство, которое она не потрудилась сначала объяснить Клайду. А он совсем забыл, что Роберта к тому времени вернется из Бильца и, после того как он оставил ее одну в канун рождества и после этой трехдневной разлуки, будет, конечно, ждать, что он встретит с нею Новый год. Об этом осложнении Клайд подумал гораздо позже. А теперь он испытывал только блаженство от сознания, что Сондра позаботилась о нем, и тотчас с восторгом согласился.

— Но знаете,— предостерегла его Сондра,— вы не должны оказывать мне слишком много внимания, когда мы с вами встречаемся. И не обижайтесь, если я буду не слишком внимательна к вам. Иначе мне нельзя будет часто с вами видеться. Мои родители, знаете ли, странные люди и некоторые мои друзья тоже... Но если вы будете просто в меру любезны и даже немножко равнодушны,— понимаете? — тогда мы все-таки сможем встречаться зимой. Вы поняли, да?

Невыразимо взволнованный этим признанием, которое — он это знал — было вызвано его пылкостью, Клайд пытливо и страстно взглянул на Сондру.

— Так я все-таки не совсем безразличен вам, правда? — сказал он требовательно и вместе с тем умоляюще; глаза его сияли страстным восторгом, это бесконечно нравилось Сондре.

И, стараясь сохранить осторожность и все же поддаваясь увлечению, взволнованная и, однако, неуверенная, что поступает благоразумно, она ответила:

— Хорошо, я скажу вам: и да и нет. Я еще не решила. Вы мне очень нравитесь. Иногда мне кажется, что вы мне нравитесь больше всех. Видите ли, мы еще так мало знаем друг друга... Но вы все-таки поедете со мной в Скенэктеди?

— Поеду ли!..

— Я напишу вам об этом подробнее или позвоню. У вас есть телефон?

Он дал ей свой номер.

— А если что-нибудь изменится или я не смогу поехать, не обижайтесь. Мы потом еще увидимся с вами где-нибудь, непременно!

Она улыбнулась, и Клайд почувствовал, что задыхается от волнения. Как она откровенна! Она сказала, что иногда он ей

очень нравится, и этого было достаточно, чтобы он чуть не опьянел от радости. Подумать только: такая красавица старается ввести его в свою жизнь — такая удивительная девушка, окруженная столькими друзьями и поклонниками, среди которых она может сделать выбор.

ГЛАВА XXVIII

Следующее утро. Половина седьмого. Клайд проспал всего час после возвращения из Гловерсвила и встал встревоженный, не зная, как ему быть с Робертой. Сегодня она уезжает в Бильц. Он обещал проводить ее до Фонды. Но теперь у него нет желания ехать. Разумеется, он сочинит что-нибудь в извинение. Но что?

К счастью, за день перед этим он слышал, как Уигэм сказал Лигету, что на сегодня назначается совещание начальников цехов, и Лигет должен после работы явиться в кабинет Смилли. Клайда не приглашали, потому что его маленькое отделение было лишь частью цеха Лигета. Теперь Клайд решил, что он может сослаться на это совещание, и перед полуденным перерывом положил Роберте на стол записку. В записке стояло:

«Дорогая, страшно огорчен, но мне только что сказали, что сегодня в три часа я должен быть внизу, на совещании начальников цехов. Значит, я не сумею поехать с тобой в Фонду, но забегу к тебе на несколько минут после работы. У меня есть кое-что для тебя, так что жди! Не огорчайся уж слишком, я ничего не могу поделать. В среду, когда вернешься, обязательно увидимся.

Клайд».

В первую минуту, увидав записку, которую не могла сейчас же прочесть, Роберта обрадовалась: она подумала, что Клайд хочет точнее условиться о встрече. Но когда, несколько минут спустя, она вышла в гардеробную, чтобы украдкой прочитать эти несколько строк, лицо ее омрачилось. Вот еще новое огорчение вдобавок ко вчерашнему разочарованию, когда она напрасно прождала Клайда; к тому же сегодня он кажется рассеянным и даже холодным... Роберта спрашивала себя, в чем причина этой внезапной перемены. Может быть, он и в самом деле не может не явиться на это совещание, как не мог не пойти к дяде, когда его пригласили на обед. Но если бы он любил ее по-прежнему, то накануне, предупреждая, что вечером

не придет к ней, он не мог бы оставаться таким веселым и спокойным, несмотря на ее отъезд. Ведь он знал, что она уезжает на три дня, знал, что разлука с ним для нее всегда большое огорчение.

Ее радостные надежды сразу сменились глубокой тоской и унынием. Всегда у нее так получается в жизни! Через два дня рождество, ей надо ехать домой в Билыц, где вовсе не весело и только от нее ждут радости и веселья. И придется ехать одной, а Клайд забежит к ней только на несколько минут. Она вернулась на свое место, и лицо ее ясно говорило, что она глубоко несчастна. Она ничего не видела вокруг и двигалась как автомат. Клайд заметил эту перемену, но, захваченный внезапным, непобедимым чувством к Сондре, не способен был раскаиваться.

Как всегда по субботам, в час пополудни мощные гудки соседних фабрик возвестили о конце рабочего дня,— и Клайд и Роберта порознь направились к ее дому. По дороге он обдумывал, что сказать Роберте. Что делать? Как притворяться нежным, когда он не чувствует нежности, когда увлечение его охладело и поблекло? Как продолжать эту связь, которая еще две недели назад была живой и страстной, а теперь стала поразительно слабой и бесцветной? Нельзя сказать или как-то показать Роберте, что он к ней охладел, это будет слишком жестоко, и кто знает, что она на это ответит? Как поступит? А с другой стороны, теперь, когда все его мечты и планы связаны с Сондрой, не годится успокаивать Роберту ласковыми словами и лживыми объяснениями,— это значило бы оставить все как есть, сохранить прежние отношения. Невозможно! Кроме того, если появится хоть малейшая надежда, что Сондра тоже полюбит его, конечно же он сразу захочет оставить Роберту. А почему бы и нет? Что может дать ему Роберта? Можно ли сравнить ее по красоте и положению в обществе с Сондрой! Разве хорошо будет со стороны Роберты, если она станет требовать и ждать, чтобы он по-прежнему был занят только ею и отказался ради нее от всех связей и возможностей, какие открывает для него близость с Сондрой. Нет, право же, это несправедливо!

Так рассуждал Клайд, а Роберта, уже успевшая вернуться домой, тем временем спрашивала себя, почему он вдруг стал к ней равнодушен. Почему он нарушил свое обещание и не пришел вчера вечером, почему теперь, когда она уезжает на праздники домой и не увидится с ним целых три дня, он не хочет даже проводить ее до Фонды? Он говорит о совещании, но правда ли это? Она могла бы, если надо, подождать его до четы-

рех часов, но не решилась это предложить, потому что чувствовала в поведении Клайда какую-то уклончивость, отчужденность... Что же все это значит? Ведь еще так недавно возникла эта близость, которая с самого начала и до сего дня, казалось, так прочно их соединяла. Неужели это — опасная перемена, быть может, даже конец их любви, их чудесной сказки? О, боже! А она отдала ему так много... теперь от его верности зависит все: ее будущее, ее жизнь...

Она стояла посреди комнаты, раздумывая над всем этим, когда явился Клайд с рождественским подарком под мышкой и с напускной беспечностью на лице, никак не отвечавшей его твердому решению по возможности изменить свои отношения с Робертой.

— Ох, до чего же я огорчен, Берта,— начал он оживленным тоном, в котором смешивались притворная веселость, сочувствие и неуверенность.— Понимаешь, еще два часа назад я и понятия не имел, что они собираются устраивать это совещание. Но ты же знаешь, как это бывает. От таких вещей просто невозможно уклониться. Ты не очень огорчена, дорогая? — По выражению ее лица и в эту минуту и еще раньше, на фабрике, он видел, что она в самом печальном настроении.— Хорошо еще, что мне удалось вырваться на минутку и принести тебе вот это,— прибавил он, протягивая ей подарок.— Я хотел принести вчера, но помешал этот обед. Мне ужасно жалко, что так вышло, правда, жалко!

Если бы он принес свой подарок вчера вечером, Роберта была бы в восторге, но теперь она равнодушно поставила коробку на стол; вся прелесть подарка была для нее потеряна.

— Ты хорошо провел вчера время, милый? — спросила она, желая узнать во всех подробностях, что же отняло его у нее.

— Да, недурно,— ответил Клайд; он старался притвориться возможно более равнодушным, говоря об этом вечере, который так много значил для него и таил столько опасности для нее.— Я думал, что меня просто приглашают к дяде на обед, я ведь так и говорил тебе. А оказалось, что нужно проводить Беллу и Майру на вечер в Гловерсвил. Там живет богатая семья Стил,— знаешь, у которых большая перчаточная фабрика. Ну вот, они устроили танцевальный вечер, и мне пришлось проводить туда двоюродных сестер, потому что Гил не мог поехать. Но там было не особенно интересно. Я был рад, когда все это кончилось.

Он произнес имена Беллы, Майры, Гилберта так, словно это было для него привычным делом,— такая интимность с

Грифитсами неизменно производила на Роберту сильное впечатление.

— А ты не мог уйти пораньше и зайти ко мне?

— Не мог. Мне надо было дождаться их, чтобы вернуться всем вместе. А ты разве не хочешь взглянуть на мой подарок? — прибавил он, стараясь отвлечь ее от мыслей о вчерашнем: он знал, как ей мучительно думать о том, что он оставил ее одну.

Она стала развязывать ленту, которой была завязана коробка, но все время неотрывно думала о том, что еще мог таить в себе вчерашний вечер. Какие девушки, кроме Беллы и Майры, были на танцах у Стил? Может быть, Клайд в последнее время увлекся какой-нибудь другой девушкой и встретился там с нею? Раньше он часто упоминал о Сондре Финчли, Бертине Крэнстон и Джил Трамбал. Может быть, и они были там вчера?

— А кто был там, кроме твоих двоюродных сестер? — спросила она вдруг.

— О, масса народа, ты их не знаешь. Там съехались двадцать или тридцать человек из разных мест.

— А из Ликурга, кроме твоих сестер, был кто-нибудь? — настаивала она.

— Всего несколько человек. Мы захватили с собой Джил Трамбал и ее сестру, это Белла придумала. Арабелла Старк и Перли Хайнс были уже там, когда мы приехали.

Клайд не упомянул ни о Сондре, ни о других, кто его больше всех интересовал. Но в том, как он сказал это, в тоне его голоса и в блеске глаз было что-то странное, и его ответ не удовлетворил Роберту. Она очень встревожилась, но чувствовала, что сейчас неблагоразумно надоедать Клайду дальнейшими расспросами. Как бы он не рассердился. В конце концов, в ее глазах он всегда был связан с этим миром. Она не хотела, чтобы он заподозрил, будто она старается получить какие-то права на него, хотя таково и было ее тайное желание.

— А мне так хотелось вчера побыть с тобою и отдать тебе свои подарки,— сказала она, стараясь прогнать мрачные мысли и вызвать сочувствие Клайда.

Он услышал печаль в ее голосе — прежде это всегда смягчало его, но теперь он не мог и не хотел поддаваться.

— Но ты же знаешь, Берта, как было дело,— возразил он почти вызывающе.— Я ведь объяснил тебе.

— Да, знаю,— грустно сказала она, пытаясь скрыть овладевшее ею уныние.

Она развернула бумагу и открыла крышку коробки. Увидев туалетный прибор, она слегка повеселела: никогда еще у нее не было таких дорогих и изящных вещей.

— Ах, как красиво! — воскликнула она с невольным интересом.— Я ничего подобного не ожидала! Рядом с этим мои маленькие подарки ничего не стоят.

Она пошла достать их. Но Клайд видел, что даже его замечательный подарок не может рассеять уныние Роберты, вызванное его равнодушием. Его неизменная любовь была бы для нее несравнимо дороже всех подарков.

— Нравится? — спросил он, наперекор всему горячо надеясь, что подарок отвлечет ее от грустных мыслей.

— Конечно, милый,— ответила Роберта, с интересом рассматривая прибор.— Мои подарки куда скромнее,— прибавила она печально, подавленная крушением всех своих планов,— но они пригодятся тебе, и они всегда будут с тобой, у твоего сердца, это для меня главное.

Она протянула ему коробочку с металлическим вечным карандашом и самопишущей ручкой; она выбрала их, думая, что они пригодятся Клайду в его работе на фабрике. Будь все это две недели назад, он горячо обнял бы ее и постарался бы утешить в том горе, которое ей причинил. Но теперь он только стоял и думал, как бы успокоить ее, не показавшись при этом слишком холодным, но и не проявляя обычной нежности. И он поспешил выразить бурный, но неискренний восторг по поводу ее подарка:

— О, вот это великолепно, дорогая! Именно это мне и нужно! Ты просто не могла придумать ничего удачнее! Я теперь всегда буду ими пользоваться.

Он сделал вид, что с величайшим удовольствием рассматривает карандаш и ручку, затем укрепил их в боковом кармане. И видя, как она стоит перед ним, печальная и задумчивая,— воплощение всего, что было так соблазнительно в их прежних отношениях,— он обнял ее и поцеловал. Вне всякого сомнения, она очень мила! И когда она охватила его шею руками и горько расплакалась, он прижал ее к себе и сказал, что ей незачем огорчаться: в среду она вернется, и все пойдет по-старому. И в то же время он подумал, что это неправда... а как это странно,— ведь всего какой-нибудь месяц назад он горячо любил Роберту... Удивительно, как быстро захватила его другая девушка! И все же это так. Роберта, наверно, думает, что он любит ее по-прежнему, но любви уже нет и никогда не будет. И поэтому он искренне жалел Роберту.

Что-то странное было в его поведении в эту минуту. Роберта почувствовала это, слушая его слова и ощущая его ласки: им не хватало искренности. Он был слишком беспокоен, поцелуи его слишком равнодушны, в голосе не слышалось подлинной нежности. Вдобавок он в следующую же минуту постарался высвободиться из ее объятий и, взглянув на часы, сказал:

— Однако мне пора, дорогая. Уже без двадцати три, а совещание назначено в три. Я бы очень хотел проводить тебя, но что делать,— увидимся, когда вернешься.

Он наклонился, чтобы поцеловать ее, и на этот раз Роберта окончательно поняла, что его чувство к ней изменилось, охладело. Он ласков, добр, но мысли его далеко... Она постаралась собрать все свои силы, призвала на помощь все свое самолюбие — это отчасти удалось ей — и сказала довольно холодно и решительно:

— Ну что ж, я не хочу, чтобы ты опаздывал, Клайд. Иди скорее. Но я не собираюсь задерживаться дома надолго. Как ты думаешь, если я вернусь рано в первый день праздника, ты сможешь прийти ко мне вечером? Я не хочу опаздывать в среду на работу.

— Разумеется, дорогая, я зайду,— сказал он весело и даже искренне, считая, что он никуда не приглашен на тот вечер, и радуясь возможности ускользнуть от нее сейчас.— Когда ты рассчитываешь вернуться?

Она предполагала быть дома к восьми, и Клайд решил, что на этот раз, во всяком случае, сможет ее навестить. Он снова вынул часы.

— А теперь мне все-таки пора,— сказал он и направился к двери.

Обеспокоенная, охваченная тревогой за будущее, Роберта подошла к нему, взяла его за отвороты пальто и, глядя ему в глаза, умоляюще и настойчиво сказала:

— Это верно, Клайд, ты придешь, как уговорились, на этот раз ты не отправишься еще куда-нибудь?

— Не беспокойся,— ответил он.— Ведь ты знаешь меня. А вчера я ничего не мог поделать, дорогая. Но во вторник я приду наверняка.

Он поцеловал ее и поспешил уйти, чувствуя, что, быть может, вел себя не совсем разумно, но не представляя себе, как же действовать иначе. Когда мужчина хочет порвать с девушкой, как он теперь, думал Клайд, следует быть тактичным и даже отчасти дипломатом. Он оказался не слишком искусен:

вероятно, был какой-нибудь лучший способ... Но его мысли уже уносились к Сондре. Они вместе будут встречать Новый год в Скенэктеди, и тогда он сможет выяснить, так ли она заинтересована им, как казалось вчера.

Когда Клайд вышел, Роберта подошла к окну и устало и печально посмотрела ему вслед, думая о том, что ее ждет. Что, если он ее разлюбит? Она все ему отдала. От него, от его отношения к ней зависит ее будущее. Неужели она уже надоела ему и он больше не хочет ее видеть? Ужасно, если так! Что тогда делать? Зачем она отдалась ему, зачем так быстро и легко уступила его настояниям?

Она взглянула на голые, осыпанные снегом ветви деревьев и вздохнула... Праздники! Ехать домой в таком настроении... Притом Клайд занимает такое положение в здешнем обществе... Там столько блеска, столько развлечений, а что она может ему предложить?

Она печально покачала головой, взглянула на себя в зеркало, потом уложила свои вещи и подарки, которые везла родным, и вышла из дому.

ГЛАВА XXIX

После Ликурга, после общества Клайда, Бильц и его окрестности и фермы, похожие на грибы, произвели на Роберту гнетущее впечатление: все здесь было слишком связано с нуждой и лишениями, и потому бледнели чувства, естественные для человека, который вновь видит родные места.

Сойдя с поезда подле сумрачного ветхого здания, служившего вокзалом, Роберта увидела своего отца; он был в том же старом зимнем пальто, которое носил десятки лет, и ожидал ее со старой, но еще крепкой бричкой, в которую была запряжена лошадь, такая же костлявая и измученная, как он сам. Отец всегда казался Роберте усталым и несчастным. Лицо его просветлело, когда он увидел свою любимицу Роберту, и он весело заговорил с ней; она вскарабкалась в бричку, села рядом с ним, и они пустились в путь; дорога, ведущая к ферме, была ухабистая, извилистая, грязная, хотя в это время превосходные автомобильные шоссе везде уже стали обычным явлением.

По пути Роберта мысленно отмечала каждый поворот, каждое дерево, каждую знакомую примету. Но мысли ее были печальны. Все кругом наводило уныние. Отец был хронически болен и не способен вести хозяйство, а младший брат Том и

мать не умели и не могли помочь по-настоящему, и поэтому ферма, как и прежде, была для семьи тяжким бременем; много лет тому назад ее заложили за две тысячи долларов, и этот долг никак не удавалось выплатить. Труба с северной стороны по-прежнему нуждалась в починке, ступеньки еще больше осели, стены, заборы и надворные постройки были под стать остальному, хотя теперь все это и казалось несколько живописнее под снежным покровом зимы. Даже мебель была все та же — всевозможный старый хлам.

Здесь ее ждали мать, младшая сестра и брат; они ничего не знали об ее истинных отношениях с Клайдом (его имя здесь — пустой звук), и все полагали, что она от души рада вернуться домой и вновь увидеться с ними. А она думала обо всем, что с нею произошло, о странном и неопределенном поведении Клайда,— и на душе у нее становилось все тяжелее.

В сущности, несмотря на все свои видимые успехи за последнее время, она опозорила себя и восстановить свою честь могла бы, только выйдя замуж за Клайда; без этого родители никогда не поймут и не одобрят ее поведение. Вместо того чтобы помочь родным, постепенно и скромно достигнув лучшего положения, она, пожалуй, еще повредит им, опорочит доброе имя семьи... Мысли эти давили и жгли Роберту, и она совсем приуныла.

Еще тягостнее и мучительней было думать, что иллюзии, связанные с Клайдом, не позволяют ей быть откровенной ни с кем, даже с матерью. Как бы мать не сочла, что она в своих мечтах занеслась слишком высоко. Кроме того, мать может задать такие вопросы о ее отношениях с Клайдом, на которые нелегко будет ответить. Нет, если она не найдет человека, которому можно всецело довериться, все ее тревоги и сомнения должны остаться тайной.

Поговорив несколько минут с Томом и Эмилией, она прошла в кухню, где мать была занята всякими рождественскими приготовлениями. Роберта хотела подготовить почву, сказать несколько слов о ферме и о своей жизни в Ликурге, но, когда она вошла, мать, взглянув на нее, заговорила первая:

— Ну как, Бобби, довольна, что вернулась?.. Наверно, теперь в деревне тебе все кажется жалким по сравнению с Ликургом,— с грустью прибавила она.

Она окинула дочь восхищенным взглядом — и по этому взгляду, и по тону матери Роберта поняла, что мать считает ее положение в городе очень завидным. Роберта быстро подошла к ней и горячо ее обняла.

— Ах, мамочка! — воскликнула она.— Лучшее место в мире — там, где ты! Ты же знаешь!

Вместо ответа мать только посмотрела на нее добрыми, ласковыми глазами и погладила по плечу.

— Ну, Бобби,— сказала она мягко,— ты ведь знаешь, как я тебя люблю.

Что-то в голосе матери напомнило Роберте долгие годы, когда они нежно любили и прекрасно понимали друг друга — понимали не только потому, что горячо желали счастья друг другу, но и потому, что всегда до сих пор чистосердечно делились всеми своими чувствами и настроениями. Это воспоминание растрогало Роберту чуть не до слез. В горле застрял ком, и глаза увлажнились, как ни старалась она скрыть свое волнение. Как было бы хорошо все рассказать матери! Но, поддавшись своей любви к Клайду, опозорив себя, она сама воздвигла между собой и матерью преграду, которую — теперь она видела это — было не легко разрушить. Здесь, в провинции, нравы были слишком строги — даже ее мать не составляла исключения.

Она колебалась несколько мгновений: ей хотелось быстро и ясно описать матери всю тяжесть своего положения и встретить если не помощь, то сочувствие. Но она сказала только:

— Как бы мне хотелось, чтобы ты все время была со мной в Ликурге, мама! Может быть...

Роберта спохватилась, чувствуя, что заговорила без должной осторожности. Она едва не сказала, что если бы мать была с нею в Ликурге, она сумела бы, пожалуй, устоять против настойчивых требований Клайда.

— Да, я верю, что тебе меня недостает,— сказала мать.— Но все-таки тебе лучше жить в городе, ведь правда? Ты же знаешь, как нам тут живется. А там у тебя работа, которая тебе нравится. Разве я ошибаюсь?

— Да, работа довольно хорошая. Мне нравится. Очень приятно, что я могу немного помогать вам, но только не слишком приятно жить одной...

— А почему ты ушла от Ньютонов, Бобби? Разве Грейс так уж несносна? Я думала, что она составит тебе компанию.

— Сначала так и было,— ответила Роберта,— только у нее совсем нет знакомых молодых людей, и она ужасно ревновала меня к каждому, кто был хоть капельку внимателен ко мне. Я никуда не могла пойти одна: она хотела непременно всюду бывать вместе со мной. Ты же понимаешь, мама, две девушки не могут гулять с одним молодым человеком...

— Понимаю, Бобби,— засмеялась мать и прибавила: — А кто же он?

— Мистер Грифитс, мама,— сказала Роберта после минутного колебания. Словно при внезапной вспышке света она ясно увидела, как необычайно это знакомство, какой разительный контраст со здешним обыденным мирком... Каковы бы ни были страхи Роберты, самая возможность соединить свою жизнь с жизнью Клайда была восхитительна.— Но ты никому не называй это имя,— прибавила она,— он не хочет, чтобы об этом знали. Его родные очень богаты, понимаешь. Им принадлежит фабрика, то есть его дяде. Но на фабрике есть такое правило, что никто из служащих — никто из начальников — не должен заводить знакомства с работницами. Он ни с кем и не знакомится. Но он любит меня, а я — его. Это другое дело. И потом, я хочу перейти на другое место, тогда эти правила не будут нас касаться. Тогда нам можно будет не скрывать, что мы знакомы.

Роберта тут же подумала, что теперь все это, пожалуй, не совсем верно. Клайд в последнее время так изменился к ней, а она отдалась ему так неосторожно, не получив от него обещания жениться... Может быть (это было пока смутное, неясное опасение), может быть, он не позволит ей говорить об их близости не только теперь, но никогда! И ведь, если он разлюбит ее и не женится, она тоже не захочет, чтобы кто-нибудь знал об этом. В какое жалкое, трудное и позорное положение она себя поставила!

А миссис Олден, узнав так случайно о странном и, по-видимому, тайном характере этого знакомства, не только встревожилась, но и смутилась: она очень беспокоилась о счастье Роберты; правда, говорила она себе, Роберта такая хорошая, чистая и осторожная,— лучшая из ее детей, наименее эгоистичная и самая разумная,— однако все возможно... Но нет, вряд ли кто-нибудь может легко обмануть и обесчестить ее. Она слишком скромная и порядочная девушка. И миссис Олден спросила:

— Так ты говоришь, он родственник владельца фабрики, мистера Сэмюэла Грифитса, о котором ты писала?

— Да, мама, племянник.

— Этот молодой человек служит на фабрике? — с удивлением спросила мать.

Она не понимала, как могла Роберта привлечь человека, занимающего такое видное положение, потому что с самого начала не сомневалась, что он член семьи Сэмюэла Грифитса, владельца фабрики. Это уже само по себе было тревожно.

Обычный результат подобных отношений всегда и везде один, и потому, естественно, она очень боялась за Роберту. И все же ей казалось, что девушка с красотой и практичностью Роберты, пожалуй, сумеет без ущерба для себя поддержать это необычайное знакомство.

— Да,— просто ответила Роберта.

— А какой он, Бобби?

— Он ужасно милый! Такой красивый, и так мил со мной! Моя работа была бы совсем не так приятна, если б он не был такой благовоспитанный. Он умеет поставить всех этих девушек на место. Он племянник председателя компании, понимаешь, и поэтому работницы очень его уважают.

— Ну, это в самом деле очень хорошо. Лучше работать у благовоспитанных людей, чем невесть у каких хозяев. Я помню, ты была не очень довольна работой в Трипетс-Милс... И ты часто видишься с ним, Бобби?

— Да, в общем часто,— ответила Роберта, слегка краснея от сознания, что она не может быть вполне откровенна с матерью.

Миссис Олден заметила, что дочь покраснела, и, приписав это смущению, спросила поддразнивая:

— Видно, ты его очень любишь?

— Очень, мама,— просто и искренне ответила Роберта.

— А он? Он любит тебя?

Роберта отошла к окну. За окном, на склоне, который вел к колодцу и к наиболее плодородному полю фермы, тянулись полуразвалившиеся постройки — их вид больше, чем что-либо другое вокруг, говорил о жалком материальном положении семьи. В самом деле, за последние десять лет эти постройки стали символом нужды и неумелого хозяйничанья. В эту минуту, унылые, засыпанные снегом, они олицетворяли в глазах Роберты полную противоположность всему, о чем она мечтала. И не удивительно, что все, к чему ее влекло, воплощалось в Клайде. Мрачность и разрушение противоположны счастью, как успех — неудаче в любви. Если только он любит ее и увезет отсюда, тогда, может быть, и мать избавится от этого мрачного уныния. Если же он не любит, то плоды ее страстных, но, быть может, ошибочных мечтаний падут не только на ее голову, а и на головы родных, и прежде всего — матери. Роберта не знала, что сказать, и наконец ответила:

— Он говорит, что любит.

— Как ты думаешь, он намерен жениться на тебе? — спросила миссис Олден робко и выжидающе, потому что она любила

Роберту больше других детей и возлагала на нее все свои надежды.

— Знаешь, что я тебе скажу, мама...

Фраза осталась неоконченной, потому что в эту минуту вбежала Эмилия с криком:

— Гиф приехал! В автомобиле! Наверно, его кто-нибудь подвез, и у него какие-то большие пакеты!

И вслед за тем в комнату вошел Том со старшим братом; Гиф был в новом пальто — первый результат его службы в «Дженерал электрик» в Скенэктеди. Он ласково поздоровался с матерью и с Робертой.

— Гифорд, ты? — воскликнула мать.— А мы не ждали тебя раньше девяти. Как это тебе удалось приехать так рано?

— Я и сам не думал, что так получится. Я зашел к мистеру Ирику в Скенэктеди, и он предложил мне поехать вместе с ним. Знаешь,— обратился он к Роберте,— старина Майерс достроил наконец второй этаж своего дома. Пожалуй, еще через годик будет готова и крыша.

— Наверно,— согласилась Роберта, вспомнив своего старого знакомого по Трипетс-Милс.

Она взяла у брата пальто и отнесла пакеты на обеденный стол.

— Руки прочь, Эм! — крикнул Гиф младшей сестренке, которая с любопытством стала разглядывать пакеты.— До завтрашнего утра нечего их трогать. А кто-нибудь уже срубил елку? В прошлом году это была моя обязанность.

— И в этом году тоже, Гифорд,— сказала мать.— Я велела Тому подождать тебя, уж ты всегда выберешь хорошую елочку.

В это время в кухню вошел отец с охапкой дров; сутулый, с изможденным лицом, острыми локтями и коленями, он был так непохож на бодрых, хорошо сложенных молодых Олденов. Роберту поразил этот контраст, когда отец, улыбаясь, остановился перед сыном. Как бы ей хотелось, чтобы все они стали наконец счастливы! Взволнованная, она подошла к отцу и обняла его.

— А Дед-Мороз принес кое-что моему папочке, и, наверно, это ему понравится,— сказала она.

Она привезла отцу непромокаемый плащ на темно-красной клетчатой подкладке; Роберта знала, что в таком плаще старику будет тепло работать на дворе, и с нетерпением ждала утра, чтобы отдать ему свой подарок.

Потом она надела фартук, чтобы помочь матери готовить праздничный ужин. Больше они ни минуты не оставались одни

и не могли поговорить о том, что так занимало обеих: о Клайде. Лишь несколько часов спустя Роберта, наконец улучив минуту, сумела шепнуть матери:

— Только ты никому ничего не говори, мама. Я обещала ему молчать, и ты тоже молчи.

— Нет, я ничего не скажу, дорогая! Хотя, по-моему, это странно. Но, я надеюсь, ты знаешь, что делаешь. Ты уже достаточно взрослая, чтобы позаботиться о себе. Правда, Бобби?

— Ну конечно. И ты не должна беспокоиться обо мне, мамочка,— прибавила она, заметив, что по родному лицу прошла тень — не то чтобы недоверия, но тревоги. Надо быть осторожнее, не нужно тревожить мать: у нее и без того немало забот.

На следующее утро приехала сестра Агнесса с мужем, и начались бесконечные рассказы об их жизни в Гомере, о материальных и иных успехах. Сестра была не так хороша собой, как Роберта, и Фред Гейбл, ее муж, был отнюдь не таким человеком, которым Роберта могла бы когда-либо заинтересоваться. И, однако, после всех тревожных мыслей о Клайде вид Агнессы — спокойной, любимой и довольной скромным благополучием, которым ее сумел окружить скучный, заурядный супруг,— вновь пробудил в Роберте подавленность и сомнения, угнетавшие ее с предыдущего утра. Не лучше ли, думала она, выйти замуж даже за такого неэнергичного и непривлекательного, но постоянного в своих чувствах человека, как Фред Гейбл, чем оказаться в таком ненормальном положении, в каком оказалась она теперь из-за своих отношений с Клайдом? Гейбл оживленно рассказывал о том, чего они с Агнессой достигли за год, прошедший со времени их свадьбы. Он отказался от должности учителя в Гомере и стал совладельцем небольшого книжного и писчебумажного магазина. Это хорошее дело, больше всего дохода они получают от продажи игрушек и содовой воды. Если все пойдет хорошо, Агнесса сможет будущим летом заново обставить гостиную. Фред уже купил ей на рождество граммофон. В доказательство своего благосостояния они привезли всем Олденам неплохие подарки.

Гейбл захватил с собой ликургскую газету «Стар» и за завтраком, необычно поздним из-за гостей, читал различные новости о Ликурге (в этом городе жила семья его компаньона).

— Я вижу, в вашем городе жизнь бьет ключом,— сказал он Роберте.— Вот «Стар» сообщает, что «Компания Грифитс» получила заказ на сто двадцать тысяч воротничков из одного только Буффало. Как видно, они здорово загребают деньги.

— В моем отделении всегда много работы,— отозвалась Роберта.— Уж не знаю, идут дела хорошо или плохо, а мы всегда заняты. Мне кажется, на фабрике дела всегда хороши.

— Везет же этим фабрикантам,— сказал Гейбл.— Им не о чем беспокоиться. Мне говорили, что они строят в Илионе новую фабрику для производства рубашек. Ты что-нибудь слышала об этом?

— Нет, не слыхала. Может быть, это другая фирма.

— Кстати, как зовут молодого человека, который заведует вашим отделением? Ты говорила, кажется, что он тоже Грифитс? — спросил он, переворачивая лист газеты и просматривая светскую хронику города Ликурга.

— Да, его зовут Грифитс, Клайд Грифитс. А что?

— Кажется, я только что видел его имя. Я просто хотел проверить, тот ли это. Вот смотри: это он?

Гейбл передал газету Роберте, указав пальцем заметку. И Роберта прочитала:

«У мисс Ванды Стил (Гловерсвил) в пятницу состоялся танцевальный вечер, на котором присутствовали некоторые видные представители ликургского общества, в том числе мисс: Сондра Финчли, Бертина Крэнстон, Джил и Гертруда Трамбал и Перли Хайнс; и мистеры: Клайд Грифитс, Фрэнк Гарриэт, Трейси Трамбал, Грэнт Крэнстон и Скотт Николсон. Как всегда бывает на собраниях молодежи, танцы затянулись до поздней ночи, и гости из Ликурга выехали домой только на заре. По слухам, то же общество собирается весело встретить Новый год у Эллерсли (Скенэктеди)».

— Видно, он там важная особа,— заметил Гейбл, пока Роберта читала.

Прочитав эту заметку, Роберта прежде всего подумала, что описанная в ней вечеринка совсем не похожа на ту, где Клайд, по его словам, был со своими двоюродными сестрами. Здесь вовсе не упоминалось о Майре и Белле Грифитс. С другой стороны, здесь были названы все имена, которые она раньше очень часто слышала от Клайда: Сондра Финчли, Бертина Крэнстон, сестры Трамбал, Перли Хайнс; Клайд сказал ей, что вечер был неинтересный, а тут говорится, что было очень весело. Его называют в числе приглашенных на другую такую же вечеринку под Новый год, то есть в тот вечер, который она рассчитывала провести с ним, а он даже не сказал ей об этом приглашении. И, наверно, в последнюю минуту придумает какое-нибудь оправдание, как было в пятницу. О, господи! Что же все это значит?

И мгновенно рождество в семейном кругу утратило для Роберты всю свою романтическую прелесть. Она спрашивала себя, действительно ли Клайд любит ее так, как говорит. Отчаянное положение, в котором она оказалась из-за своей безрассудной страсти к Клайду, невыразимо ее мучило. Если у нее не будет Клайда, не будет мужа, дома и детей и достойного места в окружающем скромном мирке, в котором она живет,— что тогда останется у нее в жизни? И, кроме его любви к ней,— если она не угасла! — в чем найти поруку, что он в конце концов не бросит ее, раз он может вот так обманывать ее и оставлять одну? Если так, что ждет ее впереди! Едва ли она сможет выйти замуж за кого-нибудь другого, и никакой уверенности в Клайде...

Она была не в силах говорить, и хотя Гейбл спросил у нее: «Ведь это тот самый Грифитс?» — она, не отвечая, встала из-за стола.

— Простите, я на минутку,— сказала она.— Мне нужно достать кое-что из чемодана,— и бросилась вверх по лестнице в бывшую свою комнату.

Здесь она села на кровать и оперлась подбородком на руки: ее привычная поза в минуты тревожного раздумья. Пристально, невидящими глазами она глядела в пол.

Где сейчас Клайд?

С какой именно из этих девушек он ездил к Стил? Очень ли она ему нравится? До этого дня Роберта была уверена в любви Клайда и вовсе не задумывалась над тем, что его внимание может привлечь какая-нибудь другая девушка.

Но теперь, теперь...

Она встала, подошла к окну и поглядела в сад, где она подростком так часто трепетала пред красотою жизни. Теперь все было мрачно и голо. Тонкие обледенелые ветви деревьев, серые качающиеся прутья, кое-где одинокий дрожащий лист... и снег... И жалкие полуразрушенные постройки... И Клайд становится равнодушен к ней... Внезапно она подумала, что ей нельзя здесь оставаться. Надо уехать как можно скорее, даже сегодня, если удастся. Она должна вернуться в Ликург и быть вблизи Клайда хотя бы затем, чтобы напомнить ему о его прежней привязанности и самым своим присутствием удержать от сближения с другими девушками. Неразумно было уехать вот так, да еще в праздничные дни. В ее отсутствие он может совсем покинуть ее ради другой девушки, и если это случится, то не по ее ли собственной вине? Она уже начала обдумывать, под каким предлогом можно вернуться в Ликург сегодня же,

но сообразила, что теперь, накануне праздника, всем, и прежде всего матери, ее отъезд покажется необъяснимым и бессмысленным. И она решила, как и предполагала раньше, дотерпеть до завтрашнего вечера. Но больше никогда она не будет расставаться с Клайдом на такой долгий срок.

И в то же время она упорно думала о том, как убедиться, любит ли ее Клайд, будет ли он поддерживать ее и намерен ли на ней жениться? И если он солгал ей, как добиться, чтобы он больше этого не делал? Как заставить его почувствовать, что лжи не должно быть места между ними? И прежде всего,— как утвердиться в его сердце и вытеснить мечты, порожденные очарованием другой?

Как?

ГЛАВА XXX

Но рождественский вечер, когда Роберта вернулась в Ликург, не принес ей ни встречи с Клайдом, ни хотя бы записки с объяснением. Дело в том, что в семье Грифитсов произошло событие, которое очень заинтересовало бы и Клайда и Роберту, если бы они о нем узнали. Та самая газетная заметка о танцах у Ванды Стил, которую прочитала Роберта, попала также на глаза Гилберту. В воскресенье утром он сидел за завтраком и собирался отпить из чашки глоток кофе, как вдруг увидел эту заметку. Зубы его внезапно щелкнули, как крышка закрываемых карманных часов. Вместо того чтобы выпить кофе, он отставил чашку и внимательно прочитал газетное сообщение. За столом не было никого, кроме матери, и он, зная, что она более, чем кто-либо в семье, разделяет его мнение о Клайде, протянул ей газету.

— Посмотри, кто теперь делает успехи в обществе,— сказал он резко и язвительно, и во взгляде его отразились гнев и презрение.— Скоро он появится и у нас!

— Кто? — спросила миссис Грифитс, беря газету; она спокойно прочла заметку; имя Клайда удивило ее, хотя она и постаралась этого не показать.

Правда, до семьи Грифитс доходили слухи о том, что Сондра подвезла как-то Клайда в своем автомобиле, а затем — что он был приглашен на обед к Трамбалам, но заметка в светской хронике — это совсем другое дело.

— Не представляю, кто мог пригласить его туда? — задумчиво сказала миссис Грифитс: она хорошо понимала, как относится ко всему этому сын.

— Конечно, эта кривляка и болтушка Финчли, кто же еще,— фыркнул Гилберт.— Она вообразила почему-то,— наверно, под влиянием Беллы,— будто мы недостаточно внимательны к нему, и сочла, что это остроумный способ отплатить мне за все, в чем я перед ней провинился. То есть это она полагает, будто я провинился перед ней. Во всяком случае, она считает, что я ее не люблю. И в самом деле не люблю. Белла тоже это знает. И, наверно, тут не обошлось без этой выскочки Крэнстон. Она и Сондра неразлучны с Беллой. Они чересчур зазнаются и швыряют деньгами — и эти девицы, и их братья тоже — Грэнт Крэнстон и Стюарт Финчли,— словом, вся эта компания. Я готов держать пари, что не сегодня-завтра кто-нибудь из них плохо кончит. Попомни мое слово! Все они ничего не делают, круглый год только играют, танцуют, разъезжают туда и сюда, как будто на свете нет других занятий. Не могу понять, почему вы с отцом позволяете Белле проводить столько времени в этой компании!

Тут мать запротестовала. Она не может запретить Белле знакомство с одной половиной здешнего общества и заставить ее сблизиться с другой половиной. В высшем кругу Ликурга все связаны между собой и постоянно встречаются. Белла уже становится взрослой и может поступать по-своему.

Но оправдания матери нисколько не уменьшили враждебности Гилберта, которого возмущало, что Клайд стремится проникнуть в общество и, судя по заметке, получает для этого кое-какие возможности. Несносно! Этот жалкий нищий двоюродный брат уже нанес ему непростительное оскорбление, во-первых, тем, что осмелился быть похожим на него, Гилберта, во-вторых, тем, что явился сюда, в Ликург, и вторгся в их благородное семейство. И ведь Гилберт с самого начала ясно показал этому Клайду, что не желает его знать и, будь его, Гилберта, воля, ни минуты не потерпел бы присутствия такого братца!

— У него нет ни гроша,— с раздражением заявил в конце концов Гилберт,— а он изо всех сил старается пролезть в общество. И чего ради? Если даже эта публика свела с ним знакомство — что дальше? Все равно он не может бывать с ними и вести такой образ жизни, как они: у него нет для этого средств, и ему негде их взять, а кто станет платить за него? И даже если бы он мог достать деньги, работа на фабрике все равно не позволит ему вращаться в этой компании. Не знаю, как он может сочетать свою работу со всеми этими развлечениями. Ведь эти молодые люди непрерывно разъезжают.

В сущности, Гилберта интересовало, будут ли теперь повсюду принимать Клайда и, если так, что делать? Как Гилберту и всей семье избежать необходимости оказывать внимание Клайду, если тот войдет в общество? Ведь по всему видно, что отец не намерен отослать его прочь.

После этого разговора, когда пришел к завтраку муж, миссис Грифитс показала ему газету и изложила точку зрения Гилберта на происходящее. Но Сэмюэл Грифитс, по-прежнему сохранявший симпатию к Клайду, не склонен был разделять мнение сына. Наоборот, он, казалось, полагал, что газетная заметка лишь подтверждает ту оценку, которую он дал Клайду с самого начала.

— Должен сказать,— начал он, выслушав жену,— я не вижу ничего плохого в том, что Клайд появляется на вечерах то тут, то там и что его приглашают, хотя у него и нет денег. С этим можно только поздравить и его и нас. Я знаю, как относится к нему Гил. Но, на мой взгляд, Клайд несколько лучше, чем кажется Гилу. Во всяком случае, я не могу и не хочу ничего по этому поводу предпринимать. Я выписал его сюда, и самое меньшее, что я могу сделать,— это дать ему случай выдвинуться. Работает он, по-видимому, хорошо. Да и как бы это выглядело, если б я поступил иначе?

И когда жена передала ему еще несколько замечаний Гилберта, Сэмюэл прибавил:

— Безусловно, я предпочитаю, чтобы он поддерживал знакомство с лучшими, а не с худшими людьми. Он хорошо одет, вежлив и, судя по всему, что я слышал на фабрике, недурно справляется с работой. И, уж конечно, следовало послушать меня и пригласить его летом к нам на дачу, хотя бы на несколько дней. Если мы ничего не предпримем в самое ближайшее время, выйдет, как будто мы просто из снобизма не желаем с ним знаться, а ведь другие находят возможным принимать его у себя. Мой совет — пригласи его к нам на рождество или на Новый год. Надо показать, что мы относимся к нему не хуже, чем наши друзья.

— Пусть меня повесят! — воскликнул Гилберт, когда мать передала ему решение отца.— Ну ладно, но не думайте, что я стану с ним любезничать! Удивительное дело: если отец такого высокого мнения о нем, почему он не даст ему на фабрике места получше!

Возможно, что все эти разговоры ни к чему бы не привели, если бы не Белла: она в этот день вернулась из Олбани, поговорила по телефону с Сондрой и Бертиной, потом встретилась с

ними и узнала все новости, связанные с Клайдом. Ей сообщили также, что он должен сопровождать их под Новый год к Эллерсли в Скенэктеди,— Белла была приглашена туда задолго до того, как они подумали о Клайде.

Услыхав от Беллы эту неожиданную и многозначительную новость, супруги Грифитс вопреки настроениям Гилберта решили примириться с обстоятельствами и пригласить Клайда в первый день рождества на обед — большое торжество со множеством гостей. Таким образом, Грифитсы решили показать всем раз и навсегда, что они не так уж пренебрегают Клайдом, как некоторые, может быть, воображают. Это был теперь единственный разумный выход из положения. Гилберт, услышав об этом, понял, что на сей раз он проиграл.

— Ну и прекрасно,— кисло заявил он,— приглашайте его, если вам с отцом так хочется. Я лично и теперь не вижу никакой необходимости в этом. Но вы можете поступать, как вам угодно. Мы с Констанцией собираемся на весь день в Утику, так что я все равно не смогу быть на этом обеде, даже если бы и хотел.

Он был вне себя от мысли, что Сондра Финчли, которую он терпеть не мог, своими интригами все же сумела всучить им этого двоюродного брата, и он, Гилберт, не в состоянии этому помешать. И каким жалким нищим должен быть этот Клайд, чтобы навязываться таким образом, зная, что его не желают принимать. Ну и тип!

Итак, в понедельник утром Клайд получил второе письмо от Грифитсов, на этот раз подписанное Майрой, в котором его приглашали на рождественский обед в два часа дня. Этот обед, как казалось тогда Клайду, не мешал ему быть в восемь часов вечера у Роберты, и он всецело отдался своей безмерной радости: наконец-то он действительно занимает известное положение в обществе — право, не хуже других! Хоть у него и нет денег, его теперь все принимают, даже Грифитсы! И Сондра так интересуется им,— право же, она разговаривает и ведет себя так, словно готова в него влюбиться. Он признан ликургским обществом — значит, Гилберт потерпел поражение. А что вы скажете об этом письме? Оно свидетельствует по меньшей мере о том, что родственники о нем не забыли, или же что после его недавних успехов в обществе они сочли необходимым быть с ним любезнее,— мысль эта была для Клайда все равно, что победные лавры для борца. Он наслаждался ею, точно в его отношениях с родственниками не было никакого изъяна.

ГЛАВА XXXI

К несчастью, праздничный обед у Грифитсов, на который были приглашены Старки с дочерью Арабеллой, супруги Вайнант (их дочь Констанция уехала с Гилбертом в Утику), Арнольды, Энтони, Гарриэты, Тэйлоры и другие видные семейства Никурга, произвел слишком сильное и даже ошеломляющее впечатление на Клайда, и ни в пять, ни в шесть часов он просто не в состоянии был хотя бы подумать о своем обещании навестить Роберту. Около шести бо́льшая часть гостей начала раскланиваться и прощаться — и тогда ему, уж во всяком случае, следовало бы поступить так же, вспомнив наконец о своем уговоре с Робертой, но тут к нему подошла Вайолет Тэйлор (представительница той же молодой компании) и сообщила, что все они собираются еще повеселиться сегодня вечером у Энтони.

— Вы поедете с нами? Ну конечно, поедете! — настойчиво сказала она, и Клайд сейчас же согласился, хотя и вспомнил о Роберте, которая, вероятно, уже возвратилась и ждет его. Но он еще успеет, подумал он, времени много.

А там, у Энтони, в болтовне и танцах, воспоминание о данном слове постепенно потускнело. Все же часов в девять он начал беспокоиться. Теперь она, должно быть, уже дома и удивляется, не понимая, что сталось с ним и его обещанием. И это в рождественский вечер, да еще после трехдневной разлуки!

Его все больше мучило беспокойство, но внешне он по-прежнему держался, как человек, находящийся в наилучшем расположении духа. К счастью, вся эта компания танцевала и веселилась всю неделю напролет и теперь дошла до полного изнеможения; поэтому все невольно покорились усталости и в половине двенадцатого единодушно решили разъехаться. Проводив Беллу до особняка Грифитсов, Клайд поспешил на Элм-стрит в надежде, что Роберта еще не спит.

Подходя к дому Гилпинов, он увидел сквозь осыпанные снегом ветви кустов и деревьев свет ее одинокой лампы. Тревожно обдумывая, что сказать ей, как оправдать это необъяснимое опоздание, он остановился под большим деревом. Что же ей все-таки сказать? — спрашивал он себя. Уверять, что он снова был у Грифитсов или где-то в другом месте? По его прежним рассказам Роберта считает, что он был там совсем недавно — в пятницу. Раньше, когда у него не было никаких знакомств и он только мечтал о них, выдумки, которые он рассказывал

на этот счет Роберте, не влекли за собой угрызений совести. Все это было только фантазией, не отнимало у него времени и не мешало желанным для обоих свиданиям. Но теперь это стало реальностью, притом он считал, что новые знакомства имеют огромное значение для его будущего, и потому колебался. Наконец он решил объяснить свое отсутствие в этот вечер вторым приглашением, полученным позже; кроме того, надо убедить Роберту, что от Грифитсов зависит все его материальное благополучие, и потому бывать у них, когда им угодно,— прямой его долг, а не просто удовольствие, ради которого он бросает ее одну. Может ли он поступать иначе? И утвердившись мысленно в этой полуправде, он прошел по снегу и тихонько стукнул в окно.

Свет сейчас же погас, штора на окне поднялась. Через минуту Роберта, которая провела все эти часы в мрачном раздумье, открыла дверь и впустила его; как всегда, она зажгла свечу, чтобы их не выдал слишком яркий свет лампы. И Клайд сразу же зашептал:

— Ну, знаешь, дорогая, от этих светских обязанностей у меня уже просто голова кругом пошла. Я еще никогда не видал такого города. Как только попадешь к кому-нибудь,— конечно, уже не знаешь, когда освободишься. Сначала обед, потом танцы, потом прогулка или еще что-нибудь — им все мало! Когда я был у Грифитсов в пятницу (он ссылался на свою прежнюю ложь), я думал, что это последнее приглашение до конца праздников. А вчера я как раз собирался в другое место — и вдруг получил от них записку, что сегодня они опять ждут меня к обеду. Понимаешь, обед был назначен в два, и я думал, что освобожусь рано и успею прийти сюда к восьми, как обещал. А на самом деле начали в три и вот только сейчас стали расходиться. Просто невозможно! Я все время порывался уйти, но никак не мог. Ну, а ты как, дорогая? Надеюсь, хорошо провела время? Понравился твоим родителям мой подарок?

Он сыпал вопросами, а она отвечала скупо и отрывисто и все время пристально смотрела на него, словно говоря: «Как ты можешь так обращаться со мной?» Но Клайд слишком усердно доказывал свое алиби, слишком старался заставить Роберту поверить ему; ни в первые минуты, ни позже, когда он снял пальто, кашне и перчатки и пригладил волосы, он ни разу не взглянул на нее ласково, да и вообще не смотрел ей в глаза и ничем не показал, что в самом деле рад снова увидеться с нею. Напротив, он был так суетлив и возбужден, что, несмотря на все его прежние признания и поступки, Роберта почувство-

вала: ему, в общем, приятно видеть ее, но он куда больше занят собой и своими сбивчивыми объяснениями. Потом он наконец обнял ее и поцеловал, и все же она чувствовала, как и в субботу, что душою он только наполовину с нею. Иные мысли — о том, что помешало ему и в пятницу и сегодня прийти к ней,— волновали сейчас обоих.

Роберта смотрела на Клайда, не вполне веря ему,— и все-таки ей хотелось хоть немного верить. Может быть, он и в самом деле был у Грифитсов и они его задержали. А может быть, и нет. Она невольно вспомнила, что в прошлую субботу он сказал, будто в пятницу обедал у Грифитсов, а между тем газетная заметка сообщала, что он был в Гловерсвиле. Но если спросить его об этом сейчас, он, пожалуй, только рассердится и опять солжет... В конце концов, думала она, у нее нет никаких прав на него, кроме тех, что дает его любовь к ней. Но она не могла себе представить, чтобы его чувства могли так быстро перемениться.

— Значит, поэтому ты не мог прийти сегодня вечером? — спросила она не без досады,— так она никогда не говорила с ним раньше,— и прибавила печально: — Ты ведь говорил, что тебе ничто не сможет помешать...

— Да, верно,— подтвердил Клайд.— Мне ничто и не помешало бы, если б не это письмо. Пойми, я ни с кем другим не стал бы считаться, но не могу же я не пойти, если дядя зовет меня на праздничный обед. Это слишком важный визит. Очень неудобно было бы отказаться. И потом, ведь днем тебя здесь еще не было.

Он сказал это таким тоном, который яснее всех слов показал Роберте, как высоко ценит он близость с семьей дяди и как мало значит для него по сравнению с этим все, что так дорого ей в их отношениях. Она поняла, что, хотя он и был в начале их любви таким восторженным и пылким, в его глазах она стоит гораздо ниже, чем в своих собственных. Значит, все ее мечты и жертвы напрасны. Ей стало страшно.

— А все-таки,— продолжала она неуверенно,— разве ты не мог оставить мне записку, Клайд? Я бы застала весточку от тебя, как только вернулась...

Она сказала это как могла мягче, ей не хотелось его сердить.

— Но я же сказал, дорогая, я не ожидал, что так задержусь. Я думал, обед кончится к шести, не позже.

— Да... хорошо... я знаю... но все-таки...

Она смотрела на него растерянно и взволнованно; на лице

ее смешались страх и печаль, упрек и недоверие, следы обиды и отчаяния,— все это отражалось в устремленных на Клайда больших строгих глазах и заставляло его мучительно сознавать, что он нехорошо, низко поступил с нею. Ее глаза, казалось, ясно говорили об этом — под этим взглядом Клайд вдруг вспыхнул, его всегда бледные щеки густо покраснели. А Роберта, словно не заметив этого внезапного румянца или не придав ему значения, прибавила:

— Я читала в газете о вечере в Гловерсвиле, но там ничего не сказано о твоих двоюродных сестрах. Они были там?

И впервые в ее вопросе прозвучало сомнение, словно она ему не доверяла. Этого Клайд никак не ожидал от нее — и это его особенно смутило и рассердило.

— Конечно, были,— солгал он.— Почему ты опять спрашиваешь, ведь я уже сказал тебе, что они там были!

— Просто так, милый. Я только хотела знать. Но я заметила, что в газете были названы другие девушки из Ликурга, ты часто говорил о них раньше: Сондра Финчли, Бертина Крэнстон. А ты сказал мне только о сестрах Трамбал.

Ее тон должен был возмутить и обозлить Клайда, она это сразу поняла.

— Да, я тоже читал заметку, но это неправда. А если они и были там, я их не видел. Газеты вечно все перевирают.

Он был раздражен и зол оттого, что так глупо попался, но все его возражения прозвучали неубедительно, и он сам это понял. Тогда он возмутился тем, что Роберта его допрашивает. С какой стати? Как будто он не имеет права бывать, где ему угодно, и должен спрашивать у нее разрешения.

Роберта уже не упрекала и не спорила, а только смотрела на него, и лицо у нее было грустное и оскорбленное. Она не вполне верила ему — и не совсем не верила. Быть может, в его словах есть доля правды. Важнее другое: ему следовало бы любить ее так, чтобы и незачем и невозможно было лгать ей или дурно с нею обращаться. Но что делать, если он не хочет быть добрым и правдивым? Она отошла от него и беспомощно покачала головой.

— Тебе вовсе не нужно что-то выдумывать, Клайд,— сказала она.— Неужели ты не понимаешь? Мне все равно, где ты был, только надо было предупредить меня заранее и не оставлять вот так, совсем одну, в рождественский вечер. Вот что мне обидно.

— Но я ничего не выдумываю, Берта,— сердито возразил он. - Я не могу изменить то, что было,— мало ли что пишут

в газетах. Грифитсы там были, я могу это доказать. А сегодня я пришел к тебе, как только освободился. Чего ради ты сразу вышла из себя? Я сказал тебе правду: я не всегда могу делать то, что мне хочется. Меня пригласили в последнюю минуту, и я должен был пойти. А потом я не мог вырваться. Чего ж тут сердиться?

Он вызывающе посмотрел на нее, и Роберта, побежденная этими рассуждениями, не знала, как быть дальше. Она вспомнила то, что говорилось в газете о предполагаемой встрече Нового года, но чувствовала, что неблагоразумно заговорить об этом теперь. Ей было сейчас особенно горько думать, что Клайд — постоянный участник той веселой, счастливой жизни, которая доступна лишь для него, но не для нее. И все же она не решалась показать ему, какая жгучая ревность ею владеет. В этом высшем свете все так весело проводят время — и Клайд, и его знакомые,— а у нее так мало всего. И потом эти девушки — Сондра Финчли и Бертина Крэнстон... он столько о них говорил, о них пишут в газетах... Может быть, он влюблен в одну из них?

— Тебе очень нравится мисс Финчли? — внезапно спросила она, вглядываясь в полутьме в его лицо; ее охватило беспокойство, ей мучительно хотелось узнать что-то такое, что могло бы пролить хоть слабый свет на его поведение, которое теперь так ее тревожило.

Клайд мгновенно почувствовал значение вопроса: тут было и сдерживаемое желание знать, и беспомощность, и ревность,— это прорывалось в голосе Роберты еще явственней, чем во взгляде. Ее голос звучал так мягко, ласково и печально, особенно в минуты, когда она бывала огорчена и расстроена. Клайда поразила ее проницательность, особое чутье, с каким она сосредоточила свои подозрения на Сондре. Он чувствовал, что она не должна ничего знать, это выведет ее из себя. Но он слишком гордился своим положением в обществе — положением, которое, по-видимому, с каждым часом становилось все более прочным, и это заставило его сказать:

— Немного нравится, конечно. Она очень хорошенькая и превосходно танцует. И потом, она очень богата и великолепно одевается.

Он хотел прибавить, что в остальном Сондра не производит на него большого впечатления, но Роберта почувствовала, что он, пожалуй, по-настоящему увлечен этой девушкой, что целая бездна лежит между нею и всем его миром,— и вдруг воскликнула:

— Еще бы! С такими деньгами всякий сумеет хорошо одеться! Будь у меня столько денег, я бы тоже хорошо одевалась!

К его удивлению и даже ужасу, голос ее вдруг задрожал и оборвался рыданием. Он понял, что она глубоко обижена, жестоко, мучительно страдает и ревнует, и уже готов был снова вспылить, повысить голос, но вдруг смягчился. Мысль, что девушка, которую он до последних дней так горячо и преданно любил, должна из-за него терзаться ревностью, причинила ему настоящую боль,— он ведь хорошо знал, что такое муки ревности: он испытал их из-за Гортензии. Он представил себя на месте Роберты и потому сказал ласково:

— Ну, Берта, неужели мне слова ни о кем нельзя сказать, не рассердив тебя? Это же вовсе не значит, что я как-то по-особенному к ней отношусь. Ты хотела знать, нравится ли она мне, вот я и ответил,— только и всего.

— Да, я знаю,— ответила Роберта. Она стояла перед ним взволнованная, бледная, беспокойно сжимая руки, и смотрела на него с сомнением и мольбой.— У них все есть, ты сам знаешь, а у меня ничего нет. Где же мне тягаться с ними, когда у них так много всего...

Ее голос снова оборвался, глаза наполнились слезами, и губы задрожали. Она поспешно закрыла лицо руками и отвернулась. Отчаянные, судорожные рыдания сотрясали ее плечи и все тело. Клайд, удивленный, смущенный и растроганный этим внезапным взрывом долго сдерживаемого чувства, сам был глубоко взволнован. Все это было не хитростью, не притворством, не попыткой повлиять на него,— но внезапным, потрясающим прозрением; он догадывался, что Роберта вдруг с ужасом увидела себя одинокой, покинутой, без друзей, без надежд на будущее, тогда как у тех, других, кем он теперь так занят, все есть в избытке. А в прошлом у нее — годы горького одиночества, омрачавшего ее юность... их так живо напомнила ей недавняя поездка на родину. Роберта, потрясенная и беспомощная, была поистине в отчаянии.

— Если бы мне посчастливилось, как другим девушкам! — вырвалось у нее из глубины души.— Если бы я могла куда-нибудь поехать, увидеть что-нибудь!... Как ужасно — вырасти вот так, в глуши... Ни денег, ни платьев — ничего у меня никогда не было! Ничего и никого!..

Не успела она договорить, как ей стало стыдно своей слабости и унизительных признаний: она была убеждена, что именно это в ней и неприятно Клайду.

— Роберта, милая! — быстро и нежно сказал Клайд, обнимая ее, искренне огорченный своей небрежностью.— Не надо так плакать, хорошая моя! Не надо! Я не хотел делать тебе больно, честное слово, не хотел! Я знаю, ты очень огорчалась, это были плохие дни для тебя. Я знаю, как тебе тяжело и сколько ты перенесла. Только не плачь так! Я люблю тебя, как раньше, правда же, и всегда буду любить. Мне так жаль, что я тебя обидел! Честное слово, жаль! Я никак не мог уйти сегодня вечером и в ту пятницу тоже. Это было просто невозможно! Но больше я не буду так... я постараюсь вести себя лучше, честное слово! Ты моя милая, дорогая девочка. У тебя такие чудные волосы, и глаза, и такая прелестная фигурка. Правда, Берта! И танцуешь ты не хуже других. И ты очень красивая. Перестань, дорогая, ну пожалуйста! Мне так жаль, что я тебя обидел.

По временам, как почти каждый человек при подобных обстоятельствах, Клайд был способен на подлинную нежность, вызываемую воспоминаниями о пережитых им самим разочарованиях, печалях и лишениях. В такие минуты голос его звучал кротко и нежно. Он становился ласков, как может мать быть ласкова с ребенком. Это бесконечно привлекало Роберту. Но эти порывы нежности были так же непродолжительны, как и сильны. Они походили на летнюю грозу: вдруг налетали и столь же быстро проносились. Но этой минуты было довольно, чтобы Роберта почувствовала: он понимает и жалеет ее и, может быть, за это любит еще больше. Не так уж все плохо. Клайд принадлежит ей, и ей принадлежат его любовь и сочувствие. И эта мысль, и его ласковые слова утешили ее, она стала вытирать глаза и вслух пожалела, что оказалась такой плаксой. Пусть он простит ее за то, что она своими слезами смочила манишку его безупречной белой сорочки. Она больше не будет такой, пусть только Клайд простит ее на этот раз. И Клайд, растроганный силой страсти, которой он и не подозревал в Роберте, целовал ее руки, щеки, губы.

Среди этих ласк и поцелуев он вновь уверял ее безумно и лживо (хотя и по-другому, но так же сильно, а быть может, и сильнее, его влекла теперь Сондра), что она — и первая, и последняя, и самая сильная его любовь. И Роберта подумала, что, пожалуй, была к нему несправедлива. Ее положение, может быть, и не блестяще, но куда прочнее, чем было в прошлом, прочнее, чем положение тех, других: они могут встречаться с Клайдом в обществе, но им не известно, как сладостна его любовь.

ГЛАВА XXXII

В эту зиму Клайд стал признанным членом ликургского высшего общества, участником всех светских развлечений. После того как Грифитсы представили его своим друзьям и знакомым, его, естественно, стали принимать почти во всех видных домах. Но в этом крайне замкнутом кругу, где буквально все, кто занимал какое-то положение, знали друг друга, состояние кошелька значило не меньше, а в некоторых отношениях даже больше, чем родство и связи. В видных семействах считалось неоспоримой истиной, что не только происхождение, но богатство — основа основ всякого счастливого и добропорядочного супружества. Поэтому, хотя и признавалось, что Клайд, безусловно, приемлем в обществе, родители, однако, не считали его подходящим женихом для своих дочерей, так как, по слухам, средства его были весьма скудны. И, не забывая посылать ему приглашения, они в то же время не забывали предупредить своих детей и родственников, что слишком частые встречи с ним нежелательны.

Однако Сондра и ее компания отнеслись к нему очень дружелюбно, а предостережения и замечания родителей и друзей пока были не слишком строги, и потому Клайда часто приглашали на такие вечера и собрания молодежи, которые его больше всего интересовали: на те, которые начинались и заканчивались танцами. И хотя кошелек его был тощ, он делал успехи. Сондра, которая всерьез увлеклась им, очень скоро поняла, что денег у него в обрез, и старалась сделать так, чтобы дружба с нею была для него возможно менее разорительна. Ее примеру последовали Бертина и Грэнт Крэнстоны и многие другие — поэтому в большинстве случаев Клайд мог принимать участие в различных вечерах и развлечениях, особенно если они происходили в самом Ликурге, и ничего при этом не тратить. А когда его приглашали за город, кто-нибудь из компании подвозил его в своем автомобиле.

После новогодней поездки в Скенэктеди, сыгравшей большую роль в отношениях Клайда и Сондры,— в тот раз яснее, чем когда-либо прежде, Сондра почувствовала, как сильно ее влечет к нему,— чаще всего именно она заезжала за ним в своем автомобиле. Он и в самом деле ей очень нравился. Его поклонение льстило ее тщеславию и в то же время задевало более тонкую струнку ее натуры: ей очень хотелось иметь рядом кого-то вроде Клайда — юношу, который нравился бы ей, был из хорошего общества и притом всецело от нее зависел. Она знала,

что родители не одобрят ее сближения с Клайдом, потому что он беден. Вначале она и не думала ни о какой близости с ним, но теперь ей смутно хотелось этого.

Однако первый удобный случай для новых откровенных разговоров представился только недели через две после встречи Нового года. Они возвращались из Амстердама с веселой вечеринки. Доставив домой Беллу Грифитс, а затем Грэнта и Бертину Крэнстон, Стюарт Финчли, правивший автомобилем, обернулся и крикнул:

— Теперь мы отвезем вас, Грифитс!

Но Сондра, которой еще не хотелось расставаться с Клайдом, сейчас же предложила:

— Давайте заедем сначала к нам, я напою вас горячим шоколадом, а потом вы пойдете домой. Хотите?

— Еще бы, конечно, хочу,— весело ответил Клайд.

— Ладно, поехали,— отозвался Стюарт.— Но только я сразу лягу спать. Уже четвертый час.

— Вот хороший брат,— сказала Сондра.— Ты у нас спящая красавица, это известно!

Поставив машину в гараж, все трое через черный ход прошли в кухню. Стюарт ушел, а Сондра, усадив Клайда за стол прислуги, занялась приготовлением шоколада. Клайда поразила сложная кухонная утварь: он никогда не видел ничего подобного и с удивлением разглядывал все эти признаки богатства и благоденствия.

— Какая огромная кухня,—сказал он.— Сколько тут всяких приспособлений для стряпни!

Она поняла, что все это непривычно для него и едва ли он бывал в такой обстановке до приезда в Ликург, а значит, его нетрудно удивить,— и ответила небрежно:

— Вы находите? Разве не все кухни одинаковы?

Клайд вспомнил о хорошо знакомой ему бедности и, заключив из слов Сондры, что она едва ли имеет представление о более скромной обстановке, чем эта, проникся еще большим благоговением перед миром, в котором она жила,— миром изобилия. Какое богатство! Что за счастье жениться на такой девушке и каждый день пользоваться всей этой роскошью. Иметь повара и слуг, огромный дом, автомобиль, не работать на кого-то, а только отдавать приказания. Эта мысль совсем захватила его. Кокетливые обдуманные движения Сондры показались ему теперь еще более очаровательными. Видя, как много значат для Клайда вещи, Сондра захотела подчеркнуть, что все окружающее неотделимо от нее самой. Она поняла, что для Клайда она, как

ни для кого на свете, яркая звезда, воплощение роскоши и социального превосходства.

Приготовив шоколад в простой алюминиевой кастрюльке, она, чтоб поразить Клайда, принесла из соседней комнаты серебряный сервиз великолепной работы. Налила шоколад в серебряный чеканный бокал и поставила его перед Клайдом. Затем, легко подпрыгнув, уселась тут же на столе.

— Здесь очень уютно, правда? — сказала она.— Я ужасно люблю забираться на кухню, но это можно, только когда нет повара. Он никого сюда не пускает.

— Да что вы? — воскликнул Клайд, не представлявший, как ведут себя повара в частных домах.

Это изумленное восклицание окончательно убедило Сондру, что он вырос в очень бедной семье. Однако это ее не оттолкнуло: Клайд уже слишком много для нее значил. И когда он воскликнул: «Как это чудесно, что мы сейчас вместе,— правда, Сондра? Подумать только, ведь я весь вечер не мог сказать вам ни слова наедине!» — она, нисколько не рассердившись за его фамильярность, сказала:

— Вы думаете? Я очень рада.

И улыбнулась слегка надменно, но ласково.

Она сидела перед ним в вечернем платье из белого атласа, ее ножки в маленьких туфельках были так близко от него, тонкий аромат ее духов щекотал ему ноздри... Клайд был возбужден. Она воспламеняла его воображение. Пред ним было воплощение юности, красоты, богатства. Какая в этом сила! А она, чувствуя, как горячо он восхищается ею, понемногу заражалась его восторженным волнением,— и ей уже казалось, что она могла бы полюбить его, очень полюбить... У него такие блестящие, темные, такие выразительные глаза! А волосы! Они так красиво падают на его белый лоб — прямо тянет погладить их, дотронуться до его щеки. И руки у него такие тонкие, нервные, изящные! Она заметила их красоту, как замечали до нее Роберта, Гортензия и Рита.

Но теперь Клайд молчал. Это было трудное, напряженное молчание, ибо он боялся дать волю словам. Он думал: «Если б только я мог сказать ей, какая она красавица! Если бы я мог обнять ее и целовать, целовать, целовать, и чтобы она тоже целовала меня!» И странно, в отличие от того, что он с самого начала испытывал к Роберте, его мысли о Сондре не были чувственными, ему просто хотелось любовно и нежно заключить в объятия эту совершенную красоту. И его глаза красноречиво говорили о силе этого желания. Сондра заметила это и немного

смутилась: такое настроение Клайда пугало ее, но при этом и любопытство одолевало: что же дальше? И она сказала насмешливо:

— Вы, кажется, хотите сказать мне что-то очень важное?

— Я хотел бы сказать вам очень многое, Сондра, если бы только вы позволили! — с жаром ответил он.— Но вы запретили мне...

— Да, запретила. Самым серьезным образом. И я рада, что вы так послушны.

И она с лукавой улыбкой посмотрела на него, словно говоря: «А вы в самом деле верите, что я это всерьез?»

Взволнованный этим многозначительным взглядом, Клайд вскочил, взял ее руки в свои и, глядя ей прямо в глаза, спросил:

— Неужели вы совсем запретили мне говорить, Сондра? Нет, не может быть! Я так хотел бы сказать вам все, что думаю!

Его глаза говорили яснее слов. Сондра сознавала, что его слишком легко воспламенить, и все же ей хотелось дать ему волю. Она немного отстранилась.

— Ну конечно, запретила. Вы уж слишком серьезно ко всему относитесь,— сказала она и тут же невольно улыбнулась.

— Но я не могу справиться с собой, Сондра, не могу! Не могу! — начал он горячо, почти исступленно.— Вы не знаете, что вы со мной делаете. Вы так прекрасны! Да, прекрасны, вы это знаете. Я все время думаю о вас. Это правда, Сондра! Вы сводите меня с ума. Я ночей не сплю — все думаю о вас. Да, да, я просто как безумный! Я места себе не нахожу. После каждой встречи с вами я ни о чем больше думать не могу. Вот сегодня вы танцевали со всеми этими молодыми людьми... прямо не знаю, как я это выдержал! Я хотел бы, чтобы вы танцевали только со мной, больше ни с кем. У вас такие дивные глаза, Сондра, и такой прелестный рот, и подбородок, и вы так очаровательно улыбаетесь!

Он поднял руки, словно для того, чтобы приласкать ее, но сразу опустил их и мечтательно и восторженно смотрел ей в глаза, как может смотреть верующий в глаза святого... и вдруг обнял ее и привлек к себе. Охваченная трепетом, наполовину завороженная его речами, Сондра, вместо того чтобы решительно отстраниться, как она сделала бы в любом другом случае, только глядела на него. Она была зачарована его восторгом, захвачена и опьянена его страстью, ей казалось, что она могла бы полюбить его так сильно, как он этого жаждет, очень, очень полюбить... если бы только посмела. Он такой красивый, и ее влечет к нему. Он просто удивительный, хоть и беден, зато в

нем столько энергии и страсти, как ни в одном из знакомых ей молодых людей. Если бы только ей не мешала мысль о родителях и о положении в обществе! Как хорошо было бы поддаться этому чудесному волнению наравне с Клайдом! И в ту же минуту она подумала, что, если родители узнают все это, ей придется не только отказаться от удовольствия еще больше сблизиться с Клайдом, но и вовсе прекратить знакомство с ним. Эта мысль испугала и отрезвила Сондру,— но лишь на мгновение: ее все равно тянуло к нему. В ее глазах было столько тепла и нежности, на губах играла улыбка.

— Я не должна позволять вам говорить такие вещи. Конечно, не должна,— слабо протестовала она, нежно глядя на него.— Это нехорошо, я знаю, но все-таки...

— Почему нехорошо? Что в этом дурного, Сондра? Почему мне нельзя говорить, ведь я так люблю вас!

Его глаза затуманились печалью. Она это заметила.

— Ну вот! — воскликнула она.— Но я... я... — и запнулась; она чуть не сказала: «Не думайте, что нам позволят продолжать в том же духе»,— но вместо того прибавила: — Я еще слишком мало знаю вас.

— О, Сондра, но ведь я так люблю вас, я с ума схожу! Неужели вы совсем, совсем равнодушны ко мне?

Она колебалась, не зная, что ответить,— и тогда в его глазах отразились мольба, страх, печаль. Это подействовало на Сондру. Она в нерешительности смотрела на Клайда, спрашивая себя, к чему может привести такая безрассудная любовь. А он, заметив неуверенность в ее взгляде, притянул ее к себе и поцеловал. Вместо того чтобы рассердиться, она несколько мгновений добровольно и радостно лежала в его объятиях, потом быстро выпрямилась: сознание, что она позволила ему целовать себя, и мысль о том, как он может это истолковать, разом заставили ее опомниться.

— Теперь вам, пожалуй, лучше уйти,— сказала она решительно, но без гнева.

И Клайд, сам удивленный и немного испуганный своей смелостью, спросил робко и покорно:

— Рассердились?

Сондра почувствовала его покорность, покорность раба пред владыкой (это было ей и приятно, и в то же время неприятно, потому что она, подобно Роберте и Гортензии, предпочитала покоряться, а не властвовать) и покачала головой.

— Очень поздно,— сказала она и ласково и чуть грустно улыбнулась.

Клайд понял, что нельзя больше ничего говорить, и у него не было ни мужества, ни оснований для того, чтобы настаивать; он взял пальто, печально и послушно посмотрел на Сондру и вышел.

ГЛАВА XXXIII

Роберта скоро убедилась, что ее предчувствия и опасения не были напрасными. Точно так же, как и прежде, Клайд в последнюю минуту отменял свои обещания или просто не являлся в назначенный день, не предупредив ее, а потом, по обыкновению, уверял, что не виноват и никак не мог иначе. Порой она жаловалась и упрекала его, а иногда только молчаливо и сдержанно тосковала,— но этим уже ничего нельзя было изменить и исправить. Клайд был теперь отчаянно влюблен в Сондру, и, что бы ни делала Роберта, ничто не могло повлиять на него, тронуть его. Сондра была слишком очаровательна!

И, однако, Роберта каждый день проводила долгие рабочие часы в одной комнате с Клайдом, а потому он не мог не чувствовать, какие мысли гнетут ее,— печальные, мрачные, безнадежные мысли. По временам он, казалось, слышал их с такой мучительной ясностью, точно это были жалобные и обвиняющие голоса. И тогда невольно — просто чтобы утешить ее — он говорил, что хотел бы провести с нею вечер и зайдет к ней, если она будет дома. А она была в таком смятении и все еще так любила его, что не могла противиться искушению видеть его у себя. Когда же Клайд приходил к ней, воспоминания прошлого и даже сама эта комната содействовали новой вспышке прежнего чувства.

Однако Клайд, безумно — наперекор всем реальным условиям — надеясь на какое-то светлое будущее сильнее чем когда-либо, опасался, как бы нынешние отношения с Робертой ему не повредили. Что, если об этом как-нибудь узнает Сондра? Тогда все погибло! Или вдруг Роберте станет известно о его увлечении Сондрой, и она в порыве обиды и негодования разоблачит его... Ведь после Нового года он очень часто по утрам на фабрике говорил Роберте, что неожиданное приглашение от Грифитсов, Гарриэтов или других светских знакомых помешает ему прийти к ней вечером, хотя и обещал ей это днем или двумя раньше. И потом, уже три раза бывало так, что Сондра заезжала за ним в своем автомобиле, и он исчезал, ни словом не предупредив Роберту, надеясь, что до следующего утра сумеет придумать какое-нибудь оправдание и этим все загладит.

То была ненормальная, хотя и не столь беспримерная, как может показаться, смесь тяготения и неприязни; и в конце концов Клайд решил: будь что будет, он должен как-то разорвать эти узы, даже если это окажется для Роберты смертельным ударом (что ему до того? Он никогда не обещал на ней жениться!). Он должен порвать с нею, даже рискуя своим положением на фабрике, если Роберта не согласится безропотно его отпустить. Но временами он казался самому себе коварным, бесстыдным и жестоким соблазнителем: ведь он обманул девушку, которая сама никогда не подумала бы о сближении с ним. И так странны капризы сладострастия: именно благодаря этому настроению — вопреки лжи, увертками, невниманию, нарушенным обещаниям и несостоявшимся встречам — вновь сбывалось наложенное на Адама и его потомков адское — или небесное — заклятие: «И будет к жене твоей влечение твое».

Надо еще заметить, что так как Роберта и Клайд были неопытны и несведущи, они пользовались только самыми простыми и неудовлетворительными противозачаточными средствами. И вот странное совпадение: в середине февраля Клайд, видя все большую благосклонность Сондры, почти уже решил раз и навсегда положить конец не только физической связи, но и вообще всяким отношениям с Робертой; в это же время и она тоже начала ясно понимать, что, хотя Клайд еще колеблется, а сама она по-прежнему его любит, все попытки удержать его тщетны, и, быть может, для ее гордости, если не для душевного спокойствия, лучше уехать, найти другую работу, которая давала бы ей возможность жить и немного помогать родным,— и постараться забыть Клайда. Но, к ее отчаянию и ужасу, вышло иначе. Однажды утром, когда она пришла на фабрику, ее лицо выражало сомнения и страхи еще более тяжкие и мучительные, чем те, что одолевали ее до сих пор. Вдобавок ко всем неутешительным мыслям о том, что Клайд к ней охладел, ее вдруг потрясло страшное подозрение: даже уехать теперь не удастся! Оба они были слишком нерешительны и сентиментальны, и она не могла побороть своей любви к нему,— и вот теперь, когда это было наименее желательно для них обоих, она забеременела.

С тех пор как она уступила обольщениям Клайда, она всегда считала дни и радовалась, убеждаясь, что все благополучно. Но теперь прошло уже сорок восемь часов после точно высчитанного срока — и ничего! А Клайд уже четыре дня не приходил к ней и на фабрике вел себя сдержаннее и равнодушнее, чем когда-либо.

А теперь — это!

У нее нет никого, кроме Клайда, ей не к кому больше обратиться. А он стал таким чужим и равнодушным.

Роберту охватил страх: она чувствовала, что, поможет ли ей Клайд или нет, нелегко будет выйти из такого трудного и опасного положения, и она представила себе дом, мать, родных и знакомых — что они подумают, если с нею случится такое! Что скажут люди? Это приводило ее в безмерный ужас. Клеймо преступной связи! Позор незаконного рождения для ребенка!

Как трудно приходится женщине,— всегда думала она, слушая рассказы о жизни и браке, об изменах и несчастиях, выпадавших на долю девушек, которые уступали мужчинам и бывали потом покинуты,— трудно, даже когда женщина замужем и находит поддержку в муже, в его любви — так любит, например, ее зять Гейбл Агнессу, и, конечно, так ее отец прежде любил мать, а Клайд — ее, в те времена, когда он пылко клялся ей в любви.

Но теперь... теперь!

Однако что бы ни думала она о его прежних или теперешних чувствах, медлить было нельзя. Как бы ни изменились их отношения, он должен ей помочь. Она не знает, что делать, куда обратиться. А Клайд, наверно, знает. Во всяком случае, он когда-то сказал, что поможет ей, если что-нибудь случится. Сначала она пробовала утешать себя, что, может быть, ее страхи преувеличены и все еще окончится благополучно, но когда и на третий день эти надежды не оправдались, ее охватил невыразимый ужас. Остатки мужества покидали ее. Если он теперь не придет ей на помощь, она будет совсем одинока, а ей необходима поддержка, совет — добрый, дружеский совет. О, Клайд, Клайд! Если бы только он не был так равнодушен! Он не должен быть таким! Что-то нужно сделать — немедленно, сейчас же, иначе... Боже, какой это будет ужас!

Между четырьмя и пятью часами она прервала работу и бросилась в гардеробную. Там она поспешно нацарапала истерическую записку:

«Клайд, я должна видеть тебя вечером непременно, *непременно*. Ты должен прийти. Мне надо сказать тебе кое-что. Пожалуйста, приходи сразу после работы или давай встретимся где-нибудь. Я ни на что не сержусь и не обижаюсь. Но мне необходимо видеть тебя сегодня, необходимо. Пожалуйста, ответь сейчас же, где мы встретимся».

И Клайд, читая эту записку, тотчас почувствовал в ней что-то новое, странное и пугающее; он сразу оглянулся через плечо на Роберту и, увидев ее бледное, осунувшееся лицо, дал знак, что встретится с нею. По ее лицу он понял, что она хочет сказать ему нечто чрезвычайно важное,— иначе откуда это волнение и тревога? Правда, он с беспокойством вспомнил, что его пригласили в этот вечер обедать у Старков; но все-таки нужно сперва повидаться с Робертой. Однако что же случилось? Может быть, кто-нибудь умер или заболел? Какое-нибудь несчастье с ее матерью или с отцом, братом, сестрой?

В половине шестого он отправился в условленное место, стараясь догадаться, почему Роберта так бледна и встревожена. И в то же время он говорил себе, что его мечты, связанные с Сондрой, по-видимому, могут осуществиться, а потому он не должен запутываться, проявляя слишком большое сочувствие к Роберте: ему следует сохранить свою новую позицию, держаться на известном расстоянии,— пусть она поймет, что он относится к ней не так, как прежде. К шести часам он пришел на место свидания и застал там Роберту, которая печально стояла в тени, прислонясь к дереву. Она казалась подавленной, охваченной отчаянием.

— В чем дело, Берта? Почему ты так испугана? Что случилось?

Она так явно нуждалась в помощи, что даже его гаснувшее чувство несколько ожило.

— Ах, Клайд,— сказала она наконец,— я просто не знаю, как сказать! Так ужасно, если это подтвердится...

Уже в самом ее голосе, напряженном и тихом, ясно чувствовались неуверенность и тоска.

— Но что такое, Берта? Почему ты не говоришь? — повторял Клайд настойчиво и все же осторожно, стараясь сохранить независимый и уверенный вид (это ему не совсем удавалось).— Что произошло? Из-за чего ты так взволновалась? Ты вся дрожишь.

Еще никогда в жизни он не оказывался в подобном положении и потому даже теперь не догадывался, в чем несчастье Роберты. Притом он уже охладел к ней, ему было неловко за свое недавнее поведение, и он не знал, как держать себя теперь, когда с Робертой явно случилось что-то неладное. Он был все же слишком чувствителен к правилам морали и приличий — и не мог поступить с нею бесчестно, даже если этого требовали его самые честолюбивые стремления, не ощутив при этом некоторого сожаления или хотя бы стыда. Вдобавок он боялся из-за всего

этого опоздать на обед к Старкам и не умел скрыть, как ему не терпится уйти. Это не ускользнуло от Роберты.

— Помнишь, Клайд,— начала она серьезно и решительно: трудность положения делала ее смелее и настойчивее,— ты говорил, что если со мной случится несчастье, ты мне поможешь.

Клайд вспомнил о недавних редких и, как видел теперь, безрассудных свиданиях с Робертой, когда какие-то остатки чувства и взаимного влечения снова приводили его к случайной и, конечно, неразумной физической близости с нею,— и сразу понял, в чем дело. Если это правда, перед ним встает очень нелегкая задача; он сам виноват, что все так запуталось, и теперь нужно действовать быстро и решительно, иначе возникнет еще худшая опасность. И одновременно, под влиянием своего лишь недавно родившегося, но уже столь сильного равнодушия к Роберте, он чуть не заподозрил, что все это просто хитрость, выдумка: она чувствует, что он ее разлюбил, и хочет всеми правдами и неправдами удержать его, воскресить его любовь... Но он быстро отверг эту мысль: слишком подавленной и несчастной казалась Роберта. Ему смутно представилось, какую катастрофу означало бы для него подобное осложнение, и тревога заглушила его досаду.

— Но почему ты так думаешь? — воскликнул он.— Разве ты уже можешь знать наверняка? Может быть, завтра все будет в порядке.

Но в голосе его вовсе не было уверенности.

— Нет, не думаю, Клайд. Мне очень хотелось бы, чтобы все уладилось. Но прошло уже два дня, раньше так никогда не бывало.

Роберта сказала это с таким глубоким отчаянием, что Клайд тотчас отказался от мысли, будто она хитрит и притворяется. Но он все еще не решался взглянуть в лицо случившемуся и потому прибавил:

— Ну, это еще, пожалуй, ничего не значит. Опоздание может быть и больше, чем на два дня,— разве нет?

Его тон так явно изобличал неуверенность и совершенную неопытность, которой Роберта в нем до сих пор не знала, что она совсем встревожилась.

— Нет, нет, не думаю. Но какой ужас, если это правда! — воскликнула она.— Как по-твоему, что мне надо делать? Ты не знаешь, что бы такое я могла принять?

Клайд был так боек и самоуверен, когда добивался близости с Робертой, он производил на нее впечатление опытного,

искушенного молодого человека, знающего о жизни гораздо больше, чем она могла надеяться когда-либо узнать,— человека, для которого все опасности и затруднения такого рода сходят безнаказанно... а теперь он совсем растерялся. В сущности — теперь он и сам это понял — он был так же мало осведомлен обо всех тайнах пола и о возможных в подобном случае осложнениях, как почти всякий юноша его лет. Правда, прежде чем приехать сюда, он вращался в Канзас-Сити и Чикаго в обществе столь опытных менторов, как Ретерер, Хигби, Хегленд и другие рассыльные, и наслушался от них сплетен и хвастливых рассказов. Но теперь он догадывался, что, сколько они ни хвастали, все их познания были получены от девушек столь же беспечных и несведущих, как и они сами. Он весьма смутно представлял себе, как скудны были их познания: им было лишь известно кое-что о различных специфических лекарствах и предупредительных средствах, изобретенных врачами-шарлатанами и сомнительными аптекарями; с какими обычно имеют дело люди, стоящие на уровне развития Хегленда и Ретерера. Но если бы даже он знал столько, сколько они,— где раздобыть подобные средства в таком городке, как Ликург? С тех пор как он расстался с Диллардом, у него не было ни приятелей, ни тем более верных друзей, на чью помощь он мог бы рассчитывать в таком трудном деле.

Самое лучшее, что он мог сейчас придумать, это обратиться к какому-нибудь аптекарю, который за известную плату дал бы ему какое-нибудь полезное средство или указание. Но сколько это может стоить? И ведь говорить с аптекарем небезопасно. Не станет ли он расспрашивать? Будет ли молчать? Не расскажет ли кому-нибудь, что к нему обратились с такой просьбой? Клайд очень похож на Гилберта Грифитса, которого все в Ликурге хорошо знают, и кто-нибудь может принять его за Гилберта... пойдут всякие толки, и все это может плохо кончиться.

И такая беда настигла его как раз теперь, когда он уже многого добился в отношениях с Сондрой,— она уже позволяет ему потихоньку целовать ее и даже доказывает ему свою привязанность маленькими подарками: возвращаясь домой, он не раз находил доставленные в его отсутствие галстуки, золотой карандашик, коробку изящнейших носовых платков и при них маленькую карточку с ее инициалами. И в нем крепла уверенность, что будущее сулит ему все больше и больше. Может быть, если Сондра будет все так же влюблена в него, будет вести себя так же хитро и умно и если ее семья будет к нему не

слишком враждебна, он даже сможет на ней жениться. Конечно, он в этом не уверен. Свои подлинные чувства и намерения Сондра до сих пор скрывала под дразнившей его уклончивостью, и это делало ее еще более желанной. И, однако, все подсказывало ему, что он должен как можно скорее, как можно осторожнее и безболезненнее положить конец своей близости с Робертой.

А потому теперь он с притворной уверенностью заявил:

— Сегодня я на твоем месте не беспокоился бы. Может быть, все обойдется благополучно. Еще ничего нельзя знать. Во всяком случае, мне нужно время. Посмотрим, что можно сделать. Я думаю, что смогу достать для тебя что-нибудь. Только, пожалуйста, не волнуйся так!

Но он был далеко не столь спокоен, как хотел показать. В глубине души он был потрясен. Его первоначальное решение держаться возможно дальше от Роберты теперь не так просто выполнить: он оказался лицом к лицу с серьезной опасностью,— разве что удастся какими-то доводами снять с себя всякую ответственность за случившееся. Ведь Роберта все еще работает под его начальством; он писал ей записки; малейшее ее слово повлечет за собой расследование, которое будет для него роковым. Поэтому ясно, что он должен помочь ей быстро и тайно, чтобы никто ничего не узнал и не услышал. Клайд, надо отдать ему справедливость, после всего, что было между ними, был вовсе не против того, чтобы помочь Роберте, насколько он только сможет. Но если не сможет (его мысли забегали вперед: возможен ведь и такой, неблагоприятный оборот дела), ну, тогда... тогда... в конце концов, разве нельзя будет отрицать всякие отношения с ней и сбежать отсюда? Многие так делают. Это может оказаться единственным выходом... Если б только он не был здесь, как в ловушке,— совершенно некому довериться...

Но, что хуже всего, он понятия не имел, как можно помочь Роберте, не обращаясь к врачу. И все это, наверно, связано с тратой денег и времени, с риском и мало ли с чем еще... Он увидит Роберту завтра утром, решил он, и тогда, если ничего не изменится, начнет действовать.

И Роберта, в первый раз покинутая так холодно и равнодушно, да еще в столь критическую минуту, вернулась домой, предоставленная своим мыслям и страхам, охваченная такой мучительной тоской, какой она еще никогда в жизни не испытывала.

ГЛАВА XXXIV

Но возможности Клайда в таком сложном положении были невелики. Кроме Лигета, Уигэма и некоторых младших заведующих отделениями, правда очень любезных, но державшихся довольно отчужденно (все они считали его теперь видной персоной, с которой недопустима какая-либо фамильярность), ему не с кем было посоветоваться. А в том обществе, где он теперь бывал и где так стремился утвердиться, нелепо было бы спрашивать у кого-либо совета, как бы хитро он ни попытался это сделать. Конечно, молодые люди этого круга бывали где угодно и, пользуясь своей внешностью, вкусом и средствами, предавались таким формам разврата, о каких Клайд и ему подобные не смели и мечтать, но он, в сущности, был чужой этим людям и не мог даже думать о том, чтобы их расспрашивать.

Как только он расстался с Робертой, ему пришла в голову здравая мысль, что не следует обращаться к антекарю, доктору и вообще к кому бы то ни было в Ликурге (особенно к доктору, потому что все представители этой профессии казались ему холодными и безучастными,— они, наверно, отнесутся недоброжелательно к такому безнравственному поступку и потребуют много денег); надо съездить в один из ближайших городов, лучше всего в Скенэктеди,— он и близко, и притом больше других,— и там разузнать, как можно выйти из создавшегося положения. Он должен найти какое-то средство.

Необходимо было действовать возможно скорее — и уже по пути к Старкам, не представляя еще, какое именно лекарство ему нужно искать, Клайд решил отправиться в Скенэктеди на следующий же вечер. Однако, сообразил он затем, в таком случае пройдет еще целый день, прежде чем будут приняты какие-нибудь меры, а и ему и Роберте казалось, что малейшее промедление очень опасно. Поэтому он решил, что постарается действовать немедленно: извинится перед Старками и поедет в Скенэктеди сегодня же вечером, пока не закрыты аптеки. Но что потом? Как заговорить с антекарем? Чего попросить? Он беспокойно гадал, как посмотрит на него антекарь, что подумает, что скажет? Если бы здесь были Ретерер или Хегленд! Они, конечно, с радостью помогли бы ему. И даже Хигби. А теперь он совсем один, ведь Роберта ничего не знает... Но должно же быть какое-то средство. Если в Скенэктеди он потерпит неудачу, он немедленно напишет Ретереру в Чикаго, но, чтобы не выдать себя, скажет, что это нужно его приятелю.

И ведь в Скенэктеди, где его никто не знает, он может сказать (эта мысль вдруг осенила его), что недавно женился,— почему бы и нет? Он уже достаточно взрослый и вполне может быть женатым человеком. Он скажет, что у его жены «прошел срок» (он вспомнил фразу, слышанную от Хигби), а так как им невозможно сейчас иметь ребенка, то он хотел бы получить какое-нибудь средство, которое помогло бы ей в ее состоянии. Право, это неплохая мысль! Юная супружеская чета легко может оказаться в таком затруднительном положении. Возможно, что аптекарь посочувствует им и охотно подскажет Клайду выход. Почему бы и нет? Тут нет никакого преступления. Разумеется, один или двое могут отказать, но третий, может быть, не откажет. И тогда он избавится от всех этих неприятностей. И до тех пор, пока не будет знать гораздо больше, чем сейчас, уже никогда не позволит себе снова попасть в такое положение. Никогда! Это слишком страшно!

Он отправился на обед к Старкам в сильном волнении и с каждой минутой нервничал все больше. Тотчас же после обеда, когда было только половина десятого, он заявил, что в самую последнюю минуту на фабрике у него потребовали очень сложного отчета о работе отделения за весь месяц, и так как на службе ему невозможно этим заниматься, то он должен теперь отправиться домой и поработать над отчетом. Такая энергия и рвение юноши, явно желающего сделать карьеру, очень понравились Старкам. Клайда охотно извинили.

Но, приехав в Скенэктеди, он увидел, что у него остается совсем мало времени до последнего поезда в Ликург. Мужество стало покидать его. Похож ли он на женатого человека, поверят ли ему? И, кроме того, такие средства очень опасны и предосудительны,— так полагают даже сами аптекари...

Он прошел из конца в конец всю главную улицу, еще ярко освещенную в этот час, заглядывая в окна то одной, то другой аптеки, и каждый раз приходил к заключению, что именно эта аптека по какой-либо причине ему не подходит. В одной он увидел за прилавком толстого, хмурого, гладко выбритого человека лет пятидесяти, чьи очки и седеющие волосы испугали Клайда: конечно, такой человек откажет молодому клиенту — скажет, что не торгует такими средствами, не поверит, что Клайд женат, и еще заподозрит его в незаконной связи с какой-нибудь девушкой. У этого аптекаря такой степенный, богобоязненный, добропорядочный и благопристойный вид... Нет, не стоит к нему обращаться. У Клайда не хватало храбрости войти и очутиться лицом к лицу с такой особой.

В другой аптеке Клайд увидел маленького, сморщенного, но проворного и неглупого на вид человека лет тридцати пяти; этот показался ему подходящим; но тут Клайд заметил, что аптекарю помогает женщина лет двадцати — двадцати пяти. Что, если именно она спросит Клайда, чего он желает? Трудное, невозможное положение. Или вдруг она услышит, как он будет говорить с аптекарем? Таким образом, он отказался и от этой аптеки, потом и от третьей, четвертой, пятой по различным, но одинаково серьезным причинам: тут были покупатели, там юноша и девушка пили содовую воду, в одном месте сам аптекарь стоял недалеко от стеклянной двери, видел, как Клайд заглянул внутрь — и этим спугнул его прежде, чем он успел решить, стоит ли сюда зайти.

Но в конце концов после стольких неудач он решил, что должен что-то предпринять, иначе придется уехать обратно в Ликург ни с чем, напрасно потратив время и деньги на дорогу. Он вернулся к небольшой аптеке на боковой улице,— несколько минут назад он заметил там сидевшего без дела аптекаря,— и, призвав на помощь все свое мужество, вошел.

— Я хотел бы узнать кое-что,— начал он.— Не можете ли вы мне сказать... Видите ли, в чем дело... я недавно женат, и у моей жены прошел срок, а нам сейчас совершенно невозможно иметь ребенка. Нельзя ли как-нибудь помочь ей?..

Он говорил быстро и держался довольно уверенно, хотя и нервничал, внутренне убежденный, что аптекарь ему не поверит. Но он не знал, что обращается со своей просьбой к закоренелому ханже, члену методистской церкви, человеку, который ни в коем случае не позволит себе препятствовать природе. Такого рода уловки не угодны богу — и аптекарь не держал у себя средств, в какой-либо мере противоречащих законам творца. Но в то же время он был достаточно хорошим купцом и не желал навсегда оттолкнуть от себя возможного покупателя. Поэтому он сказал:

— Очень сожалею, молодой человек, но боюсь, что в данном случае я ничем не могу вам помочь. У меня нет никаких средств этого рода,— я совсем не держу таких вещей, потому что не верю в них. Но, может быть, в какой-нибудь другой здешней аптеке вы и найдете что-нибудь такое, право, не знаю.

Он говорил серьезным, торжественным тоном, с видом поборника нравственности, убежденного в своей правоте.

Клайд тотчас понял, что этот человек его осуждает. Это еще больше пошатнуло его и без того непрочную веру в успех. И все же аптекарь ведь не высказал напрямик своего неодобре-

ния и даже сказал, что, может быть, у кого-нибудь другого найдется нужное средство... Поэтому немного погодя Клайд снова набрался храбрости, он походил еще взад и вперед, заглядывая в окна, и наконец в седьмой по счету аптеке заметил одиноко стоявшего продавца. Он вошел и повторил свое первое объяснение; продавец (это был не сам владелец аптеки) — худощавый, смуглый и, видимо, очень хитрый субъект — таинственно и в то же время небрежно сообщил, что такое средство есть. Да. Угодно получить коробку? Это стоит (Клайд спросил о цене) шесть долларов — потрясающая сумма для Клайда при его заработке. Однако, поскольку этот расход казался неизбежным,— хорошо уже, что удалось вообще что-то найти,— он тотчас заявил, что берет лекарство. Продавец принес коробочку и, заворачивая ее, намекнул, что это очень «эффективное» средство. Клайд заплатил и вышел.

Он почувствовал такое огромное облегчение,— его нервы были безмерно напряжены до этой минуты,— что теперь готов был плясать от радости. У него в руках лекарство, и оно, конечно, подействует, за это говорит непомерная, возмутительно высокая цена. И обстоятельства таковы, что он даже может считать эту сумму не слишком большой: ведь он так легко избавился от стольких затруднений! Забыв спросить, не могут ли ему дать еще какие-либо полезные сведения и наставления, он положил пакетик в карман, поздравил себя с удачей и, очень довольный собственным бесстрашием и энергией, проявленной в столь критическую минуту, сейчас же вернулся в Ликург и поспешил к Роберте.

Она, как и сам Клайд, очень обрадовалась, что ему удалось добыть какое-то средство: оба они боялись, что такого лекарства вовсе не существует или же его будет очень трудно достать. На нее вновь произвели большое впечатление его ловкость и энергия — качества, которыми она до сих пор всегда наделяла его. И он оказался гораздо великодушнее и внимательнее, чем она ожидала. По крайней мере, не бросил ее на произвол судьбы, а она сначала с ужасом думала, что это может случиться. И одного этого было довольно, чтобы, несмотря на его недавнее равнодушие, она снова смягчилась. Возбужденная, воспрянув духом в надежде на эти пилюли, она развернула коробку, прочла наставление и горячо поблагодарила Клайда, уверяя, что никогда не забудет, как он был добр к ней в этот трудный час. Но тут же, пока она развязывала пакетик, у нее мелькнула мысль: а вдруг лекарство не поможет? Что тогда?.. Как условиться с Клайдом на этот счет? Однако пока что, рас-

судила она, нужно удовлетвориться тем, что есть,— и она немедля приняла одну пилюлю.

Но как только Клайд выслушал ее восторженную благодарность и почувствовал, что Роберта, пожалуй, считает возможной дальнейшую близость с ним, он сразу снова принял тот же равнодушный вид, который сохранял в последнее время на фабрике. Ни в коем случае он не должен больше позволять себе никаких обольщений и нежностей в этом доме. И если, как он от души надеется, лекарство подействует, это должно быть их последним свиданием, разве что случится какая-нибудь совершенно нечаянная и ничего не значащая встреча. Все эти неприятности доказали, что отношения с Робертой для него чересчур опасны... Он слишком многим рискует, в сущности всем, а взамен — одни только заботы, тревоги и расходы.

И поэтому он опять стал сдержанным и холодным.

— Ну, теперь все уладится, правда? Во всяком случае, будем надеяться. Тут сказано, что нужно принимать по одной пилюле через каждые два часа в течение восьми или десяти часов, и если ты почувствуешь себя не совсем хорошо, это ничего, не нужно обращать внимания. Может быть, надо будет день или два не ходить на фабрику, но не беда,— зато разделаешься со всей этой историей. Я зайду завтра вечером узнать, как ты себя чувствуешь, если ты не придешь на работу.

Он весело улыбнулся, а Роберта удивленно смотрела на него, не понимая, откуда эта черствость. Ведь еще недавно он был такой пылкий, такой нежный и заботливый. Как он ее любил! А теперь! И все же, искренне благодарная ему в эту минуту, она от души улыбнулась в ответ. Но когда он вышел, не обменявшись с нею ни одним ласковым словом, и дверь за ним закрылась, Роберта опустилась на постель и с сомнением покачала головой. Вдруг это средство все-таки не подействует? А Клайд останется все таким же холодным и чужим... Что тогда? Он так равнодушен, что, если лекарство не подействует, он, пожалуй, больше не захочет ей помогать. Но может ли он так поступить? Ведь это он виноват в ее несчастье. Ведь она не хотела этого, а он так настойчиво уверял, что с нею ничего не случится. А теперь она должна лежать здесь одинокая и измученная, и нет ни одного человека, кроме него, к кому она могла бы обратиться за помощью, а он уходит от нее к другим, заявив, что все уладится. А ведь это он виноват во всем! Разве это справедливо?

О, Клайд, Клайд!

ГЛАВА XXXV

Но купленное им лекарство не подействовало. Роберту тошнило, и, следуя совету Клайда, она не пошла на фабрику, а лежала дома, терзаясь тревогой. Не дождавшись спасительного результата и желая, чего бы это ей ни стоило, ускользнуть от настигшей ее страшной беды, она стала принимать пилюли каждый час, и не по одной, а по две, и почувствовала себя совсем больной. Когда Клайд в половине седьмого пришел к ней, он был по-настоящему тронут ее мертвенно-бледным лицом, впалыми щеками и огромными, лихорадочно блестящими глазами (зрачки их неестественно расширились). Она явно страдала, и все из-за него,— это его испугало, и ему стало ее жаль. В то же время он был крайне смущен и растерян: раз ее состояние не изменилось, перед ним вставали новые трудности, и он стал торопливо обдумывать возможные последствия этой неудачи. Очевидно, необходимо обратиться за советом и помощью к доктору. Но к какому доктору, где и как его найти? И, кроме того, спрашивал он себя, где ему достать на это денег?

Не придумав ничего другого, он решил опять отправиться к тому же аптекарю и попросить, чтобы он дал какое-нибудь новое средство или хоть посоветовал бы, что можно сделать. Или пусть укажет какого-нибудь недорогого, тайно практикующего врача, который помог бы Роберте за небольшое вознаграждение или согласился бы получить гонорар в рассрочку.

Но хотя все это было так серьезно, почти трагично, настроение Клайда поднялось, как только он вышел на улицу: он вспомнил, что в этот вечер в девять часов ему предстоит встретиться у Крэнстонов с Сондрой и со всей остальной компанией.

Однако там, на веселой вечеринке, несмотря на все очарование Сондры, он не мог не думать о положении Роберты, которая стояла перед ним, словно призрак. Что, если бы у кого-нибудь из собравшихся здесь — у Надины Гарриэт, Перли Хайнс, Вайолет Тэйлор, Джил Трамбал, у Беллы, Бертины или Сондры — явилось малейшее подозрение о том, где он сейчас был и что видел? И хотя Сондра, сидевшая за роялем, приветливо улыбнулась ему через плечо, когда он вошел, его не покидала мысль о Роберте. Когда вечеринка окончится, он опять зайдет к ней; может быть, ей лучше, тогда и у него станет легче на душе. Если с нею все по-прежнему, он должен немедленно написать Ретереру и просить у него совета.

Несмотря на все свое беспокойство, он старался казаться, как всегда, веселым и беззаботным. Он танцевал сперва с Пер-

ли Хайнс, потом с Надиной; затем, в ожидании случая потанцевать с Сондрой, подошел к группе, старавшейся помочь Ванде Стил сложить новую картинку-головоломку, и объявил, что он умеет читать письма в запечатанных конвертах (старый фокус, объяснение которого он нашел в старинном сборнике игр, валявшемся на полке в гостиной Нейтонов). Он еще раньше собирался при помощи этого фокуса удивить всю компанию своей ловкостью и теперь воспользовался им, чтобы отвлечься от угнетавшей его куда более сложной задачи. С помощью Надины, которую он посвятил в секрет своего трюка, ему вполне удалось мистифицировать всю компанию, но мысли его были далеко. Перед ним неотступно стояла Роберта. Что, если положение в самом деле серьезное и он не сумеет помочь ей избавиться от этого? Пожалуй, она потребует, чтобы он на ней женился: ведь она так боится и родителей, и всех окружающих. Что ему тогда делать? Он потеряет прекрасную Сондру, и она еще, пожалуй, узнает, что заставило его с нею расстаться! Но нет, со стороны Роберты было бы безумием ожидать, что он на ней женится. Он на это не пойдет. Он не может. Одно несомненно: он должен сейчас помочь Роберте. Должен! Но как? Как?

В двенадцать часов Сондра сделала ему знак, что собирается уходить и что он может, если хочет, проводить ее до дому и даже зайти к ней на несколько минут. В воротах, в тени широкой арки, она позволила ему поцеловать себя и сказала, что он начинает все больше нравиться ей и что весною, когда Финчли переедут на Двенадцатое озеро, она постарается устроить так, чтобы он мог приезжать туда по воскресеньям. Но Клайд был слишком удручен необходимостью немедленно что-то сделать для Роберты и не мог даже как следует обрадоваться этому новому, столь необычайному и волнующему свидетельству привязанности Сондры — этой новой, удивительной светской и личной победе.

Надо сегодня же послать письмо Ретереру. Но сначала он должен, как обещал, зайти к Роберте и узнать, не лучше ли ей. А завтра утром непременно надо съездить в Скенэктеди и поговорить с тем антекарем. Необходимо что-то предпринять, если только Роберте не стало лучше сегодня вечером.

И вот, еще чувствуя на губах поцелуи Сондры, он отправился к Роберте, чьи измученные глаза и бледное лицо сказали ему, едва он переступил порог, что в ее положении не произошло никакой перемены. Она чувствовала себя даже хуже, чем прежде: от слишком больших доз лекарства она совсем расхворалась. Но это бы ничего,— сказала она,— если бы только

лекарство подействовало... Лучше смерть, чем то, что ее ожидает! Клайд понимал, что́ она хочет сказать, и, всерьез опасаясь за себя, заодно, по-видимому, огорчался и за нее. Однако равнодушие, которое она замечала в нем в последнее время, и то, как он сегодня ушел и оставил ее одну, было для Роберты знаком, что на сколько-нибудь прочное сочувствие с его стороны рассчитывать не приходится. И это было ей очень горько: она понимала, что он больше не любит ее, хоть и уговаривает не беспокоиться и обещает, если лекарство не подействует, достать другое, более верное, и для этого завтра же утром еще раз съездит к аптекарю в Скенэктеди.

Но у Гилпинов не было телефона, а Клайд никогда не рисковал заходить днем в комнату Роберты и не позволял ей звонить к миссис Пейтон; поэтому было решено, что он пройдет мимо ее дома завтра утром, по дороге на работу. Если все уладится, штора на ее окне будет поднята до самого верха, если же нет, то только до половины. В этом случае он немедленно отправится в Скенэктеди, предупредив по телефону мистера Лигета, что его задержали неотложные дела.

И все же оба они были безмерно угнетены и напуганы нависшей над ними бедой. Клайд далеко не был уверен, что, если положение Роберты не изменится, ему удастся ускользнуть, не позаботившись о ней; и она может потребовать не просто временной помощи, а чего-нибудь большего,— может быть, женитьбы. Ведь она уже напоминала, что он обещал не оставлять ее. Но что, собственно, он имел тогда в виду, обещая это, спрашивал он себя теперь. Конечно, не брак: он никогда не думал жениться на Роберте, а хотел только веселой любовной игры, хотя, как он прекрасно знал, Роберта совсем по-другому понимала его пылкое чувство. Он должен был признаться себе, что она считала его намерения серьезными, иначе она бы ни в коем случае ему не уступила.

Вернувшись домой, Клайд написал и отправил письмо Ретереру; он провел тревожную ночь, а на следующее утро отправился к аптекарю в Скенэктеди, так как, когда он проходил мимо дома Роберты, штора на окне была поднята лишь до половины. Но аптекарь не мог предложить никаких новых средств, только посоветовал сделать горячую ванну,— об этом он забыл упомянуть в первый раз. Полезна также утомительная гимнастика. Заметив беспокойство на лице Клайда и поняв, что он чрезвычайно встревожен создавшимся положением, аптекарь прибавил:

— А знаете, ведь если у вашей жены произошла задержка

на один месяц, это еще ничего не значит. У женщин это иногда бывает. Во всяком случае, вы не можете быть уверены раньше, чем кончится второй месяц. Каждый доктор вам это скажет. Если она нервничает, пусть продолжает принимать пилюли. Но даже если они не подействуют, пока ничего нельзя утверждать: все-таки через месяц все может окончиться благополучно.

Слегка ободренный этими утешениями, Клайд уже готов был уйти. Возможно, что Роберта ошиблась, и оба они тревожатся понапрасну. Но тут же он подумал, что, может быть, она и права, им грозит несчастье, и ждать еще целый месяц, ничего не предпринимая, значит только терять время. Он похолодел от этой мысли и сказал аптекарю:

— А на случай, если все это не сойдет благополучно, вы не знаете такого доктора, к которому она могла бы пойти? Для нас это очень серьезно, и я хотел бы помочь ей, если можно.

Что-то в поведении и тоне Клайда — его чрезвычайная нервозность, его желание пойти на незаконную операцию (по какой-то своей особой логике фармацевт полагал, что это совсем другое дело, нежели просто проглотить пилюлю, которая должна вызвать тот же самый результат) — показалось аптекарю подозрительным. У него мелькнула мысль, что Клайд, вероятно, вовсе не женат; наверно, тут обычная история: распущенный юнец вовлек в беду какую-нибудь неопытную девушку. Поэтому настроение аптекаря изменилось, доброжелательность и готовность помочь исчезли, и он холодно сказал:

— Видите ли, здесь, может быть, и найдется подходящий доктор, но я такого не знаю. И я не могу посылать кого-либо к таким докторам. Это дело противозаконное. Плохо придется врачу, которого уличат в таких вещах. Но это, конечно, ваше дело, можете поискать кого-нибудь, если хотите,— угрюмо прибавил он, испытующе и подозрительно глядя на Клайда и решая про себя, что лучше держаться подальше от такого субъекта.

Итак, Клайд вернулся к Роберте с тем же самым лекарством, хотя она решительно запротестовала, говоря, что если не помогла первая коробка, то бесполезно было брать вторую. Но так как он настаивал, она согласилась попробовать новый способ приема. Однако его доводы, что, может быть, во всем виноваты простуда или нервы, убедили ее только в одном: Клайд не в силах ничего сделать для нее или же просто не понимает, как это важно для них обоих. А если и новый способ лечения не поможет, что тогда? Неужели Клайд больше ничего не намерен предпринять?

Однако у Клайда был своеобразный характер: хоть его и преследовал страх за будущее, но так неприятны были все эти волнения, они оказались такой помехой другим его интересам, что он с радостью поверил, будто через месяц все может кончиться благополучно, и готов был преспокойно ждать. Роберта могла ошибиться. Может быть, она подняла всю эту тревогу понапрасну. Надо еще посмотреть, не подействует ли на этот раз лекарство.

Но лечение не помогло. И хотя Роберта с отчаяния вернулась на фабрику, надеясь работой изнурить себя и, может быть, этим добиться желанного результата (все девушки в отделении уверяли ее, что у нее совершенно больной вид и что ей не следует работать, раз она чувствует себя так плохо), все было напрасно. А Клайд, полагаясь на слова аптекаря, продолжал успокаивать себя тем, что задержка на месяц не имеет значения,— и это еще больше угнетало и пугало ее...

Дело в том, что в этих критических обстоятельствах Клайд представлял собою интереснейший пример того, как невежество, молодость, бедность и страх непомерно осложняют жизнь. Он не знал даже точного значения слова «акушерка», ни характера тех услуг, которые она может оказать женщине. Между тем в иммигрантском квартале Ликурга было в то время три акушерки. Притом он жил в Ликурге слишком недавно и никого здесь не знал, кроме светской молодежи, Дилларда, знакомство с которым он прекратил, и кое-кого из начальников цехов на фабрике; что до случайных знакомых, вроде парикмахера, галантерейщика, продавца сигар и прочих, все они, казалось ему, слишком тупы или слишком невежественны, чтобы помочь.

Но главное, из-за чего он в нерешительности медлил, не принимаясь за поиски доктора, это вопрос: как и кто к нему пойдет? О том, чтобы пойти самому, Клайд и помыслить не мог. Во-первых, он слишком похож на Гилберта Грифитса, которого все здесь великолепно знают и за которого могут его принять. Во-вторых, безусловно, он слишком хорошо одет, и на этом основании доктор, пожалуй, потребует с него больше, чем он может заплатить, да еще станет задавать всякие затруднительные вопросы... А вот если бы все это устроил кто-нибудь другой... объяснил бы все подробно еще до прихода Роберты... Но почему бы Роберте не пойти самой? Почему? Она с виду такая простая, и невинная, и скромная, и трогательная. И особенно теперь, когда она так удручена и подавлена, право же... В конце концов, хитроумно рассуждал он сам с собой, ведь именно перед нею,

а не перед ним непосредственно стоит эта требующая неотложного разрешения задача.

И, кроме того, подумал он еще, если она пойдет одна, наверно, она сумеет устроить это дешевле. У нее теперь такой несчастный вид... Если бы еще уговорить ее сказать, что она брошена каким-нибудь молодым человеком, имя которого она, конечно, откажется назвать... неужели доктор, увидя такую девушку, несчастную, покинутую, совсем одинокую, откажет ей? Может быть, он даже поможет ей даром, как знать? И тогда он, Клайд, начисто разделается со всей этой историей.

Итак, он отправился к Роберте, собираясь подготовить ее к тому, что, если ему удастся найти врача, она должна будет сама с ним поговорить: для Клайда, при его родственных связях, это невозможно. Но еще прежде, чем он заговорил, она стала спрашивать, успел ли он что-нибудь сделать или узнать. Не продается ли где-нибудь какое-нибудь другое лекарство? И Клайд воспользовался этим удобным случаем, чтобы заговорить о докторе.

— Да, я спрашивал чуть ли не во всех аптеках, и мне всюду говорили, что если это лекарство не подействовало, так и другие не помогут. Так что я теперь ничего не могу поделать, остается только одно: чтобы ты пошла к доктору. Но, понимаешь, беда в том, что очень трудно найти такого доктора, который все сделает и будет держать язык за зубами. Я уже спрашивал нескольких приятелей,— конечно, не объясняя, для кого это нужно. Но тут нелегко найти кого-нибудь: все очень боятся делать такие операции. Понимаешь, ведь это незаконно. Но я вот что хочу знать. Предположим, я найду доктора, который на это согласится,— решишься ли ты пойти к нему и рассказать, в чем дело? Мне надо это знать.

Роберта изумленно посмотрела на него, не вполне понимая, что он предлагает ей пойти совсем одной, и думая, что он, конечно же, собирается ее сопровождать. Затем, представив себе, что придется говорить с врачом в присутствии Клайда, испуганно воскликнула:

— Господи, страшно подумать, что нам надо идти с этим к доктору! Значит, он будет все знать о нас?! И потом, ведь это опасно, правда? Хотя, наверно, ненамного хуже этих ужасных пилюль.

Ей хотелось знать подробнее, что и как надо делать, но Клайд не мог просветить ее на этот счет.

— Не нужно так нервничать,— сказал он.— Это никак не может повредить тебе, я знаю. И нам очень повезет, если мы

найдем доктора, который это сделает. Но вот что я хочу знать: если я найду доктора, согласишься ты пойти к нему одна?

Роберта вздрогнула, словно ее ударили, но Клайд, не смущаясь, продолжал:

— Видишь ли, я не могу пойти с тобой, это ясно. Меня здесь многие знают, и, кроме того, я слишком похож на Гилберта, а уж его-то знают все. Если меня примут за него или узнают, что я его двоюродный брат или родственник, мне — крышка.

Его глаза говорили не только о том, как он будет несчастен, если его изобличат перед всем Ликургом, в них таилась еще одна тень: уж очень подлую роль он играл по отношению к Роберте, пытаясь вот так спрятаться за ее спину, воспользоваться ее безвыходным положением. И, однако, его слишком мучил страх перед тем, что с ним будет, если этот план не удастся, и теперь он приготовился стоять на своем, что бы Роберта ни думала и что бы ни говорила. Но Роберта поняла только одно — что он собирается послать ее одну, и не могла этому поверить.

— Нет, Клайд, только не одна! — воскликнула она.— Я не могу! Нет, нет! Я боюсь до смерти! Я, наверно, совсем растеряюсь от страха. Подумай, каково мне будет объяснять ему все! Я просто не сумею. Я даже не знаю, что ему сказать! Как начать? Нет, ты должен пойти со мной и все ему объяснить, или я ни за что не пойду... Мне все равно: будь что будет!

Ее глаза расширились и горели, лицо, на котором только что отражались уныние и страх, исказилось упрямым протестом.

Но и Клайд был непоколебим.

— Ты же знаешь, Берта, в каком я тут положении! Я не могу пойти, вот и все. Только представь себе, что меня увидят... кто-нибудь меня узнает... Что тогда? Просто безумие требовать, чтобы я пошел с тобой. И потом, тебе это гораздо легче, чем мне. Ни один доктор не станет много раздумывать о том, кто ты такая, особенно если ты придешь одна. Он поймет, что ты попала в беду и что некому помочь тебе, вот и все. Но если приду я и он узнает, что я из Грифитсов, начнется невесть что. Он сразу вообразит, будто у меня куча денег. А если я не заплачу, сколько он потребует, он может отправиться к моему дяде или двоюродному брату — и тогда прощай все! Тогда мне конец. Я потеряю место, останусь без денег, буду замешан в такой скандальной истории,— а тогда, как ты думаешь, куда мне деваться, да и тебе тоже? Конечно, я не смогу тебе помогать. Что ты тогда станешь делать? Надеюсь, ты опомнишься и поймешь,

что положение очень тяжелое. Если мое имя будет впутано в эту историю, нам обоим будет худо. Обо мне никто ничего не должен знать, а для этого я не должен ходить ни к каким докторам. Кроме того, тебе он больше посочувствует, чем мне. Ты не можешь с этим спорить!

Его глаза были полны отчаяния и решимости; в его лице, в каждом его жесте Роберта видела бессердечие или по меньшей мере вызов — плоды страха. Он решил во что бы то ни стало сберечь свою репутацию, и на Роберту, привыкшую покоряться ему, это подействовало.

— О, боже, боже! — пугливо и жалобно восклицала она, с каждой минутой яснее сознавая весь ужас случившегося.— Не знаю, что делать, просто не знаю! Я не могу решиться на это, вот и все. Это так жестоко, так ужасно! Я умру от стыда и страха, если пойду одна.

Но, говоря это, она уже чувствовала, что в конце концов пойдет одна. Что ей оставалось делать? У Клайда есть свои опасения и страхи,— как она может заставить его рисковать своим положением? А он снова начал, скорее для самозащиты, чем из каких-либо других побуждений:

— И потом, надо постараться, чтобы все это стоило не очень дорого, Берта, иначе не знаю, как я справлюсь. Право, не знаю! Видишь ли, я зарабатываю не так уж много: всего двадцать пять долларов (необходимость наконец заставила его быть откровенным). И у меня нет никаких сбережений — ни цента. Ты не хуже меня знаешь, почему так вышло. Почти все, что я получал, мы тратили вместе. Если я пойду и доктор подумает, что у меня есть деньги, он может потребовать больше, чем я в силах заплатить. А если пойдешь ты и просто скажешь, как обстоит дело... и что у тебя ничего нет... если бы, к примеру, сказать, что я сбежал... понимаешь?

Он замолчал, увидев, как лицо Роберты вспыхнуло от стыда, презрения, отчаяния при мысли, что ей пришлось коснуться чего-то столь низменного и пошлого. Но хотя это была с его стороны хитрая и даже грязная уловка, так велика властная и умудряющая сила необходимости, что Роберта все же увидела некоторый смысл в его доводах. Пусть он хочет воспользоваться ею как ширмой, как маской, за которой оба они на этот раз попытаются укрыться. Но все равно, как это ни было постыдно, перед нею вставал голый, суровый мыс действительности и у его подножья бились яростные волны необходимости.

— Ты можешь не называть своего настоящего имени,— услышала она слова Клайда,— и не говорить, откуда ты. Я ведь

не собираюсь связываться с докторами здесь, в Ликурге. И потом, если ты скажешь ему, что у тебя нет никаких средств, только твой еженедельный заработок...

Роберта бессильно опустилась на стул, стараясь собраться с мыслями, а он все плел свою убедительную ложь — и большинство его доводов попадало прямо в цель. Ибо как ни был фальшив и безнравствен весь этот план, все же Роберта понимала, что и она и Клайд в безвыходном положении. В нормальных условиях она могла быть до щепетильности честна и правдива в словах и поступках, но тут явно разыгралась одна из тех жизненных бурь, при которых обычные карты и компасы моральных критериев становятся бесполезными.

Итак, было решено, что они обратятся к какому-нибудь доктору подальше от Ликурга, хотя бы в Утике или Олбани (тем самым подразумевалось, что к доктору она все-таки пойдет), и разговор оборвался. И, одержав победу, добившись того, что сам он не будет в это замешан, Клайд набрался храбрости и решил немедленно, всеми правдами и неправдами отыскать доктора, к которому можно послать Роберту. Тогда всем этим ужасным волнениям придет конец. А после она сможет — она должна, конечно! — пойти своей дорогой. И он, сделав для нее все, что можно, тоже пойдет своей дорогой — к той блистательной разв-
вязке, которая ожидает его, если только сейчас все уладится.

ГЛАВА XXXVI

Однако проходили часы, дни, наконец неделя, потом десять дней, а Клайд ни слова не сообщил о докторе, к которому Роберта могла бы пойти. Несмотря на все свои разговоры и обещания, он все еще не знал, к кому обратиться. А каждый день каждый час был такой грозной опасностью и для него и для нее! В ее взглядах и вопросах сказывалось сильнейшее, жгучее, минутами нестерпимое страдание. Да и сам Клайд был предельно измучен своим неуменьем найти быстрый и верный выход и помочь ей. Где живет врач, к которому можно послать ее, на которого можно положиться? Как это разузнать?

Перебрав поименно всех своих знакомых, он в конце концов обрел слабую надежду в образе некоего Орина Шорта, которому принадлежал небольшой магазин мужского белья, обслуживавший главным образом богатую молодежь Ликурга. Шорт был молод, приблизительно того же возраста, что и Клайд, и, ка-

жется, с такими же наклонностями; со времени своего переезда в Ликург Клайд постоянно пользовался его советами относительно своих галстуков, костюмов и вообще стиля одежды. Клайд давно отметил, что это — очень живой, тактичный и любознательный молодой человек; Шорт очень нравился девушкам; к тому же он всегда был чрезвычайно любезен со своими клиентами, особенно с теми, кого считал стоящими выше себя на общественной лестнице,— в том числе и с Клайдом. Узнав о родстве Клайда с Грифитсами, Шорт в надежде, что это поможет ему выдвинуться, изо всех сил старался завязать с ним как можно более дружеские отношения. Но Клайд из-за своих важных родственников до сих пор не считал возможным принимать всерьез подобное знакомство. Однако Шорт был так приветлив и услужлив, что Клайд не мог не поддерживать с ним хотя бы поверхностных полуприятельских отношений, которыми тот был, по-видимому, очень доволен. В самом деле, он держался заискивающе, порою даже подобострастно. И вот среди всех, с кем Клайду приходилось встречаться, Шорт оказался едва ли не единственным, кого он мог попытаться расспросить в надежде получить какие-нибудь полезные сведения.

Подумав в этой связи о Шорте, Клайд счел необходимым по меньшей мере три дня подряд кланяться и улыбаться ему особенно дружески (утром и вечером он всегда проходил мимо магазина Шорта). Затем, решив, что этим он, насколько допускает его положение, уже подготовил почву, Клайд зашел в магазин, вовсе не уверенный, что с первого раза сумеет затронуть опасную тему. Клайд заранее придумал для Шорта целую историю. Он скажет, будто к нему обратился на фабрике один молодой рабочий: он недавно женился, ему грозит появление наследника, а он пока не может справиться с неизбежными в таком случае расходами — и просит Клайда посоветовать, где найти доктора, который мог бы тут помочь. Теперь Клайд собирался прибавить лишь одну оригинальную подробность: дело в том, что молодой человек очень беден, робок и не слишком сообразителен, а потому не может сам о себе позаботиться. Далее, поскольку Клайд живет здесь слишком недавно, он не мог указать ему никакого врача, но, как человек более сведущий, рекомендовал рабочему одно временное средство (Клайд намерен был внушить Шорту, что сам-то он далеко не беспомощен и едва ли нуждался бы в подобных советах). К сожалению, однако, это средство не подействовало. Поэтому нужны более решительные меры, необходим врач. Шорт же давно живет в Ликурге, а до того жил в Гловерсвиле и, уж конечно,— так уверял

себя Клайд,— сможет указать хотя бы одного врача. Чтобы отвести от себя всякое подозрение, Клайд решил прибавить, что он, конечно, мог бы расспросить на этот счет своих знакомых, но случай слишком необычный (заговорить о таких вещах в его кругу, значит вызвать всякие толки и пересуды), вот почему он обращается к Шорту и просит его молчать об этом.

Случилось так, что торговля у Шорта в тот день шла на славу, и поэтому он был особенно весел и разговорчив. И когда Клайд зашел к нему — будто бы лишь затем, чтобы купить носки,— Шорт воскликнул:

— Очень рад вас видеть, мистер Грифитс! Как поживаете? Я как раз думал, что пора бы уже вам заглянуть ко мне! Хочу показать вам кое-какие вещи — я их получил после того, как вы были у меня в последний раз. Как дела «Компании Грифитс»?

Всегда приветливый, он был вдвойне любезен с Клайдом, который ему нравился. Но Клайд, поглощенный своим дерзким замыслом, был до того взвинчен, что, сколько ни старался сохранить непринужденный вид, ему это плохо удавалось. Тем не менее он зашел в магазин и, следовательно, уже как бы приступил к осуществлению своего плана. Поэтому он начал:

— Дела идут прекрасно, нельзя жаловаться, и работы у меня всегда много...

Он стал рассеянно перебирать галстуки, висящие на подвижных никелевых вешалках. Шорт тотчас обернулся, снял с полки несколько особых коробок и поставил их на стеклянный прилавок перед Клайдом.

— Те не стоит смотреть, мистер Грифитс,— сказал он,— взгляните лучше сюда. Вот галстуки, которые я хотел вам показать, для вас они не будут стоить дороже. Я только сегодня утром получил их из Нью-Йорка.

Он развернул несколько пачек, по шести галстуков в каждой, и пояснил, что это самые модные.

— Видели вы в Ликурге что-нибудь подобное? Я уверен, что нет.

Он с улыбкой смотрел на Клайда; ему от души хотелось, чтобы этот молодой человек, с такими прекрасными связями, хотя и не очень богатый, с ним подружился. Это подняло бы Шорта в глазах жителей Ликурга.

Клайд перебирал галстуки, понимая, что Шорт сказал ему правду; он был взволнован, мысли его путались, и он не мог подыскать слов, чтобы заговорить так, как собирался.

— Очень красивые... конечно...— сказал он, чувствуя, что при других обстоятельствах ему было бы очень приятно купить хотя бы два из них.— Я, пожалуй, возьму вот этот и еще этот.

Он отобрал два галстука, напряженно думая, как бы заговорить о гораздо более важном деле, которое привело его сюда... И зачем он покупает эти галстуки, тратит время на всякие пустяки, когда просто нужно спросить Шорта о том деле? Но это так трудно... очень трудно! Однако он должен это сделать... только, может быть, не сразу. Сперва он посмотрит еще что-нибудь, чтобы не вызвать подозрений... попросит показать хотя бы носки... Но зачем они ему? Он ни в чем не нуждается; Сондра только недавно подарила ему дюжину носовых платков, несколько воротничков, галстуки и носки. И все же каждый раз, как он решал заговорить, у него начинало сосать под ложечкой от страха, что он не сумеет сказать все это так спокойно и свободно, как нужно. Все это так сомнительно и ненадежно, так легко может привести к позорному разоблачению... Кажется, он просто не сумеет сегодня заговорить с Шортом. И в то же время он спрашивал себя: представится ли еще когда-нибудь такой удобный случай?

Шорт тем временем отошел ненадолго в глубину магазина и теперь вернулся.

— Если не ошибаюсь, я видел вас в прошлый вторник, часов в девять вечера, когда вы входили к Финчли,— сказал он с самой любезной и даже льстивой улыбкой.— До чего у них красивый дом и сад!

Клайд знал, что его связи в здешнем обществе производят на Шорта большое впечатление; в тоне торговца звучало величайшее восхищение с примесью подобострастия. И это сразу придало Клайду храбрости; находясь в такой позиции превосходства, можно сказать что угодно,— понял он: всякое слово его почитатель примет с благоговейным уважением. Выбрав пару носков, чтобы как-то сгладить впечатление от своей просьбы, он сказал:

— Да, кстати, чтобы не забыть. Я хотел спросить вас кое о чем. Может быть, вы сможете мне сказать. У нас на фабрике есть один рабочий, молодой парень, он недавно женат — всего месяца четыре, кажется... так вот, он сейчас очень беспокоится из-за жены...

Клайд запнулся, не зная, есть ли смысл продолжать: он заметил, что выражение лица Шорта несколько изменилось. Однако, зайдя так далеко, он уже не мог отступить и с нервным смешком прибавил:

— Право, не знаю, почему они всегда приходят ко мне со своими заботами! Вероятно, думают, что я должен отлично разбираться в таких вещах (он снова засмеялся). Но я здесь совершенный новичок и просто не знаю, что ему сказать. А вы, по-моему, уже давно в Ликурге, вот я и решил спросить вас...

Он говорил так развязно и небрежно, как только мог, но уже понимал, что совершает ошибку: Шорт наверняка сочтет его глупцом или чудаком. Однако, хотя Шорта и поразило, что Клайд обратился к нему с подобным вопросом (он заметил неожиданную натянутость и нервозность в поведении Клайда), ему очень польстило такое доверие, хотя бы и в столь щекотливом деле. Он тотчас оправился от удивления и ответил прежним любезным тоном:

— Ну, разумеется, мистер Гриффитс, я буду очень рад, если только смогу чем-нибудь вам помочь. А в чем же дело?

— Так вот, видите ли,— вновь начал Клайд, немного ободренный этим доброжелательным ответом, и несколько понизил голос, чтобы придать подобающую таинственность разговору на эту ужасную тему,— у его жены прошло уже два месяца сверх срока, а он пока не может позволить себе иметь ребенка и не знает, как теперь этого избежать. С месяц назад, когда он пришел ко мне в первый раз, я посоветовал попробовать одно лекарство, которое обычно помогает (это было сказано для того, чтобы показать Шорту свою осведомленность и находчивость в подобных положениях: стало быть, лично ему, Клайду, такие сведения ни к чему), но они, видно, не сумели воспользоваться этим лекарством как надо. Во всяком случае, он теперь очень волнуется и хотел бы отправить ее к доктору, понимаете? А я в Ликурге никого не знаю. Я слишком недавно здесь. Будь это в Канзас-Сити или в Чикаго, я бы знал, что делать. Там мне известны три или четыре врача (стараясь произвести большее впечатление на Шорта, он многозначительно улыбнулся). Но здесь — другое дело. Если я начну спрашивать знакомых и это дойдет до моих родных, они могут не так это понять. Вот я и подумал,— может быть, вы кого-нибудь знаете и укажете мне. В сущности, меня, это совершенно не касается, но мне жаль парня.

Он замолчал; и так как Шорт слушал внимательно и сочувственно, Клайд теперь смотрел на него с большим доверием, чем вначале. Шорт, хотя и удивленный, был очень рад случаю оказать ему услугу.

— Вы говорите, прошло уже два месяца?

— Да.

— И лекарство, о котором вы говорили, не помогло?
— Нет.
— А она принимала его и на второй месяц?
— Да.
— Ну, это и правда скверно. Боюсь, что дела ее плохи. Видите ли, мистер Грифитс, беда в том, что я ведь тоже не так давно в Ликурге. Я купил этот магазин всего полтора года назад. Конечно, будь я в Гловерсвиле...— Он замолчал на мгновенье, словно тоже, как и Клайд, усомнился, благоразумно ли вдаваться в такого рода подробности, но через несколько секунд продолжал: — Вы понимаете, это не так-то легко устроить и здесь, и в любом другом городе. Доктора всегда боятся неприятностей. Правда, я слышал, был тут один случай, когда девушка обратилась к врачу,— он живет в нескольких милях отсюда. Но она была из очень хорошей семьи, и молодой человек, который отвел ее к доктору, был всем известен. Не знаю, согласится ли этот врач сделать что-нибудь для незнакомого человека. Впрочем, такие вещи делаются постоянно, и вы можете попытаться. Но если вы пошлете этого рабочего к доктору, скажите ему, чтобы он не называл меня. Видите ли, меня тут все знают, и я совсем не хочу быть замешанным в это дело. Особенно если выйдет что-нибудь неладное.

И Клайд с признательностью ответил:

— Ну конечно! Он это поймет. Я скажу ему, чтобы он никого не называл.

Вынув из кармана блокнот и карандаш, он записал имя и адрес врача, чтобы не забыть этих важных сведений.

Шорт заметил, с каким облегчением вздохнул Клайд, и мысленно спросил себя, существует ли в действительности этот рабочий. Не сам ли Клайд попал в беду? Чего ради стал бы он беспокоиться о каком-то молодом рабочем? Все же он был рад услужить Клайду, но одновременно подумал, что выйдет недурная сплетня для всего Ликурга, если он когда-нибудь впоследствии вздумает об этом рассказать. Нет, если только Клайд сам не довел до беды какую-нибудь девушку, очень глупо с его стороны вмешиваться в такое дело, да еще из-за рабочего. Что-то не верится.

Несмотря на все эти соображения, он еще раз повторил имя и фамилию доктора, постарался точнее вспомнить, как к нему доехать и на какой станции сойти, и подробно описал дом. Клайд, получив нужные сведения, поблагодарил и ушел; торговец весело и немного подозрительно посмотрел ему вслед. «Уж эти богатые молодчики,— подумал он.— Странно, что он с та-

кой просьбой пришел ко мне. У него тут столько знакомых и приятелей,— кажется, мог бы ему кто-нибудь удружить в этом деле скорее, чем я. А может быть, он как раз и боится, как бы об этом не прослышали знакомые. Почем знать, кого он довел до беды! Может быть, даже эту молоденькую Финчли. Все может быть! Я не раз видел их вместе, и она такая бойкая! Ну и ну, вот уж...»

ГЛАВА XXXVII

Добытые таким образом сведения лишь отчасти облегчили положение. Теперь для Клайда и Роберты не могло быть ни минуты спокойствия, пока эта задача не будет окончательно решена. Узнав подробный адрес и фамилию врача, Клайд немедленно отправился к Роберте и сказал ей, что у него есть наконец доктор, который может ей помочь. Теперь предстояло еще нелегкое дело: подбодрить ее настолько, чтобы она решилась одна пойти к врачу; она должна объяснить ему все так, чтобы полностью выгородить Клайда и вызвать у врача побольше сочувствия к себе: тогда он потребует лишь самой незначительной платы.

Но, вместо того чтобы протестовать, чего сначала опасался Клайд, Роберта сразу согласилась. Очень многое в поведении Клайда, начиная с рождества, так возмущало ее, что она совсем растерялась и думала лишь о том, чтобы без огласки выпутаться из беды и потом пойти своей дорогой, как бы ни было это горько и тяжело. С тех пор как она поняла, что он больше не любит ее и явно хочет от нее отделаться, она вовсе не желала удерживать его насильно. Пусть уходит. Она и одна проживет. Да, она сможет жить и без него, лишь бы только выпутаться из этой истории. Но, говоря себе все это и ясно сознавая, что счастливые дни ее жизни прошли безвозвратно, Роберта закрывала лицо руками и утирала неудержимые слезы. Могла ли она думать, что все так кончится...

И когда, побывав у Шорта, Клайд в тот же вечер пришел к ней, ужасно довольный собой и своим подвигом, она внимательно выслушала его объяснения и сказала только:

— Ты точно узнал, где это, Клайд? Можно спокойно доехать поездом или там придется еще далеко идти пешком?

Когда он объяснил, что это близко от Гловерсвила — в сущности пригород — и что врач живет всего в четверти мили от станции, она спросила еще:

— А он бывает дома по вечерам или нам надо будет прий-

ти днем? Лучше бы, если можно, поехать вечером. Меньше опасности, что кто-нибудь нас увидит.

Клайд успокоил ее: от Шорта он знал, что доктор принимает вечером.

— А ты не знаешь, старый он или молодой? — продолжала она.— Мне было бы гораздо легче, если бы он был старый. Я не люблю молодых докторов. У нас дома всегда бывал старый доктор. Мне было бы легче говорить с таким, как он.

Этого Клайд не знал. Он и не подумал спросить об этом Шорта, но, чтобы успокоить Роберту, наугад сказал, что доктор средних лет,— так оно действительно и было.

На следующий вечер оба они,— порознь, как обычно,— выехали в Фонду, где пришлось сделать пересадку. Но вот и нужная станция. Они вышли из вагона и пошли по ровной зимней дороге, покрытой твердым, слежавшимся снегом. Идти по ней было легко, и они шли быстро, потому что между ними уже не существовало той близости, которая прежде заставила бы их медлить. Еще совсем недавно, думала Роберта, если б они с Клайдом очутились в таком безлюдном месте, он с радостью замедлил бы шаг, обнял бы ее за талию и стал бы весело болтать обо всем понемножку: о погоде, о работе на фабрике, о мистере Лигете, о своем дяде, о новых фильмах, о том, как приятно было бы съездить вдвоем туда-то, сделать то-то и то-то... А теперь... ведь именно теперь она, как никогда прежде, нуждается во всей его преданности и поддержке! Но он — Роберта видела это — был весь поглощен тревожными размышлениями: не струсит ли она, оставшись одна, не сбежит ли, сумеет ли сказать то, что нужно, в нужный момент, чтобы убедить доктора помочь ей, и притом за наименьшую плату.

— Ну, Берта, как ты? Ничего? Не струсишь, а? Уж пожалуйста, не надо! Помни, ты идешь к врачу, который уже делал такие вещи. Я это точно узнал. Ты только скажи ему, что с тобой случилась беда, вот и все, и что ты не знаешь, как быть, если он как-нибудь не поможет тебе, потому что у тебя нет друзей и тебе совсем не к кому пойти. И вообще дело такое, что ты не можешь ни к кому обратиться, если бы и хотела, потому что знакомые могут тебя выдать, понимаешь? А если он будет спрашивать, где я и кто я, ты просто скажи, что был тут один молодой человек, но он уехал... не называй никаких имен, а просто скажи, что уехал и ты не знаешь куда... удрал, понимаешь? А если он спросит, почему ты обратилась к нему, скажи, что слышала, как он помог одной девушке,— что она тебе рассказала. И объясни, что ты мало зарабатываешь, а то он представит

такой счет, который я не смогу оплатить. Лучше всего попроси его сделать рассрочку на несколько месяцев или что-нибудь в этом роде, понимаешь?

Клайд так нервничал, стараясь внушить Роберте мужество и энергию, необходимые, чтобы пройти через все это и добиться успеха, что не понимал, как нелепы и непрактичны почти все его советы и наставления. А Роберта думала, что легко ему стоять в стороне и поучать ее, а она должна пойти и выдержать такую пытку одна. И притом он явно заботится о себе куда больше, чем о ней. Пусть она сама выпутывается, да так, чтобы ему это все обошлось подешевле и без особых забот!

И, однако, несмотря ни на что, ее даже сейчас влекло к нему: она любила его бледное лицо, тонкие руки, его нервное изящество. Она знала: у него самого не хватило бы ни смелости, ни находчивости для того, что он заставляет ее делать,— и все же не сердилась. Она только сказала себе, что хоть он и поучает ее, как ей себя вести, она не очень-то будет слушаться его советов. Она вовсе не собиралась говорить, будто она покинута,— это было бы слишком тяжело и стыдно. Она скажет, что она замужем, но они с мужем слишком бедны и пока не могут иметь ребенка,— все это, как она помнила, рассказывал Клайд аптекарю в Скенэктеди. В конце концов, разве знает Клайд, что она переживает? Он даже не идет с ней, чтобы облегчить ей мучительный разговор.

Однако, повинуясь чисто женскому прирожденному стремлению найти в ком-то поддержку, она обернулась к Клайду, взяла его за руки и замерла. Ей хотелось, чтобы он обнял ее, приласкал, сказал, что ей нечего бояться — все будет хорошо... В этом невольном порыве отразилось ее прежнее доверие к Клайду,— и хотя он больше не любил ее, он высвободил руки и обнял ее, просто для того, чтобы ободрить.

— Ну, смелее, Берта! — сказал он.— Послушай, нельзя же так. Неужели у тебя не хватит храбрости теперь, когда мы уже пришли? Надо только войти — и тогда все будет не так уж страшно, уверяю тебя. Ты только поднимись на крыльцо и позвони. А когда выйдет он или кто-нибудь другой, скажи, что хочешь поговорить с доктором наедине, понимаешь? Тогда он поймет, что это дело секретное, и тебе будет легче.

Он продолжал давать советы в том же роде, и она, не найдя в нем в эту минуту искренней нежности, ясно поняла, как безнадежно ее положение, собрала все свои силы и сказала:

— Ну, хорошо, подожди меня здесь. Не уходи далеко, ладно? Может быть, я очень скоро вернусь.

И она торопливо пошла к воротам и дальше по дорожке, которая вела к крыльцу.

В ответ на ее звонок дверь открыл сам доктор; вопреки представлению Шорта и Клайда, это был и по внешности и по характеру человек очень трезвый и умеренный — типичный провинциальный врач: солидный, осторожный, строго нравственный и даже довольно набожный; он считал себя отчасти либералом, но человек сколько-нибудь либеральный увидел бы во многих его воззрениях ограниченность и упрямство. Невежество и глупость большинства окружающих позволяли ему считать себя образованным человеком. Он постоянно сталкивался со всяческими проявлениями косности и упадка, трезвости, энергии, осмотрительности и преуспеяния,— и в тех случаях, когда действительность готова была опрокинуть его ранее сложившиеся взгляды, предпочитал не вмешиваться в нее и предоставлял силам неба или ада самим решать исход событий. Он был небольшого роста, коренастый, с шарообразной головой, но с красивыми и правильными чертами лица, живыми серыми глазами и приятной улыбкой. У него были короткие полуседые волосы, лоб прикрывала челка — невинное щегольство сельского жителя. Толстые руки с пухлыми, но чуткими пальцами были спокойно опущены. Ему было пятьдесят восемь лет; он был женат, отец троих детей, и старший сын уже изучал медицину, готовясь наследовать практику отца.

Введя Роберту в просто обставленную неуютную приемную, он попросил ее подождать: он как раз кончает обедать. Вскоре он появился в дверях небольшого кабинета, тоже очень просто обставленного: тут стояли письменный стол, два стула, книжный шкаф и стол с медицинскими инструментами; в глубине, видимо, находилась еще комнатка с разными медицинскими принадлежностями. Врач провел Роберту в кабинет и указал ей на стул. Его седые волосы, солидность, важность, странная привычка щурить глаза — все это немало напугало Роберту; однако врач отнюдь не произвел на нее такого неблагоприятного впечатления, как она ожидала: во всяком случае, он старый и кажется если не приветливым, то хотя бы умным и осторожным. А он посмотрел на нее с любопытством, словно вспоминая, не встречал ли ее раньше, и затем сказал:

— Ну, давайте познакомимся! Чем я могу вам помочь?

Он говорил негромко, ободряюще, и Роберта была глубоко благодарна ему за это. Однако, испуганная тем, что вот сейчас, здесь, придется наконец признаться в ужасной истине, она

сидела неподвижно и молча; сначала она смотрела на доктора, потом опустила глаза и стала судорожно теребить сумочку.

— Видите ли...— начала она серьезно и взволнованно; в ее лице и голосе внезапно прорвалось страшное внутреннее напряжение.— Я пришла... я пришла... то есть... я не знаю, как сказать вам. Когда я шла сюда, я думала, что сумею сказать, но теперь... теперь я увидела вас...— Она замолчала, сделала движение, словно собираясь встать, и вдруг воскликнула: — Господи, как это все ужасно! Я так нервничаю...

— Ну, ну, успокойтесь, дорогая,— сказал он ласково и ободряюще; ему понравилась эта хорошенькая, но совсем не кокетливая посетительница, и он слегка удивился, не понимая, что могло привести в волнение такую, видимо, скромную, серьезную и сдержанную девушку; притом его очень позабавило это детское: «Теперь я увидела вас».

— Стало быть, вы пришли и «увидели меня»,— повторил он.— Но чем же я вас так напугал? Я всего только сельский врач, знаете ли, и, право, я не такой уж страшный, как вам кажется! Вы можете вполне довериться мне, можете рассказать о себе все, что хотите, вам нечего бояться. Если я могу что-нибудь сделать для вас, я это сделаю.

Он в самом деле славный, подумала Роберта, но такой почтенный и серьезный и, наверно, очень строгий... и, наверно, будет неприятно поражен, когда она скажет, зачем пришла. Что тогда? Захочет ли он чем-нибудь помочь? А если захочет, как все устроится с деньгами? Это ведь будет очень серьезный вопрос. Если бы Клайд или хоть кто-нибудь из близких мог быть здесь и говорить за нее! А все же она должна говорить, раз уж она пришла сюда. Теперь нельзя отступать. Роберта опять беспокойно задвигалась, теребя пальцами большую пуговицу жакета, и наконец с запинкой проговорила:

— Но, видите ли, это... это совсем другое, не то, что вы, наверно, думаете... я... я...

И опять она замолчала, не в силах продолжать, то краснея, то бледнея. Ее тревожная застенчивость, чистый белый лоб и ясные глаза, скромность и сдержанность в манерах и одежде заставили врача подумать, что посетительница попросту крайне наивна, вернее, неопытна во всем, что касается деятельности человеческого тела, и оттого мучительно стесняется,— это столь характерно для неискушенного молодого существа. В первую минуту он не мог заподозрить ничего другого — и уже собирался повторить обычную в таких случаях формулу: что ему можно сказать решительно все, без всяких страхов и сомнений. Но тут

мелькнула другая мысль, подсказанная зрелой красотой Роберты, а пожалуй, и ее собственные мысли передались ему: он решил, что ошибся. В конце концов, может быть, это просто одна из неприятных историй, обычных среди молодежи. Очевидно, здесь какая-нибудь незаконная связь! Эта девушка молода, здорова, красива; притом такие истории всегда выходят наружу — и нередко это случается как раз с девушками самого скромного и приличного вида. И всегда это влечет за собой волнения и неприятности для врача. По разным причинам — и из-за своего замкнутого, сдержанного характера, и из-за взглядов, принятых в его среде,— он не любил иметь дело с такими историями. Это было незаконно, опасно, как правило, почти не оплачивалось, и он знал, что местное общественное мнение строго это осуждает. Притом его и самого возмущали дряпные девчонки и мальчишки, которые вначале позволяют себе с такой легкостью уступать требованиям природы, а потом так же легко отказываются нести связанные с этим обязательства и не желают ни брака, ни детей. И хотя за последние десять лет он помог нескольким девушкам, нарушившим приличия и не имевшим иного выхода, избавиться от последствий своего легкомыслия (в случае, если это были девушки из хороших, близко знакомых ему семейств или если к этому его побуждали соображения религиозного порядка или добрососедские отношения), все же он был против того, чтобы вызволять из беды всех остальных, кто не имел такой прочной поддержки. Это слишком опасно. Обыкновенно в таких случаях он советовал немедленный и обязательный брак. Если же это оказывалось невозможным, так как виновник позорного события успел скрыться, доктор твердо и решительно отказывался от какого-либо вмешательства в это дело. Вмешиваться в таких случаях слишком опасно для врача: не только дурно с этической и общественной точки зрения, но и преступно.

Поэтому теперь он смотрел на Роберту серьезно и холодно. Ни в коем случае, думал, он, нельзя позволить себе растрогаться и как-либо впутаться в эту историю. И чтобы помочь и себе и ей сохранить известное равновесие, которое даст им обоим возможность спокойно закончить трудный разговор, врач пододвинул к себе книгу для записей в черном кожаном переплете и открыл ее со словами:

— Ну, давайте разберемся, в чем ваша беда. Как вас зовут?

— Рут Говард, миссис Говард,— нервно и с усилием ответила Роберта, назвавшись тем именем, которое подсказал ей Клайд.

Услышав, что она замужем, врач вздохнул с облегчением. Но откуда же эти слезы? Что за причина у молодой замужней женщины так сильно робеть и волноваться?

— Имя вашего мужа? — продолжал он.

Этот простой вопрос, на который было так легко ответить, однако, смутил Роберту, и она не сразу заставила себя сказать: «Гифорд» (имя ее старшего брата).

— Вы, вероятно, живете здесь?

— В Фонде.

— Так. Сколько вам лет?

— Двадцать два.

— Давно вы замужем?

И этот вопрос, так тесно связанный с тем, что мучило ее, снова заставил ее смутиться.

— Позвольте... да... три месяца.

И опять доктор Глен был охвачен сомнением, хотя и не показал этого. Ее нерешительные ответы удивляли его. Откуда эта неуверенность? Он снова спрашивал себя, действительно ли перед ним порядочная женщина, не справедливы ли его первоначальные подозрения?

— Итак, миссис Говард, в чем же дело? Вы можете без всяких колебаний сказать мне все. Изо дня в день я выслушиваю всевозможные признания и привык к ним. Прислушиваться к человеческим страданиям моя обязанность.

— Видите ли,— бледнея и запинаясь, начала Роберта. Это страшное признание сжимало ей горло и едва не парализовало язык. Она все крутила пуговицу жакета и упорно не поднимала глаз.— Дело в том, что... понимаете... у моего мужа нет средств... мне приходится работать, чтобы помочь справиться с расходами, но мы оба зарабатываем так мало (она сама удивлялась, что может так бесстыдно лгать,— она, всегда ненавидевшая ложь)... Так вот... конечно, мы не можем позволить себе... мы не можем сейчас иметь детей... так скоро, понимаете, и...

Она замолчала, у нее перехватило дыхание, и она просто не в силах была дальше так лгать.

Доктор решил, что понял ее: она в самом деле недавно замужем и боится, как бы дети не стали слишком большой обузой для мужа; он не собирался идти на какое-либо незаконное лечение, но в то же время не желал быть слишком суровым к молодой чете, едва вступающей в жизнь, и потому посмотрел на нее более сочувственно. Явно затруднительное положение этих молодых людей и подобающая обстоятельствам благопристойная скромность посетительницы тронули его. Все это очень печаль-

но. Молодым людям в наше время приходится нелегко, особенно на первых порах. У них, конечно, тяжелое материальное положение. Это участь чуть ли не всей молодежи. Тем не менее насильственное прекращение беременности, вмешательство в нормальные, установленные богом жизненные процессы,— это в лучшем случае щекотливое и противоестественное дело, такими вещами он, по возможности, не хотел бы заниматься. Притом молодые и здоровые люди, хотя бы и бедные, вступая в брак, знали, на что шли. Они могут работать (во всяком случае, муж) и, значит, как-нибудь справятся.

Он выпрямился на стуле и очень спокойно и авторитетно начал:

— Мне кажется, я понял, что вы хотите сказать, миссис Говард. Но, боюсь, вы не совсем ясно представляете себе, как серьезно и опасно то, что вы задумали. Однако позвольте,— прибавил он вдруг (его поразила новая мысль: не ходят ли в округе какие-нибудь слухи о прежних случаях из его практики, слухи, способные повредить его репутации).— Почему вы обратились именно ко мне?

Что-то в тоне его вопроса и в выражении лица,— опасение и, может быть, негодование оттого, что кто-то подозревал его в такого рода практике,— заставило Роберту заколебаться: она чувствовала, что опасно ответить, как советовал Клайд, будто она слышала имя этого врача, будто ее направила к нему какая-то девушка. Пожалуй, лучше не говорить, что ее кто-либо сюда послал. Доктор может рассердиться, принять это как оскорбление своей врачебной репутации. Природный такт помог ей и на этот раз, и она ответила:

— Я часто хожу мимо, видела табличку у вас на двери и слышала от многих, что вы хороший доктор.

Его сомнения рассеялись, и он продолжал:

— Во-первых, моя совесть не позволяет мне советовать вам то, о чем вы меня просите. Я понимаю, конечно, что вы считаете это необходимым. Вы и ваш муж оба очень молоды и, вероятно, недостаточно обеспечены. Вы боитесь, что рождение ребенка очень затруднит вашу жизнь. Без сомнения, так оно и будет. Однако я должен сказать вам, что брак священен, и дети — это благословение, а не проклятие. Когда вы шли к алтарю, три месяца назад, вы, вероятно, понимали, что обстоятельства могут сложиться так, как они сложились теперь. Все юные пары, вступающие в брак, понимают это, я полагаю. («Алтарь,— печально подумала Роберта,— если бы так!») Я знаю, что в наше время многие семьи прибегают к этому, о чем я очень сожалею.

Есть люди, которые, не чувствуя угрызений совести, стараются увильнуть от нормальной ответственности при помощи операции, но это очень опасно, миссис Говард, это противозаконно и притом глубоко неправильно с точки зрения и морали и медицины. Многие женщины, стараясь избежать материнства, умирают от этой операции. А кроме того, врачу, сделавшему подобную операцию, окончилась ли она благополучно или нет, грозит тюремное заключение. Я думаю, вам все это известно. Во всяком случае, я лично со всех точек зрения решительно возражаю против таких операций. Единственное оправдание для такой вещи — случай, когда без подобной операции нельзя сохранить жизнь матери. Ничего другого я не признаю. Такие исключения медицина допускает. Но в данном случае, я уверен, оснований для операции нет. Вы, по-видимому, крепкая и здоровая женщина. Материнство не будет для вас тяжело. А что касается денежных затруднений,— поверьте, если родится ребенок, вы сумеете с ними справиться. Вы, кажется, сказали, что ваш муж электротехник?

— Да,— ответила Роберта, волнуясь, напуганная и подавленая этой торжественной проповедью.

— Ну, вот видите,— продолжал он,— профессия довольно выгодная. Все электротехники недурно зарабатывают. И если вы подумаете как следует и представите себе, как серьезно то, что вы хотите совершить,— уничтожить человеческую жизнь, у которой имеются те же права на существование, что и у вас...— Он сделал паузу, чтобы смысл сказанного глубже проник в ее сознание.— Я уверен, вы еще обсудите это с должной серьезностью — и вы, и ваш муж. Притом,— прибавил, он дипломатично, почти отеческим тоном,— когда у вас будет ребенок, он с избытком вознаградит вас за некоторые тяготы, связанные с его появлением. Скажите,— спросил он вдруг с любопытством,— а ваш муж знает об этом? Может быть, это вы сами надумали спасти и его и себя от излишних забот и затруднений?

Он посмотрел на Роберту с улыбкой, почти весело, воображая, что уличил ее не только в нервном страхе, но и в чисто женских соображениях экономического порядка; в таком случае, решил он, не трудно будет рассеять эти ее настроения. Но Роберта, поняв, к чему он клонит, и чувствуя, что, солжет ли она лишний раз, нет ли — от этого уже не будет ни вреда, ни пользы,— быстро ответила:

— Он знает.

— Вот как,— сказал доктор, немного разочарованный тем, что его догадка неверна, но все-таки с твердым намерением раз-

убедить пациентку и ее мужа.— Я думаю, что вы оба должны серьезно взвесить все, прежде чем предпринимать какие-либо дальнейшие шаги. Я знаю, когда молодая пара впервые оказывается в таком положении, она всегда видит в этом одну только мрачную сторону, но ведь не обязательно все будет так плохо! Я помню, мы с женой думали так же, когда ждали первого ребенка. Но все прошло хорошо. И если вы теперь спокойно обсудите это, я уверен, вы увидите все в другом свете. И впоследствии вас не будет мучить совесть.

Он замолчал, уверенный, что ему удалось рассеять страхи молодой женщины и уничтожить решимость, которая привела ее к нему: это обыкновенная рассудительная жена, и, конечно, она теперь не станет настаивать, откажется от своих планов и уйдет.

Но вместо того чтобы весело согласиться с ним или просто подняться, как он ожидал, она вдруг посмотрела на него широко раскрытыми, полными ужаса глазами и зарыдала. Под влиянием его речи в сознании Роберты с необычайной ясностью ожило нормальное, общепринятое представление о ее положении. Все время она старалась об этом не думать. В обычных условиях, будь она в самом деле замужем, она, конечно, поступила бы именно так, как он советовал. Но теперь, когда она убедилась, что у нее нет выхода,— по крайней мере, этот человек не поможет ей выпутаться из беды,— ее разом охватил смертельный, панический страх. Она сплетала и расплетала пальцы, колени ее дрожали, лицо исказилось страданием и ужасом.

— Вы не понимаете, доктор, нет, вы не понимаете! — воскликнула она.— Я должна от этого освободиться любым способом. Должна! Я вам сказала неправду! Я не замужем. У меня нет мужа. Ах, вы не знаете, что это для меня значит! У меня семья, отец, мать! Я не могу вам объяснить. Вы не знаете... Но я должна освободиться, должна, должна!

Она раскачивалась из стороны в сторону, словно в трансе.

Доктор Глен был поражен и тронут этим внезапным взрывом отчаяния. Однако он отметил, что его первое подозрение оказалось справедливым и Роберта лгала ему, и, не желая никоим образом вмешиваться в это дело, решил держаться твердо и даже бессердечно.

— Значит, вы не замужем? — строго спросил он.

Вместо ответа Роберта только покачала головой, продолжая плакать. Поняв наконец, как безысходно ее горе, доктор Глен поднялся; на лице его попеременно отражались волнение, осто-

рожность и сочувствие. Он молча смотрел на рыдающую Роберту.

— Да, да, это очень печально. Мне вас жаль,— сказал он наконец, но тут же замолчал, опасаясь сделать какой-нибудь неосторожный шаг; потом прибавил мягко и неуверенно: — Не надо плакать, это не поможет.

И снова он замолчал, с прежней решимостью отнюдь не вмешиваться в это дело. Но ему все-таки хотелось узнать правду, и потому он задал новый вопрос:

— Ну, а где же молодой человек, который виноват в вашем несчастье? Он здесь?

Роберта, подавленная стыдом и отчаянием, все еще не могла произнести ни слова и только отрицательно покачала головой.

— Но он знает, в каком вы положении?

— Да,— тихо ответила Роберта.

— И он не желает жениться на вас?

— Он уехал.

— Так, понимаю. Уж эти молодые негодяи! И вы не знаете, куда он уехал?

— Нет,— малодушно солгала Роберта.

— Давно он оставил вас?

— Около недели,— еще раз солгала она.

— И вы не знаете, где он теперь?

— Нет.

— А как давно вы нездоровы?

— Уже больше двух недель.

Она всхлипнула.

— Раньше у вас всегда было все правильно?

— Да.

— Ну, что ж, во-первых...— Он говорил теперь мягче и ласковее, чем прежде: казалось, он ищет благовидного предлога, чтобы устраниться от участия в таком деле, которое не обещает ему ничего, кроме опасности и затруднений.— Это, может быть, еще не так серьезно, как вы думаете. Я понимаю, вы очень напуганы, но ведь у женщин нередко бывают такие неправильности. Во всяком случае, без особого исследования нельзя быть в этом уверенным. А самое лучшее — подождать еще две недели. Очень возможно, что все кончится благополучно. Я бы этому не удивился. Вы, видимо, чрезвычайно чувствительны и нервны, а нервность часто влечет за собою такого рода задержки. Если хотите послушать моего совета, то сейчас, во всяком случае, ничего не предпринимайте. Отправляйтесь домой и ждите, пока не

будет полной уверенности, до этого уж никак не следует что-либо делать.

— Но я уже принимала пилюли, и они не помогли,— жалобно сказала Роберта.

— Какие пилюли? — с интересом спросил доктор Глен и, выслушав ее объяснение, заметил: — А, эти! Ну, они едва ли по-настоящему помогли бы вам, если вы действительно беременны. Но я вам снова советую подождать. Через две недели все выяснится, и тогда у вас еще будет достаточно времени, чтобы принять меры. Но я все-таки серьезно советую вам отказаться от этой мысли. Я считаю большой ошибкой нарушать законы природы. Будет гораздо лучше, если вы решитесь иметь ребенка и станете о нем заботиться. Тогда на вашей совести не будет еще нового греха — убийства.

Он говорил сурово и важно, с сознанием собственной правоты. Но Роберта, терзаемая ужасом, которого врач, видимо, просто не мог понять, воскликнула с прежним трагическим отчаянием:

— Но я не могу, доктор! Говорю вам, не могу! Не могу!.. Вы не понимаете... Не знаю, что я буду делать, если не смогу от этого освободиться! Не знаю! Не знаю!

Она качала головой, стиснув руки и раскачиваясь взад и вперед. Доктор Глен видел, как глубок ее ужас, и ему было жаль, что легкомыслие довело ее до такого отчаянного положения. Однако, как профессионал, он холодно относился к случаю, который мог навлечь на него одни только неприятности, и потому решительно заявил:

— Как я уже сказал вам, мисс... (он помедлил)... Говард, если это ваше настоящее имя,— я решительно против операций такого рода, так же как и против того легкомыслия, которое доводит девушек и молодых людей до положения, когда эта операция кажется им необходимой. Врач не может вмешиваться в подобные случаи, если он не желает провести десять лет в тюрьме, и я считаю этот закон справедливым. Не думайте, что я не понимаю, каким тяжким кажется вам сейчас ваше несчастье. Но поверьте, всегда найдутся люди, которые охотно помогут девушке, оказавшейся в таком состоянии, если только она не захочет больше пренебрегать нравственностью и законом. Итак, вот наилучший совет, который я могу вам дать: не предпринимайте ничего — ни теперь, ни позже. Идите домой и признайтесь во всем вашим родителям. Так будет лучше, гораздо лучше, уверяю вас. Это не так тяжко, как вам сейчас кажется, и не так дурно, как то, что вы задумали. Не забывайте, что если ваши теперешние

опасения справедливы, речь идет о человеческой жизни. Вы хотите уничтожить уже зародившуюся жизнь, и в этом я не могу вам помочь. Никак не могу. Я знаю, есть врачи, которые относятся не так серьезно к своей профессиональной этике, но я не из их числа и не могу позволить себе стать таким. Весьма сожалею... весьма!.. Итак, могу сказать вам одно: вернитесь домой и расскажите все своим родителям. Сейчас это кажется очень трудным, но в конце концов вам станет легче. Если они захотят, пусть придут и потолкуют со мной. Я постараюсь убедить их, что это еще не самое страшное несчастье на свете. Но сделать то, о чем вы просите... Мне очень, очень жаль, но я не могу. Совесть мне не позволяет.

Он замолчал и посмотрел на нее сочувственно, но в то же время решительно и твердо. И Роберта, потрясенная внезапным крушением всех своих надежд и видя, что не только была введена в заблуждение рассказами Клайда об этом враче, но и сама не сумела справиться со своей задачей и разжалобить доктора, неверными шагами двинулась к выходу; ею снова овладел страх перед будущим. Доктор любезно и с сожалением закрыл за нею дверь,— и, очутившись на улице, во тьме, она беспомощно прислонилась к дереву; все силы душевные и телесные оставили ее. Он отказался помочь ей! Отказался помочь! Что же теперь?

ГЛАВА XXXVIII

На первых порах отказ доктора безмерно потряс и перепугал обоих — и Роберту и Клайда. Значит, впереди — незаконнорожденный ребенок, бесчестие Роберты, разоблачение и гибель Клайда. Видимо, ничего иного не остается... Но затем,— по крайней мере, перед Клайдом — тяжкая завеса стала понемногу приподыматься. Может быть, в конце концов, как предполагал доктор (едва придя в себя, Роберта подробно все пересказала Клайду), дело вовсе не так плохо. Вполне возможно,— об этом говорили и аптекарь, и Шорт, и доктор,— что Роберта ошибается. Роберту эти соображения не успокаивали, но они плохо повлияли на Клайда: он впал в своеобразное оцепенение, вызванное прежде всего неотступным страхом, что он ничего не сумеет придумать и, значит, ему неизбежно грозит разоблачение. И вот, вместо того чтобы бороться тем отчаяннее, он медлил и ничего не предпринимал. Такова уж была его натура: хотя он и ясно представлял себе возможные трагические последствия своего

бездействия, но так мучительно снова искать, к кому обратиться, не навлекая на себя опасности. Ведь доктор выпроводил ее, и совет Шорта ничего не дал!

Так прошли еще две недели, но Клайд только тщетно напрягал мозг, раздумывая, у кого теперь просить помощи. Так трудно об этом спрашивать. Просто невозможно. Да и кого спросить? Кого? На все это нужно время. А между тем дни проходили — и у Роберты и Клайда было достаточно времени, чтобы обдумать, как же поступать дальше, чего каждому требовать от другого, если Роберта останется без врачебной помощи. Роберта все торопила и торопила Клайда, если не словами, то выражением лица и настроением во время работы. Она твердо решила, что не должна, не может быть покинута в этой борьбе. С другой стороны, она видела, что Клайд ничего не делает. После своих первых попыток он решительно не знал, что и как предпринять. У него не было друзей, и поэтому в надежде получить нужные сведения он мог бы лишь мимоходом заговаривать то с одним, то с другим о своих затруднениях, как о каком-то воображаемом случае. И в то же время, как ни было это нелепо и легкомысленно, Клайда по-прежнему влекло в тот веселый мир, где жила Сондра. По вечерам, по воскресеньям его приглашали то туда, то сюда, и он шел, несмотря на отчаянное состояние и настроение Роберты, потому что в гостях можно было забыть о неотступном, грозном призраке катастрофы. Если б только он мог выручить Роберту! Если б мог! Но как? Без денег, без друзей, без более близкого знакомства с медицинским, или, точнее, с особым подпольным миром, где черпали знания о тайнах пола, скажем, рассыльные из отеля «Грин-Дэвидсон». Правда, он написал Ретереру, но ответа не было, так как Ретерер переехал во Флориду и письмо еще не дошло до него. А здесь все, кого он лучше знал, были связаны либо с фабрикой, либо с высшим обществом: с одной стороны были люди слишком неопытные и опасные, с другой — слишком чужие и тоже опасные, ни с кем из них он не был настолько близок, чтобы довериться им и рассчитывать, что они сохранят его тайну.

Однако надо было что-то делать: нельзя же спокойно плыть по течению! Конечно, Роберта не позволит ему долго бездействовать: ведь скоро всем станет известно ее положение. Подчас Клайд по-настоящему терзался и, как утопающий за соломинку, хватался за всякую, чаще всего мнимую, надежду. Так, например, когда один из мастеров на фабрике однажды случайно упомянул, что работница его отделения «попала в беду» и

ей предложили уйти, Клайд тут же спросил мастера: а что, по его мнению, такая девушка могла сделать, если б не хотела ребенка? Но тот, столь же неопытный, как и сам Клайд, сказал только, что ей, вероятно, пришлось бы пойти к врачу, если бы она знала подходящего — или уж «довести дело до конца»,— и, таким образом, Клайд не подвинулся ни на шаг в своих познаниях. В другой раз в парикмахерской обсуждали происшествие, о котором сообщила местная газета: одна девушка подала жалобу в суд на некоего бездельника за нарушение обещания жениться. «Уж поверьте,— сказал кто-то,— не стала бы она судиться с этим малым, если б не было для этого причины». Клайд воспользовался случаем и спросил:

— А разве ей нельзя выпутаться как-нибудь иначе и не выходить за него, если она его не любит?

— Ну, это не так просто, как вам кажется, особенно здесь, у нас,— заявил мудрец парикмахер.— Во-первых, это против закона. Потом, тут нужна куча денег... Ну, а без денег, сами знаете, и шагу не ступишь.

Он защелкал ножницами, а Клайд, поглощенный собственными делами, подумал, что это очень верно. Будь у него деньги — хоть несколько сот долларов,— кто знает, может быть, удалось бы уговорить Роберту, чтобы она уехала куда-нибудь одна и сделала себе операцию.

Каждый день Клайд говорил себе, что нужно найти какого-нибудь врача. И Роберта тоже говорила себе, что нужно действовать,— нельзя больше полагаться на Клайда, если он будет так медлить. Никто не может шутить или мириться с такой грозной опасностью. Это значило бы жестоко обмануть ее, Роберту. Очевидно, Клайд не понимает, как ужасно это будет и для нее, и для него самого. Нет, если он не поможет ей,— а он сначала твердо обещал помочь,— тогда пусть не надеется, что она выдержит неминуемую катастрофу одна. Никогда, никогда, никогда! Клайду хорошо, ведь он мужчина, занимает неплохое положение, не он, а она оказалась в этой ужасной западне — и не в силах выбраться одна.

Прошли две недели, о которых говорил доктор, потом еще два дня — и Роберта окончательно убедилась, что ее худшие подозрения справедливы. И она не только всеми возможными способами постаралась показать Клайду свое невыразимое отчаяние, но на третий день написала ему, что решила в этот же вечер снова отправиться к доктору в Гловерсвил, несмотря даже на его первый отказ: слишком уж ей нужна помощь! Она спрашивала, не может ли Клайд проводить ее,— и, по-

сколько сам он ничего не сделал, он немедленно согласился, хотя в этот вечер его ждала Сондра. Он чувствовал, что это важнее всего остального. Он извинится перед Сондрой, сославшись на работу.

Итак, состоялась эта вторая поездка, и по дороге — длинный, напряженный и бесплодный разговор, который свелся к объяснениям, почему именно Клайд все еще ничего не сумел сделать, и к комплиментам Роберте за ее решимость действовать самостоятельно.

Однако доктор опять ответил отказом. Роберта прождала его около часа и потом рассказала ему, что ее состояние не изменилось, что она измучилась от страха; он выслушал ее, но не подал никакой надежды, хотя, конечно, мог сделать то, о чем она просила. Это было против его правил и предрассудков.

И снова Роберта вернулась ни с чем, настолько подавленная тяжким предчувствием неминуемой беды и всех связанных с нею ужасов и несчастий, что даже не могла плакать.

И Клайд, услышав об этой новой неудаче, погрузился в тревожное, мрачное молчание, даже не пытаясь хоть чем-то утешить Роберту. Он не знал, что сказать, и больше всего боялся, как бы она теперь, не потребовала от него чего-нибудь такого, чего ему не позволит выполнить безденежье и более чем неопределенное положение в ликургском обществе. Но Роберта почти ничего не говорила на обратном пути. Она сидела неподвижно и смотрела в окно, думая о том, что она совсем беззащитна и ее положение становится с каждым часом все ужаснее. Чтобы оправдать свое молчание, она пожаловалась на головную боль. Ей хотелось остаться одной, подумать еще, решить, что делать дальше. Она должна что-то сделать. Это она знала. Но что? Как? Что она может сделать, как спастись? Она чувствовала себя, как загнанный зверь, который вынужден бороться не на жизнь, а на смерть. Она думала о тысяче маловероятных или просто неосуществимых способов спастись — и каждый раз возвращалась к единственному решению, которое представлялось ей действительно возможным, единственно разумным и надежным: этим решением был брак. Почему бы Клайду не жениться на ней? Разве она не пожертвовала для него всем вопреки своей воле и своим убеждениям? Он настоял на этом. В конце концов, кто он такой, чтобы ею пренебрегать? Действительно, по временам, особенно с тех пор, как пришла эта беда, Клайд, в страхе, как бы из-за всего этого не рухнули его мечты и планы, связанные с Сондрой и Грифитсами, вел себя так, что Роберта не могла не понять: его

любовь мертва, и он озабочен ее несчастьем не ради нее самой, а лишь потому, что оно может повредить ему, Клайду. Чаще всего это безмерно пугало ее, но иногда и возмущало — и понемногу она пришла к мысли, что, оказавшись в таком отчаянном положении, она вправе потребовать того, о чем и не мечтала бы при обычных обстоятельствах,— даже брака, раз нет другого выхода. А почему бы и нет? Разве ее жизнь не так же ценна, как его? И разве Клайд не связал добровольно свою жизнь с ее жизнью? Так пусть он постарается помочь ей теперь, а если это не удастся, пусть принесет последнюю жертву — единственную, которая, видимо, может ее спасти. В конце концов, кто все эти светские люди, которые его так интересуют? Как может он требовать, чтобы она в такую критическую минуту пожертвовала собою, своим будущим, своим добрым именем только потому, что он заинтересован в этих людях! Они сделали для него не так-то много,— уж конечно, меньше, чем она. Он убедил ее уступить ему, а теперь она ему наскучила — и только поэтому он покидает ее в такой тяжелый час? В конце концов, каковы бы ни были его отношения с людьми, которыми он так дорожит, разве не признают эти люди, что она вправе поступать так, как она вынуждена поступить?

Она много размышляла об этом, особенно после второго безуспешного визита к доктору Глену. В иные минуты на лице ее, под влиянием тяжких мыслей, вдруг появлялось столь несвойственное ей вызывающее, решительное выражение. Она крепко стискивала зубы. Решение принято. Клайд должен на ней жениться. Она заставит его, если другого выхода не будет. Она должна! Должна! У нее семья, мать. А что подумают Грейс Марр, Ньютоны, все, кто ее знает? Какой ужас, и стыд, и горе ожидают всех ее родных — отца, братьев, сестер! Невозможно, невозможно! Этого не должно и не может быть. Трудно ей будет настаивать, зная, как много значат для Клайда его надежды на будущее. Но что же, что ей остается делать?

И поэтому на другой же день, к немалому своему удивлению (так как накануне они провели вместе весь вечер), Клайд получил новую записку, в которой говорилось, что вечером он опять должен быть у Роберты. Ей нужно с ним поговорить. В тоне записки было что-то вызывающее и требовательное, чего никогда не бывало раньше в ее письмах к нему. И сразу он с тревогой подумал, что это новое настроение, если его не удастся рассеять, легко может оказаться гибельным для него; и ему пришлось принять кроткий вид и согласиться: он пойдет и выслушает все ее соображения или жалобы.

Придя поздно вечером к Роберте, Клайд нашел ее такой спокойной, какой она не была ни разу за весь последний месяц,— это его немного удивило: он ожидал увидеть ее в слезах. Но Роберта казалась настроенной более примирительно; в тревожных раздумьях, в поисках спасительного выхода пробудилась и теперь пришла ей на помощь ее врожденная изворотливость.

— Что ж, Клайд, нашел ты другого доктора или придумал еще что-нибудь? — спросила она, прежде чем сказать о своем решении.

— Нет, Берта,— ответил он мрачно и устало: его мозг был измучен и напряжен до предела.— Я пытался, ты же знаешь, но чертовски трудно найти кого-нибудь, кто не побоится впутаться в такую историю. По совести говоря, я совсем стал в тупик. Не знаю, как нам быть,— разве что ты что-нибудь придумаешь. А ты не слыхала, к кому можно обратиться?

Еще тогда, когда они возвращались после первого визита к врачу, Клайд предложил Роберте поближе сойтись с девушками из иммигрантских семей: через них постепенно можно было бы получить полезные сведения. Но у Роберты был неподходящий характер для такой легкой дружбы, и из этого ничего не вышло.

Заявив, что он «стал в тупик», Клайд дал ей желанную возможность предложить ему тот выход, который она считала неизбежным и неотложным. Однако она не знала, как примет Клайд ее решение, и потому колебалась, подбирая нужные слова. Она покачала головой и наконец с неподдельным волнением заговорила:

— Ну, вот что я скажу тебе, Клайд. Я много думала обо всем и не вижу никакого выхода... если... если только ты не женишься на мне. Ты сам знаешь, прошло уже два месяца. Если мы не поженимся сейчас же, все откроется, понимаешь?

Она сказала это с видимой твердостью, порожденной убеждением, что она права, но в глубине души с тревогой ждала, как примет ее слова Клайд. На его лице внезапно отразились изумление, негодование, растерянность и страх, и из этой сложной мимической игры можно было понять только одно: что ему нанесли жестокую, несправедливую обиду. Сближаясь все больше и больше с Сондрой, он слишком высоко занесся в своих надеждах,— вот почему теперь, выслушав требование Роберты, он сразу нахмурился, и его хоть и тревожную, но сравнительно мягкую предупредительность сменил испуг, смешанный с возмущением и решимостью во что бы то ни стало избежать столь тяжких по-

следствий. Для него это означало бы полный крах: потерю Сондры, потерю места, крушение всех надежд на карьеру и честолюбивых замыслов, связанных с Грифитсами,— словом, всего! Мысль эта была ему отвратительна, и в то же время он не знал, как быть дальше. Но он не согласен! Не согласен! Он никогда на это не пойдет! Никогда! Никогда!! Никогда!!!

Однако после короткой паузы он сказал уклончиво:

— Ну, видишь ли, это хорошо для тебя, потому что тогда все устроится без всяких хлопот. А как со мной? Не забывай, что мне нелегко это сделать при теперешнем положении вещей. Ты же знаешь, у меня совсем нет денег. У меня только одно и есть — моя работа. И потом, мои родственники о тебе пока ничего не знают, решительно ничего. И если теперь вдруг откроется, что мы с тобой все это время были в связи и что получилась такая история и я должен немедленно жениться... Уж я и не знаю! Они увидят, что я врал им, и наверняка рассердятся. И что тогда? Они могут даже выгнать меня.

Он замолчал, чтобы посмотреть, как подействуют его объяснения на Роберту, но заметил особое недоверчивое выражение, которое в последнее время всегда появлялось на ее лице, как только он начинал оправдываться. И он прибавил бодро и вместе с тем уклончиво, пытаясь какой-нибудь хитростью оттянуть развязку:

— И потом, я еще не потерял надежды найти доктора. До сих пор мне не очень везло, но это еще не значит, что и дальше ничего не выйдет. Ведь у нас еще есть немножко времени, правда? До трех месяцев, во всяком случае, можно подождать, ничего страшного в этом нет (он получил письмо от Ретерера, который сообщал ему эти сведения). Я слышал на днях, что в Олбани есть один доктор, который может помочь. Я хотел сперва повидаться с ним, а потом уже сказать об этом тебе.

Клайд сказал это с таким неуверенным видом, что Роберта поняла: он просто лжет, чтобы выиграть время. Никакого доктора в Олбани нет. Кроме того, совершенно ясно, что он обозлен ее предложением и думает лишь о том, как бы вывернуться. Она хорошо знала, что он никогда не обещал ей жениться. Правда, она может настаивать, но в конечном счете принудить его к чему-либо невозможно. Он попросту уедет из Ликурга,— так он сказал ей однажды, когда зашла речь о том, что он может из-за нее потерять место. И желание уехать станет неизмеримо сильнее, если он лишится общества, которое так его влечет, и окажется перед необходимостью связать себя женою и ребен-

ком. Это соображение сделало ее осторожнее и заставило отказаться от первого властного побуждения говорить решительно и резко.

А Клайд представлял себе сияющий мир, центром которого была Сондра и который теперь был поставлен на карту,— и, потрясенный, не мог собраться с мыслями. Неужели он должен отказаться от всего этого для той жизни, какая ждет его с Робертой: тесный домишко... ребенок... скучное, будничное существование в заботах о том, как прожить с нею и с ребенком на скудный заработок, и никакой надежды снова стать свободным! О, боже! Ему едва не стало дурно. Нет, нет, он на это не пойдет!

И, однако, он понимал, что, стоит ему сделать один ложный шаг, и Роберта с легкостью разрушит все его мечты. Это вернуло ему осторожность и заставило впервые в жизни понять необходимость выдержки и хитрого расчета. Но в глубине души он со стыдом сознавал, что в нем произошла глубокая внутренняя перемена.

— Ну да, Клайд,— ответила ему Роберта,— но ведь ты сам говоришь, что стал в тупик. А для меня страшен каждый лишний день. Вдруг мы не сумеем найти доктора? Не можем же мы пожениться так, чтобы ребенок родился слишком быстро после свадьбы, ты это и сам понимаешь. Тогда все станет известно всему свету. Кроме того, видишь ли, я должна думать не только о тебе, но и о себе, и о маленьком тоже. (При одном лишь упоминании о ребенке Клайда передернуло, и он отпрянул, точно от удара. Роберта это заметила.) Одно из двух: либо нам надо сейчас же, немедленно обвенчаться, либо я должна от этого избавиться. А ты, как видно, не можешь найти мне доктора,— ведь правда? Раз ты уж так боишься дяди — что он подумает и как поступит, если ты женишься на мне,— продолжала она тревожно, но мягко,— давай сейчас обвенчаемся, но будем пока держать это в тайне... столько времени, сколько сможем или сколько ты найдешь нужным,— прибавила она колко.— Тем временем я могу поехать домой и сказать родителям, что я замужем, но что пока это нужно держать в тайне. А потом, когда нельзя будет больше скрывать, мы можем уехать куда-нибудь, если захотим,— то есть если ты не захочешь сказать дяде,— или сможем тогда объявить, что мы уже довольно давно женаты. Теперь многие так делают. А насчет заработка,— продолжала она, заметив, что по лицу Клайда вдруг прошла мрачная тень,— что ж, мы всегда сумеем найти работу. Я наверняка сумею, во всяком случае, сразу после рождения ребенка.

Когда Роберта начала говорить, Клайд сидел на краю кровати и беспокойно и недоверчиво слушал, что она предложит. Однако когда она заговорила о браке и об отъезде, он вскочил: непреодолимое желание двигаться охватило его. А когда она в заключение заявила, что сразу после рождения ребенка пойдет работать, он взглянул на нее чуть ли не с паническим ужасом. Подумать только — жениться на Роберте! Ему придется на это пойти!.. А если бы не она и если бы ему еще немного повезло, он мог бы жениться на Сондре!

— Да, конечно, тебя это вполне устраивает. Твои дела таким образом отлично улаживаются, а со мной как будет? Вот ловко выходит: только я начал здесь работать — и вдруг все брошу и уеду! Придется уехать, если все узнают об этой истории... И уж не знаю, что мне тогда делать! У меня нет никакой специальности. Все это может плохо кончиться для нас обоих. И, кроме того, дядя дал мне место на фабрике потому, что я просил, а если я теперь уеду, он никогда больше не станет мне помогать.

В своем волнении он забыл, что раньше не раз говорил Роберте, будто его родители довольно состоятельные люди, и, если ему здесь не понравится, он может вернуться на Запад и найти себе там какое-нибудь занятие. А Роберта теперь вспомнила об этом и потому спросила:

— Но разве мы не можем поехать хотя бы в Денвер? Неужели твой отец не захочет тебе помочь, по крайней мере на первое время?

Она говорила очень мягко, почти умоляюще, стараясь заставить Клайда почувствовать, что будущее не так плохо, как он воображает. Но простое упоминание об отце в связи со всем этим, предположение, что именно он может спасти их обоих от нужды,— нет, это было уже слишком! Это показывало, до чего плохо она представляет себе действительное положение Клайда. Хуже: она ждет помощи с этой стороны! И, не дождавшись,— кто знает,— быть может, впоследствии станет упрекать его за то, что он ей лгал. Ясно, что необходимо сейчас же, немедля разбить все ее замыслы насчет брака. Этого не будет — никогда!

Но как, без риска для себя, заставить ее отказаться от этой мысли? Ведь Роберта считает, что имеет на него права́! Как сказать ей открыто и холодно, что он не может и не хочет жениться на ней? А если не сделать это теперь же, она вообразит, что будет справедливо и законно попросту заставить его жениться! Пожалуй, она сочтет себя вправе пойти к его дяде,

к двоюродному брату... (он представил себе холодные глаза Гилберта) — пойдет и выдаст его! И тогда гибель! Крушение! Конец всем его мечтам о Сондре и обо всем, что с нею связано. Но он только и сумел сказать:

— Я не могу сделать этого, Берта... по крайней мере, сейчас.— Эти последние слова — «по крайней мере, сейчас» — сразу заставили Роберту предположить, что при создавшихся условиях у него не хватит решимости воспротивиться этой ее идее о браке. Но едва она так подумала, Клайд продолжал торопливо: — И потом, я не хочу жениться так скоро. Это слишком сложно для меня сейчас. Во-первых, я еще очень молод, и у меня нет средств, чтобы жениться, и потом — я не могу отсюда уехать. В других местах я не заработаю и половины того, что получаю здесь. Ты не понимаешь, что для меня значит эта служба. У отца, конечно, положение неплохое, но он не может сделать для меня то, что может дядя. Если б ты это понимала, ты не просила бы меня о такой вещи.

Он замолчал. На лице его застыло выражение замешательства, страха и упрямства. Он походил на затравленное животное, за которым по пятам гонится охотник с собаками. Но Роберта думала, что он сопротивляется главным образом из страха перед ликургским общественным мнением (ведь она — простая работница), а вовсе не потому, что без памяти влюбился в другую девушку; и она воскликнула с раздражением, которого не сумела скрыть:

— О да, я хорошо знаю, почему ты не можешь уехать отсюда! Твоя служба тут ни при чем,— это все из-за общества, где ты постоянно бываешь. Я знаю! Ты меня больше не любишь, Клайд, вот в чем дело, и ты не желаешь ради меня расстаться с этими людьми. Я знаю, в этом все дело. А ведь так недавно ты любил меня, хотя, кажется, уже не помнишь об этом.— Ее щеки раскраснелись, глаза сверкали. Она остановилась на миг, а он пристально смотрел на нее, не понимая, чем все это кончится.— Но все равно, ты не бросишь меня на произвол судьбы, я не допущу этого, Клайд! Я не могу! Не могу, говорю тебе! — Ее голос звенел и срывался.— Это слишком важно для меня. Я не знаю, что я буду делать одна, мне не от кого больше ждать помощи, и ты должен мне помочь. Мне надо выбраться из беды — вот и все. Я не могу явиться к родным вот так — одна, без мужа, без поддержки.— Взгляд ее стал и умоляющим и яростным; как бы подчеркивая сказанное, она трагически сжимала руки.— Раз ты не можешь выручить меня тем способом, каким хотел, значит, должен выру-

чить по-другому, вот и все,— с отчаянием вырвалось у нее.— Ты не можешь меня бросить, по крайней мере сейчас, пока я не могу обойтись без тебя. Я не прошу тебя жениться и остаться со мной навсегда,— прибавила она: у нее явилась мысль, что, смягчив таким образом свое требование, она скорее убедит Клайда согласиться на брак, а потом его чувства, быть может, изменятся к лучшему.— После ты можешь оставить меня, если захочешь. После, когда со всем этим будет покончено. Я не могу помешать этому и не захочу мешать, даже если бы и могла. Но теперь ты не можешь меня бросить! Не можешь! Кроме того,— прибавила она,— я ведь не хотела, чтобы со мной случилось такое, и никогда бы этого не случилось, если бы не ты. Ты заставил меня, ты настоял, чтобы я позволила тебе сюда приходить. А теперь ты хочешь меня бросить, чтобы я выкручивалась сама,— и все потому, что боишься: вдруг тебя не станут больше пускать в общество, если узнают про меня.

Роберта замолчала: ее усталые нервы не выдерживали напряжения этой борьбы. Она начала негромко, судорожно всхлипывать,— видно было, что она изо всех сил старается снова овладеть собой. Они стояли друг против друга: Клайд — тупо глядя на нее и не зная, что отвечать, Роберта — силясь взять себя в руки; наконец ей это удалось, и она продолжала:

— Скажи, разве я теперь другая, чем два месяца назад? Я хочу понять, почему ты так изменился? В чем причина? До рождества ты был так ласков со мной... кажется, трудно быть ласковее. Ты проводил со мной все свободное время, а теперь я каждый раз должна умолять, чтобы ты пришел. В чем тут дело? В ком? Я хочу знать, что́ это — другая девушка? Эта Сондра Финчли, или Бертина Кронстон, или кто-нибудь еще?

Говоря так, она зорко следила за ним. Клайд всегда со страхом думал о том, что скажет и сделает Роберта, узнав о Сондре, и теперь с радостью убедился, что она до сих пор не только ничего не знает наверняка, но даже не подозревает какую-либо определенную девушку. Горе Роберты его почти не трогало, потому что он больше не любил ее. Но положение Роберты было слишком серьезно, ее требования слишком опасны, а Клайд не отличался храбростью. Как ей сказать, в ком и в чем истинная причина перемен? И он трусливо ответил:

— Ты ошибаешься, Берта. Ты не понимаешь, в чем дело. Здесь все мое будущее. Если я оставлю это место, у меня ни-

когда не будет другого такого случая выдвинуться. Если я должен буду жениться вот таким образом или уехать отсюда, все пойдет прахом. Я хочу подождать, понимаешь, сперва устроиться, скопить немного денег, а уж потом жениться. А если я сейчас все брошу, нам обоим не на что будет надеяться,— прибавил он беспомощно, забыв на минуту, как перед этим старался показать ей, что впредь не желает иметь с нею ничего общего.— И, кроме того, Берта,— продолжал он,— если ты найдешь кого-нибудь, кто тебе поможет, или уедешь куда-нибудь на время и справишься с этим одна, я буду на все посылать тебе деньги. Я могу взять это на себя до тех пор, пока ты не придешь в нормальное состояние.

На лице его при этих словах отразилась полная беспомощность, и Роберта увидела, что все его недавние планы и намерения помочь ей пошли прахом. И, поняв, до какой степени дошло его равнодушие, если он готов так небрежно, так бессердечно отделаться от нее и от их будущего ребенка, она не только возмутилась, но и испугалась.

— Как ты переменился, Клайд! — воскликнула она горячо, с такой смелостью и вызовом, каких еще ни разу не обнаруживала за все время их знакомства.— Каким жестоким ты можешь быть! Ты хочешь отослать меня одну, просто ради собственной выгоды, чтобы самому остаться здесь и жить по-прежнему. А когда я не буду стоять у тебя на дороге и тебе больше не надо будет заботиться обо мне, ты женишься на какой-нибудь другой девушке. Нет, я так не хочу! Это несправедливо. И я не хочу, вот и все. Не хочу — и кончено... Либо найди врача, который мне поможет, либо женись на мне и уедем куда-нибудь, хотя бы до тех пор, пока не родится ребенок, чтобы потом я могла спокойно смотреть в глаза моим родителям и всем, кто меня знает. После можешь меня оставить, мне все равно. Раз ты больше не любишь меня и не хочешь иметь со мной дела, я тоже не хочу. Но все равно, ты должен помочь мне, должен! Господи!..— Она снова тихо, горько заплакала.— Если б я знала, что наша любовь кончится так... Что ты предложишь мне уехать куда-то одной, совсем одной... а сам останешься здесь... Господи боже мой!.. Одна, с ребенком на руках, без мужа...

Она ломала руки и в отчаянии качала головой. А Клайд понимал, конечно, как жестоко и бессердечно то, что он предлагает, но в своем страстном увлечении Сондрой считал, что ничего лучше или, по крайней мере, безопаснее нельзя придумать, и теперь стоял перед Робертой, не находя слов.

Еще долго тянулся этот тяжелый разговор, и под конец было решено, что Клайд в течение недели или двух постарается найти врача или кого-нибудь, кто помог бы Роберте. А через две недели, если за это время ничего не удастся сделать, ну, тогда (это была подразумевающаяся, хоть и не высказанная напрямик угроза)... тогда он на ней женится. Пусть брак их будет хотя бы временный, но все же вполне законный,— это нужно до тех пор, пока она не сможет снова существовать самостоятельно. Это была угроза, тяжкая и унизительная для Роберты, невыносимо страшная для Клайда.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА XXXIX

Когда стремления двух людей столь противоположны и когда к тому же оба не способны выпутаться из создавшегося затруднительного положения, это может привести лишь к еще большим трудностям и даже к катастрофе, если только не придет на помощь какой-то счастливый случай. Но случай не приходил. А присутствие Роберты на фабрике не позволяло Клайду забывать о грозящей беде. Если б только убедить ее уехать куда-нибудь, найти работу где-нибудь в другом месте, чтобы она не была все время у него перед глазами! Тогда он мог бы обдумать все более спокойно... Но сейчас, когда она самым своим видом непрерывно спрашивала, что он намерен предпринять, он совсем не мог думать. А его теперешнее равнодушие к ней заставляло его забывать о том, что он обязан считаться с ее интересами. Он был слишком влюблен в Сондру и потому совсем сбит с толку.

Как ни сложна была стоявшая перед ним задача, Клайд все-таки продолжал мечтать о Сондре, и тяжелые затруднения, связанные с Робертой, казались ему подчас всего лишь тенью, облаком, омрачавшим эту мечту. И вот по вечерам, так часто, как только позволяли ему еще не порванные отношения с Робертой, он стремился насладиться всем тем, что могли дать ему светские знакомства. К его величайшей гордости и удовлетворению, его приглашали то на обед к Гарриэтам или Тэйлорам, то на вечеринку к Финчли или Крэнстонам,— и он либо должен был сопровождать Сондру, либо шел в радостной надежде с нею встретиться. А она теперь уже не прибегала к хитростям и притворству, которыми раньше прикрывала свой интерес к Клайду, и зачастую открыто искала встречи с ним в обществе.

Но так как эти встречи происходили на обычных для ее круга сборищах молодежи, то старшие, разумеется, не придавали им особого значения. Правда, миссис Финчли, крайне щепетильная и проницательная при выборе знакомств, вначале была не слишком довольна тем вниманием, которое проявляли к Клайду ее дочь и все остальные. Но, видя, что его все более охотно принимают не только у нее в доме, но и в компании, к которой принадлежит Сондра, да и в других домах, чуть ли не повсюду, она в конце концов стала думать, что Клайд, вероятно, занимает более солидное положение в свете, чем ей говорили раньше. Она попробовала расспросить о нем сына и даже Сондру. Но Сондра лишь сказала уклончиво, что раз он двоюродный брат Гила и Беллы Гриффитс и его всюду охотно приглашают, потому что он очень милый,— даже если у него и нет денег,— так почему бы ей и Стюарту не принимать его? Миссис Финчли решила пока удовлетвориться этим и только посоветовала дочери ни в коем случае не заводить с Клайдом слишком большой дружбы. Сондра понимала, что мать отчасти права, но ее слишком тянуло к Клайду, и потому она решила обманывать мать,— во всяком случае, тайком она будет вести себя с Клайдом так свободно, как ей вздумается. Так оно и было, и всякий, кто был свидетелем их встреч, мог бы сказать, что близость Сондры и Клайда становится все более тесной и, безусловно, очень встревожила бы Финчли-родителей, знай они об этом. Не говоря уже о том, как мечтал о ней Клайд, и сама Сондра была теперь во власти таких мыслей и настроений, которые граничили с самыми гибельными проявлениями таинственной алхимии любви. В самом деле, кроме рукопожатий, поцелуев и обмена восхищенными взглядами в минуты, когда предполагалось, что никто этого не видит, тут были и туманные, но возникавшие снова и снова мечтания о будущем, которое каким-то образом, еще не ясным ни Клайду, ни Сондре, должно было их соединить.

Вот настанут летние дни — до этого уже недалеко,— и они вдвоем поплывут на байдарке по Двенадцатому озеру... длинные тени прибрежных деревьев протянулись по серебристой воде, ветерок рябит водную гладь, Клайд лениво гребет, а она полулежит на корме и мучает его намеками на будущее... Поросшая мягкой травой, пестрая от солнечных пятен лесная тропинка, уходящая на юго-запад от дач Крэнстонов и Фэнтов, неподалеку от владений Финчли,— по ней в июне и в июле они будут ездить верхом к живописному мысу Вдохновения (около семи миль к западу)... Благотворительный базар в Шейроне,

где она в цыганском костюме — воплощенная романтика — будет хозяйничать в каком-нибудь киоске или в щегольской амазонке показывать свое искусство наездницы... Пикники, танцы днем и при лунном свете, когда, томно покоясь в его объятиях, она будет смотреть ему в глаза...

Никаких материальных забот. Никаких мыслей о возможном сопротивлении со стороны ее родителей. Одна только любовь, лето и идиллическое, полное счастья приближение к той минуте, когда в конце концов, наперекор всем препятствиям, прочные узы соединят их навеки.

А тем временем прошло еще два долгих, тоскливых и страшных месяца, и Роберта все еще не решалась на тот шаг, который должен был погубить Клайда. Хотя она и была убеждена, что Клайд только обдумывает, как бы ускользнуть от ответственности, и вовсе не собирается на ней жениться,— однако и она, как он, плыла по течению, боясь действовать решительно. Ибо после того разговора, когда она сказала ему о необходимости обвенчаться, Клайд уже несколько раз неясно, намеками угрожал, что не женится на ней, даже если она обратится к его дяде,— просто возьмет и уедет отсюда.

Клайд изображал дело так, что, если ему помешают сохранить его нынешнее положение в Ликурге, он будет не в состоянии жениться,— более того, он, вероятно, ничем не сможет помочь Роберте как раз тогда, когда она будет чрезвычайно нуждаться в помощи. Этот намек навел Роберту на размышления об известной жестокости в характере Клайда, которая до сих пор в полной мере еще не обнаруживалась; впрочем, если бы Роберта как следует поразмыслила, она бы заметила эту его черту уже давно, когда Клайд впервые настоял, чтобы она впустила его в свою комнату.

Однако, видя, что она ничего не предпринимает, и все же побаиваясь, как бы она не отважилась его разоблачить, Клайд несколько изменил свое поведение: вместо полнейшего равнодушия, с каким он держался до тех пор, пока она не стала ему угрожать, он проявлял теперь притворное внимание, доброжелательство и дружелюбие. Положение, в котором оказался Клайд, было достаточно опасным и пугающим, чтобы развить в нем изворотливость, прежде ему не свойственную. Кроме того, Клайд весьма наивно надеялся, что, пожалуй, ему удастся смягчить, обезоружить Роберту: нужно вести себя так, словно он по-прежнему живо озабочен ее положением и, на худой конец, если не найдется другого выхода, даже готов на ней жениться (в действительности никто никогда не убедил бы его

взять на себя такое обязательство). Тогда она не станет заставлять его немедленно что-то предпринимать — и он, выиграв время, постарается всеми правдами и неправдами увильнуть от брака и при этом не бежать из Ликурга.

Роберта понимала, чем вызвана эта внезапная перемена, но она была так безнадежно одинока и растеряна, что охотно прислушивалась к его притворно сочувственным, лишенным подлинной сердечности рассуждениям и советам. И Клайд уговорил ее подождать еще немного. Тем временем он не только накопит денег, но и постарается так устроить свои дела на фабрике, что можно будет уехать хоть на время из Ликурга и где-нибудь обвенчаться. Потом он устроит Роберту с ребенком в другом городе, где она в качестве замужней женщины сможет жить спокойно, а сам (хотя в то время он этого ей и не сказал) вернется в Ликург и будет посылать ей деньги — сколько сможет. Но все это, разумеется, при одном условии: пока он не позволит, она никому не должна говорить, что он ее муж и отец ее ребенка. Подразумевалось также (Роберта снова и снова твердила об этом,— лишь бы он женился на ней), что она постарается получить развод, сославшись хотя бы на то, что муж оставил ее, и сделает это побыстрее и где-нибудь подальше от Ликурга, чтобы здесь никто ничего не узнал. Впрочем, Клайд вовсе не был уверен, что она это сделает, если уж он на ней женится.

Разумеется, Клайд не был искренен, когда обещал все это, а потому и не слишком интересовался искренностью или неискренностью Роберты. Он вовсе не собирался добровольно уезжать из Ликурга, даже на то короткое время, которое требовалось, чтобы выручить ее из беды. Ведь это значило бы расстаться с Сондрой, а такая разлука сильно повредила бы его планам. И потому он по-прежнему бездействовал и порою праздно фантазировал о какой-нибудь мнимой, поддельной свадьбе, вроде той, которую он видел когда-то в кино, в каком-то мелодраматическом фильме: с фальшивым священником и лжесвидетелями, сговорившимися обмануть какую-то деревенскую дурочку; но Роберта была совсем не такая, да и требовалось для этого слишком много времени, денег, смелости и ловкости, и потому Клайд после недолгого размышления сообразил, что это ему не под силу.

Он понимал, что идет прямо навстречу близкой и неминуемой катастрофе, от которой его могла спасти лишь какая-нибудь совершенно непредвиденная случайность. А порою он даже мечтал, что в роковой час, когда Роберту уже нельзя будет

обмануть никакими уловками и она захочет обличить его, он просто будет все отрицать: заявит, что ни в какой связи с нею не состоял и знает ее только как работницу своего отделения, не больше. Его просто шантажируют!

В начале мая Роберта, чувствуя себя плохо и опасаясь, как бы ее состояние не заметили окружающие, стала настойчиво внушать Клайду, что при самых героических усилиях она сможет оставаться на фабрике не дольше первого июня: тогда девушки, наверно, станут уже замечать, в каком она положении, и этого она не вынесет. Но как раз в это же время Сондра сообщила ему, что не позднее пятого июня она, ее мать и Стюарт с несколькими слугами переезжают на новую дачу на Двенадцатом озере, чтобы устроиться как следует, прежде чем начнется настоящий сезон. И затем, не позже восемнадцатого, когда туда же переедут Крэнстоны, Гарриэты и еще кое-кто (возможно, что приедут погостить Белла и Майра), Клайд может ждать приглашения на субботу и воскресенье от Крэнстонов,— она устроит это через Бертину. Потом (все обстоятельства этому благоприятствуют) последуют, конечно, и приглашения от Гарриэтов, Фэнтов и от некоторых других обитателей Двенадцатого озера, а пожалуй, и от Грифитсов на Лесное,— туда он свободно может поехать благодаря Белле. А во время своего двухнедельного отпуска, в июле, он мог бы поселиться в «Казино» на Сосновом мысе; возможно, что Крэнстоны или Гарриэты даже пригласят его к себе по ее совету. Во всяком случае, Клайд понял, что при вполне посильных расходах (для этого надо лишь немножко урезать себя сейчас) он сможет изведать дачную жизнь на озерах, о которой он столько читал в местных газетах, а главное — часто видеться с Сондрой то на одной, то на другой даче, где хозяева не так неприязненно относятся к нему, как родители Сондры.

Теперь Сондра впервые объяснила ему, что ее мать и отец недовольны постоянным и явным ухаживанием Клайда и стали уже поговаривать о продолжительном путешествии по Европе: возможно, что Сондра и Стюарт вместе с матерью пробудут за границей не меньше двух лет. Но, увидя, как от этой новости омрачились и лицо и настроение Клайда, Сондра, сама очень огорченная, сейчас же прибавила, что не надо принимать это слишком близко к сердцу, не надо! Все уладится, она уверена. До тех пор что-нибудь,— если не само по себе страстное увлечение Клайдом, так какая-нибудь хитрая затея,— поможет Сондре повлиять на мать и заставить ее изменить отношение к Клайду... а если нет — в свое время ей придется принять нуж-

ные меры, чтобы перехитрить мать. Какие именно меры, Сондра пока не хотела сказать, хотя в пылком воображении Клайда уже рисовалось бегство с нею и тайный брак, который ее родители потом не смогут расторгнуть, что бы они о нем ни думали. И действительно, мысль об этом, пока еще смутная и несмелая, возникала и в уме Сондры. Дело в том, объяснила она Клайду, что мать явно хочет выдать ее замуж за одного светского молодого человека, который ухаживал за нею и в прошлом году. Но теперь, когда Сондра полюбила Клайда, не так-то легко будет ее уговорить!

— Вся беда в том, что я несовершеннолетняя,— бойко и бесцеремонно объясняла она.— Поэтому я у них в руках. Но в октябре мне исполнится восемнадцать, и тогда — так и знайте! — ничего они со мной не поделают. Надо полагать, я могу выйти замуж, за кого пожелаю. А если не могу здесь, в Ликурге,— ну что ж, найдется другой выход, не только свету, что в окошке.

Мысль эта была сладким, разлагающим ядом для Клайда. Она бросала его в жар и едва не сводила с ума. Если бы... если бы только не Роберта! Страшная и почти неразрешимая задача. Если бы не это и не сопротивление родителей Сондры, которое она надеялась преодолеть,— разве не райское блаженство ожидает его? Сондра, Двенадцатое озеро, светское общество, богатство, любовь, красота. У него кружилась голова, когда он об этом думал. Если они с Сондрой поженятся, что останется делать ее родным? Только покориться и принять их в великолепное лоно своего роскошного дома в Ликурге или обеспечить их каким-нибудь другим способом. Он, без сомнения, в конце концов получит какое-нибудь место в «Компании электрических пылесосов» Финчли. И тогда он будет равен самому Гилберту Гриффитсу и всем тем, кто вначале пренебрегал им в Ликурге (а то и выше!): вместе со Стюартом он будет наследником всего богатства Финчли! И в центре всего и превыше всего — Сондра, драгоценнейший камень в этом великолепии, внезапном и сказочном, словно в «Тысяче и одной ночи».

И никаких мыслей о том, как поступать пока, до октября. Никаких серьезных планов относительно Роберты, которая вот теперь, сейчас, требует, чтобы он на ней женился. Надо как-нибудь от нее отделаться, думал Клайд. И в то же время он болезненно и тревожно ощущал, что никогда еще за всю свою жизнь не был так близок к страшному несчастью. Быть может, его долг (так считает общество, так сказала бы его мать) по меньшей мере — помочь Роберте выпутаться из беды. Но разве

кто-нибудь пришел на помощь Эсте? Ее возлюбленный? Он со спокойной совестью бросил ее, и она от этого не умерла. А Роберте приходится ничуть не хуже, чем пришлось тогда его сестре. Почему же она стремится его погубить? Почему она заставляет его отказаться от карьеры и положения в обществе, от стремления к красоте, к любви и страсти? Для него это почти самоубийство! А ведь если бы она сейчас избавила его от всего этого, впоследствии он мог бы сделать для нее гораздо больше... конечно, с помощью денег Сондры. Нет, он не допустит, чтобы она так с ним поступила,— не даст загубить ему жизнь!

ГЛАВА XL

Два незначительных случая, которые произошли в это время, привели к тому, что намерения Роберты и Клайда стали еще непримиримее.

Как-то вечером Роберта случайно увидела Клайда на Сентрал-авеню: он стоял на краю тротуара перед зданием почты и разговаривал с Арабеллой Старк, которая ожидала своего отца, сидя в большом, внушительном автомобиле. Мисс Старк, одетая по последней моде в соответствии с требованиями сезона, вкусами своего круга и собственным претенциозным вкусом, сидела за рулем в жеманной позе, рассчитанной не только на Клайда, но и вообще на публику. Роберте, которая к этому времени была доведена до отчаяния медлительностью Клайда и не знала, как заставить его помочь ей, мисс Старк показалась воплощением беззаботности, роскоши и бездумного отношения к жизни — всего, что так прельщало Клайда и заставляло медлить и относиться с полнейшим равнодушием к ее ужасному положению. И в самом деле, у нее есть права, обусловленные ее теперешним состоянием, но что может она дать Клайду взамен той жизни, от которой он должен будет отказаться, уступив ее требованию? Ничего... Мысль не слишком ободряющая.

И вот в эту минуту, когда она сравнила свой жалкий презренный удел с уделом хотя бы этой мисс Старк, ею овладели такая горечь и враждебность, каких она никогда еще не испытывала. Это неправильно! Несправедливо! Уже несколько недель прошло с тех пор, как они в последний раз обсуждали свои дела, и за это время Клайд почти не заговаривал с нею на фабрике и тем более избегал приходить к ней домой, опасаясь обычных ее вопросов, на которые ему нечего было отве-

чать. И она чувствовала, что он относился к ней теперь не только невнимательно, но и с настоящим озлоблением.

А все же, когда она шла домой после этой ничтожной, но очень выразительной сценки, ее сердце полно было не столько гневом, сколько печалью и болью, потому что любовь и спокойствие исчезли и, видно, никогда уже не возвратятся... никогда... никогда, никогда... Это ужасно... ужасно!

С другой стороны, Клайду почти в это же время пришлось увидеть нечто такое, что имело прямое отношение к Роберте и было словно нарочно подстроено насмешливой и злобной судьбой. В следующую же субботу маленькая компания молодежи, по предложению Сондры, отправилась на автомобиле к озеру Стрелы (к северу от Ликурга) на дачу Трамбалов, чтобы провести воскресенье на лоне весенней природы. Следовало ехать прямо по направлению к Бильцу, но в одном месте пришлось сделать крюк, и через некоторое время компания оказалась на пересечении двух дорог, как раз возле фермы Олденов — родного дома Роберты. Трейси Трамбал, который в это время вел машину, предложил, чтобы кто-нибудь отправился на ферму и узнал, какая дорога ведет в Бильц. И Клайд, сидевший с краю, выскочил из машины. Взглянув на почтовый ящик на перекрестке, явно имевший отношение к полуразрушенному ветхому дому, стоявшему тут же на пригорке, Клайд с немалым удивлением прочитал написанное на этом ящике имя отца Роберты: Тайтус Олден. Он вспомнил, как она говорила, что ее родители живут неподалеку от Бильца,— значит, это и есть ее дом. На мгновенье он растерялся, не зная, идти ли ему туда: когда-то он подарил Роберте свою маленькую фотографическую карточку, и она могла показать ее здесь. И притом уже одного сознания, что это заброшенное, разоренное жилье имеет прямое отношение к Роберте, а значит, и к нему самому, было достаточно, чтобы Клайду захотелось повернуться и убежать.

Но Сондра, сидевшая в автомобиле рядом с Клайдом, заметила его нерешительность и крикнула:

— В чем дело, Клайд? Испугались собачки? Гав-гав, укусит!

Клайд понял, что, если он сейчас же не двинется дальше, это привлечет общее внимание, и быстро пошел по дорожке к дому. Но едва он взглянул на этот дом повнимательнее, в мозгу его пробудились самые тревожные и мрачные мысли. Ну и дом! До чего он одинок и гол даже в этот светлый весенний день! Ветхая, осевшая крыша. Одна труба развалилась, и у ее основания валяются обломки кирпичей; другая покосилась, чуть не

падает, и ее удерживают на месте только подпорки. А заросшая, невычищенная дорожка, по которой медленно поднимается Клайд! На него произвели удручающее впечатление разбитые камни перед входной дверью — остатки развалившегося крыльца. А некрашеные надворные постройки!

Ну и ну! И это дом Роберты. И она еще требует, чтобы он женился на ней, когда такие мечты, такие надежды связаны у него с Сондрой и со всем ее кругом! И Сондра здесь, в автомобиле, и видит все это, хоть ничего и не знает... Какая бедность! Какая беспредельная мрачность во всем! И его жизнь начиналась так же, но как далеко позади осталось все это!

Ощущая слабость и тупую ноющую боль под ложечкой, будто от удара, он подошел к дверям. И тут, словно для того, чтобы еще больше его расстроить — если только это было возможно,— дверь открыл Тайтус Олден в старой, изношенной куртке с продранными локтями, в мешковатых потертых штанах и грубых, нечищеных и непомерно больших деревенских башмаках. Он вопросительно взглянул на Клайда. И Клайд, пораженный костюмом Тайтуса и его сходством с Робертой (особенно похожи были глаза и линии рта), торопливо спросил, идет ли дорога, проходящая мимо, в Бильц и можно ли по ней доехать до северного шоссе. Он предпочел бы услышать краткое «да», повернуться и уйти, но Тайтус спустился с ним во двор и, размахивая руками, подробно объяснил, что, если они хотят выехать на лучшую часть дороги, им надо проехать по прежней еще около двух миль и потом повернуть на запад. Клайд кратко поблагодарил, повернулся чуть ли не раньше, чем Тайтус кончил свои объяснения, и поспешил прочь.

Безмерно угнетенный, он вспомнил: как раз теперь Роберта думает, будто он готов отказаться от всего, что обещает ему Ликург (от Сондры, от наступающей весны и лета, от любви и поэзии, от веселья, продвижения в обществе, власти... от всего!), уехать с нею и обвенчаться! Забраться в какую-нибудь дыру! Что за ужас! И с ребенком — в его-то годы! Ах, почему он был так глуп и слаб, что связал себя с нею? И все из-за нескольких одиноких вечеров! Почему, почему он не подождал, пока перед ним откроется этот новый мир? Если бы он сумел подождать!

А теперь, бесспорно,— если только ему не удастся быстро и легко освободиться от Роберты,— все это великолепие наверняка будет для него потеряно. И другой мир, тот, из которого он вышел, протянет к нему свои страшные нищие руки и снова за-

хватит его,— так бедность родителей держала его в тисках с самого начала и едва не задушила. И ему даже смутно подумалось: как странно, что Роберту и его, с их поразительно схожим происхождением, вначале так сильно влекло друг к другу... Почему так случилось? Какая странная штука — жизнь! Но много больше мучила его стоявшая перед ним задача: найти выход. С этой минуты всю дорогу мысль его работала в поисках какого-то решения. Одно слово жалобы со стороны Роберты или ее родителей его дяде или Гилберту — и он погиб!

Мысль об этом так волновала его, что, вернувшись в машину, он сидел совсем молча, хотя перед этим вместе со всеми превесело болтал о чем попало. И Сондра, сидевшая рядом с ним и потихоньку поверявшая ему свои планы на лето, теперь, вместо того чтобы продолжать прежний разговор, шепнула:

— Что случилось с маленьким? (Когда Клайд бывал хоть немного грустен, Сондра любила разговаривать с ним, как с младенцем, и ее ребячливый лепет действовал на него как электрический ток: ему было и сладко и мучительно. Он называл ее иногда «моя лепетунья»). Рожица совсем мрачная. А только недавно мы улыбались вовсю. Пусть мой мальчик станет опять веселым. Пусть улыбнется Сондре. Пусть Клайд, как паинька, пожмет руку Сондре!

Она повернулась и заглянула ему в глаза, чтобы посмотреть, как действует на него эта ласковая ребяческая болтовня,— и Клайд, разумеется, постарался принять веселый вид. И, однако, несмотря на всю ее удивительную любовь, перед ним неотступно стоял призрак Роберты и всего, что было в ней теперь воплощено: ее состояние, ее недавнее решение и очевидная невозможность сделать что-либо, кроме одного — уехать вместе с нею...

Да, но... чем так запутываться — и из-за чего!.. — уж не лучше ли (даже если он при этом навсегда потеряет Сондру) сбежать отсюда, как он сбежал из Канзас-Сити, когда убили ту девочку... и чтобы о нем здесь больше не слыхали. Но это значит — потерять Сондру, все здешние связи, дядю, все! Все потерять! Что за несчастье снова скитаться в поисках пристанища! Опять придется писать матери о некоторых обстоятельствах, связанных с его бегством,— ведь впоследствии кто-нибудь отсюда может написать ей и дать всему гораздо более убийственное объяснение. А что подумают о нем родные? В последнее время он писал матери, что так преуспевает. Что же у него за судьба, почему его преследуют неудачи? И неужели его жизнь всегда будет такой? Бежать то от одного, то от другого и

где-то на новом месте опять начинать все сначала... быть может, только для того, чтобы потом пришлось бежать от чего-то еще худшего. Нет, он не может снова бежать. Он должен взглянуть беде прямо в лицо и найти какой-то выход. Должен!

Боже!

ГЛАВА XLI

Настало пятое июня, и Финчли уехали, как и предупреждала Сондра; но перед отъездом она не раз напоминала Клайду, чтобы он приготовился поехать к Крэнстонам на второе или на третье воскресенье (потом она сообщит точнее). Отъезд Сондры так подействовал на Клайда, что он без нее просто не знал, куда деваться, как ни угнетали его запутанные отношения с Робертой. И именно в это время страхи Роберты и ее требования стали такими настойчивыми, что невозможно было дольше успокаивать ее уверениями, будто нужно только еще немножко подождать, а он скоро подготовит все, чтобы ей помочь. Что бы он ни говорил, Роберта понимала: того и гляди, все откроется и шутить с этим больше нельзя. Она утверждала (хотя это было в значительной мере подсказано страхом), будто ее фигура настолько уже изменилась, что ей невозможно больше скрывать свое положение, и девушки, которые работают вместе с нею на фабрике, очень скоро все узнают. Она уже не может ни работать, ни спать спокойно, ей больше нельзя здесь оставаться. Она уже чувствует боли (чистейшая фантазия, плод перепуганного воображения). Клайд должен, как было условлено, жениться на ней и немедленно уехать с нею куда-нибудь — близко, далеко, куда угодно,— на то время, пока не минует эта ужасная опасность. И она согласна (Роберта теперь почти умоляла), чтобы он оставил ее тотчас после рождения ребенка,— это правда,— и больше она ни о чем его никогда не попросит... никогда! Но теперь, на этой же неделе, никак не позже пятнадцатого, он должен все устроить, как обещал,— позаботиться о ней, пока все не будет кончено.

Это означало, что Клайд должен уехать с Робертой даже раньше, чем можно будет навестить Сондру на Двенадцатом озере, уехать, ни разу больше с нею не повидавшись. А кроме того, он прекрасно знал, что далеко еще не скопил суммы, необходимой для того, чтобы отважиться на рискованное предприятие, на котором настаивала Роберта. Напрасно Роберта сообщила ему, что у нее отложено больше сотни долларов,— эти

деньги пригодятся после свадьбы или же помогут им обоим справиться с необходимыми расходами при переезде из Ликурга. Клайд понимал и чувствовал только одно: это значит, что он теряет все. Он должен уехать с нею куда-нибудь, не очень далеко, и взяться за любую работу, чтобы добывать ей и себе средства к существованию. Какая ужасная перемена! Крушение всех его великолепных грез! И все же, напрягая мозг, он не мог придумать ничего лучшего, как убедить Роберту бросить работу и поехать на некоторое время домой к родителям; он доказывал — и очень хитро, как думал сам,— что ему нужно еще несколько недель, чтобы подготовиться к перемене в их жизни. Дело в том, лживо уверял он, что, несмотря на все усилия, ему еще не удалось накопить столько денег, сколько он надеялся. Ему нужно, по крайней мере, еще три или четыре недели, чтобы собрать ту сумму, которую он считает необходимой для задуманного ими отъезда. Ведь она сама говорила, что им понадобится полтораста или двести долларов, не меньше,— изрядная сумма в ее глазах. А у Клайда, сверх его еженедельного заработка, было отложено только сорок долларов,— и он мечтал употребить их и все, что ему еще удастся сберечь, на кое-какие расходы, необходимые в связи с предполагаемой поездкой на Двенадцатое озеро.

И чтобы это туманное предложение о кратковременной поездке Роберты домой прозвучало убедительнее, Клайд прибавил, что она ведь, наверно, и сама хочет немного привести себя в порядок. Не может же она пуститься в такое путешествие, включающее и свадьбу, и перемену всех знакомств и связей, не позаботившись как-то о своем гардеробе. Пусть она употребит на это свои сбережения или хотя бы часть их... Положение Клайда было отчаянное, и он не останавливался даже перед такими советами. Роберта до сих пор была слишком неуверена в завтрашнем дне и не решалась шить или покупать что-либо для себя и для будущего ребенка; но теперь она подумала, что, какова бы ни была истинная цель его совета, связанного, как и все советы Клайда, с новой проволочкой, ей и в самом деле следовало бы потратить две-три недели и с помощью недорогой, но приличной портнихи, которая иногда помогала ее сестре, сшить себе одно или два подходящих платья. Можно сшить платье из набивной серой тафты — она видела такое в кино. В нем она может венчаться, если Клайд сдержит свое слово. Это будет очень милый наряд; она собиралась прибавить к нему модную серую шелковую шляпку с маленькими полями (и на полях в одном месте — розовые или ярко-красные вишни) и еще скром-

ный дорожный костюм из синей саржи; все это, вместе с коричневыми туфлями и коричневой шляпой, сделает ее нарядной, не хуже всякой другой невесты.

Эти приготовления означали новую отсрочку и лишние расходы. Клайд мог еще и раздумать, не жениться на ней, к тому же для них обоих этот предполагаемый брак был чем-то довольно непривлекательным и мрачным; и, однако, все это не могло изменить представления Роберты о браке как о большом событии, о таинстве, которому присущи особая красота и поэтичность, неотделимые от него даже при таком вот несчастливом стечении обстоятельств. И — странное дело! — несмотря на тяжелые и натянутые отношения с Клайдом, она все еще видела его в том же свете, что и вначале. Он прежде всего Гриффитс, юноша из настоящего высшего общества, хотя и небогатый,— все девушки ее круга и даже многие, стоящие гораздо выше, были бы счастливы выйти за него замуж. Пусть ему не хочется на ней жениться, но все равно он — человек значительный. И он единственный, с кем она была бы совершенно счастлива, если бы он хоть немного любил ее. И, во всяком случае, когда-то он ее любил. А говорят (она слышала это и от своей матери, и от знакомых), что мужчины, по крайней мере некоторые, нередко совсем по-другому, с новой нежностью начинают относиться к матери своего ребенка. Как бы там ни было, а если все, о чем они уговорились, будет в точности выполнено, то хоть недолго — очень недолго,— но они все же будут вместе, он поможет ей пережить этот тяжелый кризис, даст свое имя ребенку и поддержит ее, пока она не сможет снова так или иначе устроиться самостоятельно.

Итак, на этом она пока и порешила, хотя ее и мучили тревожные предчувствия и сомнения, потому что она видела, как равнодушен к ней Клайд.

В таком настроении Роберта через пять дней уехала домой, заранее написав родителям, что приедет не меньше чем на две недели, чтобы сшить одно или два платья и отдохнуть немного, так как чувствует себя не совсем хорошо; Клайд проводил ее до Фонды. У него, в сущности, не было никакой определенной и приемлемой идеи, и ему казалось, что только молчание, одно молчание для него теперь единственно важно и существенно. Под грозящим ножом катастрофы ему необходима возможность думать еще, и еще, и еще, чтобы никто не принуждал его ни к каким действиям, чтобы его не мучила ежеминутно мысль о Роберте: ведь когда-нибудь в нервном, неистовом состоянии она может сказать или сделать что-нибудь та-

кое, что помешает ему (если он падет на какую-нибудь спасительную идею) осуществить планы, связанные с Сондрой.

А в это время Сондра с дачи на Двенадцатом озере писала ему веселые записки о том, что́ ждет его в близком будущем, когда он приедет. Голубая вода... белые паруса... теннис... гольф... верховая езда... катанье на автомобиле... Она обо всем уже сговорилась с Бертиной. И поцелуи, поцелуи, поцелуи...

ГЛАВА XLII

Два письма, которые Клайд получил одновременно, еще больше осложнили положение.

«Сосновый мыс, 10 июня.

Клайди, маленький!

Как поживает мой крошка? Все хорошо? Здесь просто великолепно. Приехало много народу, и с каждым днем становится все оживленнее. Ресторан «Казино» и площадка для гольфа уже открыты, и там тоже масса народу. Сейчас Стюарт и Грэнт на своих лодках отправляются по озеру,— мне слышно, как стучат моторы. Не задерживайтесь, милый, и приезжайте поскорее. Тут так хорошо, что и описать нельзя. Ездим верхом по зеленым лесным дорогам, купаемся, каждый день с четырех часов танцуем в «Казино». Только что замечательно прокатилась на своем Дикки и после завтрака опять поскачу — отвезу письма на почту. Бертина сказала, что напишет вам сегодня или завтра и пригласит на любое воскресенье или на любой другой день, так что, когда Сонда напишет «приезжайте», вы сейчас же приедете, слышите? А то Сонда вас накажет, гадкий, милый мальчик!

Наверно, мальчик много работает на этой гадкой фабрике? А Сонда хочет, чтобы он был здесь... Мы бы ездили и верхом, и на автомобиле, и плавали бы, и танцевали... Не забудьте захватить свою теннисную ракетку и палки для гольфа. При «Казино» шикарные площадки.

Сегодня утром, когда я каталась на Дикки, какая-то птичка вылетела у него из-под копыт. Он испугался и понес, и Сонду всю исхлестало ветками. Клайду жалко свою бедную Сонду?

Сонда пишет сегодня массу всяких писулек. После завтрака она поедет и отправит их, а потом пойдет в «Казино» с Бертиной и с Ниной. А Клайд не хотел бы пойти с нами? Мы бы потанцевали «Тодди». Сонда очень любит эту песенку. А теперь ей надо одеваться. Завтра напишу еще, гадкий мальчик! А ко-

гда вам напишет Бертина, отвечайте сейчас же. Видите, сколько я тут наставила точек? Это поцелуи. Большие и маленькие. Все для гадкого мальчика. Пишите Сонде каждый день, и она тоже будет писать.

Целую много раз».

На это письмо Клайд ответил пылко, в таком же духе и в тот же час, как получил его. Но чуть ли не с той же почтой, по крайней мере в тот же день, пришло письмо от Роберты:

«Бильц, 10 июня.

Дорогой Клайд!

Я уже приготовилась лечь спать, но сперва хочу написать тебе несколько строк. Поездка была такая утомительная, что я теперь почти больна. Прежде всего, как ты знаешь, мне не очень хотелось ехать одной. Я страшно расстроена и беспокоюсь обо всем, хотя и говорю себе, что теперь у нас все решено и ты приедешь за мной, как обещал».

(Дочитав до этого места, Клайд с отвращением вспомнил жалкую деревенскую глушь под Бильцем; к несчастью, именно в этом мире живет Роберта, и потому он вдруг, как бывало, ощутил жалость и угрызения совести. В конце концов, это не ее вина. Что могло ее ждать в жизни? Только работа или самое прозаическое замужество. Впервые за много дней, вдали от обеих девушек, он был способен по-настоящему ясно думать — и глубоко, хоть и угрюмо, сочувствовал Роберте. Потом стал читать дальше.)

«Но здесь сейчас очень хорошо. Деревья такие зеленые, и кругом все цветет. Когда подходишь к окнам, слышно, как в саду жужжат пчелы. По пути сюда, вместо того чтобы поехать прямо домой, я решила остановиться в Гомере и повидаться с сестрой и зятем. Ведь неизвестно, когда мы увидимся опять и увидимся ли вообще, потому что я хочу встретиться с ними только как порядочная женщина — или пускай они больше никогда меня не увидят. Не думай, что я хочу этим сказать что-нибудь плохое или неприятное. Просто мне грустно. У них такой уютный домик, красивая мебель, и граммофон, и все, и Агнесса так счастлива с Фредом! Надеюсь, что она всегда будет счастлива. Я невольно подумала, как бы мы могли славно устроиться, если бы мои мечты сбылись. И почти все время, пока я была у них, Фред дразнил меня, спрашивал, почему я не выхожу замуж. В конце концов я сказала:

— Откуда ты знаешь, может быть, я на днях выйду замуж. Счастье приходит к тому, кто умеет ждать.

— Да, конечно, только смотри, не просиди всю жизнь в зале ожидания,— ответил он.

Я очень рада снова видеть маму, Клайд. Она такая любящая, терпеливая, готова всем помочь. Самая милая, самая чудная мама на свете. Я ни за что и ничем не хотела бы ее огорчать. И Том и Эмилия тоже милые. Каждый вечер, с тех пор как я здесь, к ним приходят друзья, и они зовут и меня в компанию, но я слишком плохо себя чувствую, чтобы развлекаться вместе с ними, играть в карты и в разные игры и танцевать».

(Читая эти строки, Клайд невольно с преувеличенной яркостью представил себе жалкую жизнь этой семьи — ее семьи, и все, что он недавно видел: этот полуразвалившийся дом! Эти покосившиеся трубы! А ее нескладный отец... И как не похоже это письмо на письмо Сондры!)

«Отец, мать, Том и Эмилия не отходят от меня и стараются все для меня сделать. И меня мучает совесть, когда я думаю, что бы они переживали, если б узнали о моей беде. Конечно, мне приходится делать вид, будто я такая усталая и скучная оттого, что переутомилась на фабрике. Мама все время говорит, что я должна пожить у них подольше или совсем бросить работу, чтобы отдохнуть и поправиться, но она ничего не подозревает, бедная. Если б она знала! Не могу передать тебе, Клайд, как это меня иногда мучает. Господи!

Но я не должна портить тебе настроение. Я и не хочу этого, я ведь говорила тебе; только ты приезжай и увези меня, как мы уговорились. Я не буду такая, как сейчас, Клайд. Я ведь не всегда такая. Я уже начала готовиться к отъезду и занялась шитьем. Дела хватит на три недели, и за это время я ни о чем другом не буду думать. Но ты приедешь за мной, правда, милый? Ты больше не обманешь меня и не заставишь так мучиться, как до сих пор? Боже, как давно я терзаюсь,— с тех самых пор, как ездила домой на рождество! А ведь ты и вправду хорошо ко мне относился. Я обещаю не быть тебе в тягость: я знаю, ты меня больше не любишь, и мне все равно, что будет дальше, только бы мне сейчас выпутаться из беды... Но я честно обещаю, что не буду тебе в тягость.

Милый, не сердись за это пятно. Видно, я сейчас просто не в силах владеть собой так, как раньше.

Ну, а теперь о моих здешних делах. Родные думают, что платья мне нужны для вечеринки в Ликурге и что я, должно быть, там очень веселюсь. Что ж, пускай лучше думают так, чем по-другому. Мне, наверно, придется съездить за некоторыми покупками в Фонду, если я не смогу послать миссис Энс, портниху. Если я поеду и ты захочешь со мной увидеться до того, как приедешь сюда (хотя я в этом сомневаюсь), мы могли бы там встретиться. Если бы ты захотел, я была бы очень рада повидать тебя, поговорить с тобой, прежде чем мы уедем. Все кажется мне таким странным: я шью разные вещи и так хочу тебя видеть, а тебе этого вовсе не хочется,— я ведь знаю. Надеюсь, ты доволен, что уговорил меня поехать домой и теперь можешь в Ликурге приятно проводить время,— ты ведь так это называешь? Неужели ты в самом деле проводишь его намного приятнее, чем прошлым летом, когда мы ездили с тобой на озера и повсюду? Но, во всяком случае, Клайд, ты, конечно, можешь сделать, что обещал. И не очень сердись на меня. Я знаю, по-твоему, это очень тяжело, но не забывай, что если б я была похожа на других, я могла бы требовать большего. Но я уже говорила тебе: я не такая, как другие, и никогда не могла бы стать такой. Если ты сам не захочешь остаться со мной, после того как меня выручишь,— можешь уйти.

Пожалуйста, Клайд, напиши мне длинное, веселое письмо, даже если тебе и не хочется, и расскажи мне, как ты ни разу не вспоминал меня и ни капельки обо мне не скучал, с тех пор как я уехала (а ведь, бывало, тебе недоставало меня), и как не хочешь, чтобы я возвращалась, и как не можешь приехать раньше, чем через две недели, считая с этой субботы, если вообще приедешь.

Милый, я вовсе не думаю всех гадостей, которые пишу. Но я так устала, мне так тоскливо и одиноко, что я иногда не могу сдержаться. Мне нужно поговорить с кем-нибудь, а здесь не с кем; они не понимают, в чем дело, и я никому ничего не могу рассказать.

Вот видишь, я говорила, что не буду тосковать, унывать и раздражаться, и все-таки сейчас у меня это не совсем получается, правда? Но я обещаю вести себя лучше в следующий раз — завтра или послезавтра, потому что мне становится легче, когда я пишу тебе, Клайд. Пожалуйста, не сердись и напиши хоть несколько слов, чтобы подбодрить меня. Я буду ждать,— мне это так нужно. И ты, конечно, приедешь. Я буду так счастлива и благодарна и постараюсь не слишком надоедать тебе.

Твоя одинокая *Берта*».

Контраст между двумя этими письмами привел Клайда к окончательному решению: он никогда не женится на Роберте. Никогда! И не поедет к ней в Бильц, и, если только сумеет, не допустит, чтобы она вернулась в Ликург. Разве его поездка к ней или ее возвращение сюда не положат конец всем радостям, которые лишь так недавно пришли к нему вместе с Сондрой? Он не сможет быть с Сондрой на Двенадцатом озере этим летом, не сможет бежать с нею и жениться на ней. Господи, неужели же нет выхода? Неужели никак нельзя избавиться от этого ужасного препятствия, на которое он натолкнулся?

И, прочитав оба письма (это было в жаркий июньский вечер, когда он только что вернулся с работы), Клайд в припадке отчаяния бросился на постель и застонал. Какое несчастье! Ужасная, почти неразрешимая задача! Неужели никак нельзя убедить ее уехать куда-нибудь... надолго... или пусть она подольше останется дома, а он будет посылать ей десять долларов в неделю, даже двенадцать — добрую половину всего своего заработка. Или пускай она поселится в каком-нибудь соседнем городке: в Фонде, Гловерсвиле, Скенэктеди; пока она еще может сама заботиться о себе, может снять комнату и спокойно ожидать рокового срока, когда понадобится доктор или сиделка. Он помог бы ей найти кого-нибудь, когда придет время, если только она согласится не упоминать его имени.

А она требует, чтобы он приехал в Бильц или встретился с нею еще где-нибудь, и все в эти две недели, не позже. Нет, он не хочет, он не поедет! Если она попробует его заставить, он решится на какой-нибудь отчаянный поступок... сбежит отсюда... или, может быть, отправится на Двенадцатое озеро, пока она будет ждать его в Бильце, и постарается уговорить Сондру (по какой страшный, безумный риск!) бежать с ним и обвенчаться, хоть ей еще и не исполнилось восемнадцати лет. И тогда... тогда... они будут женаты, и ее семья не сможет развести их, и Роберта не сможет его найти, а только, может быть, подаст на него жалобу... ну что ж, разве нельзя от всего отпереться? Он скажет, что это ложь, что у него не было с ней ничего общего, кроме чисто деловых отношений, как у заведующего с работницей. Ведь его никогда не видели Гилпины, и он не был с Робертой у доктора Глена под Гловерсвилом, и она сказала ему тогда, что не называла его имени.

Но какая выдержка нужна, чтобы все это отрицать!

Сколько нужно мужества!

Сколько мужества нужно, чтобы смотреть Роберте в глаза,— ведь труднее всего на свете будет встретить прямой и пол-

ный ужаса взгляд ее обвиняющих, невинных голубых глаз! Сможет ли он выдержать? Хватит ли его на это? И если даже хватит — сбудутся ли его надежды? Поверит ли ему Сондра, когда услышит?..

И все же, следуя своему замыслу,— все равно, осуществит ли он его в конце концов или нет, даже если и приедет на Двенадцатое озеро,— он должен написать Сондре, что собирается ехать. И Клайд немедленно написал ей горячее и страстное письмо. В то же время он решил совсем не писать Роберте. Может быть, он позвонит ей: она говорила, что у соседа есть телефон и если Клайду что-нибудь понадобится, он может ее вызвать. А писать об их делах, хотя бы и очень осторожно, значит дать ей в руки (да еще теперь, когда он твердо решил не жениться на ней) доказательство их близости,— как раз то, в чем она будет очень и очень нуждаться. Все это надувательство! Это низко и подло, да, конечно. Но ведь если бы Роберта согласилась вести себя немного разумнее по отношению к нему, никогда бы он и не подумал унизиться до такого подлого и хитрого плана. Но Сондра! Сондра! И огромные владения Финчли, раскинувшиеся на западном берегу Двенадцатого озера... она столько о них пишет... как там, должно быть, красиво! Нет, он не может иначе! Он должен рассуждать и действовать именно так. Должен!

Клайд встал и пошел отправить письмо Сондре. По пути он купил вечернюю газету, издававшуюся в Олбани; ему хотелось на время отвлечься, читая о тех, кого он знал, и тут он увидал на первой странице следующее сообщение:

ДВОЙНАЯ ТРАГЕДИЯ НА ОЗЕРЕ ПАСС
ВБЛИЗИ ПИТСФИЛДА
НА ВОДЕ ОБНАРУЖЕНЫ
ОПРОКИНУТАЯ ЛОДКА И ДВЕ ШЛЯПЫ.
ДВОЕ КАТАЮЩИХСЯ, ПО ВСЕЙ ВЕРОЯТНОСТИ,
СТАЛИ ЖЕРТВОЙ НЕСЧАСТНОГО СЛУЧАЯ.
ТЕЛО ДЕВУШКИ НАЙДЕНО, НО ЕЩЕ НЕ ОПОЗНАНО.
ТЕЛО ЕЕ СПУТНИКА ПОКА НЕ УДАЛОСЬ НАЙТИ.

Так как Клайд интересовался всяким водным спортом и сам хорошо управлял байдаркой, плавал и нырял, он с любопытством прочитал заметку:

«*Пэнкост, Массачусетс, 7 июня.* Третьего дня на озере Пасс, в четырнадцати милях к северу от нашего города, перевернулась лодка, в которой катались неизвестные мужчина и женщина, приехавшие, видимо, из Питсфилда.

Во вторник около десяти часов утра мужчина и девушка, сказавшие Тому Лукасу, владельцу здешнего небольшого ресторана и лодочной пристани, что они приехали из Питсфилда, взяли напрокат маленькую лодку и, захватив с собой корзиночку, очевидно с завтраком, отправились в северный конец озера. В семь часов вечера, так как они не вернулись, мистер Лукас со своим сыном Джефри объехал озеро на моторной лодке и нашел перевернутую лодку на отмели вблизи северного берега, но никаких следов пассажиров не обнаружил. Решив в тот момент, что они просто удрали, не желая платить за прокат, Лукас отвел лодку к своей пристани.

Но на другое утро, предположив, что тут мог иметь место несчастный случай, мистер Лукас с сыном Джефри и помощником Фредом Уолшем сделал второй круг по северной части озера и в конце концов обнаружил в прибрежных камышах две шляпы — мужскую и женскую. Немедленно начались поиски при помощи багров, и к трем часам дня было найдено тело девушки, о которой ничего не известно, кроме того, что она и ее спутник брали лодку. Тело передано властям. Тело мужчины до сих пор не найдено. Поскольку в том месте, где, видимо, произошла катастрофа, глубина кое-где превышает тридцать футов, нет уверенности, что второй труп удастся разыскать. Лет пятнадцать назад, когда в этих местах произошло подобное несчастье, тела так и не были найдены.

На подкладке жакета, который был на девушке, обнаружена марка питсфилдского торговца. Туфли ее, судя по штемпелю внутри, куплены в том же городе. Нет никаких других указаний, которые позволили бы опознать погибшую. Предполагают, что сумочка, если она и была, осталась на дне озера.

Спутник девушки, по рассказам видевших его,— высокий брюнет лет тридцати пяти; на нем был светло-зеленый костюм и соломенная шляпа с белой и синей лентами. Девушке на вид не больше двадцати пяти лет; рост — пять футов пять дюймов, вес — сто тридцать фунтов. Волосы длинные, темно-каштановые, заплетены в косы и уложены вокруг головы. На среднем пальце левой руки тонкое золотое кольцо с аметистом. Полиция Питсфилда и других ближайших городов извещена о происшествии, но личность девушки до сих пор установить не удалось».

Это довольно обычное сообщение — летом всегда масса таких несчастных случаев — не особенно заинтересовало Клайда. Конечно, казалось странным, как это девушка и ее спутник могли погибнуть на таком небольшом озере среди бела дня.

Странно также, что никто не мог опознать ни ее, ни его. Однако так оно и было. Мужчина исчез бесследно. Клайд отбросил газету, мало этим озабоченный, и мысли его обратились к другим вещам... Перед ним стояла серьезная задача: как быть дальше? Но потом, когда он потушил лампу и уже собирался лечь в постель, все еще обдумывая сложную путаницу своей жизни, в его мозгу внезапно возникла мысль (что это — дьявольский шепот? Коварное внушение злого духа?): предположим, он и Роберта,— нет, скажем, он и Сондра (нет, Сондра прекрасно плавает, и он тоже),— итак, он и Роберта плывут в лодке, и лодка опрокидывается... и как раз теперь, когда его так терзают все эти ужасные осложнения. Вот и выход! Как просто разрешилась бы эта головоломная, мучительная задача!

Однако... стоп!.. не спешить. Может ли человек, хотя бы в мыслях, допустить для себя такой выход из тупика, не совершая преступления в своем сердце — поистине ужасного, чудовищного преступления? Нет, нельзя даже и думать об этом. Это скверно... очень скверно, ужасно! И, однако, если бы — разумеется, нечаянно — несчастье все же случилось? Ведь это был бы конец всем его тревогам из-за Роберты... И потом — не бояться ее, не переживать никаких страхов и сердечных мук из-за Сондры. Тихое, спокойное, без криков и ссор разрешение всех его теперешних затруднений, и впереди одна только радость, навсегда! Просто случайная, непредвиденная катастрофа — и потом блестящее будущее!

Но уже сама мысль об этом и о Роберте (почему его мозг упорно связывает это с Робертой?), сама эта мысль ужасна, и он не должен, не должен пускать ее в свое сердце. Никогда, никогда, никогда! Не должен! Это отвратительно! Ужасно! Ведь это мысль об убийстве! Убийстве?! Но он был до того взвинчен письмом Роберты и полной его противоположностью — письмом Сондры... в таких очаровательных и соблазнительных красках рисовала Сондра свою — и его — жизнь, что он и под страхом смерти не мог отделаться от мысли о таком как будто легком и естественном разрешении всех своих затруднений... если бы только такой случай произошел с ним и с Робертой. В конце концов, разве он замышляет преступление? Нет, он просто думает, что если бы случилось такое несчастье, если бы только оно могло случиться... Да, но *если бы только оно могло случиться!* Темная и злая мысль, которую он не должен, *не должен допускать.* НЕ ДОЛЖЕН. И все же... все же... Он превосходный пловец, он, без сомнения, доплыл бы до берега, каково бы ни было расстояние. А Роберта — он это знает (ведь про-

шлым летом они ездили на озера и купались) — не умеет плавать. И тогда... тогда... Ну, тогда, если только он ей не поможет, то, конечно...

Он сидел в своей комнате, в темноте, между половиной десятого и десятью вечера и думал об этом,— и у него было странное, беспокойное ощущение, словно мурашки бегали по всему телу, от корней волос и до кончиков пальцев. Удивительная и страшная мысль! И ее подсказала ему эта газета. Разве не странно? И, вдобавок, в той местности, куда он теперь поедет к Сондре, повсюду много, очень много озер, десятки, как она говорила... А Роберта любит дальние прогулки и любит кататься на лодке, хотя она и не умеет плавать, не умеет плавать... не умеет плавать. И вот они или, по крайней мере, он едет туда, где множество озер... Они могут поехать вдвоем — он и Роберта,— почему бы и нет? Почему? Ведь они уже говорили о том, чтобы съездить куда-нибудь за город четвертого июля, когда обдумывали свой окончательный отъезд.

Но нет, нет! Как бы он ни хотел отделаться от Роберты, самая мысль о несчастье с нею слишком гнусна, преступна, ужасна! Нет, он ни на одно мгновенье не должен пускать в свое сердце такие мысли. Это слишком мерзко, слишком низко, слишком страшно! Ужасная мысль! Подумать только, что она пришла ему в голову! И как раз теперь, теперь, когда Роберта требует, чтобы он уехал вместе с нею.

Смерть!

Убийство!

Убийство Роберты!

Но надо же спастись от нее, от этого бессмысленного, настойчивого, непреклонного требования. Уже при одной мысли о нем Клайд весь похолодел и покрылся потом. И теперь, когда... когда... Но об этом нельзя думать, нельзя! И вдобавок — смерть еще не родившегося ребенка!

Но как же можно думать о таких вещах с расчетом, преднамеренно? И все же... сколько людей тонет вот так в летнее время... юноши и девушки... мужчины и женщины... здесь и там... повсюду. Разумеется, он не желает, чтобы что-либо подобное случилось с Робертой. И особенно теперь. Он не такой, как бы ни был плох. Нет. Нет. Он не такой. От одной мысли об этом холодный пот выступил на его лице и руках. Он не такой. Порядочные, здравомыслящие люди не думают о таких вещах. И он тоже не будет... с этой минуты.

Крайне недовольный собою,— тем, что такая страшная мысль могла завладеть им,— Клайд встал, зажег лампу и пере-

читал заметку в газете со всем спокойствием, на какое был способен, словно этим осуждал и отвергал раз навсегда все, что она ему внушила. Потом оделся и вышел из дому: он прошелся по Уикиги-авеню и по Сентрал-авеню, затем по Дубовой и кружным путем снова вышел на Сентрал-авеню, чувствуя, что он как бы уходит от соблазна, от наваждения, которое так тревожило его до сих пор. И через некоторое время, почувствовав себя лучше, спокойнее, нормальнее, человечнее,— он так этого хотел! — Клайд вернулся домой и лег спать с ощущением, что ему и вправду удалось освободиться от коварного и страшного искушения. Никогда больше он не должен думать об этом! Он не должен больше думать об этом. Никогда, никогда, никогда он не должен думать об этом... никогда.

Вскоре он заснул неспокойным, тревожным сном, и ему приснилась свирепая черная собака, которая пыталась его укусить. Спасаясь от клыков этого чудовища, он проснулся в ужасе, потом снова заснул. На этот раз он увидел себя в каком-то страшном мрачном месте, не то в густом лесу, не то в пещере, не то на дне глубокого и узкого ущелья между высокими горами; отсюда шла вверх тропинка, вначале хорошо заметная. Но чем дальше он шел, тем тропинка становилась у́же, неразличимее и, наконец, исчезла совсем. И тогда, обернувшись, чтобы попытаться пройти обратно той же дорогой, Клайд увидел позади себя громадный клубок змей; на первый взгляд он больше походил на кучу хвороста, но над ним угрожающе раскачивались десятка два змеиных голов с раздвоенными жалами и агатовыми глазами. А когда он снова поспешно повернул обратно, дорогу ему преградило огромное рогатое чудовище,— под его тяжкой поступью трещали кусты; и с криком беспредельного отчаяния Клайд в ужасе проснулся и уже не заснул до утра.

ГЛАВА XLIII

Однако мысль о происшествии на озере, так упорно возникавшую среди мыслей о его собственном запутанном положении, Клайд не в силах был отогнать, как ни старался. Она родилась из случайного сопоставления его личных тревог, которые потрясли и едва не расстроили его не слишком устойчивый рассудок, и этого, быть может, ужасного, но какого-то тихого и как бы невинного исчезновения двух людей на озере Пасс. Тело девушки — какая-то странная сила заставляла его все время думать об этом — было найдено, а тело мужчины нет.

В этой своеобразной подробности словно таился навязчивый намек: Клайд невольно думал, что мужчина, быть может, вовсе и не утонул. Ведь есть же злодеи, жаждущие отделаться от неугодных им людей,— так, может быть, и этот мужчина отправился с девушкой на озеро, желая от нее отделаться? Это, разумеется, дьявольская выдумка,— однако в данном случае она, по-видимому, превосходно удалась.

Но чтобы он сам поддался этому злому внушению и поступил так же... никогда! Однако его положение с каждым часом становилось все безвыходнее: чуть ли не ежедневно приходили письма от Роберты или записочки от Сондры, и снова его поражал контраст между ними — между богатством и бедностью, между весельем и мрачным отчаянием и неуверенностью.

Роберте он решил не писать, но иногда разговаривал с нею по телефону, стараясь отделываться ничего не значащими фразами. Как она поживает? Он очень рад, что она у своих, в деревне,— в такую погоду там, должно быть, гораздо лучше, чем на фабрике. Тут, конечно, все идет гладко, все по-старому, только вдруг посыпались заказы, и в последние два дня пришлось очень много работать. Он всеми силами старается скопить известную сумму денег для той цели, о которой она знает, а больше его ничто не тревожит, и она тоже не должна тревожиться. Он не писал ей, потому что много работы, и вряд ли сумеет писать,— так много всяких дел. Но он скучает, не видя ее на обычном месте, и надеется, что скоро они опять встретятся. Если она собирается приехать в Ликург, как говорит, и считает, что ей нужно повидаться с ним, то это, пожалуй, можно устроить. Но действительно ли это необходимо именно сейчас? Он так занят, он рассчитывает встретиться с нею несколько позже.

И в то же время он писал Сондре, что, возможно, в следующую субботу, а уж восемнадцатого — наверняка, приедет и увидится с нею.

Так он хитрил сам с собой и изворачивался, подстрекаемый страстью к Сондре и совершенно неспособный смотреть в лицо действительности, когда дело касалось Роберты; благодаря этому он дождался наконец желанной возможности вновь встретиться с Сондрой, и притом в такой обстановке, какой ему еще никогда в жизни не приходилось видеть.

Когда он добрался до шейронской пристани, примыкающей к веранде гостиницы на Двенадцатом озере, его встретили Бертина с братом и Сондра: они приехали сюда за ним на моторной лодке Грэнта, спустившись по реке Чейн. Прозрачные синие

воды реки. Высокие темные островерхие ели выстроились по берегам, как часовые. Вдоль западного берега легла на воду полоса черной тени; отражения деревьев отчетливы, как в зеркале. Повсюду большие и маленькие, белые, розовые, зеленые и коричневые дачи, навесы для лодок, купальни у самой воды. Кое-где, перед какой-нибудь роскошной дачей, вроде тех, что принадлежат Крэнстонам или Финчли, изящная пристань. Зеленые и синие байдарки и моторные лодки. Веселый яркий отель и купальни на Сосновом мысе, где уже собралось много нарядной, рано выехавшей за город публики. А затем лодочный сарай и пристань у дачи Крэнстонов. Две овчарки — новая покупка Бертины — лежат на берегу в траве, очевидно поджидая возвращения хозяйки. Слуга Джон, один из шести слуг, взятых Крэнстонами на дачу, ожидал здесь, чтобы взять единственный чемодан Клайда, его теннисную ракетку и палки для гольфа. Но самое сильное впечатление произвел на него большой дом, построенный не по строгим канонам, но со вкусом,— к нему вели дорожки, обсаженные яркой геранью; с огромной веранды, уставленной плетеными креслами, открывался прекрасный вид на озеро, там и сям виднелись автомобили; многочисленные гости в спортивных костюмах отдыхали на веранде или прогуливались в саду.

По распоряжению Бертины, Джон провел Клайда в просторную комнату с окнами на озеро, чтобы он мог принять ванну и переодеться для игры в теннис с Сондрой, Бертиной и Грэнтом. После обеда, как объяснила Сондра, заехавшая ради него к Крэнстонам, он отправится с Бертиной и Грэнтом в «Казино», где его познакомят со всей местной публикой. Там будут танцы. Завтра рано утром, до первого завтрака, он может, если угодно, поехать с нею, Бертиной и Стюартом верхом по чудесной лесной тропинке к мысу Вдохновения, откуда открывается самый лучший вид на озеро. И Клайд узнал, что, за исключением нескольких тропинок вроде этой, в лесу на сорок миль кругом нет никаких дорог. Без компаса или проводника там можно заблудиться и даже погибнуть,— так трудно определить направление тому, кто не знает этого леса. А после завтрака и купанья она, Бертина и Нина Темпл покажут ему свое новое искусство — катанье на акваплане Сондры. Потом второй завтрак, теннис или гольф и поездка в «Казино», где они будут пить чай. После обеда на даче у Брукшоу из Утики — танцы.

Через час после приезда Клайд увидел, что все время его пребывания здесь — суббота и воскресенье — будет занято до отказа. Но он понял также, что они с Сондрой сумеют прово-

дить вместе не только минуты, а пожалуй, и целые часы, и благодаря этой чудесной возможности он увидит новые стороны ее многогранной натуры! Наперекор гнетущим мыслям о Роберте,— может же он отогнать их хотя бы на эти дни! — он чувствовал, что попал в рай.

И право, никогда раньше Сондра не казалась ему такой веселой, грациозной и счастливой, как на теннисной площадке Крэнстонов,— в белоснежном теннисном костюме — блузке и короткой юбке, с волосами, повязанными пестрым, в желтый и зеленый горошек, шелковым платком. А ее улыбка! А сколько сулил веселый блеск ее смеющихся глаз, когда она бросала на него быстрый взгляд! Точно птица, носилась она, высоко подняв руку с ракеткой, едва касаясь ногами земли, закинув голову и не переставая улыбаться. Клайд трепетал от счастья и печали: ведь Сондра могла бы принадлежать ему, будь он сейчас свободен. Но между ними неодолимая преграда, возведенная им самим!

А яркое солнце заливает кристальным светом зеленую лужайку, протянувшуюся от высоких елей к отливающей серебром воде озера. По озеру скользят во всех направлениях маленькие лодки с ослепительно-белыми парусами и вспыхивают в лучах солнца белые, зеленые, желтые яркие пятна — байдарки, на которых катаются влюбленные пары. Лето, праздность, тепло, яркие краски, безмятежность, красота, любовь — все, о чем он мечтал прошлым летом, когда был так страшно одинок.

Минутами Клайду казалось, что у него сейчас закружится голова от радости: близкое и верное исполнение всех желаний чуть ли не у него в руках... А в другие минуты (мысль о Роберте вдруг пронизывала его, как порыв ледяного ветра) он чувствовал: не может быть ничего печальнее, страшнее, губительнее для грез о красоте, любви и счастье, чем то, что угрожает ему теперь. Это страшное газетное сообщение об озере и о двоих утонувших... И вероятность, что, несмотря на свой безумный замысел, через какую-нибудь неделю-две, самое большее через три, он должен будет навсегда отказаться от всего... А потом он вдруг приходил в себя и понимал, что прозевал мяч, что играет очень плохо, и Бертина, Сондра или Грэнт кричат ему: «Клайд, о чем вы думаете?» И из самых темных глубин своего сердца он мог бы ответить: «О Роберте».

Потом вечером, у Брукшоу, нарядная компания — друзья Сондры, Бертины и остальных. На площадке для танцев новая встреча с Сондрой; она вся — улыбка: для всех собравшихся

здесь, а главным образом для своих родителей, она притворяется, будто еще не видела Клайда, даже и не знала, что он приехал.

— Как, вы здесь? Вот замечательно! У Крэнстонов? Просто великолепно, совсем рядом с нами. Ну, значит, будем часто видеться, правда? Хотите завтра покататься верхом, часов в семь утра? Мы с Бертиной скачем почти каждый день. Если ничто не помешает, мы завтра устроим пикник, покатаемся на байдарках и на моторной лодке. Это ничего, что вы не очень хорошо ездите верхом,— я скажу Бертине, чтобы вам дали Джерри: он смирный, как овечка. И насчет костюма тоже не беспокойтесь: у Грэпта куча всяких вещей. Ближайшие два танца я танцую с другими, а во время третьего выйдем и посидим, хотите? Тут на балконе есть чудный уголок.

И она отошла, сказав ему взглядом: «Мы понимаем друг друга...»

А потом в этом темном уголке, где никто их не видел, она притянула его голову к себе и горячо поцеловала в губы. Прежде чем окончился вечер, им удалось уйти от всех, и они бродили, обнявшись, по тропинке вдоль берега при свете луны.

— Сондра так рада, что Клайд здесь! Она так соскучилась!

Она гладила его по волосам, а он целовал ее — и вдруг, вспомнив о мрачной тени, которая их разделяла, порывисто, с отчаянием сжал ее в объятиях.

— Моя дорогая маленькая девочка,— воскликнул он,— моя прелестная, прелестная Сондра! Если бы вы только знали, как я люблю вас, если б вы знали! Как бы я хотел рассказать вам все! Как бы я хотел...

Но он не мог рассказать — ни теперь, ни потом,— никогда. Как бы он осмелился сказать ей хотя бы слово о мрачной преграде, стоящей между ними? Сондра с ее воспитанием, с усвоенными ею понятиями о любви и браке никогда его не поймет, никогда не согласится принести так много в жертву любви, как бы она его ни любила. Она тотчас оставит его, покинет,— и какой ужас отразится в ее глазах!

Однако теперь, когда он сжимал ее в объятиях, она, глядя в его глаза,— от лунного света в них вспыхивали электрические искорки,— в его бледное, напряженное лицо, воскликнула:

— Клайд так сильно любит Сондру? Милый мальчик! Сонда тоже его любит, очень-очень! — Она охватила его голову обеими руками и стала быстро и горячо целовать.— И Сондра не откажется от своего Клайда. Ни за что. Только подождите — и

увидите. Теперь что бы ни случилось — все пустяки! Может быть, это будет нелегко, но Сондра не оставит Клайда! — А потом вдруг деловым тоном — это было так характерно для нее — заявила: — Ну, теперь мы должны идти, сейчас же. Нет, больше никаких поцелуев. Нет, нет! Сондра сказала: нет. Нас могут хватиться.

И, поправив прическу, она взяла его за руку и побежала обратно к дому, как раз вовремя, так как навстречу им попался Палмер Тэрстон, который уже искал ее.

На следующее утро, около семи часов, как и обещала Сондра, состоялась поездка на мыс Вдохновения. Бертина и Сондра были в ярко-красных жакетах для верховой езды, в белых бриджах и черных сапогах, волосы их свободно развевались по ветру; они то и дело уносились вперед, а потом снова возвращались к Клайду; или же Сондра весело окликала его, предлагая догнать их; или обе они, смеясь и болтая, скрывались от него далеко впереди, меж деревьев, словно в потаенном уголке лесного храма, где он не мог их видеть. Бертина, заметив, как Сондра в эти дни поглощена Клайдом, начала думать, что дело может окончиться свадьбой, если только не помешают семейные осложнения, а потому сияла улыбками, вся — воплощенное радушие; она премило настаивала, чтобы Клайд приехал к ним на все лето, и обещала покровительствовать влюбленным,— тогда никто не сможет придраться. И Клайд то трепетал от восторга, то вдруг мрачнел, невольно возвращаясь к мысли, которую подсказало ему газетное сообщение,— и все же боролся с нею, пытаясь ее отбросить.

В одном месте Сондра свернула по крутой тропинке вниз к роднику, который пробивался среди мхов и камней в тени деревьев.

— Сюда, Клайд! — позвала она.— Джерри знает дорогу, он не поскользнется. Выпейте воды! Говорят, кто напьется из этого источника, тот скоро опять сюда вернется.

И когда он соскочил с седла, она сказала:

— Я хочу вам сказать одну вещь. Видели бы вы вчера вечером мамино лицо, когда она услышала, что вы здесь! Конечно, она не может знать наверно, что я просила пригласить вас,— ведь она думает, что это Бертина вами интересуется. Я ее в этом убедила. Но все-таки, мне кажется, она подозревает, что и я тут замешана, и это ей очень не нравится. Но она ничего не может прибавить к тому, что сказала раньше. А я сейчас поговорила с Бертиной, и она согласна помогать мне, чем только может. Но нам надо быть как можно осторожнее, потому что,

если мама станет слишком много подозревать, я даже не знаю, что она сделает... пожалуй, решит сейчас же уехать отсюда, чтобы мне нельзя было с вами видеться. Понимаете, она не допускает и мысли, что я могу заинтересоваться кем-то, кто ей не нравится. Вы знаете, как это бывает. Она и со Стюартом так. Но вы будьте осторожнее и делайте вид, что я вас очень мало интересую, особенно, когда поблизости есть кто-нибудь из наших,— и тогда, я думаю, она ничего не станет предпринимать,— по крайней мере не сейчас. А потом, осенью, когда мы вернемся в Ликург, все будет по-другому. Я уже буду совершеннолетняя, и тогда посмотрим! Я еще до сих пор никого не любила, но вас я люблю и не откажусь от вас — вот и все. Не хочу. И они не смогут меня заставить, ни за что!

И она топнула ногой. Лошади мирно и безучастно глядели по сторонам. А Клайд, восхищенный и удивленный этим вторым, столь решительным изъявлением ее чувств, воспламененный мыслью, что именно теперь он может предложить ей бегство и брак и, значит, избавиться от нависшей над ним угрозы, смотрел на Сондру с тревожной надеждой и страхом. Ведь она может отказать, может сразу перемениться, шокированная его неожиданным предложением. И потом, у него нет денег, и он не представляет себе, куда они могли бы уехать, если бы она согласилась. Но, может быть, она что-нибудь придумает? Если уж она согласится, так почему бы ей не помочь ему? Это ясно. Во всяком случае, он должен заговорить, а там — будь что будет! И он начал:

— А почему бы вам не уехать со мной теперь же, Сондра, дорогая? До осени еще так далеко, а я так люблю вас! Давайте уедем? Все равно, ваша мама никогда не позволит вам выйти за меня замуж. Но если мы уедем теперь, она ничего не сможет сделать. А после, через несколько месяцев, вы ей напишете, и она вас простит. Уедем, Сондра?

Его голос звучал горячей мольбой, глаза были полны печали, страха перед отказом и перед тем, что ждало его после.

Сондре передался его трепет, порожденный глубоким волнением, и она медлила с ответом; ее нимало не оскорбило его предложение, напротив — она была по-настоящему взволнована и польщена мыслью, что могла пробудить в Клайде такую нетерпеливую и безрассудную страсть. Он так стремителен, так пылает огнем, который она сама зажгла, хотя она и не в силах чувствовать столь же пылко... Никогда еще она не видела такой пламенной любви. И разве не чудесно — бежать с ним теперь... тайно... в Канаду, Нью-Йорк или Бостон — куда-ни-

будь! А какое волнение поднялось бы тогда здесь, в Ликурге, в Олбани, в Утике! Какие разговоры и тревога у нее дома и повсюду! И Гилберт волей-неволей оказался бы с нею в родстве, и все Грифитсы, которыми так восхищаются ее мать и отец.

Одно мгновенье в ее глазах читалось желание и почти решимость сделать, как он просил: бежать с ним, превратить свою пылкую, неподдельную любовь в грандиозную забаву. Раз они поженятся, что могут сделать ее родители? И разве Клайд недостоин ее и ее семьи? Конечно, достоин, хотя почти все в ее кругу воображают, будто он не бог весть какое сокровище, просто потому, что у него не так много денег, как у них. Но ведь деньги у него будут... Он женится на ней — и получит такое же хорошее место на предприятии ее отца, какое занимает Гил Грифитс на фабрике своего отца.

Но через мгновенье, подумав о своей жизни здесь, о том, в какое положение она поставит своих родителей, уехав таким образом, в самом начале летнего сезона, и о том, что это разрушит все ее собственные планы и чрезвычайно рассердит мать (может быть, она даже потребует расторжения брака на том основании, что дочь несовершеннолетняя), Сондра опомнилась, и задорный блеск в ее глазах сменился столь характерной для нее серьезной практичностью. В сущности, что стоит подождать несколько месяцев! А это, конечно, спасет Клайда от разлуки с нею, тогда как бегство может повести к тому, что их разлучат навсегда.

Поэтому она ласково, но решительно покачала головой, и Клайд понял, что он потерпел поражение — самое тяжкое и непоправимое поражение, какое только могло его постигнуть. Она не уедет с ним! Значит, он погиб... погиб... и она, быть может, навсегда для него потеряна. Господи! А лицо Сондры озарилось нежностью, необычайной для нее даже в минуты самого глубокого волнения.

— Я согласилась бы, милый, если б не думала, что нам лучше этого не делать,— сказала она.— Это было бы слишком поспешно. Мама сейчас ничего не предпримет, я знаю. И потом, у нее столько планов, она хочет устроить этим летом целую массу приемов,— все для меня. Она хочет, чтобы я была любезна с... ну, вы знаете, о ком я говорю. Ну и что ж, все это нам никак не помешает; я не сделаю ничего такого, что могло бы напугать маму.— Сондра ободряюще улыбнулась ему.— Но вы можете приезжать сюда так часто, как захотите, и ни у мамы, ни у кого другого это не вызовет никаких подозрений, потому что вы будете не нашим гостем, понимаете? Я обо всем угово-

рилась с Бертиной. И, таким образом, мы можем видеться с вами здесь все лето, сколько захотим, понимаете? А осенью я вернусь в Ликург, и если тогда я никак не смогу расположить к вам маму и убедить ее, что мы помолвлены,— ну, тогда я с вами убегу. Да убегу, милый, это чистая правда!

Милый! Осенью!..

Она замолчала, и ее взгляд говорил, что она очень ясно представляет себе все стоящие перед ними практические затруднения. Она взяла его за руки и посмотрела в лицо. Потом порывисто обвила руками его шею и поцеловала.

— Неужели вы не понимаете, дорогой? Ну, пожалуйста, милый, не глядите так печально. Сондра так любит своего Клайда! Она сделает все, все, чтобы он был счастлив. Сделает! И все будет хорошо. Подождите — и увидите. Сондра никогда не откажется от своего Клайда, никогда!

Клайд понимал, что у него нет ни одного довода, чтобы переубедить ее,— решительно ни одного, который не заставил бы ее почувствовать, как страшно и подозрительно его тревожное нетерпение,— и что из-за требования Роберты (если только... если только... ну, если Роберта его не отпустит) отказ Сондры означает для него катастрофу. И он печально, даже с отчаянием, смотрел ей в лицо. Какая она красивая! Как прекрасен ее мир! А ему не дано владеть ни ею, ни этим миром — никогда! За всем этим — Роберта, ее требование и его обещание. И нет никакого спасения, кроме бегства. Боже!

Взгляд его стал напряженным, почти безумным — в нем появилась необычайная сила,— это был взгляд человека, стоящего на грани помешательства; так еще никогда не случалось с Клайдом за всю его жизнь, и Сондра заметила страшную силу этого взгляда. Клайд казался таким больным, надломленным, безмерно отчаявшимся, что Сондра воскликнула:

— Да что с вами, Клайд, милый? У вас глаза такие... даже не знаю какие... несчастные или... Клайд так сильно меня любит? Но разве он не может подождать только три или четыре месяца? Да нет же, конечно, может! Это не так страшно, как ему кажется. Он почти все время будет со мной, милый мой мальчик. А когда его здесь не будет, Сондра будет писать ему каждый день, каждый день!

— Но, Сондра, Сондра, если б я мог сказать вам все! Если б вы знали, как много это для меня значит!

Он запнулся, потому что увидел в это мгновение в глазах Сондры чисто деловой, практический интерес: почему ей так необходимо сейчас же с ним бежать? И Клайд тотчас же по-

чувствовал, какое огромное влияние имеет на нее среда... как безраздельно она принадлежит этому миру... и как легко ее спугнуть чрезмерной настойчивостью: пожалуй, она начнет в нем сомневаться, побоится сделать неосторожный шаг... Надо отказаться от этой попытки. Иначе она, конечно, станет его расспрашивать — и это может настолько охладить ее чувство, что не останется даже мечты об осени...

И поэтому, вместо того чтобы объяснить, почему ему так необходимо ее решение, он попросту отступил:

— Это все потому, что вы так нужны мне, дорогая,— все время нужны. В этом все дело. Иногда мне кажется, что я больше ни минуты не могу жить вдали от вас. Я так жажду вас!

Но Сондра, хотя и очень польщенная его пылким чувством, которое отчасти разделяла, все же в ответ только повторила то, что уже сказала раньше. Они должны ждать. Осенью все окончится благополучно. И Клайд, совершенно ошеломленный своей неудачей, не мог отрицать, что он и теперь счастлив с нею; он постарался, как умел, скрыть свое настроение... и думал, думал, думал... быть может, есть какой-то выход... какой-нибудь... может быть, даже та мысль насчет лодки... или что-нибудь еще...

Но что?

Но нет, нет, нет — только не это! Он не убийца и никогда не будет убийцей. Не будет, никогда... никогда... никогда...

Значит — потерять все.

Неизбежная катастрофа.

Неизбежная катастрофа.

Как же избежать ее и завоевать Сондру?

Как, как, как?

ГЛАВА XLIV

А рано утром в понедельник, вернувшись в Ликург, он нашел следующее письмо от Роберты:

«Дорогой Клайд!

Я часто слышала поговорку: «Пришла беда — отворяй ворота» — но только сегодня узнала, что это значит. Чуть ли не первым, кого я увидела сегодня утром, был наш сосед мистер Уилкокс. Он пришел сказать, чтобы я не рассчитывала сегодня на миссис Энс, потому что ей нужно кое-что сшить для миссис Динуидди в Бильце, хотя вчера, когда она уходила, все уже было приготовлено: мне нужно было бы сегодня только немного помочь ей с шитьем, чтобы ускорить дело. А теперь она придет

только завтра. Потом пришло известие, что сестра мамы, миссис Николс, серьезно больна, и маме пришлось поехать к ней в Бейкерс-Понд (это почти двенадцать миль отсюда). Том повез ее, хотя ему нужно было помогать отцу,— ведь на ферме столько работы. И я не знаю, сможет ли мама вернуться до воскресенья. Если бы я чувствовала себя лучше и не была бы так занята шитьем, я бы, наверно, тоже поехала с нею, хотя она и уверяла, что это ни к чему.

Вдобавок Эмилия и Том, считая, что мои дела идут прекрасно и я могу повеселиться, пригласили на сегодняшний вечер четырех девушек и четырех молодых людей: они задумали что-то вроде летней вечеринки при лунном свете. Эмилия хотела с моей и маминой помощью приготовить мороженое и пирог. И теперь ей, бедняжке, приходится звонить во все концы от мистера Уилкокса и откладывать вечеринку до будущей недели. И она, конечно, совсем расстроилась и приуныла.

Что касается меня, то я всячески стараюсь держать себя в руках. Но, знаешь, милый, должна признаться, это очень трудно. Ведь до сих пор я говорила с тобой только три раза по телефону и услышала, что у тебя, наверно, не будет до пятого июля необходимых денег. И в довершение всего я только сегодня узнала, что мама и папа думают съездить к дяде Чарли в Хемилтон; они погостят у него с четвертого до пятнадцатого и хотят взять меня с собой, если только я не решу вернуться в Ликург. А Том и Эмилия поедут к сестре в Гомер. Но я не могу ехать, ты сам понимаешь. Я слишком больна и измучена. Прошлую ночь у меня была страшная рвота, а сегодня весь день я едва держусь на ногах и просто с ума схожу от страха.

Милый, как же нам быть? Может быть, ты приедешь за мной до третьего июля? Третьего они уезжают в Хемилтон, и ты непременно должен за мной приехать, ведь я никак не могу поехать с ними. Это за пятьдесят миль отсюда. Я могла бы сказать им, что согласна ехать, если б только ты наверняка приехал за мной до их отъезда. Но я должена точно знать, что ты приедешь,— совершенно точно!

Клайд, с тех пор как я здесь, я только и делаю, что плачу. Если бы ты был со мной, мне не было бы так плохо. Я стараюсь быть храброй, милый, но иногда поневоле думаю, что ты, может быть, никогда не приедешь за мной. Ведь ты ни разу не написал мне ни строчки и только три раза говорил со мной по телефону за все время, что я здесь. Но я убеждаю себя, что ты не можешь быть таким низким, тем более что ты мне обещал... Ведь ты приедешь, правда? Почему-то меня теперь все

так тревожит, и я так боюсь, Клайд, милый. Я думаю о прошлом лете и о теперешнем, и обо всех своих мечтах... Милый, ведь ты, наверно, мог бы приехать и на несколько дней раньше,— какая разница? Все равно, пускай у нас будет немножко меньше денег. Не бойся, мы проживем и так. Я буду очень бережливой и экономной. Постараюсь, чтобы к этому времени мои платья были готовы, а если нет,— обойдусь и со старыми, а эти закончу после. И постараюсь быть совсем мужественной, милый, и не очень надоедать тебе, лишь бы ты приехал. Ты должен приехать, Клайд, ты же знаешь! Иначе невозможно, хотя ради тебя я хотела бы найти другой выход.

Пожалуйста, Клайд, пожалуйста, напиши мне, что ты действительно будешь здесь в конце того срока, который ты сам назначил. Я так беспокоюсь, и мне так одиноко здесь. Если ты не приедешь вовремя, я сразу же вернусь в Ликург, чтобы тебя увидеть. Я знаю, ты будешь недоволен, что я так говорю, но, Клайд, я не могу оставаться здесь, вот и все. И с папой и мамой я тоже не могу поехать, так что выход только один. Наверно, я ни на минуту не засну сегодня ночью. Умоляю тебя, напиши мне и повтори еще и еще, что мне нечего беспокоиться насчет твоего приезда. Если б ты мог приехать сегодня, милый, или в конце этой недели, я бы не тосковала так. Но ждать еще почти две недели!.. У нас в доме уже все улеглись, и мне пора кончать. Пожалуйста, милый, напиши мне сейчас же или, если не можешь, обязательно позвони завтра по телефону, потому что у меня не будет ни минуты покоя, пока я не получу от тебя хоть какой-нибудь весточки.

Твоя несчастная *Роберта.*

P. S. Письмо вышло ужасное, но я просто не могла написать лучше. Я так убита».

Но в тот день, когда это письмо пришло в Ликург, Клайда там не было, и он не мог сейчас же ответить. И потому Роберта в самом мрачном, истерическом настроении, наполовину убежденная, что он, вероятно, уже уехал куда-нибудь далеко, ни словом ее не известив, в субботу написала ему снова — вернее, это было не письмо, а крик, истерический вопль:

«Бильц, суббота, 14 июня.

Дорогой Клайд!

Предупреждаю тебя, что возвращаюсь в Ликург. Я просто не в силах оставаться здесь дольше. Мама тревожится и не понимает, почему я так много плачу. Я теперь чувствую себя

совсем больной. Я знаю, что обещала пробыть здесь до двадцать пятого или двадцать шестого, но ведь и ты обещал писать мне, а ничего не пишешь, только иногда скажешь несколько слов по телефону, и я просто с ума схожу. Я проснулась сегодня утром и сразу расплакалась — никак не могла сдержаться, и теперь у меня ужасно болит голова.

Я так боюсь, что ты не захочешь приехать, мне так страшно, милый! Умоляю тебя, приезжай и увези меня куда-нибудь, все равно куда, лишь бы мне уехать отсюда и не мучиться так. Я очень боюсь, что сейчас, когда я в таком состоянии, папа и мама могут заставить меня рассказать им все или сами обо всем догадаются.

Клайд, ты никогда не поймешь, что со мной. Ты сказал, что приедешь, и я иногда этому верю. А иногда я начинаю думать совсем другое, особенно когда ты не пишешь и не звонишь по телефону, и уже не сомневаюсь, что больше тебя не увижу. Если б ты написал, что приедешь, я могла бы еще потерпеть здесь. Как только получишь это письмо, сейчас же напиши мне и точно укажи день, когда приедешь. Но не позже первого, пожалуйста, потому что я больше не могу. Дольше первого я здесь не останусь. Клайд, я самая несчастная девушка на свете, и это все из-за тебя. Нет, милый, я не то хотела сказать. Ты был добр ко мне когда-то и теперь тоже, ведь ты обещал за мной приехать. Я буду так благодарна тебе, если ты приедешь поскорее! Когда ты будешь читать это письмо, ты, наверно, подумаешь, что я неблагоразумна, но, пожалуйста, не сердись, Клайд! Только пойми: я просто с ума схожу от горя и беспокойства, просто не знаю, что мне делать. Умоляю тебя, напиши мне, Клайд! Если бы ты знал, как я жду хоть слова от тебя!

Роберта».

Этого письма, вместе с угрозой приехать в Ликург, было достаточно, чтобы привести Клайда почти в такое же состояние, в каком была Роберта. Подумать только, что у него больше нет ни одного благовидного предлога, чтобы убедить Роберту подождать с этим ее окончательным и бесповоротным требованием. Он отчаянно напрягал мозг. Нельзя писать ей длинные компрометирующие письма: это было бы безумием, раз он решил не жениться на ней. Притом он весь еще был под впечатлением объятий и поцелуев Сондры. В таком настроении он не мог написать Роберте, даже если бы и хотел.

И, однако, он понимал: Роберта в отчаянии и надо немедленно что-то сделать, как-то успокоить ее. Через десять минут

после того, как он дочитал второе письмо, он уже пытался вызвать ее по телефону. После получасовых нетерпеливых усилий ему наконец удалось дозвониться, и он услышал ее голос, слабый и, как ему вначале показалось, раздраженный (на самом деле им просто было плохо слышно друг друга).

— Алло, Клайд, алло! Я так рада, что ты позвонил! Я страшно волновалась. Ты получил мои письма? А я уже собиралась утром уехать отсюда, если ты до тех пор не позвонишь. Я просто не могу, когда от тебя нет никаких вестей. Где ты был, дорогой? Ты видел, что я писала тебе о моих родителях? Они уезжают. Почему ты не пишешь, Клайд, или хоть не звонишь чаще? Как насчет того, что я тебе писала про третье число? Ты приедешь, это наверно? Или мне встретить тебя где-нибудь? Я так нервничала последние три-четыре дня, но теперь, когда я опять с тобой поговорила, может быть, я смогу немножко успокоиться. Пиши мне каждые два-три дня хоть по нескольку слов, непременно! Почему ты не хочешь, Клайд? Ты мне ни разу не написал за то время, что я здесь. Я не могу рассказать тебе, в каком я состоянии. Мне так трудно держать себя в руках.

Очевидно, Роберта была очень расстроена и встревожена, если говорила так. В сущности, казалось Клайду, она разговаривает очень неосторожно; правда, дом, откуда она говорит, в это время совершенно пуст. Она объяснила, что она там совсем одна и никто не может ее услышать, но Клайда это мало успокоило. Он не желал, чтобы она называла его по имени и упоминала о своих письмах к нему.

Стараясь говорить не слишком ясно, он дал ей понять, что очень занят и что ему трудно писать ей так часто, как она считает нужным. Ведь он же говорил ей, что приедет двадцать восьмого или около этого, если сможет. Он и приехал бы, если бы мог, но похоже, что ему придется отложить свой приезд еще на неделю, даже немного больше: до седьмого или восьмого июля. Тогда он успеет собрать еще пятьдесят долларов,— у него на этот счет есть кое-какие соображения, эти деньги ему совершенно необходимы. А на самом деле (такова была задняя мысль Клайда) тогда он успеет в конце следующей недели,— он так жаждал этого,— еще раз навестить Сондру. И вдруг это требование Роберты! Не может ли она поехать со своими родителями на неделю-другую, а потом он приедет за ней или она приедет к нему? Тогда у него будет больше времени...

Но Роберта в ответ разразилась потоком горьких упреков и заявила, что, если так, она, безусловно, сейчас же вернется в

Ликург, к Гилпинам, и не станет тратить здесь время на то, чтобы готовиться к отъезду и понапрасну ждать Клайда, раз он и не собирается приезжать... И тут Клайд вдруг решил, что можно с таким же успехом пообещать ей приехать третьего; а если он и не приедет, то в крайнем случае тогда сговорится с нею, где им встретиться. Ибо даже теперь он не решил, что будет делать. Ему нужно еще немного времени, чтобы подумать... немного времени, чтобы подумать...

И потому он сказал совсем другим тоном:

— Ну, послушай, Берта! Не сердись на меня, пожалуйста. Ты так говоришь, будто у меня нет никаких забот в связи с нашим отъездом. Ты не знаешь, чего мне может стоить такой шаг. Не так-то просто со всем покончить, а тебя, видно, это мало трогает. Я знаю, тебе тяжело и все такое, ну, а мне каково? Я делаю все, что только в моих силах; я должен обо всем подумать. Неужели ты не можешь просто потерпеть до третьего? Пожалуйста, потерпи. Я обещаю писать, а если не смогу, то буду через день тебе звонить. Хорошо? Но я ни в коем случае не хочу, чтобы ты называла меня по имени, как только что. Это наверняка может привести к неприятностям. Пожалуйста, не делай этого. В следующий раз, когда я буду звонить тебе, я просто скажу, что тебя спрашивает мистер Бейкер, понимаешь? А ты после можешь сказать, что это кто-нибудь из твоих знакомых. А если в крайнем случае что-нибудь помешает нам выехать именно третьего,— ну, тогда, если хочешь, приезжай сюда или куда-нибудь поблизости от Ликурга, и потом мы двинемся при первой же возможности.

Он говорил так мягко и умоляюще (но лишь потому, что был вынужден к этому), в его голосе слышалась прежняя нежность и кажущаяся беспомощность, которая когда-то совершенно покоряла Роберту и даже теперь пробудила в ней странное, лишенное всякого основания, чувство благодарности. И она сразу же мягко, даже ласково, ответила:

— Нет, нет, милый, теперь я потерплю. Я не хочу беспокоить тебя, ты же знаешь. Это только сейчас так вышло, потому что мне было очень плохо, и я не могла с собой справиться. Ты это понимаешь, Клайд, правда? Я не могу не любить тебя. И, наверно, всегда буду любить. И я совсем не хочу огорчать тебя, милый, правда! Я постараюсь больше так не делать!

И Клайд, услышав в ее голосе нотку искренней нежности и вновь почувствовав свою прежнюю власть над нею, готов был снова разыграть влюбленного, лишь бы только Роберта была не слишком непреклонна и не требовала, чтобы он немедленно

ее увез. Хотя он больше не любит ее,— говорил себе Клайд,— и не думает на ней жениться, но ради той, другой, ради своей мечты он может, по крайней мере, быть добрым к ней, не так ли? Притвориться! Итак, этот разговор кончился примирением, основанным на их новом уговоре.

Накануне (в этот день кипучая жизнь на озерах, откуда он только что возвратился, немного стихла) Клайд, Сондра, Стюарт и Бертина вместе с Ниной Темпл и юношей по имени Харлей Бэгот, гостившим у Тэрстонов, проехали на автомобиле сначала к Бухте Третьей мили (небольшое дачное место, примерно в двадцати пяти милях к северу от Двенадцатого озера), а оттуда, между двух стен огромных елей,— на озеро Большой Выпи и другие меньшие озера, затерянные в глуши бора, простиравшегося на север от озера Трайн. Клайд вспомнил теперь, какое странное впечатление произвели на него эти глухие, почти безлюдные места. Это были дебри — в самом полном смысле слова. Узкие, размытые дождем грязные дороги с глубокими колеями извивались меж высоких, молчаливых и сумрачных деревьев, повитых траурными гирляндами ядовитых ползучих растений; и лесу этому, казалось, не будет конца. Жуткие, таинственные, непролазные трясины и топи виднелись по сторонам этих дорог; там и сям они были, точно покинутые поля сражений, усеяны трупами деревьев: пропитанные сыростью гниющие стволы, наваленные друг на друга, иногда в четыре яруса, вязли в зеленом иле. На поросших лишаями или мхом пнях и гнилых корягах блестели глаза и спинки лягушек, безмятежно греющихся в лучах июньского солнца; в воздухе вилась мошкара; изредка мелькал хвост змеи, потревоженной неожиданным появлением машины и нырявшей в густые заросли ядовитых трав и водяных растений.

Почему-то при виде одного из этих болот Клайд вспомнил о несчастном случае на озере Пасс. Сам того не понимая, он подсознательно оценивал уединенность этого заброшенного места: она может иной раз оказаться полезной. И вдруг странная водяная птица с резким криком пролетела где-то близко и скрылась в темной чаще леса. От этого крика Клайд вздрогнул и привстал в автомобиле: никогда в жизни он не слыхал, чтобы так кричала птица.

— Что это? — спросил он у Харлея Бэгота, который сидел рядом с ним.

— Что именно?

— Как будто птица... что-то сейчас пролетело там, позади...

— Я не слышал никакой птицы.

— Ну, разве? И такой странный крик... У меня просто мороз пошел по коже!

В этом почти необитаемом краю Клайда особенно поражало множество уединенных озер, о существовании которых он никогда прежде не слыхал. Вся местность, по которой они сейчас ехали так быстро, как только позволяли покрытые непролазной грязью дороги, была усеяна озерами, затерянными среди густых хвойных лесов. И лишь очень редко можно было заметить какие-нибудь признаки жилья, к которому вела едва приметная тропинка либо песчаная или ухабистая дорога, исчезавшая среди темных деревьев. В большинстве берега самых дальних озер были почти необитаемы, и одинокая хижина или далекий домик, видневшиеся над гладью вод какого-нибудь самоцвета в оправе из елей, вызывали всеобщее любопытство.

Но почему ему все вспоминается то озеро в Массачусетсе! Та лодка! Тело девушки нашли, а тело ее спутника — нет... Какой все-таки ужас!

Потом, сидя у себя в комнате после разговора с Робертой, он вспомнил, что еще через несколько миль машина наконец выехала на открытое пространство в северной части длинного узкого озера. Южную часть его отделял островок или мыс, за которым, должно быть, озеро тянулось еще далеко, с изгибами и поворотами, не видными с того места, где остановился автомобиль. Оно казалось совсем пустынным, если не считать небольшой гостиницы и сарая для лодок в ближнем конце. На всем озере они не увидели в этот час ни одной байдарки или лодки. И как у всех других озер, мимо которых они проезжали, по берегам его, вплоть до самой воды, стояли на страже все те же высокие темно-зеленые островерхие ели с раскидистыми ветвями, совсем как дерево за его окном в Ликурге. А вдалеке на юго-западе подымались горбатые спины мягко очерченных зеленых Адирондакских гор. По озеру шла рябь от легкого ветерка, вода его, блестевшая на солнце, была густого тона берлинской лазури, почти черная; это означало, как после сообщил проводник, бездельничавший на низкой веранде маленькой гостиницы, что здесь очень глубоко:

— Тут все семьдесят футов будет,— и это в каких-нибудь ста футах от пристани.

Харлея Бэгота интересовало, хороша ли здесь рыбная ловля (его отец предполагал через несколько дней приехать в эти

места), и он спросил у проводника, который, казалось, и не глядел на сидевших в автомобиле:

— А какой длины это озеро?

— Около семи миль.

— А как насчет рыбы?

— Закиньте удочку и увидите. Лучшее место во всей округе для рыбы вроде черного окуня. Вон там, за островом, на южной стороне, есть маленькая бухта, так она считается лучшим местом для рыбной ловли на всех здешних озерах. Я раз видел, как двое наловили семьдесят пять рыбин за два часа. Этого, пожалуй, хватит всякому, кто не собирается начисто разорить наше озеро.— И проводник, высокий, сухощавый человек с длинной узкой головой, с лицом, изрезанным морщинами, грубовато засмеялся, оглядывая приезжих маленькими проницательными, ярко-голубыми глазами.— Думаете нынче попытать счастья?

— Нет, это я не для себя спрашиваю... Может быть, сюда приедет на будущей неделе мой отец. Я хотел знать, можно ли тут прилично устроиться.

— Ну, удобства здесь, конечно, не такие, как на озере Рэкет, зато и рыбка там не такая, как у нас.

Он улыбнулся хитрой, многозначительной улыбкой.

Клайд никогда еще не видел таких людей. Его заинтересовал весь этот уединенный мир, со своими странностями и противоречиями, столь не похожий ни на ту городскую жизнь, какую он только и знал до сих пор, ни на экзотическую роскошь, окружавшую его у Крэнстонов и их друзей. До чего пустынный и странный край, как все здесь непохоже на людный, оживленный Ликург, до которого отсюда меньше ста миль, если идти к югу.

— Эти места просто угнетают меня,— заявил Стюарт Финчли.— Так близко от нас — и такая огромная разница! Похоже, что здесь вообще никто не живет.

— Да так и есть,— отозвался проводник.— Тут только и попадаются летние лагери, да кое-кто приезжает осенью поохотиться на оленей и лосей, а больше тут никого не встретишь после первого сентября. Я в этих местах ставлю капканы и служу проводником уже лет семнадцать — и все остается по-старому, разве что больше народу стало приезжать летом на озера вроде Двенадцатого. Нужно здорово знать этот край, если хочешь свернуть куда-нибудь с главных дорог. Правда, в пяти милях западнее проходит железная дорога. Станция Ружейная. Летом от нашей гостиницы туда ходит автобус. И еще есть что-

то вроде дороги к Серому озеру и к Бухте Третьей мили. Вы, верно, проезжали по ней: к нам только так и можно добраться. Говорят, что будут прокладывать еще дорогу к Длинному озеру, но пока это одни разговоры. А ко многим здешним озерам и вовсе нет таких дорог, чтобы автомобилю проехать. Одни тропы и даже лагерей приличных нет. Мы с Бадом Эллисом ходили прошлым летом на Серое озеро — это тридцать миль отсюда,— так нам пришлось все тридцать миль идти пешком и весь свой багаж тащить на себе. Но уж зато и рыбы и дичи вдоволь! Олени и лоси приходят сюда на водопой. Видал их так ясно, как вон то бревно на берегу.

И Клайду вспомнилось впечатление, с которым он и его спутники уезжали оттуда: едва ли, думалось им, найдется еще где-нибудь такой пустынный край, полный такой таинственности и странного очарования. И подумать только, что это совсем недалеко от Ликурга: каких-нибудь сто миль по шоссе и не больше семидесяти по железной дороге, как он случайно узнал.

Теперь, в Ликурге, вернувшись к себе после объяснения с Робертой, он снова увидел на письменном столе газету с заметкой о трагедии на озере Пасс и невольно еще раз тревожно, но решительно пробежал глазами все до последнего слова,— все многозначительные подробности и намеки. Как просто и непринужденно эти двое пришли на пристань; самым обычным образом, не внушая никому никаких подозрений, взяли лодку напрокат, чтобы покататься, и скрылись в северной части озера; а потом — перевернувшаяся лодка и плавающие у берега весла и шляпы... Он читал, стоя у окна; было еще довольно светло. За окном раскинулись темные ветви ели, о которой он думал накануне,— теперь она напомнила ему ели на берегах озера Большой Выпи.

Но — великий боже! — что же это? О чем он думает? Он, Клайд Грифитс! Племянник Сэмюэла Грифитса! Что закралось ему в душу? Убийство! Вот что это такое! Эта страшная газета... по воле какого злого рока она все время попадается ему на глаза? Ужаснейшее преступление, и если в нем уличат — посадят на электрический стул. И, кроме того, он никого не может убить,— уж во всяком случае, не Роберту. Нет, нет! Конечно, нет,— после всего, что между ними было... Да, но тот, другой мир... Сондра... он наверняка все потеряет, если теперь же не начнет как-то действовать.

Его руки тряслись, веки подергивались, потом трепет охватил его до корней волос, и по всему телу волной пробежала

холодная нервная дрожь. Убить! Или, по крайней мере, опрокинуть лодку на большой глубине,— это, конечно, может произойти где угодно и совершенно случайно, как на озере Пасс. И Роберта не умеет плавать. Он это знает. Но все-таки она может спастись... закричать... схватиться за лодку... и тогда... если кто-нибудь окажется поблизости и услышит ее... потом она расскажет!.. Холодный пот выступил у него на лбу, губы дрожали, в горле вдруг пересохло. Чтобы предупредить такую возможность, ему придется... придется... но нет... он не такой. Он не может сделать подобную вещь... ударить кого-нибудь... девушку... Роберту... да еще когда она будет тонуть или постарается выплыть... Нет, нет... только не это! Невозможно!

Он взял соломенную шляпу и вышел на улицу, чтобы никто не мог подслушать, как он *думает* (так он называл это про себя) эти ужасные, страшные думы. Он не мог, не хотел больше думать об этом. Он не такой человек... И все же... и все же эти мысли... Это — решение... если он вообще хочет найти решение. Это способ остаться здесь... не уезжать... жениться на Сондре... избавиться от Роберты, от всего... от всего! — надо лишь немного мужества, смелости... Но нет!

Он шел все дальше и дальше, за город, по шоссе, которое вело на юго-восток, через бедные, глухие пригороды; здесь он был совсем один и мог думать,— он чувствовал, что здесь никто не подслушает его мыслей.

Сумерки сгущались. Там и сям в домах зажигались огни. Очертания деревьев в полях и вдоль дороги становились смутными и расплывчатыми, как дым. И хотя было жарко и воздух безжизнен и недвижим, Клайд шел быстро, обливаясь потом, продолжая думать,— он словно старался обогнать, заглушить в себе, обмануть некое внутреннее «я», которое предпочитало быть неподвижным и *думать*...

Мрачное, уединенное озеро!

Остров в южной его части!

Кто увидит?

Кто услышит?

Станция Ружейная, откуда к озеру в летнее время ходит автобус... (Так он вспомнил и это? А, черт!) Ужасно, что это вспомнилось в связи с *теми* мыслями. Но если вообще думать о таких вещах, так уж лучше обдумать все как следует,— надо признаться себе в этом или же перестать об этом думать раз и навсегда... навсегда... Но Сондра! Роберта! И если его схватят — электрический стул! Да — но ужас его нынешнего по-

ложения! Безысходность, тупик! Опасность потерять Сондру! Да, но убить...

Он вытер разгоряченное влажное лицо, остановился и посмотрел на группу деревьев среди поля,— они чем-то напомнили ему те деревья... там... не нравится ему эта дорога. Становится слишком темно. Лучше возвратиться в город. Но та дорога, ведущая к югу, к Бухте Третьей мили и к Серому озеру... По ней можно дойти до Шейрона и до виллы Крэнстонов. Он мог бы пойти по ней после... Боже! Озеро Большой Выпи... в сумраке деревья на берегу будут похожи на вот эти — неясные и угрюмые. Это должно случиться под вечер, конечно. Никому и в голову не придет попробовать... словом... сделать это... утром, когда так светло... Так поступил бы только дурак. Но вечером, в сумерки, вот как теперь, или немного позже... Но нет, к чертям эти мысли, он не желает их слушать! И однако... никто, наверно, не увидит там ни его, ни Роберту. Это так просто — поехать куда-нибудь на озеро, хотя бы на Большую Выпь... под предлогом свадебного путешествия... скажем, четвертого июля... или позже — после пятого, когда там будет меньше народу. И записаться не под своей фамилией... под чужой, чтобы не оставить следов... И потом так просто вернуться в Шейрон и на дачу к Крэнстонам поздно вечером или, может быть, рано утром на следующий день и сказать, что он приехал с утренним поездом, который приходит около десяти... А потом...

К черту! Почему его сознание упорно возвращается к этой мысли? Неужели он в самом деле замышляет такое? Да нет же! Он не может! Он, Клайд Гриффитс, не может серьезно думать ни о чем подобном. Это невозможно. Он не может, нет. Это невозможно и слишком гнусно, нельзя даже представить себе, что он, Клайд Гриффитс, способен совершить подобный поступок. И все же...

И тотчас в нем настойчиво заговорило гнетущее сознание собственной никчемности и неспособности к такому мрачному преступлению. Он решил вернуться в Ликург,— там, по крайней мере, он будет среди людей.

ГЛАВА XLV

У людей с болезненной чувствительностью и обостренным воображением, если их интеллект — притом не наделенный особой силой — сталкивается с трудной и сложной задачей, бывают такие минуты, когда рассудок, еще не сброшенный со своего

трона, все же выходит из равновесия и корчится, словно в пламени; когда человек потрясен и сознание до того одурманено, что,— по крайней мере, на время — безрассудство или смятение, заблуждение или ошибка могут одержать верх над всем остальным. В таких случаях воля и мужество, встретив серьезные трудности, которых они не могут ни перенести, ни победить, как бы отступают, обращаются в поспешное бегство, оставляя место панике и временному безумию.

И рассудок Клайда можно было сравнить теперь с маленькой разбитой армией, бегущей перед сильным противником; иногда среди поспешного бегства она останавливается на мгновение, обдумывая, как спастись от полного разгрома,— и в своем паническом страхе хватается за самые роковые, самые рискованные планы спасения от грозящей и совершенно неизбежной судьбы. Взгляд Клайда становился напряженным, порою безумным; минута за минутой, час за часом он снова и снова возвращался все к тем же мыслям и поступкам, проверяя их шаткое равновесие. Но выхода не было — нигде ни малейшей лазейки. И тогда снова напрашивалось решение, как будто подсказанное газетной заметкой, но психологически порожденное его собственными мучительными, страстными и безуспешными поисками выхода и потому особенно навязчивое.

В самом деле, словно из глубин какого-то низшего или высшего мира, о существовании которого он никогда не догадывался и куда ни разу не проникал, из мира, находящегося вне жизни и смерти и населенного совсем иными существами, чем он сам,— как дух от случайного прикосновения к лампе Аладдина, как джинн, возникший в виде дыма из таинственного кувшина, попавшего в сеть рыбака, перед ним вдруг предстал некий коварный, дьявольский замысел, таившийся в его душе: чудовищный, но властный, коварный, но манящий, дружелюбный, но жестокий, он представлял Клайду выбор между злом, грозившим ему гибелью (несмотря на его сильнейшее сопротивление), и другим злом, которое хотя и наполняло его душу отвращением и жгучим ужасом, но все же обещало впереди свободу, успех и любовь.

Его мозг можно было в это время сравнить с запертым безмолвным залом, где, против собственной воли, он оказался в полном одиночестве и вот размышляет над таинственными и страшными желаниями или советами какой-то темной, первобытной части своего «я», не в силах ни отречься от нее, ни бежать и не находя в себе мужества как-либо действовать.

Ибо теперь заговорило его худшее и слабейшее «я». Оно говорило: «Хочешь избежать требований Роберты, которые доныне, до этой самой минуты, казались тебе совершенно неотвратимыми? Слушай! Я укажу тебе путь. Он ведет через озеро Пасс. Та газета — ты думаешь, напрасно она попала тебе в руки? Вспомни Большую Выпь, глубокую иссиня-черную воду, остров на юге, пустынную дорогу к Бухте Третьей мили. Как раз то, что тебе нужно. Перевернись лодка или байдарка на таком озере — и Роберта навсегда уйдет из твоей жизни. Она не умеет плавать! Озеро... то озеро... которое ты видел, которое я показал тебе... разве оно не идеально подходит для этой цели? Такое уединенное, редко посещаемое и в то же время сравнительно близкое,— не больше ста миль отсюда. И как просто вам с Робертой отправиться туда,— как будто в это мнимое свадебное путешествие, о котором вы уже уговорились. Ты должен сделать только одно — изменить свою и ее фамилии... или даже и этого не нужно. Пусть она сохранит свою, а ты — свою. Ты никогда не позволял ей говорить о тебе и ваших отношениях, и она никому не говорила. Ты писал ей только самые официальные записки. И теперь, если ты встретишься с ней где-нибудь, как вы уже уговорились, и никто вас не увидит, ты можешь отвезти ее на озеро Большой Выпи или куда-нибудь по соседству, как раньше ездил с ней в Фонду».

«Но на Большой Выпи нет гостиницы,— тотчас поправил Клайд,— просто лачуга, где могут поместиться лишь несколько человек, да и то кое-как».

«Тем лучше. Значит, там будет меньше народу».

«Но нас могут заметить по дороге, в поезде. Меня потом опознают как ее спутника».

«Разве вас заметили в Фонде или Гловерсвиле? Вы всегда ездили в разных вагонах или купе,— разве нельзя и теперь сделать то же? Ведь предполагается, что это будет тайный брак,— тогда почему же не тайный медовый месяц?»

«Верно... верно».

«И когда все будет устроено и вы приедете на озеро Большой Выпи или на какое-нибудь другое — их столько кругом,— как просто будет поехать покататься на лодке! Никаких вопросов. Никаких записей под твоей или ее фамилией. Нанять лодку на час, или на полдня, или на день. Ты видел остров в южной части того пустынного озера. Правда, красивый остров? Его стоит осмотреть. Почему бы не совершить такой приятной прогулки перед свадьбой? Роберта будет очень рада... она теперь так утомлена и измучена, а тут — загородная прогулка... отдых

перед испытаниями новой жизни. Ведь это разумно? Правдоподобно? И, очевидно, ни один из вас не вернется. Вы оба утонете, не так ли? Кто может вас увидеть? Один или два проводника, лодочник, который даст вам лодку, хозяин гостиницы. Но откуда им знать, кто ты или кто она. А ты слышал, как там глубоко?»

«Но я не хочу ее убивать, не хочу убивать. Не хочу причинять ей никакого вреда. Если только она согласится отпустить меня и пойти своей дорогой, я буду так рад, так счастлив больше никогда ее не видеть».

«Но она не отпустит тебя и не пойдет своей дорогой, если ты не пойдешь с нею. Если же ты от нее убежишь, значит, потеряешь Сондру, и все, что связано с Сондрой, и все удовольствия твоей здешней жизни: свое положение у дяди, у его друзей, их автомобили, танцы, поездки на дачу. А что потом? Ничтожное место! Ничтожный заработок! Снова скитания, как после несчастья в Канзас-Сити. Больше никогда и нигде не представится тебе такой счастливый случай. Ты предпочитаешь это?»

«Но ведь и здесь возможен какой-нибудь несчастный случай, который разрушит все мои мечты... мое будущее... как было в Канзас-Сити?»

«Несчастный случай? Конечно... но только не такой. Теперь весь план в твоих руках... Ты можешь устроить все, как пожелаешь. И как это просто! Сколько лодок опрокидывается каждое лето... и катающиеся тонут, потому что большинство не умеет плавать. А откуда станет известно, умел ли плавать мужчина, который был на озере с Робертой Олден? Ведь из всех видов смерти самый легкий — утонуть... ни шума, ни крика... может быть, случайный удар веслом или бортом лодки... А потом безмолвие! Свобода... Труп никогда не будет найден. Или, если он будет найден и опознан, разве не легко будет сделать вид (дай лишь себе труд подумать об этом), что ты был в другом месте, на каком-нибудь другом озере, прежде чем отправился на Двенадцатое. Чем плохо придумано? Где тут уязвимое место?»

«Но предположим, я опрокину лодку, а Роберта не утонет, что тогда? Она будет цепляться за лодку, кричать, ее спасут, и потом она расскажет, что я... Нет, я так не могу... и не хочу. Я не ударю ее. Это слишком страшно, слишком подло...»

«Но легкий удар... самого легкого удара при таких обстоятельствах достаточно, чтобы оглушить ее и все кончить. Печально, да, но ведь у нее есть возможность идти своей дорогой, не так ли? А она не хочет — и не дает тебе идти твоей. Что ж, в таком случае... разве это уж так несправедливо? И не забывай, что тебя ждет Сондра... красавица Сондра... жизнь с нею в Ли-

курге... богатство, высокое положение в обществе,— нигде и никогда больше ты не добьешься ничего подобного... никогда... никогда! Любовь и счастье... и будешь из первых в ликургском обществе... даже выше, чем твой двоюродный брат Гилберт».

Голос умолк на время, затерявшись в сумраке... в тишине... в мечтах...

Но Клайд, обдумывая все слышанное, не был, однако, этим убежден. Темные опасения или лучшие чувства заглушали советы голоса, звучавшего в большом зале. Но стоило Клайду подумать о Сондре, обо всем, что она олицетворяет, а потом о Роберте,— таинственный *некто* тотчас же возвращался, еще более хитрый и вкрадчивый.

«А, все еще размышляешь о том же! И не находишь выхода,— и не найдешь. Я указал тебе верный путь, спасительный, единственный путь... единственный путь: через озеро. Разве так трудно, катаясь по нему, отыскать какой-нибудь укромный уголок, незаметную бухточку, поближе к южному берегу, где вода глубока? И как легко оттуда пройти лесом к Бухте Третьей мили или к Серому озеру! А оттуда — к Крэнстонам. Туда ходит пароходик, ты же знаешь. Фу, какая трусость! Какое малодушие. Ведь ты можешь приобрести то, чего больше всего жаждешь: красоту, богатство, положение в обществе... утолить все свои материальные и духовные желания. А в противном случае — бедность, скука, тяжелый, плохо оплачиваемый труд...

Ты должен сделать выбор! И потом — действовать. Ты должен! Должен! Должен!»

Так закончил голос, глухо раздававшийся откуда-то из дальнего угла огромной комнаты.

И Клайд слушал — сначала с ужасом и отвращением, потом с бесстрастным философским спокойствием человека, которому, каковы бы ни были его мысли и поступки, все же дано право обдумывать даже самые дикие, самые отчаянные планы спасения. Под конец, из-за присущей ему духовной и физической склонности к наслаждениям и мечтам, которую он не в силах был преодолеть, он внутренне до того запутался, что такой выход стал казаться ему возможным. Почему бы и нет? Ведь — как говорил тот голос — это единственно разумный и доступный выход... совершить одно лишь злое дело — и тогда исполнятся все его желания и мечты. Однако Клайд, при болезненной слабости своей шаткой и крайне изменчивой воли, не мог решить трудную задачу при помощи таких соображений... ни тогда, ни в последующие десять дней.

В сущности, предоставленный самому себе, он никогда не мог бы решиться и не решился бы на такой шаг. Как всегда, ему оставалось либо ждать, что его заставят действовать, либо отказаться от этой дикой, ужасной мысли. Но в это время пришло много писем — семь от Роберты, пять от Сондры,— и первые мрачными, а вторые самыми радужными красками с поразительной наглядностью подчеркнули противоположные стороны лежавшего перед Клайдом страшного ребуса. На мольбы Роберты, как ни были они убедительны и угрожающи, Клайд не решился ответить даже по телефону: он рассудил, что отвечать — значит только ускорить ее гибель — решительную развязку, подсказанную ему трагедией на озере Пасс.

В то же время в нескольких письмах Сондре он дал волю самым страстным признаниям...

Его дорогая, его чудесная девочка!.. Он так мечтал утром четвертого июля приехать на Двенадцатое озеро... Он безумно жаждет снова увидеть ее! Но увы! — писал он также (настолько он был неуверен даже и теперь в том, что будет делать),— некоторые обстоятельства в связи с работой могут задержать его на день, два или три,— он еще не может сказать точно, но напишет ей не позднее второго числа, когда все окончательно выяснится. И при этом он говорил себе: если б только она знала, что за обстоятельства!.. если бы только знала! Но, и написав это — и притом не ответив на последнее настойчивое письмо Роберты,— он все-таки продолжал говорить себе, что это еще вовсе не значит, будто он рассчитывает поехать с Робертой, а если даже и так,— это вовсе не значит, что он собирается убить ее. Ни разу он честно — или, вернее сказать, прямо, смело, хладнокровно — не признался себе, что задумал совершить такое жестокое преступление. Наоборот, чем ближе подходил он к окончательному решению, тем более отвратительной и страшной представлялась ему эта мысль, отвратительной и почти неосуществимой, и потому все невероятнее казалось, что он когда-либо это сделает. Правда, в иные минуты,— по обыкновению, споря с собой, внутренне содрогаясь и отступая перед всеми ужасами, какими грозили мораль и правосудие,— он думал о том, что можно бы съездить на озеро Большой Выпи, чтобы успокоить Роберту, которая сейчас так донимает его своими настояниями и угрозами, и, значит (снова — отговорка, увертка перед самим собой), получить еще отсрочку, возможность окончательно обдумать, как же ему быть.

Путь через озеро.

Путь через озеро.

Но по приезде на озеро — будет ли целесообразно так поступить, нет ли... как знать. Может быть, он даже сумеет переубедить Роберту. Ведь что ни говорите, а она, конечно, поступает очень несправедливо, она слишком много от него требует. Поглощенный роковой мечтой о Сондре, он считал, что Роберта напрасно делает такую грандиозную трагедию из самого обыкновенного случая. Если уж говорить прямо, она оказалась в таком же положении, как и Эста. Однако Эста никого не пыталась на себе женить. А чем Олдены, бедные фермеры, лучше его собственных родителей, бедных проповедников? И чего ради так беспокоиться о том, что подумают родители Роберты,— ведь Эста вовсе не думала, каково будет ее родителям?

Что бы там ни говорила Роберта о его вине, разве она сама ни в чем не виновата? Да, конечно, он старался соблазнить и обольстить ее, если угодно,— пусть так, но разве это снимает вину с нее? Разве она не могла отказать ему, если уж она была так строго нравственна? Но она этого не сделала. А что касается несчастья, которое случилось с ней по его вине,— так разве он не сделал все, что мог, чтобы ее выручить? К тому же у него так мало денег. И положение у него такое сложное. Нет, она достойна порицания в такой же мере, как и он. И, однако, Роберта упорно толкает его на этот путь, настаивает на браке, тогда как, согласись она пойти своей дорогой,— а почему бы ей этого не сделать при его помощи? — она избавила бы и его и себя от всех ужасов.

Но нет, она не желает,— ну, а он не желает жениться на ней, вот и все! Напрасно она думает, что сможет его заставить. Нет, нет, нет!

По временам, приходя в подобное настроение, он чувствовал, что способен на все, что с легкостью утопит Роберту и она сама будет в этом виновата.

А потом возвращалось устрашающее сознание того, что́ подумают в обществе и как поступят, когда узнают, и что́ он сам впоследствии должен будет думать о себе. И Клайд убеждался, что, как ни велико его желание остаться в Ликурге, он не способен действовать и, следовательно, должен бежать отсюда.

Так прошли вторник, среда и четверг после последнего письма Роберты, полученного в понедельник. А в четверг вечером (и его и Роберту весь этот день терзали тяжелые мысли) Клайд получил следующее письмо:

«Бильц, среда, 30 июня.

Дорогой Клайд!

Предупреждаю тебя, что, если я не дождусь от тебя телефонного звонка или письма до полудня пятницы, я приеду в Ликург в тот же вечер, и все узнают, как ты со мной поступил. Я не могу и не стану ждать и мучиться ни часу больше. Мне жаль, что я вынуждена сделать такой шаг, но все это время ты так упорно молчишь, а суббота — уже третье июля, и я ничего не знаю о твоих намерениях и планах. Вся моя жизнь разбита, и твоя тоже будет отчасти испорчена, но не я одна в этом виновата. Я сделала все, что могла, чтобы облегчить тебе эту жертву, и, конечно, мне очень тяжело причинять столько горя моим родителям и друзьям и всем, кто тебе дорог, тоже. Но я ни часу больше не стану ждать и мучиться.

Роберта».

Держа это письмо в руках, Клайд оцепенел от сознания, что теперь он, безусловно, должен действовать. Она приезжает! Если только он не сумеет успокоить ее и как-нибудь задержать, завтра — второго — она будет в Ликурге... Однако ни второго, ни третьего он не может ехать с нею, это возможно лишь после четвертого июля. В праздничные дни везде будет слишком много народу, их могут увидеть, узнать... А тут нужно все держать в тайне. И ему нужно еще немного времени, чтобы подготовиться. Теперь он должен быстро все обдумать и затем — действовать. Великий боже! Подготовиться. Может быть, сказать ей по телефону, что он был болен, или слишком озабочен поисками денег, или еще что-нибудь в этом роде, и потому не мог писать... и что, кроме того, дядя пригласил его на Лесное озеро как раз на четвертое. Дядя! Дядя! Нет, это не годится. Он слишком часто ссылался на дядю. И какое теперь имеет значение для него или для нее,— увидится ли он лишний раз с дядей. Ведь он уезжает из Ликурга навсегда, так он говорил Роберте. Пожалуй, самое лучшее — сказать ей, что он отправляется к дяде, чтобы как-то объяснить ему свой отъезд: может быть, тогда он сумеет вернуться сюда, скажем, через год. Она этому поверит. Во всяком случае, он должен сказать ей что-нибудь, что успокоит ее и задержит в Бильце хотя бы до пятого, до тех пор пока он не составит окончательного плана... пока не приготовится сделать либо одно, либо другое... Одно либо другое...

Не медля ни минуты, не раздумывая больше, он бросился к ближайшему телефону, где его вряд ли могли подслушать. Он вызвал Роберту и приступил к длинным, уклончивым и на сей

раз вкрадчивым объяснениям; он уверял ее, что был по-настоящему болен, простужен, не выходил из дому и потому не мог добраться до телефона... далее, он решил, что ему следует как-то объясниться с дядей, чтобы иметь возможность когда-нибудь впоследствии сюда вернуться... Он говорил самым умоляющим и почти ласковым тоном, просил Роберту понять, в каком состоянии он был в эти дни,— и в конце концов не только сумел заставить ее поверить, будто в самом деле есть какие-то оправдания его медлительности и молчанию, но и изложил ей свой новый план. Пусть она подождет до шестого,— и тогда он наверняка, непременно встретит ее в любом месте, какое она выберет,— в Гомере, Фонде, Ликурге, Литл-Фолз... Но поскольку они хотят сохранить все в тайне, он предложил бы ей приехать шестого утром в Фонду, чтобы дневным поездом выехать в Утику. Там они смогут переночевать,— нельзя же им обсуждать свои планы и принимать решения по телефону,— а затем поступят так, как будет решено. Кроме того, он тогда сможет рассказать ей подробнее, как именно, по его мнению, им надо действовать. У него явилась одна идея — совершить маленькое путешествие, прежде чем они поженятся, или после, как ей захочется... но... во всяком случае, это будет приятная прогулка... (При этих словах голос его стал хриплым, а колени и руки слегка задрожали, но Роберта не могла заметить его внезапного смятения.) Она не должна сейчас его расспрашивать. Он не может рассказать ей все по телефону. По шестого в полдень он непременно будет на вокзале в Фонде. Когда она увидит его, ей останется только купить билет до Утики и сесть в вагон, а он купит билет отдельно и сядет в другой вагон, в соседний. Если она не увидит его на станции до отхода поезда, он пройдет по вагону, чтобы она видела, что он здесь, но не больше: ей не следует с ним заговаривать. В Утике она сдаст на хранение свой чемодан, а он пройдет за ней до ближайшего спокойного уголка, потом сходит за ее вещами, они вместе отправятся в какую-нибудь скромную гостиницу, а обо всем остальном он позаботится сам.

Она должна сделать, как он говорит. Может же она настолько ему поверить! Тогда он позвонит ей завтра — третьего, и потом, конечно, утром шестого; таким образом, оба они будут знать, что все в порядке: что она выезжает, а он будет на месте. Что? Она хочет взять с собой сундучок? Маленький? Конечно, раз он ей нужен, пусть возьмет. Но на ее месте он не стал бы сейчас брать с собой много вещей. Когда они устроятся где-нибудь, нетрудно будет переслать все, что ей понадобится.

Клайд говорил все это, стоя в телефонной будке в маленькой аптеке на окраине (аптекарь сидел в задней комнатушке, среди своих банок и склянок, погруженный в чтение какого-то глупого романа), и казалось, великан-джинн, что прежде являлся в молчаливом зале в его мозгу, снова встал за его плечом,— поистине это он говорил устами Клайда, а не сам Клайд, застывший, оцепеневший, испуганный.

«Поезжай на то озеро, где ты был вместе с Сондрой!

Достань путеводитель по этой местности в отеле «Ликург» или на вокзале.

Плыви к южному концу озера, а после оттуда иди на юг.

Выбери лодку, которая легко опрокидывается,— лодку с круглым дном, какие ты видел на озере Крам и на других здешних озерах.

Купи новую шляпу, не похожую на твою, чтобы она не могла тебя выдать, и оставь ее на воде. Можно даже вырвать подкладку, чтобы неизвестно было, где куплена шляпа.

Уложи все свои вещи в сундук, но оставь его дома; в случае неудачи можно будет, вернувшись сюда, тотчас взять его и скрыться.

Возьми с собой только такие вещи, которые ты мог бы взять для поездки на дачу, на Двенадцатое озеро, а не для окончательного отъезда; если тебя разыщут на Двенадцатом озере, все будет выглядеть так, словно ты только туда и ехал,— никуда больше.

Скажи Роберте, что ты намерен с ней обвенчаться, но после того, как вы вернетесь из этой поездки, не раньше.

И если будет необходимо, нанеси легкий удар — только чтобы оглушить ее, не больше... чтобы, упав в воду, она легче потонула.

Не бойся!

Не будь слабым!

Пройди через лес вечером, а не днем,— чтобы тебя могли увидеть только в Шейроне или в Бухте Третьей мили и чтобы ты мог сказать, что приехал с озера Рэкет, или с Длинного, или из Ликурга.

Называй себя вымышленным именем и, насколько можешь, меняй почерк.

Твердо верь в успех.

И говори с Робертой тихо, совсем тихо — мягко, нежно, даже влюбленно. Так надо, чтобы подчинить ее теперь твоей воле».

Так говорило его второе, темное «я».

ГЛАВА XLVI

И вот вторник шестого июля, полдень, платформа на станции железной дороги, соединяющей Утику с Фондой; Роберта выходит из поезда, который пришел из Бильца, чтобы ждать здесь Клайда,— поезд, которым они поедут в Утику, придет только через полчаса. И спустя четверть часа сам Клайд выходит из боковой улицы и приближается к станции с южной стороны, так что Роберта не может его видеть,— он же, обойдя западный угол вокзала и остановившись за грудой корзин, может наблюдать за ней. До чего же она бледная и худая! И, в противоположность Сондре, как плохо одета: в синем дорожном костюме и коричневой шляпке, купленных для этого случая,— предвестие скудной и нелегкой жизни, так не похожей на ту, которую предлагает ему Сондра. И Роберта думает заставить его отказаться от Сондры ради женитьбы на ней,— и выпутаться из этих брачных уз ему удастся в лучшем случае тогда, когда Сондра и все, что в ней воплощено, станет лишь воспоминанием. Как по-разному относятся к нему эти две девушки: Сондра, все имея, все ему предлагает и ничего не требует; Роберта, не имея ничего, требует все.

Глухое и горькое чувство обиды охватило Клайда, и он с невольной симпатией подумал о том неизвестном мужчине с озера Пасс и в глубине души пожелал ему успеха. Может быть, и он был точно в таком же положении. И, может быть, в конце концов он именно так и сделал, поэтому его и не нашли. Все нервы Клайда натянулись. Взгляд его был мрачный, злой и все же тревожный. Сойдет ли успешно и на этот раз?

И вот он на одном перроне с Робертой (результат ее упорных и неразумных требований) и должен подумать о том, как бы смело и быстро осуществить планы, которые он вынашивал четыре дня — с тех пор как говорил с ней по телефону (а более смутно — еще и в предыдущие десять дней). Он принял решение — и теперь ничто не должно стать у него на пути. Он должен действовать! Он не допустит, чтобы страх помешал ему осуществить задуманное.

И он шагнул вперед, чтобы Роберта увидела его, и при этом взглянул на нее многозначительно и как будто дружески, словно говоря: «Видишь, я здесь». Но что скрывалось за этим взглядом! Если бы только она могла проникнуть глубже под эту маску и почувствовать его мрачное и страшное настроение, как поспешно она убежала бы! Но теперь, когда она увидела, что он в самом деле приехал, мрачная тень, затаившаяся в ее

глазах, исчезла, опущенные углы губ расправились; не показывая вида, что узнала его, она тем не менее вся расцвела и тотчас пошла к кассе, чтобы, согласно наставлениям Клайда, купить билет в Утику.

Наконец, наконец-то он приехал, думала Роберта. Теперь он ее увезет. Душу ее переполняла благодарность. Ведь они проживут вместе по меньшей мере семь или восемь месяцев. Должно быть, потребуются и такт и терпение для того, чтобы все шло гладко, а все-таки, наверно, это возможно. Отныне она должна быть воплощенной осторожностью — не говорить и не делать ничего, что может почему-либо рассердить Клайда,— ведь, естественно, он будет сейчас не слишком хорошо настроен. Но он, кажется, немного переменился... может быть, он будет добрее к ней, будет ей немножко больше сочувствовать,— похоже, что он наконец искренне и добровольно подчинился неизбежному. И в то же время, увидев его светло-серый костюм, новую соломенную шляпу, до блеска начищенные ботинки, чемодан темной кожи и — тут он проявил странную рассеянность и легкомыслие — штатив недавно купленного фотографического аппарата, прикрепленный ремнями к чемодану, вместе с теннисной ракеткой в парусиновом чехле (главным образом для того, чтобы скрыть его инициалы «К. Г.»), она снова ощутила былую нежность и влечение к нему. Ей нравились и его внешность, и его характер. Как он теперь ни равнодушен к ней, а все-таки он *ее* Клайд!

Увидев, что она купила билет, Клайд, в свою очередь, подошел к кассе, затем снова понимающе посмотрел в сторону Роберты, словно говоря взглядом, что все хорошо, и вернулся на восточный конец платформы; Роберта тоже вернулась на прежнее место.

(Почему этот старик в старом зимнем коричневом костюме и шапке, с птичьей клеткой, завернутой в коричневую бумагу, так на него смотрит? Неужели он что-то почувствовал? Неужели он его знает? Может быть, он работал в Ликурге и видел его раньше?)

Надо купить сегодня в Утике вторую соломенную шляпу — только бы не забыть — соломенную шляпу со штампом местного магазина на подкладке; он наденет ее вместо той, которая на нем сейчас. Когда Роберта не будет на него смотреть, он спрячет старую шляпу в свой чемодан вместе с другими вещами. Для этого ему придется оставить Роберту на несколько минут, когда они приедут в Утику,— на вокзале, в библиотеке, где-нибудь... может быть,— таков был его первоначальный план,— он

отвезет ее в какой-нибудь маленький отель и запишется там как мистер Карл Грэхем с супругой, или Клифорд Голден, или Геринг (на фабрике была девушка с такой фамилией). Таким образом, если их выследят, возникнет предположение, что она уехала с каким-то мужчиной, носящим эту фамилию.

(Вдалеке — свисток паровоза. Поезд должен сейчас подойти. Его часы показывают двадцать семь минут первого.)

Надо решить, как держаться с нею в Утике: ласково и сердечно или холодно. По телефону, правда, он говорил с нею очень мягко, дружелюбно,— иначе нельзя было. Пожалуй, следует продолжать в том же духе, не то она начнет раздражаться, станет подозрительной, упрямой — и тогда все будет очень трудно и сложно.

(Да подойдет ли когда-нибудь этот поезд?)

Но ему будет очень нелегко быть таким приветливым,— ведь, в конце концов, она командует им, хочет, чтобы он выполнял ее требования,— и еще обращайся с нею ласково! Проклятье! Да, но если он не будет ласковым?.. Вдруг она как-нибудь разгадает его мысли, откажется поехать с ним и разрушит все его планы...

(Только бы колени и руки не дрожали так!)

Но нет, как она может заподозрить что-либо подобное, когда он и сам еще не вполне уверен, сможет ли это сделать? Ясно только одно: не уедет он с ней никуда,— и все тут. Может быть, он и не перевернет лодку, как решил накануне, но все равно с нею не уедет.

Но вот и поезд. Роберта поднимает свой чемодан. Не слишком ли он тяжел для нее в ее теперешнем положении? Вероятно, тяжел. Да, нехорошо. К тому же сегодня очень жарко. Во всяком случае, он поможет ей после, когда они будут в таком месте, где никто их не увидит. Она смотрит в его сторону — хочет удостовериться, что он действительно поедет; как это на нее похоже,— в последние дни она относится к нему так подозрительно, недоверчиво. Но вот свободное место в глубине вагона, на теневой стороне. Здесь недурно. Он устроится поудобнее и будет смотреть в окно. Тут, как раз за Фондой, в каких-нибудь двух милях, есть река — тот самый Могаук, что протекает через Ликург, мимо фабрики; по берегам его они с Робертой гуляли в прошлом году, примерно в это же время. Но теперь Клайду неприятно это воспоминание, и он переводит взгляд на купленную только что газету и, прикрывшись ею, как щитом, снова, во всех подробностях представляет себе картину, которая занимает его сейчас гораздо больше,— местность вокруг

озера Большой Выпи: после того решающего разговора с Робертой по телефону она интересует его больше всей остальной географии мира.

В пятницу, после того разговора, он зашел в отель «Ликург» и взял там три различных путеводителя с описаниями отелей, дач, гостиниц и других мест, где можно остановиться в глухих окрестностях озер Большой Выпи и Длинного. (Если бы можно было как-нибудь добраться до одного из тех совершенно безлюдных озер, о которых говорил проводник на Большой Выпи... Только, пожалуй, на таких озерах нет никаких лодок!) А потом в субботу он взял на вокзале еще четыре путеводителя (они сейчас у него в кармане). И все они подтверждают, что вдоль вот этой самой железной дороги, ведущей на север к Большой Выпи, есть множество маленьких озер и гостиниц, где они с Робертой могут остановиться на день-два, если она захочет, или, во всяком случае, на ночь, прежде чем отправиться на озеро Большой Выпи или Луговое. Клайд обратил особое внимание на это последнее озеро — очень красивое и недалеко от станции, как говорилось в путеводителе; там есть три недурных маленьких пансиона, и плата за двоих всего двадцать долларов в неделю. Значит, если они вдвоем остановятся там на ночь, это обойдется не дороже пяти долларов. Итак, он скажет Роберте, как и придумал за эти дни, что ей необходимо немного отдохнуть перед отъездом в чужие места; скажет, что если они съездят на Луговое озеро в тот же вечер, как приедут в Утику, или на следующее утро и переночуют там, то это будет стоить, как говорится в путеводителе, не очень дорого — около пятнадцати долларов, считая проезд и все остальные расходы. Он изобразит это как приятную маленькую экскурсию, своего рода свадебное путешествие перед тем, как они обвенчаются. И ни в коем случае нельзя уступать, если она захочет, чтобы они сначала обвенчались,— это не годится.

(Пять птиц летят к рощице, что виднеется вон там, у подножья холма...)

Конечно, нельзя ехать прямо из Утики на Большую Выпь только ради катанья по озеру — на один день — за семьдесят миль. Это покажется странным и Роберте, и кому угодно. Это может даже вызвать у нее подозрения. Может быть, лучше — поскольку в Утике ему нужно будет ненадолго оставить ее, чтобы купить себе шляпу,— провести эту первую ночь именно в Утике, в каком-нибудь скромном, недорогом отеле, и только потом предложить поездку на Луговое озеро. А оттуда они

наутро отправятся на озеро Большой Выпи. Он скажет, что там красивее... или что они едут в Бухту Третьей мили (в сущности, простую деревушку), где можно будет обвенчаться, но по дороге для развлечения заглянут на Большую Выпь. Он скажет, что хочет показать ей озеро и сделать несколько снимков — сфотографировать ее и себя. Для этого он и взял аппарат... и для того чтобы потом снимать Сондру.

Какой мрачный замысел!

(А вот девять белых и черных коров на зеленом склоне холма.)

Глядя на его чемодан с привязанным сбоку штативом и теннисной ракеткой в чехле, встречные станут думать, что он и Роберта — проезжие туристы, прибывшие откуда-то издалека, и если они оба исчезнут... ну что ж, ведь они нездешние... Разве не сказал проводник, что в этом озере семьдесят пять футов глубины,— как на озере Пасс? А что касается чемодана Роберты... да, как быть с чемоданом? Раньше он об этом как-то не подумал.

(Вон три автомобиля, они мчатся почти так же быстро, как поезд.)

Ну вот, они переночуют на Луговом озере и двинутся дальше: он скажет Роберте, что они обвенчаются в Бухте Третьей мили, на Сером озере, где живет знакомый ему пастор; он уговорит ее оставить чемодан на станции Ружейной,— оттуда они поедут автобусом до озера Большой Выпи,— а свой чемодан возьмет с собой. Он просто скажет кому-нибудь — хотя бы лодочнику или шоферу автобуса,— что там у него фотографический аппарат, и спросит, где здесь самые красивые виды. Или в чемодане будет завтрак. Пожалуй, эта мысль лучше: взять с собой завтрак и этим заодно обмануть и Роберту и шофера. Это тоже может ввести в заблуждение, не так ли? Многие кладут фотоаппарат в чемодан, когда едут на озеро. Во всяком случае, ему совершенно необходимо взять чемодан с собой. Иначе для чего этот план — проплыть к острову и оттуда идти лесами на юг?

(Какой безобразный, ужасный план! Неужели он его исполнит?)

Но как странно кричала та птица на озере! Большая выпь... Не хотел бы он еще раз услышать ее или увидеть того проводника: проводник может теперь его вспомнить. Правда, Клайд совсем не разговаривал с ним и даже не выходил из автомобиля, а только смотрел в окно... и, насколько он может вспомнить, проводник ни разу даже не взглянул на него, а говорил только

с Грэнтом Крэнстоном и Харлеем Бэготом, которые вышли из машины и беседовали с ним. А что, если этот проводник будет там и узнает его? Но как это может быть,— ведь он, в сущности, Клайда не видел? Нет, проводник, наверно, его вовсе не вспомнит, а может быть, его и не будет на Большой Выпи... Но почему руки и лицо у него теперь всегда холодные и влажные — почти мокрые, и колени дрожат?

(Поезд следует за всеми поворотами реки... а прошлым летом они с Робертой... Не надо...)

Как только они приедут в Утику, нужно сделать вот что (и он должен хорошенько все запомнить и ни в коем случае не теряться. Сбиться нельзя... никак нельзя...) На улице он пропустит Роберту вперед и пойдет за нею, скажем, на расстоянии сотни шагов, чтобы никто не мог подумать, будто он ее провожает. А потом, когда они будут где-нибудь совсем одни, он догонит ее и объяснит ей все свои планы... и при этом будет очень ласков, как будто любит ее по-прежнему... так надо, раз он хочет, чтобы она была сговорчива. А потом... потом... ах да... она подождет где-нибудь, пока он пойдет и купит эту вторую шляпу, которая... ну, которую он, может быть, оставит потом на воде. И весла тоже, конечно. И ее шляпу... и...

(Как протяжен, печален свисток этого поезда. Проклятие! Он уже нервничает!)

Но прежде чем идти в гостиницу, надо будет вернуться на вокзал и положить новую шляпу в чемодан; лучше даже носить его с собой, пока не удастся подыскать подходящую гостиницу, и тогда уже, перед тем как пойти за Робертой, купить шляпу и спрятать в чемодан. Затем он проводит Роберту до гостиницы, и она будет ждать его у входа, пока он не принесет чемоданы. И, конечно, если поблизости никого не будет, они войдут в гостиницу вместе; только пускай она побудет хотя бы в дамской комнате, пока он не запишется в книге посетителей... На этот раз, скажем, под именем Чарльза Голдена. Ну, а наутро, если она согласится, или даже сегодня, если только есть подходящий поезд (это он узнает), они могут поехать на Луговое озеро — опять в разных вагонах,— во всяком случае, пока не проедут Двенадцатого озера и Шейрона.

(Там — великолепная дача Крэнстонов... и Сондра.)

А потом... потом...

(А вот большой красный амбар и по соседству — маленький белый домик. И ветряная мельница. Совсем такие же амбары и домишки он видел в Иллинойсе и Миссури. И в Чикаго тоже.)

А в это время Роберта, сидя в соседнем вагоне, думала, что Клайд, видимо, не очень уж недружелюбно настроен. Конечно, ему тяжело вот так, поневоле, уезжать из Ликурга, где он может развлекаться, как ему хочется. Но, с другой стороны, что же ей было делать... у нее не было никакого другого выхода. Теперь она должна быть веселой и доброй, но не слишком навязчивой и не докучать ему. Однако не следует быть чересчур покладистой и мягкой,— ведь, в конце концов, это Клайд виноват во всем, что с ней случилось. И то, что он делает теперь, только справедливо и не так уж много. У нее будет ребенок, ей предстоит столько тревог и забот... И потом еще придется объяснить родителям всю эту таинственность, свое теперешнее внезапное исчезновение и брак, если только Клайд в самом деле с ней обвенчается. Но она должна настоять на этом... и поскорее... может быть, в Утике... в первом же месте, куда они приедут... и должна получить копию брачного свидетельства и сохранить ее в своих интересах и в интересах ребенка. Клайд может потом развестись с ней, если пожелает. А все-таки она будет миссис Грифитс. И их ребенок тоже будет Грифитс. Это что-нибудь да значит.

(Какая красивая речка! Точь-в-точь Могаук, напоминает прошлогодние прогулки с Клайдом, когда они только что познакомились. Ах, прошлое лето! А теперь!..)

Они поселятся где-нибудь... наверно, снимут комнатку или две. Где-то это будет, в каком городе? Далеко ли от Ликурга или Бильца? Чем дальше от Бильца, тем лучше, хотя, конечно, ей хотелось бы увидеться опять с отцом и матерью, и поскорее... как только все будет позади. Но это уже не важно, ведь они уедут вместе, и она будет замужем.

Заметил ли Клайд ее синий костюм и коричневую шляпку? Может быть, он подумал, что все же она очень мила, даже если и сравнить ее с этими богатыми девушками, с которыми он постоянно проводил время? Надо быть как можно деликатнее... ничем его не раздражать... Но... как счастливо они жили бы, если бы только... если бы только он немного любил ее... хоть немножко...

Но вот и Утика, и на пустынной улице Клайд догоняет Роберту. На лице его — смесь простодушной веселости и доброжелательства с озабоченностью и досадой; а в сущности, это маска, скрывающая страх перед своим же замыслом, перед собственной неспособностью исполнить задуманное и перед тем, что ждет его в случае неудачи.

ГЛАВА XLVII

А на следующее утро они, как было условлено с вечера, отправились на Луговое озеро (опять в разных вагонах). Но, приехав туда, Клайд с удивлением убедился, что берега гораздо более многолюдны, чем он ожидал. Его очень расстроило и испугало царившее здесь оживление: он воображал, что это озеро так же пустынно, как Большая Выпь. А оказалось, что здесь — сборный пункт и летняя резиденция маленькой религиозной секты из Пенсильвании: напротив станции на берегу озера виднелись молитвенный дом и многочисленные коттеджи. И Роберта сразу воскликнула:

— Вот хорошо! Мы можем пойти к здешнему священнику и обвенчаться, правда?

И Клайд, ошеломленный этим неожиданным осложнением, поспешил согласиться:

— Ну что же, конечно... Я съезжу туда немного погодя и узнаю...

Но мысленно он уже изыскивал способ перехитрить Роберту. После того как они снимут комнату в гостинице, он повезет ее кататься на лодке и задержится на озере подольше. А может быть, найдется какой-нибудь пустынный и незаметный уголок... но нет, здесь слишком много народу. Озеро недостаточно большое и, вероятно, не очень глубокое. Вода в нем черная, как смола, а на восточном и северном берегах, точно стража, сомкнутым строем стоят высокие темные ели. Клайду показалось, что это — вооруженные копьями зоркие великаны, чуть ли не сказочные людоеды,— так он был мрачен, подозрителен, так взбудоражена была его фантазия. Да еще так много народу кругом,— на озере не меньше десятка лодок.

Как все это зловеще!

Как трудно!

И вдруг шепот:

«Отсюда лесом никак не дойти до Бухты Третьей мили. Нет, нет. До нее еще добрых тридцать миль. И, кроме того, это озеро не такое пустынное,— наверно, за ним все время наблюдают эти сектанты». Нет, нет... надо сказать Роберте... он скажет ей... но что сказать? Что он спрашивал и говорят, здесь нельзя получить разрешение на брак? Или что священник сейчас в отъезде, или требует документы, которых у Клайда нет, или... или... Ах, все равно, лишь бы заставить Роберту замолчать до завтра, до того часа, когда отсюда отойдет поезд на

Большую Выпь и Шейрон, а там они, конечно, обязательно обвенчаются!

Почему она так требовательна? Чего ради, в конце концов (если не считать этого ее упрямого желания непременно поставить на своем), он должен таскаться с ней то туда, то сюда? Для него это — ежечасные, ежеминутные страдания, поистине жестокая и нескончаемая душевная пытка, тогда как если бы он мог от нее отделаться... О Сондра, Сондра, если бы ты снизошла со своей высоты и помогла мне! Не лгать больше! Больше не страдать! Не знать никаких унижений и горя!

Но вместо этого снова ложь. Долгие, нудные и ненужные поиски водяных лилий. Клайд был так беспокоен и нервен, что вся эта прогулка скоро надоела Роберте не меньше, чем ему. Почему, спрашивала она себя, он так равнодушен к возможности обвенчаться? Это можно было бы уладить заранее, и тогда эта прогулка была бы осуществлением ее грез... так было бы, если бы... если бы он устроил все раньше, в Утике, как она хотела. Опять промедление, опять уклончивость... всегдашняя, такая характерная для Клайда неопределенность и нерешительность. Роберта снова начала сомневаться,— правда ли, что он обвенчается с ней, сдержит свое слово? Но завтра или в крайнем случае послезавтра все выяснится. Зачем же теперь тревожиться?

А назавтра в полдень — станция Ружейная, и Клайд выходит из вагона и провожает Роберту к ожидающему приезжих автобусу. На ходу он убеждает ее, что, так как они вернутся этим же путем, будет удобнее, если она оставит свой чемодан здесь; он же свой чемодан возьмет с собой, потому что там фотографический аппарат и заранее приготовленный завтрак,— они ведь решили позавтракать на озере... Но, подойдя к автобусу, Клайд с испугом обнаружил, что шофер — тот самый проводник, которого он видел на озере Большой Выпи. Вдруг теперь окажется, что этот проводник видел его и запомнил! Разве он не может вспомнить красивый автомобиль Финчли, Бертину и Стюарта на переднем сиденье, Клайда и Сондру позади, Грэнта и Харлея Бэгота, вышедших из машины, чтобы поговорить с ним?

И мгновенно — как все последнее время в минуты особенного волнения и страха — холодный пот покрыл его лицо и руки. О чем же он думал раньше? Как строил свои планы? Да как же можно рассчитывать, что он справится с таким делом, если он так плохо все обдумал? Вот так же он не сообразил надеть кепку в дорогу от Ликурга до Утики или хотя бы достать ее из

чемодана еще до покупки соломенной шляпы, и вообще надо было купить шляпу заранее.

Однако проводник не вспомнил его, слава богу! Наоборот, с любопытством спросил, как у совершенно незнакомого:

— Едете на Большую Выпь? В первый раз здесь?

И Клайд, с огромным облегчением и все же с внутренней дрожью, ответил:

— Да,— затем в нервном возбуждении спросил: — Много там сегодня народу?

Не успел он договорить, как этот вопрос показался ему почти безумным. Зачем, зачем, ради всего святого, он задал такой вопрос? Неужели не будет конца этим дурацким, пагубным для него оплошностям? Он был так взволнован, что почти не слышал ответа проводника, голос которого, казалось, доносился откуда-то издали:

— Не так уж много. Пожалуй, человек семь-восемь. А четвертого у нас было человек тридцать, но вчера почти все уехали.

Безмолвие деревьев, выстроившихся вдоль вязкой глинистой дороги, по которой они ехали; прохлада и тишина; в чаще даже теперь, в самый полдень,— темные глуби и закоулки, лиловый сумрак. Если проскользнуть туда, ночью ли, днем ли, кого там встретишь? Из чащи доносится металлический крик сойки; жаворонок вдалеке наполняет серебристую мглу своей звонкой песней. А когда тяжелый закрытый автобус переезжал через журчащие ручьи по грубым бревенчатым мостам, Роберта восхищалась прозрачной сверкающей водой. «Как здесь чудесно, Клайд! Слышишь, как звенит ручей? А какой свежий воздух!»

И все же она скоро умрет!

Боже!

Но допустим, что на Большой Выпи — в гостинице, на пристани — тоже много народу. Может быть, на озере полно рыболовов, они рассеялись поодиночке там и тут, и нигде нет ни одного безлюдного, тихого уголка. Как странно, что он об этом не подумал! Это озеро, вероятно, далеко не так пустынно, как он воображал,— и как раз сегодня тут может оказаться не меньше народу, чем на Луговом. Что тогда?

Ну, что же, тогда — бежать... бежать... и будь что будет. Такое напряжение ему не по силам... к черту!.. эти мысли его убьют. И как он мог мечтать о том, чтобы достигнуть счастья при помощи такого дикого и жестокого замысла — убить и потом сбежать... вернее, убить и подстроить так, чтобы их обоих сочли погибшими... тогда как он — убийца — вернулся бы к

жизни и счастью. Какой отвратительный план! Но как же иначе? Как? Разве он не подготовился к этому? Неужели теперь отступить?

А Роберта, сидя рядом с ним, воображала, будто ее ждет не что иное, как свадьба,— завтра утром уж наверно. А пока для развлечения она посмотрит на красивое озеро, о котором говорил Клайд,— говорил так, словно эта прогулка — самое приятное и значительное событие и в его и в ее жизни.

Но вот проводник снова заговорил, обращаясь к Клайду:

— Вы, похоже, сюда ненадолго? Я видел, вы оставили вещи молодой леди на станции.

Он кивнул в сторону Ружейной.

— Нет, мы уезжаем сегодня вечером, поездом восемь десять. Вы отвозите публику к этому времени?

— Ну конечно.

— Мне так и говорили на Луговом озере.

Ну, для чего он прибавил это — насчет Лугового озера? Этим он показал, что они с Робертой были там, прежде чем приехали сюда. И чего он привязался, этот дурак, со своим замечанием о «вещах молодой леди» и о том, что они остались на станции! Вот дьявол! Почему он суется в чужие дела? И почему он решил, что они с Робертой не муж и жена? Или, может быть, он этого не думал? Во всяком случае, почему этот вопрос, когда у них было два чемодана? Откуда ему знать, что остался именно ее чемодан? Странно! И что за наглость! Как он мог знать или догадаться... А впрочем, не все ли равно — женаты они или нет? Если ее не найдут, замужем она или не замужем — это не будет иметь никакого значения. А если найдут и будет установлено, что она не была замужем, это только докажет, что она приезжала сюда с кем-то, но не с ним, не так ли? И теперь об этом нечего беспокоиться.

— А там есть еще меблированные комнаты или гостиницы, кроме той, куда мы едем? — спросила Роберта проводника.

— Нет, ни одной, мисс, только наша. Вчера тут была целая толпа молодых парней и девушек,— они раскинули лагери на восточном берегу, пожалуй, в миле от нас. А там они еще или уехали,— не знаю. Никого из них сегодня не видал.

Толпа молодых парней и девушек! Только этого недоставало! Может быть, все они и теперь на озере... катаются на лодках... А тут он с Робертой! Может быть, среди них есть приезжие с Двенадцатого озера,— вот как он, Сондра, Гарриэт, Стюарт и Бертина приезжали сюда две недели назад... Может быть, это друзья Крэнстонов, Гарриэтов или Финчли приехали

сюда на пикник и, конечно, узнают его. Кроме того, значит, к востоку от озера есть какая-то дорога. Из-за всего этого, из-за присутствия этой молодой компании поездка сюда может оказаться напрасной. Какой глупый план! Как бессмысленно он это придумал... Надо было все выяснить заранее, выбрать еще более далекое озеро... но он так мучился все последние дни, что совсем не мог думать. Ну, а теперь он может сделать только одно — поехать и посмотреть. Если там окажется много народу, он должен отыскать какой-нибудь действительно глухой, пустынный уголок... или вернуться на Луговое озеро... или поехать еще куда-нибудь? Господи, что ему делать, если здесь будет много народу?

Но в это время деревья впереди раздвинулись,— словно кончился длинный лесной коридор, по которому ехал автобус,— и Клайд узнал зеленую лужайку, озеро Большой Выни, маленькую гостиницу с верандой, выходящей прямо на темно-синие воды озера. А вот и низкий маленький сарай для лодок, справа, у самой воды,— его красную крышу Клайд заметил в прошлый раз. И Роберта воскликнула:

— О, какая прелесть! Как красиво!

А Клайд, поглядев вдаль на темный невысокий остров и заметив, что вокруг совсем мало народу, а на самом озере нет ни души, сказал поспешно:

— Еще бы, очень красиво! — но при этом едва не задохнулся.

Навстречу им вышел сам хозяин гостиницы — человек среднего роста, широкоплечий и краснолицый — и спросил с любопытством:

— Пробудете здесь несколько дней?

Но Клайд, разозленный этим новым осложнением, ответил резко, подавая проводнику доллар:

— Нет, нет. Мы уезжаем сегодня вечером.

— Тогда, может быть, пообедаете у нас? Поезд уходит только в восемь пятнадцать.

— Да, тогда конечно... Ну хорошо, пообедаем.

Ясное дело, Роберта в свой медовый месяц, накануне свадьбы и во время такой экскурсии, рассчитывает на праздничный обед. Черт побери этого коренастого краснорожего дурака!

— Ладно, тогда я отнесу ваш чемодан в комнату, а вы запишитесь в книге посетителей. Ваша супруга, наверно, желает немного освежиться?

Он пошел вперед, подхватив чемодан, хотя Клайду ужасно

хотелось вырвать чемодан у него из рук. Он совсем не собирался ни записываться здесь, ни оставлять свой чемодан. И не оставит! Он сейчас же заберет его назад и наймет лодку. Но, как бы то ни было, ему пришлось записаться в книге: Клифорд Голден с женой — «простая формальность», как сказал хозяин,— и только после этого он получил обратно свои вещи.

И как будто затем, чтобы усилить его волнение, замешательство и тревожные мысли о том, какие еще новые события и люди станут у него на дороге, прежде чем он пустится в это опасное плавание, Роберта вдруг заявила, что так как сейчас жарко и они вернутся сюда обедать, то она оставит здесь шляпу и пальто: на ее шляпе Клайд заметил фабричную марку — Броунстайн в Ликурге — и уже размышлял о том, что благоразумнее: оставить ее или уничтожить. Но он решил, что, может быть, после... после... если он действительно сделает это... будет безразлично, останется ли на шляпе фабричная марка или нет. Разве без этого ее не опознают, если найдут? А если не найдут, то все равно никто не будет знать, кто она и откуда.

Встревоженный и сбитый с толку, почти не сознавая, что думает и что делает, Клайд взял свой чемодан и направился к пристани. Потом, бросив чемодан в лодку, спросил у лодочника, где тут лучшие виды,— хотелось бы их сфотографировать. И наконец, выслушав какое-то ненужное ему объяснение, помог Роберте (она казалась ему теперь почти бесплотной тенью, вступающей в нереальную лодку на чисто воображаемом озере), спрыгнул сам, сел на среднюю скамью и взялся за весла.

Гладь озера, спокойная, глянцевитая, с радужным отливом, походила не на воду, а скорее на нефть; казалось, расплавленное стекло огромной, плотной и тяжелой массой покоится на тверди земной, сокрытой где-то глубоко внизу. Легкое, свежее, пьянящее дуновение лишь едва заметно рябило поверхность озера. И густые, пушистые ели по берегам,— повсюду ели, высокие, с копьевидными верхушками. А за ними — горбатые спины темных, далеких Адирондакских гор. Ни одной лодки на озере. Ни дома, ни хижины по берегам. Клайд искал глазами лагерь, о котором говорил проводник, но ничего не видел. Он прислушивался, не звучат ли где-нибудь голоса. Но если не считать тихого плеска его собственных весел да голосов лодочника и проводника, которые беседуют в двухстах... трехстах... пятистах... в тысяче футов позади,— ниоткуда ни звука.

— Как здесь мирно и тихо, правда? — Это сказала Роберта.— Так спокойно все! По-моему, тут очень красиво, го-

раздо красивее, чем на том, другом озере. Какие высокие деревья! А горы! Когда мы ехали сюда, я все время думала, какая прохладная и тихая эта дорога, хотя и немного тряская.

— Ты говорила с кем-нибудь здесь, в гостинице?

— Нет, ни с кем. А почему ты спрашиваешь?

— Я думал, может быть, ты кого-нибудь встретила. Хотя сегодня здесь, кажется, мало народу.

— Да, на озере никого не видно. А там я видела только двух мужчин в бильярдной и одну девушку в дамской комнате — вот и все. Какая холодная!

Она опустила руку за борт, в сине-черную воду, потревоженную его веслами.

— Холодная? Я еще не пробовал.

Клайд перестал грести, опустил руку в воду и задумался. Не следует сразу плыть к тому острову на юге. Он слишком далеко... и еще слишком рано... это может показаться ей странным. Лучше немного подождать. Подумать еще немного... еще раз осмотреться. Роберта захочет позавтракать (господи, еще завтрак!), а вон, примерно в миле отсюда, виднеется живописный мыс. Можно пристать там и сначала позавтракать... это она позавтракает,— он ничего не будет есть сегодня. А потом... потом...

Роберта смотрела на тот же мыс: изогнутая полоска земли, густо поросшая высокими елями, далеко врезалась в озеро и сворачивала к югу. И Роберта сказала:

— Милый, ты не присмотрел местечка, где можно пристать и поесть? Я уже немножко проголодалась, а ты?

(Если бы только она не называла его каждую минуту «милым»!)

Маленькая гостиница и сарай для лодок на северном берегу становились все меньше и меньше; теперь они напоминали купальню и пристань на озере Крам в тот день, когда он в первый раз катался там на лодке; тогда ему хотелось поехать на такое озеро, как это, близ Адирондакских гор, он мечтал о таком озере... и о встрече с такой девушкой, как Роберта... И над головой плывет такое же пушистое облачко, как то, что плыло над ним в тот роковой день на озере Крам.

Как все ужасно и как трудно!

Они могут сегодня поискать здесь водяные лилии, чтобы убить время, прежде чем... убить время... убить (боже!)... Нельзя больше думать об этом, если он хочет в конце концов это сделать. Во всяком случае, сейчас нечего задумываться.

И Клайд причалил к тому месту, которое облюбовала Роберта,— в глубине крошечной бухты с небольшим, желтым, как

мед, песчаным пляжем; с северной и восточной стороны изгиб берега надежно укрывал ее от любопытных взглядов. Они высадились. Клайд осторожно вынул завтрак из чемодана и, пока Роберта раскладывала его на газете, разостланной на песке, ходил по берегу, делая вымученные замечания о красоте пейзажа, о том, как хороши ели, как мила бухточка... и при этом думал... думал об острове в дальней части озера и о какой-нибудь другой бухте за островом, о том месте, где, несмотря на свое слабеющее мужество, он должен все же совершить предстоящее ему жестокое, страшное дело... нельзя упустить понапрасну этот старательно подстроенный случай, если... если только он и впрямь не собирается бежать... и навсегда покинуть то, что больше всего хотел бы сохранить.

Но какое черное дело — и опасное... теперь все это придвинулось вплотную... опасно совершить какую-нибудь ошибку... вдруг, например, он не сумеет перевернуть как следует лодку... или не сможет... не сможет... господи!.. А потом, может быть, обнаружится, что он... он... убийца! Его арестуют. Будут судить. (Он не может, он не сделает этого,— нет, нет, нет!)

А Роберта сидела рядом с ним на песке, умиротворенная и, видимо, довольная всем на свете. Она что-то напевала, потом начала высказывать всякие практические соображения о будущем, о том, каково теперь будет их материальное положение, куда и как они поедут отсюда (пожалуй, лучше всего в Сиракузы, и Клайд как будто ничего не имеет против) и что они будут там делать. Роберта слышала от своего зятя, Фреда Гейбла, что в Сиракузах открывается новая фабрика воротничков и рубашек. Может быть, Клайд устроится там хоть на время. Позже, когда самое трудное останется позади, она и сама поступит туда же или на какое-нибудь другое предприятие. А пока, так как у них очень мало денег, им надо бы снять небольшую комнату в какой-нибудь семье,— или, если ему это не нравится (ведь они теперь не так близки, как раньше), может быть, две комнатки рядом. Дело в том, что за его показной любезностью и предупредительностью она все же чувствовала упорный протест.

А Клайд все думал. Ну, что толку теперь в этих разговорах? Какая разница — согласится он с нею или не согласится? Он говорит с нею так, словно завтра она еще будет здесь. А ее не будет. Ведь его — и ее — ждет совсем другое. Великий боже!

Если бы только у него не дрожали колени! Да еще этот холодный пот, покрывающий руки, лицо, все тело...

Потом они поплыли дальше, к западному берегу озера, к тому острову, и Клайд, тревожно и устало оглядываясь по сторонам, убеждался, что кругом нет ни души — нигде ни души,— ни на берегу, ни на воде. Никого! Здесь так тихо, так пустынно, слава богу. Здесь или где-нибудь поблизости можно сделать это, если только у него хватит мужества... но мужества не было — пока... Роберта опять опустила руку в воду и спросила, нельзя ли поискать где-нибудь водяных лилий или полевых цветов на берегу. Водяные лилии! Полевые цветы! А он тем временем убеждается, что нигде не видно ни дорог, ни тропинок, ни хижины, ни палатки — ни признака жилья среди этих высоких, тесно сомкнувшихся елей, ни одной лодки на широком просторе прекрасного озера в этот прекрасный день. Но что, если какой-нибудь одинокий охотник, проводник или рыболов скрывается в лесах или на берегу? Разве этого не может быть? Что, если здесь сейчас кто-нибудь есть и следит за ними?

Рок!

Гибель!

Смерть!

Но нигде — ни звука, ни дымка. Только... только одни эти высокие, островерхие темно-зеленые ели, угрюмые и безмолвные; кое-где среди них — пепельно-серое под палящим полуденным солнцем мертвое дерево, его иссохшие, изможденные ветви протянуты, словно грозящие руки.

Смерть!

Пронзительный металлический крик сойки в чаще леса, странное, потустороннее «тук-тук-тук» одинокого дятла; изредка метнется красной молнией кардинал или мелькнет черно-желтое оперение дрозда.

О, как ярко светит солнце
У меня в Кентукки дома!

Это весело запела Роберта, опустив руку в темно-синюю воду.

А немного погодя она запела другую популярную песенку. «Если хочешь, я приду в воскресенье».

Прошел еще целый час в катанье, мрачных размышлениях, пении, поисках живописных уголков и тихих заливов с лилиями, и Роберта уже сказала, что надо следить за временем и не задерживаться здесь слишком долго... и вот наконец бухта с южной стороны острова — красивая, но печальная, в тесном кольце

берегов, в траурной раме елей, похожая на маленькое озеро; узкий пролив соединяет ее с большим озером, но и сама по себе она довольно внушительна: размером около двадцати акров и почти совершенно круглая. Со всех сторон, если не считать узкого пролива, отделяющего с севера остров от суши, это озерко сплошной стеной окружают деревья. И там и сям у берегов камыши и лилии. И что-то подсказывает, что это озерко, эта тихая заводь предназначена для тех, кто устал от жизни и забот, кто жаждет уйти от житейской борьбы и раздоров: здесь, мудрый и печальный, обретет он пристанище.

И когда лодка скользнула в эту бухту, тихие темные воды всецело завладели Клайдом: еще никогда и ни от чего не менялось так внезапно его настроение. Клайда как будто завлекло, затянуло сюда, он обогнул тихие берега бухты — и его словно стало сносить куда-то... куда-то в бесконечное пространство, где не было ничего... ни коварных замыслов, ни планов... ни практических задач, требующих разрешения... ничего. Предательская красота этой бухты! Она словно дразнила его... неведомая темная заводь, окруженная со всех сторон чудесными пушистыми елями. И сама она была точно огромная черная жемчужина; чья-то могучая рука, быть может, в минуту гнева или каприза или просто играя, зашвырнула ее сюда, на грудь темно-зеленой бархатной долины... И когда Клайд пристально смотрел в воду, глубь ее казалась бездонной.

И все же о чем она говорила ему так властно? О смерти! О смерти! О смерти! Яснее, чем все, что он когда-либо видел. О смерти! Притом о смерти спокойной, тихой, добровольной, которой по своему выбору, или под чьим-то гипнозом, или от невыразимой усталости отдаешься радостно и благодарно. Так мирно... так спокойно... так безмятежно... Даже Роберта вскрикнула от удивления. А Клайд впервые почувствовал, что чьи-то сильные, но дружеские руки легли ему на плечи. Какое утешение, какая теплота, какая сила исходит от них! Они успокаивают его, поддерживают — и они ему дороги. Только бы они его не покинули! Только бы оставались с ним всегда — эти дружеские руки. Разве когда-либо в своей жизни он испытывал чувство такого успокоения и даже нежности? Нигде и никогда... а теперь он спокоен и как бы ускользает от реальности.

Правда, здесь Роберта, но она теперь — только поблекшая тень, туманный образ, скорее плод воображения, чем живое существо. Пусть она обладает какими-то красками и очерта-

ниями, говорящими о реальности, а все же она стала бесплотной, совсем призрачной... и вдруг Клайд опять почувствовал себя странно одиноким: сильные руки друга исчезли. Он снова был одинок, так ужасно одинок и затерян в этом сумрачном, прекрасном царстве, словно его сюда завлекли и покинули. И вдруг он задрожал всем телом: обаяние этой странной красоты пронизало его ледяным холодом.

Для чего он явился сюда?

Что он должен сделать?

Убить Роберту? Нет, нет!

И он снова опустил голову, неотрывно глядя в пленительные и коварные глубины этой синей, отливающей серебром заводи, которая, казалось, под его взглядом меняла форму, превращаясь в огромный хрустальный шар. Но что движется там, в этом хрустале? Какая-то фигура... вот она ближе, яснее... и он узнает Роберту: она бьется, взмахивает тонкими белыми руками над водой, протягивает их к нему. Боже, как страшно! Какое у нее лицо! Как же он мог задумать такое? Смерть! Убийство!

И вдруг, осознав, что мужество (на которое он все время так рассчитывал) оставляет его, Клайд тотчас усилием воли стал погружаться в глубины своего «я», тщательно пытаясь вновь обрести это мужество.

Кыт-кыт-кыт... кра-а-а-а!
Кыт-кыт-кыт... кра-а-а-а!
Кыт-кыт-кыт... кра-а-а-а!

(Опять этот странный, зловещий крик неведомой птицы... такой холодный, такой резкий! Снова он раздается, словно чтобы вернуть Клайда из призрачного мира, где витает его душа, к той реальной или мнимой, но мучительной задаче, которая требует немедленного практического разрешения...)

Он должен это сделать! Должен!

Кыт-кыт-кыт... кра-а-а-а!
Кыт-кыт-кыт... кра-а-а-а!

Что было в этом крике: предупреждение?.. протест?.. приговор? Криком этой самой птицы отмечено было зарождение его злосчастного замысла. Вот она там, на том мертвом дереве; окаянная птица... А теперь она летит к другому дереву — тоже мертвому, засохшему — немного дальше в глубь леса... Летит и кричит... Боже!..

И снова — против воли — Клайд направил лодку к берегу. Ведь он взял с собой чемодан, чтобы сделать несколько сним-

ков,— и теперь надо предложить Роберте сниматься; может быть, он и сам снимется — на берегу и на воде. Таким образом, когда она снова войдет в лодку, его чемодан останется на берегу, сухой и невредимый. И Клайд вышел на берег и, притворяясь, будто ищет особенно живописные виды, на самом деле старался получше заметить то дерево, под которым он оставит чемодан до своего возвращения. Теперь он должен скоро вернуться... скоро... Но они уже не выйдут на берег вместе. Никогда! Никогда! И он все мешкает, хоть Роберта и жалуется, что она устала, да и он ведь предполагал, что они вернутся очень быстро. А теперь, наверно, уже больше пяти. И Клайд уверяет ее, что они сейчас поплывут обратно: он только снимет ее еще раз или два в лодке, на фоне этих замечательных деревьев, и острова, и темной водяной глади.

Но какие у него влажные, беспокойные руки!

И темные, влажные, полные тревоги глаза,— они смотрят куда угодно, только не на нее...

И вот они снова на воде, в пятистах футах от берега; лодка почти уже на середине бухты, и Клайд бесцельно вертит в руках маленький, но тяжелый фотографический аппарат; и вдруг он испуганно осматривается. Теперь... теперь... почти против его желания настала решающая минута — он так долго ее избегал... И нигде на берегу — ни голоса, ни звука, ни человеческой фигуры... ни дороги, ни хижины, ни дымка. Вот она — минута, подготовленная им или чем-то вне его,— критическая минута, которая решит его судьбу; время действовать! Теперь он должен сделать только одно: резко и быстро повернуть вправо или влево... рывком наклонить левый или правый борт и перевернуть лодку; или, если это не удастся, быстро раскачать ее. А если Роберта будет слишком громко кричать, надо ударить ее фотографическим аппаратом или одним из лежащих сейчас в лодке весел. Это можно сделать... можно сделать быстро и просто... будь у него решимость и мужество. И тотчас плыть прочь... а там — свобода... успех... и, конечно, Сондра, и счастье... новая, прекрасная, радостная, еще не изведанная жизнь.

Так почему же он медлит?

Что с ним?

Почему он медлит?

В эту роковую минуту, когда надо было действовать,— сейчас же, во что бы то ни стало! — его постиг внезапный паралич воли и мужества, ему не хватает ненависти и гнева. И Роберта

со своего места на корме смотрит на его взволнованное, внезапно исказившееся гримасой, но в то же время нерешительное и даже растерянное лицо... вместо злобы, ярости, свирепости на этом лице отразилось вдруг смятение, оно стало почти бессмысленным. На нем можно было прочесть борьбу между страхом (реакция при мысли о смерти или бесчеловечной жестокости, которая повлечет за собою смерть) и дьявольской, неугомонной и все же подавленной жаждой действовать — действовать — действовать. Это было временное оцепенение, момент равновесия между двумя одинаково властными стремлениями: действовать и не действовать. Зрачки Клайда расширились и потемнели; лицо, и руки, и все тело конвульсивно сжались; его неподвижность и душевное оцепенение становились все более и более зловещими, но означали, в сущности, не жестокую смелую волю к убийству, а только столбняк или судорогу.

И Роберта, вдруг заметив его странное состояние,— как бы приступ темного безумия, напряженную внутреннюю борьбу с самим собой, так странно и тягостно противоречившую всему, что их окружало,— испуганно вскрикнула:

— Клайд, Клайд, что ты? Что с тобой? У тебя такое лицо... ты такой... такой странный. Я никогда не видела тебя таким! Что с тобою?

Она поднялась и, согнувшись, очень медленно и осторожно, чтобы не качнуть лодку, попыталась добраться к нему, потому что, казалось, он вот-вот упадет ничком на дно лодки или свалится за борт. И Клайд мгновенно почувствовал всю безмерность своей неудачи, своей трусости и неуменья воспользоваться таким случаем,— и так же внезапно его охватила волна ненависти не только к самому себе, но и к Роберте, за то, что она — или сама жизнь — с такой силой связывает и порабощает его. И все же он боялся действовать... он не хотел... он хотел только сказать ей, что никогда, никогда не женится на ней... никогда,— даже если она донесет на него,— он не уедет из Ликурга, чтобы обвенчаться с ней... он любит Сондру и будет любить ее одну! Но он не в силах был даже заговорить. Он был только зол и растерян, в бешенстве смотрел он на Роберту. И когда она, придвинувшись ближе, попыталась взять его руку в свои, забрать у него аппарат и положить на дно лодки, Клайд порывисто оттолкнул ее, но и теперь у него не было иного намерения, кроме одного: избавиться от нее, от ее прикосновения, ее жалоб, ее сочувствия... ее соседства... Боже!..

И, однако, он рванулся с такой силой, что не только ударил

Роберту по губам, носу и подбородку фотографическим аппаратом (бессознательно он все еще сжимал его в руках), но и отбросил ее в сторону, на левый борт, так что лодка накренилась и едва не зачерпнула воды. Роберта пронзительно вскрикнула,— и от боли в разбитом лице, и от испуга, что накренилась лодка. Пораженный этим криком, Клайд вскочил и сделал движение к ней, отчасти затем, чтобы помочь ей, поддержать, отчасти — чтобы просить прощенья за нечаянный удар,— и этим движением окончательно перевернул лодку: и Роберта и Клайд внезапно очутились в воде. Опрокидываясь, лодка левым бортом ударила Роберту по голове как раз тогда, когда она, погрузившись на миг в воду, снова появилась на поверхности и Клайд увидел перед собой ее обезумевшее, искаженное лицо. Он уже пришел в себя. А она была оглушена, перепугана и ничего не понимала от боли и безмерного, безумного страха: страшна вода, страшно утонуть, страшен этот удар, который Клайд нанес ей случайно, почти бессознательно...

— Помогите! помогите!.. О, боже, я тону! тону! помогите!.. Клайд! Клайд!..

И вдруг голос в его ушах:

«Но ведь это... это... Не об этом ли ты думал, не этого ли желал все время в своем безвыходном положении? Вот оно! Вопреки твоим страхам, твоей трусости, это свершилось. Несчастный случай, твой нечаянный, непамеренный удар избавляет тебя от усилия, которое ты жаждал и все же не осмелился сделать. Неужели же теперь — хотя в этом вовсе нет надобности, ведь это просто несчастный случай,— ты придешь ей на помощь и, значит, снова погрузишься в мучительную безысходность, которая так терзала тебя и от которой ты теперь избавлен? Ты можешь спасти ее. Но можешь и не спасти! Смотри, как она бьется. Она оглушена ударом. Она не в состоянии спастись сама, а если ты приблизишься к ней теперь, она в своем безумном ужасе потопит и тебя. Но ведь ты хочешь жить! А если она останется жива, твоя жизнь утратит всякий смысл. Останься спокойным только на мгновенье, на несколько секунд! Жди, жди, не обращай внимания на этот жалобный призыв. И тогда... тогда... Ну вот, смотри. Все кончено. Она утонула. Ты никогда, никогда больше не увидишь ее живой, никогда. А вон твоя шляпа на воде, как ты хотел. А на лодке ее вуаль, зацепившаяся за уключину. Оставь их. Разве это не доказательство, что тут произошел несчастный случай?»

И больше ничего... легкая рябь на воде... поразительная тишина и торжественность вокруг. И снова презрительный и насмешливый крик той зловещей таинственной птицы:

Кыт-кыт-кыт... кра-а-а-а!
Кыт-кыт-кыт... кра-а-а-а!
Кыт-кыт-кыт... кра-а-а-а!

Крик дьявольской птицы на засохшем дереве. Взмахи крыльев.

И Клайд тяжело, угрюмо и мрачно плывет к берегу. Крики Роберты еще звучат в его ушах, он видит последний безумный и умоляющий взгляд ее закатившихся глаз. И — мысль, что, в конце концов, он ведь не убил ее. Нет, нет. Слава богу! Он этого не сделал. И все же (он выходит на берег и отряхивается от воды) убил? Или нет? Ведь он не пришел ей на помощь, а мог ее спасти. И ведь, в сущности, это его вина, что она упала в воду, хотя у него это и вышло нечаянно. И все же... все же...

Сумерки и тишина угасающего дня. Глушь все тех же гостеприимных лесов; подле своего сухого чемодана стоит насквозь вымокший Клайд и в ожидании ночи старается высушить свою одежду. Пока что он отвязывает от чемодана оставшийся неиспользованным штатив фотоаппарата и, отыскав подальше в лесу неприметный, лежащий на земле высохший ствол, прячет под ним штатив. Не видел ли кто-нибудь? Не смотрит ли кто-нибудь? Потом он возвращается и задумывается: куда идти? Надо пойти на запад, потом на юг. Нельзя сбиться с пути. Но вот опять крик этой птицы — резкий, бьющий по нервам. И потом — мрак, который бессильны рассеять летние звезды. И юноша пробирается через угрюмый, безлюдный лес; на голове его сухая соломенная шляпа, в руке чемодан, он идет быстро и все же осторожно — на юг... на юг...

ГЛАВА I

Округ Катараки простирается от окраины селения, известного под названием Бухты Третьей мили, на пятьдесят миль к северу до канадской границы и от Сенашета и Индейских озер на востоке на тридцать миль в ширину до рек Скалистой и Скарф. Большую часть этого пространства составляют необитаемые леса и озера, но там и сям разбросаны деревушки и поселки вроде Кунц, Грасс-Лейк, Северного Уоллеса, Браун-Лейк; в главном городе Бриджбурге насчитывается не менее двух тысяч жителей из пятнадцати тысяч населения всего округа. На центральной площади города — здание суда, старое, но не безобразное, украшенное башней с большими часами, а над ними всегда несколько голубей; на эту площадь выходят четыре главные улицы городка.

Пятница, девятое июля; в здании суда в своем кабинете сидит следователь, некий Фред Хейт,— рослый, широкоплечий человек с седеющей бородой, какою мог бы гордиться старейшина мормонов. У него широкое лицо, огромные руки и ноги и соответствующих размеров туловище.

В то время, когда начинается наш рассказ,— около половины третьего пополудни,— Хейт лениво перелистывал выписанный им по просьбе жены каталог магазина, высылающего покупки почтой. Присматриваясь к ценам на башмаки, куртки, шапки и шапочки для своих всеядных пятерых детишек, он заметил зимнее пальто для себя — пальто солидных размеров, с большим воротником, широким поясом и крупными внушительными пуговицами — и печально задумался: при своем бюджете — три тысячи долларов в год — он никак не может позволить себе в эту зиму подобную роскошь, тем более что его жена, Элла, уже не меньше трех лет мечтает о меховой шубке.

Но каковы бы ни были его размышления на этот счет, их прервал трезвон телефона.

— Да, Хейт слушает... Это Уоллес Айхэм с Большой Выни? Да, слушаю вас, Уоллес... утонула молодая пара? Хорошо, подождите минутку...

И он обернулся к бойкому молодому человеку, который недавно приступил к государственной деятельности в должности секретаря следователя.

— Записывайте данные, Эрл,— и затем в телефон: — Хорошо, Уоллес, теперь сообщите мне факты — подробности, да. Тело женщины найдено, а тело ее мужа нет... так... Опрокинутая лодка у южного берега... так. Соломенная шляпа без подкладки... так. Следы ушибов у нее около рта и глаза... Ее пальто и шляпа в гостинице... так... В одном из карманов пальто письмо... кому адресовано? Миссис Олден, Бильц, округ Майамико? Так... А тело мужа еще ищут? Так... Пока никаких следов? Понимаю... Ну, хорошо... Вот что я вам скажу, Уоллес: пальто и шляпа пускай остаются на месте. Дайте сообразить... сейчас половина третьего,— я приеду четырехчасовым поездом. Кажется, к нему высылают автобус из гостиницы? Ладно, я им и приеду, это точно... Да, Уоллес, запишите имена всех, кто присутствовал, когда нашли тело. Что еще? Восемнадцать футов глубины, не меньше? Так... За уключину зацепилась вуаль... Так... Коричневая вуаль... Это все? так... Ладно, прикажите оставить все в том же виде, как вы нашли. Я сейчас же еду. Да. Благодарю вас, Уоллес... до свиданья.

Мистер Хейт медленно повесил трубку, так же неторопливо поднялся со своего широкого, отделанного под орех кресла, погладил густую бороду и посмотрел на Эрла Ньюкома, секретаря (он же секретарь-машинистка, и клерк, и все что угодно).

— Вы все записали, Эрл?

— Да, сэр.

— Тогда берите пальто и шляпу и едем. Нам нужно попасть на поезд три десять. Вы сможете в поезде заполнить несколько повесток для вызова свидетелей. Возьмите с собой на всякий случай бланков пятнадцать — двадцать: надо будет записать имена свидетелей, которых мы найдем на месте. Да позвоните, пожалуйста, миссис Хейт и скажите, что я вряд ли поспею сегодня к обеду и даже к последнему поезду. Возможно, что мы пробудем там и до завтра. В таких случаях никогда нельзя знать, как обернется дело,— следует приготовиться ко всему.

Хейт подошел к платяному шкафу в углу старой сырой комнаты и достал оттуда соломенную панаму. Ее широкие, опущенные книзу поля придавали некоторое благородство его лицу со свирепыми, но, в сущности, добродушными глазами навыкате и густейшей бородой. Снарядившись таким образом, он сказал секретарю:

— Я на минутку зайду к шерифу, Эрл. А вам надо бы позвонить в «Республиканец» и в «Демократ» и рассказать им об этой истории: пусть газеты не думают, что мы от них что-либо скрываем. Встретимся на вокзале.

И он тяжелой походкой вышел из комнаты.

А Эрл Ньюком, высокий, худощавый молодой человек лет девятнадцати, с взъерошенными волосами, очень серьезный, хотя порою и рассеянный, тотчас схватил пачку бланков для вызова в суд и, запихивая их в карман, стал звонить по телефону миссис Хейт. Затем позвонил в редакции газет, сообщил о несчастном случае на озере Большой Выни и, схватив свою соломенную шляпу с синей лентой (шляпа была номера на два больше, чем требовалось), сбежал вниз; у распахнутой двери в кабинет знаменитого в этих краях и весьма энергичного прокурора Орвила Мейсона он столкнулся с Зиллой Саундерс, старой девой и единственной стенографисткой прокурора. Она собиралась идти в канцелярию аудитора, но, пораженная стремительностью и озабоченным видом Ньюкома, обычно гораздо более медлительного, окликнула его:

— Что случилось, Эрл? Куда вы так спешите?

— Несчастный случай. На озере Большой Выни утонули двое. А может быть, здесь и что-нибудь похуже. Мистер Хейт едет туда, и я с ним. Нам надо попасть на поезд три десять.

— Откуда вы узнали? Это кто-нибудь из здешних?

— Еще не знаю, но думаю, что нет. В кармане у женщины было письмо, адресованное в Бильц, округ Маймико, некоей миссис Олден. Я все расскажу, когда мы вернемся, или позвоню вам.

— Ах, господи, если это преступление, то мистер Мейсон, наверно, заинтересуется.

— Ну конечно. Я ему позвоню по телефону или сам мистер Хейт позвонит. Если увидите Бада Паркера или Кэрел Бэдиел, скажите им, что я уехал за город. И потом, Зилла, позвоните, пожалуйста, моей матери и предупредите ее тоже. Я боюсь, что сам не успею.

— Не беспокойтесь, позвоню.

— Спасибо!

И, очень заинтересованный этим событием, ворвавшимся в однообразное существование его начальника, Ньюком, перескакивая через две ступеньки, весело и бойко сбежал по лестнице окружного суда. А мисс Саундерс, зная, что ее начальник уехал по каким-то делам, связанным с предстоящей окружной конференцией республиканской партии, и что в его кабинете не с кем поделиться новостью, направилась в канцелярию аудитора: уж там-то можно будет всем и каждому пересказать все, что она успела узнать о трагедии на озере.

ГЛАВА II

Сведения, собранные следователем Хейтом и его помощником, были странные и тревожные. На другое утро после исчезновения лодки с такой, по-видимому, счастливой и симпатичной четой туристов, по настоянию хозяина гостиницы, начались поиски — и в Лунной бухте, за островом, были найдены перевернутая лодка, шляпа и вуаль. И немедленно все служащие гостиницы, проводники и постояльцы, которых удалось для этого завербовать, стали нырять в озеро и обшаривать дно длинными баграми с крюками на конце, пытаясь отыскать и извлечь из воды тела утонувших. Проводник Сим Шуп, хозяин гостиницы и арендатор лодочной станции рассказали, что погибшая женщина была молода и хороша собой, а ее спутник — по-видимому, довольно состоятельный молодой человек, и поэтому происшествие вызвало у немногочисленных здешних жителей — лесорубов и служащих гостиницы — не только интерес, но и сочувствие. К тому же все недоумевали, каким образом в прекрасный безветренный день мог произойти такой странный несчастный случай.

Но еще большее волнение поднялось, когда в полдень, после непродолжительных поисков, один из работавших багром — Джон Пол, лесоруб — вытащил из воды Роберту, зацепив крюком ее платье; на лице ее — у рта, у носа, над правым глазом и под ним — явственно виднелись следы ушибов, и всем присутствующим это обстоятельство сразу показалось подозрительным. Джон Пол, который вместе с Джо Райпером, сидевшим на веслах, вытащил ее из воды, взглянув на нее, воскликнул:

— Ах ты бедняжка! Легкая, как перышко! Не пойму даже, как она могла утонуть.

Он перегнулся через борт и, подхватив Роберту своими сильными руками, втащил ее, мокрую и бездыханную, в лодку;

тем временем его товарищи подали знак другим лодкам, и те быстро приплыли на зов.

Отведя в сторону длинные густые каштановые волосы девушки, спутанные водою и скрывавшие ее лицо, Джон прибавил:

— Вот так штука! Смотри, Джо! Сдается мне, малютку чем-то стукнули! Погляди-ка!

Скоро все лесорубы и постояльцы гостиницы, подплыв на лодках, стали рассматривать кровоподтеки на лице Роберты. И как только тело ее повезли на север, к лодочной станции, а на озере возобновились поиски тела ее спутника, были высказаны догадки: «Что-то здесь неладно... Синяки... и вообще... И как это лодка могла опрокинуться в такой тихий день?» — «Сейчас увидим, есть ли там кто-нибудь на дне...» А когда многочасовые бесплодные поиски ни к чему не привели, все окончательно решили, что трупа мужчины на дне скорее всего нет и не было,— страшная, волнующая мысль...

Вслед за тем в разговоре между проводником, который привез Клайда и Роберту со станции, и хозяевами гостиниц на озере Большой Выпи и на Луговом, было установлено следующее: 1) что утонувшая девушка оставила свой чемодан на станции Ружейной, тогда как Клифорд Голден взял чемодан с собою; 2) что было подозрительное противоречие между записями в гостинице на Луговом озере и на Большой Выпи: в одной — Карл Грэхем, в другой— Клифорд Голден, хотя, судя по внешности (в чем убедились оба хозяина гостиниц после тщательного обсуждения), это был, несомненно, один и тот же человек; и 3) что названный Клифорд Голден или Карл Грэхем справлялся у проводника, который вез его на озеро Большой Выпи, много ли там в этот день народу. После этого смутные подозрения перешли в полную уверенность, что дело здесь нечисто. Едва ли на этот счет оставались какие-либо сомнения.

Прибывшему следователю Хейту немедленно дали понять, что жители северных лесов глубоко взволнованы всем происшедшим и уверены в справедливости своих подозрений. Они полагают, что тела Клифорда Голдена или Карла Грэхема никогда и не было на дне озера. И Хейт, осмотрев тело неизвестной девушки, которое бережно положили на койку в домике при лодочной станции, и увидев, что утопленница молода и красива, был тоже странно взволнован — не только ее внешностью, но и всей окружающей атмосферой, насыщенной подозрениями. Более того, вернувшись в контору гостиницы и прочитав письмо, найденное в кармане пальто Роберты, он окончательно скло-

нился в сторону самых мрачных подозрений, ибо прочел следующее:

«*Луговое озеро, штат Нью-Йорк, 8 июля.*

Дорогая мамочка!

Мы теперь здесь и собираемся обвенчаться, но это я пишу только для тебя одной. Пожалуйста, не показывай мое письмо папе и вообще никому, потому что это пока еще секрет. Я тебе говорила на рождестве, в чем дело, так что ты не беспокойся, ничего не спрашивай и никому обо мне не говори. Можно сказать только, что ты получила от меня письмо и знаешь, где я. Не бойся, все будет хорошо. Обнимаю тебя, мамочка, и крепко целую в обе щеки. Не волнуйся и постарайся убедить папу, что все в порядке, но только не говори ничего ни ему, ни Эмилии, ни Тому, ни Гифорду, ладно? Целую тебя много, много раз.

Любящая тебя *Берта.*

Все это пока — секрет и должно оставаться между нами, а немного погодя, когда это перестанет быть тайной, я тебе сразу напишу».

В верхнем правом углу листка, так же как и на конверте, был штемпель: «Гостиница «Луговое озеро», штат Нью-Йорк, владелец Джек Ивенс». Очевидно, письмо было написано утром, после того как они провели ночь в этой гостинице, записавшись под именем мистера и миссис Грэхем.

Ох, уж это девичье легкомыслие!

Из письма было ясно, что эти двое остановились в гостинице как муж и жена — и, однако, не были женаты. Хейта передернуло при чтении этого письма, потому что и у него были дочери, и он их горячо любил. Но тут у него явилась одна мысль. В округе приближается время выборов; в ноябре должны быть переизбраны на следующее трехлетие все местные власти, включая и следователя; вдобавок в этом же году предстоят выборы окружного судьи (срок его полномочий шесть лет). В августе, то есть примерно через полтора месяца, должны состояться окружные конференции республиканской и демократической партий, и тогда будут выдвинуты кандидаты на соответствующие должности. Однако ни на одну должность, кроме поста окружного судьи, не мог пока рассчитывать нынешний прокурор, поскольку он занимал место прокурора уже два срока

подряд. Этим он был обязан не только своему таланту провинциального политического оратора, но и тому, что в качестве высшего судебного чиновника имел возможность оказывать своим друзьям различные услуги. Но теперь, если только ему не посчастливится быть выдвинутым, а затем и избранным на пост окружного судьи, должен наступить конец его политической карьере. Беда в том, что за весь период его полномочий не было ни одного значительного судебного процесса, который помог бы ему выдвинуться и, следовательно, дал бы право рассчитывать и впредь на признание и уважение избирателей. Но теперь...

Происшествие на озере Большой Выпи, размышлял проницательный следователь, вполне может оказаться таким делом, которое привлечет внимание и симпатии населения к этому человеку — нынешнему прокурору, его, Хейта, близкому и весьма полезному другу. Это благотворно отразится на его влиянии и репутации, а тем самым и на всем списке кандидатов его партии, так что на предстоящих выборах все они могут быть избраны. Нынешний прокурор сможет добиться того, что его не только выдвинут кандидатом, но и изберут в ноябре судьей на шестилетний срок. Случались в политическом мире и более странные вещи...

И Хейт сразу решил не отвечать ни на какие вопросы относительно найденного письма, потому что оно обещало быстро раскрыть тайну преступления, если таковое имело место, и при существующей политической ситуации сулило славу и почет каждому, кто будет причастен к раскрытию этой тайны.

Одновременно он приказал Эрлу Ньюкому и проводнику, который привез Роберту и Клайда на озеро Большой Выпи, отправиться на станцию Ружейную и сказать, что оставленный там чемодан не может быть выдан никому, кроме самого Хейта или представителя прокурора. Затем он собирался уже звонить по телефону в Билыц, чтобы проверить, проживает ли в тех местах семья Олден, с дочерью Бертой или Альбертой, но тут (по воле самого провидения, как ему показалось) его прервали: двое мужчин и мальчик — здешние охотники — в сопровождении толпы тех, кто уже знал о трагедии на озере, почти ворвались к нему в комнату. У них имеются сведения чрезвычайной важности, заявили они и, то и дело перебивая и поправляя друг друга, рассказали, что в тот день, когда утонула Роберта, часов в пять вечера они вышли из Бухты Третьей мили (около двенадцати миль к югу от Большой Выпи), собираясь поохотиться вблизи этого озера и половить здесь рыбу. И вот, единогласно

показали они, в тот же вечер около девяти часов, когда они подходили к южному берегу Большой Выпи,— может быть, мили за три до него,— им встретился молодой человек, которого они приняли за туриста, идущего из гостиницы на озере Большой Выпи в поселок Бухты Третьей мили. Он был очень хорошо, щегольски одет, совсем не как здешний житель. На голове его была соломенная шляпа, в руках чемодан, и их тогда удивило, почему он идет пешком, да еще в такое странное время, когда наутро мог бы поездом доехать до Бухты Третьей мили за один час. И потом почему, встретившись с ними, он так испугался? По их словам, столкнувшись с ними в лесу, он шарахнулся в испуге, больше того — в ужасе, точно хотел бежать. Правда, фитиль в фонаре, который нес один из них, был сильно прикручен, так как вечер был лунный, и шли они очень тихо, шагом людей, привыкших выслеживать всякого лесного зверя. Но ведь эти места совершенно безопасные, тут встречаются только такие же честные граждане, как они сами, и незачем было молодому человеку кидаться в сторону, точно он хотел спрятаться в кусты. Впрочем, когда Бад Брюнинг, паренек, который нес фонарь, прибавил в нем света, прохожий как будто пришел в себя, ответил на их приветствие и спросил, далеко ли до Бухты Третьей мили. Они ответили, что около семи миль, и он пошел дальше, а они продолжали свой путь, обсуждая странную встречу.

И теперь, поскольку приметы молодого человека в точности совпадали с тем, как его описывали проводник, везший Клайда со станции Ружейной, и владельцы гостиниц на озере Большой Выпи и на Луговом, стало совершенно ясно, что это тот самый человек, который поехал на лодке с неизвестной утопленницей.

Эрл Ньюком сразу же попросил у своего начальника разрешения справиться по телефону у хозяина единственной гостиницы в Бухте Третьей мили, не останавливался ли там случайно таинственный незнакомец. Оказалось, что нет. По-видимому, никто, кроме этих трех охотников, нигде его не видел. Он точно растаял в воздухе, хотя вечером в тот же день было установлено, что молодого человека схожей внешности, с чемоданом в руке, но не в соломенной шляпе, а в кепке, на следующее утро после встречи в лесу видели в Шейроне: он сел на маленький озерный пароход «Лебедь», курсирующий между Бухтой Третьей мили и Шейроном. Но потом его след был потерян. Никто в Шейроне до сих пор не мог припомнить, чтобы приезжал или уезжал такой человек. Даже сам капитан, как он

впоследствии показал, не заметил, как высадился этот пассажир: на пароходе в тот день было пятнадцать пассажиров, и капитан не мог как следует припомнить ни одного из них.

Однако все обитатели Большой Выпи постепенно пришли к непоколебимому убеждению, что, кто бы ни был этот субъект, он — отъявленный, хладнокровный злодей! И все с удвоенной, утроенной силой желали, чтобы он был схвачен и арестован. Негодяй! Убийца! И немедленно повсюду из уст в уста, по телефону, по телеграфу, вплоть до местных газет, вроде «Аргус» и «Таймс юнион» в Олбани или «Стар» в Ликурге, разнеслась весть о волнующей трагедии на озере; при этом делались намеки, что тут, возможно, кроется страшное преступление.

ГЛАВА III

Исполнив свой служебный долг, следователь Хейт на обратном пути обдумывал, как поступать дальше. Каков должен быть его следующий шаг в этом прискорбном деле? Перед отъездом он еще раз пошел взглянуть на Роберту и был глубоко, непритворно взволнован: она казалась такой юной, невинной и хорошенькой. Влажные тяжелые складки скромного синего платья из саржи облегали ее тело; маленькие руки были сложены на груди, золотисто-каштановые волосы, еще не просохшие после двадцати четырех часов пребывания в воде, чем-то наводили на мысль о былой живости и страстности,— и все это, казалось, говорило о мягком обаянии, бесконечно далеком от преступления.

Но была в этом, без сомнения очень печальном, деле и еще одна сторона, касающаяся лично его, следователя. Должен ли он отправиться в Бильц к миссис Олден, которой адресовано письмо, сообщить ей ужасную весть о смерти ее дочери и при этом расспросить, кто был спутник погибшей и где он находится? Или же ему следует сперва явиться в Бриджбург к прокурору Мейсону и сообщить ему все подробности случившегося, с тем чтобы этот джентльмен принял на себя печальную обязанность нанести сокрушительный удар почтенной, видимо, семье? Тут надо учесть политическую ситуацию. И хотя следователь имеет право действовать самостоятельно и выдвинуться на этом деле, нужно принять во внимание общее положение партии: сильный человек, безусловно, должен стать во главе партийного списка и укрепить позиции партии на осенних выборах, трагедия на озере — для этого блестящая возможность.

Значит, второй вариант наиболее разумен: для друга Хейта, прокурора, это — великолепный случай! С такими мыслями Хейт приехал в Бриджбург и торжественно явился в кабинет к прокурору Орвилу Мейсону, который мгновенно насторожился, почувствовав по поведению следователя, что произошло нечто значительное.

Мейсон был человек небольшого роста, плечистый и физически очень сильный; но в юности он, к несчастью, случайно сломал себе нос, и это очень испортило его приятное и даже интересное лицо, придав ему мрачное, почти зловещее выражение. Но Мейсон был личностью отнюдь не мрачной, а скорее чувствительной и романтичной. В детстве он испытал нужду и унижения и поэтому позднее, в более счастливые годы, смотрел на людей, к которым жизнь была снисходительнее, как на баловней судьбы. Его мать, вдова бедного фермера, с великим трудом сводила концы с концами, и к двенадцати годам он отказался чуть ли не от всех ребяческих игр и удовольствий, чтобы ей помогать. А в четырнадцать лет, катаясь на коньках, он упал и так разбил нос, что это навсегда его обезобразило. Поэтому он всегда оказывался побежденным в юношеском соперничестве из-за девушек: их внимание, которого он так жаждал, доставалось другим — и постепенно он стал крайне чувствителен к своему уродству. Дело кончилось тем, что фрейдисты обычно называют психо-сексуальной травмой.

В семнадцать лет, однако, Мейсон сумел завоевать симпатию издателя бриджбургской газеты «Республиканец» и стал ее постоянным хроникером. Позже его корреспонденции по округу Катараки печатались уже в таких газетах, как «Таймс юнион» в Олбани и «Стар» в Утике, а к девятнадцати годам он получил возможность изучать юриспруденцию в конторе бывшего бриджбургского судьи Дэвиса Ричофера. Еще через несколько лет он получил право заниматься адвокатской практикой; он завоевал симпатии некоторых местных политиков и коммерсантов, и они позаботились о том, чтобы провести его в законодательное собрание штата; там он заседал шесть лет кряду и своей скромной, но дальновидной и честолюбивой готовностью поступать, как прикажут, добился благосклонности столичных заправил, сохранив при этом и симпатии своих покровителей в родном городе. Он обладал и кое-каким ораторским дарованием и, когда вернулся в Бриджбург, получил сперва место помощника прокурора, затем, через четыре года, был избран аудитором и, наконец, на два четырехлетия подряд — прокурором. Заняв столь высокое положение в обществе, он

женился на дочери местного аптекаря, человека со средствами, и стал отцом двоих детей.

О происшествии на озере Большой Выпи Мейсон уже слышал от мисс Саундерс все, что она узнала сама, и, как и следователь Хейт, сразу понял, что шумиха, которая наверняка поднимется вокруг этого преступления, будет ему очень на руку. Возможно, она поможет укрепить его шаткий политический престиж и даже, пожалуй, разрешит проблему всего его будущего. Во всяком случае, он чрезвычайно заинтересовался. И теперь, при виде Хейта, он не скрыл своего живейшего интереса к этому происшествию.

— Ну, что нового, Хейт?

— Так вот, Орвил, я только что с Большой Выпи. Мне кажется, я нашел для вас дело, на которое вам придется потратить толику времени.

Большие выпуклые глаза Хейта говорили гораздо больше, чем это ни к чему не обязывающее вступление.

— Вы имеете в виду несчастный случай на озере?

— Да, сэр, именно.

— У вас есть основания думать, что тут что-то нечисто?

— Видите ли, Орвил, я нимало не сомневаюсь, что это убийство.— Хмурые глаза Хейта мрачно сверкнули.— Конечно, осторожность прежде всего, и все это пока между нами. Я, правда, еще не вполне убежден, что тело молодого человека не найдется на дне озера. Но все это, по-моему, очень подозрительно, Орвил. Не меньше пятнадцати человек вчера и сегодня целый день обшаривали баграми южную часть озера. Я велел нескольким парням измерить глубину в разных местах — нигде нет больше двадцати пяти футов. И до сих пор — никаких следов мужчины. А ее вытащили вчера, около часу дня, не так уж долго ее искали. И очень красивая девушка, Орвил, совсем молоденькая, лет восемнадцать — двадцать, не больше. Но тут есть несколько очень подозрительных обстоятельств, почему я и думаю, что трупа ее спутника там нет. По правде говоря, я еще не видел случая, который бы так походил на дьявольское преступление.

Сказав это, он начал рыться в правом кармане своего изрядно поношенного и мешковатого пиджака и наконец извлек оттуда письмо Роберты; протянув его другу, он придвинул стул и уселся; тем временем прокурор принялся за чтение.

— Да, все это выглядит довольно подозрительно,— сказал Мейсон, дочитав письмо.— И вы говорите, его до сих пор не

нашли... Ну, а мать покойной вы уже видели? Что она знает об этом деле?

— Нет, Орвил, я ее не видел,— медленно и задумчиво ответил Хейт,— и скажу вам почему. Я еще вчера решил, что лучше мне сперва потолковать с вами, а потом уже предпринимать что-либо по этому делу. Вы сами знаете, какая у нас сейчас политическая ситуация. Такое дело, если его правильно повести, может изрядно повлиять на общественное мнение этой осенью. Я, конечно, не думаю, что мы должны примешивать политику к такому преступлению, а все-таки почему бы нам не вести это дело так, чтобы его поставили нам в заслугу? Вот я и решил сначала поговорить с вами. Конечно, если хотите, я туда съезжу. Но только, по-моему, лучше бы вы поехали сами и выяснили, кто этот парень и что он собою представляет. Вы сами знаете, что может означать такое дело с политической точки зрения, если только мы его доведем до конца. А я знаю, что вы можете это сделать, Орвил.

— Спасибо, Фред, спасибо,— торжественно ответил Мейсон, *постукивая письмом по столу и косясь на приятеля.*— Очень вам благодарен за лестное мнение обо мне. Думаю, что вы избрали самый верный путь. А вы уверены, что никто, кроме вас, не видел этого письма?

— Только конверт. Да и его видел только один мистер Хаббард, хозяин гостиницы. Он мне сказал, что нашел письмо в кармане ее пальто, побоялся, как бы оно не исчезло или не было распечатано до моего приезда, и потому забрал его к себе. Он говорит, что сразу почуял неладное, как только услышал о несчастье. По его словам, молодой человек очень нервничал и вел себя как-то странно.

— Очень хорошо, Фред. И пока никому больше ничего не говорите об этом деле, ладно? Я сейчас же еду туда. Но, может быть, вы еще что-нибудь узнали?

Мистер Мейсон был теперь очень оживлен и полон энергии, непрерывно задавал вопросы и даже со своим старым другом стал разговаривать повелительным тоном.

— Да, узнал немало,— глубокомысленно и важно ответил следователь.— На лице девушки есть подозрительные синяки и ссадины, Орвил: под правым глазом и над левым виском и еще на губе и на носу; похоже, что бедняжку чем-то ударили — камнем, или палкой, или, может быть, одним из весел; они там плавали неподалеку. На вид она еще совсем ребенок, такая маленькая, и знаете, Орвил, очень хорошенькая девушка... но вела себя не так, как полагается. Сейчас я вам объясню.— Тут

следователь замолчал, вытащил из кармана огромный носовой платок и шумно высморкался, а затем тщательно расправил бороду.— Там у меня не было времени достать врача, и, кроме того, я постараюсь организовать здесь в понедельник вскрытие и следствие. Я уже распорядился: братья Луц сегодня перевезут ее сюда. Но всего подозрительнее показания двух охотников и мальчугана, которые живут в Бухте Третьей мили: они шли в четверг вечером на Большую Выпь охотиться и ловить рыбу. Я велел Эрлу записать их имена, заполнить повестки и вызвать их в понедельник для допроса.

И следователь подробно передал показания этих людей об их случайной встрече с Клайдом.

— Так, так! — то и дело восклицал прокурор, глубоко заинтересованный.

— И еще одно, Орвил,— продолжал следователь.— Я поручил Эрлу навести по телефону справки в Бухте Третьей мили — у хозяина гостиницы, почтмейстера и тамошнего начальника полиции, но как будто того юнца видел только один человек. Это капитан пароходика, который ходит между Бухтой Третьей мили и Шейроном,— капитан Муни, вы, наверно, его знаете. Я велел Эрлу вызвать его тоже. По его словам, в пятницу утром, около половины девятого, как раз, когда его «Лебедь» отправлялся в первый рейс до Шейрона, этот самый молодой человек или кто-то очень похожий, судя по описанию, сел на пароход и взял билет до Шейрона. Он был с чемоданом и в кепке, а когда те трое встретили его в лесу, на нем была соломенная шляпа. Капитан говорит, что это очень красивый малый. Ладно скроен, хорошо одет, по виду — человек из высшего общества. Держался особняком.

— Так, так,— заметил Мейсон.

— Я поручил Эрлу позвонить в Шейрон, расспросить кого только можно, не видали ли там такого приезжего. Правда, там его, видимо, никто не припомнил,— по крайней мере, до вчерашнего вечера, когда я уезжал, сведений не было. Но я распорядился, чтобы Эрл по телеграфу сообщил его приметы во все здешние гостиницы, дачные местности и на железнодорожные станции, так что, если он где-нибудь в этих краях, его быстро выследят. Я считал, что вам будут по душе мои действия. А теперь, если вы дадите мне ордер, я бы доставил вам тот чемодан со станции Ружейной. В нем могут оказаться такие вещи, о которых нам следует знать. Я сам за ним съезжу. И потом я хочу сегодня же побывать на Луговом озере, в Бухте Третьей мили и в Шейроне, если успею. Посмотрю, что

там еще можно выяснить. Но боюсь, что здесь самое настоящее убийство. Подумайте, он привез ее сперва в гостиницу на Луговое озеро, а потом на Большую Выпь и записался под разными именами! Ее чемодан оставил на станции, а свой взял с собой! — Тут Хейт многозначительно покачал головой.— Вы же понимаете, Орвил, порядочные люди так не поступают. Одного не пойму, как ее родители позволили ей уехать с этим человеком, не узнав сперва, что он собой представляет.

— Это верно,— тактично согласился Мейсон.

С жгучим любопытством он думал о том, что эта девушка, как видно, была отнюдь не безупречного поведения. Незаконное сожительство! И конечно, с каким-то богатым молодым горожанином, откуда-нибудь с юга. Какую популярность, какое положение может приобрести он, Мейсон, в связи с этим делом! Он порывисто встал, ощущая прилив энергии. Только бы ему поймать этого преступного негодяя! Такое жестокое убийство, конечно, вызовет бурю негодования. А тут августовская конференция, выдвижение кандидатов! И осенние выборы!

— Пусть меня повесят! — воскликнул он; присутствие Хейта, человека верующего и степенного, заставило его удержаться от выражения покрепче.— Мы наверняка напали на след чего-то очень серьезного, Фред. Я в этом просто убежден. По-моему, тут скверная история — гнуснейшее преступление. Первым делом, я думаю, надо связаться по телефону с Бильцем и узнать, есть ли там семья Олден и где именно они живут. Автомобилем напрямик до Бильца всего миль пятьдесят, а то и меньше. Правда, дорога отвратительная,— прибавил он.— Несчастная мать! Я просто боюсь встречи с нею. Конечно, это будет очень тяжело...

Он позвал Зиллу и попросил проверить, живет ли в окрестностях Бильца некто Тайтус Олден и как его найти. Затем прибавил:

— Но сначала вызовите сюда Бэртона (Бэртон Бэрлей, его помощник, уехал за город на субботу и воскресенье). Он будет вам полезен, Фред, если понадобится отдать какое-нибудь предписание и прочее, а я поеду к этой бедной женщине. И буду вам очень признателен, если вы пошлете Эрла за чемоданом. А я привезу сюда отца девушки, чтобы установить ее личность. Но только, пока я не вернусь, никому ни слова — ни о письме, ни о том, что я уехал в Бильц, понимаете? — Он пожал руку приятелю.— А сейчас,— продолжал он немного высокопарно, уже предвкушая свою роль в великих событиях,— я должен поблагодарить вас, Фред. Я очень вам обязан и никогда этого

не забуду, поверьте.— Он посмотрел старому другу прямо в глаза.— Все это может для нас обернуться лучше, чем мы думаем. Мне кажется, это самое большое, самое серьезное дело за все время моей службы, и если мы сумеем быстро и успешно разобраться в нем до осенних событий, это всем нам очень пригодится, как по-вашему?

— Верно, Орвил, совершенно верно,— согласился Хейт.— Я уже вам говорил, по-моему, не следует примешивать политику к таким делам, но раз уж это само собой получается...— И он в раздумье умолк.

— А пока что,— продолжал прокурор,— поручите Эрлу сделать несколько снимков: пусть точно зафиксирует, где нашли лодку, весла, шляпу и в каком месте найдена утонувшая девушка. И вызовите как можно больше свидетелей. Я договорюсь с аудитором, чтобы вам были возмещены все расходы. А завтра или в понедельник я буду здесь и сам примусь за работу.

Он сжал руку Хейта и похлопал его по плечу. А Хейт, очень польщенный его вниманием и, следовательно, преисполненный надежд на будущее, надел свою чудовищную соломенную шляпу, застегнул широчайшее пальто и возвратился в канцелярию, чтобы вызвать по междугородному телефону верного Эрла, дать ему инструкции и известить, что и сам он, Хейт, снова выедет на место преступления.

ГЛАВА IV

Орвил Мейсон сразу проникся сочувствием к Олденам, потому что с первого же взгляда понял: этой семье, должно быть, как и ему, знакомы удары судьбы, унижения и оскорбления. В субботу, около четырех часов дня, приехав на своем служебном автомобиле из Бриджбурга, он увидел перед собою старый, жалкий и ветхий дом и у подножия холма, в дверях хлева — самого Тайтуса Олдена в рубашке с короткими рукавами и комбинезоне; его лицо, фигура, весь облик говорили, что это — неудачник, который хорошо сознает бесплодность своих усилий. И теперь Мейсон пожалел, что не позвонил по телефону перед отъездом из Бриджбурга: он понял, что для такого человека известие о смерти дочери будет страшным ударом. Тем временем Тайтус, увидев шедшего к нему Мейсона, подумал, что это приезжий, который хочет спросить дорогу, и вежливо подошел к нему.

— Вы мистер Тайтус Олден?

— Да, сэр, это я.

— Мистер Олден, моя фамилия Мейсон, я из Бриджбурга, прокурор округа Катараки.

— Так, сэр,— ответил Тайтус, недоумевая, для чего он мог понадобиться прокурору, да еще из такого далекого округа.

А Мейсон смотрел на Тайтуса, не зная, с чего начать. Трагическое известие, которое он привез, будет, пожалуй, убийственно для этого явно слабого и беспомощного человека. Они стояли под одной из высоких темных елей, росших перед домом. Ветер в ее иглах шепотом повторял свою песню, старую, как мир.

— Мистер Олден,— начал Мейсон с необычной для него серьезностью и мягкостью.— У вас есть дочь по имени Берта или, может быть, Альберта? Я не совсем точно знаю ее имя.

— Роберта,— поправил Тайтус Олден, внутренне вздрогнув от недоброго предчувствия.

И Мейсон, опасаясь, что потом этот человек будет не в состоянии рассказать ему толком все, что он хотел узнать, поспешно спросил:

— Кстати, вы случайно не знаете здесь молодого человека по имени Клифорд Голден?

— Насколько помню, никогда не слыхал о таком,— медленно ответил Тайтус.

— Или Карл Грэхем?

— Нет, сэр. Не припомню человека с таким именем.

— Так я и думал,— воскликнул Мейсон, обращаясь не столько к Тайтусу, сколько к самому себе, и продолжал строго и властно: — А кстати, где сейчас ваша дочь?

— В Ликурге. Она теперь там работает. Но почему вы спрашиваете? Разве она сделала что-нибудь плохое... или просила вас о чем-нибудь?

Он криво, с усилием улыбнулся, но в его серо-голубых глазах было смятение и тревожный вопрос.

— Одну минуту, мистер Олден,— продолжал Мейсон мягко, но в то же время решительно.— Сейчас я вам все объясню. Но сначала я должен задать вам два-три вопроса.— И он посмотрел на Тайтуса серьезно и сочувственно.— Когда вы в последний раз видели вашу дочь?

— Да вот, она уехала во вторник утром, потому как ей надо было возвращаться в Ликург. Она там работает на фабрике воротничков и рубашек Грифитса. Но...

— Еще минуту,— твердо повторил прокурор,— я сейчас все объясню. Вероятно, она приезжала домой на субботу и воскресенье. Так?

— Она приезжала в отпуск и прожила у нас примерно с месяц,— медленно и подробно объяснял Тайтус.— Она не совсем хорошо себя чувствовала и приехала домой немножко отдохнуть. Но когда она уезжала, она была совсем здорова. Вы ведь не привезли дурных вестей, мистер Мейсон? С ней ничего неладного не случилось? — С недоумевающим видом он поднес свою длинную загорелую руку к подбородку.— Да нет, не может этого быть...— Он растерянно провел рукой по редким седым волосам.

— А вы не имели от нее вестей, с тех пор как она уехала? — спокойно продолжал Мейсон с твердым намерением получить возможно больше сведений прежде чем нанести тяжелый удар.— Она не сообщала, что поедет не в Ликург, а еще куда-нибудь?

— Нет, сэр, мы ничего не получали. Но скажите, с нею не случилось никакой беды? Может быть, она сделала что-нибудь такое... Да нет же, не может этого быть! Но вы так спрашиваете... Вы так говорите...

Он слегка дрожал и бессознательно дотрагивался рукой до тонких бледных губ. Но прокурор, не отвечая, достал из кармана письмо Роберты к матери и, показывая старику одну только надпись на конверте, спросил:

— Это почерк вашей дочери?

— Да, сэр, это ее почерк,— ответил Тайтус, слегка возвышая голос.— Но в чем же дело, господин прокурор? Почему это письмо попало к вам? Что в этом письме? — Он судорожно стиснул руки, уже ясно читая в глазах Мейсона весть о каком-то страшном несчастье.— Что это? Что там?.. Что она пишет в этом письме? Вы должны мне сказать, что случилось с моей дочерью!

Он в волнении оглянулся, словно собираясь бежать в дом, позвать на помощь, поделиться с женой своим ужасом... И Мейсон, видя, в какое состояние привел он несчастного старика, с силой, но дружески схватил его за руки.

— Мистер Олден,— начал он,— у каждого из нас бывают в жизни такие тяжелые минуты, когда необходимо собрать все свое мужество. Я не решаюсь сказать вам, в чем дело, потому что я и сам многое испытал в жизни и понимаю, как вы будете страдать.

— Она ранена! Может быть, она умерла? — пронзительно закричал Тайтус, расширенными глазами глядя на прокурора.

Орвил Мейсон кивнул.

— Роберта! Дитя мое! Господи! — Старик согнулся, точно от удара, и прислонился к дереву, чтобы не упасть.— Но как? Где? Ее убило машиной на фабрике? Боже милостивый!

Он повернулся, чтобы пойти домой, к жене, но прокурор, человек с изувеченным лицом и сильными руками, удержал его:

— Одну минуту, мистер Олден, одну минуту! Вы не должны пока идти к жене. Я знаю, это очень тяжело, это ужасно, но позвольте объяснить. Не в Ликурге и не машиной, нет. Она утонула. В озере Большой Выни. Она поехала за город в четверг, понимаете? Слышите, в четверг. Она утонула в озере Большой Выни в четверг, катаясь на лодке. Лодка перевернулась.

Волнение Тайтуса, его полные отчаяния слова и жесты так подействовали на прокурора, что он не мог с должным спокойствием объяснить, каким образом все произошло (если даже предположить, что это был несчастный случай). Услышав от Мейсона слово «смерть» в связи с Робертой, потрясенный Олден едва не лишился рассудка. Выкрикнув свои первые вопросы, он начал глухо стонать, как раненый зверь, точно ему не хватало дыхания. Он согнулся, скорчился, как от сильной боли, потом всплеснул руками и сжал ладонями виски.

— Моя Роберта умерла! Моя дочь! Нет, нет! Роберта! О, господи! Не утонула! Не может этого быть! Мать говорила о ней только час назад. Она умрет, когда услышит. И меня это убьет. Да, убьет. Моя бедная, моя дорогая девочка! Детка моя! Я не вынесу этого, господин прокурор!

И он тяжело и устало оперся на Мейсона, который, как мог, старался его поддержать. Через минуту старик оглянулся на дом и посмотрел на дверь недоуменным, блуждающим взглядом помешанного.

— Кто скажет ей? — спросил он.— Кто решится ей сказать?

— Послушайте, мистер Олден,— убеждал Мейсон,— ради вас самих и ради вашей жены прошу вас: успокойтесь и помогите мне разобраться в этом деле, помогите трезво и тщательно, как будто речь идет не о вашей дочери. Я вам еще далеко не все рассказал. Но вы должны успокоиться. Дайте мне все объяснить. Это ужасно, и я от всей души вам сочувствую. Я знаю, как вам тяжело. Но тут есть ужасные и тягостные обстоятельства, о которых вы должны узнать. Выслушайте же меня! Выслушайте!

И тут, продолжая держать Тайтуса под руку, Мейсон так быстро и убедительно, как только мог, сообщил различные факты и подозрения, связанные со смертью Роберты, потом дал ему прочитать ее письмо и под конец воскликнул:

— Здесь преступление! Преступление, мистер Олден! Так мы думаем в Бриджбурге,— по крайней мере, мы этого опасаемся,— несомненное убийство, мистер Олден, если можно употребить такое жестокое, холодное слово.

Он помолчал, а Олден, потрясенный упоминанием о преступлении, неподвижно смотрел на него, словно не вполне понимая, что ему говорят.

— Как я ни уважаю ваши чувства, — снова заговорил Мейсон,— однако, как главный представитель закона в моем округе, я счел своим долгом приехать сегодня сюда, чтобы узнать, что известно вам об этом Клифорде Голдене или Карле Грэхеме или о ком бы то ни было, кто завлек вашу дочь на это безлюдное озеро. Я понимаю, мистер Олден, вы сейчас испытываете жесточайшие страдания. И все же я утверждаю, что ваш долг — и это должно быть и вашим желанием — всеми силами помочь мне распутать это дело. Данное письмо показывает, что ваша жена, во всяком случае, знает кое-что об этом субъекте,— знает хотя бы его имя.

И он многозначительно постучал пальцем по письму.

Как только Олден понял, что его дочь, видимо, стала жертвой злодейского насилия, к чувству горькой утраты примешался какой-то звериный инстинкт, смешанный с любопытством, гневом и страстью прирожденного охотника,— все это помогло ему овладеть собой, и теперь он молча и мрачно слушал, что говорил прокурор. Его дочь не просто утонула — она убита, и убил ее какой-то молодой человек, за которого, как видно из письма, она собиралась выйти замуж! И он, ее отец, даже не подозревал о существовании этого человека! Странно, что жена знала, а он — нет. И Роберта не хотела, чтобы он знал.

И тотчас у него возникла мысль, порожденная его религиозными верованиями, условностями и обычным для деревенского жителя подозрительным отношением к городу и ко всей городской запутанной и безбожной жизни: наверно, какой-нибудь молодой богатый горожанин, соблазнитель и обманщик, с которым Роберта встретилась в Ликурге, обольстил ее, обещая жениться, а потом, конечно, не пожелал сдержать слово. И в нем мгновенно вспыхнуло жестокое, неукротимое желание отомстить тому, кто мог пойти на такое гнусное преступление против его дочери. Негодяй! Насильник! Убийца!

И он и жена думали, что в Ликурге Роберта спокойно, серьезно и счастливо идет своим трудным и честным путем, работает, чтобы содержать себя и помогать им, старикам. А между тем с четверга до утра пятницы тело ее лежало на дне озера. А они спали на мягкой постели, ходили, разговаривали, не подозревая о ее страшной судьбе. И теперь ее тело где-то в чужой комнате или, может быть, в морге, и родные, любящие руки не позаботились о нем,— и завтра равнодушные, холодные чиновники отвезут его в Бриджбург.

— Если есть бог,— в волнении воскликнул Олден,— он не допустит, чтобы такой негодяй остался безнаказанным! Нет, не допустит!.. «Увижу я еще,— вдруг процитировал он,— детей праведника покинутыми и потомков его просящими хлеба».— И внезапно охваченный жгучей жаждой деятельности, он прибавил: — Теперь я должен все рассказать жене. Да, да, сейчас же! Нет, вы подождите здесь. Сначала я скажу ей все наедине. Я сейчас вернусь. Сейчас. Подождите меня здесь. Я знаю, это ее убьет. Но она должна знать все. Может быть, она скажет нам, кто он, тогда мы поймаем его, пока он не удрал подальше... Бедная моя дочка! Бедная маленькая Роберта! Моя милая, добрая, честная девочка!

И так, бессвязно бормоча, со страдальческим, почти безумным лицом он повернулся и, угловатый и нескладный, походкой автомата направился к пристройке, которая служила кухней: там, как он знал, жена готовила какие-то особенные блюда к завтрашнему — воскресному — обеду. Но на пороге он остановился, у него не хватило мужества идти дальше. Он был живым воплощением трагической беспомощности человека перед безжалостными, непостижимыми и равнодушными силами жизни.

Миссис Олден обернулась и, увидев его искаженное лицо, бессильно опустила руки; его предвещавший недоброе взгляд разом согнал с ее лица усталое, но мирное и простодушное спокойствие.

— Тайтус, ради бога! Что случилось?

Воздетые к небу руки, полуоткрытый рот, жуткие, невольно и неестественно сузившиеся и снова широко раскрывшиеся глаза и, наконец, одно слово:

— Роберта!

— Что с ней? Что с ней, Тайтус? Что с ней?

Молчание. Снова нервные подергивания рта, глаз, рук... И потом:

— Умерла! Она... она утонула! — И он без сил опустился на скамью, стоявшую тут же, у двери.

Секунду-другую миссис Олден смотрела на него, не понимая, потом поняла и, не вымолвив ни слова, тяжело рухнула на пол. А Тайтус смотрел на нее и кивал, словно говоря: «Вот, вот. Только так и могло быть. Вот она и избавилась от этого ужаса». Он медленно встал, подошел к жене и, опустившись на колени, попытался приподнять ее. Потом так же медленно поднялся, вышел из кухни и, обойдя дом, направился к полуразрушенному крыльцу, где сидел Орвил Мейсон, глядя на заходящее солнце и раздумывая о том, какое горе поведал этот жалкий, неудачливый фермер своей жене. Ему даже захотелось на минуту, чтобы все было по-иному,— чтобы этого дела, хоть оно и выгодно ему, Мейсону, вовсе не существовало.

Но при виде похожей на скелет фигуры фермера он вскочил и, обогнав Олдена, поспешил к пристройке. Увидев на полу безмолвную и бесчувственную миссис Олден, почти такую же маленькую и хрупкую, как и ее дочь, он поднял ее своими сильными руками, пронес через столовую в большую общую комнату и положил здесь на расшатанную кушетку. Потом нащупал ее пульс и бросился за водой. При этом он огляделся по сторонам,— нет ли поблизости сына, дочери, соседки, кого-нибудь,— но никого не увидел и, поспешно вернувшись к миссис Олден, слегка обрызгал водой ее лицо и руки.

— Есть тут где-нибудь доктор? — обратился он к Тайтусу, которого застал стоящим на коленях подле жены.

— В Бильце есть... доктор Крейн.

— А у вас или у кого-нибудь по соседству есть телефон?

— У мистера Уилкокса.— Тайтус махнул рукой по направлению к дому Уилкокса, телефоном которого лишь недавно пользовалась Роберта.

— Присмотрите за ней. Я сейчас вернусь.

Мейсон бросился к телефону, чтобы вызвать Крейна или любого другого врача, и почти сейчас же вернулся вместе с миссис Уилкокс и ее дочерью. А затем — нескончаемое ожидание, пока не явились соседи и наконец доктор Крейн; с последним Мейсон посовещался о том, можно ли будет сегодня же поговорить с миссис Олден о важном и секретном деле, которое привело его сюда. И доктор Крейн, на которого произвели большое впечатление внушительные, официальные манеры мистера Мейсона, признал, что это, пожалуй, будет для нее даже лучше.

С помощью лекарств, а также сочувственных уговоров и соболезнований миссис Олден привели в чувство и, все вновь подбадриваемая и успокаиваемая, она смогла наконец выслу-

шать обстоятельства дела, а потом и ответить на вопросы Мейсона о загадочной личности, упоминавшейся в письме Роберты. Она припомнила, что Роберта говорила лишь об одном человеке, который оказывал ей особое внимание,— да и говорила-то о нем только раз, в минувшее рождество. Это был Клайд Гриффитс, племянник богатого ликургского фабриканта Сэмюэла Гриффитса, заведующий тем отделением, где работала Роберта.

Но это, разумеется, отнюдь не означало, как сразу почувствовали и Мейсон и Олден, что племянник такого важного лица может быть обвинен в убийстве Роберты. Богатство! Положение в обществе! Понятно, Мейсон склонен был поразмыслить и помедлить, прежде чем выступить с таким обвинением. Слишком огромна была, на его взгляд, разница в общественном положении этого человека и утонувшей девушки. А все же могло быть и так. Почему нет? Пожалуй, юноша, занимающий такое положение, скорее, чем кто-либо другой, способен мимоходом завести тайный роман с такой девушкой, как Роберта,— ведь Хейт говорил, что она очень хорошенькая. Она работала на фабрике его дяди и была бедна. И к тому же, как сообщил Фред Хейт, кто бы ни был человек, с которым была эта девушка в час своей смерти, она решилась на сожительство с ним до брака. Разве это не характерно? Именно так и поступают богатые и развращенные молодые люди с бедными девушками. Мейсон в юности перенес немало ударов и обид, сталкиваясь с преуспевающими счастливцами, и эта мысль показалась ему очень убедительной. Подлые богачи! Бездушные богачи! А мать и отец, конечно, непоколебимо верили в невинность и добродетель дочери.

Из дальнейших расспросов выяснилось, что миссис Олден никогда не видела этого молодого человека, но и никогда не слыхала о ком-либо другом. Она и ее муж могли дополнительно сообщить только, что в последний раз, когда Роберта приезжала на месяц домой, она чувствовала себя не совсем здоровой, ходила вялая и часто ложилась отдыхать. И еще, что она часто писала письма, которые отдавала почтальону или сама опускала в ящик внизу на перекрестке. Отец и мать не знали, кому были адресованы эти письма, но Мейсон тут же сообразил, что почтальон, вероятно, это знает. Далее, за месяц, который Роберта провела дома, она сшила себе несколько платьев — кажется, четыре. А в последнее время ее несколько раз вызывал к телефону какой-то мистер Бейкер,— это Тайтус слышал от Уилкокса. Уезжая, она взяла с собою только те вещи, с которыми приехала: небольшой сундучок и чемодан. Сундучок она

сама сдала на станции в багаж, но Тайтус не мог сказать, отправила она его в Ликург или еще куда-нибудь.

Мейсон обдумывал весьма важное, на его взгляд, сообщение о Бейкере, и тут ему вдруг пришло в голову: «Клифорд Голден — Карл Грэхем — Клайд Грифитс!» Одни и те же инициалы и сходное звучание этих имен поразили его. Поистине странное совпадение, если только этот самый Клайд Грифитс никак не замешан в преступлении! И ему уже не терпелось найти почтальона и допросить его.

Но Тайтус Олден нужен был не только как свидетель, который опознает тело Роберты и установит, что именно ей принадлежали вещи в чемодане, оставленном на станции Ружейной,— он мог также убедить почтальона говорить начистоту, и потому Мейсон попросил старика одеться и поехать с ним, уверяя, что завтра же отпустит его домой.

Предупредив миссис Олден, чтобы она никому ничего не говорила, Мейсон отправился на почту допрашивать почтальона.

Почтальон был разыскан и допрошен в присутствии Олдена, который стоял около прокурора, похожий на гальванизированный труп. Он припомнил, что Роберта за время последнего пребывания здесь передала ему несколько писем,— двенадцать, а то и все пятнадцать,— и вспомнил даже, что все они были адресованы в Ликург, какому-то... как его?.. да, верно,— Клайду Грифитсу, до востребования. Мейсон немедленно отправился с почтальоном к местному нотариусу, который по всем правилам закона запротоколировал эти показания. Потом прокурор позвонил к себе в канцелярию и, узнав, что тело Роберты уже доставлено в Бриджбург, поспешил туда со всей скоростью, какую только можно было развить на его машине. В десять часов вечера в приемной «Похоронного бюро братьев Луц» вокруг утопленницы собрались Бэртон Бэрлей, Хейт, Эрл Ньюком; Тайтус, едва не теряя рассудок, смотрел в лицо дочери. И тут Мейсон получил возможность, во-первых, убедиться, что это действительно Роберта Олден, и, во-вторых, решить для себя вопрос: можно ли считать ее девушкой из тех, которые с легкостью идут на недозволенную связь, на какую указывала запись в гостинице на Луговом озере. Нет, решил он, она не такая. Здесь налицо хитрый и злой умысел — совращение и убийство! Ах, негодяй! И до сих пор не пойман! Политическая значимость этого дела отошла в представлении Мейсона на задний план, уступив место гневу и ненависти ко всем богачам.

Но эти минуты возле покойницы и вид Тайтуса Олдена, который, упав на колени перед дочерью, страстно прижимал к губам ее маленькие ледяные руки и неотрывно, лихорадочным, протестующим взглядом всматривался в ее восковое лицо, обрамленное длинными каштановыми волосами,— все предвещало, что едва ли общество формально и беспристрастно отнесется к этому делу. Глаза всех присутствующих были полны слез.

И тут Тайтус Олден усилил драматизм этой сцены. В то время как братья Луц, три их приятеля — владельцы автомобильной мастерской по соседству, Эверет Бикер, представитель газеты «Республиканец», и Сэм Тэксон, редактор газеты «Демократ», стоя в дверях, через головы друг друга с почтительным страхом заглядывали в комнату, он вдруг вскочил и неистово кинулся к Мейсону с криком:

— Найдите негодяя, который в этом виноват, господин прокурор! Пускай его заставят страдать, как страдала моя добрая, чистая девочка. Ее убили, вот что! Только убийца мог вот так завезти девушку на озеро и так ударить,— он ее ударил, это всякому ясно! — И Тайтус указал на лицо мертвой дочери.— У меня нет денег, чтобы судиться с таким негодяем, но я буду работать... Я продам ферму...

Голос его оборвался. Он снова повернулся к Роберте и едва не упал. И тогда Орвил Мейсон, которому передался скорбный и мстительный порыв несчастного отца, выступил вперед и воскликнул:

— Пойдемте отсюда, мистер Олден. Мы знаем теперь, что это ваша дочь. Призываю всех вас, джентльмены, в свидетели: тело опознано. И если подтвердится предположение, что ваша бедная девочка убита, мистер Олден, я как прокурор торжественно обещаю вам: я не пожалею ни времени, ни денег, ни сил, чтобы выследить этого негодяя и отдать его в руки властей. И если правосудие в округе Катараки стоит на высоте,— а я в этом убежден,— вы можете положиться на любой состав присяжных, который будет подобран нашим здешним судом. И вам не придется продавать вашу ферму!

Искреннее, хотя и внезапное волнение, а также присутствие потрясенных слушателей привело к тому, что ораторский талант мистера Мейсона проявился во всей своей силе и великолепии.

И один из братьев Луц — Эд, исполнитель всех дел похоронного бюро, связанных со случаями внезапной и насильственной смерти,— в волнении заявил:

— Верно, Орвил! Вот такой прокурор нам и нужен.

А Эверет Бикер закричал:

— Действуйте, мистер Мейсон! Мы вас поддержим все, как один, когда надо будет.

Фред Хейт и его помощник, взволнованные драматическим выступлением Мейсона и его чрезвычайно живописным, даже героическим видом, подошли ближе. Хейт взял друга за руку, а Эрл воскликнул:

— Желаю успеха, мистер Мейсон! Мы все сделаем, что можем, будьте уверены. И не забудьте про чемодан, который она оставила на Ружейной. Он у вас в канцелярии. Я передал его Бэртону два часа назад.

— Да, верно. Я чуть не забыл о нем,— сказал Мейсон спокойно и деловито. Недавний порыв красноречия и чувствительности прошел. Теперь Мейсон находился под впечатлением необычайных похвал: никогда еще за все годы своей деятельности не переживал он ничего подобного.

ГЛАВА V

В сопровождении Олдена и должностных лиц Мейсон шел в свою канцелярию, спрашивая себя, чем могло быть вызвано это гнусное преступление. В юности ему очень не хватало женской близости, и потому у него развилась склонность к такого рода размышлениям. Он думал о красоте и обаянии Роберты и, с другой стороны, о ее бедности и строгом нравственном и религиозном воспитании — и пришел к убеждению, что, судя по всему, этот молодой человек или мальчишка соблазнил ее, а потом, когда она ему надоела, выбрал такой способ, чтобы отделаться от нее,— мнимую, предательскую «свадебную поездку» на озеро. И тут Мейсон почувствовал безмерную личную ненависть к этому человеку. Подлые богачи! Праздные богачи! Порочные и злые бездельники! И молодой Клайд Грифитс — достойный представитель этой породы! Только бы его поймать!

И в то же время он вдруг подумал, что, судя по некоторым обстоятельствам (девушка явно была в сожительстве с этим человеком), она могла быть беременна. Этой догадки было достаточно, чтобы возбудить в нем не только специфическое любопытство ко всем подробностям романа, приведшего к такому концу, но и нетерпеливое желание проверить, насколько справедливы его подозрения. И Мейсон стал думать, что нужно найти подходящего врача для вскрытия — если не в Бриджбурге, то в Утике или в Олбани,— а также сообщить об этом

подозрении Хейту и, наконец, определить характер ударов, оставивших следы на лице Роберты.

Но прежде всего надо было осмотреть чемодан и его содержимое, и тут Мейсону посчастливилось найти новую, крайне важную улику. Ибо, кроме платьев и шляп Роберты, белья, пары красных шелковых подвязок (они так и лежали в коробочке, в которой были куплены у Броунстайна в Ликурге), в чемодане оказался еще и туалетный прибор — рождественский подарок Клайда. И в уголке футляра, в складку серой шелковой подкладки была засунута маленькая, простенькая белая карточка с надписью: «Берте от Клайда. Поздравляю с рождеством!» Но фамилии не было. А почерк — торопливые каракули, потому что, когда Клайд писал это, он стремился отнюдь не к Роберте.

Это поразило Мейсона: как же убийца не знал, что туалетный прибор вместе с карточкой лежит в чемодане? А если знал и не вынул карточки, тогда возможно ли, чтобы этот самый Клайд был убийцей? Мог ли человек, задумавший убийство, упустить из виду такую карточку, надписанную его собственной рукой? Что это за странный злоумышленник и убийца? И тут прокурор подумал: «Не стоит ли скрыть существование этой карточки до суда и потом неожиданно предъявить ее в случае, если преступник станет отрицать всякую близость с девушкой или то, что он подарил ей туалетный прибор?» И он взял карточку и сунул себе в карман, но сперва Эрл Ньюком, внимательно осмотрев ее, сказал:

— Я не вполне уверен, мистер Мейсон, но мне кажется, что это очень похоже на запись в гостинице на Большой Выпи.

И Мейсон ответил:

— Ну, это мы скоро установим.

Он знаком позвал Хейта в соседнюю комнату, где никто не мог их видеть и слышать, и сказал:

— Ну, Фред, все в точности так, как вы думали. Она знает, с кем уехала дочь (он имел в виду то, что уже говорил Хейту по телефону из Бильца: что получил от миссис Олден сведения о предполагаемом преступнике). Но вы и через тысячу лет не отгадаете, кто это, если я вам не скажу.

И он пристально посмотрел на Хейта.

— Без сомнения, Орвил. Не имею ни малейшего понятия.

— А вы знаете фирму «Грифитс и Компания» в Ликурге?

— Не те, что делают воротнички?

— Да, те самые.

— Но не сын же?

Глаза Фреда Хейта раскрылись так широко, как не раскрывались уже много лет. Большая загорелая рука схватилась за длинную бороду.

— Нет, не сын. Племянник.

— Племянник Сэмюэла Грифитса?! Быть не может!

Следователь, человек пожилой, набожный, строго нравственный, интересующийся политикой и коммерцией, теребил бороду и растерянно смотрел на Мейсона.

— Пока что все обстоятельства указывают на это, Фред. Во всяком случае, я сегодня ночью еду в Ликург и надеюсь, что завтра буду знать больше. Но, видите ли, этот самый Олден — фермер, совершеннейший бедняк, его дочь работала на фабрике Грифитсов в Ликурге; а этот племянник Клайд Грифитс, как видно, заведовал тем отделением, где она работала.

— Так, так, так,— произнес следователь.

— До этой поездки, до вторника, она провела месяц дома,— была *больна* (Мейсон сделал ударение на этом слове). За это время она написала ему, по крайней мере, десять писем, а может быть, и больше. Это я узнал от местного почтальона. Он дал показания под присягой, по всей форме, вот они! — Он похлопал по карману пиджака.— Все письма были адресованы в Ликург Клайду Грифитсу. Я даже знаю номер его дома. И знаю фамилию семьи, где жила девушка. Я звонил туда из Бильца. Сегодня прихвачу с собой в Ликург старика: вдруг там обнаружится что-нибудь такое, о чем он может знать.

— Так, так, Орвил. Понимаю... понимаю... Но шутка ли: Грифитс!..— И Хейт прищелкнул языком.

— А главное, я хочу с вами поговорить насчет медицинской экспертизы,— продолжал Мейсон быстро и резко.— Знаете, я не думаю, чтобы он решил ее убить только потому, что не хотел на ней жениться. Это, по-моему, неубедительно.

И Мейсон сообщил Хейту основные соображения, которые заставили его прийти к выводу, что Роберта была беременна.

Хейт сразу согласился с ним.

— Стало быть, требуется вскрытие,— сказал Мейсон,— и медицинское заключение о характере ран и ушибов. Прежде чем тело заберут отсюда, Фред, мы должны знать точно, без тени сомнения, была ли девушка сперва убита и потом выброшена из лодки, или только оглушена и выброшена, или лодка перевернулась. Это очень существенно для дела, сами понимаете. Мы ничего не сможем сделать, если не будем знать все это в точности. Но как насчет здешних врачей? Как по-ва-

шему, сумеет кто-нибудь из них сделать все это как следует, чтобы на суде никто не мог подкопаться под их заключение?

Мейсон волновался: он уже строил план обвинения.

— Не знаю, Орвил,— медленно ответил Хейт,— не могу сказать точно. Об этом вам лучше судить. Я уже просил доктора Митчелла зайти завтра и взглянуть на нее. Можно позвать Бетса. Но если вы предпочитаете кого-нибудь другого... Бево или Линкольна... Что вы скажете насчет Бево?

— Пожалуй, лучше Уэбстера из Утики,— сказал Мейсон,— или Бимиса, или обоих сразу. В таком деле и четыре и пять экпертов не помешают.

И Хейт, понимая всю тяжесть возложенной на него ответственности, прибавил:

— Я думаю, вы правы, Орвил. Может быть, четыре или пять умов лучше, чем один или два. Но это значит, что мы должны отложить освидетельствование на день или на два, пока не соберем всех врачей.

— Верно, верно,— подтвердил Мейсон.— Но это даже лучше. Я тем временем съезжу в Ликург и, возможно, сумею еще что-нибудь выяснить. Никогда нельзя знать заранее. Может быть, я там его и захвачу. По крайней мере, надеюсь. Или хотя бы узнаю что-нибудь новое, что прольет свет на все дело... Я чувствую, что это будет большое дело, Фред. Самое трудное дело во всей моей практике, да и в вашей тоже, и мы должны взвешивать каждый свой шаг. Тут никакая осторожность не лишняя. Он, по-видимому, богат,— значит, будет бороться. И, кроме того, родные его поддержат.

Он нервно взъерошил свои густые волосы.

— Ничего, я думаю, справимся,— прибавил он.— Первым делом надо вызвать из Утики Бимиса и Уэбстера,— пожалуй, телеграфируйте-ка им сегодня, что ли, или позвоните по телефону. И Спралу в Олбани. А чтобы не нарушать мир в собственном доме, пригласим и здешних: Линкольна и Бетса. И, пожалуй, Бево.— Тут он разрешил себе слегка улыбнуться.— Ну вот, Фред, а я пока что начну собираться в дорогу. Устройте так, чтобы они приехали сюда не завтра, а в понедельник или во вторник. К тому времени я, должно быть, вернусь и тогда смогу сам быть при этом. А если можно, давайте в понедельник... чем скорее, тем лучше! Посмотрим, что тогда выяснится.

Он достал из шкафа еще несколько бланков, потом вышел в приемную и сообщил Олдену, что им придется поехать вместе в Ликург, а Бэрлею поручил вызвать к телефону миссис Мей-

сон и объяснил ей, что должен уехать по срочному делу и вернется не раньше понедельника.

Всю дорогу до Утики — три часа езды и час, проведенный в ожидании поезда на Ликург, и еще час двадцать минут в вагоне этого поезда (в Ликург они прибыли около семи утра) — Орвил Мейсон усиленно вытягивал из подавленного и мрачного Тайтуса отрывочные сведения о скромном прошлом его и Роберты, о ее щедрости, послушании, порядочности, о ее добром и нежном сердце, о том, где именно она прежде работала, сколько получала и на что тратила деньги,— то была скромная повесть, и она глубоко тронула Мэйсона.

Приехав с Тайтусом в Ликург, Мейсон тотчас отправился в отель «Ликург» и, сняв номер, оставил там старика, чтобы тот мог отдохнуть. Оттуда он поспешил к местному прокурору, от которого ему нужно было получить разрешение действовать на его территории. Ему в помощь дали полицейского для поручений — рослого сыщика в штатском,— и он проследовал в комнату Клайда на Тэйлор-стрит, надеясь наперекор всему застать его дома. Однако вышедшая к ним миссис Пейтон сообщила, что Клайд, хотя и живет здесь, но в настоящее время отсутствует (уехал во вторник,— вероятно, к своим друзьям на Двенадцатое озеро). И Мейсон не без некоторой неловкости вынужден был объяснить, во-первых, что он прокурор округа Катараки, и, во-вторых, что ввиду некоторых подозрительных обстоятельств, связанных с гибелью на озере Большой Выпи одной девушки, спутником которой, по-видимому, был Клайд, он, прокурор, должен произвести обыск в его комнате. Это заявление так потрясло миссис Пейтон, что она отпрянула и на лице ее отразились крайнее изумление, ужас и недоверие.

— Как, мистер Клайд Грифитс!.. Да нет же, это нелепо! Он племянник мистера Сэмюэла Грифитса, и его здесь все знают. Если вам нужны какие-то сведения о нем, обратитесь к его родным: они вам, конечно, все скажут. Но чтобы такая вещь... да этого быть не может!

И она так глядела на Мейсона и на местного сыщика, который уже успел показать ей свой значок, словно сомневалась и в их честности, и в их полномочиях.

А тем временем сыщик, привычный к такого рода обстоятельствам, уже встал за спиной миссис Пейтон, внизу лестницы, ведущей в верхний этаж. А Мейсон вынул из кармана предусмотрительно заготовленный ордер на производство обыска.

— Мне очень жаль, сударыня, но я должен просить вас показать нам его комнату. Вот ордер, дающий мне право произвести обыск, а это подчиненный мне полицейский агент.

И, сразу поняв всю тщетность борьбы с законом, миссис Нейтон дрожащей рукой указала на комнату Клайда, хотя и думала при этом, что произошло какое-то бессмысленное, глубоко несправедливое и оскорбительное недоразумение.

А те двое, войдя в комнату Клайда, стали ее осматривать. Оба сразу заметили в углу небольшой и не очень прочный запертый сундук, и Фаунс, сыщик, сейчас же попытался приподнять его, чтобы определить вес, а Мейсон стал осматривать одну за другой все вещи в комнате, содержимое всех ящиков и коробок, а также всех карманов в одежде. И в ящике шифоньерки, среди вышедших из употребления кальсон и рубашек и старых приглашений от Трамбалов, Старков, Грифитсов и Гарриэтов, он нашел листок блокнота, на котором Клайд записывал для памяти, куда он приглашен: «Среда 20 февраля. Обед у Старков», ниже: «Пятница, 22, Трамбалы». Сравнив этот почерк с почерком на карточке, которая была у него в кармане, Мейсон сейчас же убедился по их сходству, что действительно находится в комнате именно того человека, который ему нужен. Он спрятал листок в карман и посмотрел в угол, где сыщик внимательно разглядывал запертый сундук.

— Как быть с этим, начальник? Заберем отсюда или вскроем здесь?

— Я думаю,— внушительно сказал Мейсон,— что нам следует вскрыть его здесь, Фаунс. Позже я пришлю за ним, но я хотел бы теперь же знать, что в нем есть.

Сыщик сейчас же извлек из кармана тяжелую стамеску и посмотрел, нет ли где-нибудь молотка.

— Сундук не такой уж прочный,— сказал он,— думаю, что смогу взломать его, если вам угодно.

Но тут миссис Нейтон, безмерно удивленная таким оборотом дела, не выдержала и вступилась в надежде помешать столь грубым действиям.

— Я могу дать вам молоток, если хотите,— заявила она,— но разве нельзя послать за слесарем? Никогда в жизни не слыхала ничего подобного!

Тем не менее сыщик завладел молотком и сбил замок. В небольшом верхнем отделении оказалась всяческая туалетная мелочь: носки, воротнички, галстуки, кашне, подтяжки, потрепанный свитер, пара высоких зимних сапог весьма среднего качества, мундштук, красная лакированная пепельница и конь-

ки. Но среди всего этого, в углу, лежали также связанные вместе последние пятнадцать писем Роберты, отправленные из Бильца, и небольшой ее портрет, который она ему подарила в прошлом году. И тут же — другая, маленькая пачка, в которой были собраны все записочки и приглашения, написанные ему Сондрой до того дня, когда она уехала на Сосновый мыс. Письма, написанные оттуда, Клайд носил с собой на груди, у сердца. Нашлась и третья пачка, еще более компрометирующая,— одиннадцать писем от матери, причем первые два были адресованы Гарри Тенету в Чикаго до востребования — обстоятельство, явно очень подозрительное, а остальные — Клайду Грифитсу в Чикаго, а затем в Ликург.

Прокурор не стал ждать и смотреть, что еще окажется в сундуке, а взялся за письма: сначала он прочитал первые три письма Роберты, после чего ему стала совершенно ясна причина ее отъезда в Бильц; затем три первых письма от матери на трогательно простой и дешевой бумаге: она намекала на безрассудное поведение Клайда в Канзас-Сити и на несчастный случай, из-за которого ему пришлось оттуда уехать, и настойчиво и нежно убеждала его в будущем не сбиваться с пути. И Мейсон, который с юности привык подавлять свои страсти и очень плохо знал людей и человеческие отношения, тут же вообразил, что этот субъект с ранней юности отличался неустойчивым характером, легкомыслием и распущенностью.

В то же время Мейсон с удивлением узнал, что хотя Клайд и пользуется здесь поддержкой богатого дяди, но принадлежит к бедной и притом очень религиозной ветви семейства Грифитс. В обычных условиях это могло бы несколько смягчить его отношение к Клайду. Однако теперь, под влиянием записочек Сондры, трагических писем Роберты и намеков матери на какое-то прежнее преступление в Канзас-Сити, он пришел к убеждению, что Клайд по складу своего характера вполне способен был не только задумать это новое преступление, но и хладнокровно его осуществить. Что же там было, в Канзас-Сити? Необходимо телеграфировать тамошнему прокурору и запросить о подробностях.

Думая об этом, он стал бегло, но все так же зорко и критически просматривать различные записочки, приглашения и любовные письма Сондры. Все они были сильно надушены, написаны на великолепной бумаге с монограммой и становились раз от разу все ласковее и интимнее, а более поздние неизменно начинались словами: «Клайди, маленький», или «мой милый черноглазик», или «мой милый мальчик», и были подпи-

саны либо по-детски «Сонда», либо «Ваша Сондра»... Некоторые из них были совсем недавние: от десятого, пятнадцатого, двадцать шестого мая,— как раз в это время, как мгновенно отметил Мейсон, стали приходить самые печальные письма от Роберты.

Теперь все ясно. Он тайно обольстил одну девушку и при этом у него хватало нахальства добиваться взаимности другой — на сей раз принадлежащей к высшему кругу здешнего общества.

Захваченный и ошеломленный этим поразительным открытием, Мейсон, однако, понимал, что теперь не время сидеть в раздумье. Отнюдь нет. Этот сундук надо немедленно переправить в отель «Ликург». Далее, он должен, если только возможно, выяснить, где именно находится этот субъект, и изловить его... Он приказал сыщику позвонить в полицейское управление и позаботиться, чтобы сундук доставили в его номер в отеле, а сам поспешил в особняк Сэмюэла Грифитса, но там узнал, что вся семья за городом, на Лесном озере.

В ответ на его телефонный запрос с Лесного озера сообщили, что, насколько там известно, Клайд Грифитс находится теперь на даче Крэнстонов, на Двенадцатом озере, неподалеку от Шейрона, рядом с дачей Финчли. И фамилия Финчли, и городок Шейрон уже были связаны в сознании Мейсона с Клайдом, и он сразу решил, что если Клайд еще не удрал подальше от этих мест, то он должен быть именно там,— возможно, на даче у девицы, которая писала все эти записочки и приглашения,— этой Сондры Финчли. И ведь капитан «Лебедя» заявил, что молодой человек, ехавший из Бухты Третьей мили, сошел в Шейроне. Эврика! Он поймал его!

И, тщательно обдумав дальнейший образ действий, Мейсон тут же решил самолично отправиться в Шейрон и на Сосновый мыс. А пока, получив точное описание наружности Клайда, он сообщил и эти приметы, и то обстоятельство, что Клайд разыскивается по подозрению в убийстве, не только прокурору и начальнику полиции в Ликурге, но также шерифу в Бриджбурге Ньютону Слэку, Хейту и своему помощнику, предлагая всем троим немедленно выехать в Шейрон, где он с ними встретится.

Затем, якобы по поручению миссис Пейтон, он связался по междугородному телефону с дачей Крэнстонов на Сосновом мысе и спросил дворецкого, нет ли у них случайно мистера Клайда Грифитса. «Да, сэр, он здесь, сэр, но сейчас его нет поблизости, сэр. Должно быть, он отправился на прогулку по озеру, сэр. Что прикажете передать, сэр?» На дальнейшие расспросы дворецкий

не мог ответить точно: все общество отправилось, вероятно, на Медвежье озеро,— это милях в тридцати; когда они вернутся, трудно сказать,— должно быть, через день-два, не раньше. Но ясно было, что Клайд уехал с этой компанией.

И Мейсон тотчас вторично вызвал бриджбургского шерифа и дал ему указание взять с собой четырех или пятерых агентов, для того чтобы преследователи могли в Шейроне разделиться, схватить этого самого Клайда, где бы он ни был, и посадить в бриджбургскую тюрьму. А там пускай он объяснит в соответствии с процедурой, установленной законом, странные обстоятельства, которые до сих пор, казалось бы, неопровержимо указывали на него как на убийцу Роберты Олден.

ГЛАВА VI

С тех пор как воды озера сомкнулись над Робертой, а Клайд доплыл до берега и, переменив платье, добрался до Шейрона, а потом до дачи Крэпстонов, он находился в состоянии почти полного умственного расстройства и в своем смятении и страхе никак не мог понять, виновен он или не виновен в безвременной гибели Роберты. В то же время он ясно понимал: если случайно заметят, как он украдкой пробирается к югу, вместо того чтобы повернуть на север к гостинице и сообщить об этой как будто нечаянной катастрофе, то его поведение сочтут настолько черствым и жестоким, что всякий с полной убежденностью обвинит его в убийстве. И эта мысль терзала его, ибо теперь ему казалось, что на самом деле он не виноват,— ведь в последнюю минуту в душе его совершился переворот!

Но кто поверит этому теперь, раз он не вернулся и не сообщил о случившемся? А сейчас уже невозможно вернуться. Если Сондра услышит, что он был на этом озере с фабричной работницей, что он записал ее в гостинице как свою жену... Боже!

А потом объяснять все это дяде или холодному, жестокому Гилберту... и всей этой шикарной, циничной молодежи в Ликурге?.. Нет, нет! Зайдя так далеко, он не может отступить. Иначе — катастрофа... быть может, смерть. Он должен использовать, насколько возможно, это ужасное положение,— использовать свой замысел, который привел к такой странной, словно оправдывающей его развязке.

Но эти леса! Наступающая ночь! Жуткое одиночество и опасности, таящиеся всюду и во всем! Что делать, что сказать, если кто-нибудь встретится? Он был в полном смятении, на

грани душевного и нервного расстройства. Хрустни сучок — и он бросится бежать, как заяц.

В таком состоянии он дождался темноты и углубился в лес, но прежде отыскал свой чемодан, переменил костюм и, выжав мокрую одежду и попытавшись кое-как высушить ее, уложил в чемодан, покрыл сухими ветвями и хвоей, а затем спрятал штатив фотографического аппарата под стволом упавшего дерева. И все упорнее он думал о своем странном и опасном положении. Что, если кто-нибудь был на берегу в ту самую минуту, когда он нечаянно ударил Роберту и оба они упали в воду и она так пронзительно и жалобно закричала? Что, если кто-нибудь видел это... один из тех сильных, здоровенных парней, которых он заметил здесь днем... быть может, вот сейчас кто-то поднимает тревогу — и уже в эту ночь десятки людей пустятся его преследовать. Охота на человека! Они схватят его, и никто не поверит, что он ударил ее нечаянно! Его даже могут линчевать, не дожидаясь законного суда. Это возможно. Это бывало. Веревка на шею. Или, может быть, пристрелят здесь, в лесу. И даже не выслушают, не дадут объяснить, как это случилось... как долго она преследовала и мучила его! Никто никогда его не поймет!

И, думая об этом, он шел все быстрее и быстрее — так быстро, как позволяли крепкие, густо растущие колючие молодые деревца и зловеще потрескивающие под ногами сухие ветки,— шел, твердя мысленно, что дорога к Бухте Третьей мили должна быть у него справа, а луна, когда взойдет,— слева.

Но, боже, что это?

Ужасный звук!

Словно жалобный и зловещий стон некоего духа во тьме!

Вот!

Что это?

Он выронил чемодан, весь в холодном поту опустился на землю и в страхе съежился у подножья высокого ветвистого дерева, оцепеневший и недвижимый.

Ужасный крик!

Да это же сова! Он слышал ее крик несколько недель назад, когда был на даче Крэнстонов. Но здесь! В этой чаще! В этой тьме!.. Надо идти, надо поскорее выбраться отсюда, это ясно. Надо прогнать эти страшные, ужасающие мысли, иначе у него вовсе не останется ни сил, ни мужества.

Но взгляд Роберты! Тот последний молящий взгляд! Боже! Ее глаза и сейчас перед ним. И эти отчаянные, ужасные крики!

Неужели они будут все время звучать у него в ушах... до тех пор, пока он не выберется отсюда?

Поняла ли она, когда он ее ударил, что это случилось без злого умысла... что это было только мгновение гнева и протеста? Знает ли она это теперь, где бы она ни была,— на дне озера или, быть может, здесь, в темной чаще, с ним рядом? Ее призрак!.. Нет, нужно скорей бежать прочь... прочь! Нужно... и все же... здесь, в чаще, он в безопасности! Надо взять себя в руки, не следует выходить на большую дорогу. Там прохожие. Там, может быть, люди, которые ищут его!.. Но верно ли, что человек живет и после смерти? Что существуют привидения? И они знают всю правду? Тогда она должна знать... но тогда она знает и о его прежних замыслах. Что она подумает! Может быть, это она сейчас с мрачным укором преследует его своими ошибочными обвинениями? Ошибочными — хоть и правда, что сперва он хотел ее убить. Он замышлял это! Замышлял! И это, конечно, великий грех. И хотя он и не убил ее, но что-то сделало это за него. Все это правда.

Но привидения!.. боже, призраки тех, кто уже умер... они преследуют тебя, чтобы разоблачить и наказать... быть может, они стараются направить людей по твоему следу... как знать? Мать когда-то призналась ему, Фрэнку, Эсте и Джулии, что она верит в привидения.

И, наконец, луна (к этому времени уже три часа он шел вот так, спотыкаясь, прислушиваясь, выжидая, весь дрожа и обливаясь потом). Кругом, слава богу, никого! И высоко над головой — звезды, яркие и ласковые, как над Сосновым мысом, где Сондра... Если бы она видела его сейчас — как он бежит от Роберты, погребенной в водах озера, на поверхности которого плавает его шляпа! Если бы она слышала крики Роберты! Странно... никогда, никогда, никогда он не сможет рассказать ей, что из-за нее — ее красоты, страсти к ней, из-за всего, что она для него значит,— он мог... мог... ну... *попытаться* совершить это ужасное дело — убить девушку, которую прежде любил. И всю жизнь его будет преследовать эта мысль. Никогда он не сможет от нее отделаться — никогда, никогда, никогда! Прежде он об этом не думал. А ведь это ужасно!

И вдруг во мраке, около одиннадцати часов, как он потом сообразил — от воды его часы остановились,— когда он уже выбрался на большую дорогу, ведущую на запад, и прошел милю или две, из темной чащи внезапно, как призраки, вышли те трое! Сперва он подумал, что они видели его в тот миг, когда он ударил Роберту, или сразу после этого, и теперь пришли

его схватить. Какая страшная минута! А мальчик поднял фонарь, чтобы лучше рассмотреть его лицо! И, несомненно, увидел на этом лице подозрительный испуг и смятение, ибо как раз в ту минуту Клайд был поглощен самым мрачным раздумьем о случившемся: его неотступно преследовала мысль, что он нечаянно оставил какую-нибудь улику, которая легко может его выдать. Он отпрянул, уверенный, что это — люди, посланные его изловить. Но в эту минуту высокий тощий человек, шедший впереди, запросто окликнул, словно его только позабавила явная трусость Клайда: «Здорово, прохожий!» — а мальчуган, не проявляя ни малейшего удивления, шагнул вперед и прибавил света в фонаре. И тут только Клайд понял, что это просто здешние крестьяне или проводники, а вовсе не отряд, посланный за ним в погоню, и, если он будет спокоен и вежлив, они никогда не заподозрят в нем убийцу.

Но потом он сказал себе: «А ведь они запомнят меня. Запомнят, что я шел по пустынной дороге, в такой час, с чемоданом...» И тут же решил, что должен спешить... спешить... и никому больше не попадаться на глаза.

А через несколько часов, когда луна уже заходила и от изжелта-бледного, болезненного света, разлитого в лесу, ночь стала еще тоскливее и тягостней, Клайд подошел к Бухте Третьей мили — селению, состоявшему из кучки убогих хижин и дачных коттеджей, лепившихся на северном отроге Индейских гор. С поворота дороги он увидел, что кое-где в окнах еще мерцают слабые огоньки. Лавки. Дом. Уличные фонари. Но в бледном свете луны они казались совсем тусклыми — тусклыми и призрачными. Ясно одно: в этот час, в таком костюме, с чемоданом в руке ему нельзя появиться здесь. Своим видом он, несомненно, возбудит любопытство и подозрения, если его кто-нибудь заметит. Пароходик, который ходит между этим поселком и Шейроном (откуда Клайд должен был отправиться дальше, к Сосновому мысу), отойдет только в половине девятого,— значит, пока нужно скрыться где-нибудь и по возможности привести себя в приличный вид.

И Клайд вновь вошел в лес, подступавший к самым окраинам поселка, думая там дождаться утра; оттуда он мог следить за часами на башне маленькой церквушки, чтобы знать, когда настанет время выйти. А пока он старался сообразить, благоразумно ли он поступает. Вдруг кто-нибудь уже поджидает его здесь? Те трое... или, может быть, еще кто-нибудь, кто видел... Или извещенный кем-нибудь полицейский агент?.. И немного погодя он решил, что все же лучше спуститься в поселок. Стоит

ли пробираться лесами по западному берегу озера... да еще ночью, потому что днем его могут увидеть... ведь если он сядет на этот пароходик, он через полтора часа, самое большее через два, будет у Крэнстонов в Шейроне! А пешком он попадет туда только завтра —это глупо, это гораздо опаснее. И, кроме того, он обещал Сондре и Бертине приехать во вторник, а сегодня уже пятница. И притом завтра, может быть, уже поднимется шум, начнется погоня... во все концы сообщат его приметы... а сегодня утром... разве Роберту могли найти так быстро? Нет, нет. Это — лучший путь. Кто здесь знает его, кто сможет установить, что он и есть Карл Грэхем или Клифорд Голден? Лучше всего поспешить, прежде чем станет известно что-либо о Роберте. Да, так. И наконец, когда башенные часы показывали десять минут девятого, с сильно бьющимся сердцем он вышел из лесу.

Улица вела к пристани, откуда должен был отойти пароходик в Шейрон. Клайд медлил — и вдруг увидел подъезжающий автобус с озера Рэкет. И ему подумалось, что, если на пристани или на палубе он столкнется с кем-нибудь из знакомых, можно будет сказать, что он только сейчас приехал с озера Рэкет, где у Сондры и Бертины много друзей; а если он встретит одну из них, то скажет, что был на озере Рэкет третьего дня. Назовет любую фамилию или дачу, в крайнем случае — вымышленную.

Итак, он направился к пароходу и взошел на палубу, а потом сошел в Шейроне — и при этом, как ему казалось, не привлек к себе ничьего внимания. На пароходе было с десяток пассажиров, но ни одного знакомого, и никто из них, если не считать молодой девушки в голубом платье и белой соломенной шляпе, по-видимому здешней жительницы, не обратил внимания на Клайда. А взгляд этой девушки выражал скорее всего восхищение. Впрочем, этого было достаточно, чтобы Клайд, старавшийся поменьше бросаться в глаза, ушел на корму, тогда как остальные предпочитали носовую часть палубы.

По прибытии в Шейрон, зная, что большинство пассажиров направится на железнодорожную станцию к первому утреннему поезду, он быстро пошел за всеми, но свернул в первое попавшееся кафе в надежде замести следы. Хотя он прошел пешком немалый путь от озера Большой Выпи, а перед тем полдня греб и, завтракая с Робертой, только притворялся, что ест, он даже теперь не был голоден. Потом, увидев кучку идущих со станции пассажиров,— среди них не было никого знакомого,— он присоединился к ним, делая вид, что тоже направляется прямо с поезда к гостинице и на пристань. Это, наверно,

пришел поезд с юга, из Олбани и Утики, подумал он, и, следовательно, покажется вполне правдоподобным, что он приехал с этим поездом. Он сделал вид, будто идет со станции, но по дороге, разыскав телефон, сообщил Бертине и Сондре о своем приезде и, услышав, что за ним пришлют не моторную лодку, а автомобиль, предупредил, что будет ждать на веранде гостиницы. По пути он купил утреннюю газету, хотя и понимал, что там еще не может быть никаких сообщений о случившемся. Как только он дошел до гостиницы и сел на веранде, подъехал автомобиль Крэнстонов.

На приветствие и гостеприимную улыбку хорошо знакомого ему шофера Крэнстонов Клайд все-таки сумел ответить веселой и как будто непринужденной улыбкой, хотя в глубине души и сейчас терзался страхом. Несомненно, твердил он про себя, те трое, что встретились с ним в лесу, уже пришли на озеро Большой Бинн. А там теперь, конечно, уже хватились его и Роберты и, может быть,— кто знает,— уже обнаружены опрокинутая лодка, его шляпа, ее вуаль. И те трое, может быть, уже сообщили, что видели молодого человека с чемоданом, пробиравшегося ночью по направлению к югу. А если так,— независимо от того, найдено ее тело или нет,— могут возникнуть сомнения, действительно ли они оба утонули.

А что, если по какой-нибудь странной случайности тело Роберты уже всплыло на поверхность? Что тогда? Может быть, на лице у нее остались следы от удара,— он ведь сильно ударил ее. Если так — станут подозревать, что тут убийство. И раз его тело не найдут, а эти люди опишут внешность повстречавшегося им мужчины, не сочтут ли убийцей Клифорда Голдена или Карла Грэхема?

Но Клифорд Голден или Карл Грэхем — не Клайд Гриффитс. Разве можно установить, что Клайд Гриффитс и Клифорд Голден или Карл Грэхем одно и то же лицо? Ведь он принял все меры предосторожности и, когда они были на Луговом озере, даже обыскал чемодан и сумочку Роберты, пока она, по его просьбе, выходила, чтобы позаботиться о завтраке. Правда, он нашел два письма от одной девушки, Терезы Бауэр, адресованные Роберте в Бильц, но он их уничтожил еще перед отъездом на Ружейную. Туалетный прибор в футляре с клеймом «Уайтли, Ликург» пришлось оставить,— но ведь миссис Голден или миссис Грэхем могла сама купить этот прибор в магазине Уайтли,— такая вещь никак не может навести на его след. Разумеется, нет. Да, еще платья Роберты. Но даже если они помогут опознать ее, разве ее родители, как и все прочие,

не подумают, что она отправилась в это путешествие с каким-то неизвестным человеком по фамилии Голден или Грэхем? Пожалуй, они предпочтут не предавать огласке эту историю. Так или иначе, Клайд решил надеяться на лучшее, сохранять самообладание, держаться спокойно, бодро и весело, чтобы здесь никто не мог ни в чем его заподозрить, тем более что ведь, в сущности, он и не убивал Роберту!

И вот он едет в великолепном автомобиле. Сондра и Бертина его ждут. Придется сказать, что он приехал прямо из Олбани: ездил туда по поручению дяди, которое отняло у него все время, начиная со вторника. Он будет наслаждаться обществом Сондры — и все же ему придется всегда, все время думать об этих ужасах... Вдруг он совершил какую-нибудь оплошность, не сумел скрыть все следы, которые могут привести к нему... Что, если так? Разоблачение! Арест! Быть может, его второпях несправедливо осудят... даже покарают... если только он не сумеет объяснить, что это был нечаянный удар. Тогда конец всем его мечтам о Сондре... о Ликурге... надеждам на блестящее будущее. Но сумеет ли он объяснить? Сможет ли? О, боже!

ГЛАВА VII

С утра пятницы до полудня следующего понедельника Клайда окружало все, что раньше так восхищало и радовало его,— и все же он непрерывно терзался мучительнейшими страхами и опасениями. С той минуты, как Сондра и Бертина встретили его у входа на дачу Крэнстонов и провели в отведенную для него комнату, он не переставая думал о контрасте между всеми здешними радостями и грозящей ему близкой и безвозвратной гибелью.

Едва он вошел, Сондра, надув губки, шепнула ему, так чтобы не могла услышать Бертина:

— Гадкий! Сидел там целую неделю, когда мог быть здесь. А Сондра для него все устроила! Надо бы вас хорошенько отшлепать. Я уже хотела звонить вам сегодня, чтобы узнать, где вы!

А глаза ее говорили, что она в него страстно влюблена.

И, несмотря на свои тревожные мысли, Клайд весело улыбнулся ей, потому что в ее присутствии все ужасы — и смерть Роберты, и опасность, грозившая ему самому,— казалось, разом отошли на задний план. Только бы все сошло благополучно, только бы ничто его не выдало! Впереди — широкая дорога!

Великолепное будущее! Красавица Сондра! Ее любовь! Богатство! И, однако, пройдя в свою комнату, куда еще раньше доставили его чемодан, Клайд сразу стал нервничать из-за костюма. Ведь он мокрый и мятый, его необходимо спрятать — хотя бы в шкаф, на верхнюю полку. Как только Клайд остался один и запер дверь на ключ, он вынул костюм из чемодана — непросохший, измятый, с грязью берегов озера Большой Выни на брюках — и тут же решил, что, пожалуй, лучше оставить его в запертом чемодане до ночи: тогда можно будет лучше обдумать, как с ним быть. Но все остальное, что было на нем в тот день, он связал в узелок, чтобы отдать в стирку. И, делая это, ясно, до ужаса, до тошноты сознавал всю таинственность, весь трагизм и пафос жизни... сколько он пережил после переезда в восточные штаты, как мало хорошего видел в юности! И как мало, в сущности, дано ему теперь. Какой контраст между этой просторной, роскошной комнатой и его комнаткой в Ликурге. Как странно, что он вообще здесь после вчерашнего... Голубые воды этого сверкающего озера за окном так непохожи на темные воды Большой Выни!.. А на зеленой лужайке, расстилающейся от этого светлого, прочного и просторного дома, с его широкой верандой и полосатыми маркизами, до самого озера, Стюарт Финчли, Вайолет Тэйлор, Фрэнк Гарриэт и Вайнет Фэнт в шикарных спортивных костюмах играют в теннис, а Бертина и Харлей Бэгот отдыхают в тени навеса.

И вот Клайд, приняв ванну и переодевшись, делает веселое лицо, хотя нервы его по-прежнему натянуты и его терзают страхи,— и, выйдя из дому, подходит к Сондре, Бэрчарду Тэйлору и Джил Трамбал: они хохочут над каким-то забавным приключением, которое произошло во время вчерашнего катанья на моторной лодке.

Джил встречает его веселым возгласом:

— Привет, Клайд! Где вы пропадали? Я вас, кажется, сто лет не видела.

А он, многозначительно улыбнувшись Сондре,— никогда еще он так не жаждал ее понимания и любви,— подтянулся на перилах веранды и ответил, насколько мог спокойно:

— Со вторника работал в Олбани. Жарко там! Ужасно рад, что попал сюда сегодня. А кто здесь есть?

— Почти все, по-моему,— улыбнулась Джил.— Вчера у Рэнделов я встретила Ванду. А Скотт писал Бертине, что приедет в будущий вторник. Похоже, что на Лесном в этом году будет не очень-то много народу.

Тут начался долгий и оживленный спор: почему Лесное озеро теперь уже не то, что прежде. Вдруг Сондра воскликнула:

— Боже, я совсем забыла! Я должна сегодня позвонить Белле. Она обещала на будущей неделе поехать в Бристол на выставку лошадей.

Заговорили о лошадях и собаках. Клайд внимательно слушал, изо всех сил стараясь казаться таким, как все, но продолжая мучительно думать все о том же. Те трое встречных... Роберта... Может быть, ее тело уже нашли... А впрочем, уговаривал он себя, к чему столько страхов? Вряд ли можно найти ее на такой глубине — ведь там футов пятьдесят! И как могут узнать, что он и есть Клифорд Голден и Карл Грэхем? Как узнают? Ведь он же замел все следы... вот только те трое встречных... *те трое встречных!* Он невольно вздрогнул, словно в ознобе.

И Сондра почувствовала, что он чем-то угнетен. Еще в первый приезд Клайда она заметила, как скуден его гардероб — и теперь решила, что причина его плохого настроения — недостаток средств. Она непременно сегодня же возьмет семьдесят пять долларов из своих сбережений и заставит его принять их,— пускай на этот раз, пока он здесь, его не смущают всякие неизбежные мелкие расходы! А через несколько минут, подумав, что небольшая партия в гольф дает массу удобных случаев для мимолетных объятий и поцелуев в укромном уголке, она вскочила с возгласом:

— Кто за партию в гольф? Джил, Клайд, Бэрч! Давайте сыграем вчетвером? Пари держу, что вам двоим не одолеть нас с Клайдом.

— Согласен! — воскликнул Бэрчард Тэйлор, вставая и оправляя свой желтый в синюю полоску свитер.— Хоть я и вернулся сегодня домой в четыре утра. А как вы, Джилли? Сонни, условие: проигравший угощает всех завтраком, согласны?

Клайд вздрогнул и похолодел, он подумал о жалких двадцати пяти долларах, которые остались у него после всех его ужасных приключений. А завтрак на четверых будет стоить в клубе долларов восемь или десять, не меньше! А может быть, и больше! Но тут Сондра, заметив его смущение, воскликнула: «Идет!» — и, подойдя поближе к Клайду, легонько стукнула кончиком туфли по его ботинку.

— Но мне надо переодеться. Это одна минута! А вы вот что, Клайд... вы пока найдите Эндрью и скажите, чтобы он принес палки для гольфа, ладно? Мы поедем в вашей лодке, правда, Бэрчи?

Клайд побежал искать Эндрью, раздумывая о том, сколько будет стоить завтрак, если они с Сондрой проиграют, но Сондра догнала его и схватила за руку:

— Подождите здесь, милый, я сию минуту вернусь!

Она бросилась по лестнице наверх, в свою комнату, и тотчас вернулась, крепко сжимая в маленькой руке пачку кредиток.

— Вот, милый, скорее! — шепнула она и торопливо сунула деньги в карман его пиджака.— Шш... ни слова! Скорее! Это чтобы заплатить за завтрак, если мы проиграем, и для всяких прочих вещей... я скажу после. А как я люблю вас, мальчик мой маленький!

Секунду она с восхищением смотрела на него своими ласковыми карими глазами, потом снова взбежала по лестнице и уже сверху крикнула:

— Да не стойте вы тут, глупенький! Идите за палками! Быстро!

И она исчезла. А Клайд, потрогав карман, понял, что она дала ему очень много денег,— несомненно, хватит не только на все траты здесь, но и на бегство, если понадобится. «Дорогая! Милая девочка!» — воскликнул он про себя. Прелестная, нежная, щедрая Сондра! Она так любит его, по-настоящему любит. Но если она когда-нибудь узнает... О, боже! И ведь все это ради нее... если бы только она знала! Все ради нее! Потом он отыскал Эндрью и вернулся к остальным, неся палки. И вот снова появилась Сондра. Она бежит к ним в модном зеленом вязаном спортивном костюме. Джил в шапочке и блузе, похожая на жокея, смеется и шутит с Бэрчардом, уже сидящим у руля моторной лодки. А Сондра на бегу кричит Бертине и Харлею Бэготу:

— Эй, друзья! Не хотите ли с нами?

— Куда?

— В гольф-клуб при «Казино»!

— Нет, слишком далеко. Увидимся после завтрака на пляже.

И Бэрчард сразу берет такую скорость, что лодка прыгает, как дельфин. А Клайд смотрит на все как во сне — то с блаженством и надеждой, то словно сквозь темное облако ужаса,— за этой тьмой, быть может, уже вплотную подкрались к нему арест и смерть!

Несмотря на все его прежние рассуждения, ему теперь стало казаться, что он сделал ошибку, когда, не скрываясь, вышел сегодня утром из лесу. И все же это было, пожалуй, самое

лучшее — иначе ему пришлось бы сидеть в лесу целыми днями, а по ночам выбираться на дорогу, идущую вдоль берега, и по ней шагать до самого Шейрона. На это надо было потратить два или три дня. И тогда Сондра, удивленная и встревоженная его опозданием, могла позвонить в Ликург, пошли бы разговоры, расспросы о нем, которые впоследствии могли бы оказаться опасными...

Но здесь, в этот сияющий день, кажется, нет и не может быть никаких забот,— по крайней мере, остальные так беспечны... а в глубине его души — холодный мрак... И Сондра, в восторге от того, что Клайд с нею, вдруг вскакивает,— в руке ее, точно вымпел, развевается яркий шарф,— и восклицает с веселым озорством:

— Клеопатра плывет по морям навстречу... навстречу... да кого же она там встречала?

— Чарли Чаплина,— подсказал Тэйлор, заставляя лодку выделывать неистовые скачки, чтобы Сондра потеряла равновесие.

— Ну и глупо! — ответила Сондра, шире расставляя ноги, чтобы сохранить устойчивость.

— Нет, вы тоже не знаете, Бэрчи,— прибавила она.— Клеопатра мчится... м-м... знаю — на акваплане!

Она закинула голову назад и широко распростерла руки, а лодка все шарахалась то вправо, то влево, как перепуганная лошадь.

— Все равно вам не свалить меня, Бэрчи! Вот увидите! — крикнула Сондра, и Бэрчард, то и дело меняя курс, стал резко, насколько хватало смелости, бросать лодку из стороны в сторону, а Джил в испуге закричала:

— Что вы делаете? Хотите нас всех утопить?

Клайд вздрогнул и побледнел, словно громом пораженный. Он вдруг почувствовал тошноту и слабость. Он никак не думал, что придется так страдать и мучиться. Ему казалось, что все будет совсем по-другому. И вот он бледнеет от каждого случайного, нечаянного слова. Но что, если ему придется вынести серьезное испытание... если неожиданно нагрянет полицейский агент и спросит, где он был вчера и что знает о смерти Роберты... Ведь он начнет мямлить, дрожать, не сможет, пожалуй, выговорить ни слова и, конечно, выдаст себя! Нет, надо взять себя в руки, держаться просто и весело... Надо... по крайней мере, в этот первый день.

К счастью, все были так веселы и возбуждены быстрой ездой, что, видимо, не заметили, как ошеломил Клайда возглас

Джил,— и ему постепенно удалось вновь принять спокойный вид. А в это время лодка подходила к «Казино», и Сондра решила закончить поездку какой-нибудь эффектной выходкой: подпрыгнув, она ухватилась за перила пристани и подтянулась на руках, тогда как лодка проскользнула мимо и только после поворота причалила. И Клайда, которому при этом была послана сияющая улыбка, неудержимо потянуло к ней,— к любящей, прелестной, великодушной, смелой Сондре,— и, чтобы быть достойным ее улыбки, он вскочил, помог Джил подняться по ступенькам пристани, а сам подтянулся на руках и вслед за Сондрой быстро взобрался наверх, стараясь казаться веселым и оживленным. Но это оживление было столь же фальшиво внутренне, как правдоподобно внешне.

— Здóрово! Вы настоящий гимнаст!

И позже, на поле для игры в гольф, Клайд под руководством Сондры играл настолько успешно, насколько позволяли его неопытность и мучительное волнение. А она, в восторге от того, что они вместе, только вдвоем, и в ходе игры то и дело оказываются в тенистых уголках, где можно целоваться, стала рассказывать ему, что она, Стюарт, Фрэнк Гарриэт, Вайнет Фэнт, Бэрчард и Вайолет Тэйлор, Грэнт и Бертина Крэнстон, Харлей Бэгот, Перли Хейнс и Джил Трамбал собираются на экскурсию на целую неделю. Они двинутся в путь завтра днем,— сначала тридцать миль по озеру на моторной лодке, дальше сорок миль автомобилем на восток, к так называемому Медвежьему озеру; там они разобьют палатки и постепенно объедут на байдарках его берега,— там есть всякие живописные уголки, известные только Харлею и Фрэнку. Каждый день — на новом месте. Мальчики станут охотиться на белок и ловить рыбу на обед. А прогулки при лунном свете! И, говорят, там есть гостиница, до которой можно добраться на лодке. С ними поедут двое или трое слуг и, приличия ради, кто-нибудь из старших. А прогулки по лесу! И сколько удобных случаев для влюбленных — катанье на байдарке по озеру, долгие часы вдвоем! Они будут неразлучны целую неделю!

И хотя события последних дней могли бы заставить Клайда поколебаться, он все же невольно подумал: что бы ни случилось, не лучше ли поехать с ними? Как чудесно, что Сондра его так любит! Да и что ему делать иначе? Это позволит ему уехать отсюда... дальше от места этого... этого... несчастного случая. И если, допустим, кто-то будет искать кого-то похожего на него... что ж, его просто не будет в тех местах, где могли бы его видеть и толковать о нем... *Те трое встречных.*

Но тут же он сообразил, что ни в коем случае нельзя уезжать отсюда, не разузнав возможно точнее, не подозревают ли уже кого-нибудь. Поэтому после гольфа, оставшись на минуту один, он справился в киоске о газетах, но оказалось, что раньше семи или половины восьмого не будет ни газет из Утики и Олбани, ни местной вечерней. Значит, до тех пор он ничего не узнает.

После завтрака все купались, танцевали, потом Клайд вместе с Харлеем Бэготом и Бертиной вернулся на дачу Крэнстонов, а Сондра отправилась на Сосновый мыс, условившись позже встретиться с Клайдом у Гарриэтов. Но все это время Клайд напряженно думал, как бы ему при первом же удобном случае достать газеты. Если не удастся зайти сюда сегодня по дороге от Крэнстонов к Гарриэтам и раздобыть все газеты или хотя бы одну, то надо ухитриться попасть в это «Казино» завтра с утра, до отъезда на Медвежье озеро. Он должен получить газеты. Он должен знать, говорят ли что-нибудь — и что именно — об утонувшей паре и начались ли розыски.

По дороге Клайду не удалось купить газеты: их еще не доставили. И когда он пришел к Гарриэтам, там тоже еще не было ни одной газеты. Но через полчаса, когда он вместе со всеми сидел на веранде и весело разговаривал (впрочем, думая все о том же), появилась Сондра со словами:

— Внимание, друзья! Я вам сейчас кое-что расскажу! Не то вчера, не то сегодня утром на озере Большой Выпи перевернулась лодка и двое утонули. Мне это сейчас сказала по телефону Бланш Лок, она сегодня в Бухте Третьей мили. Она говорит, что девушку уже нашли, а ее спутника еще нет. Они утонули где-то в южной части озера.

Клайд мгновенно окаменел и стал бледен как полотно. Губы его казались бескровной полоской, и глаза, устремленные в одну точку, видели не то, что находилось перед ними, а берег далекого озера, высокие ели, темную воду, сомкнувшуюся над Робертой. Значит, ее уже нашли. Поверят ли теперь, как он рассчитывал, что его тело тоже там, на дне? Но надо слушать! Надо слушать, как ни кружится голова.

— Печально! — заметил Бэрчард Тэйлор, переставая бренчать на мандолине.— Кто-нибудь знакомый?

— Бланш говорит, что она еще не слышала подробностей.

— Мне это озеро всегда не нравилось,— вмешался Фрэнк Гарриэт.— Оно слишком пустынное. Прошлым летом мы

с отцом и с мистером Рэнделом ловили там рыбу, но быстро уехали. Там очень уж мрачно.

— Мы были там недели три назад. Помните, Сондра? — прибавил Харлей Бэгот.— Вам там не понравилось.

— Да, помню,— ответила Сондра.— Ужасно пустынное место. Не представляю, кому и для чего захотелось туда поехать.

— Надеюсь, что это не кто-нибудь из знакомых,— в раздумье сказал Бэрчард.— Это надолго испортило бы все наши удовольствия.

Клайд бессознательно провел языком по сухим губам и судорожно глотнул, потому что у него пересохло в горле.

— Наверно, ни в одной сегодняшней газете об этом еще ничего нет. Кто-нибудь видел газеты? — спросила Вайнет Фэит, которая не слышала первых слов Сондры.

— Никаких газет нет,— заметил Бэрчард.— И все равно они еще ничего не могли сообщить. Ведь Сондре только что сказала про это по телефону Бланш Лок. Она сейчас в тех краях.

— Ах, верно.

«А все-таки, может быть, в шейронской вечерней газетке — как ее... «Бэннер», что ли?..— уже есть какие-нибудь сообщения. Если бы достать ее еще сегодня!» — подумал Клайд.

И тут — другая мысль. Господи, только сейчас он впервые подумал об этом: его следы!.. вдруг они отпечатались там в грязи, на берегу? Он даже не обернулся, не посмотрел, так он спешил выбраться оттуда. А ведь они могли остаться. И тогда по ним пойдут... Пойдут за человеком, которого встретили те трое! За Клифордом Голденом! Его утренние странствия... Поездка в автомобиле Крэнстонов... И у них на даче — его мокрый костюм! Что, если кто-нибудь в его отсутствие уже побывал в его комнате, все осмотрел, обыскал, всех расспросил... Может быть, открыл чемодан? Какой-нибудь полицейский! Господи! Этот костюм в чемодане! Почему он оставил его в чемодане и вообще при себе? Надо было еще раньше спрятать его... завернуть в него камень и закинуть в озеро хотя бы. Тогда он остался бы на дне. О чем он только думал, находясь в таком отчаянном положении? Воображал, что еще наденет этот костюм?

Клайд встал. Он буквально окоченел и душой и телом. Глаза его на мгновенье сделались какими-то стеклянными. Надо уйти отсюда. Надо сейчас же вернуться туда и избавиться от этого костюма... забросить его в озеро... спрятать где-нибудь

в лесу, за домом!.. Да, но нельзя же уйти так вдруг, сразу после этой болтовни об утонувшей паре. Как это будет выглядеть?

Нет, тотчас подумалось ему. Будь спокоен... старайся не проявить ни малейших признаков волнения... будь холоден... и попробуй сказать несколько ни к чему не обязывающих слов.

И вот, напрягая всю свою волю, он подошел к Сондре и вымолвил:

— Печально, правда?

Его голос звучал почти нормально, но мог в любую минуту сорваться и задрожать, как дрожали его колени и руки.

— Да, конечно,— ответила Сондра, оборачиваясь к нему.— Я ужасно не люблю, когда рассказывают о таких вещах,— а вы? Мама вечно так беспокоится, когда мы со Стюартом болтаемся по этим озерам.

— Да, это понятно.

Голос его стал хриплым и непослушным. Он выговорил эти слова с трудом, глухо и невнятно. Губы его еще плотнее сжались в узкую бесцветную полоску, и лицо совсем побелело.

— Что с вами, Клайди? — вдруг спросила Сондра, посмотрев на него внимательнее.— Вы такой бледный! А глаза какие! Что случилось? Вам нездоровится сегодня или это виновато освещение?

Для сравнения она окинула взглядом остальных, потом снова обернулась к Клайду. И, понимая, как важно ему выглядеть не таким, каков он сейчас, по ее словам, Клайд постарался хоть немного овладеть собой и ответил:

— Нет, ничего. Вероятно, это от освещения. Конечно, от освещения. У меня... у меня был тяжелый день вчера, вот и все. Пожалуй, мне не следовало приезжать сюда сегодня вечером.— И он через силу улыбнулся невероятной, невозможной улыбкой.

А Сондра, глядя на него с искренним сочувствием, шепнула:

— Мой Клайди-маленький так устал после вчерашней работы? Почему же мой мальчик не сказал мне этого утром, вместо того чтобы прыгать с нами весь день? Хотите, я скажу Фрэнку, чтобы он сейчас же отвез вас назад, к Крэнстонам? Или, может быть, вы поднимете сь к нему в комнату и приляжете? Он и слова не скажет. Я спрошу его, ладно?

Она уже хотела заговорить с Фрэнком, но Клайд, смертельно испуганный ее последним предложением и в то же время готовый ухватиться за подходящий предлог, чтобы уйти, воскликнул искренне, но все же неуверенно:

— Нет, пожалуйста, не надо, дорогая! Я... я не хочу! Это все пройдет. Я подымусь наверх потом, если захочется, или, может быть, уеду пораньше домой, если вы тоже немного погодя уйдете, но только не сейчас. Я чувствую себя не так уж хорошо, но это пройдет.

Сондра, удивленная его неестественным и, как ей показалось, почти раздраженным тоном, сразу уступила.

— Ну хорошо, милый. Как хотите. Но если вам нездоровится, лучше бы вы позволили мне позвать Фрэнка, чтобы он отвел вас в свою комнату. Он не будет в претензии. А немного погодя — примерно в половине одиннадцатого — я тоже распрощаюсь, и мы вместе доедем до Крэнстонов. Я отвезу вас туда, прежде чем ехать домой, а то кто-нибудь другой соберется уходить и захочет вас подвезти. Разве моему мальчику такой план не нравится?

И Клайд ответил:

— Хорошо, я только пойду чего-нибудь выпить.

И он забрался в одну из просторных ванных комнат дома Гарриэтов, запер дверь, сел,— и думал, думал... о том, что тело Роберты найдено, что на лице ее, может быть, остались синяки от удара, что следы его ног могли отпечататься на влажном песке и в грязи у берега... думал о мокром костюме на даче у Крэнстонов, о тех троих в лесу, о чемодане Роберты, о ее шляпе и пальто и о своей оставшейся на воде шляпе с выдранной подкладкой... и спрашивал себя, что делать дальше? Как поступить? Что сказать? Пойти сейчас к Сондре и убедить ее уехать немедленно или остаться и переживать новые муки? И что будет в завтрашних газетах? Что? Что? И если есть сообщения, судя по которым можно думать, что его в конце концов станут разыскивать,— что заподозрят его причастность к этому происшествию,— благоразумно ли пускаться завтра в эту предполагаемую экскурсию? Может быть, умнее бежать подальше отсюда? У него теперь есть немного денег. Он может уехать в Нью-Йорк, в Бостон, в Новый Орлеан — там Ретерер... но нет, только не туда, где его кто-либо знает!..

О, боже, как глупы были до сих пор все его планы! Сколько промахов! Да и правильно ли он рассчитал с самого начала? Разве он представлял себе, например, что тело Роберты найдут на такой глубине? Но вот оно появилось — и так скоро, в первый же день,— чтобы свидетельствовать против него! И хотя он записался в гостиницах под чужими фамилиями, разве не могут его выследить благодаря указаниям тех трех встречных и де-

вушки на пароходе? Надо думать, думать, думать! И надо выбраться отсюда поскорее, пока не случилось что-нибудь непоправимое из-за этого мокрого костюма.

Его разом охватила еще большая слабость и ужас, и он решил вернуться к Сондре и сказать, что он и вправду чувствует себя совсем больным и, если она не возражает и может это устроить, предпочел бы поехать с нею домой. Поэтому в половине одиннадцатого, задолго до конца вечеринки, Сондра заявила Бэрчарду, что она чувствует себя не совсем хорошо и просит отвезти ее, Клайда и Джил домой; но завтра они все встретятся, как условлено, чтобы ехать на Медвежье озеро.

С тревогой думая, что, может быть, и этот его ранний уход еще одна злосчастная ошибка из числа тех, которыми до сих пор был отмечен, кажется, каждый его шаг на этом отчаянном и роковом пути, Клайд сел наконец в моторную лодку и мгновенно был доставлен на дачу Крэнстонов. Сойдя на берег, он возможно более непринужденным тоном извинился перед Бэрчардом и Сондрой и, бросившись в свою комнату, обнаружил, что костюм лежит, как и лежал, на прежнем месте — незаметно было, чтобы кто-либо нарушал без Клайда спокойствие его комнаты. Все же он поспешно и боязливо вынул костюм, завязал в узелок, прислушался и, дождавшись минутного затишья, когда можно было проскользнуть незамеченным, вышел из дому, словно желая немного прогуляться перед сном. Отойдя по берегу озера примерно на четверть мили от дома, он отыскал тяжелый камень, привязал к нему костюм и, размахнувшись, изо всей силы швырнул далеко в воду. Потом так же тихо, мрачный и беспокойный, возвратился к себе и снова сумрачно и тревожно думал, думал... о том, что принесет ему завтрашний день и что он скажет, если явится кто-нибудь, чтобы его допросить.

ГЛАВА VIII

После почти бессонной ночи, истерзавшей Клайда мучительными снами (Роберта, люди, явившиеся его арестовать, и прочее в том же роде), настало утро. Наконец он поднялся: у него болел каждый нерв, болели глаза. Часом позже он решился сойти вниз, увидел Фредерика (шофера, который накануне привез его сюда), выезжающего на одном из автомобилей, и поручил ему достать все утренние газеты, выходящие в Олбани и Утике. И около половины десятого, когда шофер вернулся,

Клайд прошел с газетами к себе, запер дверь и, развернув одну из них, сразу увидел ошеломляющий заголовок:

ЗАГАДОЧНАЯ СМЕРТЬ ДЕВУШКИ.
ТЕЛО НАЙДЕНО ВЧЕРА В ОДНОМ ИЗ АДИРОНДАКСКИХ ОЗЕР.
ТЕЛО СПУТНИКА НЕ ОБНАРУЖЕНО.

Весь побелев от волнения, Клайд опустился на стул у окна и начал читать:

«Бриджбург (штат Нью-Йорк), 9 июля. Вчера около полудня в южной части озера Большой Выпи было извлечено из воды тело неизвестной молодой женщины, как предполагают, жены молодого человека, который записался в среду утром в гостинице на Луговом озере как «Карл Грэхэм с женой», а в четверг в гостинице на озере Большой Выпи как «Клифорд Голден с женой». В так называемой Лунной бухте обнаружены перевернутая лодка и мужская соломенная шляпа. Ввиду этого там весь день производились поиски при помощи багров и сетей. Однако до семи часов вечера тело мужчины не было найдено, и, как полагает следователь Хейт из Бриджбурга, вызванный к двум часам на место катастрофы, оно вообще вряд ли может быть найдено. Ссадины и кровоподтеки на голове и лице погибшей, а также показания трех человек, прибывших на место происшествия, когда поиски все еще продолжались, и заявивших, что прошлой ночью в лесу южнее озера они встретили молодого человека, похожего по описанию на Голдена или Грэхема, заставляют многих предполагать, что тут имело место убийство и что убийца пытается скрыться.

Коричневый кожаный чемодан погибшей был сдан на хранение на железнодорожной станции Ружейной (пять миль к востоку от озера Большой Выпи), а шляпа и пальто оставлены в гостинице на озере Большой Выпи, тогда как свой чемодан Грэхэм или Голден, как говорят, взял с собой в лодку.

Хозяин гостиницы на озере Большой Выпи сообщил, что эта пара записалась по приезде как Клифорд Голден с женой из Олбани. В гостинице они пробыли всего несколько минут; затем Голден пошел на лодочную станцию, находящуюся рядом с гостиницей, нанял маленькую лодку и, захватив свой чемодан, отправился вместе со спутницей кататься по озеру. Они не вернулись, а вчера утром лодка, опрокинутая вверх дном, была найдена в небольшом заливе в южной части озера,— так называемой Лунной бухте; здесь же вскоре был разыскан и труп молодой женщины. Поскольку в этой части озера нет подводных камней, а на лице погибшей ясно видны следы ушибов, сразу

возникло подозрение, что спутник ее чем-то ударил. Все это вместе с показаниями упомянутых трех человек и тем обстоятельством, что у мужской соломенной шляпы, найденной вблизи лодки, вырвана подкладка и нет никакой метки, по которой можно было бы опознать ее владельца, дает мистеру Хейту основания заявить, что если труп молодого человека не будет найден, следует предположить убийство.

Голден или Грэхем, как его описывают хозяева и постояльцы гостиниц и проводники на озерах Луговом и Большой Выни, не старше двадцати четырех — двадцати пяти лет, строен, смугл, ростом не выше пяти футов и восьми или девяти дюймов. Он был в светло-сером костюме, коричневых ботинках и соломенной шляпе и нес коричневый чемодан, к которому был привязан зонтик и еще какой-то предмет,— возможно, трость.

Шляпа, оставленная молодой женщиной в гостинице, темно-коричневая, пальто светло-коричневое, платье темно-синее.

По всем окрестным железнодорожным станциям разослано извещение о розысках Голдена или Грэхема, чтобы его могли задержать, если он жив и пытается скрыться. Тело утонувшей будет перевезено в Бриджбург, главный город округа, где в дальнейшем будет вестись следствие».

Клайд сидел, немой и похолодевший, и думал. Известие о столь подлом убийстве (таким оно должно показаться), да еще совершенном совсем поблизости, наверно, вызовет такое возбуждение, что многие, даже все вокруг, станут теперь усиленно разглядывать каждого встречного и приезжего в надежде обнаружить преступника, чьи приметы сообщены в газетах. Но раз они уже почти напали на его след, не лучше ли обратиться к властям здесь или на Большой Выни и откровенно рассказать обо всем — о своем первоначальном плане и о причинах, которые к этому привели, и объяснить, что в конце концов он все же не убил Роберту, так как в последнюю минуту в душе его произошел переворот и он был не в состоянии исполнить то, что задумал... Но нет! Это значило бы открыть Сондре и Грифитсам всю историю своих отношений с Робертой, еще прежде чем он окончательно убедится, что для него здесь действительно все кончено. Да притом поверят ли ему теперь, после его бегства, после этого сообщения о следах удара на лице Роберты? Ведь и вправду все выглядит так, будто он убил ее, сколько бы он ни старался объяснить, что он этого не делал.

Возможно также, что кое-кто из видевших его узнает его по приметам, опубликованным в газетах, хотя он уже не в сером

костюме и не в соломенной шляпе. Его ищут,— вернее, не его, а Клифорда Голдена или Карла Грэхема, который на него похож,— ищут, чтобы обвинить в убийстве! Но ведь он в точности похож на Голдена,— и вдруг явятся те трое! Клайда охватила дрожь. Хуже того, новая страшная мысль (в эту минуту она впервые, как молния, вспыхнула в его мозгу): инициалы Голдена и Грэхема те же, что и его собственные. Раньше он вовсе не замечал в них ничего плохого, но теперь понял, что они могут его погубить. Почему же он прежде ни разу об этом не подумал? Почему? Почему? О, боже!

И как раз в это время Сондра вызвала его по телефону. Ему сказали, что это она. И все же он должен был сделать над собой усилие, чтобы хоть голос его звучал прилично.

Как сегодня с утра чувствует себя ее мальчик? Ему лучше? Что за ужасная болезнь вдруг напала на него вчера? А сейчас он чувствует себя совсем хорошо, это правда? И сможет отправиться с ними в путешествие? Вот это великолепно! Она так испугалась, она всю ночь беспокоилась, что он будет совсем болен и не сможет поехать. Но он едет — значит, теперь опять все хорошо. Милый! Дорогой мальчик! Мальчик любит ее? Очень? Она просто убеждена, что эта поездка будет ему очень полезна. Все утро она будет ужасно занята всякими приготовлениями, но в час или в половине второго вся компания должна собраться на пристани «Казино». И тогда — о, тогда! До чего там будет великолепно! Он должен явиться с Бертиной, Грэнтом и прочими, кто там едет от Крэнстонов, а на пристани он перейдет в моторную лодку Стюарта. Им наверняка будет очень весело, страшно весело, но сейчас ей некогда! До свиданья, до свиданья!

И она исчезла, словно яркая птичка.

Но нужно ждать: только через три часа он сможет уехать отсюда и избегнет таким образом опасности столкнуться с кем-нибудь, кто может разыскивать Клифорда Голдена или Карла Грэхема! Может быть, пройтись пока по берегу, уйти в лес? Или уложить чемодан, сесть внизу и следить за всяким, кто приближается по длинной извилистой дороге, ведущей от шоссе к даче, либо в лодке по озеру! Ведь если появится кто-нибудь слишком подозрительный, еще можно будет убежать... Так он и сделал: сначала пошел в лес, то и дело оглядываясь, как затравленный зверь; потом вернулся на дачу, но и здесь, сидя или расхаживая взад и вперед, все время настороженно следил за тем, что происходит вокруг. (Что это за человек? Что там за лодка? Куда она направляется? Не сюда ли, случайно? Кто в ней? Что, если полицейский... сыщик? Тогда, конечно, бежать... если еще есть время.

Но вот наконец прошли эти три часа, и Клайд вместе с Бертиной, Грэнтом, Харлеем и Вайнет отправился на моторной лодке Крэнстонов к пристани у «Казино». Там к ним присоединились остальные участники поездки вместе со слугами. А на тридцать миль севернее, в Рыбачьем заливе на восточном берегу, их встретили автомобили Гарриэтов, Бэготов и других и вместе со всеми припасами и байдарками отвезли на сорок миль к востоку, к Медвежьему озеру, почти такому же своеобразному и пустынному, как озеро Большой Выпи.

Какой радостью была бы для него эта поездка, если бы то, *другое,* не нависло над ним! Какое наслаждение быть подле Сондры, когда ее глаза непрестанно говорят о том, как она его любит. Она так весела и оживленна оттого, что он с нею. И все же тело Роберты найдено! Идут поиски Клифорда Голдена — Карла Грэхема. Его приметы сообщены повсюду по телеграфу и через газеты. Вся эта компания в лодках и автомобилях, вероятно, уже знает их. Но все они хорошо знакомы с ним, всем известны его отношения с Сондрой и Грифитсами, и поэтому никто его не подозревает, никто даже и не думает об этих приметах. А если бы подумали! Если бы догадались! Ужас! Бегство! Разоблачение! Полиция! Все они первыми отвернутся от него — все, кроме Сондры, может быть. Нет, и она тоже. Конечно, и она отвернется... и с таким ужасом во взгляде...

В тот же вечер, на закате, вся компания расположилась на западном берегу Медвежьего озера, на открытой лужайке, ровной и гладкой, как хорошо подстриженный газон; пять разноцветных палаток окружали костер наподобие индейской деревни; палатки поваров и слуг стояли поодаль; полдюжины байдарок лежали на поросшем травою берегу, как вытащенные из воды пестрые рыбы. Потом — ужин у костра. После ужина Бэгот, Гарриэт, Стюарт и Грэнт стали напевать модные песенки, пока остальные танцевали, а потом уселись играть в покер при ярком свете большой керосиновой лампы. А все остальные запели бесшабашные лагерные и студенческие песни; Клайд не знал ни одной из них, но пробовал подтягивать. И взрывы смеха. И пари: кто выудит первую рыбу, подстрелит первую белку или куропатку, выйдет победителем на первых гонках. И, наконец, торжественно обсуждаемые планы: завтра после завтрака перенести лагерь, по крайней мере, еще миль на десять восточнее,— там идеальный пляж, а в пяти милях гостиница «Метисская», где они смогут пообедать и танцевать до упаду.

И потом — тишина и красота этого лагеря ночью, когда предполагается, что все уже спят. Звезды! Загадочные темные

воды покрыты едва заметной рябью, загадочные темные ели перешептываются под дуновением ветерка, крики сов и еще каких-то ночных птиц... все слишком тревожит Клайда, и он прислушивается к ночи с глубокой тоской. Как все было бы чудесно, великолепно, если бы... если бы не преследовал его, как выходец из гроба, этот ужас,— не только то, что он совершил над Робертой, но и грозное могущество закона, который считает его убийцей... А когда все улеглись в постель или скрылись во тьме, Сондра выскользнула из палатки, чтобы обменяться с ним несколькими словами и поцелуями в мерцании звезд. И он шепчет ей, как он счастлив, как благодарен ей за всю ее любовь и доверие,— и почти готов спросить: если она когда-нибудь узнает, что он совсем не такой хороший, как ей сейчас кажется, будет ли она все-таки любить его немножко... не возненавидит ли его... Но он сдержался, опасаясь, как бы Сондра не связала его теперешнее настроение со вчерашним (ведь накануне вечером его явно охватил приступ паники!) и не разгадала как-нибудь страшной, гибельной тайны, которая гложет его сердце.

А после он лежит на своей койке в одной палатке с Бэготом, Гарриэтом и Грэнтом и часами беспокойно прислушивается ко всякому шуму снаружи: не слышно ли крадущихся шагов, которые могут означать... могут означать... боже, чего только не означали бы они для него даже здесь? — правосудие! арест! разоблачение! и смерть. Дважды в эту ночь он просыпался от ужасных, убийственных снов — и ему казалось (и это было страшно), что он кричал во сне.

Но потом снова — сияние утра, желтый шар солнца поднимается над озером, у противоположного берега плещутся в заливе дикие утки. Чуть позже Грэнт, Стюарт и Харлей, полуодетые, захватив ружья, с видом заправских охотников отплывают на байдарках в надежде подстрелить издали парочку уток, но возвращаются ни с чем, вызывая шумное веселье зрителей. И юноши и девушки в шелковых халатах, накинутых на яркие купальные костюмы, выбегают на берег и весело, с шумом и криком бросаются в воду. А в девять часов — завтрак, после которого веселая, пестрая флотилия байдарок отплывает на восток под звуки гитар, мандолин и банджо... пение, шутки, смех.

— Что опять с моим малюсеньким? Он такой хмурый. Разве ему не весело здесь с Сондрой и с этими славными детками?

И Клайд разом спохватился: он должен притворяться веселым и беззаботным.

А к полудню Харлей Бэгот, Грэнт и Гарриэт объявляют, что впереди, совсем близко, тот замечательный берег, до которого

они и собирались добраться,— мыс Рамсхорн; с его вершины открывается вид на озеро во всю его ширь, а внизу, на берегу, вдоволь места для палаток и всего снаряжения экспедиции. И весь этот жаркий, отрадный воскресный день заполнен по обычной программе: завтрак, купанье, танцы, прогулки, игра в карты, музыка. И Клайд и Сондра — Сондра с мандолиной — подобно другим парочкам ускользают далеко на восток от лагеря, к укрывшейся в зарослях скале. Они лежат в тени елей — Сондра в объятиях Клайда — и строят планы на будущее, хотя, как сообщает Сондра, миссис Финчли заявила, что в дальнейшем ее дочь не должна поддерживать с Клайдом столь близкого знакомства, которому благоприятствует, например, обстановка этой экскурсии. Он слишком беден, слишком незначителен, этот родственник Грифитсов. Таков был смысл наставлений матери,— Сондра, пересказывая их Клайду, смягчила выражения и тут же прибавила:

— Это просто смешно, милый! Но вы не принимайте все это близко к сердцу. Я только смеялась и ничего не возражала, потому что не хочу ее сейчас сердить. Но все-таки я спросила, как же мне избежать встреч с вами, здесь да и в других местах,— ведь вы теперь всеобщий любимец и вас все приглашают. Мой милый — такой красавчик! Все так думают, даже мальчики.

В этот час на веранде гостиницы «Серебряная» в Шейроне прокурор Мейсон, его помощник Бэртон Бэрлей, следователь Хейт, Эрл Ньюком и грозный шериф Слэк (человек толстый и хмурый, хотя в обществе обычно довольно веселый) со своими тремя помощниками — Краутом, Сисселом и Суэнком — совещались, стараясь избрать самый лучший и верный способ немедленной поимки преступника.

— Он поехал на Медвежье озеро. Надо двинуться следом и захватить его, пока до него еще не дошел слух, что его ищут.

И они отправились. Бэрлей и Эрл Ньюком обошли весь Шейрон, стараясь собрать всевозможные дополнительные сведения о приезде Клайда сюда и отъезде его в пятницу на дачу Крэнстонов; они разговаривали с каждым, кто мог своими показаниями пролить хоть какой-то свет на передвижения Клайда, и вручили этим людям судебные повестки. Хейт отправился в Бухту Третьей мили с таким же поручением: допросить Муни, капитана «Лебедя», и трех человек, встретивших Клайда в лесу, а Мейсон с шерифом и его помощниками на быстроходном катере, зафрахтованном для этого случая, двинулся вдогонку за

недавно выехавшей на экскурсию компанией молодежи: сперва в Рыбачий залив, чтобы оттуда, если след окажется верным, отправиться на Медвежье озеро.

И в понедельник утром, когда молодежь снялась со стоянки у мыса Рамсхорн и двинулась к Шелтер-Бичу (в четырнадцати милях к востоку), Мейсон вместе со Слэком и его тремя помощниками явился на то место, откуда лагерь снялся накануне. Здесь шериф и Мейсон посовещались и разделили свой отряд на три части: раздобыв у местных жителей байдарки, Мейсон и первый помощник шерифа Краут поплыли вдоль южного берега, Слэк и второй помощник Сиссел — вдоль северного, а молодой Суэнк, который чуть ли не больше всех жаждал схватить преступника и надеть на него наручники, отправился на своей байдарке прямиком через озеро на восток, разыгрывая роль одинокого охотника или рыбака и зорко присматриваясь, нет ли где-нибудь на берегу предательского дыма костра, или палаток, или праздных, отдыхающих людей. В мечтах он уже изловил преступника — «Именем закона, Клайд Гриффитс, вы арестованы!» — но, к его большому огорчению, Мейсон и Слэк назначили его передовым разведчиком. Поэтому, обнаружив что-либо подозрительное, он должен был, чтобы не спугнуть и не упустить добычу, тотчас повернуть назад и, забравшись куда-нибудь подальше, откуда его не сможет услышать преступник, один-единственный раз выстрелить из своего восьмизарядного револьвера. Тогда то звено отряда, которое окажется ближе, даст один ответный выстрел и возможно быстрее направится к нему. Но ни при каких обстоятельствах Суэнк не должен пробовать самостоятельно захватить преступника,— разве только если увидит, что подозрительная личность, отвечающая приметам Клайда, пешком или на лодке пытается скрыться.

В этот час Клайд, сидя в одной байдарке с Харлеем, Бэготом, Бертиной и Сондрой, медленно плыл на восток со всей флотилией. Он оглядывался назад и снова и снова спрашивал себя: что, если какой-нибудь представитель власти уже прибыл в Шейрон и последовал за ним сюда? Разве трудно будет выяснить, куда он уехал, если только они знают его имя?

Но ведь они не знают его имени. Это доказывают сообщения в газетах. Зачем непрестанно тревожиться — особенно теперь, во время этого удивительного путешествия, когда они с Сондрой наконец снова вместе? И, кроме того, разве не может он незаметно уйти этими почти безлюдными лесами вдоль берега на восток, к той гостинице на противоположном конце озера, и не вернуться? Еще в субботу вечером он мимоходом спрашивал

Харлея Бэгота и других, нет ли какой-нибудь дороги на юг или на восток от восточного берега озера, и ему ответили, что есть.

Наконец в понедельник около полудня флотилия подплыла к Шелтер-Бичу — намеченному заранее живописному месту стоянки. Клайд помогал разбивать палатки, девушки резвились вокруг.

А в этот час молодой агент Суэнк, заметив пепел костров, оставшийся на месте лагеря в Рамсхорне, терпеливо и азартно, точно охотящийся зверь, подплыл к берегу, осмотрел следы стоянки и быстро погнал свою лодочку дальше. Еще часом позже Мейсон и Краут, ведя разведку, тоже дошли до этого места; однако им довольно было беглого взгляда, чтобы убедиться: дичи здесь уже нет.

Но Суэнк налег на весла и к четырем часам доплыл до Шелтер-Бича. Издали заметив в воде человек шесть купающихся, он тотчас повернул обратно, чтобы подать условный сигнал. Отъехав назад мили на две, он выстрелил. В ответ послышалось два выстрела: Мейсон и шериф Слэк услышали сигнал, и теперь обе партии быстро плыли на восток.

Клайд, плывший рядом с Сондрой, услышал выстрелы и сразу встревожился. Как зловеще прозвучал этот первый выстрел! И за ним еще два — они раздались где-то вдалеке, но, как видно, в ответ на первый. И потом зловещая тишина. Что же это было? А тут еще Харлей Бэгот сострил:

— Слышите, палят? Теперь не охотничий сезон! Это браконьеры!

— Эй, вы! — закричал Грэнт Крэнстон.— Это мои утки! Не трогайте их!

— Если они стреляют вроде тебя, Грэнти, так они их не тронут,— ввернула Бертина.

Силясь улыбнуться, Клайд смотрел в ту сторону, откуда донесся выстрел, и прислушивался, как загнанное животное.

Что за сила побуждает его выйти из воды, одеться и бежать? Спеши! Спеши! К палатке! В лес! Скорее! Под конец он внял этому голосу и, улучив минуту, когда на него не смотрели, торопливо прошел в свою палатку, переоделся в простой синий костюм, взял кепку и скользнул в лес позади лагеря, чтобы вдали от чужих глаз и ушей все обдумать и решить. Он держался все время подальше от берега, чтобы его нельзя было увидеть с озера, из страха... из страха... кто знает, что означали эти выстрелы?

Но Сондра! Ее слова в субботу, и вчера, и сегодня... Можно ли вот так оставить ее, раз он не вполне уверен, что ему грозит

опасность? Можно ли? А ее поцелуи! Ее ласковые уверения, ее планы на будущее! Что подумает она — да и все,— если он не вернется? О его исчезновении, конечно, заговорят шейронские и другие окрестные газеты и, конечно, установят, что он и есть Клифорд Голден и Карл Грэхем,— разве не так?

И потом, рассуждал он, может быть, его страхи напрасны, может быть, это стреляли всего лишь какие-нибудь заезжие охотники на озере или в лесу? И он медлил и спорил сам с собой — бежать или оставаться? А каким спокойствием дышат высокие, могучие деревья, как неслышны шаги по мягкому ковру коричневой хвои, устилающей землю, а в густой чаще кустарника можно спрятаться и лежать, пока вновь не наступит ночь! И тогда — вперед, вперед... И все-таки он повернул назад, к лагерю, чтобы узнать, не побывал ли там кто-нибудь посторонний (он скажет, что пошел пройтись и заблудился в лесу).

Примерно в это же время, укрывшись среди деревьев в двух милях западнее лагеря, сошлись все вместе и совещались Мейсон, Слэк и остальные. А затем, покуда Клайд мешкал и даже направился было снова к лагерю, Мейсон и Суэнк подплыли в байдарке к молодежи на берегу, и Мейсон осведомился, нет ли здесь мистера Клайда Грифитса и нельзя ли его видеть.

И Харлей Бэгот, который оказался ближе всех, ответил:

— Да, конечно. Он где-нибудь тут, недалеко.

А Стюарт Финчли окликнул:

— Ау, Грифитс!

Но ответа не было.

Клайд был довольно далеко от берега и не мог слышать этого крика, но он все же возвращался к лагерю,— правда, медленно и осторожно. А Мейсон, сделав вывод, что он где-то неподалеку и, конечно, ничего не подозревает, решил несколько минут подождать. Все же он поручил Суэнку пойти в глубь леса,— если он случайно встретит там Слэка или еще кого-нибудь из разведчиков, пусть скажет, чтобы одного человека направили вдоль восточного берега, другого — вдоль западного; сам же Суэнк должен на лодке отправиться к гостинице в восточной части озера,— пусть оттуда оповестят всех, что в этой местности находится человек, подозреваемый в убийстве.

А Клайд был в это время в каких-нибудь трех четвертях мили к востоку от них, и что-то все еще подсказывало ему: «Беги, беги, не медли!» — и все-таки он медлил и думал: «Сондра! Эта чудесная жизнь! Неужели так и уйти?» Нет, говорил он себе, пожалуй, будет еще большей ошибкой уйти, чем остаться. А вдруг эти выстрелы ничего не значили,— просто

охотники стреляли по дичи,— и из-за этого все потерять? И все-таки наконец он снова повернул, рассудив, что, пожалуй, лучше возвратиться не сейчас,— во всяком случае, не раньше темноты: надо выждать, посмотреть, что означали эти страшные выстрелы.

И снова он остановился, нерешительно прислушиваясь: щебетали лесные пичуги. Он тревожно осматривался, вглядываясь в чащу.

И вдруг, не дальше чем в пятидесяти шагах от него, из длинных коридоров, образованных высокими деревьями, навстречу ему бесшумно и быстро вышел рослый, сухощавый человек с бакенбардами и зоркими, проницательными глазами — типичный лесной житель; на нем была коричневая фетровая шляпа, выгоревший, неопределенного цвета мешковатый костюм, свободно висевший на его поджаром теле. И так же внезапно он крикнул,— при этом окрике Клайд весь похолодел от страха и остановился как вкопанный:

— Одну минуту, сударь! Ни с места! Ваше имя случаем не Клайд Грифитс?

И Клайд, увидев острый, настойчивый и пытливый взгляд незнакомца и револьвер в его руке, остановился; поведение этого человека было столь решительным и недвусмысленным, что холод пронизал Клайда до мозга костей. Неужели он пойман? Неужели за ним и вправду явились представители закона? Господи! Никакой надежды на бегство! Почему он не ушел раньше, почему? Он сразу обессилел,— и одно мгновенье колебался, не ответить ли «нет», чтобы не выдать себя,— но, одумавшись, сказал:

— Да, это я.

— Вы ведь из компании, которая расположилась тут лагерем?

— Да, сэр.

— Отлично, мистер Грифитс. Извините за револьвер. Мне приказано задержать вас при любых условиях, вот в чем дело. Меня зовут Краут, Николас Краут. Я — помощник шерифа округа Катараки, и у меня имеется ордер на ваш арест. Надо полагать, вы знаете, в чем дело, и спокойно последуете за мной?

И Краут еще крепче сжал свое тяжелое, грозное на вид оружие и настойчиво и решительно посмотрел на Клайда.

— Но... Но... нет, я не знаю! — бессильно ответил Клайд; он разом побледнел и осунулся.— Разумеется, если у вас есть ордер на арест, я последую за вами. Но я... я не понимаю,— его голос слегка задрожал,— почему вы хотите меня арестовать?

— Вон что, не понимаете? А вы случаем не были на озере Большой Выпи или на Луговом в среду или в четверг? А?

— Нет, сэр, не был,— солгал Клайд.

— И вам, видно, ничего не известно про то, что там утонула девушка, с которой, по-видимому, были вы,— Роберта Олден из Бильца?

— Господи, да нет же! — нервно и отрывисто возразил Клайд; настоящее имя Роберты и ее адрес в устах совершенно чужого человека... это его потрясло. Значит, они узнали! И так быстро! Они нашли ключ. Его настоящее имя и ее тоже! Господи! — Так меня подозревают в убийстве? — прибавил он слабым голосом, почти шепотом.

— А вам неизвестно, что она утонула в прошлый четверг? Разве вы не были с нею в это время?

Краут не отрывал от него жестких, пытливых, недоверчивых глаз.

— Нет, конечно, не был,— ответил Клайд, помня только одно: он должен все отрицать, пока не придумает, что еще говорить и как действовать.

— И вы не встречали троих прохожих в четверг вечером, часов в одиннадцать, когда шли от озера Большой Выпи к Бухте Третьей мили?

— Нет, сэр, конечно, не встречал... Я же сказал вам, что я там не был.

— Прекрасно, мистер Грифитс, мне больше нечего вам сказать. От меня требуется только одно — арестовать вас, Клайда Грифитса, по подозрению в убийстве Роберты Олден. Следуйте за мной.

Главным образом для того, чтобы продемонстрировать свою силу и власть, он вынул пару стальных наручников; при виде их Клайд отшатнулся и задрожал, словно его ударили.

— Вам незачем надевать их на меня, сэр,— сказал он умоляюще.— Пожалуйста, не надо. Мне никогда не приходилось их надевать. Я и без того пойду с вами.

Он тоскливо, с сожалением посмотрел в глубь леса, в спасительную чащу, где еще так недавно мог бы укрыться... Там была безопасность.

— Ну что ж,— ответил грозный мистер Краут,— это можно, если вы пойдете спокойно.

И он взял Клайда за почти безжизненную руку.

— Можно мне попросить вас еще об одном,— тихо и робко сказал Клайд, когда они двинулись в путь (мысль о Сондре и обо всех остальных ослепила и обессилила его. Сондра! Сондра!

Вернуться туда, к ним, арестантом, убийцей! Чтобы его увидели таким Сондра и Бертина! Нет, нет!). Вы... вы намерены отвести меня обратно в лагерь?

— Да, сэр. Мне так приказано. Там сейчас прокурор и шериф округа Катараки.

— О, понимаю, понимаю! — истерически воскликнул Клайд, потеряв почти все свое самообладание.— Но вы... вы не могли бы... ведь я иду совсем спокойно... понимаете, там все мои друзья, и это будет ужасно!.. вы не можете провести меня как-нибудь мимо лагеря... куда хотите! У меня есть особые причины... то есть... я... о, боже! Очень прошу вас, мистер Краут, не ведите меня назад, в лагерь!

Он показался теперь Крауту очень слабым и почти мальчиком... тонкое лицо, вроде бы невинный взгляд, хороший костюм и хорошие манеры... ничуть не похож на грубого, дикого убийцу, какого ожидал встретить Краут. Явно — человек того класса, к которому он, Краут, привык относиться с уважением. И, в конце концов, у этого юноши может оказаться могущественная родня. Из всего, что до сих пор слышал Краут, он ясно понял: этот молодой человек принадлежит к одной из лучших семей Ликурга. И потому Краут решил быть до некоторой степени любезным.

— Ладно, молодой человек,— сказал он,— я не хочу поступать с вами чересчур сурово. В конце концов, я не шериф и не прокурор, я обязан только арестовать вас. И без меня есть люди, которые скажут, как с вами быть. Вот мы дойдем до них, и вы попросите,— может быть, они скажут, что не обязательно вести вас обратно в лагерь. Только вот как с вашими вещами? Они, верно, остались там?

— Да, но это не важно,— торопливо ответил Клайд.— Их можно будет взять в любое время. Просто я не хотел бы сейчас идти туда, если только можно...

— Ладно, пошли,— ответил мистер Краут.

И вот они молча идут среди высоких деревьев, стволы которых в сумерках возвышаются торжественно, словно колонны храма,— они идут, как молящиеся по нефу собора, и Клайд беспокойным и усталым взглядом следит за багровой полоской, еще сквозящей за деревьями на западе.

Обвинен в убийстве! Роберта умерла! И Сондра умерла — для него! И Грифитсы! и дядя! и мать! И те, в лагере!

Господи, ну почему он не бежал, когда нечто — все равно, что это было,— твердило ему: беги?

ГЛАВА IX

В отсутствие Клайда впечатления Мейсона от общества, в котором тот здесь вращался, подтвердили и дополнили впечатления, полученные прежде в Ликурге и Шейроне. Этого было достаточно, чтобы отрезвить его и поколебать прежнюю уверенность, будто нетрудно будет добиться обвинительного приговора. Из всего, что он тут видел, было ясно: найдутся и средства и желание замять подобного рода скандал. Богатство. Роскошь. Громкие имена и высокие связи, которые, конечно, потребуется оградить от огласки. Разве не могут богатые и влиятельные Грифитсы, узнав об аресте племянника, каково бы ни было его преступление, пригласить самого талантливого адвоката, чтобы оберечь свое доброе имя? Несомненно, так и будет, а такой юрист сумеет получить любые отсрочки... и тогда, пожалуй, задолго до того, как он мог бы добиться осуждения преступника, он сам автоматически перестанет быть обвинителем и не будет не только избран, но и намечен кандидатом на столь желанную и необходимую ему должность судьи.

Перед живописным кружком разбитых на берегу озера палаток сидел Харлей Бэгот в ярком свитере и белых брюках тонкого сукна и приводил в порядок свои рыболовные снасти. У некоторых палаток были откинуты передние полотнища — и внутри можно было мельком увидеть Сондру, Бертину и других девушек, занимавшихся туалетом после недавного купанья. Компания была столь изысканная, что Мейсон усомнился, благоразумно ли с политической и общественной точки зрения напрямик заявить о том, какие причины привели его сюда; он предпочел пока смолчать и погрузился в размышления о контрасте между юностью Роберты Олден или своей собственной — и жизнью этой молодежи. Понятно, думал он, человек с положением Грифитсов вполне может так подло и жестоко поступить с девушкой вроде Роберты и при этом надеяться на безнаказанность.

И все же, стремясь добиться своего наперекор всем враждебным силам, какие могут преградить ему путь, Мейсон наконец подошел к Бэготу и весьма кисло (хотя и старался казаться возможно благодушнее и общительнее) сказал:

— Милое местечко для лагеря!

— Да-а... мы тоже так думаем,— процедил Бэгот.

— Это все, наверно, компания с дач около Шейрона?

— Да-а... Главным образом с южного и западного берега.

— Но тут нет никого из Грифитсов? То есть кроме мистера Клайда?

— Нет. Они, по-моему, все еще на Лесном озере.

— И вы знакомы лично с мистером Клайдом Грифитсом?

— Ну конечно. Он из нашей компании.

— А вы случайно не знаете, давно ли он здесь, то есть, я хочу сказать,— у Крэнстонов?

— Кажется, с пятницы. Во всяком случае, я его увидел в пятницу утром. Но вы можете спросить его самого, он скоро придет,— оборвал Бэгот, подумав, что мистер Мейсон становится несколько навязчивым со своими расспросами; притом — он человек не их с Клайдом круга.

В это время появился Фрэнк Гарриэт с теннисной ракеткой под мышкой.

— Куда, Фрэнк?

— Гаррисон сегодня утром расчистил корты — попробую там сыграть.

— С кем?

— С Вайолет, Надиной и Стюартом.

— А там есть место для другого корта?

— Ну да, там их два. Захвати Бертину, Клайда и Сондру и приходите все туда.

— Может быть, когда покончу с этим.

И Мейсон тотчас подумал: Клайд и Сондра. Клайд Грифитс и Сондра Финчли — та самая девушка, чьи записочки и визитные карточки сейчас у него в кармане. Может быть, он увидит ее здесь с Клайдом и позже сумеет поговорить с нею о нем?

В эту минуту Сондра, Бертина и Вайнет вышли из своих палаток. Бертина крикнула:

— Харлей, не видели Надину?

— Нет, но тут был Фрэнк. Он сказал, что идет на корт играть с нею, Вайолет и Стюартом.

— Вот как! Пойдем, Сондра! Вайнет, пойдем! Посмотрим, что там за корт.

Назвав Сондру по имени, Бертина обернулась и взяла ее под руку, и таким образом Мейсону представился желанный случай взглянуть, хотя бы мельком, на девушку, которая так трагически, и, без сомнения, сама того не зная, вытеснила Роберту из сердца Клайда. И Мейсон воочию убедился, что она много красивее и много наряднее,— та, другая, и мечтать не могла, что когда-нибудь сможет так одеваться. И эта жива, а та, другая, лежит мертвая в бриджбургском морге.

Три девушки, взявшись за руки, пробежали мимо смотревшего на них Мейсона, и Сондра на бегу крикнула Харлею:

— Если увидите Клайда, скажите, пускай идет туда, хорошо?

И Харлей ответил:

— Вы думаете, вашей тени нужно об этом напоминать?

Мейсон, пораженный красочностью и драматизмом происходящего, внимательно и даже с волнением следил за всем. Теперь ему было совершенно ясно, почему Клайд хотел отделаться от Роберты,— ясны его истинные, скрытые побуждения. Эта красивая девушка и вся эта роскошь — вот к чему он стремился. Подумать только, что молодой человек в его возрасте и с такими возможностями дошел до такой чудовищной низости! Невероятно! И всего через четыре дня после убийства той несчастной девушки он весело проводит время с этой красавицей, надеясь жениться на ней, как Роберта надеялась выйти за него замуж. Невероятные подлости бывают в жизни!

Видя, что Клайд не показывается, он почти уже решил назвать себя, а затем обыскать и изъять его вещи, но тут появился Эд Суэнк и кивком предложил Мейсону следовать за ним. И, войдя в лес, Мейсон тотчас увидел в тени высоких деревьев не более, не менее как Николаса Краута и с ним — стройного, хорошо одетого молодого человека, примерно того возраста, какой был указан в приметах Клайда; по восковой бледности его лица Мейсон мгновенно понял, что это и есть Клайд, и набросился на него, как разъяренная оса или шершень. Впрочем, сперва он осведомился у Суэнка, где и кто задержал Клайда, а затем пристально, критически и сурово посмотрел на него, как и подобает тому, кто воплощает в себе могущество и величие закона.

— Итак, вы и есть Клайд Грифитс?

— Да, сэр.

— Так вот, мистер Грифитс, меня зовут Орвил Мейсон. Я прокурор округа, где находятся озера Большой Выпи и Луговое. Я полагаю, вы хорошо знакомы с этими местами, не так ли?

Он сделал паузу, чтобы посмотреть, какой эффект произведет его язвительное замечание. Однако, против его ожидания, Клайд не вздрогнул в испуге, а только внимательно смотрел на него темными глазами, и этот взгляд выдавал огромное нервное напряжение.

— Нет, сэр, не могу сказать, что знаком.

Пока он шел сюда по лесу под надзором Краута, в нем с каждым шагом крепло глубокое, непоколебимое убеждение,

что, каковы бы ни были доказательства и улики, он не смеет говорить ни слова о себе, о своей связи с Робертой, о поездке на озеро Большой Выпи и на Луговое. Не смеет. Это все равно, что признать себя виновным в том, в чем он на самом деле не виноват. И никто никогда не должен подумать — ни Сондра, ни Грифитсы, ни кто-либо из его светских друзей,— что он мог быть повинен в таких мыслях. А ведь все они здесь, на расстоянии окрика, и в любую минуту могут подойти и узнать, за что он арестован. Необходимо отрицать, что он как-либо причастен к случившемуся,— он ничего об этом не знает, ровно ничего! В то же время им овладел безмерный ужас перед Мейсоном: конечно же, если так себя вести, этот человек будет вне себя от возмущения и негодования. У него такое суровое лицо! Да еще сломанный нос... и большие мрачные глаза.

А Мейсон, обозленный запирательством Клайда, смотрел на него, как на неведомого, но опасного зверя; впрочем, видя растерянность Клайда, он решил, что, без сомнения, быстро заставит его сознаться. И продолжал:

— Вы, конечно, знаете, в чем вас обвиняют, мистер Грифитс?

— Да, сэр, мне только что сказал вот этот человек.

— И вы признаете себя виновным?

— Конечно, нет, сэр! — возразил Клайд.

Его тонкие, теперь побелевшие губы плотно сжались, глаза были полны невыразимого, глубоко затаенного ужаса.

— Что? Какая чепуха! Какая наглость! Вы отрицаете, что в прошлую среду и четверг были на Луговом озере и на Большой Выпи?

— Да, сэр.

— В таком случае,— Мейсон выпрямился, приняв грозный инквизиторский вид,— вы, должно быть, станете отрицать и свое знакомство с Робертой Олден — с девушкой, которую вы повезли на Луговое озеро и с которой потом, в четверг, поехали кататься по озеру Большой Выпи? С девушкой, с которой вы встречались в Ликурге весь этот год и которая жила у миссис Гилпин и работала в вашем отделении на фабрике Грифитса? С девушкой, которой вы подарили на рождество туалетный прибор? Пожалуй, вы еще скажете, что вас зовут не Клайд Грифитс, что вы не живете у миссис Пейтон на Тэйлор-стрит и что всех этих писем и записочек от Роберты Олден и от мисс Финчли не было в вашем сундуке?

При этих словах Мейсон вытащил из кармана пачку писем и визитных карточек и стал размахивать ими перед самым но-

сом Клайда. С каждой фразой он все больше приближал к лицу Клайда свое широкое лицо с плоским сломанным носом и выдающимся подбородком, и глаза его сверкали жгучим презрением. А Клайд всякий раз отшатывался, и ледяной холодок пробегал у него по спине, проникая в сердце и в мозг. Эти письма! Вся эта осведомленность! А там, в его палатке, в чемодане, все последние письма Сондры, в которых она строит планы побега с ним в эту осень. И почему он их не уничтожил! Теперь этот человек найдет их,— конечно, найдет,— и, пожалуй, начнет допрашивать Сондру и всех остальных. Клайд съежился, и все в нем похолодело. Губительные последствия его столь плохо задуманного и плохо выполненного плана придавили его, как мир, легший на плечи слабосильного Атланта.

И, однако, чувствуя, что нужно что-то сказать и при этом ни в чем не признаться, он наконец ответил:

— Я действительно Клайд Грифитс, но все остальное неверно. Я ничего об этом не знаю.

— Да бросьте, мистер Грифитс! Не пытайтесь меня провести. Из этого ничего не выйдет. Ваши хитрости вам ни капли не помогут, а у меня нет на это времени. Не забывайте, что все эти люди — свидетели, и они вас слышат. Я был у вас в комнате, и в моем распоряжении ваш сундук, и письма мисс Олден к вам — неопровержимое доказательство, что вы знали эту девушку, что вы ухаживали за нею и обольстили ее минувшей зимой, а позже, весной, когда она забеременела от вас, сперва отправили ее домой, а потом затеяли эту поездку — для того чтобы обвенчаться, как вы ей сказали. Да, что и говорить, вы обвенчали ее! С могилой,— вот как вы ее обвенчали! — с водой на дне озера Большой Выпи! И теперь, когда я говорю вам, что у меня в руках все улики, вы заявляете мне в лицо, будто даже не знаете ее! Ах, черт меня подери!

Он говорил все громче, и Клайд боялся, что его услышат в лагере и Сондра услышит и придет сюда. Оглушенный, исхлестанный неистовым смерчем уничтожающих фактов, которыми забрасывал его Мейсон, Клайд чувствовал, как судорога стиснула ему горло, и едва сдерживался, чтобы не ломать руки. И, однако, на все это он ответил только:

— Да, сэр.

— Ах, черт меня подери! — повторил Мейсон.— Теперь мне ясно, что вы вполне могли убить девушку и удрать именно так, как вы это сделали. И еще при ее положении! Отрекаться от ее писем к вам! Да ведь вы с таким же успехом можете отрицать, что вы здесь и что вы живы! Ну, а эти карточки и запи-

ски,— что вы скажете о них? Уж конечно, они не от мисс Финчли? Ну-ка? Сейчас вы станете уверять меня, что это не от нее.

Он помахал ими перед носом Клайда. И Клайд, понимая, что Сондра совсем рядом и, значит, истинное происхождение писем могут мигом установить, ответил:

— Нет, я не отрицаю, что это от нее.

— Прекрасно. А вот эти письма, лежавшие там же, в вашем сундуке, в той же комнате,— они не от мисс Олден?

— Я не желаю об этом говорить,— ответил Клайд, невольно мигая, оттого что Мейсон размахивал перед ним письмами Роберты.

— Ну, знаете ли! — Мейсон в ярости прищелкнул языком.— Какой вздор! Какая наглость! Ну, прекрасно, сейчас не стоит беспокоиться на этот счет. В свое время я без труда это докажу. Но как вы можете все отрицать, зная, что у меня есть доказательства,— вот чего я не пойму! А карточка с вашей собственноручной надписью? Вы забыли вынуть ее из чемодана, который мисс Олден, по вашему настоянию, оставила на станции Ружейной, хотя свой чемодан вы взяли с собой, мистер Карл Грэхем — мистер Клифорд Голден — мистер Клайд Грифитс! Карточка, на которой вы написали: «Берте от Клайда.— Поздравляю с рождеством!» — припоминаете? Ну, так вот она! — И Мейсон вытащил из кармана карточку и махнул ею перед самым носом Клайда.— Это вы тоже забыли? Ваш собственный почерк! — И, помолчав, но не дождавшись ответа, он прибавил: — Ну и олух же вы! Хорош злоумышленник, у которого даже не хватило ума не брать своих инициалов для фальшивых имен, за которыми вы надеялись укрыться, мистер Карл Грэхем — мистер Клифорд Голден.

Однако Мейсон хорошо понимал, насколько важно получить признание Клайда, и пытался сообразить, как добиться его тут же, на месте. И вдруг застывшее от ужаса лицо Клайда навело прокурора на мысль, что, пожалуй, он запуган до немоты. И Мейсон внезапно переменил тактику,— по крайней мере, понизил голос и расправил грозные морщины на лбу и у рта.

— Вот что, Грифитс,— начал он гораздо спокойнее и проще.— Обстоятельства таковы, что ни ложь, ни безрассудное и бессмысленное запирательство нисколько вам не помогут. Это только повредит вам, поверьте. Может быть, по-вашему, я был немного резок, но это потому, что у меня ведь тоже нервы натянуты! Я думал, что столкнусь с человеком совсем другого

типа. Но теперь я вижу, каково вам и как вы напуганы всем, что произошло,— и вот я подумал: может быть, тут было еще что-нибудь... какие-нибудь смягчающие обстоятельства, и если вы все расскажете, это дело предстанет в несколько ином свете. Я, конечно, ничего не знаю, вам об этом лучше судить, но я просто хочу говорить с вами начистоту. Начать с того, что налицо ваши письма. Далее, когда мы приедем в Бухту Третьей мили,— а мы там завтра будем, я надеюсь,— там будут и те три охотника, которые встретили вас ночью, когда вы уходили с Большой Выпи. И не только они, но и хозяин гостиницы на Луговом озере, и хозяин гостиницы на Большой Выпи, и лодочник, у которого вы брали лодку, и шофер, который вез вас и Роберту Олден со станции Ружейной. Все они опознают вас. Неужели вы думаете, что никто из них вас не узнает, не сумеет сказать, были вы там с нею или не были? Может быть, вы думаете, что, когда придет время, им не поверят присяжные?

И Клайд мысленно отмечал все это, как автомат, который щелкает, когда в него опустят монету, но не произносил ни слова в ответ,— только, весь застыв, неподвижно смотрел куда-то в пространство.

— И это еще не все,— мягко и вкрадчиво продолжал Мейсон.— Есть еще миссис Пейтон. Она видела, как я взял эти письма и карточки в вашей комнате, из вашего сундука и из верхнего ящика вашей шифоньерки. А девушки на фабрике, где работали вы и мисс Олден? Неужели вы думаете, что они не вспомнят ваших с ней отношений, когда узнают, что она умерла? Что за нелепость! Вы должны и сами понять такую простую вещь, как бы вы там ни рассуждали. И напрасно вы надеетесь вывернуться таким образом. Ничего не выйдет. Так что зря вы разыгрываете какого-то дурачка. Могли бы это и сами понять.

Он снова умолк, надеясь, что теперь Клайд сознается. Но Клайд, все еще убежденный, что всякое признание, связанное с Робертой или с озером Большой Выпи, его погубит, по-прежнему молчал. И Мейсон прибавил:

— Ладно, Грифитс, вот что я вам еще скажу. Я не мог бы дать вам лучшего совета, будь вы даже моим сыном или братом, и я хотел бы вызволить вас из этой истории, а не только узнать от вас правду. Если вы хотите как-то облегчить свое положение, вам вовсе незачем все отрицать, как вы сейчас делаете. Вы просто создаете лишние затруднения и вредите себе в глазах других людей. Почему не сказать, что вы ее знали и ездили с нею на озеро и что она вам писала эти письма,— по-

чему не покончить с этим? Этого вам все равно не миновать, если вы и надеетесь доказать свою непричастность к остальному. Всякий разумный человек — и ваша мать, будь она здесь,— сказал бы вам то же самое. Ваше поведение просто смешно и скорее доказывает вину, чем невиновность. Почему бы не выяснить сразу же эти факты, пока не поздно воспользоваться какими-нибудь смягчающими обстоятельствами, если они существуют? А если вы сделаете это *теперь* и я смогу как-либо помочь вам, даю слово, что помогу — и с радостью. Ведь, в конце концов, я здесь не для того, чтобы затравить человека до смерти или заставить его сознаться в том, чего он не делал,— я хочу только установить истину. Но если вы будете отрицать даже свое знакомство с этой девушкой, когда я говорю вам, что у меня в руках все улики и я могу доказать это,— ну, тогда...— И прокурор воздел руки к небесам в знак бессильного негодования.

Но Клайд был по-прежнему бледен и нем. Несмотря на все, что сказал ему Мейсон, и на этот, по-видимому, дружеский и доброжелательный совет, он все еще не мог отделаться от убеждения, что, признав свое знакомство с Робертой, он себя погубит. А как отнесутся к этому роковому признанию те, в лагере! Конец всем его мечтам о Сондре и о прекрасной праздничной жизни. И поэтому, несмотря ни на что,— молчание. И Мейсон, окончательно выйдя из себя, закричал:

— Ну, хорошо же! Значит, вы решили вовсе не раскрывать рта? Так, что ли?

И Клайд, подавленный и обессиленный, ответил:

— Я никак не причастен к ее смерти. Это все, что я могу сказать.

И, говоря это, он уже думал, что, пожалуй, ему не следовало говорить так... может быть, лучше было бы сказать... но что? Что он, конечно, знал Роберту и даже был с ней на озере... но никогда не собирался убить ее... она утонула, но это был несчастный случай. И если он и ударил ее, то тоже только по несчастной случайности. Но, может быть, лучше совсем не говорить, что он ее ударил? Ведь при сложившихся обстоятельствах едва ли кто-нибудь поверит, что он ударил ее фотографическим аппаратом случайно. Самое лучшее вовсе не говорить об аппарате, раз ни в одной газете до сих пор не упоминалось, что у него был с собой аппарат.

Он все еще размышлял об этом, когда Мейсон воскликнул:

— Так вы признаете, что знали ее?

— Нет, сэр.

— Ну, прекрасно.— И, повернувшись к своим спутникам, Мейсон прибавил: — В таком случае, я думаю, нам остается только отвести его назад, в лагерь, и послушать, что им про него известно. Может быть, мы еще что-нибудь вытянем из этого фрукта, устроив ему очную ставку с его друзьями. Его вещи и чемодан, наверно, еще там, в какой-нибудь из палаток. Давайте отведем его туда, джентльмены, и посмотрим, что знают о нем остальные.

И он быстро и хладнокровно повернулся, чтобы идти к лагерю, но тут Клайд, съежившись от ужаса перед тем, что его ожидает, воскликнул:

— Нет, пожалуйста, не надо! Неужели вы поведете меня туда? Нет, нет, пожалуйста, не надо!

И тут заговорил Краут.

— Когда мы с ним шли сюда, он просил меня поговорить с вами насчет того, чтобы не вести его в лагерь,— сказал он Мейсону.

— Так вот откуда ветер дует! — воскликнул Мейсон.— Вы чересчур щепетильны, чтобы появиться в таком виде перед леди и джентльменами с Двенадцатого озера, но вам не угодно признаться в знакомстве с бедной фабричной работницей, своей подчиненной? Прекрасно! Ну нет, мой друг, либо вы сейчас выложите все, что вам на самом деле известно, либо пойдете туда.— Он помолчал секунду, чтобы посмотреть, как это подействует на Клайда.— Мы созовем всех ваших знакомых и растолкуем им, что к чему. Посмотрим, как вы тогда от всего отопретесь.— И, заметив, что Клайд еще колеблется, он прибавил: — Ведите его, ребята!

Он повернулся и сделал несколько шагов по направлению к лагерю; Краут и Суэнк взяли Клайда с двух сторон за руки и двинулись было следом, но тут Клайд закричал:

— Нет, нет, не надо! Прошу вас, мистер Мейсон, не ведите меня туда! Пожалуйста! Я не могу туда вернуться! Не потому, что я виновен. Но ведь все мои вещи можно взять оттуда и без меня... а возвращаться туда мне теперь очень тяжело.

Капли пота выступили на его бледном лице, на руках, и он весь похолодел.

— Ах, вы не желаете идти? — воскликнул Мейсон, услышав это, и остановился.— Если они обо всем узнают, пострадает ваше достоинство, не так ли? Ладно, тогда потрудитесь сейчас же ответить на мои вопросы, и отвечайте быстро и начистоту, иначе мы без задержки отправимся в лагерь. Ну, что же, будете вы отвечать?

И он снова подошел вплотную к Клайду — растерянному, с дрожащими губами и блуждающим взором. И Клайд нервно и взволнованно заговорил:

— Да, конечно, я знал ее. Конечно, знал. Безусловно! Это видно из писем. Так что же? Я не убивал ее. И когда поехал с нею туда, вовсе не собирался ее убить. Я вовсе этого не хотел. Не хотел, говорю вам! Это был несчастный случай. Я даже не хотел с нею никуда ехать. Это она хотела, чтобы я поехал... чтобы я увез ее куда-нибудь, потому что... потому что... ну, вы же знаете, это видно по ее письмам. А я только старался уговорить ее, чтобы она уехала куда-нибудь одна и оставила меня в покое, потому что я не хотел на ней жениться. Вот и все. И я повез ее туда совсем не для того, чтобы убить, а чтобы постараться уговорить ее,— вот и все. И я не перевернул лодку,— во всяком случае, я не хотел... Ветер унес мою шляпу, и мы оба сразу поднялись и хотели ее достать, и лодка перевернулась,— вот и все. И ее ударило бортом по голове. Я это видел, но она так сильно билась в воде, что я испугался... я боялся, что, если подплыву ближе, она потащит меня на дно. А потом она пошла ко дну. А я поплыл к берегу. Это чистая правда, клянусь богом!

Пока он говорил, его лицо и даже руки вдруг густо покраснели. Его измученные, испуганные глаза были полны отчаяния. А вдруг в этот день совсем не было ветра, и они вспомнят об этом? — думал он. А штатив, спрятанный под упавшим деревом? Если его нашли, могут подумать, что именно штативом он и ударил ее... Он весь дрожал, обливаясь потом.

Но Мейсон уже задавал новый вопрос:

— Так. Одну минуту. Вы говорите, что повезли ее туда без всякого намерения убить?

— Да, сэр.

— Хорошо, но тогда почему же вы записались в гостиницах на озере Большой Выпи и на Луговом под разными именами?

— Просто я не хотел, чтобы кто-нибудь узнал, что я был там с нею.

— А, понимаю! Не желали скандала в связи с ее положением?

— Нет, сэр. То есть да, сэр.

— А вас не беспокоило, что ее имя будет опозорено, если ее потом найдут?

— Но ведь я не мог знать, что она утонет,— находчиво ответил Клайд, вовремя почуяв западню.

— Но вы, конечно, знали, что сами туда не вернетесь?.. Это вы твердо знали, не так ли?

— Что вы, сэр, я вовсе этого не знал! Я думал, что вернусь.

«Ловко, ловко!» — подумал Мейсон, но не произнес этого вслух, а быстро сказал:

— Стало быть, именно для того, чтобы вам было проще и легче возвращаться, вы взяли свой чемодан с собой, а ее чемодан оставили на станции? Разве так делают? Как вы это объясните?

— Но я взял чемодан не потому, что собирался уйти. Мы решили положить туда завтрак.

— «Мы» или вы?

— Мы.

— Значит, вам надо было тащить с собой этот большой чемодан ради небольшого завтрака? Разве вы не могли завернуть его в бумагу или положить в ее сумку?

— Ну, видите ли, ее сумка была полна, а я не люблю носить всякие свертки.

— Так, понимаю. Вы слишком горды и щепетильны, а? Однако гордость не помешала вам тащить ночью тяжелый чемодан добрых двенадцать миль до Бухты Третьей мили, и вас не смущало, что это могут увидеть?

— Просто, когда она утонула, я не хотел, чтобы стало известно, что я был там с ней, и мне пришлось пойти...

Он замолчал, а Мейсон смотрел на него и думал, какое множество вопросов он хотел бы еще задать... еще много, очень много вопросов, на которые,— он знал,— Клайд не сможет дать ясного ответа. Однако становилось уже поздно, а в лагере еще оставались вещи Клайда — чемодан и, может быть, костюм, в котором он был тогда на озере Большой Выпи,— серый, как говорили, а не тот, в котором он сейчас. Этот допрос может еще многое дать, если продолжать его, но к чему делать это здесь, в надвигающейся темноте? Ведь предстоит еще обратный путь, и тогда будет вдоволь времени для дальнейших расспросов.

И потому, как ни досадно было Мейсону прекращать в эту минуту разговор, он напоследок сказал:

— Ну, вот что, Грифитс, пока мы дадим вам передышку. Возможно, что все было так, как вы сказали, не знаю. От души надеюсь, ради вас же самого, что все это правда. Во всяком случае, сейчас вы пойдете с мистером Краутом — он покажет вам куда.

Затем он обернулся к Суэнку и Крауту.

— Итак, друзья, вот что мы теперь сделаем. Становится поздно, и нам надо поторопиться, если мы хотим сегодня ночевать под крышей. Мистер Краут, вы отведете этого молодого человека к тем двум лодкам и подождете там. По дороге крикнете шерифу и Сисселу: дадите им знать, что мы готовы. А мы с Суэнком подъедем к вам на другой лодке, как только освободимся.

Мейсон и Суэнк в густеющих сумерках двинулись по направлению к лагерю, а Краут и Клайд пошли на запад; Краут усердно аукал, окликая шерифа и его помощника, пока они не отозвались.

ГЛАВА X

Вторично явившись в лагерь, Мейсон сообщил сперва Фрэнку Гарриэту, а затем Харлею Бэготу и Грэнту Крэнстону об аресте Клайда и об уже сделанном им признании в том, что он был с Робертой на озере Большой Выпи, хотя, по его словам, и не убивал ее; Мейсон объяснил также, что они с Суэнком должны забрать все принадлежащие Клайду вещи.

Это известие мгновенно разрушило все очарование веселой экскурсии. Правда, оно вызвало у всех крайнее изумление, недоверие и некоторое замешательство, но перед ними был Мейсон, требовавший показать ему, где находятся вещи Клайда и уверявший, что, только снисходя к просьбе Клайда, его не привели сюда, чтобы он сам указал свои пожитки.

Фрэнк Гарриэт, наиболее практичный из всей компании, первым почувствовал силу правды в словах Мейсона и сейчас же провел его в палатку Клайда, где Мейсон приступил к осмотру чемодана и одежды арестованного; тем временем Грэнт Крэнстон и Бэгот, зная об увлечении Сондры, вызвали сначала Стюарта, затем Бертину и, наконец, Сондру, которую увели подальше, чтобы без свидетелей сообщить ей о случившемся. Едва Сондра поняла значение услышанного, она побледнела и без сознания упала на руки Грэнта. Ее отнесли в палатку, привели в чувство, и она закричала:

— Не верю ни одному слову! Это неправда! Этого не может быть! Несчастный мальчик! Клайд! Клайд! Где он? Куда его увезли?

Но Стюарт и Грэнт, в которых чувства отнюдь не заглушали рассудка, посоветовали ей быть осторожнее и замолчать. Может быть, все это правда. Что, если так? Тогда все услышат об этом. А если неправда, то Клайд быстро докажет свою неви-

новность и его освободят, не так ли? Во всяком случае, не следует поднимать шум.

И тут Сондра задумалась: а вдруг это и в самом деле возможно... ту девушку на озере Большой Выпи убил Клайд... его арестовали и увезли... и все,— по крайней мере, вся ее компания — знают, как она им увлекалась... все это станет известно родителям, а может быть, и широкой публике...

Но нет, Клайд, конечно, ни в чем не виноват! Это просто ошибка... И тут же она вспомнила, как впервые услышала об утонувшей девушке по телефону у Гарриэтов и потом — страшную бледность Клайда... его болезнь... ведь он тогда едва не лишился чувств... Нет, нет! Только не это! Но ведь он приехал из Ликурга с опозданием, только в пятницу. И не писал ей оттуда... И, вновь ощутив весь ужас случившегося, она вдруг опять потеряла сознание. Она лежала в палатке недвижимая, мертвенно-бледная, а тем временем Грэнт и остальные, посовещавшись, решили, что самое разумное сейчас же или в крайнем случае завтра рано утром свернуть лагерь и отправиться назад, в Шейрон.

Немного погодя Сондра пришла в себя и со слезами заявила, что сейчас же уедет отсюда: ей невыносимо оставаться в этом ужасном месте, и она умоляет Бертину и других не оставлять ее одну и никому ничего не говорить о том, как она потеряла сознание и плакала, потому что это только даст повод для лишних разговоров... И все время она думала, каким образом — если все это правда — получить обратно письма, которые она писала Клайду. Господи, какой ужас! Что, если они теперь попадут в руки полиции или их напечатают в газетах! Все же она любила его, и впервые за всю ее жизнь неумолимая, суровая действительность нанесла ей такой жестокий удар, ворвавшись в ее веселый, легкомысленный мирок.

Итак, немедленно было решено, что Сондра уедет вместе со Стюартом, Бертиной и Грэнтом в гостиницу «Метисская» в восточной части озера,— оттуда, как объяснил Бэгот, они смогут на заре уехать в Олбани и далее кружным путем в Шейрон.

Тем временем Мейсон, забрав с собой все вещи Клайда, поспешно направился на запад, к Рыбачьему заливу и к Бухте Третьей мили; он только раз остановился в пути, чтобы провести первую ночь на какой-то ферме, и приехал на место поздно вечером во вторник. По пути он, как и собирался, продолжал допрашивать Клайда,— главным образом в связи с тем, что среди его вещей в лагере не оказалось того серого костюма, в

котором, как показывали свидетели, он был на озере Большой Выпи.

И Клайд, обеспокоенный этим новым осложнением, стал отрицать, что на нем был серый костюм, уверяя, будто он и тогда был в том же костюме, который на нем сейчас.

— Но ведь он был насквозь мокрый?

— Да.

— Где же вам его потом вычистили и выгладили?

— В Шейроне.

— В Шейроне?

— Да, сэр.

— Тамошний портной?

— Да, сэр.

— Какой портной?

Увы, Клайд не мог припомнить.

— Значит, от Большой Выпи до Шейрона вы шли в мятом и мокром костюме?

— Да, сэр.

— И, конечно, никто этого не заметил?

— Насколько помню, нет.

— Ах, насколько вы помните! Ну, ладно, мы все это еще выясним.

И Мейсон решил про себя, что Клайд, бесспорно, убил Роберту — и притом с заранее обдуманным намерением — и что в конечном счете можно будет заставить его признаться, где он спрятал костюм или где отдавал в чистку.

Далее — имеется соломенная шляпа, которую нашли на озере. Что он может сказать о ней? Заявив, будто ветер унес его шляпу, Клайд тем самым признал, что на озере он был в шляпе, хотя и не обязательно в той самой, которая найдена на воде. И теперь Мейсон в присутствии свидетелей настойчиво старался установить принадлежность Клайду найденной шляпы и факт существования второй шляпы, которую Клайд носил позже.

— Вы говорили, что ветер сорвал с вас соломенную шляпу. Что же, она осталась на воде? Вы тогда не пытались достать ее?

— Нет, сэр.

— Надо полагать, в волнении не подумали об этом?

— Да, сэр.

— Однако же на вас была другая соломенная шляпа, когда вы шли потом через лес. Где же вы ее взяли?

И озадаченный Клайд, чувствуя, что попал в ловушку, на минуту замолчал, испуганно соображая, может ли быть дока-

зано, что эта вторая шляпа, которая на нем сейчас,— та самая, в которой он шел через лес, и что первая, оставшаяся на воде, была куплена в Утике. И он решил солгать.

— Но у меня не было второй соломенной шляпы.

Не обращая внимания на эти слова, Мейсон протянул руку, снял с Клайда соломенную шляпу и стал рассматривать фабричную марку на подкладке — «Старк и К°, Ликург».

— У этой, я вижу, есть подкладка. Куплена в Ликурге, а?

— Да, сэр.

— Когда?

— Еще в июне.

— И вы уверены, что это не та шляпа, в которой вы шли через лес в ту ночь?

— Не та, сэр.

— Ну, а где же была эта?

И опять Клайд замолк, чувствуя, что попал в западню. «Господи, как же мне это объяснить? — думал он.— Зачем я признал, что та шляпа на озере моя?» Но тотчас он понял: отрицает он это, нет ли — все равно на Луговом озере и на Большой Выпи найдутся люди, которые, конечно, вспомнят, что он был тогда в соломенной шляпе.

— Где же была эта? — настаивал Мейсон.

И Клайд сказал наконец:

— Я уже как-то ездил в ней на дачу и забыл ее, когда уезжал отсюда в прошлый раз. А теперь приехал и нашел.

— А, понимаю! Очень удобно получилось, должен признать!

Мейсон начинал думать, что имеет дело с весьма изворотливым субъектом... придется расставлять ловушки похитрее! В то же время он решил спросить Крэнстонов и всех участников поездки на Медвежье озеро: может быть, кто-нибудь вспомнит, была ли на Клайде соломенная шляпа, когда он приехал к ним в пятницу, и не оставлял ли он у них шляпы в прошлый раз. Клайд, конечно, лжет, и его нужно поймать.

И потому всю дорогу до Бриджбурга и до местной окружной тюрьмы у Клайда не было ни минуты покоя. Сколько он ни отказывался отвечать, Мейсон все снова и снова набрасывался на него с вопросами вроде следующих: «Почему, если вы действительно хотели просто-напросто позавтракать на берегу, вам понадобилось плыть в такую даль, в южный конец озера, где вовсе не так живописно, как в других местах?» — или: «А где вы провели остаток того дня? ведь не на месте катастрофы, конечно?» Потом он неожиданно возвращался к письмам Сондры,

найденным в чемодане. Давно ли Клайд с нею знаком? Так ли сильно он влюблен в нее, как, по-видимому, она в него? Не потому ли, что Сондра обещала осенью выйти за него замуж, он решил убить мисс Олден?

Клайд горячо отрицал это последнее обвинение, но почти все остальное время сидел молча, уныло глядя перед собой измученными, несчастными глазами.

А потом — отвратительнейшая ночь на чердаке какой-то фермы в западной части озера, на сеннике, положенном прямо на пол; Сиссел, Суэнк и Краут, чередуясь, стерегли его с револьвером в руке, а Мейсон, шериф и остальные спали внизу, в первом этаже. И так как уже распространились какие-то слухи, к утру явилось несколько местных жителей с вопросом: «Говорят, у вас тут парень, который убил девушку на Большой Выпи,— верно это?» И чтобы посмотреть на него, они дождались здесь рассвета, когда арестованный и его спутники уехали на фордах, добытых Мейсоном.

А в Рыбачьем заливе и в Бухте Третьей мили собрались уже целые толпы — фермеры, дачники, лавочники, лесорубы, дети: очевидно, по телефону заранее сообщили, что везут преступника. В Бухте Третьей мили ждали Бэрлей, Хейт и Ньюком; предупрежденные по телефону, они вызвали в камеру к тощему, желчному и дотошному мировому судье Габриэлю Грэгу всех свидетелей с озера Большой Выпи, необходимых для того, чтобы окончательно установить личность Клайда. И вот перед здешним судьей Мейсон обвиняет Клайда в убийстве Роберты и добивается законного, вынесенного по всей форме решения: заключить подозреваемого в окружную тюрьму в Бриджбурге. А затем Мейсон вместе с Бэртоном и шерифом отвозит Клайда в Бриджбург, где его тотчас сажают под замок.

Войдя в камеру, Клайд бросился на железную койку и схватился за голову в смертельном отчаянии. Было три часа ночи, но когда они подъезжали к тюрьме, там уже собралась толпа по меньшей мере человек в пятьсот — шумная, злобно насмешливая, угрожающая. Уже распространился слух, будто он, желая жениться на богатой, самым зверским образом убил молодую и красивую работницу, которая была виновата только в том, что слишком его любила. Слышались угрозы и грубые выкрики:

— Вот он, паршивый ублюдок! Ну, погоди, дьявол, ты еще закачаешься на веревке! — Это кричал молодой лесоруб, похожий на Суэнка, с жестокими, свирепыми глазами.

Хуже того: из толпы выскочила девица в ситцевом платье, тощая и вертлявая,— типичная жительница городских трущоб,— и закричала:

— Ах ты змея подколодная! Убийца! Думал удрать, да не вышло?

И Клайд жался к шерифу Слэку и думал: «Они и вправду считают, что я ее убил! Они даже могут меня линчевать!» И так он был измучен, напуган, унижен и несчастен, что при виде железных ворот тюрьмы, распахнувшихся, чтобы его впустить, у него вырвался неподдельный вздох облегчения, ибо они сулили защиту.

Но, оказавшись в камере, он не заснул ни на минуту, и всю ночь напролет его мучили горькие мысли обо всем, что он навсегда утратил. Сондра! Грифитсы! Бертина! Знакомые по Ликургу, которые утром все узнают. И, наконец, его мать и все... Где теперь Сондра? Мейсон, разумеется, все сказал ей и другим, когда возвращался в лагерь за его вещами. И теперь все знают, что он такое на самом деле,— злоумышленник и убийца! Но если бы, если бы кто-нибудь знал, как все это случилось! Если бы Сондра, или его мать, или хоть кто-нибудь мог его понять!

Может быть, следовало бы рассказать все этому Мейсону, прежде чем дело пойдет дальше, объяснить, как именно все произошло. Но ведь это значит — рассказать правду о своих замыслах, о своем первоначальном намерении, о фотографическом аппарате, о том, как он отплыл от нее, вместо того чтобы помочь. И о нечаянном ударе (но кто ему поверит?), и про то, как он после спрятал штатив. И к тому же, раз это станет известно, он — конченый человек и для Сондры и для Грифитсов — для всех. Очень возможно, что его все равно обвинят в убийстве и казнят. О, господи, убийство! Его будут судить за убийство Роберты, и это страшное преступление будет доказано. И тогда его все равно казнят, посадят на электрический стул! Так вот что, быть может, у него впереди — смерть... смертная казнь за убийство! Подавленный безмерным ужасом, Клайд застыл на своей койке. Смерть! Боже! Если бы только он не оставил писем Роберты и матери в своей комнате у миссис Пейтон! Если бы перед отъездом он перенес свой сундук куда-нибудь в другую комнату... Почему он об этом не подумал? Впрочем, сейчас же ему пришло в голову, что и это было бы ошибкой: это показалось бы подозрительным. Но каким образом они узнали, откуда он и как его зовут? Тут его мысли снова вернулись к письмам, которые лежали в сундуке. Он при-

помнил теперь, что мать в одном из своих писем упоминала о той истории в Канзас-Сити — и, значит, Мейсон должен был о ней узнать. Почему, почему он не уничтожил этих писем — от Роберты, от матери,— всех! Почему? Он не мог теперь ответить почему,— должно быть, по бессмысленной привычке хранить на память всякие мелочи, каждый полученный им знак внимания, доброты и нежности... Если б он не надел второй соломенной шляпы... и не встретил тех троих в лесу! Господи боже! Он должен был понять, что его так или иначе сумеют выследить. Если бы он сразу ушел в лес из лагеря на Медвежьем озере, захватив свой чемодан и письма Сондры! Кто знает, может быть, в Бостоне, или в Нью-Йорке, или еще где-нибудь он сумел бы скрыться.

Измученный и обессиленный, он никак не мог уснуть и все ходил взад и вперед или присаживался на край непривычно жесткой койки и думал, думал... А на рассвете старый, костлявый, страдающий ревматизмом тюремщик в потертой мешковатой синей форме принес ему на черном железном подносе кружку кофе, немного хлеба и ломтик ветчины с яйцом. Просовывая поднос сквозь оконце в решетке, старик с любопытством и все же безучастно смотрел на Клайда. Но Клайду было не до еды.

А потом один за другим приходили Краут, Сиссел и Суэнк и, наконец, сам шериф, и каждый заглядывал в камеру и спрашивал: «Ну, Грифитс, как вы себя чувствуете сегодня?» — или: «Здравствуйте! Не надо ли вам чего?» А взгляды их выражали удивление, отвращение, подозрительность и ужас: ведь он — убийца! И все-таки его присутствие вызывало в них еще и другого рода интерес и даже почтительную гордость. Как-никак он все же Грифитс, представитель хорошо известных общественных кругов в большом южном городе. И притом для них, как и для безмерно взбудораженной широкой публики, он — зверь, попавшийся в ловушку, пойманный в сети правосудия благодаря их необычайному искусству,— живое доказательство их талантов! И газеты и публика, несомненно, заговорят об этом деле,— их ожидает известность! Рядом с портретом Клайда напечатают и их портреты, их имена будут упоминаться вместе с его именем!

А Клайд глядел на них сквозь железные прутья и старался быть вежливым: он теперь в их руках, и они могут делать с ним все, что захотят.

ГЛАВА XI

Результаты вскрытия, несомненно, оказались для Мейсона шагом назад, ибо, хотя в протоколе, подписанном пятью врачами, говорилось: «Ушибы около рта и носа; кончик носа, по-видимому, был слегка сплющен; губы распухли; один передний зуб слегка расшатан; на слизистой оболочке внутренней стороны губ имеются ссадины»,— однако врачи единодушно утверждали, что все эти повреждения отнюдь не были опасны для жизни. Самое серьезное ранение было на черепе: видимо, по голове был нанесен сильный удар «каким-то тупым инструментом» — очень неудачное выражение, если иметь в виду удар перевернувшейся лодки (именно это утверждал Клайд в своем первом признании), «обнаружены трещины и внутреннее кровоизлияние, которое могло повлечь за собою смерть».

Но при исследовании легких оказалось, что, погруженные в воду, они тонут,— и это неопровержимо доказывало одно: Роберта не была мертва, когда упала в воду, а была жива и затем утонула, как и утверждал Клайд. И больше никаких признаков насилия или борьбы, хотя, судя по положению рук и пальцев, было похоже, что Роберта к чему-то тянулась и пыталась ухватиться за что-то. За борт лодки? Возможно ли? Может быть, в конце концов, рассказ Клайда и таит в себе какую-то долю истины? Конечно, все эти обстоятельства говорят отчасти в его пользу. Однако, как единодушно считали Мейсон и остальные, эти данные ясно доказывали, что если он и не убил ее прежде, чем бросить в воду, то, во всяком случае, ударил, а затем,— может быть, когда она потеряла сознание,— бросил за борт.

Но чем он ее ударил? Если бы только заставить Клайда сказать это!

И вдруг Мейсона осенило: он повезет Клайда на озеро Большой Выпи! Правда, закон охраняет обвиняемых от какого-либо принуждения, но он все-таки заставит его вновь пройти шаг за шагом все стадии преступления. Возможно, и не удастся заставить его полностью выдать себя, а все же, попав снова в ту обстановку, на то место, где совершилось преступление, он может невольно чем-нибудь указать хотя бы, куда он запрятал костюм или то орудие, которым ударил Роберту.

Итак, на третий день — новая поездка на озеро в обществе Краута, Хейта, Мейсона, Бэртона Бэрлея, Эрла Ньюкома и шерифа Слэка с его помощниками и медленное, тщательное обследование всех мест, где Клайд побывал в тот ужасный день. И Краут, следуя инструкции Мейсона, «подмазывался» к Клай-

ду, стараясь втереться к нему в доверие и вызвать его на откровенность. Краут доказывал, что имеющиеся улики слишком бесспорны: «присяжные никогда вам не поверят, будто вы ее не убивали», но «если вы поговорите с Мейсоном начистоту, он потолкует с судьей или с губернатором. Он может сделать для вас больше, чем всякий другой, может вас вызволить — и отделаетесь пожизненным заключением или двадцатью годами... а если будете вот так от всего отпираться, не миновать вам электрического стула, это уж наверняка».

Но Клайд, охваченный тем же страхом, что и на Медвежьем озере, по-прежнему упорно молчал. К чему говорить, что он ее ударил, раз он этого не делал, по крайней мере, он ведь не ударил умышленно? Да и чем? Ведь до сих пор никто не знает о фотографическом аппарате.

Но на озере, когда окружной землемер точно измерил расстояние от того места, где утонула Роберта, до места, где вышел на берег Клайд, Эрл Ньюком неожиданно подошел к Мейсону и сообщил о важном открытии. Под поваленным стволом, недалеко от того места, где Клайд остановился, чтобы переодеться, был обнаружен спрятанный им штатив от фотографического аппарата, немного заржавленный и отсыревший, но, как готовы были поверить Мейсон и прочие, достаточно тяжелый для того, чтобы, ударив им Роберту по голове, можно было оглушить ее, а затем перенести в лодку и, наконец, бросить в воду.

При виде этой находки Клайд еще больше побледнел, однако решительно отрицал, что у него был с собой фотографический аппарат и штатив. Мейсон тут же решил вновь допросить всех свидетелей: может быть, кто-нибудь из них вспомнит, что видел у Клайда аппарат или штатив.

И еще до конца того же дня выяснилось, что и шофер, который вез Клайда и Роберту со станции, и лодочник, видевший, как Клайд бросил свой чемодан в лодку, и молодая служанка из гостиницы на Луговом озере, которая видела, как Клайд и Роберта отправлялись утром на железнодорожную станцию,— все помнили «какие-то желтые палки», привязанные к чемодану Клайда: это, должно быть, и был штатив.

А затем Бэртон Бэрлей решил, что, в конце концов, удар был, пожалуй, нанесен не штативом, а скорее самим аппаратом, более тяжелым: его острый край объясняет рану на темени, а плоская сторона — ушибы на лице. Поэтому, сохраняя все в тайне от Клайда, Мейсон вызвал кое-кого из местных жителей для дополнительных поисков на дне озера, по соседству с тем местом, где нашли Роберту. Поиски продолжались целый день,

и так как за это было обещано солидное вознаграждение, то в конце концов некий Джек Богарт вынырнул со дна, держа в руках тот самый фотографический аппарат, который Клайд упустил в воду, когда перевернулась лодка. Больше того: в аппарате обнаружили катушку с пленками, передали ее специалисту для проявления — и оказалось, что это ряд снимков Роберты, сделанных на берегу: на одном она была снята сидящей на упавшем дереве, на другом — возле лодки на берегу, на третьем — пыталась дотянуться до ветвей дерева. Все снимки были тусклые, попорченные водой, но все-таки их можно было рассмотреть. И так как размеры наиболее широкой части аппарата точно соответствовали длине и ширине следов ушиба на лице Роберты, то теперь уже казалось бесспорным, что удалось найти орудие, которым Клайд нанес удар.

И, однако, никаких следов крови — ни на самом аппарате, ни на бортах и дне лодки, отправленной для обследования в Бриджбург, ни на коврике, покрывавшем ее дно.

Но тут Бэртон Бэрлей, парень очень и очень себе на уме, каких немало найдется в этой лесной глуши, стал раздумывать о том, что, если потребуются неопровержимые улики, он, Бэртон, или кто-нибудь другой вполне свободно может порезать палец и оставить хоть несколько капель крови на борту лодки, или на коврике, или на фотографическом аппарате. Или, скажем, ничего не стоит взять два-три волоса с головы Роберты и намотать их на выступы аппарата или на уключину, за которую зацепилась ее вуаль. И вот, втайне и с должной серьезностью поразмыслив над этим, он решил побывать в морге братьев Луц и достать два-три волоска с головы Роберты. Ведь он был убежден, что Клайд совершенно хладнокровно убил девушку. Неужели из-за недостатка одной пустячной улики дать этому молчаливому, самонадеянному молодому подлецу благополучно вывернуться? Нет, уж лучше Бэрлей сам намотает волосы Роберты на уключину или засунет их в аппарат, а потом обратит внимание Мейсона на эту раньше не замеченную подробность.

И вот в тот же день, когда Хейт и Мейсон еще раз сами измеряли следы ушибов на лице и на голове утопленницы, Бэрлей исподтишка сунул несколько волосков Роберты в аппарат, между крышкой и объективом. Немного позже Мейсон и Хейт неожиданно обнаружили их, и хотя удивились, каким образом не заметили их прежде, но тем не менее сразу же усмотрели в этом окончательное доказательство виновности Клайда. И поэтому Мейсон объявил, что он как прокурор считает дело законченным. Он тщательно проследил каждый шаг преступ-

ника и, если понадобится, готов хоть завтра выступить перед судом.

Но как раз ввиду полноты доказательств он решил до поры до времени ничего не говорить об аппарате — и, если возможно, закрыть рот всем, кто знал об этой находке. Допустим, Клайд будет все так же упорно отрицать, что он имел при себе аппарат, его адвокат и подозревать не будет о существовании такой улики... какое убийственное впечатление — как гром среди ясного неба! — произведет тогда на суде этот аппарат, эти снимки Роберты, сделанные им самим, и полное совпадение размеров аппарата со следами удара на ее лице! Какие ясные, какие неопровержимые улики!

Поскольку Мейсон лично собрал все показания и улики и, следовательно, был самым подходящим человеком для того, чтобы о них доложить, он решил сообщить обо всем губернатору штата и получить разрешение на созыв чрезвычайной сессии Верховного суда для разбора дел этого округа вместе со специальной сессией местного совета присяжных,— тогда он, Мейсон, сможет созвать этот совет в любое время. Получив такое разрешение, он сумеет подобрать состав совета присяжных, и, если Клайда решат предать суду, можно будет через месяц-полтора начать процесс. И только себе одному Мейсон мог признаться, что этот процесс будет для него весьма кстати, принимая во внимание предстоящие в ноябре выборы и его затаенные надежды попасть в список кандидатов. Ведь без чрезвычайной сессии дело может быть рассмотрено лишь очередной сессией Верховного суда в январе, а к тому времени кончатся его прокурорские полномочия, и если даже он и будет избран на пост судьи, то все-таки не сможет сам вести это дело. А между тем жители округа настроены в высшей степени враждебно по отношению к Клайду, и в этих краях вряд ли найдется хоть один человек, которому не покажется справедливым ускорить суд. К чему откладывать? К чему давать такому преступнику отсрочку и возможность обдумать какой-то план спасения? Тем более что это громкое дело, безусловно, создаст ему, Мейсону, юридическую, общественную и политическую славу во всей стране.

ГЛАВА XII

И вот из северных лесов — уголовная сенсация первой величины. Налицо все волнующие, яркие, но в нравственном и религиозном смысле ужасные атрибуты: любовь, романтика, богатство, бедность, смерть. Издатели из числа тех, что мгно-

венно улавливают общенациональную значимость и интерес подобных преступлений, сейчас же заказали по телеграфу и напечатали красочные описания — где и как жил Клайд в Ликурге, с кем он был знаком, как ухитрился скрыть свои отношения с одной девушкой, одновременно обдумывая план бегства с другой. Из Нью-Йорка, Чикаго, Филадельфии, Бостона, Сан-Франциско и других больших американских городов на Востоке и на Западе непосредственно Мейсону или местным представителям «Ассошиэйтед пресс» или «Юнайтед пресс» сплошным потоком шли телеграммы с запросами о дальнейших подробностях преступления. Кто та красивая и богатая девушка, в которую, по слухам, влюблен этот Грифитс? Где она живет? Какие, в сущности, отношения были у нее с Клайдом? Однако Мейсон, питавший благоговейное почтение к богатству Финчли и Грифитсов, не желал называть имя Сондры и говорил лишь, что это дочь очень богатого ликургского фабриканта (кого именно — он не считает нужным сообщать); впрочем, он без колебаний показывал пачку писем, которую Клайд тщательно перевязал ленточкой.

Зато письма Роберты излагались очень подробно, и кое-какие выдержки из них, наиболее поэтические и горестные, были даже переданы в газеты для опубликования, ибо кто же мог оградить ее память... Их появление в печати вызвало волну ненависти к Клайду и волну жалости к ней: бедная, скромная, одинокая девушка, у нее никого не было — только он, а он оказался жестоким, вероломным убийцей. Виселица — это еще, пожалуй, слишком хорошо для него! Дело в том, что по дороге на Медвежье озеро и обратно и все последующие дни Мейсон был погружен в чтение этих писем. Некоторые особенно трогательные строки, касавшиеся ее жизни дома, ее огорчений, тревог о будущем, ее явного одиночества и душевной усталости глубоко взволновали его; а он быстро заразил этим волнением других — жену, Хейта и местных репортеров, и последние в своих корреспонденциях из Бриджбурга очень живо, хотя и несколько искаженно, обрисовали Клайда — его упорное молчание, его угрюмость и жестокосердие.

Некий весьма романтически настроенный молодой репортер газеты «Стар» из Утики отправился на ферму Олденов и немедленно дал довольно точное описание исстрадавшейся и убитой горем миссис Олден: слишком измученная, чтобы негодовать или жаловаться, она просто и бесхитростно рассказала ему о том, как Роберта любила своих родителей, как она была скромна, добродетельна, набожна; как местный пастор методи-

стской церкви сказал однажды, что никогда он не встречал девушки разумнее, добрее и красивее; и как все годы, пока она не уехала из дому, она была поистине правой рукой матери. И, уж конечно, только потому, что ей жилось в Ликурге так трудно и одиноко, этот негодяй сумел заговорить ее сладкими речами и, обещая жениться, вовлек ее в недозволенные отношения (просто не верится, что это с нею все-таки было) — в связь, которая привела ее к смерти. Ведь она всегда была честная, чистая, нежная, добрая. «И подумать только, что она умерла! Никак не могу этому поверить».

Рассказ матери передавался так:

«Только в прошлый понедельник она была здесь. Мне казалось, что она немного грустная, но она улыбалась. Я тогда удивилась, почему это она и днем и вечером все ходит по ферме, разглядывает каждую вещицу, собирает цветы. А потом подошла, обняла меня и говорит: «Знаешь, мамочка, я хотела бы опять стать маленькой и чтобы ты взяла меня на руки и убаюкала, как когда-то». А я ей говорю: «Что с тобой, Роберта? Почему ты сегодня такая грустная?» А она отвечает: «Нет, ничего. Ты же знаешь, я завтра утром уезжаю. Поэтому у меня сегодня как-то смутно на душе». И подумать только, что у нее на уме была эта поездка! Мне кажется, у нее было предчувствие, что все выйдет не так, как она ожидала. И подумать только, что он ударил мою девочку, которая никогда и мухи не обидела!»

Тут миссис Олден не удержалась и стала тихо плакать, а поодаль стоял безутешный Тайтус.

Но Грифитсы и другие представители местного высшего общества хранили упорное молчание. Что касается Сэмюэла Грифитса, то он сперва никак не мог понять и поверить, что Клайд оказался способен на такое страшное дело. Как?! Такой вежливый, довольно робкий и, безусловно, приличный юноша обвинен в убийстве? Сэмюэл в это время находился довольно далеко от Ликурга — в Верхнем Саранаке, куда Гилберт с трудом дозвонился ему по телефону, и от неожиданности едва мог осмыслить услышанное, не говоря уже о том, чтобы действовать. Да нет же, это невозможно! Тут, наверно, какая-то ошибка. Наверно, Клайда приняли за кого-то другого.

Тем не менее Гилберт продолжал объяснять, что все это, безусловно, правда, поскольку девушка работала на фабрике в

том отделении, которым заведовал Клайд, и у прокурора в Бриджбурге (Гилберт уже с ним беседовал) имеются письма, написанные погибшей девушкой Клайду, и Клайд не пытался от них отречься.

— Ну, хорошо! — сказал Сэмюэл.— Но только ничего не предпринимай, не подумав, а главное, не говори об этом никому, кроме Смилли или Готбоя, пока я не приеду. Где Брукхарт? (Он говорил о Дарра Брукхарте, юрисконсульте фирмы «Грифитс и К⁰».)

— Он теперь в Бостоне,— отвечал Гилберт.— Как будто он расчитывал вернуться в понедельник или во вторник, не раньше.

— Телеграфируй ему, чтобы вернулся немедленно. Кстати, пускай Смилли попробует договориться с редакторами «Стар» и «Бикон», чтобы они до моего возвращения воздержались от всяких комментариев. Я буду завтра утром. Скажи ему еще, пускай возьмет машину и, если можно, сегодня же съездит туда (он подразумевал Бриджбург). Я должен знать из первых рук, в чем дело. Пусть он повидается с Клайдом, если удастся, и с этим прокурором и выяснит все, что можно. И пусть подберет все газеты. Я хочу сам посмотреть, что́ уже появилось в печати.

Примерно в то же время на даче Финчли на Двенадцатом озере Сондра, проведя два дня и две ночи в томительном и горьком раздумье о внезапной катастрофе, оборвавшей все ее девические грезы о Клайде, решила наконец признаться во всем отцу, к которому она была больше привязана, чем к матери. И она пошла в кабинет, где он обычно проводил время после обеда, читая или обдумывая свои дела. Но, не успев подойти к отцу, она стала всхлипывать: ее по-настоящему потрясло и крушение ее любви, и страх, что скандал, готовый разразиться вокруг нее и ее семьи, может погубить ее тщеславные надежды и положение в обществе. Что скажет теперь мать, которая столько раз ее предостерегала? А отец? А Гилберт Грифитс и его невеста? А Крэнстоны, которые, за исключением Бертины, находившейся под ее влиянием, никогда не одобряли такой близости с Клайдом?

Услышав всхлипывания, отец изумленно поднял голову, совершенно не понимая, в чем дело. Но тотчас почувствовал, что случилось нечто очень страшное, поспешно обнял дочь и, стараясь утешить, зашептал:

— Ну, тише, тише! Бога ради, что случилось с моей девочкой? Кто ее обидел? Чем? Как?

И в полнейшей растерянности выслушал исповедь Сондры обо всем, что произошло: о ее первой встрече с Клайдом, о том, как он ей понравился, как к нему относились Грифитсы, о ее письмах, о ее любви... и, наконец, об этом ужасном обвинении и аресте. И вдруг все это правда! Повсюду станут трепать ее имя и имя ее папочки! И Сондра снова зарыдала так, точно сердце ее разрывалось... Но она хорошо знала, что в конце концов ей обеспечено и сочувствие отца, и его прощение, как бы ни был он расстроен и огорчен.

Мистер Финчли, привыкший в своем доме к спокойствию, порядку, такту и здравому смыслу, удивленно и неодобрительно, хотя и не без участия, посмотрел на дочь и воскликнул:

— Ну и ну, вот так история! Ах, черт возьми! Я потрясен, дорогая моя. Я в себя не могу прийти. Это уж слишком, должен сказать. Обвинен в убийстве! И у него письма, написанные твоей рукой! Даже и не у него, а уже у прокурора, насколько можно понять. Ну и ну! Глупо, Сондра, черт знает, до чего глупо! Я еще несколько месяцев назад слышал об этом знакомстве от твоей матери и тогда поверил тебе больше, чем ей. А теперь смотри, как скверно вышло! Почему ты мне ничего не сказала? И почему не послушалась матери? Ты могла бы поговорить со мной обо всем раньше, а не ждать, пока это зайдет так далеко. А я думал, что мы с тобой понимаем друг друга. Твоя мать и я всегда делали все для твоего блага, ты же знаешь. И к тому же, честное слово, я думал, что у тебя больше здравого смысла. Но чтобы ты была замешана в деле об убийстве! Боже мой!

Он порывисто поднялся — красивый блондин в безукоризненном костюме — и начал расхаживать взад и вперед, с досадой пощелкивая пальцами, а Сондра продолжала плакать. Вдруг он остановился и снова заговорил:

— Ну, будет, будет! Что толку плакать? Слезами тут не поможешь. Конечно, мы это как-нибудь переживем. Не знаю, не знаю... не представляю, как это на тебе отразится. Ясно одно: мы должны что-то предпринять в связи с этими письмами.

Сондра все плакала, а мистер Финчли начал с того, что вызвал жену, чтобы объяснить ей, какого рода удар нанесен их положению в обществе; удар этот оставил в памяти миссис Финчли неизгладимый след до конца ее дней. Потом мистер Финчли позвонил Легеру Эттербери — адвокату, сенатору штата, председателю центрального комитета республиканской партии в штате и постоянному своему личному юрисконсульту,—

объяснил ему, в каком крайне затруднительном положении оказалась Сондра, и попросил посоветовать, что теперь следует предпринять.

— Дайте-ка сообразить,— ответил Эттербери.— На вашем месте я бы не слишком беспокоился, мистер Финчли. Я думаю, что смогу уладить это дело, прежде чем оно получит неприятную огласку. Дайте подумать... Кто у них там в Катараки прокурор? Я это выясню, переговорю с ним и сразу вам позвоню. Но вы не беспокойтесь, будьте уверены,— я сумею кое-что сделать. Во всяком случае, обещаю вам, что эти письма не попадут в газеты. Может быть, они даже не будут предъявлены суду,— хотя в этом я не уверен. Но я, безусловно, сумею устроить, чтобы имя вашей дочери не упоминалось,— так что вы не беспокойтесь.

А затем Эттербери позвонил Мейсону, фамилию которого нашел в юридическом адрес-календаре, и условился о личном свидании; по мнению Мейсона, письма эти были чрезвычайно важны для дела, однако голос Эттербери произвел на него сильнейшее впечатление, и он поспешил объяснить, что вовсе и не собирался предавать огласке имя Сондры или ее письма, а думал лишь сохранить их для рассмотрения при закрытых дверях в том случае, если Клайд не предпочтет сознаться и избегнуть предварительного разбора дела советом присяжных.

Эттербери вторично переговорил с Финчли-отцом, убедился, что тот решительно против какого бы то ни было использования писем дочери или упоминания ее имени, и пообещал ему завтра же или послезавтра лично отправиться в Бриджбург с некоторыми политическими сообщениями и планами, которые заставят Мейсона всерьез подумать, прежде чем он решится в какой-либо форме упомянуть о Сондре.

А затем, после надлежащего обсуждения, на семейном совете было решено, что миссис Финчли, Стюарт и Сондра немедленно, без всяких объяснений и прощальных слов уедут на побережье, куда-нибудь подальше от знакомых. Сам мистер Финчли предполагал вернуться в Ликург и Олбани. Неблагоразумно кому-либо из них оставаться там, где их могли бы застигнуть репортеры или расспрашивать друзья. И затем — бегство семьи Финчли в Наррагансет, где они скрывались полтора месяца под фамилией Уилсон. И по той же причине срочный отъезд Крэнстонов на один из тысячи островов, где, по их мнению, можно было сносно провести остаток лета. Гарриэты и Бэготы делали вид, что они не настолько скомпрометированы, чтобы им стоило беспокоиться, и продолжали оставаться на Двенадцатом озере.

Но все толковали о Сондре и Клайде, о его ужасном преступлении и о том, что репутация всех, кто так или иначе, без всякой своей вины, запятнан каким-то касательством к этому делу, может погибнуть безвозвратно.

А тем временем Смилли, по указанию Грифитсов, отправился в Бриджбург и после двухчасовой беседы с Мейсоном получил разрешение навестить Клайда в тюрьме и переговорить с ним наедине в его камере. Смилли пояснил, что Грифитсы пока не намерены организовать защиту Клайда, а хотят лишь выяснить, возможна ли вообще при данных обстоятельствах какая-либо защита. И Мейсон настойчиво посоветовал Смилли убедить Клайда сознаться, ибо, утверждал он, нет ни малейших сомнений в его виновности, а длительный судебный процесс только будет стоить округу больших денег, без всякой пользы для Клайда; между тем, если он во всем признается, могут найтись какие-нибудь смягчающие обстоятельства, и во всяком случае удастся предотвратить появление этого общественного скандала в раздутом виде на страницах газет.

Итак, Смилли направился в камеру, где Клайд мрачно и безнадежно раздумывал, как ему быть дальше. При одном упоминании имени Смилли его передернуло, словно от удара. Грифитсы — Сэмюэл Грифитс и Гилберт! Их личный представитель. Что же теперь говорить? Без сомнения, рассуждал он, Смилли, поговорив с Мейсоном, считает его, Клайда, виновным. Что же сказать? Правду или нет? Но пока он пытался что-то обдумать и сообразить, Смилли уже входил в дверь.

Облизнув сухие губы, Клайд с усилием выговорил:

— Здравствуйте, мистер Смилли!

И тот ответил с деланной сердечностью:

— Добрый день, Клайд! Грустно, что вас засадили в такое место.— И затем продолжал: — Газеты и здешний прокурор не скупятся на всевозможные россказни о вас, но, я думаю, все это не так страшно. Тут, конечно, какая-то ошибка. Я для того и приехал, чтобы это выяснить. Ваш дядя сегодня утром по телефону поручил мне повидаться с вами и узнать, почему вас вздумали засадить. Вы и сами понимаете, каково сейчас вашим родственникам. Они поручили мне все точно узнать и, если возможно, прекратить дело. Поэтому, если вы расскажете мне все подробно... понимаете ли... я хочу сказать...

Смилли остановился. И по всему, что он сейчас слышал от прокурора, и по тому, как замкнуто держался Клайд, он понял: вряд ли тот может многое сообщить в свое оправдание.

А Клайд, еще раз облизнув запекшиеся губы, начал:

— Похоже, что все складывается очень плохо для меня, мистер Смилли. Я никак не думал, когда познакомился с мисс Олден, что попаду в такую беду. Но я не убивал ее: бог свидетель, это чистая правда. У меня никогда не было желания убить ее, и я не хотел везти ее на это озеро. Это правда, и я говорил это прокурору. Я знаю, у него есть ее письма ко мне, но они доказывают только то, что она хотела уехать со мной, а вовсе не то, что я хотел с ней ехать...

Он замолчал, ожидая, что Смилли как-либо обнаружит доверие к его словам. А Смилли, видя, что объяснение Клайда совпадает со словами Мейсона, но стараясь успокоить его, сказал только:

— Да, знаю, Мейсон мне сейчас показывал их.

— *Я знал, что он покажет,*— тихо продолжал Клайд.— Но знаете, мистер Смилли, как иной раз получается.— Опасаясь, как бы шериф или Краут не подслушали его, он совсем понизил голос.— Можно попасть в такую историю с девушкой, даже если сначала вовсе об этом и не думаешь. Вы сами знаете. Я сперва любил Роберту, это правда, и я был с ней в связи,— это видно из ее писем. Но вы ведь знаете, какое правило на фабрике: заведующий отделением не может иметь ничего общего с работницами. Ну вот, мне кажется, с этого и начались все мои неприятности. Понимаете? Я боялся, как бы кто-нибудь об этом не узнал.

— Да, понятно.

И вот, видя, что Смилли как будто слушает его сочувственно, Клайд постепенно успокоился, напряженный тон его стал более естественным, и он рассказал почти всю историю своей близости с Робертой и постарался оправдаться. Но ни слова о фотографическом аппарате, о двух шляпах, об исчезнувшем костюме — обо всем, что непрестанно, безмерно волновало его. В самом деле, как он мог бы все это объяснить? В заключение Смилли, знавший обо всем от Мейсона, спросил:

— А как насчет этих двух шляп, Клайд? Мейсон говорит, вы признали, что у вас было две шляпы: та, которую нашли на озере, и та, в которой вы шли оттуда.

Он ждал ответа, а отвечать было нечего — и Клайд сказал:

— Они ошибаются, мистер Смилли. Когда я шел оттуда, на мне была не соломенная шляпа, а кепка.

— Понимаю. Но он говорит, что на Медвежьем озере у вас все-таки была соломенная шляпа.

— Да, была, но ведь я сказал ему, это была другая шляпа, я в ней приезжал к Крэнстонам в первый раз. Я ему говорил. Я тогда забыл ее у них.

— Так, понятно. Потом тут еще что-то с костюмом,— серый костюм, кажется. Мейсон говорит, что вас тогда видели в нем, а теперь его не могут найти. Был у вас такой костюм?

— Нет. Я был в синем костюме, в котором меня привезли сюда. Потом его у меня забрали и дали мне вот этот.

— Но, по его словам, вы сказали, что в Шейроне отдавали синий костюм в чистку, а он никого не мог там найти, кто бы об этом знал. Как это получилось? Вы действительно отдавали его чистить?

— Да, сэр.

— Кому же?

— Ну, я просто не помню теперь. Но, наверно, я мог бы найти этого портного, если бы попал туда опять. Это около вокзала.

Но при этих словах он опустил глаза, чтобы не встретиться взглядом со Смилли.

Потом Смилли, как прежде Мейсон, стал спрашивать о чемодане, который Клайд взял с собой в лодку, и о том, почему, если Клайд сумел доплыть до берега в башмаках и костюме, он не подплыл к Роберте и не помог ей уцепиться за перевернутую лодку? Клайд объяснил, как и раньше, что боялся, как бы она не потащила его ко дну. Но теперь он впервые прибавил, что крикнул ей, чтобы она ухватилась за лодку, а прежде он говорил, будто лодку отнесло от них, и Смилли знал об этом от Мейсона. А в связи с рассказом Клайда, будто ветер сорвал с него шляпу, Мейсон выразил готовность доказать при помощи свидетелей, а также и правительственных метеорологических бюллетеней, что день был тихий, без малейшего намека на ветер. Итак, очевидно, Клайд лгал. Вся эта его история была шита белыми нитками. Но Смилли, не желая его смущать, только повторял: «Ага, понимаю», или: «Ну конечно», или: «Значит, вот как это было!»

Наконец Смилли спросил о следах ударов на лице и голове Роберты. Мейсон обратил на них его внимание, утверждая, что один удар бортом лодки не мог бы нанести повреждений в обоих местах. А Клайд уверял, что, опрокидываясь, лодка ударила Роберту только один раз и от этого все раны и ушибы,— иначе он просто не представляет, откуда они взялись. Но он и сам начал понимать, как безнадежно жалко звучит это объяснение. По огорченному и смущенному виду Смилли было ясно, что он

ему не поверил. Смилли явно и несомненно считает подлой трусостью со стороны Клайда, что он не пришел на помощь Роберте. Он дал ей погибнуть — и трусость в этом случае весьма слабое оправдание.

Наконец Клайд замолчал,— он слишком измучился и пал духом, чтобы лгать дальше. А Смилли, настолько огорченный и расстроенный, что у него не было ни малейшего желания приводить Клайда в замешательство дальнейшими расспросами, беспокойно ерзал на стуле, мялся и наконец заявил:

— Ну, Клайд, боюсь, что мне пора. Дорога отсюда до Шейрона препаршивая. Очень рад, что услышал всю эту историю в вашем освещении. Я в точности передам вашему дяде все, что вы мне рассказали. Но пока что я на вашем месте по возможности ничего больше не стал бы говорить,— подождите, пока не получите от меня дальнейших известий. Мне поручено найти здесь адвоката, который мог бы вести ваше дело. Но так как уже поздно, а мистер Брукхарт — наш главный юрисконсульт — завтра вернется, я думаю, лучше подождать и поговорить с ним. Так что, если хотите послушать моего совета, просто-напросто ничего больше не говорите, пока не получите известий от меня или от него. Либо он приедет сам, либо пришлет кого-нибудь; тот, кто к вам явится, привезет от меня письмо и даст вам указания насчет дальнейшего.

После этих наставлений он распрощался, предоставив Клайда его одиноким мыслям. Но у самого Смилли не осталось ни малейшего сомнения в виновности Клайда и в том, что лишь грифитсовские миллионы — если Грифитсы пожелают тратить их на это — могут спасти Клайда от несомненно заслуженной им роковой участи.

ГЛАВА XIII

А на следующее утро в просторной гостиной своего особняка на Уикиги-авеню Сэмюэл Грифитс в присутствии Гилберта выслушал подробный отчет Смилли о его свидании с Клайдом и с Мейсоном. Смилли доложил обо всем, что видел и слышал. И Гилберт Грифитс, неимоверно взволнованный и разъяренный всем этим, воскликнул:

— Вот мерзкая тварь! Гаденыш! Видишь, отец, говорил я тебе! Я ведь тебя предупреждал, чтобы ты не брал его сюда!

И Сэмюэл Грифитс, после некоторого размышления над этим намеком на свою прежнюю безрассудную симпатию к Клайду, посмотрел на Гилберта выразительным и глубоко огор-

ченным взглядом, говорившим: «Для чего мы собрались здесь, что нам следует обсудить — неразумность моих первоначальных, хоть и нелепых, но добрых намерений или создавшееся критическое положение?» А Гилберт думал: «Убийца! А эта несчастная зазнайка Сондра Финчли хотела что-то из него сделать, больше всего — чтобы позлить меня,— и только сама себя запятнала. Вот дура! Ну, так ей и надо. Теперь и на ее долю хватит грязи». Но и у него, и у отца, и у всех тоже будут бесконечные неприятности. Весьма вероятно, что этот скандал ляжет несмываемым пятном на всех — на него, на его невесту, на Беллу, Майру и родителей, и, пожалуй, будет стоить им положения в ликургском обществе. Трагедия! Может быть, казнь! И это в их семье!

А Сэмюэл Грифитс со своей стороны припоминал все, что произошло с тех пор, как Клайд приехал в Ликург.

Сначала его заставили работать в подвале, и семья Грифитс не обращала на него никакого внимания. Целых восемь месяцев он был предоставлен самому себе. Не могло ли это быть по меньшей мере одной из причин всего этого ужаса? А потом его сделали начальником над двадцатью молодыми девушками! Разве это не было ошибкой? Теперь Сэмюэл ясно это понимал, хотя, конечно, ни в коей мере не прощал того, что сделал Клайд — отнюдь нет. Какая низменная натура! Какая невоздержанность в плотских желаниях! Какое не знающее удержу зверство: обольстить ту девушку и потом из-за Сондры, из-за прелестной маленькой Сондры задумать от нее отделаться! А теперь он в тюрьме и, по словам Смилли, не может придумать ничего лучшего для объяснения всех этих поразительных обстоятельств, кроме уверений, что он вовсе не намерен был убивать ее, даже и не думал об этом, и что от ветра у него слетела шляпа! До чего жалкая выдумка! И никакого правдоподобного объяснения насчет двух шляп или исчезнувшего костюма или насчет того, почему он не пришел на помощь утопающей девушке. А следы удара на ее лице — откуда они? С какой силой все это доказывает его виновность!

— Боже мой! — воскликнул Гилберт.— Неужели он не мог выдумать ничего лучшего, болван!

И Смилли ответил, что это — все, чего он добился от Клайда, и что мистер Мейсон безоговорочно и вполне беспристрастно убежден в его виновности.

— Ужасно! Ужасно! — твердил Сэмюэл.— Я просто не могу этого понять, не могу! Не представляю, как человек, близкий мне по крови, мог совершить подобное преступление!..

В страхе и отчаянии он поднялся и зашагал из угла в угол. Семья! Гилберт и его будущее! Белла со всеми ее честолюбивыми мечтами! И Сондра! И все семейство Финчли!

Он сжал кулаки. Нахмурил брови и закусил губы. По временам он взглядывал на Смилли — тот, безупречный и выощенный, обнаруживал все же крайнее душевное напряжение и мрачно покачивал головой всякий раз, как Грифитс смотрел на него.

Еще добрых полтора часа Грифитс-старший спрашивал и переспрашивал Смилли, возможно ли какое-либо другое истолкование сообщенных им фактов; и наконец, помолчав, заявил:

— Ну, должен сказать, выглядит это прескверно. Однако, несмотря на все, что вы рассказали, я не могу бесповоротно его осудить, имеющихся у меня данных для этого недостаточно. Может быть, есть еще какие-нибудь факты, которые пока не всплыли на поверхность,— ведь вы говорите, что он о многих вещах не сказал ни слова... может быть, есть какие-то неизвестные нам подробности... какое-то, хоть слабое, оправдание... иначе все это приобретает вид самого чудовищного преступления. Мистер Брукхарт приехал из Бостона?

— Да, сэр, он здесь,— ответил Гилберт.— Он говорил с мистером Смилли по телефону.

— Хорошо. Пусть он придет сюда ко мне сегодня в два часа. Я слишком устал и сейчас больше не могу об этом говорить. Расскажите ему все, что вы рассказали мне, Смилли. А к двум часам возвращайтесь с ним сюда. Может быть, он подскажет нам что-нибудь стоящее, хотя я просто не представляю, что именно. Одно хочу сказать: я надеюсь, что Клайд не виновен. И я хочу сделать все возможное, чтобы выяснить, виновен он или нет, и, если нет,— защищать его, насколько допускает закон. Но не больше. Никаких попыток спасти того, кто виновен в подобном преступлении,— нет, нет и нет! — даже если он и мой племянник. Это не по мне! Я не такой человек! Будь что будет — любые неприятности, любой позор,— я сделаю все возможное, чтобы помочь ему, если он невиновен, если есть хоть малейшее основание в это верить. Но если виновен — нет! Никогда! Если этот малый действительно виновен, он должен получить по заслугам. Ни доллара, ни одного пенни я не потрачу ради того, кто мог совершить подобное преступление, даже если он мне и племянник!

Сэмюэл Грифитс повернулся и медленно, тяжелой походкой направился к лестнице в глубине комнаты, а Смилли, широко раскрыв глаза, почтительно смотрел ему вслед. Какая сила! Ка-

кая решительность! Какая справедливость в столь критических обстоятельствах! И Гилберт, тоже пораженный, сидел неподвижно, уставясь в пространство. Да, отец — это человек. Он может быть жестоко оскорблен и огорчен, но, в отличие от него, Гилберта, отнюдь не мелочен и не мстителен.

А затем явился мистер Дарра Брукхарт: крупный, прекрасно одетый, упитанный, тяжеловесный и осторожный адвокат; один глаз его был наполовину закрыт опустившимся веком, брюшко изрядно выпячивалось, и создавалось впечатление, что мистер Брукхарт, наподобие воздушного шара, если не телом, то духом витает в выси в некоей весьма разреженной атмосфере, где малейшее веяние любых юридических прецедентов, толкований или решений легко перебрасывает его то туда, то сюда. При отсутствии дополнительных фактов виновность Клайда казалась ему очевидной. Даже если и не так, решил он, внимательно выслушав отчет Смилли обо всех подозрительных и уличающих Клайда обстоятельствах, все равно построить сколько-нибудь удовлетворительную защиту будет очень трудно, разве что существуют какие-нибудь до сих пор не обнаруженные факты, благоприятные для обвиняемого. Эти две шляпы, чемодан... Бегство... И эти письма... Но он предпочел бы сам их прочитать. Судя по уже известным обстоятельствам дела, публика, безусловно, будет настроена против Клайда и в пользу погибшей девушки. За нее — ее бедность, ее принадлежность к рабочему классу. Все это делает почти невозможным благоприятный приговор присяжных в таком глухом лесном округе, как Бриджбург. Ведь хотя сам Клайд и беден, он племянник богатого человека и до сих пор занимал известное положение в высшем обществе Ликурга. Это, несомненно, восстановит против него весь здешний люд. Поэтому следовало бы хлопотать об изменении места подсудности, чтобы такого рода предубеждение не повлияло на приговор.

Но, с другой стороны, сначала он должен послать опытного в перекрестных допросах юриста, который взял бы на себя защиту и сумел бы выпытать у Клайда все факты, сославшись на то, что от его правдивых ответов зависит его жизнь,— без этого никак нельзя сказать, есть ли какая-либо надежда. Среди его помощников имеется некто Кетчумен, очень способный человек, которого можно направить с подобной миссией, и на основании его донесения можно будет сделать разумные выводы по делу Клайда. Однако в этом деле имеются еще и другие обстоятельства, которые, на его взгляд, следует тщательно взвесить, прежде чем принять какое-либо решение. Как мистеру Грифитсу

и его сыну, разумеется, известно, в Утике, Нью-Йорке и Олбани есть адвокаты, весьма сведущие во всяких тонкостях и каверзах уголовного права (в частности, ему приходят на память братья Кэнаван из Олбани, очень способные, хотя и несколько подозрительные личности). Без сомнения, любой из них,— как бы он в первую минуту ни посмотрел на это дело,— за соответствующее вознаграждение возьмет на себя защиту. И, без сомнения, перенеся разбирательство в другой округ и прибегнув ко всякого рода запросам, апелляциям и прочее, они могли бы затянуть дело и в конечном счете добиться менее сурового решения, нежели смертный приговор, если это угодно главе достопочтенного семейства Грифитс. С другой стороны, безусловно, столь бурный и спорный процесс вызовет огромную газетную шумиху,— а желательно ли это мистеру Сэмюэлу Грифитсу? Ведь обстоятельства таковы, что, вероятно, станут говорить,— несправедливо, разумеется,— будто он, пользуясь своим богатством, старается обойти правосудие. Публика в подобных случаях бывает крайне предубеждена против богатых людей. И, однако, она наверняка будет ждать, что Грифитсы так или иначе постараются защитить Клайда, хотя потом, может быть, и станет критиковать их за это.

Следовательно, мистеру Грифитсу и его сыну необходимо теперь же решить, как именно они предпочитают действовать: пригласить ли выдающихся юристов, вроде тех двоих, о которых он упоминал, или же не столь крупных адвокатов, или обойтись без этого. Ведь, разумеется, можно, не возбуждая особого внимания, обеспечить Клайду толкового и осторожного юриста, выступающего обычно защитником на процессах,— скажем, кого-нибудь из живущих и практикующих в Бриджбурге,— и он обязан будет позаботиться о том, чтобы в газетах появлялось возможно меньше крикливых, непозволительных выпадов по адресу семьи Грифитс.

И наконец, после трехчасового совещания, Сэмюэл решил, что мистер Брукхарт немедленно отправит своего мистера Кетчумена в Бриджбург: пусть тот побеседует с Клайдом, а затем, каковы бы ни были его выводы относительно виновности или невиновности Клайда, пусть выберет из числа местных юридических талантов, хотя бы на первое время, такого адвоката, который наилучшим и наичестнейшим образом сможет защитить его интересы. Однако мистеру Кетчумену не следует давать никаких гарантий относительно размеров вознаграждения, и он должен только заставить Клайда сказать правду в связи с предъявленным ему обвинением,— не больше. А потом нужно

будет позаботиться о такой защите, которая добросовестно стремилась бы установить все факты, действительно благоприятные для Клайда,— но только факты: короче говоря, никаких юридических хитростей, казуистики или плутовства в какой-либо форме, никаких попыток объявить невинным виновного и обмануть правосудие.

ГЛАВА XIV

Мистер Кетчумен, однако, сумел узнать от Клайда ничуть не больше, чем Мейсон и Смилли. Весьма искусный там, где надо было по чьим-то путаным показаниям составить наиболее верное представление о факте, он не столь успешно разбирался в области чувств, что было необходимо в случае с Клайдом. Он был слишком строгим законником, холодным и бесстрастным. А потому, промучив Клайда четыре долгих часа в жаркий июльский день, он под конец вынужден был отступиться, убежденный, что свет еще не видал злоумышленника, столь жалкого, неумелого и неловкого, как этот Клайд Грифитс.

В свое время, после отъезда Смилли, Мейсон отправился с Клайдом на озеро Большой Выпи и там разыскал штатив и фотографический аппарат, а кроме того, выслушал от Клайда еще немало лжи. Теперь он сообщил Кетчумену, что, хотя Клайд и утверждает, будто у него не было фотографического аппарата, однако он, Мейсон, имеет доказательства противного: аппарат у Клайда был, и он взял его с собою, когда уезжал из Ликурга. Однако на вопрос Кетчумена Клайд только и сумел ответить, что аппарата он с собою не брал и что найденный штатив — вовсе не от его аппарата,— ложь эта безмерно возмутила Кетчумена, и он решил больше ни о чем с ним не спорить.

Однако Брукхарт поручил Кетчумену, каковы бы ни были его личные выводы насчет Клайда, выбрать для него адвоката,— это необходимо, поскольку речь идет по меньшей мере о милосердии Грифитсов, если не об их чести, а Грифитсы западные, как уже объяснил ему Брукхарт, не имеют ни гроша и вообще нежелательно впутывать их в это дело. Поэтому Кетчумен решил найти защитника до своего отъезда. И, совершенно не разбираясь в местной политической ситуации, он отправился к Айре Келлогу, директору национального банка округа Катараки; Келлог (Кетчумен этого не знал) был одним из видных деятелей местной организации демократической партии. В силу своих религиозных и моральных воззрений, этот Келлог был

крайне возмущен преступлением, в котором обвиняли Клайда. Но, с другой стороны, он прекрасно знал, что дело это прокладывает путь для новых успехов республиканской партии на приближающихся выборах, и, поразмыслив, решил: не следует упускать возможность как-то противодействовать Мейсону. Судьба, в образе Клайда и совершенного им преступления, явно благоприятствовала республиканской партийной машине.

Суть в том, что с тех пор, как было обнаружено это убийство, Мейсон стал пользоваться такой широкой известностью, чуть ли не по всей стране, какой с незапамятных времен не знавал ни один прокурор в этих краях. Корреспонденты газет, репортеры, художники из таких отдаленных городов, как Буффало, Рочестер, Чикаго, Нью-Йорк и Бостон, приезжали сюда, чтобы проинтервьюировать, зарисовать или сфотографировать Клайда, Мейсона, оставшихся в живых членов семьи Олден и прочих, — и все это знали и видели. А в местном обществе Мейсон стал объектом единодушного восхваления, и даже избиратели-демократы по всей провинции присоединялись в этом отношении к республиканцам, утверждая, что Мейсон человек правильный, что он обращается с убийцей в точности так, как тот заслуживает, и что все деньги и положение Гриффитсов и семьи той богатой девушки, которую, как видно, преступник пытался покорить, нимало не повлияли на этого народного трибуна. Вот это настоящий прокурор! «Уж, будьте уверены, этот время зря терять не станет!»

И действительно, перед приездом Кетчумена следователь и понятые в присутствии и даже под руководством Мейсона рассмотрели обстоятельства смерти Роберты и порешили, что девушка умерла в результате преступления, задуманного и осуществленного неким Клайдом Гриффитсом, находящимся в настоящее время в бриджбургской тюрьме, где он и должен оставаться в ожидании решения окружного совета присяжных, на рассмотрение которого должно быть представлено в ближайшем будущем его дело. И Мейсон, как уже всем было известно, намеревался просить губернатора о созыве чрезвычайной сессии Верховного суда, а следовательно, и о немедленном созыве сессии окружного совета присяжных, с тем чтобы совет рассмотрел все показания и улики и решил вопрос о предании Клайда суду или о его освобождении. И тут-то является Кетчумен и спрашивает, нельзя ли подыскать способного адвоката, которому можно поручить защиту Клайда. Радуясь случаю нейтрализовать деятельность Мейсона, Келлог сразу подумал о некоем Элвине Белнепе («Белнеп и Джефсон, адвокаты»); он уже два-

жды был сенатором штата, три раза представителем демократической партии в совете округа, и в последнее время многие видные демократы считали, что его следует выдвинуть на один из самых высоких постов, как только демократической партии удастся взять в свои руки административный аппарат округа. В самом деле, всего три года назад в борьбе за пост прокурора этот Белнеп был самым опасным соперником Мейсона из всех кандидатов демократического списка. В политическом отношении он был настолько подходящий человек, что в этом году его собирались выдвинуть кандидатом на то самое место окружного судьи, на которое рассчитывал Мейсон. И если бы не неожиданные и поразительные события, связанные с Клайдом, Белнеп, по общему мнению, попав в списки кандидатов, был бы избран. Мистер Келлог не потрудился объяснить Кетчумену все сложные детали этой весьма любопытной политической ситуации, но сообщил, что в качестве оппонента Мейсону Белнеп — человек исключительно подходящий, почти идеальный.

После этого небольшого предисловия Келлог предложил лично проводить Кетчумена в контору «Белнеп и Джефсон», которая помещалась напротив.

Они постучались к Белнепу; их впустил очень симпатичный с виду человек, лет сорока восьми, подвижной, среднего роста; его серо-голубые глаза сразу показались Кетчумену окнами, из которых смотрел явно проницательный, хотя, может быть, и не слишком могучий и широкий ум.

Белнеп умел так себя держать, что все окружающие уважали его. Он окончил университет. В юности, благодаря своей внешности, состоянию и общественному положению (его отец был судья и сенатор), он вдоволь насладился тем, что можно назвать жизнью искателя приключений, и потому вся эта неловкость и связанность, страстные порывы и тяготение к другому полу,— то, что все еще волновало Мейсона и нередко решающим образом влияло на его поведение,— для Белнепа давно отошло в прошлое; душевная уравновешенность и терпимость позволяли ему недурно разбираться в морально и социально запутанных (но не чересчур уж из ряда вон выходящих) случаях, которые встречались ему в жизни.

Конечно, этот человек по самой природе своей способен был подойти к такому делу, как дело Клайда, без неистовой страстности Мейсона. Он сам, когда ему было двадцать лет, попал в трудное положение, оказавшись между двумя девушками: с одной он только играл, а в другую был серьезно влюблен. Соблазнив первую и оказавшись перед нелегким выбором — же-

ниться или бежать,— он выбрал бегство. Но прежде рассказал обо всем отцу, и тот посоветовал ему уехать в отпуск, а тем временем обратились к услугам домашнего врача; в результате, затратив тысячу долларов и оплатив необходимые расходы на устройство беременной подружки сына в Утике, отец в конце концов выручил Элвина из затруднительного положения и сделал возможным его возвращение, а затем и женитьбу на другой девушке.

Поэтому, хотя Белнеп отнюдь не сочувствовал более жестокому и решительному образу действий, при помощи которого Клайд, если верить обвинению, пытался избежать ответственности (никогда за все годы своей юридической практики Белнеп не мог постичь психологию убийцы), все же он склонялся к мысли, что Клайд был ослеплен и околдован любовью. Ходили же слухи о его романе с какой-то богатой девушкой, чье имя пока не предавалось огласке. И разве не был он беден, тщеславен и честолюбив? По слухам, так оно и было, и Белнеп подумывал даже, что при создавшемся в округе политическом положении он мог бы, к немалой выгоде для себя и, пожалуй, к большому разочарованию мистера Мейсона, неплохо построить защиту или, по крайней мере, создать ряд судебных препирательств и отсрочек, ввиду которых мистеру Мейсону будет не так легко заграбастать должность судьи округа, как он воображает. Разве нельзя сейчас при помощи энергичных юридических приемов, несмотря на нарастающую враждебность общества и даже именно из-за нее, ходатайствовать о перенесении разбора дела в другой округ или же об отсрочке, нужной для подбора новых показаний? В этом случае процесс начнется только тогда, когда Мейсон уже не будет прокурором. Белнеп, вместе со своим компаньоном, молодым юристом Рубеном Джефсоном, недавно переехавшим из штата Вермонт, уже думал об этом.

И вот явился мистер Кетчумен в сопровождении мистера Келлога. И затем совещание с мистером Кетчуменом и Келлогом, причем последний, ссылаясь на политическую ситуацию, доказывал, что Белнеп поступит весьма благоразумно, взяв на себя защиту. И поскольку Белнеп сам был крайне заинтересован этим делом, он, посовещавшись со своим молодым компаньоном, быстро согласился. В конечном счете это не может повредить его политической карьере, как бы ни была сейчас настроена публика.

А после того, как Кетчумен вручил Белнепу задаток и рекомендательное письмо к Клайду, Белнеп попросил Джефсона вызвать по телефону Мейсона и сообщить ему, что «Белнеп и

Джефсон», как адвокаты, которым Сэмюэл Грифитс поручил защиту своего племянника, ожидают от него, Мейсона, подробного письменного сообщения обо всех предъявленных Клайду Грифитсу обвинениях, равно как и обо всех свидетельских показаниях и уликах, и просят познакомить их с протоколами вскрытия трупа и донесением следователя. Их интересует также, возбуждено ли ходатайство о внеочередной сессии Верховного суда, и если таковая состоится, то какой назначен судья и где и когда соберется совет присяжных. Кстати, прибавил Белнеп, они слышали, что тело мисс Олден уже отправлено на ее родину для погребения,— так вот, он и его коллега Джефсон просят о немедленном разрешении вырыть тело из земли, чтобы его могли теперь осмотреть врачи, приглашенные защитой.

Мейсон сперва запротестовал, но в конце концов согласился, так как ему все равно пришлось бы подчиниться соответствующему распоряжению председателя Верховного суда.

Когда все это было улажено, Белнеп заявил, что он отправляется в тюрьму для свидания с Клайдом. Час был поздний, а он еще не обедал, и ему теперь негде было пообедать, но он хотел потолковать по душам с этим юношей, от которого, по словам Кетчумена, ничего не удавалось добиться. Белнепа подгоняло желание потягаться с Мейсоном и убеждение, что благодаря особенностям своего характера он наилучшим образом поймет Клайда, и его профессиональное любопытство было возбуждено до предела. Сколько романтики и драматизма в этом преступлении! Что за девушка эта Сондра Финчли, о которой ему уже рассказали под большим секретом? Нельзя ли как-нибудь привлечь ее к защите Клайда? Ему уже сообщили, что ее имя не должно быть упомянуто,— этого требуют интересы высокой политики. Ему и в самом деле не терпелось поговорить с этим хитрым, честолюбивым и легкомысленным юношей.

Придя в тюрьму и показав шерифу Слэку письмо от Кетчумена, Белнеп попросил, чтобы его, в виде особого одолжения, провели в такое место подле камеры Клайда, откуда он мог бы сперва, оставаясь незамеченным, понаблюдать за арестованным. Поэтому Белнепа потихоньку повели во второй этаж, открыли дверь в коридор, куда выходила камера Клайда, и позволили войти туда одному. Подойдя к камере на расстояние нескольких шагов, он увидел Клайда, который в эту минуту лежал на железной койке лицом вниз, охватив голову руками; все его тело безвольно обмякло; рядом стоял поднос с нетронутой едой. Дело в том, что после ухода Кетчумена и второй безуспешной попыт-

ки убедить кого-то своей пустой и бессмысленной ложью Клайд совсем приуныл. Он настолько пал духом, что по-настоящему плакал, и его плечи вздрагивали от беззвучных рыданий. Увидев это и вспомнив свои собственные юношеские проделки, Белнеп ощутил острую жалость. Бездушный убийца не станет плакать, решил он.

Он подошел к двери камеры и, немного помедлив, заговорил:

— Ну, ну, Клайд! Это совсем ни к чему. Нельзя так падать духом. Ваше дело, может быть, не так уж безнадежно, как вы думаете. Садитесь-ка и потолкуйте с адвокатом, которому кажется, что он может для вас кое-что сделать,— хотите? Меня зовут Белнеп, Элвин Белнеп. Я живу тут, в Бриджбурге, и меня прислал к вам этот парень, который недавно был у вас,— как его, Кетчумен, что ли? Вам он как будто не очень пришелся по душе? Ну, мне тоже. Он, я думаю, человек не нашего склада. Но вот письмо, которым он уполномочивает меня быть вашим защитником. Хотите взглянуть?

Он сказал все это весело и уверенно и протянул письмо сквозь железную решетку, к которой нерешительно и с любопытством подошел Клайд. Голос этого человека звучал как-то очень искренне, непривычно, в нем было как будто и сочувствие и понимание, и это придало Клайду храбрости. Он без колебаний взял письмо, просмотрел его и вернул с улыбкой.

— Ну вот, я так и думал,— продолжал Белнеп ободряюще, очень довольный произведенным эффектом, который он целиком приписал своему личному обаянию.— Так-то лучше. Я знаю, мы с вами поладим. Я это чувствую. Вы можете говорить со мной так же свободно и доверчиво, как с собственной матерью. И вам нечего опасаться, что хоть одно сказанное мне слово дойдет еще до чьих-либо ушей, если вы сами этого не захотите, понятно? Ведь я буду вашим защитником, Клайд, если вы согласны, а вы будете моим клиентом. Мы с вами сядем вдвоем завтра или когда хотите, и вы расскажете мне все, что, по-вашему, мне следует знать, а я скажу вам, что мне, по-моему, следует знать и могу ли я вам помочь. И я намерен доказать вам, что, так или иначе помогая мне, вы помогаете сами себе. Понятно? И, черт возьми, я сделаю все, что только в моих силах, чтобы вытащить вас из этой истории. Ну, что вы на это скажете?

Он улыбнулся ободряюще и сочувственно, даже ласково. И Клайд, впервые за время своего пребывания здесь, почувствовал, что нашелся кто-то, кому можно довериться без риска, и уже думал, что, пожалуй, самое лучшее — рассказать этому

человеку все, решительно все... Он не мог бы сказать — почему, но Белнеп ему нравился. Клайд тотчас, хотя и смутно, почувствовал, что этот человек понимает его и, может быть, даже отнесется к нему с сочувствием, если узнает все или почти все. Белнеп разъяснил Клайду, как его врагу — Мейсону — хочется непременно добиться его осуждения и как, если только он, Белнеп, составит приемлемый план защиты, он наверняка сумеет оттянуть рассмотрение дела, а к тому времени этот тип перестанет быть прокурором. И Клайд заявил, что если мистер Белнеп даст ему ночь на размышление, то завтра или в любое время, когда мистер Белнеп пожелает прийти снова, он расскажет ему все.

А на следующий день Белнеп сидел на стуле напротив Клайда, грыз плитку шоколада и слушал, а Клайд, сидя на железной койке, выкладывал свою историю,— все подробности своей жизни со времени приезда в Ликург: о том, как и почему он приехал сюда, о девочке, убитой в Канзас-Сити (но он не упомянул о газетной вырезке, забыв, что сохранил ее); о встрече с Робертой, о своем страстном влечении к ней, о ее беременности и о том, как он старался выручить ее из беды,— и далее о том, как она грозила выдать его, и тут ему попалась та заметка в газете,— и он, наконец, в безмерном отчаянии и страхе, попытался проделать то же. Но сам он никогда не додумался бы до такого,— мистер Белнеп должен это понять. И ведь он же не убил ее. Нет, не убил. Что бы там ни думал мистер Белнеп, но в этом он должен ему поверить. Он вовсе не хотел ее ударить. Нет, нет, нет! Это была несчастная случайность. У него был фотографический аппарат,— и штатив, найденный Мейсоном, это, конечно, его штатив. Он спрятал его под поваленным деревом, после того как нечаянно ударил Роберту аппаратом, и потом видел, как аппарат потонул,— без сомнения, он и сейчас лежит на дне вместе с пленкой, где сняты сам Клайд и Роберта, если только пленка не размокла в воде. Но он ударил ее не намеренно. Нет! Он этого не хотел. Она потянулась к нему, и он толкнул ее, но это вышло нечаянно. Лодка перевернулась... И Клайд постарался возможно точнее описать, как перед этим он словно оцепенел, был в каком-то столбняке, потому что, зайдя так далеко, не мог дойти до конца.

А между тем Белнепа под конец и самого утомил и смутил этот странный рассказ; он понимал, что все это просто невозможно изложить обычному составу присяжных в здешней глуши,— не говоря уже о том, чтобы убедить их в безобидности столь мрачных и жестоких планов и поступков. Наконец, уста-

лый, растерянный и недоумевающий, он встал и положил руки на плечи Клайда.

— Ну, вот что, Клайд,— сказал он.— Я думаю, на сегодня хватит. Я понимаю, что́ вы переживали и как все это произошло, и я вижу, как вы устали. Я очень рад, что вы рассказали мне все начистоту,— я ведь знаю, это вам было нелегко. Но сейчас, по-моему, вам не следует больше говорить. У нас еще будет время, а пока я должен кое-что уладить. Завтра или послезавтра мы с вами обсудим некоторые подробности этого дела. Ложитесь-ка сейчас спать и отдохните. Вам понадобятся силы для той работы, которую нам с вами скоро придется проделать. А пока что не волнуйтесь, это совершенно ни к чему, понятно? Я вас вытащу из этой истории,— вернее, мы вдвоем — мой компаньон и я. Как-нибудь на днях я приведу его к вам. Он вам тоже понравится. Но я хочу, чтобы вы подумали над двумя условиями и твердо их соблюдали. Во-первых, никому не позволяйте ничем запугать себя и помните, что я или мой коллега будем, по крайней мере, раз в день навещать вас, и если вам надо будет что-нибудь сказать или спросить, вы всегда сможете поговорить об этом с нами. И, во-вторых, ни с кем ни о чем не разговаривайте — ни с Мейсоном, ни с шерифом, ни с тюремщиками — ни с кем, если только я вам не скажу, что это нужно. Ни с кем,— слышите! И главное — не плачьте больше. Потому что, будь вы чисты, как ангел, или черны, как сам дьявол, наихудшее, что вы можете сделать,— это плакать перед кем бы то ни было. Ни публика, ни тюремщики этого не понимают; по их мнению, слезы всегда означают слабость или признание вины. А мне не хотелось бы, чтобы они думали о вас что-либо подобное, особенно, когда я знаю, что вы действительно не виновны. Теперь я знаю это. Я верю в это, понятно? Так что не вешайте носа перед Мейсоном и прочими.

В самом деле, я хотел бы, чтобы вы впредь начали понемножку смеяться или хоть улыбаться. Держитесь веселее, когда здороваетесь с ними со всеми. Знаете, у юристов есть старая пословица, что сознание собственной невиновности придает человеку спокойствие. Помните, что вы не виновны, и не смотрите как виноватый. Не сидите с таким видом, будто вы потеряли последнего друга,— ничего такого не случилось. С вами я и мой коллега — мистер Джефсон. Через день-два я его к вам приведу. Относитесь к нему так же, как ко мне. Можете ему довериться: он в некоторых отношениях даже более умелый законник, чем я. Завтра я принесу вам парочку книг, журналы, газеты,— почи-

тайте, поглядите иллюстрации. Это вас отвлечет от тревожных мыслей.

Клайд слабо улыбнулся и кивнул.

— Да, еще одно: я не знаю, верующий ли вы? Но так или иначе, если только вам это предложат, советую исправно посещать здесь воскресное богослужение. Народ у нас тут набожный, и я хотел бы, чтобы вы производили возможно лучшее впечатление. Не обращайте внимания на то, что люди скажут и как посмотрят,— делайте, как я говорю. А если этот Мейсон или еще кто-нибудь из здешней публики станет и дальше к вам приставать, напишите мне записочку. Ну, а теперь я пошел, так что улыбнитесь мне повеселее на прощанье и потрудитесь встретить меня улыбкой, когда я приду в следующий раз. И не болтайте,— поняли?

Он встряхнул Клайда за плечи, похлопал по спине и вышел из камеры, но про себя подумал: «А вправду ли я верю, что этот парень так невинен, как он говорит? Можно ли неумышленно так ударить девушку? И потом отплыть прочь, потому что, как он говорит, он боялся, что она может его потопить? Скверно! Скверно! Какие двенадцать человек этому поверят? А этот чемодан, а две шляпы, а пропавший костюм! И, однако, он клянется, что ударил ее нечаянно. Но как же со всеми его планами,— с намерением, которое не менее преступно в глазах закона? Правду он говорит — или лжет даже теперь, быть может, стараясь обмануть не только меня, но и себя? И этот фотографический аппарат... Надо бы раздобыть его, пока его не нашел и не предъявил Мейсон. И этот костюм. Я должен найти его и, пожалуй, упомянуть о нем, чтобы опровергнуть мнение, что он был спрятан... сказать, что он все время был у нас... что он был отправлен в Ликург в чистку. Но нет, нет... минуточку... об этом еще надо подумать.

И так далее, пункт за пунктом... и в то же время он устало думал, что лучше, пожалуй, вовсе и не пробовать использовать рассказ Клайда, а сочинить что-нибудь другое, какой то измененный и смягченный вариант, который покажется не таким жестоким и будет в глазах закона не столь близок к убийству.

ГЛАВА XV

Рубен Джефсон ничуть не походил ни на Белнепа, ни на Кетчумена, ни на Мейсона, ни на Смилли,— словом, ни на кого из тех, кто до сих пор видел Клайда и интересовался его делом.

Это был высокий, худой и смуглый молодой человек, жесткий, невозмутимый и холодно-рассудительный; воля и решимость у него были поистине стальные. Для его ума и профессиональных качеств характерны были изворотливость и эгоизм, придававшие ему сходство с рысью или хорьком. У него было смуглое лицо, проницательные светло-голубые глаза цвета стали, длинный нос, указывающий на энергию и любознательность, сильные руки и сильное тело. Узнав, что им (конторе «Белнеп и Джефсон»), возможно, поручат защищать Клайда, он, не теряя ни минуты, во всех подробностях изучил материалы дознания, произведенного следователем, заключение врачей и письма Роберты и Сондры. И теперь, выслушав объяснения Белнепа о том, что Клайд признался в намерении убить Роберту, но уверяет, будто не исполнил этого намерения, так как в критическую минуту был охвачен каким-то душевным столбняком или раскаянием и только нечаянно ударил ее,— выслушав все это, Джефсон лишь пристально посмотрел на Белнепа и заметил без каких-либо комментариев и без тени улыбки:

— Но он не был в столбняке, когда отправился с нею на озеро?

— Нет.

— И когда потом поплыл прочь?

— Нет.

— И когда шел по лесу, и менял шляпу и костюм, и прятал штатив?

— Нет.

— Вы, конечно, понимаете, что, если мы воспользуемся этими объяснениями, в глазах закона он будет в такой же мере виновен, как если бы ударил ее умышленно, и судья должен будет предупредить об этом присяжных.

— Да, я знаю. Я уже думал об этом.

— Ну, тогда...

— Вот что, Джефсон. Это, несомненно, трудный случай. Мне кажется, у Мейсона все козыри на руках. Если мы сумеем выручить этого малого, значит, мы можем отстоять кого угодно. Только, мне кажется, нам не стоит упоминать об этом столбняке,— разве что мы решим сослаться на невменяемость, на эмоциональную неуравновешенность или что-нибудь в этом роде,— как было с Гарри Тоу, помните?

Белнеп умолк и с сомнением почесал свой слегка седеющий висок.

— Вы, конечно, считаете, что он виновен? — сухо заметил Джефсон.

— Представьте, как ни странно, нет! По крайней мере, я в этом не уверен. По правде говоря, это один из самых запутанных случаев, с какими я когда-либо сталкивался. Этот парень далеко не так жесток и хладнокровен, как вы думаете,— он скорее простой и мягкий юноша, вы и сами увидите,— то есть судя по его манере держать себя. Ему только двадцать один или двадцать два года. И при всем своем родстве с Грифитсами он очень беден,— простой служащий, в сущности. И он сказал мне, что его родители тоже бедны. У них какая-то миссия на Западе,— в Денвере, кажется, а раньше была в Канзас-Сити. Он уже четыре года не был дома. Дело в том, что он оказался замешанным в какой-то дурацкой мальчишеской истории, когда работал рассыльным в отеле в Канзас-Сити, и ему пришлось оттуда удрать. Нам надо быть поосторожнее с Мейсоном,— выяснить, знает ли он что-нибудь на этот счет. Похоже, что компания мальчишек-рассыльных, в том числе и Грифитс, воспользовалась автомобилем какого-то состоятельного человека без ведома владельца, а потом они боялись опоздать на работу, стали гнать машину и задавили насмерть девочку. Нам надо узнать все это поподробнее и подготовиться, потому что, если Мейсон в курсе дела, он вытащит эту историю на суде именно в такую минуту, когда решит, что мы этого меньше всего ожидаем.

— Ну, нет, это у него не выйдет, хотя бы даже мне пришлось съездить в Канзас-Сити, чтобы разобраться в этом деле,— возразил Джефсон, и его холодные голубые глаза сверкнули.

А Белнеп продолжал рассказывать Джефсону все, что он узнал о жизни Клайда до настоящего времени: как он мыл посуду, прислуживал в ресторане, торговал содовой водой, был возчиком, брался за любую работу, какая только попадалась, пока не переехал в Ликург, и как он всегда увлекался девушками, и как познакомился сначала с Робертой, а потом с Сондрой. И как, наконец, он запутался с одной и до безумия влюбился в другую, чьей руки не мог добиться, не отделавшись от той, первой.

— И, несмотря на все это, вы еще сомневаетесь, что он ее убил? — спросил затем Джефсон.

— Да, я уже сказал вам, я в этом не уверен. Но я твердо знаю, что он все еще вздыхает по другой. Он менялся в лице, когда ему или мне случалось в разговоре упомянуть о ней. К примеру, я спросил его: не был ли он с нею в близких отношениях,— и, хотя его обвиняют в обольщении и убийстве дру-

гой девушки, он так посмотрел на меня, как будто я сказал нечто непозволительное, оскорбил его или ее.

Тут Белнеп криво улыбнулся; а Джефсон сидел, упираясь длинными, костлявыми ногами в стоявший перед ним стол орехового дерева, и все так же спокойно смотрел на собеседника.

— Вот как,— сказал он наконец.

— Мало того,— продолжал Белнеп.— Он сказал: «Нет, конечно, нет! Она бы не допустила ничего подобного, и потом...» — и остановился. «Что потом, Клайд?» — спрашиваю. «Ну, не забывайте, кто она!» Понимаю, говорю. И потом, представьте, он интересовался, нельзя ли как-нибудь оберечь имя этой девушки и ее письма к нему от огласки в печати и на суде, чтобы ее родные не узнали об этом и чтобы репутация ее и ее семьи не слишком пострадала.

— В самом деле? Ну, а как со второй девушкой?

— Вот в этом-то я и стараюсь разобраться. Он мог задумать убийство этой девушки и, пожалуй, даже в самом деле убил ее, причем, насколько я понимаю, сперва обольстил. Но, в сущности, он был совершенно одержим мечтами о другой и просто не соображал, что делает. Понимаете? Вы же знаете, как это бывает с юнцами его возраста, да еще с такими, которые не привыкли ни к девушкам, ни к деньгам и при том мечтают о блестящей карьере.

— Вы думаете, он на этом немного свихнулся? — вставил Джефсон.

— Ну да, возможно... он был не в себе, во власти гипноза... легкое помешательство, знаете, кризис сознания, как выражаются в Нью-Йорке. И он, безусловно, все еще помешан на той, другой. Право, мне кажется, что в тюрьме он плачет главным образом из-за нее. Знаете, он плакал, когда я пришел к нему,— рыдал так, как будто у него сердце разрывалось.— Белнеп в раздумье почесал правое ухо.— Нет, как ни говорите, в этой идее, безусловно, есть смысл: все это повлияло на его рассудок... С одной стороны, эта Олден требует, чтобы он женился на ней,— а тут другая обещает выйти за него замуж... Я знаю, я и сам раз попал в такой переплет.— И он рассказал Джефсону этот случай.— Кстати,— продолжал он затем,— он говорит, что мы можем найти сообщение о той утонувшей паре в «Таймс юнион» не то от восемнадцатого, не то от девятнадцатого июня.

— Ладно,— сказал Джефсон,— я разыщу.

— Мне хотелось бы,— продолжал Белнеп,— чтобы вы завтра пошли со мной к нему. Посмотрим, какое впечатление он на вас произведет. Мы пойдем вместе, и я посмотрю, расскажет

ли он вам все это так же, как рассказывал мне. Я хочу знать ваше мнение о нем.

— Узнаете, будьте уверены,— отрезал Джефсон.

На другой день Белнеп и Джефсон вместе посетили Клайда. И Джефсон, после беседы с ним и новых размышлений над его странной повестью, все же не мог решить, был ли Клайд действительно столь неповинен в намерении ударить Роберту, как он говорит... Если это правда — как же он мог потом уплыть и дать ей утонуть? И, уж конечно, присяжным будет куда труднее поверить в это, чем ему, Джефсону.

Есть еще предположение Белнепа, что Клайд, возможно, был выведен из душевного равновесия и не вполне нормален психически, когда взялся за осуществление плана, внушенного ему газетной заметкой. Конечно, могло быть и так, однако, на взгляд Джефсона, теперь Клайд был достаточно разумен и нормален. Джефсон считал Клайда более черствым и гораздо более хитрым, чем хотелось думать Белнепу; правда, это впечатление сглаживалось благодаря его мягким и обаятельным манерам, так что трудно было относиться к нему неприязненно. Впрочем, Клайд далеко не так охотно и доверчиво говорил с Джефсоном, как с Белнепом, и это на первых порах не могло вызвать у Джефсона симпатии к нему. Но Джефсон держался так решительно и серьезно, что Клайд быстро убедился: может быть, юрист ему и не сочувствует, но, по крайней мере, относится к его делу с профессиональным интересом. И немного погодя он стал возлагать на молодого адвоката даже бо́льшие надежды, чем на Белнепа.

— Вы, конечно, понимаете, что письма, которые писала вам мисс Олден, сильно осложняют дело? — начал Джефсон, когда Клайд повторил ему свою историю.

— Да, сэр.

— Они покажутся очень печальными каждому, кто незнаком со всеми обстоятельствами дела, и, наверно, восстановят присяжных против вас, особенно когда их сопоставят с письмами мисс Финчли.

— Да, я понимаю,— ответил Клайд.— Но ведь она не всегда была такая. Она стала писать так только после того, как попала в беду, а я хотел, чтобы она меня отпустила.

— Знаю, знаю. Об этом еще надо подумать,— может быть, мы сумеем заявить об этом на суде. Если б только можно было каким-нибудь способом добиться, чтобы эти письма не фигурировали на суде! — воскликнул Джефсон, обращаясь к Белнепу,

а затем снова к Клайду: — Вот что я хотел спросить: вы были с ней близки около года, так?

— Да.

— И за все это время или еще до этого у нее не было дружеских, близких отношений ни с каким другим молодым человеком? Вы ничего такого не знаете?

И Клайд понял, что Джефсон не слишком пуглив и щепетилен и готов предложить любую идею, любую хитрость, при помощи которой, на его взгляд, можно будет вывернуться. Но Клайд не обрадовался этому намеку, а искренне возмутился. Было бы подло, зная характер Роберты, прибегнуть к подобной лжи! Он не мог и не хотел допустить даже намека на подобную неправду и поэтому ответил:

— Нет, сэр. Я никогда не слышал, чтобы она водила знакомство с кем-нибудь еще. Я просто знаю, что этого не было.

— Прекрасно, так и заметим,— сказал Джефсон.— Судя по ее письмам, я думаю, что это верно. Но мы должны знать все факты. Все получилось бы совсем иначе, если бы тут был замешан еще кто-то другой.

Клайд был не совсем уверен, действительно ли Джефсон пытается заставить его оценить эту идею, но все равно, решил он, не следует даже допускать такую мысль. И все же он говорил себе: «Только бы этот человек мог придумать, как по-настоящему защитить меня! Он, кажется, очень ловкий».

— А теперь,— продолжал Джефсон все так же сурово и испытующе (Клайду казалось, что в его словах нет ни капли сочувствия или жалости),— есть еще одна вещь, о которой я хотел вас спросить: за все время, что вы были знакомы с ней, до вашего сближения или после, не писала ли она вам когда-нибудь каких-либо пошлых, издевательских или угрожающих писем, не предъявляла ли каких-нибудь требований?

— Нет, сэр, не припомню,— ответил Клайд.— Она никогда так не писала. Нет... Кроме, пожалуй, последних писем... кроме самого последнего.

— А вы ей как будто ни разу не писали?

— Нет, сэр. Я никогда не писал ей никаких писем.

— Почему?

— Ну, видите ли, она была тут же, на фабрике, рядом со мной. А в последнее время, когда она уехала к родителям, я боялся ей писать.

— Ага, понятно...

И, однако, совершенно искренне стал объяснять Клайд, Роберта по временам была вовсе не такой уж мягкой и сговорчи-

вой... она бывала очень решительной и даже упрямой. Она не обращала ни малейшего внимания на его слова, когда он объяснял, что, настаивая на свадьбе, она губит его положение в обществе и все его будущее, а ведь он готов был работать и помогать ей деньгами. Вот это ее упрямство, по словам Клайда, и привело к несчастью... А между тем мисс Финчли (и тут в голосе Клайда зазвучали нотки благоговения и восторга, что тотчас отметил Джефсон) для него была готова на все.

— Так вы в самом деле очень любили мисс Финчли?

— Да, сэр.

— И вы не могли больше оставаться с Робертой после того, как встретились с мисс Финчли?

— Нет, нет! Я просто не мог!

— Понимаю,— заметил Джефсон, многозначительно покачивая головой и в то же время размышляя о том, что было бы бесполезно и даже опасно сообщать все это присяжным. Может быть, самое лучшее, как предложил Белнеп, основываясь на обычной в наше время судебной практике, говорить о невменяемости, о душевном потрясении, которое было вызвано создавшимся отчаянным положением (таким оно казалось Клайду). Оставив пока этот вопрос в стороне, Джефсон продолжал: — Вы говорите, когда вы были с ней в лодке в тот последний день, с вами что-то случилось и вы, в сущности, не знали, что делали в тот момент, когда ударили ее?

— Да, сэр, это правда.

И Клайд снова попытался объяснить, каково было тогда его состояние.

— Хорошо, хорошо, я вам верю,— ответил Джефсон, как будто принимая за чистую монету все, что говорил Клайд, хотя в действительности не мог себе представить подобного состояния.— Но вы, конечно, понимаете,— заявил он,— что никакие присяжные, ввиду всех остальных обстоятельств, вам не поверят. Слишком много в этом деле такого, что требует объяснения, а при существующем положении мы не в силах все это как следует объяснить. Не знаю, как тут быть,— теперь он обращался к Белнепу.— Эти две шляпы, чемодан... разве что мы будем доказывать психическое расстройство или что-нибудь в этом роде. Я не совсем уверен, что это получится. Вы не знаете, у вас в семье не было когда-нибудь случаев сумасшествия? — прибавил он, снова обращаясь к Клайду.

— Нет, сэр, ничего такого мне неизвестно.

— У какого-нибудь дяди, двоюродного брата или дедушки не бывало никаких припадков или странностей?

— Нет, сэр, никогда ни о чем таком не слышал.

— И вашим богатым родственникам в Ликурге, надо полагать, не очень-то понравится, если я возьму и попробую доказать что-нибудь в этом роде?

— Боюсь, что они будут недовольны, сэр,— ответил Клайд, думая о Гилберте.

— Так... дайте сообразить...— сказал Джефсон после паузы.— Все это очень сложно. Но я не вижу другого сколько-нибудь верного пути.

Тут он обратился к Белнепу с вопросом, не считает ли тот приемлемой теорию самоубийства, поскольку письма Роберты указывают на склонность к меланхолии, которая легко могла привести к решению покончить с собой. Нельзя ли сказать, что, когда Роберта осталась с Клайдом на озере и стала просить его жениться на ней, а он отказался, она бросилась в воду? А он был настолько поражен и потрясен, что не попытался ее спасти.

— А как же с его собственной историей о том, что ветер сорвал с него шляпу, а он старался поймать ее и перевернул лодку? — возразил Белнеп таким тоном, словно Клайда здесь не было.

— Да, конечно, это тоже верно... А нельзя ли сказать, что он чувствовал моральную ответственность за состояние, которое заставило ее покончить с собой, и поэтому не хотел сказать правду о самоубийстве?

Клайда передернуло, но ни тот, ни другой уже не обращали на него внимания. Они разговаривали так, точно **его здесь** не было или он не мог иметь своего мнения по этому вопросу. Это его удивило, но он не думал протестовать,— таким беспомощным он себя чувствовал.

— Да, но запись под вымышленными именами! Две шляпы, костюм, чемодан! — отрывисто напоминал Белнеп тоном, по которому Клайд понял, насколько серьезным Белнеп считает его положение.

— Ну, эти вещи придется как-то объяснить, все равно, какую бы теорию мы ни выдвинули,— в раздумье ответил Джефсон.— Я считаю, что мы ни в коем случае не можем использовать подлинную историю его замысла, не ссылаясь на невменяемость. А если мы ею не воспользуемся, нам неминуемо придется иметь дело с этими уликами.

И он устало всплеснул руками, словно говоря: «Право, не знаю, как с этим быть!»

— Но учтите все обстоятельства,— настаивал Белнеп.— Он

отказался жениться на ней, а по письмам видно, что он ей это обещал... да ведь это только повредит ему, еще больше восстановит против него публику. Нет, так не годится,— заключил он.— Надо придумать что-нибудь такое, что вызовет хоть какую-то симпатию к нему.

Они опять обернулись к Клайду, словно этого разговора и не было, и посмотрели на него взглядом, ясно говорящим: «Ну, и задал ты нам задачу!»

Потом Джефсон заметил:

— Ах да, еще этот костюм, который вы бросили в озеро, где-то возле дачи Крэнстонов... Объясните мне поточнее, в каком месте вы его бросили,— далеко это от дома?

Он ждал, пока Клайд с усилием припоминал все подробности.

— Если бы я мог поехать туда, я, наверно, быстро нашел бы это место.

— Да, я знаю, но вам не дадут поехать туда без Мейсона,— возразил Джефсон.— А может быть, даже и с ним не пустят. Вы в тюрьме, и вас нельзя вывести отсюда без разрешения властей штата, понятно? Но нам необходимо добыть этот костюм.— И затем, повернувшись к Белнепу и понизив голос, он прибавил: — Нужно найти его, отдать в чистку и потом представить дело так, будто он был отослан в чистку самим Грифитсом, а не спрятан — понятно?

— Да, правильно,— небрежно одобрил Белнеп, а Клайд с любопытством слушал, немного удивленный откровенной программой плутовства и обмана, затеваемого в его интересах.

— Теперь насчет этого фотографического аппарата, который упал в воду,— надо попробовать найти и его тоже. Я думаю, Мейсон знает о нем или подозревает, что он там. Во всяком случае, нам очень важно найти его, пока его не нашел Мейсон. Как вам показалось, когда вы с ним ездили туда,— у них там правильно отмечено место, где перевернулась лодка?

— Да, сэр.

— Ладно, посмотрим, нельзя ли разыскать аппарат,— продолжал Джефсон, обращаясь к Белнепу.— Надо постараться, чтобы он не всплыл на суде. Тогда они станут клясться, что он ударил ее штативом или чем-нибудь еще, и тут мы им подставим ножку.

— Тоже верно,— ответил Белнеп.

— А теперь насчет чемодана, который сейчас у Мейсона. Я еще не видел его, но завтра посмотрю. Вы, что же, когда вышли из воды, сунули тот костюм в чемодан мокрым, как он был?

— Нет, сэр, я сперва выжал его — постарался высушить, как мог. А потом завернул в бумагу, в которой раньше был наш завтрак, в чемодан сначала наложил сухой хвои — и поверх костюма тоже насыпал хвои.

— И когда вы его потом вынули, никаких пятен от сырости в чемодане не осталось, вы не заметили?

— Нет, сэр, кажется, не осталось.

— Но вы не уверены?

— Теперь, когда вы спрашиваете, не вполне уверен.

— Ну, я это завтра сам увижу. Теперь насчет синяков у нее на лице. Вы никому не признавались, что ударили ее чем-нибудь?

— Нет, сэр.

— А рана у нее на голове — это действительно ее ударило бортом лодки, как вы говорили?

— Да, сэр.

— Но все остальные, по-вашему, могут быть следами удара фотографическим аппаратом?

— Да, сэр, думаю, что так.

— Ну, вот что.— Джефсон снова обратился к Белнепу: — Я полагаю, в свое время мы смело сможем сказать, что эти синяки и ссадины вовсе не его рук дело, а просто следы крюков и багров, которыми шарили по дну, когда старались ее найти,— понимаете? Во всяком случае, можно попробовать эту версию. Ну, а если крюки и багры не виноваты,— прибавил он довольно хмуро и сухо,— тогда, конечно, тело неосторожно перевозили от озера к станции и потом по железной дороге.

— Да, я думаю, Мейсону не так-то просто будет доказать, что следы ушибов появились не от этого,— ответил Белнеп.

— А что касается штатива, нужно будет вырыть тело из могилы и самим сделать все измерения, и толщину борта лодки тоже надо измерить. В конце концов, Мейсону будет нелегко использовать в своих интересах этот штатив, хоть он и держит его в руках.

При этих словах глаза Джефсона сузились и стали особенно светлыми и голубыми. В его голове и во всей его худощавой фигуре было что-то от хорька. И Клайду, который почтительно за ними наблюдал, слушая их разговор, казалось, что именно этот младший из юристов может ему помочь. Он так проницателен и практичен, так прямолинеен, холоден и равнодушен — и, однако, внушает доверие к себе, совсем как мощная машина, производящая энергию.

Когда же наконец эти двое собрались уходить, Клайд огор-

чился: пока они были рядом и обдумывали всевозможные ухищрения и планы его спасения, он чувствовал себя гораздо спокойнее и сильнее, больше надеялся и больше верил, что, может быть, когда-нибудь, хоть и не скоро, выйдет на свободу.

ГЛАВА XVI

В конце концов после всех переговоров было решено, что, пожалуй, всего легче и вернее,— если только ликургские Грифитсы на это согласятся,— построить защиту, ссылаясь на невменяемость или приступ помешательства, на временное психическое расстройство, вызванное любовью Клайда к Сондре Финчли и страхом, что Роберта разрушит все его мечты и надежды на блестящее будущее. Но после того как защитники посовещались с Кетчуменом и Брукхартом в Ликурге, а те, в свою очередь, побеседовали с Сэмюэлом и Гилбертом Грифитсами, этот план был отвергнут. Чтобы установить невменяемость или временное помешательство, требовалось подобрать свидетелей, которые показали бы, что Клайд всегда обладал не слишком здравым рассудком и всю жизнь был неуравновешен; понадобилось бы подтвердить его странности наглядными примерами; его родственникам (в том числе, быть может, и самим ликургским Грифитсам) пришлось бы подтверждать это под присягой. Словом, тут требовалась прямая ложь и клятвопреступление со стороны многих свидетелей, и при этом мог быть запятнан весь род Грифитсов. Понятно, что ни Сэмюэл, ни Гилберт ничего подобного не желали. И Брукхарт должен был заявить Белнепу, что от этого способа защиты придется отказаться.

Таким образом, Белнепу и Джефсону снова пришлось сидеть друг против друга и размышлять. Ибо всякий другой способ защиты, какой приходил им в голову, казался сейчас совершенно безнадежным.

— Вот что я вам скажу,— заметил упрямец Джефсон, заново перелистав письма Роберты и Сондры.— Письма этой Олден — самое серьезное из всего, с чем нам придется иметь дело на суде. Стоит только их как следует прочесть, и наверняка заплачут какие угодно присяжные, а если после них станут читать письма второй девушки, это будет просто катастрофа. Я думаю, лучше нам вовсе не упоминать о переписке с мисс Финчли, если Мейсон промолчит о ней. Это только создало бы впечатление, что он убил Роберту Олден, чтобы от нее избавиться. Мейсону это было бы очень на руку, как я понимаю.

И Белнеп от души с ним согласился.

Однако нужно было немедля изобрести какой-то план защиты. И вот наконец, после нескольких совещаний, Джефсон (считавший, что на этом процессе вполне можно сделать карьеру) пришел к следующему выводу: наиболее надежный способ защиты, которому не будут противоречить самые подозрительные и странные поступки Клайда, один: утверждать, что Клайд никогда и не замышлял убийства. Наоборот, будучи если не физически, то морально трусом (на это указывает вся история, рассказанная им самим), он боялся, что может быть разоблачен и изгнан из Ликурга и из сердца Сондры, и в то же время надеялся, что Роберта, которой он никогда не говорил о Сондре, узнав о его безмерной любви к этой девушке, возможно, его отпустит. И потому он наспех, без всякого злого умысла, решил убедить Роберту поехать с ним куда-нибудь за город (но совсем не обязательно на Луговое озеро или на озеро Большой Выпи), для того чтобы рассказать ей все и получить свободу; и, конечно, он собирался предложить ей посильную для него денежную поддержку на предстоящий трудный период ее жизни.

— Все это прекрасно,— заметил Белнеп,— но ведь тут подразумевается его отказ жениться на ней, не так ли? Какие присяжные посочувствуют ему в этом и поверят, что он не хотел ее убить?

— Погодите, погодите,— ответил Джефсон не без раздражения,— все это, конечно, так. Но ведь вы не дослушали до конца. Говорю вам, у меня есть план.

— Ну-ну, какой же? — с интересом спросил Белнеп.

— Сейчас объясню. Мой план — оставить все факты так, как они есть: как о них рассказал Клайд и как их рисует Мейсон,— разумеется, кроме того, что Клайд ее ударил. И затем объяснить все это — письма, кровоподтеки, чемодан, две шляпы — все, никоим образом ничего не отрицая.

Тут он замолчал, нетерпеливо провел длинной, узкой рукой, покрытой веснушками, по своим светлым волосам и взглянул через площадь на тюрьму, где находился Клайд, а затем снова на Белнепа.

— Прекрасно, но как это сделать? — спросил Белнеп.

— Другого выхода нет, вот что,— продолжал Джефсон, словно обращаясь к самому себе и не замечая своего старшего коллеги.— И я думаю, это может выйти.— Он снова обернулся к окну и, казалось, говорил теперь с кем-то, стоящим на улице.— Понимаете, он едет туда, потому что напуган и потому что необходимо что-то предпринять, иначе ему грозит разобла-

чение. И записывается в гостиницах под чужими именами, потому что боится, как бы в Ликурге не стало известно об этом путешествии. И собирается признаться ей, что любит другую. Но...— Джефсон чуть помолчал и пристально посмотрел на Белнепа,— и это важнейшая наша опора, если она не выдержит, нам крышка! Слушайте! Он едет туда с нею, перепуганный, не затем, чтобы жениться на ней или убить ее, а затем, чтобы уговорить ее дать ему свободу. Но тут он видит, какая она больная, измученная, печальная,— ну, вы же знаете, она все еще очень любит его, и он проводит с нею две ночи, понятно?

— Да, понимаю,— вставил Белнеп с любопытством и на этот раз уже с меньшим сомнением.— И это, пожалуй, может объяснить, почему он провел с ней эти ночи.

— Пожалуй? Безусловно, объяснит! — насмешливо и спокойно ответил Джефсон; его бледно-голубые глаза выражали одну только холодную, напористую, практическую логику — и ни тени волнения или хоть какого-то сочувствия.— Ну-с, и пока он был там с нею в таких условиях... в условиях, понимаете ли, такой близости (выражение лица Джефсона ничуть не изменилось при этих словах), в его душе произошел перелом. Вы улавливаете мою мысль? Ему жаль ее. Ему стыдно за себя — ведь он грешен перед нею. На нашу публику, на всех этих набожных и добропорядочных провинциалов, это должно подействовать, правда?

— Возможно,— негромко подтвердил Белнеп; теперь он был очень заинтересован, и у него появилась некоторая надежда на успех.

— Он понимает, что поступил с ней дурно,— продолжал Джефсон, поглощенный своим планом, как паук, ткущий паутину,— и, несмотря на всю свою привязанность к другой девушке, он готов теперь искупить свою вину перед этой мисс Олден, потому что ему жаль ее и стыдно за себя, понимаете? Это снимает с него обвинение, что он замышлял убить ее, проводя с нею ночи в Утике и на Луговом озере.

— Но он все-таки любит ту, другую? — переспросил Белнеп.

— Ну конечно. Во всяком случае, она ему очень нравится, и вообще, когда он попал в светское общество, это вскружило ему голову, он совсем преобразился, почувствовал себя другим человеком. Но теперь он готов жениться на Роберте — в том случае, если она все-таки пожелает стать его женой даже после того, как он признается ей, что любит другую.

— Понимаю. Но как же все-таки быть с лодкой, с чемода-

ном и с тем фактом, что он после всего поехал к этой Финчли? — спросил Белнеп.

— Минуточку, минуточку! Сейчас я вам все растолкую,— продолжал Джефсон, сверля пространство взглядом голубых глаз, словно мощным лучом прожектора.— Разумеется, он поехал с нею на лодке, разумеется, взял с собою этот чемодан и записался в гостиницах под вымышленными именами и пошел лесом к другой девушке, после того как Роберта утонула. Но почему? Почему? Хотите знать, почему он это сделал? Я вам скажу! Он почувствовал жалость к ней, понимаете ли, и хотел на ней жениться, или, по крайней мере, в последнюю минуту захотел искупить свою вину перед нею. Но запомните, все это не прежде, а после того, как он провел с нею ночь в Утике и другую — на Луговом озере. Но когда она утонула,— конечно, только случайно, как он и говорит,— тогда в нем опять заговорила любовь к той, другой девушке. Да он и не переставал ее любить даже тогда, когда собирался пожертвовать ею, чтобы искупить свою вину перед Робертой. Понимаете?

— Понимаю.

— А как они докажут, что он не испытал такого душевного переворота, если он заявит, что испытал, и будет твердо стоять на своем?

— Да, но ему придется рассказать эту историю очень убедительно,— сказал несколько озабоченный Белнеп.— А как быть с двумя шляпами? Их тоже придется как-то объяснить.

— Сейчас дойдет дело и до шляп. Его шляпа немного запачкалась. Поэтому он решил купить другую. А насчет того, что он сказал Мейсону, будто на нем была кепка,— ну, просто он перепугался и соврал, думая, что так он скорее выпутается. Ну и, конечно, до того как он уходит к другой девушке,— то есть пока Роберта еще жива,— остаются его отношения к той, второй, и его намерения на ее счет. Понимаете, у него происходит объяснение с Робертой, и это надо как-то обыграть. Но, по-моему, это несложно: ведь после того как в его душе происходит переворот и он хочет поступить с Робертой по-честному, ему остается просто написать другой девушке или пойти к ней и сказать о том, как он виноват перед Робертой.

— Так.

— Я теперь вижу, что о ней все-таки нельзя совершенно умолчать в этом деле. Боюсь, придется ее потревожить.

— Раз надо, так потревожим,— сказал Белнеп.

— Понимаете ли, Роберта все же считает, что он должен на ней жениться; значит, он должен сперва поехать к этой Финч-

ли и сказать, что не может на ней жениться, так как уходит к Роберте... Это все в том случае, если Роберта не возражает, чтобы он на некоторое время ее оставил, понимаете?

— Так.

— А если она этого не захочет, он обвенчается с нею — в Бухте Третьей мили или где-нибудь еще.

— Так.

— Но не забудьте, пока она жива, он растерян и подавлен. И только после второй ночи на Луговом озере он начинает понимать, как скверно поступал с нею, ясно? Между ними что-то происходит. Может быть, она плачет или говорит ему о том, что хочет умереть,— знаете, вроде того, как в письмах.

— Так.

— И вот у него является желание поехать с нею в какое-нибудь тихое местечко, где они могли бы спокойно поговорить, чтобы никто их не видел и не слышал.

— Так, так... продолжайте.

— Ну вот, и он вспоминает об озере Большой Выпи. Он как-то раньше там был, или просто они оказались неподалеку оттуда. А там рядом, всего в двенадцати милях, Бухта Третьей мили, где они смогут обвенчаться, если порешат на этом.

— Понимаю.

— А если нет, если, выслушав его исповедь, она не захочет выйти за него замуж, он может отвезти ее назад в гостиницу, верно? И, может быть, один из них останется там на время, а другой сразу уедет.

— Так, так.

— А кстати, чтобы не терять время и не застревать в гостинице — ведь это довольно дорого, знаете, а у него не так уж много денег,— он захватывает с собой в чемодане завтрак. И фотографический аппарат тоже, потому что хочет сделать несколько снимков. Понимаете, если Мейсон сунется с этим аппаратом, надо будет как-то объяснить его существование,— так лучше, чтобы объясняли мы, а не он, верно?

— Понимаю, понимаю! — воскликнул Белнеп; теперь он был живо заинтересован, улыбался и даже стал потирать руки.

— И вот они отправляются на прогулку.

— Так.

— И катаются по озеру.

— Так.

— И, наконец, они позавтракали на берегу, он сделал несколько снимков...

— Так.

И он решается рассказать ей всю правду. Он полон готовности...

— Понимаю.

— Но прежде чем заговорить, он хочет еще раз или два снять ее в лодке, около берега.

— Так.

— А потом он ей скажет, понимаете?

— Так.

— И они опять ненадолго отплывают от берега,— так ведь и было, понимаете?

— Да.

— Но так как они собирались еще вернуться, чтобы нарвать цветов, то он оставляет на берегу свой чемодан, понимаете? Это объясняет историю с чемоданом.

— Так.

— Однако, прежде чем фотографировать ее в лодке, он начинает говорить ей о своей любви к другой девушке и о том, что, если Роберта хочет, он все-таки обвенчается с ней, а этой Сондре напишет письмо. Но если теперь, узнав о его любви к другой девушке, она не пожелает выйти за него замуж...

— Так, так! Дальше! — оживленно поторопил Белнеп.

— Ну, тогда,— продолжал Джефсон,— он сделает все возможное, чтобы позаботиться о ней и поддержать ее,— ведь после женитьбы на богатой девушке у него будут деньги.

— Так.

— Ну, и она хочет, чтобы он женился на ней и расстался с мисс Финчли.

— Понимаю.

— И он соглашается.

— Конечно!

— А она так благодарна, что в волнении вскакивает и бросается к нему, понимаете?

— Так!

— И тут лодка накреняется немного, и он вскакивает, чтобы поддержать Роберту, потому что боится, как бы она не упала, понимаете?

— Да, да.

— Ну, теперь в нашей воле оставить у него в руках фотографический аппарат или не оставлять,— это как вы найдете удобным.

— Да, теперь мне ясно.

— Словом, с аппаратом ли, нет ли, он — или, может быть, она — делает какое-то неосторожное движение, именно так, как

он рассказывает,— или просто из-за того, что они оба встали,— тут лодка переворачивается, и он наносит Роберте удар или нет — это как вам угодно,— но, если да, то, конечно, нечаянно.

— Понимаю, понимаю, черт возьми! — воскликнул Белнеп.— Прекрасно, Рубен! Великолепно! Просто замечательно!

— И борт лодки ударяет ее, и его тоже — слегка, понимаете? — продолжал Джефсон, поглощенный своим хитроумным планом; он не обратил никакого внимания на этот взрыв восторга.— Удар слегка оглушает его.

— Понимаю.

— Он слышит ее крики и видит ее, но он сам немного оглушен, понимаете? А когда он приходит в себя и готов ей помочь...

— Ее уже нет,— спокойно заключил Белнеп.— Утонула. Понимаю.

— А тут все эти подозрительные обстоятельства, фальшивые записи... А она уже погибла, и он все равно больше ничего не может для нее сделать... И вы понимаете, ее родным едва ли будет приятно узнать, в каком положении она была...

— Ясно.

— И поэтому он в испуге удирает. Он ведь по природе своей трус — мы это будем доказывать с самого начала. Он непременно хочет сохранить хорошие отношения с дядей и свое положение в обществе. Разве этим нельзя все объяснить?

— По-моему, это очень недурно все объясняет. В самом деле, Рубен, я думаю, что это очень удачное объяснение, и поздравляю вас. Вряд ли можно надеяться найти что-нибудь лучшее. Если это не приведет к оправданию или к разногласиям среди присяжных, то в крайнем случае он получит, скажем, двадцать лет,— как вы думаете? — Очень довольный, Белнеп встал и, посмотрев с восхищением на своего длинного и тощего коллегу, прибавил: — Великолепно!

А Джефсон только невозмутимо смотрел на него голубыми глазами, похожими на зеркальные тихие омуты.

— Но вы, разумеется, понимаете, что это означает? — сказал он спокойно и мягко.

— Что он должен будет давать показания под присягой, как свидетель? Конечно, конечно. Прекрасно понимаю. Но это его единственный шанс.

— Боюсь, что он покажется не очень серьезным и уверенным в себе свидетелем. Он чересчур нервный и чувствительный.

— Да, знаю,— быстро сказал Белнеп.— Его легко запугать. А Мейсон будет наскакивать на него, как бешеный бык. Но мы

подготовим его к этому, как следует натаскаем. Заставим его понять, что это для него единственная возможность спастись, что от этого зависит его жизнь. Будем натаскивать его все эти месяцы.

— Если он не сумеет этого проделать, он погиб. Если бы только мы могли как-то придать ему храбрости, обучить его вести себя как надо! — Пред устремленным куда-то в пространство взором Джефсона, казалось, предстал зал суда и на свидетельском месте — Клайд лицом к лицу с Мейсоном. Затем Джефсон взял письма Роберты (точнее, копии, переданные Мейсоном).— Если бы только не это! — сказал он, взвешивая их на ладони, и закончил мрачно: — Проклятие! Вот дело! Но мы еще не разбиты, ничего подобного! Мы еще и не начинали бороться! И, уж во всяком случае, это принесет нам известность. Да, кстати,— прибавил он,— один мой знакомый паренек сегодня ночью попробует отыскать в озере Большой Выпи утонувший аппарат. Пожелайте мне удачи.

— Как не пожелать! — только и ответил Белнеп.

ГЛАВА XVII

Сколько борьбы и волнений вызывает дело об убийстве! Брукхарт и Кетчумен заявили Белнепу и Джефсону, что считают план Джефсона «пожалуй, единственным выходом из положения», но что при этом следует возможно меньше ссылаться на Грифитсов.

И сейчас же господа Белнеп и Джефсон передали в печать предварительное сообщение, составленное в таком духе, чтобы показать, что они уверены в невиновности Клайда: в действительности он — жертва клеветы, и его совершенно неправильно поняли, ибо намерения и поступки этого юноши в отношении мисс Олден столь же отличаются от всего, что приписывает ему Мейсон, как белое от черного. Был тут и намек на то, что неподобающая торопливость прокурора, настаивающего на чрезвычайной сессии Верховного суда, возможно, вызвана соображениями скорее политического, нежели чисто юридического порядка. Иначе к чему такая спешка? Особенно теперь, когда в округе приближаются выборы? Уж не намерены ли некоторые лица или группа лиц воспользоваться результатами этого процесса в интересах собственного политического честолюбия? Господа Белнеп и Джефсон надеются, что это не так.

Но каковы бы ни были планы, предубеждения или политические стремления какого-либо отдельного лица или группы лиц, защита не намерена допустить, чтобы невинный юноша, оказавшийся (адвокаты это докажут) жертвой несчастного стечения обстоятельств, был спешно отправлен на электрический стул только ради победы республиканской партии на ноябрьских выборах. Для того чтобы разоблачить это странное и притом порождающее ложные выводы стечение обстоятельств, защитникам необходимо длительное время. Поэтому они вынуждены будут официально опротестовать в Олбани ходатайство прокурора перед губернатором штата о созыве чрезвычайной сессии Верховного суда. Притом такая экстренность вовсе ни к чему, поскольку очередная сессия по разбору такого рода дел должна состояться в январе, а подготовка материалов по данному делу потребует не меньшего срока.

Это энергичное, хотя и несколько запоздалое заявление было выслушано с должной серьезностью представителями прессы; но Мейсон весьма пренебрежительно отнесся к «легковесному» утверждению защиты насчет политических интриг, так же как и к разговорам о невиновности Клайда.

«С какой стати я, представитель населения целого округа, стал бы куда-либо отправлять этого человека или предъявлять ему хоть одно обвинение, если бы обвинения не возникали сами собою? Разве не очевидно, что он убил девушку? И разве он сумел сказать или сделать что-нибудь такое, что разъяснило бы хоть одно из подозрительных обстоятельств дела? Нет! Молчание или ложь. И покуда эти обстоятельства не опровергнуты высоко компетентными господами защитниками, я твердо намерен продолжать то, что начал. У меня в руках уже есть все необходимые улики, доказывающие виновность молодого преступника. И отсрочка до января, когда, как им известно, истечет срок моих полномочий и новому человеку придется изучать с самого начала все материалы, с которыми я уже полностью ознакомился, повлечет за собою огромные расходы для округа. Ведь все собранные мною по этому делу свидетели сейчас под рукой, их нетрудно без особых затрат доставить в Бриджбург. А где они будут в январе или в феврале, особенно после того как защита приложит все старания к тому, чтобы они разъехались? Нет, господа! Я не согласен. Но если в ближайшие десять или даже пятнадцать дней они сумеют представить мне какие-либо данные, хотя бы косвенно указывающие на ошибочность хоть некоторых из моих обвинений, тогда я готов пойти вместе с ними к председателю суда,— и если они могут сообщить ему

о каких-то доказательствах, которые они получили или рассчитывают получить, или о каких-то известных им свидетелях, которых нужно вызвать издалека и которые могут подтвердить невиновность этого малого,— что ж, прекрасно! Я охотно попрошу судью предоставить им столько времени, сколько он сочтет нужным, даже если из-за этого процесс должен будет состояться тогда, когда мои полномочия уже окончатся. Но если он состоится раньше, а я искренне на это надеюсь, то я вложу в обвинение все свои силы и способности,— не потому, что я добиваюсь какой-либо государственной должности, но потому, что сейчас я окружной прокурор и это мой долг. Что же касается моей политической карьеры,— ну, а мистер Белнеп разве не пытается сделать политическую карьеру? Он состязался со мною на прошлых выборах и, как я слышал, хочет проделать это снова».

В полном соответствии с этим своим заявлением Мейсон отправился в Олбани, чтобы убедить губернатора штата, что необходимо созвать чрезвычайную сессию и предать Клайда суду. И губернатор, выслушав доводы и Мейсона и Белнепа, решил вопрос в пользу Мейсона, поскольку разрешение на созыв чрезвычайной сессии не помешает в случае надобности отложить самый процесс и поскольку все, чем до сих пор оперировала защита, никак не указывало на то, что созыв чрезвычайной сессии воспрепятствует защите получить все отсрочки, необходимые ей для ведения процесса. И, кроме того, рассматривать подобного рода аргументы —дело не его, губернатора, а специально на то уполномоченного члена Верховного суда. Итак, было дано указание о созыве чрезвычайной сессии Верховного суда, председателем которой был назначен некий Фредерик Оберуолцер, судья одиннадцатого округа. Мейсон явился к нему, прося назначить день для созыва чрезвычайного заседания совета присяжных, согласно решению которого Клайд мог быть предан суду,— и это заседание было назначено на пятое августа.

А затем, когда совет присяжных собрался, со стороны Мейсона не потребовалось уже никаких усилий для того, чтобы было вынесено решение предать Клайда суду.

После этого Белнеп и Джефсон могли лишь явиться к Оберуолцеру, демократу, который был обязан своим назначением предыдущему губернатору, и добиваться от него перенесения судебного разбирательства в другой округ. Они доказывали, что, даже обладая самым смелым воображением, нельзя себе представить, чтобы в округе Катараки можно было найти двенадцать человек, которые, вследствие публичных и частных вы-

сказываний Мейсона, не относились бы к Клайду крайне враждебно и не были бы заранее убеждены в его виновности,— а значит, он, в сущности, будет осужден любым составом присяжных еще прежде, чем защита сможет сказать свое слово.

— Но куда же вы думаете перенести разбирательство? — спросил судья Оберуолцер, который был достаточно беспристрастен.— Одни и те же материалы были опубликованы повсюду.

— Но, ваша честь, это преступление, которое окружной прокурор так усердно преувеличивает... (Мейсон долго и с жаром протестует.)

— И все же мы утверждаем,— продолжал Белнеп,— что публику понапрасну волновали и вводили в заблуждение. Вы не найдете теперь и двенадцати человек, способных отнестись к обвиняемому беспристрастно.

— Какая чепуха! — с досадой воскликнул Мейсон.— Пустая болтовня! Да ведь газеты сами собрали и опубликовали больше материалов, чем я. Если тут и возникло какое-то предвзятое отношение, то оно вызвано именно опубликованием фактических данных по этому делу. И я утверждаю, что здесь это предубеждение не сильнее, чем в любом другом месте. К тому же, если суд будет перенесен в отдаленный округ, тогда как большинство свидетелей находится здесь, наш округ будет обременен непомерными издержками, которых он не может себе позволить и которые не оправдываются обстоятельствами.

Судья Оберуолцер, человек с трезвым умом и прочными нравственными устоями, медлительный и осторожный, предпочитал всегда и во всем соблюдать установленный порядок и склонен был согласиться с Мейсоном. И через пять дней,— все это время он, не спеша, обдумывал создавшееся положение,— он отклонил ходатайство защиты. Если он не прав, защита может подать апелляцию в высшие инстанции. А пока, назначив слушание дела на пятнадцатое октября (до тех пор, рассудил он, у защиты будет вполне достаточно времени, чтобы подготовиться), он отправился на остаток лета на свою дачу у озера Синих гор; представители обвинения и защиты всегда смогут найти его там, если возникнут какие-нибудь особо запутанные и сложные вопросы, которые нельзя будет разрешить без его личного участия.

Когда в дело Клайда вмешались господа Белнеп и Джефсон, Мейсон счел нужным удвоить усилия, чтобы по возможности наверняка обеспечить вынесение обвинительного приговора Клайду. Он опасался молодого Джефсона не меньше, чем Белнепа; поэтому, взяв с собою Бэртона Бэрлея и Эрла Нью-

кома, он еще раз побывал в Ликурге и там, помимо всего прочего, сумел выяснить: 1) где именно Клайд купил фотографический аппарат; 2) что за три дня до отъезда на озеро Большой Выпи он сказал миссис Пейтон о своем намерении взять с собой аппарат и купить для этого пленки; 3) что в Ликурге имеется торговец галантереей по имени Орин Шорт, который хорошо знает Клайда и к которому всего лишь четыре месяца назад Клайд обращался за советом в связи с беременностью жены одного рабочего, а также (это Шорт доверил, как величайшую тайну, откопавшему его Бэртону Бэрлею), что он, Шорт, рекомендовал Клайду некоего доктора Глена, живущего неподалеку от Гловерсвила; 4) когда разыскали самого доктора Глена и предъявили ему фотографии Клайда и Роберты, он смог опознать Роберту, но не Клайда, и припомнил, в каком настроении она к нему пришла и что именно рассказывала; этот рассказ ни в коей мере не бросал тени ни на Клайда, ни на нее, и потому Мейсон решил пока что им не заниматься. И, наконец, 5) благодаря тем же героическим усилиям на сцене появился тот самый торговец в Утике, у которого Клайд купил шляпу: он случайно наткнулся в газете на интервью, данное Бэрлеем во время пребывания в Утике, и, узнав Клайда, портрет которого помещен был тут же вместе с портретом Бэрлея, поспешил разыскать Мейсона, который в результате увез с собою его показания, отпечатанные на машинке и надлежащим образом заверенные.

Вдобавок, девушка, ехавшая на пароходе «Лебедь» и обратившая внимание на Клайда, припомнила и написала Мейсону, что Клайд был в соломенной шляпе и сошел на берег в Шейроне. Этими сведениями целиком подтверждались показания капитана «Лебедя», и Мейсон почувствовал, что провидение или судьба с ним заодно. И последним, но самым важным для Мейсона оказалось сообщение, полученное от одной жительницы Бедфорда (штат Пенсильвания): она писала, что они с мужем провели неделю, с третьего по десятое июля, на озере Большой Выпи — жили в палатке на восточном берегу озера, в южной его части. И вот восьмого июля, часов в шесть вечера, когда они катались на лодке, она услышала жалобный, печальный крик,— казалось, женщина или девушка взывала о помощи. Этот крик доносился откуда-то очень издалека, как будто из-за острова, расположенного к юго-западу от залива, где они ловили рыбу.

Мейсон решил умолчать об этом сообщении, так же как и об аппарате и пленках, и о проступке Клайда в Канзас-Сити, и скрывать эти данные, если удастся, до самого процесса,

когда защита уже не сумеет как-либо опровергнуть или смягчить их.

А Белнеп и Джефсон не могли придумать, что можно было бы еще сделать: оставалось только натаскивать Клайда, чтобы он сумел полностью отрицать свою вину, ссылаясь на душевный кризис, пережитый им по приезде на Луговое озеро; следовало также дать какие-то разъяснения по поводу двух шляп и чемодана. Правда, был еще костюм, брошенный в озеро близ дачи Крэнстонов, но после того, как там побывал некий весьма усердный рыболов, костюм был выужен, вычищен, выглажен и теперь висел в запертом шкафу в конторе Белнепа и Джефсона. Оставался еще и аппарат, попавший на дно озера Большой Выни, но все розыски его оказались безуспешными, и Джефсон сделал вывод, что аппаратом, должно быть, завладел Мейсон, а потому следует возможно раньше, при первом же удобном случае упомянуть о нем на суде. Но то обстоятельство, что Клайд, пусть нечаянно, ударил им Роберту, пока что решено было отрицать, хотя при вторичном обследовании тела — для чего пришлось извлечь его из могилы в Бильце — на лице покойной были обнаружены еще сохранившиеся следы, которые в какой-то мере соответствовали размерам и форме аппарата.

Начать с того, что Белнеп и Джефсон очень мало полагались на Клайда как на свидетеля. Сумеет ли он рассказать о том, как все это случилось, настолько откровенно, с такой силой и искренностью, чтобы убедить присяжных, что он ударил Роберту, совсем того не желая? Ведь именно от этого зависит, поверят ли ему присяжные, все равно, есть ли следы удара или нет. А если не поверят, что удар был неумышленным, значит — наверняка обвинительный приговор.

Итак, они готовились к процессу, а пока что старались исподволь подобрать благоприятные сведения и показания насчет прежнего поведения Клайда. Но им изрядно мешало то обстоятельство, что в Ликурге, разыгрывая роль примерного юноши, он на самом деле вел себя совсем не примерно и что его первые шаги на деловом поприще в Канзас-Сити окончились скандалом.

Было и еще одно очень серьезное осложнение,— это понимали как Белнеп и Джефсон, так и прокурор: за все время, пока Клайд сидел в тюрьме, ни один человек из его семьи или семьи его дяди не явился, чтобы вступиться за него, и сам он никому, кроме Белнепа и Джефсона, не говорил, где живут его родители. Но ведь, если вообще возможно отстоять и обелить Клайда, крайне важно было бы,— об этом не раз толковали Белнеп

и Джефсон,— чтобы его мать, или отец, или хотя бы сестра или брат замолвили за него словечко! Иначе сложится впечатление, что он всегда был паршивой овцой, никчемным созданием, и потому все, кто его знал, теперь сознательно его избегают.

Поэтому, совещаясь с Дарра Брукхартом, адвокаты заговорили о родителях Клайда и узнали, что ликургские Грифитсы решительно возражают против появления на сцене кого-либо из их западных родичей. Две ветви этой семьи,— пояснил Брукхарт,— принадлежат к совершенно разным слоям общества, их разделяет глубокая пропасть, и ликургским Грифитсам были бы весьма неприятны всякие разговоры на этот счет. Кроме того, нельзя ручаться, что, попав в Ликург, родители Клайда не окажутся игрушкой в руках желтой прессы. Брукхарт сообщил Белнепу, что, по мнению Сэмюэла и Гилберта Грифитсов, самое лучшее (если Клайд не возражает) оставить его ближайших родственников в тени. В сущности, от этого в какой-то мере будет зависеть их материальная помощь Клайду.

Клайд разделял желание Грифитсов, хотя все, кто часто с ним разговаривал и слышал, как он жалеет о случившемся, потому что это удар для матери, не сомневались, что он связан с матерью узами горячей любви. Истина заключалась в том, что Клайда теперь мучили страх и стыд перед матерью: как она отнесется к положению, в котором он очутился, к его нравственному, если не общественному падению? Поверит ли она выдумке Белнепа и Джефсона о нравственном перевороте, который он будто бы пережил? Но даже помимо этого,— подумать только, что она придет сюда и посмотрит на него, такого жалкого, сквозь эти железные прутья, и надо будет выдержать ее взгляд, и придется разговаривать с нею изо дня в день! Ох, уж эти ясные, вопрошающие, измученные глаза! И она будет сомневаться в его невиновности,— ведь вот даже Белнеп и Джефсон, хоть и составляют всякие планы для его защиты, все-таки сомневаются, действительно ли он ударил Роберту нечаянно, а не намеренно. Они не совсем этому верят и, пожалуй, так и скажут матери. Так неужели его набожная, богобоязненная, ненавидящая всякое злодеяние мать поверит ему больше, чем они?

И когда Клайда снова спросили, следует ли, по его мнению, вызывать его родителей, он ответил, что пока ему лучше не видеться с матерью — это бесполезно и будет только мучительно для обоих.

К счастью, думал он, никакие сведения обо всем, что с ним случилось, по-видимому, еще не дошли до его родных в Денвере. В силу их особых религиозных и моральных воззрений, мирские, исполненные разврата газеты никогда не допускались в их дом и миссию. А ликургские Грифитсы не желали им ничего сообщать.

Но однажды вечером (примерно в то время, когда Белнеп и Джефсон весьма серьезно обсуждали вопрос об отсутствии родителей Клайда и о том, не следует ли что-то предпринять на этот счет) Эста, которая вскоре после переезда Клайда в Ликург вышла замуж и жила в юго-восточной части Денвера, случайно прочитала в «Роки маунтейн ньюс» следующую заметку, напечатанную сразу после того, как совет присяжных в Бриджбурге решил, что дело Клайда должно быть передано в суд:

«УБИЙЦА РАБОТНИЦЫ ПРЕДАН СУДУ

Бриджбург, штат Нью-Йорк, 8 августа. Состоялось экстренное заседание совета присяжных, назначенное губернатором Стаудербеком для рассмотрения дела Клайда Грифитса, племянника богатого фабриканта воротничков в Ликурге (штат Нью-Йорк), носящего ту же фамилию. Клайд Грифитс был недавно обвинен в убийстве мисс Роберты Олден из Бильца (штат Нью-Йорк), совершенном на озере Большой Выпи в Адирондакских горах 8 июля сего года. Сегодня совет присяжных подтвердил обвинительное заключение по делу Клайда Грифитса, обвиняемого в убийстве с заранее обдуманным намерением.

В соответствии с этим решением Грифитс, упорно утверждающий, несмотря на почти неоспоримые улики, что предполагаемое убийство было фактически несчастным случаем, в сопровождении своих адвокатов Элвина Белнепа и Рубена Джефсона предстал перед судьей Верховного суда Оберуолцером и заявил, что он невиновен. Он оставлен под стражей до суда, который назначен на 15 октября.

Грифитсу всего 22 года; вплоть до дня ареста он был признанным членом ликургского высшего света. Предполагают, что он оглушил и затем утопил свою возлюбленную, молодую работницу, которую он обольстил и затем собирался оставить ради девушки со средствами. Защитники по этому делу приглашены богатым дядей обвиняемого, фабрикантом из Ликурга, который до сих пор держится в стороне. Помимо этого, как здесь утверждают, никто из родных не выступил в его защиту».

Эста тотчас бросилась к матери. Несмотря на точность и ясность этого сообщения, она не хотела верить, что речь идет о Клайде. И все же в упоминании о месте происшествия и в именах была роковая, неопровержимая правда: богатые Грифитсы из Ликурга, отсутствие родных.

Через несколько минут, потребовавшихся на то, чтобы проехать на трамвае, она уже была в доме на Бидуэл-стрит, где находились меблированные комнаты и миссия, известная под названием «Звезда упования»; вряд ли эта миссия была много лучше той, что существовала прежде в Канзас-Сити. Правда, здесь было довольно много комнат, где приезжие за двадцать пять центов находили приют на ночь (считалось, что таким образом окупается содержание дома),— однако все это требовало большого труда и приносило очень мало дохода. К тому же Фрэнк и Джулия, которым уже давно опостылело тоскливое однообразие окружающего, теперь всерьез старались освободиться от всего этого и всю тяжесть работы в миссии переложили на плечи отца и матери. Джулия, которой уже минуло девятнадцать лет, служила кассиршей в ресторане, а Фрэнк — ему скоро должно было исполниться семнадцать — нашел недавно работу в фруктово-овощном магазине. Теперь в доме оставался днем только один из детей — незаконный сын Эсты, маленький Рассел (ему шел четвертый год); дедушка с бабушкой из осторожности выдавали его за сироту, усыновленного ими в Канзас-Сити. Это был темноволосый мальчик, несколько напоминавший Клайда, и уже в столь раннем возрасте его, как прежде Клайда, обучали всем основным истинам, которые так раздражали Клайда в пору его детства.

Когда пришла Эста (ныне очень скромная и степенная замужняя женщина), миссис Грифитс была занята уборкой: подметала, вытирала пыль, приводила в порядок постели. Но, взглянув на бледную, растерянную дочь, которая явилась в необычный час и кивком позвала мать в соседнюю пустующую комнату, миссис Грифитс, за годы всевозможных испытаний более или менее привыкшая к подобным неожиданностям, прервала работу, и глаза ее внезапно затуманились предчувствием недоброго. Что за новая беда грозит им всем? Ибо робкие серые глаза Эсты и весь ее вид предвещали несчастье. Развернув газету, которую она держала в руках, и с тревожной заботой глядя на мать, Эста указала на заметку. Миссис Грифитс стала просматривать газетные строки. Но что это?

«УБИЙЦА РАБОТНИЦЫ ПРЕДАН СУДУ»

«ОБВИНЕН В УБИЙСТВЕ МИСС РОБЕРТЫ ОЛДЕН...
НА ОЗЕРЕ БОЛЬШОЙ ВЫПИ, В АДИРОНДАКСКИХ ГОРАХ,
8 ИЮЛЯ СЕГО ГОДА»

«ОБВИНЯЕМОГО В УБИЙСТВЕ С ЗАРАНЕЕ ОБДУМАННЫМ
НАМЕРЕНИЕМ»

«НЕСМОТРЯ НА ПОЧТИ НЕОСПОРИМЫЕ УЛИКИ, ЗАЯВИЛ,
ЧТО ОН НЕВИНОВЕН»

«ОСТАВЛЕН ПОД СТРАЖЕЙ ДО СУДА,
КОТОРЫЙ НАЗНАЧЕН НА 15 ОКТЯБРЯ»

«ОГЛУШИЛ И ЗАТЕМ УТОПИЛ СВОЮ ВОЗЛЮБЛЕННУЮ»

«НИКТО ИЗ РОДНЫХ НЕ ВЫСТУПИЛ В ЕГО ЗАЩИТУ»

Так ее глаза и мозг автоматически выхватывали важнейшие строки. И снова так же быстро пробегали по ним:

«КЛАЙД ГРИФИТС, ПЛЕМЯННИК БОГАТОГО ФАБРИКАНТА
ВОРОТНИЧКОВ В ЛИКУРГЕ (ШТАТ НЬЮ-ЙОРК)»

Клайд, ее сын! А только недавно,— нет, уже больше месяца (они с Эйсой даже стали беспокоиться, что он не...)... восьмого июля! А сегодня одиннадцатое августа! Значит — да! Но нет, это не ее сын! Невозможно! Клайд — убийца девушки, которая была его возлюбленной! Но он совсем не такой! Он писал ей, что делает успехи: он — заведующий большим отделением на фабрике, у него прекрасное будущее. Но ни слова ни о какой девушке! И вдруг! Да, но была же та девочка в Канзас-Сити... Боже милостивый! И Грифитсы в Ликурге, брат ее мужа,— они знают все и не написали! Конечно, это стыд и отвращение. Или равнодушие. Хотя нет, ведь Сэмюэл пригласил двух адвокатов. Но какой ужас! Эйса! Другие дети! Что будет в газетах! А миссия! Придется снова бросить все и уехать куда-нибудь в другой город. Однако виновен он или нет? Она должна это знать, прежде чем осудить его. В газете говорится, что он не признал себя виновным. О, этот мерзкий, грешный, блестящий отель в Канзас-Сити! Эти испорченные юноши — друзья Клайда. Эти два года, когда он блуждал неизвестно где, не писал родителям, жил под именем Гарри Тенета! Что он делал? Чему учился?

Она стояла неподвижно, преисполненная безмерного страдания и ужаса, от которых ее в эту минуту не могла защитить даже вера в откровение и утешение, в божественные истины и божественное милосердие и спасение,— вера, которую она всегда проповедовала. Ее мальчик! Ее Клайд! В тюрьме, обвиняемый в убийстве! Она должна телеграфировать, написать,

может быть, поехать туда. Но как достать денег? И что делать там, когда она приедет? Где взять мужество и веру, чтобы все это вынести? И опять-таки: ни Эйса, ни Фрэнк, ни Джулия не должны знать. Эйса с его воинствующей и все же как бы бессильной верой, с усталыми глазами и слабеющим телом... И почему Фрэнк и Джулия, едва вступающие в жизнь, должны нести на себе такое бремя, такое клеймо?

Боже милостивый! Неужели ее несчастья никогда не кончатся?

Она обернулась: большие, огрубевшие от работы руки ее слегка дрожали, и в них дрожала газета. Эста стояла рядом; она в последнее время особенно сочувствовала матери, понимая, как много тяжелого ей пришлось пережить. Мать порою казалась такой усталой, а теперь еще этот удар! Однако Эста знала, что мать сильнее всех в семье — такая крепкая, широкоплечая, смелая; пусть на свой лад — упрямая, негибкая,— она все же настоящий кормчий душ.

— Мама, я просто не могу поверить, что это Клайд! — только и сумела сказать Эста.— Это просто невозможно, правда?

Но миссис Грифитс все смотрела на зловещий газетный заголовок, потом быстро обвела своими серо-голубыми глазами комнату. Широкое лицо ее побледнело, словно облагороженное безмерным напряжением и безмерным страданием. Ее грешный, заблудший и, конечно, несчастный сын так безумно мечтал выдвинуться, сделать карьеру,— и вот ему грозит смерть, казнь на электрическом стуле за преступление, за убийство! Он убил кого-то,— бедную работницу, говорится в газете.

— Шш!..— прошептала она, многозначительно приложив палец к губам.— Он (это значило — Эйса) пока не должен знать. Нужно прежде всего телеграфировать или написать. Пусть ответят на твой адрес. Я дам тебе денег. Но теперь я должна присесть на минутку. Я чувствую себя немного слабой. Я сяду здесь. Дай мне Библию.

Миссис Грифитс присела на край простой железной кровати, взяла со столика Библию и инстинктивно раскрыла ее на псалмах 3 и 4.

«Господи, как умножились враги мои».

«Когда я взываю, услышь меня, боже правды моей».

И затем про себя, внешне даже спокойно, она прочитала 6, 8, 10, 13, 23, 91 псалмы, а Эста стояла рядом в безмолвном и горестном удивлении.

— О мама, я не могу этому поверить! Это так ужасно!

Но миссис Грифитс продолжала читать. Казалось, она наперекор всему сумела укрыться в каком-то тихом пристанище, где хотя бы в эти минуты ничто человеческое, злое и греховное не могло ее настигнуть. Наконец она совершенно спокойно закрыла книгу и поднялась.

— Теперь мы должны подумать, что написать в телеграмме и кому ее послать. Я хочу сказать, Клайду, конечно... в этот... как его... в Бриджбург,— прибавила она, заглянув в газету, и тут же процитировала из Библии: «Страшный в правосудии, услышь нас, боже».— Или, может быть, этим двум адвокатам, тут есть их имена. Я боюсь телеграфировать брату Эйсы, он может ответить прямо отцу. («Ты — оплот мой и сила моя. На тебя уповаю».) Но, я думаю, ему передадут телеграмму, если послать ее на имя судьи или этих адвокатов, как по-твоему? Нет, пожалуй, пошлем лучше прямо Клайду. («Он водит меня к водам тихим».) Нужно просто написать, что я прочла о нем в газете, и все же любовь моя с ним, и я верю в него, но он должен сказать мне всю правду и написать, что́ мы должны делать. Если ему нужны деньги, надо будет подумать, как их достать. («Он подкрепляет душу мою».)

И тут, утратив кратковременное внешнее спокойствие, она вновь стала ломать свои большие огрубевшие руки.

— Нет, этого не может быть. Боже мой, нет! Ведь он мой сын. Все мы любим его и верим в него. Мы должны сказать ему об этом. Бог освободит его. Бодрствуй и молись. Не теряй веры. Под сенью крыл его обретешь покой душевный...

Она была вне себя и едва сознавала, что говорит. Эста, стоя рядом, повторяла:

— Да, мама! Да, конечно! Я напишу, телеграфирую! Конечно, ему передадут!

Но в то же время она думала: «Господи, господи! Обвинен в убийстве — что может быть хуже! Нет, конечно, это неправда. Этого не может быть. Что, если он узнает! (Она думала о муже.) И это — после истории с Расселом. И после неприятностей, которые были у Клайда в Канзас-Сити... Бедная мама! У нее столько горя...»

Немного погодя, стараясь, чтобы их не заметил Эйса, помогавший убирать соседнюю комнату, они обе спустились в зал миссии, где стояла тишина и многочисленные надписи на стенах возвещали милосердие, мудрость и вечную справедливость господа бога.

ГЛАВА XVIII

Телеграмма, составленная в вышеописанном духе, была немедленно отправлена на имя Белнепа и Джефсона, и они посоветовали Клайду сейчас же ответить, что у него все в порядке: он имеет прекрасных защитников, не нуждается в денежной помощи, и, пока его защитники не посоветуют, лучше никому из родных не приезжать сюда, поскольку все, что можно для него сделать, уже делается. В то же время они и сами написали миссис Грифитс, заверяя ее в своем желании помочь Клайду и рекомендуя пока не вмешиваться в ход событий.

Таким образом, опасность появления западных Грифитсов на Востоке была устранена; однако Белнеп и Джефсон отнюдь не возражали бы, чтобы кое-какие сведения о родителях Клайда, об их занятиях, местонахождении, верованиях и привязанности к сыну просочились в газеты, которые упорно подчеркивали, что близкие не проявляют к нему ни малейшего интереса. Поэтому для адвокатов вышло очень удачно, что телеграмма матери, полученная в Бриджбурге, немедленно была прочитана людьми, которые особенно интересовались этим делом и поспешили по секрету сообщить ее содержание кое-кому из публики и из представителей печати; в результате все семейство в Денвере тотчас было разыскано и проинтервьюировано. И вскоре во всех западных и восточных газетах появились более или менее полные отчеты о теперешнем положении семьи Клайда, о деятельности его родителей в качестве руководителей миссии, об их крайней набожности, граничащей с фанатизмом, о своеобразии их религиозных верований; говорилось даже о том, что в ранней юности Клайда тоже заставляли ходить вместе со всей семьей по улицам и петь псалмы,— разоблачение, которое почти так же неприятно поразило общество в Ликурге и на Двенадцатом озере, как и самого Клайда.

А миссис Грифитс, честная и глубоко искренняя в своей вере и деятельности, без колебаний сообщала репортерам, которые являлись к ней один за другим, все подробности о миссионерских трудах своих и мужа в Денвере и других местах. Рассказала она и о том, что ни Клайд, ни остальные дети никогда не знали обычных детских радостей и развлечений. Однако ее мальчик, в чем бы его теперь ни обвиняли, не был дурным по природе своей, и она не верит, что он действительно виновен в таком преступлении. Тут какое-то несчастное стечение обстоятельств, и он, конечно, объяснит это на суде. Но если он и совершил что-нибудь безрассудное, во всем вино-

вата несчастная случайность, прервавшая несколько лет назад деятельность миссии в Канзас-Сити и заставившая всю семью переехать в Денвер, так что Клайд был предоставлен самому себе. И это по ее совету он написал богатому брату ее мужа в Ликург, что и повлекло за собою его переезд туда.

Клайд у себя в камере читал эти сообщения, и его мучило жгучее чувство унижения и досады. Наконец он написал матери о своем неудовольствии: зачем она рассказывает так много о прошлом и об их миссионерской деятельности, ведь она знает, что он никогда не любил этого и терпеть не мог ходить по улицам. Очень многие смотрят на это совсем иначе, чем она и отец,— в частности, его дядя и двоюродный брат и все те богатые люди, с которыми ему довелось познакомиться и которые сумели устроить свою жизнь совсем по-иному и с несравненно бóльшим блеском. Теперь, говорил он себе, Сондра, конечно, прочтет все это,— все, что он надеялся скрыть.

Однако, несмотря ни на что, он невольно думал о матери с нежностью и уважением,— так много было в ней силы и искренности, а ее неизменная и непоколебимая любовь к нему глубоко его трогала. В ответ на его письмо она написала, что ей очень жаль, если она сделала ему больно или оскорбила его чувства. Но разве не следует всегда говорить правду? Пути господни ведут к добру, и никакое зло не может, конечно, возникнуть из служения делу господа. И Клайд не должен просить ее лгать. Но если он скажет хоть слово, она с радостью попытается достать денег и приедет, чтобы ему помочь... она будет сидеть с ним в камере и думать вместе с ним о его спасении и держать его руки в своих... Но Клайд хорошо знал, что она будет ждать от него правды, неотступно глядя ему прямо в глаза своими ясными голубыми глазами. И потому, подумав, он решил, что ей пока не нужно приезжать. Сейчас он бы этого не вынес.

Ибо перед ним, подобно огромной базальтовой скале над бурным разгневанным морем, стоял суд, а это означало свирепое нападение Мейсона, на которое он сможет отвечать главным образом небылицами, сочиненными для него Джефсоном и Белнепом. Хотя он и старался успокоить свою совесть мыслью о том, что в последнюю минуту у него не хватило мужества ударить Роберту, тем не менее рассказать эту новую историю и стоять на своем было для него бесконечно трудной задачей. Это понимали оба адвоката, и поэтому Джефсон все чаще появлялся у двери в камеру Клайда, приветствуя его словами:

— Ну, как сегодня наши делишки?

Как странно выглядели грубые, неряшливые, небрежно сшитые костюмы Джефсона! И его истрепанная темно-коричневая мягкая шляпа, низко надвинутая на глаза! И длинные, костлявые, узловатые руки, в которых чувствовалась огромная сила! И холодные, маленькие голубые глаза — проницательные, полные хитрости и непреклонной решимости, которую он старался передать Клайду,— и это ему отчасти удавалось!

— Ну, кто еще являлся сегодня? Проповедники, деревенские девчонки или парни Мейсона?

Он спрашивал так потому, что Клайда все время осаждала самая разнообразная публика, жадная до уголовных сенсаций и скандальных любовных историй; печальная гибель Роберты и существование ее красивой и богатой соперницы не давали покоя любопытным. Приходили мелкие провинциальные адвокаты, врачи, лавочники, сельские евангелисты или пасторы — все народ тупой и неотесанный, друзья и знакомые разных городских чиновников; они появлялись у двери камеры Клайда спозаранку, часто в самые неожиданные минуты, и, осмотрев его любопытными, или злыми, или испуганными глазами, задавали вопросы вроде следующих: «Молитесь ли вы, брат? Преклоняете ли колена для молитвы?» (При этом Клайд всегда вспоминал отца и мать.) И далее: примирился ли он с богом? Неужели он и вправду отрицает, что убил Роберту Олден? Девицы спрашивали: «Говорят, вы влюблены? А как ее зовут? А где она сейчас? Расскажите нам, пожалуйста! Мы никому не скажем! Она будет на суде?» Клайд старался не обращать внимания на такие вопросы или отвечал так двусмысленно, уклончиво и безразлично, как только мог. Они его раздражали, но ведь и Белнеп и Джефсон постоянно внушали ему, что ради собственной пользы он должен казаться возможно более веселым, бодрым и приветливым. Потом являлись журналисты и журналистки в сопровождении художников или фотографов, интервьюировали его, снимали и зарисовывали. Но с этими людьми, по совету Белнепа и Джефсона, он обычно отказывался разговаривать или отвечал только заранее подсказанными ему, заученными фразами.

— Говорите, что хотите,— весело поучал его Джефсон,— лишь бы ничего не сказать. Не вешайте носа. И чтобы с лица не сходила улыбка, понятно? Вы не забываете зубрить свою шпаргалку? (Джефсон снабдил Клайда отпечатанным на машинке длинным списком вопросов, которые наверняка зададут ему на суде; на каждый вопрос он должен будет дать именно

такой ответ, какой заготовлен в этой шпаргалке,— или пусть теперь же придумает и выучит что-нибудь лучшее. Все вопросы касались поездки на озеро Большой Выпи, причины, заставившей его купить вторую шляпу, пережитого им душевного перелома: почему, когда, где?) Для вас это «Отче наш», понимаете? — А потом он закуривал папиросу, но никогда не предлагал Клайду: чтобы прослыть воздержанным юношей, Клайд не должен был курить здесь.

И после каждого визита Джефсона Клайд некоторое время сам верил, что сумеет вести себя в точности так, как наставлял его адвокат: быстро и уверенно войдет в зал суда, стойко выдержит все взгляды — даже взгляд самого Мейсона, забудет (даже давая показания как свидетель) о своем страхе перед ним, о том, как ужасны все эти известные Мейсону факты, которые он должен объяснить с помощью напечатанных в шпаргалке ответов... забудет Роберту и ее последний крик и душевную боль и муку, вызванную потерей Сондры и всего ее веселого, блестящего мирка.

Но когда вновь наступала ночь или когда приходилось проводить весь долгий день только в обществе сухопарого, бородатого Краута или хитрого, изворотливого Сиссела (они вечно околачивались поблизости и часто подходили к двери камеры, чтобы окликнуть его: «Как живем?» — и завести разговор о городских происшествиях или сыграть в шашки или шахматы), Клайд все больше и больше мрачнел и начинал думать, что, в конце концов, пожалуй, у него нет никакой надежды на спасенье. Ведь он совсем одинок, если не считать адвокатов, матери, брата и сестер! От Сондры, разумеется, ни слова. Оправившись немного от первого потрясения и ужаса, она теперь несколько иначе думала о Клайде: в конце концов, быть может, он убил Роберту и сделался отверженным, жертвой, только из-за любви к ней. И все же общество относилось к нему так враждебно, с таким ужасом, что она не отваживалась даже думать о том, чтобы написать ему хоть слово. Ведь он — убийца! И вдобавок эта его жалкая семья! В газетах пишут, что его родители, живущие на Западе,— просто уличные проповедники, и сам Клайд мальчиком распевал псалмы на улицах!

Но порою она невольно опять вспоминала о его пылкой, безрассудной и, очевидно, всепожирающей страсти. Как горячо он, должно быть, ее любил, если мог решиться на такое ужасное дело! Быть может, когда-нибудь, много позже, когда вся эта история уже не будет в центре всеобщего внимания, можно будет как-нибудь осторожно, не подписываясь, написать ему?

Пусть он знает, что не совсем забыт, ведь он так горячо ее любил. Но нет, нет... родители... если они узнают или заподозрят... и общество... и все ее прежние приятели... Нет! Во всяком случае, не теперь. Быть может — после, когда он будет освобожден или... или... осужден... она сама не знает. И все же она очень страдала, каким бы мерзким и отвратительным ни казалось ей ужасное преступление, при помощи которого Клайд хотел ее завоевать.

А Клайд в это время ходил взад и вперед по камере, или смотрел сквозь тяжелые решетки окна на мрачную площадь, или читал и перечитывал газеты, или нервно перелистывал страницы журналов и книг, которые доставлял ему адвокат, или играл в шашки и шахматы, или обедал: Белнеп и Джефсон специально договорились с тюремным начальством (таково было желание дяди Клайда), чтобы его меню состояло из лучших блюд, чем те, что обычно подаются рядовым заключенным.

И все снова и снова — из-за того что Сондра, по-видимому, была безвозвратно и непоправимо потеряна для него — он спрашивал себя, хватит ли у него сил продолжать эту, как ему порой казалось, почти бесполезную борьбу.

Но по временам, среди ночи или перед рассветом, когда вся тюрьма затихала,— сны... призрачные видения того, что больше всего страшило его и лишало последнего мужества... он вскакивал на ноги, расширенными глазами глядя в одну точку. Сердце его неистово колотилось, холодный пот выступал на лбу и ладонях. Электрический стул — где-то там, в тюрьме штата. Клайд прежде читал о нем,— о том, как умирают на нем люди... И он начинал ходить взад и вперед и думал, думал... если все пойдет не так, как уверяет Джефсон... если он будет осужден и в новом судебном разбирательстве откажут... тогда... Нельзя ли тогда как-нибудь вырваться из этой тюрьмы и бежать? Эти старые кирпичные стены... Какой они толщины? Может быть, все-таки можно при помощи молотка, камня, чего-нибудь, что могли бы ему принести... хотя бы брат Фрэнк, или сестра Джулия, или Ретерер, или Хегленд... если б только он мог списаться с кем-нибудь из них и уговорить их принести ему что-нибудь подходящее... Если бы добыть пилку, чтобы перепилить решетку! И потом бежать, бежать, как он должен был бежать тогда, в тех лесах...

Но как? И куда?

ГЛАВА XIX

Пятнадцатое октября. Хмурые тучи и пронизывающий, почти январский ветер, который сгоняет в кучи опавшие листья, а потом внезапными порывами взметает их, и они кружатся и мечутся туда и сюда, словно летящие птицы. И, несмотря на предчувствие борьбы и трагедии, охватившее многих, несмотря на возникающий в глубине сознания призрак электрического стула,— какое-то праздничное настроение: фермеры, лесорубы, торговцы сотнями съезжаются в фордах и бьюиках — с женами, дочерьми и сыновьями, даже с младенцами на руках. Они собрались на площади задолго до открытия суда, а когда приблизился назначенный час, столпились — кто у ворот тюрьмы, в надежде хоть мельком взглянуть на Клайда, кто у ближайшего к тюрьме входа в здание суда: через эти двери должны были провести Клайда, и здесь публика могла увидеть его, а затем и пройти в зал суда. Голуби невесело бродят по карнизам и по краю крыши старинного здания.

Мейсона окружают его приближенные — Бэртон Бэрлей, Эрл Ньюком, Зилла Саундерс и молодой, недавно окончивший курс обучения юрист по фамилии Мэниго: они помогают ему приводить в порядок материалы следствия и давать наставления и инструкции различным свидетелям, уже собравшимся в приемной прокурора, чье имя стало в эти дни известно всей стране. А на улице, около суда, крики разносчиков: «Вот орехи!», «Сосиски! Горячие сосиски!», «Покупайте историю Клайда Гриффитса со всеми письмами Роберты Олден! Только двадцать пять центов!» (Один приятель Бэртона Бэрлея выкрал копии писем Роберты из канцелярии Мейсона и продал их издателю бульварных романов в Бингхэмптоне, а тот немедленно выпустил их отдельной брошюркой вместе с описанием «страшного преступления» и с портретами Роберты и Клайда.)

А в это время в тюремной приемной сидели Элвин Белнеп и Рубен Джефсон и с ними Клайд, облаченный в тот самый костюм, который он пытался навсегда схоронить в водах Двенадцатого озера. При этом на Клайде были новый галстук, новая сорочка и новые башмаки,— все для того, чтобы он предстал на суде в своем лучшем виде, таким, каким он был в Ликурге. Рядом Джефсон — длинный и тощий и, по обыкновению, одетый кое-как, но с той железной силой, сквозящей в каждой черточке лица, в каждом движении, в каждом взгляде, которая всегда так поражала Клайда. Белнеп был наряден, как первый франт из Олбани; на него падала вся тяжесть предварительного изло-

жения дела на суде и участия в перекрестном допросе свидетелей.

— Смотрите, ничего не пугайтесь и не подавайте виду, что нервничаете, что бы там ни стали говорить и делать на суде,— слышите, Клайд? — заговорил он.— Мы будем с вами все время, с начала до конца. Вы будете сидеть между нами. Улыбайтесь или делайте равнодушное лицо, но только не сидите с испуганным видом. Но не нужно быть и слишком развязным и веселым, а то они решат, что вы относитесь ко всему этому несерьезно. Понимаете, вы все время должны выглядеть приятным, симпатичным юношей и держаться как подобает джентльмену. И ни в коем случае не пугайтесь — это может очень повредить и вам и нам. Ведь вы не виновны,— значит, у вас нет никаких причин бояться, хотя вы, конечно, должны быть огорчены случившимся. Я уверен, что вы прекрасно все это осознали.

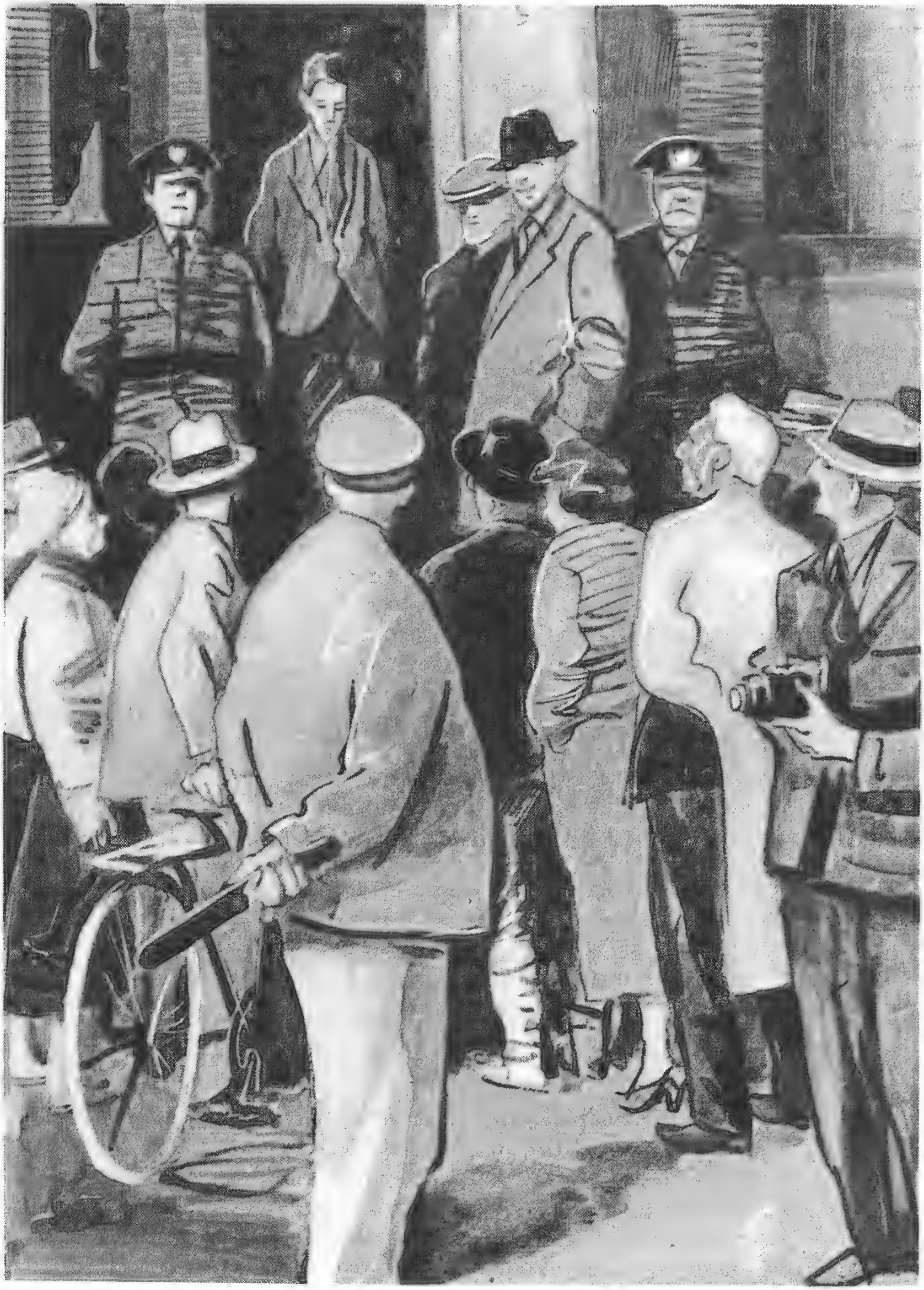
— Да, сэр, я вас понимаю,— ответил Клайд.— Я все сделаю, как вы говорите. И потом — я ведь не ударял ее нарочно, это чистая правда, чего же мне бояться?

И он взглянул на Джефсона, на которого по чисто психологическим причинам полагался больше, чем на Белнепа. В самом деле: сказанные им сейчас слова были точным повторением того, что твердил ему Джефсон два месяца подряд. И сейчас, поймав его взгляд, Джефсон придвинулся ближе и, в упор глядя на Клайда своими сверлящими, но в то же время ободряющими голубыми глазами, начал:

— Вы не виновны! Вы не виновны, Клайд, ясно? Вы теперь вполне это понимаете и должны все время верить в это и помнить об этом, потому что так оно и есть. У вас не было намерения ударить ее, слышите? Вы клянетесь в этом. Вы поклялись мне и Белнепу, и мы вам верим. Обстоятельства таковы, что мы не можем заставить средний состав присяжных понять это и поверить в это, если мы изложим все в точности так, как вы рассказываете. Это не пройдет, я уже вам объяснял. Ну, так что ж! Вы знаете правду, мы — тоже. Но чтобы добиться для вас справедливого приговора, нам приходится дать несколько иное, подставное объяснение, подменить им правду, которая заключается в том, что вы ударили мисс Олден нечаянно: мы не можем надеяться, что присяжные поймут эту правду в чистом, неприкрашенном виде. Понимаете?

— Да, сэр,— ответил Клайд, который всегда слушал этого человека с почтительным вниманием.

— Именно поэтому, как я часто говорил вам, мы и изобрели эту историю о внутреннем переломе, который вы пере-



жили. Это не совсем верно по времени, но ведь вы действительно почувствовали перемену в себе, когда были на озере. И в этом наше оправдание. Но, ввиду всех странных обстоятельств дела, присяжные никогда этому не поверят, и потому мы просто перенесем переворот, который произошел в вашей душе, на другое время,— понятно? Устроим его до того, как вы поехали кататься на лодке. Это не совсем верно, но ведь неверно и обвинение, будто вы ударили ее намеренно. И вас не могут посадить на электрический стул по неправильному обвинению,— по крайней мере, я на это не согласен.— Он посмотрел Клайду прямо в глаза, потом прибавил: — Понимаете, Клайд, это все равно, что заплатить за картошку или за костюм пшеницей или бобами, потому что, хотя у вас и есть деньги, кто-то вдруг ни с того ни с сего объявил, будто они не настоящие, и теперь у вас не хотят их брать. Поэтому вам приходится расплачиваться пшеницей или бобами. Вот мы и дадим им бобы. Но оправданием служит то, что вы не виновны. Вы не виновны! Вы поклялись мне, что под конец не хотели ее ударить, какие бы у вас ни были намерения сначала. И этого для меня довольно. Вы не виновны.

И тут, взяв Клайда за отвороты пиджака и пристально глядя в его карие глаза, взгляд которых выдавал напряжение и тревогу, Джефсон добавил твердо и убежденно (для него самого это убеждение было лишь иллюзией, но он во что бы то ни стало хотел внушить его Клайду):

— И в ту минуту, когда вы станете слабеть или нервничать или когда будете отвечать на вопросы Мейсона и вам покажется, что он берет верх, запомните, я хочу, чтобы вы твердо сказали себе: «Я не виновен! Не виновен! Они не имеют права меня осудить, потому что я на самом деле не виновен». А если это не поможет вам взять себя в руки,— посмотрите на меня. Я буду рядом. Если вы начнете волноваться, вам надо будет только посмотреть мне прямо в глаза, вот как я сейчас смотрю. И вы будете знать, что я хочу, чтобы вы взяли себя в руки и вели себя так, как я вам сейчас говорю: вы присягнете в том, в чем мы просили вас присягнуть, что́ бы вы при этом ни чувствовали, хотя бы даже вам казалось, будто это неправда. Я не допущу, чтобы вас казнили за то, чего вы не делали, только потому, что вам не позволят подтвердить под присягой настоящую правду. Ну, вот и все!

И он весело и ласково похлопал Клайда по спине, а Клайд, ощутив необычайный прилив бодрости, почувствовал в эту

минуту, что, конечно, он сумеет вести себя так, как ему сказано, и именно так и сделает.

Потом Джефсон вынул часы и взглянул сперва на Белнепа, затем в ближайшее окно. Толпа уже собралась около суда и у дверей тюрьмы,— здесь репортеры и фотографы нетерпеливо ждали появления Клайда, чтобы на ходу заснять его и всякого, кто причастен к делу.

— Ну, как будто пора,— невозмутимо сказал Джефсон.— Похоже, что все население округа Катараки намерено попасть в зал суда. У нас будет обширная аудитория.— И, обращаясь к Клайду, прибавил: — Вам нечего смущаться, Клайд. Все это просто-напросто деревенщина, которая собралась развлечься городским представлением.

И Джефсон и Белнеп выходят. Их сменяют возле Клайда Краут и Сиссел; среди перешептываний толпы защитники пересекают заросшую жухлой осенней травой площадь и входят в здание суда.

А еще через пять минут, предшествуемый Слэком и Сисселом, сопровождаемый Краутом и Суэнком и сверх того охраняемый еще дополнительными стражами — по два справа и слева — на случай каких-либо волнений и покушений со стороны толпы, выходит и сам Клайд. Он старается держаться по возможности бодро и уверенно; но кругом такое множество грубых и странных лиц — бородатые мужчины в тяжелых енотовых куртках и шапках или в потрепанной, выцветшей, неопределенного вида одежде, обычной для фермеров в этих краях, и их жены и дети... И все смотрят на него с таким недобрым любопытством... Он струхнул, словно вот-вот кто-нибудь выстрелит в него из револьвера или кинется с ножом. Конвоиры с револьверами в руках своим видом лишь усиливают его тревогу. Однако он слышит только крики: «Ведут! Ведут!», «Вот он!», «А ведь по виду не скажешь, что убийца!»

Щелкают затворы фотоаппаратов, и спутники еще теснее окружают его, а у Клайда все холодеет внутри.

И вот пять коричневых каменных ступеней и двери старого здания суда, а внутри другая лестница, ведущая в просторный, длинный зал с высоким потолком и стенами, выкрашенными в коричневый цвет, с высокими, узкими, закругленными вверху окнами справа и слева и в дальнем, восточном конце: в них вливаются потоки света. А в западном конце зала возвышение, и на нем темно-коричневое резное судейское кресло, и за ним портрет, а справа и слева и в глубине зала — скамьи, ряды скамей, каждый последующий ряд немного выше предыдущего, и

все сплошь заполнены народом, и в проходах между ними всюду тесно стоят люди. Когда Клайд вошел, все подались вперед, вытянули шеи, и в него впились десятки колючих, пытливых глаз, и по залу прошел гул. Он слышал это жужжанье и шушуканье, проходя мимо скамей к свободному пространству в передней части зала: там за столом сидели Белнеп и Джефсон и между ними стоял незанятый стул для него. Всем существом он ощущал вокруг бесчисленные чужие глаза и лица, и ему не хотелось на них смотреть.

Как раз напротив, за другим столом, ближе к возвышению, на котором стояло судейское кресло, сидели Мейсон и еще несколько человек; Клайд узнал Эрла Ньюкома и Бэртона Бэрлея; с ними был какой-то человек, которого он прежде никогда не видел. Когда Клайд вошел, все четверо обернулись и внимательно посмотрели на него.

Эту группу кольцом окружали журналисты и художники — мужчины и женщины.

Немного погодя Клайд вспомнил совет Белнепа, выпрямился и с деланно непринужденным видом (эта напускная непринужденность плохо сочеталась с его напряженным бледным лицом и неуверенным взглядом) посмотрел в сторону репортеров, которые либо разглядывали его, либо делали зарисовки. Он даже шепнул: «Полно народу!» Но тут, прежде чем он успел еще что-нибудь сказать, где-то раздались два громких удара и затем возглас: «К порядку! Суд идет! Прошу встать!» И разом шепот и движение в зале сменились глубокой тишиной. С южной стороны возвышения отворилась дверь, и вошел рослый человек изысканной внешности, с цветущим, свежевыбритым лицом, облаченный в широкую черную мантию; он быстро направился к большому креслу за судейским столом, пристально посмотрел на всех присутствующих, но, казалось, не увидел никого в отдельности и опустился в кресло. И тогда все в зале сели.

Потом из-за столика, стоящего перед возвышением левее судейского стола, поднялся невысокий пожилой человек и провозгласил:

— Слушайте, слушайте! Все лица, чье дело назначено к слушанию в Верховном суде штата Нью-Йорк, округ Катараки, приблизьтесь и будьте внимательны! Заседание суда открывается!

Через несколько мгновений этот человек снова встал и объявил:

— Штат Нью-Йорк против Клайда Грифитса!..

Тотчас из-за стола встал Мейсон и провозгласил:

— Народ готов.

После чего встал Белнеп и с изящным, учтивым поклоном заявил:

— Ответчик готов.

Затем тот же клерк опустил руку в квадратный ящик, стоявший перед ним на столе, и, вытащив оттуда листок бумаги, громко прочитал:

— Саймон Динсмор!

Маленький горбатый человечек в коричневом костюме, с руками, похожими на клещи и с мордочкой хорька, рысцой подбежал к скамье присяжных и уселся. К нему сейчас же подошел Мейсон (его лицо с приплюснутым носом сегодня казалось особенно грозным, а громкий голос был слышен в самых дальних углах зала) и стал забрасывать его вопросами: сколько лет? чем занимается? женат? сколько детей? признает ли смертную казнь? Клайд сразу заметил, что последний вопрос пробудил в присяжном не то злобу, не то какое-то подавленное волнение: он быстро и с ударением ответил:

— Еще как признаю — для некоторых!

Этот ответ вызвал у Мейсона легкую улыбку, а Джефсон обернулся и посмотрел на Белнепа; тот иронически пробормотал:

— А говорят, что тут возможен справедливый суд.

Но Мейсон и сам почувствовал, что честный фермер чересчур подчеркивает свое уже сложившееся мнение, и заявил:

— С дозволения суда, народ освобождает кандидата в присяжные.

Белнеп, встретив вопросительный взгляд судьи, кивнул в знак согласия, и фермер был на сей раз освобожден от обязанностей присяжного.

А клерк сразу же достал из ящика другой листок бумаги и провозгласил:

— Дадлей Ширлайн!

Высокий худой человек, лет тридцати восьми — сорока, опрятно одетый, педантичный и осторожный, подошел и занял место на скамье присяжных. И Мейсон стал задавать ему те же вопросы, что и первому.

Тем временем Клайд, вопреки всем наставлениям Белнепа и Джефсона, уже впал в оцепенение и сидел похолодевший и безжизненный. Он чувствовал, что вся эта публика ему глубоко враждебна. Его бросило в дрожь при мысли, что среди этой массы людей должны быть и отец и мать Роберты, а может

быть, и ее сестры и братья... они смотрят на него и от души надеются (об этом несколько недель кряду твердили газеты), что он понесет наказание за все...

А те, кто встречался с ним в ликургском обществе и на Двенадцатом озере,— ни один из них не счел нужным как-либо снестись с ним, ведь все они, разумеется, убеждены в его виновности,— пришел ли сюда кто-нибудь из них? Например, Джил, Гертруда или Трейси Трамбал? Или Вайнет Фэнт и ее брат? Она была в лагере на Медвежьем озере в тот день, когда его арестовали. Клайд перебирал в памяти всех этих светских людей, с которыми он встречался в последний год и которые теперь могли увидеть его вот таким — бедным, ничтожным, покинутым, обвиненным в страшном преступлении. И это после всех его россказней о богатой родне здесь и на Западе! Теперь все они, конечно, считают его чудовищем. Ведь они знают только о его преступном замысле, и им нет дела до того, что он пережил... им неизвестны его тревоги и страхи, безвыходное положение, в котором он оказался из-за Роберты, его любовь к Сондре и все, что она для него значила. Они этого не поймут, да ему и не дадут ничего сказать об этом, если бы он даже и захотел.

И все же надо, как советовали Белнеп и Джефсон, сидеть прямо и улыбаться или, по крайней мере, спокойно и смело встретить устремленные на него взгляды. Итак, он выпрямился — и на минуту окаменел. Боже, какое сходство! Налево от него на скамье сидела молодая женщина или девушка, казавшаяся живым портретом Роберты. Конечно, это ее сестра Эмилия,— Роберта о ней часто говорила... но какой ужас! Его сердце едва не остановилось. Может быть, это Роберта? И она пронизывает его призрачным и в то же время живым, гневным, обвиняющим взглядом. А рядом — еще одна девушка, тоже немного похожая на Роберту, и рядом с нею старик, отец Роберты,— тот морщинистый старик, которого Клайд видел в день, когда зашел к нему на ферму спросить о дороге. Теперь он чуть ли не с яростью смотрит на Клайда серыми измученными глазами, и взгляд этот ясно говорит: «Убийца! убийца!» А подле него кроткая, маленькая, болезненная женщина лет пятидесяти, под вуалью, лицо у нее в морщинах и глаза ввалились; встретив взгляд Клайда, она опустила глаза и отвернулась, словно испытывая острую боль, но не ненависть. Ее мать, вне всякого сомнения. Как это ужасно! Немыслимо тяжело! Сердце Клайда стучало неровно, руки тряслись.

Стараясь прийти в себя, он опустил глаза вниз, на руки Белнепа и Джефсона, лежавшие перед ним на столе; адвокаты

поигрывали карандашами над раскрытыми блокнотами и смотрели на Мейсона и на очередного кандидата в присяжные (на сей раз это был какой-то толстяк с глуповатым лицом). Какие разные руки у Белнепа и Джефсона! Такие мягкие, белые, с короткими пальцами у одного — и такие смуглые, узловатые и костлявые, с длинными пальцами у другого. Мягко и вежливо Белнеп произносит: «Я просил бы кандидата покинуть скамью присяжных»,— и совсем по-другому, как выстрел, звучит отрывистый голос Мейсона: «Освобожден!» — или медлительный, но властный шепот Джефсона: «Спровадьте-ка его, Элвин. Он нам не подходит». И вдруг Джефсон обращается к Клайду:

— Выше голову, Клайд! Посмотрите кругом! Не гнитесь в три погибели. Смотрите людям в глаза! И улыбайтесь естественно, раз уж вы хотите улыбнуться. Смотрите им прямо в лицо. Они ничего с вами не сделают. Это просто фермеры, пришедшие поглазеть на занятное зрелище.

Но Клайд сразу заметил, что несколько репортеров и художников, изучая его, делают наброски и заметки,— и кровь хлынула ему в лицо, потому что он ощущал на себе их пронзительные взгляды и так же отчетливо слышал их едкие слова, как и скрип их перьев. И все это для газет — его побледневшее лицо, дрожащие руки,— от этих людей ничто не укроется... и его мать в Денвере, и все в Ликурге прочтут и увидят... узнают, как он посмотрел на Олденов и как они посмотрели на него, а он не выдержал и отвел глаза. И все же... все же... надо взять себя в руки, выпрямиться, посмотреть вокруг, иначе Джефсон будет его презирать.

И Клайд снова постарался овладеть собой и побороть страх; он поднял голову и осмотрелся.

И сейчас же он увидел у стены, рядом с высоким окном, того, кого боялся увидеть,— Трейси Трамбала; очевидно, он заинтересовался этим делом как юрист, а может быть, его привело сюда просто любопытство или что угодно еще, только, конечно, не жалость и не сочувствие к Клайду,— но сегодня, во всяком случае, он был в зале суда; к счастью, в эту минуту он смотрел не на Клайда, а на Мейсона, который задавал какие-то вопросы толстому присяжному. А рядом с Трейси — Фредди Сэлс; близорукие глаза его были скрыты за сильными очками с толстыми стеклами, и он смотрел в сторону Клайда, но, должно быть, не видел его,— во всяком случае, ничем не показал, что видит. О, какая пытка!

А в пятом ряду от них, с другой стороны,— мистер и миссис Гилпин, которых, разумеется, отыскал Мейсон. Но

что они могут показать? Что он бывал у Роберты в ее комнате, которую она у них снимала? И что это делалось тайно? Это, конечно, скверно. И еще мистер и миссис Ньютон! Чего ради их вызвали свидетелями? Пожалуй, чтобы они рассказали, как жила Роберта до встречи с ним? И эта Грейс Марр,— он ее часто видел мимоходом, но говорил с нею, в сущности, только раз, на озере Крам; Роберта ее совсем не любила. Что она скажет? Конечно, она может рассказать, как он познакомился с Робертой, но что еще? А за ними — нет, не может быть! — и все же... да... конечно, это Орин Шорт, тот самый, от которого он узнал о докторе Глене. Ну и ну! Он, пожалуй, расскажет об этом... без сомнения, расскажет. Как люди ухитряются все помнить! Он никогда и не подозревал, что так будет.

А вот, немного ближе третьего окна отсюда, но дальше, чем эта ужасная семья Олденов,— громадный бородатый человек, похожий на квакера былых времен, ставшего бандитом; его зовут Хейт. Клайд видел его в Бухте Третьей мили и потом в тот день, когда его против воли возили на озеро Большой Выпи. Да, это следователь. А рядом — хозяин гостиницы, заставивший тогда Клайда записаться в книге приезжающих. И лодочник, у которого Клайд нанял лодку. И высокий, тощий проводник, который вез их с Робертой со станции Ружейной на озеро Большой Выпи,— смуглый, жилистый, грубый парень; теперь он уставился на Клайда своими маленькими, глубоко сидящими звериными глазами. Он наверняка расскажет все подробности их поездки к озеру. Вспомнит ли он нервозность Клайда в тот день и его нелепые выходки так же ясно, как помнит сейчас сам Клайд? И если вспомнит, как это повлияет на версию о нравственном переломе, который он пережил? Не поговорить ли об этом еще раз с Джефсоном?

Но Мейсон, Мейсон! Какой он упрямый! Какой энергичный! Сколько труда он должен был положить на то, чтобы собрать сюда всех этих людей — всех, кто может свидетельствовать против Клайда! И вот сейчас, когда Клайд взглянул на него, он заявляет (наверно, уже в десятый раз, но без особых результатов, так как скамья присяжных все еще пустует):

— Приемлем для народа!

И неизменно при этих словах Джефсон слегка поворачивается в сторону Белнепа и, не глядя на него, говорит:

— Не подходит нам, Элвин. Сух и неподатлив.

Тогда Белнеп мягко и вежливо дает отвод присяжному — и почти всегда успешно.

Потом наконец — какое облегчение! — клерк громко, пронзительным старческим голосом объявил перерыв до двух часов дня. И Джефсон, улыбаясь, сказал:

— Ну вот, Клайд, это первый раунд. Не так уж сложно и не так страшно, правда? А теперь подите и основательно пообедайте, хорошо? После перерыва все будет так же длинно и скучно.

Тем временем Краут, Сиссел и остальные конвоиры подошли ближе и окружили Клайда. И снова — толпа, давка, возгласы: «Вот он! Вот он идет! Вот, вот!» Рослая толстая женщина пробралась почти вплотную к нему и прямо в лицо ему крикнула: «Дайте мне поглядеть на него! Я хочу хорошенько разглядеть вас, молодой человек! У меня тоже есть две дочки».

Но никто из его знакомых из Ликурга и с Двенадцатого озера, которых он заметил среди публики, не подошел к нему. И, конечно, нигде не было видно Сондры. Белнеп и Джефсон не раз уверяли его, что она не появится на суде. Даже ее имя не будет упомянуто, если это окажется возможным. И Грифитсы и Финчли против того, чтобы на нее ссылаться.

ГЛАВА XX

Пять долгих дней потратили Мейсон и Белнеп на подбор присяжных. Но наконец двенадцать человек, которым предстояло судить Клайда, принесли присягу и заняли свои места. Все это были люди старые и седые, загорелые и морщинистые — фермеры, деревенские лавочники и среди них — агент по продаже автомобилей Форда, владелец гостиницы на озере Диксон, продавец из мануфактурного магазина Хомбургера в Бриджбурге и разъездной страховой агент, постоянно проживающий в Нардэй, что к северу от Лугового озера. И все, за одним лишь исключением, женатые. И все, за одним лишь исключением, люди если и не слишком нравственные, то, по крайней мере, религиозные, и все — уже заранее убежденные в виновности Клайда. Однако почти все они считали себя людьми честными и объективными, и все очень хотели заседать в качестве присяжных на таком волнующем процессе, а потому не сомневались, что сумеют справедливо и беспристрастно отнестись к фактам, которые будут предложены их вниманию.

Итак, все они принесли присягу.

И тотчас поднялся Мейсон.

— Господа присяжные!..— начал он.

А Клайд, так же как и Белнеп и Джефсон, смотрел на них и спрашивал себя, какое впечатление произведет вступительная речь Мейсона, ибо при существующих особых обстоятельствах нельзя было бы подыскать более энергичного и наэлектризованного обвинителя. Это для него такой счастливый случай! Разве не обращены на него взоры всех граждан Соединенных Штатов? Он полагал, что так оно и есть. Словно некий режиссер вдруг воскликнул: «Свет! Съемка!»

— Несомненно,— начал Мейсон,— на протяжении прошлой недели многих из вас утомляла, а порою и озадачивала величайшая тщательность, с какою представители защиты и обвинения перебирали кандидатов, из числа которых вы избраны. Было нелегко найти двенадцать человек, на чье рассмотрение могли бы быть представлены все обстоятельства этого поразительного дела,— обстоятельства, которые вам надлежит взвесить со всей справедливостью и пониманием, каких требует закон. Что касается меня, джентльмены, то, проявляя такую тщательность, я был движим лишь одним побуждением, думал лишь об одном: чтобы свершилось правосудие! Мною не руководили ни злоба, ни какие-либо предубеждения. Вплоть до девятого июля сего года я лично даже не подозревал ни о существовании подсудимого или его жертвы, ни о преступлении, в котором он ныне обвиняется. Но, джентльмены, как ни велики были вначале мое изумление и недоверие, когда я услышал, что человек такого возраста, с таким воспитанием и связями оказался в положении подсудимого, обвиняемого в подобном преступлении,— постепенно я вынужден был изменить свое мнение. Мне пришлось навсегда отбросить свои первоначальные сомнения и на основании массы доказательств, которые буквально сыпались на меня, прийти к выводу, что мой долг выступить от имени народа обвинителем по этому делу.

Но как бы то ни было, перейдем к фактам. Две женщины замешаны в этом деле. Одна мертва, имя другой (он обернулся в сторону Клайда и указал на сидевших рядом с ним Белнепа и Джефсона), по соглашению между обвинением и защитой, не будет здесь названо, ибо не следует причинять напрасные страдания. В самом деле, я могу заверить вас, что каждым своим словом и каждым фактом, который я здесь изложу, обвинение будет преследовать единственную цель: добиться того, чтобы свершилось истинное правосудие в соответствии с законами нашего штата и преступлением, в котором обвиняется подсудимый. *Истинное правосудие,* джентльмены, истинное и справедливое. Но если вы не будете действовать честно и не выне-

сете надлежащего приговора в соответствии с обстоятельствами дела, вы нанесете народу штата Нью-Йорк и народу округа Катараки серьезное оскорбление. Ибо народ надеется на вас и ждет от вас тщательно обдуманного решения.

Тут Мейсон помолчал минуту и затем, став в трагическую позу, повернулся к Клайду и, время от времени указывая на него пальцем, продолжал:

— Народ штата Нью-Йорк *обвиняет* (он так произнес это слово, точно хотел, чтобы в нем зазвучали раскаты грома) сидящего здесь на скамье подсудимых Клайда Грифитса в том, что он совершил убийство с заранее обдуманным намерением. Народ *обвиняет* его в том, что он, прибегнув к помощи обмана, умышленно, со злобой и жестокостью, убил Роберту Олден, дочь фермера, который уже много лет живет близ городка Бильц в округе Маймико, и затем пытался навеки скрыть от людей и от земного правосудия тело убитой. Народ *обвиняет* названного Клайда Грифитса (тут Клайд, повинуясь шепоту Джефсона, возможно более невозмутимо стал смотреть в лицо Мейсону, который глядел прямо на него) в том, что он, прежде чем совершить преступление, неделями строил свои коварные планы, а затем обдуманно и хладнокровно их осуществил.

Предъявляя эти обвинения, народ штата Нью-Йорк готов представить вам доказательства по каждому из них. Вам будут сообщены факты, и этим фактам вы, а не я, должны стать единственными судьями.

Он вновь умолк, переменил позу, пока нетерпеливые слушатели теснились и подавались вперед, жадно ожидая каждого его слова; поднял руку, театральным жестом откинул назад свои вьющиеся волосы и снова заговорил:

— Джентльмены, мне не придется долго рассказывать,— вы сами, слушая это дело, не преминете убедиться в том, что представляла собою девушка, чья жизнь так жестоко оборвалась в водах озера Большой Выпи. За все двадцать лет ее жизни (Мейсон хорошо знал, что Роберте минуло двадцать три года и что она была двумя годами старше Клайда) никто из знавших ее не мог сказать о ней ни одного дурного слова. И ничего плохого о ней, я уверен, мы не услышим здесь, на суде. Немногим больше года назад, девятнадцатого июля, она переехала в Ликург, чтобы своим трудом добывать средства для помощи семье. (Тут весь зал услышал рыданья родителей, сестер и братьев Роберты.)

— Джентльмены...— продолжал Мейсон и самым подробным образом описал жизнь Роберты, начиная с того времени,

когда она покинула родной дом и поселилась с Грейс Марр, и до той поры, как она встретилась с Клайдом на озере Крам и порвала с подругой и со своими покровителями Ньютонами, подчиняясь требованию Клайда, пожелавшего, чтобы она жила одна среди чужих людей. Мейсон рассказал о том, как она скрывала от родителей истинные причины этого подозрительного переселения и как в конце концов поддалась коварным уговорам Клайда. Ее письма к нему из Бильца позволяли подробно проследить весь ход событий. Потом так же тщательно и подробно Мейсон рассказал о Клайде, о его увлечении «высшим светом» Ликурга и особенно богатой и красивой мисс X, которая, заинтересовавшись им, по своей невинности и доброте позволила ему надеяться, что он может добиться ее руки, и невольно пробудила в нем страсть, ставшую причиной внезапной перемены в его чувствах к Роберте; это в результате и привело (Мейсон уверял, что докажет это) к преступному замыслу и затем к смерти Роберты.

— Но кто этот субъект,— вдруг самым трагическим тоном воскликнул Мейсон,— которому я предъявляю все эти обвинения? Вот он сидит перед вами. Быть может, он — сын опустившихся родителей, отродье городских трущоб, и ему негде было получить надлежащее представление о долге, об обязанностях, без которых немыслима приличная и достойная жизнь? Таков ли он? Напротив! Его отец принадлежит к тому же семейству, которое создало в Ликурге одно из самых крупных и значительных предприятий — фирму «Грифитс и Компания, воротнички и рубашки». Этот молодой человек был беден — да, без сомнения, но не беднее Роберты Олден, а на ее характер бедность явно не оказала пагубного влияния. Его родители в Канзас-Сити, в Денвере, а перед этим в Чикаго и Грэнд-Рэпидс, в штате Мичиган, вели, видимо, жизнь пастырей душ, хотя и не имели сана: они проповедовали и руководили миссиями; по собранным мною сведениям, это люди подлинно, глубоко верующие и порядочные во всех отношениях. Но он, их старший сын, который, казалось бы, должен был вдохновляться этим примером, рано отвернулся от их мира и пристрастился к более легкомысленной жизни. Он стал посыльным в знаменитом отеле «Грин-Дэвидсон» в Канзас-Сити.

И Мейсон стал доказывать, что Клайд всегда был перекати-полем, бродягой, которому, быть может, в силу какой-то особенности его натуры, вечно не сидится на одном месте. Позднее, рассказывал далее Мейсон, Клайд получил пост заведующего отделением на хорошо известной фабрике своего дяди в

Ликурге. Постепенно он получил доступ в то общество, к которому принадлежат его здешние родственники. Он получал такое жалованье, что мог позволить себе снять комнату на одной из лучших улиц города, в то время как девушка, которую он убил, ютилась в жалкой каморке на глухой окраине.

— До сих пор,— говорил Мейсон,— почему-то усиленно преувеличивали молодость подсудимого. (Тут он позволил себе презрительно улыбнуться.) И его защитники и газеты все снова и снова называли его мальчиком. Но он не мальчик. Он взрослый мужчина. В смысле общественных возможностей и воспитания у него было больше преимуществ, чем у любого из вас, сидящих на скамье присяжных. Он путешествовал. В отелях и клубах, в ликургском обществе, с которым он был связан столь тесными узами, он встречался с порядочными, достойными и даже выдающимися, замечательными людьми. Ведь вот в момент ареста, два месяца тому назад, он находился в самом изысканном обществе, в компании светской молодежи, приехавшей в наши места на летний сезон. Запомните это! Он обладает зрелым, отнюдь не детским умом. Это ум вполне развитой и прекрасно уравновешенный.

— Джентльмены,— продолжал он,— как скоро докажет вам обвинение, всего через четыре месяца после приезда обвиняемого в Ликург девушка, ставшая его жертвой, начала работать на фабрике в том отделении, которое он возглавлял. И не более как два месяца спустя он уговорил ее переехать от почтенных и богобоязненных людей, у коих она поселилась в Ликурге, в дом, о котором ей ничего не было известно. Главное преимущество ее нового жилища, с точки зрения обвиняемого, заключалось в том, что здесь он мог в тайне и уединении, не опасаясь чьего-либо надзора, преследовать свои гнусные цели в отношении этой девушки.

На фабрике компании «Грифитс»,— мы вам это позднее докажем,— существует одно правило, которое объясняет многое в этом деле: никто из высших служащих или заведующих цехами и отделениями не должен вступать в какие-либо внеслужебные отношения с подчиненными ему девушками и вообще с работницами фабрики ни в ее стенах, ни вне их. Такие отношения могли бы неблагоприятно отразиться на нравах и репутации служащих этого замечательного предприятия, и потому запрещаются. Вскоре после того, как этот человек пришел на фабрику, его ознакомили с указанным правилом. Но удержало ли это его? Удержало ли его хоть в какой-то мере покровительство и внимание, столь недавно оказанные ему дядей? Ничуть

не бывало! Скрытность! Скрытность с самого начала! Обольщение — вот его цель! Тайное, преднамеренное, безнравственное и беззаконное, недопустимое и осуждаемое обществом сожительство вне священных, облагораживающих уз брака.

Такова была его цель, джентльмены! Но знал ли хоть кто-нибудь в Ликурге или где бы то ни было, что его и Роберту Олден связывали подобные отношения? Ни одна душа! *Ни одна душа,* насколько я мог установить, не имела даже отдаленного представления об этой связи, пока девушка не погибла. Ни одна душа! Подумать только!

Господа присяжные! — Тут в голосе Мейсона послышалось чуть ли не благоговение.— Роберта Олден любила подсудимого всеми силами своей души. Она любила его той любовью, что составляет высшую тайну человеческого разума и человеческого сердца и в своей силе и в своей слабости способна презреть страх стыда и даже небесной кары. Это была девушка чистосердечная, скромная, добрая и преданная, девушка страстная и любящая. И она любила, как может любить только благородная, доверчивая и самоотверженная душа. И так любя, она в конце концов отдала ему все, что может отдать женщина любимому человеку.

Друзья мои, это случалось миллионы раз в нашем мире, и это случится еще миллионы раз в грядущие дни. Это не ново — и никогда не устареет.

Но в январе или феврале эта девушка, которая ныне покоится в могиле, вынуждена была прийти к подсудимому Клайду Грифитсу и сказать ему, что она должна стать матерью. Мы докажем вам, что и тогда и позже она умоляла его уехать с нею и обвенчаться.

Но исполнил ли он ее просьбу? Собирался ли исполнить? О нет! Ибо к этому времени в мечтах и чувствах Клайда Грифитса произошла перемена. Он успел узнать, что имя *Грифитс* в Ликурге открывает доступ в самый избранный круг и что тот, кто был ничтожеством в Канзас-Сити или в Чикаго, здесь — видная особа и может завязывать знакомства с богатыми и образованными девушками, вращающимися в сферах, бесконечно далеких от той среды, к которой принадлежала Роберта Олден. Более того: он нашел девушку, которая совершенно пленила его своей красотой, богатством, положением в обществе — рядом с нею скромная фабричная работница, дочь фермера, в своей убогой одинокой комнатке, где он сам ее поселил, казалась, конечно, жалкой! Она была достаточно хороша для

любовной интрижки, но не для брака. И он не пожелал на ней жениться.

Мейсон умолк на мгновенье, потом продолжал:

— Однако я не мог найти ни малейшей перемены в жизни Клайда Грифитса, и его страсть к светским развлечениям ничуть не уменьшилась. Напротив, с января месяца и до пятого июля и даже после,— да, даже после того, как она принуждена была в конце концов сказать ему, что, если он не увезет ее и не женится на ней, она обратится к чувству справедливости тех, кто знал и ее и Клайда, и даже после того, как она, холодная и безжизненная, обрела вечный покой на дне озера Большой Выпи,— он только и знал, что танцы, пикники, автомобильные экскурсии, приглашения на обеды, увеселительные прогулки на Двенадцатое озеро, на Медвежье озеро... По-видимому, ему и в голову не приходило, что положение, в котором оказалась мисс Олден перед богом и людьми, обязывает его как-то изменить свое поведение.

Мейсон замолчал и посмотрел в сторону Белнепа и Джефсона, а они, не слишком расстроенные или озабоченные, только улыбнулись — сперва ему, а затем и друг другу; но Клайд, напуганный гневной страстностью этой речи, с тревогой думал о том, сколько в ней преувеличений и несправедливостей.

Мейсон прервал его размышления.

— Итак, джентльмены,— вновь заговорил он,— как я уже сказал, Роберта Олден стала настаивать, чтобы Грифитс на ней женился. И он ей это обещал. Однако вы увидите,— это явствует из всех имеющихся данных,— что он отнюдь не собирался выполнить свое обещание. Наоборот, когда ее положение стало таким, что он не мог дольше выносить ее жалоб и мириться с опасностью, которую бесспорно представляло для него ее пребывание в Ликурге, он убедил ее уехать домой, к родителям, очевидно под тем предлогом, что ей следует сшить себе кое-что из одежды к тому времени, как он приедет за ней и увезет ее в какой-нибудь отдаленный город, где их никто не знает и где она уже в качестве его жены сможет достойно дать жизнь их ребенку. Судя по ее письмам к нему,— как я покажу,— он должен был приехать за ней через три недели после ее отъезда домой, в Бильц. Но приехал ли он, как обещал? Нет, он этого не сделал.

В конце концов — и лишь потому, что другого выхода не было,— он позволил ей приехать к нему шестого июля, ровно за два дня до ее смерти. Не прежде, чем... но об этом после! Тем временем в период между пятым июня и шестым июля он

оставил ее тосковать на этой маленькой заброшенной ферме неподалеку от Бильца, в округе Маймико, где она с помощью соседок шила себе кое-какие платья, которые даже теперь не смела назвать своим приданым. Она подозревала, что он бросит ее, и боялась этого. И вот ежедневно, а иногда и дважды в день, она пишет ему, делится своими страхами и умоляет его письмом или хоть словом подтвердить, что он действительно приедет и увезет ее.

Но что же, исполнил он ее просьбу? Ни одного письма. Ни одного! О нет, джентльмены, нет! Вместо этого несколько разговоров по телефону: их было не так просто проследить и понять. Но и эти разговоры происходили так редко, урывками, что она горько жаловалась на его невнимательность, на отсутствие интереса к ней в это время. В конце этих пяти недель, придя в отчаяние, она даже написала ему так (тут Мейсон вынул из пачки, лежащей перед ним на столе, одно письмо и прочитал): «Предупреждаю тебя, что, если я не дождусь от тебя телефонного звонка или письма до полудня пятницы, я приеду в Ликург в тот же вечер, и все узнают, как ты со мной поступил». Вот те слова, джентльмены, которые принуждена была в конце концов написать бедная девушка.

Но хотел ли Клайд Грифитс, чтобы все узнали, как он с нею поступил? Ну конечно, нет! И вот тогда-то у него зародился план, при помощи которого он думал избежать разоблачения и навсегда наложить печать молчания на уста Роберты Олден. И, джентльмены, обвинение докажет вам, что он действительно закрыл ей рот.

И тут Мейсон развернул специально заготовленную карту Адирондакских гор, на которой красными чернилами был отмечен путь Клайда до и после смерти Роберты — вплоть до того часа, когда его арестовали на Медвежьем озере. При этом он стал объяснять присяжным тщательно обдуманный план Клайда, расчитанный на то, чтобы замести следы: рассказал о записи в гостиницах под вымышленными именами, о двух шляпах, а также о том, что от Фонды до Утики и затем от Утики до Лугового озера Клайд и Роберта ехали в разных вагонах.

— Не забывайте вот о чем, джентльмены,— заявил далее Мейсон.— Хотя подсудимый прежде и говорил с Робертой об этой поездке как о свадебном путешествии, он не желал, чтобы кто-либо узнал, что он путешествует в обществе своей невесты,— не желал даже тогда, когда они приехали на озеро Большой Выпи. Ибо он собирался не жениться, а отыскать глухое, пустынное место, где он мог бы погасить, как свечу, жизнь

надоевшей ему девушки. Но помешало ли это ему за сутки и за двое суток до убийства держать ее в объятиях и повторять обещания, которые он вовсе не собирался исполнить? Помешало ли? Я покажу вам регистрационные записи в двух гостиницах, где они останавливались, занимая вдвоем одну комнату, так как предполагалось, что не сегодня-завтра они поженятся. Но эта поездка длилась не одни, а двое суток единственно потому, что подсудимый ошибся, рассчитывая на безлюдность Лугового озера. Убедившись, что это место очень оживленное, центр сектантской летней колонии, он решил направиться на более уединенное озеро Большой Выпи. И вот, джентльмены, пред вами невероятное и жестокое зрелище: будто бы ни в чем не виноватый и весьма ложно понятый молодой человек таскает усталую девушку с измученной душой с места на место, отыскивая озеро, достаточно безлюдное для того, чтобы можно было ее утопить. И это когда ей остается всего четыре месяца до материнства!

А потом, приехав наконец на достаточно пустынное озеро, он уводит ее из гостиницы, где он опять-таки записался под вымышленной фамилией как Клифорд Голден с женой, сажает ее в лодку и везет на смерть. Бедняжка воображала, что отправляется на короткую прогулку перед свадьбой, о которой он ей говорил и которая должна была скрепить и освятить их отношения. Скрепить и освятить все! Скрепить и освятить, как скрепляют и освящают сомкнувшиеся над головою волны, но не иначе... не иначе! А он ушел, невредимый и коварный, словно волк, насытившийся своей жертвой... Он шел к свободе, к браку с другой, к вершинам общественного и материального благополучия, любви и счастья, тогда как она, безмолвная и безыменная, уснула вечным сном в своей водяной могиле.

Но, джентльмены, неисповедимы пути бытия, пути господни, и провидение направляет наши судьбы, как угодно ему, невзирая на все наши усилия. Поистине, человек предполагает, но один только бог располагает!

Обвиняемый, конечно, удивлен: откуда мне известно, что, даже уходя из гостиницы на озере Большой Выпи, она еще думала о близкой свадьбе? Без сомнения он тешит себя мыслью, что на самом деле я не могу этого знать. Но как прозорлив и глубок должен быть ум, способный предвидеть и предупредить все случайности и возможности! Вот он сидит здесь, уверенный, что его адвокаты помогут ему благополучно выйти из положения. (При этих словах Клайд напряженно выпрямился, чувствуя, что волосы зашевелились у него на голове и спрятанные

под столом руки затряслись.) Он не знает, что эта девушка в номере гостиницы на Луговом озере написала своей матери письмо, но не успела его отправить, и оно лежало в кармане ее пальто, оставленного в гостинице, потому что в этот день было жарко и потому что она, конечно, надеялась вернуться. Это письмо здесь, у меня на столе.

Зубы Клайда стали отбивать дробь. Он дрожал, как в ознобе. Да, верно, она оставила пальто в гостинице! Белнеп и Джефсон тоже насторожились, спрашивая себя, что это может значить. Неужели эта роковая случайность повредит обдуманному ими плану защиты или даже совсем его погубит? Им оставалось только ждать.

— В этом письме,— продолжал Мейсон,— она объясняет, зачем она туда приехала. Чтобы обвенчаться — не больше и не меньше. (При этих его словах Джефсон и Белнеп, так же как и Клайд, вздохнули с величайшим облегчением: это было им на руку.) И обвенчаться очень скоро, через день или два,— продолжал Мейсон, все еще воображая, будто этим он заставляет Клайда буквально умирать от страха. Но Голден или Грэхем из Олбани, или Сиракуз, или откуда там еще, думал иначе. Он знал, что не вернется назад. И он взял с собою в лодку все свои пожитки. И весь долгий день, с полудня до вечера, он искал подходящего места на этом пустынном озере — такого места, которое трудно было бы заметить откуда-либо с берега,— это мы вам докажем. И в сумерки он нашел такое место. И потом, шагая по лесу на юг, с новой соломенной шляпой на голове и с чистым сухим чемоданом в руках, он считал себя в полной безопасности. Клифорда Голдена больше не было, и Карла Грэхема больше не было,— они утонули, они покоились на дне озера Большой Выпи вместе с Робертой Олден. Но Клайд Грифитс был жив и свободен и направлялся к Двенадцатому озеру, к тому обществу, которым он так дорожил.

Джентльмены, Клайд Грифитс убил Роберту Олден прежде, чем бросил ее в воду. Он ударил ее по голове и по лицу и думал, что никто этого не видел. Но когда ее последний предсмертный крик прозвучал над водами Большой Выпи, там был свидетель, и, прежде чем обвинение скажет здесь свое последнее слово, этот свидетель предстанет перед вами и расскажет вам все.

У Мейсона не было свидетеля — очевидца преступления, но он не мог устоять перед возможностью вызвать тревогу во вражеском лагере.

И действительно, результат даже превзошел его ожидания. Клайд, который до сих пор, особенно после потрясающей вести

о письме Роберты, старался переносить все с невозмутимым видом оскорбленной невинности, вдруг застыл — и потом весь съежился. Свидетель! Он даст показания! Господи! Значит, этот свидетель, кто бы он ни был, скрывался где-то на пустынном берегу озера... он видел тот нечаянный удар, слышал крики Роберты... видел, что Клайд не пытался ей помочь! Видел, как он поплыл к берегу, потом скрылся... и, может быть, следил за ним, когда он переодевался в лесу. Господи! Клайд вцепился руками в стул, голова его рывком откинулась назад, словно от сильного удара: ведь это значит смерть! Теперь его казнят! Господи! Больше нет надежды! Голова его бессильно поникла,— казалось, он сейчас упадет в обморок.

Белнепа заявление Мейсона сперва заставило уронить карандаш, которым он делал заметки; потом взгляд его стал растерянным и недоумевающим, ибо защите нечем было отразить подобный удар. Но он тотчас спохватился, что его поведение — верх неосторожности, и овладел собой. Неужели, в конце концов, Клайд им солгал? Неужели он убил ее умышленно и еще при каком-то не замеченном им свидетеле? Если так, то им необходимо как-нибудь отказаться от этого безнадежного и опасного для их репутации дела.

Что касается Джефсона, то и он в первую минуту был ошеломлен и озадачен. В его крепкой голове, которая не так-то легко поддавалась потрясениям, мелькали обрывки мыслей: неужели действительно есть такой свидетель?.. И Клайд лгал? Тогда жребий брошен. Ведь он уже признался им, что ударил Роберту, и свидетель, наверно, это видел. И, значит, конец всем этим разговорам о внезапном душевном переломе. Кто в него поверит после такого свидетельского показания?

Но Джефсон по натуре был слишком упрям и решителен, чтобы позволить себе сразу отступить перед сокрушительным заявлением прокурора. Он обернулся, посмотрел на растерянных, но уже устыдившихся собственной слабости Белнепа и Клайда и шепнул:

— Я этому не верю. Он лжет, по-моему, или пытается нас запугать. Во всяком случае, подождем — увидим. Наш черед придет еще не скоро. Смотрите, сколько тут свидетелей. Мы будем вести перекрестный допрос неделями, если захотим,— до тех пор, пока не истечет срок его полномочий. Тут времени на тысячу дел,— в частности, на то, чтобы выяснить, что это за свидетель. Притом есть еще и версия самоубийства, и то, что произошло на самом деле. Клайд покажет под присягой, как это было: впал в транс, не хватило мужества действовать... Едва ли

кто-нибудь мог видеть это на расстоянии пятисот футов.— Он хмуро улыбнулся и прибавил, но так, чтобы слышал один Белнеп: — Думаю, на худой конец, мы сумеем добиться, чтоб он отделался двадцатью годами, как по-вашему?

ГЛАВА XXI

А потом свидетели, свидетели, свидетели — сто двадцать семь человек. Их показания, особенно показания врачей, троих охотников и женщины, слышавшей последний крик Роберты, были многократно опротестованы Джефсоном и Белнепом, ибо от неточностей и ошибок, которые могли обнаружить адвокаты в этих показаниях, зависела правдоподобность смело задуманной защиты Клайда. Ввиду всего этого процесс затянулся до ноября, когда Мейсон подавляющим большинством голосов был избран судьей, чего он так жаждал. И благодаря тому, что процесс проходил так бурно, в яростных спорах, он привлекал все больший интерес и внимание широкой публики по всей стране.

С каждым днем, как сообщали репортеры из зала суда, становилось все яснее, что Клайд виновен. Однако, повинуясь настойчивым требованиям Джефсона, он встречал нападки каждого свидетеля обвинения спокойно и даже смело.

— Ваше имя?

— Тайтус Олден.

— Вы отец Роберты Олден?

— Да, сэр.

— Итак, мистер Олден, расскажите присяжным, как и при каких обстоятельствах ваша дочь Роберта переехала в Ликург?

— Заявляю протест. Не относится к делу, не существенно, неправомерно,— перебивает Белнеп.

— Я свяжу это с делом,— вставляет Мейсон, глядя на судью, и тот решает, что Тайтус может ответить, но его ответ можно будет исключить из протокола, если он окажется «не относящимся к делу».

— Она поехала в Ликург искать работу,— отвечает Тайтус.

— А почему она поехала туда искать работу?

Снова протест, снова выполняются все формальности, после чего старику позволяют продолжать.

— Да вот, наша ферма, около Бильца, никогда по-настоящему не приносила дохода, и детям приходилось нам помогать, а Бобби была старшая...

— Прошу исключить это из протокола!

— Исключается.

— Бобби — это уменьшительное имя, которым вы называли свою старшую дочь Роберту, не так ли?

— Протестую...— и прочее.

— Суд отклоняет протест защиты.

— Да, сэр. Так мы ее иногда называли дома. Просто Бобби.

Клайд внимательно слушал; не дрогнув, он выдержал суровый, обвиняющий взгляд этого угрюмого деревенского Приама и удивился: он впервые узнал уменьшительное имя своей бывшей возлюбленной. Он звал ее Бертой, и она никогда не говорила ему, что дома ее называли Бобби.

И под перекрестным огнем протестов, споров, решений судьи старик Олден, руководимый Мейсоном, продолжал рассказывать, как Роберта, получив письмо от Грейс Марр, решила поехать в Ликург и поселиться у четы Ньютон, как она стала работать на фабрике Грифитсов и как редко с тех пор видели ее родные, пока пятого июня она не вернулась домой, чтобы отдохнуть и сшить себе несколько платьев.

— Она не говорила, что собирается выйти замуж?

— Нет.

Но она писала длинные письма,— он тогда не знал кому,— и все время была чем-то угнетена и не совсем здорова. Дважды он видел ее плачущей, но ничего не сказал, понимая, что она не хотела, чтобы это заметили. Несколько раз ее вызывали по телефону из Ликурга, в последний раз четвертого или пятого июля, за день до ее отъезда,— он это хорошо помнит.

— А что она взяла с собой, когда уезжала?

— Свой чемодан и сундучок.

— И вы узнаете этот чемодан, если вам его показать?

— Да, сэр.

— Это он? (Один из помощников Мейсона принес чемодан и положил его на столик.)

Олден взглянул на чемодан, вытер глаза кулаком и сказал:

— Да, сэр.

А затем — подобными драматическими эффектами Мейсон старался сопровождать весь ход процесса — принесли сундучок Роберты, и Тайтус Олден, его жена, дочери и сыновья — все расплакались при виде его. И после того как Тайтус подтвердил, что это действительно сундучок Роберты, и чемодан и сундучок были вскрыты. И платья, сшитые Робертой, кое-какое белье, туфли, шляпы, туалетный прибор, подаренный Клайдом, фотографии матери, отца, сестер и братьев, старая поваренная

книга, ложки, вилки и ножи, солонки и перечницы — подарки бабушки, которые Роберта бережно хранила для предстоящей семейной жизни,— все это было пересмотрено и опознано.

Это происходило вопреки протесту Белнепа, поскольку Мейсон обещал «связать» все с делом,— обещание свое он, впрочем, сдержать не смог, и соответственно судья распорядился изъять эти показания из протокола. Однако патетическая сцена произвела глубокое впечатление на умы и сердца присяжных. А Белнеп, критикуя тактические ухищрения Мейсона, добился лишь того, что сей джентльмен в ярости прогремел:

— Хотел бы я знать, кто здесь ведет обвинение?

— Республиканский кандидат на пост судьи нашего округа, я полагаю! — ответил Белнеп, вызвав этим взрыв хохота, и Мейсон, выйдя из себя, закричал:

— Ваша честь! я протестую! Это неэтичная и незаконная попытка примешать к делу совершенно не относящийся к нему политический вопрос. Это хитрое и злонамеренное стремление внушить присяжным, будто я, являясь кандидатом республиканской партии на пост судьи округа, не могу с надлежащим беспристрастием вести обвинение по данному делу. Я требую извинения и, пока не получу его, не сделаю ни шагу дальше!

Судья Оберуолцер, сознавая, что произошло весьма серьезное нарушение судебного этикета, подозвал к себе Мейсона и Белнепа и, выслушав спокойные и вежливые объяснения последнего касательно того, что́ именно он хотел сказать, приказал, чтобы впредь ни один из них под страхом обвинения в неуважении к суду не допускал намеков на политическую обстановку в какой бы то ни было форме.

Тем не менее Белнеп и Джефсон поздравляли себя с удачей: их умозаключение по поводу кандидатуры Мейсона и его стремления воспользоваться делом Клайда, чтобы выдвинуться, было таким образом доведено до сведения суда и присяжных.

А затем еще и еще свидетели...

Грейс Марр бойко и многословно рассказала о том, где и как она познакомилась с Робертой, и какая это была чистая, безгрешная и набожная девушка, и какая резкая перемена произошла с нею после встречи с Клайдом на озере Крам. Она стала скрытной, уклончивой, придумывала всякие лживые оправдания для каких-то необычайных похождений,— например, уходила по вечерам из дому и возвращалась очень поздно, и говорила, что провела субботу и воскресенье там, где ее на самом деле не было, и наконец, когда Грейс решилась высказать ей свое неодобрение, неожиданно уехала от них, не оставив

даже своего адреса. И во всем этом был виноват мужчина, и этим мужчиной был Клайд Грифитс. Как-то вечером Грейс последовала за Робертой — это было в сентябре или октябре прошлого года — и увидела ее и Клайда неподалеку от дома Гилпинов. Они стояли под деревом, и Клайд обнимал ее.

Тут, по предложению Джефсона, свидетельницей занялся Белнеп и, задавая хитроумнейшие вопросы, старался выяснить, действительно ли Роберта по приезде в Ликург была столь набожна и добродетельна, как изображает это мисс Марр. Но увядшая, раздражительная мисс Марр настойчиво утверждала, что, насколько ей известно, до того дня, как произошла встреча с Клайдом на озере Крам, Роберта была образцом правдивости и чистоты.

И затем то же самое под присягой показали Ньютоны.

А потом Гилпины — жена, муж и дочери,— причем каждый под присягой показывал только то, что сам видел и слышал. Миссис Гилпин вспомнила, когда и как Роберта переехала к ним с этими самыми чемоданом и сундучком, как замкнуто и одиноко она жила и как, наконец, она, миссис Гилпин, жалея девушку, стала приглашать ее к себе, чтобы дать ей возможность немного развлечься, однако Роберта неизменно отказывалась. Но потом в конце ноября (правда, у миссис Гилпин, так и не хватило мужества хоть раз заговорить об этом с такой милой и скромной девушкой) она и обе ее дочери убедились, что изредка, после одиннадцати часов, Роберта принимает кого-то у себя в комнате, но кто это был, миссис Гилпин не знает. И опять Белнеп при перекрестном допросе старался добиться таких признаний и сведений, которые давали бы понять, что Роберта была не такой уж безупречной пуританкой, какою изображали ее свидетели,— но это ему не удалось. Миссис Гилпин, так же как и ее муж, была очень привязана к Роберте, и только под давлением Мейсона, а потом и Белнепа, они рассказали о поздних визитах Клайда.

Потом их старшая дочь Стелла показала, что в конце октября или в начале ноября, вскоре после того, как Роберта поселилась у них, она (Стелла), возвращаясь домой, увидела Роберту с каким-то человеком,— теперь она видит, что это был Клайд; они стояли в сотне шагов от дома и, по-видимому, ссорились. Она замедлила шаги и прислушалась. Всего она не могла расслышать, но наводящие вопросы Мейсона помогли ей припомнить, что Роберта не хотела, чтобы он зашел к ней в комнату: «Это было бы нехорошо»,— говорила она. И он в конце

концов круто повернулся и ушел, а Роберта стояла с протянутыми руками, как бы умоляя его вернуться.

А Клайд в изумлении только широко раскрывал глаза. Ведь в те дни, да, в сущности, и за все время своего знакомства с Робертой, он воображал, что за ним никто не наблюдает. Этими показаниями, безусловно, подтверждались многие обвинения, высказанные Мейсоном в его вступительной речи: что он преднамеренно, вполне сознавая истинный смысл своих действий, убеждал Роберту поступить так, как она явно не хотела поступать. Такого рода показания, наверно, восстановят против него судью, так же как и присяжных и всех этих насквозь пропитанных условностями и предрассудками провинциалов, в большинстве — сельских жителей. Белнеп, понимая это, попробовал сбить Стеллу и заставить ее усомниться в том, что она видела именно Клайда. Но он добился лишь того, что она сообщила еще новые сведения: как-то в ноябре или в начале декабря, вскоре после изложенного ранее случая, она видела, как Клайд с какой-то коробкой под мышкой появился у дверей Роберты, постучался и вошел. Она ясно узнала в нем того самого молодого человека, который в ту лунную ночь ссорился с Робертой.

После нее Уигэм и за ним Лигет подтвердили даты поступления на работу Клайда и Роберты, а также существование правила относительно взаимоотношений между начальниками и работницами. Они показали, что, насколько тогда можно было заметить, поведение и Клайда и Роберты было безукоризненно: они, казалось, даже и не смотрели друг на друга, а впрочем, не заглядывались и ни на кого другого (это заявил Лигет).

А потом еще свидетели. Миссис Пейтон показала все, что знала о жизни Клайда в ее доме и о его светских знакомствах, поскольку она была о них осведомлена. По показаниям миссис Олден, в прошлом году на рождестве Роберта призналась ей, что ее начальник — Клайд Грифитс, племянник хозяина фабрики,— ухаживает за ней, но это пока должно оставаться тайной. Фрэнк Гарриэт, Харлей Бэгот, Трейси Трамбал и Фредди Сэлс показали, что в декабре минувшего года Клайда постоянно приглашали на различные званые обеды и вечера. Джон Ламберт, аптекарь из Скенэктеди, показал, что как-то в январе к нему обратился юноша,— он видит, что это был обвиняемый,— с просьбой дать ему какое-нибудь средство, которое могло бы вызвать выкидыш. Орин Шорт показал, что в конце января Клайд спрашивал у него, не знает ли он врача, который мог бы помочь молодой замужней женщине, по словам Клайда, жене

одного из служащих на фабрике Грифитс; этот служащий будто бы обратился за советом к Клайду, так как он и его жена слишком бедны, чтобы иметь ребенка. А потом доктор Глен рассказал о визите Роберты, которую он узнал по портретам, помещенным в газетах, но прибавил, что в силу профессиональной этики он не мог исполнить ее просьбы.

А затем С.-Б. Уилкокс — фермер, сосед Олденов — показал, что примерно двадцать девятого или тридцатого июня, когда он как раз был на кухне, Роберту вызвал по междугородному телефону из Ликурга человек, который назвал себя Бейкером, и Уилкокс слышал, как она сказала ему: «Но, Клайд, я не могу ждать так долго. Ты же знаешь, я не могу. И не буду». И голос у нее был взволнованный и огорченный. Мистер Уилкокс хорошо запомнил имя «Клайд».

А дочь этого самого Уилкокса, Этел, низенькая, толстая и шепелявая, присягнула, что перед этим именно она трижды отвечала на междугородные вызовы и потом бегала за Робертой, и каждый раз из Ликурга звонил мужчина по имени Бейкер. И один раз она слышала, что Роберта назвала его Клайдом. И еще слышала, как Роберта сказала, что ни в коем случае не станет ждать так долго, но что она имела в виду — Этел не поняла.

А затем сельский почтальон Роджер Бин показал, что между седьмым или восьмым июня и четвертым или пятым июля он получил от самой Роберты и вынул из почтового ящика на перекрестке около фермы Олденов не меньше пятнадцати писем и что большинство их было адресовано Клайду Грифитсу, Ликург, главный почтамт, до востребования.

А потом Эймос Шоуолтер, служащий ликургского главного почтамта, показал, что, насколько он припоминает, между седьмым или восьмым июня и четвертым или пятым июля Клайд справлялся у него о корреспонденции на свое имя и получил не меньше пятнадцати или шестнадцати писем.

А за ним Р.-Т. Бигген, содержатель заправочной станции в Ликурге, показал, что утром шестого июля, около восьми часов, идя по Филдинг-авеню (улица на западной окраине города, ведущая к станции электрической железной дороги Ликург — Фонда), он увидел Клайда в сером костюме и соломенной шляпе, с коричневым чемоданом в руке; к чемодану сбоку был прикреплен ремнями желтый штатив фотографического аппарата и что-то еще, возможно зонтик. Зная, где живет Клайд, он удивился, что тот пришел сюда пешком, хотя мог бы сесть на поезд на Сентрал-авеню, неподалеку от своего дома. При

перекрестном допросе Белнеп стал допытываться, каким образом свидетель, находившийся на расстоянии примерно двухсот шагов от Клайда, может ручаться, что он видел именно штатив, но Бигген настаивал: да, штатив, ярко-желтый деревянный треножник с медными скрепами.

А после него Джон У. Трошер, начальник станции Фонда, показал, что утром шестого июля (он ясно помнит это, так как делал тогда кое-какие деловые заметки) Роберта Олден взяла у него билет до Утики. Он помнит мисс Олден, потому что минувшей зимой видел ее несколько раз. Она казалась очень усталой, почти больной, и несла коричневый чемодан, как будто тот самый, который ему здесь показывали. Он припоминает и подсудимого, который также имел при себе чемодан. Трошер не видел, чтобы подсудимый обратил какое-либо внимание на девушку или говорил с нею.

Потом Куинси Э. Дейл, кондуктор поезда, курсирующего между Фондой и Утикой, показал, что он узнает Клайда, которого заметил тогда в одном из задних вагонов. Он заметил также и Роберту и потом узнал ее по опубликованным в газетах фотографиям. Она тогда приветливо улыбнулась ему, а он сказал, что чемодан, пожалуй, тяжеловат для нее и что он велит кому-нибудь из тормозных кондукторов вынести его в Утике, и она поблагодарила. Он видел, что она сошла в Утике и скрылась в дверях вокзала. Клайда он там не заметил.

А затем — опознавание сундучка Роберты, который долгое время оставался на хранении в багажной камере станции Утика. А затем — страница из книги, где записывались посетители отеля в Утике, опознанная управляющим отеля Джерри Керносяном; под датой шестого июля стояла запись: «Клифорд Голден с женой». Эксперты тут же сравнили эту запись с записями в регистрационных книгах гостиниц на Луговом озере и на Большой Выпи и под присягой показали, что все три записи сделаны одной и той же рукой. Потом этот почерк был сравнен с тем, которым была сделана надпись на визитной карточке, найденной в туалетном приборе Роберты. Эти улики были тщательно рассмотрены по очереди всеми присяжными, а также и Белнепом и Джефсоном, которые, впрочем, уже раньше видели все, кроме карточки. И снова Белнеп заявил протест в связи с сокрытием вещественного доказательства — недопустимым, незаконным и позорным поступком со стороны прокурора. Долгими ожесточенными пререканиями по этому поводу закончился десятый день судебного разбирательства.

ГЛАВА XXII

А на одиннадцатый день некий Фрэнк Шефер, клерк из отеля в Утике, припомнил, как Клайд и Роберта явились в отель, как они при этом держались и как Клайд расписался за обоих: «Мистер и миссис Клифорд Голден из Сиракуз». За ним Уоллес Вандергоф, один из приказчиков галантерейного магазина в Утике, описал внешность и поведение Клайда при покупке соломенной шляпы. А потом — кондуктор поезда, курсирующего между Утикой и Луговым озером. И хозяин гостиницы на Луговом озере, и официантка гостиницы Бланш Петинджил, показавшая, что она слышала, как Клайд за обедом уверял Роберту, будто здесь невозможно получить разрешение на брак и лучше подождать до завтра, когда они приедут в какое-нибудь другое место. Это свидетельство было особенно неприятно, так как предполагалось, что на следующий день Клайд уже во всем признался Роберте; но затем Джефсон и Белнеп порешили, что этому признанию могли предшествовать какие-то предварительные стадии. А после официантки — кондуктор поезда, в котором они ехали до Ружейной. А за ним — проводник и шофер автобуса, рассказавший о странном вопросе Клайда, много ли на озере Большой Выпи народу, и о том, как Клайд оставил чемодан Роберты, сказав, что они вернутся, а свой чемодан взял с собой.

А потом — хозяин гостиницы на озере Большой Выпи; лодочник; те трое, что встретились Клайду в лесу,— их показания очень повредили ему, потому что они рассказали, какой ужас охватил его при встрече с ними. А затем — рассказ о том, как обнаружили лодку и тело Роберты, о прибытии Хейта и о том, как нашли письмо в кармане пальто Роберты. Все это подтверждают десятки свидетелей. И далее — капитан парохода, деревенская девушка, шофер Крэнстонов; приезд Клайда на дачу к Крэнстонам и, наконец (причем в связи с каждым шагом даются показания под присягой), его поездка на Медвежье озеро, погоня за ним и арест,— все его стадии и каждое слово, сказанное тогда Клайдом: все это было весьма неблагоприятно для него, так как изобличало его лживость, уклончивость и испуг.

Но, бесспорно, самыми опасными и самыми неблагоприятными для Клайда были показания относительно фотографического аппарата и штатива и обстоятельств, при которых они были найдены. На это больше всего и рассчитывал Мейсон, надеясь добиться осуждения. Прежде всего он хотел доказать,

что Клайд лгал, заявляя, будто аппарат и штатив не принадлежат ему. Для этого Мейсон сначала вызвал Эрла Ньюкома, который под присягой показал, что в тот день, когда он, Мейсон, Хейт и другие участники расследования повезли Клайда на озеро Большой Выпи, где было совершено преступление, он, Ньюком, и некий местный житель Билл Суортс (который также даст здесь показания), обшаривая кусты и поваленные деревья, натолкнулись на штатив, спрятанный под лежащим на берегу стволом. Затем, отвечая Мейсону (Белнеп и Джефсон пытались протестовать, но судья неизменно отклонял их протесты), Ньюком прибавил, что, когда у Клайда спросили, был ли у него фотографический аппарат или этот штатив, он ответил отрицательно. Услышав показания Ньюкома, Белнеп и Джефсон громко выразили свое возмущение.

Сразу же вслед за этим суду был представлен протокол, подписанный Хейтом, Бэрлеем, Слэком, Краутом, Суэнком, Сисселом, Биллом Суортсом, землемером Руфусом Форстером и Ньюкомом; в протоколе говорилось, что Клайд, когда ему был показан штатив и задан вопрос, не его ли вещь, «решительно и многократно это отрицал». И хотя судья Оберуолцер приказал в конце концов вычеркнуть это показание из протокола суда, Мейсон, желая во что бы то ни стало подчеркнуть, насколько оно важно, сразу прибавил:

— Прекрасно, ваша честь, но у меня есть и еще свидетели, которые под присягой подтвердят все, что написано в этом документе, и даже больше.— И сейчас же вызвал: — Джозеф Фрейзер.

На свидетельском месте появился продавец спортивных принадлежностей, фотографических аппаратов и прочего и показал под присягой, что во второй половине мая обвиняемый Клайд Грифитс, которого он знал в лицо и по имени, купил у него в рассрочку фотографический аппарат фирмы Сэнк, размером $3^1/_2 \times 5^1/_2$ со штативом. Тщательно осмотрев предъявленный ему теперь аппарат и желтый штатив и сличив стоящие на них номера с записями в своих книгах, Фрейзер подтвердил, что именно эти вещи он продал тогда Клайду.

Клайд был сражен. Значит, они нашли и аппарат и штатив. И это после того, как он утверждал, что у него не было никакого аппарата! Что подумают о такой явной лжи присяжные, и судья, и вся публика? Поверят ли теперь его рассказу о пережитом им душевном перевороте, когда доказано, что он солгал даже насчет этого несчастного аппарата? Лучше бы он сразу во всем сознался.

Но, пока он об этом раздумывал, Мейсон вызвал Саймона Доджа, молодого лесоруба, показавшего, что по просьбе прокурора в субботу шестнадцатого июля он с Джоном Полом, который вытащил тело Роберты из воды, несколько раз ныряли в том месте, где найдено было тело, и в конце концов ему удалось найти фотографический аппарат. Аппарат тут же был показан Доджу и опознан им.

И тотчас после этого — показания, относящиеся к найденным тогда же в аппарате, но до сих пор не упоминавшимся пленкам: извлеченные из воды и проявленные, они были теперь включены в число улик; на четырех снимках можно было рассмотреть женщину, в точности похожую на Роберту, а на двух нетрудно было узнать Клайда. Белнепу не удалось ни опровергнуть это, ни исключить снимки из числа вещественных доказательств.

Потом Флойд Тэрстон, гостивший на даче Крэнстонов в Шейроне восемнадцатого июня (как раз когда туда впервые приезжал Клайд), показал, что в тот день Клайд сделал несколько снимков аппаратом примерно такого же вида и размера, как тот, который был ему тут показан. Но он не решился утверждать, что это и есть тот самый аппарат, и потому его показания были исключены из протокола.

После него Эдна Пэттерсон, горничная гостиницы на Луговом озере, показала, что, когда вечером седьмого июля она вошла в комнату, занятую Клайдом и Робертой, Клайд держал в руках фотографический аппарат,— насколько она припоминает, такой же величины и такого же вида, как и находящийся сейчас перед нею. Тогда же она видела и штатив. И Клайд, который в странном оцепенении следил за происходящим, вспомнил, как эта девушка зашла тогда в комнату. И он с тягостным удивлением подумал: как странно, что свидетели из самых разных, неожиданных и не связанных друг с другом мест, да еще спустя такое долгое время, могут создать такую прочную цепь улик!

В последующие дни,— причем Белнеп и Джефсон все снова и снова неутомимо оспаривали допустимость такого рода показаний,— были выслушаны пять врачей, которых вызвал Мейсон, когда тело Роберты было доставлено в Бриджбург; все они по очереди под присягой заявили, что ушибы на лице и голове, принимая во внимание физическое состояние Роберты, вполне могли ее оглушить. Состояние легких покойной (их подвергли испытанию, погружая в воду) доказывало, что в момент падения за борт она была еще жива, хотя и не обязательно нахо-

дилась в сознании. Что же касается орудия, которым были нанесены удары, врачи не решались высказывать какие-либо догадки, кроме того, что это орудие было тупое. И как ни были строги и придирчивы Белнеп и Джефсон, они не заставили врачей признать, что удары могли и не быть настолько сильными, чтобы оглушить Роберту и лишить ее сознания... наиболее серьезной, была, видимо, рана на темени, такая глубокая, что здесь образовался сгусток крови. В качестве вещественных доказательств предъявлены были фотографические снимки.

Именно этот момент, когда и публику и присяжных охватило глубокое, тягостное волнение, выбрал Мейсон, чтобы предъявить также многочисленные снимки лица Роберты, сделанные в то время, когда она находилась в ведении Хейта, врачей и братьев Луц. Было показано, что размеры кровоподтеков на лице точно соответствуют двум сторонам фотографического аппарата. А вслед за этим Бэртон Бэрлей показал под присягой, что он обнаружил между объективом и крышкой аппарата два волоса, точно таких же, как волосы Роберты (во всяком случае, это усиленно доказывал Мейсон). И тут, после многих часов заседания, Белнеп, которого взволновали и привели в ярость подобного рода улики, попытался опровергнуть их с помощью сарказма: под конец он вырвал один волосок из своей светлой шевелюры и спросил присяжных и Бэрлея, осмелится ли он утверждать, что по одному волоску можно судить о цвете чьих бы то ни было волос, и не готовы ли они поверить, что и вот этот волос взят с головы Роберты.

Потом Мейсон вызвал свидетельницу миссис Ратджер Донэгью, которая самым спокойным и ровным тоном сообщила, что вечером восьмого июля, между половиной шестого и шестью часами, она и ее муж разбили палатку вблизи Лунной бухты, а затем поехали кататься на лодке и ловить рыбу, и, когда они были примерно в полумиле от берега и в четверти мили от поросшего лесом мыса, ограждающего Лунную бухту с севера, она услышала крик.

— Между половиной шестого и шестью, вы говорите?

— Да, сэр.

— Так какого числа это было?

— Восьмого июля.

— И в каком точно месте вы были в это время?

— Мы были...

— Не «мы». Где были вы лично?

— Я вместе с мужем переплывала на лодке через ту часть

озера, которая, как я после узнала, называется Южным заливом.

— Так. Теперь расскажите, что случилось дальше.

— Когда мы доплыли до середины залива, я услышала крик.

— Какой крик?

— Душераздирающий, как будто кто-то кричал от боли... или от ужаса... Пронзительный крик,— я потом не могла его забыть.

Тут поднялся Белнеп, ходатайствуя об исключении последней фразы из протокола, и дано было указание вычеркнуть ее.

— Откуда доносился этот крик?

— Издалека. Из лесу или, может быть, из какого-то места позади него.

— Знали ли вы тогда, что по ту сторону мыса есть еще залив или бухта?

— Нет, сэр.

— Ну, а что же вы подумали тогда — что кричат в прибрежном лесу?

(Протест защиты, принятый судом.)

— А теперь скажите нам, кто это кричал — мужчина или женщина? И что именно кричали?

— Кричала женщина. Крик был очень пронзительный и явственный, но, конечно, далекий. Она вскрикнула дважды — как будто «Ой-ой!» или «А-ах!», как кричит человек, когда ему больно.

— Вы уверены, что не ошиблись и что кричала именно женщина, а не мужчина?

— Нет, сэр. Я вполне уверена. Голос был женский, слишком высокий для мужчины или для мальчика. Так могла кричать только женщина.

— Понимаю. А теперь скажите-ка, миссис Донэгью... вот эта точка на карте показывает, где было найдено тело Роберты Олден,— видите?

— Да, сэр.

— А видите вторую точку, вот здесь, за деревьями, которая показывает приблизительно, где находилась ваша лодка?

— Вижу, сэр.

— Не думаете ли вы, что голос доносился с указанного здесь места Лунной бухты?

(Опротестовано. Протест принят.)

— Не повторился ли крик?

— Нет, сэр. Я ждала. Кроме того, я обратила на этот крик внимание мужа, и мы с ним оба ждали, но больше ничего не слышали.

Потом за свидетельницу взялся Белнеп, жаждавший доказать, что крик мог быть вызван ужасом, но не болью; он допросил ее заново с самого начала и убедился, что ни ее, ни ее мужа, также вызванного свидетелем, никоим образом невозможно поколебать. Они уверяли, что крик неизвестной женщины произвел на них глубокое, неизгладимое впечатление. Он преследовал их обоих, и, вернувшись в палатку, они все время о нем говорили. Муж не хотел отыскивать место, откуда доносился крик, потому что были уже сумерки, а ей все чудилось, что там, в лесу, убили какую-то женщину или девушку, и потому она не хотела оставаться здесь дольше, и на следующее же утро они отправились на другое озеро.

Томас Баррет, адирондакский проводник, обслуживавший лагерь на озере Дэм, показал, что в час, указанный миссис Донэгью, он шел берегом к гостинице на озере Большой Выпи и не только видел мужчину и женщину в лодке, примерно в описанном свидетельницей месте, но южнее на берегу залива заметил также и палатку этих туристов. Он показал еще, что лодку, находящуюся в Лунной бухте, невозможно увидеть откуда-либо со стороны,— разве только если вы находитесь у самого входа в бухту. Вход очень узок, и с озера бухта совершенно не видна. Были и еще свидетели, подтвердившие это.

И тут (этот психологический эффект был тщательно обдуман заранее) в час, когда свет вечернего солнца уже стал меркнуть в высоком, узком зале суда, Мейсон начал читать письма Роберты одно за другим, совсем просто и без всякой декламации, но с тем сочувствием и глубоким волнением, какое пробудилось в нем при первом их чтении. Тогда они заставили его плакать.

Он начал с первого письма, написанного восьмого июня — всего через три дня после ее отъезда из Ликурга,— и прочел их все, вплоть до четырнадцатого, пятнадцатого, шестнадцатого и семнадцатого.

По отдельным местам различных писем и по упоминающимся то там, то тут событиям и фактам можно было воссоздать всю историю знакомства Роберты с Клайдом, вплоть до его намерения приехать за нею через три недели, затем через месяц, затем восьмого или девятого июля... и затем — ее внезапная угроза, после чего он поспешно решил встретиться с нею

в Фонде. И пока Мейсон читал эти бесконечно трогательные письма, влажные глаза, появившиеся в руках платки и покашливание свидетельствовали о силе их воздействия на публику и на присяжных.

«Ты советовал мне не тревожиться, не думать так много о том, как я себя чувствую, и весело проводить время. Хорошо тебе говорить, когда ты в Ликурге, окружен друзьями и тебя повсюду приглашают. Мне трудно разговаривать по телефону от Уилкоксов: всегда кто-нибудь может меня услышать, а ты все время напоминаешь, что нельзя говорить и того и другого. Мне надо было о многом тебя спросить, но по телефону не удалось. Ты все время только повторяешь, что все уладится. Но ты не сказал определенно, что приедешь двадцать седьмого. Я не совсем разобрала — было очень плохо слышно,— но как будто ты почему-то задержишься еще позже. Но это невозможно, Клайд! Папа и мама третьего уезжают в Хемилтон, к дяде. А Том и Эмилия в тот же день поедут к сестре. Но я не могу и не хочу опять ехать к ней. И не могу оставаться здесь совсем одна. Так что ты должен, право же должен приехать, как обещал. Клайд, в таком положении я не могу дольше ждать, и ты просто должен приехать и увезти меня отсюда. Только, пожалуйста, умоляю тебя, не мучай меня больше никакими отсрочками».

И еще:

«Клайд, я поехала домой, потому что думала, что могу тебе верить. Ты тогда торжественно обещал приехать за мной самое позднее через три недели и уверял, что за это время успеешь все устроить, соберешь достаточно денег и мы сможем жить на них, пока ты не найдешь где-нибудь другую работу. Но третьего июля будет уже почти месяц, как я здесь, а вчера ты совсем не был уверен, что сумеешь приехать третьего. А ведь я сказала тебе, что мои родители уезжают на десять дней в Хемилтон. Потом, правда, ты сказал, что приедешь, но сказал как будто только для того, чтобы меня успокоить. И я с тех пор ужасно волнуюсь.

Пойми, Клайд, я совсем больна. Мне кажется, я каждую минуту могу упасть в обморок, и, кроме того, я все время мучительно думаю, как же мне быть, если ты не приедешь, и это сводит меня с ума».

«Клайд, я знаю, что ты больше совсем не любишь меня и хотел бы, чтобы все было по-иному. Но что же мне делать? Я знаю, ты скажешь, что я так же виновата во всем, как и ты. Если бы люди знали, они бы, наверно, тоже так думали. Но ведь я так просила тебя, чтобы ты не заставлял меня идти на то, чего я не хотела делать,— я и тогда боялась, что пожалею об этом. Но я слишком тебя любила, чтобы дать тебе уйти, раз ты так настаивал...»

«Клайд, если б я могла умереть! Тогда бы все разрешилось. И в последнее время я много молилась об этом — правда, молилась, потому что жизнь теперь совсем не так дорога мне, как было прежде, когда мы встретились и ты меня полюбил. Какое это было счастливое время! Если бы все сложилось по-иному... Если бы мы с тобой тогда не встретились! Так было бы гораздо лучше и для меня, и для всех нас. Но теперь я не могу, Клайд, ведь у меня нет ни гроша и нет другой возможности дать имя нашему ребенку. Но если бы я не боялась принести страшное горе и позор маме и отцу и всем своим родным, поверь, я предпочла бы совсем другой выход. Это чистая правда».

И еще:

«Клайд, Клайд, все в жизни так изменилось с прошлого года! Подумай, тогда мы ездили на озеро Крам и на другие озера возле Фонды и Гловерсвила и Литл-Фоллз, а теперь... теперь... Только что за Томом и Эмилией зашли их друзья и подруги, и они пошли собирать землянику. А я смотрела им вслед и думала, что не могу пойти с ними и никогда уже не буду такой, как они... и я долго-долго плакала».

И наконец:

«Сегодня я прощалась со своими любимыми местами. Знаешь, милый, здесь столько славных уголков, и все они мне так дороги! Ведь я прожила здесь всю свою жизнь. Во-первых, у нас тут есть колодец, со всех сторон обросший зеленым мхом. Я пошла и попрощалась с ним, потому что теперь не скоро опять приду к нему,— может быть, никогда. Потом — старая яблоня: мы всегда играли под нею, когда были маленькими,— Эмилия, Том, Гифорд и я. Потом «Вера» — забавная маленькая беседка в фруктовом саду,— мы в ней тоже иногда играли.

О Клайд, ты не представляешь, что все это для меня значит! В этот раз я уезжаю из дому с таким чувством, как будто никогда больше не вернусь. А мама, бедная мама, я так люблю ее, и мне так тяжело, что я ее обманула! Она никогда не сердится и всегда мне очень помогает. Иногда мне хочется все рассказать ей, но я не могу. У нее и без того немало огорчений, и я не могла бы нанести ей такой жестокий удар. Нет, если я уеду и когда-нибудь вернусь,— замужняя или мертвая, мне это уже почти все равно,— она ничего не узнает, я не доставлю ей никакого горя, и это для меня гораздо важнее, чем самая жизнь. Итак, до свидания, Клайд, мы встретимся, как ты сказал мне по телефону. Прости, что я доставила тебе столько беспокойства.

Твоя печальная *Роберта».*

Во время чтения Мейсон порою не мог сдержать слез, а когда была перевернута последняя страница,— усталый, но торжествующий от сознания, что его доводы исчерпывающи и неопровержимы, воскликнул:

— Народ закончил!

И в эту минуту из груди миссис Олден, которая находилась в зале суда вместе с мужем и Эмилией и была безмерно измучена долгими, напряженными днями процесса и особенно этим чтением, вырвался крик, похожий на рыдание, и она упала в обморок. Клайд, тоже усталый и измученный, услышав ее крик и увидев, что она упала, вскочил... Тотчас предостерегающая рука Джефсона опустилась на его плечо, а тем временем судебные приставы и ближайшие соседи из публики, поддерживая миссис Олден, помогли ей и Тайтусу выйти из зала. Эта сцена чрезвычайно взволновала всех присутствующих и привела их в такую ярость, как будто Клайд тут же на месте совершил еще одно преступление.

Понемногу возбуждение улеглось, но в зале стало уже совсем темно, стрелки стенных часов показывали пять, и все в суде устали; поэтому судья Оберуолцер счел нужным объявить перерыв до завтрашнего утра.

И сейчас же все журналисты и художники поднялись с мест, перешептываясь о том, что наутро предстоит выступление защиты, и любопытно, каковы ее свидетели и позволят ли Клайду перед лицом такого невероятного множества показаний против него выступить в качестве свидетеля в свою защиту, или же его защитники удовольствуются более или менее правдоподобными ссылками на невменяемость и нравственную

неустойчивость? Это может кончиться для него пожизненным тюремным заключением,— не меньше.

А Клайд, выходя из здания суда под свистки и проклятия толпы, спрашивал себя, хватит ли у него завтра мужества выступить в качестве свидетеля, как это было ими давно и тщательно обдумано... И еще он думал (из тюрьмы и обратно его водили без наручников): нельзя ли, если никто не будет смотреть, завтра вечером, когда все встанут с места, и толпа придет в движение, и его конвоиры направятся к нему... нельзя ли... вот если бы побежать, или нет — непринужденно, спокойно, но быстро и как бы ненароком подойти к этой лестнице, а потом — вниз и... ну, куда бы она ни вела... не к той ли маленькой боковой двери подле главной лестницы, которую он еще раньше видел из окна тюрьмы? Ему бы только добраться до какого-нибудь леса — и потом идти... идти... или просто бежать, бежать, пусть без остановок, без еды, пусть целыми днями, пока... ну, пока он не выберется... куда-нибудь. Конечно, можно попытаться... Его могут пристрелить, в погоню за ним могут пустить собаку, послать людей, но все же можно попытаться спастись, не так ли?

Потому что здесь у него нет надежды на спасение. После всего, что было на суде, никто и нигде не поверит в его невиновность. А он не хочет умереть такой смертью. Нет, нет, только не так!

И вот еще одна тягостная, черная, мучительная ночь.

И за нею еще одно тягостное серое и холодное утро.

ГЛАВА XXIII

На следующее утро к восьми часам бросающиеся в глаза заголовки всех крупнейших газет города возвестили всем и каждому в самых ясных и понятных выражениях:

«ОБВИНЕНИЕ ПО ДЕЛУ ГРИФИТСА ЗАКОНЧИЛОСЬ ПОТОКОМ ПОТРЯСАЮЩИХ ПОКАЗАНИЙ.
МОТИВЫ И СПОСОБ УБИЙСТВА НЕОПРОВЕРЖИМО ДОКАЗАНЫ, СЛЕДЫ СЕРЬЕЗНЫХ УШИБОВ НА ЛИЦЕ И НА ГОЛОВЕ СООТВЕТСТВУЮТ РАЗМЕРАМ ФОТОГРАФИЧЕСКОГО АППАРАТА.
МАТЬ УБИТОЙ ДЕВУШКИ ЛИШАЕТСЯ ЧУВСТВ ПО ОКОНЧАНИИ ЧТЕНИЯ ТРАГИЧЕСКИХ ПИСЕМ ДОЧЕРИ»

Железная логика, с которой Мейсон построил свое обвинение, равно как и потрясающий драматизм его речи, сразу заставили Белнепа и Джефсона, и тем более Клайда, почувствовать,

что они разбиты наголову и никакими мыслимыми ухищрениями им теперь не разуверить присяжных, убежденных, что Клайд — отъявленный злодей.

Все поздравляли Мейсона с мастерски проведенным обвинением. А Клайд был совсем уничтожен и подавлен мыслью, что мать прочтет обо всем, происшедшем накануне. Надо непременно попросить Джефсона, пусть он телеграфирует ей, чтобы она не верила всему этому, ни она, ни Фрэнк, ни Джулия, ни Эста. Конечно, и Сондра тоже читает это сегодня, но от нее за все эти дни, за все беспросветные ночи — ни слова! Газеты изредка упоминали о «мисс Х», но не появлялось ни одного сколько-нибудь точного ее описания. Вот что может сделать семья со средствами. А сегодня наступает очередь защиты, и ему придется выступить в качестве единственного более или менее значительного свидетеля. И он спрашивал себя — хватит ли у него сил? Толпа... Ее ожесточение... Ее недоверие и ненависть, мучительно бьющие по нервам... А когда Белнеп покончит с ним, начнет Мейсон. Хорошо Белнепу и Джефсону! Им не грозит такая пытка, какая, без сомнения, предстоит ему.

В ожидании ее Клайд проводит час в своей камере в обществе Белнепа и Джефсона, а затем снова оказывается в зале суда под пытливыми взглядами всех этих не поддающихся описанию присяжных и снедаемой любопытством публики. И вот поднимается Белнеп и, торжественно обведя взглядом присяжных, начинает:

— Джентльмены! Свыше трех недель тому назад прокурор заявил вам, что основываясь на собранных им уликах, он будет настаивать на том, чтобы вы, господа присяжные, признали подсудимого виновным в том преступлении, в котором его обвиняют. За этим последовала долгая и утомительная процедура. Неразумные и нелепые, но в каждом отдельном случае невинные и непреднамеренные поступки пятнадцатишестнадцатилетнего мальчика были представлены вам здесь, джентльмены, как действия закоренелого преступника,— явно с намерением восстановить вас против обвиняемого. Между тем, за исключением одного лишь неверно истолкованного несчастного происшествия в Канзас-Сити (это самый грубый и дикий случай ложного толкования, с каким мне когда-либо приходилось сталкиваться во всей моей юридической практике), смело можно сказать, что жизнь обвиняемого была такой же чистой, деятельной, безупречной и невинной, как и жизнь любого мальчика его возраста. Вы слышали, как его называли мужчиной, взрослым бородатым мужчиной, злодеем, мрачным

исчадием ада, проникнутым преступнейшими помыслами. А ему ведь только двадцать один год. Вот он сидит перед вами. Осмелюсь сказать, что, сумей я сейчас магической силой слова сорвать с ваших глаз пелену, сотканную всеми жестокими мыслями и чувствами, приписанными моему подзащитному заблуждающимся и, я сказал бы (если бы меня не предупредили, что этого делать нельзя), преследующим особые политические цели обвинением,— вы уже не могли бы так к нему относиться, просто не могли бы — точно так же, как не можете подняться со своих мест и вылететь вот в эти окна.

Господа присяжные, без сомнения, вас, как и прокурора, и всех сидящих в этом зале, удивляло, что под сплошным потоком тщательно подобранных и подчас чуть ли не ядом пропитанных показаний я, мой коллега и подзащитный могли оставаться столь спокойными и так хорошо владели собой. (И он с достоинством и церемонно указал на своего партнера, который ожидал своей очереди выступить.) Однако, как вы видели, мы сохраняли не напускное, а подлинное душевное спокойствие — спокойствие людей, которые не только чувствуют, но и знают, что во всяком споре пред лицом закона они сумеют доказать правоту и справедливость своего дела. Вы помните, конечно, слова Эвонского барда: «Втройне силен, чей спор о правом деле».

Действительно, нам известны,— жаль, что они не известны обвинению,— необычайно странные и неожиданные обстоятельства, повлекшие за собою крайне прискорбную и трагическую гибель Роберты Олден. Вы о них узнаете и сможете сами составить суждение об этом. А пока позвольте мне сказать вам следующее: с самого начала процесса я полагал, что даже вне зависимости от света, который мы намерены пролить на эту печальную трагедию, вы, господа, отнюдь не убеждены, действительно ли этот человек совершил жестокое и зверское преступление. Вы не можете быть в этом уверены! Ибо любовь есть любовь, и пути страсти и губительных порывов любви — идет ли речь о мужчине или о женщине — не пути обычного преступления. Вспомните, ведь все мы когда-то были юношами. И все присутствующие здесь женщины были юными девушками, и им известны,— о, как хорошо известны! — волнения и страдания юности, столь чуждые наступающему позже жизненному практицизму. «Не судите, да не судимы будете, и какою мерою мерите, такою и вам будет отмерено».

Мы признаем существование таинственной мисс X; ее письма, которые мы не могли предъявить здесь, ее обаяние и

любовь с огромной силой влияли на обвиняемого. Мы признаем его любовь к этой мисс Х. Полагают, что обвиняемый, прибегнув к коварным и безнравственным приемам, совлек со стези добродетели прелестное существо, погибшее столь прискорбно, но тем не менее, как мы докажем, совершенно случайно. При помощи своих свидетелей, а также путем анализа некоторых из уже слышанных вами здесь показаний мы рассчитываем доказать, что поступки обвиняемого были, пожалуй, не более коварны и безнравственны, чем поступки любого юноши, который видит, что любимая им девушка окружена людьми, чьи взгляды на жизнь крайне ограничены, стиснуты рамками строжайшей прописной морали. И, господа, как сказал вам сам прокурор, Роберта Олден любила Клайда Грифитса. С первых дней этой связи, которая затем превратилась в трагедию, умершая девушка глубоко, безгранично любила его,— так же, как и он, казалось ему, любил ее тогда. А людей, которые глубоко и серьезно любят друг друга, мало занимает мнение посторонних. Они любят — и этого довольно!

Но, джентльмены, я не собираюсь задерживаться на этом вопросе так долго, как на объяснении, которое мы вам намерены представить. Почему Клайд Грифитс вообще отправился в Фонду или в Утику, на Луговое озеро или на озеро Большой Выпи? Вы думаете, у нас имеются какие-либо причины или желание отрицать или как-то затушевывать тот факт, что он ездил туда, и притом с Робертой Олден? Или скрыть мотивы, которые заставили его после внезапной и, видимо, странной и загадочной ее смерти так поспешно бежать? Если вы хоть сотую долю секунды всерьез думали, что это так,— значит, никогда еще за все двадцать семь лет своей практики я не имел чести выступать перед двенадцатью столь безнадежно обманутыми и введенными в заблуждение присяжными.

Джентльмены, я сказал вам, что Клайд Грифитс невиновен,— и это правда. Быть может, вы думаете, что мы сами втайне верим в его виновность. Но вы ошибаетесь. В жизни бывают странные, удивительные вещи, и нередко человека обвиняют в том, чего он вовсе не совершал,— и при этом все без исключения обстоятельства как будто подтверждают, что он это совершил. Известно немало трагических и ужасных случаев, когда суд принимал ошибочные решения, руководствуясь исключительно косвенными уликами. Будьте осторожны, будьте очень осторожны! Пусть никакое ошибочное суждение, основанное на каких-либо теориях о поведении человека или на предубеждениях чисто местного, религиозного или морального

порядка, суждение, подкрепленное неопровержимыми, казалось бы, уликами, не повлияет на вас! Будьте осторожны, чтобы невольно, движимые наилучшими и благороднейшими намерениями, вы не усмотрели здесь преступления или преступного умысла, тогда как на самом деле ни в мыслях, ни в поступках обвиняемого не было ничего преступного, никакого намерения совершить преступление. О, будьте осторожны! Будьте очень, очень осторожны!

Тут он умолк и, казалось, погрузился в глубокие и даже горестные размышления, а Клайд, ободренный этим искусным и смелым вступлением, несколько воспрянул духом. Но вот Белнеп вновь заговорил,— надо слушать, не упуская ни слова из этой речи, которая придает столько мужества.

— Когда тело Роберты Олден было извлечено из вод озера Большой Выпи, джентльмены, его сразу же осмотрел врач. Он признал, что эта девушка — утопленница. Он выступит здесь и даст показания. Они благоприятны для обвиняемого, и вам следует принять это во внимание.

Прокурор сказал вам, что Роберта Олден и Клайд Гриффитс были помолвлены и шестого июля она покинула родительский дом в Бильце, чтобы отправиться с ним в свадебное путешествие. Но, джентльмены, это так просто — слегка исказить определенные обстоятельства! «Были помолвлены» — вот как выразился прокурор о том, что привело к их отъезду шестого июля. А на самом деле ничем и никак не доказано, что Клайд Гриффитс действительно когда-либо был официально помолвлен с Робертой Олден, ниоткуда, помимо некоторых строк в ее письмах, не видно, что он соглашался на ней жениться. А из этих строк явствует, джентльмены, что он согласился жениться на ней только под давлением соображений морального и материального порядка, вызванных ее положением,— положением, за которое, он, разумеется, ответствен, но которое все же явилось следствием согласия обоих — юноши двадцати одного года и девушки двадцати трех лет. И я спрашиваю вас: разве это — настоящая, открытая помолвка? Разве такой смысл вкладываете вы в это слово? Поймите, я никоим образом не хочу осмеять, унизить или опорочить несчастную погибшую девушку. Я просто заявляю, что в действительности, юридически и формально, этот юноша не был официально помолвлен с покойной. Он не обещал ей заранее, что женится на ней... Никогда не обещал! Нет никаких доказательств. Вы должны признать, что это говорит в его пользу. И только ввиду ее положения, ответственность за которое, мы это признаем, лежит на

нем, он изъявил согласие жениться на ней в случае... в случае... (Белнеп помедлил и с ударением закончил) если она не пожелает дать ему свободу. А поскольку она не хотела отпускать его, как это видно из прочитанных здесь писем, его согласие, данное под страхом разоблачения и огласки в Ликурге, превращается у прокурора в помолвку, более того — в священное обязательство, нарушить которое способен только негодяй, вор и убийца. Но, джентльмены, немало было в мире нарушено обязательств, более прямых и более священных с точки зрения закона и религии. Тысячи мужчин и тысячи женщин изведали это: их чувства изменились, их клятвы, обещания и уверения были забыты и поруганы, и многие скрыли свои раны в тайниках души или даже с радостью встречали смерть — смерть от собственной руки! Как сказал в своей речи прокурор: это не ново — и никогда не устареет. Никогда!

Предупреждаю вас, именно такой случай представлен сейчас на ваше рассмотрение: умершая девушка стала жертвой подобной перемены в чувствах обвиняемого. Но каким бы тяжким преступлением ни было это в моральном и общественном отношении, юридически это не преступление. И лишь в силу странного, сложного, почти невероятного и притом ведущего к глубочайшим заблуждениям стечения обстоятельств, связанных со смертью несчастной девушки, Клайд Грифитс оказался здесь, перед вами, в качестве обвиняемого. Я ручаюсь за это. Я знаю, что это правда. И на этот счет вам должны быть и будут здесь даны исчерпывающие и вполне удовлетворительные объяснения, прежде чем закончится настоящий процесс.

Однако в связи с этим утверждением необходимо сделать еще одно, которое послужит предисловием ко всему дальнейшему.

Господа присяжные! Тот, кого вы здесь судите и чья жизнь в ваших руках,— трус, личность умственно и нравственно малодушная,— не более и не менее, но отнюдь не закоренелый жестокосердый преступник. Подобно многим людям, оказавшимся в критическом положении, он стал жертвой особого сочетания страха интеллектуального со страхом моральным. Причины этого явления еще никто не сумел как следует объяснить. У всех нас есть свои тайные страхи, свои пугала. И не что иное, как эти особенности его характера, поставили его теперь в столь опасное положение. Джентльмены, именно трусость, страх перед правилами, установленными на фабрике дяди, равно как и боязнь нарушить слово, данное фабричному начальству,— вот причина, заставившая его скрывать сначала

свой интерес к хорошенькой девушке, которая стала работать в его отделении, а позднее — скрывать знакомство с нею.

Однако это отнюдь не преступление в глазах закона. Вы никак не могли бы за это судить человека, что бы ни думал о нем каждый из вас. И, джентльмены, после того, как он убедился, что больше не может поддерживать с нею отношения, которыми прежде так дорожил, именно эта умственная и нравственная трусость помешала ему сказать ей прямо, что он больше не может и не хочет сохранять эту связь, а тем более — жениться. Но не приговорите же вы человека к смерти за то, что он оказался жертвой страха? Ведь в конце концов, если мужчина твердо решил, что ему невыносима близость данной женщины (или женщине — близость данного мужчины) и их совместная жизнь будет просто пыткой,— скажите, что должен делать этот человек? Жениться на ней? Зачем? Чтобы им вечно ненавидеть, презирать и мучить друг друга? Можете ли вы искренне сказать, что признаете это разумным образом действий, правилом или законом? Однако с точки зрения защиты обвиняемый пытался поступить вполне разумно и при данных обстоятельствах достаточно честно. Он сделал предложение,— правда, не руки и сердца, и, увы, безуспешно. Он предложил жить порознь при условии, что станет помогать ей из своего заработка, а она поселится где-нибудь вне Ликурга. Ее письма, прочитанные здесь вчера, указывают на нечто в этом роде. Но, к сожалению, с ее стороны была проявлена настойчивость, столь часто приводящая к трагедии,— когда настаивают на том, чего во многих случаях лучше бы не делать. А потом, после — долгая, проведенная в спорах и попытках убедить друг друга поездка в Утику, на Луговое озеро и на Большую Выпь. И все напрасно. Но без намерения убить ее или довести до гибели. Без малейшего намерения! И мы вам покажем почему.

Джентльмены, я снова утверждаю, что не какой-либо преступный план или умысел, а именно интеллектуальная и моральная трусость заставила Клайда Грифитса путешествовать с Робертой Олден под разными вымышленными именами по местам, которые я сейчас упомянул, именно она заставила его писать «мистер Карл Грэхем с супругой», «мистер Клифорд Голден с супругой». Он боялся, что совершил серьезную ошибку в глазах общества и тяжкий грех, когда преследовал ее и под конец позволил себе вступить с нею в греховную, беззаконную связь,— это и есть интеллектуальная и моральная трусость, страх перед возможными последствиями.

И на Большой Выпи, когда вследствие несчастного случая

воды озера сомкнулись над нею, опять-таки та же трусость помешала ему вернуться в гостиницу и сообщить о ее смерти. Интеллектуальная и моральная трусость, трусость ума и сердца — вот что это было, не больше и не меньше. Он думал о своих богатых ликургских родственниках, о том, что, поехав с этой девушкой на озеро, нарушил правила фабрики и теперь это обнаружится, думал о горе, стыде и гневе ее родных. А кроме того, ведь была еще мисс Х — самая яркая звезда в ярчайшем созвездии его грез.

Мы признаем все это, и мы вполне готовы допустить, что он думал об этом или должен был думать. Как утверждает обвиняющая сторона (и мы также признаем это), он был совершенно увлечен и пленен этой мисс Х, как и она им. Он готов был, он жаждал покинуть ради другой свою первую возлюбленную, которая отдалась ему, ибо красота и богатство делали в его глазах эту другую несравненно более желанной, так же как сам он казался Роберте Олден желаннее всех других. И если Роберта Олден ошиблась в нем,— а это явно так и было,— что же, разве не мог и он ошибаться в своем безрассудном влечении к той, которая в конце концов — как знать? — быть может, не так уж дорожила им... Во всяком случае, как он сам признался нам, своим защитникам, его в то время едва ли не больше всего пугала мысль, что если мисс Х узнает о его поездке на озеро с девушкой, о которой она даже и не слыхала, тогда... ну, тогда, стало быть, конец ее вниманию к нему.

Я знаю, джентльмены, по вашему мнению, для подобного поведения нет никаких оправданий. Человек может оказаться жертвой внутренней борьбы между двумя недозволенными чувствами и, однако, в глазах церкви и закона быть виновным в грехе и преступлении. Но тем не менее — и это непреложная истина! — независимо от закона, независимо от религии такие чувства существуют и борются в человеческом сердце, и во множестве случаев именно они определяют поступки своих жертв. И мы признаем, что это они определяли поступки Клайда Грифитса.

Но убил ли он Роберту Олден?

Нет! И еще раз — нет!

Не замышлял ли он, хотя бы робко и нерешительно, затащить ее туда, прикрываясь всякими вымышленными именами, и потом, если она не захочет дать ему свободу, утопить ее? Нелепо! Невозможно! Безумно! Его план был совсем иной.

— Но, джентльмены,— тут Белнеп вдруг остановился, словно ему внезапно пришла на ум новая, неожиданная

мысль,— быть может, вы в большей мере будете удовлетворены и моими доводами, и окончательным суждением, которое вам надлежит вынести, если выслушаете показания единственного очевидца смерти Роберты Олден — того, кто не просто слышал крик, а действительно был там, кто сам видел и, следовательно, знает, как ее настигла смерть.

Он взглянул на Джефсона, как бы говоря: «Ну вот, Рубен, наконец-то!» И Рубен, обернувшись к Клайду с непринужденностью, за которой, однако, чувствовалась железная воля, шепнул:

— Итак, Клайд, дело теперь за вами. Но я пойду с вами, понятно? Я решил сам вас допрашивать. Я столько вас натаскивал, что, по-моему, вам будет совсем легко отвечать мне, верно?

Он весело, ободряюще улыбнулся. И Клайд, которого обрадовали и сильная речь Белнепа, и новое решение Джефсона, поднялся чуть ли не с беззаботным видом (всего четыре часа назад он был далеко не так хорошо настроен) и шепнул:

— Вот здорово! Я рад, что вы сами этим займетесь. Я думаю, теперь у меня все выйдет, как надо.

А между тем публика, услышав, что должен появиться настоящий очевидец, да еще представленный не обвинением, а защитой, разом заволновалась; люди вскочили со своих мест, вытягивая шеи и озираясь. И судья Оберуолцер, в высшей степени недовольный тем, что процесс проходит в неподобающей обстановке, без должной строгости и торжественности, застучал своим молотком, в то время как клерк громко взывал:

— К порядку! К порядку! Прошу немедленно сесть, иначе зал суда будет очищен от публики! Прошу приставов следить за порядком!

И затем в наступившей напряженной тишине раздался голос Белнепа:

— Клайд Гриффитс, пройдите на свидетельское место.

С удивлением увидев, что Клайд, сопровождаемый Джефсоном, выступил вперед, публика снова возбужденно зашепталась, невзирая на резкие окрики судьи и приставов. Даже Белнеп, увидев приближающегося к нему Джефсона, несколько удивился, так как первоначально предполагалось, что он сам проведет допрос Клайда. Но пока Клайда приводили к присяге, Джефсон подошел вплотную к Белнепу и прошептал:

— Предоставьте его мне, Элвин. По-моему, так будет лучше. Он держится слишком напряженно и трусливо, но я уверен, что сумею его вытянуть.

Публика тоже обратила внимание на смену адвокатов и перешептывалась по этому поводу, а Клайд большими глазами, полными тревоги, обводил окружающих и думал: «Ну, вот, наконец я — свидетель и, конечно, все на меня смотрят. Надо казаться совсем спокойным, как будто я ни капли не волнуюсь, потому что я не убивал ее. Ведь я не убил ее, это правда». И все же он был иссиня-бледен, веки его покраснели и опухли, и руки, несмотря на все усилия, слегка дрожали. И вот длинная, сильная и гибкая, точно хлыст, фигура Джефсона поворачивается к нему, голубые глаза пристально смотрят прямо в карие глаза Клайда, и адвокат начинает:

— Итак, Клайд, прежде всего надо, чтобы присяжные и все в зале ясно слышали мои вопросы и ваши ответы. А теперь подумайте немного — и спокойно расскажите нам все, что помните о своей жизни: откуда вы, где родились, чем занимались ваши отец и мать и, наконец, чем вы сами занимались, с тех пор как начали жить своим трудом и до настоящего времени. Возможно, я изредка буду прерывать вас и задавать кое-какие вопросы, но в основном предоставлю вам самому все рассказать, так как знаю, что вы сделаете это лучше, чем кто бы то ни было.

Но, чтобы Клайд был спокоен и все время помнил, что защитник находится рядом, подобно стене, бастиону между ним и нетерпеливой, недоверчивой и враждебной толпой, Джефсон придвинулся почти вплотную к нему, совсем близко: время от времени он даже ставил ногу на ступеньки свидетельской трибуны или, наклоняясь к Клайду, опирался рукою на ручку его кресла. Он то и дело повторял: «Да-да-а... Та-ак... А дальше что?.. А потом?»

И его уверенный, ободряющий, дружеский голос неизменно придавал Клайду силы, так что он сумел связно, твердо, не запинаясь, рассказать краткую повесть своей жизни.

— Я родился в Грэнд-Рэпидс, штат Мичиган. В то время мои родители руководили в этом городе религиозной миссией и выступали с проповедями на улицах...

ГЛАВА XXIV

Клайд дошел в своих показаниях до той поры, когда из Куинси, штат Иллинойс (там его родители одно время работали в Армии спасения), семья переехала в Канзас-Сити, где он, начиная с двенадцати и вплоть до пятнадцати лет, пытал-

ся найти какую-нибудь работу, потому что ему не нравилось учиться в школе и одновременно участвовать в религиозной деятельности, как того хотели родители.

— И успешно шло ваше ученье в школе?

— Нет, сэр. Нам приходилось слишком часто переезжать.

— В каком классе вы учились, когда вам было двенадцать лет?

— Видите ли, мне уже полагалось перейти в седьмой, но я был только в шестом. Поэтому мне и не нравилось в школе.

— А как вы относились к религиозной деятельности родителей?

— Да что же, это дело хорошее... только я не любил по вечерам петь псалмы на улицах.

И так он рассказывал дальше: о том, как служил в дешевой лавчонке, как продавал содовую воду и разносил газеты, пока, наконец, не стал рассыльным в «Грин-Дэвидсон» — лучшем отеле в Канзас-Сити, пояснил он.

— Ну, вот что...— произнес Джефсон. (Он боялся, что Мейсон, стремясь вызвать недоверие к Клайду как свидетелю, станет чересчур копаться в происшествии с разбитым автомобилем и убитой девочкой в Канзас-Сити и испортит впечатление от показаний Клайда,— и решил опередить противника. Несомненно, правильно ведя допрос, можно будет объяснить и смягчить всю эту историю, а если предоставить это Мейсону, он, конечно, сделает из нее нечто чрезвычайно мрачное.) И потому Джефсон продолжал:

— Сколько же времени вы там служили?

— Немного больше года.

— А почему ушли?

— Видите ли, тут случилось одно несчастье...

— Какое именно?

И Клайд, заранее подготовленный и вымуштрованный, подробнейшим образом рассказал обо всем, включая смерть девочки и свое бегство,— всем этим Мейсон, конечно, собирался заняться сам. И теперь, слушая Клайда, он только покачал головой и проворчал иронически:

— Сам преподнес... недурно сделано!

А Джефсон, понимая все значение происходящего (похоже, что он вывел из строя одно из лучших орудий мистера Мейсона!), продолжал:

— Сколько, вы сказали, вам тогда было лет?

— Шел восемнадцатый.

— Стало быть, вы хотите сказать следующее,— продолжал он, покончив со всеми вопросами, какие мог придумать в связи с этим происшествием,— вы не знали, что могли вернуться, поскольку машину взяли не вы, и не знали, что после ваших объяснений родители могли взять вас на поруки?

— Заявляю протест! — крикнул Мейсон.— Ничем не доказано, что он мог вернуться в Канзас-Сити и что родители могли взять его на поруки.

— Протест принят! — прогремел судья со своего возвышения.— Попрошу защиту при допросе свидетеля держаться ближе к делу.

— Снимаю вопрос,— отозвался со своего места Белнеп.

— Нет, сэр, я этого не знал,— все-таки ответил Клайд.

— Во всяком случае, именно по этой причине, уехав из Канзас-Сити, вы стали называть себя Тенет, как вы мне говорили? — продолжал Джефсон.

— Да, сэр.

— Кстати, Клайд, откуда вы взяли фамилию Тенет?

— Так звали мальчика, с которым я играл в Кушиси.

— И это был хороший мальчик?

— Заявляю протест! — крикнул с места Мейсон.— Неправильно, несущественно, не относится к делу.

— Однако он мог дружить с хорошим мальчиком, наперекор всему, в чем вы хотели бы уверить присяжных, и в этом смысле мой вопрос очень даже относится к делу,— ехидно заметил Джефсон.

— Протест принят! — загремел судья Оберуолцер.

— А вам тогда не приходило в голову, что настоящему Тенету это может не понравиться и что вы можете доставить ему неприятности, раз его именем пользуется человек, вынужденный скрываться?

— Нет, сэр... я думал, что Тенетов ужасно много...

Тут слушателям полагалось бы снисходительно улыбнуться, но публика была так враждебно настроена, с таким ожесточением относилась к Клайду, что не могло быть и речи о подобном легкомыслии в зале суда.

— Послушайте, Клайд,— продолжал Джефсон, поняв, что ему не удалось смягчить настроение толпы,— вы ведь любили свою мать, не так ли?

Протест, перепалка, и в конце концов вопрос признан допустимым и законным.

— Да, сэр, конечно, я любил ее,— ответил Клайд, но после легкого колебания, которое не прошло незамеченным: что-

то стиснуло ему горло, и грудь его поднялась и опустилась в тяжелом вздохе.

— Очень?

— Да, сэр... очень.

Теперь он не смел поднять глаз.

— Она всегда делала для вас все, что могла и что считала правильным,— так?

— Да, сэр.

— Но в таком случае, хоть вас и постигло страшное несчастье, как же вы все-таки могли убежать и столько времени жить вдали от матери? Почему вы ни слова не сказали ей о том, что вы вовсе не так виноваты, как кажется, и что ей не нужно тревожиться, так как вы снова работаете и стараетесь вести себя как порядочный юноша?

— Так ведь я писал ей, только не подписывался настоящим именем.

— Понимаю. А еще как-нибудь давали о себе знать?

— Да, сэр. Я однажды послал ей немножко денег. Десять долларов.

— И вы совсем не думали о возвращении домой?

— Нет, сэр. Я боялся, что меня арестуют, если я вернусь.

— Иными словами,— с особенной выразительностью отчеканил Джефсон,— вы были интеллектуальным и моральным трусом, как сказал мой коллега мистер Белнеп.

— Я протестую против попыток растолковывать присяжным показания обвиняемого! — прервал Мейсон.

— Показания обвиняемого, право же, не нуждаются в каком-либо истолковании. Они очень просты и правдивы, это понятно каждому,— быстро вставил Джефсон.

— Протест принят! — объявил судья.— Продолжайте, продолжайте.

— Значит, Клайд, как я понимаю, так вышло потому, что вы были в нравственном и умственном отношении трусом. Но я вовсе не осуждаю вас за то, в чем вы неповинны (в конце концов, вы не сами себя сделали, верно?).

Но это было уже слишком, и судья предостерег Джефсона, чтобы он впредь осторожнее выбирал выражения.

— Стало быть, вы переезжали с места на место — в Олтон, Пеорию, Блюмингтон, Милуоки, Чикаго, забирались в какие-то каморки на окраинах, мыли посуду, продавали содовую воду, работали возчиком, скрывались под именем Тенета, в то время как могли бы, в сущности, вернуться в Канзас-Сити, на свою прежнюю службу? — продолжал Джефсон.

— Протестую! Протестую! — завопил Мейсон.— Нет никаких доказательств, что он мог вернуться и поступить на прежнее место.

— Протест принят,— решил Оберуолцер, хотя в эту минуту в кармане у Джефсона лежало письмо Френсиса Скуайрса, работавшего начальником над рассыльными в отеле «Грин-Дэвидсон» в то время, когда там служил Клайд: Скуайрс писал, что, помимо происшествия, связанного с катаньем на чужом автомобиле, он не замечал за Клайдом ничего плохого: юноша всегда был исполнителен, честен, послушен, проворен и вежлив. Когда случилось то несчастное происшествие, мистер Скуайрс был убежден, что Клайд мог быть лишь одним из самых пассивных его участников и что, если бы он вернулся и толком рассказал о случившемся, его бы оставили в отеле. И все это сочли не относящимся к делу!

Дальше Клайд рассказал о том, как, сбежав от неприятностей, грозивших ему в Канзас-Сити, и проведя два года в скитаниях с места на место, он наконец нашел работу в Чикаго — сначала возчиком, а потом рассыльным в клубе «Юнион лиг»; о том, что с первого же места, где он получил работу, он написал матери, а потом, по ее настояниям, собирался написать дяде,— и тут как раз встретил его в клубе, и дядя предложил ему приехать в Ликург. Далее по порядку изложены были все подробности того, как он начал работать, как получил повышение и двоюродный брат и начальник цеха сообщили ему существующие на фабрике правила и наконец как он познакомился с Робертой, а потом и с мисс Х. Клайд подробно рассказал, как он ухаживал за Робертой Олден и как, добившись ее любви, чувствовал и считал себя счастливым, но появление мисс Х и ее неотразимое очарование вызвали резкую перемену в его отношении к Роберте: она все еще очень нравилась ему, но он уже не мог, как прежде, желать брака с нею.

Тут поспешно вмешался Джефсон: обнаруженное Клайдом непостоянство было слишком неприятным свойством, чтобы можно было так быстро заговорить о нем в показаниях, и Джефсон захотел отвлечь внимание присяжных.

— Клайд,— прервал он,— вы сначала в самом деле любили Роберту Олден?

— Да, сэр.

— Тогда вы должны были знать или хотя бы сразу понять по ее поступкам, что она глубоко порядочная, чистая и набожная девушка,— так?

— Да, сэр, я именно так о ней и думал,— повторил Клайд заученный ответ.

— Тогда не можете ли вы в самых общих чертах, не вдаваясь в подробности, объяснить самому себе и присяжным, как, почему, где и когда возникла перемена в ваших чувствах, приведшая к отношениям, которые все мы (тут Джефсон обвел публику, а затем и присяжных дерзким, проницательным и холодным взглядом) сурово осуждаем. Если вы вначале были столь высокого мнения о ней, как же случилось, что вы так быстро дошли до столь недозволенных отношений? Разве вы не знали, что, с точки зрения всех мужчин, а также и всех женщин, отношения эти греховны и вне брака непростительны, что это преступление?

Смелость и едкая ирония Джефсона вызвала в растерянно притихшей публике беспокойное движение,— заметив это, и Мейсон и судья Оберуолцер опасливо нахмурились. Что за наглый, циничный мальчишка! Как он смеет коварными намеками под видом серьезного допроса внушать подобную мысль, в которой скрыто посягательство на самые основы общества, на религиозные и моральные устои! Вот он стоит — дерзкий, бесстрастный и надменный — и слушает ответ Клайда:

— Да, сэр, мне кажется, я это знал... конечно... но, право же, я никогда не старался ее соблазнить ни сначала, ни потом. Просто я был в нее влюблен.

— Вы были влюблены в нее?

— Да, сэр.

— Очень?

— Очень.

— И она тоже была сильно влюблена в вас?

— Да, сэр.

— С самого начала?

— С самого начала.

— Она говорила вам это?

— Да, сэр.

— А в то время, когда она переезжала от Ньютонов,— вы ведь слышали все, что говорили об этом свидетели,— вы не уговаривали ее, не старались любым способом, обманом или какими-нибудь доводами убедить ее переехать от них?

— Нет, сэр. Она сама захотела переехать. Она только просила, чтобы я помог ей найти комнату.

— Попросила, чтобы вы помогли найти комнату?

— Да, сэр.

— А почему, собственно?

— Потому что она не очень хорошо знала город и думала, что я, может быть, посоветую ей, где найти хорошую, не слишком дорогую для нее комнату.

— И вы указали ей комнату, которую она сняла у Гилпинов?

— Нет, сэр. Я ей никаких комнат не указывал. Она нашла ее сама. (Это был в точности заученный им ответ.)

— А почему же вы ей не помогли?

— Потому что я был занят по целым дням и почти все вечера. И потом, я думал, что ей самой лучше знать, чего она хочет,— у каких людей поселиться и все такое.

— А вы сами когда-нибудь бывали в доме Гилпинов до того, как она туда переехала?

— Нет, сэр.

— Были у вас с нею до ее переезда какие-нибудь разговоры о том, какую именно комнату ей следует снять — с каким входом и выходом, насколько уединенную и все такое?

— Нет, сэр, я никогда с ней об этом не говорил.

— И никогда не настаивали, к примеру, чтобы она сняла такую комнату, куда вы могли бы проскользнуть и откуда могли бы выйти ночью или днем, никому не попадаясь на глаза?

— Никогда. И, кроме того, в этот дом очень трудно было войти и очень трудно выйти незаметно.

— Почему же?

— Потому что дверь ее комнаты была рядом с парадной дверью, через которую все входили и выходили, и каждый мог заметить чужого человека. (Этот ответ тоже был заучен наизусть.)

— Но вы ведь все-таки пробирались в дом потихоньку?

— Да, сэр... то есть, видите ли, мы оба с самого начала решили, что, чем меньше нас будут видеть вместе где бы то ни было, тем лучше.

— Из-за того фабричного правила?

— Да, сэр, из-за того правила.

За этим последовал рассказ о различных затруднениях с Робертой, причиной которых было появление в его жизни мисс Х.

— Теперь, Клайд, нам придется поговорить немного о мисс Х. По договоренности между защитой и обвинением,— основания для этого вам, господа присяжные, разумеется, понятны,— мы можем лишь слегка затронуть эту тему, поскольку речь идет о совершенно ни в чем не повинной особе, чье настоящее имя нет никакой надобности здесь называть. Но не-

которых фактов придется коснуться, хотя мы будем обращаться с ними возможно деликатнее — столько же ради той, что жива и ни в чем не виновата, сколько и ради покойной. И я уверен, что мисс Олден согласилась бы с этим, будь она жива. Так вот, относительно мисс Х,— продолжал Джефсон, обернувшись к Клайду.— Обе стороны уже признали, что вы познакомились с нею в Ликурге примерно в ноябре или декабре прошлого года. Верно это?

— Да, сэр, это верно,— грустно ответил Клайд.

— И вы тотчас безумно влюбились в нее?

— Да, сэр. Это правда.

— Она богата?

— Да, сэр.

— Красива? Это, я полагаю, признано всеми,— прибавил Джефсон, обращаясь к суду в целом и вовсе не ожидая ответа Клайда, но тот, в совершенстве вымуштрованный, все же ответил:

— Да, сэр.

— В то время, когда вы впервые встретились с мисс Х, вы двое — вы и мисс Олден, хочу я сказать,— уже вступили в незаконную связь, о которой шла речь?

— Да, сэр.

— Тогда, принимая все это во внимание... нет, вот что, одну минуту, я сперва хочу спросить вас о другом... дайте сообразить... Скажите, когда вы встретились с мисс Х, вы все еще любили Роберту Олден?

— Да, сэр, я любил ее.

— До этого времени вы никогда не чувствовали, что она становится вам в тягость?

— Нет, сэр.

— Ее любовь и дружба были вам так же дороги и отрадны, как и прежде?

— Да, сэр.

Говоря это, Клайд вспоминал прошлое, и ему казалось, что он сказал чистую правду. Да, правда, как раз перед встречей с Сондрой он действительно был очень спокоен и счастлив с Робертой.

— А скажите, до встречи с мисс Х были у вас с мисс Олден какие-нибудь планы на будущее? Вы же, наверно, задумывались над этим,— так?

— Н-не совсем (и Клайд нервно облизнул пересохшие от волнения губы)... Видите ли, я вообще ничего не обдумывал заранее, то есть ничего плохого для Роберты... И она, конечно,

тоже ничего такого не думала. Просто нас с самого начала несло по течению. Наверно, так вышло потому, что мы были очень одиноки. У нее в Ликурге никого не было, у меня тоже. А тут еще это правило,— из-за него я нигде не мог бывать с нею... а уж когда мы сблизились, так все и пошло само собой, и мы не очень задумывались над этим — ни она, ни я.

— Вы просто плыли по течению, потому что пока с вами ничего не случилось и вы не думали, что может случиться? Так?

— Нет, сэр. То есть, да, сэр. Так оно и было.— Клайд ужасно старался безукоризненно повторить эти много раз прорепетированные и очень важные ответы.

— Но должны же вы были о чем-то думать — кто-нибудь один или вы оба. Ведь вам был двадцать один год, а ей двадцать три.

Да, сэр. Мне кажется, мы... кажется, я думал иногда.

Что же именно вы думали? Не припомните?

— По-моему, да, сэр, я помню. То есть, я знаю точно, я иногда думал, что если все пойдет хорошо и я начну побольше зарабатывать, а она найдет работу в другом месте, то я смогу всюду бывать с ней открыто, а после, если мы с ней будем все так же любить друг друга, можно будет и пожениться.

— Вы в самом деле думали тогда, что женитесь на ней?

— Да, сэр. Определенно думал — именно так, как я сказал.

— Но это было до того, как вы встретили мисс Х?

— Да, сэр, это было раньше.

(— Здорово сделано! — язвительно заметил Мейсон на ухо сенатору Редмонду.

— Великолепный спектакль,— театральным шепотом ответил Редмонд.)

— А говорили вы ей на этот счет что-нибудь определенное? — продолжал Джефсон.

— Нет, сэр, не помню... Как будто ничего определенного не говорил.

— Что-нибудь одно — либо говорили, либо нет. Что же именно?

— Да, право же, ни то, ни другое. Я часто говорил, что люблю ее и хочу, чтобы мы всегда были вместе, и надеюсь, что она никогда меня не оставит.

— Но вы не говорили, что хотите на ней жениться?

— Нет, сэр, что хочу жениться, не говорил.

— Так, так, хорошо... А она? Что она говорила?

— Что она никогда меня не оставит,— с усилием, несмело ответил Клайд, вспоминая последний крик Роберты и ее последний взгляд. И, достав из кармана платок, он принялся вытирать лицо и ладони, покрытые холодным потом.

(— Отличная постановка! — с издевкой пробормотал Мейсон.

— Неглупо, неглупо! — небрежно заметил Редмонд.)

— Но скажите,— ровным тоном невозмутимо продолжал Джефсон,— если у вас было такое чувство к мисс Олден, как же вы могли так быстро изменить свое отношение к ней после встречи с мисс Х? Разве вы так непостоянны, что ваши мысли и чувства меняются с каждым днем?

— Ну, об этом я раньше никогда не думал... Нет, сэр, я не такой!

— А до того, как вы познакомились с мисс Олден, вам случалось когда-нибудь серьезно любить?

— Нет, сэр.

— Но считали ли вы, что ваши отношения с мисс Олден серьезны и прочны,— что это настоящая любовь,— пока не встретились с мисс Х?

— Да, сэр, я так и считал.

— А потом, после этой встречи?

— Ну, потом... потом уже все стало по-другому.

— Вы хотите сказать, что после того, как вы раз или два увидели мисс Х, мисс Олден стала вам совершенно безразлична?

И тут Клайда осенило:

— Нет, сэр, не то. Не совсем так,— поспешно и решительно возразил он.— Я продолжал любить ее... даже очень, правда! Но я и опомниться не успел, как совсем потерял голову из-за... из-за... мисс... мисс...

— Ну да, из-за этой мисс Х. Это мы знаем. Вы безумно и безрассудно влюбились в нее,— так?

— Да, сэр.

— И дальше что?

— Дальше... ну... я уже просто не мог относиться к мисс Олден, как раньше.

При этих словах лоб и щеки Клайда снова стали влажны.

— Понятно! Понятно! — громко и подчеркнуто, чтобы произвести впечатление на присяжных и публику, заявил Джефсон: — Сказка Шехерезады — чаровница и очарованный.

— Я не понимаю, что вы говорите,— растерянно сказал Клайд.

— Я говорю о колдовстве, мой друг, о том, что человек подвластен чарам красоты, любви, богатства — всего, чего мы подчас так жаждем и не можем достичь,— такова чаще всего любовь в нашем мире.

— Да, сэр,— простодушно согласился Клайд, справедливо заключив, что Джефсон просто-напросто хотел блеснуть красноречием.

— Но вот что я хочу знать. Если вы так любили мисс Олден, как говорите, и добились таких отношений с нею, которые следовало освятить браком, как же вы настолько не чувствовали своих обязательств, своего долга перед нею, что у вас могла явиться мысль бросить ее ради мисс Х? Как это произошло, хотел бы я знать,— и я уверен, что это интересует также и господ присяжных. Где было ваше чувство благодарности? И чувство нравственного долга? Может быть, вы скажете, что у вас нет ни того, ни другого? Мы хотим это знать.

Поистине, это был допрос с пристрастием — нападение на собственного свидетеля. Но Джефсон говорил только то, что был вправе сказать, и Мейсон не вмешался.

— Но я...

Клайд смутился и запнулся, как будто его не научили заранее, что нужно ответить: казалось, он мысленно ищет какого-нибудь вразумительного объяснения. Да так и было в действительности, потому что, хоть он и зазубрил ответ, но, услышав этот вопрос на суде и вновь оказавшись лицом к лицу с проблемой, которая так смущала и мучила его в Ликурге, он не сразу вспомнил, чему его учили... Он мялся, поеживаясь, и наконец произнес:

— Видите ли, сэр, я как-то почти не думал об этом. Я не мог думать с тех пор, как увидел ее. Я иногда пробовал, но у меня ничего не выходило. Я чувствовал, что одна она нужна мне, а не мисс Олден. Я знал, что это нехорошо... да, конечно... и мне было очень жалко Роберту... Но все равно, я просто ничего не мог поделать. Я мог думать только о мисс Х и не мог относиться к Роберте по-старому, сколько ни старался.

— Вы хотите сказать, что вас из-за этого ничуть не мучила совесть?

— Мучила, сэр,— отвечал Клайд.— Я знал, что поступаю нехорошо, и очень огорчался за нее и за себя; но все равно, я не мог иначе. (Он повторял слова, написанные для него Джефсоном; впрочем, прочитав их впервые, он почувствовал, что все это чистая правда: он и в самом деле тогда испытывал известные угрызения совести.)

— Что же дальше?

— Потом она стала жаловаться, что я бываю у нее не так часто, как раньше.

— Иными словами, вы стали пренебрегать ею?

— Да, сэр, отчасти... но не совсем... нет, сэр.

— Ну, хорошо, а как вы поступили, когда поняли, что так сильно увлеклись этой мисс Х? Сказали мисс Олден, что больше не любите ее, а любите другую?

— Нет, тогда не сказал.

— Почему? Может быть, по-вашему, честно и порядочно говорить сразу двум девушкам, что вы их любите?

— Нет, сэр, но ведь это было не совсем так. Видите ли, тогда я только что познакомился с мисс Х и еще ничего ей не говорил. Она бы не позволила. Но все-таки я тогда уже знал, что не могу больше любить мисс Олден.

— Но ведь у мисс Олден были на вас известные права? Уже одно это должно было бы помешать вам ухаживать за другой девушкой — вы этого не понимали?

— Понимал, сэр.

— Тогда почему же вы это делали?

— Я не мог устоять перед ней.

— Вы говорите о мисс Х?

— Да, сэр.

— Стало быть, вы бегали за ней до тех пор, пока не заставили ее полюбить вас?

— Нет, сэр, это было совсем не так.

— А как же?

— Просто я встречался с нею то тут, то там и стал по ней с ума сходить.

— Понятно. Но все же вы не пошли к мисс Олден и не сказали, что больше не можете относиться к ней по-старому?

— Нет, сэр. Тогда не сказал.

— Почему же?

— Я думал, что она огорчится,— я не хотел, чтобы ей было больно.

— Так, понятно. Стало быть, у вас не хватало морального или интеллектуального мужества для того, чтобы сказать ей правду?

— Я не разбираюсь в моральном и интеллектуальном мужестве,— отвечал Клайд, несколько задетый и уязвленный таким определением,— просто я очень ее жалел. Она часто плакала, и я не решался сказать ей правду.

— Понятно. Что ж, пусть будет так. Но я хочу спросить вот о чем. Ваши отношения с мисс Олден оставались столь же близкими и после того, как вы поняли, что больше не любите ее?

— Н-нет, сэр... во всяком случае, недолго,— пристыженно пробормотал Клайд.

Он думал, что все в зале суда слышат его... и мать, и Сондра, и все люди по всей Америке узнают из газет, что он ответил! Когда несколько месяцев назад Джефсон впервые показал ему эти вопросы, Клайд спросил — зачем они нужны, и Джефсон ответил: «Для воспитательного воздействия. Чем неожиданнее и чем сильнее мы поразим присяжных кое-какими жизненными фактами, тем легче добьемся, чтобы они сколько-нибудь здраво поняли, в чем заключалась стоявшая перед вами задача. Но вы не очень беспокойтесь об этом. Когда настанет время, вы просто отвечайте на вопросы, а остальное предоставьте нам. Мы знаем, что делаем». И теперь Клайд продолжал:

— Видите ли, после встречи с мисс Х я больше не мог относиться к Роберте, как прежде, и поэтому старался поменьше видеться с нею. Но, во всяком случае, очень скоро после этого она... попала в беду... ну, и тогда...

— Понятно. А когда примерно это случилось?

— В конце января.

— Ну, и что же? Когда это случилось, вы не почувствовали, что при таких обстоятельствах ваш долг — жениться на ней?

— Но... нет, в тех условиях нет... то есть, я хочу сказать, если бы мне удалось ее выручить.

— А почему, собственно, нет? И что значит «в тех условиях»?

— Видите ли... все было, как я вам говорил. Я больше не любил ее, и ведь я не обещал ей жениться,— она это знала. Поэтому я думал, что будет более или менее правильно, если я помогу ей от этого избавиться, а потом скажу, что больше не люблю ее.

— А все-таки вы не сумели ей помочь?

— Нет, сэр. Но я старался.

— Вы обращались к аптекарю, который давал здесь показания?

— Да, сэр.

— И к кому-нибудь еще?

— Да, сэр, я обошел семь аптек, пока наконец достал хоть что-то.

— Но то, что вы достали, не помогло?

— Нет, сэр.

— Молодой торговец галантереей показал, что вы обращались к нему,— было это?

— Да, сэр.

— И он указал вам какого-нибудь врача?

— Д-да... но... я не хотел бы называть его.

— Ладно, можете не называть. Но вы послали мисс Олден к врачу?

— Да, сэр.

— Она пошла одна, или вы ее сопровождали?

— Я проводил ее... то есть только до дверей.

— Почему только до дверей?

— Потому что... мы обсудили это и решили — и она и я,— что так, пожалуй, будет лучше. У меня тогда было мало денег. Я думал, что, может быть, доктор поможет ей за меньшую плату, если она придет одна, а не вдвоем со мной.

(«Черт побери, а ведь он крадет мои громы и молнии! — подумал тут Мейсон.— Он перехватил бо́льшую часть вопросов, которыми я рассчитывал запутать Грифитса».— И он встревоженно выпрямился. Бэрлей, Редмонд, Эрл Ньюком — все теперь ясно поняли замысел Джефсона.)

— Понятно. А может быть, дело было еще и в том, что вы боялись, как бы о ваших с нею отношениях не прослышали ваш дядя или мисс Х?

— О да, я... то есть мы оба думали и говорили об этом. Она понимала, в каком я положении.

— Но о мисс Х речи не было?

— Нет, не было.

— Почему?

— Потому что... Я думал, что как раз тогда не следовало ей об этом говорить. Она бы слишком расстроилась. Я хотел подождать, пока у нее все уладится.

— А тогда сказать ей все и оставить ее,— вы это имеете в виду?

— Да... если бы я чувствовал, что не могу относиться к ней по-старому... Да, сэр.

— Но не тогда, когда она была в таком положении?

— Нет, сэр, тогда нет. Но, видите ли, в то время я еще надеялся, что помогу ей от этого избавиться.

— Понятно. И ее положение не повлияло на ваше отношение к ней? Не вызвало у вас желания отказаться от мисс Х и жениться на мисс Олден и таким образом все исправить?

— Нет, сэр... тогда нет... то есть не в тот раз.

— Что значит «не в тот раз»?

— То есть я стал думать об этом позже, как я вам говорил... но не тогда... Это было после... когда мы поехали к Адирондакским горам.

— А почему не тогда?

— Я уже сказал почему. Я совсем потерял голову из-за мисс Х и больше ни о чем не мог думать.

— Вы даже тогда не могли изменить свое отношение к мисс Олден?

— Нет, сэр. Мне было очень жаль ее, но я не мог иначе.

— Понятно. Ну, пока оставим это. Потом я еще вернусь к этому вопросу. Сейчас я хотел бы, чтобы вы, если можете, постарались объяснить присяжным, что же именно так привлекало вас в мисс Х, отчего она вам нравилась настолько больше мисс Олден? Что именно, какие особенности ее поведения, внешности, характера или положения в обществе до такой степени вас прельщали? Вы-то сами это понимаете?

И Белнеп и Джефсон на разные лады и по разным психологическим, юридическим и личным причинам не раз прежде задавали Клайду этот вопрос и получали самые разные ответы. Вначале он вообще не хотел говорить о Сондре, опасаясь, что любые его слова будут подхвачены и повторены на суде и в газетах с упоминанием ее имени. Потом, поскольку все газеты замалчивали ее настоящее имя, стало ясно, что ей не угрожает публичный скандал, и тогда он позволил себе говорить о ней несколько свободнее. Но здесь, на суде, он снова стал осторожен и замкнут.

— Ну, это трудно объяснить... По-моему, она красавица, гораздо красивее Роберты. Но не только в этом дело. Она совсем не такая, как все, кого я знал раньше... гораздо самостоятельнее... и все с таким вниманием относились ко всему, что она делала и говорила. Мне кажется, она знает гораздо больше, чем все мои прежние знакомые. И она ужасно хорошо одевается и очень богата, и принадлежит к лучшему обществу, и газеты часто пишут о ней и помещают ее портреты. Когда я ее не видел, я каждый день читал о ней в газетах, и мне казалось, что она все время со мной. И потом, она очень смелая, не такая простая и доверчивая, как мисс Олден... сперва я даже не мог поверить, что она стала мною интересоваться. А под конец я больше ни о ком и ни о чем не мог думать, и о Роберте тоже. Я просто не мог,— ведь мисс Х все время была передо мной.

— Да, на мой взгляд, вы поистине были влюблены, прямо загипнотизированы,— вернул Джефсон в виде обобщения, уголком глаза наблюдая за присяжными.— Типичная картина помешательства от любви,— яснее, по-моему, некуда.

Но и публика и присяжные выслушали его замечание с неподвижными, каменными лицами.

И сразу после этого пришлось окунуться в быстрые, мутные воды предполагаемого злостного умысла, ибо все остальное было лишь вступлением.

— Итак, Клайд, что же случилось потом? Расскажите нам подробно все, что помните. Ничего не смягчайте, не старайтесь казаться ни лучше, ни хуже, чем вы были на самом деле. Она мертва — и вы тоже умрете, если эти двенадцать джентльменов под конец придут к такому решению. (От этих слов точно ледяной холод пронизал и Клайда и всех, кто находился в зале суда.) Но ради вашего же душевного спокойствия вам лучше говорить правду. (Тут Джефсон подумал о Мейсоне: пусть попробует отбить такой удар!)

— Да, сэр,— просто сказал Клайд.

— Стало быть, она попала в беду, и вы не сумели ей помочь. Ну, а потом? Что вы тогда сделали? Как поступили? Да, кстати, какое жалованье вы получали в то время?

— Двадцать пять долларов в неделю,— признался Клайд.

— Других источников дохода не имели?

— Простите, я не понял.

— Были у вас тогда какие-либо другие источники, откуда вы могли бы так или иначе достать денег?

— Нет, сэр.

— Сколько вам стоила комната?

— Семь долларов в неделю.

— А стол?

— Долларов пять-шесть.

— Были еще какие-нибудь расходы?

— Да, сэр: на одежду и на стирку.

— Должно быть, вам приходилось также участвовать в расходах, связанных со всякими светскими развлечениями?

— Протестую, это наводящий вопрос! — выкрикнул Мейсон.

— Протест принят,— заявил судья Оберуолцер.

— Можете вы припомнить еще какие-нибудь расходы?

— Да, на трамвай, на поездки по железной дороге. И потом — я должен был вносить свою долю, когда участвовал во всяких развлечениях.

— Вот именно! — в ярости крикнул Мейсон.— Я считаю, что хватит вам подсказывать этому попугаю!

— А я считаю, что почтеннейшему прокурору незачем путаться не в свое дело,— фыркнул Джефсон, отбиваясь и за себя и за Клайда. Ему хотелось сломить страх Клайда перед Мейсоном.— Я допрашиваю подсудимого, а что касается попугаев, то мы за последнее время видели их тут сколько угодно, и натасканы они были, как самые отъявленные школьные зубрилы.

— Это злостная клевета! — завопил Мейсон.— Я протестую и требую извинения!

— Ваша честь, извинение должно быть принесено мне и моему подзащитному, и оно будет быстро получено, если только ваша честь соизволит объявить перерыв на несколько минут.— И, решительно подступив к Мейсону, Джефсон прибавил: — Я сумею добиться извинения и без помощи суда.

Мейсон сжал кулаки, готовясь отразить нападение. Блюстители порядка в зале суда, стенографисты, газетчики и даже клерк поспешно окружили обоих юристов и схватили их за руки, пока судья Оберуолцер неистово стучал по столу своим молотком.

— Джентльмены! Джентльмены! Вы оба проявляете неуважение к суду! Немедленно извинитесь перед судом и друг перед другом, иначе я объявлю процесс недействительным, подвергну вас десятидневному аресту и оштрафую на пятьсот долларов каждого.

Говоря это, судья со своего возвышения сурово поглядел на обоих. И тотчас Джефсон ответил самым учтивым и вкрадчивым тоном:

— Если так, ваша честь, я приношу свои извинения вам, господину прокурору и господам присяжным. Нападки прокурора на обвиняемого показались мне слишком несправедливыми и неуместными, вот и все.

— Не следует обращать на это внимание,— заметил Оберуолцер.

— Если так, ваша честь, я приношу свои извинения вам и господину защитнику. Может быть, я немного погорячился. Да, и подсудимому тоже,— насмешливо прибавил Мейсон, взглянув сначала в гневные и непреклонные глаза судьи Оберуолцера, а затем в глаза Клайда, который сразу вздрогнул и отвернулся.

— Продолжайте,— сердито проворчал Оберуолцер.

— Итак, Клайд,— вновь начал Джефсон так спокойно,

словно вызвать всю эту бурю значило для него не больше, чем чиркнуть спичкой,— вы сказали, что ваше жалованье составляло двадцать пять долларов в неделю и что у вас были всевозможные расходы. И вы не сумели к тому времени отложить немного на черный день?

— Нет, сэр... очень немного... почти что ничего.

— Так. Ну, а если бы врач, к которому обратилась мисс Олден, согласился помочь ей за вознаграждение, скажем, в сто долларов,— вы могли бы заплатить столько?

— Нет, сэр... то есть не сразу.

— Вам неизвестно, были ли у нее какие-нибудь свои деньги?

— Насколько я знаю, не было, сэр.

— Тогда как же вы рассчитывали ей помочь?

— Видите ли, я думал, что если она или я найдем доктора и он согласится ждать, я, может быть, сумею, откладывая понемногу, расплатиться с ним в рассрочку.

— Понятно. И вы искренне хотели так сделать?

— Да, сэр, конечно.

— И вы говорили ей об этом?

— Да, сэр. Она это знала.

— Но ни вам, ни ей не удалось найти врача, который помог бы ей,— а что дальше? Что вы тогда сделали?

— Тогда она захотела, чтобы я на ней женился.

— Немедленно?

— Да, сэр, немедленно.

— Что же вы на это ответили?

— Я сказал ей, что никак не могу сразу жениться. У меня не было для этого денег. И, кроме того, если бы мы поженились и никуда не уехали, по крайней мере, до тех пор, пока не родится ребенок, все вышло бы наружу и я потерял бы место. Да и она тоже.

— Почему же?

— А мои родственники? Мне кажется, они не захотели бы оставить меня на фабрике, да и ее тоже.

— Понятно. Они сочли бы, что вы оба не годитесь для этой работы.

— Во всяком случае, так я думал,— ответил Клайд.

— А дальше что?

— Видите ли, сэр, если бы я и хотел уехать с нею и обвенчаться, у меня не было для этого денег и у нее тоже. Мне пришлось бы сперва отказаться от своего места и подыскать где-нибудь другое, а уж потом она могла бы приехать ко мне.

Кроме того, я знал, что нигде не смогу зарабатывать столько, сколько здесь.

— А служба в отеле? Вы не могли вернуться к этому делу?

— Да, пожалуй... если бы у меня были какие-нибудь рекомендации. Но я не хотел к этому возвращаться.

— Почему же?

— Мне не хотелось больше этим заниматься... не нравился такой образ жизни.

— Но не хотите же вы сказать, что вы вообще не желали ничего делать? Разве таковы были ваши намерения?

— Нет, сэр! Вовсе нет. Я ей сразу сказал, что если она уедет на время — до рождения ребенка — и даст мне возможность остаться в Ликурге, то я постараюсь жить скромнее и буду посылать ей все, что сумею сэкономить, пока она не сможет опять зарабатывать сама.

— Но вы не думали с нею обвенчаться?

— Нет, сэр, тогда я просто не в силах был венчаться.

— Что она вам на это сказала?

— Она не согласилась. Она сказала, что не может и не хочет оставаться в таком положении и что я должен с нею обвенчаться.

— Понятно. Тут же, сразу?

— Ну да... во всяком случае, поскорее. Обождать немного она соглашалась, но уехать — ни за что, если только я не женюсь на ней.

— Вы ей сказали, что больше не любите ее?

— Да, почти... да, сэр.

— Что значит «почти»?

— Я сказал, что... что не хочу жениться. И потом, она знала, что я уже не люблю ее. Она сама это говорила.

— Она вам говорила? В то время?

— Да, сэр, сколько раз.

— Что ж, верно. Это было и во всех ее письмах, которые нам здесь читали. Но что вы сделали, когда она так решительно отказалась уехать?

— Я не знал, что делать... Но я думал, может быть, я уговорю ее поехать на время домой, а сам постараюсь скопить денег и... может быть... когда она будет дома... и поймет, что я очень не хочу на ней жениться... (Клайд запнулся и умолк. Тяжело было так лгать.)

— Так, продолжайте. И помните: правда, как бы вы ее ни стыдились, всегда лучше лжи.

— Я думал, может быть, когда она еще больше испугается и станет не такой несговорчивой...

— А сами вы не боялись?

— Да, сэр, боялся.

— Ладно, продолжайте.

— Так вот... я думал... может быть, если я предложу ей все деньги, сколько сумею до тех пор собрать... понимаете ли, я хотел попробовать еще и занять у кого-нибудь... тогда, может быть, она согласится уехать и не заставит меня венчаться с ней... просто поселится где-нибудь в другом городе, а я буду ей помогать.

— Понятно. Но она не согласилась на это?

— Нет... То есть на то, чтобы не венчаться... Но она согласилась поехать на месяц домой. Я только не мог ее уговорить, чтобы она от меня отказалась.

— Вы говорили ей тогда или когда-нибудь прежде или после, что приедете и обвенчаетесь с нею?

— Нет, сэр. Никогда не говорил.

— А что же именно вы ей сказали?

— Сказал, что... как только достану денег...— от волнения и стыда Клайд начал заикаться — ...примерно через месяц я приеду за ней, и мы уедем куда-нибудь на время, пока... пока... ну, пока все это не кончится.

— Но вы не сказали, что женитесь?

— Нет, сэр. Не говорил.

— А она, конечно, этого хотела?

— Да, сэр.

— Вы не считали тогда, что она может вас заставить? То есть, что вам против воли придется на ней жениться?

— Нет, сэр, я этого не думал. Я бы старался всеми силами, чтобы так не случилось. У меня был план: я хотел ждать возможно дольше и собрать как можно больше денег, а потом отказаться от брака, отдать ей все деньги и в дальнейшем помогать ей всем, чем смогу.

— Но вам известно,— тут Джефсон заговорил весьма мягко и дипломатично,— что вот в этих письмах, которые писала вам мисс Олден (он дотянулся до стола прокурора, взял пачку подлинных писем Роберты и торжественно взвесил их на ладони), имеются различные упоминания о некоем *решении*, которое было у вас обоих связано с этой поездкой,— по крайней мере, она, очевидно, так считала. Так вот, что же это было за решение? Если я правильно припоминаю, она определенно пишет: «у нас все решено».

— Да, я знаю,— ответил Клайд: ведь целых два месяца они с Белленом и Джефсоном обсуждали этот вопрос.— Но единственное решение, о котором мне известно (он изо всех сил старался казаться искренним и говорить убедительно),— это решение, которое я предлагал ей снова и снова.

— Какое же именно?

— Так вот, чтобы она уехала, сняла где-нибудь комнату и предоставила мне помогать ей, а время от времени я бы ее навещал.

— Ну нет, вы что-то не то говорите,— не без умысла возразил Джефсон.— Не может быть, чтобы она это имела в виду. В одном из писем она говорит, что понимает, как вам трудно будет уехать и оставаться с нею так долго,— пока она не оправится,— но что тут ничем нельзя помочь.

— Да, я знаю,— ответил Клайд быстро и в точности как ему было велено.— Но это был ее план, а не мой. Она все время повторяла, что хочет этого и что так мне и придется сделать. Несколько раз она говорила об этом по телефону, и я, может быть, отвечал: «Ладно, ладно»,— но вовсе не в том смысле, что вполне согласен с нею, а просто — что мы еще поговорим об этом после.

— Понятно. Стало быть, вы думаете, что она имела в виду одно, а вы другое?

— Я знаю только, что в этом я никогда с нею не соглашался. То есть я все время просил ее подождать еще и ничего не предпринимать, пока я не соберу достаточно денег; я рассчитывал приехать и обсудить все с нею еще раз и уговорить ее, чтобы она уехала,— так, как я предлагал.

— Ну, а если бы она не согласилась, тогда что?

— Тогда я думал рассказать ей про мисс Х и просить, чтобы она меня отпустила.

— А если бы она все-таки настаивала?

— Ну, тогда я, пожалуй, убежал бы... но мне даже не хотелось об этом думать.

— Вам, конечно, известно, Клайд, что кое-кто из присутствующих полагает, будто примерно в это время в вашем сознании зародился преступный план: укрыться под чужим именем, завлечь мисс Олден на одно из уединенных озер в Адирондакских горах и хладнокровно убить или утопить, для того чтобы свободно, без помехи жениться на мисс Х. Так вот, правда ли это? Скажите присяжным — да или нет?

— Нет! Нет! Никогда я не думал убивать ни ее, ни кого другого,— поистине трагически запротестовал Клайд, сжимая

ручки кресла и стараясь, как его учили, чтобы эти слова прозвучали возможно взволнованнее и выразительнее.

Он привстал и всячески пытался казаться твердо уверенным в себе и внушить доверие, хотя в эту минуту все в нем было полно вопиющим сознанием, что именно таков и был его замысел... и это сознание, ужасное, мучительное, отнимало у него силы. Взгляды всего зала были прикованы к нему. Взгляды судьи, и присяжных, и Мейсона, и всех журналистов. И снова на лбу его выступил холодный пот. Он лихорадочно провел кончиком языка по запекшимся тонким губам и с усилием глотнул, потому что в горле у него пересохло.

И вот шаг за шагом, начиная с первых писем Роберты после ее приезда к родным и кончая письмом, в котором она требовала, чтобы Клайд приехал за нею, угрожая в противном случае вернуться в Ликург и изобличить его, Джефсон разобрал все стадии «предполагаемого» злоумышления и преступления, всячески стараясь преуменьшить и окончательно опровергнуть все, что свидетельствовало против Клайда.

Считают подозрительным, что Клайд не писал Роберте. Но ведь он боялся осложнений из-за родственников, из-за своей работы, из-за всего на свете. То же относится и к встрече в Фонде, о которой он условился с Робертой. В то время у него не было никакого плана поездки в какое-либо определенное место. Была только смутная мысль встретиться с нею где-нибудь — где придется — и по возможности убедить ее расстаться с ним. Но наступил июль, а его планы были все еще очень неопределенны, и тут ему пришло на ум, что они могут съездить куда-нибудь за город, в недорогую дачную местность. И в Утике сама Роберта предложила поехать на какое-нибудь из северных озер. Там, в гостинице, а вовсе не на вокзале, он достал несколько карт и путеводителей (в известном смысле роковое утверждение, потому что у Мейсона был один из этих путеводителей с печатью отеля «Ликург» на обложке — печатью, которой Клайд в свое время не заметил, и Мейсон подумал об этом, слушая его показания). Клайд уехал из Ликурга потихоньку, с далекой окраины,— что же, несомненно, он хотел сохранить в тайне свою поездку с Робертой, но только для того, чтобы уберечь ее и себя от всяких толков. Именно этим объясняется езда в разных вагонах, запись в качестве «мистера и миссис Голден» и прочее,— целая серия уловок и увертoк, для того чтобы остаться незамеченными. Что касается двух шляп,— просто старая загрязнилась и, увидев подходящую, он купил еще одну. А потом, потеряв шляпу во время катастрофы, он,

естественно, надел вторую. Разумеется, у него был при себе фотографический аппарат, и верно, что он брал его с собою к Крэнстонам, когда гостил у них в первый раз восемнадцатого июня. И он вначале отпирался от этой своей собственности по одной-единственной причине: из страха, что его отношение к чисто случайной смерти Роберты поймут ложно и ему трудно будет оправдаться. Его ошибочно обвинили в убийстве с первой же минуты ареста в лесу,— а он и без того был перепуган всем случившимся во время этой злополучной поездки и не имел защитника и никого, кто замолвил бы за него хоть слово; он вообразил, что самое лучшее вообще ничего не говорить, и поэтому тогда попросту все отрицал. Но, когда ему дали защитников, он тотчас поведал им подлинную историю случившегося.

То же и с пропавшим костюмом: так как он был промокший и грязный, Клайд еще в лесу свернул его в узелок и, добравшись до Крэнстонов, засунул куда-то среди камней, рассчитывая позже достать его и отдать в чистку. Познакомившись с мистерами Белнепом и Джефсоном, он сразу сказал им об этом; костюм достали, вычистили и вернули ему.

— А теперь, Клайд, расскажите нам о своих планах и об этой поездке на озеро.

И тут — в точности, как в свое время Джефсон излагал это Белнепу,— последовал рассказ о том, как Клайд и Роберта приехали в Утику и потом на Луговое озеро. Никакого плана действий не было. На худой конец Клайд собирался рассказать Роберте о своей безграничной любви к мисс Х и, взывая к ее разуму и сердцу, просить, чтобы она его отпустила; при этом он предложил бы всеми силами помогать ей и поддерживать ее. Если бы она отказалась, он пошел бы на полный разрыв; в случае необходимости он готов был бросить все и уехать из Ликурга.

— Но когда в Фонде и потом в Утике я увидел, что она такая усталая и измученная (Клайд очень старался, чтобы слова, тщательно подобранные другими, прозвучали искренно)... какая-то очень беспомощная, мне опять стало ее жалко.

— И дальше что?

— Ну вот... я был уже не так уверен, что в самом деле смогу бросить ее, если она откажется меня отпустить.

— И что же вы решили?

— Тогда еще ничего не решил. Я слушал, что она говорила, и старался объяснить ей, что мне будет очень трудно сделать для нее много, даже если я уеду с ней. У меня было только пятьдесят долларов.

— Так.

— А она стала плакать, и я решил, что сейчас больше нельзя говорить с ней об этом. Она слишком нервничала и была совсем измученная и усталая. И я спросил, не хочется ли ей съездить куда-нибудь на день-два, чтобы немножко отдохнуть,— продолжал Клайд. (И тут от сознания, что все это — чудовищная ложь, его передернуло, и он судорожно глотнул — предательская слабость, которую он проявлял всякий раз, когда пытался сделать что-нибудь непосильное, все равно — выполнить ли чересчур сложное физическое упражнение, или сказать неправду.) — Она сказала, что, да, хорошо бы поехать на какое-нибудь из Адирондакских озер, все равно на какое, если только у нас хватит денег. А когда я сказал, главным образом из-за ее плохого самочувствия, что, по-моему, поехать можно...

— Так вы, в сущности, поехали туда только ради нее?

— Да, сэр, только ради нее.

— Понятно. Продолжайте.

— ...тогда она сказала, чтобы я тут же в гостинице или еще где-нибудь поискал путеводители, и мы выберем место, где можно прожить день-другой без больших расходов.

— И вы пошли за путеводителями?

— Да, сэр.

— Что дальше?

— Мы их просмотрели и под конец выбрали Луговое озеро.

— Кто именно выбрал? Вы оба или она?

— Просто она взяла один путеводитель, а я другой и она в своем нашла рекламу гостиницы, где плата за двоих двадцать один доллар в неделю или пять долларов в день. И я подумал, что, наверно, наш отдых нигде не обойдется дешевле.

— Вы собирались провести там только один день?

— Нет, сэр, если бы она захотела, мы бы остались дольше. Сперва я думал, что, может быть, мы там побудем дня два или три. Я не знал, сколько времени понадобится на то, чтобы все с ней обсудить и растолковать ей, как у меня обстоят дела.

— Понятно. А потом?

— Потом на другое утро мы поехали на Луговое озеро.

— Опять в разных вагонах?

— Да, сэр, в разных вагонах.

— Приехали в гостиницу и...

— Ну, и записались там...

— Как?

— Карл Грэхем с женой.

— Все еще боялись, как бы вас не узнали?

— Да, сэр.

— И вы пытались как-то изменить свой почерк?

— Да, сэр... немножко.

— Но почему же вы всегда оставляли свои настоящие инициалы К. Г.?

— Видите ли, я думал, что надо записаться под вымышленным именем, но так, чтобы инициалы не расходились с меткой на моем чемодане.

— Понятно. Умно в одном отношении, но не слишком умно в другом... ровным счетом наполовину умно, а это хуже всего.

Услышав это, Мейсон привстал, словно собираясь заявить протест, но, видимо, раздумал и опять медленно опустился в кресло. И снова Джефсон исподтишка метнул быстрый, испытующий взгляд вправо, на присяжных.

— Так что же, в конце концов, сказали вы ей все, как собирались, чтобы покончить с этим делом, или не сказали?

— Я хотел поговорить с нею, как только мы туда приедем или, уж во всяком случае, на другое утро. Но не успели мы приехать и устроиться, как она стала говорить, чтобы я поскорее женился на ней... что она не собирается долго жить со мною, но так больна и измучена и так плохо себя чувствует, что хочет только одного: чтобы все это кончилось и чтобы у ребенка было имя, а потом она уедет, и я буду свободен.

— А потом что было?

— Потом... потом мы пошли на озеро...

— На какое озеро, Клайд?

— Ну, на Луговое. Мы решили покататься на лодке.

— Сразу? Днем?

— Да, сэр. Ей так захотелось. И пока мы катались... (Он умолк.)

— Что же, продолжайте.

— Она опять стала плакать, и я видел, что она совсем больна и измучена и никак не может примириться с судьбой... и я решил, что в конце концов, она права и я плохо поступаю... и нехорошо будет, если я не женюсь на ней — из-за ребенка и все такое, понимаете... тут я подумал, что надо бы жениться.

— Понимаю. Такой душевный переворот. И вы тут же сказали ей об этом?

— Нет, сэр.

— Почему же? Разве вам не казалось, что вы причинили ей уже достаточно горя?

— Конечно, сэр. Но, понимаете ли, я совсем уже собрался сказать ей — и вдруг опять стал думать обо всем, о чем думал до приезда туда.

— О чем, например?

— Ну, вот, о мисс Х, и о своей жизни в Ликурге, и о том, что нас ждет, если мы поженимся и уедем.

— Так.

— И вот... я... я просто не мог сказать ей тогда... во во всяком случае, в тот день не мог...

— Так что же вы ей тогда сказали?

— Ну, чтобы она больше не плакала... Что хорошо бы, если бы она дала мне еще день подумать — и, может быть, мы сумеем как-нибудь все уладить...

— А потом?

— Потом, немного погодя, она сказала, что на Луговом озере ей не нравится. Ей хотелось уехать оттуда.

— *Ей* хотелось?

— Да. Мы опять взяли путеводители, и я спросил одного малого в гостинице, какие тут есть озера. Он сказал, что самое красивое озеро поблизости — Большая Выпь. Я там как-то был и сказал об этом Роберте и передал ей слова того парня, а она сказала, что хорошо бы туда съездить.

— И поэтому вы туда поехали?

— Да, сэр.

— Никакой другой причины не было?

— Нет, сэр, никакой... Пожалуй, еще только одно: что это к югу от Лугового озера и нам все равно надо было возвращаться этой дорогой.

— Понятно. И это было в четверг, восьмого июля?

— Да, сэр.

— Так вот, Клайд, вы слышали: вас тут обвиняют в том, что вы завезли мисс Олден на озеро Большой Выпи с единственным, заранее обдуманным намерением — избавиться от нее, убить ее — найти какой-нибудь незаметный со стороны, укромный уголок и там ударить ее либо фотографическим аппаратом, либо, может быть, веслом, палкой или камнем и затем утопить. Итак, что вы на это скажете? Верно это или нет?

— Нет, сэр! Это неправда! — отчетливо и с чувством возразил Клайд.— Прежде всего, я поехал туда вовсе не по своей охоте, а только потому, что ей не понравилось на Луговом озере.

(До сих пор он понуро сидел в своем кресле, но теперь выпрямился и — как ему заранее велели — посмотрел на при-

сяжных и на публику так открыто и уверенно, как только мог.)

— Я изо всех сил старался сделать ей что-нибудь приятное. Мне очень хотелось развлечь ее хоть немного.

— В этот день вы все еще жалели ее так же, как накануне?

— Да, сэр... наверно, даже больше.

— И к этому времени вы уже окончательно решили, как вам быть дальше?

— Да, сэр.

— Что же именно вы решили?

— Знаете, я решил действовать по-честному. Я думал об этом целую ночь и понял, как ей будет плохо, да и мне тоже, если я поступлю с ней не так, как надо... ведь она несколько раз говорила, что тогда она покончит с собой. И наутро я решил так: будь что будет, сегодня я все улажу.

— Это было на Луговом озере. В четверг утром вы еще были в гостинице?

— Да, сэр.

— Что же именно вы собирались сказать мисс Олден?

— Ну, что я знаю, как нехорошо я с ней поступил, и мне очень жаль... и потом, что ее предложение справедливое, и если после всего, в чем я хочу ей признаться, она все-таки захочет выйти за меня замуж, то я уеду с нею, и мы обвенчаемся. Но что сперва я должен рассказать правду, почему я стал к ней иначе относиться: что я любил и до сих пор люблю другую девушку и ничего не могу с этим поделать... и, видно, женюсь я на ней или нет...

— Вы хотите сказать, на мисс Олден?

— Да, сэр... что я всегда буду любить ту, другую девушку, потому что не могу не думать о ней. Но если Роберте это безразлично, я на ней все-таки женюсь, хотя и не могу любить ее по-прежнему. Вот и все.

— А как же мисс Х?

— Я и о ней думал, конечно, но ведь она обеспечена, и мне казалось, что ей легче это перенести. А кроме того, я думал, что, может быть, Роберта меня отпустит, и тогда мы просто останемся друзьями, и я буду ей помогать всем, чем смогу.

— И вы решили, где именно будете венчаться?

— Нет, сэр. Но я знал, что за Большой Выпью и Луговым озером сколько угодно городов.

— И вы собирались сделать это, ни словом не предупредив мисс Х?

— Н-нет, сэр, не совсем так... Я надеялся, что если Робер-

та не отпустит меня совсем, то она позволит мне уехать на несколько дней, так что я съездил бы к мисс Х, сказал бы ей все и потом вернулся. А если бы Роберта не согласилась — ну что ж, тогда я написал бы мисс Х письмо и объяснил, как все вышло, а потом бы мы с Робертой обвенчались.

— Понятно. Но, Клайд, среди других вещественных доказательств здесь было предъявлено письмо, найденное в кармане пальто мисс Олден,— то, что написано на бумаге со штампом гостиницы на Луговом озере и адресовано матери,— и в нем мисс Олден пишет, что собирается выйти замуж. Разве вы уже твердо сказали ей в то утро на Луговом озере, что хотите с нею обвенчаться?

— Нет, сэр. Не совсем так. Но я с самого утра сказал ей, что это для нас решающий день и что она сама должна будет решить, хочет ли она обвенчаться со мной.

— А, понимаю! Значит, вот что! — улыбнулся Джефсон, словно испытывая огромное облегчение. (При этом Мейсон, Ньюком, Бэрлей и сенатор Редмонд, слушавшие с глубочайшим вниманием, тихонько и чуть ли не в один голос воскликнули: «Что за вздор!»)

— Ну, вот мы и дошли до самой поездки. Вы слышали, что здесь говорили свидетели и какие черные побуждения и замыслы приписывались вам на каждом шагу. Теперь я хочу, чтобы вы сами рассказали обо всем, что произошло. Здесь указывали, что, отправляясь на озеро Большой Выни, вы взяли с собой оба чемодана — и свой и ее, но, приехав на станцию Ружейную, ее чемодан оставили там, а свой захватили в лодку. По какой причине вы так сделали? Пожалуйста, говорите громче, чтобы все господа присяжные могли вас слышать.

— Видите ли, почему так вышло,— и снова у Клайда пересохло в горле, он едва мог говорить,— мы не знали, можно ли будет на Большой Выни позавтракать, и решили захватить с собой кое-какую еду с Лугового. Ее чемодан был битком набит, а в моем нашлось место. И кроме того, в нем лежал фотографический аппарат, а снаружи был привязан штатив. Вот я и решил ее чемодан оставить, а свой взять.

— *Вы* решили?

— То есть я спросил ее, и она сказала, что, по ее мнению, так будет удобнее.

— Где же вы ее об этом спросили?

— В поезде, по дороге к Ружейной.

— Стало быть, вы знали, что с озера вернетесь на Ружейную?

— Да, сэр, знал. Мы должны были вернуться. Другой дороги нет, так нам сказали на Луговом озере.

— А по дороге на озеро Большой Выпи,— помните, шофер, который вез вас туда, показал, что вы «порядком первничали» и спросили его, много ли там в этот день народу?

— Да, сэр, помню, но я вовсе не первничал. Может, я и спрашивал насчет того, много ли народу, но, мне кажется, тут нет ничего плохого. По-моему, это всякий мог спросить.

— По-моему, тоже,— отозвался Джефсон.— Теперь скажите, что произошло после того, как вы записались в гостинице Большой Выпи, взяли лодку и поехали с мисс Олден кататься по озеру? Были вы или она чем-нибудь особенно озабочены и взволнованы или вообще чем-то не похожи на людей, которые просто собрались покататься на лодке? Может быть, вы были необыкновенно веселы, или необыкновенно мрачны, или еще что-нибудь?

— Ну, не скажу, чтобы я был необыкновенно мрачен,— нет, сэр. Конечно, я думал обо всем, что хотел сказать ей, и о том, что́ меня ждет в зависимости от ее решения. Пожалуй, я не был особенно весел, но я думал, что теперь в любом случае все будет хорошо. Я был вполне готов на ней жениться.

— А она? Она была в хорошем настроении?

— В общем, да, сэр. Она почему-то была гораздо веселее и спокойнее, чем раньше.

— О чем же вы с ней говорили?

— Ну, сначала об озере — какое оно красивое и в каком месте мы станем завтракать, когда проголодаемся. Потом мы плыли вдоль западного берега и искали водяные лилии. У нее, видно, было так хорошо на душе, что я и думать не мог в это время начать такой разговор, поэтому мы просто катались, а часа в два вышли на берег и позавтракали.

— В каком именно месте? Подойдите к карте и покажите указкой, как именно вы плыли и где приставали к берегу, надолго ли и для чего?

И Клайд, с указкой в руке, стоя перед большой картой озера и его окрестностей, наиболее связанных с трагедией, подробно очертил тот долгий путь вдоль берега: живописную группу деревьев, к которой они направились после завтрака, прелестный уголок, где они замешкались, собирая росшие там во множестве водяные лилии,— каждое место, где они останавливались, пока часам к пяти не добрались до Лунной бухты, красота которой сразу так поразила их, сказал он, что они долго

любовались ею, неподвижно сидя в лодке. Потом они высадились тут же на лесистом берегу, и Клайд сделал несколько снимков. И все время он готовился рассказать Роберте о мисс X и попросить ее принять окончательное решение. Потом, оставив чемодан на берегу, они снова отчалили, всего на две-три минуты, чтобы сделать несколько снимков с лодки. Вокруг была такая красота и безмятежность, лодка тихо скользила по глади вод, и тут, наконец, Клайд набрался храбрости, чтобы сказать ей все, что было у него на сердце. Сначала, рассказывал он, Роберта, видимо, страшно испугалась, и огорчилась, и стала тихонько плакать, и говорила, что лучше бы ей умереть,— так она несчастна. Но после, когда он убедил ее, что в самом деле чувствует себя виноватым и от души готов искупить свою вину, она вдруг преобразилась, повеселела и потом неожиданно, должно быть в порыве нежности и благодарности, вскочила и попыталась подойти к нему. Она протянула руки и словно хотела упасть к его ногам или кинуться ему на шею. Но тут она зацепилась за что-то ногой или платьем и споткнулась. А он, с аппаратом в руке (в последнюю минуту Джефсон решил включить это в качестве еще одной меры предосторожности), невольно тоже поднялся, чтобы подхватить ее и не дать ей упасть. Быть может,— он не вполне уверен в этом,— лицом или рукой она ударилась об аппарат. Во всяком случае, не успел он, да и она, сообразить, что произошло и что надо делать, как оба очутились в воде; перевернувшаяся лодка, по-видимому, ушибла Роберту, так как она казалась оглушенной.

— Я крикнул ей, чтобы она постаралась добраться до лодки и ухватилась за нее, но лодку относило прочь, а Роберта как будто не слышала меня или не поняла. Я сперва боялся подплыть к ней поближе, она так страшно билась и размахивала руками,— потом поплыл. Я сделал, может быть, взмахов десять, не больше, и тут ее голова ушла под воду, вынырнула и опять скрылась. За это время лодку отнесло футов на тридцать или сорок, и я увидел, что не сумею дотащить до нее Роберту. И тогда я решил, что надо плыть к берегу, иначе мне и самому не спастись.

Когда он выбрался на берег, рассказывал далее Клайд, ему вдруг пришло в голову, в каком страшном и подозрительном положении он оказался. Он внезапно понял, сказал он, как неудачно сложились обстоятельства и как скверно выглядела вся эта поездка с самого начала. Он записывался в гостиницах под фальшивыми именами. Свой чемодан взял, а ее — нет. И, кроме того, если вернуться теперь, значит, придется все объяс-

нить... станет широко известна его связь с Робертой, и вся его жизнь пойдет прахом: он потеряет мисс Х, работу на фабрике, положение в обществе — все! Если же он промолчит (он клялся, что только тут впервые пришла ему на ум эта мысль), может возникнуть предположение, что он тоже утонул. Вот почему, понимая, что никакими силами он уже не вернет Роберту к жизни и что огласка будет означать только серьезные неприятности для него и покроет позором ее память, он решил молчать. И вот, чтобы уничтожить все следы, он снял мокрую одежду, выжал ее, свернул и тщательно упаковал в чемодан. Потом решил спрятать штатив, остававшийся на берегу вместе с чемоданом, что и сделал. Его старая соломенная шляпа — та, которая оказалась без подкладки(но как это случилось, он не знает, заявил он),— потерялась во время катастрофы с лодкой, и поэтому, он надел запасную, хотя у него была с собою еще и кепка,— он мог бы надеть ее. (Такая у него привычка — брать с собой в дорогу лишнюю шляпу: ведь со шляпами вечно что-нибудь случается.) Потом он решил пойти через лес к югу, к железной дороге, которая, по его расчетам, проходила в том направлении. Он тогда не знал, что там есть и автомобильное шоссе. А что он отправился прямо к Крэнстонам, так это вполне естественно, просто признался Клайд: они были его друзьями, и ему очень хотелось добраться до такого места, где он мог бы как следует подумать обо всем этом ужасе, который внезапно обрушился на него, как снег на голову.

Когда Клайд в своих показаниях дошел до этой минуты и ни ему, ни Джефсону, казалось, больше нечего было сказать, защитник, помолчав, вдруг произнес очень отчетливо и как-то особенно спокойно:

— Помните, Клайд: перед лицом господ присяжных, судьи и всех присутствующих в этом зале и превыше всего — перед господом богом вы торжественно поклялись говорить правду, всю правду и ничего, кроме правды. Вы понимаете, что это значит, не так ли?

— Да, сэр, понимаю.

— Поклянетесь ли вы перед богом, что не ударили Роберту Олден, пока находились с нею в лодке?

— Клянусь. Я не ударил ее.

— И не бросали ее за борт?

— Клянусь. Я этого не делал.

— И не пытались так или иначе умышленно, злонамеренно перевернуть лодку или каким-либо иным способом добиться смерти мисс Олден?

— Клянусь, что нет! — горячо и взволнованно воскликнул Клайд.

— И вы можете поклясться, что это был несчастный случай, что он произошел без вашего умысла и намерения?

— Да, могу,— солгал Клайд; он чувствовал, что, борясь за свою жизнь, отчасти говорит правду: ведь и в самом деле все это случилось нечаянно и непреднамеренно, совсем не так, как он задумал. В этом он мог поклясться.

И тогда Джефсон, проведя большой сильной рукой по лицу, вежливо и бесстрастно оглядел суд и присяжных, многозначительно сжал тонкие губы и объявил:

— Обвинение может приступить к допросу свидетеля.

ГЛАВА XXV

Все время, пока Клайда допрашивал защитник, Мейсон чувствовал себя, как неугомонная гончая, рвущаяся в погоню за зайцем, как борзая, которая вот сейчас, последним прыжком, настигнет свою добычу. Его так и подмывало, ему не терпелось разбить вдребезги эти показания, доказать, что все это с начала до конца просто сплетение лжи, как оно отчасти и было на самом деле. И не успел Джефсон кончить, как он уже вскочил и остановился перед Клайдом; а тот, видя, что прокурор горит желанием уничтожить его, почувствовал себя так, словно его сейчас изобьют.

— Грифитс, у вас был в руках фотографический аппарат, когда она встала в лодке и направилась к вам?

— Да, сэр.

— Она споткнулась и упала, и вы нечаянно ударили ее аппаратом?

— Да.

— Я полагаю, при вашей правдивости и честности, вы, конечно, помните, как в лесу на берегу Большой Выпи говорили мне, что у вас не было никакого аппарата?

— Да, сэр, я это помню...

— Конечно, это была ложь?

— Да, сэр.

— И вы говорили тогда с таким же пылом и убеждением, как теперь — другую ложь?

— Я не лгу. Я объяснил здесь, почему я это сказал.

— Вы объяснили, почему вы это сказали! Вы объяснили

почему! Вы солгали тогда и рассчитываете, что вам поверят теперь,— так, что ли?

Белнеп поднялся, готовый запротестовать, но Джефсон усадил его на место.

— Все равно, я говорю правду.

— И, уж конечно, ничто на свете не могло бы заставить вас солгать здесь снова — даже и желание избежать электрического стула?

Клайд побледнел и слегка вздрогнул; покрасневшие от усталости веки его затрепетали.

— Ну, может быть, я и мог бы солгать, но, думаю, не под присягой.

— Вы думаете! А, понятно! Можно соврать все, что угодно и где угодно, в любое время и при любых обстоятельствах, но только не тогда, когда тебя судят за убийство!

— Нет, сэр. Совсем не так. И я сейчас сказал правду.

— И вы клянетесь на Библии, что пережили душевный перелом, так?

— Да, сэр.

— Что мисс Олден была очень печальна и поэтому в вашей душе произошел этот перелом?

— Да, сэр. Так оно и было.

— Вот что, Грифитс: когда она жила на отцовской ферме и ждала вас, она писала вам вот эти письма,— так?

— Да, сэр.

— В среднем вы получали через день по письму,— так?

— Да, сэр.

— И вы знали, что она там одинока и несчастна,— так?

— Да, сэр... но я уже объяснил...

— Ах, вы объяснили! Вы хотите сказать, что за вас это объяснили ваши адвокаты! Может быть, они не натаскивали вас в тюрьме изо дня в день? Не обучали, как вы должны отвечать, когда придет время?

— Нет, сэр, не обучали! — с вызовом ответил Клайд, поймав в эту минуту взгляд Джефсона.

— Так почему же, когда я спросил вас на Медвежьем озере, каким образом погибла Роберта Олден, вы сразу не сказали мне правду и не избавили всех нас от этих неприятностей, подозрений и расследований? Вам не кажется, что тогда люди выслушали бы вас доброжелательнее и скорее поверили бы вам, чем теперь, после того как вы целых пять месяцев обдумывали каждое слово с помощью двух адвокатов?

— Я ничего не обдумывал с помощью адвокатов,— упорст-

вовал Клайд, продолжая глядеть на Джефсона, который старался поддержать его всей силой своей воли.— Я только что объяснил, почему я так поступал.

— Вы объяснили! Вы объяснили! — заорал Мейсон. Его выводило из себя сознание, что эти фальшивые объяснения для Клайда — надежный щит, ограда, за которой он всегда может укрыться, стоит только его прижать покрепче... Гаденыш! И, весь дрожа от еле сдерживаемой ярости, Мейсон продолжал: — Ну, а до вашей поездки, пока она писала вам эти письма, вы тоже думали, что они печальные, или нет?

— Конечно, сэр. То есть...— Клайд неосторожно запнулся.— Некоторые места, во всяком случае.

— Ах, вот что! Уже только некоторые места. Мне кажется, вы только сейчас сказали, что считаете ее письма печальными.

— Да, я так считаю.

— И прежде так считали?

— Да, сэр, считал.

И Клайд беспокойно посмотрел в сторону Джефсона, чей неотступный взгляд пронизывал его, словно луч прожектора.

— Вы помните, что она вам писала...— Мейсон взял одно из писем, развернул и стал читать: «Клайд, милый, я наверно умру, если ты не приедешь. Я так одинока. Я прямо с ума схожу. Мне так хотелось бы уехать и никогда не возвращаться и больше не надоедать тебе. Но если бы ты только звонил мне по телефону, хотя бы через день, раз не хочешь писать! А мне ты так нужен, так нужно услышать ободряющее слово!» — Голос Мейсона звучал мягко и грустно. Он говорил, и чуть ли не осязаемые волны сострадания охватывали не только его, но всех и каждого в высоком и узком зале суда.— Вам эти строки кажутся хоть немного печальными?

— Да, сэр, кажутся.

— И тогда казались?

— Да, сэр, казались.

— Вы знали, что они искренни, да?

— Да, сэр. Знал.

— Почему же хоть капля той жалости, которая, по вашим словам, столь глубоко потрясла вас посреди озера Большой Выни, не заставила вас у себя в Ликурге, в доме миссис Пейтон, снять телефонную трубку и успокоить одинокую девушку хотя бы одним словом о том, что вы приедете? Потому ли, что ваша жалость к ней была тогда не так велика, как позднее, когда она написала вам угрожающее письмо? Или потому, что вы замыслили преступление и опасались, как бы частые телефонные раз-

говоры с нею не привлекли чьего-либо внимания? Как получилось, что вас внезапно охватила столь сильная жалость к ней на озере Большой Выпи, но вы вовсе не чувствовали жалости, пока находились в Ликурге? Или у вас чувства как водопроводный кран — можно открыть, а можно и закрыть?

— Я никогда не говорил, что я совсем не жалел ее,— вызывающе ответил Клайд, перехватив взгляд Джефсона.

— Но вы заставили ее ждать до тех пор, пока в своем ужасе и отчаянии она не стала вам угрожать.

— Я ведь признал, что вел себя с ней нехорошо.

— Ха! Нехорошо! *Нехорошо!* И только потому, что вы это признали, вы рассчитываете — наперекор всем остальным показаниям, которые мы здесь слышали, включая и ваши собственные,— что выйдете отсюда свободным человеком? Так, что ли?

Белнепа дольше невозможно было сдерживать. Он заявил протест.

— Это позорно, ваша честь. Разве прокурору позволительно превращать каждый вопрос в обвинительную речь? — пылко, с горечью обратился он к судье.

— Я не слышал ни одного протеста,— отпарировал судья.— Попрошу прокурора надлежащим образом формулировать свои вопросы.

Мейсон преспокойно принял замечание и снова обернулся к Клайду:

— Как вы тут показывали, сидя в лодке посреди озера Большой Выпи, вы держали в руках тот самый фотографический аппарат, от которого когда-то отпирались?

— Да, сэр.

— А мисс Олден сидела на корме?

— Да, сэр.

— Давайте сюда лодку, Бэртон! — обратился Мейсон к Бэрлею.

По распоряжению Бэрлея, четверо его помощников тотчас вышли через дверь позади судейского возвышения и вскоре вернулись, неся лодку, ту самую, в которой катались Клайд и Роберта, и опустили ее на пол перед присяжными. Клайд, похолодев, остановившимся взглядом смотрел на нее. Та самая лодка! В растерянности он моргал глазами, его била дрожь; а публика волновалась и шумела, напряженно всматриваясь,— волна любопытства прошла по всему залу. И тут Мейсон, схватив аппарат и размахивая им, воскликнул:

— Вот, извольте, Грифитс! Вот аппарат, который будто бы никогда вам не принадлежал. Войдите-ка в лодку, возьмите этот

аппарат и покажите присяжным, где именно сидели вы и где — мисс Олден. И покажите точно, если можете, как именно и куда вы ударили мисс Олден и где и как примерно она упала.

— Протестую! — заявил Белнеп.

Между юристами завязалась долгая и утомительная перебранка; в конечном счете судья разрешил,— по крайней мере, на некоторое время,— продолжать допрос свидетеля таким способом. Под конец Клайд заявил:

— Во всяком случае, я ударил ее не намеренно.

На что Мейсон заметил:

— Да, мы уже слышали ваши показания на этот счет.

Потом Клайд сошел со своего места и, получив всевозможные наставления, наконец шагнул в лодку и уселся на среднюю скамью; трое мужчин держали лодку в равновесии.

— Теперь вот что... Ньюком! Подите сядьте в лодку на то место, где, по описанию Грифитса, сидела мисс Олден... и примите нужную позу,— как он вам скажет.

— Слушаю, сэр,— ответил Ньюком, подошел к лодке и уселся на корме.

Клайд старался поймать взгляд Джефсона, но тщетно: ему пришлось теперь сидеть почти спиною к защитнику.

— А ну-ка, Грифитс,— продолжал Мейсон,— покажите мистеру Ньюкому, как мисс Олден встала и направилась к вам. Объясните, что он должен делать.

И Клайд, бесконечно неловкий от сознания, что он слаб, лжив и всем ненавистен, снова поднялся и нервными, угловатыми движениями (все это было слишком невероятно и жутко) пытался показать Ньюкому, как Роберта встала и неверными шагами, почти ползком направилась к нему, потом споткнулась и упала. После этого, с аппаратом в руке, он постарался вспомнить и возможно точнее показать, как он тогда невольно взмахнул рукой и ударил Роберту... он не знает, не уверен, куда именно пришелся удар, может быть по подбородку или по щеке, но, конечно же, это вышло нечаянно и, как ему тогда показалось, вовсе не с такой силой, чтобы ее поранить. Тут Белнеп и Мейсон вступили в нескончаемые пререкания о том, насколько действительны такие показания, раз Клайд заявил, что не может ясно все припомнить. Но в конце концов Оберуолцер разрешил продолжать, на том основании, что такого рода наглядное свидетельство приблизительно покажет, легкий ли толчок или сильный удар нужен для того, чтобы свалить человека, «слабо» или «нетвердо» держащегося на ногах.

— Но, ради всего святого, каким образом все эти штуки, разыгранные с мужчиной такого сложения, как мистер Ньюком, могут доказать, что произошло с девушкой роста и веса мисс Олден? — настаивал Белнеп.

— Ладно, поставим сюда девушку роста и веса мисс Олден!

Тотчас же была вызвана Зилла Саундерс и поставлена на место Ньюкома. Но Белнеп тем не менее настаивал:

— Ну и что же? Условия совсем другие. Эта лодка не на воде. И нет таких двух людей, которые одинаково воспринимали бы случайные удары или с равной силой им сопротивлялись.

— Так вы не считаете допустимым этот наглядный опыт? — обернувшись к нему, язвительно спросил Мейсон.

— О, пожалуйста, продолжайте, если вам угодно. Ведь всякому ясно, что ваши опыты ничего не доказывают,— многозначительно ответил Белнеп.

Итак, Клайд, по указаниям Мейсона, должен был толкнуть Зиллу «примерно так же сильно» (думалось ему), как он нечаянно толкнул Роберту. И она отшатнулась, но только слегка, и при этом ей удалось схватиться руками за борта лодки и, следовательно, спастись. Белнеп полагал, что его возражения сведут на нет мейсоновский опыт. Однако у присяжных создалось впечатление, что Клайд, движимый сознанием своей вины и страхом смерти, вероятно, постарался изобразить свои действия куда менее зловредными, чем они, без сомнения, были на самом деле. Ведь показали же врачи под присягой, какова могла быть сила этого удара, так же как и другого, по темени? И ведь Бэртон Бэрлей свидетельствовал, что он обнаружил на фотографическом аппарате волосы Роберты? А крик, слышанный той свидетельницей? Как это понять?

Но после этой сцены в суде объявлен был перерыв до следующего дня.

На другое утро, едва простучал молоток судьи, поднялся Мейсон, по обыкновению, бодрый, напористый и злой. А Клайд провел прескверную ночь в своей камере. Его усиленно накачивали и подбодряли Джефсон и Белнеп, после чего он решил держаться возможно хладнокровнее и тверже, с видом ни в чем не повинного человека,— но ему не хватало настоящего мужества и энергии, чтобы справиться с подобной задачей, ибо он был убежден, что все здесь враги ему и глубоко уверены в его виновности. А Мейсон начал ожесточенно и неистово:

— Итак, Грифитс, вы все еще утверждаете, что пережили душевный переворот?

— Да, сэр, утверждаю.

— Вы когда-нибудь слышали об утопленниках, возвращенных к жизни?

— Я вас не совсем понимаю.

— Вы, конечно, знаете, что людей, погрузившихся в воду и больше не вынырнувших,— тех, кого считают утонувшими,— иногда удается воскресить? Им оказывают первую помощь: делают искусственное дыхание или перекатывают по бревну или бочке и таким образом возвращают к жизни.

— Да, сэр, как будто слышал. Рассказывали об утопленниках, которых удавалось оживить, но, по-моему, я никогда не слыхал, как именно это делается.

— Никогда не слыхали?

— Нет, сэр.

— А о том, сколько времени человек может пробыть под водой и все-таки потом ожить?

— Нет, сэр. Никогда не слыхал.

— Никогда, к примеру, не слыхали, что можно вернуть к жизни человека, который оставался под водой целых пятнадцать минут?

— Нет, сэр.

— Стало быть, когда вы добрались до берега, вам не пришло в голову, что вы еще можете позвать на помощь и тем самым спасти мисс Олден?

— Нет, сэр, это мне не пришло в голову. Я думал, что она уже мертва.

— Понимаю. Ну, а пока она была еще жива и держалась на воде, как было дело? Вы ведь отличный пловец, так?

— Да, сэр, я плаваю недурно.

— Скажем, настолько недурно, что могли спастись, проплыв более пятисот футов в одежде и башмаках. Это верно?

— Пожалуй, тогда я проплыл такое расстояние.... да, сэр.

— Безусловно, проплыли — и весьма недурно для человека, который не мог проплыть тридцать пять футов до перевернувшейся лодки, скажу я вам,— заключил Мейсон.

Белнеп хотел было заявить протест и потребовать, чтобы подобные выпады не включались в протокол, но Джефсон удержал его.

Далее Клайду пришлось рассказать обо всех своих упражнениях по части гребли и плавания и о том, сколько раз он катался по озерам в столь ненадежном суденышке, как байдарка, причем никогда с ним не случалось ничего плохого.

— В первый раз, на озере Крам, вы ведь катали Роберту на байдарке, так?

— Да, сэр.

— Но тогда с вами не приключилось никакой беды?

— Нет, сэр.

— Тогда вы были сильно влюблены в нее, верно?

— Да, сэр.

— А в тот день, когда она утонула в озере Большой Выни и когда у вас была надежная, устойчивая лодка, вы уже вовсе не были влюблены в мисс Олден?

— Я ведь говорил, что я тогда чувствовал.

— И, конечно, не может быть никакой связи между теми фактами, что на озере Крам вы были влюблены в нее, а на Большой Выни...

— Я уже сказал, что я тогда чувствовал.

— Но вы все же хотели от нее отделаться,— так? Не успела она умереть, как вы побежали к другой девушке. Ведь вы этого не отрицаете, верно?

— Я уже объяснил, почему я это сделал,— повторил Клайд.

— Объяснили! Объяснили! И вы воображаете, что хоть один здравомыслящий, порядочный, разумный человек поверит вашему объяснению,— так, что ли?

Мейсон был вне себя от ярости, и Клайд не осмелился возражать. Судья, предвидя протест со стороны Джефсона, прогремел заранее: «Протест принят!» Но Мейсон уже продолжал:

— А скажите, Грифитс, может быть, вы управляли лодкой немножко неосторожно — самую малость, и сами ее перевернули?

Он подошел еще ближе и подмигнул Клайду.

— Нет, сэр, я не был неосторожен. Это был несчастный случай, и я не мог его предотвратить.

Клайд был совершенно спокоен, хотя бледен и утомлен.

— Несчастный случай. Примерно, как тот, другой случай в Канзас-Сити. Вы вполне освоились с такого рода несчастными случаями, не так ли, Грифитс? — с расстановкой, издевательски произнес Мейсон.

— Я уже объяснял, как это случилось,— устало ответил Клайд.

— Вы вполне привыкли к несчастным случаям, которые приводят к смерти девочек или девушек, верно? И вы всегда сбегаете потом, когда какая-нибудь из них умирает?

— Протестую! — выкрикнул Белнеп, срываясь с места.

— Протест принят,— резко сказал Оберуолцер.— Никакие другие несчастные случаи к данному процессу отношения не имеют. Попрошу обвинителя держаться ближе к делу.

— Скажите-ка, Грифитс,— продолжал Мейсон, очень довольный, что отплатил Джефсону за извинение, которое ему пришлось прежде принести в связи с происшествием в Канзас-Сити,— когда лодка опрокинулась после вашего нечаянного удара и вы и мисс Олден оказались в воде, на каком расстоянии вы были друг от друга?

— Право, я тогда не заметил.

— Довольно близко, так? Вряд ли много дальше, чем на расстоянии фута или двух,— примерно так, как вы стояли в лодке?

— Не знаю... я не заметил... может быть, и так, сэр.

— И не настолько близко, чтобы схватить ее и удержать, если бы вы этого хотели? Ведь вы для того и вскочили, когда увидели, что она падает, так?

— Да, для того я и вскочил,— с усилием ответил Клайд,— но я был не настолько близко, чтобы подхватить ее. Я помню, что сразу ушел под воду, а когда выплыл, она оказалась несколько дальше от меня.

— На каком же расстоянии точнее? Как отсюда до этого конца скамьи присяжных? Или до того конца? Или вполовину этого, или как?

— Право же, я совершенно не заметил. Примерно как отсюда до того конца, мне кажется,— солгал Клайд, преувеличивая расстояние, по крайней мере, на восемь футов.

— Неужели! — воскликнул Мейсон, изображая величайшее изумление.— Вот эта лодка опрокидывается, вы оба почти рядом падаете в воду, а когда выплываете на поверхность, оказываетесь чуть ли не в двадцати футах друг от друга? Не кажется ли вам, что на сей раз ваша память вас немножко подвела?

— Ну, так мне показалось, когда я вынырнул.

— Ну, ладно,— а после того как лодка опрокинулась и вы оба вынырнули на поверхность, где вы оказались по отношению к *лодке*? Вот лодка,— в каком месте зала вы должны находиться — в смысле расстояния, я хочу сказать?

— Но я же сказал, что я этого сразу точно не заметил, когда вынырнул,— повторил Клайд, беспокойно и неуверенно оглядывая простирающийся перед ним зал. Мейсон явно готовил ему западню.— Мне кажется, примерно на таком расстоянии, как отсюда до барьера за вашим столом.

— Стало быть, футов тридцать — тридцать пять,— выжидательно и коварно подсказал Мейсон.

— Да, сэр. Пожалуй, около того. Я не совсем уверен.

— Итак, вы были вон там, а лодка здесь,— а где в это время была мисс Олден?

И Клайд понял, что у Мейсона на уме какой-то план, основанный на математических или геометрических расчетах, при помощи которого он намерен установить его виновность. Он мгновенно насторожился и взглянул в сторону Джефсона. При этом он не мог сообразить, как бы ему поместить Роберту подальше от себя. Он сказал, что она не умела плавать. Тогда не должна ли она быть ближе к лодке, чем он? Да, несомненно! Безрассудно, наугад он схватился за мысль, что лучше всего сказать, будто она была примерно в половине этого расстояния от лодки,— скорее всего, не дальше. Он так и сказал.

— Стало быть, она была не больше чем в пятнадцати футах и от вас и от лодки? — тотчас подхватил Мейсон.

— Да, сэр, пожалуй. Как будто так.

— Значит, вы хотите сказать, что не могли проплыть это ничтожное расстояние и потом помочь ей продержаться на воде до тех пор, пока вам не удалось бы достигнуть лодки, находившейся всего на пятнадцать футов дальше?

— Но я уже говорил, я был отчасти ошеломлен, когда выныряул, а она так сильно билась и кричала...

— Но ведь тут же была лодка — не дальше, чем в тридцати пяти футах, как вы сами сказали (что-то очень далеко ее отнесло за такое короткое время, должен заметить!). После этого вы сумели проплыть пятьсот футов до берега — и вы хотите сказать, что не могли доплыть до этой лодки и подтолкнуть ее к Роберте, чтобы она успела спастись? Ведь она билась, стараясь удержаться на поверхности,— так?

— Да, сэр. Но я сперва был совсем ошарашен,— хмуро оправдывался Клайд, чувствуя на себе неотступные пристальные взгляды всех присяжных и зрителей,— и... и... (напряженная подозрительность и недоверие всего зала придавили его неимоверной тяжестью, и мужество едва не покинуло его; он путался и заикался) и, наверно, я недостаточно быстро соображал, что надо делать. К тому же я боялся, что если я подплыву к ней ближе...

— Да-да, знаю: интеллектуальный и моральный трус,— ехидно усмехнулся Мейсон.— К тому же очень медленно соображаете, когда вам выгодно медлить, и очень быстро — когда вам выгодно действовать быстро. Так, что ли?

— Нет, сэр.

— Ладно, если не так, скажите-ка мне вот что, Грифитс: почему, когда вы через несколько минут выбрались из воды,

у вас хватило присутствия духа задержаться и спрятать этот штатив, прежде чем уйти в лес, а когда надо было спасать мисс Олден, вы оказались так «ошарашены», что не могли и пальцем шевельнуть? Как это вы сразу стали таким спокойным и расчетливым, едва ступили на берег? Что вы на это скажете?

— Ну... я... я ведь говорил... после я понял, что больше мне ничего не остается делать.

— Да, все мы это знаем. А вы не думаете, что после столь сильной паники, пережитой в воде, нужна была весьма трезвая голова, чтобы в подобную минуту задержаться ради такой предосторожности — прятать этот штатив? Как же это вы сумели так здраво подумать о штативе, а за несколько минут до того совсем не в силах были подумать о лодке?

— Но... ведь...

— Вы не желали, чтобы она осталась жива, несмотря на этот ваш выдуманный душевный переворот! Разве не так? — заорал Мейсон.— Это и есть мрачная, прискорбная истина. Она тонула, а вам только того и надо было,— и вы попросту дали ей утонуть! Разве не так?

Его трясло, когда он выкрикивал все это. А Клайд глядел на лодку — и ему со страшной, потрясающей ясностью представились глаза Роберты и ее предсмертные крики... Он отшатнулся и съежился в кресле: в своем толковании Мейсон был слишком близок к тому, что произошло на самом деле, и это ужаснуло Клайда. Ведь ни разу, даже Джефсону и Белнепу, он не признавался, что, когда Роберта оказалась в воде, он не захотел ее спасти. Неизменно скрывая истину, он утверждал, будто хотел ее спасти, но все случилось так быстро, а он был так ошеломлен и так испуган ее криками и отчаянной борьбой за жизнь, что не в силах был что-либо предпринять, прежде чем она пошла ко дну.

— Я... я хотел ее спасти,— пробормотал он; лицо его посерело,— но... но... как я сказал, я был оглушен... и... и...

— Вы же знаете, что все это ложь! — крикнул Мейсон, надвигаясь на Клайда; он поднял свои сильные руки, обезображенное лицо его пылало гневом, словно уродливая маска мстительной Немезиды или фурии.— Знаете, что умышленно, с хладнокровным коварством позволили этой несчастной, измученной девушке умереть, хотя могли бы спасти ее так же легко, как легко могли проплыть пятьдесят из тех пятисот футов, которые вы проплыли ради собственного спасения! Так или нет?

Теперь Мейсон был убежден, что точно знает, каким образом Клайд убил Роберту,— что-то в лице и поведении Клайда

убедило его в этом,— и он решил непременно вырвать у обвиняемого это признание. Впрочем, Белнеп уже вскочил на ноги, заявляя протест: присяжных недопустимым образом восстанавливают против его подзащитного, а потому он вправе требовать — и требует — отменить весь этот судебный процесс как неправильный и недействительный,— заявление, которое Обервуолцер решительно отклонил. Все же Клайд успел возразить Мейсону, хотя и крайне слабым и жалким тоном:

— Нет, нет! Я этого не делал! Я хотел спасти ее, но не мог!

Но все в Клайде (и это заметил каждый присяжный) выдавало человека, который и в самом деле лжет, и в самом деле — интеллектуальный и моральный трус, каким его упорно изображал Белнеп, и, что хуже всего,— в самом деле виновен в смерти Роберты. В конце концов,— спрашивал себя каждый присяжный, слушая Клайда,— почему же он не мог ее спасти, если у него хватило сил потом доплыть до берега? Или, во всяком случае, почему он не поплыл к лодке и не помог Роберте за нее ухватиться?

— Она весила всего сто фунтов, так? — в лихорадочном возбуждении продолжал Мейсон.

— Пожалуй, да.

— А вы? Сколько вы весили в то время?

— Сто сорок или около того,— ответил Клайд.

— И мужчина, который весит сто сорок фунтов,— язвительно произнес Мейсон, обращаясь к присяжным,— боится приблизиться к слабой, больной, маленькой и легонькой девушке, когда она тонет, из страха, как бы она не уцепилась за него и не затащила под воду! Да еще когда в пятнадцати или двадцати футах от него — прекрасная лодка, достаточно крепкая, чтобы выдержать трех или четырех человек! Что это, по-вашему?

И чтобы подчеркнуть сказанное и дать ему глубже проникнуть в сознание слушателей, Мейсон умолк, вытащил из кармана большой белый платок и вытер шею, лицо и руки, совершенно мокрые от душевного и физического напряжения. Потом обернулся к Бэртону Бэрлею:

— Можете распорядиться, чтобы лодку убрали отсюда, Бэртон. Во всяком случае, пока она нам больше не нужна.

И четверо помощников сейчас же унесли лодку.

Тогда, вновь овладев собой, Мейсон опять обратился к Клайду.

— Грифитс,— начал он,— вам, конечно, хорошо известно, какого цвета были волосы Роберты Олден и каковы они были

на ощупь,— так? Ведь вы были достаточно близки с нею, чтобы это знать?

— Я знаю, какого они цвета... мне кажется, знаю,— вздрогнув, ответил Клайд.

Казалось, и постороннему взгляду был заметен охвативший его при этом озноб.

— И каковы они на ощупь, тоже знаете, да? — настаивал Мейсон.— В дни вашей большой любви к ней, до появления мисс X, вы, должно быть, нередко дотрагивались до них?

— Не знаю, не уверен,— ответил Клайд, перехватив взгляд Джефсона.

— Ну, а приблизительно? Должны же вы знать, были они грубые, жесткие — или тонкие, шелковистые. Это вы знаете, верно?

— Да, они были шелковистые.

— Так вот, у меня есть прядь ее волос,— заявил Мейсон больше для того, чтобы измотать Клайда, поиграть на его нервах. Он взял со стола конверт и извлек из него длинную прядь светло-каштановых волос.— Похоже это на ее волосы?

И он протянул их Клайду. Потрясенный и испуганный, Клайд отшатнулся, словно от чего-то нечистого или опасного, но уже в следующее мгновенье постарался овладеть собой, и все это не ускользнуло от зорких глаз присяжных.

— Полно, не пугайтесь,— язвительно успокоил его Мейсон.— Ведь это всего лишь локон вашей покойной возлюбленной.

Потрясенный этим пояснением, ощущая на себе любопытные взгляды присяжных, Клайд протянул руку и взял волосы.

— По виду и на ощупь похоже на ее волосы, верно? — настаивал Мейсон.

— Да, как будто похоже,— нетвердым голосом ответил Клайд.

— А теперь вот что...— Мейсон шагнул к столу и тотчас вернулся к Клайду, протягивая ему фотографический аппарат: между крышкой и объективом аппарата запутались сунутые туда в свое время Бэрлеем два волоска Роберты.— Держите-ка. Это ваш аппарат, хоть вы и клялись в обратном. Взгляните на эти два волоска. Видите? — Он так сунул аппарат в лицо Клайду, словно хотел его ударить.— Они зацепились здесь, надо думать, в ту минуту, когда вы ударили ее — ударили так легко, что разбили ей лицо. Так вот, не можете ли вы сказать присяжным, ее это волосы или нет?

— Я не знаю,— еле слышно выговорил Клайд.

— Что такое? Говорите громче. Не будьте таким моральным и интеллектуальным трусом! Ее это волосы или нет?

— Не знаю,— повторил Клайд, но при этом даже не взглянул на них.

— Посмотрите на них, посмотрите! Сравните их с этой прядью. Нам известно, что это — прядь волос мисс Олден. А вам известно, что и волосы в аппарате тоже ее — так? Можете не брезговать ими. Пока она была жива, вы достаточно часто их касались. Теперь она мертва. Они вас не укусят. Что же, эти два волоска отличаются чем-нибудь от этой пряди — заведомо ее пряди — на ощупь, по цвету, по всему,— или ничем не отличаются? Смотрите! Отвечайте! Одни и те же это волосы или нет?

И под таким нажимом, несмотря на протесты Белнепа, Клайду пришлось осмотреть волоски и даже потрогать их. Но ответил он осторожно:

Ничего не могу сказать. На вид и на ощупь они немножко похожи, но наверно сказать не могу.

— Ах, вы не можете? Хотя и знаете, что, когда вы нанесли ей тот жестокий, злодейский удар, эти два волоска запутались в аппарате?

— Никакого злодейского удара я ей не наносил,— возразил Клайд, уловив взгляд Джефсона,— и не могу сказать, что это за волосы.

Он говорил себе, что не даст этому человеку сбить и запугать себя, и все же испытывал болезненную слабость и тошноту. А торжествующий Мейсон, довольный уже и этим психологическим эффектом, вновь положил аппарат и волосы на стол и заметил:

— Ладно, тут было достаточно показаний насчет того, что эти волоски были в аппарате, когда его вытащили из воды. А перед тем как упасть в воду, он, по вашим же собственным словам, был у вас в руках.

Он умолк на минуту, спрашивая себя, какую бы еще пытку придумать для Клайда, потом снова заговорил:

— Теперь о вашей прогулке по лесу, Грифитс: в котором часу вы дошли до Бухты Третьей мили?

— По-моему, около четырех часов утра, как раз перед рассветом.

— А что вы делали с этого времени и до отбытия парохода?

— Просто ходил взад и вперед.

— По самому поселку?

— Нет, сэр, поблизости.

— В лесу, надо полагать? Выжидали часа, когда поселок

проспется, чтобы ваше слишком раннее появление не показалось странным,— так?

— Просто я ждал, чтобы взошло солнце. Кроме того, я устал и прилег немного отдохнуть.

— И вы хорошо спали и видели приятные сны?

— Да, я устал и поспал немного.

— А откуда у вас были такие точные сведения о пароходе и о времени его отплытия и вообще о Бухте Третьей мили? Постарались ознакомиться со всем этим заранее?

— Ну, в этих местах всем известно, что между Шейроном и Бухтой Третьей мили ходит пароход.

— Вот как, всем известно? Только поэтому и вы об этом знали?

— Ну, еще и потому, что, когда мы подыскивали место, где бы обвенчаться, мы оба обратили внимание на Бухту Третьей мили,— хитроумно ответил Клайд.— Но мы видели, что туда нельзя добраться поездом: железная дорога доходит только до Шейрона.

— Однако вы заметили, что это южнее озера Большой Выни?

— Да, как будто заметил,— сказал Клайд.

— И что дорога, проходящая к западу от станции Ружейной, ведет на юг к Бухте Третьей мили мимо южной части Большой Выни?

— Просто в лесу на южном берегу я наткнулся на какую-то дорогу или тропу, но я вовсе не думал, что это и есть правильная дорога.

— Понятно. Как же тогда вышло, что, встретившись в лесу с тремя прохожими, вы спросили их, далеко ли до Бухты Третьей мили?

— Я их не о том спрашивал,— ответил Клайд, следуя наставлениям Джефсона.— Я спросил, не знают ли они какой-нибудь дороги до Бухты Третьей мили и далеко ли до этой дороги. Я не знал, что это и есть та самая дорога.

— Ну, они показывали здесь совсем другое.

— Мне все равно, что они показывали, я-то их спрашивал именно об этом.

— Вас послушать, так выходит, что все свидетели лгуны, один только вы честный человек,— так, что ли?.. Ну, а когда вы добрались до Бухты Третьей мили, вы не зашли куда-нибудь поесть? Вы же, наверно, проголодались,— так?

— Нет, я не был голоден,— просто ответил Клайд.

— Хотели поскорее выбраться из этих мест, да? Боялись,

что те трое, дойдя до Большой Выпи и услыхав о несчастье с мисс Олден, расскажут, как они с вами встретились,— так?

— Нет, не так. Но мне не хотелось оставаться в тех местах, я уже говорил почему.

— Понятно. Зато в Шейроне, где вы почувствовали себя в большей безопасности,— подальше от тех мест,— вы, не теряя времени, взялись за еду,— так? Там вы покушали с аппетитом, верно?

— Ну, право, не знаю. Я выпил чашку кофе и съел сандвич.

— И еще кусок пирога, как тут уже было установлено,— прибавил Мейсон.— А затем присоединились к толпе, шедшей с вокзала, как будто только что приехали из Олбани, как вы это потом всем рассказывали. Так было дело?

— Да, так.

— А не кажется ли вам, что для действительно невинного человека, в душе которого только недавно произошел благодетельный перелом, вы были ужасно предусмотрительны и осторожны? Прятались в лесу, выжидали в темноте, делали вид, будто приехали прямо из Олбани...

— Я уже объяснил все это,— упрямо ответил Клайд.

Следующим своим ходом Мейсон намеревался изобличить позорное поведение Клайда, который, несмотря на все, чем пожертвовала для него Роберта, способен был изобразить ее незаконной сожительницей нескольких мужчин, поскольку он во время поездки записывался в разных гостиницах под разными именами.

— Почему вы не брали отдельных комнат?

— Видите ли, она этого не хотела. Ей хотелось быть со мной. И, кроме того, у меня было не слишком много денег.

— Даже если и так, выходит очень странно: тогда вы могли проявить к ней так мало уважения, а потом, когда она умерла, вас стала до того заботить ее репутация, что вы сбежали и хранили про себя тайну ее гибели, лишь бы, как вы говорите, сберечь ее доброе имя? Как это так получается?

— Ваша честь,— вмешался Белнеп,— это уже не вопрос, а целая речь.

— Беру свой вопрос назад,— отпарировал Мейсон.— Кстати, Грифитс,— продолжал он,— сами-то вы признаете, что вы интеллектуальный и моральный трус, или нет?

— Нет, сэр. Не признаю.

— Не признаете?

— Нет, сэр.

— Стало быть, когда вы лжете, да еще под присягой, вы ничем не отличаетесь от любого другого человека, не труса в интеллектуальном и моральном отношении, и заслуживаете такого же презрения и кары, как и всякий клятвопреступник и лжесвидетель? Правильно?

— Да, сэр. Думаю, что правильно.

— Так вот, если вы не интеллектуальный и моральный трус, тогда чем объяснить, что, нанеся мисс Олден печальный, по вашим словам, удар, вы оставили ее на дне Большой Выпи и, зная, какие страдания причинит ее родным эта утрата, не сказали никому ни слова, а просто-напросто ушли,— спрятали штатив в кусты и удрали тайком, как самый обыкновенный убийца? Что вы подумали бы, если бы вам рассказали такую вещь о ком-нибудь другом? Что это, по-вашему: поведение человека, который задумал и совершил убийство и потом попытался благополучно скрыться, или просто подлые, хитрые уловки интеллектуального и морального труса, который старается избежать ответственности за случайную гибель соблазненной им девушки, потому что огласка может повредить его благоденствию? Что именно?

— А все-таки я не убивал ее,— упрямо повторил Клайд.

— Отвечайте на вопрос! — прогремел Мейсон.

— Прошу суд разъяснить свидетелю, что он не обязан отвечать на подобный вопрос,— вмешался Джефсон, поднимаясь и пристально посмотрев сперва на Клайда, потом на Оберуолцера.— Это вопрос чисто риторический, не имеющий прямого отношения к обстоятельствам данного дела.

— Правильно,— подтвердил Оберуолцер.— Свидетель может не отвечать.

И Клайд только молча посмотрел на всех, чрезвычайно ободренный этой нежданной помощью.

— Ладно, продолжаем,— сказал Мейсон. Более чем когда-либо он был раздосадован и обозлен бдительностью Белнепа и Джефсона и их стремлением свести на нет силу и смысл каждой его атаки и тверже чем когда-либо решил, что не позволит им восторжествовать.— Так вы говорите, что до этой поездки вы не намерены были жениться на мисс Олден, если бы только удалось этого избежать?

— Да, сэр.

— Она хотела, чтобы вы с ней обвенчались, но вы еще не пришли к такому решению?

— Да.

— Ну, а не припоминаете ли вы поваренную книгу, со-

лонку, перечницу, ложки, ножи и все прочее, что она уложила в свой чемодан?

— Да, сэр, припоминаю.

— Так что же, по-вашему, уезжая из Бильца и беря все это с собой, она могла думать, что останется незамужем и поселится где попало в дешевой комнатушке, а вы будете навещать ее раз в неделю или раз в месяц?

И прежде чем Белнеп успел заявить протест, Клайд выпалил именно то, что следовало:

— Мне не известно, что она могла думать на этот счет.

— А вы случайно в телефонном разговоре,— например, после того как она написала вам, что, если вы не приедете за нею в Бильц, она сама приедет в Ликург,— не обещали ей жениться?

— Нет, сэр, не обещал.

— Вы не были до такой степени интеллектуальным и моральным трусом, чтобы с перепугу сделать что-нибудь в этом роде, а?

— Я никогда не говорил, что я интеллектуальный и моральный трус.

— И не дали бы девушке, которую вы соблазнили, запугать себя?

— Просто я тогда не чувствовал, что должен на ней жениться.

— Вы думали, что она — не такая блестящая партия, как мисс Х?

— Я думал, что не должен жениться на ней, раз я больше не люблю ее.

— Даже и для того, чтобы спасти ее честь и самому не оказаться непорядочным человеком?

— Видите ли, я тогда думал, что мы не можем быть счастливы вместе.

— Это было, конечно, до великого перелома в вашей душе?

— Да, это было до того, как мы поехали в Утику.

— Тогда вы еще были без ума от мисс Х?

— Да, я был влюблен в мисс Х.

— Помните, в одном из своих писем, на которые вы никогда не отвечали, Роберта Олден писала вам (тут Мейсон достал одно из первых семи писем и прочел): «Меня мучит тревога и ужасная неуверенность, хоть я и стараюсь гнать их от себя,— ведь теперь у нас все решено и ты приедешь за мной, как обещал». Так что же именно она подразумевала, говоря: «теперь у нас все решено»?

— Не знаю,— разве только то, что я должен приехать за ней и увезти ее куда-нибудь на время.

— Но не жениться на ней, конечно?

— Нет, этого я ей не обещал.

— Однако сразу же после этого, в том же самом письме, она пишет: «По пути сюда, вместо того чтобы поехать прямо домой, я решила остановиться в Гомере и повидаться с сестрой и зятем. Ведь не известно, когда мы увидимся опять, потому что я хочу встретиться с ними только как порядочная женщина — или уж никогда больше не встречаться!» Как по-вашему, что она хотела сказать словами «порядочная женщина»? Что, пока не родится ребенок, она будет жить где-то вдали от всех, не выходя замуж, а вы будете понемножку посылать ей деньги, а потом, может быть, она вернется и будет изображать из себя невинную девушку или молодую вдову,— или как? А не кажется вам, что она себе представляла нечто другое: что она выйдет за вас замуж, хотя бы на время, и ребенок будет законным? «Решение», о котором она упоминает, не могло означать чего-то меньшего, не так ли?

— Ну, может быть, она и так себе это представляла,— уклончиво ответил Клайд.— Но я никогда не обещал на ней жениться.

— Ладно, пока мы это оставим,— упрямо продолжал Мейсон.— Займемся вот чем (и он стал читать из десятого письма): «Милый, ведь ты, наверно, мог бы приехать и на несколько дней раньше,— какая разница? Все равно, пускай у нас будет немножко меньше денег. Не бойся, мы проживем и так, пока будем вместе,— наверно, это будет месяцев шесть — восемь самое большее. Ты же знаешь, я согласна тебя потом отпустить, если ты хочешь. Я буду очень бережливой и экономной... Иначе невозможно, Клайд, хотя ради тебя я хотела бы найти другой выход». Как по-вашему, что все это означает: «быть бережливой и экономной» и отпустить вас не раньше, чем через восемь месяцев? Что она будет ютиться где-то, а вы — навещать ее раз в неделю? Или что вы действительно соглашались уехать с нею и обвенчаться, как она, по-видимому, думала?

— Не знаю, может быть, она думала, что сумеет меня заставить,— ответил Клайд; публика и присяжные — все эти фермеры и лесорубы, обитатели лесной глуши, возмущенно и насмешливо зафыркали, разъяренные выражением «сумеет меня заставить», так незаметно для Клайда слетевшим у него с языка.— Я никогда не соглашался на ней жениться,— закончил он.

— Разве что она сумела бы вас заставить. Стало быть, вот как вы к этому относились,— да, Грифитс?

— Да, сэр.

— И вы присягнете в этом с такой же легкостью, как в чем угодно еще?

— Я ведь уже принес присягу.

И тут Мейсон почувствовал,— и это почувствовали и Белнеп, и Джефсон, и сам Клайд,— что страстное презрение и ярость, с какими почти все присутствующие с самого начала относились к подсудимому, теперь с потрясающей силой рвутся наружу. Презрение и ярость переполняли зал суда. А у Мейсона впереди было еще вдоволь времени, чтобы наугад, как придется, выхватывать из массы материалов и показаний все, чем ему вздумается издевательски терзать и мучить Клайда. И вот, заглядывая в свои заметки (для удобства Эрл Ньюком веером разложил их на столе), он снова заговорил:

— Грифитс, вчера, когда вас допрашивал здесь ваш защитник мистер Джефсон (тут Джефсон иронически поклонился), вы показали, что в вашей душе произошел этот самый перелом после того, как тогда, в июле, вы снова встретились с Робертой Олден в Фонде,— как раз когда вы пустились с нею в это гибельное для нее путешествие.

— Да, сэр,— сказал Клайд прежде чем Белнеп успел заявить протест; однако адвокату удалось добиться замены «гибельного для нее путешествия» просто «путешествием».

— Перед этим вашим с нею отъездом вы уже не любили ее по-прежнему,— верно?

— Не так сильно, как прежде... верно, сэр.

— А как долго — с какого именно времени и по какое — вы ее действительно любили? То есть не успели еще разлюбить?

— Ну, я любил ее с того времени, как встретился с нею, и до тех пор, пока не встретился с мисс Х.

— Но не дольше?

— Ну, я не могу сказать, чтобы после я совсем ее разлюбил. Она была мне дорога... даже очень... но все-таки не так, как раньше. Мне кажется, я главным образом жалел ее.

— Это значит... дайте сообразить... примерно с первого декабря и до апреля или до мая,— так?

— Да, примерно так, сэр.

— И что же, все это время — с первого декабря до апреля или мая — вы оставались с нею в интимных отношениях, да?

— Да, сэр.

— Несмотря на то, что уже не любили ее по-прежнему?

— То есть... да, сэр,— ответил Клайд с запинкой.

И едва разговор перешел на сексуальные темы, как все эти сельские жители, заполнявшие зал суда, встрепенулись и заинтересованно подались вперед.

— И, зная, как вы тут сами же показывали, что, безукоризненно верная вам, она по вечерам сидит одна в своей комнатушке, вы все-таки отправлялись на танцы и вечеринки, на званые обеды и автомобильные прогулки и оставляли ее в одиночестве?

— Да, но ведь я не всегда уходил.

— Ах, не всегда? А вы слышали, что показали здесь по этому поводу Трейси Трамбал, Фредерик Сэлс, Фрэнк Гарриэт и Бэрчард Тэйлор — или, может быть, не слыхали?

— Слышал, сэр.

— Так что же, они все лгали или, может быть, говорили правду?

— Мне кажется, они говорили правду, насколько могли припомнить.

— Но припоминали они не слишком точно,— так, что ли?

— Просто я не всегда уходил. Пожалуй, раза два-три в неделю... может быть, иногда и четыре, но не больше.

— А остальные вечера вы проводили с мисс Олден?

— Да, сэр.

— Стало быть, именно это она и хотела сказать вот здесь в письме? — Мейсон взял еще одно из пачки писем Роберты и прочел: — «Почти все время после того ужасного рождества, когда ты покинул меня, я вечер за вечером провожу совсем одна». Что же, она лжет? — свирепо рявкнул Мейсон, и Клайд, понимая, как опасно обвинить Роберту во лжи, робко и сконфуженно ответил:

— Нет, она не лжет. Но все-таки часть вечеров я проводил с нею.

— И, однако, как вы слышали, миссис Гилпин и ее муж засвидетельствовали, что, начиная с первого декабря, мисс Олден постоянно, вечер за вечером, сидела одна у себя в комнате, что они жалели ее и считали такое затворничество неестественным и старались сблизиться с нею и немного развлечь ее, но она уклонялась от их приглашений. Слышали вы эти показания?

— Да, сэр.

— И тем не менее утверждаете, что часть вечеров проводили с нею?

— Да, сэр.

— И в то же время вы любили мисс Х и стремились чаще встречаться с нею?

— Да, сэр.

— И старались добиться, чтобы она вышла за вас замуж?

— Да, я хотел этого... да, сэр.

— И, однако, между делом, в вечера, не занятые ухаживанием за другой, продолжали свои прежние отношения с мисс Олден?

— То есть... да, сэр,— снова запнулся Клайд.

Его безмерно огорчало, что все эти разоблачения выставляют его в таком жалком виде, и, однако, он чувствовал, что был вовсе не так подл,— по крайней мере, не хотел быть таким, каким изображал его Мейсон. Ведь и другие поступали не лучше — те же молодые люди из высшего ликургского света,— во всяком случае, это можно было понять по их разговорам.

— А вам не кажется, что ваши просвещенные защитники нашли для вас весьма мягкое наименование, называя вас интеллектуальным и моральным трусом? — ехидно заметил Мейсон.

И тут откуда-то из глубины длинного и узкого зала суда среди глубокой тишины раздался мрачный, мстительный выкрик какого-то разъяренного лесоруба:

— И на кой черт возиться с этим окаянным выродком! Прикончить его — и все тут!

В то же мгновение Белнеп закричал, что он протестует, и Оберуолцер, водворяя тишину, застучал молотком и приказал арестовать нарушителя порядка, а заодно — удалить из зала всех, для кого не хватало сидячих мест, что и было исполнено. Нарушитель был немедленно арестован: ему надлежало наутро предстать перед судом. И потом, в наступившей тишине, вновь заговорил Мейсон:

— Вы говорили, Грифитс, что, уезжая из Ликурга, не намеревались жениться на Роберте Олден, если только вам удастся уладить все каким-либо иным путем.

— Да, сэр. В то время так оно и было.

— И, следовательно, вы были вполне уверены, что вернетесь в Ликург?

— Да, сэр, я рассчитывал вернуться.

— Тогда почему вы уложили все свои вещи в сундук и заперли его?

— Это... это... просто...— Клайд замялся. Нападение было столь внезапно, столь мало оно было связано со всем сказанным ранее, что Клайд не успел собраться с мыслями.— Видите ли, я

был не вполне уверен... я думал — вдруг мне придется уехать, независимо от того, хочу я или нет.

— Понятно. Стало быть, если бы вы неожиданно решили уехать с мисс Олден, как оно и вышло (тут Мейсон фыркнул ему в лицо, словно говоря: «Так вам и поверили!»), у вас могло не оказаться времени для того, чтобы вернуться домой и перед отъездом спокойно уложить вещи?

— Н-нет, сэр, дело было не в этом.

— А в чем же?

— Видите ли...— И так как он прежде не думал об этом и ему не хватало смекалки, чтобы сразу же найти подходящий и правдоподобный ответ, Клайд опять замялся, что было замечено всеми и прежде всего Белнепом и Джефсоном; потом он продолжал: — Видите ли, я думал, что если понадобится уезжать, хотя бы и на короткое время, мне, пожалуй, придется спешно захватить все свои вещи.

— Понятно. Но вы опасались такой спешки при отъезде не потому, что полиция могла выяснить, кто такие Клифорд Голден и Карл Грэхем? Вы в этом уверены?

— Нет, сэр, не в этом дело.

— И, значит, вы не говорили миссис Пейтон, что отказываетесь от комнаты?

— Нет, сэр.

— Вчера, давая показания, вы говорили что-то такое о недостатке денег. Будто вам не на что было увезти мисс Олден, жениться и прожить с нею вместе хоть некоторое время,— хотя бы даже полгода.

— Да, сэр.

— Сколько у вас было денег, когда вы отправились из Ликурга в эту поездку?

— Около пятидесяти долларов.

— «Около» пятидесяти? Вы не знаете точно, сколько у вас было?

— Знаю, сэр,— пятьдесят долларов.

— Сколько вы истратили, пока были в Утике и на Луговом озере и после, пока не добрались до Шейрона?

— По-моему, у меня ушло на эту поездку долларов двадцать.

— А точно не знаете?

— Точно... нет, сэр... но примерно что-то около двадцати долларов.

— Ладно, попробуем подсчитать точнее,— продолжал Мейсон, и Клайд, почуяв западню, снова заволновался: ведь у него

были еще и те деньги, которые дала ему Сондра, и часть их он тоже истратил.— Сколько вам лично стоил проезд от Фонды до Утики?

— Доллар с четвертью.

— А комната в Утике, в гостинице, где вы останавливались с Робертой?

— Четыре доллара.

— Вы, конечно, пообедали там в тот вечер и позавтракали на другое утро,— во сколько вам это обошлось?

— Около трех долларов за все вместе.

— И больше вы ничего не потратили в Утике?

Мейсон изредка косился на листок с какими-то цифрами и пометками, но Клайд этого не замечал.

— Нет, сэр.

— А как насчет соломенной шляпы, которую, как тут было установлено, вы купили в Утике?

— Ах да, сэр, я и забыл про нее! — спохватился Клайд.— Да, сэр, это еще два доллара.

Он понял, что следует быть осторожнее.

— Проезд до Лугового озера обошелся вам, разумеется, в пять долларов,— правильно?

— Да, сэр.

— Затем, на Луговом озере вы взяли напрокат лодку. Сколько это стоило?

— Тридцать пять центов в час.

— А сколько времени вы катались?

— Три часа.

— Это составляет доллар и пять центов.

— Да, сэр.

— А потом вы переночевали в гостинице,— сколько с вас за это взяли? Пять долларов, так?

— Да, сэр.

— И затем вы купили завтрак, который взяли с собой на озеро Большой Выпи?

— Да, сэр. Он стоил центов шестьдесят.

— А сколько вам стоила дорога до Большой Выпи?

— Мы ехали поездом до Ружейной,— это доллар, и оттуда автобусом до Большой Выпи — еще доллар.

— Я вижу, вы недурно помните все цифры. Да это и естественно. У вас не было денег, и приходилось учитывать свои расходы. А сколько вам потом стоил проезд от Бухты Третьей мили до Шейрона?

— Семьдесят пять центов.

— Вы ни разу не пробовали подсчитать общую сумму?

— Нет, сэр.

— Не подсчитаете ли сейчас?

— Но ведь вы уже, наверно, и сами подсчитали?

— Да, сэр, подсчитал. Получается двадцать четыре доллара и шестьдесят пять центов. А вы сказали, что потратили двадцать долларов. Выходит, разница в четыре доллара шестьдесят пять центов. Как вы это объясните?

— Ну, наверно, я что-нибудь не очень точно вспомнил,— сказал Клайд, раздраженный этими мелочными подсчетами.

Но тут Мейсон лукаво и мягко спросил:

— Ах да, Грифитс, я и забыл! Сколько стоил прокат лодки на Большой Выпи?

Он долго и тщательно готовил эту западню и теперь с нетерпением ждал, что ответит Клайд.

— Э... м-м... то есть...— неуверенно начал Клайд.

Он вспомнил, что на озере Большой Выпи не потрудился справиться о цене лодки, так как знал, что ни он, ни Роберта не вернутся. И только теперь впервые всплыл этот вопрос.

А Мейсон, понимая, что поймал его, быстро переспросил:

— Ну, что же?

И Клайд ответил наугад:

— А, да — тридцать пять центов в час, то же самое, что и на Луговом,— так мне лодочник сказал.

Но он чересчур поспешил. Он не знал, что в резерве у Мейсона имеется лодочник, который должен засвидетельствовать, что Клайд не стал спрашивать его о цене, и Мейсон продолжал:

— Вот оно что! Стало быть, это вам лодочник сказал?

— Да, сэр.

— А вы забыли, что даже и не спросили лодочника о цене? Лодка стоила вовсе не тридцать пять центов в час, а пятьдесят. Но, ясное дело, вы этого не знаете, потому что вы ужасно спешили отчалить и вовсе не собирались возвращаться и платить за лодку. Ясно, потому вы и не спросили о цене. Понятно, да? Теперь припоминаете? — Тут Мейсон достал счет, полученный им от лодочника, и помахал им перед самым носом Клайда.— Лодка стоила пятьдесят центов в час,— повторил он.— На Большой Выпи за лодку берут дороже, чем на Луговом. Но я хочу знать, как случилось, что вы, будучи столь осведомлены обо всех остальных ценах,— вы это нам только что доказали,— вовсе не знакомы именно с этой цифрой? Что же, отправляясь с мисс Олден на озеро, вы не подумали, во сколько вам обойдется катанье на лодке с полудня и до вечера?

Эта внезапная и ожесточенная атака сразу привела Клайда в замешательство. Он крутился и вертелся, судорожно глотал и смотрел в пол, не решаясь взглянуть на Джефсона, который как-то упустил из виду возможность подобного вопроса.

— Ну,— рявкнул Мейсон,— получу я какое-нибудь объяснение по этому поводу? Вам-то самому не кажется странным, что вы можете вспомнить все статьи своих расходов, все без исключения,— но только не эту?

И снова все присяжные в напряженном ожидании подались вперед. И Клайд, заметив их нетерпеливое и явно подозрительное любопытство, наконец ответил:

— Вот уж, право, не представляю, как я это забыл.

— Еще бы! Конечно, не представляете! — фыркнул Мейсон.— Человек, который собирается убить девушку на пустынном озере, должен думать о целой массе вещей,— не удивительно, если вы и забыли кое-что. Однако вы не забыли спросить кассира, сколько стоит билет до Шейрона, когда пришли в Бухту Третьей мили,— верно?

— Не помню, спрашивал ли я об этом.

— Зато он помнит. Он дал соответствующие показания. Вы позаботились справиться о цене комнаты на Луговом озере. Вы спросили там и о стоимости проката лодки. Вы даже спросили, сколько стоит проезд на автобусе до Большой Выпи. Какая жалость, что вы не подумали спросить, сколько стоит прокат лодки на Большой Выпи! Вам не пришлось бы теперь так волноваться из-за этого, правда?

И тут Мейсон посмотрел на присяжных, словно говоря: «Сами видите!»

— Наверно, я об этом просто не подумал,— повторил Клайд.

— Исчерпывающее объяснение, по-моему,— язвительно заметил Мейсон и затем продолжал на всех парах: — Надо полагать, вы вряд ли помните и расход в тринадцать долларов двадцать центов на завтрак в «Казино» девятого июля — на другой день после смерти Роберты,— так, что ли?

Мейсон был драматичен, быстр и напорист и не давал Клайду времени ни подумать, ни хотя бы перевести дух. При этом его вопросе Клайд чуть не подскочил: он и не подозревал, что Мейсону известно о том завтраке.

— А не помните ли вы,— продолжал Мейсон,— что еще свыше восьмидесяти долларов было у вас обнаружено при аресте?

— Да, теперь я припоминаю,— ответил Клайд.

Он совсем забыл об этих восьмидесяти долларах. Однако сейчас он ничего об этом не сказал, так как не сообразил, что можно сказать.

— В чем же тут дело? — настойчиво и беспощадно допытывался Мейсон.— Выезжая из Ликурга, вы имели только пятьдесят долларов, а в момент ареста — свыше восьмидесяти,— и при этом истратили двадцать четыре доллара шестьдесят пять центов плюс тринадцать долларов на завтрак. Откуда же у вас взялись лишние деньги?

— На это я сейчас не могу ответить,— угрюмо сказал Клайд, чувствуя, что его загнали в угол и притом оскорбили. Эти деньги он получил от Сондры, и никакие силы в мире не вырвали бы у него такого признания.

— То есть почему вы не можете ответить? — заорал Мейсон.— Вы где, собственно, находитесь, как по-вашему? И для чего мы все здесь собрались, как по-вашему? Чтобы вы рассуждали, на что вам угодно отвечать, а на что не угодно? Вы перед судом, и речь идет о вашей жизни, не забудьте! Вам не удастся играть в прятки с законом, сколько бы вы мне прежде ни лгали. Вы отвечаете перед лицом этих двенадцати присяжных, и они ждут прямого ответа. Ну, что же? Откуда вы взяли эти деньги?

— Занял у друга.

— Что за друг? Как его имя?

— Это мое дело.

— Ах, ваше! Значит, вы солгали насчет той суммы, которую имели при себе, уезжая из Ликурга, это ясно. Да еще под присягой. Не забывайте этого! Под присягой, которую вы так свято чтите. Что, неправда?

— Да, неправда,— сказал наконец Клайд, придя в себя под ударами этих обвинений.— Я занял денег после того, как приехал на Двенадцатое озеро.

— У кого?

— Этого я не могу сказать.

— Стало быть, грош цена вашему заявлению,— отрезал Мейсон.

Клайд заартачился. Он все больше понижал голос, и Мейсон каждый раз приказывал ему говорить громче и повернуться так, чтобы присяжные могли видеть его лицо. И каждый раз, повинуясь ему, Клайд испытывал все большее и большее озлобление против этого человека, старавшегося вырвать у него все его тайны. Он коснулся и Сондры, а она была еще слишком дорога сердцу Клайда, чтобы он мог открыть что-либо, бросающее на нее тень. И вот Клайд сидел и смотрел на присяжных как-то

даже вызывающе. Тем временем Мейсон взял со стола какие-то фотографии.

— Это вам знакомо? — спросил он, показывая Клайду несколько неясных, попорченных водою изображений Роберты, несколько фотографий самого Клайда и еще кое-какие снимки (ни на одном из них не было Сондры): Клайд сделал их во время первого посещения дачи Крэнстонов, а четыре — позже, на Медвежьем озере, причем на одной из последних фотографий был снят он сам, играющий на банджо.— Помните, когда это было снято? — спросил Мейсон, показывая сперва фотографию Роберты.

— Да, помню.

— Где это было?

— На южном берегу Большой Выпи, в тот день, когда мы там были.

Клайд знал, что эти пленки были в аппарате, и говорил о них Белнепу и Джефсону; однако теперь он немало удивился, увидев, что их сумели проявить.

— Грифитс,— продолжал Мейсон,— ваши защитники не говорили вам, как упорно они старались выудить из озера Большой Выпи фотографический аппарат — тот самый, которого, как вы клялись, у вас не было? Не говорили, как выуживали его до тех пор, пока не выяснили, что он у меня в руках?

— Они никогда мне ничего такого не говорили,— ответил Клайд.

— Очень жаль. Я мог бы их избавить от массы хлопот. Итак, это снимки, найденные в аппарате, и сделаны они были сразу после пережитого вами душевного переворота,— помните?

— Я помню, когда они были сделаны,— угрюмо ответил Клайд.

— Ну да, они были сделаны перед тем, как вы оба в последний раз отплыли от берега, перед тем, как вы наконец сказали ей все, что вы там хотели сказать, перед тем, как убили ее,— в то самое время, когда, по вашим же показаниям, она была очень печальна.

— Нет, печальна она была накануне,— возразил Клайд.

— А, понятно. Ну, во всяком случае, на этих снимках она что-то чересчур весела для человека, который был так подавлен и расстроен, как выходит по вашим рассказам.

— Но ведь в это время она вовсе не была такой подавленной, как накануне,— выпалил Клайд: это была правда, и он хорошо это помнил.

— Понятно. А теперь поглядите вот на эти снимки. Хотя бы на эти три. Где они были сделаны?

— Кажется, на даче Крэнстонов на Двенадцатом озере.

— Правильно. Восемнадцатого или девятнадцатого июня,— так?

— Кажется, девятнадцатого.

— А не помните ли, какое письмо написала вам Роберта девятнадцатого июня?

— Нет, сэр.

— Вы не помните ни одного из ее писем в отдельности?

— Нет, сэр.

— Но вы говорили, что все они были очень грустные?

— Да, сэр, это верно.

— Так вот, у меня в руках письмо, написанное в то самое время, когда сделаны эти снимки.— Тут Мейсон повернулся к присяжным: — Я попрошу вас, господа присяжные заседатели, взглянуть на снимки, а затем выслушать один отрывок из письма, которое мисс Олден написала в тот день подсудимому. Он признался, что отказывался писать ей и старался пореже звонить по телефону, хотя и жалел ее.— И Мейсон взял письмо и, обращаясь к присяжным, прочел вслух длинную, горькую жалобу Роберты.— А вот еще четыре фотографии, Грифитс,— продолжал он, вручая Клайду снимки, сделанные на Медвежьем озере.— Очень весело, как по-вашему? Не слишком похоже на портрет человека, только что пережившего великий душевный переворот после длительных, ужасающих сомнений, тревог и дурного поведения,— человека, только что видевшего внезапную гибель женщины, с которой он поступил самым жестоким и бесчестным образом и свою вину перед которой как раз перед этим хотел загладить. Судя по этим снимкам, вы были беззаботнейшим человеком на свете,— верно?

— Но ведь это групповые снимки. Мне неудобно было не сняться вместе со всеми.

— Ну, а этот, где вы в воде? Вам ничуть не трудно было войти в воду на второй или на третий день после того, как Роберта Олден нашла свою могилу на дне Большой Выпи? Да еще после пережитого вами столь облагораживающего нравственного переворота, совершенно изменившего ваше к ней отношение?

— Я не хотел, чтобы кто-либо понял, что я был там с нею.

— Знаем, знаем. А как насчет вот этой фотографии — с банджо? Поглядите-ка! — И Мейсон протянул ему фотографию.— Очень весело, а? — съязвил он.

И растерянный, испуганный Клайд ответил:

— Но все равно, мне совсем не было весело!

— Даже когда вы играли на банджо? И когда развлекались гольфом и теннисом со своими друзьями на другой же день после ее смерти? И когда поедали тринадцатидолларовые завтраки? И когда снова находились в обществе мисс X, что, по вашим собственным показаниям, предпочитали всему на свете?

Мейсон не говорил, а рычал,— гневный, зловещий, свирепо иронизирующий.

— А все-таки именно тогда мне не было весело, сэр.

— Что значит «именно тогда»? Разве вы не были там, куда стремились?

— Видите ли, в известном смысле это, конечно, верно,— ответил Клайд, спрашивая себя, что подумает Сондра, когда прочтет его показания. А она, безусловно, их прочтет.

Все материалы процесса изо дня в день публикуются во всех газетах. Он не может отрицать, что был тогда подле Сондры и что стремился к этому. И, однако, ведь он не был счастлив. Как отчаянно несчастен он был, оттого что запутался в своем постыдном и жестоком замысле! Но как объяснить это, чтобы Сондра поняла, когда она станет читать, и чтобы все эти присяжные тоже поняли?

И Клайд прибавил, судорожно глотая пересохшим горлом и облизывая губы пересохшим языком:

— А все-таки мне было очень жаль мисс Олден. Я не мог тогда чувствовать себя счастливым, просто не мог. Я только старался так себя вести, чтобы люди не подумали, что я имею какое-то отношение к этой ее поездке, вот и все. Я не знал, как иначе этого добиться. Я не хотел, чтобы меня арестовали за то, чего я не делал.

— Да разве вы сами не знаете, что все это ложь! Вы же знаете, что лжете! — закричал Мейсон, словно призывая весь свет в свидетели, и его неистовства, страстного недоверия и презрения было достаточно, чтобы убедить и присяжных и публику, что Клайд — отъявленнейший лжец.— Вы слышали показания Руфуса Мартина, младшего повара, ездившего с вашей компанией на Медвежье озеро?

— Да, сэр.

— Вы слышали, как он под присягой показал, что видел вас с мисс X в укромном уголке на берегу Медвежьего озера и вы держали ее в объятиях и целовали? Было это?

— Да, сэр.

— И это ровно через четыре дня после того, как Роберта

Олден осталась лежать на дне озера Большой Выпи?! Что же, вы и тогда боялись ареста?

— Да, сэр.

— Даже тогда, когда держали мисс Х в объятиях и целовали ее?

— Да, сэр,— тоскливо и безнадежно повторил Клайд.

— Ну, знаете ли! — заорал Мейсон.— Никто бы не поверил, что такую чушь можно нести на суде, если бы мы тут не слышали все это собственными ушами! И вы сидите тут и под присягой заявляете суду, что могли разводить нежности, обнимая одну обманутую девушку, в то самое время как другая обманутая вами девушка лежала на дне озера за сто миль от вас, и при этом чувствовали себя несчастным и мучились угрызениями совести?

— А все-таки именно так и было,— ответил Клайд.

— Превосходно! Бесподобно! — вскричал Мейсон.

Утомленно вздыхая, он снова вытащил из кармана большой белый платок, обвел взглядом зал суда и стал вытирать лицо, всем своим видом говоря: «Ну, и тяжкая задача!» Потом продолжал с еще большей силой, чем прежде:

— Грифитс, только вчера, вот здесь, на свидетельском месте, вы под присягой показали, что, уезжая из Ликурга, вы совсем не предполагали отправиться на озеро Большой Выпи.

— Да, сэр, не предполагал.

— А оказавшись с мисс Олден вдвоем в номере гостиницы в Утике и увидев, как она утомлена и измучена, вы подали мысль, что какой-то отдых — небольшая прогулка, доступная вам при общих ваших скромных средствах,— пойдет ей на пользу. Так было дело?

— Да, сэр, так,— ответил Клайд.

— Но до той минуты вам и в голову не приходило поехать именно к озерам в Адирондакских горах?

— Нет, сэр... то есть я не думал о каком-либо определенном озере. Я думал, что мы могли бы, пожалуй, съездить в какое-нибудь дачное место — они ведь тут почти все около озер,— но я не имел в виду никакого определенного озера.

— Понятно. А когда вы предложили это, именно мисс Олден сказала, что надо достать какие-нибудь карты и путеводители,— так?

— Да, сэр.

— И вы спустились в вестибюль гостиницы и достали их?

— Да, сэр.

— В гостинице «Ренфру», в Утике?

— Да, сэр.

— А может быть, случайно, где-нибудь в другом месте?

— Нет, сэр.

— А потом, просматривая эти карты, вы оба увидели Луговое озеро и озеро Большой Выпи и решили туда поехать? Так было дело?

— Да, так мы решили,— ответил Клайд, с трудом подавляя тревогу. Он уже жалел, что сказал, будто достал путеводители в утикской гостинице. Может быть, тут опять скрыта какая-то западня...

— Вы и мисс Олден?

— Да, сэр.

— И вы вдвоем выбрали Луговое озеро, как самое подходящее, потому что там все особенно дешево,— так было дело?

— Да, сэр, так.

— Понятно. А это вы припоминаете? — И, взяв со стола несколько путеводителей (было удостоверено, что все они оказались среди вещей Клайда в его чемодане на Медвежьем озере в момент ареста), Мейсон вручил их Клайду.— Просмотрите их. Это и есть те справочники, которые я обнаружил в вашем чемодане на Медвежьем озере?

— Как будто те самые.

— Те самые, которые вы отыскали в киоске гостиницы «Ренфру» и отнесли наверх, в номер, чтобы показать мисс Олден?

Немало испуганный тщательностью, с которой Мейсон разбирался в этой истории с путеводителями, Клайд взял брошюрки и повертел в руках. Но так как штамп ликургской гостиницы «Привет из Ликурга — отель «Ликург», штат Нью-Йорк» был красный, почти такой же, как красный шрифт всего текста, Клайд даже теперь его не заметил. Он все вертел справочники в руках и наконец, решив, что тут нет никакого подвоха, ответил:

— Да, мне кажется, те самые.

— Ну, а в котором из них вы нашли рекламу гостиницы на Луговом озере и тамошние цены? — коварно выспрашивал Мейсон.— Не в этом ли?

И он снова подал Клайду тот же справочник с ликургским штампом и указал страницу с тем самым объявлением, к которому Клайд когда-то привлек внимание Роберты. Посередине напечатана была карта Индейских гор вместе с Двенадцатым, Луговым, Большой Выпью и другими озерами, а в самом низу карты была ясно обозначена дорога, ведущая от Лугового озера

и станции Ружейной на юг, мимо южной части озера Большой Выпи к Бухте Третьей мили.

Увидев опять через столько времени знакомую карту, Клайд вдруг решил, что Мейсон, должно быть, старается установить его осведомленность относительно этой дороги,— и робко, нетвердо ответил:

— Да, может быть. Как будто он похож на тот. Кажется, это он и есть.

— А точно вы не знаете? — мрачно и непреклонно настаивал Мейсон.— Вы не можете, прочитав это объявление, сказать, тот ли это путеводитель или не тот?

— Похоже, что тот,— уклончиво ответил Клайд, проглядев то самое объявление, которое заставило его вначале остановить свой выбор на Луговом озере.— Думаю, что, пожалуй, тот.

— Думаете! Думаете! Станóвитесь осторожнее, когда дело доходит до чего-то конкретного. Ладно, взгляните-ка еще раз на эту карту и скажите мне, что вы там видите. Не видите ли вы на ней дорогу, ведущую к югу от Лугового озера?

— Да,— не сразу, угрюмо и немного резко ответил Клайд,— так истерзал и измучил его этот человек, твердо решивший затравить его, загнать в могилу.

Клайд теребил карту и притворялся, будто разглядывает ее, как ему было велено, но увидел только то, что уже видел когда-то давно в Ликурге, перед самым своим отъездом в Фонду для встречи с Робертой. И вот теперь этим пользуются против него.

— Как же она проходит, эта дорога, скажите, пожалуйста? Будьте так любезны, скажите господам присяжным, откуда и куда она ведет?

И Клайд, издерганный, запуганный, чувствуя слабость во всем теле, ответил:

— От Лугового озера к Бухте Третьей мили.

— А что там по соседству, мимо каких мест она проходит?

— Мимо Ружейной. И все.

— А как насчет озера Большой Выпи? Разве дорога не проходит близко от его южной части?

— Да, сэр, проходит.

— Вы когда-нибудь видели или изучали эту карту, прежде чем поехали из Утики на Луговое озеро? — возбужденно и энергично добивался Мейсон.

— Нет, сэр, никогда.

— И не знали, что там есть эта дорога?

— Ну, может быть, я и видел ее,— ответил Клайд,— но если и видел, так не обратил на нее внимания.

— И уж конечно, вы ни в коем случае не могли видеть и изучать этот справочник и эту дорогу до отъезда из Утики?

— Нет, сэр. Я его прежде никогда не видел.

— Понятно. Вы в этом совершенно уверены?

— Да, сэр, совершенно уверен.

— Ну так, помня свою торжественную присягу, которую вы столь глубоко чтите, объясните, если можете, мне или господам присяжным, откуда на этом путеводителе взялся штамп: «Привет из Ликурга — отель «Ликург», штат Нью-Йорк»?

И, закрыв брошюрку, Мейсон показал Клайду сзади на обложке, среди остального красного шрифта, слабо оттиснутый красный штамп. А Клайд, впервые заметив штамп, в оцепенении уставился на него. Неестественно бледное лицо его снова посерело, тонкие пальцы судорожно сжимались и разжимались, красные, опухшие, усталые веки то и дело мигали, словно он ждал, не исчезнет ли возникшая перед его глазами проклятая неопровержимая улика.

— Не знаю,— упавшим голосом сказал он, помолчав.— Он, наверно, каким-то образом попал в киоск гостиницы «Ренфру».

— Вот как? А если я приведу двоих свидетелей, которые покажут под присягой, что третьего июля — за три дня до вашего отъезда из Ликурга в Фонду — они видели, как вы зашли в отель «Ликург» и взяли там четыре или пять путеводителей? Тогда вы тоже станете повторять, что он, наверно, каким-то образом попал в киоск гостиницы «Ренфру» шестого июля?

Мейсон замолчал и торжествующе посмотрел вокруг, словно хотел сказать: «Ну-ка, что ты на это ответишь!» И Клайд, потрясенный, помертвевший, задохнувшийся, добрую четверть минуты собирался с силами, прежде чем сумел настолько овладеть своими нервами и голосом, чтобы ответить:

— Да, наверно, так. Я не доставал его в Ликурге.

— Очень хорошо. Но пока дадим этим джентльменам взглянуть на него.— И Мейсон передал путеводитель старшине присяжных, а тот, в свою очередь, передал брошюрку своему соседу, и она стала переходить от присяжного к присяжному. А по всему залу суда тем временем поднялся взволнованный шепот и гул голосов.

И когда все присяжные осмотрели путеводитель,— к большому удивлению публики, ждавшей новых и новых непрерывных атак и разоблачений,— Мейсон заявил:

— Народ закончил.

И сразу же многие в зале суда стали шептать друг другу: «Попался! Попался!» Судья Оберуолцер тотчас объявил, что,

ввиду позднего времени, а также принимая во внимание предстоящий допрос ряда дополнительных свидетелей со стороны защиты и нескольких со стороны обвинения, он считает разумным на сегодня закончить работу суда. И Белнеп и Мейсон с радостью согласились. Публику не выпускали из зала, пока Клайда не провели через площадь в тюрьму, в его камеру. Под охраной Сиссела и Краута он вышел через ту самую дверь и спустился по той самой лестнице, которые много дней назад были замечены им и навели его на размышления... Когда Клайда увели, Белнеп и Джефсон посмотрели друг на друга, но не обменялись ни словом, пока не укрылись в своей надежно запертой конторе.

— Не хватило выдержки. Лучшая система защиты, какая была возможна, но мало храбрости. Он на это не способен, и все тут,— начал Белнеп.

Джефсон, не сняв пальто и шляпы, тяжело опустился на стул.

— Нет, тут, несомненно, дело серьезное,— сказал он.— Должно быть, он действительно ее убил. Но, по-моему, теперь мы не можем удрать с корабля. А он, в конце концов, вел себя даже лучше, чем я ожидал.

— Ну, черт возьми, я в заключительной речи буду лезть из кожи вон,— отозвался Белнеп.— Это все, что я могу сделать.

И Джефсон ответил с ноткой усталости в голосе:

— Правильно, Элвин, теперь, к сожалению, это ложится главным образом на вас. А пока что я, пожалуй, схожу в тюрьму и постараюсь его немножко подбодрить. Не годится, чтобы он завтра выглядел мокрой курицей. Он не должен вешать носа. Пускай присяжные видят, что сам он не чувствует себя виновным, что бы они там ни думали.

Он поднялся, засунул руки в карманы своего долгополого пальто и сквозь зимнюю холодную тьму зашагал по угрюмым улицам к Клайду.

ГЛАВА XXVI

Остальная часть процесса прошла в допросе одиннадцати свидетелей: четырех со стороны Мейсона и семи со стороны защиты. В числе последних был доктор А. К. Суорд из Риобета, который случайно оказался на озере Большой Выпи в тот день, когда тело Роберты доставили на лодочную станцию. Он показал, что осмотрел тогда тело и что кровоподтеки на лице, судя по их тогдашнему виду, были похожи на следы именно слу-

чайного удара, в чем признался Клайд,— и, бесспорно, мисс Олден утонула, находясь в сознании, а не будучи оглушенной, как уверяет присяжных обвиняющая сторона. Выслушав это заключение, Мейсон занялся профессиональным прошлым господина медика, которое, увы, оказалось вовсе не столь солидным: доктор Суорд окончил второразрядную медицинскую школу в Оклахоме и с тех пор практиковал где-то в провинциальном городке. Вслед за ним появился свидетель Сэмюэл Ирсли, фермер из окрестностей станции Ружейной, постоянно ездивший по дороге, по которой тело Роберты везли с озера Большой Выпи на станцию. Ни словом не касаясь обвинения, предъявленного Клайду, он с глубоким убеждением заявил, что дорога эта, как он заметил, проезжая по ней в то утро, когда перевозили тело, была совсем плоха, вся в ухабах. Таким образом Белнеп, который вел допрос, получил возможность указать, что состояние дороги могло в какой-то мере усугубить серьезность ушибов на лице и голове Роберты. Однако позднее это показание было опровергнуто свидетелем со стороны Мейсона,— это был не более и не менее как кучер фирмы «Братья Луц», который столь же убежденно клялся, что нигде на дороге не видел никаких выбоин и ухабов. Далее, Лигет и Уигэм показали, что, насколько они могли заметить и судить, Клайд при исполнении своих служебных обязанностей на фабрике Грифитсов всегда был усерден, аккуратен и исполнителен. В деловом отношении они считали его безупречным. Затем еще несколько менее значительных свидетелей показали, что, по их наблюдениям, Клайд всегда вел себя в обществе очень благопристойно, осторожно и сдержанно. Они не замечали за ним ничего дурного. Но, увы, как быстро выяснил Мейсон при перекрестном допросе, они никогда не слыхали о Роберте Олден, о ее несчастье или хотя бы о том, что Клайд с нею знаком.

Наконец, после того как обе стороны по мере сил постарались подкрепить и обосновать или опровергнуть массу опасных и трудных мелочей, для Белнепа настал час сказать последнее слово в защиту Клайда. Он потратил на это целый день: с величайшей тщательностью, в духе своей вступительной речи, он вновь подчеркнул все доказательства того, как наивно и простодушно, почти бессознательно, Клайд завязал вначале знакомство с Робертой, окончившееся для обоих столь трагически. Умственное и нравственное малодушие, повторил Белнеп, возросшее под влиянием различных неблагоприятных обстоятельств в детстве и юности, вместе с открытием новых счастливых возможностей, о каких Клайд прежде не мог и ме-

чтать,— вот что губительно подействовало на его *«быть может, слишком неустойчивую, чувственную, непрактичную и мечтательную натуру»*. Без сомнения, он нечестно поступил с мисс Олден. Спору нет. Поступил нечестно. Но с другой стороны,— и это со всей очевидностью подтверждается теми признаниями, которые он сделал, когда его допрашивал защитник,— он в конечном счете вовсе не был таким жестоким негодяем, каким хочет выставить его обвинитель перед достопочтенными господами присяжными и публикой. Многие мужчины бывали гораздо более жестоки в делах любви, чем могло даже пригрезиться этому юноше, почти мальчику,— и, разумеется, отнюдь не всегда их за это вешали. Решая же с точки зрения закона вопрос о том, действительно ли этот мальчик совершил преступление, в котором его обвиняют, господа присяжные должны быть крайне осторожны: пусть благородное сочувствие к несчастной девушке, к страданиям, перенесенным ею из-за любовной связи с этим юношей, не окажет давления на господ присяжных и не заставит их поверить и заявить в своем решении, будто этот юноша действительно совершил преступление, указанное в обвинительном акте. Найдется ли такой мужчина или такая женщина, которые не бывали порою жестоки друг к другу в делах любви?

Далее, путем длительного и подробного анализа Белнеп старался доказать, что против Клайда имеются одни лишь косвенные улики — ни один человек не видел и не слышал, как именно произошло предполагаемое преступление, а между тем сам Клайд совершенно исчерпывающе объяснил, каким образом он оказался в столь необычайном положении. Эпизод с путеводителем, а также то, что Клайд забыл справиться о цене лодки на озере Большой Выпи, предусмотрительно закопал штатив и, наконец, оказавшись в воде так близко от Роберты, не пришел ей на помощь,— все это Белнеп отмел в сторону: по его словам, это было либо чистейшей случайностью, либо забывчивостью. Клайд не попытался спасти Роберту потому, что был ошеломлен, растерян, испуган и «проявил роковую, но не преступную нерешительность, как раз в ту минуту своей жизни, когда следовало быть решительным».

Поистине, это была сильная, хотя и казуистическая защитительная речь, отнюдь не лишенная достоинств и значительности.

А затем Мейсон, страстно убежденный, что Клайд — гнуснейший и хладнокровнейший убийца, потратил целый день на то, чтобы распутать «паутину лжи и необоснованных утверждений», которыми защита надеялась отвлечь внимание присяж-

ных от неразрывной, неопровержимой цепи веских и основательных улик, доказывающих, что этот «совершенно взрослый мужчина» поистине — «злодей и убийца». Долгие часы Мейсон заново перебирал утверждения различных свидетелей. И еще часы он потратил на то, чтобы очернить Клайда и снова пересказать скорбную повесть страданий Роберты, так что опять едва не довел и присяжных и публику до слез. И Клайд, сидя между Белнепом и Джефсоном, решил про себя, что присяжные ни в коем случае не оправдают его ввиду всей этой массы столь искусно и трогательно представленных улик.

Потом Оберуолцер с высоты своего судейского кресла произнес напутственное слово присяжным:

— Джентльмены! В сущности, всякие улики являются в какой-то мере косвенными, будь то факты, указывающие на виновность, или показания очевидцев. Ведь и самые показания очевидцев зависят от обстановки.

Если какие-либо существенные факты данного дела противоречат вероятной виновности подсудимого и говорят в его пользу, ваш долг, джентльмены, принять эти факты во внимание.

Следует помнить, что улики не могут быть поставлены под сомнение и отвергнуты только потому, что они — косвенные. Нередко они могут быть надежнее и достовернее, чем прямые улики.

Здесь много говорилось о мотивах преступления и об их значении в данном деле, но вам надлежит помнить, что определение этих мотивов отнюдь не необходимо и не существенно для вынесения обвинительного приговора. Мотивы эти могут иметь значение *обстоятельства,* помогающего *установить* наличие преступления, но доказывать существование их вовсе не обязательно.

Если присяжные придут к заключению, что Роберта Олден случайно, непроизвольно упала за борт и подсудимый не попытался ее спасти, это еще не означает виновности подсудимого, и тогда следует признать, что он не виновен. С другой стороны, если присяжные придут к заключению, что при данных обстоятельствах подсудимый тем или иным путем преднамеренно вызвал эту роковую случайность или способствовал ей, нанеся Роберте Олден удар или как-либо иначе, тогда следует признать его виновным.

Я не настаиваю, чтобы вы обязательно вынесли единогласное решение, но я советовал бы каждому из вас не проявлять чрезмерного упорства и несговорчивости, если по тщательном размышлении он найдет, что заблуждался.

Так торжественно и поучительно судья Оберуолцер напутствовал присяжных с высоты своего судейского кресла.

Когда он закончил,— ровно в пять часов дня,— присяжные поднялись и проследовали на совещание. И сразу же, прежде чем публике разрешено было покинуть зал суда, Клайда снова отвели в тюрьму: шериф все время опасался, как бы подсудимый не подвергся нападению. Пять долгих часов Клайд провел в ожидании: он то шагал взад и вперед, взад и вперед по своей камере, то делал вид, что читает или отдыхает; а Краут и Сиссел, которым различные репортеры дали «на чай», чтобы получить сведения о том, как он все это переносит, втихомолку старались держаться поближе и наблюдали за ним.

А тем временем судья Оберуолцер, Мейсон, Белнеп и Джефсон со своими помощниками и друзьями обедали в разных концах бриджбургского отеля «Сентрал» и, потягивая вино, чтобы успокоить свое нетерпение, ждали, пока присяжные договорятся между собою; и все от души желали, чтобы приговор, каким бы он ни оказался, был вынесен поскорее.

А тем временем двенадцать человек — фермеры, клерки, торговцы — для очистки совести стали вновь перебирать и обсуждать каждую мелочь, о которой говорили Мейсон, Белнеп и Джефсон. Но из всех двенадцати лишь один — аптекарь Сэмюэл Апхем (он был политическим противником Мейсона, и притом на него произвел большое впечатление Джефсон) — сочувствовал Белнепу и Джефсону. Поэтому он делал вид, что сомневается в непреложности доводов Мейсона, пока, наконец, проголосовав пять раз кряду и не достигнув единодушия, остальные не пригрозили ему разоблачением и всеобщим возмущением и издевательствами, которых не миновать, если присяжные замешкаются с приговором.

— Мы вас выведем на чистую воду, так и знайте! Так просто вы не отделаетесь. Публика в точности узнает, какие у вас взгляды на этот счет!

И Апхем, у которого был недурной аптекарский магазин в Северном Мэнсфилде, счел за благо спрятать в карман свое несогласие с Мейсоном и присоединиться к общему мнению.

А затем — четыре глухих удара в дверь, ведущую из комнаты для совещаний в зал суда. Это стучал своим громадным кулаком старшина присяжных Фостер Ленд, торговец цементом и известью. И сотни людей, заполнивших после обеда жаркий, душный зал (многие, впрочем, и не уходили обедать), стряхнули с себя охватившее их оцепенение.

— Что такое? Что случилось? Присяжные вернулись с решением? Какой приговор?

И вся публика — мужчины, женщины, дети — подалась ближе к барьеру. А двое стражников у двери откликнулись на стук:

— Ладно, ладно! Сейчас придет судья!

Другие стражники поспешили через площадь в тюрьму, чтобы известить шерифа и доставить Клайда в суд, третьи — в отель «Сентрал» вызвать Оберуолцера и остальных. Клайд, ошеломленный, оцепеневший от полного одиночества и убийственной неизвестности, был прикован наручниками к Крауту и отведен в суд под охраной Слэка, Сиссела и прочих. Оберуолцер, Мейсон, Белнеп и Джефсон и многочисленные репортеры, художники, фотографы вошли в зал и разместились в том же порядке, как и все эти долгие недели. Клайд мигал и щурился, усаживаясь на этот раз не между Белнепом и Джефсоном, как прежде, а позади них: прочно прикованный к Крауту, он должен был сидеть рядом с ним. Как только Оберуолцер и клерк заняли свои места, дверь комнаты присяжных распахнулась, и торжественно вошли двенадцать человек — странные, разнохарактерные фигуры в грубых, по большей части изрядно поношенных готовых костюмах. Все они уселись на скамье присяжных, но тотчас снова поднялись, услышав вопрос клерка:

— Господа присяжные заседатели, готово ли ваше решение?

Никто из присяжных ни разу не взглянул в сторону Белнепа, Джефсона и Клайда, и Белнеп сразу понял, что в этом заключен роковой смысл.

— Сорвалось,— шепнул он Джефсону.— Не в нашу пользу. Ясно.

И тут Ленд объявил:

— Да, мы вынесли решение. Мы признаем подсудимого виновным в убийстве с заранее обдуманным намерением.

Клайд, совершенно ошеломленный, все же постарался сохранить самообладание и внешнее спокойствие и не мигая смотрел прямо перед собой, на присяжных, или, вернее, поверх них. Ведь только прошлой ночью в тюрьме Джефсон, застав его совершенно подавленным, сказал ему, что приговор этого суда, если даже он и будет неблагоприятным, не имеет значения. Все разбирательство с начала и до конца было пристрастным. Предубеждение и несправедливость определяли в нем каждый шаг. Любая высшая инстанция признает недопустимыми и незакон-

ными одергивания, угрозы и инсинуации, которые позволял себе Мейсон на суде. Будет подана апелляция, после чего, безусловно, назначат новое разбирательство дела (впрочем, Джефсон предпочел не вдаваться в рассуждения о том, кто именно подаст эту апелляцию).

И теперь, вспоминая объяснения Джефсона, Клайд говорил себе, что, пожалуй, этот приговор и в самом деле не имеет особенного значения... Не может иметь, правда же! Или... Подумать только, что означают вот эти слова, если нельзя будет добиться пересмотра дела! Смерть! Это решение присяжных означало бы смерть, если бы оно было окончательным... а может быть, оно и есть окончательное. И тогда ему придется сесть на *тот* стул,— это видение преследовало его уже давно, много дней и ночей, и у Клайда не хватало сил его отогнать. И сейчас ему снова привиделся этот ужасный, отвратительный стул, только ближе и больше, чем прежде: он был здесь, перед Клайдом, на полпути между ним и судьей Оберуолцером... Клайд ясно видел его: массивный, прочные ручки, широкая прочная спинка, по бокам и сверху ремни... Господи! Что, если никто ему не поможет! Вдруг Грифитсы не пожелают нести новые расходы... Подумать только! Или суд второй инстанции, о котором говорили Белнеп и Джефсон, отвергнет его апелляцию. И тогда решение присяжных станет окончательным. Конец! Конец! Господи! У Клайда застучали зубы, но он тотчас заметил это и стиснул челюсти. К тому же в эту минуту поднялся Белнеп и потребовал поименного голосования присяжных, а Джефсон обернулся к Клайду и прошептал:

— Вы не волнуйтесь. Приговор не окончательный. Мы наверняка добьемся пересмотра.

А в это время каждый присяжный по очереди говорил свое «Да!» — и Клайд слушал их, а не Джефсона. Почему все они так подчеркивают это «да»? Неужели ни один из них не подумал, что, вопреки всем речам Мейсона, Клайд мог ударить Роберту нечаянно? Неужели ни один не поверил хотя бы наполовину в пережитый им, по утверждению Белнепа и Джефсона, душевный переворот? Он смотрел на них. Все они, высокие и маленькие, походили на почерневшие деревянные игрушки с темными или желтоватыми, как старая слоновая кость, руками и лицами. Потом он подумал о матери. Она обо всем узнает, ведь столько репортеров, художников, фотографов собралось здесь, чтобы услышать приговор. А что теперь подумают Грифитсы — его дядя и Гилберт? А Сондра? Сондра! От нее — ни слова. А ведь здесь, на суде, он все время открыто говорил — и Белнеп и Джефсон

поощряли его — о властной, неодолимой страсти к Сондре, о страсти, которая одна была истинной причиной всего совершившегося! И вот — ни слова. И теперь она, уж конечно, не напишет ему ни строчки, а ведь она готова была выйти за него замуж и все ему отдать!

Однако толпа вокруг была безмолвна, хотя и ощущала глубокое удовлетворение,— или, быть может, именно поэтому. Не выскочил-таки, паршивец! Не удалось ему провести двенадцать здравомыслящих людей, представителей всего округа, своим вздором насчет нравственного переворота! Экая чушь! Джефсон в это время сидел, неподвижно глядя прямо перед собой, а Белнеп, чье энергичное лицо явственно выражало презрение и вызов, возбуждал все новые ходатайства. Мейсон, Бэрлей, Ньюком и Редмонд едва прикрывали маской сверхъестественной суровости свое величайшее удовлетворение. Белнеп попросил отсрочить оглашение приговора на неделю, до следующей пятницы — тогда ему лично будет удобнее при этом присутствовать,— но судья Оберуолцер ответил, что не может согласиться, если ему не представят для этого серьезных оснований. Однако завтра он готов, если угодно защитникам, выслушать их доводы. В случае, если они окажутся убедительными, он отложит оглашение приговора, если же нет — приговор будет объявлен в ближайший понедельник.

И, однако, Клайда сейчас не занимали эти пререкания. Он думал о матери, о том, что́ она подумает и почувствует. Он постоянно писал ей все это время и упорно повторял, что не виновен: пусть она не верит тому, что читает о нем в газетах,— это просто басни. Он, безусловно, будет оправдан. Он сам будет свидетельствовать в свою пользу. А теперь... теперь... Ему так недостает ее теперь, так недостает... Все, решительно все покинули его. Он так страшно, бесконечно одинок. Надо поскорее написать ей. Скорее. Скорее. И, попросив у Джефсона листок бумаги и карандаш, он написал: «Миссис Грифитс, миссия «Звезда упования», Денвер. Колорадо. Дорогая мама, я осужден. *Клайд*». Он протянул листок Джефсону и тревожно и жалобно спросил, нельзя ли сейчас же послать телеграмму.

— Ну конечно, дружок, сейчас пошлем,— ответил Джефсон, тронутый его несчастным видом, и, поманив стоявшего поблизости рассыльного, вручил ему листок и деньги на отправку телеграммы.

Потом двери для публики были заперты, и Клайда в сопровождении Краута и Сиссела вывели из суда через боковую дверь — дорогой, которой он когда-то надеялся ускользнуть.

И представители печати, и публика, и присяжные, продолжавшие сидеть на своих местах,— все глазели на него, как будто они еще не насмотрелись на него вдосталь и непременно должны были уставиться ему в лицо, чтобы видеть, как он принял приговор. Зная, насколько публика враждебна Клайду, судья Оберуолцер по просьбе Слэка не закрывал заседания суда, пока ему не сообщили, что Клайд уже снова заперт в своей камере; только тогда двери зала суда вновь открылись. Толпа кинулась к выходу, но задержалась здесь, ожидая, пока выйдет Мейсон, ибо из всех, кто был причастен к этому делу, именно Мейсон оказался настоящим героем: он покарал Клайда, отомстил за Роберту! Но сперва появился не он, а Белнеп и Джефсон, и вид у них был не столько угнетенный, сколько суровый и презрительный,— особенно вызывающе и пренебрежительно смотрел Джефсон.

— А все-таки не удалось вам его вытащить! — крикнул кто-то из толпы.

И Джефсон, пожав плечами, ответил:

— Пока нет, но есть еще закон и за пределами этого округа.

И тотчас появился Мейсон; на плечи его было накинуто тяжелое мешковатое пальто, поношенная мягкая шляпа надвинута на глаза; за ним, как королевская свита, следовали Бэрлей, Хейт, Ньюком и прочие. Он шагал, словно совершенно не замечая лестного внимания ожидавшей его толпы. Ведь он был победитель, избранный судья округа! И мгновенно с приветственными возгласами его вплотную окружила возбужденная человеческая масса; те, кто оказался поближе, старались пожать ему руку или в знак благодарности хлопнуть по плечу.

— Ура Орвилу! Молодчина, судья! (Все уже привыкли к его новому званию.) Ей-богу, Орвил Мейсон, вы заслужили благодарность всего округа! Ура! Браво! Трижды ура Орвилу Мейсону!

И толпа разразилась троекратным громовым «ура», Клайд в своей камере услышал крики и хорошо понял, что это означает.

Они приветствуют Мейсона за то, что он добился обвинительного приговора. В этой громадной толпе нет ни одного человека, который не считал бы Клайда полностью виновным. Роберта... ее письма... ее твердое решение непременно заставить его обвенчаться с нею... и безмерная боязнь огласки... вот что привело его к этому. Осуждение. Быть может, смерть. Он утратил все, чего так жаждал, чем мечтал обладать. И Сондру! Сондра! Ни слова от нее! Ни слова! И, опасаясь, что Краут,

Сиссел или еще кто-нибудь, возможно, следят за ним,— ведь они готовы даже теперь сообщать о каждом его движении,— и не желая показать, как велики в действительности его уныние и отчаяние, Клайд сел, взял в руки какой-то журнал и сделал вид, что читает... но смотрел он куда-то вдаль, сквозь страницы, и видел не их, а мать, брата и сестер, Грифитсов — всех, кого знал... Под конец ему стало невмочь от этих призрачных теней, он поднялся и, скинув одежду, забрался на свою железную койку.

Осужден! Осужден! Так, значит, надо умереть! Господи! Но какое счастье, что можно зарыться лицом в подушку, чтобы никто не мог увидеть его, как бы ни были справедливы их догадки!

ГЛАВА XXVII

Безрадостны плоды ожесточенной борьбы и жестокого поражения: столь суровое истолкование трагедии местным судом внушило всему народу от океана до океана непоколебимое убеждение, что Клайд действительно виновен и, как повсеместно возвестили газеты, осужден по заслугам. Бедная девушка, жертва злодейского убийства! Как печальны ее письма! Сколько она выстрадала! И что за жалкая защита! Даже денверские Грифитсы во время процесса были настолько потрясены множеством улик, что не осмеливались открыто читать газеты друг другу, но чаще всего читали их порознь, в одиночку, а после перешептывались о том, как ужасен этот убийственный ливень, этот потоп косвенных улик. Но потом, прочитав речь Белнепа и свидетельские показания Клайда, маленькая семья, которая так долго жила одним чувством и одной мыслью, воспрянула духом и на время поверила в своего сына и брата, наперекор всему, что до тех пор пришлось прочитать о нем в газетах. Поэтому на всем протяжении процесса, до самого его конца, они писали Клайду бодрые письма, исполненные надежды (основанной главным образом на письмах самого Клайда, в которых он снова и снова повторял, что не виновен). Но едва он был осужден и из пучины отчаяния телеграфировал матери,— и газеты подтвердили приговор,— безмерный ужас охватил всю семью. Ведь это— доказательство, что он виновен? Разве не так? Видимо, таково мнение всех газет. К миссис Грифитс ринулись репортеры; она попыталась вместе со своим маленьким выводком укрыться от невыносимой известности на глухой окраине Денвера, совсем не связанной с тем миром, с которым ей приходилось соприкасаться

во время миссионерской деятельности. Подкупленный служащий фирмы по перевозке вещей раскрыл ее новый адрес.

И вот эта американка, свидетельница того, как правит господь бог делами мирскими, сидит в своем жалком, убогом жилище, почти не имея средств к существованию; гнетущие силы бытия, свирепые и беспощадные удары судьбы обрушились на нее, но она непоколебима в своей вере.

— Сейчас я не могу думать,— заявляет она.— Я словно оцепенела, и все кажется мне непонятным. Моего мальчика признали виновным в убийстве! Но я — его мать, и я отнюдь не убеждена в его виновности! Он писал мне, что не виновен, и я верю ему. Кому же, как не мне, мог он высказать правду? От кого другого мог ждать веры своим словам? Но есть еще господь, он все видит, и ему все ведомо.

И все же многое в нескончаемом потоке улик, вместе с воспоминанием о первой безрассудной выходке Клайда в Канзас-Сити, заставляло ее недоумевать — и страшило. Почему он не сумел объяснить, что произошло с этим путеводителем? Почему не пришел на помощь девушке, раз он так хорошо плавает? Почему он так заторопился к этой таинственной мисс X, кто бы она ни была? Нет, конечно, конечно, ее не заставят поверить, наперекор глубокому ее убеждению, что ее старший сын, самый бес-

покойный, но и самый честолюбивый и самый многообещающий из всех ее детей, повинен в таком преступлении! Нет! Она не сомневается в нем даже теперь. Велико милосердие бога живого — и не совершит ли мать зла, поверив злу о чаде своем, как бы ужасны ни казались его заблуждения? Пока любопытные и докучливые посетители не заставили ее переехать, бросить миссию, сколько раз останавливалась она посреди какой-нибудь жалкой комнатушки, прервав уборку, и застывала в тишине, не опасаясь соглядатаев... Она стояла, закинув голову, сомкнув веки, черты ее энергичного смуглого лица были некрасивы, но дышали суровой прямотой и искренним убеждением — облик, выхваченный из далеких библейских времен, в мире, постаревшем на шесть тысячелетий,— и ревностно устремляла все мысли к воображаемому престолу, на котором, представлялось ей, восседал во плоти живой гигантский дух ее живого бога-создателя. И она молилась по четверти часа, по получасу, чтобы он даровал ей силу и понимание и открыл ей, виновен ли или невинен ее сын. Если невинен, да будет снято с него и с нее и со всех, кто дорог им обоим, бремя жгучих страданий; если же виновен, да вразумит ее господь, что делать, как перенести такое горе, а Клайда — как навеки омыть свою душу от совершенного

им ужасного греха, как — если это возможно — вновь очиститься перед всевышним.

— Ты всемогущ, господи, и ты един, и нет для тебя невозможного. В твоем благоволении вся жизнь. Будь милосерд, господи! Если грехи его как пурпур, убели их как снег, и если они как кровь, убели их как руно.

Но и в те минуты, когда она молилась, она обладала мудростью Евы в отношении к дочерям Евы. А что же девушка, которую будто бы убил Клайд? Разве она не согрешила тоже? И разве не была она старше Клайда? Так писали в газетах. Внимательно, строчку за строчкой читая письма Роберты, она была глубоко тронута ими, всей душой скорбела о несчастье, постигшем Олденов. И все же, как мать и как женщина, наделенная извечной мудростью Евы, она понимала, что Роберта сама согласилась на грех, что в ней таился соблазн, который способствовал слабости и падению Клайда. Стойкая, добродетельная девушка никогда бы не согласилась — не могла бы согласиться. Сколько признаний в таком же прегрешении выслушала она в миссии и на уличных молитвенных собраниях! Разве не может быть сказано в защиту ее сына, как в начале бытия, в садах Эдема: «Жена соблазнила меня»?

Поистине так... а потому...

«Ибо вовек милость его»,— процитировала она. И если господне милосердие безгранично, неужели менее милосердной может быть к Клайду она, мать?

«Если вы будете иметь веру с горчичное зерно...» — снова процитировала она про себя и затем обратилась к неотвязным, ворвавшимся к ней репортерам:

— Правда ли, что мой сын ее убил? Вот в чем вопрос. Одно лишь это имеет значение в глазах создателя.— И она посмотрела на бесчувственных, видавших виды молодых газетчиков, как человек, убежденный в том, что бог просветит их. И даже на них произвели впечатление ее глубокая искренность и вера.— Признали его присяжные виновным или не виновным — это суета в глазах того, кто держит звезды в руке своей. Присяжные — только люди, и решение их — мирское, человеческое. Я читала речь защитника. Мой сын сам говорил мне в письмах, что не виновен. Я верю своему сыну. Я убеждена, что он невинен.

А Эйса почти все это время молчал, забившись в дальний угол комнаты. Ему не хватало знания жизни, он понятия не имел о властной и неумолимой силе страстей, а потому не способен был уловить и осмыслить даже десятой доли случивше-

гося. Он никогда не понимал Клайда, его неудовлетворенности, его пылкого воображения, сказал он, и потому предпочитает не обсуждать его поступки.

— Но я никогда не оправдывала Клайда в его грехе против Роберты Олден,— продолжала миссис Грифитс.— Он поступил дурно, однако и она тоже поступила дурно, ибо не противилась ему. Нельзя мириться с грехом, кто бы его ни совершил. Сердце мое полно сочувствия и любви к ее несчастным родителям, чьи исстрадавшиеся сердца обливаются кровью. И, однако, нельзя упускать из виду, что в грехе повинны оба — не один мой сын,— люди должны знать это и сообразно с этим судить. Я вовсе не хочу его оправдывать,— повторила она.— Ему следовало лучше помнить все, чему его учили с детства.— И тут ее губы сжались скорбно и укоризненно.— Но я читала и ее письма. И я знаю: если бы не они, прокурор не мог бы обвинить моего сына. Он воспользовался ими, чтобы повлиять на чувства присяжных.— Она поднялась, словно сжигаемая мучительным огнем, и воскликнула в прекрасном порыве: — Но он мой сын! Он только что выслушал свой приговор. И я, мать, должна думать о том, чтобы ему помочь, как бы я ни относилась к его прегрешению.— Она стиснула руки, и даже репортеры были тронуты ее горем.— Я должна поехать к нему! Мне надо было еще прежде поехать, теперь я понимаю...

Она замолчала, спохватившись, что перед нею — уши и голос толпы, люди, которым совершенно непонятны и глубоко безразличны ее сокровенные муки, ее страдания и опасения.

— Многих удивляет,— вставил один из репортеров, весьма практический и внутренне очерствевший юноша, ровесник Клайда,— почему вы не присутствовали на процессе. У вас не было денег, чтобы туда поехать?

— Да, не было денег,— просто ответила она.— Во всяком случае, слишком мало. И, кроме того, мне не советовали приезжать, говорили, что я там не нужна. Но теперь... теперь я должна поехать, так или иначе, должна придумать, как это сделать.— Она подошла к жалкому столику, такому же убогому, как и вся скудная и бесцветная обстановка этой комнаты.— Вы сейчас пойдете в город, молодые люди,— сказала она.— Не возьмется ли кто-нибудь из вас отправить телеграмму? Денег я вам дам.

— Ну конечно! — воскликнул тот, кто задал ей самый бестактный вопрос.— Давайте ее мне. Денег не нужно. Я отправлю ее за счет газеты.

Он подумал, что перепишет телеграмму и вставит ее в свой отчет о визите к миссис Грифитс.

Она подсела к желтому, покрытому царапинами столу и, отыскав бумагу и перо, написала: «Клайд. Уповай на господа, для него все возможно. Не медля подай апелляцию. Читай псалом 50. Новый суд установит твою невиновность. Мы скоро к тебе приедем. *Отец и мать*».

— Пожалуй, лучше я все-таки дам вам денег,— сказала она; ее охватило беспокойство: хорошо ли позволять газете платить за телеграмму? И захочет ли дядя Клайда оплачивать издержки по апелляции? На это, должно быть, нужны большие деньги.— Телеграмма получилась длинная,— прибавила она.

— Да вы не беспокойтесь! — воскликнул еще один из этого трио (ему тоже хотелось поскорее прочесть телеграмму).— Пишите, что хотите, а отправить — наше дело.

— Мне нужна копия,— резко и запосчиво потребовал третий, видя, что первый репортер взял у миссис Грифитс листок и уже сует его в карман.— Это не частная телеграмма. Я получу копию — от вас или от нее, сейчас же!

Услышав это, первый, чтобы избежать скандала, приближение которого почувствовала даже миссис Грифитс, вытащил из кармана записку, передал ее остальным, и они тут же стали снимать копии.

А в это самое время ликургских Грифитсов запросили, благоразумно ли, по их мнению, возбуждать новый процесс и как будет с издержками, и выяснилось, что они вовсе не считают, будто следует подавать апелляцию (во всяком случае, не за их счет!), и вообще отнюдь в ней не заинтересованы. Что это за пытка, и как все это гибельно сказывается если не на делах, то на положении в обществе! Каждый час — поистине Голгофа! Будущее Беллы,— не говоря уже о положении Гилберта и самого Сэмюэла,— загублено, разбито. И все потому, что оказалось выставленным напоказ это злодейское преступление, задуманное и совершенное их кровным родственником! Сэмюэл Грифитс и его жена были просто раздавлены внезапной катастрофой, разразившейся как следствие пусть непрактичного и бессмысленного, но все же доброго поступка, в основе которого лежали наилучшие намерения. А ведь долгий опыт жизненной борьбы научил Сэмюэла, что примешивать чувства к делам — сумасбродно! До того часа, как он встретил Клайда, он никогда не позволял себе никакой чувствительности. Надо же было выдумать, будто отец несправедливо поступил с младшим братом! И вот что из этого вышло! Жене и дочери придется покинуть

родные места, где прошли счастливейшие, безмятежные годы их жизни, и поселиться, словно изгнанницам,— быть может, навсегда,— в каком-нибудь предместье Бостона или еще где-нибудь... или вечно выносить сочувственные и назойливые взгляды окружающих! А сам он почти непрерывно с момента катастрофы обсуждал с Гилбертом, не слить ли предприятие на акционерных началах с какой-нибудь другой ликургской или иногородней фирмой или, может быть, перевести все дело (и не постепенно, а в самом срочном порядке), скажем, в Рочестер или Буффало, Бостон или Бруклин, где можно построить главную фабрику. Весь этот позор можно снести, только отказавшись от Ликурга и от всего, что с ним связано. Придется начинать жизнь заново,— по крайней мере, заново создавать себе положение в обществе. Это не так уж важно для него самого и для его жены — ведь они уже почти отжили свой век. Но Белла, Гилберт, Майра... где и как теперь восстановить их доброе имя?

И вот, еще прежде чем закончился процесс, Сэмюэл и Гилберт решили перевести производство воротничков и рубашек в Южный Бостон, где они могли бы скромно оставаться в тени до тех пор, пока хотя бы отчасти не забудется эта несчастная и постыдная история.

Вот почему в дальнейшей помощи Клайду было отказано наотрез. И тогда Белнепу и Джефсону пришлось призадуматься. Ведь ясно, что их время, которое доныне было посвящено весьма успешной практике в Бриджбурге, надо расценивать на вес золота; многие дела, отложенные из-за необычайной срочности процесса Клайда, ожидали их внимания, и оба юриста отнюдь не были убеждены, что из деловых расчетов или филантропических побуждений они должны и могут позволить себе помогать Клайду и впредь, не надеясь на какое-либо вознаграждение. Совершенно очевидно, что издержки при подаче апелляции будут очень значительны. Протоколы суда огромны. Придется делать большие, дорогостоящие выдержки и конспекты, а отпускаемые на это государственные средства ничтожно малы. Однако, заявил Джефсон, нелепо предполагать, что западные Грифитсы совсем ничего не могут сделать. Ведь говорят же, что они долгие годы занимались религиозной и благотворительной деятельностью. Если им указать, как трагично теперь положение Клайда, быть может, они сумеют посредством всевозможных воззваний о помощи собрать средства хотя бы на то, чтобы покрыть расходы, связанные с подачей апелляции? Да, конечно, они до сих пор не помогали Клайду, но ведь в свое время мать

предупредили, что ей нет надобности приезжать. Теперь — другое дело.

— Дадим ей телеграмму, пусть приедет,— предложил Джефсон.— Мы добьемся, чтобы Оберуолцер отложил оглашение приговора до десятого, если скажем, что она приезжает. И вот что: сперва просто предложим ей приехать, а если она ответит, что не может, тогда подумаем насчет денег. Но уж наверно она достанет на дорогу, а может быть, кое-что и на апелляцию.

Итак, были составлены и отосланы телеграмма и письмо, извещавшее миссис Грифитс, что хотя Клайду пока ни слова еще об этом не сказано, однако его ликургские родственники отказали ему на будущее в какой-либо помощи. Кроме того, приговор будет объявлен не позднее десятого числа, и ради душевного спокойствия Клайда необходимо, чтобы при этом был кто-нибудь из близких, лучше всего мать. Речь шла также о том, что следует изыскать средства на покрытие расходов по апелляции или хотя бы представить какие-то гарантии на этот счет.

И вот миссис Грифитс на коленях молит бога помочь ей. Ныне он должен явить свое всемогущество, свое неизменное милосердие. Откуда-то должны прийти просветление и помощь, иначе как достать денег на дорогу, не говоря уже о расходах на апелляцию?

Так она молилась, стоя на коленях, и вдруг — внезапная мысль. Газеты изводят ее, добиваясь интервью. Репортеры преследуют ее на каждом шагу. Почему она не поехала на помощь сыну? Что она думает о том и что об этом? Так почему бы, сказала она себе, не пойти к редактору какой-нибудь большой газеты из тех, что вечно осаждают ее расспросами, и не рассказать ему, в какой крайности она оказалась? Пусть редактор поможет ей вовремя поехать к сыну, так, чтобы она могла быть рядом с ним в день, когда будет прочитан приговор,— и она, мать, обещает сама написать обо всем в газету. Ведь репортеров посылают повсюду, даже в суд,— она об этом читала. Почему же не послать ее, мать Клайда? Разве не могла бы она все рассказать и написать? Разве не написано ею многое множество проповедей?

И она встала — лишь для того, чтобы снова опуститься на колени.

— Ты ответил мне, господи! — воскликнула она.

Снова поднявшись, она достала свое старое коричневое пальто, ужасную коричневую шляпу с завязками — порождение каких-то особых представлений о наряде, подобающем лицу, посвятившему себя религиозной деятельности,— и тотчас отпра-

вилась в редакцию самой большой и влиятельной денверской газеты. Процесс ее сына был так широко известен, что ее сейчас же провели к главному редактору. Необычайная посетительница очень заинтересовала его, и он выслушал ее сочувственно и уважительно. Он понял, каково ее положение, и сообразил, что согласиться — в интересах газеты. Он вышел и через несколько минут вернулся. Итак, она зачислена корреспондентом на три недели,— о дальнейшем ее известят особо. Ее расходы на дорогу в оба конца будут оплачены. Помощник, к которому он сейчас направит ее, разъяснит, как ей следует составлять и передавать корреспонденции. Он снабдит ее и некоторым количеством наличных денег. Она может выехать уже сегодня вечером, если угодно: чем скорее, тем лучше. Для газеты желательно получить от нее перед отъездом несколько фотографий... Объясняя ей все это, редактор вдруг заметил, что глаза ее закрыты и голова откинута назад. Она благодарила бога, который так быстро внял ее молитве.

ГЛАВА XXVIII

Бриджбург. В полночь восьмого декабря из почтового поезда на перроне вокзала выходит усталая, растерянная женщина. Резкий холод и яркие звезды. Одинокий дежурный в ответ на ее вопрос указывает ей путь к бриджбургскому отелю «Сентрал»: прямо по улице, начинающейся у вокзала, до первого поворота налево, и там еще два квартала. Заспанный ночной клерк тотчас отводит ей номер и, узнав, кто она, спешит объяснить, как пройти к окружной тюрьме. Но, поразмыслив, она решает, что сейчас не время. Он, может быть, уже спит. И она ляжет спать, а завтра встанет чуть свет. Она телеграфировала ему несколько раз. Он знает, что она должна приехать.

Но уже в семь часов утра она на ногах, а в восемь с письмами, телеграммами, удостоверениями наготове, является в окружную тюрьму. И тюремное начальство, проверив ее документы, посылает предупредить Клайда о ее приезде. А он, подавленный, отчаявшийся, с радостью хватается за мысль об этой встрече, мысль, которая раньше приводила его в ужас. Потому что теперь многое изменилось. Страшная повесть была рассказана во всеуслышание. И благодаря разумной версии, разработанной для него Джефсоном, он теперь, пожалуй, сможет взглянуть матери в глаза и, не колеблясь, сказать, что это правда: у него не было намерения убивать Роберту, не по злому умыслу

он дал ей утонуть. И вот он спешит в комнату для посетителей, где благодаря Слэку ему предоставлена возможность увидеться с матерью наедине.

Она встает навстречу, и он бросается к ней с немалой тревогой в смятенной своей душе и в то же время с уверенностью, что здесь он найдет опору, сострадание, а быть может, и помощь, не отравленную порицанием. И с усилием, словно что-то застряло в горле, у него вырывается:

— Ох, мама! Я так рад, что ты приехала!

Но она слишком взволнована, чтобы говорить, она только прижимает его к себе — своего мальчика, осужденного законом,— кладет его голову себе на плечо, а сама устремляет взгляд к небу. Господь бог даровал ей эту милость. Быть может, он дарует и другие. Сын ее получит свободу — или хотя бы назначено будет новое рассмотрение дела со справедливым разбором всех данных, говорящих в его пользу, чего ведь не было на этом суде. И так, не двигаясь, они стояли несколько мгновений.

Потом пошли рассказы о доме, о том, как ей удалось приехать, о ее обязанностях корреспондента: она должна проинтервьюировать его, а потом быть рядом с ним в час вынесения приговора... (Клайд вздрогнул при этих словах.) И дальше он услышал, что судьба его теперь целиком зависит от ее усилий. Ликургские Грифитсы из личных соображений решили больше не помогать ему. Но она, если только она сможет выступить перед людьми со справедливыми требованиями,— она еще может ему помочь. Ведь до сих пор господь не оставлял ее своей помощью. Но для того чтобы она могла смело обратить мольбу к творцу и людям, нужно, чтобы он сейчас, здесь же, сказал ей всю правду — случайно или намеренно он ударил Роберту, невольно или умышленно дал ей погибнуть. Она читала его показания и его письма и отметила все уязвимые места в его рассказе о случившемся. Так правда или неправда то, что утверждал Мейсон?

Клайд, как и в былое время, почувствовал страх и стыд перед этой непоколебимой и безукоризненной честностью, которую он никогда не мог понять до конца, но постарался заявить как можно тверже, хоть втайне и холодея, что все сказанное им под присягой — чистая правда. Он не совершал того, в чем его обвиняют. Не совершал! Но она, наблюдая за ним, с горечью отметила про себя, что в глазах у него что-то мелькнуло при этом — какая-то неуловимая тень.

В нем не чувствовалось той уверенности, того ясного и нерушимого сознания своей правоты, которых она ожидала, кото-

рые надеялась встретить. Нет, нет, во всей его повадке, в словах, которые он произносил, была какая-то едва заметная уклончивость, оттенок какой-то тревоги или сомнения, и при мысли об этом все замирало у нее внутри.

Ему не хватало твердости. Так, может быть, ее первые опасения были не напрасны, может быть, он и вправду замышлял это страшное дело, может быть, он и ударил девушку там, на глухом, пустынном озере? Кто знает! Как вынести жгучую и сокрушительную боль этой догадки! А ведь в показаниях своих он говорил совсем другое.

— Но — «Всевышний, ты не захочешь, чтобы мать усомнилась в сыне в самый страшный час своей и его жизни, чтобы она неверием своим подтвердила его смертный приговор! О нет, ты не потребуешь этого. Нет, нет, о агнец господень!» Она отвернулась; она раздавила пятой чешуйчатую голову ехидны подозрения; для нее оно было не менее страшно, чем для Клайда сознание вины.— «О Авессалом, мой Авессалом! Полно, полно, мы не допустим такой мысли. Сам великий господь не взыщет с материнского сердца».— Ведь вот он — он, ее сын,— стоя перед нею, заявляет, что не совершал этого злодеяния. Она должна верить — она поверит ему беспрекословно. Должна, и верит, хотя бы бес сомнения и притаился в уголке ее жалкой души. Полно, полно, широкая публика должна услышать, что думает обо всем этом она, мать. Вдвоем с сыном они найдут выход. Он должен веровать и молиться. Есть у него Библия? Читает он ее? И Клайд, которого один из тюремных надзирателей давно уже снабдил Библией, поспешил успокоить мать: да, есть, и он читает.

А теперь она должна идти, нужно повидать адвокатов, затем отправить первую корреспонденцию, а потом она придет опять. Не успевает она, однако, выйти на улицу, как ее окружают репортеры и засыпают вопросами о цели и смысле ее приезда. Верит ли она в невиновность сына? Считает ли, что процесс велся справедливо и беспристрастно? Почему она до сих пор не приезжала? И миссис Грифитс с обычной своей прямотой, серьезностью и материнской задушевностью отвечает на все вопросы, объясняет, почему приехала теперь и почему не приезжала раньше.

Но раз уж она приехала, то так скоро не уедет. Господь укажет ей способ спасти жизнь сына, в невиновности которого она не сомневается. Может быть, и они попросят господа помочь ей? Может быть, помолятся за успех ее дела? И репортеры, тронутые и взволнованные, наперебой обещают ей помолиться, а

потом описывают ее миллионам читателей такою, какой она была в ту минуту — средних лет, некрасивая, исполненная решимости и религиозного рвения, искренняя, серьезная и непоколебимо уверенная в невиновности своего сына.

Однако когда это доходит до ликургских Грифитсов, они вне себя: ее приезд — еще новая неприятность! А Клайд в своей камере тоже читает газеты, правда, с некоторым опозданием, и хотя он болезненно воспринимает вульгарную огласку, которой подвергается теперь все, так или иначе связанное с ним, сознание, что мать здесь, близко, умиротворяет его, а немного спустя ему становится даже приятно. Ведь это же его мать, каковы бы ни были ее слабости и промахи! И она приехала, чтобы ему помочь. Пусть там думают, что хотят. Мать одна не оставила, не изменила, когда на него легла тень смерти. И разве не заслуживает всяческих похвал неожиданная находчивость, которую она проявила, связавшись с денверской газетой?

Раньше она не казалась способной на такие поступки. Кто знает, быть может, несмотря на горькую свою нищету, она сумеет разрешить проблему вторичного суда и спасти ему жизнь?! Кто знает?! А ведь как преступно равнодушен он бывал к ней подчас, как много, как глубоко он виноват перед нею! А она все-таки поспешила к нему, мучится за него, и страдает, и любит, и ради его же блага собирается описывать для какой-то провинциальной газеты подробности его осуждения. Ее поношенное пальто и старомодная шляпка, ее широкое неподвижное лицо, неуклюжие, угловатые манеры уже не вызывали у него раздражения и стыда, как еще совсем недавно. Ведь это его мать, и она любит его, и верит ему, и борется за его спасение.

Зато Белнепа и Джефсона первая встреча с ней несколько обескуражила. Почему-то они не ожидали увидеть нечто до такой степени провинциальное и некультурное, хотя и столь уверенное в своей правоте. Эти тупоносые башмаки без каблуков. Эта невероятная шляпа. Это старое коричневое пальто. Но прошло несколько минут, и их заворожила серьезная простота ее речи, и сила ее веры и материнской любви, и прямой, вопрошающий взгляд ее чистых голубых глаз, в которых читалось непоколебимое убеждение и готовность жертвовать всем без оглядок и оговорок.

Верят ли они сами в то, что ее сын не виновен? Это ей нужно знать прежде всего. Или же втайне они считают его виновным? Все эти противоречивые показания замучили ее. Господь возложил тяжелый крест на плечи ее и ее близких. Но да

святится имя его! И оба адвоката, видя и чувствуя ее великую тревогу, поспешили заверить ее, что не сомневаются в невиновности Клайда. Если его казнят за преступление, которого он не совершал, это будет страшная карикатура на правосудие.

И все же обоих во время этой беседы смущала мысль о материальной стороне дела, так как из ее рассказа о том, каким способом она приехала в Бриджбург, явствовало, что у нее ничего нет. Апелляция же, несомненно, должна стоить тысячи две, если не больше. Целый час они толковали с ней, перечисляя все статьи расхода — составление выписок, снятие копий, необходимые командировки, а миссис Грифитс только повторяла, что не знает, как быть. Потом вдруг, несколько неожиданно для своих собеседников, но с трогательной и волнующей силой, она воскликнула:

— Господь не оставит меня. Я знаю. Он явил мне свою волю. Это его голос повелел мне обратиться в денверскую газету. И здесь я тоже положусь на него, и он меня направит.

Но Белнеп и Джефсон только переглядываются с недоверием и недоумением безбожников. Так верить! Да она одержимая! Или просто религиозная фанатичка. Но Джефсона вдруг осеняет идея. Религиозное чувство у публики — фактор, с которым приходится считаться, и такая исступленная вера всегда встретит отклик. Предположим, что ликургские Грифитсы будут упорствовать — что ж, тогда, раз уж она здесь, существуют ведь церкви и немалое количество верующих. Так нельзя ли использовать этот темперамент и эту силу веры для воздействия на те самые слои, которые до сих пор особенно решительно осуждали Клайда и способствовали вынесению сурового приговора,— вызвать в них сочувствие и добыть от них необходимые средства?

Скорбящая мать! Ее вера в сына!

Скорей за работу!

Публичная лекция, столько-то за вход, и с лекторской эстрады мать, потрясенная своим явным для всех горем, попытается убедить враждебно настроенных слушателей в том, что дело ее сына — правое дело, и попробует добиться не только сочувствия, но и тех двух тысяч долларов, без которых нечего и думать о подаче апелляции.

И вот Джефсон посвящает ее в свой план и предлагает набросать текст лекции, используя материалы защиты,— все те данные, которые проливают истинный свет на дело ее сына,— а она вольна расположить и преподнести это публике по-своему. И у нее уже загораются глаза и смуглые щеки заливает краска:

она согласна. Она попытается. Она обязана попытаться. Ибо разве это не господня длань протянулась к ней и не божий глас прозвучал в час беспросветного страдания?

На следующее утро Клайда привели в суд, чтобы объявить ему приговор, и миссис Грифитс с карандашом и блокнотом в руке заняла место рядом с ним, готовясь делать репортерские заметки об этой нестерпимо тягостной для нее сцене, происходящей на глазах у толпы, которая с любопытством ее разглядывала. Его родная мать! В роли репортера! В том, как они сидят рядом, во всей этой сцене есть что-то чрезмерно нелепое, бессердечное, даже противоестественное. И подумать только, что ликургские Грифитсы приходятся им ближайшей родней!

Но Клайда ее присутствие ободряет и поддерживает. Ведь вчера вечером она снова побывала в тюрьме и рассказала ему о своем плане. Сейчас же после объявления приговора — каков бы он ни был — она примется за дело.

И когда настает наконец этот самый страшный миг его жизни, он поднимается, почти машинально, и слушает монотонный голос судьи Оберуолцера, который излагает вкратце сущность обвинения и основные моменты процесса — по его мнению, вполне справедливого и беспристрастного. За этим следует обычный вопрос:

— Можете ли вы привести соображения, в силу которых объявление вам смертного приговора сейчас было бы противозаконно?

В ответ на это Клайд, к удивлению матери и всех присутствующих, кроме Джефсона, по чьему совету и подсказке он действует, твердым и ясным голосом произносит:

— Я не повинен в том преступлении, о котором говорится в обвинительном акте. Я не убивал Роберты Олден и потому считаю, что не заслужил такого приговора.

И устремляет в пространство невидящий взгляд, уловив только выражение восторга и любви в обращенных к нему глазах матери. Вот он, ее сын, высказался перед всеми этими людьми в роковую для него минуту. И что бы ни почудилось ей там, в тюрьме, сказанное здесь не может не быть правдой. А значит — он не виновен. Не виновен. Не виновен. Да славится имя всевышнего! И она тут же решает особенно подчеркнуть это в своем сообщении (пусть все газеты напечатают его) и в своей лекции тоже.

Между тем Оберуолцер, без тени удивления или замешательства, продолжал:

— Имеете ли вы еще что-нибудь сказать?

— Нет,— после минутного колебания отвечал Клайд.

— Клайд Грифитс! — торжественно заключил тогда Оберуолцер.— Суд постановляет, что вы, Клайд Грифитс, виновны в преднамеренном убийстве некоей Роберты Олден, и настоящим приговаривает вас к смертной казни; суд далее определяет, что не позднее десяти дней после данного судебного заседания шериф округа Катараки передаст вас при должным образом засвидетельствованной копии решения суда начальнику и особоуполномоченному тюрьмы штата Нью-Йорк в Оберне, в каковой тюрьме вы будете содержаться в одиночном заключении до недели, начинающейся в понедельник 28 января 19.. года, после чего в один из дней указанной недели начальник и особоуполномоченный тюрьмы штата Нью-Йорк в Оберне предаст вас, Клайда Грифитса, казни в соответствии с законами и предписаниями, действующими в штате Нью-Йорк.

И как только приговор дочитан до конца, миссис Грифитс улыбается Клайду, и он отвечает ей улыбкой. Потому что, когда он здесь — *здесь* — во всеуслышание заявил, что не виновен, она воспрянула духом, невзирая на приговор. Он в самом деле не виновен — иначе быть не может, раз он здесь сказал об этом. А Клайд, видя ее улыбку, говорит себе: да, мать в него верит. Ее веры не поколебало все это нагромождение улик. А эта вера, даже если она покоилась на ошибке, так ободряла его, так была ему нужна. Теперь ему и самому казалось: то, что он сказал,— правда. Ведь он не ударил Роберту. Это-то правда. А значит, он не виновен. Но Краут и Слэк снова уводят его в тюрьму.

Между тем миссис Грифитс уселась за стол прессы и виновато объясняла столпившимся вокруг нее корреспондентам:

— Вы, господа журналисты, не осуждайте меня. Я в этом деле не много понимаю, но у меня не было другого способа приехать сюда и быть подле моего мальчика.

И тут один долговязый корреспондент протискивается поближе и говорит:

— Ничего, ничего, мамаша! Может, вам помочь чем-нибудь? Хотите, я выправлю то, что вы тут собираетесь написать? С удовольствием это сделаю.

И он подсаживается к ней и помогает изложить ее впечатления в той форме, которая представляется ему наиболее подходящей для денверской газеты. И другие тоже наперебой предлагают свои услуги, и все кругом растроганы.

Через два дня все необходимые бумаги были готовы — миссис Грифитс уведомили об этом, но сопровождать сына не раз-

решили, и Клайда перевезли в Оберн, западную тюрьму штата Нью-Йорк; здесь, в «Доме смерти», или «Каземате убийц»,— так называлось это сооружение из двадцати двух камер, расположенных в два этажа,— в мрачном аду, пытку которого, казалось, никакой смертный не в силах был вынести, ему предстояло дождаться либо решения о пересмотре дела, либо казни.

Поезд, везший его от Бриджбурга до Оберна, на каждой станции встречали толпы любопытных; старые и молодые, мужчины, женщины и дети — все стремились хоть одним глазком поглядеть на необыкновенного молодого убийцу. И бывало, что какая-нибудь женщина или девушка, у которой под видом участия скрывалось, в сущности, просто желание мимолетной близости с этим хоть неудачливым, но смелым романтическим героем, кидала ему цветок и громко и весело кричала вслед отходящему поезду: «Привет, Клайд! Мы еще увидимся», «Смотрите не засиживайтесь там!», «Подайте апелляцию, вас наверняка оправдают. Мы будем надеяться».

И Клайд, несколько удивляясь и даже радуясь этому лихорадочно-повышенному и, в сущности, нездоровому интересу, приятно неожиданному после настроения толпы в Бриджбурге, раскланивается, улыбается, а иной раз и машет рукой. Но все же его не покидает мысль: «Я на пути в Дом смерти, а они так дружелюбно приветствуют меня. Как это они решаются?» А Краут и Сиссел, его конвоиры, крайне горды сознанием, что именно им принадлежит двойная честь поимки и охраны столь важного преступника, и польщены необычным вниманием пассажиров в поезде и толп на перронах станций.

Но после коротких и ярких минут первой со дня ареста поездки по вольным просторам, мимо людных вокзалов, мимо освещенных зимним солнцем полей и снежных холмов, которые напомнили ему Ликург, Сондру, Роберту и весь калейдоскоп событий этого года, имевших такой роковой для него конец,— серые, неприступные стены обернской тюрьмы, где угрюмый канцелярист, записав в книгу его имя и состав преступления, передал его двум надзирателям; ванна; и под ножницами парикмахера упали черные волнистые кудри, его краса и гордость; затем ему выдали полосатую тюремную одежду и премерзкую шапчонку из той же полосатой материи, тюремное белье и толстые серые войлочные туфли, благодаря которым не слышно, как мечутся иногда по камерам арестанты,— когда-нибудь и он будет так метаться. И выдали номер: 77221.

И, обрядив таким образом, его немедленно препроводили в самый Дом смерти и заперли там в одну из камер нижнего

этажа — почти квадратное, восемь футов на десять, светлое, чистое помещение, где, кроме унитаза, находились еще железная койка, стол, стул и небольшая полка для книг. И, лишь смутно сознавая, что справа и слева от него, вдоль длинного коридора, тянутся еще ряды точно таких же камер, он сперва постоял, потом присел на стул и устало подумал о том, что более оживленная, более согретая человеческой близостью жизнь бриджбургской тюрьмы осталась позади, как и те странные, шумные встречи, которыми был отмечен его путь сюда.

Болезненное напряжение и мука этих часов! Смертный приговор, поездка и шумные, крикливые толпы на станциях; тюремная парикмахерская внизу, где парикмахер из заключенных остриг его; белье и платье, которое на него надели и которое теперь ему предстоит носить каждый день. Ни в камере, ни в коридоре не было зеркала, но все равно, он чувствует, какой у него вид. Эта мешковатая куртка и штаны, этот полосатый колпак. Клайд в отчаянии сорвал его и бросил на пол. Ведь всего только час назад на нем был приличный костюм, сорочка, галстук, ботинки, и, выезжая из Бриджбурга, он имел вполне пристойную и даже приятную внешность,— так ему самому казалось. Но сейчас — на кого он стал похож! А завтра приедет его мать, а там, может быть, Джефсон и Белнеп. Боже!

Но это было еще не все. Он увидел, как в камере напротив худой, заморенный, страшный китаец, в такой же полосатой одежде, вплотную подошел к решетке и вперил в него загадочный взгляд своих раскосых глаз, но тут же отвернулся и стал яростно чесаться. «Может быть, вши?» — с ужасом подумал Клайд. В Бриджбурге ведь были клопы.

Китаец — убийца. Но ведь это Дом смерти. И здесь между ними нет никакой разницы. Даже одеты одинаково. Слава богу, посетители, видно, бывают редко. Мать говорила ему, что к заключенным почти никого не допускают, только раз в неделю смогут приходить она, Белнеп и Джефсон, да еще священник, которого он сам укажет. А эти неумолимые, выкрашенные белой краской стены,— днем их, должно быть, ярко освещает солнце через стеклянную крышу здания, а ночью, вот как сейчас, электрические лампы из коридора — все совсем не так, как в Бриджбурге: гораздо больше света, яркого и беспощадного. Там тюрьма была старая, серо-бурые стены не отличались чистотой, камеры были просторные, более щедро обставленные, на столе порой появлялась скатерть, были книги, бумага, шашки и

шахматы, тогда как здесь... здесь ничего нет: только тесные, суровые стены, железные прутья решетки, доходящие до массивного, крепкого потолка, и эта тяжелая-тяжелая железная дверь с таким же, как в Бриджбурге, крошечным окошком для передачи пищи.

Но вот откуда-то раздается голос:

— Эй, ребята, у нас новенький! Нижний ярус, вторая камера по восточному ряду.

Ему откликнулся другой:

— Ей-богу? А на что он похож?

И сейчас же третий:

— Эй, новичок, как тебя звать? Не робей, мы тут все одного поля ягода.

И снова первый, в ответ второму:

— Да так, длинный, тощенький. Видать, маменькин сынок, но, в общем, ничего. Эй, ты, там! Как тебя звать?

Клайд сперва молчит — в раздумье, в недоумении. Как отнестись к подобной встрече? Что говорить, что делать? Стоит ли держаться с ними по-дружески? Но врожденный такт не покидает его даже здесь, и он спешит вежливо ответить:

— Клайд Грифитс.

И один из спрашивающих тотчас подхватывает:

— А, Грифитс! Слыхали, слыхали. Добро пожаловать, Грифитс! Мы не такие уж страшные, как кажется. Мы читали про твои бриджбургские дела. Так и думали, что скоро с тобой увидимся.

И еще новый голос:

— Не вешай носа, приятель! Не так уж здесь плохо. Как говорится: тепло и не дует.

И откуда-то слышен смех.

Но Клайду было не до разговоров; в тоске и страхе он оглядывал стены, дверь, потом перевел глаза на китайца, который, молча припав к своей двери, снова смотрел на него. Ужас! Ужас! И вот так они переговариваются между собой, так фамильярно встречают каждого новичка. Никакого внимания к его несчастью, к его растерянности перед новым, непривычным положением, к его мучительным переживаниям. А впрочем, кому придет в голову считать убийцу несчастным и растерянным? Страшней всего, что они тут заранее прикидывали, когда он попадет в их компанию, а это значит, что все обстоятельства его дела здесь известны. Может быть, его будут дразнить, изводить, пока не заставят вести себя, как им нравится. Если бы Сондра или кто-нибудь из прежних его знакомых мог видеть его

здесь, мог хоть вообразить себе все это... Господи! А завтра сюда придет его родная мать!

Час спустя, когда уже совсем стемнело, высокий, мертвенно-бледный тюремщик в форменной одежде, менее оскорбительной для глаз, чем одежда заключенных, просунул в дверное окошечко железный поднос с едой. Ужин! Это ему. А тот худой желтый китаец напротив уже получил и ест. Кого он убил? Как? И вот уже со всех сторон слышно, как скребут по железным подносам! Звуки, больше напоминающие кормление зверей, чем человеческую трапезу. А кое-откуда даже доносятся разговоры вперемежку с чавканьем и лязгом железа. Клайда стало мутить.

— А, дьявол! И чего они там, на кухне, ни черта не могут выдумать, кроме холодных бобов, жареной картошки и кофе?

— Ну, уж и кофе нынче! Вот когда я сидел в тюрьме в Буффало...

— Ладно, ладно, заткнись! — крикнули из другого угла.— Слыхали мы уже про тюрьму в Буффало и про тамошнюю шикарную жратву. Что-то не видать, чтоб ты здесь страдал отсутствием аппетита.

— Нет, правда,— продолжал первый голос,— даже вспомнить, и то приятно. По крайней мере, сейчас так кажется.

— Ох, Раферти, будет тебе,— протянул кто-то.

А Раферти все не унимался:

— Вот теперь немножко отдохну после ужина, а потом скажу шоферу, чтоб подавал машину,— поеду прокатиться. Приятный вечерок сегодня.

Послышался новый, хриплый голос:

— А, пошел ты со своими бреднями! Вот я бы жизнь отдал, лишь бы курнуть. А потом перекинуться в картишки.

«Неужели они тут играют в карты?» — подумал Клайд.

— Пожалуй, Розенстайн теперь играть не будет, после того как продулся.

— Ты уверен? — Это, очевидно, отвечал Розенстайн.

Из камеры слева от Клайда чуть слышно, но отчетливо окликнули проходившего тюремщика:

— Эй! Из Олбани все ни слова?

— Ни слова, Герман.

— И писем тоже нет?

— И писем нет.

В вопросах звучали тревога, напряжение, тоска. Потом все стихло.

Минуту спустя донесся голос из дальнего угла, полный

невыразимого, предельного отчаяния, точно голос из последнего круга ада:

— Боже мой! Боже мой!

Другой откликнулся с верхнего яруса:

— Ах ты черт! Опять этот фермер начинает! Я не выдержу. Надзиратель! Дайте вы ему там чего-нибудь принять, ради бога.

И снова голос из последнего круга:

— Боже мой! Боже мой!

Клайд вскочил, судорожно сцепив руки. Нервы у него были натянуты, как струна, готовая лопнуть. Убийца! А теперь сам, должно быть, ждет смерти. И оплакивает свою скорбную участь, такую же, как и у него, Клайда. Стонет — как часто и он в Бриджбурге стонал, только про себя, не вслух. Плачет! Господи! А ведь он не один здесь такой, наверно!

И вот это предстоит изо дня в день, из ночи в ночь, пока, быть может... кто знает... если только не...

О нет, нет! Нет! С ним этого не будет... нет, его день не придет. Нет, нет! Раньше чем через год это вообще не может случиться, так сказал Джефсон. Может быть, даже через два года. Но ведь все-таки!.. через два года!!! Дрожь пробрала его при мысли о том, что так скоро, всего только через два года...

Та комната! Она тоже где-то здесь. Туда ведет ход прямо из этого помещения. Он знает, ему говорили. Там есть дверь. Открываешь, а за ней стул. *Тот стул.*

И снова прежний голос:

— Боже мой! Боже мой!

Клайд рухнул на постель и зажал руками уши.

ГЛАВА XXIX

Дом смерти в обернской тюрьме был одним из тех чудовищных порождений человеческой бесчувственности и глупости, настоящего виновника которых трудно бывает указать. Устройство этого дома и существовавший в нем распорядок явились следствием ряда отдельных правительственных актов, на которые постепенно наслаивались решения и постановления, выносившиеся различными начальниками в соответствии с темпераментом и прихотями каждого, причем ни один не давал себе труда думать над тем, что делает; в конце концов здесь подобрались и теперь применялись на практике все мыслимые образцы ненужной и, по существу, незаконной жестокости, не-

лепой, убийственной пытки. И все для того, чтобы человеку, осужденному на смерть, пришлось пережить тысячу казней еще до казни, предназначенной ему судебным приговором. Ибо самое расположение Дома смерти, равно как и режим, которому подчинялись его обитатели, невольно этому способствовали.

Это было сооружение из камня, бетона и стали — сорок футов в длину, тридцать в ширину и стеклянная крыша на высоте тридцати футов. По сравнению со старым, менее благоустренным Домом смерти, который с ним граничил, в планировку было внесено усовершенствование: во всю длину шел широкий коридор, и по обе стороны его находились камеры, восемь на десять футов каждая; в первом этаже их было двенадцать: шесть справа, шесть слева, одна против другой. А над ними тянулась так называемая галерея — второй ярус камер, расположенных точно так же, только по пять с каждой стороны.

В центре главный коридор пересекался другим, поуже, делившим оба нижние ряда камер пополам; один его конец упирался в старый Дом смерти, как его называли (там теперь только принимали посетителей, являвшихся к смертникам), на другом находилась комната казней, где стоял электрический стул. Две из нижних камер, расположенные на перекрестке, были обращены в сторону комнаты казней. Из двух противоложных виден был другой конец узкого коридора и дверь, ведущая в старый Дом смерти, который при живом воображении можно было назвать приемной осужденных, так как там дважды в неделю происходили свидания с ближайшими родственниками или с адвокатом. Больше никто к смертникам не допускался.

Камеры старого Дома смерти (которые сохранились в прежнем виде и теперь использовались как часть приемной) расположены были в один ряд и только по одну сторону коридора; таким образом, заключенные не могли наблюдать друг за другом; кроме того, имелись особые зеленые занавеси, которые можно было задернуть перед каждой камерой. В прежнее время, когда заключенного приводили или уводили, или когда он шел на свою ежедневную прогулку, или же в баню, или когда его вели к маленькой железной двери в западном конце, где тогда находилась комната казней,— все занавеси бывали задернуты. Прочим заключенным не полагалось его видеть. Впоследствии, однако, решили, что старый Дом смерти, ввиду такой предусмотрительной изоляции заключенных, обрекающей их на полное одиночество,— учреждение недостаточно гуманное, и тогда был спроектирован и построен новый дом, более совершенный с точки зрения заботливых и сострадательных властей.

Здесь, правда, камеры были не такие тесные и мрачные, как в старом Доме с его низким потолком и первобытной санитарией; потолок здесь был высокий, в камерах и коридорах много света и сами камеры просторнее — не меньше, чем восемь футов на десять. Но огромным недостатком по сравнению со старым Домом было то, что вся жизнь заключенного протекала на глазах у других.

Кроме того, при таком сосредоточении всех камер в одном двухъярусном коридоре, каждый заключенный должен был мучиться, поневоле становясь свидетелем чужих настроений — чужого гнева, бешенства, отчаяния, тоски. Никакой возможности остаться действительно одному. Днем — поток ослепительного света, беспрепятственно льющегося через стеклянную крышу. Ночью — яркие, сильные лампы, освещающие каждый угол, каждый закоулок камеры. Ни покоя, ни развлечений, кроме карт и шашек — единственных игр, в которые заключенные могли играть, не выходя из своих камер. Правда, для тех, кто способен был читать и находить удовольствие в чтении при таких обстоятельствах, оставались еще книги и газеты. И посещения духовных наставников: утром и вечером являлся католический священник; раввин и протестантский пастор, хотя и менее регулярно, тоже приходили для молитвы и утешения к тем, кто соглашался их слушать.

Но истинным проклятием этого места было то, что вопреки всем благим намерениям усовершенствователей создавалась эта постоянная и неизбежная близость между людьми, чье сознание затуманила и исказила неотвратимость надвигающейся смерти, для многих столь близкой, что они уже ощущали у себя на плече холод ее тяжелой руки. И никто, сколько ни храбрись, не мог уберечь себя от тех или иных проявлений распада личности под действием этой пытки. Уныние, безнадежность, безотчетные страхи, словно дуновения, носились по всему Дому, всех по очереди заражая ужасом или отчаянием. В самые неожиданные минуты все это находило выход в проклятиях, вздохах, даже в слезах, откуда-нибудь вдруг доносилась жалобная мольба: «Ради бога! хоть бы спели что-нибудь!» — или просто вопли и стоны.

Но самые, быть может, нестерпимые мучения были связаны с поперечным коридором, соединявшим старый Дом смерти с комнатой казней. Ведь ему — увы, довольно часто! — приходилось служить подмостками для одной из сцен той трагедии, которая опять и опять совершалась в этих стенах,— трагедии казни.

Ибо по этому коридору осужденного накануне казни переводили из *благоустроенной* камеры нового здания, где он протомился год или два, в одну из камер старого Дома смерти, чтобы он мог провести свои предсмертные часы в тишине и одиночестве; в последнюю минуту, однако, он должен был совершить — на глазах у всех — обратный путь, все по тому же узкому коридору, в комнату казней, расположенную в другом его конце.

Отправляясь на свидание с адвокатом или с кем-нибудь из родных, тоже надо было пройти сначала по главному коридору, а затем по узкому поперечному до двери, ведущей в старый Дом смерти. Там заключенного вводили в камеру, и он мог наслаждаться беседой со своим гостем (женой, сыном, матерью, дочерью, братом, защитником), причем каждое слово этой беседы слышал надзиратель, сидевший между решеткой камеры и проволочной сеткой, натянутой в двух футах от нее. Ни рукопожатие, ни поцелуй, ни ласковое прикосновение, ни слово любви не могли укрыться от этого стража. И когда для одного из заключенных наступал роковой час, все остальные — угрюмые и добродушные, чувствительные и толстокожие — если не по чьей-то злой воле, то в силу обстоятельств должны были наблюдать все заключительные приготовления: перевод осужденного в одну из камер старого Дома, последнюю скорбную встречу с матерью, сыном, дочерью, отцом.

И никто из занимавшихся планировкой здания и установлением порядков в нем не подумал, на какие ненужные, неоправданные мучения они обрекали тех, кому приходилось отсиживать здесь долгие месяцы в ожидании решений высшего апелляционного суда.

Первое время, разумеется, Клайд ничего этого не замечал. В свой первый день в обернской тюрьме он только пригубил горькую чашу. А назавтра, к облегчению или усугублению его страданий, приехала мать. Не получив разрешения сопровождать его, она задержалась, чтобы еще раз посовещаться с Белнепом и Джефсоном и написать подробный отчет о своих впечатлениях, связанных с отъездом сына. (Сколько жгучей боли таилось в этих впечатлениях!) И как ни заботила ее необходимость подыскать комнату поближе к тюрьме, все же по приезде она сразу поспешила в тюремную канцелярию, предъявила распоряжение судьи Оберуолцера, а также письменное ходатайство Белнепа и Джефсона о том, чтобы ей дали свидание с Клайдом, и ей тотчас разрешили повидать сына, да не в старом Доме смерти, а совсем в другом помещении. Дело в том, что началь-

ник тюрьмы читал о ее энергичной деятельности в защиту сына, и ему самому интересно было взглянуть и на нее и на Клайда.

Но неожиданная и разительная перемена во внешности Клайда потрясла ее, и она не вдруг нашлась, что сказать при виде его бледных, запавших щек, его ввалившихся, лихорадочно блестящих глаз. Эта коротко остриженная голова! Эта полосатая куртка! И этот жуткий Дом с железными дверьми и тяжелыми запорами, и длинные переходы с охраной в тюремной форме на каждом углу...

На мгновение она вздрогнула, пошатнулась и едва не лишилась чувств, хотя ей не раз случалось бывать в тюрьмах, больших и малых — в Канзас-Сити, Чикаго, Денвере; она ходила туда разъяснять слово божие и поучать и предлагать свои услуги тем, кому они могли пригодиться. Но это... это! Сын, родной сын! Ее сильная, широкая грудь вздымалась и опускалась. Она взглянула еще — и отвернулась, чтобы хоть на миг скрыть лицо. Губы и подбородок ее дрожали. Она стала рыться в сумочке, отыскивая носовой платок, и в то же время повторяла вполголоса:

— Господи, за что ты покинул меня?

Но в ту же минуту в ее сознании возникла мысль: нет, нет, сын не должен видеть ее такой. Так нельзя, так никуда не годится, ее слезы только расстроят его. Но даже ее сильной воли не хватило, чтобы сразу переломить себя, и она продолжала тихо плакать.

Видя это, Клайд позабыл о своем решении держать себя в руках и найти для матери какие-то слова утешения и ободрения и бессвязно залепетал:

— Ну, ну, мама, не надо. Не надо плакать. Я знаю, что тебе тяжело. Но все еще устроится. Наверно, устроится. И не так уж тут плохо, как я думал.

А про себя воскликнул: «Боже мой, до чего плохо!»

И миссис Грифитс тотчас отозвалась:

— Бедный мой мальчик! Сынок мой дорогой! Но мы не должны терять надежду. Нет. Нет. «И спасу тебя от сетей зла». Господь не покидал нас до сих пор. Не покинет и впредь, я твердо знаю это. «Он водит меня к водам тихим». «Он укрепляет дух мой». Будем уповать на него. И потом,— добавила она быстро и деловито, чтобы подбодрить не только Клайда, но и себя,— я ведь уже все подготовила для апелляции. На этой неделе она будет подана. А это значит, что твое дело не может быть рассмотрено раньше, чем через год. Просто я не ожидала увидеть тебя таким. Оттого и растерялась.— Она расправила

плечи, подняла голову и даже выжала некоторое подобие улыбки.— Начальник тюрьмы, видно, добрый человек, так хорошо ко мне отнесся, но, когда я тебя увидела...

Она вытерла глаза, еще влажные после этой неожиданной и страшной грозы, и, чтобы отвлечь себя и его, заговорила о предстоящих ей неотложных делах. Мистер Белнеп и мистер Джефсон очень обнадежили ее в последний раз, когда она с ними виделась. Она заходила к ним в контору перед отъездом, и они сказали, что ни она, ни Клайд не должны унывать. А теперь она, не откладывая, приступит к своим лекциям, и это сразу же даст ей необходимые средства. Пусть Клайд и не думает, что все уже кончено. Ничего подобного! Тот приговор наверняка будет отменен, и дело направят на новое рассмотрение. Ведь процесс был сплошной комедией, Клайд сам это знает.

Ну вот, а она, как только найдет себе комнату, где-нибудь неподалеку от тюрьмы, отправится к самым видным представителям обернского духовенства и постарается добиться, чтобы ей разрешили устроить свои выступления в церкви, и не в одной, а в нескольких. Мистер Джефсон должен через два-три дня прислать ей кое-какие материалы, она сможет их использовать. А потом она поедет в Сиракузы, Рочестер, Скенэктеди и в другие города на востоке и будет ездить, пока не наберет достаточно денег. Но она не оставит и его. Она будет приезжать к нему, по крайней мере, раз в неделю и будет писать ему письма через день или даже каждый день, если сможет. Она поговорит с начальником тюрьмы. И пусть Клайд не отчаивается. Конечно, ей предстоит большая работа, но господь будет с ней во всех ее начинаниях. Она это знает твердо. Разве он не явил уже ей свою великую и чудотворную милость?

А Клайд пусть молится за нее и за себя. Пусть читает Исаию. Псалмы 23, 50 и 91, каждый день. И Аввакума тоже. «Есть ли препоны деснице господней?» И в конце концов, после новых слез, после трогательной и надрывающей душу сцены, она простилась и ушла, а Клайд вернулся к себе в камеру, безмерно потрясенный ее горем. Мать. В ее годы, нищая, без гроша, будет колесить по городам, собирая деньги, необходимые для его спасения. А он был таким скверным сыном — теперь он это понимает.

Он присел на край койки и уронил голову на руки, а в это самое время миссис Грифитс остановилась у ворот тюрьмы — тяжелые железные ворота захлопнулись за нею, а впереди ждала чужая неприветливая комната и все испытания задуманной ею поездки... Сама она совсем не чувствовала той

уверенности, которую старалась внушить Клайду. Но, конечно, господь ей поможет. Ведь он никогда ее не покидал. Так неужели же он покинет ее теперь — в самый страшный ее час, в самый страшный час ее сына? Неужели?

Она дошла до автомобильной стоянки неподалеку и снова остановилась, чтобы еще раз взглянуть на тюрьму, на ее высокие серые стены, сторожевые башни с вооруженными часовыми в тюремной форме, зарешеченные окна и двери. Каторжная тюрьма. И ее сын теперь там, в самом ее сердце — тесном и отгороженном от мира Доме смерти. И его ждет смерть на электрическом стуле. Если только... если только... Нет, нет, нет,— это невозможно. Этого не случится. Апелляция. Необходимые средства. Она должна сейчас же взяться за работу, а не поддаваться тоске и отчаянию. Нет, нет! «Щит мой и опора моя». «Свет мой и источник силы моей». «О господи, ты сила моя и избавление мое. На тебя уповаю». Снова она вытерла глаза и прошептала:

— Верую, господи! Помоги моему неверию.

И пошла дальше, продолжая молиться и плакать.

ГЛАВА XXX

Для Клайда потянулись долгие дни заключения. Лишь раз в неделю его одиночество прерывалось свиданием с матерью, ведь хлопоты, в которые миссис Грифитс ушла с головой, не оставляли ей времени для большего — за два месяца она объездила все кругом от Олбани до Буффало, побывала даже в Нью-Йорке, но результаты обманули ее ожидания. После трехнедельных упорных, фанатических стараний добиться успеха она вынуждена была устало сознаться (если не Клайду, то себе самой), что христиане отнеслись к ней по меньшей мере равнодушно, отнюдь не так, как подобает христианам. Ибо все, к кому она обращалась, по крайней мере, все местные духовные руководители, считавшие себя обязанными как можно сдержаннее и осторожнее выражать мнение своей паствы, склонны были видеть в деле Клайда лишь нашумевший и достаточно скандальный судебный процесс, закончившийся осуждением, вполне справедливым с точки зрения всех солидных и благонамеренных граждан — по крайней мере, если судить по газетам.

Во-первых, кто такая, собственно, эта женщина — мать осужденного? Самозванка, подпольная проповедница, которая, в обход всех установлений организованной, исторически сло-

жившейся и веками освященной церковной иерархии (богословские семинарии, официальная церковь и ее ответвления и новообразования, аккуратно и осмотрительно занимающиеся традиционным и догматическим, а потому законным истолкованием слова божия), вздумала на свой страх и риск руководить никем не разрешенной и, следовательно, сомнительной миссией. А во-вторых, если бы она сидела дома, как добрая мать, и посвятила бы себя воспитанию сына и других своих детей, может быть, тогда и не случилось бы то, что случилось.

Да и кроме того — убил или не убил Клайд эту девушку, но, как бы то ни было, он находился с нею в преступной связи, что видно из его собственных показаний на суде. А это в глазах многих — грех едва ли меньший, чем убийство. И в этом грехе он сам сознался. Так позволительно ли в церкви произносить речи в защиту осужденного прелюбодея, а может быть, и убийцы,— кто знает. Нет, нет,— отдельные христиане любого толка вправе сколько угодно сочувствовать миссис Грифитс или возмущаться юридическими неправильностями, допущенными при разборе дела ее сына, но христианская церковь не место для критики этого процесса. Нет, нет! Это было бы нарушением нравственных основ. Это даже грозило бы пагубными последствиями, так как внимание молодежи было бы привлечено к подробностям преступления.

Наконец, под влиянием газетных сообщений о цели приезда миссис Грифитс на Восток, дополненных личным впечатлением от ее старомодной причудливой фигуры, большинство клерикальных властей решило, что перед ними просто полубезумная фанатичка из тех, которые не признают ни религиозных сект, ни научного богословия, и уже одно ее появление перед аудиторией может набросить тень на истинную и непогрешимую религию.

И потому каждый из запрошенных, не то чтобы ожесточившись сердцем, но просто хорошенько подумав, решал: нет, можно найти другой путь, менее рискованный для христиан,— скажем, снять в городе какой-нибудь зал и, несомненно, объявив через печать, привлечь туда тех же добрых христиан. Таким образом, миссис Грифитс неизменно получала отказ и совет обратиться в другое место. Искать же помощи у католического духовенства ей даже ни разу не пришло в голову, отчасти в силу предубеждения, отчасти же в силу безотчетного недоверия, не лишенного оснований. Она знала, что милосердие Христово в понимании ключаря св. Петра не для тех, кто отказывается признавать наместника Христа.

И вот, после того как она много дней безуспешно стучалась то в одни, то в другие двери, пришлось ей скрепя сердце обратиться к одному еврею, содержателю самого большого в Утике кинотеатра — истинного вертепа. И он предоставил ей бесплатно свой зал для выступления с речью об обстоятельствах осуждения Клайда. «Речь матери в защиту сына» — так гласили афиши, и при входной плате в двадцать пять центов это принесло ей двести долларов. Как ни мала была эта сумма, миссис Грифитс в первую минуту возликовала: ей уже казалось, что вопреки недружелюбию ортодоксальных христиан она непременно соберет деньги, необходимые для апелляции. Пусть на это потребуется время, но она их соберет.

Однако очень быстро обнаружилось, что есть еще статьи расхода, которые необходимо принять во внимание: проезд, ее траты на ночлег и еду в Утике и других городах, не говоря уже о тех суммах, которые она должна высылать в Денвер мужу — ему совсем не на что было жить, и вдобавок он тяжко заболел из-за всех трагических переживаний, выпавших на долю семьи, и письма Фрэнка и Джулии звучали все тревожнее. Видимо, существовала опасность, что он больше не поправится. Помощь была необходима.

Таким образом, помимо личных трат, миссис Грифитс приходилось снова и снова заимствовать из этого единственного источника своих доходов. Это было ужасно, учитывая положение Клайда, но разве не обязана она всячески поддерживать свои силы во имя конечной победы?! И мужа ведь тоже нельзя совсем забросить ради Клайда.

Но хотя выступления ее собирали все меньше и меньше народу (через неделю ей уже приходилось говорить перед каким-нибудь десятком человек) и хотя она с трудом сводила концы с концами в своем личном бюджете, ей все же удалось, покрыв неизбежные расходы, отложить тысячу сто долларов.

Как раз в это время, в самую трудную для нее минуту, она получила телеграмму от Фрэнка и Джулии, что если она еще хочет увидеть Эйсу живым, то пусть поспешит домой. Ему очень плохо, и дни его, как видно, сочтены. Не зная, что делать под напором всех этих бедствий, не решаясь лишить Клайда своих посещений, иногда раз в неделю, иногда два раза, если обстоятельства позволяли,— единственной радости, которую она в силах была ему сейчас доставить,— миссис Грифитс бросилась за советом к Белнепу и Джефсону.

Почтенные адвокаты, убедясь, что добытые ее трудами тысяча сто долларов им обеспечены, в порыве человеколюбия

посоветовали ей ехать к мужу. Положение Клайда сейчас не так уж плохо, поскольку должно пройти не менее десяти месяцев или года, прежде чем апелляционная инстанция затребует необходимые материалы и документы. И, несомненно, до решения пройдет еще год. За это время она, надо думать, еще успеет собрать остальную сумму, необходимую для покрытия расходов, связанных с апелляцией. А если это даже и не удастся — ну, все равно, пусть она не тревожится. Мистеры Белнеп и Джефсон (которые видят, как она извелась и исстрадалась) будут стоять на страже интересов ее сына. Они подадут апелляционную жалобу, подготовят материалы для защиты и вообще сделают все необходимое для того, чтобы обеспечить своевременное и беспристрастное рассмотрение дела.

Таким образом, главное бремя свалилось с ее души, и, побывав еще два раза у Клайда, которого она заверила, что вернется очень скоро,— как только Эйса поправится и можно будет изыскать средства на новую поездку,— она отправилась в Денвер, где сразу же убедилась, что даже с ее приездом о быстром выздоровлении старика не может быть и речи.

А Клайд остался коротать время, раздумывая и пытаясь как-то приспособиться к существованию в этом духовном аду, над которым, как над Дантовым адом, можно было написать: «Оставь надежду всяк сюда входящий».

Беспросветность. Тупой, но нестерпимый гнет. Ужас и отчаяние, постоянно, неотвязно владеющие всеми — смельчаками и трусами, склонными к браваде и впавшими в полное безразличие (были даже и такие),— всеми, кто вынужден еще думать и ждать. Ибо, по условиям этой особенно жестокой и тягостной тюремной обстановки, он находился в постоянном, если не физическом, то психическом общении с двадцатью другими осужденными разного нрава и разных национальностей, и каждый из них, так же как и он сам, не устоял перед какой-нибудь страстью или слабостью своей натуры или роковым стечением обстоятельств. И заключительным актом драмы явилось убийство, давшее исход предельному напряжению душевных и телесных сил; а потом, пережив поимку и арест и пройдя через мучительные этапы безуспешных попыток юридической и нравственной самозащиты,— так хорошо знакомые и Клайду,— все они очутились здесь, запертые, замурованные в одной из двадцати двух железных клеток, в ожидании — чего? О, они хорошо знали — чего, хорошо знал и он. Какие страшные припадки бешенства, отчаяния, молитвенного экстаза приходилось здесь слышать и наблюдать! А иногда — ругань, грубые и

непристойные шутки, длинные рассказы во всеуслышание, похотливый смех или вздохи и стоны в те поздние часы, когда должен был наступить отдых для тела и для истомленной души.

В конце длинного центрального коридора был дворик для прогулок, и туда, дважды в день, между десятью и пятью часами, выводили на несколько минут заключенных группами по пять-шесть человек размять ноги, подышать воздухом, проделать несколько гимнастических упражнений или даже побегать и попрыгать, если у кого-нибудь появлялась охота. Но все это под неусыпным надзором охраны, достаточно многочисленной, чтобы сладить с ними в случае попытки бунта. Сюда же, со второго дня его пребывания в тюрьме, стали выводить и Клайда, каждый раз с другой группой. Но первое время он был твердо убежден, что никогда не примет участия в жалких развлечениях, которые, несмотря на атмосферу обреченности, царившую кругом, видимо доставляли удовольствие другим узникам.

Два черноглазых мрачных итальянца: один зарезал девушку, которая не пожелала выйти за него замуж; другой ограбил и убил своего тестя, потому что ему и его жене не давали покоя деньги старика, а потом пытался сжечь труп. Великан Лэрри Донэхью с квадратной головой, с квадратными плечами, с огромными ручищами и ножищами, бывший солдат экспедиционных войск, который, лишившись места сторожа на одной из бруклинских фабрик, подстерег ночью уволившего его директора и убил, но при этом имел неосторожность потерять на месте преступления военную медаль, и по ней его опознали и изловили. Все это Клайд узнал от тюремщиков, которые несли при них охрану попарно, сменяясь через каждые восемь часов; к заключенным они относились на редкость равнодушно, но в общем довольно снисходительно. Был тут и полицейский, некто Райордан из Рочестера; он убил свою жену за то, что она хотела уйти от него, а теперь и сам должен был умереть. И Томас Маурер, тот самый «фермер», стоны которого Клайд слышал в первый вечер,— на самом деле это был батрак с фермы, заколовший своего хозяина вилами: до казни ему осталось всего несколько дней,— так сказали Клайду,— и на прогулке он все шагал и шагал вдоль самой стены, понурив голову, заложив руки за спину, сильный, неуклюжий человек лет тридцати, на вид такой прибитый и загнанный, что его трудно было представить себе в роли мучителя и убийцы. Клайд глядел на него и думал: неужели он в самом деле виновен?

Затем — Миллер Николсон, адвокат из Буффало, лет сорока, высокий, стройный, внешне выгодно отличавшийся от всех остальных — утонченный интеллигент, так же мало похожий на убийцу, как и сам Клайд; и тем не менее он был осужден за то, что отравил богатого старика и пытался завладеть его состоянием. Глядя на него, никак нельзя было подумать, что он совершил такое страшное злодеяние,— так, по крайней мере, казалось Клайду.

Этот адвокат был вежливый, любезный; он в первое же утро, заметив Клайда, подошел к нему и спросил: «Страшно?» — таким ласковым, участливым тоном, что Клайд поневоле был тронут его добротой, хотя от ужаса совсем оцепенел, боялся даже шевелиться, даже думать.

Повинуясь этому чувству ужаса, сознанию, что он погиб, Клайд ответил:

— Да, как будто страшно.

И тотчас сам изумился своему унизительному признанию, и именно потому, что в этом человеке было что-то ободряющее, пожалел о сказанном.

— Ведь ваша фамилия — Грифитс?

— Да.

— А моя — Николсон. Не бойтесь. Скоро привыкнете.

Он улыбнулся бледной ласковой улыбкой. Но в глазах у него улыбки не было.

— Да нет, не так уж мне страшно,— возразил Клайд, стараясь сгладить впечатление от своего первого, слишком поспешного ответа.

— Ну, тем лучше. Не вешайте носа. Нам нельзя распускаться, иначе здесь совсем с ума сойдешь. Лучше старайтесь побольше наглотаться свежего воздуха. Походите быстрым шагом. Увидите, как это помогает.

Он отошел на несколько шагов и стал делать различные гимнастические упражнения для рук, а Клайд, все еще не овладевший собой, старался стоять на том же месте, повторяя чуть не вслух: «Нам нельзя распускаться, иначе здесь совсем с ума сойдешь». Справедливые слова,— разве не почувствовал он это в первую же свою ночь в тюрьме? Именно — сойдешь с ума. Или замучит насмерть постоянное созерцание чужих трагедий, их страшная, разрушительная сила. Но долго ли ему придется это терпеть? Надолго ли хватит у него сил?

Но прошел день или два, и он убедился, что не все в Доме смерти так мрачно, как ему показалось сначала; не все в нем сплошной ужас, по крайней мере, внешне. В самом деле,

несмотря на близость смерти, тяготевшую над каждым обитателем, здесь шутили, смеялись, насмешничали, даже играли, спорили на все мыслимые темы от смерти до женщин и спорта, состязались в разных видах человеческого остроумия или его отсутствия,— все это применительно к довольно низкому общему уровню развития.

Сейчас же после завтрака те, кто не попадал в первую очередь на прогулку, принимались обычно за шашки или карты. Это не значит, что играющие выходили из своих камер и усаживались вдвоем за одной доской или сдавали партнерам карты из одной колоды: нет, просто тюремщик вручал каждому любителю шашек доску, но без фигур. В них не было надобности. Один из игроков объявлял ход: f2—e1. Горизонтальные ряды клеток обозначались цифрами, а вертикальные — буквами. Ходы отмечали карандашом.

Второй игрок, отметив на своей доске ход противника и изучив, как он отразился на его положении, в свою очередь объявлял: e7—f5. Если находились охотники принять участие в игре на стороне того или иного из сражающихся, каждому тоже приносили доску и карандаш. И тогда можно было услышать голос, скажем, «Коротышки» Бристола, заинтересованного в победе «Голландца» Суигхорта, который сидел за три камеры от него:

— Не советую, Голландец. Погоди минутку, тут можно лучше пойти.

И игра продолжалась под крики, насмешки, хохот, споры по поводу каждого промаха или удачи. Так же играли и в карты. Здесь тоже каждый партнер оставался запертым у себя в камере, однако интерес игры от этого не страдал.

Но Клайд не любил карт и не находил удовольствия в грубой болтовне, длившейся часами. За исключением одного только Николсона, все кругом изощрялись в непристойных и даже оскорбительных выражениях, которые резали его слух. К Николсону его тянуло. Спустя некоторое время ему стало казаться, что близость адвоката, дружеские беседы с ним во время прогулки, когда они попадали в одну группу, помогут ему вынести все это. Николсон был самым интеллигентным, самым приличным из всех обитателей тюрьмы. Остальные резко отличались от него: они либо угрюмо молчали, либо,— что случалось чаще,— говорили, но их речи казались Клайду слишком мрачными, грубыми или непонятными.

Шла вторая неделя его пребывания в тюрьме, и благодаря Николсону он уже начал чувствовать себя немного тверже, но

вот наступил день, назначенный для казни Паскуале Кутроне, итальянца из Бруклина, который убил родного брата за то, что тот пытался соблазнить его жену. Паскуале занимал одну из камер у скрещения коридоров, и Клайд слышал, что от страха он несколько помутился в уме. Во всяком случае, его никогда не выводили на прогулку вместе с остальными. Но Клайду хорошо запомнилось его лицо, которое он видел, проходя мимо,— жуткое, исхудалое лицо, как бы разрезанное натрое двумя глубокими бороздами — тюремными складками горя,— шедшими от глаз к углам рта.

В тот вечер, когда Клайд был доставлен в тюрьму, Паскуале вдруг начал молиться, и молился, не переставая, день и ночь. Потом оказалось: его предупредили, что ему предстоит умереть на следующей неделе. После этого он и стал ползать по камере на четвереньках, целовать пол и лизать ноги Христа на небольшом бронзовом распятии. Несколько раз навещали его брат и сестра, только что приехавшие из Италии, и для свидания с ними его выводили в старый Дом смерти. Но кругом шептались, что помраченный разум Паскуале уже не может воспринять никаких родственных утешений.

Весь день и всю ночь, за исключением этих часов свиданий, он ползал взад и вперед и бормотал молитвы, и те из заключенных, которые не могли уснуть и читали, чтобы скоротать время, должны были беспрестанно слушать его бормотанье и постукиванье четок, на которых он отсчитывал бесчисленные «Отче наш» и «Ave Maria».

И так без конца, без конца — хоть порой и раздавался откуда-нибудь жалобный голос: «О, господи, хоть бы он поспал немного!» И снова глухой стук земного поклона — и снова молитва, и так до самого кануна казни, когда Паскуале перевели в старый Дом смерти, где, как Клайд узнал позднее, происходили последние прощания, если было с кем прощаться. Кроме того, осужденному предоставлялось несколько часов покоя и уединения, чтобы он мог приготовить свою душу к свиданию с творцом.

Но страшное смятение овладело в ту ночь всеми обитателями рокового Дома. Почти никто не прикоснулся к ужину, о чем говорили унесенные подносы. В камерах царила тишина, кое-кто молился вполголоса, зная, что и ему в недалеком будущем предстоит та же участь. Потом с одним итальянцем, осужденным за убийство сторожа в банке, сделался нервный припадок: он стал кричать, разломал свой стул и стол о прутья решетки, в клочья изодрал простыни на постели и даже

пытался удавиться, но его связали и унесли в другое отделение тюрьмы, где врач должен был установить его вменяемость.

Остальные во время всей этой суматохи метались по своим камерам и твердили молитвы, а некоторые звали тюремщиков и требовали, чтоб те навели порядок. А Клайд, который никогда еще не переживал и не представлял себе ничего подобного, дрожал неуемной дрожью от страха и отвращения. Всю эту ночь, последнюю ночь жизни Паскуале Кутроне, он лежал на койке, отгоняя кошмары. Вот, значит, какова здесь смерть: люди кричат, молятся, сходят с ума, но страшное действо, несмотря ни на что, совершается своим чередом. В десять часов, чтобы успокоить тех, кто еще оставался жить, принесли холодную закуску, но никто не стал есть, кроме китайца, что сидел напротив Клайда.

А на рассвете следующего дня, ровно в четыре, тюремные служители, выполняя свою страшную обязанность, бесшумно появились в центральном коридоре и задернули тяжелые зеленые занавеси перед решетками камер, чтобы никто не увидел, как роковая процессия пройдет из старого Дома смерти в комнату казней. Но, несмотря на эту предосторожность, Клайд и все остальные проснулись при первом же звуке.

Вот она, казнь! Час смерти пробил. Это был сигнал. Те из заключенных, которых страх, или раскаяние, или врожденное религиозное чувство побуждали искать защиты и утешения в вере, стояли на коленях и молились. Остальные — кто просто шагал по камере, кто бормотал что-то про себя. А другие вскрикивали порой, не совладав с лихорадочным приступом ужаса.

Клайд же точно отупел и онемел. Даже мысли в нем замерли. Сейчас там, в той комнате, убьют человека. Стул, этот стул, который с первого дня стоял перед ним неотвязным кошмаром, он здесь, совсем близко. Но ведь и мать и Джефсон говорили, что его срок наступит еще очень нескоро, если только... если вообще наступит... если... если...

Новые звуки. Чьи-то шаги взад и вперед по коридору. Где-то далеко стукнула дверь камеры. А это отворяется дверь старого Дома,— совершенно ясно, потому что теперь стал слышен голос, голоса... пока еще только смутный гул. Вот еще голос, более отчетливый, будто кто-то читает молитву. Зловещее шарканье подошв — процессия движется по коридору.

— Боже, смилуйся над нами! Иисусе, смилуйся!

— Мария! Преблагая мати Мария! мати милосердная, молись обо мне! Ангел-хранитель, молись обо мне!

— Святая Мария, молись обо мне! Святой Иосиф, молись

обо мне! Святой Амвросий, молись обо мне! Все святые и ангелы, молитесь обо мне!

— Святой Михаил, молись обо мне! Ангел-хранитель, молись обо мне!

То был голос священника, который сопровождал осужденного на смерть и напутствовал его священными словами. А тот, говорили, давно не в своем уме. Но ведь вот и его голос тоже слышится. Да, его. Клайд узнал этот голос. За последнее время он достаточно часто его слышал. Вот сейчас отворится *та,* другая дверь. Он заглянет туда — человек, осужденный умереть,— так скоро, так скоро... увидит... все увидит... этот шлем... эти ремни. О, Клайд уже хорошо знает, какие они на вид, хотя ему, может быть, никогда не придется надеть их... может быть...

— Прощай, Кутроне! — хриплый, срывающийся голос из какой-то камеры неподалеку. Клайд не мог определить, из какой именно.— Счастливого пути в лучший мир!

И тотчас другие голоса подхватили:

— Прощай, Кутроне! Храни тебя господь, хоть ты и не говоришь по-английски.

Процессия прошла. Хлопнула *та* дверь. Вот он уже там. Сейчас его, наверно, привязывают ремнями. Спрашивают, не хочет ли он сказать еще что-нибудь,— он, который не в своем уме. Теперь, наверно, ремни уже закрепили. Надели шлем. Еще миг, еще один миг, и...

Тут — хотя Клайд в ту минуту не заметил или не понял — все лампочки в камерах, в коридорах, во всей тюрьме вдруг мигнули: по чьей-то глупости или недомыслию электрический стул получал ток от той же сети, что и освещение. И сейчас же кто-то отозвался:

— Вот оно. Готово. Крышка парню.

И кто-то другой:

— Да, сыграл в ящик, бедняга.

А через минуту лампочки мигнули снова и через полминуты еще раз, третий.

— Так. Ну вот и конец.

— Да. Теперь он уже видит, что там, на том свете, делается.

И потом тишина — гробовое молчание. И только изредка слышно, как кто-то шепчет молитву. Но Клайда бьет какая-то страшная, леденящая дрожь. Он не смеет даже думать, не то что плакать. Значит, вот как это бывает... Задергивают зеленые занавеси. А потом... потом... Паскуале нет больше. Трижды

мигнул свет. Это когда пропускали ток, ясно. Как он молился все эти ночи! Как стонал! Сколько бил земных поклонов! И ведь только минуту назад он был еще жив — шел вон там, по коридору. А теперь умер. А когда-нибудь и он... он сам... разве можно поручиться, что этого не будет? Разве можно?

Он лежал ничком, уткнувшись лицом в подушку, и непрестанно дрожал. Пришли тюремщики и отдернули зеленые занавеси — так спокойно, такими уверенными, живыми движениями, как будто в мире вовсе не было смерти. Потом он услышал разговор в коридоре; обращались не к нему — он слишком замкнуто держался до сих пор,— а к кому-то из его соседей.

Бедный Паскуале! Следовало бы вообще отменить смертную казнь. Начальник тюрьмы так считает. И они тоже. Начальник даже хлопочет об ее отмене.

Но Кутроне, Кутроне! Как он молился! А теперь его уже нет. Камера его пуста, и скоро в нее посадят другого, а рано или поздно и его не станет. И здесь, в этой камере, тоже раньше был другой... много других... таких же, как он, как Кутроне... и они лежали на этой койке... Клайд встал, пересел на стул. Но тот... те... тоже сидели на этом стуле. Он вскочил — и снова рухнул на койку. «Боже мой! Боже мой! Боже мой!» — повторял он про себя, и сразу ему вспомнился тот заключенный, который так напугал его в первый раз. Он еще здесь. Но скоро и его не станет. И так же будет со всеми остальными... может быть, и с ним, если только... если только...

Это была первая казнь при Клайде.

ГЛАВА XXXI

Между тем здоровье Эйсы поправлялось плохо, и прошло целых четыре месяца, прежде чем он окреп настолько, что мог хотя бы сидеть на постели, и миссис Грифитс получила возможность вновь подумать о своих выступлениях. Но за это время интерес публики к ней и к судьбе ее сына значительно упал. В Денвере не нашлось газеты, которая сочла бы для себя выгодным финансировать ее поездку. Что же касается жителей того края, где совершилось преступление, они, правда, еще достаточно хорошо помнили все дело и к самой миссис Грифитс относились с сочувствием, но на сына ее почти все смотрели как на преступника, получившего по заслугам, и поэтому считали, что апелляцию вообще незачем подавать, а если она будет по-

дана, то решение должно быть отрицательным. Уж эти преступники со своими бесконечными апелляциями!

А в обиталище Клайда казнь следовала за казнью, но каждый раз он к ужасу своему убеждался, что к таким вещам не привыкают. Был казнен батрак Маурер за убийство хозяина, полицейский Райордан за убийство жены,— и каким бравым воякой он казался всего за минуту до смерти! В том же месяце настала очередь китайца, у которого почему-то все это особенно затянулось (пошел он на смерть, никому ничего не сказав на прощанье, хотя известно было, что несколько слов по-английски он знает). А следующим оказался Лэрри Донэхью, солдат экспедиционной армии; этот храбро крикнул перед тем, как дверь за ним закрылась:

— Прощайте, ребята! Желаю счастья!

А затем... о, это было самое ужасное, самое тяжелое для Клайда,— казалось даже, что после этого у него не хватит сил тянуть дальше унылую лямку тюремного существования,— настал черед Миллера Николсона. За эти пять месяцев они так привыкли гулять вместе, беседовать, иногда переговариваться, сидя в своих камерах, и Николсон советовал ему, какие книги читать, и дал одно очень ценное указание на случай пересмотра дела и вторичного суда, а именно: всеми способами протестовать против публичного оглашения писем Роберты на том основании, что сила их эмоционального воздействия на любой состав присяжных препятствует трезвой и беспристрастной оценке фактов, о которых в них идет речь, и добиваться, чтобы вместо оглашения их полностью были сделаны выборки по существу и только эти выборки представлены присяжным на рассмотрение.

— Если вашим адвокатам удастся убедить апелляционный суд в справедливости такого требования, можете считать свое дело выигранным.

Клайд тотчас же потребовал свидания с Джефсоном и передал ему это соображение, которое Джефсон признал совершенно разумным и сказал, что они с Белнепом непременно используют его, составляя апелляционную жалобу.

Но однажды тюремщик, запирая Клайда после возвращения с прогулки, мотнул головой в сторону камеры Николсона и шепнул:

— Следующая очередь — его. Он вам сказал? Через три дня.

Клайд содрогнулся — на него точно дохнуло ледяным холодом при этом известии. Только что они гуляли вместе, раз-

говаривая о новом заключенном, поступившем сегодня,— венгерце из Утики, который сжег в печи свою любовницу и сам потом сознался. Это был огромный, тупой, невежественный детина с лицом химеры. Николсон говорил, что в нем, безусловно, больше от животного, чем от человека. Но о себе Николсон так и не сказал ни слова. Через три дня! А он так спокойно гулял и разговаривал, как будто ничего особенного не должно было произойти, хотя, по словам тюремщика, его предупредили еще накануне.

И на другой день он вел себя так же: гулял, разговаривал как ни в чем не бывало, смотрел на небо и дышал свежим воздухом. Зато Клайд, который всю ночь не мог уснуть от одних только мыслей об этом, шагая с ним рядом, чувствовал себя совсем разбитым и больным, так что не в силах был вести разговор и только думал: «И он еще может гулять! И казаться таким спокойным! Что же это за человек такой?» — и замирал от благоговейного ужаса.

На следующее утро Николсон не вышел на прогулку: он сидел у себя в камере и рвал письма, которые он во множестве получал со всех сторон. Около полудня он окликнул Клайда, сидевшего через две камеры от него:

— Я вам тут кое-что посылаю на память.

И ни слова о том, что его ожидало.

Надзиратель передал Клайду две книги: «Робинзона Крузо» и «Тысячу и одну ночь». Вечером Николсона перевели в старый Дом смерти, а на рассвете повторилась обычная процедура: зеленые занавеси, шаги зловещей процессии по коридору — все то, что было уже так хорошо знакомо Клайду. Но на этот раз он ощущал происходящее особенно остро, с особенной мукой. И перед тем как хлопнула дверь,— голос:

— Храни вас всех бог, друзья! Желаю вам благополучно выбраться отсюда.

А потом та страшная тишина, которая всегда водворялась под конец.

Для Клайда настала пора полного одиночества. Не было теперь никого — ни одного человека, который хоть сколько-нибудь был бы ему близок. Ему оставалось только думать, или читать, или делать вид, будто он интересуется разговорами окружающих, потому что интересоваться ими на самом деле он не мог. Склад его ума был таков, что если ему удавалось отвлечься мысленно от своей несчастной судьбы, его больше влекло к мечтам, чем к действительности. Легкие романтические произведения, рисовавшие тот мир, в каком ему хотелось

бы жить, он предпочитал книгам, которые напоминали о суровой неприглядности подлинной жизни, не говоря уже о его жизни в тюрьме. А что ожидало его впереди? Он был так одинок! Только письма матери, брата и сестер нарушали это одиночество. Но в Денвере все обстояло неважно: здоровье Эйсы не поправлялось, мать не могла еще и думать о возвращении. Она подыскивала себе какое-нибудь дело, которое можно было бы совместить с уходом за больным,— занятия в религиозной школе, например. Но она обратилась к преподобному Данкену Мак-Миллану, молодому священнику, с которым познакомилась во время своих выступлений в Сиракузах, и просила его побывать у Клайда. Это очень добрый, большой души человек. И она убеждена, что Клайд обретет в нем поддержку и опору в эти горькие дни, когда сама она не может быть с ним рядом.

Еще в то время, когда миссис Грифитс искала помощи у клерикальных авторитетов округа,— что, как известно, не увенчалось успехом,— она повстречалась с преподобным Данкеном Мак-Милланом. Это было в Сиракузах, где он возглавлял маленькую независимую церковную общину, не принадлежавшую ни к какой определенной секте. Он был молод и так же, как Эйса и она сама, священствовал, не имея духовного сана, однако обладал гораздо более энергичным и пламенным религиозным темпераментом. Еще до появления на сцене миссис Грифитс он много читал о Клайде и о Роберте и считал вынесенный приговор справедливым и не вызывающим сомнений. Но горе миссис Грифитс и ее метания в поисках помощи глубоко тронули его сердце.

Он сам был преданным сыном. И благодаря своей возвышенно поэтической и эмоциональной, несмотря на подавленную сексуальность, натуре он был одним из немногих жителей этого северного края, кого всерьез глубоко взволновали обстоятельства преступления, приписываемого Клайду. Эти письма Роберты, полные страсти и муки! Эта печальная жизнь, которую она вела в Ликурге и в Бильце! Сколько раз он задумывался над всем этим еще до своей встречи с миссис Грифитс. Простые и высокие добродетели, носителями которых были, видимо, Роберта и ее родные в тихом поэтическом мирке, откуда они вышли! Виновность Клайда, казалось, не подлежала сомнению. Но вот неожиданно появляется миссис Грифитс, жалкая, убитая горем, и утверждает, что сын ее не виновен. А где-то там, в тюремной камере, сидит обреченный на смерть Клайд. Возможно ли, что в силу несчастного стечения обстоя-

тельств допущена судебная ошибка и Клайд осужден безвинно?

Мак-Миллан был человек редкого темперамента — неукротимый, не знающий компромиссов. Настоящий святой Бернар, Савонарола, святой Симеон, Петр Отшельник наших дней. Все формы жизни, мышления, общественной организации для него были словом, выражением, дыханием господа. Именно так и не иначе. Однако в его представлении о мире находилось место и дьяволу с его сатанинской злобой — Люциферу, изгнанному из рая. Любил он размышлять о Нагорной проповеди, о святом Иоанне, который видел Христа и истолковал слово его: «Кто не со мною, тот против меня; кто не собирает со мною, тот расточает». В общем, это была своеобразная, сильная, богатая, смятенная, добрая и по-своему прекрасная душа, истомившаяся жаждой справедливости, недостижимой на земле.

Миссис Грифитс, беседуя с ним, настойчиво напоминала, что и Роберта была не безгрешна. Разве не согрешила она вместе с Клайдом? Как же можно полностью оправдывать ее? Тут большая юридическая ошибка. Сын осужден несправедливо — и все из-за жалостных, но тем не менее исполненных романтики писем этой девушки, писем, которые вообще не следовало показывать присяжным. Мужчины, утверждала миссис Грифитс, не способны судить справедливо и беспристрастно там, где речь идет о горестях молодой и красивой девушки. Она достаточно убедилась в этом на своей миссионерской работе.

Эта мысль показалась преподобному Данкену существенной и верной. А миссис Грифитс между тем продолжала: если бы какой-нибудь авторитетный и справедливый посланец божий посетил Клайда и силою своей веры и слова божьего заставил бы его понять то, чего он до сих пор не понимает и чего она, как мать, и притом угнетенная горем, не в силах ему разъяснить,— всю глубину и весь позор его греха с Робертой и все, чем этот грех грозит его бессмертной душе в этом мире и в будущем,— он преисполнился бы благодарности, веры и уважения к богу, и содеянное им зло было бы смыто. Ведь все равно, совершил он приписываемое ему преступление или нет,— она-то уверена, что нет! — но сейчас ему угрожает электрический стул, угрожает опасность окончить свое земное существование и предстать перед творцом с душой, отягченной смертным грехом прелюбодейства, не говоря уже о лжи и двоедушии, в которых он повинен не только перед Робертой, но и перед той, другой девушкой из Ликурга. А признание своих заблуждений и покаяние очистит его от этой скверны. Только бы спасти его душу, и тогда она — да и он — обретут покой.

И вот после двух умоляющих писем от миссис Грифитс, уже из Денвера, в которых она описывала ему одиночество Клайда и то, как он нуждается в помощи и совете, преподобный Данкен отправился в Оберн. И, разъяснив начальнику тюрьмы истинную цель своего посещения,— спасение души Клайда во имя его собственного благополучия, и благополучия его матери, и во славу божию,— получил право доступа в Дом смерти и в камеру Клайда. У самой двери он помедлил, разглядывая внутренность камеры и жалкую фигуру Клайда, свернувшегося на койке с книгой в руке. Затем Мак-Миллан приник своим длинным худощавым телом к прутьям решетки и без всякого вступления, склонив голову в молитвенном порыве, начал:

— «Помилуй меня, боже, по великой милости твоей и по множеству щедрот твоих изгладь беззакония мои.

Многократно омой меня от беззакония моего, и от греха моего очисти меня.

Ибо беззакония мои я сознаю, и грех мой всегда передо мною.

Тебе, тебе единому согрешил я, и лукавое пред очами твоими сделал, так что ты праведен в приговоре твоем и чист в суде твоем.

Вот, я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя.

Вот, ты возлюбил истину в сердце и внутрь меня явил мне мудрость твою.

Окропи меня иссопом, и буду чист; омой меня, и буду белее снега.

Дай мне услышать радость и веселие, и возрадуются кости, тобою сокрушенные.

Отврати лицо твое от грехов моих, и изгладь все беззакония мои.

Сердце чистое сотвори во мне, боже, и дух правый обнови внутри меня.

Не отвергни меня от лица твоего, и духа твоего святого не отними от меня.

Возврати мне радость спасения твоего и духом владычественным утверди меня.

Научу беззаконных путям твоим, и нечестивые к тебе обратятся.

Избавь меня от кровей, боже, боже спасения моего, и язык мой восхвалит правду твою.

Господи! Отверзи уста мои, и уста мои возвестят хвалу твою.

Ибо жертвы ты не желаешь,— я дал бы ее; к всесожжению не благоволишь.

Жертва богу — дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного ты не презришь, боже».

Он умолк, только когда своим звучным, удивительно богатым по интонации голосом дочитал 50-й псалом до конца. Между тем Клайд в полном недоумении сначала присел на койке, потом, привлеченный обаянием этого юношески стройного, крепкого на вид, хотя и бледного человека, встал и подошел к двери,— и, видя это, гость поднял голову и произнес:

— Клайд, я принес вам милость и спасение господне. Он призвал меня — и вот я здесь. Он послал меня возвестить вам, что, если грехи ваши красны, как кровь, они станут белы, как снег. И если они алы, как пурпур, убелятся, как руно. Давайте же войдем в размышление о силах господа бога.

Он помолчал, ласково глядя на Клайда. Светлая, немного мечтательная юношеская полуулыбка играла у него на губах. Его подкупала молодость и сдержанность Клайда, а тот, в свою очередь, явно все больше поддавался обаянию необыкновенного гостя. Еще новый священник, конечно. Но совсем не похож на тюремного пастора, в котором нет ничего привлекательного и располагающего.

— Меня зовут Данкен Мак-Миллан,— сказал гость,— и я из Сиракуз, где тружусь во славу господа. Это он послал меня сюда, он и вашу мать направил ко мне. Из ее слов я понял, что́ она думает о вашем деле. Из газет узнал, что́ вы сами говорили. И мне известно, почему вы здесь. Но я здесь затем, чтобы дать вам радость и веселие духовное.— И он вдруг привел третий стих из 12-го псалма: — «Доколе мне слагать советы в душе моей, скорбь в сердце моем день и ночь». Это псалом двенадцатый, стих третий. А вот и еще слова, которые приходят мне на память,— слова, которые я должен сказать вам. Это тоже из Библии — псалом девятый: «Говорит в сердце своем: «не поколеблюсь; в род и род не приключится *мне* зла». Но вот вам приключилось зло. Всем нам, нечестивым, не миновать этого. А вот и еще слова, которые вам полезно услышать,— это из девятого псалма, стих тридцать второй: «Говорит в сердце своем: «забыл бог, закрыл лицо свое, не увидит никогда». Но мне велено сказать вам, что бог не закрыл лица своего. Мне велено привести вам еще вот эти слова из семнадцатого псалма:

«Они восстали на меня в день бедствия моего; но господь был мне опорою».

«Он простер *руку* с высоты и взял меня и извлек меня из вод многих».

«Избавил меня от врага моего сильного и от ненавидящих меня, которые были сильнее меня».

«Он вывел меня на пространное место и избавил меня; ибо он благоволит ко мне».

Клайд, все это слова, обращенные к вам. Они приходят мне на ум здесь в беседе с вами, словно кто-то шепотом подсказывает мне их. Я лишь рупор, доносящий эти слова, сказанные непосредственно для вас. Спросите же совета у собственного сердца. Обратитесь из тьмы к свету. Разобьем оковы горя и уныния; разгоним тень и мрак. Вы согрешили. Господь может простить вас и простит. Покайтесь. Придите к тому, кто создал этот мир и хранит его. Он не отвергнет ваших молитв, не презрит веры вашей. Обратитесь к господу — внутри себя, не покидая этих тесных стен, и скажите: «Боже, помоги мне! Боже, услышь мою молитву! Боже, дай свет очам моим!»

Или вы думаете, что нет бога, что он не ответит вам? Молитесь. В бедствии прибегайте лишь к нему, не ко мне, ни к кому иному. Лишь к нему одному. Молитесь. Говорите с ним. Взывайте к нему. Поведайте ему правду и просите его о помощи. И если только в душе своей вы подлинно раскаиваетесь в содеянном зле, воистину, воистину вы услышите его и восчувствуете — это так же верно, как то, что я сейчас стою перед вами. Он возьмет вас за руку. Он войдет в эту камеру и войдет в душу вашу. Вы узнаете его по тому свету и покою, которых исполнится ваш разум и ваше сердце. Молитесь. А если вы почувствуете, что я могу что-нибудь сделать для вас — помолиться с вами, оказать какую-либо услугу, просто скрасить на время ваше одиночество,— вам стоит только позвать меня, хотя бы почтовой открыткой. Я дал слово вашей матери и готов сделать все, что только в моих силах. Мой адрес есть у начальника тюрьмы.

Он остановился, произнеся последние слова особенно веско и вразумительно, потому что до сих пор во взгляде Клайда было больше любопытства и удивления, чем каких-либо иных чувств.

Но юный, почти мальчишеский облик Клайда и какое-то жалкое, беспомощное выражение, не покидавшее его после отъезда матери и казни Николсона, заставили Мак-Миллана тут же прибавить:

— Помните, я всегда в вашем распоряжении. У меня

много работы в Сиракузах, но я охотно прерву ее, как только узнаю, что могу еще чем-нибудь быть вам полезен.

С этими словами он повернулся, словно собираясь уйти. Но Клайд, уже плененный им — тем дыханием жизни, уверенности и добра, которым вдруг повеяло от священника среди вечного напряжения, страха и одиночества, непрестанно мучивших его в тюрьме,— воскликнул вслед Мак-Миллану:

— Не уходите еще! Пожалуйста, не уходите. Это так хорошо с вашей стороны, что вы приехали навестить меня, и я вам так благодарен. Мне мать писала, что вы, может быть, приедете. Здесь, знаете, очень тоскливо. Может быть, я не слишком задумывался над теми вещами, о которых вы тут говорили, но это потому, что я за собой не чувствую той вины, какую мне приписывают. Но я очень жалею о многом. И, конечно, всякий, кто сюда попадает, платится очень горько.

Взгляд у него был напряженный и грустный.

И Мак-Миллан, только сейчас глубоко, по-настоящему тронутый, поспешил откликнуться:

— Не печальтесь, Клайд. Я снова приеду к вам не позже, чем через неделю, ведь теперь я вижу, что нужен вам. Я не потому прошу вас молиться, что считаю вас виновным в смерти Роберты Олден. Этого я не знаю. Вы мне еще ничего не говорили. Все ваши грехи и все ваши печали известны только вам да господу богу. Но я знаю, что вы нуждаетесь в духовной поддержке, а это вы найдете — верьте мне. «И будет господь прибежищем страждущему, прибежищем в час бедствия».

Он улыбнулся так, будто уже по-настоящему полюбил Клайда. И Клайд, к немалому своему удивлению почувствовав это, ответил, что сейчас ему ничего не нужно, он только просит сообщить матери, что здоров, и, если можно, хоть немножко ее подбодрить. Письма от нее приходят очень печальные. Она слишком тревожится за него. По правде сказать, он и сам чувствует себя неважно последние дни — тяжело и тревожно на душе. Что ж, не мудрено. Честное слово, если молитва может дать ему хоть немного покоя душевного, он с радостью будет молиться. Мать всегда старалась приучать его к этому, но, стыдно сознаться, он не очень-то прислушивался к ее советам. Вид у Клайда был удрученный и мрачный — лицо его давно уже приобрело землистый оттенок, характерный для тюремных узников.

И преподобный Данкен Мак-Миллан, окончательно растроганный его жалким положением, ответил:

— Ничего, Клайд, не печальтесь. Вот увидите, мир и бла-

годать снизойдут в вашу душу. Я в этом не сомневаюсь. У вас, я вижу, есть Библия. Откройте любую страницу псалтири и читайте — пятьдесят первый псалом, девяносто первый, двадцать третий. Откройте Евангелие от Иоанна, прочтите его все от начала и до конца. Размышляйте и молитесь — размышляйте обо всем, что вас окружает: о луне, звездах и солнце, о деревьях и море, о вашем собственном бьющемся сердце, о вашем теле, о вашей силе, и спросите себя: кто все это создал? Откуда взялось оно? И если не найдете объяснения, спросите себя еще: неужели у создавшего все это — и вас в том числе,— кто бы он ни был, где бы ни пребывал, не хватит мудрости и милосердия и силы помочь вам в час, когда вы нуждаетесь в помощи, просветить вас, утешить и указать вам путь? Только спросите себя: кто же творец этого зримого мира? А потом обратитесь к нему, создателю всего сущего, и у него ищите ответа, как быть и что делать. Не предавайтесь сомнениям. Спрашивайте — и вы получите ответ. Спрашивайте днем и ночью. Склоняйте голову, молитесь и ждите. Воистину он не оставит вас. Я знаю, потому что сам обрел покой душевный.

Он пристально посмотрел на Клайда, словно стараясь внушить ему свою веру, потом улыбнулся и пошел прочь. А Клайд задумался, прислонясь к решетке. Создатель! Его создатель! Создатель мира!.. Спрашивайте и получите ответ.

И все-таки еще жило в нем старое недоверие к религии и ее плодам — память о вечных, но напрасных молитвах и проповедях отца и матери. Неужели же теперь и он обратится к утешениям религии лишь потому, что ему тоже тяжело и страшно? Нет уж. Или, во всяком случае, не так.

Но все же преподобный Данкен Мак-Миллан — его жар и страстная вдохновенная сила убеждения, его юношеская ладная фигура, лицо, глаза — все это произвело на Клайда такое глубокое впечатление, какого никогда не производил ни один проповедник или священнослужитель. Вера этого человека заинтересовала, пленила и словно загипнотизировала его, хоть он и не знал, сумеет ли сам когда-нибудь до конца проникнуться такой верой.

ГЛАВА XXXII

Каких-нибудь полтора года назад человек типа преподобного Мак-Миллана вряд ли мог бы поразить Клайда силою духа и религиозного убеждения (поскольку он с детства при-

вык к таким вещам), но сейчас это произвело на него совсем иное впечатление. Сидя за решеткой, вдали от мира, вынужденный в силу ограниченности тюремной жизни искать прибежища и утешения в собственных мыслях, Клайд, как и всякий другой в подобных обстоятельствах, должен был сосредоточиться на своем прошедшем, настоящем или будущем. Но о прошедшем вспоминать было слишком тяжело. В нем все жгло и палило. А настоящее (его непосредственное окружение) и будущее с грозной неизбежностью того, что должно случиться, если апелляция окажется безуспешной, одинаково отпугивали его пробуждающееся сознание.

И произошло то, что неминуемо происходит при пробуждении сознания, омраченного тревогой. От того, что внушает страх или ненависть, но является неотвратимым, оно обращается к тому, что сулит надежду или хотя бы тешит мечтой. Но на что мог надеяться Клайд, о чем мечтать? Благодаря идее, поданной Николсоном, его мог спасти лишь один-единственный поворот судьбы — постановление о пересмотре дела, и если бы новый суд нашел возможным оправдать его, он мог бы уехать куда-нибудь подальше — в Австралию, Африку или Мексику и там, под другим именем, отказавшись от честолюбивых притязаний, связанных с высшими кругами общества, которые еще так недавно влекли его, тихо и скромно начать новую жизнь. Но путь к этим обнадеживающим мечтам преграждал грозный призрак — возможный отказ апелляционного суда направить дело на новое рассмотрение. Это вполне вероятно — после бриджбургского суда. И тут, как в том сне, когда он, попятившись от клубка змей, натолкнулся на рогатое чудовище, вставало перед ним страшное видение — стул из комнаты в конце коридора. *Тот* стул! Ремни и ток, от которого опять и опять мигал свет в Доме смерти. Мысль о том, что когда-нибудь придется переступить порог этой комнаты, была для него невыносима. И все-таки — вдруг апелляция встретит отказ? Нет! Не надо об этом думать.

Но если не об этом, о чем же тогда думать? Этот вопрос и мучил Клайда, когда появился преподобный Данкен Мак-Миллан и стал призывать его обратиться прямо к творцу всего живого с мольбой, которая (как он уверял) не могла остаться без ответа. И вот как просто разрешался этот вопрос!

— «Дано вам познать мир божий»,— настаивал Мак-Миллан словами апостола Павла и затем, приводя отдельные фразы из посланий к коринфянам, галатам, ефесянам, доказывал,

как легко Клайду,— если только он захочет исполнять все его наставления и молиться,— познать «мир божий, который превыше всякого ума», и насладиться им. Ибо мир этот с ним и вокруг него. Надобно лишь искать; сознаться в слабостях и заблуждениях души своей и принести покаяние. «Просите, и дано вам будет; ищите, и обрящете; стучите, и отворят вам. Ибо всякий просящий получает; и ищущий находит; и стучащему отворят. Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит хлеба, подал бы ему камень? И когда попросит рыбы, подал бы ему змею?» — Так, сосредоточенно и вдохновенно, повторял он святые слова.

И все же перед Клайдом неизменно стоял пример его отца и матери. Чего они добились в жизни? Не очень-то им помогли молитвы. Вот и здесь он пока не замечал, чтобы молитва помогла его товарищам по заключению, хотя большинство из них усердно слушало молитвы и увещания католического священника, раввина, пастора, каждый день поочередно навещавших тюрьму. Все равно, в назначенный срок каждый шел на смерть — кто с жалобами, кто с протестом, кто обезумев, как Кутроне, кто равнодушно. Что касается Клайда, то он до сих пор не обращал никакого внимания на священников. Чушь! Фантазии! А почему? Этого он не мог бы сказать. Но вот подобный Данкен Мак-Миллан. Его ясный, кроткий взгляд. Его мелодичный голос. Его вера. Она и тронула и заинтересовала Клайда. А может быть... может быть? Он так одинок, так несчастен, так нуждается в помощи.

И разве неправда (настолько уже успело сказаться влияние поучений Мак-Миллана), что если б он вел более добропорядочную жизнь,— больше прислушивался к словам и настояниям матери, не ходил бы в тот публичный дом в Канзас-Сити, не преследовал бы своими домогательствами Гортензию Бригс, а позднее Роберту, думал бы только о работе и сбережениях, как, должно быть, большинство людей,— все сложилось бы для него гораздо лучше. Но, с другой стороны, нельзя ведь отрицать, что существуют властные желания и стремления, которые так трудно побороть и вместе с тем нельзя заставить замолчать. Это тоже побуждало его задуматься. Но ведь вот многих других людей,— хотя бы его мать, дядю, двоюродного брата, этого священника,— по-видимому, не тревожат подобные чувства. Впрочем, иногда ему приходило в голову, что, быть может, и им знакомы те же страсти, но, обладая бо́льшей нравственной и духовной силой, они легче с ними справляются. Быть может, он просто давал слишком много воли этим мыслям и чувствам,

видимо, так считают его мать, и Мак-Миллан, и те, чьи речи ему пришлось слышать со времени ареста.

Что же это все означает? Есть ли бог? Вмешивается ли он в дела и поступки людей, как утверждает мистер Мак-Миллан? Верно ли, что в тяжкую минуту ты можешь обратиться к нему или к какой-то иной всемогущей силе и просить о помощи, даже если ты прежде никогда не верил? А помощь так нужна, когда ты одинок и покинут и находишься во власти закона — закона, а не людей, потому что все эти люди вокруг тебя только слуги закона. Но захочет ли эта таинственная сила помочь? Существует ли она, слышит ли людские молитвы? Преподобный Мак-Миллан утверждает, что да. «Говорит он: забыл бог; закрыл лицо свое. Но бог не забыл. Он не закрыл лицо». Но так ли это? Можно ли этому верить? Перед лицом смертельной опасности, томясь жаждой поддержки хотя бы моральной, если не материальной, Клайд занимался тем, чем занимается всякий при подобных обстоятельствах: искал — и притом самым окольным, извилистым путем, чуть ли не вслепую — признаков существования какой-нибудь, хотя бы сверхъестественной личности или силы, которая могла и захотела бы ему помочь; и он уже начинал склоняться — пока еще нетвердо и бессознательно — к приданию человеческих черт и свойств тем силам, которые были ему известны только в формах, подсказываемых религией. «Небеса возглашают славу господу, и твердь являет плоды трудов его». Он вспомнил плакат с этими словами в окне миссии, которой руководила его мать. Вспомнил и другой: «Ибо он есть жизнь твоя и мера дней твоих». И все-таки, даже при внезапном своем расположении к преподобному Данкену Мак-Миллану, неужели он серьезно готов допустить, что какая бы то ни было религия может дать ему избавление от его несчастья?

Но время шло, и не реже двух раз в месяц, а то и каждую неделю преподобный Мак-Миллан навещал Клайда в тюрьме, расспрашивал о его самочувствии, выслушивал его жалобы, давал советы, касавшиеся физического и душевного равновесия. И Клайд, боясь лишиться этого участия и этих встреч, все больше и больше поддавался его дружескому влиянию. Высокий дух этого человека. Его чудесный голос. И всегда он находит такие льющиеся в душу слова. «Братья, все мы — чада господни. И неведомо еще, чем мы будем; знаем только, что, когда он придет, будем подобны ему, ибо увидим его, как он есть. И всякий, имеющий сию надежду на него, очищает себя, так как господь чист».

«Узнаем, что пребываем в нем, он же в нас, ибо он уделил нам от духа своего».

«Ибо нам есть цена».

«По собственной воле зачал он нас словом истины, и мы должны быть как бы первыми плодами среди созданного им. И всякое благо, и всякий совершенный дар дарован свыше и исходит от отца всех светов, который не ведает перемен, ни тени отклонения».

«Приблизьтесь к господу, и он приблизится к вам».

Порой Клайд склонен был поверить, что, обратясь к этой силе, можно обрести мир и спокойствие, и даже — как знать? — реальную помощь. Так действовали на него настойчивость и сосредоточенность преподобного Мак-Миллана.

Но вставал вопрос о покаянии и, следовательно, об исповеди. Кому же исповедаться? Преподобному Мак-Миллану, разумеется. Тот как будто чувствовал потребность Клайда излить свою душу перед ним — или кем-нибудь ему подобным,— посланцем божьим, духовным, но облеченным во плоть. Но здесь-то и возникала трудность. Как быть с теми ложными показаниями, которые он давал на суде и на которых была основана вся его апелляция? Отречься от них сейчас, когда апелляционной жалобе уже дан ход? Лучше подождать, посмотреть, к чему приведет апелляция.

Ох, как он жалок, лицемерен, изменчив, фальшив! Станет господь бог нянчиться с человеком, который вот так торгуется по мелочам. Нет, нет! Это тоже неправильно. Что подумал бы о нем преподобный Мак-Миллан, если бы мог прочесть его мысли?

Но снова в сознании возникал тревожный вопрос о его подлинной виновности — о степени этой виновности. Конечно, он очень хорошо знал, что вначале у него был замысел убить Роберту — замысел, который сейчас казался ему ужасным. Потому что, когда немного рассеялся хаос противоречий и страстей, созданный его неистовым влечением к Сондре, он обрел способность рассуждать, не испытывая той безумной, болезненной одержимости, которая им владела в пору встречи с нею. Те смутные, страшные дни, когда он, помимо своей воли (теперь, после защитительной речи Белнепа, он это хорошо понимал), сгорал от страсти, которая в своих проявлениях напоминала какую-то форму душевной болезни... Прекрасная Сондра! Изумительная Сондра! Какая колдовская сила и огонь были тогда в ее улыбке. Даже сейчас пламя не совсем угасло

в нем — оно еще тлеет, наперекор всем страшным событиям, которые произошли за это время.

И нужно, необходимо отдать ему справедливость: никогда, ни при каких обстоятельствах не возникла бы у него такая страшная мысль или намерение — убить человека, девушку, да еще такую, как Роберта, если б не эта страсть, овладевшая им, подобно наваждению. Но не захотели же в Бриджбурге посчитаться с этим доводом. Захочет ли апелляционный суд? Наверно, не захочет. А между тем разве это неправда? Разве он в самом деле кругом виноват? Может ли преподобный Мак-Миллан или кто другой, услышав от него подробный рассказ обо всем, дать ответ на этот вопрос? Ему хотелось завести разговор с преподобным Мак-Милланом — признаться во всем, чтобы раз навсегда все стало ясно. Ведь пусть люди не знают этого, но бог знает,— замыслив злодеяние ради Сондры, он в конце концов не сумел его совершить. А на суде об этом не было речи, потому что ложная основа, избранная для защиты, не позволяла тогда раскрыть всю истину, а тут очень важное смягчающее обстоятельство,— сумеет ли преподобный Мак-Миллан это понять? Джефсон настоял на том, чтобы он солгал. Но разве от этого правда перестала быть правдой?

Вспоминая теперь свой дикий, жестокий замысел, Клайд ясно видел в нем такие моменты, такие запутанные и противоречивые обстоятельства, которые нельзя было просто взять и сбросить со счета. Самых серьезных было два: во-первых, когда он завез Роберту в дальнюю, безлюдную бухту на том озере и вдруг почувствовал, что не в состоянии совершить задуманное, его охватила такая жгучая и бессильная злоба на самого себя, что он испугал ее и тем самым заставил встать и сделать движение к нему. И тогда он случайно ударил ее, и таким образом все-таки выходит, что он в какой-то мере повинен в этом ударе — так ведь? — ударе, который в этом смысле оказался преступным. Может быть. Что скажет на это преподобный Мак-Миллан? И второе: раз от этого удара она в конце концов упала в воду — значит, он виноват в ее падении. Его теперь больше всего смущала мысль о его реальной, фактической вине в совершившемся несчастье. Правда, Оберуолцер на суде сказал (когда речь шла о том, как он уплыл от нее), что если она упала в воду нечаянно, то нежелание помочь ей еще не является преступлением с его стороны, но сам он теперь, рассматривая это в связи со всем своим прежним отношением к Роберте, приходил к мысли, что все равно преступление было. Разве бог — или Мак-Миллан — не рассудит так же? Совер-

шенно верно указал на процессе Мейсон — ведь он вполне мог ее спасти. И спас бы, без всякого сомнения, если бы это случилось с Сондрой или с тою же Робертой, но прошлым летом. А кроме того, страх, что она потащит его с собою под воду,— недостойный страх! (Обо всем этом он думал и спорил с самим собой по ночам, после того как Мак-Миллан стал побуждать его покаяться и примириться с богом.) Да, в этом он должен себе сознаться. Будь на месте Роберты Сондра, он тотчас же бросился бы спасать ее. А значит, он должен будет признать это и вслух, если решит покаяться перед Мак-Милланом или перед кем совершаются подобные покаяния... может быть даже, они приносятся публично? Но ведь такое покаяние, если на него решиться, наверняка приведет к его окончательному и безвозвратному осуждению. А разве он хочет признать себя виновным и умереть?

Нет, нет, лучше подождать еще немного, хотя бы до решения апелляционного суда. Зачем рисковать? Ведь бог все равно знает правду. А он горько, очень горько обо всем сожалеет. Он теперь хорошо понимает, как все это ужасно, сколько горя и несчастья, не говоря уже о смерти Роберты, он посеял кругом... Но... но жизнь так хороша... Ах, если бы только вырваться! Если бы только уйти отсюда и никогда больше не знать, не чувствовать, не вспоминать кошмара, который сейчас нависает над ним! Медленно сгущаются сумерки. Медленно наступает рассвет. Долгая ночь! Эти вздохи... эти стоны! Пытка, которая длится день и ночь, так что порой кажется: вот-вот он сойдет с ума; и наверно сошел бы, если бы не Мак-Миллан, который все больше и больше привязывается к нему и так умеет обласкать, утешить, ободрить. Как хорошо было бы как-нибудь сесть с ним рядом, здесь или в другом месте, и рассказать ему все, и от него услышать, виновен ли и насколько виновен,— и если виновен, то чтобы Мак-Миллан помолился за него! Иногда Клайд ясно чувствовал, что заступнические молитвы его матери и преподобного Данкена Мак-Миллана будут иметь бóльший успех у этого бога, чем его собственные. Он еще не мог молиться. И, слушая порою мягкий мелодичный голос Мак-Миллана, несущий к нему из-за решетки слова молитвы или посланий к галатам; коринфянам, фессалоникийцам, он думал, что нужно рассказать этому человеку все — и как можно скорей.

Но дни шли, а он упорно хранил молчание, так что преподобный Данкен стал уже терять надежду когда-либо склонить его к покаянию и спасению души, как вдруг через полтора ме-

сяца пришло письмо, вернее записка, от Сондры. Оно было получено через канцелярию начальника и передано Клайду преподобным Престоном Гилфордом, протестантским духовником тюрьмы. Подпись отсутствовала, но бумага была хорошая, дорогая. Согласно тюремным правилам, письмо распечатали и прочли. Но в содержании его начальник и преподобный Гилфорд не усмотрели ничего, кроме сочувствия и укора, а так как, кроме того, было совершенно очевидно, что автор — не кто иной, как неоднократно упоминавшаяся на суде мисс Х, то после должного размышления решено было, что Клайду можно прочесть письмо — и даже следует прочесть. Это может послужить ему полезным уроком. «Пути беззаконных...» А потому как-то под вечер — дело было осенью, сменившей долгое томительное лето, и уже шел к концу год пребывания Клайда в тюрьме — ему принесли это письмо. Он взял его в руки. И хотя оно было написано на машинке и не имело ни даты, ни обратного адреса (только почтовый штемпель был нью-йоркский), он мгновенно почувствовал, что это от Сондры. И сразу же разволновался — даже рука, державшая конверт, слегка задрожала. Потом прочел строчки, которые много дней после этого перечитывал без конца:

«Клайд! Эти строки пишутся для того, чтобы вы не думали, будто та, которая была вам дорога когда-то, совсем вас забыла. Она тоже много выстрадала. И хотя она никогда не поймет, как вы могли сделать то, что сделали, все же и сейчас, хотя вы с ней никогда больше не увидитесь, она жалеет вас и желает вам свободы и счастья».

Без подписи — без единого следа ее руки. Она побоялась подписать свое имя и внутренне уже настолько отдалилась от него, что не захотела даже сообщить, где она теперь. Нью-Йорк! Но письмо могло быть написано где угодно и только отправлено из Нью-Йорка. И он никогда не узнает... никогда не узнает... даже если умрет в этих стенах, что легко может случиться. Рухнула его последняя надежда, последний проблеск его мечты. Конец! Так бывает, когда ночь гасит последнюю слабую полоску света над горизонтом. Неясный розоватый отблеск — и затем полный мрак.

Он присел на койку. Полосатая ткань его жалкой одежды и серые войлочные туфли привлекли его взгляд. Уголовный преступник. Эти полосы. И туфли. И камера. И смутная угроза впереди, о которой всегда одинаково страшно думать. И теперь — это письмо. Вот и кончился его чудесный сон! И ради этого он так отчаянно стремился освободиться от Роберты —

готов был даже убить ее. Ради этого! Этого! Он повертел в руках письмо, потом руки его опустились. Где она теперь? В кого влюблена? За год ее чувства могли измениться. Может быть, у нее это было лишь легкое увлечение. А страшные вести о нем, вероятно, разбили всякое чувство к нему. Она свободна. Она хороша... богата. И, наверно, кто-нибудь другой...

Он встал и прошелся до двери камеры, чтобы заглушить растущую боль. Напротив, в камере, которую раньше занимал китаец, теперь сидел негр Уош Хиггинс. Говорили, что он зарезал в ресторане официанта, который отказался ему подавать и еще оскорбил вдобавок. А рядом сидел молодой еврей. Он убил владельца ювелирного магазина с целью грабежа. Но здесь, в ожидании казни, он все время был в подавленном, угнетенном состоянии — сидел целыми днями на койке, обхватив голову руками, и молчал. Клайд из своей камеры видел их обоих. Еврей сидел, как всегда, уронив голову на руки. А негр лежал на койке, закинув ногу на ногу, курил и пел:

Вот большое колесо катится — бумп!
Вот большое колесо катится — бумп!
Вот большое колесо катится — бумп!
Прямо на-а меня!

Клайд отвернулся, не в силах спастись от собственных мыслей.

Впереди казнь! Он должен умереть! А это письмо — знак, что и с Сондрой тоже все кончено. Ясно. Это — прощание. «Хотя вы с ней никогда больше не увидитесь...» Он бросился ничком на койку — не плакать, просто отдохнуть, он так устал. Ликург. Двенадцатое озеро. Смех... Поцелуи... Улыбки. Все, чего он жаждал прошлой осенью. И вот — год спустя...

Но тут раздался голос молодого еврея. Когда молчание становилось нестерпимым для его истерзанных нервов, он начинал бормотать нараспев что-то вроде молитвы, но так, что это надрывало душу. Многие из заключенных пытались протестовать. Но сейчас его причитания пришлись как нельзя более кстати.

— Я был злым. Я грешил. Я лгал. О-о-о! Я нарушал слово. В сердце моем гнездился порок. Я был заодно с теми, кто творил дурные дела. О-о-о! Я воровал. Я лицемерил. Я был жесток. О-о-о!

Из другого конца откликнулся Большой Том Рупп, осужденный за убийство Томаса Тайса, который отбил у него какую-то девицу из уголовного мира.

— Послушай, бога ради! Тебе нелегко, верно. Но ведь и мне не легче. Ради бога, перестань!

Клайд сидел на своей койке, и мысли его кружились в такт причитаниям еврея, безмолвно вторя им: «Я был злым. Я грешил. Я лгал. О-о-о! Я нарушал слово. В сердце моем гнездился порок. Я был заодно с теми, кто творил дурные дела. О-о-о! Я лицемерил. Я был жесток. Я замышлял убийство. О-о-о! А ради чего? Ради пустой, несбыточной мечты. О-о-о! О-о-о!»

Когда час спустя тюремщик поставил ужин на полку дверного окошка, Клайд не шевельнулся. Ужинать! И вернувшийся через полчаса тюремщик нашел поднос на том же месте нетронутым, как и у еврея напротив, и унес его, не сказав ни слова. Тюремщики знали, что, когда на обитателей этих клеток находит тоска, они не могут есть. А случалось, что даже самим тюремщикам не шел кусок в горло.

ГЛАВА XXXIII

Угнетенное состояние Клайда и через два дня не укрылось от Мак-Миллана, и он захотел узнать причину. В их последние встречи Клайд своим поведением дал ему право думать, что хотя не все его поучения воспринимаются так горячо, как хотелось бы, но все же Клайд мало-помалу начинает проникаться теми религиозными идеями, которые он пытался ему внушить. Казалось, он сумел довести до сознания Клайда мысль, что не следует предаваться унынию и отчаянию. Как! Разве путь к благодати господней не открыт для вас? Тот, кто ищет и находит господа,— а кто ищет, тот находит,— не ведает печали, но лишь радость. «Узнаем, что пребывали в нем, он же в нас, ибо он уделил нам от духа своего». Таков был смысл всех его поучений и цитат, и вот наконец через две недели после письма Сондры, все еще находясь под тем тяжелым впечатлением, которое это письмо на него произвело, Клайд попросил Мак-Миллана похлопотать у начальника тюрьмы, чтобы им разрешили уединиться в какой-нибудь другой камере, подальше от этой части тюрьмы, где, казалось Клайду, самые стены пропитаны были его тяжелыми мыслями, и там он, Клайд, хочет поговорить с ним и просить его совета. По-видимому, сказал он Мак-Миллану, он не в состоянии сам решить, как велика его ответственность за все то, что произошло в его жизни в последнее время, и именно потому не может обрести тот душевный по-

кой, о котором так много говорит преподобный Мак-Миллан. Может быть... может быть, он заблуждается в чем-то основном. Одним словом, он хотел бы обсудить с Мак-Милланом все подробности преступления, в котором его обвиняют, и выяснить, нет ли ошибки в том, как он сам ко всему этому относится. У него возникли кое-какие сомнения. И Мак-Миллан, сильно взволнованный,— это ли не духовная победа, это ли не вознаграждение за веру и благочестие! — поспешил к начальнику тюрьмы, который рад был содействовать такой благой цели и тут же разрешил ему свидание с Клайдом в одной из камер старого Дома смерти на неограниченное время и без надзирателя, только с охраной в коридоре.

И Клайд рассказал Мак-Миллану всю историю своих отношений с Робертой и Сондрой. О том, что было известно из судебных отчетов, он только упомянул, не касаясь, впрочем, аргументов защиты, истории с душевным переломом и прочего; затем более подробно остановился на роковом эпизоде в лодке. Он хотел бы узнать мнение преподобного Мак-Миллана: виновен ли он, раз у него был такой замысел и, следовательно, вначале было такое намерение? А тут еще его безумное увлечение Сондрой, все мечты о будущем, связанные с нею... значит, его действительно нужно считать убийцей? Он задает этот вопрос, потому что вот так на самом деле все и было — именно так, а не как выходило из показаний на суде. Это все неправда, будто у него в душе произошел перелом. Адвокаты придумали это для его защиты, потому что считали его невиновным и думали, что так легче всего будет добиться оправдания. Но это неправда. И насчет того, что́ он думал и чувствовал там, в лодке, перед тем как Роберта встала и шагнула к нему, и после,— тут он тоже сказал неправду, верней, не всю правду. Тот случайный удар, который он нанес... очень хотелось бы разобраться во всем, что связано с этим ударом, потому что это мешает его попыткам религиозного просветления, его желанию с чистой совестью предстать перед творцом. (Он не упомянул, что до сих пор это его мало беспокоило.) Но сам он еще не вполне разобрался во всем этом. Даже сейчас тут для него много сомнительного и непонятного. На суде он сказал, что не чувствовал к ней злобы, что у него в душе произошел перелом. Но никакого перелома не было. На самом деле за минуту перед тем как она встала, чтоб подойти к нему, им овладело какое-то странное, смутное состояние — что-то похожее на транс или столбняк, так ему теперь кажется,— а чем оно было вызвано, он и сам не знает. Тогда — нет, потом — он думал, что, может

быть, ему вдруг стало жаль Роберту или стыдно за свою жестокость. А с другой стороны, была и злоба, и даже ненависть, ибо она хотела заставить его сделать то, чего он не хотел. И третье — правда, в этом он не уверен (он столько думал об этом, а все-таки до сих пор не уверен) — был еще, может быть, и страх перед последствиями такого злодеяния, хотя сейчас ему кажется, будто в ту минуту он думал не о последствиях, а лишь о своей неспособности совершить задуманное и злился на себя за эту слабость.

Но когда он ударил ее,— нечаянно ударил в то мгновенье, как она встала с места и шагнула к нему,— может быть, тут бессознательно сказалась и злоба на нее, за то, что она хочет к нему подойти. И может быть — наверно он этого даже сейчас не знает,— но, может быть, именно потому удар получился такой сильный. Так, во всяком случае, он подумал потом. Но верно и то, что, вставая, он хотел ей помочь, несмотря на свою ненависть. В ту минуту он пожалел, что ударил ее. Однако, когда лодка перевернулась и они оба очутились в воде и она стала захлебываться, у него сразу мелькнула мысль: «Пусть». Потому что это был случай от нее избавиться. Да, у него была такая мысль. Но не надо забывать,— и это особенно подчеркивали мистер Белнеп и мистер Джефсон,— что все это время он был одержим страстью к мисс Х и что это была главная причина всего случившегося. Так вот, если принять во внимание все, как было, с начала до конца,— и то, что хоть он ударил Роберту и нечаянно, а все-таки со зла, так как был зол на нее за ее упрямство — да, был,— и то, что потом он не стал спасать ее (он сам сейчас честно старается это подчеркнуть),— думает ли преподобный Мак-Миллан, что он все-таки повинен в убийстве, что он совершил смертный грех, кровавое преступление, и по совести и по закону заслуживает казни? Да? Он хотел бы знать это ради собственного спокойствия, чтоб можно было хотя бы молиться.

Преподобный Мак-Миллан слушал все это, глубоко потрясенный,— еще никогда в жизни он не стоял перед необходимостью решать такую сложную и необычную задачу, а кроме того, доверие и уважение Клайда налагало на него огромную ответственность. Он сидел не шевелясь, погруженный в глубокое, печальное, почти болезненное раздумье: слишком серьезным и важным был ответ, которого от него ждали, ответ, в котором Клайд надеялся обрести земной и душевный покой. А преподобный Мак-Миллан был слишком ошеломлен, чтобы так быстро найти нужный ответ.

— Клайд, значит, до того как вы сели с нею в лодку, ваше настроение не изменилось,— я хочу сказать, ваше намерение ее... ее...

Лицо у преподобного Мак-Миллана осунулось и побледнело. Глаза смотрели печально. Он только что выслушал грустную и страшную повесть — нехорошую, жестокую повесть, полную мучительного самобичевания. Этот мальчик... значит, в самом деле... Страстная, беспокойная душа, которая взбунтовалась, потому что ей не хватало многого, чего никогда не жаждал преподобный Мак-Миллан. И, взбунтовавшись, впала в смертный грех и была осуждена погибнуть. Сердце преподобного Мак-Миллана сжималось от жалости, а в мыслях царило смятение.

— Нет, не изменилось,— ответил Клайд.

— И вы сердились на себя, говорите вы, за то, что не находили в себе сил свершить задуманное?

— Да, это тоже было. Но я и жалел Роберту, понимаете? А может быть, еще и боялся. Я сам сейчас точно не знаю. Может быть — да, а может быть, и нет.

Преподобный Мак-Миллан покачал головой. Так страшно все это! Так неопределенно! Так дурно! И все же...

— Но в то же время, если я вас верно понял, вы сердились и на нее за то, что она довела вас до такого положения?

— Да.

— Заставила вас разрешать столь мучительную задачу?

— Да.

Мак-Миллан огорченно поцокал языком.

— И тогда вам захотелось ее ударить?

— Да, захотелось.

— Но вы не смогли?

— Не смог.

— Да будет благословенна милость божия. Но в этом ударе, который вы ей нанесли,— нечаянно, как вы говорите,— сказалась все же ваша злоба против нее. И потому удар вышел такой... такой сильный. Вы не хотели, чтобы она к вам приближалась?

— Не хотел. По крайней мере, так мне теперь кажется. Я не могу сказать с уверенностью. Может быть, я был немножко не в себе. То есть... ну, очень взволнован... почти болен. Я... я...

Клайд сидел перед ним, в тюремной полосатой одежде, остриженный под машинку, и силился честно и беспристрастно

представить все, как оно было на самом деле, ужасаясь, что ему не удастся даже для самого себя точно установить, виновен он или не виновен. Да или нет?

И преподобный Мак-Миллан, сам крайне взволнованный, мог только пробормотать:

— «Широки врата и просторен путь, ведущий к погибели».— Потом прибавил: — Но вы встали, чтобы прийти ей на помощь?

— Да, потом я встал. Я хотел подхватить ее, когда увидел, что она падает. Оттого и опрокинулась лодка.

— Это верно, что вы хотели ее подхватить?

— Не знаю. В ту минуту, по-моему, хотел. Во всяком случае, я пожалел, что так вышло.

— Но можете ли вы сказать точно и определенно, как перед богом, что вы пожалели об этом и что в ту минуту вы хотели ее спасти?

— Знаете, все произошло так быстро,— начал Клайд нервно, почти с отчаянием в голосе,— я просто боюсь утверждать. Нет, я не уверен, что пожалел очень сильно. Нет. Честное слово, я теперь сам не знаю. Иногда мне кажется: да, пожалуй, а иногда я сомневаюсь. Но когда она исчезла под водой, а я выплыл на берег, тут я пожалел... немножко. Но была и радость — понимаете, ведь я почувствовал, что свободен... и страх тоже... Вы понимаете...

— Да, да, я понимаю. Вы думали об этой мисс Х. Но раньше, когда вы только увидели, что она тонет...

— Тогда — нет.

— Вам не хотелось спасти ее?

— Нет.

— Вам не было тяжело? Не было стыдно?

— Стыдно — да, пожалуй. Может быть, и тяжело тоже. Я понимал, что все это ужасно. Я это чувствовал. Но все-таки... понимаете...

— Да, да, конечно. Эта мисс Х. Вам хотелось вырваться.

— Да... но главное, я испугался, и мне не хотелось помогать ей.

— Понятно, понятно... Наверно, вы думали о том, что, если она утонет, вы сможете уйти к мисс Х. Об этом вы думали?

Губы преподобного Мак-Миллана плотно и скорбно сжались.

— Да.

— Сын мой! Сын мой! Значит, вы совершили убийство в сердце своем!

— Да, вы правы,— задумчиво сказал Клайд.— Я уже и сам пришел к мысли, что это было именно так.

Преподобный Мак-Миллан помедлил, потом, чтобы укрепить свой дух для непосильной задачи, стал молиться — безмолвно, про себя: «Отче наш, иже еси на небеси — да святится имя твое, да приидет царствие твое, да будет воля твоя — яко на небеси и на земли». Потом вышел из своей неподвижности.

— Послушайте меня, Клайд. Нет греха слишком большого для милосердия божьего. Я твердо знаю это. Он сына своего послал смертью искупить зло мира. Он простит и ваш грех, если только вы покаетесь. Но этот замысел! Этот ваш поступок! Многое вам надо замаливать, сын мой, очень многое! Ибо в глазах господа, боюсь я... да... Но все же... Я буду молиться о том, чтобы господь просветил меня и наставил. То, что вы рассказали мне, странно и страшно. На это можно смотреть по-разному. Может быть... но, впрочем, молитесь. Молитесь здесь, со мною, о ниспослании света очам нашим.

Он склонил голову и несколько минут сидел молча, и Клайд, тоже молча, в сомнении и нерешительности, сидел рядом с ним. Потом Мак-Миллан начал:

— О господи, не отрынь меня в ярости твоей и не покарай во гневе твоем. Помилуй меня, господи, ибо я слаб... Исцели меня в моем стыде и печали, ибо душа моя изранена и темна пред очами твоими. Изгони нечестие из сердца моего. Осени меня, господи, праведностью твоею. Изгони нечестие из сердца моего и забудь о нем.

Клайд сидел, опустив голову,— тихо, совсем тихо. Теперь и он был потрясен и полон скорби. Да, видно, он совершил большой грех. Большой, тяжкий грех! И все же... Но тут преподобный Мак-Миллан умолк и встал, и Клайд тоже поспешил встать.

— Мне пора,— сказал Мак-Миллан.— Я должен помолиться... подумать. Все, что вы рассказали, смутило и взволновало меня. Видит бог, это так. А вы — вы, сын мой, ступайте к себе и продолжайте молиться в одиночестве. Кайтесь. На коленях просите господа о прощении, и он услышит вас. Да, да. Услышит. А завтра — или как только я почувствую себя готовым — я опять приду. Но не отчаивайтесь. Молитесь и молитесь, ибо только в молитве и покаянии — спасение. Уповайте на могущество того, кто весь мир держит в десснце своей. Его могущество и милосердие сулят вам прощение и мир душе вашей. Истинно так.

Он постучал в решетку кольцом ключа, который держал

в руке, и надзиратель, шагавший по коридору, сейчас же подошел.

Преподобный Мак-Миллан проводил Клайда до его камеры и постоял, покуда его вновь запирали в эту тесную клетку; потом простился и вышел. Все, что он услышал сегодня, тяжелым камнем лежало у него на душе. А Клайд остался со своими размышлениями обо всем сказанном и о том, как это отразится на Мак-Миллане и на нем самом. Его новый друг был так подавлен. С каким ужасом и болью он выслушал все это! Неужели же он, Клайд, действительно и безоговорочно виновен? Действительно и безоговорочно заслуживает смерти за свою вину? Может ли быть, чтобы преподобный Мак-Миллан решил именно так? Несмотря на всю свою кротость и милосердие?

Прошла неделя,— за эту неделю преподобный Мак-Миллан, под впечатлением видимого раскаяния Клайда и всех осложняющих и смягчающих обстоятельств, на которые тот ему указывал, еще и еще раз тщательно продумал нравственную сторону дела,— и вот он вновь у двери его камеры. Но он пришел лишь для того, чтобы сказать, что, даже со всей снисходительностью рассматривая факты, как их наконец правдиво обрисовал Клайд, он не может снять с Клайда вину — непосредственную или косвенную. Он замышлял убить Роберту — не так ли? Он не пытался спасти ее, когда мог это сделать. Он желал ей смерти и не испытывал потом сожаления. В ударе, который опрокинул лодку, нашла выход его злоба. И даже к чувствам, помешавшим ему нанести этот удар сознательно, тоже примешивалась злоба. То, что он замыслил свое преступление, пленившись красотой и высоким положением мисс Х, и что Роберта, после их беззаконной связи, настаивала, чтобы он женился на ней,— не может служить ему оправданием; напротив, это лишь новые доказательства его греховности и преступности перед людьми. Грешен он во многом и перед господом. В ту страшную пору он, увы, являл собою лишь сочетание корысти, беззаконных желаний и блуда — всех тех пороков, которые бичевал апостол Павел. И так продолжалось без изменений до самого конца, пока его не арестовали. Он не раскаялся даже на Медвежьем озере, где у него было достаточно времени для размышлений. И кроме всего: разве не усугублял он свою вину, с начала и до конца, заведомой и злонамеренной ложью? Истинно так.

С другой стороны, без сомнения, послать его на электрический стул сейчас, когда он впервые, но так явно обнаружил

признаки раскаяния, когда он только-только начал понимать весь ужас содеянного, не значит ли это помножить преступление на преступление, причем преступником в данном случае явилось бы государство? Подобно начальнику тюрьмы и многим другим, Мак-Миллан был противником смертной казни, считая, что разумнее заставлять правонарушителя в той или иной форме служить государству. Но тем не менее он должен был признать, что Клайд — далеко не безвинно осужденный. Сколько он ни думал и как бы ни хотел найти оправдание в своей душе, но разве не был Клайд на самом деле виновен?

Напрасно Мак-Миллан указывал Клайду, что его пробудившееся нравственное и духовное самосознание делает его более совершенным, более пригодным для жизни и деятельности, чем прежде. Клайд чувствовал, что он одинок. Не было на свете человека, который бы в него верил. Никого. Ни единого человека, который в его бессвязных и противоречивых действиях перед катастрофой усмотрел бы что-либо, кроме тягчайшего преступления. И все же... все же (наперекор Сондре и преподобному Мак-Миллану и всему миру, включая Мейсона, присяжных в Бриджбурге и апелляционный суд в Олбани, если он оставит в силе решение бриджбургских присяжных) в глубине его души жило чувство, что он не так виноват, как всем им, по-видимому, кажется. В конце концов ведь их не мучили, как мучила его Роберта своим упорным стремлением выйти за него замуж и тем испортить ему жизнь. Их не жгла неистребимая страсть к Сондре, к воплощению сказочной мечты. Они не изведали всех мук и унижений его несчастного детства, им не приходилось петь и молиться на улице, сгорая со стыда, когда вся душа, все существо рвалось к иной, лучшей доле. Кто из всех этих людей, включая и его мать, смеет судить его, не зная, какие нравственные, телесные и душевные муки он успел пережить? Даже сейчас, мысленно переживая все это вновь, он так же остро чувствует боль этих страданий. Хотя факты все против него и хотя нет человека, который не считал бы его виновным, что-то в глубине его существа громко протестует против этого, так что даже сам он порой удивляется. Но ведь вот преподобный Мак-Миллан — такой справедливый, хороший и добросердечный человек. Конечно, он лучше, чем сам Клайд, способен видеть и оценить все происшедшее... Так, временами, твердое сознание своей невиновности сменялось в нем мучительными сомнениями.

Ах, эти противоречивые, запутанные, мучительные мысли!!

Неужели ему так и не удастся ясно — раз и навсегда — понять все это?

Так и не может Клайд найти истинное утешение в привязанности, дружбе и вере такой чистой и любящей души, как преподобный Мак-Миллан, или во всемогущем и всемилостивом боге, чьим посланцем он является. Что же все-таки делать? Где взять слова для молитвы, проникновенной, чистой, смиренной? И, следуя настояниям преподобного Данкена, увидевшего в исповеди Клайда доказательство полного его обращения к богу, он снова листает указанные ему страницы, читает и перечитывает уже хорошо знакомые псалмы, надеясь, что они вдохновят его на раскаяние — залог покоя и твердости духа, которых он так жаждет в эти долгие томительные часы. Но вдохновение не приходит.

Так миновало еще четыре месяца. А по истечении этого срока, в январе 19.. года апелляционный суд в составе Кинкэйда, Бриггса, Трумэна и Добшутера, рассмотрев дело (по докладу Дж. Фулхэма, резюмировавшего материалы Белнепа и Джефсона), признал Клайда виновным и постановил оставить в силе приговор суда присяжных округа Катараки и привести таковой в исполнение в один из дней недели, начинающейся двадцать третьего февраля, то есть через полтора месяца. В постановлении говорилось:

«Мы учитываем, что обвинение основывается исключительно на косвенных уликах, и единственный очевидец отрицает, что смерть явилась результатом преступления. Но представитель обвинения в соответствии с самыми строгими требованиями, предъявляемыми к этому виду обвинений, весьма тщательно и умело собрал огромный материал в виде косвенных улик и показаний и представил его суду на предмет правильного решения вопроса о виновности подсудимого.

Можно было бы считать, что некоторые факты, взятые в отдельности, являются спорными ввиду недостаточности или противоречивости улик и что некоторые обстоятельства допускают толкование в пользу подсудимого. Защита весьма талантливо пыталась отстаивать эту точку зрения.

Но, будучи рассмотрены в общей связи, факты представляют собой столь убедительное доказательство виновности, что мы не можем опровергнуть его никаким логическим рассуждением и вынуждены заявить, что приговор не только не находится в противоречии с данными следствия и суда и с теми выводами, которые надлежит из них сделать, но, напротив, пол-

ностью таковыми оправдывается. Решение низшей судебной инстанции единогласно подтверждается».

Мак-Миллан услышал об этом в Сиракузах и немедленно поспешил к Клайду, чтобы в час официального объявления результатов апелляции быть с ним и духовно поддержать его, ибо он был убежден, что лишь господь — постоянная и вездесущая опора наша в тяжелую минуту — может дать Клайду силы перенести этот удар. Но, к глубокому его облегчению, оказалось, что Клайд еще ни о чем не подозревает, так как в подобных случаях решение объявляли осужденным, только когда прибывало распоряжение о казни.

После сердечной и вдохновенной беседы, в которой Мак-Миллан приводил слова Матфея, Павла и Иоанна о бренности мира сего и об истинных радостях будущего, Клайд должен был выслушать от своего друга известие о том, что суд решил дело не в его пользу. Правда, Мак-Миллан тут же упомянул, что он и еще ряд лиц, на которых он рассчитывал повлиять, обратятся с прошением к губернатору штата, но это означало, что, если губернатор не захочет вмешаться, через полтора месяца Клайд умрет. Но наконец эти страшные слова были произнесены, и Мак-Миллан продолжал говорить о вере — прибежище, которое человек обретает в милосердии и мудрости божией,— а Клайд стоял перед ним, выпрямившись, и взгляд его был твердым и мужественным, как никогда за всю его короткую и бурную жизнь.

«Итак, они решили против меня. Значит, все-таки я войду в ту дверь, как многие другие. И для меня опустят занавеси перед камерами. И меня поведут в старый Дом смерти и потом по узкому коридору назад, и я, как другие, скажу что-нибудь на прощанье, перед тем как войти. А потом и меня не станет». Он словно перебирал в памяти все подробности процедуры — подробности, которые так хорошо были ему знакомы,— только сейчас он впервые переживал их, зная, что все это произойдет с ним самим. Сейчас, уже выслушав роковое известие во всей его грозной и словно гипнотизирующей силе, он не чувствовал себя подавленным и ослабевшим, как ожидал. Напротив, к своему удивлению, он сосредоточенно и внешне спокойно размышлял о том, как теперь поступать, что говорить.

Повторить молитву, которую прочитал преподобный Данкен Мак-Миллан. Да, конечно. Даже с радостью. Но все же...

В своем мгновенном оцепенении он не заметил, что преподобный Данкен шепчет:

— Только не думайте, что это уже конец. В январе при-

ступает к своим обязанностям новый губернатор. Говорят, это очень умный и добрый человек. У меня есть знакомые, которые хорошо знают его, и я рассчитываю отправиться к нему лично, заручившись письмами от людей, которые его знают и которые напишут на основании моих слов.

Но по глазам Клайда и по его ответу Мак-Миллан понял, что тот не слушал.

— Мать... Надо, чтобы кто-нибудь телеграфировал матери. Ей будет очень тяжело.— И потом: — Наверно, они не согласились, что было неправильно читать те письма полностью, да? А я надеялся, что согласятся.

Он думал о Николсоне.

— Не беспокойтесь, Клайд,— отвечал измученный, опечаленный Мак-Миллан; ему сейчас больше всего хотелось не говорить, а обнять Клайда, приласкать и утешить его.— Вашей матушке я уже телеграфировал. А что касается самого решения, я сейчас же повидаюсь с вашими адвокатами. И потом,— я уже сказал вам,— я сам поеду к губернатору. Он из новых людей, вот что важно.

И снова он повторил все то, чего Клайд в первый раз не услышал.

ГЛАВА XXXIV

Место действия — кабинет только что избранного губернатора штата Нью-Йорк, недели через три после того, как Мак-Миллан сообщил Клайду о решении апелляционного суда. После многих предварительных и безуспешных попыток Белнепа и Джефсона добиться замены смертной казни пожизненным заключением (обычная просьба о помиловании, затем ссылка на неправильное истолкование улик, на незаконность оглашения писем Роберты, что, однако, ни к чему не привело, так как губернатор Уотхэм, бывший окружной прокурор и судья из южной части штата, счел своим долгом ответить, что не видит поводов к вмешательству) перед губернатором Уотхэмом предстала миссис Грифитс в сопровождении преподобного Мак-Миллана. Губернатор согласился наконец принять ее, отчасти ввиду широкого общественного интереса к делу Клайда, а отчасти и потому, что, движимая своей несокрушимой любовью, мать, узнав о решении апелляционного суда, снова поспешила в Оберн и с тех пор настойчиво требовала в письмах и через печать, чтобы он заинтересовался смягчающими обстоятельствами, связанными с падением сына,

а потом стала добиваться личного свидания с ним, желая изложить собственную точку зрения на дело. Губернатор решил, что вреда от этого не будет. А матери, может быть, станет легче. Кроме того, изменчивое в своих настроениях общество,— какого бы мнения оно ни придерживалось в том или ином случае,— если верить газетам, склонно было считать Клайда виновным. Но миссис Грифитс, после долгих раздумий о Клайде и Роберте, обо всем, что вынес Клайд во время и после суда, и, наконец, о том, что, по словам преподобного Мак-Миллана, он полностью раскаялся в своем грехе и обратился к богу,— сейчас больше чем когда-либо была убеждена, что по законам человечности и даже справедливости ему должны хотя бы сохранить жизнь. И вот она стоит перед губернатором, высоким, сдержанным и несколько угрюмым человеком, который едва ли хоть раз в жизни ощущал на себе дыхание тех страстей, что палили Клайда, но, как примерный отец и муж, готов был понять переживания миссис Грифитс. Впрочем, сейчас он нервничал под бременем обязательств, которые налагало на него, с одной стороны, уже сложившееся представление об обстоятельствах дела, а с другой стороны — привычная и неискоренимая приверженность к закону и порядку. Он внимательно прочитал и все материалы, фигурировавшие в апелляционном суде, и последние документы, представленные Белнепом и Джефсоном. Но на каком основании он, Дэвид Уотхэм, не имея перед собой никаких новых данных,— только попытку иного истолкования уже рассмотренных улик,— рискнет заменить Клайду смертный приговор пожизненным заключением? Ведь уже два суда постановили, что он должен умереть!

И когда миссис Грифитс дрожащим голосом стала обстоятельно рассказывать всю историю жизни Клайда с самого начала,— какой он был хороший, никогда не совершал дурных или жестоких поступков вплоть до этого случая (а здесь и сама Роберта не без греха, не говоря уже о мисс Х),— губернатор только смотрел на нее с глубоким волнением. Как велика в ней сила материнской любви! Как она страдает сейчас, как твердо верит, что ее сын не повинен в злодеянии, в котором изобличают его факты, неопровержимые для него, Уотхэма, и для всякого другого.

— О дорогой господин губернатор, если вы отнимете жизнь у моего сына теперь, когда он омыл свою душу от прегрешений и готов посвятить себя служению господу,— разве вы этим возместите государству смерть той бедной девушки, чем бы она ни была вызвана? Неужели миллионы граждан штата Нью-

Йорк не способны быть милосердными? Неужели вы, их представитель, не можете явить на деле милосердие, которое, наверное, пробудилось в них?

Голос ее сорвался... она не могла продолжать. Она отвернулась и беззвучно зарыдала, а Уотхэм растерянно смотрел на нее, с трудом сдерживая охватившее его волнение. Бедная женщина! Такая искренняя и честная,— это сразу видно. Тогда, воспользовавшись минутой, заговорил преподобный Мак-Миллан. С Клайдом произошла большая перемена. Он не берется судить о его прошлой жизни, но со времени своего заключения — за последний год, во всяком случае,— этот юноша научился по-новому понимать жизнь, свой долг, свои обязанности перед богом и людьми. Если б только можно было заменить ему смертную казнь пожизненным заключением...

Губернатор, человек добросовестный и вдумчивый, самым внимательным образом слушал Мак-Миллана, который показался ему незаурядной личностью с высокими нравственными идеалами. Он ни на минуту не усомнился, что каждое слово этого человека правдиво — в том единственном понимании правды, которое было ему доступно.

— Но скажите, мистер Мак-Миллан,— сумел наконец выговорить губернатор,— вы лично, после вашего длительного общения с ним в тюрьме, смогли бы привести какой-нибудь конкретный факт, не упоминавшийся на суде, который мог бы изменить или опровергнуть значение тех или иных свидетельских показаний? Поймите, мы имеем дело с законом. Я не могу действовать, повинуясь только голосу чувства, в особенности после того, как два разных суда пришли к единогласному решению.

Он смотрел прямо в глаза Мак-Миллану, а Мак-Миллан смотрел ему в глаза, бледный и безмолвный, ибо теперь на его плечи легла вся тяжесть решения, от его слова зависело, признают ли Клайда виновным или нет. Но как он может? Разве он не решил уже после должного раздумья над выслушанной им исповедью, что Клайд виновен перед богом и людьми? Так смеет ли он сейчас, милосердия ради, изменить своему глубокому душевному убеждению, заставившему его осудить Клайда? Будет ли это правильно, истинно и бесспорно в глазах господа? И тотчас Мак-Миллан решил, что он, как духовный наставник Клайда, обязан полностью сохранить в его глазах свое духовное превосходство. «Вы соль земли; если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою?» И он ответил губернатору:

— В качестве духовного наставника я интересовался только его духовной жизнью, а не юридической ее стороной.

Но что-то в выражении его лица тут же подсказало Уотхэму, что Мак-Милан, как и все, убежден в виновности Клайда. И он наконец нашел в себе мужество сказать миссис Грифитс:

— Пока у меня нет совершенно конкретных и прежде неизвестных данных, которые ставили бы под сомнение законность двух предыдущих решений, я не вправе, миссис Грифитс, что-либо изменить в приговоре. Я глубоко скорблю об этом, скорблю от всего сердца. Но если мы хотим, чтобы люди уважали закон, мы не должны менять основанные на нем решения, не имея на то законных же оснований. Я был бы счастлив, если б мог ответить вам иначе. Поверьте, это не слова. Буду молиться за вас и за вашего сына.

Он нажал кнопку. Вошел секретарь. Было ясно, что прием окончен. Миссис Грифитс все еще не могла произнести ни слова, странная уклончивость Мак-Миллана в критическую минуту, когда губернатор прямо задал ему самый важный вопрос — вопрос о виновности Клайда, совершенно сразила ее. Что же теперь? Куда броситься? У кого искать помощи? У бога — и только у бога. Господь вознаградит ее и Клайда за горести, за телесную гибель в этом мире. Поглощенная такими мыслями, она продолжала тихо плакать; преподобный Мак-Миллан бережно взял ее под руку и повел из кабинета.

Когда она ушла, губернатор повернулся к секретарю:

— Никогда мне не приходилось исполнять более печальной обязанности. Это не изгладится из моей памяти до конца дней моих.

Он отвернулся и стал смотреть в окно, на снежный февральский пейзаж.

И после этого Клайду осталось жить всего две недели. Об этом последнем и окончательном решении сообщил ему тот же Мак-Миллан, но в присутствии его матери, по лицу которой Клайд все понял еще прежде, чем Мак-Миллан начал говорить, и она снова повторила ему, что он должен искать прибежища в боге, спасителе нашем. И вот он ходит взад и вперед по тесной камере, потому что покой и неподвижность для него теперь невыносимы. Сейчас, когда окончательно и бесповоротно решено, что он умрет через несколько дней, у него появилась потребность еще раз вспомнить всю свою неудачную жизнь. Юность. Канзас-Сити. Чикаго. Ликург. Роберта и Сондра. Как быстро проносилось перед его умственным взором все, что было связано с ними обеими. Немногие, короткие, яркие мгновения.

Его желание продлить их — властное желание, всецело захватившее его тогда в Ликурге, после встречи с Сондрой,— и потом это, *это!* А теперь и этому приходит конец — и этому тоже... Да ведь он еще почти и не жил: уже два года он томится в давящих стенах тюрьмы. Но и здесь ему осталось лишь четырнадцать, тринадцать, двенадцать, одиннадцать, десять, девять, восемь, зыбких лихорадочных дней. Они уходят... уходят... Но жизнь... жизнь... как же не будет жизни — красоты дней, солнца и дождя, работы, любви, энергии, желаний? Нет, нет, он не хочет умирать. Не хочет. Зачем все эти разговоры матери и Мак-Миллана о том, что нужно уповать на милосердие божие и думать только о боге, когда главное — это сегодня, сейчас?! А Мак-Миллан утверждает, что только во Христе и в загробной жизни истинный мир. Да, да... но все же, разве он не мог сказать губернатору... разве он не мог ему сказать, что Клайд не виновен, или не совсем виновен,— только в ту минуту так взглянуть на это,— и тогда... тогда... быть может, губернатор заменил бы ему казнь пожизненным заключением... быть может... Он спросил у матери (умолчав о своей исповеди), заступился ли преподобный Мак-Миллан за него перед губернатором — и она ответила, что он говорил об искреннем смирении Клайда перед господом, но не сказал, что он не виновен. И Клайд думал: как странно, что Мак-Миллан не сумел заставить себя сделать для него больше! Как грустно! Как ужасно! И неужели никто никогда не поймет, не оценит его человеческих страстей — пусть дурных, пусть слишком человеческих, но ведь и многих других они терзают так же, как и его.

Но вот что хуже всего: миссис Грифитс знала, что́ преподобный Мак-Миллан сказал (вернее — чего он не сумел сказать) в ответ на последний вопрос губернатора Уотхэма,— то же он повторил позднее и ей в ответ на такой же вопрос, и ее потрясла мысль, что, быть может, в конце концов, Клайд действительно виновен, как она вначале опасалась. И потому она как-то сказала:

— Клайд, если есть что-нибудь такое, в чем ты не признался, ты должен признаться прежде, чем наступит конец.

— Я признался богу и мистеру Мак-Миллану, мама. Разве этого не довольно?

— Нет, Клайд. Ты сказал всему миру, что не виновен. Если это не так, ты должен сказать правду.

— Но если совесть моя говорит мне, что я прав, разве этого не довольно?

— Нет, Клайд, если господь говорит иначе,— взволно-

ванно ответила миссис Грифитс, испытывая жестокие душевные муки.

Но он на этот раз предпочел прекратить разговор. Как мог он обсуждать с матерью или со всем миром странные, смутные оттенки чувств и событий, которые остались для него неясными даже после исповеди и дальнейших бесед с Мак-Милланом? Об этом нечего было и думать.

Сын отказался ей довериться! Миссис Грифитс и как служительница религии, и как мать жестоко страдала от этого удара. Родной сын на пороге смерти не пожелал сказать ей то, что он, видимо, уже сказал Мак-Миллану. Неужели господь вечно будет испытывать ее? И все же Мак-Миллан сказал, что, по его мнению, каковы бы ни были прегрешения Клайда в прошлом, ныне он покаялся и стал чист перед всевышним, и поистине этого юноша готов предстать пред лицо создателя; помня эти слова Мак-Миллана, она готова была несколько успокоиться. Господь велик и милостив. В лоне его обретешь мир. Что значит смерть и что значит жизнь для того, чье сердце и дух пребывают в мире с господом? Ничто! Еще немного лет (очень немного!) — и она и Эйса, а затем и брат и сестры Клайда соединятся с ним, и все его земные невзгоды будут забыты. Но если нет примирения с господом, нет полного и прекрасного сознания его близости, любви, заботы и милосердия... Минутами она трепетала в религиозном экстазе, уже не вполне нормальном, как видел и чувствовал Клайд. И в то же время по ее молитвам и тревоге о его душевном благополучии он видел, как мало, в сущности, она всегда понимала его подлинные мысли и стремления. Тогда, в Канзас-Сити, он мечтал о многом, а было у него так мало. Вещи — просто вещи — так много значили для него, ему было так горько, что его водят по улицам, выставляя напоказ перед другими детьми,— и у многих из них есть все те вещи, которых он так жаждал... и тогда он был бы счастлив оказаться где угодно, лишь бы не быть там, на улице! Ох, эта жизнь миссионеров, которая казалась матери чудесной, а ему такой тоскливой! Но, может быть, нехорошо, что он так думал? Возможно ли? Пожалуй, бог теперь разгневается на него за это? Быть может, мать была права в своих мыслях о нем. Бесспорно, он больше преуспел бы, если бы следовал ее советам. Но как странно: мать полна любви и жалости к нему, она стремится помочь ему со всей силой своего сурового самопожертвования — и, однако, даже теперь, в свои последние часы, когда он больше всего на свете жаждет сочувствия и более чем сочувствия — подлинного и глубокого понимания,—

даже теперь он не может ей довериться и сказать ей, родной матери, как все это случилось. Их словно разделяет глухая стена, неодолимая преграда взаимного непонимания,— в этом все дело. Никогда ей не понять, как он жаждал комфорта и роскоши, красоты, любви — той любви, что неотделима от пышности, удовольствий, богатства, видного положения в обществе,— не понять его страстных, неодолимых желаний и стремлений. Она не может этого понять. Она сочла бы все это очень дурным — грехом, себялюбием. А в его роковых поступках в отношении Роберты и Сондры увидела бы разврат, прелюбодеяние, даже убийство. И она упорно ждет от него проявлений глубокого и полного раскаяния, тогда как даже теперь, несмотря на все, что он говорил преподобному Мак-Миллану и ей, его чувства не такие... не совсем такие, как ни горячо он желает найти прибежище в боге, а еще лучше, если бы это было возможно, в любящем и всепонимающем сердце матери. Если бы это было возможно...

Господи, как все это ужасно! Он так одинок, даже в эти последние немногие, неуловимо проносящиеся дни и часы (они проходят так быстро...),— одинок, ибо хотя мать и преподобный Мак-Миллан с ним, но ни та, ни другой его не понимают.

Но главное (и это хуже всего), он заперт здесь, и его не выпустят. Он давно уже понял, что это система — страшная, раз навсегда установленная. Железная. Она действует автоматически, как машина, без помощи людей или человеческих сердец. Эти тюремщики! Они тоже железные — со всей своей верностью букве закона, со своими расспросами, неискренними любезностями, готовностью оказать мелкую услугу, вывести арестованных на прогулку или отвести их в баню... это — только машины, автоматы, они толкают тебя куда-то... держат в этих стенах... они одинаково готовы и услужить и убить в случае сопротивления... но главное — они толкают, толкают, непрестанно толкают — туда, к той маленькой двери... туда, откуда нет спасения... нет спасения... вперед и вперед... пока, наконец, не втолкнут в ту дверь... и не будет возврата! Не будет возврата!

Каждый раз, подумав об этом, он вставал и начинал ходить по камере. Потом обычно возвращался все к той же головоломной задаче: к своей вине. Он пытался думать о Роберте и о зле, которое причинил ей, читал Библию и даже, лежа ничком на железной койке, снова и снова твердил: «Боже, дай мир моей душе! Боже, просвети меня! Боже, дай мне силы противиться всем дурным мыслям, которых я не должен был бы допускать! Я знаю, совесть моя не вполне чиста. О нет! Я знаю, я замыш-

лял зло. Да, да, я знаю это. Я признаю. Но неужели я в самом деле должен умереть? Неужели неоткуда ждать помощи? Неужели ты не поможешь мне, господи? Неужели не явишь свое могущество, как говорит об этом мать? Не повелишь губернатору в последнюю минуту заменить смертную казнь пожизненным заключением? Не повелишь преподобному Мак-Миллану переменить свое мнение и пойти к губернатору? И моя мать могла бы пойти... Я отгоню все грешные мысли. Я стану другим. Да, да, я стану совсем другим, если только ты спасешь меня. Не дай мне умереть так рано. Не дай умереть теперь. Я буду молиться, буду. Дай мне силы понимать и верить... и молиться. Дай, господи!»

Так думал и молился Клайд в эти короткие, страшные дни — с тех пор, как мать и преподобный Мак-Миллан вернулись после решающего разговора с губернатором, и до своего последнего часа... Душа его была полна ужаса перед близкой и верной смертью и неведомой загробной жизнью, и этот ужас, вместе с верой и волнением матери и преподобного Мак-Миллана (он навещал Клайда каждый день, говорил ему о милосердии божьем и убеждал в необходимости всецело уповать на господа), заставили Клайда наконец решить, что он не только должен обрести веру, но уже обрел ее, и с нею полный и нерушимый душевный мир. В таком состоянии, по просьбе матери и преподобного Мак-Миллана, который непосредственно помогал ему, давал указания и тут же, при нем и с его согласия, изменил некоторые его выражения, Клайд составил следующее письмо, обращенное ко всему миру и в особенности к молодым людям его возраста:

«Вступая в тень Долины Смерти, я хочу сделать все возможное, чтобы устранить всякое сомнение в том, что я обрел Иисуса Христа, спасителя моего и неизменного друга. Ныне я сожалею лишь о том, что, имея возможность трудиться во имя его, не отдал свою жизнь на служение ему.

Если бы только я мог силою слов своих обратить к нему молодых людей, я счел бы это величайшим из благ, мне дарованных. Но теперь я могу сказать только одно: «Я знаю, в кого уверовал, и верую, что в его власти сохранить залог мой на оный день» (цитата, хорошо ему известная благодаря Мак-Миллану).

Если бы молодые люди нашей страны могли постичь сладость и отраду жизни во Христе, я знаю, они сделали бы все, что только в их силах, чтобы стать истинными, деятельными христианами, и старались бы жить, как повелел Христос.

Я не оставил ни единой преграды, которая помешала бы мне предстать перед господом. Знаю, что грехи мои отпущены, ибо я был честен и откровенен с моим духовным наставником, и господу ведома вся правда обо мне.

Задача моя выполнена, победа одержана.

Клайд Грифитс».

Написав это письмо и вручая его Мак-Миллану, Клайд и сам удивился: так мало походили эти его утверждения на мятежное настроение, которое владело им еще совсем недавно. А Мак-Миллан, обрадованный и торжествующий, воскликнул:

— Да, Клайд, поистине победа одержана! «В оный день будешь со мною в раю». Он обещал вам это. Душою и телом вы принадлежите ему. Да будет вовеки благословенно имя его!

Он был так возбужден своим торжеством, что взял руки Клайда в свои, поцеловал их и затем заключил Клайда в объятия.

— Сын мой, сын мой, в тебе моя отрада. Истинно, в тебе господь явил правду свою и спасительную силу свою. Я это вижу. Я это чувствую. В твоем обращении к миру поистине прозвучит голос самого господа!

И он спрятал письмо; порешили, что оно будет опубликовано после смерти Клайда, не раньше. Но, даже написав такое письмо, Клайд все же минутами сомневался. Верно ли, что он спасен? За такой короткий срок? Может ли он столь твердо и безоговорочно уповать на бога, как он заявил в своем письме? Верно ли это? Жизнь — такая странная. Будущее так темно. Правда ли, что есть жизнь за гробом, что есть бог, который встретит его с любовью, как уверяют мать и преподобный Мак-Миллан? Правда ли это?

А тем временем за два дня до его смерти миссис Грифитс в порыве безмерного ужаса и отчаяния телеграфировала достопочтенному Дэвиду Уотхэму:

«Можете ли вы сказать перед богом, что у вас нет сомнений в виновности Клайда? Прошу, телеграфируйте. Иначе кровь его падет на вашу голову. Его мать».

И секретарь губернатора Роберт Феслер ответил телеграммой:

«Губернатор Уотхэм не считает для себя возможным отменить решение апелляционного суда».

И, наконец, последний день... последний час... Клайда переводят в камеру старого Дома смерти и после бритья и ванны выдают ему черные брюки, белую рубашку без воротничка (по-

том ее должны были открыть на шее), новые войлочные туфли и серые носки. В этом наряде ему разрешено еще раз увидеться с матерью и Мак-Милланом,— с шести часов вечера накануне казни и до четырех часов последнего утра им позволено оставаться подле Клайда, беседуя с ним о господней любви и милосердии. А в четыре часа появился начальник тюрьмы и сказал, что миссис Грифитс пора удалиться, оставив Клайда на попечение Мак-Миллана. (Печальная необходимость, требуемая законом, сказал он.) И затем — последнее прощанье Клайда с матерью; в эти минуты, то и дело замолкая, чувствуя, как больно сжимается сердце, он все же с усилием выговорил:

— Мама, ты должна верить, что я умираю покорно и спокойно. Смерть мне не страшна. Бог услышал мои молитвы. Он даровал силы и мир моей душе.

Но про себя он прибавил: «Так ли?»

И миссис Грифитс воскликнула:

— Сын мой! Сын мой! Я знаю, знаю, я верю в это! Я знаю, что искупитель мой жив и не оставит тебя. Пусть мы умираем, но будем жить вечно! — Она стояла, подняв глаза к небу, пронзенная страданием. И вдруг обернулась, схватила Клайда в объятия и долго и крепко прижимала его к груди, шепча: — Сынок... мальчик мой...

Голос ее оборвался, она задыхалась... казалось, вся ее сила перешла к нему, и наконец она почувствовала, что должна оставить его, чтобы не упасть... Пошатнувшись, она быстро обернулась к начальнику тюрьмы, который ждал, чтобы отвести ее к оберпским друзьям Мак-Миллана.

И потом, в темноте этого зимнего утра,— последние минуты: пришли тюремщики, сделали надрез на правой штанине, чтобы можно было приложить к ноге металлическую пластинку, потом пошли задергивать занавеси перед камерами.

— Кажется, пора. Смелее, сын мой! — это сказал, увидев приближающихся надзирателей, преподобный Мак-Миллан; вместе с ним теперь при Клайде находился и преподобный Гилфорд.

И вот Клайд поднялся с койки, на которой он сидел рядом с Мак-Милланом, слушая чтение 14-й, 15-й и 16-й глав Евангелия от Иоанна: «Да не смущается сердце ваше. Веруйте в бога, и в меня веруйте. И потом — последний путь; преподобный Мак-Миллан по правую руку, преподобный Гилфорд по левую, а надзиратели — впереди и позади Клайда. Но взамен обычных молитв преподобный Мак-Миллан провозгласил:

— Смиритесь под всемогущей десницей господа, дабы он

мог вас вознести, когда настанет час. Возложите на него все заботы свои, ибо он печется о вас. Да будет мир в душе вашей. Мудры и праведны пути того, кто через Иисуса Христа, сына своего, после кратких страданий наших призвал нас к вечной славе своей. «Аз есмь путь, и истина, и жизнь. Лишь через меня придете к отцу небесному».

Но когда Клайд, направляясь к двери, за которой ждал его электрический стул, пересекал коридор Дома смерти, послышались голоса:

— Прощай, Клайд!

И у Клайда хватило земных мыслей и сил, чтобы отозваться:

— Прощайте все!

Но голос его прозвучал так странно и слабо, так издалека, что Клайду и самому показалось, будто это крикнул не он, а кто-то другой, идущий рядом с ним. И ноги его, казалось, переступали как-то автоматически. И он слышал знакомое шарканье мягких туфель, пока его вели все дальше и дальше к *той* двери. Вот она перед ним... вот она распахнулась. И вот наконец электрический стул, который он так часто видел во сне... которого так боялся... к которому его теперь заставляют идти. Его толкают к этому стулу... на него... вперед... вперед... через эту дверь, которая распахивается, чтобы впустить его, и так быстро захлопывается... а за нею остается вся земная жизнь, какую он успел изведать.

Четверть часа спустя преподобный Мак-Миллан с совершенно серым, измученным лицом, несколько нетвердой походкой человека, разбитого нравственно и физически, вышел из холодных дверей тюрьмы. А как немощен, как жалок и пасмурно-сер был этот зимний день... совсем как он сам... Мертв! Всего лишь несколько минут назад Клайд так напряженно и все же доверчиво шел с ним рядом, а теперь он мертв. Закон! Вот такие тюрьмы. Сильные и злые люди уже глумятся там, где Клайд молился. А эта исповедь? Верно ли он решил, ведомый мудростью господа, насколько господь приобщил его к своей мудрости? Верно ли? *Глаза Клайда!* Преподобный Мак-Миллан и сам едва не упал без чувств подле Клайда, когда тому надели на голову шлем... и дан был ток... он весь дрожал, его тошнило... кое-как, с чьей-то помощью он выбрался из этой комнаты — он, на кого так надеялся Клайд. А он просил бога даровать ему силы, просил...

Он побрел по безмолвной улице, но ему пришлось остановиться, прислонясь к дереву, безлистному в эту зимнюю пору, такому голому и унылому... Глаза Клайда! Его взгляд в ту минуту, когда он бессильно опустился на этот страшный стул... тревожный взгляд, с мольбой и изумлением, как подумалось Мак-Миллану, устремленный на него и на всех, кто был вокруг.

Правильно ли он поступил? Было ли решение, принятое им в разговоре с губернатором Уотхэмом, действительно здравым, справедливым и милосердным? Не следовало ли тогда ответить губернатору, что, может быть... может быть... Клайд был игрушкой тех, других влияний?.. Неужели душе его больше не знать покоя?

«Я знаю, искупитель мой жив и сохранит его на оный день».

И еще долгие часы Мак-Миллан бродил по городу, прежде чем собрался с силами пойти к матери Клайда. А она в доме преподобного Фрэнсиса Голта и его супруги — деятелей Армии спасения в Оберне — с половины пятого утра на коленях молилась о душе своего сына; мысленно она все еще пыталась узреть его обретшим покой в объятиях создателя.

«Я знаю, в кого уверовала»,— молилась она.

ВОСПОМИНАНИЕ

Летний вечер, сумерки.

И торговый центр Сан-Франциско — высокие здания, высокие серые стены в вечерней мгле.

И на широкой улице к югу от Маркет-стрит, теперь почти затихшей после шумного дня,— группа в пять человек: мужчина лет шестидесяти, коротенький, толстый, но с застывшим лицом и поблекшими, тусклыми глазами мертвеца — весьма невзрачная и усталая личность; густая грива седых волос выбивается из-под старой круглой фетровой шляпы; на ремне, перекинутом через плечо, небольшой органчик, какими обычно пользуются уличные проповедники и певцы. С ним женщина, всего лет на пять моложе, повыше, не такая полная, но крепко сбитая, с белыми как снег волосами, вся в черном с головы до пят — черное платье, шляпа, башмаки. Ее широкое лицо выразительнее, чем лицо мужа, но глубоко изборождено следами невзгод и страданий. Рядом, держа в руках Библию и несколько книжечек псалмов, идет мальчик лет семи-восьми, не больше, бойкий, глазастый, не слишком хорошо одетый, но живой и гра-

циозный; как видно, он очень привязан к пожилой женщине и старается держаться поближе к ней. Вслед за ними, но чуть поодаль, идут увядшая и неинтересная женщина лет двадцати семи и другая — пятидесяти, очень похожие друг на друга — очевидно, мать и дочь.

Было жарко, но в воздухе чувствовалась приятная истома тихоокеанского лета. Дойдя до угла Маркет-стрит, большой и оживленной улицы, по которой сновало в противоположных направлениях множество автомобилей и трамваев, они задержались, ожидая знака полисмена на перекрестке.

— Стань поближе ко мне, Рассел,— сказала старшая женщина.— Дай-ка руку.

— Мне кажется, движение здесь возрастает с каждым днем,— тихо и без выражения произнес ее муж.

Дребезжали трамвайные звонки, фыркали и гудели автомобили. Но маленькая группа казалась равнодушной ко всему и только старалась поскорее перейти улицу.

— Уличные проповедники,— заметил, проходя мимо, банковский клерк своей приятельнице-кассирше.

— Да, я встречаю их здесь чуть не каждую среду.

— Ну, по-моему, совсем не дело таскать такого малыша по улицам. Он слишком мал для этого, правда, Элла?

— По-моему, тоже. Не хотела бы я, чтобы мой братишка занимался такими вещами. Что это за жизнь для ребенка? — поддержала Элла.

Перейдя улицу и дойдя до следующего перекрестка, маленькая группа остановилась и осмотрелась, словно достигнув своей цели; мужчина поставил органчик на землю, открыл его и поднял небольшой пюпитр. Тем временем его жена взяла из рук внука Библию и книжечки псалмов, передала Библию и одну из книжечек мужу, другую поставила на пюпитр, еще одну оставила себе и дала по книжечке всем остальным. Муж огляделся рассеянно, но все же с напускной уверенностью и провозгласил:

— Сегодня мы начнем с двести семьдесят шестого псалма: «Сколь крепка твердыня». Мисс Шуф, прошу вас.

И младшая из женщин, очень худая, иссохшая, угловатая и некрасивая,— судьба ничем не одарила ее,— уселась на желтом складном стуле и, пробежав пальцами по клавишам и перелистав ноты, заиграла названный псалом; все запели.

Тем временем расходившиеся по домам люди разных профессий и положений, заметив маленькую группу, так удобно расположившуюся близ главной улицы города, нерешительно

замедляли шаг и искоса оглядывали ее или приостанавливались, чтобы узнать, что происходит. И пока те пели, безличная и безучастная уличная толпа с недоумением глазела на эту невзрачную горсточку чудаков, возвысивших свой голос против всеобщего скептицизма и равнодушия. Этот седой, жалкий и никчемный старик в поношенном мешковатом синем костюме, эта сильная, но грубоватая и усталая женщина с совершенно белыми волосами, этот свежий, чистый, неиспорченный и наивный мальчуган... он-то здесь зачем? И еще эта бесцветная и тощая старая дева и ее мать, такая же тощая, с растерянным взглядом... Из всей этой группы в одной только седовласой женщине прохожие могли почувствовать силу и решительность, которые, как бы ни были они слепы и ложно направлены, способствуют если не успеху в жизни, то самосохранению. В ней, больше чем в ком-либо из остальных, видна была убежденность, хотя и невежественная, но все же вызывающая уважение. Она стояла с книгой псалмов в опущенной руке, устремив взгляд в пространство,— и многие из тех, кто замешкался здесь, глядя на нее, говорили себе, каждый на свой лад: «Да, вот кто, при всех своих недостатках, наверно, стремится делать только то, во что верит». Упрямая, непреклонная вера в мудрость и милосердие той высшей, могущественной и бдительной силы, которую она прославляла, запечатлелась в каждой черте ее лица, в каждом движении.

Когда псалом был пропет, жена прочитала длинную молитву; потом муж произнес проповедь, а остальные засвидетельствовали все, что было содеяно господом для каждого из них. И затем, когда книжки были собраны, а орган закрыт и муж перекинул его на ремне через плечо, они пустились в обратный путь.

— Прекрасный вечер. Кажется, публика была несколько внимательнее, чем обычно,— заговорил муж.

— О да,— подхватила женщина, игравшая на органе.— По меньшей мере одиннадцать человек взяли брошюрки. И один старый джентльмен спросил меня, где помещается миссия и когда у нас бывает служба.

— Хвала господу! — заключил старик.

И вот наконец сама миссия — «Звезда упования. Миссия диссидентов. Молитвенные собрания по средам и субботам от 8 до 10 часов вечера; по воскресеньям в 11, 3 и 8 часов. Двери открыты для всех». Под этой надписью на каждом окне другая: «Бог есть любовь»,— а еще ниже помельче: «Сколько времени ты не писал своей матери?»

— Дай монетку, бабушка! Я сбегаю на угол за мороженым! — попросил мальчик.

— Хорошо, Рассел. Только сейчас же возвращайся, слышишь?

— Ну конечно, бабушка! Не беспокойся!

Он схватил десятицентовую монетку, которую бабушка извлекла из глубочайшего кармана юбки, и бегом пустился к мороженщику.

Ее дорогой мальчик. Свет и радость ее на склоне лет. Она должна быть добра к нему, снисходительна, не слишком строга, как, может быть, она была к... С нежностью и чуть рассеянно смотрела она вслед убегавшему мальчику. «Ради него».

И вся маленькая группа, кроме Рассела, вошла в невзрачную желтую дверь и скрылась.

ПРИМЕЧАНИЯ

«АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ»

Над романом «Американская трагедия» («An American Tragedy») Драйзер начал работать в 1920 году и закончил его в 1925 году. Первоначальный текст книги, насчитывавший около миллиона слов, был сокращен в процессе редактирования до трехсот восьмидесяти пяти тысяч слов. Рукопись перепечатывала Элен Драйзер, которая тогда не состояла в официальном браке с Драйзером и носила фамилию первого мужа Ричардсон. В редактировании и сокращении рукописи принимали участие Салли Кьюселл, перепечатывавшая текст, давняя знакомая Драйзера Луиза Кемпбелл и издательские редакторы Томас Смит и Мэньюэл Комрофф. В декабре 1925 года «Американская трагедия» была выпущена в свет издательством «Бони и Ливрайт».

На русском языке «Американская трагедия» впервые появилась с некоторыми сокращениями в переводе З. Вершининой в 1928 году в качестве восьмого тома Собрания сочинений Теодора Драйзера, выходившего в издательстве «Земля и фабрика». Этот перевод переиздавался в 1933 году Государственным издательством художественной литературы. То же издательство выпустило в 1936 году «Американскую трагедию» в переводе Д. Горфинкеля и Л. Домгера.

В 1948 году Гослитиздат выпустил «Американскую трагедию» полностью в переводе З. Вершининой и Н. Галь. Этот перевод, который выдержал затем свыше десяти изданий в различных городах нашей страны, воспроизводится и настоящим изданием.

Стр. 104. *Армия спасения* — религиозно-филантропическая организация, основанная в 1865 году в Лондоне священником Уильямом Бутом.

Стр. 448. *Четвертое июля* — праздник в честь объявления независимости Соединенных Штатов (1776).

Стр. 583. *...совета присяжных...* — Совет присяжных решает вопрос

о предании обвиняемого суду, после чего дело передается обыкновенному суду присяжных и назначается судебное разбирательство.

Стр. 660. *...деревенского Приама...*— Приам, по греческим мифам,— последний царь Трои, глубокий старец. В древности имя это стало нарицательным для обозначения человека, много испытавшего.

Стр. 677. *Эвонский бард.*— Так называют Шекспира, родившегося в Стратфорде-на-Эвоне.

Стр. 725. *...мстительной Немезиды...*— Немезида — в греческой и римской мифологии богиня возмездия.

Я. Засурский

СОДЕРЖАНИЕ

Я. Засурский. «Американская трагедия» Теодора Драйзера 5

АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Перевод З. Вершининой и Н. Галь

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 21

ЧАСТЬ ВТОРАЯ 427

Примечания *Я. Засурского* 837

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СЕРИЯ ТРЕТЬЯ
Том 150

Теодор Драйзер

АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

*

Редактор Е. Осенева
Оформление «Библиотеки»
Д. Бисти
Портрет
А. Яр-Кравченко
Художественный редактор
Л. Калитовская
Технический редактор
Л. Заселяева
Корректор Д. Эткина

*

Сдано в набор 2/XI 1968 г. Подписано к печати 29/IV 1969 г. Бумага типографская № 1. 60 × 84¹/₁₆. 52,5 печ. л. = 48,98 усл. печ. л. 51,1 уч.-изд. л. + 1 вкл. + + 4 пакидки = 51,64 л. Тираж 300 000 (1— 150 000) экз. Заказ № 1921. Цена 2 р. 06 к.
Издательство «Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

*

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий»
Москва, Краснопролетарская, 16